ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

XIV–XV вв.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

—

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ:

академик **Б. Д. Греков** *(председатель),*

доктор исторических наук **А. Л. Сидоров** *(зам. председателя),*

Академики:

Н. М. Дружинин, А. М. Панкратова,

члены-корреспонденты АН СССР:

М. В. Нечкина, Б. А. Рыбаков, С. Д. Сказкин,

доктора исторических наук:

М. П. Ким, А. А. Новосельский, П. Н. Третьяков,
Л. В. Черепнин,

кандидат исторических наук

Л. М. Иванов

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1953

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА
IX–XV в.в.
В ДВУХ ЧАСТЯХ
II

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

академика **Б. Д. Грекова** *(ответственный редактор),*

доктора исторических наук **Л. В. Черепнина**,

кандидата исторических наук **В. Т. Пашуто**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1953

(XIV–XV вв.)

ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ВОКРУГ МОСКВЫ И ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ. ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ВОКРУГ МОСКВЫ КАК ОСНОВЫ И ИНИЦИАТОРА ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

1

ИСТОРИОГРАФИЯ

Период XIV – XV вв.—это время объединения земель северо-восточной Руси вокруг Москвы как политического и культурного центра, время образования русской (великорусской) народности и постепенного складывания Русского централизованного государства.

Попытки дворянско-буржуазных историков решить вопрос о причинах и значении образования централизованного государства оказались несостоятельными потому, что они не раскрывали объективных закономерностей исторического развития, игнорировали русский народ как действующую силу исторического процесса; отрывали историю политическую от социально-экономической, затушевывали основную классовую задачу государства — держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства, выдвигая в качестве основной неглавную государственную функцию — защиты территории от внешних врагов. Отрешаясь от изучения истории развития производительных сил и производственных отношений, дворянско-буржуазные историки рассматривали объединение русских земель и централизацию государственного аппарата только как следствие деятельности князей или как результат благоприятных географических условий, в которых совершалось развитие Москвы — центра будущего Русского государства, а потому не могли показать глубоко прогрессивного характера образования централи-

зованного государства. Наконец, дворянско-буржуазные историки, говоря о русском государстве, не желали считаться с историей нерусских народов, роль объединителя которых взяли на себя великороссы.

Передовой дворянский историк XVIII в. В. Н. Татищев, идеолог самодержавия, рассматривал образование централизованного государства в конце XV в. как восстановление древнерусской монархии (Иван III «прежде падшую монархию восстановил»)[1].

Н. М. Карамзин, монархист и крепостник по своей идеологии, намечая периодизацию истории России, исходил из того положения, что «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием»[2]. Первый период в его схеме, как указывалось[3],— это время «от Рюрика» до Ивана III, причем в пределах этого периода Карамзин выделяет несколько моментов. Сначала Россия, «рожденная, возвеличенная единовластием, не уступала в силе и в гражданском образовании первейшим европейским державам». Затем наступил «удельный период», время «разделения нашего отечества и междоусобные войны», причем на некоторое время нашествие Батыя «ниспровергло Россию».

На долю Ивана III падает заслуга восстановления «единовластия». Начиная с его княжения «история наша, — по словам Карамзина, — приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической». В этой идеалистической схеме, отражающей классовые позиции консервативного крепостнического дворянства, ведущая роль в историческом процессе отводится государственным деятелям из числа князей, а народ рассматривается как пассивная сила: «народ еще коснеет в невежестве. , но правительство уже действует по законам ума просвещенного»[4].

Буржуазная русская историография, оставаясь на идеалистических позициях, рассматривая государство как надклассовую силу, в своем понимании политического объединения страны и создания Русского централизованного государства стала обращать большее внимание на географические условия развития Москвы как государствен-

---

[1] *В. Н. Татищев.* История российская. М., 1769, кн. 1, ч. 2, стр. 541.

[2] *Н. М. Карамзин.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914, стр. 10.

[3] См. ч. I, гл. 1, § 1 настоящего издания.

[4] *Н. М. Карамзин.* История Государства Российского, кн. 2, СПб , 1842, т. V, стб. 213—215; т. VI, стб. 6.

ного центра, в частности на условия, определявшие ее торговое значение, а также на факты внешней политики и военной истории. Такой подход к изучению истории явился, конечно, прогрессом по сравнению со взглядами, которых придерживались представители дворянской историографии. Однако, как указано, буржуазные авторы, подобно дворянским историкам, исходили в своей трактовке периода феодальной раздробленности и времени ее преодоления из идеалистических предпосылок. Два тесно связанных между собой вопроса об общих причинах ликвидации феодальной раздробленности и политического объединения страны и о причинах возвышения Москвы как столицы Русского государства сводились лишь к одному вопросу — о роли Москвы как политического центра. Реакция на дворянскую историографию, выдвигавшую на первый план значение деятельности отдельных представителей княжеской власти, выразилась в почти полном отрицании роли московских князей некоторыми буржуазными авторами.

Н. В. Станкевич в статье «О причинах постепенного возвышения Москвы» указал на четыре фактора, которые способствовали ее выдвижению и усилению. Прежде всего он отметил географические условия, именно центральное положение Москвы среди северо-восточных земель, создававшее в Московском княжестве сравнительную безопасность от татар и вызывавшее приток сюда населения. Во-вторых, Москва, по мнению Станкевича, могла обогащаться за счет собираемой ее князьями татарской дани. На третье место Станкевич ставил роль митрополитов, местопребыванием которых была Москва, и на четвертое — политику московских князей. Правильно отметив ряд условий, способствовавших росту Москвы, Станкевич изучал эти условия в отрыве от общего вопроса о причинах образования Русского централизованного государства. Работа Станкевича в известной мере определила концепции последующих буржуазных авторов[1].

С. М. Соловьев, который с идеалистических позиций пытался понять закономерность исторического процесса, в своей периодизации русской истории исходил из представления о борьбе двух «начал»: старого «родового» и нового государственного. К XV в., говорил Соловьев, «родовые княжеские отношения должны уступить место единовластию»[2]. Соловьев подчеркивал, что роль Москвы в объединении русских земель определялась ее географическим положением.

---

[1] См. *Н. В. Станкевич.* О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III. «Ученые записки Моск. ун-та», ч. V, 1834, стр. 29—55, 247—279.

[2] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен. Изд. «Общественная польза», кн. 1, стб. 1343.

«Историческое деление русской государственной области на части обусловливается отдельными речными системами. Ясно, что величина каждой части будет соответствовать величине своей речной области: чем область Волги больше области всех других рек, тем область Московского государства должна быть больше всех остальных частей России, а естественно меньшим частям примыкать к большей; отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Белая и Малая Русь примкнули к Московскому государству»[1]. Соловьев, подобно Станкевичу, большое значение придавал роли Московского княжества в качестве убежища для населения, искавшего спасения от татарских набегов; кроме того, он отмечал накопление средств в казне московских князей в результате их умелой политики в отношении Золотой орды и использования выгодного местоположения Москвы на перекрестке торговых путей.

Передовое течение в русской историографии XIX в. было представлено работами дворянских революционеров-декабристов и революционных демократов В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского.

Большинство декабристов, ведя борьбу с самодержавием и официальной дворянской историографией, выступавшей с апологией монархического строя, не могло понять прогрессивное значение создания Русского централизованного государства. Однако некоторые из них отмечали деятельность московской великокняжеской власти в борьбе за ликвидацию феодальной раздробленности. Н. И. Тургенев видел в княжении Ивана III «счастливую эпоху для независимости и внешнего величия России, благодетельную даже для России по причине уничтожения уделов»[2].

В. Г. Белинский выдвигал русский народ в качестве главной действующей силы исторического развития. Касаясь истории периода феодальной раздробленности, Белинский подчеркивал, что борьба между князьями приносила вред прежде всего народным массам. Белинский понимал, что крестьяне находились в зависимости от землевладельцев, что политическое значение последних было основано на угнетении крестьян[3]. «Помещичье право,— писал В. Г. Белинский,— было душой удельного периода, и князья тогда были — род помещиков, произошедших из одного дома; бояре их — род домашних людей, а простой народ — крестьяне»[4].

---

[1] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, кн. 1, стб. 24.

[2] «Архив братьев Тургеневых, вып. 5. Дневники и письма Н. И. Тургенева», т. III, Пг., 1921, стр. 123.

[3] См. *В. Г. Белинский.* Соч., т. XII, М.—Л., 1926, стр. 405.

[4] Там же.

Белинский подчеркивал прогрессивный характер процесса объединения русских земель и создания единого Русского государства. «Общее бедствие», т. е. татарское иго, указывал Белинский, «мало-помалу воспитало в русских чувство единокровности и единоверия; удельные княжества ослабевают по мере возвышения Москвы, счастливо выдерживающей свои споры и с Рязанью и с Тверью. Великий князь постепенно становится из помещика государем, и самодержавие сменяет патриархально-помещичье право»[1].

Образование Русского государства, как указывает Белинский, происходило в условиях борьбы русского народа с татарским игом за свою независимость. Белинский высмеивал славянофилов, иронически передавая их взгляды, согласно которым «битва при Калке, битва донская, нашествие Литвы, наконец, вторжение в Россию сына судьбы (Наполеона.— *Ред.*) не стоили нам ни капли крови, и мы отделались от них одними слезами, мы не дрались, а только плакали»[2].

Противопоставляя этим реакционным высказываниям свое понимание русской истории, понимание революционного демократа, Белинский писал, что русский народ в борьбе с иноземными захватчиками «закалил свои силы и создал свою государственность», обеспечившую ему национальную независимость. Белинский подчеркивал значение борьбы Руси с татарами. Полемизируя со славянофилами, он писал: «Удельный период наш отличается скорее гордынею и драчливостью, нежели смирением... Дмитрий Донской мечом, а не смирением предсказал татарам конец их владычества над Русью. Иоанны III и IV, оба прозванные «грозными», не отличались смирением»[3].

Белинский подчеркивал выдающуюся историческую роль Москвы как «центра и столицы» Русского государства. В одном из его высказываний мы находим настоящий панегирик Москве, в которой, как указывает Белинский, воплощены силы русского народа, его патриотизм и храбрость. «Суровое небо увидели ее младенческие очи, разгульные вьюги пели ей колыбельные песни, а жестокие морозы закалили ее тело здоровьем и крепостью»[4].

Давая общую оценку периоду феодальной раздробленности, Белинский считал, что именно в это время складывались условия для образования единого Русского государства. Он указывал, что «период уделов» — это «период, в который великан-младенец, путем раздробления, разбрасывался в длину и ширину и захватывал себе побольше места на... свете, чтоб было где ему развернуться и поразгуляться,

[1] *В. Г. Белинский.* Соч., т. XII, стр. 405.

[2] Там же, т. IX, СПб., 1910, стр. 467.

[3] *В. Г. Белинский.* Избранные соч., М., 1947, стр. 551, 552.

[4] *В. Г. Белинский.* Соч., т. XII, стр. 264.

когда придет его время...»[1] В трудах Белинского, разумеется, не были вскрыты те социально-экономические процессы, которые привели к ликвидации феодальной раздробленности и образованию Русского централизованного государства. Но его высказывания по этому вопросу, проникнутые глубоким патриотизмом и любовью к русскому народу, подрывали основы официальной дворянско-буржуазной историографии.

А. И. Герцен отмечал роль Москвы в процессе объединения русских земель и ликвидации феодальной раздробленности. Москва,— писал он,— «средоточие, около которого тяготеют и кристаллизируются все разнородные части государства»[2]. Герцен указывал также на прогрессивное значение объединительной политики московской великокняжеской власти: «Идея собирания всех частей государства была направляющей мыслью всех московских князей, начиная с Ивана Калиты...»[3]

Передовые исторические взгляды Белинского и Герцена получили дальнейшее развитие в работах Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Как и Белинский, они видели задачу исторической науки в изучении прежде всего истории народа, а не правящих классов, и критиковали с этой точки зрения работы дворянско-буржуазных историков, касающиеся периода феодальной раздробленности. Эта критика в значительной мере была направлена против С. М. Соловьева. Отдавая должное последнему, как историку, проведшему большую работу по собиранию материала, его обобщению, исходившему в своих трудах из идеи закономерности исторического развития, Чернышевский и Добролюбов указывали, что в его изложении основное внимание обращено не на жизнь народных масс, а на деятельность представителей власти. В рецензии на «Учебную книгу русской истории» Соловьева Добролюбов отмечал в качестве ее недостатка излишний интерес, проявляемый автором к деталям удельно-княжеских междоусобий. По словам Добролюбова, недостаточное знание «всех подробностей удельной кутерьмы, или даже какой-нибудь части ее» не составит «решительно никакого пробела в исторических знаниях человека»[4].

В 1860 г. Чернышевский поместил в «Современнике» статью близкого к нему по мировоззрению автора Г. З. Елисеева (под псевдонимом Грыцько) о VII—VIII томах «Истории России» Соловьева. Рецензент расценивал Соловьева как историка, которого интересуют «государство и территория его, а не народ». «Вопрос о внутреннем состоянии и развитии народа,— указывал Елисеев,— всегда

[1] *В. Г. Белинский.* Соч., т. IV, СПб., 1901, стр. 42.
[2] *А. И. Герцен.* Полное собр. соч., т. 8, Пг., 1919, стр. 32.
[3] Там же, т. 6, Пг., 1917, стр. 317.
[4] *Н. А. Добролюбов.* Соч., т. IV, М., 1937, стр. 329.

считался только курьезом, о котором говорили в тех же клеточках, в которых говорилось о пушках, о монете, о войске и т. п. Этим же самым недостатком страдает и история г. Соловьева». Елисеев упрекал последнего за то, что он в некоторых отношениях являлся «таким же панегиристом в своей истории, каким был Карамзин». Если Карамзин «идеализировал всю нашу древнюю жизнь», то Соловьев идеализировал «московскую власть, не обращая внимания на средства, которые она употребляла для собирания земли русской». Следя за описанием Соловьевым процесса централизации государственной власти, говорит Елисеев, «невольно обманываешься и думаешь, что вместе с тем также быстро возрастает и внутреннее благосостояние и развитие народа. На самом же деле оказывается вовсе не то»[1]. Чернышевский также характеризовал Соловьева как сторонника «бюрократической централизации»[2].

Главной причиной, способствовавшей созданию единого Русского государства, Чернышевский и Добролюбов считали волю русского народа к объединению. Это представление было идеалистическим, так как оно не учитывало социально-экономических условий исторического развития. Но ценным было внимание к жизни народа. «Сознание национального единства всегда имело решительный перевес над провинциальными стремлениями»,— писал Чернышевский[3], с которым был полностью согласен и Добролюбов. Русский народ, по словам Чернышевского, обладает силой «дать себе все, что серьезно захочет»[4]; он вынес на «мощной вые своей»[5] натиск татарских полчищ, а затем сверг татарское иго и в конце XV в. (при Иване III) достиг «национального единства».

Для Чернышевского и Добролюбова, несмотря на отсутствие у них правильного научного представления о сущности классов, был характерен взгляд на исторический процесс как на борьбу социальных противоречий. «Борьба аристократии с демократией составляет все содержание истории»,— писал Добролюбов[6], применяя этот тезис и к характеристике Русского государства XV в.

Отрицательную оценку давали Чернышевский и Добролюбов государственной централизации. Чернышевский указывал, что при большой «силе национального чувства государственное единство нимало не нуждалось в поддержке централизацию управления»[7]. Это высказывание

[1] «Современник», 1860, т. 84, стр. 68—69, 71.
[2] *Н. Г. Чернышевский.* Соч., т. VIII, СПб., 1906, стр. 293.
[3] Там же, т. II, СПб., 1906, стр. 541.
[4] Там же, стр. 405.
[5] *Н. Г. Чернышевский.* Литературное наследие, т. II, М.—Л., 1928, стр. 14
[6] *Н. А. Добролюбов.* Соч., т. IV, стр. 267.
[7] *Н. Г. Чернышевский.* Соч., т. II, стр. 541.

объясняется тем, что борьба революционных демократов с царской, помещичьей государственностью приводила их к неправильному отрицанию прогрессивного характера централизованного государства на Руси вообще.

Таким образом, русская историография первой половины и середины XIX в. характеризуется борьбой двух направлений по вопросу о причинах политического объединения северо-восточной Руси и образования централизованного государства: направлений дворянско-буржуазного и революционно-демократического.

В конце XIX — начале XX в. буржуазная теория, выдвигавшая географический фактор как основной среди причин, обусловивших «возвышение» Москвы и объединение вокруг нее русских земель, получила наибольшее развитие в работах В. О. Ключевского. Он писал, что «исторические силы, работавшие над подготовкой успехов Московского княжества с первых минут его существования», выражались «прежде всего в экономических условиях, питавших рост города, а эти условия вытекали из географического положения его края в связи с процессом русской колонизации волжско-окского междуречья». Географическими условиями, по мнению Ключевского, объясняется населенность края, развитие там ремесла и торговли, рост княжеских доходов.

Географическое положение Москвы Ключевский связывал с «генеалогическим положением» московских князей, принадлежавших к младшим линиям потомства Всеволода суздальского, не имевших поэтому возможности получить хорошее владение и расширявших территорию Московского княжества на свой страх и риск путем захватов: «они внимательно высматривают, что лежит плохо, и прибирают это к рукам». Эта «своеобразная политика» московских князей, по мнению Ключевского, не свидетельствовала об их выдающихся качествах, уме, талантах. Забывая о важных политических результатах деятельности ряда московских князей, автор считал, что они «отличаются замечательно устойчивой посредственностью — не выше и не ниже среднего уровня», и именно эта «посредственность» московских князей обеспечила государственный успех их деятельности.

В то же время Ключевский, говоря об образовании Русского государства, был вынужден подчеркнуть большое значение стоявших перед ним внешнеполитических и военных задач. Московское княжество было «народным лагерем, образовавшимся из боевой Великороссии Оки и верхней Волги. Оно родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты»[1].

[1] *В. О. Ключевский.* Курс русской истории, ч. 2, М., 1937, стр. 6, 11—12, 14, 51.

Слабость концепций Соловьева — Ключевского по вопросу об объединении русских земель и образовании централизованного Русского государства отмечалась с позиций буржуазной методологии еще в дореволюционной историографии — в работах Н. П. Павлова-Сильванского и А. Е. Преснякова. Но, отказавшись от «историографической традиции», оба названных автора остались на идеалистических позициях.

В 90-х годах XIX в. в России возникла марксистско-ленинская теория, произведшая революционный переворот в исторической науке. В трудах В. И. Ленина была раскрыта закономерность исторического развития России, определявшаяся ростом производительных сил и изменениями в производственных отношениях, дана исключительная по своей глубине характеристика феодального способа производства и системы производственных отношений двух антагонистических классов — феодалов-землевладельцев и зависимых от них непосредственных производителей-крестьян, показана роль надстройки.

Передовая марксистско-ленинская историческая наука развивалась в борьбе с буржуазной историографией, защищавшей реакционные, идеалистические позиции.

Представитель буржуазной историографии периода империализма Н. П. Павлов-Сильванский выступил с теорией, согласно которой так называемый «удельный период» русской истории являлся эпохой феодализма. Большинство буржуазных историков отрицали наличие феодальных отношений в России и противопоставляли с этой точки зрения русский исторический процесс развитию стран средневековой Западной Европы. В работах Павлова-Сильванского эти традиционные взгляды были отвергнуты. Но теория феодализма, предложенная самим Павловым-Сильванским и противопоставленная им прежним буржуазным историографическим схемам, была столь же несостоятельной. Феодализм Павлов-Сильванский понимал не как общественно-экономическую формацию, характеризующуюся определенным способом производства, а как явление политической жизни, оторванное от социально-экономического базиса, от классовой структуры общества. По мнению Павлова-Сильванского, сущность феодализма составляют дробление политической власти, ее иерархическая структура и связь с крупным землевладением.

Конец государственной раздробленности и образование единого Русского государства, которое Павлов-Сильванский характеризует как «сословную монархию», означает, с точки зрения этого автора, конец феодализма как политической системы.

Специальная работа «Образование Великорусского государства» принадлежит А. Е. Преснякову. В историографическом введении к своему труду Пресняков отметил неубедительность старых схем

Соловьева, Ключевского и др. Но, разумеется, он не смог ни дать верной их критики, ни противопоставить им методологически правильную точку зрения. Ему было чуждо подлинно научное объяснение процесса ликвидации феодальной раздробленности, объединения русских земель и создания единого Русского государства. Этот процесс Пресняков сводил к эволюции великокняжеской власти, изучаемой в обычном буржуазном понимании в качестве надклассовой силы, в отрыве от социально-экономической истории. Пресняков выдвигал общие абстрактные положения о том, что территория Русского государства «создана слиянием Московской вотчины с Владимирским великим княжеством в единую вотчину московских государей», что политическое объединение шло путем объединения не земли, а власти, наконец, что сосредоточение всей власти в руках московского царя было достигнуто путем ломки обычного права в пользу «вотчинного самодержавия»[1].

Работы Павлова-Сильванского и Преснякова — яркий показатель кризиса буржуазной историографии периода империализма.

Целиком на позициях буржуазной историографии остался М. Н. Покровский, на которого оказали сильное влияние взгляды В. О. Ключевского и Н. П. Павлова-Сильванского[2].

Исходя из идеалистического понимания феодализма как политического института (в соответствии с концепцией Павлова-Сильванского) и игнорируя сущность производственных отношений, характерных для феодальной формации, Покровский неправомерно отождествлял феодальный период с периодом феодальной раздробленности. Падение феодализма, по мнению Покровского, произошло в конце XV — начале XVI в. под влиянием роста «торгово-капиталистических» отношений. Место крупной феодальной вотчины, жившей натуральным хозяйством, заняло «среднее землевладение», «успешно сжившееся с условиями нового менового хозяйства»[3]. «Экономический переворот,— говорил Покровский, — крушение феодального вотчинного землевладения, нашел себе политическое выражение в смене у власти одного общественного класса другим»[4]. Таким образом, Покровский, отступая от марксистского учения о классах, считал двумя разными классами две группы одного господствующего класса феодалов (бо-

---

[1] *А. Е. Пресняков.* Образование Великорусского государства. «Летопись занятий Археограф. комиссии за 1917 г.», вып. 30, Пг., 1920, стр.458.

[2] *С. В. Бахрушин.* «Феодальный порядок» в понимании М. Н. Покровского. Сб. «Против исторической концепции М. Н. Покровского», ч. I, М.—Л., 1939, стр. 117—139.

[3] *М. Н. Покровский.* Русская история с древнейших времен. М., 1920, т. I, стр. 299.

[4] Там же, стр. 340.

ярство и дворянство). В полном противоречии с историческими фактами Покровский утверждал, что татаро-монголы сыграли прогрессивную роль в образовании Русского централизованного государства. Находясь под сильным влиянием врага революционного марксизма Струве, Покровский считал, что в создании самодержавия на Руси решающее значение принадлежало «торговому капитализму». С уничтожением феодальных вольностей на смену «патриархальному абсолютизму» пришла «бюрократическая монархия», созданная «торговым капитализмом»[1]. Самодержавный строй на Руси Покровский характеризовал как торговый капитал в мономаховой шапке.

Таким образом, Покровский выступил с антимарксистской концепцией процесса образования Русского централизованного государства.

Позднее пережитки буржуазных концепций и вульгаризаторские теории происхождения Русского централизованного государства нашли отражение в работах П. П. Смирнова[2] и С. Б. Веселовского[3], встретивших единодушный отпор советских историков[4].

* * *

На основе творческого применения указаний классиков марксизма-ленинизма к изучению конкретного исторического материала советские историки смогли придти к правильному пониманию процесса образования Русского централизованного государства.

Общие социально-экономические причины образования централизованных государств были вскрыты в совместном труде Маркса и Энгельса «Немецкая идеология», в статье Энгельса «О разложении феодализма и развитии буржуазии». Ряд руководящих указаний по этому вопросу содержится и в материалах «Архива Маркса и Энгельса».

Основной причиной возникновения централизованных государств классики марксизма-ленинизма считали общий подъем производительных сил, рост общественного разделения труда, развитие ремесла, усиление экономического общения и рыночных связей внутри страны. Все это создавало условия для постепенного разрушения феодальной системы хозяйства и появления капиталистических отношений. По словам Энгельса: «Еще задолго до того, как стены рыцарских замков

[1] *М. Н. Покровский.* Указ. соч., ч. II, стр. 146.

[2] См. *П. П. Смирнов.* Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 55—90.

[3] *С. Б. Веселовский.* Феодальное землевладение в северо-восточной Руси, т. I, М.—Л., 1947.

[4] «Вопросы истории», 1946, № 4, 7, 11—12; *И. И. Смирнов.* С позиций буржуазной историографии. «Вопросы истории», 1948, № 10, стр. 118—124.

были пробиты выстрелами новых орудий, их основы были подрыты деньгами»[1].

Рост городов как центров ремесла и обмена, укрепление товарно-денежных отношений, развитие торговли между городом и деревней — все это были условия, способствовавшие ликвидации феодальной раздробленности и постепенному экономическому слиянию прежде разрозненных районов и областей. За городскими «стенами и рвами, — пишет Энгельс,— развилось средневековое ремесло,— правда, достаточно пропитанное бюргерской цеховщиной и мелочностью,— накоплялись первые капиталы, возникла потребность взаимного общения городов друг с другом и с остальным миром, а вместе с потребностью создавались также и средства охраны этого общения...»[2]

Социальной силой, заинтересованной в преодолении феодальной раздробленности и государственном объединении, явилось земельное дворянство, поддерживаемое торгово-ремесленным населением городов; формой централизованного государства была монархия. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс указывали, что объединение более значительных областей в феодальные королевства было потребностью как земельного дворянства, так и городов и что поэтому повсюду во главе организации господствующего класса— дворянства — стоял монарх.

Монархия, опиравшаяся на земельное дворянство и находившая поддержку в городах, представляла собой прогрессивную форму по сравнению с княжествами периода феодальной раздробленности. Энгельс отмечал, что королевская власть была прогрессивным элементом, представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства.

Маркс и Энгельс отмечали, что хотя деятельность королевской власти и носила классовый характер, отвечая интересам прежде всего дворянства, в то же время эта деятельность, направленная к созданию единого государства и способствовавшая прекращению феодальных войн, находила сочувствие в более широких слоях населения, включая и сельское. Это объясняется тем, что феодальные войны разоряли страну и облегчали внешним врагам возможность вторжения в ее пределы. По словам Энгельса, «и в городах и в деревне повсюду увеличилось в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 442.

[2] Там же, стр. 440.

внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья»[1].

Согласно учению классиков марксизма-ленинизма, основными причинами образования централизованного государства и на западе Европы и в России были причины социально-экономические. Однако в России, народное хозяйство которой на длительное время было подорвано татаро-монгольским нашествием и игом, процесс экономического слияния отдельных областей, земель и княжеств в одно целое в результате усиливавшегося обмена, возраставшего товарного обращения, концентрирования небольших местных рынков в один всероссийский рынок растянулся на несколько столетий. Примерно XVII веком Ленин датирует начало нового периода русской истории, отмечая лишь постепенный рост буржуазных связей. Ускоренное потребностями борьбы с внешними врагами образование централизованного государства в России произошло раньше, чем в ней сложились буржуазные отношения.

Особенности образования Русского централизованного государства раскрыты И. В. Сталиным. В докладе на X съезде РКП(б) в 1921 г. «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» им было указано: «На западе — в Англии, Франции, Италии и отчасти Германии — период ликвидации феодализма и складывания людей в нации по времени в общем и целом совпал с периодом появления централизованных государств, ввиду чего там нации при своём развитии облекались в государственные формы»; на востоке Европы, в Венгрии, Австрии, России, «наоборот, процесс образования наций и ликвидации феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизованных государств», так как в этих странах «капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось...»[2]

Итак, в ряде западноевропейских стран ликвидация экономической раздробленности, развитие капиталистических отношений, складывание наций и централизованных государств совершались одновременно. В России в период создания централизованного государства экономическая раздробленность еще не была полностью преодолена, русская народность еще не оформилась в нацию, процесс политической централизации был более быстрым, опережая появление буржуазных отношений.

И. В. Сталин глубоко исследовал и вопрос о том, какие исторические условия содействовали ускорению процесса образования централизо-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 443.
[2] *И. В. Сталин.* Соч., т. 5, стр. 33, 34.

ванного государства в России. Таким ускоряющим фактором явилась внешняя опасность, необходимость борьбы против иноземных захватчиков, прежде всего татаро-монголов. Интересы обороны России от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованного государства, способного удержать напор нашествия[1].

Интересы обороны лишь ускоряли, но не вызывали процесс образования Русского централизованного государства. Основная же причина его создания заключалась, как и на западе Европы, в экономическом развитии русских земель. В. И. Ленин, касаясь вопроса о создании национального государства, прежде всего отмечал экономическую необходимость его, а затем уже переходил к политической надстройке над экономикой[2]. Экономическое развитие русских земель в XIV—XV вв. создало известные предпосылки для политического объединения страны и централизации государственного аппарата. Та борьба, которую вела Русь с татаро-монголами, способствовала скорейшему сложению централизованного государства.

В истории русской государственности XIV—XVI вв. на основе указаний классиков марксизма-ленинизма следует различать несколько этапов: феодальную раздробленность, при которой основные функции государственной власти находятся у правителей отдельных княжеств, а власть великого князя сведена к минимуму, затем образование централизованного государства в форме феодальной монархии, наконец, укрепление самодержавного строя.

В замечаниях И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова на конспект учебника по истории СССР говорится, что «в конспекте свалены в одну кучу... самодержавный строй государства и строй феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств»[3]. Советские историки, основываясь на указаниях классиков марксизма-ленинизма, различают проблему образования Русского централизованного государства от проблемы развития самодержавного строя, хотя эти два вопроса тесным образом связаны.

Централизованное государство сложилось в результате постепенного объединения русских земель вокруг Москвы. Этот процесс, начавшийся в конце XIII — начале XIV в., нельзя отрывать от истории последующего периода, характеризующегося созданием централизованной системы управления. Уже с XIV в. можно говорить

[1] См. *И. В. Сталин.* Соч., т. 5, стр. 34.

[2] См. *В. И. Ленин.* Национальный вопрос (тезисы по памяти). «Ленинский сборник», т. XXX, стр. 62.

[3] Сб. «К изучению истории», М., 1946, стр. 21.

об определившемся значении Москвы как центра формирующегося Русского государства, а с третьей четверти XV в.— уже о сложившемся Русском централизованном государстве. В приветствии И. В. Сталина Москве в связи с ее 800-летием подчеркнута историческая роль Москвы в деле «объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством». Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси. Таким образом, возвышение Москвы как политического и культурного центра северо-восточной Руси и развитие Русского централизованного государства представляют собой единый процесс.

Объединение русских земель и ликвидация самостоятельности отдельных княжеств в основном заканчиваются к концу XV в., и к этому же времени относится освобождение русского народа от татарского ига. Тесную связь этих явлений подчеркивал Энгельс, когда писал, что в России «покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном III» [1]. С этого времени можно говорить уже о централизованном государстве, хотя пережитки существования самостоятельных феодальных княжеств сохранялись еще в XVI в. И. В. Сталин указывал, что в России централизованное государство сложилось в форме «смешанного», состоявшего из нескольких народов, так как в силу отсутствия капиталистических отношений отдельные народности еще не успели оформиться в нации. На Востоке сложились междунациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Поскольку на востоке Европы процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации, там образовались государства, состоявшие из нескольких народов, еще не сложившихся в нации, но уже объединенных в общее государство. Роль объединителя национальностей взял на себя русский народ, имевший во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию.

Образование Русского централизованного государства было прогрессивным явлением. Преодоление феодальной раздробленности, с характерными для нее политическими перегородками, замкнутостью отдельных областей и княжеств, бессмысленными феодальными войнами, разорявшими население и облегчавшими доступ внешнему врагу, являлось условием экономического и культурного роста страны, борьбы русского народа за свою независимость. «Ни одна страна в мире,—

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 450.

говорит И. В. Сталин, — не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьёзный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц. Только страна, объединённая в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность серьёзного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости»[1]. Таким образом, аппарат централизованного государства, как политическая надстройка феодального базиса на определенном уровне его развития, являлся прогрессивной силой, обеспечивавшей возможность дальнейшего расцвета экономики, культуры, роста обороноспособности и условий внешней безопасности Руси. Это особенно ясно из указаний классиков марксизма-ленинизма об активной роли надстройки.

Надстройка не может перейти на позицию одинакового отношения к классам. Политические, правовые и другие учреждения централизованного государства должны были выполнять главную внутреннюю функцию всякого эксплуататорского государства: держать эксплуатируемое большинство в узде, а также функцию внешнюю. Поскольку классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя[2], само возникновение централизованного государства не может быть понято вне связи с историей развития классовых противоречий и классовой борьбы. Обострение последней, являясь следствием определенных сдвигов в развитии производительных сил и производственных отношений, требовало новых (по сравнению с временем феодальной раздробленности) форм государственного аппарата, правовых и идеологических норм для удержания господствующим классом в подчинении трудового народа. Но наличие ожесточенной классовой борьбы не ведет к распаду общества на классы, не связанные больше друг с другом экономически в одном обществе, ибо прекращение всяких экономических связей между классами повело бы к прекращению производства, к гибели общества, к гибели самих классов[3]. Поэтому аппарат централизованного государства (возникшего на определенном этапе экономического развития), будучи поставлен на службу господствующему классу и направлен на подавление сопротивления эксплуатируемого большинства населения, содействовал дальнейшему поступательному развитию феодального способа производства (на данном уровне производительных сил сохранявшего прогрессивный характер).

---

[1] *И. В. Сталин.* Приветствие Москве в день ее 800-летия.

[2] См. История ВКП(б). Краткий курс. Госполитиздат, 1952, стр. 120.

[3] См. *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания, стр. 19.

Использование экономических законов всегда и везде при классовом обществе имеет классовую подоплеку, причем знаменосцем использования экономических законов в интересах общества всегда и везде является передовой класс, тогда как отживающие классы сопротивляются этому делу[1]. Знаменосцем использования экономических законов в интересах государственной централизации являлся передовой слой класса феодалов — дворяне, поддерживаемые посадским населением и встречавшие сопротивление со стороны реакционной феодальной знати.

Труды классиков марксизма-ленинизма выдвигают задачу изучения роли политических учреждений Русского централизованного государства, правовых и идеологических норм не только с точки зрения воздействия надстройки на экономическое и культурное развитие русского народа, но и с точки зрения ее значения в объединении ряда народов в смешанное государство. Вхождение нерусских народностей в состав централизованного государства способствовало росту их экономических и культурных связей с русским народом, спасало их от поглощения отсталыми государствами, объективно создавая для них возможности развития в условиях воздействия более высокой по своему уровню экономики и культуры России.

Но в то же время в составе централизованного государства, аппарат которого был направлен на защиту интересов господствующего класса России, нерусские национальности, не успевшие еще консолидироваться экономически в целостные нации, оказались оттертыми на задний план. Антифеодальные движения нерусского трудового крестьянства сливались с борьбой русского народа против феодально-крепостнического угнетения.

Наконец, труды классиков марксизма выдвигают проблему международного значения Русского централизованного государства, которое все более возрастало в процессе борьбы Руси за освобождение от иноземного гнета — от монгольского ига, от польско-литовского нашествия.

К национальному центру русского народа—Москве—обращали взоры народы Украины и Белоруссии в борьбе с польско-литовскими феодалами и турецкими агрессорами, народы Прибалтики, страдавшие под гнетом Ливонского ордена, народы Закавказья, боровшиеся с агрессией со стороны османской Турции и сефевидской Персии. В силу исконных, исторически складывавшихся на основе общности происхождения и дальнейшего развития связей русского народа с южными

---

[1] См. *И. Сталин.* Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 49—50.

славянами, с народами Балканского полуострова, южные славяне рассматривали Москву как опору в своей борьбе за освобождение от турецкого гнета.

* * *

Советские историки (К. В. Базилевич, С. В. Бахрушин, Б. Д. Греков, И. И. Смирнов, С. В. Юшков и др.) на основе теоретических указаний классиков марксизма-ленинизма осветили существенные проблемы, касающиеся ликвидации феодальной раздробленности и создания Русского централизованного государства.

Большое внимание в советской историографии уделено изучению истории основного производителя материальных благ эпохи феодализма — крестьянства и тем переменам в его положении, которые связаны с процессом образования Русского централизованного государства [1].

Появились работы, посвященные вопросу о социально-экономических предпосылках образования Русского централизованного государства: рост производительных сил, общественного разделения труда, развитие ремесла [2], торговли [3]. В специальных трудах выясняется роль Москвы как основы и инициатора объединения Руси в единое централизованное государство [4]. Много сделано в области освещения правовых взглядов и соответствующих им учреждений Русского централизованного государства [5], изучения русской культуры [6].

Специально исследуется вопрос о международном положении Русского централизованного государства и его внешней политике [7].

Ряд принципиальных теоретических вопросов, связанных с проблемой образования Русского централизованного государства, явился

---

[1] *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. 1, М., 1952, стр. 493—532.

[2] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948.

[3] *В. Е. Сыроечковский.* Гости-сурожане. М. — Л., 1935.

[4] *М. Н. Тихомиров.* Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947; «История Москвы», т. I, М.— Л., 1952.

[5] *С. В. Юшков.* История государства и права СССР, ч. I, М., 1950.

[6] *Д. С. Лихачев.* Культура Руси эпохи образования Русского централизованного государства. Л., 1946; *его же.* Национальное самосознание древней Руси. М. — Л., 1945; «Псковские летописи», вып. 1, М. — Л., 1941; *А. Н. Насонов.* Из истории псковского летописания. «Исторические записки», 1946, № 8, стр. 255—294 и др.

[7] *К. В. Базилевич.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Изд. Моск. ун-та, 1952.

предметом дискуссий, проведенных советскими историками и вскрывших ряд ошибочных точек зрения[1].

Опубликование ряда сборников актового материала («Грамоты Великого Новгорода и Пскова»[2], «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.»[3], «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.»[4], «Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси XIV — XV вв.» и др.), судебников XV—XVI вв.[5] и летописных сводов (Московского свода конца XV в.[6], Устюжского летописного свода[7] и др.) предоставило в распоряжение советских исследователей новые материалы для дальнейшей разработки основных вопросов истории Русского централизованного государства.

2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIV—XV ВВ. ФЕОДАЛЬНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВО. СИСТЕМА ГОСПОДСТВА И ПОДЧИНЕНИЯ В ФЕОДАЛЬНОЙ ДЕРЕВНЕ

а) Феодальное землевладение и хозяйство

Основным занятием населения северо-восточной Руси уже с древнейших времен было земледелие. Скотоводство, охота, рыболовство играли хотя и значительную, но не первостепенную роль. Ко времени монгольского завоевания в центральных областях существовал лесной перелог, при котором земля использовалась лишь несколько лет и затем на 10—15 лет оставлялась для отдыха, а на юге — также переложная система, но с более регулярной сменой пашни и «отдыха» через

---

[1] Дискуссия по статье *П. П. Смирнова.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. («Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 55—91; № 4, стр. 55—67; № 7, стр. 26—44; № 11—12, стр. 3—11). Дискуссия по вопросу периодизации истории СССР («Вопросы истории», 1949—1951. *Л. Максимов.* О журнале «Вопросы истории». «Большевик» 1952, № 13, стр. 60—70).

[2] «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», под ред. С. Н. Валка, М.—Л., 1949 (далее — ГВНиП).

[3] «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», М.—Л., 1950 (далее — ДДГ).

[4] «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.», М., 1951 (далее — АФЗиХ).

[5] «Судебники XV—XVI веков», М.—Л., 1952.

[6] ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949.

[7] «Устюжский летописный свод», под ред. К. Н. Сербиной, М.—Л., 1950.

3—4 года[1] и лишь на севере, где осваивались крупные лесные массивы, сохранялось первобытное подсечное земледелие. Источники позволяют утверждать, что уже в те времена в ряде развитых в экономическом отношении областей на старопахотных землях существовала паровая зерновая система хозяйства с правильным чередованием культур.

Для характеристики сельского хозяйства Руси в XIII—XV вв. наряду с письменными источниками важным материалом служат археологические находки. Но как раз памятники, наиболее ценные в этом отношении — поселения (селища и феодальные замки), изучены еще слабо. Сведения о сельском хозяйстве дают зачастую материалы раскопок городов, жители которых еще не вполне порвали с земледелием, снабжали окрестных крестьян орудиями производства и сами потребляли продукты сельского хозяйства. Поэтому в городах находят сошники, серпы, плужные резаки, лопаты и т. п., а также зерна различных культур. Другая категория археологических памятников — погребения — дает мало материала, так как к XIV в. языческий обряд погребения под курганами повсеместно был вытеснен обрядом захоронения в грунтовых могилах без вещей. Однако исследование курганных могильников — деревенских кладбищ XII—XIV вв. в северо-восточных областях Руси приводит к интересному выводу о характере земледелия в этих районах. Уже в XII—XIII вв. здесь, очевидно, основные площади были расчищены, и подсечное земледелие перестало господствовать. На это указывает редкость находок топоров — орудий первой необходимости при подсеке.

В результате татарского нашествия множество полей запустело, «поросло лядиною». Но возврата к подсеке, являющейся «наиболее хищнической и нерациональной формой земледелия, при которой для получения высокого урожая первых трех лет губятся лесные участки...»[2] не произошло. Расчистка участков леса под пашню шла интенсивнее прежнего. Но расчищенные участки потом не забрасывались. Анализ зерен[3], найденных в Москве в слоях конца XIV — начала XV в., говорит о том, что зерна эти произрастали на старопахотных почвах. Состав сорняков указывает на существование здесь уже в течение длительного времени паровой зерновой, двух- или трехпольной системы земледелия. В XIII — XIV вв. она получает все большее распространение, охватывая новые области, где ранее господствовал лесной перелог.

---

[1] «История культуры древней Руси», т. I, М.—Л., 1948, стр. 62—63.

[2] *П. Н. Третьяков.* Подсечное земледелие в Восточной Европе. «Известия» ГАИМК, т. XIV, вып. 1, Л., 1932, стр. 18.

[3] *А. В. Кирьянов.* Краткие предварительные результаты обработки зерна из раскопок в Зарядье 1950 г. Архив ИИМК, № 526, стр. 66.

Крестьянская колонизация. Миниатюра конца XVI в.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

Среди зерновых культур ведущее место занимали рожь, мягкая пшеница, затем — ячмень. Широко распространены были просо, гречиха, овес, несколько менее — горох. Из технических культур возделывались конопля и лен.

«А что будет в тех в моих селех... хлеба стоячего на поли, ржи и яри, оприсно семен ярных, и сын мой... тот хлеб стоячий весь велит попродати»,— говорится в духовной грамоте княгини Софьи Витовтовны середины XV в.[1] В 1498 г. феодалы Струнины жаловались на митрополичьих крестьян села Каринского, Переяславского уезда: «укосили, господине, у нас двесте копен сена, да и свезли на свою землю; да покосили, господине, у нас на осмине лну; да сожгли, господине, у нас сто прясел огороды; да свезли у нас дватцать сотниц ржи с поля, а из сотници шло по четыре четверти ржи; да пожали, господине, у нас на дватцати четвертех овса»[2].

Паровая зерновая система, в особенности при трехпольном севообороте, позволяет увеличить производительность участка земли по сравнению с подсечной системой в 10—15 раз[3]. Данные о распространении трехпольного севооборота встречаются и в письменных источниках XV в. Так, в первой трети XV в. Попкова пустошь названа «третьим полем...» великокняжеского подмосковного села Бисерова[4]. Паровая зерновая система земледелия отразилась и в наименовании части надела земли — «парениной», а также «ярью». Писцовые книги конца XV в. уже ограничиваются измерением только трети земли владельца, указывая, что всего у него три поля, *«а в дву потому ж»* (т. е. в каждой из двух остальных третей по стольку же земли, сколько в первой).

Таким образом, сопоставление данных анализа зерна, найденного при раскопках в слоях XIV—XV вв., и свидетельств позднейших письменных источников позволяет заключить, что паровая зерновая система земледелия при трехпольном севообороте успешно развивалась, вытесняя и подсеку и перелог.

Но эта система предполагала уже и применение удобрений (унаваживание почвы) и несколько иную, чем при подсечной или переложной системе, обработку почвы. Было недостаточно простого рыхления, но необходимо и переворачивание верхнего пласта почвы. Распространение двухпольной или трехпольной системы земледелия при общем рутинном состоянии техники сельского хозяйства связано с более широким употреблением и совершенствованием сельскохо-

[1] ДДГ, № 57, стр. 178.
[2] АФЗиХ, № 117, стр. 108.
[3] *П. Н. Третьяков.* Указ. соч., стр. 19.
[4] «Акты, относящиеся до юридического быта, древней России» (далее — АЮБ), т. I, СПб., 1857, № 103/II, стр. 640.

зяйственных орудий. Орудием плужного типа, вытеснявшим обычную соху, являлась так называемая соха-косуля, снабженная лемехом, отваливающим пласт[1]. Само слово «лемех» (или «лемеш») встречается еще в русском переводе византийского земледельческого устава: «Аще кто украдеть рало, или лемешь, или подузу, казнен будет по числу дний от того дни отнелиже украде, на всяк день по грошеви, а лишь отдасть». В том же памятнике говорится о «ральных железах», т. е. железных наконечниках рала или сохи, сошниках[2].

Пахотное орудие плужного типа было известно на Руси и в домонгольское время. Этот тип плуга приспособлен к работе в условиях лесной полосы, где даже в старопахотной почве могут встречаться корни. В отличие от обыкновенного плуга, у косули нет колес и полоза, благодаря чему ее легче перебрасывать через корни и камни.

Наряду с сохой-косулей в лесистых районах еще бытовала трехзубая и двузубая соха, только разрыхлявшая, но не переворачивавшая землю. Трехзубая соха изображена на миниатюре XVI в. «жития» Сергия Радонежского[3]. Ее влекут три лошади, что вполне соответствует упоминанию грамоты XV в. о сохе — единице обложения: «а в соху два коня да третьее припряжь». Конечно, и соха-косуля требовала для работы двух-трех лошадей. Не каждый крестьянин имел нужное количество рабочего скота. Те же посошные разверстки имеют в виду и безлошадных крестьян, причем хозяйственная мощность такого крестьянина считается в четыре раза меньшей, чем принятая за единицу обложения «соха»: «четыре пешци за соху»[4].

В рассматриваемый период все виды сохи были снабжены железными наконечниками — «сошниками», или «лемехами». Это массивные, хорошо откованные изделия с втулками, при помощи которых они надевались на деревянный стержень сохи, и остриями, служившими непосредственно для поднимания и переворачивания (или только рыхления) земли. По их форме можно видеть, была ли соха, для которой они сделаны, однозубой или трехзубой.

---

[1] *Д. К. Зеленин.* Русская соха. Ее история и виды. Вятка, 1907, стр. 69.

[2] *А. С. Павлов.* Книги законные. «Сборник Отд. рус. яз. и слов. Академии Наук», т. 38, № 3, СПб., 1885, стр. 28, 31, 37; *П. П. Смирнов.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 76.

[3] *А. В. Арциховский.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 187. Подобные миниатюры нередко копировались с более ранних рисунков.

[4] «Акты Археографической экспедиции» (далее — ААЭ), т. I, СПб., 1836, № 32, стр. 24.

Пахота. Миниатюра конца XVI в.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина

О крестьянских сошниках упоминают правые грамоты (т. е. судебные приговоры). В одном из документов XV в. упоминается «склад плужной»[1].

Железные сошники находят в крестьянских погребениях — курганах XIII—XIV вв. и в городах. От сошников домонгольского времени они отличаются массивностью. Особый интерес представляет находка двух сошников при раскопках в Москве на территории Зарядья в 1951 г. Оба сошника найдены в культурном слое XIV—XV вв. Они сделаны для одной двузубой сохи и никогда в употреблении не были. Форма их очень сходна с изображением на упомянутой выше миниатюре. По всей вероятности, они были откованы московскими кузнецами для продажи в деревню. О хранении в крестьянских избах запасных железных сошников говорит грамота начала XVI в. Крестьяне митрополичьей деревни Новой Юрьевского уезда, жалуясь на грабежи, в числе наиболее ценного ограбленного имущества называют по два и по три сошника[2]. Плуг признавался в XV в. орудием вдвое более продуктивным, чем соха. В приведенной выше разверстке налогового обложения читаем: «плуг за две сохи»[3].

В источниках упоминается и борона, но, поскольку она изготовлялась целиком из дерева, до нас не дошло ни одного подлинного образчика. Возможно, что для разрыхления пашни применялась простейшая борона-«суковатка» — обрубок дерева с частыми острыми сучьями,— удержавшаяся кое-где до конца XIX в. Однако и конструкция бороны в виде квадратной рамы, усаженной длинными деревянными зубьями, очевидно, имеет уже большую давность. Зубья от бороны найдены при раскопках в Москве и в Новгороде. Хорошо известны по находкам орудия уборки урожая — косы, серпы. Древнерусские серпы из курганов до XIV в. имеют очень характерную и устойчивую форму[4], сохранившуюся вплоть до XIX в. Они находятся обычно в погребениях женщин, что указывает на большую древность разделения труда: женщины жали хлеб серпами, а мужчины косили косами[5] и хлеб и траву. Из других уборочных орудий следует назвать грабли и вилы, делавшиеся из дерева, обычно двузубые. Трех- и четырехзубые железные вилы появились значительно позднее. Зерно мололось как на водяных мельницах (например, на р. Неглинной в Москве), так и на ветряных[6]. Широко распро-

---

[1] АФЗиХ, № 1а, стр. 13; № 119, стр. 113.
[2] Там же, № 1а, стр. 13
[3] ААЭ, т. I, № 32, стр. 24.
[4] *А. В. Арциховский*. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 96.
[5] *А. В. Арциховский*. Курганы вятичей, стр. 104.
[6] *Н. И. Фальковский*. Москва в истории техники. М., 1950, стр. 217.

Жатва. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

странены были и ручные мельницы. При раскопках часто находят каменные жернова от ручных мельниц — круглые, диаметром 60—80 сантиметров, просверленные в центре. Нижний жернов имел выпуклую (коническую) рабочую поверхность, а верхний — соответственно вогнутую. Верхний жернов опирался на ось, проходившую через нижний жернов. Как показывает находка жернова XV в. в Москве в Зарядье, упор верхнего жернова, а вероятно и ось, могли быть не только железными, но и деревянными. Хранились зерно и мука обычно в деревянных бочках. Недаром основной мерой сыпучих тел древней Руси является «кадь», «оков», или «бочка», вмещавшая 14 позднейших пудов ржи.

Ручной жернов XV в., найденный в Москве при проведении метро.
Государственный Исторический музей

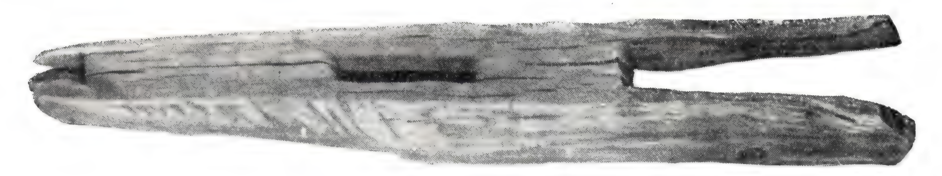
На миниатюрах, иллюстрирующих древнерусские рукописи несколько более позднего происхождения, неоднократно изображены различные виды полевых и хозяйственных работ. Здесь можно увидеть и расчистку лесных участков под пашню (лес рубят топорами и выжигают огнем), и дальнейшую чистку места лопатами и граблями, и пахоту, и жатву [1]. После молотьбы зерно ссыпается в большие деревянные кади, изображенные на миниатюрах очень точно, затем его размалывают на ручных жерновах или толкут в больших деревянных ступах, подобных хранящейся в Государственном Историческом музее ступе XVI в. Есть даже изображение монастырской поварни, где хлебы лопатами сажают в печь[2]. События, о которых идет речь в этих книгах, относятся к XIV в. («Житие Сергия Радонежского») или к концу XV—началу XVI в. («Житие Антония Сийского»). При археологических раскопках древнерусских городов — Старой Рязани, Новгорода Великого, Москвы — в домах рядовых горожан находят нередко довольно значительные запасы зерна (ржи, пшеницы, ячменя, проса, гречихи), которые горожане по всей вероятности покупали и хранили либо в подпольных ямах (Старая Рязань), либо в подклетах — нижних этажах бревенчатых северно-русских домов (Новгород, Москва). В Москве в доме посадского человека XV в. в подклети стояли в дерявянных бочках и бочонках рожь, пшеница и ячмень.

---

[1] *А. В. Арциховский.* Древнерусские миниатюры как исторический источник, стр. 177, 189, 200—201.

[2] Там же, стр. 202.

Технические культуры (лен, конопля) подвергались особой обработке. Находка в Москве части льномялки начала XVI в. позволяет установить, что конструкция этого прибора для обработки льняного волокна уже в ту пору была близка к аналогичным образцам, описанным этнографами в русской деревне XIX—XX вв. Так же близки к известным образцам найденные в Москве деревянные гребни для расчесывания

Деталь льномялки XV в., найденной при раскопках в Зарядье (Москва).

Музей истории и реконструкции Москвы.

льна (XV в.) и веретено (XVI в.). О значительном развитии домашнего прядения свидетельствуют также находки пряслиц (грузиков для веретен) из глины, камня, кости. В XV в. процесс прядения значительно совершенствуется. Среди находок этого времени встречаются уже педали и

Веретено XVI в., найденное при раскопках в Зарядье (Москва).

Музей истории и реконструкции Москвы.

шпильки от самопрялок. Педали обычно деревянные, эллипсоидной формы, с отверстием для шарнира и насечкой, чтобы не скользила нога пряхи. Шпильки костяные узорные служили для перемены направления нитки. Они украшались с особой любовью. Характерна устойчивая форма навершья шпилек — в виде фигурки петуха с высоко поднятыми головой и хвостом. Такие шпильки найдены в слоях XV в. при раскопках в Новгороде и в Москве. Они почти тождественны.

Немалое значение в городском и деревенском хозяйстве имело огородничество. При раскопках в городах в культурных слоях XIV—XV вв. часто находят семена огурцов, тыквы. О посадке капусты говорят находки деревянных «боек». В некоторых актах упоминается «огород» и специально «капустник», а также «огородники», работавшие в хозяйстве крупных феодалов. Основным орудием огородника была лопата («рыло»). Она делалась из дерева и лишь по рабочему краю оковывалась железом. Находки таких оковок для лопат часты. Наряду

с лопатой должна была применяться и мотыга, одно из древнейших земледельческих орудий. Она имела железный наконечник. Понятие огорода включало и сад с фруктовыми деревьями. Недаром еще в древности «овощами» назывались фрукты. На садовые культуры указывает находка при раскопках в Москве косточек слив. Письменные источники XIV—XV вв. упоминают садовую яблоню, вишню и разные другие садовые деревья, называемые то «дерево овощное», то «древеса плодовита». В писцовых книгах отмечены сады, включавшие по нескольку десятков плодовых деревьев (например, 42 яблони и 10 вишен)[1]. Цесарский посол Герберштейн в своих записках несколько раз отмечает наличие на Руси различных плодовых деревьев. Он описывает, как на Руси сажают «с особой заботливостью» дыни, для чего в богато унавоженной почве устраиваются особые грядки, в которых семя «одинаково предохраняется от жара и от холода. Ибо если случайно будет чрезмерный зной, то они устраивают в смешанном с землей навозе щели вроде как бы отдушин, чтобы семя не сопрело от излишнего тепла; при чрезмерном же холоде теплота навоза оказывает помощь зарытым семенам»[2]. Так создавали благоприятные условия для произрастания на севере южных растений.

Садоводство получило особенное развитие в княжеском хозяйстве и во владениях духовных феодалов. Московским князьям принадлежало большое количество садов в самой Москве и окрестностях. На р. Сетуни находился сад московского митрополита Алексея. Одной из повинностей митрополичьих крестьян было «сады оплетать»[3].

Одной из основных отраслей сельского хозяйства являлось скотоводство. Пашенное земледелие с применением орудий и унаваживанием почвы немыслимо без рабочего скота, прежде всего лошадей и волов. Не меньшее значение имел и крупный рогатый скот, а также свиньи, овцы, козы. Статистика находимых при раскопках костей животных[4] дает довольно ясное представление как о характере скотоводства, так и о пище населения. В городских культурных слоях находят больше всего костей коровы, затем свиньи, лошади и меньше — мелкого рогатого скота. Почти все эти кости являются кухонными отбросами, что указывает на значительную долю мясной пищи в рационе зажиточной части горожан. Крестьяне, очевидно, как и позднее, употребляли меньше мяса, чем горожане. Часть продуктов скотоводства крестьяне отдавали в качестве натурального оброка феодалам. Так, игумен владимирского Царево-

---

[1] «Новгородские писцовые книги» (далее — НПК), т. V, СПб., 1905, стр. 154.
[2] *С. Герберштейн.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 98—99.
[3] АФЗиХ, № 201, стр. 180.
[4] Определение костей сделано В. И. Цалкиным.

константиновского монастыря сообщал, что он разрешил крестьянам по их просьбе заменить один вид мясных поставок монастырю другим: вместо яловицы — туши коровы — поставлять в праздник по три бараньих туши[1]. Молочные продукты были разнообразны. Среди археологических находок имеются сосуды для приготовления творога, мутовки для сбивания масла. В письменных источниках неоднократно упоминается сыр (как в значении «творог», так и в современном значении этого слова). Шкуры скота использовались для производства кож, шерсть — для изготовления одежды и даже кости — для различных поделок.

На значительный удельный вес скотоводства в сельском хозяйстве указывает то большое внимание, которое уделялось лугам, сенокосам. Так, писцовые книги после указания посевов ржи неизменно содержат и данные о сенокосе каждого крестьянского хозяйства. Коса-горбуша — довольно частая археологическая находка.

Домашнюю птицу разводили и в деревнях и в городах. В письменных источниках часты упоминания кур, уток, лебедей.

Почти полное отсутствие находок при раскопках в русских городах костей диких животных говорит о весьма незначительной роли охоты в жизни городского населения. Исключением являются феодальные замки, на территории которых найдено множество костей диких животных, убитых феодалами и их приближенными во время охот в заповедных лесах, где, как хорошо известно по правовым памятникам Западной Европы, «простонародью» охотиться строжайше запрещалось под страхом наказания вплоть до смертной казни. Продукты охоты использовались в производстве одежды и некоторых видах ремесла. Так, в Москве в слоях XIV—XV вв. встречаются кости и рога лося. Рог лося был излюбленным материалом для резных поделок, которыми так славились московские мастера — костерезы. Среди кухонных отбросов встречаются также кости зайца. В числе крестьянских повинностей источники называют участие в облавах на дичь, устраиваемых князьями и частными землевладельцами: ходить «в воры (облавы.— *Ред.*) на лоси, и на медведи, и на волчьи, и на лисьи поля»[2].

На ловле бобров специализировались целые деревни. Места по берегам рек, где велась охота на бобров, носили название «бобровых гонов». Крестьяне-бобровники в XV в. в большинстве были зависимы от феодалов.

Меньшее значение имела охота на диких птиц. Места птичьей охоты, где в лесах развешивались сети — перевесы, назывались «перевесищами». Упоминаются охотники на болотных птиц, ставящие «чирячьи

[1] АФЗиХ, № 201, стр. 180.

[2] Акты исторические (далее—АИ), т. I, СПб., 1841, № 178, стр. 339; ААЭ, т. I, № 201, стр. 180.

перевесы», или тетеревники, охотники на тетеревов. Кости тетерева встречаются в раскопках среди кухонных отбросов.

Значительно бо̀льшую роль, чем охота, играло в жизни населения рыболовство. Одной из наиболее распространенных археологических находок являются грузила для сетей — каменные или керамические (последние обычно веретенообразной формы с трубкой — отверстием посередине) разной величины. Они говорят о широком применении неводов. Попадаются также поплавки, рыболовные крючки и даже блесна, которые могли применяться при ловле рыбы удочкой.

В актах неоднократно встречаются упоминания «рыбных ловов» в качестве важного участка хозяйства феодалов. Были специальные рыбные слободы, продукция которых шла на продажу. Была в Москве и промысловая переработка рыбы, что видно по открытой при раскопках коптильне с печью, снабженной особой коптильной камерой. Любопытным свидетельством того, насколько важной частью русского быта в XIII—XV вв. было рыболовство, является заглавная буква «М» из знаменитого новгородского «недельного евангелия» XIV в., которая изображает двух рыбаков, тянущих сети в разные стороны и горячо препирающихся между собой.

Одним из способов рыбной ловли было «битье еза» (т. е. устройство особого сооружения в реке). Во время хода рыбы ей загораживали путь «заборьем» (вбитыми в дно реки шестами с плетеньем из прутьев между ними), оставляя только несколько проходов, куда вставляли верши. Езы бились весной и зимой. Зимой практиковалась поледная ловля, во время которой рыболовы били палками по льду, оглушали рыбу и баграми доставали ее из проруби.

Целые крестьянские слободы и деревни («рыболовные» и «езовые») специализировались на рыбной ловле. Кроме того, крестьяне должны были участвовать в княжеских рыболовных экспедициях, устраиваемых княжескими «ватаманами», «рыбниками» и «поледщиками».

Важное значение имело также пчеловодство. Мед широко употреблялся в пищу и для приготовления разного рода напитков, среди которых были и алкогольные, а воск применялся в ряде ремесленных производств и, кроме того, являлся важной статьей русского вывоза в Западную Европу. Находки в слоях XIII—XIV вв. «древолазных» шипов могут служить указанием на то, что важную роль в хозяйстве продолжало играть бортничество, столь распространенное на Руси в более раннее время. Особенно значительные пространства занимали бортные леса по берегам Оки, в княжествах Рязанском и Нижегородском. Селения крестьян-бортников, эксплуатировавших бортные угодья, располагались у окраин леса. Каждый бортник ставил свое «знамя» (отметку) на нескольких деревьях с пчелиными ульями. Эти

«знамена» представляли собой различные фигуры, известные из документов под названием «заячьи уши», «тес», «вилы», «рубеж», «сапог», «скамья», «мотовило» и т. д. Захват феодалами бортных лесов, находившихся в общинном владении, лишал «черных» крестьян права самостоятельной эксплуатации бортных угодий. Добываемый мед крестьяне были обязаны теперь поставлять феодалам-землевладельцам. Есть основания считать, что в XIII—XV вв. развивается уже и пасечное хозяйство. В источниках встречаются упоминания «меда улейного» и «ульев со пчелами»[1].

Наиболее распространенным типом крестьянского поселения была деревня — неукрепленный поселок, расположенный обычно вблизи реки и окруженный обрабатываемыми землями. Судя по писцовым книгам конца XV в., деревня в ту пору (а вероятно, и раньше) включала чаще всего 2—3, иногда — 5, но не более 10 дворов. Только в XVI в. известны деревни и села в несколько десятков дворов[2].

Тип застройки крестьянского двора мало известен. Дом стоял в глубине открытого двора, по краям которого располагались хозяйственные постройки — хлев, погреб и т. п., как это можно было наблюдать еще и в позднейшее время в южнорусских поселениях и соседних с ними селах северной Украины.

Другой тип сельского поселения — феодальный за́мок — укрепленная земляным валом и рвом усадьба землевладельца, заключавшая в себе господский дом и службы и окруженная несколькими дворами зависимых крестьян. Примером такого поселения могут служить «городки» новгородских бояр в окрестностях озера Селигер (Березовец) или личное владение Дмитрия Донского — Тушков городок в верховьях р. Москвы, выше Можайска[3]. Жилой дом крестьянина представлял собой в северных областях либо избу с завалинкой, либо дом на высоком подклете (севернорусский тип постройки). В отличие от южнорусских землянок с глинобитными стенами, это были четырехугольные бревенчатые срубы размером в среднем 4 × 4 м с деревянным полом и курной печью. Крыша жилища обычно была тесовой. Освещалась изба волоковыми оконцами, очень скудно. В таком жилище ютилась целая семья, состоявшая зачастую из десятка человек. Хоромы

---

[1] НПК, т. II, стр. 302, 304, 312 и др.; Сб. РИО, т. XXXV, стр. 3.

[2] См. *С. Б. Веселовский*. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, стр. 23.

[3] *С. А. Тараканова*. Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода. «Труды ГИМ», вып. XI, М., 1940, стр. 159—177; *А. В. Арциховский*. Археологические данные о возникновении феодализма в суздальско-смоленской земле. «Проблемы истории докапиталистических обществ». 1932, № 4, стр. 35—60.

феодала могли состоять из ряда примыкающих друг к другу срубов и включали различные помещения, а иногда и небольшую церковь.

* * *

На протяжении XIV—XV вв. наблюдается рост феодальной собственности на землю и дальнейшее развитие феодальных отношений.

В результате длительного процесса феодализации огромные пространства заселенной и свободной земли северо-восточных русских княжеств оказались в руках светских и церковных землевладельцев.

Из многочисленных княжеских владений особенно значительными были владения московских князей, состоявшие из большого числа разбросанных деревень и различных хозяйственных угодий, группировавшихся вокруг городов и княжеских сел. Московскому великому князю Ивану Калите, например, принадлежало более 50 сел, находившихся в Московском и в других княжествах. Великий князь Василий Васильевич Темный перечисляет в своей духовной грамоте уже более 125 сел. Московский удельный князь Владимир Андреевич серпуховский оставил своим наследникам 38 сел, дмитровский князь Юрий Васильевич (брат Ивана III) — 31 село, Иван Борисович волоцкий — свыше 50 сел.[1]

Источники не дают возможности сколько-нибудь полно представить количественный рост боярского землевладения до середины XV в. Однако сохранившийся документальный материал позволяет утверждать, что земельная площадь, принадлежавшая светским феодалам, непрерывно увеличивалась, оставив далеко позади размеры феодальных владений XII—XIII вв. Источники упоминают села Хвостовские у г. Москвы. Они принадлежали боярину А. П. Хвосту и были у него конфискованы за «коромолу» против великого московского князя Семена Ивановича. Крупным землевладельцем являлся Ф. А. Свибло, боярин Дмитрия Донского. Свибловские села были разбросаны на р. Яузе (недалеко от Москвы), в районе Вологды, в волости Отводной на р. Ваге, в Сянской волости на Кубенском озере, в Ростовском княжестве. Духовные великокняжеские грамоты называют Белеутовские села, принадлежавшие Александру Белеуту (на Волоке Ламском, в Угличе и Звенигороде). Многочисленные названия сел, фигурирующие в духовных грамотах князей, указывают на их владельцев из числа московских бояр: Аминево, Афинеево, Воронцовское, Домодедово и многие другие. Несомненно, что в XIV в. боярское землевладение в северо-восточной Руси достигло крупных размеров.

[1] *С. В. Бахрушин.* Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в. «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому», М., 1909, стр. 564; ДДГ, № 1, стр. 7—10; № 61, стр. 194—196; № 17, стр. 45—51; № 68, стр. 221—224; № 88, стр. 351—353.

Боярское землевладение слагалось как путем открытых захватов общинных крестьянских («волостных») земель, так и захватов, облеченных в формы княжеских «пожалований», заимок «пустующей» (в результате неурожаев, войн и т. д.) площади, принадлежавшей «черным» (нечастновладельческим) крестьянам, покупки у «черных» крестьян их земельных участков и т. д.

Церковное феодальное землевладение состояло главным образом из владений митрополита, монастырей и отдельных епископских кафедр. Все эти церковные учреждения, сильно разросшиеся на протяжении ряда столетий, прошедших со времени крещения Руси, непрерывно расширяли свои земельные богатства.

Особенно крупными землевладельцами были монастыри Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский и Соловецкий. Троице-Сергиев монастырь был основан в 1337 г. вблизи г. Радонежа Сергием, происходившим из ростовского боярского рода. Благодаря поддержке московских великих князей небольшая «пустынька» Сергия Радонежского превратилась в мощное монастырское хозяйство. В конце XIV в. монахами Троице-Сергиева монастыря было основано 13 «пустынных монастырей», многие из которых в свою очередь стали рассадниками монастырских организаций[1]. В конце XIV в. постриженики московского Симонова монастыря Кирилл и Ферапонт основали в Белозерском крае монастыри Ферапонтов и Кирилло-Белозерский[2]. Оба монастыря, особенно последний, стали обладателями многочисленных вотчин. Постриженик Кирилло-Белозерского монастыря Савватий в 1429 г. поселился на Соловецком острове[3], где основал самый богатый северный монастырь — Соловецкий, игравший очень крупную роль в экономической жизни Поморья.

Для расширения своих вотчин монастыри пользовались различными средствами. Огромные лесные пространства с озерами и речками переходили в монастырское владение по княжеским «пожалованиям». По таким же «пожалованиям» монастырям отдавалась заселенная и «устроенная» земля — села и деревни с живущими в них крестьянами. По существу это был беззастенчивый захват «черных» (общинных) крестьянских земель, санкционированный великими князьями, считавшими себя верховными собственниками земли, находившейся во владении «черных» крестьян. Поднявшееся и окрепшее на новом месте монастырское хозяйство сначала захватывало соседнюю округу, а потом монахи,

[1] *А. В. Горский.* Историческое описание Троице-Сергиевской лавры, ч. 1, М., 1879, стр. 174—187.

[2] *Н. К. Никольский.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т. I, вып. 1, СПб., 1897, стр. 20 и далее.

[3] *А. А. Савич.* Соловецкая вотчина XV—XVII в. Пермь, 1927, стр. 29—32.

«прикупая» «села к селам» и «нивы к нивам», распространяли свои владения и в более отдаленные места, не останавливаясь при этом и перед границами княжескими. Распространенным источником роста монастырского землевладения были «вклады по душе». Богатые вотчинники обычно дарили монастырям земли под условием «моления» за них после смерти. Мелкие и средние землевладельцы часто делали «вклад по душе» в целях обеспечения себе пожизненного содержания.

Часть общинных земель северо-восточной Руси была еще раньше расхищена феодалами. В XIV—XV вв. этот процесс захвата общинной земельной собственности крупными землевладельцами-феодалами продолжался с особой интенсивностью. Русские князья, давно уже наложившие свою руку на «черные» земли, признав их государственной собственностью, которой княжеская власть имеет право распоряжаться, затем закрепляли общинные владения за феодалами путем дарственных актов или разрешения феодалам их покупать.

Феодалы изыскивали поводы для захвата земель, и значительная часть общинной территории отходила к ним в результате заимок невозделанных «черных» земель, на которые еще «не сел нихто»; вследствие отчуждения феодалам участков, которыми владели отдельные «черные» крестьяне; вследствие «припуска» к феодальным вотчинам общинных земель, «запустевших от мору», «от великого поветрия» и т. д. Феодалы налагали «заповедь» (запрещение въезда) на крестьянские общинные леса, возводили вокруг них изгороди. Въезд в эти леса иногда запрещался вовсе, иногда же разрешался лишь с ведома («доклада») собственника, причем был связан с уплатой определенных пошлин. «Заповедными» делались общественные луга, где когда-то крестьяне-общинники пасли скот, и воды (реки, озера), в которых крестьянам запрещалось ловить рыбу.

С раздроблением волостной территории, переходившей частями в руки частных землевладельцев, утрачивалась общинная связь между крестьянскими хозяйствами, захваченными разными владельцами. Над «миром» с его выборными представителями становились административно-хозяйственные органы феодала, его тиуны и приказчики. К этим органам переходили (под контролем князя) функции, раньше принадлежавшие общине, а затем узурпированные князьями, — суд, сборы налогов и распоряжение пустопорожними участками земли.

При наличии местных особенностей феодальное хозяйство обладало общими характерными чертами, позволяющими рассматривать его в целом. Длившийся столетиями процесс образования крупной феодальной вотчины путем захватов, заимок, куплей, пожалований и семейных разделов создавал большую дробность земельных владений и их разбро-

санность на значительной территории. Каждое отдельное владение представляло некоторый независимый хозяйственный комплекс. Связь между ними выражалась в принадлежности их одному собственнику, осуществлявшему свое право через приказчиков. Рыночные связи первоначально были незначительны. С течением времени эта дробность уменьшалась. Создавались крупные «боярщины» и «монастырщины».

Каждое отдельное феодальное хозяйство обычно состояло из села с «тянувшими» к нему землями и деревнями, число которых значительно колебалось. Село с расположенным в нем двором «боярина», т. е. феодала-владельца, было хозяйственным и административным центром владения. В боярском дворе стояли жилые хоромы и хозяйственные постройки — овин, гумно, конюшня, поварня и пр. Хозяйственные угодья состояли из пашенной, или «орамой» земли (от слова «орать» — пахать), пожен (лугов), леса и промысловых угодий, бортных «ухожаев», бобровых ловищ, перевесищ и других мест для охоты, соляных источников, рыбных ловель и пр.

К селу, как к хозяйственно-административному центру, тяготело более или менее значительное число деревень, чаще всего небольших поселений в один-три двора. Каждая деревня имела свои угодья, расположенные у самой деревни или разбросанные в разных участках. В некоторых случаях пожни и пахотные земли отстояли от деревни на 10—15 и более километров. Эксплуатация таких удаленных участков земли могла производиться только «наездом».

В районах, где существовали большие неосвоенные пространства, точных границ как для деревенских владений, так и для всего феодального владения вначале не могло быть. Признаком принадлежности того или иного участка земли служил факт хозяйственной эксплуатации: «куда из тех земель плуг ходил и соха, куда топор ходил и коса». Часто между владениями простирался «великий бор» и дикий лес, где «топор с топором не сходится».

Рост феодального землевладения, обострение борьбы за земельную собственность и увеличение ее ценности были связаны с возведением сложной системы искусственных пограничных знаков, которые в сочетании с природными границами обычно со всех сторон отмежевывали феодальное владение. В этих целях нагромождались камни, сооружались земляные холмы и насыпи, вырывались канавы и рвы, устанавливались деревянные изгороди и плетни, на деревьях наносились особые знаки — грани и потесы. Границы шли также по течению рек, ручьев, в направлении дорог и т. д.

В некоторых феодальных владениях велось крупное собственное землевладельческое хозяйство, превосходившее по своим размерам многие хозяйства XII—XIII вв. Так, около 1430 г. боярин И. М. Фоминский

передал Троице-Сергиеву монастырю село Медно с 16 деревнями в 25 верстах от Твери. Судя по «данной» (дарственной) грамоте, в этом владении имелось большое количество скота (22 лошади «больших» и 20 «страдных», т. е. рабочих, 65 голов крупного рогатого скота, 130 коз и овец). Хлеба в житницах насчитывалось: 700 коробей[1] ржи, 2000 коробей овса, 50 коробей пшеницы, 50 коробей жита и 14 коробей гречихи, гороха и конопли. Крестьянам по кабалам было роздано ссуд на 54 рубля «новгородским серебром»[2]. Монастыри во второй половине XV в. производили хлеб уже на продажу, как это видно из дошедших до нас жалованных грамот.

В хозяйстве феодалов определенное место занимала эксплуатация промысловых угодий. В XIV—XV вв. московские князья, а также многие бояре владели соляными варницами в Переяславском усолье, у Соли Галицкой, в Нерехте, Чухломе и т. д.

б) Положение крестьян

История феодального землевладения органически связана с историей непосредственных производителей материальных благ — крестьян, на труде которых оно было основано. В северо-восточной Руси крестьянское население носило общее название «людей», «сирот» и «хрестиан» (крестьян). Термин «хрестиане» в смысле крестьян впервые встречается в источниках XIV в. В новгородско-псковских землях сохранилось, кроме того, старое название «смерды».

Крестьяне, не попавшие еще в зависимость от феодалов (светских и церковных вотчинников), попрежнему составляли сельское население государственных («черных») земель. «Черные люди» (впоследствии получившие название «черносошных крестьян») были обложены данью и разными натуральными повинностями в пользу князя. Среди этого разряда крестьянского населения существовала общинная организация, охватывавшая более или менее значительное число деревень, население которых составляло «мир». Территориальная община в XIII—XV вв. носила название «волости» (которую не следует смешивать с позднейшей административной единицей — волостью), а в некоторых местах — «погоста» (в Новгородской земле и Рязанском княжестве). При переходе «черных земель» в феодальную собственность крестьянская общинная организация не разрушалась, но, как указывалось, феодалы ставили ее на службу своим интересам. Вырванные из состава волост-

---

[1] Вес коробьи — ок. 7 пуд. (*Л. В. Черепнин*. Русская метрология. М., 1944, стр. 43—44).

[2] «Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV—начала XVI в.» (далее — АСЭИ), т. I, М., 1952, № 71, стр. 64.

ной «черной» организации, эти земли становились по вопросу податного оклада неподведомственными дворским и сотским (ведавшим податной разверсткой в городах и «черных» волостях) и вступали в административно-хозяйственную и фискальную зависимость от феодала-вотчинника, который непосредственно отвечал за взнос налогов перед князем. Формулы, характеризующие подобный переход, гласили: «ни к сотским, ни к десятцким с черными людьми не тянут ни в какие протори, ни в розметы»[1]. Таким образом, княжеская власть, присвоив себе право распоряжаться волостной «черной» территорией и рассматривая общину-волость в качестве низшего звена государственного аппарата, поставила ее на службу своим фискальным интересам, сделав ответственной за поступление налогов; в то же время с санкции этой власти все большее число «черных» земель переходило в руки частных привилегированных землевладельцев.

Крестьяне, жившие на территории волости-общины, владели индивидуальными земельными участками. Они могли эти участки продавать, передавать по наследству, отказывать «по душе» в монастырь с санкции общины. Общине в целом принадлежала вся остальная земля с находившимися на ней угодьями, пожнями, лесами, озерами, а также пустопорожними участками. По словам В. И. Ленина: «Формы кр[естьянского] з[емле]вл[а]д[е]ния — *компромисс* м[ежду] общинным и частным з[емле]вл[а]д[е]нием.

в частн[ой] соб[ственности]: усадьба, дом; полосы земли в различных «концах» поля.

в общ[инной] собств[енности]: выгон. (NB) Inde: Flurzwang»[2].

Во главе общинной организации стояли выбранные крестьянами старосты (в некоторых случаях они назывались сотскими) и десятские. Дело, касавшееся общины, обсуждалось на собрании «мира», т. е. всех жителей территории данной общины. Община-волость сама раскладывала подати и собирала налоги. Она пользовалась некоторыми судебными правами: «мир» разбирал земельные тяжбы между своими членами и судил их за мелкие уголовные преступления. На всей общине лежала ответственность за преступления, совершенные на ее территории. «Мир» во главе со старостой распоряжался общинными землями, призывал новых поселенцев, передавал в индивидуальное владение общинные участки или продавал их на сторону. На обязанности общины лежала судебная защита волостной территории, если на нее посягали и частные землевладельцы. В судебных процессах «староста и все христиане» выступают от лица волости, «стоя» (борясь) за землю, захваченную соседним феодалом, по словам крестьян, «не ведомо почему».

[1] АФЗиХ, № 97, стр. 93.

[2] «Ленинский сборник», т. XIX, стр. 31.

Волостному «миру» принадлежало право выносить ряд решений, относящихся к кругу вопросов внутренней жизни общины. Он культивировал запустевшие, выморочные, бесхозяйные участки и общинные угодья. По выражению источников, «староста и все христиане» косят «к волости» луга; «орут, сеют и в наем дают» пустоши или же передают их для обработки своим сочленам, обязывая последних «ставить дворы» и «тянуть тягло», и пр. В фискальном отношении отдельные дворы «тянут к волости», пользующейся правом раскладки податей и сбора налогов; живущие в этих деревнях крестьяне «тянут соднова с волостью» тягло.

Территориально волость-община была разных, иногда весьма значительных, размеров. Так, волость Волочек Словенский в Белозерском крае охватывала в начале XVI в. площадь около 500 квадратных километров[1]. Крупные волости состояли часто из ряда мелких общин— «волосток», с течением времени выделявшихся в отдельные единицы.

Частновладельческие крестьяне эксплуатировались в феодальном хозяйстве на основе преимущественно ренты продуктами при сохранении и отработочной. Эти два вида ренты сосуществовали с преобладанием ренты натуральной.

Судя по так называемой «уставной грамоте» митрополита Киприана и великого князя Василия Дмитриевича, касающейся порядков, имевших место в селах митрополичьей кафедры во Владимирском уезде в XIV в., у митрополита-феодала там не было собственного барщинного хозяйства, и крестьяне эксплуатировались на основе натурального оброка[2].

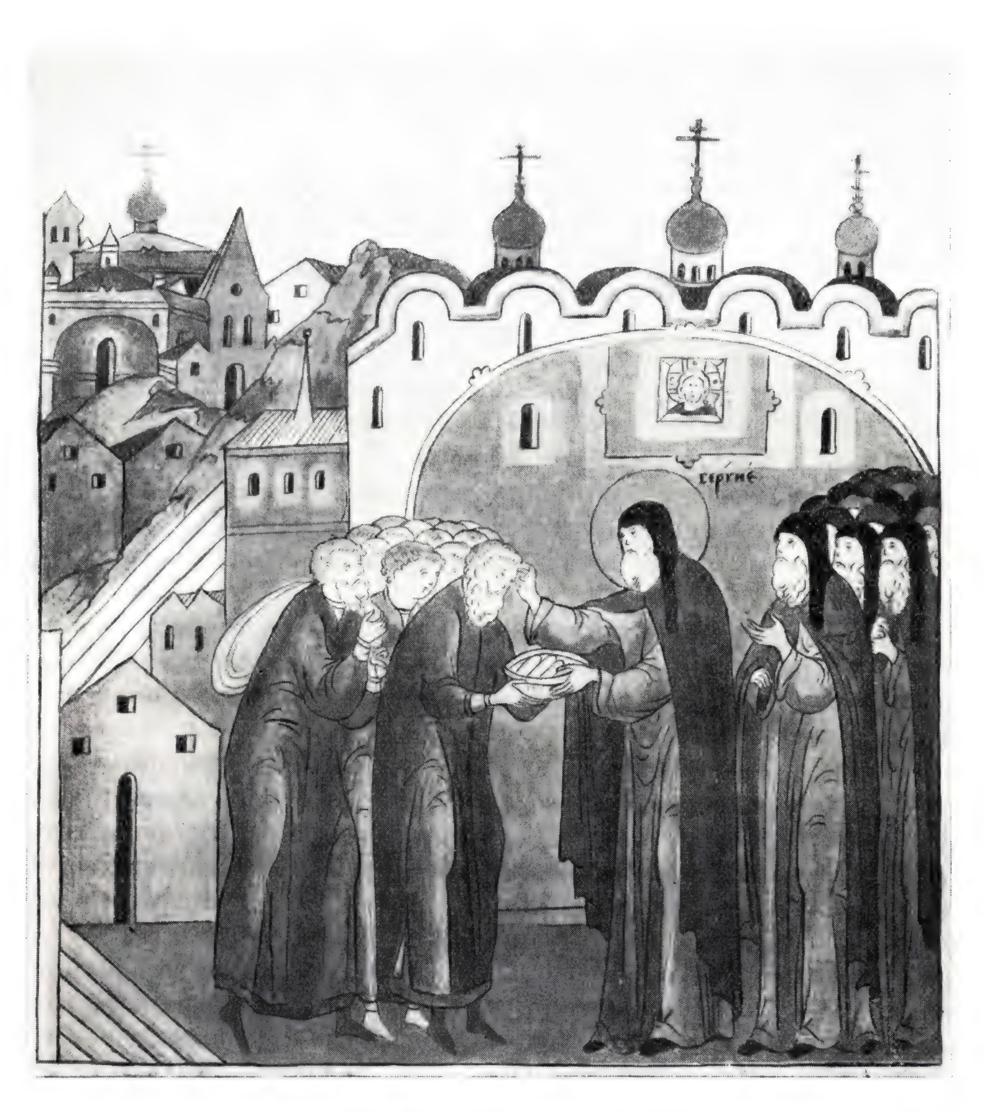
Полный перечень крестьянских повинностей конца XIV в., приведенный в грамоте 1391 г. митрополита Киприана Константиновскому (около г. Владимира) монастырю, также свидетельствует, что крестьяне несли натуральную ренту продуктами и наряду с этим выполняли некоторые «изделия» (отработочная рента)[3]. Крестьяне, названные в этом документе «большими людьми» (под которыми следует понимать более зажиточную часть сельского населения, имевшую лошадей), должны были являться к игумену на пасху и в день Петра и Павла с приношениями, «что у кого в руках». Некоторые натуральные повинности в одинаковой мере падали и на «больших людей» и на другую категорию крестьян, названных в грамоте Киприана «пешеходцами», т. е. безлошадными. Все крестьяне, как «большие люди», так и «пешеходцы», давали в монастырь на праздники «яловицу» (корову).

---

[1] *А. И. Копанев.* Землевладение Белозерского края XV — XVI вв. М — Л., 1951, стр. 187.

[2] ААЭ, т. I, № 11, стр. 6—7.

[3] АФЗиХ, № 201, стр. 179—180.

Взимание оброка с крестьян в монастырь. Миниатюра конца XVI в.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

В случае приезда игумена в село на «братщину» (праздник) коням игумена давалось по «зобне» (мере) овса.

Помимо натурального оброка, крестьянами Константиновского монастыря выполнялись и некоторые барщинные работы. «Большие» крестьяне должны были «взгоном», т. е. сообща, пахать участок («жеребей») игумена, сеять, жать и убирать урожай, косить сено и возить его на монастырский двор. Эти крестьяне выполняли ряд работ и в монастыре: строили и чинили («наряжали») церковь, ставили хоромы, огораживали монастырский двор тыном, оплетали сады, прудили пруды. Трудом этих же крестьян велась эксплуатация промысловых угодий. Они обязаны были ходить осенью на бобров, ловить рыбу неводом и «бить ез» весной и осенью.

«Пешеходцы» также выполняли различные работы в монастырском хозяйстве. Количество этих работ, судя по грамоте, как будто было и меньше, но в действительности экономическое положение этой категории крестьян, лишенных лошадей, было значительно тяжелее. «Пешеходцы» мололи рожь, пекли хлеб, приготовляли солод, варили пиво, молотили рожь на семена; из розданного игуменом льна пряли и изготовляли неводные сети.

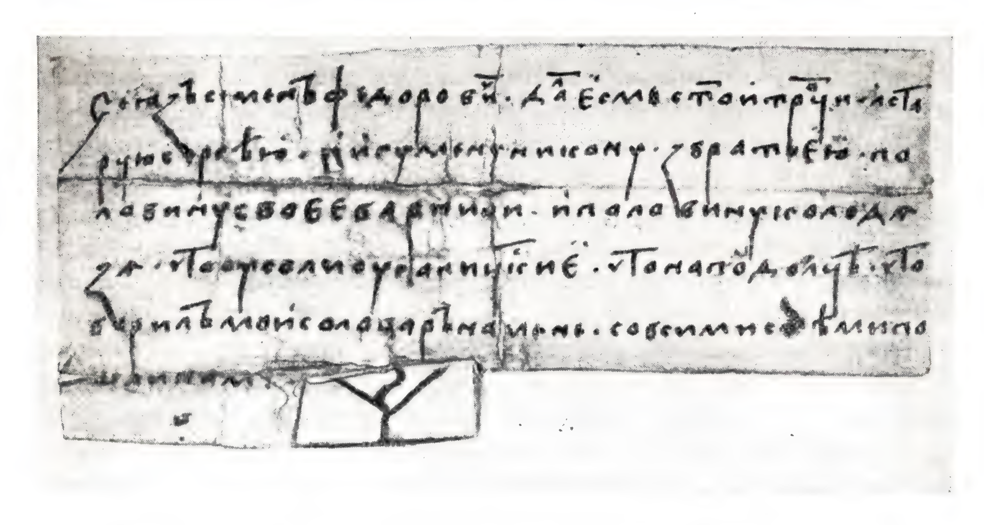
В. И. Ленин, говоря о характерном для средневекового хозяйственного режима соединении патриархального (натурального) земледелия с домашними промыслами, использовал материал, имеющийся в грамоте Киприана [1].

Таким образом, повинности крестьян в Константиновском монастыре выражались в натуральном оброке (ренте продуктами) в виде нерегламентированных приношений к празднику и в мелких «изделиях», т. е. работе в монастырском хозяйстве (отработочная докапиталистическая земельная рента). Работа на пашне была еще незначительной.

Натуральный оброк занимал основное место в крестьянских повинностях и охватывал все продукты крестьянского хозяйства. Крестьяне поставляли землевладельцу и его приказчику рожь, пшеницу, ячмень, горох, лен, печеный хлеб, мясо, масло, сыр, яйца, кур, овчины и т. д. Размеры всех приношений были определены «стариной».

Источники говорят об усилении феодального гнета и изменении форм эксплуатации зависимого крестьянства. Важным этапом в этом процессе является конец XIV в., когда наблюдается стремление со стороны феодалов увеличить крестьянские повинности в форме повышенного оброка и некоторого усиления барщинных работ. Крестьяне со своей стороны отстаивали те повинности, которые были установлены

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 329.

Данная грамота боярина С. Ф. Морозова в Троице-Сергиев монастырь на половину варницы, 1392 г.

Архив Института истории Академии Наук СССР в Ленинграде.

неписанным сеньориальным правом, и стремились к их закреплению. Это очень ясно видно из грамоты митрополита Киприана.

До конца XIV в., при отсутствии общих законов, определявших положение крестьян, отношения между крестьянами и землевладельцем регулировались обычаем — «стариной». В приведенном выше примере с грамотой Киприана крестьяне Константиновского монастыря жаловались митрополиту на нового игумена, который заставлял их работать «не по пошлине», чего «при первом игумене не бывало». Митрополит велел опросить старого игумена и митрополичьих бояр, живших во Владимире, о крестьянских повинностях, существовавших раньше во владениях Константиновского монастыря. Установленный путем опроса перечень повинностей был затем внесен в грамоту митрополита, которая и для крестьян и для монастырских властей носила обязательный характер: «ходите ж вси по моей грамоте,— писал митрополит Киприан,— игумен сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дело монастырское делайте; а хотя кто будет иный игумен по сем игумене, и тот ходит по сей моей грамоте».

Феодал-землевладелец, чтобы заставить крестьян выполнять повинности, которые в том или другом размере касались всего крестьянского населения, располагал, во-первых, средствами своей вотчинной власти и, во-вторых, помощью высшего сеньора (князя и высших церковных властей). Выступление крестьян Константиновского монастыря в конце XIV в., хотя и было облечено в форму «челобитья» церковным властям, по существу представляло собой акт классовой борьбы против

умножения сеньориальных повинностей, за фиксированную ренту. В данном случае феодал был вынужден удовлетворить крестьянские требования.

Новый этап истории крестьянства падает на вторую половину XV в. В связи с изменением общих хозяйственных условий, вызванных развитием товарно-денежных отношений, в феодальных владениях замечается некоторый рост барщинного хозяйства нового типа, рассчитанного на связь с рынком, и соответственное усиление феодальной эксплуатации крестьян.

Одновременно наблюдается, пока еще незначительное и далеко не повсеместное, распространение денежной ренты. Данные о ней сохранились главным образом в писцовых книгах, относящихся к территории Новгородской земли. Так, Белозерская уставная грамота наместничьего управления 1488 г. говорит об отдельных случаях замены натуральных повинностей денежными, вызванной развитием рыночных отношений.

Сохранившийся материал по феодальным владениям северо-восточной Руси свидетельствует о том, что, несмотря на появление денежной ренты, преобладающим видом ренты остается продуктовая. Здесь наблюдаются еще только первые признаки появления денежной ренты.

С изменениями в формах эксплуатации крестьян тесно связано и право крестьянского перехода и прикрепление крестьян к феодальным владениям.

Внеэкономическое принуждение играло роль в укреплении экономической власти помещиков-крепостников. Маркс указывает, что в условиях, когда непосредственные производители-земледельцы имеют самостоятельное хозяйство, «прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее». При этом зависимость крестьян от феодала может носить различный характер: она может «от крепостничества с барщинным трудом... смягчаться до простого оброчного обязательства»[1].

Переход крестьян в другое княжество представляет собой одну из форм классового протеста. Наступление феодалов на крестьянский труд привело к тому, что крестьянские переходы как средство борьбы с феодальным гнетом превращались в побеги.

Уход крестьян затрагивал не только интересы местного феодального собственника, но и князя, который в лице ушедших терял плательщиков дани. Поэтому в XIV в. князья вносили в договоры между собой условия не принимать «письменных» (внесенных в списки плательщиков)

---

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. III, Госполитиздат, 1950, стр. 803.

и «тяглых» людей. Так устанавливалось ограничение для свободного передвижения крестьян. Для данного времени нам не известны законодательные памятники, которые ограничивали бы переход крестьян внутри отдельного княжества или юридически прикрепляли их к феодальному владению.

Разумеется, юридические постановления, в том числе и правило о приеме крестьян из чужих княжеств, выполнялись в ту пору далеко не всегда. Так, например, одна грамота первой четверти XV в. упоминает о случае «переима» архимандритом нижегородского Благовещенского монастыря великокняжеских «сирот», ушедших из «отчины» великого князя. Архимандрит «осадил их у себя» во владениях, и великий князь был вынужден признать этот факт, противоречивший формулам ряда других документов, отвергавших подобную практику[1].

Однако основная масса крестьян издавна была прочно связана с определенными феодальными хозяйствами.

С начала XV в. в составе крестьянского населения появляется категория «старожильцев», которые противопоставляются «новоприходцам». В памятниках более раннего времени эти термины не известны. Б. Д. Греков определяет старожильцев как «крестьян-тяглецов», живущих «на определенном участке земли, государственной или частновладельческой», и обязанных нести повинности в пользу государства в случае проживания на государственной земле, или в пользу государства и владельца в случае проживания на частновладельческой земле[2].

Реальное положение старожильца аналогично положению древнерусского смерда, попавшего в феодальную зависимость от землевладельца. Но на новом этапе развития феодального способа производства, во-первых, значительно расширяются ряды зависимого крестьянства; во-вторых, их положение подвергается более строгой юридической регламентации, их право перехода постепенно ограничивается по закону, причем это касается прежде всего старожильцев.

Князья, заинтересованные в заселении территории своего княжества, охотно давали частным землевладельцам льготу для крестьян, перезванных из других княжеств, освобождая их на 10—15 лет от всех или большинства повинностей и налогов, т. е. от «тягла». В целях привлечения рабочих рук на свои земли и землевладельцы, призывая крестьян, давали им «льготу», освобождая на определенный срок от барщины и оброка и поселяя их целыми «свободами» (слободами).

По истечении льготных лет «новопришлые» сливались с остальной массой «старожилых» крестьян. Юридически в первой половине XV в.

[1] *Л. В. Черепнин*. Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв. «Исторические записки», № 9, стр. 32.

[2] *Б. Д. Греков*. Крестьяне на Руси. М.—Л., 1946, стр. 635—636.

старожильцы еще не были лишены права ухода. Например, в жалованной грамоте великого князя Василия Дмитриевича 1423 г. нижегородскому Благовещенскому монастырю в числе людей, перезванных архимандритом на монастырские пустоши, упомянуты «тутошние старожильцы»[1].

Но фактически старожильцы были прочно связаны со своим хозяйством. Это видно из того, что при разборе земельных тяжб часто выступали свидетели, помнившие факты, случившиеся за 40, 60 и даже 80 лет, причем отцы и деды этих свидетелей также жили в тех же местах. Старожильцы представляли наиболее ценную категорию крестьян для феодальных собственников и для князя, заинтересованного в исправном поступлении доходов. Отсюда возникало стремление возможно прочнее связать основное население с данным владением и феодальным хозяйством. К этому приводила и экономическая зависимость, которая легко появлялась при общей неустойчивости и бедности крестьянского хозяйства в результате различных недоимок, а также хозяйской «подмоги» продуктами и деньгами, носившей общее название «серебра».

Ссуда «серебром», существовавшая и раньше, получила большое распространение в XV в., когда в составе крестьянского населения появилась значительная категория крестьян — «серебреников». Существовали два основных вида «серебра»: серебро «дельное», или «издельное», и серебро «ростовое». «Дельное» серебро давалось крестьянам в ссуду при условии выполнения «изделья» (разных работ в хозяйстве феодала), которое заменяло уплату процентов. Крестьяне, взявшие «дельное» серебро, носили название серебреников-«издельников». Одним из видов этого серебра было серебро или деньги «в пашне». В этом случае предусматривался один вид крестьянской работы— работа на барской пашне. «Ростовым» серебром называлось серебро, отданное в долг под условием уплаты процентов («роста»). Разновидностью его было «летнее» серебро, погашение которого происходило в рассрочку по годам.

Развитие серебренничества как средства экономического закабаления в XV в. свидетельствовало о наступлении феодалов на непосредственных производителей в условиях расширения феодального хозяйства и развития товарно-денежных отношений. Ссуда крестьянам «серебром» была в руках землевладельцев важным средством для привлечения крестьян и закрепления их за данным хозяйством.

По словам Б. Д. Грекова, «серебро издельное», или «дельное», насколько позволяют судить наши источники, можно рассматривать как

---

[1] ААЭ, т. I, № 21, стр. 15; АФЗиХ, ч. I, № 230, стр. 202.

категорию, в которую ингредиентом входит и денежная рента с крестьян...»[1]

Во второй половине XV в. наступает значительное изменение в положении крестьян. Оно было связано с относившимися к этому времени общими хозяйственными сдвигами в стране. От середины XV в. сохранились наиболее ранние княжеские грамоты, запрещавшие выходы крестьян (в первую очередь старожильцев) от своих владельцев. Эти грамоты появляются после окончания феодальной войны второй четверти XV в., когда все феодалы мобилизовали свои силы для развернутого наступления на крестьянство. Одна грамота московского великого князя Василия II игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану от середины XV в. касается крестьян Углицкого уезда, которые «вышли» из троицких владений и перешли в великокняжеские или боярские села, не желая «ехати на... службу великого князя к берегу» (т. е. выполнять повинность по охране речных переправ от татарских набегов). Игумену Вассиану и монастырской братии было предоставлено право обратного вывода разошедшегося сельского населения («велел есми те люди вывести опять назад»).

Монастырь получил также разрешение князя не допускать в дальнейшем «отказов» от владельца со стороны крестьян, которые в момент выдачи грамоты проживали в его вотчинах: «а которые люди живут в их селех и нынече, и яз, князь великий, тех людей не велел пущати прочь». Для возвращения крестьян, не пожелавших исполнять береговую службу и в связи с этим покинувших монастырские села, монастырский посельский мог обратиться к углицкому наместнику[2].

Другая грамота аналогичного содержания касается населения принадлежавшего Троице-Сергиеву монастырю села Присек, расположенного в пределах Бежецкого Верха. В ней имеется в виду одна категория сельского населения — именно «старожильцы», которые категорически лишаются права «отказа» от владельца и перехода из пределов монастырских земельных владений в чужие вотчины («которого их хрестьянина из того села и из деревень кто к собе откажет, а их старожильца, и яз, князь велики, тех хрестьян из Присек и из деревень не велел выпущати ни к кому»)[3].

Правда, приведенные выше грамоты не имели еще общего применения и касались лишь отдельных конкретных феодальных владений. Но они свидетельствуют, что со второй половины XV в. можно говорить о намечающемся изменении юридического положения крестьян-старо-

---

[1] *Б. Д. Греков.* Указ. соч., стр. 655.
[2] АСЭИ, т. I, № 265, стр. 192.
[3] Там же, № 264, стр. 192.

жильцев, которые первыми среди зависимого крестьянства потеряли право выхода.

Некоторым ограничениям подверглось с середины XV в. и право выхода от феодалов для серебреников. Для них был установлен (например, в Белозерском княжестве) один срок «отказа» (с уплатой долга) в году — Юрьев день осенний (26 ноября). Причина введения Юрьева дня кроется, несомненно, в общем хозяйственном переломе, который заставлял землевладельцев, увеличивая товарность сельского хозяйства, усиливать нажим на крестьянский труд. С окончанием феодальной войны этот нажим еще более возрос.

Из одной грамоты середины XV в. белозерского князя Михаила Андреевича узнаем о челобитье игумена и «старцев» Ферапонтова монастыря. Они жаловались, что у старосты черносошной волости Волочка Словенского имеется княжеская грамота, разрешающая в течение года прием из монастырских деревень «половников в серебре межень лета и всегды», причем серебреники имели право расплачиваться с монастырем «в истое на два года без росту» (т. е. без процентов). По просьбе монастырских властей князь Михаил Андреевич запретил переход «манастырьских людей серебреников» в пределы Волочка Словенского в иное время, кроме Юрьева дня осеннего (за две недели до него и неделю спустя), и «подернил» (уничтожил) «полетную грамоту», предоставлявшую крестьянам рассрочку в уплате долга. Серебреники, вышедшие из монастырских вотчин, должны были «дело доделывать на то серебро», а осенью заплатить свой долг[1]. Аналогичная грамота о Юрьеве дне как сроке «отказа» для серебреников была адресована Михаилом Андреевичем на Белоозеро к наместнику, боярам, детям боярским, посельским и «всем без оменки»[2]. Третья грамота такого же содержания была дана игумену Кириллова монастыря Касьяну от имени великого князя Василия II[3]. В более поздних документах второй половины XV в. встречаются указания на применение Юрьева дня осеннего в качестве срока крестьянского отказа на территории бывших княжеств Ярославского, Суздальского и др.

Наряду с крестьянским трудом в феодальном хозяйстве применялся и труд холопов, хотя последние и не были основной производящей силой. Холопы, работавшие на пашне («страдные люди», «страдники», «люди полные в селех»), иногда помещались на барском дворе и пользовались хозяйским инвентарем. Другая часть жила в деревнях, имела собственную запашку и по положению приближалась к крепостным

[1] ААЭ, т. I, № 48/I, стр. 35.
[2] Там же, № 48/II, стр. 36.
[3] Там же, № 48/III, стр. 36.

Жалованная грамота Благовещенскому монастырю 1463 г.

Архив Института истории Академии Наук СССР в Ленинграде.

Оборотная сторона той же грамоты с позднейшими подтверждениями ее.

крестьянам. Наибольшее применение труд холопов находил в мелком ремесле, обслуживавшем нужды боярского двора. К холопам часто принадлежала и вотчинная администрация — приказчики, ключники, тиуны и др. Невыгодность труда холопов приводила к тому, что феодалы отпускали их на волю еще в XII—XIII вв. Но массовое сокращение применения труда холопов в вотчинном хозяйстве наблюдается с XV в. Эволюция феодальной вотчины в условиях развития рыночных отношений неизбежно наталкивалась на экономическую невыгодность «обельного», или полного, холопства как формы эксплуатации труда и должна была вызвать существенные изменения самого института холопства. В XV в. можно наблюдать сокращение числа холопской челяди в княжеских и боярских владениях. Заметным явлением этого времени, нашедшим отражение в духовных грамотах (княжеских и боярских), был массовый отпуск холопов на волю. Иван Калита около 1339 г. по завещанию передал сыновьям всех холопов («куплених людей»), записанных в «великом свертце». Василий I в конце первой четверти XV в. завещал своим дочерям по пяти семей холопов, а всех остальных холопов отпустил на свободу. Великая княгиня Софья Витовтовна в середине XV в. «ослободила» по духовной грамоте всех своих холопов[1].

Феодальная церковь всячески пропагандировала отпуск холопов на волю: религиозные идеи обслуживали потребность развивающегося феодального базиса.

Можно заметить и другую тенденцию в хозяйственной практике землевладельцев: вместо отпуска холопов на волю — перевод их на пашню и фактическое превращение в крепостных крестьян.

В конце XV в. в связи с углублением феодальной эксплуатации появляется особая категория феодально-зависимого населения — кабальные люди. Первое упоминание о кабальных людях встречается в завещании удельного князя Андрея Васильевича Меньшого (1481)[2], наиболее ранний сохранившийся текст служилой кабалы относится к 1510 г.[3]

Сущность кабальных отношений заключалась в эксплуатации рабочей силы должника феодалом на основании особой заемной расписки («служилой кабалы» или «кабалы за рост служити»). Должник был обязан своим трудом погашать проценты на занятую сумму. Юридически зависимость по служилой кабале не являлась холопской. Но фактически должник попадал в положение безвыходной зависимости от

---

[1] ДДГ, № 57, стр. 177.

[2] Там же, № 74, стр. 277.

[3] *А. И. Юшков.* Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ, ч. 1, М., 1898, № 78, стр. 66.

кредитора, так как его повседневная работа («служба по вся дни») в хозяйстве последнего шла лишь на уплату процентов. Кабальный человек мог возвратить долг, лишь получив ссуду у другого феодала, нуждавшегося в рабочих руках. Естественно, что новая ссуда влекла за собой для кабального человека только перемену хозяина. Наконец, долговая сумма часто вообще носила фиктивный характер, маскируя юридическое оформление отношений феодальной зависимости. Экономическое закабаление сочеталось с внеэкономическим принуждением.

Ряд исследователей пытался установить преемственную связь служилой кабалы с другими, более ранними (XIII--XIV вв.) разновидностями феодальной зависимости. Кабальные люди сближались с «закупами», «закладнями». Несмотря на бесспорное наличие общих черт, свойственных всем названным категориям феодально-зависимого населения, служилая кабала являлась своеобразным продуктом социально-экономических отношений определенного исторического периода (конец XV—XVI в.). Ее история связана с ростом товарного производства, обслуживающего феодализм, и увеличением спроса на зависимый труд. В связи с этим появилась значительная группа неимущих людей, искавших применения рабочей силы в «служилой кабале», замаскированной в форме «добровольного» договора. Труд кабальных людей использовался как в городе, так и в деревне. Сохранились кабалы, по которым вольные люди давали обязательства работать в сельском хозяйстве у землевладельцев, пахать на них пашню и нести другие повинности. Однако государева тягла они не тянули. В этом их отличие от крестьян-новопорядчиков.

Итак, во второй половине XV в., в период образования Русского централизованного государства, в положении русского крестьянства произошли серьезные изменения. Юридические ограничения права перехода, которые уже давно вводились для отдельных категорий крестьян и особенно усилились к XV в., завершились изданием «Судебника» 1497 г., согласно которому крестьяне могли «отказываться» от владельцев лишь один раз в году, в Юрьев день осенний. С образованием централизованного государства и укреплением аппарата власти господствующий класс получил в свои руки новые средства для обеспечения господства над зависимым от него производящим классом.

в) Иммунитет

Господствующий класс феодального общества, эксплуатируя зависимое население своих вотчин, применял методы внеэкономического принуждения. Средства этого принуждения менялись в связи с изменением форм эксплуатации и развертыванием классовой борьбы. В пе-

риод феодальной раздробленности привилегированная феодальная вотчина сохраняла известную самостоятельность не только в экономическом, но и в политическом отношении, так как ее собственник обладал по отношению к населению принадлежавшей ему территории существенной частью государственной власти. По терминологии феодального права, такие частные владения пользовались иммунитетом, т. е. в той или иной степени освобождались от суда княжеских чиновников и государственных платежей и повинностей. Маркс выяснил, что «в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»[1], но поскольку сама земельная собственность носила иерархический характер, то и характер и объем иммунитетных прав были разнообразны. Такой порядок, вызванный развитием феодального хозяйства в условиях слабых экономических связей, существовал в северо-восточной Руси на протяжении столетий, хотя все больше стеснялся суверенитет феодалов, а права центральной великокняжеской власти расширялись.

Исходя из указаний Маркса об иммунитете как атрибуте феодального землевладения, надо признать, что иммунитет возникает вместе с появлением частной феодальной земельной собственности, в результате узурпации землевладельцами судебных, фискальных и иных прав, принадлежавших ранее свободным крестьянским общинам. Иммунитет обеспечивает земельным собственникам возможность эксплуатации непосредственных производителей на основе феодальной ренты.

В дальнейшем, с укреплением великокняжеской власти, в жалованных грамотах все чаще начинает проводиться взгляд на великокняжескую власть как на источник иммунитетных привилегий. «...Здесь мы подходим к тому пункту, когда рассмотрение общественных отношений ведет нас к рассмотрению отношений государственных, где мы от экономики переходим к политике»[2].

В связи с развитием феодальной экономики как основы политического объединения и обострением классовой борьбы в деревне феодалы, нуждающиеся в крепкой власти, которая взяла бы на себя защиту их интересов, должны были уступить князю часть своих привилегий.

Такая перестройка иммунитета — следствие прежде всего роста производительных сил и связанного с ним изменения форм феодальной эксплуатации, что требовало организации на новых началах господства класса феодалов над непосредственными производителями. Эволюция иммунитета отражает общий процесс сложения централизованного государства и ликвидации феодальной раздробленности,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XVII, стр. 366.

[2] Там же, т. XVI, ч. 1, стр. 443.

вызванный серьезными сдвигами в социально-экономическом развитии. Этот процесс сопровождался классовой борьбой, причем в руках господствующего класса иммунитет служил средством держать в узде эксплуатируемое большинство трудового населения.

Степень полноты иммунитета зависела от положения землевладельцев в системе феодальной иерархии и в связи с этим от степени потребности тех или иных групп класса феодалов в защите их княжеской властью от антифеодальных выступлений со стороны своих крестьян, а также и от попыток других, более крупных феодалов, отнять их земли и право на ренту. Наиболее полным иммунитетом пользовались местные князья, сохранившие значительную часть своих владельческих прав и после подчинения их княжеств Москве.

К князьям-вотчинникам по объему феодальных прав приближались крупные духовные землевладельцы — митрополит, епископы и крупнейшие монастыри. Мелкие и средние военные слуги пользовались более ограниченным иммунитетом.

Таким образом, в северо-восточных русских землях, как и в других странах Европы и Востока, наблюдалась характерная для феодализма связь земельной собственности с политической властью над сидящим на земле зависимым населением. Каждое феодальное владение составляло в большей или меньшей мере самостоятельную общественно-политическую ячейку феодального общества. Отношения между феодалами устанавливались в виде иерархической лестницы, наверху которой стояли великие князья, за ними шли князья мелких уделов и их «вольные» слуги. Вся эта иерархия была «ассоциацией, направленной против порабощенного, производящего класса»[1], т. е. против зависимого крестьянства.

Иммунитетные княжеские грамоты, фиксируя судебные и податные льготы для частновладельческих земель, в то же время ставят условием вотчинникам «не перезывать» и «не принимать» княжеских «письменных и данских (т. е. «положенных в тягло» и обложенных данью.— *Ред.*) людей», «тяглых письменных», «тяглых данских», иногда «письменных и неписьменных», «тутошных людей волостных», «становых» и т. д. С другой стороны, и князь запрещает своим приказчикам и посельским «примати людей» из частновладельческих сел. На практике эти установления выполнялись крайне плохо, и шли постояные тяжбы за землю, за крестьян.

Необходимо отметить несколько этапов в историческом развитии иммунитета. Первый этап продолжается до конца XIV в. В это время иммунитетные привилегии феодального землевладения отличались наи-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. IV, стр. 14.

большей полнотой (несудимость без всяких ограничений, неограниченные льготы в области обложения и т. д.). Право суда и сбора дани в феодальной вотчине рассматривалось как исконное право землевладельца. Однако сеньориальные права феодала требовали признания со стороны княжеской власти. Поэтому уже в это время княжеская жалованная грамота получила характер важного государственного акта. В зависимости от реального соотношения сил акт, закрепляющий судебный и податной иммунитет, выступает в форме или «пожалования» или договора — «доконча̀нья» князя с крупным зевлевладельцем. Иммунитетная грамота в ее обеих разновидностях служила в руках князей средством, которое помогало им найти опору в тех или иных группах класса землевладельцев (служилом боярстве, дворянстве, церковных феодалах) и общими силами держать в подчинении эксплуатируемое население.

Так, в первой половине 60-х годов XIV в. несколько тверских князей во главе с великим князем Василием Михайловичем дали жалованную грамоту тверскому Отрочу монастырю. Согласно этому акту, монастырские «сироты» (крестьяне) не должны были нести никаких повинностей вместе с городскими и волостными людьми, дворские и старосты не имели права привлекать их на общих началах к выполнению тягла («ать их не займают ни про что»). Княжеским данщикам, писцам, пошлинникам и т. д. был запрещен въезд «к монастырским людям». Судебный иммунитет также не знал никаких ограничений[1].

Полный иммунитет фиксирует и грамота рязанского князя Олега Ивановича Ольгову монастырю на село Аристовское в 70-х годах XIV в.[2] В ней имеется указание на дарение князем Олегом монастырю названного села с судом и всеми пошлинами. Кроме того, грамота Олега подтверждает земельные пожалования прежних рязанских князей, сведения о которых Олег Иванович нашел в представленных ему монастырскими властями «данных» грамотах. Пересмотр последних производился совместно с рязанским епископом и боярами. Согласно тем (правда, преувеличенным) данным, которые приведены в жалованной грамоте Олега, его «прадеды» дали монастырю девять земель бортных и пять погостов с населением в 1000 семей. Эти территориальные единицы находились под охраной иммунитета. Грамота Олега очень ярко показывает, как иерархия рязанских феодалов (князь, монастырь, бояре)

---

[1] ААЭ, т. I, № 5, стр. 2—3.

[2] АИ, т. I, № 2, стр. 2—3; *Б. А. Романов.* Элементы легенды в жалованной грамоте великого князя Олега Ивановича рязанскому Ольгову монастырю. «Проблемы источниковедения», сб. III., «Труды Ин-та истории АН СССР», М.—Л., 1940, стр. 205—224.

выступает в качестве организованного коллектива против феодально-зависимого крестьянства.

Феодальный иммунитет в Московском княжестве в XIV в., так же как и в других княжествах, отличается широкими размерами судебных и податных льгот. Иммунитет ограждает интересы земельных собственников. Феодальная земельная собственность «подобно племенной и общинной... также покоится на коллективе, которому, однако, противостоят в качестве непосредственно производящего класса не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне»[1]. Но этот «коллектив» сохраняет единство лишь по отношению к антагонистическому ему классу — крестьянству, а внутри он ведет борьбу за землю, за крестьян, свидетельством чему и является иммунитет.

Второй этап в истории иммунитета охватывает время с конца XIV до второй четверти XV в. В процессе объединения русских земель вокруг Москвы, с присоединением к последней некоторых ранее самостоятельных княжеств, замечаются и первые попытки перестроить на новых началах систему организации господства класса феодалов над непосредственными производителями. Происходит централизация суда. Объем иммунитетных прав феодального землевладения постепенно сокращается. Грамоты московского князя первой четверти XV в. часто делают изъятия в пользу представителей местной администрации из круга дел, подсудных иммунистам-феодалам. Обычно суду наместников и волостелей передаются дела о «душегубстве». Во вновь присоединенных княжествах ограничения иммунитета становятся еще больше и распространяются, наряду с «душегубными делами», и на дела о «разбое с поличным». Такого рода ограниченный судебный иммунитет фиксирует, например, грамота Василия I нижегородскому Благовещенскому монастырю, выданная в 1423 г., вскоре после ликвидации самостоятельности Нижегородского княжества[2].

В первой же четверти XV в. был сделан опыт реорганизации сместного (т. е. совместного) суда (по делам между лицами, подсудными феодалу и княжескому наместнику). Были, во-первых, использованы «сместные судьи» для борьбы с наиболее крупными преступлениями против феодального права, изъятыми, таким образом, из непосредственной подсудности иммунистам; во-вторых, централизован суд, в форме доклада великому князю дел, вызывавших споры между «сместными судьями»[3]. Этот опыт нашел выражение, например, в грамоте Василия Дмитриевича 1425 г. на владимирские села, принадлежавшие

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. IV, стр. 14.

[2] ААЭ, т. I, № 21, стр, 15; АФЗиХ, ч. I, № 230, стр. 202.

[3] *Л. В. Черепнин*. Русские феодальные архивы XIV — XV веков, ч. 2, М., 1951, стр. 136.

митрополичьей кафедре. В ней читаем: «А грамоту правую дают оба судьи (княжеский и митрополичий.— *Ред.*). А татя и разбойника оба судьи с одного казнят; а которой судья не имеет казнити, тому быти от меня самому кажнену». В другом месте: «А о чем ся сопрут судьи, и они мене, великого князя, докладывают, а поставя передо мною обою истцев. А истцево доправливати того приставу, чей будет виноват»[1].

Причины этих изменений в области иммунитета надо искать в процессе государственной централизации в связи с общим экономическим развитием и в развитии классовой борьбы в деревне, вызванной усилением феодального гнета. Отсюда — мероприятия великокняжеской власти по преследованию нарушителей права феодальной собственности («татей» и «разбойников»). Отсюда — укрепление аппарата центральной государственной власти на местах путем сосредоточения больших полномочий в руках наместников и волостелей.

Сильный рост феодального землевладения со второй половины XIV в. и стремление феодалов расширить круг зависимого от них населения и закрепить за собой непосредственных производителей — крестьян — привели в первой четверти XV в. к массовой выдаче князьями землевладельцам грамот, по которым крестьяне на определенный срок получали льготу в уплате государственных повинностей. Податная льгота являлась стимулом для разработки пустовавших земель вновь призванными на них крестьянами. Обычно грамоты устанавливали два льготных срока, на которые различные категории сельского населения освобождались от повинностей: более короткий (3 года, 5 лет) для старожильцев, удлиненный (10 или 15 лет) для новых пришельцев. При этом, утверждая такого рода льготные грамоты, московские князья подводили под их действие население, призванное «из иных княжений, а не из моей отчины, из великого княжениа».

Именно в борьбе двух политических систем (феодальной раздробленности и государственной централизации) и вырабатывались новые начала иммунитета.

Время новой перестройки иммунитета приходится на 50-е годы XV в., после феодальной войны, конец которой поставил перед великокняжеской властью ряд серьезных задач. Надо было восстановить платежеспособность сельского населения. Отсюда — выдача землевладельцам грамот с податными льготами, которые должны были способствовать восстановлению производительных сил, заселению пустовавших мест и укреплению зависимости непосредственных производителей от феодалов.

---

[1] ААЭ, т. I, № 23, стр. 16—17; АФЗиХ, ч. I, № 211, стр. 186.

С другой стороны, после победы в феодальной войне великокняжеская власть проводила политику централизации.

Со второй половины 50-х годов XV в. московское правительство начинает уже систематически выдавать жалованные грамоты с ограниченными судебными правами (несудимость с изъятием дел о душегубстве, а в ряде случаев и дел о «разбое» и «татьбе с поличным»). Во время феодальной войны второй четверти XV в. появляются жалованные грамоты, говорящие о вызове частновладельческих крестьян по всем судебным делам дважды или трижды в году через пристава на великокняжеский суд. «...И кто мой пристав в их села приедет по их хрестьянина..., ин им чинит срок на Петров день (29 июня.— *Ред.*); а приедет лете, ин им чинит срок на рождество христово». Нарушение приставом установленных сроков давало крестьянам феодала право не ездить к ответу. Если даже пристав «возмет на их человека безсудную не по тем сроком, ино безсудная... не в безсудную»[1]. С середины XV в. статья о двух или трех сроках вызова приставами частновладельческих крестьян на великокняжеский суд получает распространение в жалованных грамотах. Это была одна из форм судебной централизации, связанной с усилением классовой борьбы.

С конца 70-х — начала 80-х годов XV в. получают распространение жалованные грамоты особого типа, которыми великий князь поручает специальным приставам охрану определенных монастырских сел[2].

Можно отметить два вида грамот, касающихся этого вопроса. Одни из них вменяют в обязанность приставу следить за тем, чтобы никто не ездил запрещенной («заповедною») дорогой через села феодалов и чтобы сохранялись в неприкосновенности монастырские леса. Пристав отвечает за то, чтобы «всякие ездоки» «не ставились» в монастырских селах и деревнях и не требовали себе подвод, проводников и кормов. Приставам поручается также охрана принадлежащих феодалам лесов. Если кто-либо придет в монастырский лес без специального разрешения монастырской администрации, то великокняжеский пристав должен задержать нарушителя и передать его наместникам, которые подвергнут его штрафу («заповеди») в размере рубля. В городах («на торгах») предписано сделать специальное объявление («закличь») об этом великокняжеском распоряжении[3].

Грамоты второго рода устанавливают, чтобы все вызовы крестьян на суд по искам посторонних лиц производились только через назна-

[1] АСЭИ, т. I, № 74, стр. 65—66.

[2] «Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв.», т. I, № 196, стр. 144 и др.

[3] ААЭ, т. I, № 112, стр. 85.

ченных приставов. Другие пристава, помимо специально выделенных для охраны владений данного феодала, лишались права въезда в феодальные вотчины и привлечения к ответственности населения, и феодал не был обязан им подчиняться[1]. На выделенных князем приставов ложилась также обязанность вести борьбу с «татями» и «разбойниками», организуя для этого розыск. Если где-либо будет обнаружено поличное «или татя или разбойника с поличным на дорозе угонят», читаем в соответствующих жалованных грамотах, то пристав должен «того татя, и с поличным» передавать в великокняжеский суд[2].

Централизация политической системы, укрепление государственного аппарата власти происходили в борьбе господствующего класса с антифеодальными выступлениями крестьянства. Показателем этой тенденции в развитии феодального государства являются жалованные грамоты, которые выдавались феодалам, принужденным, в силу условий своего социального и экономического положения и потребностей внешнеполитического характера, ограничить свой суверенитет в пользу центральной государственной власти.

г) Организация господствующего класса феодалов-землевладельцев

К числу светских землевладельцев, кроме князей, принадлежали бояре и «слуги вольные». Бояре входили в состав высшего разряда класса феодалов. Многие из них являлись крупными землевладельцами и занимали влиятельное положение при дворе того или иного князя. Вопрос о формировании московского боярства в исторической литературе изучен еще сравнительно недостаточно. Основное ядро московского великокняжеского служилого боярства сложилось еще к половине XIV в. (времени московского великого князя Дмитрия Донского). Насчитывается до 35 родов московских бояр, сгруппировавшихся вокруг московского великокняжеского центра ко второй половине XIV в. Это Бутурлины, Вельяминовы-Зерновы, Годуновы, Захарьины-Кошкины и др. При Дмитрии Донском состав московского боярства пополнился Всеволожскими, Заболотскими, Карповыми, Кутузовыми и др.

Московское боярство съезжалось в Москву из различных феодальных княжений, рассчитывая на получение там наибольших политических и экономических благ. Так, родоначальниками Морозовых, Салтыковых, Шеиных и других фамилий были новгородские бояре[3].

---

[1] ААЭ, т. I, № 110, стр. 84; АСЭИ, т. I, № 495, стр. 374—375.

[2] АСЭИ, т. I, № 516, стр. 390—391.

[3] *М. Н. Тихомиров.* Древняя Москва, стр. 73—74.

Выходцем из Чернигова был Федор Бяконт—отец известного русского политического деятеля времени Дмитрия Донского, митрополита Алексея. Еще при Иване Калите состав московского боярства пополнился выходцами из Киева, Твери и т. д. В Москве имелось уже значительное число служилых бояр, которые в середине XIV в. считались «старыми». Они поддерживали московских князей в их политике объединения русских земель вокруг Москвы и в борьбе с Золотой ордой и великим княжеством Литовским.

Боярство XIV в. имело большой вес при московском великокняжеском дворе. В духовной Семена Гордого (1353 г.) великий князь, обращаясь к своим братьям Ивану и Андрею, советует им «слушати» митрополита Алексея, «тако же старых бояр, хто хотел отцю нашему добра и нам»[1]. Политическое влияние боярства основывалось на владении землей и зависимым крестьянством.

Кадры служащих бояр создавались не только в Москве, но и в других феодальных центрах: Твери, Рязани, Нижнем Новгороде.

Служба бояр формально носила добровольный характер, формально они сохраняли право в любой момент прервать службу и «отказаться» от князя. Служба бояр-вотчинников не зависела от местоположения их вотчин. Вотчинники могли служить не тому князю, во владениях которого находились их земли, а другому, сохраняя все владельческие права в том княжестве, где были расположены их владения. Право свободного несения службы сохранялось междукняжескими договорами, в которые неизменно включалось условие: «а бояром и слугам межи нас вольным воля». Из этого правила делались два исключения: обязательное участие в обороне своего города (т. е. города, к которому в административно-военном отношении тянуло данное владение) и платеж дани «по земле и по воде» (т. е. князю, на территории которого находились земли боярина).

Однако на практике князья очень рано стали нарушать те статьи договорных грамот, которые касались «вольности» боярской службы. Так, например, в договоре середины XIV в. Семена Ивановича Гордого с братьями фигурирует параграф с запрещением принимать на службу боярина Алексея Петровича Хвоста, «вшедшего в коромолу к великому князю»[2]. По мере политического объединения русских земель вокруг Москвы статьи о «вольности» боярской службы становились анахронизмом. Они не соответствовали новым экономическим и политическим условиям. Ограничение московскими князьями права отъезда бояр осуществлялось, разумеется, в упорной борьбе с последними.

---

[1] ДДГ, № 3, стр. 14.

[2] Там же, № 2, стр. 13.

Со второй половины XIV в. можно наметить новый этап в истории московского боярства, характеризующийся все бóльшим его расслоением.

Этот процесс развивался издавна, но теперь, с усилением власти московских князей, он принял более острый характер. К политике централизации, проводимой великокняжеской властью, отдельные группы боярства относились по-разному. Если наиболее прогрессивная часть бояр сохраняла свою связь с московским великокняжеским двором, то другая часть (окрепшая сеньориальная знать) становилась в оппозицию к нему и вступала в сношения с князьями других феодальных центров. Развивалась борьба великокняжеской власти с сеньориальной знатью. Например, в середине XIV в. в Москве «общею думою» бояр, сторонников московского князя, был убит тысяцкий Алексей Петрович Хвост[1]. В связи с его убийством некоторые оппозиционные великокняжеской власти московские «большие бояре» отъехали в Рязань.

О борьбе в среде московского боярства говорят и такие документы, как договор Семена Ивановича Гордого с братьями и его духовная середины XIV в. В первой грамоте есть упоминание о боярах, которые будут «сваживати» своих князей. Князья-братья дают взаимное обязательство из-за такой «свады» «нелюбья не держати», а «учинить исправу» и «виноватого казнити по исправе». Духовная грамота Семена Гордого содержит наставление его братьям «не слушати лихих людей», которые «имуть их сваживати»[2]. В 1375 г. один из представителей московского боярства, сын последнего московского тысяцкого, Иван Васильевич Вельяминов, бежал из Москвы в Тверь, к противнику великого московского князя Дмитрия Ивановича — князю Михаилу Александровичу. Пойманный и доставленный в Москву, он был в 1379 г. публично казнен на Кучковом поле.

Летописи неоднократно приводят сведения о продолжавшейся розни в боярской среде в Москве. Так, под 1408 г., в связи с нашествием на Москву Едигея, летописи говорят о спорах между «молодыми» («юными») и «старейшими» боярами («старцами») по вопросу о внешней политике московского правительства[3].

Необходимо при этом отметить и некоторое изменение социального состава московского боярства ко второй половине XIV в. В его среду стали проникать представители других разрядов московского населения, например купеческой верхушки.

---

[1] ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 10.

[2] ДДГ, № 3, стр. 14.

[3] ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стб. 476; т. XI, СПб., 1897, стр. 207—210.

Процесс расслоения боярства происходил не только в Московском великом княжестве, но и в других феодальных центрах. Так, не было однородным и боярство Суздальско-Нижегородского княжества.

Во время феодальной войны второй четверти XV в. особенно ярко вскрылась рознь внутри класса феодалов. В лагере феодальной оппозиции оказались некоторые крупные московские бояре: Всеволожские, Добрынские и др.

После феодальной войны боярство окончательно лишается права отъезда, и отношения вассалитета постепенно превращаются в отношения подданства. Со второй половины XV в. московские князья начинают брать с бояр присяжные записи о «неотъезде» и «верности». Запись включала в себя обязательство наследственной службы: «а мне [такому-то] и детей своих больших к своему государю, к великому князю[...] привести, и к его детем, мне [...] с теми своими детьми служити до своего живота; а не отъехати мне, ни всем моим детем от своего государя от великого князя [...] ни от его детей к иному государю ни х кому»[1].

Политическая история боярства тесно связана с развитием боярского землевладения.

Феодальная земельная собственность могла быть либо полной, либо условной. В первом случае земля считалась вотчиной владельца, который, как показывает само название (слово «вотчина» происходит от слова «отчина», т. е. отцовская собственность), являлся наследственным собственником и имел право распоряжаться землею по личному усмотрению. Вотчину можно было завещать наследникам, продать другим собственникам, отдать в монастырь «на помин души» и пр.

Условное земельное владение одновременно имело двух феодальных собственников: высшего, номинального, и второго, который фактически пользовался доходами с данного владения под условием несения определенной службы.

Условное землевладение в северо-восточной Руси сложилось давно, еще в древней Руси. Для Московского княжества первым документальным указанием на существование условных владений в землях, зависимых от Московского княжества, обычно считают духовную грамоту Ивана Калиты (около 1339 г.). В ней Иван Калита сделал распоряжение относительно купленного в Ростове села Богородичского, которое он дал Борису Воркову: «аже иметь сыну моему которому служити, село будет за ним; не иметь ли служити детем моим,

---

[1] *Л. В. Черепнин.* Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI в., стр. 56.

село отоимут»[1]. В первой половине XV в. подобные условные владения получили название «жалованья». Крупные светские и церковные вотчинники также раздавали «жалованье» под условием несения службы их владельцами.

Особенное развитие получило условное землевладение после феодальной войны XV в., так как в этой войне победа осталась на стороне великокняжеской власти, поддержанной служилым вассалитетом («двором»), служилым боярством и городами. Великокняжеский «двор» и бояре, поддерживавшие центральную государственную власть, требовали обеспечения себя землей и предоставления права на ренту. Известно, например, «пожалование» Василием II земли в пожизненное владение Ф. В. Басенку, который не изменил московскому князю во время феодальной войны[2].

Кроме того, сохранились данные о передаче великими князьями в условное держание боярам земель, принадлежавших церковным феодальным организациям (прежде всего московской митрополичьей кафедре). Эти земли переходили к лицам, близким к московским князьям, получавшим ответственные дипломатические и военные назначения, оказавшим услуги московской великокняжеской власти в борьбе с ее противниками.

На службе у князей, помимо бояр, находились и мелкие «вольные слуги», составлявшие опору великокняжеской власти. У них тоже были земли и хозяйство, юридически сохранявшиеся за ними в случае «отъезда» к другим князьям. В договорной грамоте Дмитрия Донского с тверским князем Михаилом Александровичем (1375) об этом говорится совершенно ясно: «а кто бояр и слуг отъехал от нас к тобе или от тобе к нам, а села их в нашей вотчине в великом княженьи или в твоей вотчине во Тфери, в ты села нам и тобе не вступатися...»[3] Те же сведения есть и в других, более поздних грамотах. Фактически «вольные слуги» московских князей были тесно связаны с ними и право «отъезда» сохранялось лишь в качестве пережитка.

Низший разряд землевладельцев (вотчинников и держателей условных владений) еще в XIII в.[4] получил название «детей боярских». Происхождение этого термина выяснено недостаточно. Возможно, он происходит от древнего названия членов младшей дружины — «детских», или «отроков». Дети боярские были свободными вотчинниками, однако, вследствие незначительных размеров владений, их положение было

[1] ДДГ, № 1, стр. 10.
[2] Там же, № 61, стр. 199.
[3] Там же, № 9, стр. 27.
[4] См. ч. I, гл. 3, § 3 настоящего издания.

очень неустойчивым; в случае разорения им грозило превращение в холопов. Поэтому они становились в зависимость от крупных землевладельцев — князей, бояр и церкви, несли в их пользу личную военную службу или исполняли разные хозяйственные обязанности. Иногда мелкие землевладельцы переходили в холопство к князьям и боярам. Так, в XV в. мелкий вотчинник И. И. Хламов «дался в холопи» княгине Е. П. Дмитровской. Гораздо больше данных сохранилось о вассальных отношениях мелких землевладельцев к князьям, боярам, монастырям.

Большое число мелких вольных слуг было занято в княжеском дворцовом хозяйстве; они получали от князя на время службы земли и деревни. Но основная масса псарей, бобровников, сокольников, огородников, конюхов и других лиц, обслуживавших своим трудом нужды княжеской вотчины, были людьми несвободными. Это — «слуги под дворским». О них в договорах между собой князья уславливались: «слуг, которые потягли к дворскому, в службу не принимати».

Великокняжеские военные слуги, водившие с собой во время военных походов зависимое население, приобретали все большее значение в качестве основы московского войска к началу XV в., когда уже наметились явные признаки разложения значительной части старого боярства. Опираясь на свой «двор», Василий II выиграл феодальную войну и разгромил удельно-княжескую оппозицию. Но только ко второй четверти XV в., с развитием поместной системы окончательно оформляется русское дворянство, которое выступает как противостоящая боярству сильная экономически и политически группа класса феодалов. Массовое «испомещение» московских дворян началось уже после включения в состав единого Русского государства Новгородской земли и Тверского княжества и конфискации земель местных крупных феодалов. В конце XV в. на новгородских землях было «испомещено» до 2000 лиц, из них ничтожное количество представителей удельно-княжеской знати (до 60 человек) и старых московских бояр (до 75 человек). Подавляющее большинство помещиков принадлежало к числу мелких служилых дворян.

Таким образом, борьба внутри господствующего класса феодалов привела к победе средних и мелких дворян, на которых главным образом опиралась великокняжеская власть в борьбе с феодальной раздробленностью.

3

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIV—XV ВВ. ФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД. РЕМЕСЛО. ТОРГОВЛЯ.

Монгольское нашествие нанесло огромный урон русским городам и особенно ремеслу. «Перед русским ремеслом,—пишет Б. А. Рыбаков,— открывалась такая же широкая дорога дальнейшего развития, как перед ремеслом северо-итальянских городов той же эпохи. Монгольские завоеватели растоптали и расхитили эту цветущую культуру в момент ее наивысшего подъема»[1]. Земледельческое сельское население в значительной своей части осталось на Руси, так как татаро-монгольские правители понимали, что полное разорение сельского хозяйства на Руси приведет к тому, что не с кого будет получать дань. Но совершенно другая политика была у татар в отношении ремесленного населения городов. Чтобы лишить Русь на долгие годы возможности восстановить свое могущество, монголы варварски разрушили многие города[2].

Однако даже страшный урон, нанесенный монголами, не мог остановить развития русской экономики. Разрушенные города снова заселялись ремесленным и торговым людом. Подавляющее большинство русских городов, известных до монгольского нашествия, было восстановлено. Например, археологические раскопки на городище Старой Рязани показали, что город восстановился на прежнем месте (правда, сильно изменив свой облик) и существовал еще около полутораста лет. Только к концу XIV в. он был заброшен, и столица княжества перенесена в Переяславль-Рязанский, который и сохранился под названием Рязани до нашего времени. Археологическими раскопками во Владимире, Суздале, Москве, Переяславле-Залесском и других городах северо-восточной Руси установлено, что длительного перерыва в их заселении после татарского разгрома не было[3]. Экономический потенциал Руси стал восстанавливаться, следовательно, в первые же десятилетия после монгольского нашествия.

Наряду с восстановлением разоренных городов поднимаются новые, становящиеся вскоре столицами самостоятельных княжеств, крупными

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 522.

[2] См. ч. I, гл. 5, § 8, 11 настоящего издания.

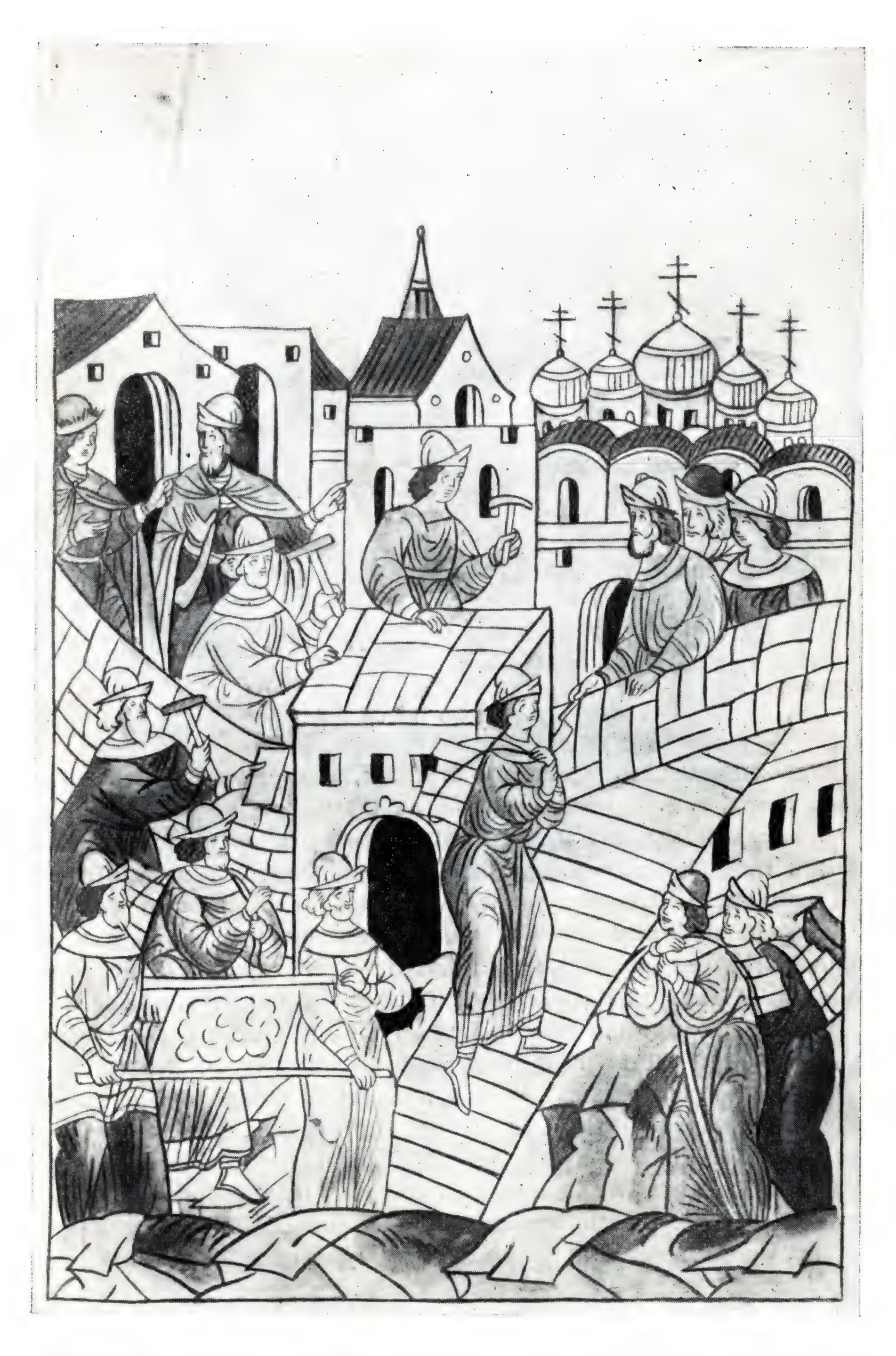
[3] *Н. Н. Воронин.* Раскопки в Переяславле-Залесском. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 11, М.—Л., 1949, стр. 193—202; *его же.* Оборонительные сооружения Владимира XII в. Там же, стр. 203—239; *А. Ф. Дубынин.* Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940 гг.). «Краткие сообщения ИИМК», вып. XI, М.—Л., 1945, стр. 91—99.

ремесленными и торговыми центрами. Москва, представлявшая собой к середине XIII в. довольно значительный город, с большим торговым и ремесленным посадом, сожженная дотла в 1237 г., была быстро восстановлена на прежнем месте и выдвинулась на первое место среди русских городов. Тверь, основанная в XIII в., стала к началу XIV в. одним из крупнейших русских городов.

Дубовая колода из стен Московского кремля 1339 г.
Государственный Исторический музей.

Город располагался зачастую на реке, иногда — при слиянии двух рек, и это во многом определяло его планировку. Наиболее возвышенную и выгодную в стратегическом отношении часть его занимал кремль — «детинец», или «город». Это слово обозначало собственно крепость и в еще более узком смысле — крепостную стену. Детинец обычно не охватывал всей территории города. Он ограждал лишь его административный центр, где была резиденция правителя (князя, наместника, архиепископа) и его двор, и находились некоторые учреждения. Крепостная стена, усиливавшаяся выгодами местоположения кремля (реками, оврагами), защищала резиденцию феодала не только от нападений внешних врагов, но и на случай нередких в то время восстаний городской бедноты — «черных людей». Укрепления детинца состояли чаще всего из деревянных срубов, засыпанных землей, с «заборолами», защищавшими воинов, находившихся на верхней площадке стены. За линию стен несколько выступали башни, с которых можно было обстреливать ближние подступы к стенам. Башни часто были каменными. В XIV—XVI вв. в наиболее значительных городах кремли строились целиком из камня. Так, уже в 1367 г.

Постройка каменного кремля в Москве в 1367 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Тверской кремль в XV в. (деталь иконы).

был заложен каменный кремль в Москве[1], которая перед тем имела «дубов град», т. е. кремль с дубовыми стенами и башнями. В конце XV в. выстроены стены кремля, сохранившиеся до нашего времени. В Твери же еще в XV в. кремль был деревянный, и только башни были каменные[2]. Стены кремля омывались рекой, а там, где река не подходила достаточно близко, опоясывались рвом, для сооружения которого привлекались не только все горожане, но нередко сгонялось и окрестное сельское население. Через окружавшие детинец водные преграды перекидывались подъемные мосты, соединявшие его с остальной частью города и убиравшиеся в случае нужды.

За этими укреплениями в кремле находился собор — патрональная церковь, игравшая роль не только главной святыни, но и центра городских организаций, где хранилась городская казна. В Москве такой церковью со времен Ивана Калиты был Успенский собор. Неподалеку от собора располагался княжеский двор, имевший и свою домовую церковь. Здесь же стояли дворы высших духовных лиц (митрополита или архиепископа) и приближенных князя. Иногда в центре кремля на

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 14.

[2] *Н. Н. Воронин*. Тверской кремль в XV в. «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXIV, М.—Л., 1949, стр. 84—91.

Крепостная башня в Новгороде, XV в.

возвышенном месте строилась высокая башня, с которой можно было издалека видеть приближающегося врага. В Новгороде летопись сообщает о сооружении подобной башни в 1443 г.: «постави архиепископ Великого Новагорода владыка Еуфимей... сторожну камену в своем дворе...» «столп камен зело высок... имущ и часы верху велми предивны, иже весь мир оглашают»[1]. В кремле имелись также другие церкви и даже монастыри. Соборные церкви обычно были каменными, княжеские же палаты — не всегда.

За пределами кремля у пристани речных судов находился городской торг — экономический центр города. Здесь царило постоянное оживление. Грузились и выгружались товары, шла бойкая тор-

[1] «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов» (далее — НПЛ), под редакцией А. Н. Насонова, М.—Л., 1950, стр. 423; «Памятники старинной русской литературы», вып. 4, СПб., 1862, стр. 20.

говля, слышалась русская и иноземная речь. Зимой торг устраивался и на льду реки. Проезжавший в 1476 г. через Москву венецианец Амвросий Контарини писал: «В конце октября река, протекающая посреди Москвы, покрывается крепким льдом, на котором купцы ставят лавки свои с разными товарами и, устроив таким образом целый рынок, прекращают почти совсем торговлю свою в городе. Они полагают, что это место, будучи с обеих сторон защищено строениями, менее подвержено влиянию стужи и ветра... На реке бывают также конские ристания и другие увеселения... В Москву во время зимы съезжается много купцов из Германии и Польши для покупки различных мехов — соболей, волков, горностаев, белок и отчасти рысей»[1].

На торговой площади строились временные ряды, лавки, но были и более солидные здания — постоянные торговые дворы купцов, регулярно приезжавших из других городов, а также церкви. В Новгороде хорошо известны торговые дворы иноземных купцов — готский и немецкий, представлявшие собой небольшие замкнутые торговые поселки. Подобные дворы были во всех крупных городах Европы. В Москве вблизи торга на Красной площади, в современном Зарядье, стояли псковский, а впоследствии и английский торговые дворы.

Детинец и торг образовывали центр города, к которому со всех сторон сходились оживленные улицы. Город, как в Европе, так и в Азии, представлял собой в ту пору сложнейший лабиринт улиц и улочек с переулками и тупиками, прокладывавшимися стихийно по мере надобности. Но общую направленность главных улиц — магистралей от торга и центра к окраинам города, где они выходили на важнейшие сухопутные дороги, можно проследить почти во всех средневековых городах.

Территория города вне стен кремля называлась посадом, по мере роста города выделялись отдельные районы посада. Так, в ряде городов (Новгороде, Смоленске, Пскове, Ладоге, Киеве, Ростове и др.) еще в домонгольское время и в позднейшие времена существовали крупные районы — «концы», заселенные ремесленниками определенных профессий и пользовавшиеся значительной самостоятельностью в управлении[2]. В Москве уже в XIV в. известны следующие большие районы: Большой, или Великий, посад (современный Китай-город), Занеглименье, Заяузье и Заречье (позднее — Замоскворечье)[3]. На посаде жила основная масса населения города — купцы и «черные люди». Постепенно

---

[1] «Библиотека иностранных писателей о России», т. I, СПб., 1836, стр. 110—111.

[2] *А. В. Арциховский*. Городские концы в древней Руси. «Исторические записки», № 16, стр. 3—13.

[3] *М. Н. Тихомиров*. Указ. соч., стр. 147—184.

Крепостная башня и часть стены в Пскове.

складывались аристократические и демократические районы города. Ранее уже говорилось о городских кварталах. В Новгороде одним из аристократических районов города была Прусская улица, где селились знатнейшие бояре. В Москве таким районом в XV в. стал Великий посад, ранее населенный в основном ремесленниками и купцами. Вообще в средневековых феодальных городах основная масса ремесленников селилась по окраинам, а центральные части города были заняты домами знати.

Части города, разделенные реками, соединяли мосты, в ту пору деревянные. Это были сложные конструкции, опиравшиеся на столбы и имевшие иногда значительную длину (например, новгородский мост через Волхов). Существовали и наплавные мосты на поплавках, разводившиеся для пропуска речных судов. В больших городах посады защищались второй линией укреплений — «внешним», или «окольным», городом. Эта крепостная стена, принимавшая на себя первый удар врага, подчас представляла собой мощный (высотой до 12 метров) земляной вал, опоясанный глубоким и широким рвом или защищенный реками и оврагами. На валу устраивались дополнительные укрепления — «острог» с башнями. В крупнейших городах (Новгороде и Пскове) острог включал и каменные укрепления, но чаще всего он был деревянным,

иногда — с каменными башнями. Въезд и выезд из города был возможен только через ворота в городском валу, которых было немного. Проездные воротные башни, как правило, ставились только на выходе из города важнейших магистралей.

В Москве сплошная линия внешних укреплений в том виде, как она известна в позднейшее время, сложилась в XVI—XVII вв., но отдельные участки города были укреплены земляными валами и рвами уже в XIV—XV вв. Так вокруг Великого посада был ров и вал еще задолго до сооружения каменной стены Китай-города. В Занеглименье, по западной части современного Бульварного кольца, также шел некогда земляной вал, защищенный дополнительно речкой Чертороем[1].

Рост укреплений намного отставал от роста города, и посады далеко выходили за линию городских укреплений. Но эти незащищенные кварталы представляли для города большую опасность в случае осады, так как враг мог использовать их в своих целях. При осаде они оставлялись жителями, а иногда и сжигались.

За линией городских укреплений находились монастыри, каждый из которых был небольшой крепостью — передовым фортом города. По мере роста города эти монастыри оказывались уже в его черте (в Москве — монастыри Георгиевский, Никитский, Страстной, Петровский и Рождественский, позднее — Андроньев, Крутицкий, Симонов и др.)[2].

Быстро разрастаясь, средневековый город не отличался равномерностью застройки. Обширные незастроенные полосы нередко создавались вокруг крепостных стен (снаружи и внутри) для того, чтобы обеспечить оборону стен и предохранить их от частых в то время пожаров. Неравномерность застройки создавалась и тем, что целые районы города находились в руках частных владельцев. Крупные бояре и князья владели иногда десятками крупных участков в различных районах города. Так, князь И. Ю. Патрикеев в конце XV в. в завещании перечислял несколько десятков своих бывших и настоящих, больших и малых владений в Москве, среди которых встречаются целые слободы[3]. Более поздние переписные книги Новгорода также упоминают в черте города большие пустыри, поля и огороды.

Феодальный характер города обусловливал его неравномерную застройку, так как каждое владение представляло собой замкнутое хозяй-

---

[1] *П. В. Сытин*. История планировки и застройки Москвы, т. I. «Труды Музея истории и реконструкции Москвы», вып. 1, М., 1950, стр. 30—41.

[2] *М. Н. Тихомиров*. Указ. соч. (карта).

[3] ДДГ, № 86, стр. 347—348.

ство. Не только дворы бояр и крупных купцов, но и жилища ремесленников планировались так, чтобы на улицу выходили глухой забор и стены хозяйственных построек, а жилой дом стоял в глубине двора. Во двор выходили двери сараев, погребов, помещений для скота. За домом располагался огород (в это понятие включался тогда и фруктовый сад), в котором часто стояла баня. Двор крупного владельца отличался, конечно, большей площадью участка, обилием построек (так как на том же подворье жила и многочисленная челядь), добротностью сооружений. Иногда на таком дворе была даже своя домовая церковь. Все владение ограждалось частоколом, который в случае нужды служил защитой.

Двор ремесленника занимал небольшую площадь (200—300 квадратных метров) и включал жилой дом, примыкавшее к нему рабочее помещение и одну-две хозяйственные постройки. В XIV—XV вв., с развитием товарно-денежных отношений и оживлением городской торговли, происходят существенные изменения и в планировке усадеб ремесленников. Дом ремесленника теперь чаще выходит на улицу, а производственные и хозяйственные помещения располагаются во дворе.

Подавляющее большинство построек в городах были деревянными. При обилии леса не было нужды строить каменные жилые дома, так как деревянный дом в тогдашних условиях был гораздо удобнее для жилья, чем каменный, который трудно было отапливать. Жилой дом бедного горожанина представлял собой четырехугольный сруб размером в среднем 4 × 4— 5 × 5 метров с завалинкой или на высоком подклете (что в условиях северо-восточной Руси вызывалось суровым климатом), с курной (без дымовой трубы) печью, маленькими «волоковыми» оконцами и тесовой крышей. В таком доме жила зачастую большая семья. Зажиточный ремесленник мог иметь дом-пятистенку из двух комнат. Но так как отапливалась, как правило, только одна комната, то зимой вся семья жила в ней. Дом богатого человека включал несколько комнат, расположенных иногда в два-три этажа. Но даже самые богатые горожане имели в своем личном обиходе не более трех-четырех комнат. В этом отношении русский город не представляет исключения. Средневековые города Западной Европы и Востока дают в основном ту же картину.

Посетивший Москву в начале XVI в. цесарский посол Герберштейн писал о городе: «Самый город деревянный... сады и дворы при каждом доме..., еще более увеличивается он от растянувшихся длинным рядом домов кузнецов и других ремесленников... между этими домами находятся луга и поля... Недалеко от города находится несколько монастырей, каждый из которых представляется чем-то

вроде отдельного города, если... смотреть издали[1]. Крупнейшие русские города к концу XV в. намного превосходили по размеру современные им города Западной Европы. Фландрский дворянин Гильбер де Ланнуа был поражен величиной Новгорода. Герберштейн отмечает большие размеры Твери. Меховский в 1521 г. писал о Москве, что она «вдвое больше тосканской Флоренции и вдвое больше, чем Прага в Богемии»[2].

Такой рост городов вызывал и быстрое развитие городского хозяйства. Уже с глубокой древности русские города имели множество улиц, замощенных бревенчатыми мостовыми. Еще «Русская Правда» знала специалистов — «мостников». Особый устав «о мостех» регулировал работы по замощению Новгорода. Между тем города Западной Европы в большинстве утратили подобные сооружения, устроенные еще римлянами, а собственные мостовые и дренажные сооружения появились в Германии и Франции только в XV—XVI вв. На Руси же не один Новгород отличался большим по тому времени благоустройством улиц и площадей. В Москве в низменном районе Великого посада на берегу Москвы-реки в XIV—XV вв. также применялась сложная система дренажных сооружений — от укрепленных деревом и перекрытых сверху каналов до многочисленных деревянных труб, отводивших воду от мостовых улиц и фундаментов домов в реку и близлежащие овраги. Все эти сооружения ремонтировались и возобновлялись. Так, мостовые, покрывавшиеся толстым слоем грязи, заново настилались сверху. При раскопках в Новгороде, Москве, Смоленске и других городах находят по нескольку слоев мостовых (в Новгороде — свыше 20 слоев).

Русские города в XIII—XV вв. переживали процесс восстановления и развития, приведший к новому подъему культуры в централизованном Русском государстве. Рост городов сразу же после страшного татарского разгрома является плодом героических трудовых усилий народных масс.

«...Горожане,— писал Энгельс о средневековой Европе, — стали классом, который воплотил в себе дальнейшее развитие производства и обмена (Verkehr), просвещения, социальные и политические учреждения»[3]. Эту роль горожане и прежде всего ремесленники играли и на Руси, где развитие городов было задержано губительными последствиями татарского разорения.

---

[1] *С. Герберштейн.* Записки о московитских делах, стр. 99.

[2] *Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях. М. — Л., 1936, стр. 113.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 441.

Мостовая на Великой улице в Москве XV в., обнаруженная во время раскопок в Зарядье (Москва).

* * *

После монгольского нашествия, несмотря на общее понижение уровня ремесленной техники, в сельских местностях северо-восточной Руси не заглохли обмен и ремесленное производство на рынок и, главное, рост связей города с деревней, влияние города на окрестное сельское население. Среди крестьян распространялись определенные типы вещей, сделанных городскими ремесленниками, постепенно ликвидировалась местная хозяйственная замкнутость.

Рост городского ремесла вызывал отмирание некоторых профессий деревенских ремесленников (например, ювелиров). Но другие профессии развивались и все более отделялись от сельского хозяйства. Выделение при разверстке некоторых деревенских ремесленников в особые группы (например, «кузнец за соху») указывает, что ремесленник (в данном случае — кузнец) уже не имел собственной пашни, а его доход приравнивался к доходу с одной сохи, т. е. с сравнительно зажиточного крестьянского хозяйства. Районами, где железоделательные и кузнечные ремесла были широко распространены, являлись Устюжна-Железопольская, Вотская пятина Новгорода и др. Географические районы, специализировавшиеся на производстве определенного вида изделий, начинают выделяться в XIV в. В ряде местностей распрост-

раняется солеварение. Раньше соль вываривалась в приморских районах (район Белого моря и Северной Двины), каменная соль добывалась открытой разработкой (ломкой) в Старой Русе, Галиче, Костроме, Переяславле-Залесском. В XIV в. развивается соляной промысел с глубоким бурением скважин[1]. Оживленный обмен, связывавший такие специализированные районы с другими районами страны, приводил к образованию особых торгово-ремесленных поселков, получивших название рядков, где селились преимущественно оброчные крестьяне-ремесленники[2].

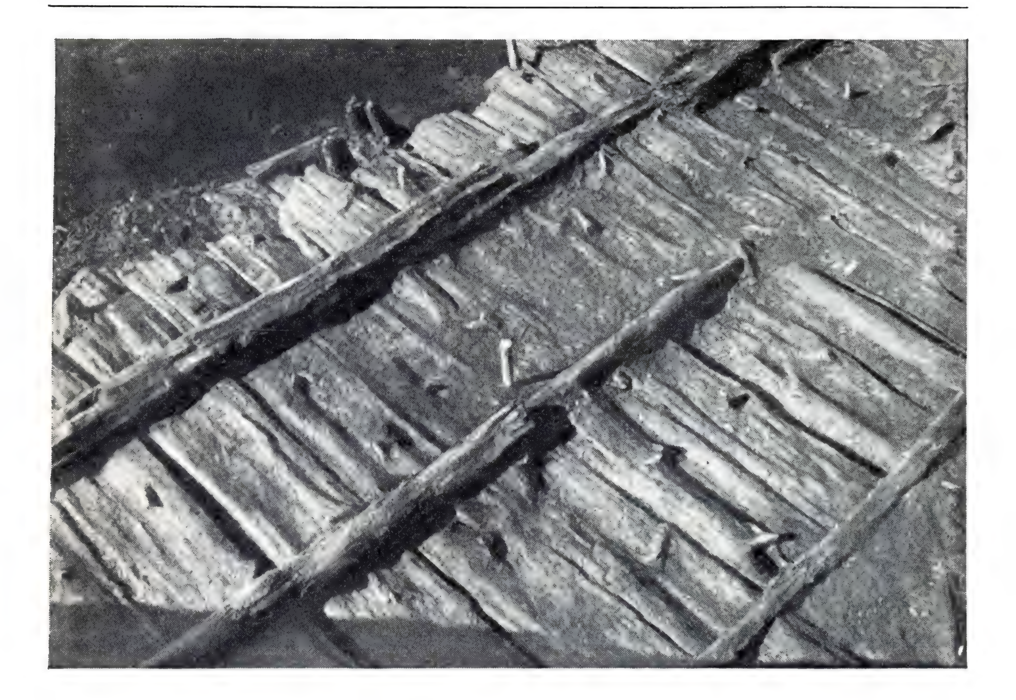
Вновь возрастает число профессий деревенских ремесленников. Источники называют домников, копачей, рудников, ковалей или кузнецов, плотников, бондарей, гончаров, овчинников, седельников, швецов, токарей, жерновщиков, реже — сапожников. То же наблюдается в крупных феодальных вотчинах, в которых «феодал получал от своих крепостных все, что ему было нужно, или в форме труда, или в виде готового продукта»[3]. Здесь были ремесленники самых разнообразных профессий. Так, в вотчине князя И. Ю. Патрикеева в конце XV в., среди 156 холопов были портные, скорняки, бронники, серебреники[4]. В конце XIV в. имела место раздача монастырями сырья для пряжи и плетения сетей в монастырские села. «А лен дасть игумен в села,— читаем в уставной грамоте митрополита Киприана Константиновскому монастырю (1391),— и они прядут сежи и дели неводные (сети и снасти.—*Ред.*) наряжают»[5]. Феодалы эксплуатировали не только ремесленников, живших в их вотчинах. Иногда квалифицированные ремесленники отпускались в город на оброк.

Ремесленники составляли основную и наиболее ценную часть населения города. Это хорошо сознавали и князья, нередко уводившие к себе ремесленников из завоеванных городов. Так, Михаил Ярославич тверской из захваченного им Торжка в 1315 г. «вся мастеры... взя во Тверь»[6].

Определить точный состав городских ремесленников по профессиям в XIV—XV вв. очень трудно, так как письменные источники дают об этом лишь скудные сведения. Характерно, что в XVI в. в городах Русского государства было свыше 200 ремесленных специальностей[7].

В городах, оправившихся от монгольского разорения, продолжалось дальнейшее развитие всех видов ремесленного производства[8].

[1] *Н. И. Фальковский.* Москва в истории техники, стр. 277—278.
[2] *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси, стр. 556—559.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч 1, стр. 441.
[4] ДДГ, № 86, стр. 345—349.
[5] ААЭ, т. I, № 11, стр. 7; АФЗиХ, ч. I, № 201, стр. 180.
[6] ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 179.
[7] *Н. Д. Чечулин.* Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889.
[8] Характеристику ремесла предшествующего периода см. ч. I, гл. 2, § 2.

Мостовая, обнаруженная при раскопках А. В. Арциховского в Новгороде.

Важнейшую роль продолжало играть железоделательное ремесло. В Москве оно восходит по крайней мере к XI—XII вв. Выделение в то время в особую специальность доменного дела и его развитие означало крупный сдвиг в металлургии, вызванный возросшей потребностью в металлических изделиях[1]. К XIV—XV вв. относятся открытые в Великих Болгарах первые горны, в которых получался чугун[2]. Распространение этого производства сделало возможным литье из чугуна разного рода сложных изделий.

Кузнечное дело — одна из основных ремесленных специальностей, продукция которой необходима во всех отраслях народного хозяйства. Колоссальное количество кузнечных поделок (подковы, ножи, топоры, гвозди и т. п.), встречаемых при раскопках городов, а также наименование узких кузнечных специальностей («гвоздочник», «котельник») и, наконец, упоминания о пожарах, возникавших от кузниц, позволяют установить широкое распространение кузнечного ремесла в городах. Находимые изредка кузнечные инструменты — клещи, молоты большие (кувалды) и малые («ручники») и наковальни в сопоставлении с изображениями кузнецов свидетельствуют, что уже в ту пору в кузнеч-

[1] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 595.

[2] *А. П. Смирнов.* Волжские булгары. М., 1951, стр. 111—112.

ном деле было разделение труда: мастер-кузнец, или коваль, работал с подручным — молотобойцем.

В XVI в. в Москве была известная кузнецкая слобода за Яузой с церковью (или монастырем) Козьмы и Демьяна, получившая впоследствии название Старой Кузнецкой слободы (а церковь стала называться «Козьмы и Демьяна, что в старых кузнецах»). Ей предшествовала более древняя кузнецкая слобода на Неглинной, память о которой сохранилась до настоящего времени в названии улицы Кузнецкий мост[1]. Еще ранее, в XII—XIV вв., кричное (а по всей вероятности, и кузнечное) производство было сосредоточено в районе Зарядья, на тогдашней окраине Большого, или Великого, посада Москвы. Так по мере роста города отодвигалась на окраину кузнецкая слобода в Москве.

Очень рано отделилось от кузнечного слесарное производство. Правда, упоминание специалистов «замочников» (слесарей) относится к более позднему времени, но разнообразные замки и ключи находят в древнерусских городах в очень большом количестве. Продукция слесарей-замочников шла не только для внутреннего употребления, но и вывозилась в Западную Европу. Так, в описи имущества Беретеновского монастыря в Чехии в конце XIV в. значатся «три железные замка, в просторечии называемые русскими»[2]. Это указывает на высокое качество изделий русского ремесла. Производство замков связано с несколько иными операциями, чем кузнечное дело: с паянием металла (чаще всего — припайкой меди к железу), опиловкой его и еще некоторыми операциями холодной обработки металла. При раскопках в Старой Рязани, Райках и Москве найдены разнообразные напильники (XIII—XV вв. и более ранние), при помощи которых можно было выпиливать сложные профили, а также зубила[3].

В тесной связи с кузнечным делом стояло производство оружия. Производство различных видов оборонительного и наступательного оружия, как правило, связано с ковкой металла. Специалисты-оружейники известны по летописям и актам под разными названиями. Наиболее общим было наименование бронников — ремесленников, делавших брони. Известны целые поселки под Новгородом и под Москвой, носившие уже в XV в. название Бронницы или Бронниче. Жили бронники

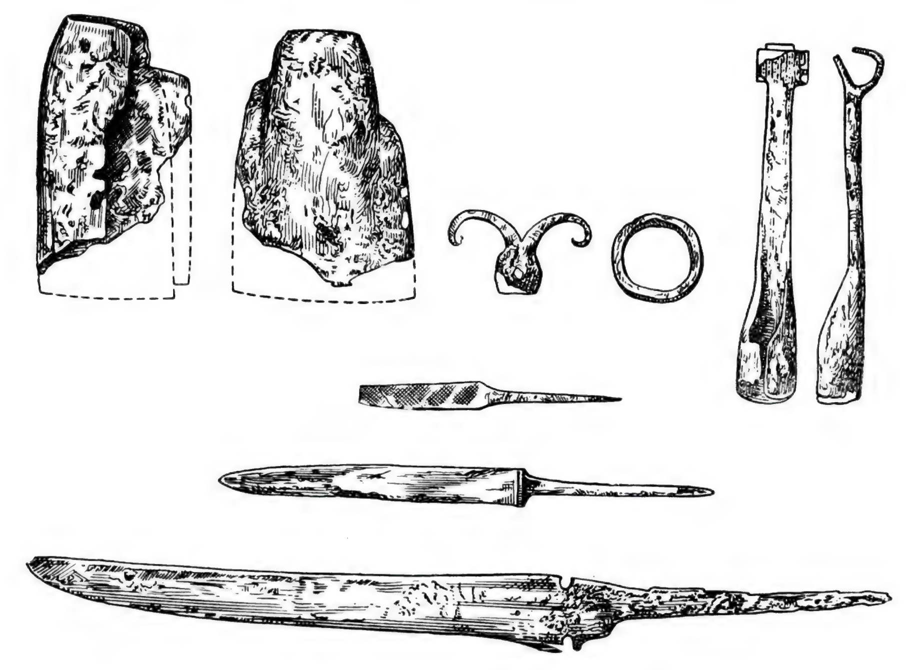
[1] *М. Н. Тихомиров.* Указ. соч., стр. 125—126; *П. Н. Миллер* и *П. В. Сытин.* Происхождение названий улиц, переулков, площадей Москвы. М., 1938, стр. 53.

[2] *А. Н. Ясинский.* Чешское свидетельство XIV в. о русском металлическом производстве. «Сб. учено-литер. о-ва при Юрьевском ун-те», т. I, Юрьев, 1898, стр. 54—55.

[3] *Б. А. Рыбаков.* Раскопки в Звенигороде в 1944—45 гг. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 12, М.—Л., 1949, стр. 125—133.

и в кузнечных слободах. В духовных грамотах XV в. встречаются упоминания киверников (кивер — вид шлема)[1].

По археологическим находкам известны кольчуги, шлемы и копья московской работы. В различных письменных источниках неоднократно

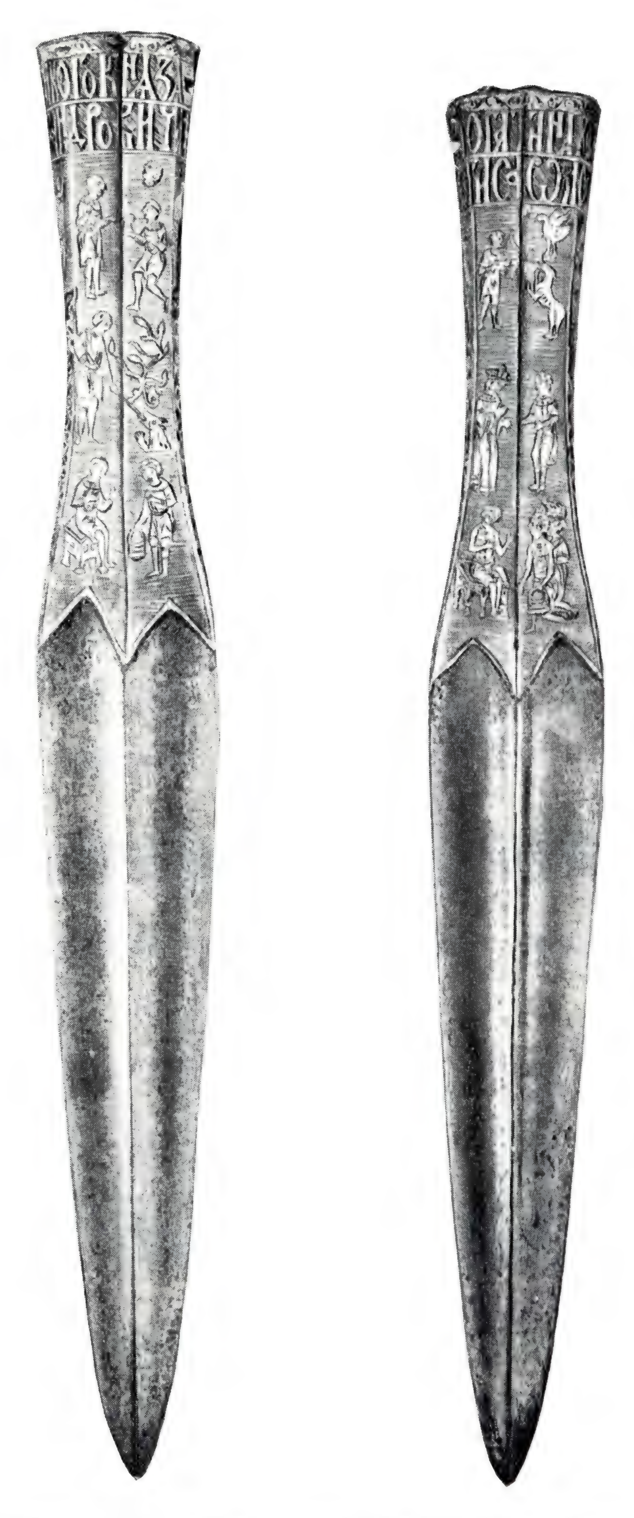
Железные изделия XV в., найденные при раскопках в Зарядье (Москва).
Музей истории и реконструкции Москвы.

упоминаются щиты московские[2], луки «московского дела», рогатки московские, московские панцыри[3]. К оружейникам относились и сагайдачники, лучники, тульники — мастера, изготовлявшие луки, колчаны и прочий «саадачный» или «сагайдачный» прибор, пищальники, делавшие пищали (ружья), и т. п. О том, какого высокого мастерства достигали русские оружейники, говорит хранящаяся в Историческом музее в Москве кольчуга дьяка Выроткова (начала XVI в.), на многих кольцах которой выбиты надписи.

[1] *Н. П. Лихачев.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. 1, СПб., 1895, стр. 3.

[2] *В. П. Адрианова-Перетц.* Задонщина. Текст и примечания. «Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та литературы АН СССР», т. V, М.—Л., 1947, стр. 200—201.

[3] *П. Савваитов.* Описание старинных русских утварей. СПб., 1896, стр. 73, 96—97, 115.

Рогатина XV в. тверского князя Бориса Александровича.

Оружейная палата.

Гравированные украшения на рогатине тверского князя Бориса Александровича.

Оружейная палата.

Другим образцом оружейного мастерства является рогатина (охотничье копье), сделанная в середине XV в. для великого князя тверского Бориса Александровича (1425—1461). Это — парадное оружие, украшенное изысканной гравировкой и надписью имени владельца. Изображенные на рогатине сцены представляют иллюстрации к какой-то фантастической повести [1]. О высоком уровне развития русского оружейного производства говорит тот факт, что крымский хан Менгли-Гирей неоднократно обращался к Ивану III с просьбой прислать «панцыри и мелкий доспех», очевидно, ценя доспехи русской работы выше сирийских, турецких и итальянских [2].

Литейная форма XV в., найденная при раскопках в Зарядье (Москва).

Музей истории и реконструкции Москвы.

Крупные сдвиги можно наблюдать в области литейного дела. Монгольское нашествие вызвало сильный упадок в этой отрасли ремесла, ремесленники почти перестали делать новые литейные формы, предпочитая изготовлять по оттискам в глине копии с образцов, сделанных до татарского разгрома. Но уже в XIV в. литейное дело на Руси возрождается. К этому времени относится открытая на Великом посаде в Москве мастерская литейщика, в которой найдены каменная литейная форма и восемь совершенно одинаковых тигельков для плавки и разливания металла емкостью примерно 150 куб. сантиметров каждый.

В этой мастерской отливались бронзовые украшения, предназначенные для продажи. Литейное дело здесь не отделилось еще вполне от добычи железа (тигли найдены возле остатков сыродутного горна, который стоял во дворе хозяина мастерской). Замечается стандартизация орудий производства ремесленника (одинаковые тигли для плавки и разливания металла, повторение одинаковых фигур на литейной форме). Развитие крупного литья характеризуется производством колоколов. Отливка колокола требовала сложных приспособлений и высокого мастерства литейщика. Малейшая погрешность могла привести к неудаче отливки — к потере большого количества ценного металла [3]. После монгольского нашествия литье колоколов возобновилось только в XIV в.; оно далеко превзошло по своему масштабу то, что было известно раньше. Как особо сложное производство оно не раз отмечалось в летописях

---

[1] Ср. *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 635—637.

[2] Там же, стр. 599.

[3] *Н. И. Фальковский.* Указ. соч., стр. 243.

Литье колокола в Твери. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

и даже изображалось на миниатюрах, иллюстрировавших эти летописи. В 1342 г. в Новгороде архиепископ Василий «повеле сольяти... колокол великый... и приведе мастера с Москве... именем Бориса»[1]. Через четыре года мастер Бориско (возможно, тот же самый) отлил пять колоколов («слил три колоколы великиа, а два малыя»)[2] уже в самой Москве.

[1] НПЛ, стр. 354.

[2] ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 95.

В 1403 г. был отлит соборный колокол в Твери[1], в 1420 г. — в Троице-Сергиевой лавре.

Особое значение имело развитие литейного производства для военного дела. Оно дало новый толчок совершенствованию артиллерии.

Пушки, появившиеся на Руси в конце XIV в. (первое упоминание о них относится к 1382 г.), делались из кованых железных полос, сваренных и скрепленных обручами. Отливка пушек из меди была известна

Медная пищаль, отлитая мастером Яковом в Москве в 1484 г.
Артиллерийский музей в Ленинграде.

на Руси в середине XV в. Когда на Западе только начиналось литье пушек, у нас уже славился тверской пушечный мастер Микула Кречетников («такой беаше мастер, яко и среди немец не обрести такова»)[2], который отливал пушки. Техника пушечного литья весьма близка к литью колоколов. Недаром занимались этим часто одни и те же люди. Так, в 1487 г. пушечник Федор отлил колокол для Пафнутьева Боровского монастыря. В 1484 г. мастер Яков отлил в Москве пушку весом в 16 пудов, в четыре раза тяжелее итальянских орудий того времени. Ему же принадлежит еще пять меньших орудий типа пищалей. Очевидно, в 80-х годах XV в. в Москве была устроена специальная «пушечная изба» для литья пушек.

Образование централизованного Русского государства создало более благоприятные условия для развития артиллерии, которая с тех пор справедливо считается лучшей в мире.

Усиление имущественной дифференциации, рост богатств знати вызывали все более повышенный спрос на произведения ювелирного ремесла. Завещания русских князей содержат длинные перечни драгоценностей, передаваемых по наследству. Иногда указывается

[1] ПСРЛ, т. XV, стб. 470–471.

[2] Там же, т. XV, стр. 493 (1446 г.); см. также *Н. П. Лихачев*. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908, стр. 46.

Образец чеканной и сканной работы — оклад евангелия боярина Ф. А. Кошки. 1392 г.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

и происхождение этих драгоценностей и, что всего важнее, даже имена мастеров. Ряд вещей, по прямому указанию владельцев, сделан на Руси. В духовной грамоте Семена Гордого упомянут «пояс золот с каменьем же — што есм сам сковал». Конечно, здесь речь идет не о занятиях самого князя ювелирным ремеслом, а об изделиях, выполненных по его заказу княжескими или городскими ювелирами. Имена некоторых мастеров также дошли до нас («пояс золот с ремнем Макарова дела», «пояс золот Шышкина дела»). Имя ювелира Парамши (возможно, уменьшительное от «Парамон») упоминается в духовных грамотах потомков Калиты («икона золотом кована Парамшина дела»).

Золотые пояса, иконы, драгоценное парадное оружие, наконец, богатые переплеты книг, посуда из золота и серебра — все эти вещи в довольно большом количестве сохранились до нашего времени и показывают, что русские мастера достигли высокой степени совершенства в ковке, чеканке, гравировке, черни, скани и художественном литье.

Примером искусного сочетания различных приемов обработки драгоценных металлов является оклад евангелия боярина Федора Андреевича Кошки. Здесь и литые фигуры (до 29), и тончайший сканый орнамент, надпись с чернью, говорящая, что переплет окован «повелением раба божья Федора Андреевича» в 1392 г. [1]

Большое значение имела возродившаяся во второй половине XIV в. чеканка русской монеты. В древней Руси существовал монетный чекан, но после татарского нашествия он прекратился и почти полтора столетия русские земли пользовались для обмена денежными слитками («гривнами»). Этот факт еще раз показывает, как сильно задержало экономическое развитие русских земель татарское иго. Теперь в основу чеканки монеты была положена половина серебряной гривны — «рубль» (от «рубить», в данном случае — рубить гривну пополам) весом 92,5 грамма. Рубль делился на 100 «денег», на каждой из которых при помощи специальных матриц выбивались изображение и надпись с именем князя или названием земли (например «Великого Новгорода»)[2]. В дальнейшем выработался следующий денежный счет в Москве и Новгороде. Московский рубль равнялся 200 деньгам, московская гривна состояла из 20 денег, алтын из 6 денег. Новгородский рубль равнялся 100 деньгам, новгородская гривна — 10 деньгам, алтын—трем деньгам. Денежное дело повсюду было в руках

---

[1] *Б. А. Рыбаков*. Ремесло древней Руси, стр. 628.

[2] *Г. Б. Федоров*. Происхождение московской монетной системы. «Краткие сообщения ИИМК», вып. XVI, М.— Л., 1947, стр. 113—115.

князей, и с ликвидацией самостоятельности удельных княжеств число городов, чеканивших монету, сокращается[1].

Чеканили монету особые мастера-денежники. Возможно, что к той же специальности относятся встречающиеся в документах «серебряный ливец» и в особенности «серебреник весец». На некоторых монетах (например, великого князя тверского Бориса Александровича) есть миниатюрные изображения процесса чеканки, а иногда и имя денежника (тверской денежник Орефьев).

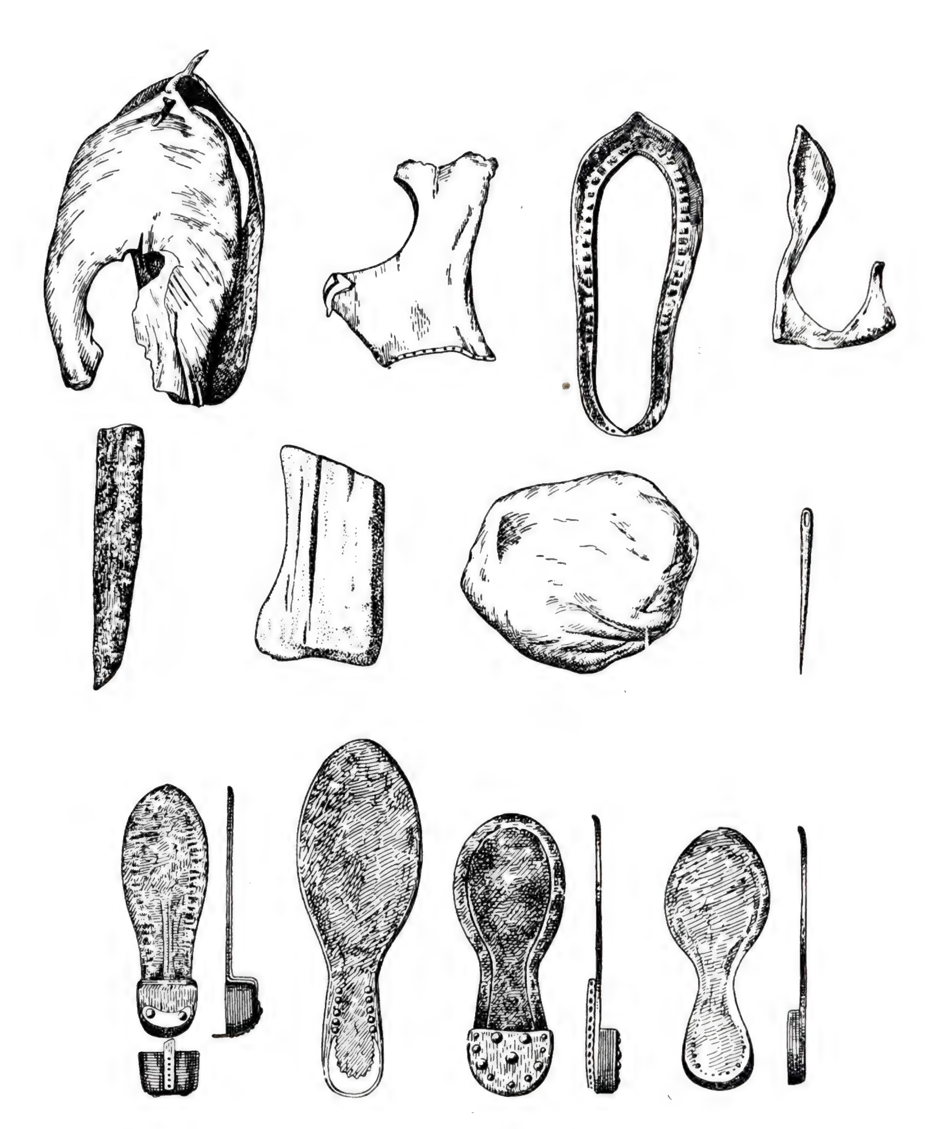
Для городского ремесла попрежнему характерно широкое распространение кожевенного и сапожного производства, которые еще не отделились друг от друга. В Москве, на Великом посаде, обнаружено несколько мастерских XII—XV вв. с обрезками кожи и отходами сапожного производства, а также обувью разных фасонов — мужской, женской и детской, также дубильными чанами и зольниками. В мастерских в Москве и Новгороде найдены шилья, сапожные ножи, воск для вощения дратвы и сама дратва.

Большое количество находок полуфабрикатов и готовой продукции позволяет восстановить ассортимент изделий сапожника-кожевника. Прежде всего это была разнообразная обувь, фасоны которой менялись в зависимости от моды. Преобладали сапоги с короткими, срезанными наискось к задней стороне голенищами и загнутыми кверху острыми носами без каблуков или на высоких каблуках. Такие сапоги носили даже маленькие дети. Встречаются также туфли «поршни» и даже плетеные лапти. Помимо обуви, в мастерских сапожников-кожевников изготовлялись кожаные рукавицы и перчатки, пояса-ремни, конская упряжь, ножны кинжалов и сабель, колчаны и налучья и заготовки для переплетов книг. Кожа употреблялась также для обтягивания воинских щитов. Кожаные переплеты, ножны, а часто и «головки» обуви украшались художественным тиснением, требовавшим специальных инструментов (например, зубчатого колесика), а главное — большого умения и вкуса. На богатой обуви в качестве орнамента встречается замысловатая плетенка, характерная для книжных орнаментов того же времени. Ремесленная сапожная слободка на окраине Москвы существовала в течение нескольких столетий. Русская юфть и изделия из кожи продавались за рубежом, например в Персию[2].

К числу ремесел, обслуживавших преимущественно горожан, относится костерезное дело. В письменных источниках нет упоминаний

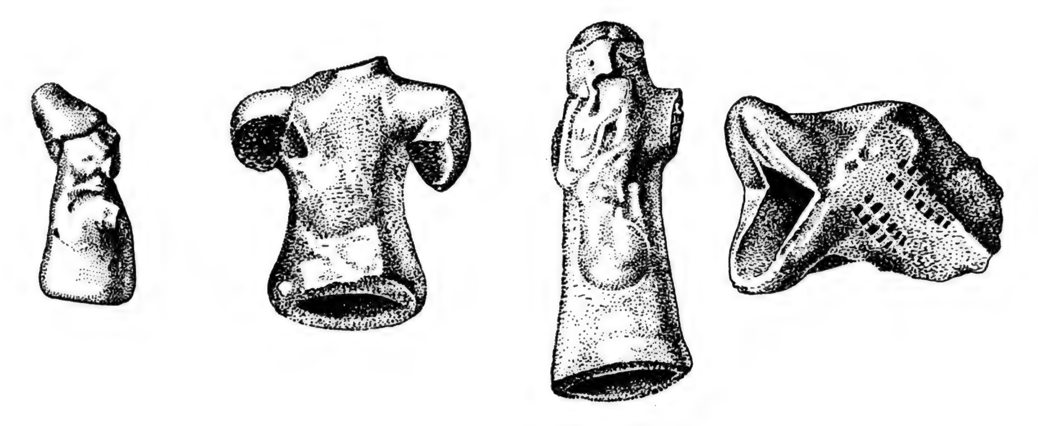
[1] *Г. Б. Федоров*. Унификация русской монетной системы и указ 1535 г. «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. VII, № 6, М., 1950, стр. 547—558.

[2] *М. В. Фехнер*. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1952, стр. 64—65.

Предметы сапожного производства XV в., найденные при раскопках в Зарядье (Москва).

Музей истории и реконструкции Москвы.

Глиняные игрушки XV в., найденные при раскопках в Москве.

Музей истории и реконструкции Москвы.

ремесленников-костерезов. Но археологические находки поражают разнообразием и техническим совершенством изделий из кости. Сырьем служили кости домашних животных и лишь изредка — диких (преимущественно рога лося). Из них мастера выделывали головные гребни, иглы и игольники, коньки, рукоятки ножей, шпильки для самопрялок, пуговицы и ряд художественных изделий. Примечательна по тонкости работы костяная печать, найденная в Зарядье. На овальном щитке длиной в 1,5, шириной в 1 сантиметр изображена в центре фигурка воина со щитом в левой руке и копьем в правой, а по краю идет надпись: «Печать Ивана Карови», по начертанию букв относящаяся к XV в.

Большое значение в жизни города и деревни имело гончарное ремесло. В этой области также виден ущерб, нанесенный татарским нашествием. Прекратилось, например, производство глазурованной (поливной) посуды и поливных изразцов, которое возродилось только в середине XVII в. Находимые при раскопках обломки посуды XIII—XIV вв. указывают на упадок гончарного ремесла. Посуда становится грубее, хуже обожжена. Но к концу XIV и особенно в XV в. гончарное ремесло вновь достигает высокого уровня развития. Правда, гончарные изделия делаются еще на ручном гончарном круге, но обжиг их производится в специальных горнах. Ассортимент сосудов становится разнообразным (к началу XVI в. можно насчитать до 14 различных форм сосудов — горшки, миски, кувшины, бутыли — «кубышки», рукомойники, светильники, чернильницы и т. п.). Мастера искусно имитируют в глине металл, придавая сосудам черный цвет и металлический

блеск. Кроме посуды, гончары выделывали разнообразные глиняные игрушки и строительные материалы — кирпич, черепицу, плитки для мощения полов. С конца XV в. в Москве за Яузой существовала большая гончарная слобода, снабжавшая своей продукцией не только Москву и ее окрестности, но и многие другие области. Производство керамических строительных материалов приобрело особое значение во второй половине XV в. в связи с развитием каменного строительства.

Обзор городского ремесла был бы не полон без рассмотрения развития строительного искусства. Татарский разгром надолго приостановил развитие каменного строительства. Но уже в начале XIV в. в Москве и Твери вновь начинается строительство каменных церквей, а в 1367 г. Дмитрий Донской, готовясь к борьбе с татарами, заложил в Москве каменный кремль. Этот кремль ремонтировал в XV в. известный московский зодчий Василий Ермолин, поставивший при этом на проездных кремлевских башнях каменные конные фигуры Георгия Победоносца и Дмитрия Солунского, являющиеся ранними образцами московского монументального искусства.

Искусство русского деревянного строительства в начале XVI в. так поразило итальянца Павла Иовия, что он в своем «Кратком известии о Московии» уделил довольно много места приемам работы московских плотников. Из этого описания мы узнаем, в частности, что при постройке деревянных зданий бревна отмерялись и обтесывались по шнуру. Другое известие конца XV в. говорит о применении при строительстве домов блоков для поднятия материалов («и верху цепляше малые колесца, еже плотники векшою зовуть, еже им на избы землю волочать»)[1]. Эти «векши» и были, по всей вероятности, блоками. Части деревянных неподвижных блоков найдены при раскопках в Зарядье.

В XIV в. из дерева еще строились и первоклассные укрепления. Так, один из политических союзников Дмитрия Донского, князь Владимир Андреевич серпуховской, прозванный Храбрым, построил целиком из дуба крепость в Серпухове — важнейшем узле обороны к югу от Москвы, т. е. со стороны, наиболее угрожаемой от татар. Каменные здания в XIV в. строились преимущественно из белого камня. Большое число их в Москве дало ей прозвание «белокаменной». В XV в. русские мастера каменных дел превзошли уровень, на котором находилось строительное дело в древней Руси. Об этом говорят факты реставрации ими зданий, построенных до монгольского нашествия. Так, упомянутый уже Василий Ермолин реставрировал Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Реставрация церквей иногда достигала большого совершенства,

---

[1] ПСРЛ, т. XX, первая половина, СПб., 1910, стр. 320.

Георгий Победоносец. Фрагмент белокаменной конной статуи XV в. работы В. Д. Ермолина.

Государственная Третьяковская галерея.

«яко дивитися всем необычному делу сему»[1]. Русские мастера заново освоили технику кладки зданий из кирпича. К концу XV столетия известные русские архитекторы занялись переустройством Московского кремля значительно раньше, чем появились на Руси строители-итальянцы. При начале строительства Успенского собора в Москве летопись

Деревянный блок XV в., найденный при раскопках в Зарядье (Москва).

Музей истории и реконструкции Москвы.

отмечает споры между двумя «предстателями» (Василием Ермолиным и Иваном Головой Ховриным), очевидно, руководившими крупными строительными артелями. Ермолин отступился, а Иван Голова начал работы[2]. Эти артели, конечно, не были единственными на Руси.

Церкви украшались внутри росписью, которая в каменных церквах обычно наносилась непосредственно на стены, по сырой еще штукатурке («фрески»). Деревянные церкви (а таких было большинство) не расписывались, а украшались иконами. Мастера-иконники организовывались в артели («дружины»), имевшие «старейшин». В 1344 г. такая дружина во главе с Захарией, Иосифом и Николаем расписывала Архангельский собор в Москве. В 1345 г. росписью церкви Спаса на бору руководил Гойтан, которого летопись называет «старейшиной иконником»[3]. В 1482 г. четыре иконника (двое духовных— попы Тимофей и Дионисий и двое светских — Ярец и Конь) делали сложную роспись в Успенском соборе Московского кремля («Деисус с праздники и пророки, вельми чюден»)[4].

[1] ПСРЛ, т. XII, СПб., 1901, стр. 118.
[2] *М. Н. Тихомиров.* Древняя Москва, стр. 68.
[3] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 94—95.
[4] *М. Н. Тихомиров.* Указ. соч., стр. 119

Часозвоня, поставленная в Московском кремле Лазарем Сербином в 1404 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Распространившийся в Европе обычай украшать города башенными часами с затейливым боем не миновал и Русь. В разных городах строятся высокие башни с часами («часозвони»). Красочно описывает летопись устройство в Москве «часника» афонским монахом Лазарем в 1404 г.: «Сий же часник наречется часомерье, на всякий же час ударяет молотом в колокол; размеряя и разсчитая часы ношные и дневныя; не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако сотворено есть человеческою хитростью, преизмечтано и преухищрено»[1]. На летописной миниа-

[1] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 281.

Мастер Авраам — автопортрет XIV в. на вратах Новгородского Софийского собора.

тюре эти часы изображены с тремя гирями и циферблатом, на котором цифры даны буквенными обозначениями, как это обычно делалось на Руси до XVIII в.[1]

Показателем того, что русские ремесленники в массе были для своего времени людьми передовыми, служит хотя бы тот факт, что среди них было множество грамотных. Иначе нельзя объяснить столь часто встречающиеся на изделиях ремесленников надписи. В Новгороде при сборке дверей Софийского собора пришлось изготовить несколько новых пластин. Этим занялся новгородский литейщик Авраам, который отлил несколько высокохудожественных изображений (в том числе фигуру героя многих фантастических сказаний — Китовраса) и выбил на пластинах, украшавших ворота, надписи, пояснявшие изображения. В дополнение к имевшимся на воротах изображениям иноземных мастеров, делавших пластины, русский мастер отлил и свой автопортрет, изобразив себя в коротком кафтане с клещами и молотком в руках. Надпись сверху гласит: «Мастер Аврам».

Множество надписей на ювелирных изделиях, оружии, иконах, печатях, предметах быта говорит не только о грамотности ремесленников, изготовивших эти

---

[1] *А. В. Арциховский.* Древнерусские миниатюры как исторический источник, М., 1944, стр. 84—85.

вещи, но и о грамотности заказчиков, на которых они работали. Конечно, как и повсюду в то время, грамотность была достоянием в основном господствующего класса. Но представление о почти поголовной неграмотности горожан должно быть решительно отвергнуто. Множество надписей имелось и на стенах церквей, особенно в помещениях, где стояли прихожане, выцарапывавшие от скуки во время церковной службы различные надписи на стенах какими-то острыми предметами. Такие надписи («граффити») имеются не только

«Поклонъ от Грикши къ Есифу. Приславъ Ононья мол...Язъ ему отвечалъ: не реклъ ми Есифъ варити перевары ни на кого. Онъ прислалъ къ Федось: вари ты пивъ, седишь на безатьщине, не варишь жита».

Надпись на бересте XIV в., найденная при раскопках в Новгороде А. В. Арциховским.

Государственный Исторический музей.

в крупных культурных центрах вроде Новгорода, но и в столице удельного княжества — Звенигороде, городке сравнительно небольшом[1]. Недавняя находка в Новгороде десятков грамот, написанных на бересте и представляющих в значительной своей доле частную переписку, достаточно убедительно свидетельствует о развитии грамотности в древней Руси[2].

Распространение в XIV в. бумаги — более удобного и дешевого материала для писания, чем пергамен, позволило более широко размножать книги путем переписывания. Уже упоминавшийся Василий Ермолин писал в послании литовскому писарю Якову, что «московские доброписцы» могут «по его приказу» сделать копии с разного рода рукописей[3]. Б. А. Рыбаков отмечает, что из 110 известных по именам писцов XIII—XV вв. 63 были «мирянами» и только 47 — церковниками, в то время как в домонгольское время тех и других было поровну[4]. И этот факт также говорит об увеличении грамотности среди простых людей. Переписчики книг — «доброписцы» (по крайней мере те из них,

[1] *Б. А. Рыбаков.* Раскопки в Звенигороде в 1944—45 гг. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 12, стр. 127.

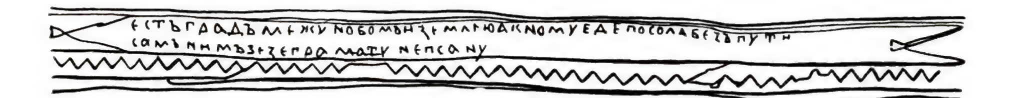
[2] О находках первых таких грамот см. *А. В. Арциховский.* Новые открытия в Новгороде. «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 77—87; *его же.* Раскопки 1952 года в Новгороде. «Вопросы истории», 1953, № 1, стр. 113—124.

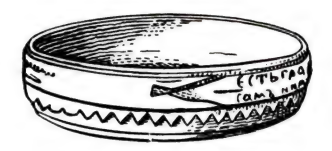
[3] *А. Д. Седельников.* «Послание от друга к другу» и западно-русская книжность XV в. «Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук», 1930, № 4, стр. 225.

[4] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 685—686.

которые не принадлежали к духовному сословию) по положению являлись ремесленниками, работавшими на заказ.

Большое количество источников содержит прямые и косвенные указания на существование в русских городах в XIII—XV вв. ремесленных организаций, соответствовавших по своему значению цехам, изученным по материалам западноевропейских городов.

«Есть градъ межу нобомъ и землею, а къ ному еде посолъ безъ пути самъ-нимъ везе грамоту непсану» (загадка; разгадка ее, повидимому,— ноев ковчег).

Надпись на бересте XIV в., найденная при раскопках в Новгороде А. В. Арциховским.

Государственный Исторический музей.

«Черные люди», составлявшие большинство населения русских городов, уже в XIII в. имели свою организацию, которая нередко (в особенности во время татарских нападений) даже противопоставлялась боярам и проявляла большую активность в защите родных городов[1]. Так, во время татарского набега 1293 г. «тферичи целоваша крест, бояре к черным людем, такоже и черныя люди к бояром, что стати с единаго битися с татары»[2]. Междукняжеский договор конца XIV в., говорящий об изъятии беглых холопов, употребляет выражение «очистити» применительно к беглым холопам, попавшим в Москву, повидимому, в смысле очищения их от долговых обязательств, от заклада[3]. Беглые холопы, попав в город, должны были, следовательно, освобождаться от обязательств и оставаться в городе, подчиняясь одному из князей, в то время совместно владевших Москвой. Такое положение существовало и на Западе, где «городской воздух делал свободным», т. е. феодально-зависимый человек, попав в черту города (а по некоторым законам — прожив в городе год и один день), становился свобод-

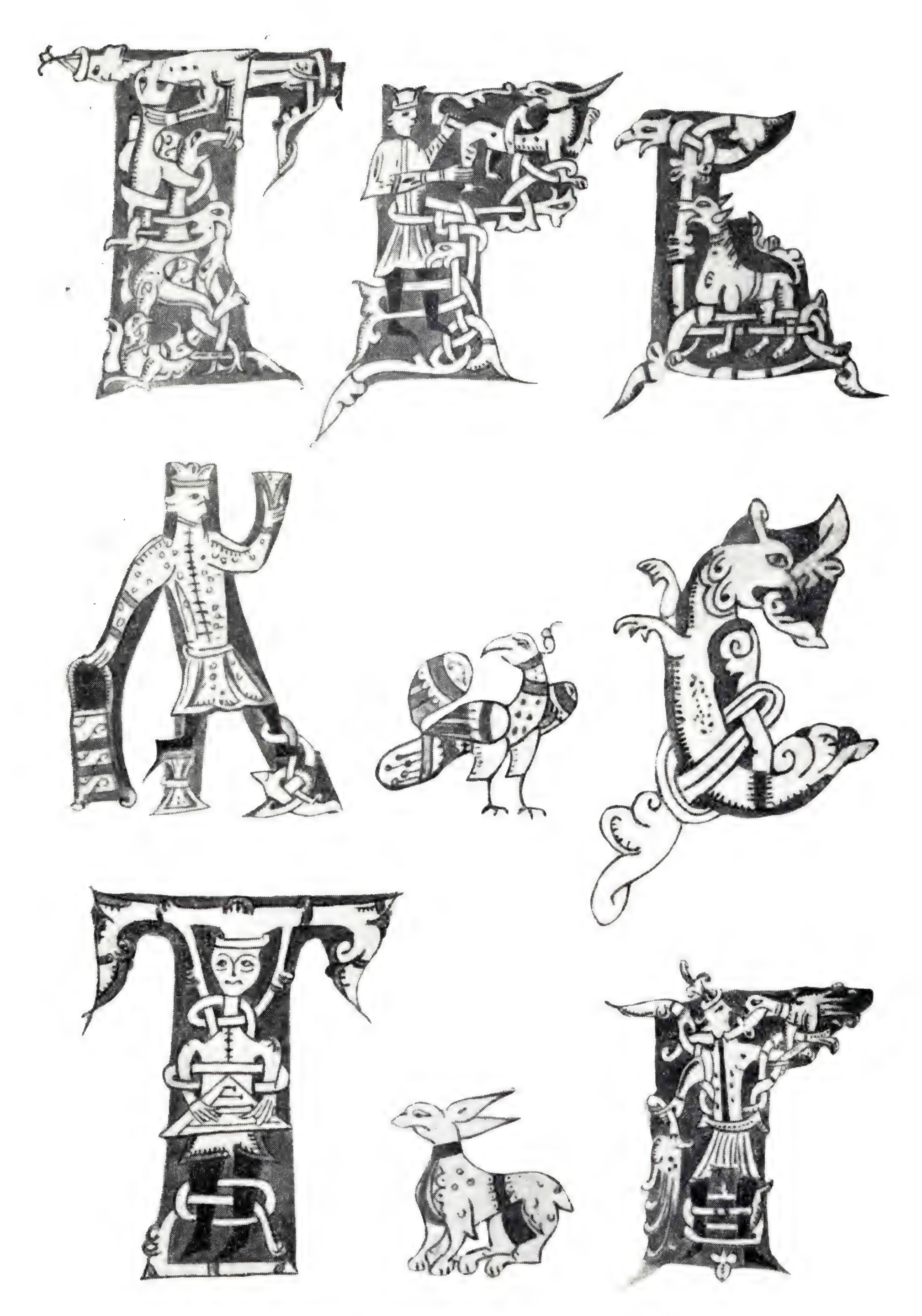
[1] *М. Н. Тихомиров.* Указ. соч., стр. 117.

[2] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 82.

[3] *М. Н. Тихомиров.* Указ. соч., стр. 130.

Заглавные буквы из новгородских рукописей XIV в.

Заглавные буквы из новгородских рукописей XIV в.

ным. По летописному известию XIV в. князь Владимир Андреевич при постройке «дубового града» Серпухова (1374) «живущим же ту человеком и приходящим отинуды, ту жити хотящим, подасть многу волю и лготу»[1].

Несомненно, что на Руси, как и повсюду в феодальных городах, существовали определенные, утвержденные княжеской властью городские вольности, что городские «черные люди» (в большинстве ремесленники) имели свою организацию. Эта организация была производственной, но она соответствовала и территориальному делению города.

Яснее всего организация ремесленников выступает в источниках как военная организация. В Новгороде основу войска составляли уличанские и сотенные отряды, комплектовавшиеся главным образом из ремесленников, которые жили на этих улицах и соединялись в пять «полков» (по пяти «концам» города), составлявших городское ополчение. В Москве городские люди были расписаны на случай осады города по определенным участкам укреплений (стенам и воротам), по всей вероятности, также по производственному и территориальному признаку. То обстоятельство, что организация городских ремесленников проявляется прежде всего как организация военная, вполне естественно, ибо в средневековом городе и купец и ремесленник были воинами. Но имеются и другие признаки цеховой организации русских ремесленников. Ремесленники одной специальности нередко имели общие патрональные церкви с некоторыми особыми деталями культа (например, кузнецы — церкви Кузьмы и Демьяна), игравшие роль организационных центров ремесленных обществ, где ремесленные общества регулярно устраивали вскладчину общие угощения («братчины»). «Улицы», «ряды», «сотни», «обчины» и «братчины» были формами корпоративных организаций. «Русское ремесло подчинялось общим историческим законам, обязательным для Запада и для Востока, но в то же время оно шло своим самостоятельным путем, создавая ценности, носящие зримый отпечаток творчества русского народа»[2].

В XV в. продолжалось имущественное расслоение ремесленников. Многие ремесленники были весьма богаты (в особенности ювелиры и оружейники) и становились даже кредиторами удельных князей. Так, князь Андрей Васильевич, брат Ивана III, задолжал 51 рубль «Сенке броннику», а его племянник, князь Иван Борисович Волоцкий, задолжал «Семену броннику сорок рублов да четыре рубли.., Фили седелнику десять рублов.., Лагуте кузнецу педдесят рублов»[3] — суммы по тому времени огромные.

---

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 21; т. XXV, стр. 189.

[2] *Б. А. Рыбаков*. Ремесло древней Руси, стр. 781—783.

[3] ДДГ, № 88, стр. 351.

С другой стороны, рядовые ремесленники зарабатывали в XV в. от $2^1/_2$ до 7 денег в неделю, что, учитывая тогдашние цены на продукты, говорит об их бедности[1]. Многие из них становились должниками и попадали в кабалу, как, например, ремесленники, попавшие в долговую зависимость от монаха («старца») Андриана Ярлыка[2]. Псковская Судная грамота предусматривает различные виды отношений между «мастером» и «учеником» и в случае конфликтов между ними держит сторону мастера, что лишний раз свидетельствует о расслоении ремесленников, эксплуатации мастерами учеников.

Во всех ведущих областях ремесленного производства произошли большие сдвиги, вновь поднявшие эти ремесла на высокий уровень; русские города не захирели, а стали экономическими центрами объединения сначала крупных областей, а затем и всех русских земель в централизованное государство. Развитие ремесла все более связывало город с деревней. Только высокоразвитое ремесло могло создать и необходимый военный потенциал для борьбы за свержение татарского ига. Наконец, процветание ремесел чрезвычайно благоприятно сказалось на всех областях русской культуры и привело к ее новому подъему.

* * *

Феодальный город северо-восточной Руси XIV—XV вв. являлся средоточием как ремесла, так и торговли. Рост общественного разделения труда приводил к тому, что город становился центром сбыта ремесленных произведений в деревню и рынком для сбыта хлеба и других продуктов вотчинного и крестьянского сельского хозяйства, привозившихся из соседней округи. В феодальную эпоху хозяйство в своей основе оставалось натуральным. Как указывает В. И. Ленин, имея в виду явления, характерные даже для позднего феодализма, рынок для сбыта изделий бывает первоначально крайне узким, «докапиталистическая деревня представляла из себя (с экономической стороны) *сеть мелких местных рынков, связывающих крохотные группы мелких производителей, раздробленных и своим обособленным хозяйничаньем, и массой средневековых перегородок между ними, и остатками средневековой зависимости*»[3].

Процесс концентрации мелких местных рынков в один всероссийский рынок был очень длительным, и его начало, как указывалось, восходит еще к периоду феодальной раздробленности.

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 710.
[2] АЮБ, т. I, № 85, стр. 554.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 288, 331

В XIV—XV вв. постепенно усиливались экономические связи между различными русскими городами и княжествами. Из отдаленного Поморья, через Устюг Великий, Вологду и Кострому вывозились соболи, лисицы, белки и другие ценные меха, с морского побережья шли ворвань и моржовая кость. Очень большое значение приобрел вывоз хлеба из плодородной Рязанской земли. В Москве и других городах Окско-Волжского междуречья скрещивались различные направления торгового движения и завязывались разнообразные торговые связи.

Крупнейшим торговым центром была Москва. Сведения об ее экономике содержатся в духовных княжеских грамотах. Иван Калита завещал в 1339 г. торговые пошлины, собиравшиеся в Москве, жене («осмничее») и детям («тамгу»)[1]. Судя по тем же грамотам, в окружающих Москву городах Дмитрове, Можайске, Звенигороде, Коломне взимались проезжие пошлины («мыты»). Таким образом, торговля шла и в западном и в юго-восточном направлениях. По московско-тверскому договору 1375 г. новоторжские и новгородские купцы могли пользоваться правом проезда «сквозе Тферь и Тферьскии волости». Тверской князь должен был предоставить им «путь чист без рубежа» и «не замышляти» новых «мытов» и «пошлин». Такие же права были предоставлены и московским «гостям»[2]. Эти договорные условия свидетельствуют об экономических связях Москвы с Тверью.

По сведениям венецианца Иосафата Барбаро, относящимся к концу XV в., на продажу в Москву привозилось большое количество хлеба, мяса и других сельскохозяйственных продуктов.

Автор повести о нашествии Тохтамыша на Москву в 1382 г. рассказывает, что Москва представляла собой населенный и богатый город: «бяше бо дотоле видети град Москва велик и чюден, и много людей в немь, кипяше богатьством и славою, превзыде же вся грады в Рустей земли честию многою...»[3]

Видное место среди посадского населения города занимали купцы. Летописец, отмечая различные разряды московского населения, обычно ставит купцов вслед за вельможами и боярами. Так, в 1367 г. летопись в связи с рассказом о мире между Москвой и Тверью отмечает «радость» вельмож, гостей, купцов и всех работных людей[4]. В 1365 г. во время «черной смерти» умерло «много бояр и гостей нарочитых людей»[5]. В 1379 г. при отъезде в Константинополь кандидата на митрополичью кафедру Митяя в Москве вместе с князем были бояре, церковные иерархи,

[1] ДДГ, № 1, стр. 8.
[2] Там же, № 9, стр. 27—28.
[3] ПСРЛ, т. VIII, стр. 46.
[4] Там же, т. XI, стр. 8.
[5] Там же, стр. 4.

купцы[1]. Москва привлекала к себе купечество из других городов рядом экономических выгод и политических привилегий, которые им предоставляла великокняжеская власть[2]. В руках торгово-ремесленной верхушки попрежнему находились все привилегии, которые города получали от великокняжеской власти. Москва в XIV в. являлась уже экономическим центром северо-восточных русских земель.

Крупным торговым центром была и Тверь, связанная торговлей как с Востоком, так и с Западом. Литовские купцы приезжали в города Тверского княжества: Тверь, Кашин, Городок, Зубцов. Тверские купцы бывали в Смоленске, Витебске, Вязьме, Дорогобуже, Киеве, ездили через Полоцк Западной Двиной в Вильно. Через Киев тверские купцы проникали в Крым.

Совершенно естественно, что Тверь и другие города Тверского княжества имели свое значительное купечество. Прекрасный образец предприимчивости тверских купцов XV в. мы имеем в лице Афанасия Никитина, отправившегося с торговыми целями в восточные страны и посетившего Индию раньше Васко де Гама. Вместе с Афанасием отправилось шесть тверских, шесть московских и еще несколько купцов из других русских городов. Они были ограблены татарами в устьях Волги. Однако Никитин прошел Шемаху, Баку, Ормус и отсюда попал в Индию, где надеялся поправить свои дела, но глубоко ошибся в своих расчетах. «Мене залгали псы бесермена, а сказывали всего много нашего товару, ажно нет ничево на нашу землю, токмо перец да краска, то и дешево; бесермени возят морем, и они пошлин не дают, а нам пошлины великии, и разбойников много...» В Индии он пробыл около пяти лет и «устремихся умом пойти на Русь». На обратном пути, снова ограбленный, на этот раз пашой в Трапезунде, он, не доезжая Смоленска, умер. Яркий рассказ Афанасия обнаруживает большую наблюдательность автора[3].

Большим и богатым городом был Нижний Новгород, где шла оживленная торговля Руси с купцами из Персии, Бухары, Хивы, Армении, Золотой орды и других стран. Здесь жило крупное русское купечество. Нижегородский купец Тарас Петров, например, обладал настолько значительными денежными средствами, что мог купить у князя шесть больших сел и выкупить у татар много русских пленников.

В связи с ростом торговых отношений отдельные феодальные центры вели борьбу за северные пути, за верховья Северной Двины. В Подвинье давно направлялись два колонизационных потока: из Нов-

[1] ПСРЛ, стр. 39.

[2] «Нижегородский летописец», изд. А. С. Гацисским. Нижний Новгород, 1886, стр. 15—16.

[3] «Хожение за три моря Афанасия Никитина, 1466—1472 гг.» .М.—Л., 1948, стр. 38—39,49.

города и Ростова. Оплотом новгородской колонизации здесь была Вологда, ростовской — Великий Устюг. Северные торговые пути представляли крупный экономический интерес и для московских князей и феодалов. К 1324 г. относится поход на Устюг московского князя Юрия Даниловича[1]. В конце XIV в. Вологда и Устюг переходят в подчинение Москве. Иван Калита посылал ватаги сокольников на Мезень, Пинегу и Печору. По соглашению с Новгородом он поручил Печорскую сторону с ее ловецкими заимками своему приказчику. Дмитрий Донской «пожаловал» Печору Андрею Фрязину на тех же началах, на каких она была за его дядей Матфеем Фрязиным[2]. Брат Дмитрия прилуцкого, переяславский купец, трижды совершил путешествие на Печору, разбогател после первых двух поездок, но третье его путешествие окончилось гибелью[3]. На север устремлялись также московские феодалы. Уже в конце XIV в. в Вологодском и Устюжском крае появляются села бояр Федора Свибла, Головина, Тутолмина и др. Давняя экономическая связь Двинской земли с Москвой в значительной мере объясняет и временный переход ее в 1397 г. под власть Москвы. Грамота, данная Василием I населению Двинской земли в 1397 г., освобождавшая двинских «гостей» от подсудности в Устюге, Вологде и Костроме, указывает на направление торговых путей, связывавших Москву с Двинским краем[4].

Развитие товарно-денежных отношений втягивало в торговлю светских и духовных феодалов и монастыри. Кирилло-Белозерский монастырь торговал по территории всего московского княжества, привозя товары «лете в судне или в лодье, а зиме на возех»[5]. Троице-Сергиев монастырь ежегодно посылал через Тверское великое княжество товары в Новгород: «лете на павозке, а зиме на ста возех»[6]. «Монастырские купчины» торговали на Двине, в Вологде, Холмогорах, Неноксе[7].

Предметами монастырской торговли были хлеб, соль, рыба. В грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю от 1449 г. читаем: «А коли мои, великого князя, соловарове учнут соль продавати, а монастырским приказником соли продавати не заповедывают»[8].

[1] НПЛ, стр. 97.
[2] ГВНиП, № 87, стр. 143.
[3] *Филарет.* Жития святых. СПб., 1892, февраль, стр. 116.
[4] ГВНиП, № 88, стр. 144—146.
[5] *Н. Н. Дебольский.* Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 1900, № CXCIV, стр. 74.
[6] ААЭ, т. I, № 78/III, стр. 57.
[7] «Сборник грамот Коллегии экономии», т. I, № 39, стб. 34; АСЭИ, т. I, № 220, стр. 155.
[8] АЮБ, т. I, № 31/XI, стр. 101; ср. ААЭ, т. I, № 52, стр. 38; АСЭИ, т. I, № 225, стр. 161.

Во внутренней торговле принимала участие и такая крупная феодальная организация, как митрополичья кафедра. Торговые караваны митрополичьего дома пользовались специальной княжеской охраной. Грамоты последней четверти XV в. упоминают суда и возы нижегородского Благовещенского монастыря, двигавшиеся с «каким товаром ни буди» от Нижнего Новгорода вверх и вниз по Волге[1].

Крупным торговым центром было Белоозеро, куда привозили товары из ряда монастырей: Троице-Сергиева, Симонова, Андронникова, Песношского, Борисоглебского, Колязина, Покровского и др. Право сбора таможенных пошлин принадлежало в середине XV в. митрополичьему домовному Череповецкому монастырю[2]. Судя по таможенной грамоте 1497 г., в целях торговли на Белоозеро приезжали «изо всее Московские земли, и из Тферьские земли, и из Новгородские земли» монастырские и боярские приказчики, служилые люди. Здесь же торговали местные «городские люди», «посажане», «окологородцы», крестьяне «изо всех волостей Белозерских»[3]. Словом, Белоозеро представляло собой оживленный рынок.

Сохранились сведения о торговле князей хлебом. В конце XV в. из хлебного склада великого князя Ивана III, находившегося на Вологде, до 300 четвертей хлеба (около 2400 пудов) продавалось Кирилло-Белозерскому монастырю[4]. Хлебные запасы удельных князей находились в Угличе, на Белоозере и т. д.

Товарно-денежные отношения проникали в деревню, способствуя установлению связи сельского населения с рынком. В митрополичьей слободке Караш Ростовского уезда в конце XV в. совершались сделки с «перекупным товаром»[5]. В княжеских жалованных грамотах на беспошлинную торговлю монастырям упоминаются «прибыльные люди», т. е. крестьяне, провозившие свой хлеб нелегально на монастырских судах, пользовавшихся податным иммунитетом («... кто едет с ними их крестьян или кто их своим животом, а учнет провадити за монастырьским житом...»)[6].

Наряду с ростом внутренней торговли расширялись и внешнеторговые связи русских княжеств. По волжскому пути шла торговля Руси с Ордою и Востоком. Значение волжского торгового пути ясно выступает из летописного рассказа под 1361 г., отмечающего тяжелые экономические последствия похода ордынского князя Булат-Темира,

---

[1] АФЗиХ, № 235, стр. 206.
[2] Там же, № 281, стр. 244—245; № 294, стр. 250.
[3] ААЭ, т. I, № 134, стр. 100, 101.
[4] Там же, № 126, стр. 95.
[5] АФЗиХ, № 1, стр. 23.
[6] ААЭ, т. I, № 130, стр. 96; № 146, стр. 118.

который, взяв г. Булгар, захватил «и все городы по Волзе и улусы, и отня весь Волъжский путь»[1]. Упоминания о русских купцах, торговавших с Ордой, встречаются в летописях под 1319, 1356, 1378, 1380, 1382 гг. и др. Ибн-Батута, перечисляя народности, жившие в Сарае, называет и русских: «Каждый народ,— говорит он, — живет в своем участке отдельно, там и базары их»[2]. В 1378 г. татарский царевич Арапша перебил русских «гостей» и овладел их богатствами[3]. В 1382 г. Тохтамыш арестовал русских «гостей» в Орде, чтобы на Русь не проникли известия о его походе. Следовательно, торговые связи русских купцов с Ордой носили постоянный характер.

Новгородские купцы и феодалы, понимая значение волжского пути, неоднократно пытались овладеть им. К концу XIV в. относится ряд походов новгородских ушкуйников на Волгу: в 1366 г. они проникли в Нижний Новгород, в 1374 г. спустились до Казани, в 1375 г. добрались до Астрахани. Ушкуйники нападали на татарских, а иногда и русских купцов и отнимали у них товары. В 1387 г. Новгород был вынужден уплатить Москве 8000 рублей компенсации за действия ушкуйников.

Крупным местом торговли на Волге была ярмарка в Казани, куда ежегодно съезжались русские и восточные купцы: «на той же день съезжахуся в Казань изо всея Руския земля богати купцы и многия иноземцы далния и торговаху с Русью великими драгими товары...»[4]

По волжскому пути шла торговля с Востоком. Не случайно вместе с Афанасием Никитиным из Астрахани в Дербенд ехали тезики (бухарские купцы, таджики). Русские товары попадали в Самарканд. По словам современника, «... город изобилует разными товарами, которые привозятся в него из других стран: из Рушии и Татарии приходят кожи и полотна, из Китая шелковые ткани, которые в этой стране приготовляются всего лучше, особенно атласы, считающиеся лучшими в мире»[5]. В 1475 г. московские послы побывали в Тавризе[6].

Восточные купцы в свою очередь бывали в центральных русских городах. Галицкий князь Юрий Дмитриевич в первой половине XV в. взял в долг деньги у восточных купцов Резеп-хози и Абипа и истратил их на подкупы в Золотой орде, где он вел борьбу за ярлык на великое княжение с Василием II.

---

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 11.

[2] *В. Г. Тизенгаузен.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, стр. 306.

[3] ПСРЛ, т. XI, стр. 28.

[4] Там же, т. XIX, СПб., 1903, стб. 23.

[5] *Клавихо.* Жизнь и деяния великого Тамерлана. «Сб. ОРЯС АН», XXVIII, СПб., 1881, стр. 328—329.

[6] *В. Е. Сыроечковский.* Гости-сурожане, стр. 49. (Данные книги использованы в главе).

Данные о ввозе на Русь восточных изделий имеются в княжеских духовных грамотах. Так, в духовной Ивана Калиты упоминается «блюдо серебрено езднинськое» (из Иезда в Персии), «пояс золот царевьский» (золотоордынский), кожухи «с аламы с женчугомь» (воротники с украшениями)[1]. В духовных же княжеских грамотах содержатся сведения о поясах с «капторгами», «тузулуками» и т. д. Помимо драгоценностей, с Востока привозилось и оружие. В «Задонщине» упоминаются «шеломы черкасские», «байданы бесерменские», «кинжалы и колчаны фрязские»[2].

Русские земли вели торговлю и с генуэзскими и венецианскими колониями, возникшими на территории отрезанного от Руси южного побережья Крыма, в первую очередь с Каффой (Феодосией) и Сурожем (Судаком). В 1318 г. в летописях северо-восточной Руси упоминается «море Сурожское»[3], в 1356 г. летописи отметили прибытие в Москву «гостей»-сурожан[4].

Путь в Сурож и Каффу из Москвы шел через Рязань по Дону, затем через Азовское море и Керченский пролив и, наконец, по Черному морю. Этим путем в 1389 г. ехал митрополит Пимен, направлявшийся в Константинополь.

От Сурожа, переплыв Черное море до Синопа и двигаясь вдоль берега Малой Азии, мимо Амастрии и Пандораклии, русские купцы или путешественники попадали в Константинополь. Иногда из Москвы в Константинополь отправлялись по Волге до Сарай-Берке, оттуда шли сухим путем к Дону, затем плыли до Азова и далее в Черное море. По этому пути в 1379 г. ездил суздальский епископ Дионисий. Наконец, из Новгорода, Смоленска, Твери, Москвы попадали в Константинополь и морским путем через Белгород (Аккерман)[5].

В 1402 г. монах Зосима «идох от Киева с купцы и с вельможами великими» на р. Буг, г. Бряславль, оттуда в «поле татарское», «татарскою дорогою» на Днестр, в Валахию, Белград, Фонарь и далее морем до Константинополя[6].

Торговые связи русских купцов с греческими и итальянскими купцами в Суроже, Каффе, Константинополе не носили случайного характера. В Константинополе в XIV—XV вв. была русская колония, расположенная вблизи гавани Золотого Рога. На северном берегу последней находилась

---

[1] ДДГ, № 1, стр. 7—8.

[2] *В. П. Адрианова-Перетц*. Задонщина, стр. 200—201.

[3] ПСРЛ, т. X, стр. 182.

[4] Там же, стр. 228.

[5] *М. Н. Тихомиров*. Древняя Москва, стр. 90—95. (Данные книги использованы в главе).

[6] *И. П. Сахаров*. Путешествия по святой земле, ч. II, СПб., 1839, стр. 34—35.

генуэзская колония Галата. Там, возможно, также жили русские. Митрополит Митяй, умерший на корабле по пути в Константинополь, был похоронен в Галате. О русском населении в Константинополе имеются данные в «Хождении» Пимена, которого встретила «Русь, живущая тамо, и бысть обеим радость велия». Затем, как говорится в «Хождении», «упокоиша нас добре тамо живущая Русь»[1].

Итальянские и турецкие ростовщики давали в долг деньги русским церковно-политическим деятелям, пытаясь оказывать влияние на русские политические дела. Тот же Пимен занял на имя великого князя «у фряз и у бесермен» свыше 25 000 рублей серебром. В конце XIV в. ростовский архиепископ Федор вместе с митрополитом Киприаном занял в Константинополе тысячу новгородских старых рублей у «Николава Нотара Диорминефта», дав при этом обязательство оказать помощь греческим купцам, возвращающимся «единою страною Рускою»: «имаемся приводити их и всю торговлю их своими проторы и наймом, и промыт, и прокорм, даже до реки Богу...» (т. е. по направлению к Белгороду)[2].

К концу XIV в. Сурож потерял значение главного торгового центра Крыма. Разорение Сарая Тамерланом нанесло удар торговле Золотой орды. В 1475 г. Каффа была завоевана турками[3]. Однако, несмотря на изменение международной обстановки, тяжелые экономические последствия турецких завоеваний, Русь сохранила свое значение во внешней торговле; торговля Руси с востоком и югом продолжалась на протяжении XIV—XV вв.[4]

Через Крым в Москву поступали товары из Малой Азии, Персии, Сирии: шелковые ткани (тафта, камка), шерстяные и бумажные ткани (зуфь, киндяк, епанча, бязь), ковры, тесьма, москательные и бакалейные товары (мыло, перец, ладан), жемчуг, драгоценные камни. Предметом вывоза на юг служили кречеты, соколы, меха соболей, горностаев, лис, белок.

Часть пушнины поступала из Двинской, Печорской, Пермской областей, часть из земель Владимирской, Смоленской, Северской, из Приокского края. Дешевая белка продавалась в Казани. Крымский хан Менгли-Гирей, посылая своего человека в Москву за пушниной, отдал ему предписание: «будет тот товар дорог,... добрые деля белки и в Казань итти»[5]. В сохранившихся документах[6] среди купеческих

---

[1] *М. Н. Тихомиров.* Древняя Москва, стр. 94.
[2] АИ, т. I, № 252, стр. 473—474.
[3] См. гл. 4, § 3 настоящего издания.
[4] *В. Е. Сыроечковский.* Указ. соч., стр. 39—40.
[5] Сб. РИО, т. XCV, стр. 27—28.
[6] Там же, т. XXXV, стр. 44—45.

товаров упоминается чувашская («шувайская», «шуванская») белка. Очень ценилась «устюжская белка»[1]. Устюг также являлся пушным рынком.

В Москву меха свозились зимой, и, как рассказывает Контарини, в это время сюда съезжалось множество купцов из Германии и Польши для закупки товаров[2]. Из Руси в Крым, кроме мехов, вывозились кожи (юфти), холсты, седла, стрелы, саадаки, ножи, меховые шубы.

Москва являлась для Крыма и проводником некоторых товаров, поступавших с северо-запада Европы (фландрские и английские сукна).

Феодалы в XV в. также принимали участие в заграничной торговле, ссужая купцов деньгами для покупки товаров. Это указывает на то, что товарно-денежные отношения проникали в феодальное хозяйство. В 1498 г. из Заморья в Крым приехал московский «гость» Стефан, который заявил, что у него «князя великого куны есть»[3]. Во время ограбления на Дону «гостей» Ивана Боровитина и Василия Китаева была захвачена «бологодеть» (товар, данный на комиссию) великого князя на 60 рублей и казначея Дмитрия Володимерова на 10 рублей[4].

Иногда феодальная знать вела непосредственные купеческие операции, посылая в торговые поездки своих людей. Так, в 50—60-х годах XV в. митрополит Иона послал в Казань своего слугу с «рухлядью», услышав, что там «купцем щкоты и убытков нет»[5]. Несколько позже митрополит Филипп также послал своего слугу торговать, «ци бы что прибыло церкви божией в подможение»[6]. В 1488 г. среди купцов, ограбленных на пути из Крыма в Киев на Тамани, оказался Денис, человек казначея Дмитрия Володимировича. У Дениса пропало товара на 30 рублей[7].

Расширение внутренней и внешней торговли привело к восстановлению во второй половине XIV в. русской денежной системы.

Развитие ремесла и торговли, расширение экономических связей способствовали росту городов. В XV в. в северо-восточной Руси насчитывалось до 78 городов и 286 слобод[8].

---

[1] Сб. РИО, т. XXXV, стр. 44—45.

[2] «Библиотека иностранных писателей о России», т. I, стр. 111.

[3] Сб. РИО, т. XLI, стр. 267, 304.

[4] Там же, стр. 411.

[5] АИ, т. I, № 67, стр. 119; № 266, стр. 497.

[6] Там же, № 79, стр. 129.

[7] Сб. РИО, т. XXXV, стр. 28—29; *В. Е. Сыроечковский*. Указ. соч., стр. 99—100.

[8] *П. П. Смирнов*. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I, М.—Л., 1947, стр. 49, 77.

Источники говорят о резком социальном расслоении в русских городах. Высшие слои московского купечества объединялись в две корпорации: «гостей»-сурожан, ведших торговлю с югом, и суконников, торговавших с Западом. Предметом торговли сурожан были по преимуществу шелковые ткани, суконники торговали главным образом суконными товарами.

В летописном рассказе о Куликовской битве приведены имена десяти «гостей»-сурожан, про которых сказано, что они «сходници суть з земли на землю и знаеми всеми и в Ордах и в Фрязех...»[1] Все это — представители крупных купеческих фамилий, среди которых выделяются Саларевы, Онтоновы, Весяковы и др. Симеона Онтонова источники называют человеком «от великых купец и славных господьствующему граду Москве»[2]. К числу «московских великих купцов» принадлежали также Ермолины.

«Гости»-сурожане объединялись в особую корпорацию, центром которой в Москве на посаде была патрональная церковь Иоанна Златоуста. Она известна по летописям с 1413 г.[3] В 1479 г. Иван III заложил новую церковь Иоанна Златоуста, разобрав «преже бывшую древяную». Летописец при этом сообщает: «бе же та изначала церковь гостей московскых строенье». Новое строительство объясняется тем, что «оскудевати начят монастырь той»[4]. При церкви находились торговые подвалы и амбары, хранилась купеческая казна.

«Гости»-сурожане владели большим имуществом. Во время нашествия на Москву в 1382 г. Тохтамыша, как рассказывает летопись, в городе находились «сурожане, суконницы и купцы, их же суть храмины полнени богатства, всякого товара, и та вся расхитиша»[5]. При помощи «гостей» и суконников князь Юрий Дмитриевич галицкий в начале XV в. имел возможность расплатиться со своими кредиторами из Золотой орды. Он занял у гостей 600 рублей[6]. Ховрины оказали денежную помощь московскому великому князю Василию II во время его изгнания из Москвы галицким князем Дмитрием Шемякой. Крупными купцами и ростовщиками были Шиловы, Шишкины, Чашниковы, имевшие большие денежные средства, которые они пускали в оборот. Их должниками оказывались многие удельные князья. Князь Юрий Васильевич дмитровский во второй половине XV в. являлся должником гостя Андрея Шихова и купца Федора Шишки. Пред-

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 54.

[2] *И. С. Тихонравов.* Древния жития Сергия Радонежского. М., 1892, стр. 90.

[3] ПСРЛ, т. XI, стр. 221.

[4] Там же, т. IV, ч. 1, вып. 2, Л., 1925, стр. 515—516; т. VI, СПб., 1853, стр. 34; т. VIII, стр. 200.

[5] Там же, т. VIII, стр. 46.

[6] ДДГ, № 30, стр. 77, 80.

ставителем той же фамилии был, повидимому, можайский купец Иван Шишкин, торговавший в XV в. как в Смоленске, так и в Токате[1]. Князь Андрей Васильевич Меньшой вологодский в своем завещании 1481 г. указывает на долг Андрею и Дмитрию Чашниковым. В начале XVI в. на пути «из волох» в Крым упоминается Микифор Дмитриев, сын Чашников[2].

Имея значительные средства, крупные московские купцы возводили в городах новые постройки, строили церкви и жилые дома, входя в состав феодальной знати. Так, в 1471 г. купец Тарокан заложил для себя кирпичные палаты в Кремле у Фроловских ворот. В каменном строительстве, производившемся в ряде городов в начале княжения Ивана III, принимал участие в качестве строителя-подрядчика В. Д. Ермолин. В. Г. Ховрин в 1450 г. построил на своем дворе в Москве каменную церковь, а позднее Ховрины возвели для себя каменные двухэтажные палаты.

Московские «гости»-сурожане приобретали недвижимое имущество, становились землевладельцами, роднились с боярами, сами переходили в боярство. Некомату Сурожанину были пожалованы вотчины, которые после его измены Дмитрию Донскому последний у него отобрал[3]. Ермолины владели вотчинами в Дмитровском уезде. Саларевы были московскими землевладельцами, а позднее получили деревни в новгородской Деревской пятине «против... земель московских»[4]. Ховрин был пожалован в бояре и являлся великокняжеским казначеем. В 1450 г. он именуется «гостем да и болярином великого князя»[5].

Верхушка купечества пользовалась крупными политическими привилегиями, которые ей предоставлялись великокняжеской властью, искавшей поддержки в торгово-ремесленном населении городов.

В договорах московских великих и удельных князей с 1388 г. обычно содержится обязательство «блюсти» «гостей», суконников и городских людей, «а в службу их не приимати»[6]. Приведенная формула, возможно, подразумевает переход в вассальную зависимость к князьям. Привилегией «гостей» была их непосредственная подсудность князю.

В целом городское торгово-ремесленное население поддерживало великокняжескую власть в ее борьбе с феодальной оппозицией. Однако часть его блокировалась с реакционным боярством враждебных Москве феодальных центров.

---

[1] ДДГ, № 68, стр. 222; сб. РИО, т. XXXV, стр. 263—264.
[2] ДДГ, № 74, стр. 276; сб. РИО, т. XLI, стр. 418, 427—428.
[3] ДДГ, № 9, стр. 27.
[4] *В. Е. Сыроечковский*. Указ. соч., стр. 112.
[5] ПСРЛ, т. XXIII, СПб., 1910, стр. 154.
[6] ДДГ, № 11, стр. 32; № 13, стр. 39; № 27, стр. 71.

В борьбе между Юрием галицким, его сыновьями и Василием II часть московской купеческой верхушки, державшей в руках посад, сначала примкнула к Юрию. Вследствие этого при нападении Юрия Дмитриевича на Москву в 1433 г. Василию II «от москвичь не бысть никоея помощи...»[1] Позднее, после победы Василия II некоторые из «вскоромоливших» «гостей» и суконников выехали в Тверь так же, как обыкновенно искали убежища в соседнем княжестве разбитые в феодальной борьбе группы боярства. Таким образом, связанные с боярской знатью «гости» и суконники втягивались в политическую борьбу, сопровождавшую процесс образования централизованного государства.

Крупному купечеству противостояли в городах торгово-ремесленные низы населения и городской плебс («меньшии», «черные люди»).

Следствием социальной дифференциации являлась классовая борьба, оценку которой с позиций господствующих классов дает Никоновская летопись под 1367 г.: «вси бо сии един род и племя Адамово, цари, и князи, и бояре, и велможи, и гости, и купцы, и ремественицы, и работнии людие, един род и племя Адамово, и забывшеся, друг на друга враждуют и ненавидят и грызут и кусают»[2].

Эти слова — яркое свидетельство обостренной классовой борьбы в городах, которую достаточно полно раскрывают сохранившиеся источники.

4

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В XIV—XV ВВ.

Образование Русского централизованного государства происходило в обстановке нараставшей борьбы в деревне (между классом зависимого крестьянства и феодалами-землевладельцами) и в городе (между беднотой и землевладельческой и купеческой знатью). Эта борьба меняла свои формы, но, неуклонно расширяясь, оказывала влияние на развитие форм государственного аппарата и политической централизации.

Попытки непосредственных производителей законным образом, путем апелляции в суд, добиваться удовлетворения своих претензий к господам обычно были обречены на неудачу. Феодальное право северо-восточной Руси попрежнему стояло на страже интересов господствующего класса. В договорах Василия I с великим князем тверским

---

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 97; т. XXV, стр. 250.
[2] Там же, т. XI, стр. 8—9.

Михаилом Александровичем (около 1396 г.) и удельных князей Владимира Андреевича и Юрия Дмитриевича с тем же тверским князем (около 1398 г.) читаем: «А кто холоп или роба имется тягати с осподарем и пошлется на правду, а не будет по них поруки, ино их обинити»[1]. В договорной грамоте Новгорода с московским великим князем Василием II содержится аналогичный пункт: «А холоп или роба имет на господу вадити, тому вам веры не яти»[2]. В более позднем договоре Новгорода с Казимиром IV от 1470—1471 гг. наряду с холопом упомянут смерд: «А холоп, или роба, или смерд почнет на осподу вадити, а тому ти, честны король, веры не яти»[3].

Лишенные возможности отстоять свои права по суду, крестьяне и холопы выражали протест путем побегов, являвшихся одним из видов борьбы с феодальным гнетом. Побегами крестьяне отвечали на эксплуатацию их землевладельцами в течение всей истории феодального общества, но, изучая историю крестьянских побегов, можно отметить некоторые моменты, когда они принимали наиболее широкие размеры. Таким моментом, несомненно, была феодальная война второй четверти XV в., когда обострилась внутриклассовая борьба в лагере феодалов за землю и за крестьян, выразившаяся в расхищении феодалами «черных» крестьянских земель.

Документы, относящиеся к середине XV в., когда феодальная война уже закончилась, отмечают, что многие феодальные владения «опустели», «люди деи из них розошлись по иным местом», а «живущих деи людей осталося мало»[4]. Именно с этого времени получает юридическое оформление феодальное право, согласно которому переход из одного владения в другое зависимого от феодалов крестьянства (прежде всего основной категории «старожильцев») расценивается как побег[5]. Жалованные грамоты отчетливо проводят эту тенденцию борьбы с крестьянскими побегами, различая среди старожильцев две группы: 1) «которые люди у них (землевладельцев. — *Ред.*) в тех сельцех и в деревнях нынича живут старожильцы» и 2) «кого к собе в те села и в деревни [землевладельцы] призовут жити людей старожильцов, которые преж сего туто живали»[6], а затем ушли в другие вотчины. Следовательно, ведя борьбу с побегами крестьян, великокняжеская власть предусматривала возврат феодалами ушедших от

---

[1] ДДГ, № 15, стр. 42; № 59, стр. 188.
[2] ГВНиП, № 22, стр. 40.
[3] Там же, № 77, стр. 132.
[4] АФЗиХ, № 145, стр. 129—130.
[5] Ср. гл. 1, § 4 настоящего издания.
[6] АСЭИ, т. I, № 192, стр. 137—138.

них старожильцев. По существу органы феодальной власти квалифицировали крестьянские выходы как побеги.

Борьба органов власти с крестьянскими побегами, особенно развернувшаяся с середины XV в., распространялась не только на старожильцев, но и на другие категории крестьянства. Были совершенно запрещены переходы крестьян в пределах Московского княжества, беглые же крестьяне из других княжений использовались для расширения кадров эксплуатируемого крестьянства во владениях московских феодалов. Именно такой вывод вытекает из анализа княжеских грамот второй половины XV в., согласно которым крестьяне, призванные московскими феодалами «из-за рубежья», «изо Тферского и ис Кашина» и из других феодальных центров, получали десятилетнюю податную льготу[1].

Протесты крестьян принимали форму борьбы за фиксированную ренту. С проявлениями этой борьбы мы встретились, рассматривая уставную грамоту митрополита Киприана нижегородскому Благовещенскому монастырю 1391 г.[2]

В результате развития классовых противоречий в феодальной деревне на почве повышения размеров взимаемой с крестьян феодальной ренты в середине XV в. появилась и «рядная» грамота крестьян Робичинской волости с новгородским Юрьевым монастырем, фиксирующая крестьянские повинности. Грамота предусматривала возможность сопротивления крестьян, когда «не почнут христьяне управливатися в тех успах (хлебные повинности.— *Ред.*) и в тех пошлинах»[3]. В таком случае «неуправы» «христьян робичичан» монастырские власти имеют «по старым по княжим грамотам и по новгородским» право на содействие со стороны князя и боярского руководства Новгородской феодальной республики. Следовательно, «рядная» по форме грамота, по существу представляла собой документ, являвшийся в руках феодалов орудием борьбы с крестьянством.

Рассматривая по сохранившимся документам историю борьбы крестьян против увеличения землевладельцами феодальных повинностей, можно сделать вывод, что эта борьба особенно обострилась во второй половине XV в. Именно с указанного времени землевладельцы делают попытки расширения барщинного хозяйства и углубляют феодальную эксплуатацию[4]. Это вызывало ответные выступления крестьянства, которые ликвидировались при помощи органов власти. По окончании

---

[1] *Д. М. Мейчик.* Грамоты XIV—XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883, № 123, стр. 138.

[2] См. гл. 1, § 4 настоящего издания.

[3] ГВНиП, № 115, стр. 174.

[4] См. *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси, стр. 587—598.

феодальной войны господствующий класс сплотил свои силы для борьбы с крестьянским движением.

Помимо пассивных форм борьбы — побегов, отказа от барщины и т. п., крестьяне, как и прежде, прибегали и к активным формам классовой борьбы. Она выражалась в стихийных выступлениях крестьянства против господствующего класса, покушениях на феодальную собственность, поджогах феодальных владений, убийствах землевладельцев и их администрации и т. п. Летописи говорят, что Иван Калита «исправил Русскую землю» от «татей» и «разбойников».

Крестьяне расхищали барские сельскохозяйственные орудия: рала, лемехи, лыскари (заступы), косы, серпы[1]. Интересны указания на кражу холопами грамот у своих владельцев. Таким путем они, очевидно, добивались свободы[2].

Какое значение имели эти формы протеста угнетенного крестьянства видно из того, что великокняжеская власть усиливала ответственность за нарушения прав феодалов той крестьянской общины, к которой принадлежал нарушитель этих прав. Так, в грамоте Василия I нижегородскому Благовещенскому монастырю 1423 г. содержится постановление, чтобы в случае какого-либо преступления против феодального права собственности («а у кого учинится какова гибель»), если след виновного приведет к владениям монастыря («и кто пригонит какой след на монастырские земли»), то крестьянин, сидящий на данном участке, обязан отвести от себя след, т. е. доказать, что он ведет к другому месту. В противном случае его двор подвергается обыску со стороны потерпевшего, хотя при отсутствии в доме поличного, он и не обязан возмещать убытки («гибель») истцу. Отказавшийся «отвести от себя след» должен вознаградить потерпевшего[3].

Данные, которые содержатся в источниках о «татьбе», «разбое» и «душегубстве» (термины, которыми представители господствующего класса в ряде случаев обозначали проявления классовой борьбы), подтверждают общий вывод, что классовая борьба особенно обостряется во время феодальной войны второй четверти XV в. и затем к концу XV столетия.

Характеризуя время феодальной войны, один источник говорит, что тогда были «разбои и татьба великие на дорозе» и «люди на ... земле не сели»[4]. Борьба с «душегубством», «разбоями», «татьбой» рассматривалась

[1] *П. П. Смирнов*. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 76.

[2] АСЭИ, т. I, № 521, стр. 396.

[3] АФЗиХ, № 230, стр. 202.

[4] Гос. исторический музей, рукописное собрание, копийная книга Симонова монастыря, № 58, лл. 147 об.—150 об.

государственной властью как одна из важных задач. После окончания феодальной войны появляются постановления о том, чтобы крестьяне ставили в известность наместников вообще о всех смертных случаях в отдельных селах и деревнях: «... и по грехом ся у них учинить, человек с дерева убьется, или на воде утонеть, и они то обыскав чисто, да явять моему наместнику... или тиуну...»[1]

Новгородская договорная грамота с Казимиром IV содержит условие о суде за убийство сельского сотского: «А сведется вира, убьют сотцкого в селе, ино тебе взяти полтина, а не сотцкого, ино четыре гривны»[2].

Белозерская уставная грамота 1488 г., основываясь на постановлениях «Русской Правды», возлагает ответственность за «душегубство», совершенное в пределах Белоозера, на посадский коллектив, а в пределах белозерских станов и волостей,— на крестьян. Они обязаны «доискаться» «душегубца» и передать его наместникам или волостелям; а если «не доищутся», то уплатить штраф. Требовалось специальное расследование («обыск») о найденном в пределах Белоозера трупе для установления того, что смерть последовала от случайной причины, а не явилась результатом убийства. «А кого у них в лесе дерево заразит или с дерева убиется, или зверь съест, или кто в воду утонет, или кого возом сотрет, или кто от своих рук потеряется, а обыщут без хитрости, ино в том вины и продажи нет»[3].

Вопрос о «татях», «разбойниках», «душегубцах» являлся предметом специального рассмотрения в договорных грамотах московского великого князя с правительствами Твери и Рязани в конце XV в., накануне падения этих феодальных княжеств. Этими грамотами устанавливалось, что нарушители феодального права, бежавшие из пределов государственной территории своего княжества, подлежат суду там, где они будут пойманы, причем органы власти того княжества, где обнаружен виновный, обязаны подвергнуть его ответственности. «А татя,— разбойника, грабежника, душегубца, где имут, тут судят»[4].

В договорных грамотах, оформлявшихся между великими князьями отдельных феодальных центров, фигурируют статьи о выдаче беглых крестьян и холопов, особенно совершивших преступления против феодального права: «... холопа, ...должника, поручника, татя, разбойника, душегубца, рубежника, выдати по исправе от века»[5].

[1] Дополнения к Актам историческим (далее—ДАИ), т. I, СПб., 1846, № 190, стр. 348.

[2] ГВНиП, № 77, стр. 131.

[3] ААЭ, т. I, № 123, стр. 92—94.

[4] ДДГ, № 79, стр. 298.

[5] Там же, № 19, стр. 55.

Изданный в 1497 г. кодекс общерусского феодального права — «Судебник» Ивана III — представляет собой памятник, классовый смысл которого заключался в новой мобилизации сил феодалов для борьбы с крестьянскими движениями, обострившимися в конце XV в. «Судебник» 1497 г. вводит смертную казнь для «ведомого лихого человека», причем среди категорий «лихого дела» названы «душегубство», повторная «татьба», убийство «государя» (господина, землевладельца), поджог и т. д.

«Государский убийца», по «Судебнику», это — крестьянин, убивший своего владельца. Именно так переводит это выражение имперский посол Герберштейн[1]. До нас дошли сведения об убийстве холопами своих владельцев. В начале XV в. одна землевладелица Федосья Филиппова говорила митрополиту Фотию: «Мужь мой, господине, Филипп мертв напрасною смертию, холопи его убили»[2]. Холопами были убиты Федор Шолохов Чертов, сын боярский московских митрополитов, Ф. Т. Валуев и др.[3]

Княжескую власть в борьбе с «татьбой» и «разбоями» как формами крестьянского протеста поддерживала церковь. В послании Кирилла (XV в.), игумена Белозерского монастыря, князю Андрею Дмитриевичу читаем: «Тако же, господине, и разбоя бы и татьбы в твоей вотчине не было»[4]. В послании конца XV — начала XVI в. Иосифа Волоцкого «вельможе о миловании рабов» волоколамский игумен призывает своего адресата «наказывати» «рабов» и «сирот» (крестьян) «всегда на благае делеса, иже есть сие: убийства не творити, а грабления не имети, татбы не держати и не красти...»[5]

Одной из основных форм классовой борьбы в феодальном обществе была борьба «черных» крестьян против феодалов, захватывавших волостные крестьянские земли. «Черные» крестьяне боролись с этим захватом как путем протеста по суду, так и путем активного сопротивления феодалам, вопреки решению суда.

Охрана феодальной земельной собственности нашла свое предельно яркое выражение в нормах «Судебника» 1497 г. С позиций феодального правосознания последний провозгласил начала правосудия в виде обязательства давать каждому «жалобнику» (жалующемуся в суд) «управу». Требование «Судебника» «жалобников от себе не отсылати, а давати всем жалобником управа во всем, которым пригоже»[6], пони-

---

[1] *С. Герберштейн.* Записки о московитских делах, стр. 83.

[2] АИ, т. I, № 255, стр. 484.

[3] ПСРЛ, т. XI, стр. 81.

[4] АИ, т. I, № 16, стр. 25.

[5] ДАИ, т. I, № 213, стр. 361.

[6] «Судебники XV—XVI веков», стр. 19.

малось в том смысле, что давало возможность судьям во время земельных тяжб, защищая землевладельческие позиции феодалов, отказывать в иске ведущим с ними спор за землю «черным» крестьянам именно потому, что они своевременно не искали «управы».

Так, судья по правой грамоте конца XV в. митрополичьей кафедре на волостные пустоши Костромского уезда ставил крестьянам в вину, что они долгое время не возбуждали земельного иска: «вы кажете, что то земли великого князя, о чем вы до сех мест молчали?» Крестьяне пытались доказать, что они «били челом... великому князю о тех землях многажды, и князь великий не слушает, государя не мочно доступити». Крестьяне проиграли дело, несмотря на то, что у митрополичьего посельского не оказалось даже крепости на землю[1].

К аналогичным выводам приводит анализ и других документов, например, правой грамоты митрополичьей кафедре того же времени по ее делу с «черными» волостными крестьянами о наволоках (лугах) на р. Шексне. Во время судопроизводства имел место такой диалог. Судья обвинял крестьян: «О чем есте митрополичьим приказщиком и прежнему архимандриту... столько лет молчали, того есте на них наволока не искали?» Крестьяне отвечали: «не молчали есмя, господине, били есмя челом государю великому князю не одинова... а дале, господине, и мы не могли государя доступити»[2]. Крестьяне жаловались на отсутствие «управы», о которой говорит «Судебник», а судья, исходя из того же правового кодекса, обвинял крестьян в том, что они не искали «управы». Таков заколдованный круг, в котором оказывались крестьяне, пытавшиеся отстаивать свои права в соответствии с «Судебником».

Поэтому «черные» крестьяне от протеста по суду переходили к другой форме борьбы за землю. Они активно отстаивали ее от феодалов, продолжая распоряжаться как своей: вспахивали пашню, косили сено на лугах и оказывали сопротивление приказчикам феодалов, которые пытались им помешать. В таком случае в суд обращались уже феодалы, возбуждая дело против «черных» крестьян, «пооравших и посеявших» земли, которые феодалы объявили своими, и «сославших» (выгнавших) с этих земель приказчиков-захватчиков[3]. Суд, осуществляя карательные функции государства, брал под свою защиту представителей господствующего класса и решал дело в их пользу.

Борьба за землю между крестьянами и землевладельцами выражалась в вооруженных схватках, в перепахивании («переорании») крестьянами земельных границ («меж») владений феодалов, в поджогах пограничных изгородей и т. п. «Судебник» 1497 г. уделяет специальное

[1] АФЗиХ, № 258, стр. 222—223.
[2] Там же, № 306, стр. 256.
[3] АЮБ, т. I, № 103/I, стр. 635—639.

внимание тяжбам из-за огораживания феодалами пашен и пожен, находившихся ранее в общинном владении «черных» крестьян, из-за «переорания» меж, из-за земельных захватов и т. д. За уничтожение меж, охранявших феодальные земли, согласно «Судебнику» виновных наказывали кнутом.

Усилившийся с конца XIV в. рост феодального монастырского землевладения в результате расхищения крестьянских «черных» земель вызывал активное сопротивление со стороны крестьян. Классовая борьба крестьян, лишавшихся своих земельных участков, принимала форму открытых выступлений против духовных феодалов. Об этой борьбе рассказывают многочисленные «жития», ставившие своей задачей прославление памяти ряда основателей древнерусских монастырей как «святых», канонизированных церковью, и оправдание грабежа, которому подвергались крестьяне со стороны духовных феодальных организаций.

В 1316 г. основатель Челмогорского монастыря Кирилл[1] поставил «келью малу» и крест на Челме-горе. Через некоторое время после этого крестьяне, проживавшие вблизи Лекшмозера, «зли суть и немилостивии», «диаволим научением» (как рассказывает «житие») активно выступили против Кирилла, решив его выселить. Они стали вырубать на горе лес, а затем подожгли его, чтобы сжечь и келью Кирилла («егда начнем посеченные жещи, тогда и келия его сгорит»). Вспыхнувший огонь, «ревый и шумя презльною яростью», уничтожил лесной материал, заготовленный Кириллом для постройки монастыря[2].

Около 1352 г. прибывший из Новгорода монах Лазарь поселился на Муромском острове (на Онежском озере), купленном им у новгородского посадника. Население встретило его враждебно, понимая, что основание монастыря приведет к завладению монахами землями местного крестьянства. По словам самого Лазаря, он «многие скорби и биения и раны претерпех от сих зверообразных мужей. Многажды бивше и изгнаша мя от острова сего и хижу мою огню предаша. И сотвориша селитбу близ меня с женами и детьми; и пакости многи творяху и глаголаху: „калугере! останися места сего“ и хотяху мя сыроядцы убити и тело мое в ядь себе сотворити»[3].

Изгнанию подвергся Стефан Махрищский, основавший по грамоте великого князя Дмитрия Ивановича в 1360 г. Троицкий монастырь.

[1] Житийный материал обработан для настоящего очерка А. М. Панфиловой.

[2] Гос. исторический музей, рукопись Барсова, № 1088, лл. 4—7.

[3] *А. А. Савич.* Главнейшие моменты монастырской колонизации русского севера XIV—XVII вв. «Сб. Об-ва исторических, философских и социальных наук при Пермском ун-те», вып. III, Пермь, 1929, стр. 57—58.

Крестьяне «мняху себе, яко имать владети селом их и нивами» и решили изгнать Стефана, «дышуще убийством»[1]. В результате Стефан был принужден уйти со своими учениками Григорием и Кассианом на север и основал другой монастырь на р. Сухоне. В дальнейшем Стефан вернулся в Троицкий монастырь, а Григорий и Кассиан остались в новом монастыре.

Григорий и Кассиан встретили враждебное отношение со стороны вятских крестьян и в 1396 г. были ими убиты. Недобрая память об основателях монастыря сохранялась и после их смерти. Крестьянин Гавриил Ушак вырубил лес на месте бывшего монастыря и распахал землю под пашню. Когда были открыты «мощи» Григория и Кассиана и поставлены в особой часовне, Ушак встревожился за судьбу своего земельного участка, рассуждая, «яко аще не престанут бывати чудеса от гроба святых и паче множатися, имать место иное распространитися, и состроится монастырь и вселятся ту мниси, и аз не токмо место оное себе наследую, но и села отцетитися имам». Желая предотвратить опасность возобновления монастыря, который мог завладеть его землей, Ушак заручился поддержкой братии Глушицкого монастыря, с помощью которой разорил часовню, а мощи «повергше на землю, и паки отъидоша»[2].

В 1370 г. Дмитрий Прилуцкий, с разрешения Дмитрия Донского, построил церковь на р. Леже. Крестьяне окрестного селения Авнеги опасались, что «сей великий старец близ нас жити будет и по мале времени совладеет нами и селы нашими», и поэтому потребовали, чтобы Дмитрий удалился, заявив ему, по словам «жития»: «отче, неугодно есть нам твое зде пребывание»[3].

В конце XIV в. были основаны Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри на берегах Белоозера. «Житие» Кирилла, основателя Кирилло-Белозерского монастыря, рассказывает, как местные крестьяне сопротивлялись его попытке утвердиться в этих местах. Крестьянин Андрей собирался сжечь келью Кирилла и ночью «огонь к стене приложивши и отшед далече, стоял зря, яко згорит келия со святым»[4].

В «житии» Даниила Глушицкого, основавшего в 1412 г. монастырь на р. Глушице, рассказывается о действиях местных крестьян против монаха. «Некогда же приидоша нецыи людие, зовоми Василие Тяжолов

---

[1] *Н. Коноплев.* Святые Вологодского края. «Чтения ОИДР», 1895, кн. 4, отд. IV, стр. 25; *А. С. Павлов.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. I, Одесса, 1871, стр. 20—21.

[2] *Н. Коноплев.* Указ. соч., стр. 31—32.

[3] *Н. Коноплев.* Указ. соч., стр. 128—129; *А. С. Павлов.* Указ. соч., стр 20—21.

[4] Гос. исторический музей, рукопись Муз. собр., № 3051/4, лл. 65—66.

и Иван Чурчин... (и др.— *Ред.*), похитиша у святаго седмь коней и бежаша»[1].

Основатель Спасо-Нуромского монастыря Павел (1414), по словам «жития», подвергался гонению со стороны крестьян. По «наущению диавола», «злии людие» избивали его, забирали его имущество, чинили ему «пакости мнози»[2].

В 1426 г. возник монастырь на р. Пельшеме, основанный дворянином Григорием. Монахи стали «лес сещи» и «нивы ставити», расширяя свою запашку. Встревоженные крестьяне как-то ночью, придя в монастырь, забрали все земледельческие орудия, и монастырской братье стало не с чем выходить на полевые работы[3].

«Житие» Варлаама Важского (до пострижения — новгородского посадника Василия Своеземцева) рассказывает, как он в первой половине XV в. строил по р. Ваге «градки малые», опорные пункты эксплуатации местного населения, и основал монастырь[4].

Когда в 1429 г. был основан Соловецкий монастырь, карелы и другие «неразумнии люди» «по наущению дьявола» мешали монахам «рыбы ловити» и творили им «пакости и печали» многие[5]. Потребовалось вмешательство новгородского правительства, которое выдало соловецкому игумену Зосиме жалованную грамоту на Соловецкий остров с прилежащими к нему островами.

В 1465 г. был основан Александров Ошевенский монастырь на р. Чурьюге. После смерти Александра крестьяне окрестных сел «восстали на монастырь» и стали «угодья монастырские осваивати и к своим угодьям присовокупляти». Тогда монахи в целях воздействия на население решили «открыть мощи» Александра и объявить их чудотворными. Но крестьяне явились в монастырь и заявили монахам: «есть ваше пребывание зде неугодно... оставите место сие». Монахи решительно воспротивились этому предложению, ответив крестьянам, что «лучше умереть, чем оставить место отца нашего и игумена Александра»[6].

В течение ряда лет продолжалась борьба за земли между крестьянами и монастырем, из которой победителем вышел последний.

---

[1] *Н. Коноплев.* Указ. соч., стр. 51.

[2] *И. Верюжский.* Преподобный Павел Обнорский. Вологда, 1879, стр. 11.

[3] *И. Верюжский.* Исторические сказания о жизни святых. Вологда, 1880, стр. 291.

[4] «Житие Варлаама Важского», под ред. А. Григоровича, М., 1887, стр. 12—13.

[5] *И. Яхонтов.* Жития северно-русских подвижников Поморского края как исторический источник, Казань, 1881, стр. 235.

[6] Гос. исторический музей, рукопись Уварова, № 240/4, лл. 97—99.

Крестьяне изгоняют монахов. Миниатюра XVII в.

Государственный Исторический музей.

Когда основатель Антониева-Сийского монастыря Антоний, по словам его «жития», построил себе «хижину малу и часовню устрои на уединение молитвенное», а затем поставил церковь и келью, то «люди неблагодарные» (крестьяне) из селения Скоробатова прогнали его, опасаясь захвата их земель «сим старцем»[1].

Волнение среди крестьян вызвала постройка монастыря Даниилом Переяславским. Вооружившись «оружием и дреколием», крестьяне пришли к монастырской ограде и не давали «иноком земли копати». Крестьяне открыто протестовали против захвата их земель церковниками и заявляли: «почто на нашей земле построил еси монастырь? Или хощеши землями и селы нашими обладати?» Однако крестьяне не смогли помешать росту монастырского землевладения, и, как отмечает «сказание», описывающее приведенный эпизод, худшие опасения крестьян сбылись: их земли попали в цепкие руки монастыря-феодала («еже и сбысться последи»).

Ряд духовных феодалов (основатель монастыря близ Тотьмы Агапит, Арсений Комельский и др.) были убиты крестьянами[2].

Классовая борьба развертывалась не только в феодальной деревне, но и в городе, где наблюдается дальнейшее социальное расслоение. Летописи проводят резкую грань между господствующей знатью — «большими», «лучшими», «вятшими» людьми (т. е. боярством, духовенством, крупным купечеством), с одной стороны, и плебейской частью населения — «меньшими», «худшими», «черными людьми» (т. е. мелкими торговцами, ремесленниками, поселившимися в городе холопами) и т. д. — с другой.

Летопись в ряде случаев отождествляет бояр с «большими людьми», трудящиеся массы города — с «черными людьми»[3].

Летописные сведения о классовой борьбе в городах очень бедны и скупы. Летопись мало говорит о социальных вопросах. Однако некоторые данные о социальных движениях в городах летописные своды все же содержат.

Так, в 1304 г. в Костроме городская беднота, собравшаяся на вече, убила крупных бояр: «бысть вече на Костроме на бояр на Давыда Явидовича, да на Жеребца и на иных; тогда же Зерна убиша и Александра»[4].

---

[1] *А. С. Павлов.* Указ. соч., стр. 20—21.

[2] *И. П. Хрущов.* Исследование о сочинениях И. Санина, преп. игумена волоцкого. СПб., 1868, стр. 9—10; *В. Иконников.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869, стр. 129—130; *И. У. Будовниц.* Русская публицистика XVI в., М.—Л., 1947, стр. 11—12.

[3] ПСРЛ, т. VIII, стр. 45.

[4] Там же, т. VII, СПб., 1856, стр. 184.

В 1305 г. произошло восстание «черных людей» против боярской верхушки в Нижнем Новгороде. «В Новегороде в Нижнем черные люди побили бояр». Нижегородские бояре призвали на помощь тверского князя Михаила Ярославича, который явился в Нижний Новгород на обратном пути из Золотой орды и подавил восстание: «изби вечников»[1].

В 1340 г., по летописным данным, имело место восстание городской бедноты в Брянске: «сшедшеся злые коромольницы вечем брянци» и убили князя Глеба Святославича[2]. Восстание и здесь носило классовый характер. Выступали городские «черные люди», собравшиеся на вече для того, чтобы расправиться с князем, который защищал интересы бояр-феодалов и зажиточных купцов.

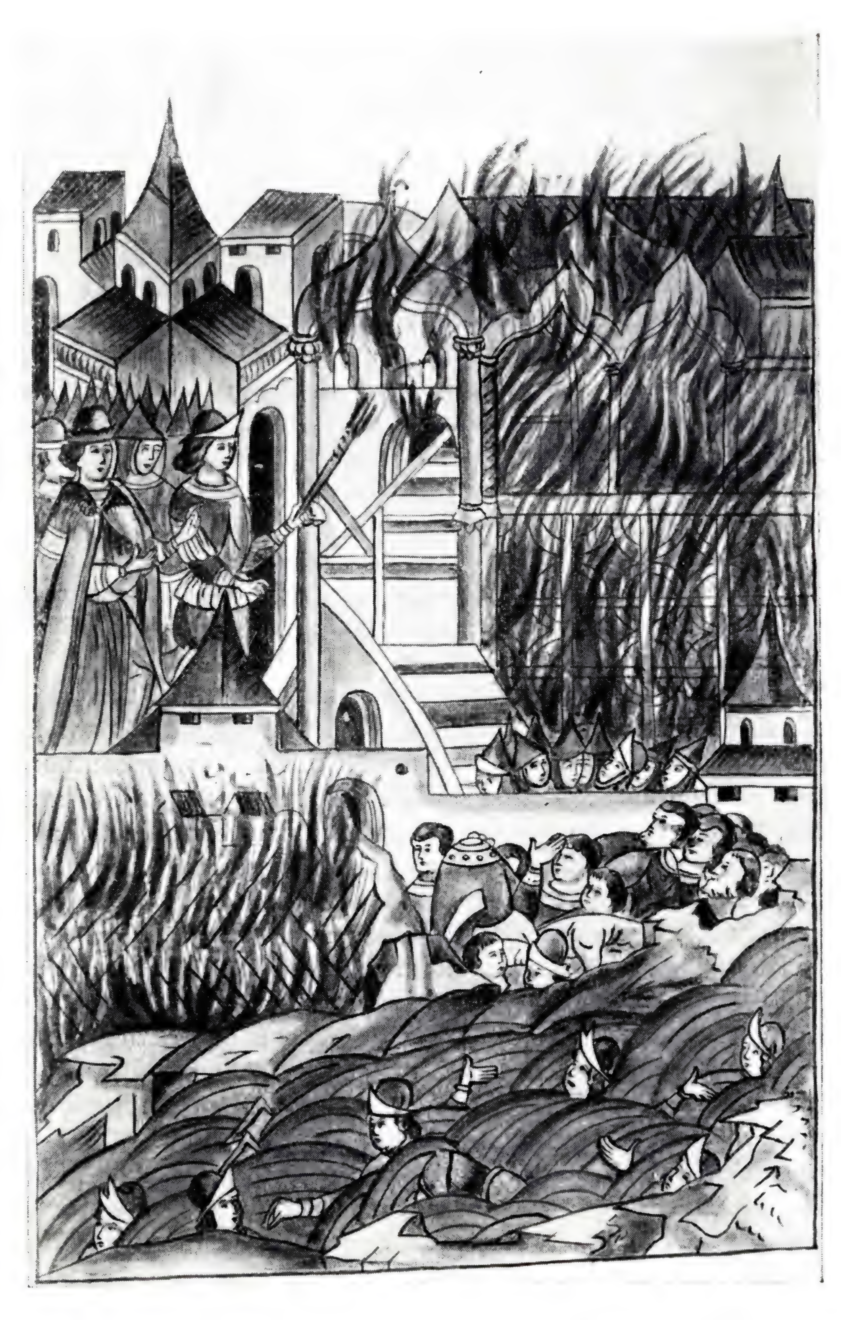
В 1357 г., в результате «мятежа велия» в Москве, т. е. внутренних боярских распрей, сопровождавшихся обострением классовых противоречий, многие «большие» московские бояре бежали в Рязань.

Особенность городских движений XIV—XV вв. (так же как и движений второй половины XIII в.) состоит в том, что в них проявлялась борьба и против монгольского ига и против феодального гнета со стороны господствующего класса.

Крупные антитатарские городские движения произошли в 1320 г. в Ростове, а в 1327 г.—в Твери, куда в это время из Золотой орды был прислан татарский посол Шевкал (Щелкан), родственник хана Узбека, «разоритель христианьский». Придя в Тверь «со многыми татары», он «со многою гордостию» занял княжеский двор и начал притеснять население. 15 августа, по рассказу летописи, народ восстал, в городе было собрано вече, началась «замятня», и Шевкал с татарами были перебиты[3]. Во время этого восстания ярко обнаружилось различное отношение к борьбе с татарским игом со стороны господствующего класса и народа. Инициатива восстания принадлежала народу, в то время как князь Александр Михайлович проявил покорность и предлагал потерпеть («терьпети им веляше»)[4]. Московский князь Иван Калита использовал антитатарские восстания, в частности и тверское, в интересах укрепления Московского княжества.

С конца XIV в. русский народ от стихийных восстаний переходит к более активной организованной борьбе против татаро-монгольского ига. Если в 1327 г. народ выступал независимо от княжеской власти и вопреки ее бездействию, то с конца XIV в. антитатарские народные движения принимают активно враждебный характер по отношению

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 184.
[2] Там же, т. XVIII, стр. 93.
[3] Там же, т. XV, стб. 415—416.
[4] Там же, стб. 415.

Восстание в Твери против татарского посла Шевкала в 1327 г.
Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Восстание «черных людей» в Москве в 1382 г.
Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

к той части феодалов, которая своими действиями оказывала помощь татарам.

Особенно большой интерес представляет восстание «черных людей», происшедшее в Москве, во время нашествия Тохтамыша в 1382 г. Городские ремесленники и некоторая часть купечества (среди которой особенно выделяется Адам-суконник) организовали оборону города. «Сташа суймом народи мятежницы, крамолницы», — рассказывает княжеская летопись. Народ собрался на вече. Движение горожан было вызвано изменническими действиями феодалов, хотевших бежать из Москвы и сдать ее врагу[1].

Восстание в Москве в 1382 г. носило общенародный характер, так как в нем участвовали не только москвичи, н и беглое население из других городов и собравшиеся из окрестных сел крестьяне («бежиан с волостей зъбежалося и от иных градов елико приключившихся в то время»)[2].

Второй раз трудовое население Москвы выступило на защиту родного города и родной земли в 1445 г., когда великий князь Василий II был взят в плен татарами, его мать и жена выехали в Ростов, а значительная часть бояр и крупных купцов также покинула столицу. Народ стал организованно крепить оборону: «чернь же совокупившеся начяша врата градная преже делати». «Черные люди» старались помешать бегству из Москвы феодальной знати и купечества, насильно задерживая беглецов («хотящих из града преже бежати начаша имати бити и ковати»[3]).

Кроме Москвы, в XV в. ряд восстаний произошел и в других городах: из них наиболее крупные — в 1418—1421 и в 1445—1446 гг. в Новгороде[4], в 1440 г. в Смоленске[5], в 1480-х годах в Пскове[6].

Со второй половины XIV в. можно отметить развитие идеологической формы классовой борьбы в городах, которая выражается в появлении и распространении рационалистических течений, направленных против господствующей феодальной церкви и проникнутых антифеодальными социальными мотивами.

Появившиеся сразу после принятия христианства ереси получили дальнейшее развитие в период образования Русского централизованного государства, когда рост товарно-денежных отношений городов способствовал распространению рационалистических учений.

---

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 43; т. XXV, стр. 207.
[2] Там же, т. VIII, стр. 43.
[3] Там же, стр. 113; т. XXV, стр. 263.
[4] См. гл. 1, § 7 настоящего издания.
[5] См. там же, гл. 5, § 1 в.
[6] См. там же, гл. 2, § 1.

В конце XIV в. появляется «ересь» стригольников в Новгороде. Особенно широкий размах реформационное движение на Руси приобретает в конце XV — начале XVI в.[1]

В средние века «церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя. Ясно, что при этих условиях всеобщие нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь... должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси». Таким образом, если «...классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени»[2].

Развитие классовой борьбы определяло эволюцию политического строя феодального общества как во время раздробленности, так и в период образования Русского централизованного государства.

Классовая борьба в северо-восточной Руси в XIV—XV вв. явилась важным условием изменений в формах государственности этого времени. «Мы всегда учили и учим,— пишет В. И. Ленин,— что классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и *в конечном счете* решает судьбу всех таких преобразований»[3].

Антифеодальные движения были по своему характеру главным образом крестьянскими. Как указывают Маркс и Энгельс, «все крупные восстания средневековья исходили из деревни...»[4] Но борьба против феодального гнета происходила также и в городах. По словам Энгельса, революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье.

Именно развертывание классовой борьбы в конце XIV в. «лежит в основе» укрепления аппарата государственной власти, политической централизации в ряде княжеств и феодальных республик северо-восточной и северо-западной Руси (Твери, Рязани, Нижнем Новгороде, Новгороде Великом).

Образование единого Русского централизованного государства в форме феодальной монархии во второй половине XV в. происходило в условиях дальнейшего нарастания классовой борьбы. «На самом деле и самодержавие, и конституционная монархия, и республика суть лишь разные формы классовой борьбы...»[5]

---

[1] Подробнее см. гл. 1, § 7 и гл. 3 настоящего издания.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. VIII, стр. 128.

[3] *В. И. Ленин.* Соч., т. 8, стр. 178.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. IV, стр. 42.

[5] *В. И. Ленин.* Соч., т. 15, стр. 308.

5

ОБРАЗОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

Складывание территории Русского централизованного государства было длительным и сложным процессом [1]. XIII в. был отмечен значительным укреплением Владимирского великого княжества и ростом его территории.

Татаро-монгольское нашествие прервало этот процесс и на известное время усилило феодальное дробление. Однако русский народ упорным трудом восстанавливал и развивал хозяйство страны, и по мере общего подъема производительных сил, роста общественного разделения труда и развития экономического общения внутри страны в конце XIII — начале XIV в. началось постепенное объединение русских земель вокруг нового центра — Москвы. Одновременно происходила ликвидация феодальной раздробленности в пределах отдельных великих княжеств. Политическая карта северо-восточной Руси значительно упростилась, представляя несколько крупных феодальных княжеств и республик. На протяжении XIV — XV вв. они одно за другим потеряли свою самостоятельность и были включены в состав Московского княжества. К концу XV — началу XVI в. сложилась основная территория Русского централизованного государства.

Основой этой территории послужили земли Владимиро-Суздальская, Новгородская, Смоленская, Муромо-Рязанская и некоторые земли по верхнему течению Оки, ранее принадлежавшие княжеству Черниговскому.

После татаро-монгольского нашествия Владимирское великое княжество пришло в упадок, власть великого князя стала номинальной. Из состава великого княжества постепенно выделились, кроме княжеств Ростовского, Переяславского, Юрьевского, Стародубского, также княжества Суздальско-Нижегородское, Галицко-Дмитровское, Костромское. Территория Ростовской земли раздробилась на более мелкие части, образовались княжества: Ростовское, Ярославское, Углицкое, Белозерское. Из Переяславской земли выделились княжества Московское и Тверское.

Несколько уделов возникло в XIII—XIV вв. в составе княжества Смоленского (Можайский, Ржевский, Вяземский и т. д.). В XIV в. Смоленская земля в результате натиска литовских феодалов-захватчи-

[1] См. *М. К. Любавский*. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. (Данные книги использованы в главе.)

ков все более утрачивает свою самостоятельность и подпадает под влияние великого княжества Литовского. Муромо-Рязанская земля распалась на княжества Муромское и Рязанское. На территории Черниговского княжества, в верховьях Оки, образовались новые феодальные центры: княжества Козельское, Новосильское, Тарусское и др.

Монгольское нашествие подорвало экономику страны, усилило раздробленность и ослабило силы централизации.

Инициатором и основой объединения русских земель в XIV—XV вв. явилась Москва. Москва стала центром русского народа, героически боровшегося с врагами своей Родины. Феодальное правительство стремилось использовать в интересах централизации экономическое и политическое значение Москвы. Учитывая важные экономические и политические преимущества Москвы, прежде всего центральное ее положение по отношению к коренным великорусским землям, превратившее ее в естественный центр русского народа, расположение ее в узле торговых путей, удаленность от восточных окраин, подвергавшихся разорению со стороны татар, феодалы Московского княжества стали рассматривать ее в качестве главного опорного пункта своей власти. Однако, отстраивая и укрепляя Москву ценой эксплуатации тысяч «черных» людей, феодальное правительство объективно способствовало прогрессивному делу дальнейшего усиления роли Москвы уже как столицы централизованного Русского государства.

Упоминание о Москве появляется в русских летописях с середины XII в. Во время похода Батыя в 1238 г. татары захватили и разграбили Москву, но она сравнительно быстро оправилась от разорения.

В середине XIII в. Московская земля занимала еще весьма скромное место в общей системе Владимиро-Суздальской Руси. По смерти князя Александра Невского мы видим ее в руках младшего сына великого князя — Даниила. С этого времени Московская земля выделилась в отдельное княжество с особой княжеской линией — потомков Даниила Александровича.

В истории складывания основной территории Русского государства с центром в Москве отчетливо выделяются этапы, которые вообще характерны для истории русского народа. Гранью первого этапа является примерно середина — третья четверть XIV в. На этом этапе московское правительство значительно раздвигает границы своей земли за счет включения в ее пределы отдельных частей Рязанского, Смоленского княжеств, наконец, великого княжества Владимирского. Потеряли свою независимость и были целиком присоединены к Москве княжества Переяславское, Юрьевское, Костромское, Галицко-Дмитровское,

Углицкое, Стародубское, Белозерское. Очень ограничена была самостоятельность княжества Ростовского.

В результате территориального роста Московского княжества его границы постепенно приближались к границам наиболее крупных феодальных образований XIV в.: Новгородской феодальной республики, княжеств Тверского, Суздальско-Нижегородского, Рязанского. Владения некоторых из феодальных центров (Рязани, Суздаля) с нескольких сторон окружались московскими землями. Для Москвы открывались пути продвижения на север, в Двинскую землю, на северо-восток, в лесное Заволжье, наконец, на юг, в пределы «дикого поля», в бассейн Оки. Таким образом, на протяжении XIV в. московское правительство достигло серьезных результатов в образовании единой государственной территории, что позволило ему в дальнейшем начать борьбу за присоединение и последних наиболее сильных феодальных центров: Суздальско-Нижегородского княжества на востоке, Рязанского на юге, Твери, Новгорода, Пскова, Смоленска на западе и северо-западе. Со второй половины XIV в. начинается мощное колонизационное движение далеко на север, в Подвинье.

Уже в самом начале XIV в. Москва вступает в борьбу с Рязанью за свободный выход на Оку, которая являлась важной магистралью, связывавшей московский центр с востоком. Выход на Оку из Москвы-реки запирала Коломна, принадлежавшая рязанским князьям. После присоединения вооруженным путем к Москве в начале XIV в. Коломны и некоторых других рязанских владений (Лопасни и т. д.) в состав московской территории вошли бассейны нижнего течения Москвы-реки с притоками и левых притоков Оки (Цны, Лопасни, Каширки, Нары и т. д.).

Рязанские князья не могли примириться со своими потерями; в начале 50-х годов XIV в. рязанские войска вернули Лопасню. Но по соглашению с Рязанью Москва получила в качестве возмещения за Лопасню рязанские владения в бассейне р. Протвы (Новый Городок, Боровск, Лужа, Верея и др.).

В целом рязанские земли, отошедшие к Московскому княжеству, почти вдвое увеличили его размеры, продвинув его границы на юг. В области Оки московский великий князь Дмитрий Иванович купил также часть Мещерского края.

С XIV в. начинается расширение Московского княжества в северном и северо-восточном направлениях. К началу XIV в. относится присоединение к Москве Переяславского княжества, согласно завещанию бездетного переяславского князя Ивана Дмитриевича. Дорога через Переяславль связывала Москву с Владимиром, Костромой, Ярославлем.

Со второй четверти XIV в., в связи с тем, что московские князья (Иван Данилович Калита и его преемники) все являлись великими князьями владимирскими, территория Владимирского княжества вместе с княжеством Костромским (как выморочным) отошла к Москве. Таким образом, московская территория охватила среднее течение Клязьмы (от устья р. Дубны до устья р. Уводи) и течение Волги (от устья р. Солоницы до устья р. Елпати) с бассейнами волжских притоков.

В середине XIV в. в состав великого княжества Владимирского (фактически в состав территории, относившейся к Москве) вошли выморочное княжество Юрьевское в междуречье Волги и Оки (в бассейнах рр. Колокши, Б. Нерли и др.). Во второй четверти XIV в. (при Иване Калите) в зависимость от Москвы попали княжества Галицко-Дмитровское (в бассейнах озера Галицкого и притоков Волги — Костромы, Унжи и Ветлуги), Углицкое (между притоком Волги Дубной и притоком последней — Сестрой, в бассейнах верхнего течения Истры и Клязьмы с притоками) и Белозерское (в бассейнах Белоозера. р. Шексны с притоками и частично средней Мологи и Кубенского озера).

Во второй половине XIV в., при великом московском князе Дмитрии Донском, после подчинения местных князей, земли Галицко-Дмитровская, Углицкая и часть Белозерской были присоединены к Москве. С присоединением Белоозера для Москвы открылся водный путь в Северо-Двинской край.

В 60-х годах XIV в. потеряло свою самостоятельность и подпало под власть Москвы княжество Стародубское, расположенное в бассейне Клязьмы с притоками. Началось наступление московской великокняжеской власти на Ростов и Суздаль.

Ко второй половине XIV в. относится окончательное включение в состав московской территории Владимирского великого княжества, переданного Дмитрием Донским по завещанию своему старшему сыну в качестве московской «отчины».

В западном направлении расширение московской территории шло за счет княжества Смоленского. В начале XIV в. к Москве был присоединен Можайский удел Смоленской земли, занимавший бассейны верховьев Москвы-реки с притоками, Протвы, Гжати, Вори. По соседству с Можайской землей в середине XIV в. московский великий князь Семен Иванович купил у князя Семена Новосильского волость Заберег, у тарусских князей — Калугу и Рощу. При Дмитрии Донском от Смоленска к Москве отошли Тов и Медынь.

К концу первого этапа в истории объединения русских земель (ко второй половине XIV в.) ясно обозначились контуры единого Русского государства. Сильно выросшее в своих размерах Московское

княжество столкнулось лицом к лицу с наиболее крупными феодальными центрами — Великим Новгородом, княжествами Тверским, Суздальско-Нижегородским, Рязанским и некоторыми более мелкими княжествами. Борьба с ними за политическое единство составляет содержание следующих этапов в истории объединения русских земель. К концу XIV в. число феодальных образований уменьшилось, а внутри их также наметились тенденции к преодолению феодальной раздробленности. Коснемся истории территории других феодальных княжеств (кроме Московского княжества) на первом этапе объединения русских земель.

На политической карте Руси в конце XIV в. заметное место занимало княжество Тверское. Ядро старой Тверской земли составляли Верхнее Поволжье и бассейн волжских притоков Твери и Шоши.

В период феодальной раздробленности между Новгородом и Суздальским княжеством шла борьба, и в этой борьбе устанавливались границы, разделявшие их владения. Земля будущего Тверского княжества осталась во власти суздальских и владимирских князей.

Первый раз г. Тверь упоминается в летописях под 1208 г., когда новгородцы заключили мир с владимирским князем Всеволодом. Есть основания думать, что еще в 1181 г. при впадении р. Тверцы в Волгу было построено небольшое укрепление. Этот первоначально мало заметный городок скоро вырос и стал центром экономической и политической жизни края.

В первой половине XIII в. летописи пользуются терминами «тверичи», «тверское» для обозначения населения значительной территории, объединяемой Тверью[1]. Следовательно, Тверь уже успела стать заметным центром.

В особое княжество Тверская земля выделилась из состава земли Суздальской при Ярославе Всеволодовиче. По «уряжению» Ярослава[2], Тверь после его смерти (1246) была закреплена за его сыном Ярославом Ярославичем. В княжение последнего Тверь выделилась и как центр особой епископии.

К началу XIV в. Тверское княжество, окончательно сложившееся в своих географических очертаниях, выросло в крупную политическую силу северо-восточной Руси. Тверское великое княжество тянулось по линии верхнего Волжского плеса от р. Ржева на западе до г. Кашина на востоке. Гранича на протяжении более 100 верст на западе с русскими землями, захваченными Литвой, и со Смоленским княжеством, Тверское княжество на левом берегу Волги прилегало

[1] ПСРЛ, т. V, вып. 1, Л., 1921, стр. 230; т. VII, стр. 152.
[2] Там же, т. I, вып. 2, стб. 471; т. VII, стр. 245.

к Новгородской земле, на правом — почти целиком к московским владениям. В XIV в. Тверь была одним из сильных соперников Москвы.

Тверское княжество не избежало дробления на более мелкие части. В Тверском княжестве местные уделы — Дорогобужский, Кашинский, Холмско-Микулинский и некоторые другие появились в первой половине XIV в. Но к концу XIV — началу XV в. феодальное раздробление в пределах Тверской земли было почти полностью ликвидировано. Тверские уделы или слились с великим Тверским княжеством, или же их князья перешли на положение «служебных».

Соседом Твери была Новгородская боярская республика. Новгород являлся политическим центром большой государственной территории. У него были пригороды, среди которых особенно важное значение имел Псков, выступавший фактически уже с XIII в., а официально с XIV в., в роли самостоятельного политического центра.

Начинаясь на севере треугольником, образуемым рр. Наровой и Плюсой, Псковская область простиралась длинной полосой с севера на юг, занимая пограничный район в северо-западном углу древней Руси. Длина этой полосы по восточной границе, согласно расчету самих псковичей, составляла не менее 300 верст; ширина едва ли превышала 100 верст. На западе Псковская область граничила с землями, захваченными немецким Орденом, на юго-западе — с Литвой, на востоке — с владениями Новгорода.

Из других новгородских пригородов необходимо отметить Торжок, или Новый торг, на р. Тверце,— важный торговый пункт на пути в Суздальскую землю, на границе с Тверским княжеством. К числу новгородских владений принадлежали Волоколамск и Бежецкий Верх (Городец), которые в XIV в. Москва оспаривала у Новгорода. На южной границе Новгородской области находились Ржев и Великие Луки, на которые претендовала Литва.

Новгородская боярская республика, уцелевшая от татарского погрома (но не избавленная от необходимости платить татарам дань), сумела, используя помощь всей северо-восточной Руси, не только отстоять свою независимость от покушений Ордена, Швеции и Литвы, но и сохранить экономическое общение с Западом через Балтийское море, проникнуть далеко на северо-восток к Северному Ледовитому океану и за Урал. В то же время она сумела наладить связи с другими русскими княжествами, войдя в более тесные сношения с великими князьями владимирскими.

Уже в начале XIII в. ростовские, ярославские, владимиро-суздальские и затем московские князья оттеснили новгородцев в систему р. Ваги, причем на Ваге и Онеге уже с XIV в. можно встретить владения ростовских и иных низовых князей. В XIV в. московские князья

прочно утверждаются в Вычегодской Перми, которая вместе с Югрой и Печорой номинально числилась за Новгородом еще в XV в.

К югу от Новгорода и Пскова лежала Смоленская земля. После татарского нашествия Смоленское княжество находилось в состоянии упадка. Оно раздробилось на уделы. Западные уделы, в большей степени подвергавшиеся нападениям со стороны Литвы, в течение XIV в. попали в зависимость от литовских князей. В начале XV в. и сам Смоленск был захвачен литовским князем Витовтом.

В северо-восточном, восточном и юго-восточном направлениях от Москвы находились княжества Суздальско-Нижегородское, Ростовское, Ярославское, Муромское, Рязанское.

Ядром Суздальско-Нижегородского княжества, доставшегося брату Александра Невского Андрею Ярославичу, первоначально был старый русский город Суздаль; новые русские города, появившиеся на Волге — Городец и Нижний Новгород,— считались суздальскими пригородами. Оба эти пригорода возникли на территории, издавна занятой мордвой и другими народами. Суздальско-Нижегородское княжество занимало сравнительно большую территорию по левым притокам Оки, доходило до Волги, причем на Волге имело опорные пункты в Нижнем Новгороде и Городце. Две громадные реки связывали край с далеким юго-востоком, откуда приходили бухарские, хивинские, закавказские купцы, и с западом и северо-западом Руси. Города Суздальско-Нижегородской земли быстро росли, что говорит об экономическом преуспевании края. Татары сильно опустошили Суздальскую землю. После смерти Андрея Ярославича Городец и Нижний Новгород отошли от Суздаля. До второй четверти XIV в. обе части Суздальско-Нижегородской земли жили самостоятельно, и только после смерти московского великого князя Ивана Калиты Суздаль снова объединился со своими волжскими владениями при князе Константине Васильевиче. Около 1350 г., очевидно учитывая превосходство положения в экономическом и стратегическом отношениях своих волжских городов, Константин перенес резиденцию из Суздаля в Нижний Новгород.

Собственно с этого времени можно говорить о сложении территории Суздальско-Нижегородского княжества. Кроме Нижнего, Суздаля и Городца, в состав этого нового великого княжества входили три пригорода: Бережец в устье Клязьмы, Юрьевец на Волге и Шуя. Границы княжества отделялись рр. Тешей и Вадом от Мордовской земли, а от Муромского и Стародубского княжеств — Окой и Клязьмой; все Поволжье от Юрьевца до устья Суры и по берегам ее до рр. Киши и Алгаша тоже входило в состав княжества, далее граница проходила берегами р. Пьяны до р. Вада; от собственно Городецкой волости вла-

дения Константина шли к западу, занимая Шую и Суздаль с их окрестностями; от владимиро-московских земель Нижегородская земля отделялась линией, пересекающей р. Нерль посередине между Суздалем и Владимиром.

Нижний Новгород, расположенный на месте слияния Волги и Оки, мог запирать важнейшие торговые магистрали Волжско-Окской системы, т. е. фактически прекращать всю речную русскую торговлю с Востоком, а также и всю торговлю Поволжья с Русью. Поэтому суздальские князья и новгородское правительство стремились укрепить свое влияние в Нижегородском княжестве.

Территория Ростовского княжества после выделения в XIV в. ярославских и белозерских владений значительно сократилась. Ядром Ростовского княжества были земли вокруг озера Неро, на берегу которого стоял древний город Ростов. В северном направлении ростовские владения переходили на левый берег Волги, где они лежали чересполосно с ярославскими и белозерскими землями. Крайним северо-восточным пунктом Ростовского княжества был основанный ростовцами при впадении р. Юга в Сухону г. Устюг Великий. В первой половине XIV в. Ростовское княжество, вместе со столицей Ростовом, разделилось на две части: Сретенскую и Борисоглебскую, в каждой из которых обособилась отдельная линия ростовских князей. Каждая из этих частей в свою очередь подразделялась на большое число мелких княжеских владений.

Ярославское и Белозерское княжества, выделившиеся из Ростовского, раздробились на ряд мелких уделов. Часть Белоозера, как было указано выше, уже в правление Дмитрия Донского перешла к Москве.

Рязанское княжество занимало территорию к югу от Москвы по среднему течению Оки и далее к югу, между Доном и Цной. На западе оно граничило с черниговскими землями, на востоке и северо-востоке — с Мещерой, а на юге его границы терялись в степи.

По обоим берегам Оки, примерно до впадения в нее Нары, были расположены все наиболее крупные города Рязанской земли, и здесь же, на мелких притоках Оки, находилась значительная часть сел и монастырей.

Цепь городов, с Пронском во главе, вытянулась вдоль берега р. Прони, прикрывая со стороны степи наиболее населенную часть Рязанской земли; с востока она была защищена лесными массивами Мещерских «мест». К р. Проне узкой полосой подходила степь, образуя напротив Пронска «половецкое поле», ограниченное с юга лесами бассейнов Воронежа и Дона.

Социально-экономическое развитие Рязанской земли не было одинаковым во всех частях княжества. На северо-западе с его густым

населением, жившим вблизи больших торговых путей, соединявших Среднее Поволжье, Владимиро-Суздальскую землю и юго-западную Русь, уже в начале XIII в. были сосредоточены владения наиболее могущественных феодалов. Мещерская сторона и открытая для набегов со стороны степи южная окраина княжества были опасны для мирного труда земледельца и меньше привлекали внимание рязанской знати.

После татарского разорения экономическая и политическая жизнь в Рязанском княжестве сосредоточилась главным образом в двух новых центрах — Переяславле-Рязанском (нынешняя Рязань) и Пронске. Между этими двумя центрами шла упорная борьба, которая вспыхнула с особой силой к концу XIII в., когда княжество окрепло и приспособилось к новым условиям политической жизни. Ни нашествия татар (1278, 1288) и гибель в Орде нескольких рязанских князей, ни пленение московским князем Даниилом рязанского князя Константина (1300) и занятие им рязанских пограничных земель не могли остановить эту борьбу. Борьба эта осложнялась отношениями Рязанского княжества к Москве. Уже князья владимирские постоянно стремились расширить свои владения за счет рязанских земель. Москва в этом направлении действовала еще более энергично и успешно. Особенно остро стал вопрос о Коломне, которая запирала устье Москвы-реки и была необходима Москве как в экономическом, так и в стратегическом отношении. В 1300 г. Коломна отошла к Москве.

Внутренние раздоры рязанских князей, соперничество Пронска и происки князей в Орде ставили Рязанскую землю в зависимость от князя московского. Иван Калита распоряжался рязанскими военными силами как своими собственными.

Обособилось Рязанское княжество только в середине XIV в. К этому времени оно распространило свои южные пределы до берегов Верхней Вороны и Хопра.

Муромское княжество занимало область по притокам Оки — Мотре, Унже, Теше, Велетьме и другим — и по притокам Клязьмы. Территория его вклинивалась между княжествами Владимирским и Рязанским. Для Москвы Муромский край имел важное стратегическое значение, давая защиту с юга центральным землям: Владимирской, Переяславской, Коломенской.

Между Рязанским и Муромским княжествами врезывался Мещерский край (лежавший по Оке, ее притокам Пре, Нижнему Гусю и по Мокше). Там были свои князья. Часть Мещеры была куплена у местных князей Дмитрием Донским. Москва была заинтересована в освоении Мещерского края, видя в нем, так же как и в Муроме, защиту от татарских набегов со стороны Оки.

Наконец, большое стратегическое значение имели для Москвы при-

окские южные и юго-западные княжества — Тарусское, Новосильское, Козельское.

Такова была политическая карта Руси середины XIV в.

Второй этап в объединении русских земель, примерно со второй половины XIV в. до феодальной войны XV в., характеризуется дальнейшим продвижением власти московских князей на восток и окончательным присоединением к Москве княжеств Муромского, Тарусского, Мещерского, Нижегородского. Это новое расширение территории дало возможность московскому правительству начать активное наступление на степь против татарских орд. В зависимость от Москвы попали приокские княжества — Новосильское и Козельское.

В северо-западном направлении в конце XIV в. к Москве отошли выделившиеся из Смоленского княжества уделы: Ржевский (расположенный в районе верхневолжских озер и по Верхней Волге и в середине XIV в. захваченный литовским князем Ольгердом) и Фоминско-Березуйский (на нижней Вазуге и ее притоке Осузе). Владения московских князей почти вплотную подошли к землям их сильного противника князя тверского. Их разделяли лишь на севере новгородские владения: Бежецкий Верх и Торжок. Вклинивался между московской и тверской территориями принадлежавший Новгороду Волоколамск. Эти новгородские волости, так же как и более отдаленные северные районы,— Вологда и Заволочье (Двинская земля), являлись объектом длительной борьбы между Москвой и Новгородом.

Московскому княжеству не удалось закрепить за собой в рассматриваемое время Торжок и Двинскую землю; что же касается Волоколамска, Бежецкого Верха и Вологды, то они в конце концов остались за Москвой. Присоединение Вологодского края имело важное экономическое значение. Через него открывался путь на русский север и в Сибирь. Связь Московского центра с Вологдой устанавливалась через Ростов и Ярославль по Шексне, ее притоку Словенке, через Словенский волок по р. Порозобице, через Кубенское озеро р. Вологдой.

Одновременно с Вологдой в конце XIV — начале XV в. Москва присоединила еще две области на севере: владение ростовских князей — Устюжский край, а также Вятку.

К концу второго этапа объединения русских земель московские владения почти со всех сторон окружили княжества Ростовское, Ярославское, Тверское, Рязанское. Вопрос о падении этих княжеств был предрешен.

Во время феодальной войны, которая представляет собой третий этап в истории политического объединения, московское правительство под натиском коалиции удельных князей утратило часть своей территории. Верхнеокские новосильские князья перешли на службу к великому

литовскому князю Витовту. Дмитрий Шемяка, возглавлявший коалицию удельных князей, восстановил Суздальско-Нижегородское княжество на правах великого. Отошла от Москвы и Вятка.

Однако действия сил, враждебных единству Русского государства, не могли повернуть назад закономерный исторический процесс, подготовленный всем предшествующим историческим развитием и шедший по пути преодоления феодальной раздробленности. Следующий этап в сложении основной государственной территории, начинающийся со времени ликвидации феодальной войны, закончился падением последних феодальных княжеств и включением их территории в состав Московского княжества. После победы правительства Василия II над Дмитрием Шемякой территория Суздальско-Нижегородского княжества снова отошла к Москве. Уже в конце 40-х годов XV в. к Москве была присоединена часть Ярославского княжества (Заозерско-Кубенский удел, расположенный по Кубенскому озеру и рр. Уфтюге, Кубене, Ваге, Вохтюге и др.).

В 1463 г. потеряли свою независимость последние ярославские князья, и Ярославская земля перешла в число московских владений. Княжество Ростовское было включено в состав формирующегося централизованного государства в два приема: Сретенская его половина — еще в первой половине XV в., Борисоглебская — в 1474 г. В конце 70-х годов XV в. московское правительство присоединило Новгород, а вслед за ним и Двинскую землю.

В 1485 г. Тверское княжество стало московской землей. Все более и более сокращались владения Рязанской земли. Василий II купил у пронского князя земли за Окой: Венев, Ростовец, Тешилов, Тулу, Берестей и другие «места»[1]. С середины XV в. уже все Рязанское княжество фактически находилось в зависимости от Москвы. То же надо сказать и о Пскове, хотя формальное присоединение Пскова, Рязанского и Смоленского княжеств произошло уже в XVI в.

* * *

Так формировалась территория Русского государства. Господствующий класс рассматривал эту территорию как свою. Освоение новой территории представителями господствующего класса шло путем захвата крестьянских земель светскими и духовными феодалами.

Народная, стихийная крестьянская колонизация предшествовала колонизации правительственной, боярской, монастырской. Феодалы захватывали земли, освоенные русскими крестьянами, и заставляли их

[1] ДДГ, № 76, стр. 285.

работать на себя. По словам автора «жития» Сергия Радонежского, на том месте, где возник Троице-Сергиев монастырь, сперва появились крестьяне. «Начаша приходити христиане (т. е. крестьяне.— *Ред.*) и обходити сквозе вся леса оны и возлюбиша жити ту. И множество людей восхотевше, начаша с оба полы места того садитися». Леса уничтожались, на их месте возникали «многие починцы», возводились «села и дворы многи», сеялся «плод житен»[1].

Следовательно, русский народ, а не феодалы был той силой, которая в действительности помогла объединить государственную территорию. Народ осознал собственное единство, единство Русской земли, он выковывал это единство в упорном труде и в борьбе с внешними врагами. И Москва стала потому основой и инициатором политического объединения, что она была центром территории формировавшейся русской народности и сумела возглавить стремление русского народа к внутреннему сплочению и борьбу за независимость. В то же время необходимо, конечно, отметить прогрессивное значение государственной великокняжеской власти в процессе объединения русских земель.

С расширением территории Русского государства в его состав включались и области с нерусским населением (мордовским, марийским и др.).

Этнический состав Русского централизованного государства конца XV в. не был однородным. В районе Оки, ее притоков Мокши и Суры жила мордва; между Нижней Окой и Клязьмой — мурома; по среднему течению Оки, от ее притока Цны до Елатьмы и Керенска — мещера. Обитавшие на Средней Волге мари (черемиса) и чуваши, так же как жившие в Вятско-Камском междуречье удмурты и вотяки, попали под власть Казанского ханства. На северо-востоке Руси, в бассейне Вычегды и в Пермской земле, находились поселения коми. Земли, лежащие по западному берегу Ладожского озера, на перешейке между Ладожским и Онежским озерами были заселены карелами. Западными соседями карелов была емь. По берегам Невы жили ижора и водь. На востоке, на берегах Белого моря, карелы соприкасались с кочевьями ненцев, или самоедов. Соседями самоедов была югра, жившая по склонам Северного Урала.

Экономическое и культурное общение этих народов с русским народом, а затем и их включение в состав централизованного государства явилось прогрессивным фактором в их дальнейшем развитии.

---

[1] «Житие Сергия», изд. арх. Леонидом. «Памятники древней письменности», вып. XIX, СПб., 1887, стр. 41, 83.

6

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ. ОРГАНЫ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ. ПРАВО. СУД. ФИНАНСЫ. АРМИЯ.

Изменения в государственном аппарате власти господствующего класса на протяжении XIV—XV вв. находятся в тесной связи с процессом постепенного преодоления феодальной раздробленности и образования Русского централизованного государства.

В XIV в. Россия все еще была «раздроблена на множество самостоятельных полугосударств»[1] — феодальных княжеств и республик[2]. Политические взаимоотношения между крупными и мелкими северо-восточными княжествами (Московским, Тверским, Рязанским, Суздальско-Нижегородским, Ростовским, Ярославским) оформлялись путем заключения феодальных договоров. Номинальным главой системы феодальных княжеств северо-восточной Руси являлся князь, получавший ярлык на великое княжение Владимирское. Ему принадлежали некоторые права общегосударственного характера: верховный суд, назначение высших должностных лиц, командование армией. Формально великокняжеским столом распоряжался золотоордынский хан, в действительности же, великим князем владимирским становился сильнейший из русских князей. С усилением политического значения Московского княжества и ослаблением власти Орды в северо-восточной Руси все права и привилегии, связанные с обладанием великим Владимирским княжеством, в результате острой борьбы между феодальными центрами переходят к московским князьям.

В договорных грамотах, оформлявших отношения между отдельными феодальными центрами, устанавливались границы княжеств, порядок решения порубежных территориальных споров, охрана торговли и размеры торговых и таможенных пошлин, условия выдачи беглых крестьян и холопов, право свободного отъезда бояр и «вольных слуг» и т. д. Если формально обе стороны, заключавшие договор, и выступали иногда как равноправные, то фактически наблюдается усиление власти великого московского князя (который обычно являлся и великим князем владимирским, или «всея Руси») и подчинение ему других князей северо-восточной Руси.

Поскольку главной функцией феодального государства было удержание в узде эксплуатируемого класса крестьян, постольку в договорных грамотах, оформлявшихся между князьями отдельных

---

[1] *И. В. Сталин, А. А. Жданов и С. М. Киров.* Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. Сб. «К изучению истории», стр. 21.

[2] См. гл.1, § 5 настоящего издания.

феодальных центров, фигурируют статьи о выдаче беглых крестьян и холопов, особенно совершивших преступления против феодального права[1].

Укрепление экономических связей между русскими княжествами в результате достигнутого трудом русского народа подъема производительных сил выражалось в установлении общей таможенной политики. Князья обязывались «не замышлять» новых мытов (застав для сбора пошлин при проезде купцов) и не создавать пограничных препятствий для торговли: «А меж нас людем нашим и гостем путь чист без рубежа. А кто учинит рубеж или вывод (запрет переезда границы и высылку за пределы княжества. — *Ред.*), рубежщика и выведщика выдати по исправе»[2]. В договорах определялся размер пошлин с людей и товаров.

В Северо-восточной Руси наблюдается процесс государственного объединения. Образование единого феодального государства было прогрессивным явлением, обеспечивавшим стране возможность дальнейшего экономического и культурного роста. Создание единого государства нужно было феодалам для осуществления в новых экономических и политических условиях своего господства над классом зависимого крестьянства.

Договоры, заключавшиеся великим князем владимирским с князьями других феодальных центров, преследовали важную цель установления общей линии внешней политики и взаимной военной помощи. «А быти нам, брате, на татары и на литву, и на немцы, и на ляхи заодин»[3], — читаем в договорной грамоте Василия I с князем тверским Михаилом Александровичем (конец XIV в.).

С развертыванием борьбы за освобождение Руси от татаро-монгольского ига особое политическое значение получил вопрос об отношениях русских феодальных княжеств к Золотой орде. В противоположность условиям, существовавшим внутри самостоятельных княжеств, где только старшему (великому) князю принадлежало право входить в непосредственные сношения с Ордой, великие князья отдельных феодальных центров стремились своими договорами с великим князем владимирским обеспечить себе право самостоятельных сношений с золотоордынской ханской властью («а к Орде... и ко царю путь чист»). Каждый «великий» князь сам желал собирать со своих владений и подчиненных ему удельных князей «ордынскую тягость» (дань) и самостоятельно посылать ее в Орду.

---

[1] ДДГ, № 19, стр. 55. См. гл. 1, § 4 настоящего издания.

[2] ДДГ, № 15, стр. 42.

[3] Там же, стр. 41.

Однако право самостоятельных и свободных сношений с Ордой для ряда великих князей феодальных княжеств стало подвергаться ограничению уже с середины XIV в. Это было вызвано усилением политического значения Московского княжества, стремившегося подчинить себе другие феодальные центры и возглавить союз русских князей для борьбы с золотоордынской властью. Тем самым московское правительство стремилось противопоставить политике Орды, заключавшейся в натравливании друг на друга князей отдельных русских феодальных центров, единую внешнеполитическую линию феодальных княжеств под главенством Москвы. В договорной грамоте 1375 г. Дмитрия Ивановича Донского с великим князем тверским Михаилом Александровичем по вопросу о Золотой орде говорится: «с татары оже будет нам мир, по думе. А будет нам дати выход, по думе же, а будет не дати, по думе же». Князья заключили и военный союз против татар: «А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тобе с одиного всем противу их. Или мы пойдем на них, и тобе с нами с одиного пойти на них»[1]. Подобные же условия фигурировали и в других договорных грамотах конца XIV и начала XV в., правда, они часто нарушались князьями.

На протяжении XIV—XV вв. Москва ограничивала право феодальных княжеств сноситься без ведома великого князя московского и «всея Руси» с Литвой, подчиняя, таким образом, внешнюю политику отдельных княжеств северо-восточной Руси тем задачам, которые ставило перед собой московское правительство.

Внешняя опасность, грозно нависшая над московскими, новгородскими, псковскими, нижегородскими, тверскими и рязанскими рубежами, ускоряла процесс подчинения самостоятельных феодальных княжеств Московскому княжеству. Этот процесс рисуют дошедшие до нас договорные грамоты московских великих князей с князьями тверскими (1375, 1396, 1456 и 1484—1485) и рязанскими (1381, 1402, 1447 и 1483).

Политическая организация господствующего класса в пределах отдельных самостоятельных княжеств также представляла собой феодальную иерархию, связанную цепью служебных обязательств и отношений вассальной зависимости и в целом организованно противостоявшую классу крестьянства. Главой феодальной иерархии в пределах каждого княжества являлся местный великий князь. Перед смертью он составлял завещание, в котором делал распоряжения («ряд»), касающиеся государственной территории и взаимоотношений между оставшимися членами местной княжеской линии, высшими представителями феодальной иерархии данного княжества. До нас дошли духовные

[1] ДДГ, № 9, стр. 26.

грамоты московских князей, которые дают представление об истории территории Московского княжества и организации аппарата государственной власти.

Основная часть государственной территории поступала в раздел между сыновьями великого князя, составляя их уделы, причем старший сын, наследник великого князя, получал, начиная с середины XIV в., бóльшую часть территории, по сравнению с братьями, «на старейший путь». Часть земель выделялась в пожизненное владение княгиням — вдовам и дочерям (до выдачи их замуж).

Общая линия политики московской великокняжеской власти, направленная к государственной централизации, требовала укрепления политического значения главы феодальной иерархии. Поэтому с течением времени размеры государственной территории, переходившей после смерти великого князя к его старшему наследнику, становившемуся и великим князем «всея Руси», увеличивались и количественно и качественно и значительно превосходили уделы, которыми владели другие члены московского княжеского дома. В целях сохранения единства государственной территории часть владений оставлялась в совместном пользовании князей московского дома и в раздел поступали лишь доходы с них. Так, в Москве каждый из князей получал определенную долю судебных таможенных пошлин, причем эксплуатация этих доходов производилась по «годам». В зависимости от причитавшейся ему доли пошлин в Москве каждый из князей собирал их, чередуясь с другими в течение определенного времени. По духовным грамотам можно проследить, как постепенно возрастала доля «на старейший путь» в Москве великого князя по сравнению с князьями удельными.

Каждое из феодальных княжеств, на которые распадалась северо-восточная Русь, находилось во владении определенной княжеской линии. Отдельные ее представители обладали политическими правами в пределах своих княжений («уделов»). Отношения между членами этой иерархии оформлялись так же, как и отношения между великими князьями самостоятельных княжеств, феодальным договором. Место умершего отца занимал старший из сыновей, которого остальные его братья, согласно феодальному государственному праву, должны были «чтити во отцово место». Значительным политическим влиянием при сыновьях пользовалась вдова-мать. Однако, несмотря на систему вассальной зависимости, на которой строились отношения между членами княжеского рода, каждое княжеское владение политически было в значительной мере самостоятельным.

Права княжеской власти определялись правилом: «тебе знать своя отчина, а мне знати своя отчина». Поэтому князья формально не могли покупать в чужих уделах села, держать в них закладней и оброчников,

посылать в чужие княжения своих данщиков и давать жалованные грамоты на владения, расположенные на территории других уделов. Статьи договорных грамот, содержащие эти условия, свидетельствуют, что распределение земли и ренты являлось тем материальным фундаментом, на котором строилось здание феодальной иерархии. Договорные грамоты между князьями закрепляли право каждого из них на неограниченную эксплуатацию населения в пределах своего удела.

Отношения между великим и удельными князьями строились на началах вассального подчинения. В отношении великого князя, именовавшего себя «братом старейшим», остальные князья, члены феодальной иерархии, суверенные государи в своих владениях, были вассалами, обязанными по приказу сеньора «всести на конь» и посылать вместе с воеводами великого князя свою боевую рать.

С ростом общественного разделения труда, развитием экономического общения между русскими землями все меньше условий оставалось для обособления удельных княжеских владений в отдельные самостоятельные феодальные княжества. Однако там, где для этого имелись необходимые экономические предпосылки, первоначально выделенный удел обособившейся боковой княжеской линии превращался в отдельную феодальную политическую систему, в небольшое княжество, в котором в уменьшенном размере повторялась организация того целого княжества, из которого данный удел выделился. Здесь также появлялся свой князь «старейший», свои «молодшие» князья, владения которых, все более мельчая, приближались по размерам к средней боярской вотчине. Особенно много таких мелких княжеств возникло в начале XV в. в пределах Ярославского и Углицкого княжеств в долинах небольших речек, на территории, экономически обособленной. Эти княжества были затем поглощены непрерывно политически растущим великим княжеством Московским.

В договорах, оформлявших союз князей каждого отдельного феодального княжества, неизменно фигурировал пункт, говоривший о единстве внешней политики и дипломатии. Князья, согласно договорным грамотам, обязывались «быти заодин до живота» (т. е. пожизненно). У них должны были быть общие враги и союзники. «А кто будеть брату нашему старейшему (великому князю. — *Ред.*) недруг, то и нам (удельным князьям.— *Ред.*) — недруг. А кто будеть брату нашему старейшему друг, тот и нам друг»[1]. Правом сношений с Ордой пользовался только «великий князь» каждого княжества. Остальные удельные князья должны были передавать собранную по уделам «ордынскую тягость» (дань)

---

[1] ДДГ, № 2, стр. 11.

своему «брату старейшему» (великому князю), который сам отправлял ее в Орду.

Эти пункты договорных грамот свидетельствуют, что глава феодальной иерархии каждого из «великих» княжеств стремился получить право самостоятельных внешнеполитических сношений. Политика великого князя «всея Руси», каковым с XIV в. являлся великий князь московский, была направлена, как уже указывалось, к лишению «великих» князей отдельных феодальных княжеств права самостоятельных внешних сношений с Ордой, а также с княжеством Литовским. Эта внешнеполитическая линия Московского княжества, отвечавшая задачам сплочения политических сил феодальной иерархии в целях борьбы с иноземными захватчиками, одержала победу над сепаратистскими стремлениями отдельных феодальных центров.

На протяжении XIV—XV вв. наблюдается, во-первых, процесс укрепления московской великокняжеской власти за счет сокращения политических прав феодальных князей московского дома, во-вторых, неуклонный рост политического значения Московского княжества и подчинения ему других феодальных княжеств.

Уже в договорной грамоте Дмитрия Донского с удельным князем Владимиром Андреевичем серпуховским (конец XIV в.) появляется статья, свидетельствующая о стремлении великокняжеской власти свести удельных князей на положение князей служебных: «Тобе, брату моему молодшему, мне служити без ослушанья..., а мне тобе кормити по твоей службе»[1].

Правда, такая система междукняжеских отношений еще не окончательно завоевывает признание и укрепляется в договорных текстах. Но самое появление в княжеских договорах приведенной выше статьи, квалифицирующей удельных князей уже не как суверенных государей, а как вассалов, обязанных службой на началах «кормления», несомненно, отражает наметившуюся тенденцию к централизации аппарата власти господствующего класса.

Политическое усиление власти великого князя московского было связано с ростом его территориальных владений, а также таможенных и иных доходов. Его превосходство в этом отношении над князьями удельными ясно проявляется в духовных княжеских грамотах, начиная с середины XIV в. Уже два младших сына Ивана Калиты, Иван и Андрей, по договору со своим «братом старейшим», великим князем Семеном, «сступилися» (уступили, или, вернее, вынуждены были уступить) ему бо́льшую часть таможенных доходов в пределах

---

[1] ДДГ, № 5, стр. 21.

Московского княжества[1]. Дмитрий Донской по завещанию наделил своего старшего наследника Василия I «на старейший путь» рядом владений и доходов, качественно и количественно превосходивших уделы и доходы с Москвы других князей московского дома. Той же политики укрепления материального фундамента великокняжеской власти придерживались и последующие московские князья.

В результате победы московской великокняжеской власти над удельно-княжеской оппозицией во время феодальной войны второй четверти XV в. в пределах Московского княжества были ликвидированы все уделы, за исключением Белозерско-Верейского.

Но это не была еще полная ликвидация удельной системы, так как сыновья Василия II вновь получили уделы. Политические взаимоотношения между московским великим князем и удельными князьями в третьей четверти XV в. продолжали строиться на началах феодального договора, свидетельствовавшего, однако, о возросшем значении центральной великокняжеской власти, находившей поддержку в земельном дворянстве и городах.

В 80-х годах XV в., после ликвидации попытки со стороны удельно-княжеской оппозиции поднять феодальный мятеж, правительство Ивана III стало проводить уже решительную политику сведения удельных князей московского дома на положение служебных, зависимых держателей своих уделов. Соответствующие новые условия политических взаимоотношений центральной государственной власти Московского княжества с удельными феодальными центрами были внесены в тексты договорных междукняжеских грамот[2]. Это произошло лишь после свержения золотоордынского ига в 1480 г., так как покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением Руси от татарской зависимости, причем и то и другое было завершено при Иване III. Так, договорная грамота Ивана III начала 80-х годов XV в. с удельным князем Михаилом Андреевичем белозерско-верейским рассматривает его удел как пожизненное владение, которое после смерти держателя должно войти в состав общей государственной территории Московского княжества. Вскоре удельные князья были лишены права чеканки монеты и других государственных прерогатив.

Одновременно с политической централизацией внутри самого Московского княжества оно заняло первое место в системе феодальных «великих» княжеств северо-восточной Руси. Явный перелом в отношениях Московского княжества с другими феодальными княжествами наступает с

---

[1] ДДГ, № 2, стр. 11.

[2] *Л. В Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1, стр 162—183.

конца XIV в. По договорам Москвы с Рязанью и Тверью московское правительство взяло под свой контроль отношения этих княжеств с Золотой ордой и Литвой, т. е. по существу отняло у правительств этих феодальных княжеств внешние функции.

В конце XIV в. московское правительство выдвинуло несколько политических требований перед Новгородом, стеснявших независимость Новгородской феодальной республики в области суда и лишавших ее права ведения самостоятельной внешней политики.

Наступление московского правительства на другие феодальные княжества становится еще более решительным после разгрома московской великокняжеской властью, к которой тяготели все прогрессивные элементы города и деревни, удельно-княжеской оппозиции в феодальной войне второй четверти XV в. В московско-новгородское Яжелбицкое соглашение, явившееся результатом похода на Новгород, организованного в 1456 г. правительством Василия II, был включен пункт о запрещении составлять на вече государственные акты от имени правительства Новгородской феодальной республики и об обязательном приложении к документам, исходящим от новгородского правительства, великокняжеской печати. Яжелбицкий договор знаменовал начало конца самостоятельной Новгородской феодальной республики, которая в 1478 г. была включена в состав Русского централизованного государства.

В 80-х годах XV в., одновременно с окончательным свержением татарского ига, московское правительство произвело новый пересмотр условий договорных политических взаимоотношений с теми княжествами, которые формально еще сохраняли свою независимость,— с княжествами Тверским и Рязанским. Пересмотр означал дальнейшее стеснение суверенитета этих феодальных центров. Так, в московско-рязанский договор 1483 г. вошла статья, согласно которой рязанский князь должен был уступить свои верховные политические права великому князю московскому Ивану III, последний же брал на себя обязательство в отношении рязанского князя лишь «печаловатца... [им] и [его] отчиною без хитрости»[1]. Рязанский князь оказался не только в личной вассальной зависимости от московского правительства, но и вынужден был признать верховную власть Москвы над территорией и населением Рязанского княжества, утратившего к этому времени свой суверенитет.

Политика московского правительства конца XV в. была направлена к подготовке условий для включения этих номинально еще

---

[1] ДДГ, № 76, стр. 283.

самостоятельных феодальных центров в состав формировавшегося Русского централизованного государства.

* * *

Развитие аппарата управления в русских княжествах XIV—XV вв. служило усилению государственной централизации.

В период феодальной раздробленности характерной чертой административной системы отдельных княжеств северо-восточной Руси являлось соединение в одних и тех же органах власти и управления функций государственного аппарата с функциями хозяйственно-административного аппарата княжеского домена. Княжеский двор в каждом феодальном княжестве был одновременно центром княжеского вотчинного хозяйства и политическим центром княжества.

В княжеском дворе сосредоточивались все нити политического управления. Поскольку в феодальных княжествах периода раздробленности отсутствовала четкая грань между государственными и домениальными функциями, князья принимали личное участие как в хозяйственной, так и в политико-административной жизни княжества. В жизнеописании тверского князя Михаила Александровича второй половины XIV в. рассказывается, что во время болезни он не мог принять людей, желавших придти к нему «обычнаго градскаго ради управления»[1].

В своей деятельности в качестве главы феодальной иерархии князь опирался на феодальный совет, который являлся высшим органом при князе, защищавшим классовые интересы привилегированных земельных собственников.

Феодальный совет состоял из представителей боярства, своими землевладельческими и служебными интересами тесно связанного с княжеской властью. Состав, права и компетенция феодального совета не были строго определены. Во всяком случае, совет не был многочисленным. Обычно князь призывал на него небольшое число бояр и слуг. Только на совещаниях по более существенным вопросам, выходившим за рамки текущих хозяйственно-административных дел, число участников княжеского совета доходило до десяти-пятнадцати и более человек.

Высший слой служилого княжеского боярства носил название «больших бояр». Наиболее близкие к князю бояре, связанные длительными служебными и поземельными отношениями с данной княжеской линией, назывались также «старыми» боярами. В первой половине XV в. для обозначения высшего слоя боярства появился не известный ранее

---

[1] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, Пг. 1922, стб. 170.

термин «бояре введенные». Очевидно, так назывались бояре, получившие особое княжеское пожалование, выделявшее их из среды остального боярства. Они являлись постоянными советниками князя и исполнителями наиболее ответственных его поручений. Слово «боярин» приобретало в связи с этим троякое значение: в широком смысле боярином мог называться каждый светский землевладелец-феодал; в более узком значении бояре составляли высший слой землевладельческого класса; в специальном значении термин «бояре введенные» обозначал особое придворное звание.

Видную роль в княжеском феодальном совете играли тысяцкий, окольничий и казначей. Должность тысяцкого, предводителя городского ополчения, держали в своих руках крупные боярские фамилии, которые стремились даже обратить ее в наследственную. Обязанности, лежавшие на окольничем, не поддаются точному определению. Постоянное присутствие окольничего при князе, на что намекает и само название, указывает на его тесную связь с дворцовым управлением. Казначей был хранителем княжеской казны, которая вместе с тем являлась и княжеским архивом. В ней хранились духовные и договорные грамоты, ханские ярлыки и другие документы феодального государственного права, а также акты, относившиеся к княжескому домену. Казначеями бывали и несвободные люди.

Бояре, возглавлявшие определенные отрасли княжеского хозяйства и управления, обозначались термином «бояре путные» (от слова «путь» — дворцовое ведомство). В договорной грамоте сыновей Ивана Калиты середины XIV в. упоминаются три дворцовых «пути» — сокольничий, конюший и ловчий[1]. Несколько позднее в документах появляются пути стольничий и чашничий. В ведомстве сокольничьего пути как организации, обслуживающей нужды вотчинного княжеского хозяйства, находилась птичья охота. Ловчий путь ведал охотой на зверя. В круг ведения конюшего пути входили княжеские табуны и стада. В ведомстве стольничего пути состояли рыбные ловли, а также сады и огороды. Чашничий путь заведовал бортными лесами, погребами и всем, что относилось к снабжению княжеского стола напитками.

Ведомство каждого «пути» состояло из разбросанных среди «черных» волостей в разных местах земель, угодий, сел, деревень и слобод, объединенных общим хозяйственным дворцовым управлением. Во главе конюшего пути стоял княжеский конюший, стольничего — стольник, сокольничьего — сокольник, ловчего — ловчий, чашничьего — чашник. Под их управлением действовали многочисленные княжеские ключники и посельские.

---

[1] ДДГ, № 2, стр. 11.

Дворецкий, казначей, чашник, сокольничий, стольник и другие бояре и слуги, стоявшие во главе дворцового хозяйства и игравшие большую роль в хозяйственной жизни княжеской феодальной вотчины и в административном аппарате феодального княжества, являлись участниками феодального княжеского совета и занимали при князе привилегированное положение.

Термин «бояре путные» в дальнейшем распространился на все привилегированное служилое боярство. В отличие от прочих бояр и вольных слуг, участвовавших в защите своего города, бояре «введенные» и «путные» освобождались от этой обязанности, отрывавшей их от княжеской службы. «А городная осада, где хто живет, тому туто и сести опричь бояр въведенных и путников»[1],— читаем в междукняжеских договорных грамотах XV в.

Государственная территория каждого княжества, не входившая в состав дворцового хозяйства, составляла «черные» волости и города. Она имела особое управление. В города князь посылал наместников, власть которых распространялась и на ближайшие к городу «станы». В волостях управление находилось в руках «волостелей». Наместники и волостели, назначавшиеся из бояр и вольных слуг, обычно получали от князя сроком на один год города и волости с «кормлением», т. е. с правом собирать в свою пользу поборы с населения. Приезжая в наместничество, наместники и волостели получали с населения «въезжий корм» — «кто что принесет». Другие обязательные приношения делались на рождество и в «петров день». Кроме того, наместники и волостели собирали с крестьян и посадских людей пошлины судебные, торговые и свадебные («новоженный убрус» в случае брака в пределах данного города или волости и «выводную куницу»— при выходе замуж в другой город и другую волость). Часть этих сборов поступала в княжескую казну. Наместники и волостели приезжали на кормление со своими дворянами (дворовыми слугами), а также ключниками и тиунами, большинство которых состояло из холопов.

Органы дворцового («путного») и наместничьего управления являлись аппаратом насилия господствующего класса феодальных княжеств над непосредственными производителями — трудовым населением деревни и города.

Система «путей» и «кормлений» представляла собой организацию управления, характерную для периода феодальной раздробленности, когда еще не созрели достаточные экономические предпосылки для централизации аппарата власти. В условиях низкого уровня развития производительных сил и экономической замкнутости отдельных феодальных

[1] ДДГ, № 81, стр. 318.

хозяйств территория каждого княжества распадалась на множество мелких административных единиц, каждая из которых являлась самостоятельным феодальным мирком. Частновладельческие феодальные земли вначале были слабо связаны с управлением наместников и волостелей. На их территории действовала вотчинная власть феодала, обладавшего правами иммунитета, благодаря которым он сам, без содействия центральной государственной власти, применял средства принуждения в отношении зависимого крестьянства.

Власть наместников, волостелей, «путных» бояр простиралась на население «черных» и дворцовых земель, подвергавшихся эксплуатации или со стороны феодального государства («черные» крестьяне) или со стороны административного аппарата княжеского домена (крестьяне, занятые в дворцовом хозяйстве). В условиях экономической раздробленности, препятствовавшей централизации аппарата власти, средства насилия, которыми обладали органы «путного» и наместничьего управления для осуществления внеэкономического принуждения непосредственных производителей, удовлетворяли потребностям господствующего класса.

В процессе политического объединения русских земель и образования Русского централизованного государства в связи с преодолением экономической раздробленности менялась и организация системы управления в сторону укрепления и централизации государственного аппарата насилия. Во-первых, это выразилось в сужении судебных иммунитетных привилегий крупных земельных собственников, вынужденных уступить органам центральной власти право суда по ряду дел, при решении которых феодалы особенно нуждались в поддержке сильного государственного аппарата против нарушителей феодального права — крестьян: «душегубство», «разбой», «татьба с поличным». Во-вторых, укрепление центрального аппарата власти происходило путем установления контроля за деятельностью наместников со стороны великокняжеской власти. Судебные права части наместников подверглись сокращению.

Источники различают две категории наместников: с «боярским судом» и без «боярского суда». Первые сохраняли право решать все судебные дела в окончательной инстанции. Вторые обязаны были по наиболее крупным делам феодальной юстиции, связанным с охраной привилегий феодалов, докладывать органам центральной власти (великому князю и боярскому совету) и не могли самостоятельно выносить судебных решений. Контроль со стороны великокняжеской власти за деятельностью наместников осуществлялся и путем направления из центра в города, станы и волости великокняжеских приставов и посредством вызова самих наместников в центр. Одной из форм судебной

централизации и контроля являлась передача великокняжеской властью судебных функций административным агентам, посылавшимся на места со специальными поручениями, в частности писцам, отправлявшимся для переписи податного населения.

Наконец, великокняжеская центральная власть в целях контроля за деятельностью наместников стремится в большей мере использовать выборные органы «черных» крестьянских волостей и посадов (принадлежавшие обычно к верхушке тяглого населения) в качестве низшего звена государственного аппарата на службе интересам господствующего класса. В уставных грамотах наместничьего управления содержится требование об обязательном присутствии на суде наместников «сотских» и «добрых людей», выборных «старост» и «целовальников», из числа «черных» крестьян и посадских людей[1].

Процесс укрепления центрального аппарата власти и создания кадров будущей дворянской военной бюрократии протекал в борьбе между великокняжеской властью, опиравшейся на служилых феодалов, и частью боярской феодальной знати, стремившейся монополизировать некоторые крупные государственные должности, сделав их наследственным достоянием отдельных боярских фамилий. В результате этой борьбы при Дмитрии Донском произошло, например, упразднение должности московского тысяцкого, которую захватили в свои руки крупнейшие боярские фамилии — Хвостовы и Вельяминовы-Воронцовы.

Проводя политику судебной централизации, великокняжеская власть, наряду со служилым боярством, опиралась на средних и мелких служилых феодалов, «вольных слуг», из которых формировался аппарат управления.

Централизация органов феодального суда в отдельных феодальных княжествах была лишь одной стороной процесса укрепления аппарата власти господствующего класса в северо-восточной Руси, вызванного нарастанием классовых противоречий. Другая сторона процесса выразилась в том, что в каждом из русских княжеств местная великокняжеская власть заставляла удельных князей уступить ей часть судебных функций, а крепнувшая центральная московская великокняжеская власть добивалась стеснения судебного суверенитета самих «великих князей» феодальных княжеств.

Поскольку, согласно феодальному государственному праву Московского княжества, Москва находилась в совместном владении всех князей московского княжеского дома, удельные князья обладали правом суда над населением Москвы. Но уже с конца XIV в. в меж-

[1] «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства», под ред. А. И. Яковлева, М., 1909, стр. 5, 9.

дукняжеских договорных грамотах проводилась совершенно четкая политическая линия, согласно которой руководство в феодальном суде в Москве принадлежало великокняжескому наместнику, а удельные князья через своих «третников» только принимали участие в судебных разбирательствах и имели право на часть судебных доходов. О таком порядке говорит, например, договор Дмитрия Донского с удельным серпуховским князем Владимиром Андреевичем 1389 г.: «а судов ти московских без моих наместников не судити. А яз иму московскыи суды судити, тем ми ся с тобою делити»[1].

В конце XV в., когда в основном закончился процесс объединения русских земель и было создано централизованное государство, судебные права удельных князей сократились не только в пределах Москвы, но и в московских станах (подмосковных административных округах).

Во второй половине XV в. усилившаяся московская великокняжеская власть стала проводить политику решительного наступления на судебные права сохранивших еще формально свою независимость феодальных княжеств и республик. В 1471 г. после похода на Новгород правительство Ивана III потребовало в Москву на пересмотр судебник Новгородской феодальной республики — так называемую Новгородскую Судную грамоту. Ее текст был подвергнут московским правительством редактированию, причем грамота была переписана на имя московского князя Ивана III и его сына. К ней приложена московская государственная печать. Все это было зафиксировано в одном из пунктов московско-новгородского соглашения, заключенного в 1471 г.: «А что грамота докончальная в Новегороде промежь собе о суде, ино у той грамоты быти имени и печати великих князей»[2]. По существу это условие означало, что новгородское боярское правительство утратило право самостоятельно производить суд на основе сложившихся в Новгородской феодальной республике правовых норм. В 1474 г. правительство Ивана III потребовало на пересмотр в Москву «пошлинные грамоты» из Пскова[3], т. е., повидимому, текст судебника Псковской феодальной республики — Псковскую Судную грамоту, которая также подверглась редакции в Москве[4]. Видимо, около того же времени был пересмотрен и утвержден судебник Рязанского княжества[5].

Итак, ограничение московским правительством судебного суверенитета ряда феодальных княжеств подготавливало создание единого

---

[1] ДДГ, № 11, стр. 32.
[2] ГВНиП, № 27, стр. 50.
[3] ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 250.
[4] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1, стр. 416.
[5] Там же, стр. 213.

кодекса феодального права централизованного Русского государства. Создание такого кодекса, охранявшего интересы господствующего класса, было ответом на развертывание классовой борьбы.

* * *

Феодальное право периода раздробленности развивалось в княжествах северо-восточной Руси на основе общего правового кодекса, созданного еще в древней Руси, — «Русской Правды». Текст «Русской Правды», сохранившийся в ряде юридических сборников XIV—XV вв., являлся в это время памятником действующего права[1] в княжестве Московском, Новгородской феодальной республике и др. На основе правовых норм «Русской Правды» возник такой памятник феодального права, как Двинская уставная грамота, составленная в 1397 г. в Москве в качестве руководства наместникам временно присоединенной к Московскому княжеству новгородской колонии — Двинской земли[2]. «Русская Правда» легла в основу так называемого «Правосудия митрополичьего»[3] — памятника, относящегося, повидимому, к концу XIV в., составленного по поручению главы русской церкви митрополита Киприана в качестве руководства для суда новгородским церковным феодалам.

Накануне феодальной войны, в конце первой четверти XV в., в пору временного ослабления великокняжеской власти, был составлен судебник, усиливший судебные права удельных князей в Москве за счет прав московского «большого» наместника. В составлении судебника принимал участие боярин И. Д. Всеволожский, связанный с удельными феодальными центрами и отражавший интересы удельно-княжеской и боярской оппозиции великокняжеской власти. Этот судебник был утвержден княгиней Софьей Витовтовной — вдовой Василия I. Судебник изменял в интересах удельных князей порядок, установившийся уже при Дмитрии Донском, согласно которому суд в Москве являлся прерогативой великокняжеского наместника и вводил участие в суде последнего представителей удельных князей. «По старине бывало, что вси дворы и дворцовыи великие княгини и удельных князей, всих суживал наместник большей, судей за ними не бывало; а учинила то княгини великая Софья при Иоанне при Дмитреевиче (Всеволожском.— *Ред.*), кто судья за ними ставится»[4]. После окончания феодальной

---

[1] *М. Н. Тихомиров*. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 3—234; *С. В. Юшков*. Русская Правда. М., 1950, стр. 27—165.

[2] *Л. В. Черепнин*. Указ. соч., ч. 1, стр. 401—402.

[3] «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. XXXV, Л., 1929, стр. 115—117.

[4] ААЭ, т. I, № 115, стр. 87.

войны московская великокняжеская власть отменила этот судебник, не совместимый с проводившейся ею политикой судебной централизации.

Перелом в истории русского феодального права наступил после окончания феодальной войны второй четверти XV в., когда великокняжеская власть проводит большую работу по кодификации права, утверждавшего классовые основы Русского централизованного государства. В 80-х годах XV в. московское правительство начало подготовку к кодификации общерусского феодального права, завершившуюся изданием в 1497 г. «Судебника», который является памятником классовой юстиции Русского централизованного государства.

* * *

Создание Русского централизованного государства привело и к изменениям в организации финансов и налоговой политики.

Развитие государственного аппарата насилия в княжествах северо-восточной Руси было связано с ростом налогов и повинностей, которые всей своей тяжестью ложились на непосредственных производителей, и с укреплением органов финансового управления.

Основным налогом являлась дань, часть которой шла в княжескую казну, часть передавалась князьями в Золотую орду в уплату ордынских «выходов» и «запросов», приходившихся на русские княжества. Из других повинностей, которые выполняло трудовое население, известно «городовое дело» (участие в постройке и ремонте городских укреплений), «кормы» на содержание княжеской администрации — наместников и волостелей, «ямское дело», или «ям» (личное участие в организации ямской гоньбы по большим дорогам, которое могло быть заменено денежными платежами), «писчая белка» (пошлина, взыскивавшаяся при переписи земель и крестьянства) и т. д.

К числу тяжелых повинностей, которые должны были выполнять непосредственные производители, принадлежала обязанность предоставлять помещение, содержание, кормы, подводы представителям княжеского хозяйственно-административного аппарата (сборщикам дани, писцам, приставам и т. д.).

Специальные пошлины взыскивались княжеской администрацией с браков между крестьянами или посадскими людьми («выводная куница», «новоженный убрус»), с передвижения лиц и товаров в пределах территории данного княжества («мыт», «побережное», «костки» и т. д.), с торговых сделок («тамга», «восмьничее», «явка» и т. д.), с клеймения скота при продаже («пятно»).

Выше указывалось, что для периода феодальной раздробленности было характерно отсутствие четкого разграничения функций государст-

венного аппарата феодального княжества и хозяйственно-административного аппарата княжеского домена. Это полностью относится и к системе повинностей непосредственных производителей.

Зависимое население феодальных вотчин, наряду с выполнением повинностей, носивших характер государственных налогов, было обязано также принимать участие в работах в хозяйстве великого князя. Крестьяне различных феодалов (светских и духовных) привлекались к постройке княжеского двора, конюшен, были обязаны косить сено на княжеских лугах и доставлять корм княжеским коням.

Наряду с сельскими работами в княжеском хозяйстве частновладельческие крестьяне должны были также участвовать в «ватагах» княжеских рыболовов, привлекались к участию в ловле бобров, организовывавшейся специальными княжескими охотниками-бобровниками, в облавах на лис, медведей, волков и т. д., в составе специальных экспедиций, возглавлявшихся княжескими ловчими, подлазниками, псарями и т. д.

Следует упомянуть еще о винном и пивном баналитете,— исключительном праве главы данного феодального княжества на варку пива и меда. Зависимое крестьянство отдельных феодальных вотчин получало право на пивоварение только после уплаты пошлины в пользу великого князя или его феодальной администрации. Несомненную связь с пивным баналитетом имели постоянные наезды княжеской администрации на «пиры» и «братчины» к сельскому населению отдельных феодальных вотчин.

Таким образом, непосредственные производители материальных благ, эксплуатировавшиеся путем отработочной и натуральной ренты во владениях светских и духовных феодалов, исполняли дополнительные повинности в княжеском домене и уплачивали определенные налоги и пошлины в княжескую казну. Следовательно, великокняжеская власть, наряду с эксплуатацией непосредственных производителей, зависимых от князя как владельца домена, присваивала себе часть труда крестьян, зависимых и от других духовных и светских феодалов. Фискальная политика правительств отдельных княжеств северо-восточной Руси представляла собой не что иное, как распределение ренты и других доходов между членами феодальной иерархии господствующего класса, значительную часть которых получал глава этой иерархии — великий князь каждого из княжеств. Доходы господствующего класса использовались как для повышения его материального благосостояния, так и для укрепления основ государства, защищавшего его интересы.

Фискальная политика великокняжеской власти менялась в связи с изменениями в формах эксплуатации, в характере классовых и внутриклассовых взаимоотношений, в организации аппарата государственной

власти. Раннему этапу периода феодальной раздробленности было присуще развитие податных иммунитетных привилегий феодального землевладения. Вотчины крупных боярских и церковных землевладельцев были свободны от уплаты ряда налогов и повинностей в княжескую казну. Таким образом, получаемые этими землевладельцами доходы с феодально-зависимого от них сельского населения, полностью или в значительной части оставались в их руках. Система развитого податного иммунитета была возможна в условиях экономической и политической раздробленности страны, когда центральная власть была слаба.

С образованием Русского централизованного государства податные привилегии крупных феодалов были сильно урезаны. Произошло перераспределение доходов феодалов, значительную часть которых они должны были уступить великокняжеской власти на укрепление государственного аппарата, охранявшего их классовые интересы. В результате выделения княжеских дворцовых земель в особую систему управления, отличную от общегосударственной, и углубления феодальной эксплуатации в вотчинах духовных и светских землевладельцев утратили свое значение повинности частновладельческих крестьян в княжеском хозяйстве и возросла роль налогов и повинностей общегосударственного характера. В связи с развитием экономического общения и ростом товарно-денежных отношений в стране, способствовавшими политической централизации, некоторые повинности, получившие общегосударственное значение, были переведены на деньги («кормы» и доходы наместников, «ямское дело» и т. д.).

Организация государственного хозяйства и податного обложения непосредственных производителей требовала периодических переписей тяглого населения. Эти переписи производились еще в период еодальной раздробленности. Источники XIII—XV вв. упоминают «писцов» и «опищиков», которые «пишут» земли, подлежащие податному обложению. Иногда в одном лице соединялись писец и сборщик дани («данщик»)[1]. В княжеских грамотах имеются указания на крестьян, переписанных писцами в «данских книгах», положенных в податной оклад и обязанных платить дани («люди письменные», «данские тяглые»)[2]. В междукняжеских договорах существует условие не посылать данщиков, которые являлись и писцами, в чужие княжения. «А в твой ми удел данщиков своих и приставов не всылати. Тако же и тобе в мой удел данщиков своих, ни приставов не всылати, ни во все мое великое

[1] ААЭ, т. I, № 30, стр. 23; ДАИ, т. I, № 193, стр. 350; № 201, стр. 354.

[2] *Д. М. Мейчик.* Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции, М., 1883, № 123 и 124.

княжение»[1]. Так охранялось право каждого из князей на сбор дани с тяглого населения своего княжества.

Постепенная ликвидация самостоятельных феодальных княжеств и образование единого Русского централизованного государства, связанные с реорганизацией государственного хозяйства и фискальной системы, изменили и характер переписей. Они приобрели значение систематически проводимых мероприятий общегосударственного порядка.

В духовной грамоте Василия II 1462 г. содержится предписание об организованной посылке писцов всеми князьями (как великими, так и удельными) для описания земель и обложения «по сохам и по людем»[2]. В 80—90-х годах XV в. после присоединения к Русскому централизованному государству ряда других княжеств северо-восточной Руси—Ярославского, Тверского, Белозерского и Новгородской феодальной республики—московское правительство организовало описание земель и податного населения в пределах этих территорий.

Эти переписи сопровождались проверкой прав на земельные владения, судебным разбирательством по земельным тяжбам, обмежеванием феодальных владений. В связи с этим писцы получили значительные полномочия от великокняжеской власти. Писцовые и межевые книги становились документами, удостоверявшими права землевладельцев на феодальные владения и зависимых крестьян. В этом заключался классовый смысл земельных описаний, проводившихся в Русском централизованном государстве.

* * *

Необходимым атрибутом феодального государства является армия, при помощи которой государственная власть выполняет обе свои функции: внутреннюю и внешнюю.

Переход от феодальной раздробленности к централизованному государству в форме феодальной сословной, а затем абсолютной монархии сопровождался, по словам Маркса, передачей оружия «из рук средневековой челяди помещиков и корпораций горожан в руки постоянной армии...»[3] В России этот процесс, начавшийся в XV в., завершился уже в XVIII столетии.

В период феодальной раздробленности армия каждого из княжеств северо-восточной Руси XIV—XV вв. состояла из отрядов, возглавляемых боярами и «вольными слугами» и сформированных из зависимого населения их вотчин (главным образом дворовой челяди). Широкие

[1] ДДГ, № 5, стр. 20.
[2] Там же, № 61, стр. 197.
[3] «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 319, 321.

массы крестьянства были обязаны «посошной повинностью», выставляя определенное количество ратников с «сохи» (единицы обложения). Военную службу несло и торгово-ремесленное население городов. Оно участвовало, например, в Куликовской битве 1380 г.: к берегу Дона «приидоша много пешаго воиньства, и житейстии мнози людие и купци со всех земель и градов»[1].

В великом княжестве Московском, которое стало центром образования Русского государства, происходили изменения в организации вооруженных сил.

В состав вооруженных сил входили великокняжеский «двор» и народное ополчение. Состав и численность княжеского «двора» значительно расширились. В рядах московского боярства появились «служебные» князья со своими «дворами». Это были лишившиеся политической самостоятельности бывшие удельные князья и их потомки, выходцы из Литвы, татарские царевичи и т. п. Ряды московского боярства пополнялись также боярами из других русских княжеств, откуда бояре переходили на службу к более сильному московскому князю.

Успехи великокняжеской политики в собирании и организации вооруженных сил были продемонстрированы уже в начале XIV в. В 1433 г. князь галицкий Юрий напал на московского князя Василия Васильевича, вытеснил его из Москвы и дал в удел г. Коломну. Москвичи же «вси, князи и бояре, и воеводы, и дети боярьские, и дворяне» поехали из Москвы в Коломну к своему князю: «не повыкли бо», поясняет летописец, «служити удельным князем»[2]. Значит, уже тогда великие князья московские получили поддержку со стороны своих вольных слуг в борьбе с феодальной раздробленностью Руси.

Наряду с великокняжеским войском (двором) продолжало существовать и народное ополчение, известное в источниках под названием «московской рати». Эта рать состояла в основном из городского населения (ремесленников и купцов), а в случае нужды пополнялась и сельским населением. С расширением территории княжества увеличивалась и численность московской рати, так как в присоединяемых княжествах постепенно вводились московские порядки отправления ратной службы. В 1433 г. Василий II во время борьбы с Юрием галицким, «что было около его тогда людей, собра тех да и москвичь гостей и прочих поим с собою»[3]. В 1469 г. великий князь послал под Казань «детей боярских» из городов и волостей, «а с Москвы послал сурожан, и суконников, и купчих людей, и прочих всех москвичь, которые пригожи по их силе»[4].

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 56.
[2] Там же, т. XXIII, стр. 147.
[3] Там же, т. VIII, стр. 97; т. XII, стр. 18.
[4] Там же, т. VI, стр. 188; т. VIII, стр. 155; т. XII, стр. 121.

Обособленность от княжеского войска народного ополчения, имевшего своего военачальника — тысяцкого, мешала объединению вооруженных сил княжества. Тысяцкий был тесно связан с земельной знатью и выражал ее интересы, вокруг тысяцкого, пользуясь его самостоятельностью, группировалось боярство, недовольное великокняжеской политикой. Упразднение должности тысяцкого имело большое политическое значение для укрепления власти великого князя московского. Народное ополчение было окончательно подчинено княжеской власти. Это усилило обороноспособность государства и увеличило централизацию в управлении и командовании войском.

Наряду с расширением состава и численности московского войска улучшалась и его техническая оснащенность. Именно в Московском княжестве впервые появилось огнестрельное оружие. В 1382 г. Москва оборонялась от татар с помощью пушек и «тюфяков»[1]. Пушки и тюфяки (наряду с пищалями) были основными видами артиллерийских орудий русского войска. Несколько позднее огнестрельные орудия появились в других княжествах, и с конца XIV в. артиллерия становится составной частью вооруженных сил, сначала при обороне и осаде городов, а в централизованном Русском государстве — и в полевой войне.

Для крупных военных действий, особенно в борьбе с внешней военной опасностью, войска одного Московского княжества было недостаточно. Задачи объединения русских княжеств и ликвидации власти монголов были слишком трудны, чтобы они могли быть выполнены силами одного княжества. Для указанных целей московские князья договаривались о совместных действиях с другими князьями, еще не потерявшими самостоятельности.

Об успехах московских князей в объединении вооруженных сил русских княжеств можно судить по походу князя Дмитрия Ивановича Донского на тверского князя Михаила Александровича в 1375 г. Летописцы перечисляют поименно 18 князей в составе объдиненного войска и дальше указывают: « и вси князи Рустии, кийждо с своими полкы». Кроме того, по вызову пришли новгородцы «многою силою»[2]. Такие же сведения имеются и о других крупных походах того времени[3].

Наиболее полно и ярко успехи в объединении вооруженных сил выявились в Куликовской битве. Войско Дмитрия Донского насчитывало, по словам летописцев, более 400 000 человек «воиньства конного и пешего»[4]. Допуская наличие некоторого преувеличения численности войска, собравшегося на Куликовом поле, все же нужно отметить еди-

[1] ПСРЛ, т. VI, стр. 100.
[2] Там же, т. VIII, стр. 22.
[3] Там же, т. XVIII, стр. 118; т. V, стр. 241.
[4] Там же, т. XI, стр. 56.

нодушие источников в том, что «от начала миру такова не бывала сила Русских князей и ... воевод местных»[1].

Куликовская битва составляет одну из самых блестящих страниц русской военной истории. Здесь вновь сказалась мощь русского народа, которая в таких широких размерах проявлялась во времена князей Ярослава, Владимира Мономаха, Александра Невского.

Поход войск талантливого полководца Дмитрия Донского против Мамая и Куликовская битва должны быть признаны для своего времени образцовыми по замыслу и исполнению и показывают высокий уровень русского военного искусства.

Решающую роль в войнах играло пешее ополчение. Русская пехота существовала в течение всего изучаемого периода, успешно сражаясь и с западными рыцарями и с кочевниками на юго-востоке. Наемники в русском войске, в отличие от западноевропейских войск, имели второстепенное значение и входили в состав не пешей, а конной части войска.

Отличалась от западных рыцарей русская конница и по своему вооружению. Если рыцари почти не употребляли метательного оружия, то принадлежностью каждого русского дружинника были лук и стрелы, а наличие предохранительного снаряжения отличало их от восточной конницы. Дружинники не исчезли с появлением огнестрельного оружия и возрастанием значения пехоты, как это было с рыцарями, а вошли в состав великокняжеского, позднее царского, войска.

Тактика боя на окружение и уничтожение получила наибольшее применение именно в операциях русского войска.

Только преодолевая феодальную раздробленность, русский народ смог в XIV в. нанести под водительством Дмитрия Донского решающее поражение монголам,а позднее, в XV в., свергнуть монгольское иго.

Во второй половине XV в. в организации вооруженных сил произошли существенные изменения.

С уничтожением самостоятельных феодальных княжеств «дворы» удельных князей были частично присоединены ко «двору» московского великого князя. Кроме того, происходило быстрое увеличение «двора» великого князя за счет измельчавших вотчинников, вольных людей и даже холопов. Путем «испомещения» их на земле и превращения в московских помещиков московский великий князь получил в свое распоряжение добавочную военную силу.

Однако процесс слияния феодальных дворов в общую массу московской дворянской армии к концу XV в. был еще далеко не закончен.

---

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 35.

Оставшиеся удельные князья и крупнейшие землевладельцы, принадлежавшие к потомкам княжеских фамилий, сохраняли свои собственные «дворы», имели «вольных слуг» и детей боярских. Поэтому в памятниках этого времени «двор великого князя» упоминается отдельно от «дворов» других князей и ополчений разных городов. Так, Иван III посылал своих воевод с новгородской «силою», псковской «силою», тверской «силою» и с ратными людьми, названными по имени городов (муромцы, костромичи, устюжане и др.). Пример сложного состава московской армии из большого числа отдельных отрядов можно видеть на Казанском походе 1469 г. Иван III послал воеводу Константина Беззубцова, «а с ним многие дети боарские, двор свой, такоже и от всеа земли своеа дети боарские, из всех градов своих и из всех отчин братиа своеа потому же»[1].

Феодалы-землевладельцы и купцы выходили вместе с отрядами своих вооруженных слуг и холопов. В источниках упоминаются в составе войска «боярские люди», т. е. вооруженные холопы землевладельца. На это указывал В. И. Ленин, говоря, что «местные бояре ходили на войну со своими полками»[2].

Военная служба не была нормирована. Землевладельцы и торговые люди снаряжали военные отряды «по силе», т. е. в зависимости от своей материальной возможности.

Пестрая по составу московская армия была, однако, подчинена единой военной власти. Великий князь и его воеводы имели возможность точно и быстро собирать эти отряды в назначенные пункты. В период же феодальной раздробленности единство военных сил отдельных княжеств устанавливалось лишь на основе междукняжеских соглашений, согласно которым руководство войсками союзных княжеств в большинстве случаев поручалось великому князю всей Руси.

С образованием Русского централизованного государства в составе класса феодальных землевладельцев укрепляется его передовая часть — служилое дворянство. Социальным ядром, из которого вырастало служилое дворянство, были княжеские дворовые слуги, составлявшие «двор» князя. Складывается система обеспечения служилого дворянства землей на праве условного владения («поместная система»)[3].

* * *

Таковы были общие пути развития в XIV—XV вв. феодального государства как машины «для поддержания господства одного класса над другим»[4].

---

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 155; т. XXV, стр. 281.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 137.

[3] См. гл. 2, § 4 настоящего издания.

[4] *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 441.

7

НОВГОРОДСКАЯ И ПСКОВСКАЯ ФЕОДАЛЬНЫЕ РЕСПУБЛИКИ В XIV—XV ВВ.

В Новгородской и Псковской землях продолжался дальнейший рост феодального землевладения, ремесла, внутренней и внешней торговли. Политический строй этих феодальных республик развивался в сторону усиления роли бояр в государственной жизни.

Возросшая феодальная эксплуатация крестьянства и городского ремесленного населения, стремление феодалов еще более прикрепить крестьян к земле и ограничить политические права ремесленников усиливали классовую борьбу, зачастую выливавшуюся в большие городские восстания, сочетавшиеся с движениями в деревне.

Продолжалось развитие земледелия, были развиты садоводство и огородничество. Трехполье было преобладающей системой полевого хозяйства. Однако разработка лядин или подсек не прекращалась, и в отдельных районах доля их продолжала оставаться значительной. В отношении хлеба Новгород в большей степени зависел от северо-восточной Руси. Борьба новгородского боярства против объединительной политики великих князей, а также захват тверскими князьями торговых путей из северо-восточной Руси в Новгород неоднократно прерывали подвоз хлеба, вызывали голодовки, от которых страдала в первую очередь городская беднота. Летопись сообщает о голоде в 1304—1305 гг., в 1314 г.[1] Особенно страшный голод испытывала Новгородская земля в 1435—1445 гг.[2] в связи с феодальной войной, разорявшей северо-восточную Русь.

Крупное место занимали промыслы в обильных рыбой озерах и реках, которые эксплуатировали многочисленные «рыбники». Поэтому «невод» в XV в. являлся единицей обложения, приравниваемой к сохе. Под Новгородом были развиты садоводство и огородничество.

Посадское население Русы было сплошь занято на соляных промыслах[3]. Здесь работали и окрестные крестьяне. Соль из Русы шла на новгородский рынок[4], в Тверь[5] и другие города. Широко распространена была выварка соли из морской воды и соляных источников. «Црен», т. е. сковорода для выварки соли, также служил единицей обложения. В Вотской пятине развивались железные промыслы.

[1] НПЛ, стр. 91, 94.
[2] Там же, стр. 425.
[3] НПК, т. V, стр. 192—215.
[4] НПЛ, стр. 397.
[5] ГВНиП, № 20, стр. 37.

В писцовых книгах Вотской пятины 1500 г. зарегистрировано 204 домницы. В отдельных волостях число домниц доходило до трех-четырех десятков[1]. Продукция этих домниц была рассчитана на широкий сбыт. Крестьянство, занимавшееся железными промыслами, втягивалось в рыночные отношения. При всем том для новгородской деревни этой поры характерно не ремесло, а соединенные с земледелием домашняя промышленность и промыслы.

Археологические раскопки вскрыли наличие в Новгороде разнообразных ремесел. Особенно развито было кожевенное производство. В грамоте, данной Новгородом великому князю Василию Васильевичу на «черный бор», в числе объектов обложения упомянут «тшан кожевничской»[2]; на Славне раскопками А. В. Арциховского обнаружены кожевенная и сапожная мастерские[3].

Другим распространенным производством, упоминаемым той же грамотой, было производство кузнечное. Раскопками на Славне открыта кузница с остатками шлака и криц. В Обонежье выделывались из железа предметы хозяйственного обихода (сковороды, топоры, косы, сошники). Гончарное производство, давшее название одному из концов города, имело тоже большое значение. На Славне найдены следы мастерской глиняных, покрытых зеленой поливой, детских игрушек. Распространены были и ремесла, связанные непосредственно с сельским хозяйством. На Славне открыта, например, маслобойня, в которой при помощи особых жомов давили масло из конопли и орехов; в предприятии работало, повидимому, не менее десяти человек.

Развитие городского ремесла и деревенских промыслов, повышение производительности труда в сельском хозяйстве упрочили связи новгородских городов с их округой.

В XIV—XV вв. Новгородская земля насчитывала 18 городов. Некоторые из них (Руса, Торжок, Ладога, Орешек, Корела, Яма, Порхов) обладали значительными торгово-ремесленными посадами. Например, на посаде в Русе, по описи 1498 г., стояло около 800 дворов, в которых жило более 2500 человек тяглого (мужского) населения[4]. В Русе и других городах имелись торги, где продавались изделия местных ремесленников и куда привозились сельскохозяйственные продукты.

Но главным и не сравнимым ни с каким другим рынком Новгородской земли был торг Великого Новгорода. Он стягивал к себе ремеслен-

[1] *В. Н. Кашин.* Крестьянская железоделательная промышленность на побережье Финского залива по писцовым книгам 1500—1505 г. «Проблемы истории докапиталистического общества», 1934, № 4, стр. 12—54.

[2] ГВНиП, № 21, стр. 39.

[3] «Материалы по археологии СССР», № 11, М.—Л., 1949, стр. 139.

[4] НПК, т. V, стб. 192—215.

Предметы сапожного производства XV в., найденные в Новгороде при раскопках А. В. Арциховского.

Государственный Исторический музей.

ные и сельскохозяйственные продукты из всех районов Новгородской земли.

Яркую картину новгородского торга рисуют таможенные грамоты XVI в.[1] Но сложившиеся отношения, как видно и из самих таможенных грамот, ссылающихся на «старину», и других источников, существовали, несомненно, и раньше, в XV и даже XIV вв.

Поставщиками продуктов на новгородский рынок являлись не только местные торговцы, но и купцы из пригородов, окрестные крестьяне, приказчики монастырей, бояр, духовной знати и других феодалов. Особенно важно свидетельство о крестьянском привозе, являющееся показателем роста товарно-денежных отношений в новгородской деревне.

С товарами в Новгород приезжали купцы из Торжка, Ямы, Корелы, Русы и «изо всех городов и из волостей новгородские земли». Многочисленные торговцы привозили главным образом сельскохозяйственные продукты, а также продукты рыболовства, охоты и т. д.: муку, печеный хлеб, мясо, скот, свежую и соленую рыбу, икру, овощи, фрукты, мед, воск, масло, сыр, яйца, птицу, дичь, пушнину и пр.

Новгород попрежнему держал в своих руках товарный транзит из Руси на Запад, и это монопольное положение на русском рынке способствовало росту его богатства и политического могущества.

---

[1] ААЭ, т. I, № 282, стр. 320—328; ДАИ, т. I, № 116, стр. 163.

Деревянные жомы XV в., найденные в Новгороде при раскопках А. В. Арциховского.

Государственный Исторический музей.

В XIII в. сложилась Ганза — союз немецких торговых городов, в котором Любек занимал главенствующее положение. Как и раньше, но в еще большем количестве, Запад предъявлял спрос на пушнину, воск, сало, лен, масло, на восточные товары, попадавшие в Новгород с Волги. В обмен шли сукна, полотна, металлы и металлические изделия (особенно оружие), вина, пряности.

В Новгород ежегодно ходили караваны: морским путем (из Финского залива Невой, Ладожским озером и Волховом) и «горою» (через Ливонию). Дорожа новгородской торговлей, ганзейские купцы принимали меры к недопущению в Новгород купцов из городов, не входивших в союз,— фламандцев, англичан, ломбардцев. Через территорию великого княжества Владимирского лежал путь к рынкам Золотой орды, откуда новгородские купцы получали шелк, пряности и другие восточные товары. Особая группа новгородских купцов (югорщина) торговала с населением северных земель — югрой. Из дальних волостей республики поступала ценная пушнина, которая была одним из главных объектов торговли с «Низом» и Западом, а также рыбий зуб.

При всем размахе внешней новгородской торговли она мало влияла на хозяйственную структуру феодального Новгорода, захватывая лишь новгородскую знать.

Новгородские и псковские монеты и новгородская печать, XV в.

Государственный Исторический музей.

Основное значение приобретал внутренний товарообмен Великого Новгорода с северо-восточной Русью, особенно с Московским княжеством. О важности новгородско-московской торговли можно судить по договору великого князя Дмитрия Ивановича (1375) с тверским великим князем, где в специальной статье оговаривается беспрепятственный проезд для новгородских и новоторжских купцов[1]. Иван III ставил под особую охрану московских купцов, торговавших в Новгороде[2]. Тверские князья также стремились обеспечить для своих купцов в Новгороде и других городах Новгородской земли различные льготы[3].

Новгородская торговая пломба XV в.
Государственный Исторический музей.

Торговая политика правительства Новгородской республики являлась частью политических взаимоотношений Новгорода с другими русскими землями.

Укрепление торговых связей Великого Новгорода с северо-восточной Русью явилось одной из причин, способствовавших включению Новгородской феодальной республики в состав Русского централизованного государства.

Во главе новгородского общества попрежнему стояли крупные землевладельцы — бояре. С древности в районах, примыкавших непосредственно к Новгороду, боярам принадлежали обширные земельные владения. Ко второй половине XV в. отдельные боярские фамилии владели несколькими сотнями деревень.

Расширение территориальных владений Новгорода на северо-восток открывало новые возможности для боярских захватов. Бояре при активной поддержке новгородских властей собирали ватаги ушкуйников и, «скопив с собою холопов збоев», посылали их на грабеж далеких стран, на захват земель карело-финского населения и новгородских крестьян-переселенцев.

Так, например, Лука Варфоломеев в 1342 г. произвел набег «за Волок» и поставил на нижнем течении Северной Двины городок «твердый и толстый» (Орлец), откуда начал распространять свои владения, взял «землю Заволочкую по Двине, все погосты на щит», а сын его Онцифор «отходил на Вагу».

Позднее в Орлеце утвердился боярин Анфал Никитин с братьями, для которых Орлец тоже служил базой распространения их власти на

[1] ДДГ, № 9, стр. 27.
[2] ГВНиП, № 27, стр. 50.
[3] Там же, № 20, № 37 и др.

восток. В 1360 г. Анфал ходил ратью на Каму и взял город Джуке-Тау (Жукотин), принадлежавший «жукотинским мурзам», вассалам Золотой Орды. Господство Никитиных в Заволочье нарушало интересы прочих новгородских бояр, которые и постарались вытеснить их из Орлеца. Никитины перешли под покровительство Москвы и вместе с московскими воеводами разоряли новгородские волости на Двине. Только в 1398 г. после четырехнедельной осады новгородскому правительству при помощи стенобитных орудий удалось взять у двинских бояр и разорить Орлец.

Таково же, вероятно, происхождение Пинежского городка на Пинеге, Окладниковой слободы на Мезени и т. д. Обширные «боярщины» Борецких в XV в. охватывали Кемь, Сумский посад, Неноксу, устье Выга, Виршу, не считая земель близ устья Двины.

Ко второй половине XV в. бо́льшая часть земель северного Обонежья и Заволочья была захвачена крупнейшими новгородскими боярами-вотчинниками. Они проникали также в Карелию.

Следующее место в ряду новгородских феодалов занимали «житьи люди». Этот термин, до сих пор точно не выясненный, появляется в новгородских источниках лишь с конца XIV в. Житьи люди — землевладельцы, иногда очень крупные. Писцовые книги конца XV — начала XVI в. называют среди землевладельцев новгородского времени бояр, купцов и своеземцев. Московские писцы не проводили различия между боярами и житьими людьми, следовательно, хозяйство и структура землевладения тех и других были одинаковыми. Юридически же житьи люди отличались от бояр. Житьи люди пользовались значительно меньшими политическими, судебными и другими правами в феодальной республике, нежели бояре. В новгородских и псковских источниках не зарегистрировано ни одного случая, чтобы кто-нибудь из житьих людей попадал в состав высших должностных лиц республики. Высшие должности получали лишь бояре — представители старинной знати. Однако резкой грани между феодальными сословиями в Великом Новгороде и Пскове не существовало. Бояре были тесно связаны с торговлей, а богатым купцам и горожанам был открыт свободный доступ к приобретению земельных владений, вотчин с зависимыми крестьянами. Житьими людьми, видимо, и следует считать нетитулованных, неродовитых земельных собственников. В конце XIV в., когда в Новгороде проводились судебные реформы и уточнялись юридические права сословий, этот слой феодалов получил особое название и определенные права.

Кроме названных двух групп крупных землевладельцев, в Новгородской земле было много мелких землевладельцев, которых источники часто называют «земцами» или «земчанами». Происхождение их, видимо,

то же, что и житьих людей. Некоторые из земцев владели зависимыми крестьянами и, таким образом, являлись мелкими феодалами.

Купечество, сосредоточившее в своих руках, с одной стороны, торговлю «по волостям», а с другой — торговлю Новгорода с северо-восточной Русью, Золотой ордой и рынками Западной Европы, наряду с боярством достигло в Новгороде большого могущества. Купцы занимали привилегированное положение и были освобождены от ряда податей и повинностей (повоза, поралья, проезжего суда). Документы отмечают постоянное участие представителей купечества в политической жизни, например, в дипломатических сношениях. В экономической зависимости от крупного купечества находилась городская беднота: мелкие торговцы, ремесленный люд и все вообще «черные люди», жившие случайным заработком в качестве грузчиков, лодочников и т. п.

Из среды купечества выделилась верхушка, захватившая контроль над весами и мерами, сбор основных торговых пошлин, выбор купеческих старост. Эта часть купечества держала в своих руках вместе с тысяцким торговый суд, принимала участие в политических делах. Доступ в состав привилегированного новгородского купечества был затруднен высоким денежным вкладом. Купеческая верхушка наряду с крупнейшим боярством составляла городской патрициат.

Ремесленники составляли основную массу населения Великого Новгорода и других городов Новгородской земли (Ладоги, Корелы, Орешка, Ямы, Русы, Порхова, Торжка).

Как показывают источники XVI в., большинство ремесленников являлось в то же время и продавцами своих изделий, но постепенно сбыт ремесленных товаров попадал в руки купцов. Ремесленник превращался в товаропроизводителя, оторванного от рынка и находившегося в зависимости от скупщика. В связи с этим процессом в среде ремесленного населения намечается имущественное расслоение. Писцовые книги делят население новгородских городов на «лучших», «середних» и «молодчих», или «худых», людей[1].

С ремесленным населением или, по терминологии новгородской летописи, с «черными людьми» вынуждено было считаться не только богатое купечество посада, но и феодалы, управлявшие республикой. Экономическое значение ремесленного населения городов и его классовая борьба нашли свое выражение в законодательстве феодальной республики. Новгородская Судная грамота закрепляет за городской беднотой право формально равного суда с боярами и «житьими людьми»[2].

[1] НПК, т. III, стб. 879—885; т. V, стб. 262; «Временник ОИДР», кн. 12, 1852, отд. II, стр. 1—7; кн. 11, 1851, стр. 111—115.

[2] «А судити всех ровно как боярина, так и житьего, так и молодчего человека».

Основную массу эксплуатируемого населения Новгородской земли составляли крестьяне, сидевшие на землях, захваченных светскими и церковными феодалами, и известные здесь под старинным, уже вышедшим из употребления в других частях Русской земли названием смердов. В XV в. собственная запашка феодалов-землевладельцев была невелика и обслуживалась их «людьми», или холопами. Главный доход с земель составляла рента продуктами, поступавшая с крестьянского населения вотчин. Наиболее распространенной ее формой была выплата доли урожая: «треть», «четверть» и еще реже «половина» «из хлеба». Крестьяне-издольники были известны под названием «третников», «половников» и т. п., в зависимости от размера этой доли.

Часто натуральный оброк выражался в определенном количестве продуктов, выплачиваемых с окладной единицы, каковой в Новгородской земле была «обжа», а в северных владениях Новгорода — «лук»[1].

В состав натурального оброка входили продукты сельского хозяйства: в первую очередь хлеб, или «посоп» (рожь, овес, ячмень), и всякий «мелкий доход» — яйца, сыры, мед и т. п., а также произведения сельского ремесла (пряжа, полотно); в промысловых районах в оброк шли продукты охотничьих и рыболовных промыслов; в районах, богатых рудой,— железные изделия (топоры, косы, сошники и т. п.).

К натуральному оброку следует отнести и корм господским слугам, управляющим вотчинами (ключникам и посельским), а также обязанность содержать самого феодала с его свитой при объезде им своих владений. Согласно порядной грамоте, данной «по благословению» новгородского архиепископа Ионы крестьянам Робичинской волости, принадлежавшей Юрьеву монастырю, «коли архимандрит приеде на подъезд, стояти ему на стану две ночи, а пива положити христьяном доволно, а хлеба и вологи, рыбное и мясное доволно, а конем овса и сена доволно»[2]. При объезде слуги феодала — «пошлинники», включая повара, конюха, и «молодцов», имели право брать «пошлины» натурой, преимущественно хлебом.

---

[1] «Обжа» — окладная единица, размеры которой зависели от количества рабочей силы и качества эксплуатируемой земли (пашни или промыслов) (*Б. Д. Греков.* Что такое обжа? «Известия АН СССР», VI серия, № 13—14, стр. 1252). Во второй половине XV в., с ростом общественного разделения труда и развитием ремесел и промыслов в феодальной деревне, с переводом издолья на нормированный оброк и появлением денежной ренты обжа теряла свое прежнее значение, постепенно превращалась в простую земельную меру, равную 15 десятинам. На севере Новгородской земли была известна другая, аналогичная обже, единица измерения — лук. Лук чаще всего применялся для обложения неземледельческих хозяйств.

[2] ГВНиП, № 115, стр. 174.

Отработочная рента занимала незначительное место в ряду феодальных повинностей новгородских крестьян. В виде исключения упоминается работа на господской пашне и обязанность косить господские «пожни». В некоторых вотчинах крестьяне ловили рыбу для владельца, в отдельных случаях варили пиво[1]. Во владениях Марфы Борецкой (в Шелонской пятине) крестьяне «пряли пяток льну» и ткали и белили 100 локтей полотна и т. д. Работы на феодала производились иногда в одиночку, иногда всей «волостью».

Размеры крестьянских повинностей в каждой вотчине определялись «стариной», т. е. обычаем, или «рядом» (соглашением), выполнение которого обеспечивалось средствами внеэкономического принуждения: «а не почнут христьяне управливатися в тех успах и в тех пошлинах, ино уведается с ними архимандрит, и попы, и черенци по старым по княжим грамотам и по новгороцким»[2].

Во второй половине XV в. «старина» энергично ломалась. Издолье заменялось нормированным хлебным оброком, причем этот оброк был выше долевого. Таким образом, увеличивался общий объем натуральной ренты. Но усиление феодальной эксплуатации шло преимущественно за счет введения денежных платежей, составлявших в 60—70-х годах XV в. по ряду владений 25—30%. Во владениях Марфы Борецкой в 60—70-х годах денежный оброк доходил до 50% состава ренты. Встречались отдельные волости-боярщины, целиком переведенные на денежную ренту, например волость Борецкой Березовец в Деревской пятине.

Резко увеличивается денежная рента в 80-х годах XV в. при передаче новгородских земель московским владельцам. В дворцовых волостях денежный оброк был доведен до 50 и даже более процентов всей ренты. В поместьях денежная рента также повышается, приближаясь к половине всего владельческого дохода. Одновременно и на дворцовых и на частновладельческих землях возрастает рента натуральная.

Интенсивный рост денежной ренты в Новгороде связан с ростом общественного разделения труда и товарно-денежных отношений в феодальной деревне. Исследователи отмечают появление в Новгороде в этот период торгово-промышленных рядков и слобод. Денежная рента представляла собой отчужденный феодалом прибавочный труд крестьянина в ремесле и промысловых занятиях. Увеличение натуральной ренты шло за счет повышения производительности труда в сельском хозяйстве. Таким образом, на вторую половину XV в. приходится переломный момент в развитии феодальной эксплуатации в вотчинах новгородских землевладельцев.

---

[1] ААЭ, т. I, № 11, стр. 7.

[2] ГВНиП, № 115, стр. 174.

В XV в. наблюдается стремление юридически оформить прикрепление к земле крестьян. Частично это достигалось путем соглашения между соседними землевладельцами. Так, в 1452 г. новгородский посадник Василий Степанович, жертвуя «в общей монастырь на Пенешку» свое село Ковыцево, поставил условие: «а игумену половников посадниции Васильевых, неотхожых людей не принимати»[1]. Более общий и категорический характер носит условие, внесенное в договорную грамоту Новгорода с литовским великим князем Казимиром в 1440 г., согласно которому обе стороны обязывались «за смерда не стояти» и «выдати его по исправе»[2]. Уже в памятниках XIIIв. установлено бесправное положение феодально-зависимого населения. «А холоп или роба почнеть вадити на господу (подаст жалобу на господина.— *Ред.*), тому ти веры не яти»[3]. В договоре с Казимиром 1470—1471 гг. это условие включает и смерда и читается так: «А холоп или роба или смерд почнет на осподу вадити, а тому ти... веры не няти»[4]. Очевидно, статья о «смерде» имеет уже большую давность.

Политически Новгород представлял собой самостоятельную феодальную республику с аристократическим строем, признававшую власть верховного сюзерена, сначала великого князя владимирского, а затем великих князей тверского или московского. Иногда Новгородская республика приглашала к себе в князья не тех, кому давался ярлык на великое княжение, а князей, имевших реальную политическую силу. Когда окрепло Московское княжество и московские князья стали князьями «всея Руси», перед Новгородом встал вопрос о его отношениях к складывавшемуся Русскому централизованному государству. В результате длительной и упорной борьбы вопрос был решен в пользу Москвы. Свои отношения к приглашаемым в Новгород князьям новгородское вече стремилось определять попрежнему договорами. Обе стороны «целовали крест» друг другу во исполнение взятых на себя обязательств, причем князь обязывался «держати Новгород в старине, без обиды», а новгородцы обещали «княженье великое... держати честно и грозно, без обиды»[5].

Среди других обязательств на первом месте стояли военные: «где будеть обида Новугороду, тобе потянути за Новгород», «пособляти ти, княже, по Новегороде бес хытрости»[6]. Обязуясь защищать Новгород от внешних врагов, великий князь не имел права втягивать новгород-

[1] ГВНиП, № 280, стр. 281.
[2] Там же, № 70, стр. 116.
[3] Там же, № 3, стр. 13; № 6, стр. 16.
[4] Там же, № 77, стр. 132.
[5] Там же, № 16, стр. 31.
[6] Там же, № 5, стр. 14; № 15, стр. 30.

цев в войну наступательную без их согласия: «а без новгородьского ти слова, княже, войны не замышляти»[1]. Судебные и административные функции князь и его наместники должны были выполнять непосредственно в Новгороде, чем обеспечивалось влияние на ход дел местного боярства. Выше мы видели, как, по мере укрепления великокняжеской

Печать с гербом Новгорода XV в.

Государственный Исторический музей.

власти, новгородскому боярству становилось все труднее сохранить свои политические позиции, гарантированные договорными грамотами; в XIV—XV вв. нарушение их стало обычным.

Формально носителем верховной власти в Новгороде оставалось вече. Оно договаривалось с князьями, жаловало земли и иммунитеты, заключало мирные договоры и объявляло войну, выбирало посадника, тысяцкого и другие власти. В исключительных случаях (по политическим делам) вече иногда осуществляло и суд, даже приводило в исполнение некоторые свои решения — сбрасывало с моста в Волхов осужденных. Но это не были обычные функции веча. В Новгороде суд отправлялся в особых судебных учреждениях. Исполнительными органами власти были посадники, тысяцкие и подчиненные им лица и учреждения. Вечевой колокол, по звону которого собирались новгородцы на Ярославов двор, оставался символом новгородской вольности.

[3] ГВНиП, № 15, стр. 30.

В действительности, однако, хозяевами и на улицах, и в концах, и на вече оставались бояре, державшие в кабале «худых мужиков» и оказывавшие воздействие на вечевые и кончанские собрания. Враждебная новгородскому республиканскому строю княжеская летопись так изображает эти скрытые пружины новгородского веча: «и еще наймоваху злых тех смердов, убийць, шилников и прочих безъименитых мужиков, иже скотом подобни суть, ничтоже разума имущих, но точию едино кричание, иже бессловеснаа животнаа не тако рычаху, якоже они новгородстии людие невегласи»[1].

Возросшая роль боярства на вече ясно выразилась в учреждении особого совета господ. Псковские памятники знают «господу», под которой понимался совет из высших должностных лиц и наиболее видных бояр Пскова. Возможно, так назывался совет господ и в Новгороде. При всей неопределенности и изменчивости состава совет господ был исключительно феодальным. Его постоянными членами были: архиепископ, князь или его наместник, степенные и старые посадники и тысяцкие, быть может, кончанские старосты и отдельные бояре. В источниках встречаются указания на многолюдные заседания совета, в которых принимали участие и бояре, возглавлявшие уличанское управление. Совет господ разрешал все важнейшие вопросы новгородской жизни. Совет фактически контролировал посадника и тысяцкого. Важнейшие вопросы, которые раньше решались «на вече на Ярославле дворе», теперь рассматривались советом господ. Совет господ оказывал большое воздействие на деятельность веча.

Эксплуатация трудящегося новгородского населения господствующим классом вызывала постоянный сильный протест, который иногда принимал формы открытых восстаний. В Новгороде классовая борьба между патрициями и плебеями бушевала так же, как во Флоренции. О выступлениях «черных людей» много говорят новгородские летописи. Так, в 1311 г. «оканьнии человеци» (так боярский летописец называет бедноту городскую и сельскую) «пограбиша чюжая имения»[2]. Антифеодальное движение («мятеж») произошло в Новгороде в 1327 г.[3] Участники движения подожгли боярские дворы и разделили между собой имущество некоторых бояр. Аналогичное явление имело место в 1332 г.[4], когда «восташа крамольници в Новегороде» и «пограбиша» дворы и села феодалов и крупного купечества. С позиций господствующего класса летописец квалифицирует проявления антифеодальной борьбы как «крамолу» и «грабеж». О социальных движениях в

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 161; т. XXV, стр. 285.
[2] НПЛ, стр. 93.
[3] Там же, стр. 98.
[4] Там же, стр. 99.

Новгороде летописи рассказывают под 1335, 1337, 1340, 1342, 1359, 1388 и другими годами. Ряд городских и сельских движений отмечен для XV в.

Особенно характерно выступление народных масс против боярства в 1418 г., когда, по выражению летописца, «сташа чернь с одиноя стороны, а с другую боляре и учинися пакости людем много мертвых» и «от грозы тоя страшныя и от возмущениа того великаго въстрясеся весь град и нападе страх на обе страны»[1].

Толчком к восстанию послужило возмущение против боярина Д. И. Божина зависимых от него людей. Один из них, Степанко, схватил боярина и «держащи вопияше людем: а господо, пособите ми тако на злодея сего!» Собралась толпа; какая-то женщина, «отвергши женьскую немощь и вземьши моужескую крепость», начала бить боярина, крича: «яко обидима есмь им». Толпа схватила боярина Божина и стала его бить, «казниша его ранами близ смерти, и сведше с веца, сринуша и с мосту»; он был, однако, спасен «рыбником», подобравшим его в свой челн. Это вызвало ярость народа, и дом рыбника был разграблен. Едва спасшийся боярин, со своей стороны, захватил Степанка и подверг его пыткам. Тогда ударили в вечевой колокол «и сбирахуся людии множество и кричаху, вопиюще по многы дни: „поидем на оного боярина и дом его расхытим"». В доспехах со стягом двинулись на Козьмодемьянскую улицу, разграбили дом Д. Божина и «иных дворов много». Козьмодемьянцы, «возбоявъшися, да не горее будет», поспешили освободить Степанка[2].

Но движение, начавшееся по частному поводу, уже приняло характер общего выступления бедноты против боярства и не могло быть остановлено ни запоздалыми уступками, ни уговорами посланных от архиепископа «к собранию людску» попа и владычня боярина. Восставшие, «взъярившиеся аки пиани», напали на двор «иного боярина» Ивана Иевлича на Чудинцевой улице и одновременно «много разграбиша домов бояръских» и Никольский монастырь «на поле», служивший складом хлебных запасов бояр, «ркуще: „зде житнице боярскыи"»; пограбили «на Яневе улице берег», много дворов «на Людогощи улице», «ркуще, „яко нам супостаты суть"», пошли на Прусскую улицу (на Софийской стороне), бывшую средоточием большого числа боярских дворов, но «пружене» отбились с оружием в руках. Восставшие отступили на Торговую сторону с криками: «Софейская страна хощеть на нас въоружатися и домы наши грабити». По всему городу загремел набат, «вста страна на страну ратным подобием», «начаша людие сърыскивати .. акы на рать, в доспесех на мост великый». С обеих сторон были убитые: «овы от стрелы, овы же от оружиа, беша же мертвии, аки на рати».

[1] ПСРЛ, т. V, стр. 261; НПЛ, стр. 410.

[2] НПЛ, стр. 409—410; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 421—422.

Паника охватила представителей господствующего класса, «смутися весь град страхом вельим и ужасом» и «от лютыя брани и от оусобного гоубительства начаша животы свои носити в церкви». Тогда «людие богобоязнивии» прибегли к авторитету самого крупного феодала в Новгороде — архиепископа Симеона, «да уставит господь твоим благословением усобную рать». Архиепископ во главе духовенства, сопровождаемый «христоименитым людьством», двинулся крестным ходом на Волховский мост и, стоя посреди моста, благословлял обе стороны. К нему собрались на совет бояре — посадник Федор Тимофеевич «с иными посадникы и с тысяцкими»; после совещания была отправлена на Ярославов двор на вече для переговоров делегация от духовенства, чтобы убедить восставших «да идут в домы своя». Со своей стороны восставшие выставили требование к боярам о производстве следствия («с нарочитыми моужи рассоудити вещи сиа начало»). Повидимому, среди самих восставших к этому времени произошел раскол, который способствовал прекращению волнений.

Новые народные волнения имели место в Новгороде в 1421 г. В это время два конца — Неревский и Словенский — подняли восстание против посадника Андрея Ивановича, вызванное тем, что он отнял землю у некоего Клементия Артемьина. Явившись в доспехах, жители названных концов разграбили дворы посадника и других бояр «и убиша Андреевых пособников 20 человек до смерти»[1].

К середине XV в. в связи с отмеченным резким ростом феодальной эксплуатации классовые противоречия в Новгороде, как и во всей северо-восточной Руси, еще более обострились. Это время было тяжелым для Новгорода. Тверской князь Борис Александрович, воспользовавшись феодальной войной между Василием II московским и удельным князем Дмитрием Шемякой, захватил у Новгорода ряд владений, разорил новгородские волости, перерезал торговые пути. В связи с этим поднялись цены на все товары, начался голод. Под 1445 г. новгородская летопись рассказывает об отсутствии правого суда и закона: «не бе в Новегороде правде и праваго суда, и въсташа ябетници, изнарядиша четы и обеты и целованья на неправду, и начаша грабити по селам и по волостем, и по городу... и бе по волости изъежа велика и боры частыя, крицъ и рыдание и вопль и клятва всими людьми на старейшины наша, и на град нашь, зане не бе в нас милости и суда права»[1].

Под 1446 г. летописец отмечает действия «безправдивых бояр» и их злоупотребления. Неудачная попытка денежной реформы (уменьшение веса и ухудшение пробы монеты) еще более разорила население:

---

[1] НПЛ, стр. 409—410; ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, стр. 422—424, 431; т. XVI, СПб., 1889, стб. 169.

[2] НПЛ, стр. 425.

«...бысть христьяном скорбь велика и убыток в городи и по волостем»,— читаем в летописи. Классовая борьба в новгородском обществе проявлялась в острых формах: «бысть межи ими голка и мятежь и нелюбовь». Характеризуя порядки, господствовавшие в Новгородской боярской республике, летописец отметил взяточничество, произвол, волокиту: «тогда бе весь град в сетовании мнози, а голодники, и ябедники и посулники радовахуся ...»[1]

Памятником классового новгородского законодательства является Новгородская Судная грамота. Ее первая редакция возникла, повидимому, в 1385 г., когда в Новгороде была проведена судебная реформа.

Дополнена Новгородская Судная грамота была после антифеодальных восстаний 1418 и 1421 гг. К этому времени можно отнести прежде всего разделы Новгородской Судной грамоты, говорящие о подкупе судей и свидетелей, о «наездах», «грабежах» как формах классового протеста, т. е. разделы, касающиеся как раз тех явлений, которые особенно остро давали себя чувствовать в Новгороде в предшествующие годы. Конечно, новгородское законодательство, проект которого был разработан «нарочитыми мужами», носило классовый характер. Новгородские бояре позаботились о том, чтобы защитить свои позиции. Но в то же время, после двух городских восстаний, бояре не могли не считаться с настроениями «черных людей», требования которых в какой-то мере должны были отразиться в судебных постановлениях. Поэтому последние носят в некоторой части компромиссный характер.

Прямым откликом на события 1418 г. явились статьи, которыми запрещалось всякое (организованное и неорганизованное) вмешательство в деятельность суда. Все конфликты подлежали разбору «нормальным» судебным порядком. Нельзя было «сбивать с суда» посадника, тысяцкого, наместника, владыки. Не разрешалось тяжущимся подкупать судебные власти. Наконец, преследовалось и приравнивалось к «наводкам» «пособье» — коллективное выступление на суде представителей от конца, улицы, сотни или ряда в целях поддержки тяжущихся. Считалось допустимым участие в суде только двух «ятцов» (т. е. приставов) от сторон. Все эти постановления защищали интересы боярских верхов. С нарушителей указанных постановлений взыскивался штраф в сумме 50 рублей с боярина, 20 рублей с житьего и 10 рублей с «молодшего» человека.

Раздел о земельных тяжбах, возможно, появился в результате новгородского восстания 1421 г. В связи с этим в текст Новгородской Судной грамоты были внесены статьи, запрещавшие самовольные наезды на спор-

[1] НПЛ, стр. 426—427; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 444.

ные земли до суда и разрешавшие владение недвижимостью лишь на основе судебного приговора (судной грамоты). Номинально запрещались взятки с тяжущихся со стороны судей: «а от земли судье кун не взять».

Самовольный захват земель («наезд и грабеж») карался штрафом в таких же размерах, как и подкуп суда, даже в том случае, если право собственности на отнятую землю признавалось в дальнейшем судом за наездчиком. Эти статьи Новгородской Судной грамоты показательны для наступления феодалов-землевладельцев на права городской бедноты, которая пыталась вернуть захваченные феодалами у народа земли.

Новгородская Судная грамота ставила своей задачей подавить всякие попытки со стороны плебейских масс использовать в своей борьбе с произволом феодальных верхов общественные организации. Не признавался вечевой суд. Разбор социальных конфликтов грамота стремится сосредоточить в боярском по своему составу суде. Из представителей бояр и житьих людей состоит и коллегия докладчиков, решающих дела, не законченные судьями. Новый пересмотр Новгородской Судной грамоты произошел, видимо, в связи с восстанием 1445—1446 гг.

Формой классовой борьбы в Новгороде были и ереси, направленные против господствующей церкви. Во второй половине XIV в. в Новгороде возникла ересь стригольников. Из Новгорода она перешла во Псков. Главными распространителями этой ереси были дьякон Никита, «простец» (т. е. из бедноты) Карп и третий человек, не известный по имени. Ересь проникла в среду городского ремесленного населения. Стригольники отрицали основы господствующей церковной феодальной иерархии, «весь вселеньскый собор, патриархов и митрополитов, и епископов, и игуменов, и попов, и весь чин священничьскый». Они протестовали против власти духовных феодалов, обосновавшихся на крестьянских землях. Они осуждали представителей духовенства, которые «не достойны суть, духопродавци суть», которые являются стяжателями, «имениа взимають у хрестьян, подаваемое им приношение за живыя и за мертвыя». Стригольники отрицали церковные обряды, заупокойные молитвы, исповедь, священство, выбирая из своей среды «учителей народа»[1]. В выступлениях стригольников звучали социальные мотивы. Они протестовали против кабальных отношений, против господствующих классов, которые «имениа ради свободных людей порабощают и продают»[2].

---

[1] РИБ, т. VI, № 25, стб. 214, 218, 220.

[2] *В. С. Иконников*. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 427.

Господствующая официальная церковь и светская власть боролись против стригольников суровыми мерами. В 1376 г., по рассказу новгородской летописи, «побиша в Великом Новеграде развратников веры христианския диакона Никиту и Карпа простца и третьяго человека с ними и свергоша их с мосту»[1]. Но ересь продолжала распростран ться. Церковные иерархи в своих «посланиях» требовали церковного отлучения стригольников, «яко съгнилыя уды от здраваго тела церкве христовы»[2], и применения к ним гражданских наказаний.

Ересь стригольников представляет собой типичную средневековую городскую ересь, характеристику которой дал Энгельс. «Ересь городов... была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она и нападала... Реакционная по форме, как и всякая ересь, которая в дальнейшем развитии церкви и догматов способна видеть только вырождение, бюргерская ересь требовала восстановления простого строя ранне-христианской церкви и упразднения особого сословия священников»[3].

* * *

О внутренней жизни подвластных новгородскому правительству земель сведения весьма немногочисленны; источники сохранили лишь некоторые данные, относящиеся к Двинской земле.

Если на Терской стороне, в Печоре, Югре, а отчасти в Перми новгородское правительство имело дело с коренным населением, занимавшимся звероловством и пребывавшим на стадии патриархально-общинного быта, то в Заволочье или Двинской земле уже давно население занималось земледелием и промыслами. Вага с ее притоками, берега Двины от Нижней Тоймы, Онега со впадающими в нее реками, а также побережье Белого моря к западу от Двины являлись населенными местами. Центром на Двине очень рано стали Матигоры, затем Орлец (1342 г.), позднее Холмогоры; Шенкурск на Ваге и Каргополь на Онеге упоминаются в XIV в.

Управлением и внутренним строем Двинская земля во многом походила на Новгород. Стоявшие во главе Двинской земли посадники назначались новгородским правительством из числа новгородских или местных двинских бояр. Кроме посадников, известны на Двине сотские и старосты, которые управляли двинскими волостями. Погосты и слободы составляли административные единицы, на которых лежала обязанность раскладки податей (между прочим — поралья). Право суда

---

[1] ПСРЛ, т. III, СПб., 1841, стр. 231.

[2] РИБ, т. VI, № 55, стб. 480.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. VIII, стр. 129.

принадлежало посаднику; у него в качестве приставов были дворяне; «приказники» посадника сидели в таких крупных торгово-промышленных пунктах, как Ненокса и др.; посадничьи пошлинники собирали не только судебные, но и многочисленные торговые пошлины. На Двине и Ваге упоминаются также владычные наместники, или волостели, которые управляли землями новгородского архиепископа и судили население по духовным делам; они же являлись местными «нотариусами», так как частные акты удостоверялись приложением их печатей, за что они собирали печатную пошлину.

Как и в Новгороде, в Двинской земле очень рано встречаем крупных землевладельцев в лице новгородских и местных бояр. Кроме светских собственников, на Ваге и Двине землями владели церкви и монастыри не только местные, но и новгородские. Упоминаются на Двине также житьи люди. Местные заволочские купцы объединились в особую корпорацию во главе с купеческим старостой. Многочисленный слой мелких земцев составлял основную массу населения, вошедшую позже в состав «черного» крестьянства Поморья.

Летописи сохранили отрывочные известия о нескольких моментах в истории Двинской земли, выясняющих ее отношения к Новгороду, ее роль в борьбе Новгорода с Московским княжеством и социально-экономические отношения в двинском обществе. Когда в 1397 г. на Двине появилось великокняжеское войско, Двинская земля отложилась от Новгорода и «задалась» за великого князя, который особой уставной грамотой подтвердил двинскую «старину и пошлину». Двинские бояре Иван и Конон со своими сторонниками захватили владения новгородских бояр на Двине и поделили их между собой. Именно бояре составляли в это время правящую группу, в интересах которой была дана упомянутая уставная грамота; она охраняла их «отечество» и освобождала от вины и суда, если боярин убьет своего «холопа или робу»; грамота предусматривала также возможность назначения великим князем своего наместника из числа двинских бояр.

В особо благоприятное положение поставлены в той же грамоте «гости двинские», которые вели торговлю не только местную, внутреннюю, но и с великокняжескими волостями, прежде всего с Устюгом и Вологдой. Упоминая о «черных людях» на Двине, составлявших основную массу населения, грамота ограничивалась лишь указанием на их подсудность наместнику, не касаясь вопроса об их правах; не говорила она ничего и о размере той дани, которую «черные люди» должны были платить московскому правительству, если бы события 1397—1398 гг. окончились удачно для него[1].

---

[1] ГВНиП, № 88, стр. 144—146

Несомненные противоречия между правителями Двинской земли и новгородским правительством, сурово покаравшим их за временное отпадение, находим и в более раннее время. Поход Луки Варфоломеева в 1342 г. на Двину, разграбление им двинских погостов и последующий отпор ему со стороны двинян показывают, что заволочские феодалы представляли силу, которая могла, борясь за земли, успешно выступить против Новгорода. В событиях 1364 г., когда двиняне пошли «полком» против новгородцев, возвращавшихся с далекой Оби из похода на Югру, следует видеть намерение отнять богатую сибирскую добычу, а также притязания двинских бояр, житьих людей и купцов на области к востоку от Двины, как сферу их предпринимательской деятельности.

Тем же нежеланием связывать свои интересы с интересами Новгорода можно объяснить сопротивление двинян в 1387 г., когда Новгород, принужденный уплатить великому князю «окуп» за грабежи новгородцев на Волге, бо́льшую часть его переложил на двинян на том основании, что они были на Волге. Учитывая рознь земли Двинской с Новгородом, ярко проявившуюся еще в XIV в., московское правительство в XV в. сделало несколько попыток военной силой отторгнуть эту богатую волость. Потерпев неудачу, оно возвратилось к северной политике князей XIII в.— мирному освоению территории на Пинеге и Ваге и их притоках. Когда в 1471 г. великокняжеские воеводы Василий Образец и Борис Слепец одолели выступившую против них «силу двинскую», они только завершили присоединение Двинской земли, где Москва еще до того утвердилась экономически весьма прочно.

* * *

Из новгородских пригородов только Псков получил известное освещение в источниках.

Новгород был политическим центром большой государственной территории. Роль административных центров на местах выполняли пригороды; бо́льшая часть их в то же время служила и целям обороны. Новгород назначал в них посадников в качестве представителей центральной власти. В некоторые пригороды направлялись служилые «кормленные» князья в качестве военных руководителей. Отдельные пригороды приобрели особо важное значение. К таким в первую очередь относится Псков, с XIII в. выступающий уже в роли самостоятельного политического центра.

Псков не обладал колониями, подобными новгородским. Возможности промысловой добычи пушнины были ограничены. Соляные источники, пригодные для разработки, отсутствовали; попытка устроить две соляные варницы (около села Рухи) кончилась неудачей. Зато

естественные условия позволяли развиваться земледелию, и Псковский край не так страдал в годы недорода, как Новгородская земля. Благоприятные условия были и для рыболовства благодаря рекам и особенно Чудскому и Псковскому озерам.

В экономике Псковской земли играли большую роль проходившие через нее пути транзитной торговли. Псков был соединен с Балтийским морем водным путем. Источники говорят также о пути на Ригу через Уганди — область эстов у Отепяа и Тарту (Дерпта). В Новгород из Пскова ходили реками Великой и Черехой, волоком до р. Узы, рр. Узой и Шелонью. Псковское купечество имело свои «дворы» в Новгороде, Смоленске и, вероятно, Полоцке, а также в ряде городов за рубежом. Средоточием иноземной торговли в Пскове служил «Немецкий двор».

Город Псков лежит при слиянии рр. Псковы и Великой. Угол, образуемый этими реками, занимал псковский «детинец», заключавший в себе Кром (Кремль) — первоначальный город, древнейшее укрепленное место. В Крому возвышался Троицкий собор. В «сенях» Троицкого собора помещался «ларь», служивший хранилищем общественных и частных документов. Характерной принадлежностью Крома были «клети» — помещения для хранения запасов хлеба на случай осады города неприятелем. Второй ряд псковских укреплений опоясывал так называемый Довмонтов город, названный по имени псковского князя XIII в. За его пределами вырос посад, окруженный в начале XIV в. стеной и получивший название «Застения». Дальнейший рост города вызвал постройку новых стен.

Подобно Новгороду, Ростову, Киеву, Псков делился на «концы»; в Пскове их было шесть: Боловинский, Торговский, Городецкий, Опоческий, Остролавецкий, Богоявленский. Каждый «конец» выбирал своих представителей, называвшихся «кончанскими старостами». Деятельность «концов» имела преимущественно военное значение. Между «концами» были распределены «пригороды» Пскова: Изборск, Остров, Велье, Опочка, Воронач, Врев, Гдов, Кобылий, Красный, Вышгород-Городец, Котельный-Выбор, Володимерец и др. Расположение «пригородов» показывает, что они выросли как укрепленные пункты против немецкого Ордена и Литвы.

Власть в Пскове принадлежала крупным землевладельцам — боярам. Некоторые бояре имели (как и в иных областях Руси) собственные отряды вооруженных слуг; в источниках упоминается Иван Драгомилович, ходивший с Довмонтом на немцев со «своей дружиной». Источники упоминают ряд боярских фамилий, заправлявших делами Пскова. Представителей этих фамилий выбирали на должность посадников. Вместе с посадниками бояре обсуждали дела, прежде чем представить их на рассмотрение веча, образуя совет, известный под названием

«госпо́ды». Вместе с посадниками бояре, выбранные от «концов», ездили в посольствах.

Наряду с боярами источники отмечают в Псковской земле особый разряд земельных собственников, сидевших в своих «отчинах»; это — «земцы». На них лежали, как случайно узнаем из летописи, некоторые повинности военного характера. При постройке Гдова с «гдовских» или «бережских» земцев (т. е. живших по побережью Чудского озера) взяли 300 рублей «в камену стену» (1431). В одном псковском памятнике первой половины XVI в. в рассказе о событиях второй половины XV в. упомянуты «люди земци градскии и сельскии»; они брали в «слободу» землю и лес там, где была «пустыня велиа и лес», в пограничном районе.

В Псковской земле процесс закрепощения сельского населения шел очень интенсивно. Сельское население попадало во все более тяжелую зависимость от землевладельцев — «государей». Те крестьяне, которые разорились под тяжестью государственных налогов и выходили из общины, были вынуждены идти на работу к крупным землевладельцам. Это были «изорники» (пахари), «кочетники» (рыбаки) и «огородники», упоминаемые в Псковской Судной грамоте. «Изорник» мог выселиться, уйти «с села» владельца («государя») только раз в году — в «Филиппово заговейно», равно как и «государь» мог отказать изорнику в пользовании землей только в этот же срок. Садясь на землю «государя», «изорник» обычно брал «покруту», т. е. ссуду, и давал «запись в покрути». Если «изорник» уходил, то он должен был «покруту» вернуть. Смерды, жившие на общинных землях, платили дань князю и Пскову и обязаны были исполнять («знать») какие-то «урочные работы».

С развитием торговых отношений поднялось значение купцов в Пскове. Они составляли многочисленную группу населения. В 1501 г. немцы во время конфликта со Псковом задержали 150 псковских купцов и 25 учанов (учан — речное судно) товара. Купцы представляли организованную группу псковского населения, имели своих «купеческих старост».

Вслед за купцами источники, перечисляя социальные группы Пскова, называют нередко «житьих людей». Далее следует основная масса псковского городского населения — «черные люди», т. е. мелкие торговцы, ремесленники (плотники, каменщики, иконописцы и т. п.) и городская беднота. Псковская Судная грамота с особым вниманием определяет взаимоотношения мастеров и учеников.

В статье 102-й Псковской Судной грамоты ученичество рассматривается как уже укоренившееся, обычное явление. Некоторые выражения Псковской Судной грамоты («сябреное серебро» и др.) дают

основание предполагать производственные товарищества в Пскове, непосредственное участие складников в производстве.

В отдельных отраслях ремесленной деятельности псковичи достигли большого искусства. Псковские строители славились далеко за пределами своей «земли». Когда Иван III решил вновь строить Успенский собор, он не случайно обратился к псковичам, «навыкшим каменносечной хитрости»[1].

В Пскове шла острая классовая борьба, о которой сохранились лишь скудные известия в летописях. Так, под 1314 г. летопись говорит: «А в Плескове почали бяху грабити недобрии людие села, и дворы в городе, и клети на городе, и избиша их плесковичи с 50 человек...»[2] Речь идет о выступлении бедноты (городской и сельской) против бояр и купцов, владельцев сел и городских дворов. О народном волнении рассказывает летопись под 1385 г: «бысть сеча псковичем промежи себе и много бысть мертвых»[3]. В 1458 г. восстали псковичи, «а старых посадников избив на вечи»[4]. В 1483 г. «посекоша псковичи дворы у посадников у Якова и у Стефана Максимовича... и у иных много дворов посекоша»[5]. В 80-х годах XV в., в связи с наступлением Московского княжества на самостоятельность Пскова, обострилась классовая борьба, произошло восстание, отмеченное в псковских летописях, когда «вся земля мятяшеся по два года». Поводом к этому взрыву классовой борьбы послужила замена одной «смердьей грамоты», определявшей повинности смердов, другой, которой облегчались повинности смердов в пользу города, но, повидимому, увеличивались их повинности в пользу наместника и феодалов.

О классовой борьбе в Пскове свидетельствует и Псковская Судная грамота. Так, одна из ее статей говорит о восстании народа («род ополчится»). Вопрос о составе Псковской Судной грамоты и истории ее текста принадлежит к числу спорных. Грамота много внимания уделяет охране собственности господствующего класса (статьи о наследственном праве, закладе, хранении имущества, займе и т. д.) и отношениям господства и подчинения в феодальном обществе (статьи о крестьянах — изорниках и др.). Древнейшая часть этого памятника восходит к XIII в.— времени Александра Невского[6], значительная часть статей относится ко времени княжения в Пскове в первой половине XIV в. Александра Михайловича тверского.

---

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 180.
[2] НПЛ, стр. 94.
[3] ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, стр. 341.
[4] ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 217.
[5] «Псковские летописи», под ред. А. Н. Насонова, вып. 1, М.--Л., 1941, стр. 79.
[6] См. ч. I, гл. 5, § 9 настоящего издания.

Новгород назначал в Псков своих посадников. Со своей стороны псковичи иногда принимали участие в вечевых собраниях Новгорода. Местную выборную власть в Пскове представляли сотские. Опасность, грозившая с Запада со стороны наступавшего немецкого Ордена, требовала постоянного пребывания князя в Пскове. Но поскольку Псков оставался новгородским «пригородом», псковские князья были в сущности наместниками, назначаемыми из Новгорода.

Стремление псковских феодалов к обособлению ярко обнаружилось уже во второй четверти XIII в. Около столетия шла борьба за независимость, а в церковной сфере она продолжалась и во второй половине XV в. Движение за самостоятельность стояло в связи с экономическим ростом Псковской республики; опираясь на возросшие экономические ресурсы, используя в своих интересах движения горожан, псковские бояре добивались освобождения от власти новгородского правительства.

Уже во второй половине XIII в. псковские правители приняли, без согласия Новгорода, бежавшего из Литвы князя Довмонта. Однако из Новгорода (в княжение Довмонта) был прислан другой князь — Айгуст; он княжил в Пскове, повидимому, одновременно с Довмонтом. В XIV в. псковские бояре стали систематически принимать князей помимо Новгорода. Так, они посылали за князем Давыдкой (1323), приняли Александра тверского (1327—1329 и 1331—1337), Андрея Ольгердовича (1342). Еще в начале XIV в. псковичи стали сами выбирать посадников.

Установившаяся фактически независимость Пскова была официально признана Новгородом в 1348 г. по Болотовскому договору, когда псковское правительство, использовав тяжелое внешнеполитическое положение Новгорода, вынужденного отражать нашествие шведских захватчиков, добилось полного отказа Новгорода от права посылать в Псков своих посадников: «Посадником нашим у вас в Плескове не быти, ни судити... а из Новагорода вас не позывати дворяны, ни подвойскыми, ни Софьяны, ни изветникы, ни биричи»[1].

Только в церковном отношении псковичи продолжали зависеть от власти новгородского архиепископа. Псковичи пытались получить отдельного епископа, посылали посольство в Москву. Но отдельная епископия во Пскове учреждена не была. Впрочем, и в сфере церковных отношений новгородцы сделали псковичам важные уступки. По Болотовскому договору, епископский наместник в Пскове должен был назначаться из псковичей, а местное духовенство на суд в Новгород более не вызывалось.

---

[1] ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, Пг., 1915, стр. 278.

Главнейшие события истории Пскова говорят о постоянной борьбе псковичей за свою независимость, которой угрожали западные соседи — Ливонский орден и Литва. Защищая себя, Псков тем самым защищал западную границу Руси. Известия XIV в. полны данными о борьбе псковичей с немецкими захватчиками. Так, в 1323 г. немцы напали на псковичей у р. Наровы и захватили в приграничье псковскую территорию. Псковичи опустошили «землю их» до Таллина (Ревель). В ответ на это немцы подступили к Пскову и осадили город. Псковичей выручил изборский князь Остафий с изборянами и князь Давыд, пришедший из Литвы. С конца XIV в. Пскову в этом отношении начинает все энергичнее помогать Москва.

8

НАЧАЛО ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ВОКРУГ МОСКВЫ. УСИЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО КНЯЖЕСТВА В КОНЦЕ XIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV В.

С конца XIII в. начинается быстрый экономический и политический рост Москвы. В начале XIV в. Москва вступает в борьбу за роль общерусского политического центра с другими феодальными княжествами.

Трудом русского народа были заложены основы экономического роста Московского княжества. Не прекращавшаяся борьба русского народа с татаро-монгольским игом подтачивала господство Золотой орды. Великокняжеская власть использовала результаты народного труда и борьбы в интересах политического объединения. Процесс создания единого государства и преодоления феодальной раздробленности имел громадное прогрессивное значение. Но этот процесс был связан с укреплением эксплуататорского аппарата феодального государства.

Присоединение к Московскому княжеству в начале XIV в. Коломны, Переяславля и Можайска увеличило его первоначальную территорию почти в два раза. Не менее важным было экономическое и стратегическое значение присоединенных земель. Москва-река на всем протяжении оказалась включенной в московскую территорию. Расположенный в ее верховьях Можайск сделался важнейшим опорным пунктом на западной московской границе. Обладая Можайском и Коломной, московское правительство получило возможность в полной мере использовать выгодное положение Москвы как узла важнейших дорог. Коломенский уезд имел относительно густое население. Переяславская земля обладала значительными естественными богатствами: бортными

лесами и соляными источниками. Переяславское озеро изобиловало рыбой, а окружавшая его территория отличалась плодородием. С присоединением Переяславского княжества московские владения стали непосредственно граничить с территорией великого княжества Владимирского.

Наиболее крупным соперником Московского княжества в борьбе за великое владимирское княжение со связанными с ним экономическими и политическими привилегиями являлось княжество Тверское.

В конце XIII — начале XIV в. замечается политическое усиление Тверского княжества.

Когда в 1304 г. умер великий князь Андрей Александрович, кандидатами на великокняжеский стол выступили наиболее политически сильные князья: Юрий Данилович московский и Михаил Ярославич тверской («...съпростася два князя о великом княжении...»)[1].

Смерть великого владимирского князя и вызванная ею распря феодалов послужили толчком к открытому проявлению классовых противоречий. Под 1304 г. летописи сообщают о «многой замятне» в Суздальской земле и «во всех градех»[2]. Сохранилось известие и о движениях горожан в 1304—1305 гг. в Костроме и в Нижнем Новгороде[3]. В этих движениях большую роль играли вечевые собрания. Не случайно Михаил Ярославич, получив в Орде ярлык на великое княжение, «изби вечников» в Нижнем Новгороде[4].

Михаил Ярославич тверской опирался на крупное владимирское и тверское боярство. Согласно сохранившимся известиям, после смерти великого князя Андрея Александровича его бояре «отъехали» в Тверь. На стороне тверского князя оказался и высший представитель церковной иерархии митрополит Максим, приехавший в 1299 г. из разоренного Киева во Владимир, «не мога терпети татарского насилиа»[5]. Еще до решения вопроса в Орде о великом княжении Михаил Ярославич попытался укрепить свою власть в Новгороде, послав туда наместника. Но новгородское правительство боялось усиления соседнего Тверского княжества и в борьбе с ним искало союза с Москвой. Поэтому оно оказало тверскому князю сопротивление, не приняло его наместника и укрепило Торжок на случай возможной осады тверскими войсками; позднее Новгороду пришлось признать на время власть тверского князя.

---

[1] ПСРЛ, т. V, стр. 204; см. также ч. I, гл. 5, § 11 настоящего издания.
[2] ПСРЛ, т. V, стр. 204.
[3] См. гл. 1, § 4 настоящего издания.
[4] ПСРЛ, т. V, стр. 204.
[5] Там же, т. XV, стб. 407.

Опорой московской княжеской власти явилось местное московское служилое боярство. Кроме того, Юрий Данилович пытался найти поддержку в городах, используя в своих интересах местные антифеодальные движения. Поэтому Юрий Данилович перед поездкой в Орду отправил своего брата Бориса в Кострому. Другой брат Юрия, Иван Данилович, отправился в Переяславль и укрепился там при помощи «всех своих бояр и переславцев»[1]. Так, уже в начале XIV в. наметился союз московской княжеской власти с городами[2]. В этом отношении московские князья продолжали традиционную политику великих владимирских князей XII и XIII вв. Тверское боярство стремилось помешать этому союзу. Бояре Михаила Ярославича «поимаша» князя Бориса Даниловича и привели его в Тверь. Была попытка задержать на пути в Орду под Костромой и Юрия Даниловича, но он «пройде иным путем». Под Переяславль была направлена из Твери рать под руководством Акинфа, одного из представителей старинного владимирского боярства, поддерживавшего Михаила Ярославича. Переяславское городское ополчение («переславская рать») при поддержке подоспевшей «московской рати» одержало победу над тверскими войсками («много тверичь избиено бысть ту»)[3].

«Спор» в Орде между двумя претендентами на великое княжение был разрешен в пользу Михаила Ярославича тверского. При помощи Твери ханская власть рассчитывала помешать укреплению Московского княжества и объединению русских земель в руках московских князей.

Годы великого княжения Михаила Ярославича (1305—1318) — время некоторого политического усиления Твери. Тверская княжеская власть пыталась утвердить политическое господство над всей Русской землей. Это стремление, как указывалось выше, нашло поддержку со стороны тверского боярства и некоторых представителей церкви, например, митрополита Максима. В грамоте греческого патриарха Нифонта Михаил Ярославич впервые назван «великим князем всея Руси». Эту же мысль еще более ясно выразил монах одного из тверских монастырей Акиндин, обратившийся в послании к тверскому князю со словами: «Царь еси господине княже, в своей земли»[4].

Но эта попытка тверской княжеской власти была обречена на неудачу. Основой и инициатором объединения русских земель была Москва —

---

[1] ПСРЛ, т. X, стр. 175.

[2] См. *И. У. Будовниц*. Поддержка объединительных усилий Москвы населением русских городов. Сб. к 70-летию Б. Д. Грекова. М., 1952, стр. 117—122.

[3] ПСРЛ, т. X, стр. 175.

[4] РИБ, т. VI, № 16, стб. 147—158.

центр формировавшейся русской народности. Уже с начала XIV в. совершенно отчетливо определяется ведущая роль Москвы в борьбе за преодоление феодальной раздробленности и создание единого государства.

Попытки тверского боярского правительства разгромить силы своего московского противника окончились полной неудачей. Михаил Ярославич с крупными тверскими войсками дважды (в 1305 и 1308 гг.) ходил к Москве, но не смог взять города и «не успев ничто же, возвратися»[1].

Борьба за великокняжескую власть между правителями наиболее крупных княжеств в начале XIV в. сопровождалась обострением классовых противоречий. Этому обострению способствовал голод, свирепствовавший «по всей Русской земле» в 1308 г. Летописи говорят о новых народных восстаниях. Такое восстание имело место в 1310 г. в Брянске[2]. В 1311 г. произошло антифеодальное восстание в Новгороде, где крестьяне и городская беднота начала громить боярские имения («餌играбиша чюжая имения»)[3].

В обострившейся политической борьбе в начале XIV в. Тверская земля оказалась окруженной с трех сторон. С северо-запада, около Торжка, она граничила с владениями «Господина Великого Новгорода». В ту пору князь, получавший великое княжение владимирское, становился обычно и новгородским князем. Так, Михаил Ярославич в 1307 г. «седе... в Новегороде Великом на столе»[4]. Но для Новгородской феодальной республики тверской князь, ее непосредственный сосед, державший в своих руках пути новгородской торговли с «Низом» (Окско-Волжским междуречьем), был естественным противником. В 1312 г. Михаил Ярославич, вынужденный отозвать из Новгорода своих наместников, отрезал торговые пути («не пустя обилья в Новгород»), захватил Торжок и Бежецкий Верх[5]. Это привело к опасной для Твери попытке новгородского боярства заключить союз с московским князем. С другой стороны, на западе тверским землям все более угрожала опасность со стороны Литвы. В юго-восточном направлении Тверь вела борьбу с Москвой.

Между тем Михаил Ярославич потерял поддержку феодальной церкви, увидевшей, что союз с московской княжеской властью обеспечит ей ряд экономических и политических привилегий. Митрополит Максим, союзник тверского князя, умер в конце 1305 г. После

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 184—185.
[2] См. гл. 1, § 4 настоящего издания.
[3] НПЛ, стр. 93.
[4] ПСРЛ, т. XV, стб. 408.
[5] НПЛ, стр. 94.

его смерти Михаил Ярославич сделал неудачную попытку посадить на митрополичью кафедру своего кандидата — тверского епископа Геронтия. Этим недипломатичным шагом он оттолкнул от себя высших церковных иерархов. Москва вела более осторожную политику в отношении церкви. В 1309 г. из Киева во Владимир приехал поставленный патриархом митрополит Петр, родом из Волыни. Ему удалось удержаться на митрополичьей кафедре во Владимире, несмотря на сопротивление великого князя и части высшего духовенства. Враждебно встреченный в Твери, Петр в дальнейшем действовал в союзе с московским князем Юрием Даниловичем, обеспечивая ему поддержку феодальной церкви в борьбе против тверского князя и крупного боярства.

В 1312 г. в Орде умер хан Тохта, поддерживавший Михаила Ярославича, и ханский престол занял Узбек (1312—1341), при котором Золотая орда временно усилилась.

Михаил Ярославич был вызван ханом в Орду. Это послужило толчком к восстанию в Новгороде. На вече было решено изгнать тверских наместников, «яко многа обида и нужа бысть... от них»[1]. Воспользовавшись этим, московское правительство вошло в сношения с новгородским боярством и договорилось об аресте наместников Михаила Ярославича и признании князем Юрия Даниловича.

В 1315 г. Юрий Данилович по вызову Узбека отправился в Орду, оставив в Новгороде своего брата Афанасия. Последний, ожидая активных действий со стороны Твери, выступил «с новгородчкии боляре бес черных людий» к Торжку, «вести переимаюче»[2]. Таким образом, московский князь, воспользовавшись движением в Новгороде против засилья тверских феодалов, действовал в дальнейшем в союзе с новгородскими боярами. Михаил тверской, получив в Орде ярлык на великое княжение, также двинулся к Торжку «со всею силою низовскою» и с татарскими отрядами. Этот поход кончился разорением Торжка тверскими войсками, «выводом» оттуда в Тверь некоторых бояр, а также ремесленников («мастеров»), восстановлением в Новгороде тверских наместников и передачей посадничества новгородским боярам из сторонников Твери.

В 1316 г. тверские наместники были снова изгнаны из Новгорода. Новое выступление тверских войск во главе с Михаилом Ярославичем вызвало массовое восстание в Новгороде, направленное против бояр, державших сторону Михаила Ярославича. В этой борьбе приняло участие население новгородских пригородов и пятин («вся волость новгородская»[3]).

---

[1] ПСРЛ, т. X, стр. 178.

[2] НПЛ, стр. 94; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 256.

[3] НПЛ, стр. 95.

Юрий Данилович возвратился на Русь только через два года с ярлыком на великое княжение и татарской помощью. В Орде он женился на сестре Узбека, Кончаке, принявшей христианское имя Агафьи. Сопровождал Юрия Даниловича татарский темник Кавгадый. Его задача заключалась, повидимому, в том, чтобы путем натравливания московского князя на тверского способствовать обессилению обоих. Московские войска двинулись к Твери.

Михаил Ярославич не только не подчинился ханскому указу о передаче великого княжения Юрию Даниловичу, но оказал своему противнику сопротивление, встретив его недалеко от Твери «со всею силою своею»[1]. В сражении около села Бортенева (в 40 верстах от Твери) войска Михаила Ярославича одержали полную победу. Среди захваченных пленных оказались жена Юрия Даниловича и его брат Борис Данилович. Княгиня умерла в тверском плену; московская летопись сохранила известие, что она «зельем уморена бысть»[2]. Интересно летописное сообщение о том, что Михаил взял под свою защиту татар и запретил их избивать. Оба противника не решились продолжать открытую борьбу и перенесли спор в Орду. Повидимому, угроза большого татарского похода заставила Михаила Ярославича поспешить в Орду.

Среди обвинений, предъявленных в Орде Михаилу Ярославичу, фигурировало сокрытие от хана части дани: «многи дани поимал еси на городех наших, царю же не дал еси»[3]. Кроме того, тверской князь обвинялся в сопротивлении ханской власти и ему ставилась в вину смерть ханской сестры в тверском плену. Михаил Ярославич был убит в конце ноября 1318 г. в ханской ставке. После его смерти Юрий Данилович окончательно утвердился на великом княжении (1318—1322).

Вокняжение Юрия Даниловича произошло в очень тяжелый момент для Русской земли. Трудовое население было разорено междукняжеской феодальной борьбой и изнемогало под гнетом возраставших татарских требований. Летописи рассказывают о многочисленных татарских грабежах. В 1316 г. татарские послы Сабанчий и Казанчий «много зла сотвориша Ростову»[4]. В 1318 г. «посол лют именем Кочка» убил у Костромы 120 человек, затем пограбил город Ростов «и села и люди плени»[5]. В 1322 г. ордынский «посол силен» Ахмыл «много пакости

---

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 188.
[2] Там же, т. XVIII, стр. 88.
[3] Там же, т. VII, стр. 192.
[4] Там же, стр. 187.
[5] Там же, стр. 188.

чини по Низовской земли», захватил Ярославль и «много християн изсече»[1].

Татарская политика на Руси вызывала стихийное народное возмущение. Так, в 1320 г. произошло восстание против татар в Ростове: «быша в Ростове злии татарове, люди же ростовскии собравшеся, изгониша их»[2]. Народные восстания против татар имели прогрессивное значение, нанося удар золотоордынскому владычеству. Используя результаты этих восстаний, московская великокняжеская власть стремилась, устранив численников и баскаков, сосредоточить сбор татарской дани в своих руках.

Наряду с умелой политикой в отношении Орды, московская великокняжеская власть старалась укрепить свое политическое влияние в Новгородской феодальной республике и взяла на себя инициативу обороны северо-западных границ. В 1322 г. Юрий Данилович во главе новгородских войск отразил нападение шведов на Корелу, а затем осадил Выборг. В 1323 г. московский великий князь с новгородским отрядом построил у истоков Невы, на Ореховом острове, каменный город Ореховец, или Орешек. Тогда же был заключен новгородско-шведский Ореховецкий договор, определивший русско-шведские границы. В 1324 г. Юрий с новгородскими войсками совершил поход на Устюг и Северную Двину.

Стремление Юрия Даниловича сосредоточить в своих руках сбор ордынского «выхода» привело его к столкновениям с другими князьями, отстаивавшими независимость своих княжеств в сношениях с Ордой. Сын убитого в Орде тверского князя Михаила Ярославича, Дмитрий Михайлович добился в 1322 г. передачи ему Узбеком ярлыка на великое княжение. Новая встреча в Орде в 1325 г. московского и тверского князей-соперников окончилась на этот раз смертью их обоих. Дмитрий Михайлович отомстил за отца и убил в Орде Юрия Даниловича (1325), а затем и сам был казнен по приказу хана (1326). Ярлык на великое княжение получил другой сын Михаила Ярославича — Александр Михайлович (1326—1327). Ослабление политической силы отдельных русских феодальных княжеств в результате борьбы друг с другом было выгодно Золотой орде.

Вокняжение Александра Михайловича тверского сопровождалось новыми поборами татар с Русской земли. Вместе с Александром из Орды явились «татарове должници», от которых «много тяготы бысть» народу[3].

---

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 198.

[2] Там же, стр. 199.

[3] Там же.

В Московском княжестве преемником Юрия стал его брат Иван Данилович (1325—1340), принимавший близкое участие в политических делах северо-восточной Руси еще при жизни Юрия.

Князь Иван Данилович, носивший характерное прозвище «Калиты» (т. е. денежного мешка), был крупной политической фигурой. Опираясь на служилое боярство и находя поддержку со стороны городов, Иван Калита также использовал в интересах укрепления княжеской власти благоприятную политическую обстановку.

Первый крупный успех Ивана Калиты, давший ему великое княжение владимирское, был связан с восстанием в Твери против татар в 1327 г. Вскоре после того как Александр Михайлович получил ярлык на великое княжение, в Тверь был послан из Орды двоюродный брат Узбека — Чол-хан (Щелкан Дудентьевич) с отрядом татар. Приезд в Тверь Чол-хана был ответом на народные антитатарские восстания 20-х годов XIV в. Кроме того, Орда не хотела дать усилиться великокняжеской власти.

Александр Михайлович был изгнан из своего тверского двора, который занял Чол-хан «со многою гордостию»[1]. Татары издевались над населением Твери «насильством, и граблением, и биением, и поруганием». 15 августа 1327 г. в Твери поднялось народное восстание, во время которого Чол-хан и многие татары были перебиты, а остальные бежали в Орду через Москву.

Иван Калита использовал тверские события в интересах возвышения Москвы как центра формировавшегося единого государства. Он отправился в Орду и возвратился с татарским войском и поручением Узбека подавить восстание в Твери. Тверское княжество подверглось сильнейшему разорению. Тверь, Кашин и другие «...грады и волости пусты сотвориша, а люди изсекоша, а иных во плен поведоша»[2]. Александр Михайлович с братом Константином бежали в Псков. Совершая поход на Тверь для подавления вспыхнувшего там восстания, Иван Калита выступал как представитель господствующего класса феодалов. Но в то же время выступление Калиты защищало от татар Москву и объективно способствовало усилению ее политического значения. По словам московского придворного летописца, бог «заступил благовернаго князя великаго Ивана Даниловича и его град Москву и всю его отчину от иноплеменник, поганых татар»[3].

После подавления восстания в Твери Иван Калита послал своих наместников в Новгород, где также обострились классовые противоречия, возможно, в связи с тверскими событиями. В 1327 г. там

[1] ПСРЛ, т. XV, стб. 415.
[2] Там же, т. VII, стб. 200.
[3] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 44

Действия московских властей Ростовской земле при Иване Калите. Миниатюра конца XVI в.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

произошел «мятеж», во время которого новгородская беднота «пограбиша» и «пожгоша» боярские дворы.

Разгромив при помощи татар тверского князя, правительство Ивана Калиты повернуло ордынскую политику в свою пользу. В 1328 г. Иван Калита получил ярлык на великое княжение Владимирское.

Но положение правительства Ивана Калиты после 1328 г. было весьма трудным. Изгнанный из тверской «отчины» Александр Михайлович еще около десяти лет вел борьбу за восстановление своего политического положения. С другой стороны, политический успех московского князя привел к его разрыву с Новгородской феодальной республикой. После поражения и ослабления Тверского княжества для Новгорода возросла опасность со стороны Московского княжества. На западе от московских границ к началу XIV в. сложилось сильное великое княжество Литовское, готовое дать помощь любому противнику Москвы. Современником Ивана Калиты был литовский великий князь Гедимин, при котором Литва широко развернула наступление на восток[1]. Наконец, татарская помощь стоила московской княжеской власти не только дипломатических усилий, но и значительных расходов.

В этой трудной и сложной обстановке в полной мере проявились способности Ивана Калиты как предусмотрительного политика, использовавшего все средства для усиления княжеской власти. Ведя умелую дипломатию в отношении Орды, Иван Калита был беспощаден к своим более слабым политическим противникам. Став великим князем и утвердившись в Новгороде, Иван Калита двинул войска против Пскова, куда скрылся Александр Михайлович. Вместе с московскими войсками шло ополчение русских князей, в числе которых находились и князья тверские, братья Александра Михайловича. Но одновременно Иван Калита применил и другое средство: по его поручению митрополит Феогност послал «проклятие» и «отлучение» князю Александру и «всем псковичам».

Александр Михайлович бежал в Литву. Через полтора года он вернул Псков с литовской помощью. В 1337 г. Александр Михайлович на короткое время появился в Твери, добившись в Орде получения ярлыка на тверское княжение. Но Тверь политически была уже не той, что раньше. Весьма показательным является в данном случае поведение тверских бояр, которые теперь находили для себя более выгодным служить князю московскому. Борьба между Москвой и Тверью продолжалась. Как выражаются некоторые летописи, «думою» Ивана Калиты хан в 1339 г. вызвал Александра тверского к себе в Орду, где и казнил его вместе с сыном Федором[2].

[1] См. гл. 5, § 1в настоящего издания.

[2] НПЛ, стр. 349—350.

Усиление Московского княжества ко второй четверти XIV в. дало значительные результаты. Новгородская феодальная республика после безуспешных попыток сопротивления, вызвавших поход Калиты (1332), принуждена была заплатить московскому князю дань.

Московская великокняжеская власть добилась подчинения со стороны некоторых феодальных княжеств. Отдельные северо-восточные князья, сидевшие в качестве независимых властителей в своих «отчинах», должны были участвовать в московских военных походах. Примером политики московского правительства могут служить действия в Ростовском княжестве. По словам автора «жития» Сергия Радонежского, с началом княжения Ивана Калиты для Ростовской земли настало «насилование много». Великокняжеский воевода Василий Кочева наложил «великую нужу на град да и на вся живущая в нем». Тогда, по выражению летописи, немало ростовцев лишилось своего имущества, являя «последнего бедства образ»[1]. «Великий страх овладел всеми» не только в самом Ростове, но и в волостях и селах. Между тем Ростовская земля имела собственного князя, Федора Васильевича, который оставался еще независимым феодальным государем.

Таким образом, политическая власть московского правительства распространялась значительно дальше границ Московского княжества. Московская «отчина», образовавшаяся в виде сплошной территории, расположенной вокруг Москвы, почти не изменялась в своем размере. Но московские князья делали «примыслы» и «прикупы» в чужих землях: в новгородских владениях, в Переяславской земле, в Юрьевском княжестве, в пределах Костромы и около Владимира. Московские княжеские села оказались вкрапленными в чужие территории. Некоторые из земель, не принадлежавших Московскому княжеству, оказались в особых отношениях зависимости от московской великокняжеской власти. Так, Дмитрий Донской в своей духовной грамоте назвал Углич, Галич и Белоозеро «куплями деда Ивана» (т. е. Ивана Калиты). Хотя в этих землях в первой половине XIV в. сидели еще местные князья, однако они находились в тесной зависимости от московского князя[2].

Материальные преимущества, которыми обладала московская княжеская власть, стали еще более значительными во время Ивана Калиты.

Денежные средства в государственной казне увеличивались путем сбора дани (часть которой шла в Орду), а также торговых пошлин. Стрем-

---

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 128.

[2] См. *А. И. Копанев.* О «куплях» Ивана Калиты. «Исторические записки», № 20, 1946, стр. 24—37.

ление Ивана Калиты сосредоточить в своих руках сбор ордынского «выхода» сопровождалось попыткой наложить руку на новгородские доходы, в том числе на «закамское серебро». Сопротивление новгородских бояр, не желавших делиться своими доходами с великокняжеской властью, вызвало, как было указано, поход московских войск на Новгородскую землю в 1332 г. В 1337 г. Калита посылал войска во владения Новгорода в районе Северной Двины. Он распоряжался владениями на Печоре, «жалуя» печорских сокольников[1]. В 1339 г. отказ новгородского боярского правительства уплатить Калите «царев запрос» вызвал разрыв отношений между Москвой и Новгородской феодальной республикой. Но после смерти Калиты новгородские бояре были вынуждены выполнить требование московской великокняжеской власти.

Деятельность Ивана Калиты по укреплению Московского княжества и усилению значения великокняжеской власти подготовила почву для дальнейших успехов в объединении русских земель вокруг Москвы.

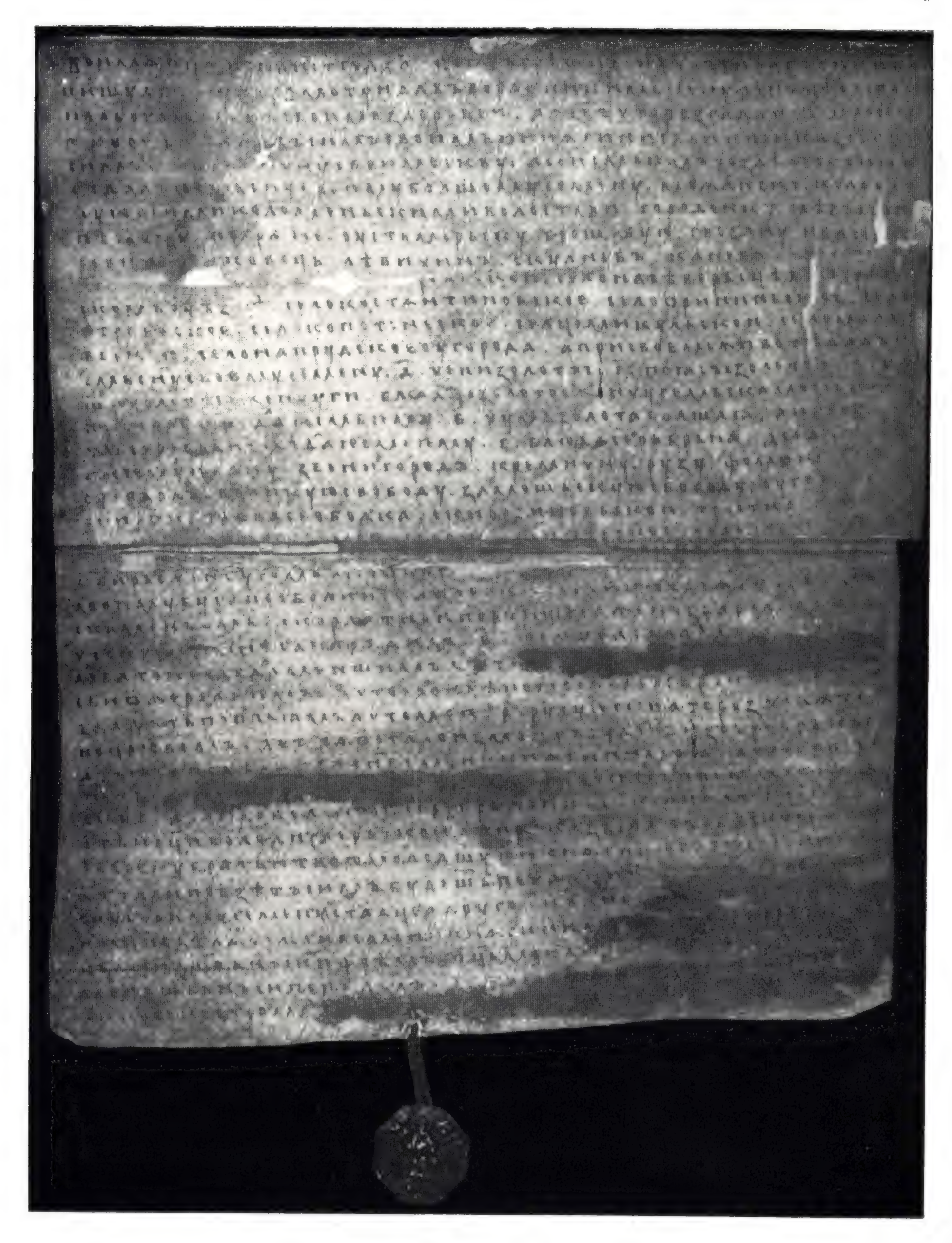
Со времен Ивана Калиты великокняжеская власть оказалась прочно связанной с московской княжеской династией. Только в отдельных случаях она выпадала из рук московского князя, но эти поражения имели временный характер. В целом же власть московских князей непрерывно усиливалась в борьбе с другими феодальными княжествами.

Союз московской княжеской власти с митрополичьей кафедрой, наметившийся при Юрии Даниловиче, значительно окреп при Калите. Еще митрополит Петр перенес свою резиденцию из Владимира в Москву. Новый митрополит, поставленный константинопольским патриархом, грек Феогност, приехал на Русь в то время, когда борьба между тверским князем и Иваном Калитой закончилась победой последнего. Поэтому Ивану Калите нетрудно было добиться от нового митрополита, нуждавшегося в охране экономических и политических привилегий церкви со стороны сильной княжеской власти, поддержки своей политики. С этого момента Москва, а не Владимир окончательно стала местопребыванием митрополита «всея Руси».

Иван Калита оставил две духовные грамоты (завещания), которые подводят итоги политике великокняжеской власти во второй четверти XIV в. Иван Калита стремился закрепить великокняжеское достоинство за московским княжеским домом, и эта задача была им успешно разрешена. Для ее достижения важно было сохранить политическое единство и цельность Московского княжества. По духовным Калиты два младших представителя княжеской линии, сыновья Калиты Иван и Андрей, были «приказаны» старшему брату, великому князю Семену,

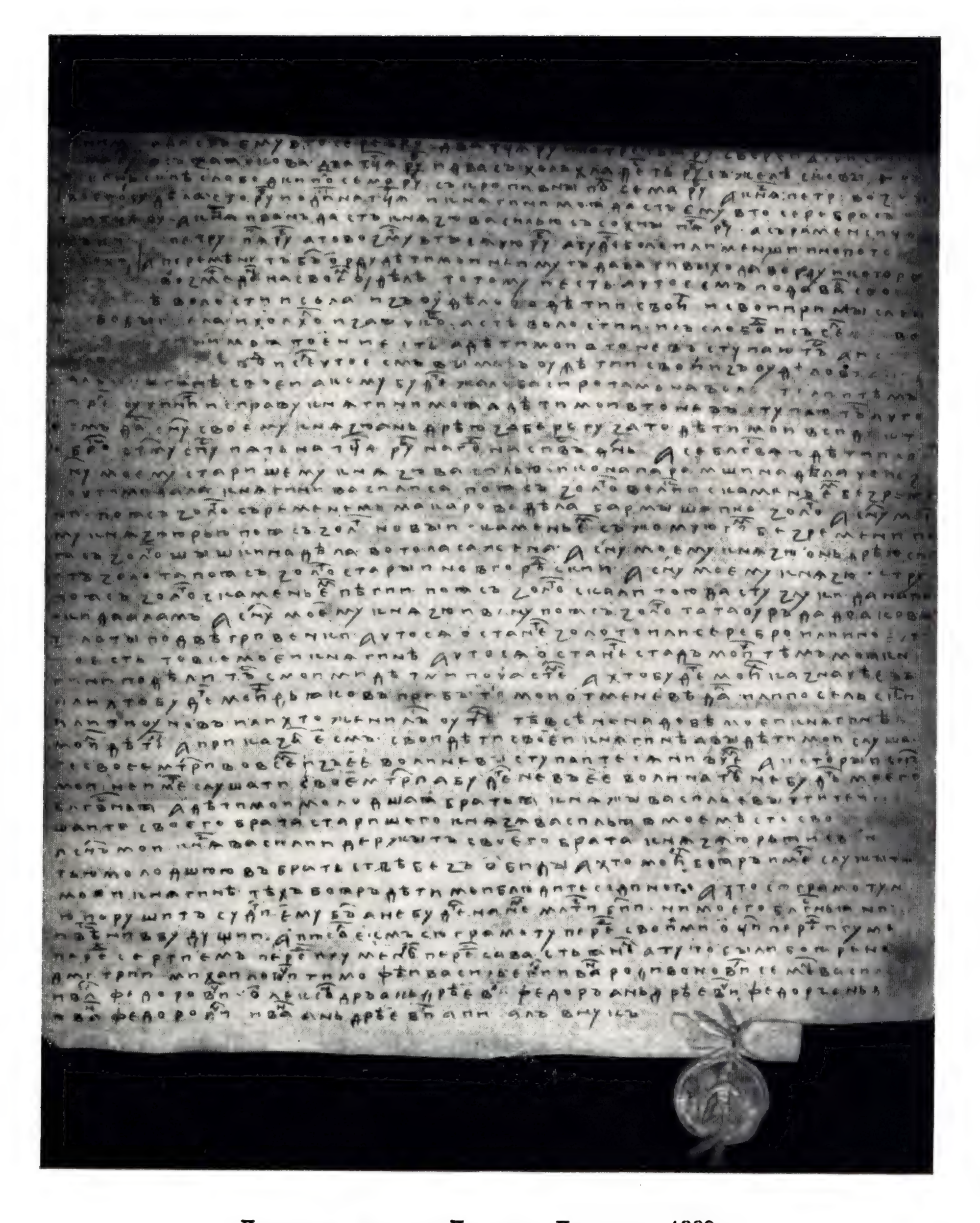
---

[1] ГВНиП, № 84, стр. 142.

Духовная грамота Ивана Калиты.

Центральный Государственный архив древних актов.

Духовная грамота Дмитрия Донского. 1389 г.

Центральный Государственный архив древних актов.

который являлся для них «печальником», первым среди равных князей московского дома.

В целях сохранения экономического и политического единства Московского княжества Москва поступила в общее управление всех трех наследников Калиты, и только отдельные доходные статьи (судебные и таможенные пошлины с Москвы) были поделены между ними. Внутри Московского княжества каждый из сыновей Калиты получил ряд отдельных владений, составивших их «уезды» (позднейший термин «удел» в духовных Калиты еще не встречается). Из наиболее крупных городов великий князь передал Семену Можайск и Коломну с волостями, Ивану — Звенигород, Андрею — Серпухов.

Устанавливалась система феодальной междукняжеской иерархии на основе признания территориального единства Московского княжества (при наличии уделов внутри его) и руководящей роли великого князя московского. При этом вся феодальная иерархия господствующего класса в целом противостояла непосредственным производителям[1].

Оценивая значение княжения Ивана Калиты в истории образования Русского централизованного государства, Маркс справедливо говорил, что при нем «была заложена основа *могущества Москвы*»[2].

По позднейшему московскому летописному известию, княжение Ивана Калиты — это время «тишины великой», когда татары перестали «воевати Русскую землю и убивать христиан», а «християне» «опочили» от «великиа истомы и многыа тягости», «от насилия татарского»[3].

Итак, внутренняя и внешняя политика Ивана Калиты имела прогрессивное значение. Она привела к укреплению Московского княжества и прекращению татарских набегов, что было важно для всего населения. Источники умалчивают о другой стороне дела: о том, что эта политика была связана с укреплением власти господствующего класса над непосредственными производителями.

Возможно, что прозвище Ивана Даниловича — «Калита», т. е. «денежный мешок», было вызвано не только богатством княжеской казны, но и тяжелыми для населения денежными поборами.

После смерти Ивана Калиты большинство русских князей, в том числе и его сыновья, отправились в Орду. Преемник Узбека Джанибек, признал, повидимому, без особых споров, великое княжение за Семеном Ивановичем (1340—1353). Великому князю Семену, по словам летописи, были «все князи руские под руце его даны»[4]. Зимой

---

[1] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I, стр. 12—20, 457—458.

[2] «Архив Маркса и Энгельса». т. VIII. стр. 149.

[3] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 90.

[4] Там же, т. VIII, стр 206· т XXV, стр. 173.

1340 г. в Москве состоялся княжеский съезд, на котором присутствовали князья Константин ростовский, Василий ярославский и другие, где было признано главенство московского князя в системе княжеской феодальной иерархии северо-восточной Руси.

Князь Семен получил прозвание «Гордого», которое, очевидно, дали ему враждебные князья и бояре, испытавшие на себе перемену в положении княжеской власти. Князь Семен, несмотря на серьезную боярскую феодальную оппозицию, сумел сделать дальнейший шаг в сторону укрепления великокняжеской власти.

После смерти Ивана Калиты в Москве поднялась боярская «крамола», особенно опасная потому, что одновременно против Московского княжества выступила Новгородская феодальная республика, готовилась вмешаться в междоусобную борьбу на Руси и Литва. Усиление великокняжеской власти при Иване Калите вызвало среди части крупного боярства опасения за устойчивость своего политического положения. Это боярство, и, повидимому, удельные князья московского дома, братья Семена, вскоре после смерти Ивана Калиты сделали попытку выступить против усиления великокняжеской власти. Указания на это имеются в договорной грамоте Семена Ивановича с братьями Иваном и Андреем середины XIV в.[1] Семен потребовал от московских удельных князей клятвы в том, что они будут считать его «старейшим» и чтить его «в отцево место». Младшие братья называют в этом договоре князя Семена поновому — своим «господином», что свидетельствует об укреплении великокняжеской власти.

В конце договорной грамоты имеется важное прибавление: «А что Олексей Петрович вшел в коромолу к великому князю, нам князю Ивану и князю Андрею к себе его не приимати, ни его детии...» Алексей Петрович, по прозванию Хвост, был известным московским боярином и тысяцким. Он, повидимому, и стоял во главе боярской оппозиции, с которой великокняжеская власть успешно справилась.

Договорная междукняжеская грамота ставила своей задачей восстановить союз между князьями московского дома, нарушенный боярской «коромолой» и «свадой». Этот союз («быти ны за один до живота») попрежнему строился на началах «старейшинства» великого князя московского.

Междукняжеское единство проявлялось в согласованных действиях в области внешней политики, в совместном заключении политических союзов: «А кто будет брату нашему старейшему недруг, то и нам недруг.

---

[1] ДДГ, № 2, стр. 11.

А кто будет брату нашему старейшему друг, то и нам друг. А тобе, господине князь великий, без нас не доканчивати ни с ким»[1].

Великий князь являлся верховным распорядителем военных сил Московского княжества, и удельные князья были обязаны ему подчиняться. Усиление великокняжеской власти было тесно связано с централизацией управления военными силами. В договоре Семена Ивановича с удельными князьями говорится: «А где ми будет всести на конь, всести вы со мною. А где ми будеть самому не всести, а будеть ми вас послати, всести вы на конь без ослушанья»[2].

Соглашение трех сыновей Калиты следовало его программе, согласно которой признавалась необходимость сохранения экономического единства и финансовой мощи Московского княжества как основы укрепления великокняжеской власти. Первый среди равных из князей московского дома, «старейший брат», возглавлявший вооруженные силы всей княжеской феодальной иерархии, получил ряд преимуществ материального характера. Младшие братья «сступилися ему на старейшинство» и передали «пол-тамги» (т. е. половину таможенных пошлин) и некоторые доходы из дворцовых «путей».

Договорная грамота сыновей Калиты отчетливо сформулировала и основные принципы удельной системы. Подтвердив раздел владений, произведенный Калитой, она признала наследственность этих владений вместе с будущими княжескими «примыслами», их самостоятельность в области управления и суда, «вольность» боярской службы и право боярского отъезда. В договоре находим запрещение князьям, их боярам и слугам покупать в чужих уделах земли и посылать в другие княжества приставов и данщиков[3].

Таким образом признавался иммунитет феодальных княжеств, связанных вассальной иерархией, под верховенством великого князя московского.

Действия великокняжеской власти вызвали оппозицию не только со стороны московского боярства. Новгородские бояре тоже сделали попытку освободиться от тех условий, в какие поставил Новгородскую феодальную республику Иван Калита, смерть которого спасла Новгород от нового похода московской рати. Когда князь Семен был в Орде, новгородские «молодцы», т. е. организованные на средства бояр дружины, ходили воевать Устюжну и Белозерскую волость, находившиеся в зависимости от Москвы. Сейчас же по возвращении из Орды князь Семен послал в Торжок за данью («посла

---

[1] ДДГ, № 2, стр. 11.
[2] Там же, стр. 13.
[3] *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., ч. 1, стр. 23—24.

в Торжек бояр дани брати, и начаша сильно деяти»)[1]. Новоторжские бояре обратились за помощью к новгородским. Из Новгорода прибыло войско, овладело Торжком, схватило великокняжеских наместников и сборщиков дани с женами и детьми и заковало их в цепи.

Борьба новгородского боярства с великокняжеской властью послужила толчком для антифеодального восстания в Торжке. Новоторжская беднота вместе с новгородской, ведя борьбу за «хорошего князя», вооружилась, освободила арестованных и бросилась на своих бояр, разграбила их дома, опустошила села. Часть новоторжских бояр бежала в Новгород, куда князь Семен уже шел со своим войском. Дело до боя, однако, не дошло. Семен взял «черный бор» (т. е. денежный окуп) по Новгородской волости и 1000 рублей с Торжка, после чего послал своего наместника в Новгород, который не мог сопротивляться силе Москвы и нуждался в ее помощи в борьбе с новым натиском Ордена и шведов. Таким образом, московский великий князь использовал классовую борьбу в Торжке и Новгороде для укрепления там своих политических позиций.

Тверское княжество во время сорокалетнего княжения двух младших братьев погибшего в Орде Александра Михайловича — Константина (1327—1346) и Василия (1349—1367) медленно восстанавливало свое политическое положение, расшатанное во время борьбы с Калитой. Тверские князья в это время не решались открыто выступить против Москвы. Зависимость Твери от Москвы была закреплена браком Семена Ивановича с дочерью тверского князя Александра Михайловича, Марией.

Опасность для Московского княжества усилилась с западной границы, со стороны Литвы. Годы княжения Ольгерда (1345—1377) были временем быстрого роста Литовского великого княжества, которое захватывало белорусские, украинские и некоторые русские земли. Захват Литвой чернигово-северских княжеств, проникновение ее в область верхней Оки — все это подготовило потерю самостоятельности Смоленской земли в начале XV в. и делало великое княжество Литовское непосредственным соседом московской территории. Ольгерд вел политику наступления на восток и вступил в длительную и ожесточенную борьбу с великим княжеством Московским[2].

В 1341 г. войска Ольгерда подходили к Можайску, но не смогли овладеть городом. Потерпев неудачу в самостоятельном выступлении, Литовское правительство через несколько лет решило осуществить литовско-ордынский союз против Москвы и стало просить у хана помощи

---

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 206.

[2] См. гл. 6, § 1 настоящего издания.

для борьбы с московским князем. Узнав о действиях Ольгерда в Орде, Семен Иванович в свою очередь немедленно обратился к хану и успел убедить его в том, что опасность Золотой орде грозит не от Москвы, а от Ольгерда, который «царев улус, а князя великого отчину, опустошил». Тогда хан, боявшийся усиления Литвы, выдал послов Ольгерда московскому князю. Московское правительство одержало дипломатическую победу[1].

Распространение власти Литовского княжества в сторону верхней Оки сталкивалось с движением в эту же область московских феодалов. В княжение Семена Ивановича территория Московского княжества расширилась в результате присоединения бассейна р. Протвы. Было положено начало распространению московских владений в этом направлении. Другим важным приобретением было присоединение выморочного Юрьевского княжества. Земли этого княжества, примыкавшие с запада к Суздальскому ополью, были плодородны и имели богатые соляные источники.

На северо-западе московская великокняжеская власть неустанно охраняла русские рубежи. В 1348 г. московское правительство оказало помощь Новгороду против шведского короля Магнуса Эрихсона, высадившегося в устье Невы и захватившего Орешек. Город был освобожден новгородскими войсками при помощи Москвы.

Великий князь Семен Иванович умер в 1353 г., во время страшной эпидемии чумы, занесенной из Западной Европы.

В своей духовной, обращаясь к удельным князьям Ивану и Андрею, князь Семен Иванович требовал, чтобы они руководствовались договором, заключенным великим князем после смерти Ивана Калиты: «...положил есмь на бозе и на вас, на своей братьи, тако имете блюсти по нашему докончанью, како тогда мы целовали крест у отня гроба»[2]. Это распоряжение стремится предотвратить возможность блока между удельными князьями и боярской оппозицией. Семен Иванович, указывая на выступление против великокняжеской власти тысяцкого Алексея Петровича, дает наказ братьям не слушать «лихих людей», а следовать советам «отца нашего владыки Олексея, такоже старых (служилых московских.— *Ред.*) бояр».

После смерти Семена, в княжение его брата Ивана Москва столкнулась с княжествами Суздальско-Нижегородским и Рязанским.

С 40-х годов XIV в. для Московского княжества усилилась опасность со стороны северо-восточной окраины, где на Суздальском ополье и к востоку от него сложилось Суздальско-Нижегородское княжество.

---

[1] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 96.

[2] ДДГ, № 3, стр. 13.

При суздальском князе Константине Васильевиче к основной территории Суздальской земли были присоединены Городец и Нижний Новгород, входившие ранее в состав земель великого князя владимирского. Так образовалась территория великого княжества Суздальско-Нижегородского.

После смерти Семена Ивановича суздальский князь Константин Васильевич впервые заявил права на великое княжение владимирское. В случае удачи это означало бы решительное расширение территории княжества и превращение его в значительную силу в центральном междуречье. Этого не хотели допустить и в Орде. Первое выступление суздальско-нижегородского князя, поддержанное новгородским боярством, кончилось торжеством его московского соперника, брата Семена Ивановича — Ивана Ивановича, на сторону которого стала золотоордынская власть. Весьма вероятно, что возможное объединение Суздальско-Нижегородского княжества с владимирской территорией и с Новгородом, а также усиление его связей с Литвой (они были закреплены в 1354 г. браком сына суздальского князя Константина Васильевича Бориса с дочерью Ольгерда) вызвали в Орде тревогу за свое положение в русских землях. Это могло побудить хана отдать предпочтение московскому князю.

В Рязанском княжестве правившие во время малолетства князя Олега Ивановича, сына князя Ивана Коротопола, рязанские бояре, воспользовавшись тем, что Москва была опустошена моровым поветрием (эпидемией чумы), перешли в наступление против нее и отняли одну из захваченных еще князем Даниилом волостей — Лопасну (1353).

Важным участком русско-ордынской границы было течение Оки между рр. Угрой и Москвой. В этом месте находились наиболее удобные броды, за которыми открывался путь на Москву. Этим определялась роль удельного Пронского княжества, непосредственно господствовавшего над подступами не только к наиболее богатой части Рязанской земли, но и к Москве. Значение Пронска очень хорошо понимали и в Москве.Поэтому московское правительство поддерживало пронских князей в их борьбе с рязанскими князьями. Постоянное вмешательство Москвы во внутренние дела Рязанского княжества не могло не ослаблять его сил.

Большим препятствием к объединению княжества и прекращению феодальных войн было рязанское боярство, которое не только не хотело подчиняться власти своих рязанских князей, но и с большим неодобрением смотрело на рост княжеской власти в Москве, сумевшей превратить значительную часть своего боярства в послушных себе слуг. Не случайно часть московского боярства, во главе с боярином А. П. Хвостом, недовольная ростом великокняжеской власти, дер-

жала связь с Рязанской землей. Некоторые московские бояре при князе Семене Гордом бежали в Рязань.

После смерти Семена в Москве происходили события, свидетельствовавшие о прочности политических успехов великокняжеской власти. Характерна в этом отношении судьба боярина А. П. Хвоста. Несмотря на данную князю Семену клятву, Иван Иванович принял к себе этого опального боярина в качестве тысяцкого; последний, очевидно, сделал новую попытку выступить со своими сторонниками против великокняжеской власти. В феврале 1357 г. он был убит. «Убиение же его,— объясняет летописец,— дивно некако и незнаемо, аки ни от кого же ником же, токмо обретеся лежаи на площади; неции же рекоша, яко втаю совет (заговор.— *Ред.*) сотвориша и ков коваша на нь, и тако всех общею думою... от своея дружины пострада»[1]. Это, несомненно, было политическое убийство. Убить его могли только сторонники великокняжеской власти из служилых московских бояр. Другая летопись прибавляет: «и бысть мятеж велий на Москве того ради убийства... и по последнему (санному.—*Ред.*) пути болшии бояре московстии отъехаша на Рязань з женами и з детьми...»[2] Они ушли из Москвы, не имея сил бороться и не желая покориться великокняжеской власти. В Рязани «большие» московские бояре рассчитывали пользоваться большей независимостью, чем во владениях московского князя, который успешно разрешал задачу превращения бояр в своих слуг.

Экономические и политические успехи Москвы создавали прочную базу для усиления тех социальных элементов, которым крепкая княжеская власть была не только не опасна, но и необходима. Москва крепла вопреки желаниям золотоордынских ханов, которые уже не могли закрывать глаза на очевидный факт политического усиления Московского княжества, грозивший серьезными последствиями для Орды. Опасность для нее увеличивалась и потому, что в самой Орде происходил в это время процесс распада государства на отдельные самостоятельные части, ослаблявший военную мощь Орды.

После насильственной смерти хана Джанибека (1357) кончилось время политического подъема Золотой орды. Дальнейшая история золотоордынского государства начинается кровавой борьбой за сарайский престол. По словам русского летописца, «возстааша вражда и замятня велиа во Орде»[3]. Династическая борьба, а также все яснее проступавшие тенденции к обособлению отдельных частей -- улусов

[1] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 99.
[2] Там же, стр. 229.
[3] Там же, т. X, стр. 229.

ослабляли центральную ханскую власть и принуждали ее по-иному строить взаимоотношения с русскими землями. Если даже в пору наибольшего расцвета Золотая орда не могла не опасаться усиления московской великокняжеской власти, го такие опасения становились еще более реальными при утрате Ордой прежнего единства. Это сближало Орду с соперниками Москвы. С другой стороны, частая смена ханов придавала ордынской политике в русских делах очень неустойчивый характер, а это облегчало вмешательство русских князей в династическую борьбу в Сарае.

Русский народ, никогда не прекращавший своей борьбы с Ордой, постепенно стал переходить к мощному организованному выступлению против татаро-монгольского ига.

9

УКРЕПЛЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV В. ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ МОСКВЫ В КАЧЕСТВЕ ЦЕНТРА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА. БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА ПРОТИВ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА И ЛИТОВСКОЙ АГРЕССИИ

Один из важнейших этапов в истории объединения русских земель вокруг Москвы и создания единого Русского государства охватывает время со второй половины XIV до второй четверти XV вв. В это время окончательно определяется значение Москвы в качестве столицы формирующегося Русского централизованного государства. Идет дальнейшее преодоление феодальной раздробленности. В отдельных крупных княжествах (Московском, Тверском, Рязанском, Суздальско-Нижегородском) местная великокняжеская власть ведет борьбу с феодальным дроблением и добивается некоторого внутриполитического единства. Дальнейшие политические столкновения происходят между ограниченным числом наиболее сильных феодальных княжеств, причем уже совершенно отчетливо определяется победа Москвы как основы общерусского единства. Другие феодальные центры в разной степени и в различных формах попадают под власть Московского княжества. Москва в качестве национального центра русского народа возглавляет его борьбу против монголо-татарского ига и литовской агрессии. В княжение Дмитрия Донского (1359—1389) русский народ организованно выступает против Орды и одерживает блестящую победу над татарскими полчищами на Куликовом поле (1380).

Политическое положение Московского княжества в третьей четверти XIV в. было очень сложным. Суздальско-Нижегородское княжество, несколько ослабленное после первого неудачного выступления против Москвы в конце 50-х годов XIV в., вновь заявило притязания на великое княжение владимирское.

Орда, активно препятствовавшая объединению русских земель вокруг Москвы, поддерживала ее политических противников. В самой Орде происходили феодальные войны. С 1357 по 1360 гг. там не прекращалась «замятня», вылившаяся в кровавую борьбу татаро-монгольских феодалов за ханский престол. Сменявшие друг друга ханы поддерживали отдельных русских князей, боровшихся с московской великокняжеской властью, стремясь к сохранению феодальной раздробленности на Руси. Смена ханов в Орде сопровождалась каждый раз новыми поборами с русских земель. В 1357 г., как сообщает летопись, на Руси появился посол из Орды «именем Кошак и бысть велика истома князем русскым». В 1358 г. ордынский посол Мамат-Хожа «много зла сотвори» в Рязанской земле[1] и т. д.

Со стороны великого княжества Литовского продолжалось наступление на русские земли. Литовское политическое влияние охватывало на севере Тверскую землю до Суздальско-Нижегородского княжества, на юге — верховья Оки и Рязанское княжество. Смыкание литовской политики с ордынской, наметившееся в 70-х годах XIV в. на основе объединения ряда противников Москвы, создавало для последней серьезную угрозу.

Московское княжество, однако, успешно преодолело нависшую над ним опасность.

После смерти великого князя Ивана Ивановича в 1359 г. остались два его сына — старший Дмитрий, которому исполнилось девять лет, и Иван. Фактическая власть перешла к наиболее видным представителям московского служилого боярства, тесно связанного экономическими и политическими интересами с великокняжеским домом. Главой боярского правительства стал митрополит Алексей, происходивший из боярской среды и выдвинувшийся на политическую арену еще при жизни великого князя Ивана Ивановича.

Московскому боярскому правительству, поддерживавшему малолетнего князя Дмитрия Ивановича, пришлось вступить в борьбу с суздальско-нижегородским князем Дмитрием Константиновичем, который в 1360 г. добился от ордынского хана Хидыря ярлыка на великое княжение.

---

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 10; т. XXV, стр. 180.

В начале 60-х годов в Орде продолжались феодальные войны. После убийства хана Хидыря его сыном Орда была разделена между двумя ханами: Абдулом, за которого фактически правил темник Мамай, и Мюридом. Династическая борьба в Орде приводила к тяжелым последствиям для Руси. Так, например, в 1361 г. один из ордынских князей захватил несколько волжских городов, вследствие чего прекратилось торговое движение по Волге («отня весь волжский путь»[1]). Этим был нанесен ущерб купечеству русских городов, заинтересованному в развитии торговых отношений с Востоком.

Возраставшие поборы с трудового населения русских земель, которые производились соперничавшими между собой ханами, вызвали новую волну массового антитатарского движения русского народа. Усиливалось «разбойничество», в развитии которого в какой-то мере также проявился протест широких трудовых масс против гнета золотоордынских феодалов. В 1360 г. в Русь явились ордынские послы с требованием выдачи «разбойников». Этот вопрос специально разбирался на княжеском съезде, руководимом великим князем Дмитрием Константиновичем. Съезд постановил выдать «разбойников» Орде.

Московская великокняжеская власть, стремившаяся к политическому объединению русских земель, использовала поддержку торгово-ремесленного городского населения, которое рассчитывало получить у московского князя защиту своих интересов. Московская великокняжеская власть учитывала также массовое антитатарское стихийное движение русского народа, заинтересованного в прекращении хозяйничания ордынских феодалов.

В 1362 г. московские послы, действовавшие в самый разгар династической борьбы в Сарае, получили от нового хана Мюрида (Амурата) ярлык на великое княжение Дмитрию Ивановичу. Сопротивление со стороны Дмитрия Константиновича суздальско-нижегородского было без труда подавлено московской военной силой.

Дмитрий Константинович попытался использовать распри в Орде. Когда в 1363 г. хан Абдул признал великокняжеский стол за Дмитрием Ивановичем, Дмитрий Константинович добился в свою очередь ярлыка на великое княжение от его противника Амурата и сделал попытку укрепиться во Владимире, но был оттуда изгнан московскими войсками.

После этого Дмитрий Константинович был вынужден не только признать московскую великокняжескую власть, но даже искать у нее поддержки для укрепления своего политического положения в Суздальско-Нижегородском княжестве. Соперником Дмитрия Константино-

---

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 11; т. XXV, стр. 181.

вича выступил его брат Борис. Используя феодальные войны в Орде, оба соперника заручились ярлыками (от двух разных ханов) на Нижегородское княжение, но Дмитрий обратился за поддержкой к Москве. С помощью московского войска он одолел Бориса и укрепился в Нижнем Новгороде.

Получив таким образом стол, Дмитрий Константинович и в дальнейшем поддерживал связи с московским правительством. Союз двух княжеств, закрепленный браком между Дмитрием Ивановичем и дочерью Дмитрия Константиновича — Евдокией, позволил организовать энергичный совместный натиск на подвластные Орде волжские земли и прежде всего на земли мордвы и болгар. Московское правительство стремилось подчинить Нижегородское княжество своим политическим интересам. С этой целью оно привлекало на свою сторону нижегородское торгово-ремесленное население. Это видно из следующего факта. В 1366 г. на Нижний Новгород напали новгородские ушкуйники. Их действия были направлены как против купцов восточных стран («бесерменских»), так и против русского купечества: «... и избиша по Волзе множество татар, и бесермен, и ормен, и Новгород Нижний пограбиша, а суды их, кербаты, и павозкы и лодьи, и учаны и стругы, все изсекоша»[1]. Затем ушкуйники по Каме дошли до Булгара. В разбойных действиях ушкуйников, несомненно, имело место проявление классовой борьбы. Но новгородское боярство использовало выступления ушкуйников в своих интересах, организуя их походы и наживая на этом значительные средства.

На защиту купечества Нижнего Новгорода выступил в 1366 г. не Дмитрий Константинович, а московская великокняжеская власть, пославшая в Новгород запрос: «по что есте ходили на Волгу и гостей моих пограбили, и бесермен побили?»[2]. Новгородское боярство вынуждено было уплатить 8000 рублей, из которых 3000 рублей Дмитрий Иванович отдал Дмитрию Константиновичу.

Нижний Новгород как экономический и политический центр играл большую роль в развитии торгового движения по Волге и в военном наступлении на ордынские земли в Поволжье.

Нападение в 1367 г. (хотя и удачно отбитое) ордынского мурзы, владевшего Болгарским ханством, и дальнейшие осложнения в отношениях с этим ордынским улусом заставили правительство Дмитрия Константиновича усилить оборону Нижнего Новгорода. Были построены каменные укрепления («верхний город») и воздвигнуто несколько острожков.

---

[1] ПСРЛ, т. XXV, стр. 183; НПЛ, стр. 369.

[2] ПСРЛ, т. III, стр. 229; НПЛ, стр. 369.

Благодаря успеху Москвы в установлении политических взаимоотношений с Суздальско-Нижегородским княжеством московскими войсками было подавлено и движение мелких князей (галицкого, ростовского, стародубского), пытавшихся использовать ослабление московской княжеской власти в годы малолетства Дмитрия Ивановича и боярского правительства и устранить зависимость от Московского княжества.

Борьба московской великокняжеской власти с феодальной раздробленностью выразилась также в стремлении усилить политическую зависимость удельных князей московского дома. Около 1367 г. Дмитрий Донской заключил договор с серпуховско-боровским князем Владимиром Андреевичем (внуком Ивана Калиты, сыном князя Андрея Ивановича).

Этот договор[1] требует безоговорочно от «брата молодшего» (удельного князя) «службы без ослушанья» великому князю, который обещает «кормити его по его службе». Правда, далее договор подчеркивает «добровольный» характер этой «службы», основанной на взаимном соглашении и отвечающей обоюдным княжеским интересам. Но в целом договор строится на началах фактического признания зависимости удельного князя от великокняжеской власти, лишь облеченной в соответствующие нормы феодального права.

Договор 1367 г. предоставляет великому князю руководство всеми военными силами Московского княжества. В договорную грамоту внесено обязательство удельного князя посылать «без ослушанья» своих бояр и слуг по требованию «старейшего брата». Требуя от удельного князя безусловного подчинения в вопросах организации военных сил великокняжеской власти, договор, однако, признает за удельнокняжескими полками право выступать в составе великокняжеских войск под собственным «стягом».

Договорный акт 1367 г. свидетельствует также о стремлении великокняжеской власти прекратить боярские «отъезды» и закрепить у себя на службе значительные боярские силы. В принципе подтверждая «вольность» боярской службы, выражающуюся в праве «отъезда», договор, однако, ограничивает это право в отношении «кормленщиков», которым предъявляется требование предварительного отказа и расчета: «а который боярин поедеть ис кормленья от тобе ли ко мне, от мене ли к тобе, а службы не отслужив, тому дати кормленье по исправе, а любо служба отслужити ему»[2].

---

[1] ДДГ, № 5, стр. 19—21.

[2] Там же, № 5, стр. 21. Подробнее см.: *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1, стр. 31—35.

Московская великокняжеская власть монополизировала также внешнеполитические государственные функции. Право сношений с Ордой договор 1367 г. признает за великим князем. Удельный князь этого права лишен. «Ордынская тягость и протор» уплачиваются «молодшим братом» со своего удела через «брата старейшего» «по давным свертком».

С конца 60-х годов XIV в. Московское великое княжество вновь вступило в борьбу со своим главным противником — великим княжеством Тверским, опиравшимся на поддержку Литвы. Война с Тверью в 1368—1375 гг. была последней серьезной попыткой борьбы некоторых князей северо-восточной Руси во второй половине XIV в. против московского правительства.

Феодальные войны, происходившие в Тверском княжестве, тяжело отражались на положении тверского крестьянства и горожан. Населению не раз приходилось спасаться бегством от феодальных войн с тем, чтобы потом снова возвращаться «во грады их, во власти (волости. — *Ред.*), и во всю землю Тверскую»[1]. В середине XIV в. Тверь страдала от длительной борьбы тверского князя Василия Михайловича с удельными князьями Всеволодом холмским и затем с Михаилом микулинским. В этой борьбе Всеволод и Михаил Александрович обращались за помощью в Литву, а Василий — в Москву.

Правительство Дмитрия Донского, использовавшее в своих интересах феодальные войны в Тверском княжестве в целях его ослабления, пригласило Михаила Александровича микулинского (с 1367 г.— тверского) для переговоров в Москву и арестовало его. Повидимому, по настоянию Орды Михаил затем получил свободу.

Воспользовавшись феодальными междоусобицами тверских князей, в 1368 г. московская великокняжеская власть вступила в активную борьбу с Тверским княжеством. Великий князь тверской Михаил Александрович не мог надеяться на успех самостоятельного сопротивления Москве, так как перевес материальных и военных сил был на стороне его противника. Тверской князь рассчитывал на помощь Литовского великого княжества и поддержку Орды. В 1368 г. Михаил Александрович обратился за помощью к Ольгерду, женатому на его сестре, для борьбы с войсками Дмитрия Ивановича московского, сделавшего попытку занять Тверь. После этого тверское правительство укрепило столицу своего княжества, выстроив новый деревянный кремль.

Затем Ольгерд с литовскими войсками, в союзе с тверским князем, предпринял два похода под Москву «в силе тяжце», в сопровождении смоленских и тверских дружин (1368 и 1370).

---

[1] *В. С. Борзаковский*. История Тверского княжества. СПб., 1876, стр. 134.

Литовское нашествие 1368 г. отличалось такой быстротой и неожиданностью, что московские войска не успели собраться. Успех похода был рассчитан на внезапность: «Обычай бо бе Ольгерду: егда куде поидяше на войну, тогда убо никому же не ведущу, но ни воином его, еже камо хощет ити ратью, ни иже иным опришным или внешним или иноземцем или гостем, яко не дасть уведати на кого идеть, да не услышана будеть дума его в ушыю иноземцем, да не изыдеть весть си в ту землю, в нюже рать ведяше, ...не токмо силою, елико умением воеваша»[1]. В Москве о выступлении Ольгерда узнали поздно. Были посланы грамоты по городам о сборе рати. Однако подойти к Москве войска не успели («не поспела бо тогда никоторая рать из дальних мест приити»). Наскоро был собран сторожевой полк из московских, коломенских, дмитровских воинов под начальством воевод Дмитрия Минина и Акинфа Федоровича Шубы. Вступив в московские пределы, войска Ольгерда «начали воевати порубежная места, жещи и грабити и люди сещи». У р. Тростны (недалеко от Волоколамска) 21 ноября Ольгерд разбил московский сторожевой полк. Дмитрий Минин, Акинф Шуба и много русских воинов погибли в бою. Узнав о пребывании Дмитрия Ивановича в Москве и об отсутствии у него достаточных военных сил, Ольгерд двинулся к столице Московского княжества. Все деревянные строения московского посада для облегчения обороны («приметы деля») были выжжены населением, готовившимся к осаде. Дмитрий Иванович, серпуховско-боровский князь Владимир Андреевич с боярами и митрополит Алексей находились в Кремле, там же собралось и окрестное население, готовое к защите родного города.

Простояв под Москвой в течение трех суток и не будучи в состоянии овладеть городом, Ольгерд повернул обратно, предавая огню окрестные монастыри, церкви, остававшиеся вокруг Кремля здания, грабя «волости и села», избивая и уводя в плен население[2]. На грабительский поход Ольгерда московские войска ответили в 1370 г. походом на Тверь.

Второй поход Ольгерда на Москву с литовскими, смоленскими и тверскими силами относится к 1370 г. На этот раз Ольгерду было оказано героическое сопротивление под Волоколамском. Не сумев сломить это сопротивление, Ольгерд двинулся к Москве, готовившейся ко вторичной осаде.

Под Перемышлем находилась большая рать под командованием серпуховского князя Владимира Андреевича, к которому на помощь подо-

---

[1] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 108.

[2] Там же, т. VIII, стр. 15—16; т. XXV, стр. 185.

шли рязанские войска. Простояв безуспешно десять суток под Москвой, Ольгерд был вынужден начать переговоры о мире. Дмитрий Иванович соглашался лишь на перемирие, которое и было затем заключено.

Оба похода Ольгерда на Москву принесли русскому народу громадное разорение. Современники могли сравнить «зло», причиненное Литвой, только с татарским погромом; как говорит летописец: «преже того толь велико зло Москве от Литвы не бывало Руси, аще от татар бывало».

Попытки тверского князя Михаила Александровича добиться победы над московской великокняжеской властью при поддержке хана также не имели успеха.

В 1371 г. Михаил Александрович, пробравшись из Литвы в Орду, вывез оттуда ярлык на великое княжение, захватив с собой ханского посла Сарыхожу. Но Москва уже не боялась Орды и решила действовать самостоятельно. Дмитрий Иванович обратился к владимирцам и населению других городов Владимирского княжества. Все они присягнули Дмитрию на том, что не пустят к себе Михаила, и клятву свою выполнили. На приглашение Сарыхожи приехать во Владимир слушать ярлык Дмитрий ответил: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение Володимерское не пущу, а тебе, послу, путь чист»[1]. В третий раз призванные на Русь Михаилом Александровичем войска Ольгерда потерпели поражение от московских войск под Любутском в 1372 г.

Вторично Михаил Александрович получил ханский ярлык на великое княжество Владимирское в 1375 г. при участии бежавшего из Москвы в Тверь купца-«гостя» Некомата Сурожанина. Однако и на этот раз Дмитрий Иванович не только не подчинился ханскому решению, но в то же лето пошел против Твери, «со всей силою собрався, и со всеми князи русскими совокупяся»[2]. Этот поход стал демонстрацией политических успехов Москвы в объединении русских земель. Вместе с Дмитрием Ивановичем на Тверь шли князья суздальский, ростовский, смоленский, ярославский, белозерский, кашинский, моложский, стародубский, брянский, новосильский, тарусский и другие, «со всеми силами своими». В походе, таким образом, участвовали и удельные князья тверские, родственники Михаила Александровича, и даже смоленские и чернигово-северские, еще недавно признававшие литовскую власть.

Это выступление против Михаила Александровича имело характер общерусского предприятия, задачу которого, заключавшуюся в двойной борьбе с Литвой и Ордой, московский летописец определил

---

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 15.

[2] Там же, стр. 22.

в следующих словах, сказанных от имени участников похода: «колико сей (Михаил Александрович.— *Ред.*) приводил ратью зятя своего, великого князя литовского Ольгерда Гедимановича, и много зла христианам сотвори, а ныне сложися с Мамаемь, и со царем его, и со всею Ордою Мамаевою; а Мамай яростию дышет на всех нас, и аще сему попустим, сложився с ними, имать победити всех нас»[1].

Михаил Александрович, убедившийся в том, что «вся Русскаа земля возста на него»[2] и что Ольгерд не решается помочь своему союзнику, заключил мир с Дмитрием Ивановичем на очень тяжелых для Твери условиях. Тверское правительство признало себя побежденным. Тверской князь обязался считать московского князя «старейшим», ходить по его приказанию на войну, не искать и не принимать от хана великокняжеского достоинства, отказаться от союза с Литвой, согласиться на расчленение Тверского княжества путем признания независимости Кашинского удела, вернуть Новгороду захваченные у него земли и ценности, идти с Москвой против татар, если московский князь пойдет против них, и участвовать в защите Москвы от татар в случае их нападения.

Из этого договора видно, что борьба Твери с Москвой за великокняжескую власть в северо-восточной Руси и связанные с ней экономические и политические привилегии окончилась для Твери полным поражением. Попытка тверского правительства связать свои политические судьбы с Литвой или Ордой привела к полной его изоляции, так как все прогрессивные общественные силы поддерживали Москву, возглавившую борьбу русского народа с литовским нашествием и татаро-монгольским игом. Видя рост политического значения Москвы как национального центра, русские князья стали переходить на сторону московской великокняжеской власти, разрывая союз с Тверью.

Отношения московской великокняжеской власти с другими русскими феодальными княжествами к середине 70-х годов XIV в. строились на началах признания ими первенствующей роли Московского княжества в феодальной политической системе северо-восточной Руси. По договору, заключенному между московским правительством и Новгородской феодальной республикой, она обязывалась оказывать помощь великокняжеской власти против Литвы и Тверского княжества. Правительство Дмитрия Ивановича обещало помогать Новгороду в борьбе с Орденом, Литвой и Тверью[3].

Положение Рязанского княжества на юго-восточном рубеже русских владений, в близком соседстве с врагами Москвы — Ордой и Литвой,

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 23.
[2] Там же.
[3] ГВНиП, № 16, стр. 31.

определило неустойчивую политику рязанских князей с ориентацией на Орду против Москвы. В самом Рязанском княжестве Москва попрежнему находила политическую опору в небольшом удельном княжестве Пронском.

Обострившаяся борьба между Рязанью и Москвой привела в конце 1371 г. к битве у Скорнищева, окончившейся поражением войск рязанского князя Олега Ивановича, который «едва в мале дружине утече»[1]. В Рязани сел ставленник Москвы князь Владимир пронский, но вскоре Олегу Ивановичу удалось прогнать его и вернуть свою столицу Переяславль (Рязанский). С этого времени рязанский князь стал держаться более осторожно по отношению к Москве. Татарская помощь, на которую в борьбе с Москвой готово было опереться правительство Олега Ивановича, не избавляла рязанские земли от погромов со стороны Орды. Поэтому Олег Иванович держался выжидательной тактики, ориентируясь на Орду, но не оказывая ей прямой поддержки и не выступая более открыто против Москвы.

Таким образом, к середине 70-х годов правительству Дмитрия Ивановича удалось не только укрепить великокняжескую власть, но и придать ей такое значение, которого она раньше не имела. Московская великокняжеская власть все больше и больше становилась для разрозненных русских земель единственной реальной силой, способной дать организованный отпор и Литве и Орде. Историческую роль организатора борьбы с татарами выполнил Дмитрий Донской. Его заслуга заключается в том, что он, в противоположность другим князьям, сумел понять значение борьбы русского народа с татаро-монгольским игом за независимость Родины и сумел ее возглавить.

Уже во время борьбы за великое княжение Дмитрий Иванович не раз открыто выступал против ханских распоряжений. Так он поступил в 1363 г., когда нижегородский князь Дмитрий Константинович попытался с ярлыком хана Амурата укрепиться во Владимире, но не смог там долго удержаться. Так же неудачны были обе попытки тверского князя Михаила Александровича воспользоваться татарской помощью. Политика Москвы в эти годы становилась все более независимой от Орды.

Между тем начали учащаться нападения татар на русские, преимущественно окраинные, земли. Потерпевшие поражения в феодальных войнах в Орде татарские князья возмещали свои неудачи путем грабительских походов на русские княжества. В 1373 г. татары опустошили Рязанскую землю, пожгли города, убили множество людей и увели с собой большой полон. Дмитрий Иванович все лето «со

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 17.

всею силою своею»[1] стоял на левом берегу Оки и не дал татарам переправиться через нее. В 1375 г. татары разорили земли к востоку от р. Пьяны. В следующем году Дмитрий Иванович «ходил ратью за Оку реку, стерегася рати татарскиа от Мамая»[2].

Грабежи и разорения татарскими феодалами русских земель вызывали массовые антитатарские движения в русских городах. Так, в 1374 г. в Нижнем Новгороде произошло народное восстание, во время которого было перебито около 1500 татар. Используя эти восстания, московская великокняжеская власть с конца 70-х годов XIV в. начинает наступление на владения Золотой орды.

Весной 1377 г. московская рать во главе с воеводой Дмитрием Михайловичем Волынским, вместе с нижегородскими войсками под предводительством сыновей князя Дмитрия Константиновича, предприняла поход на татарские владения по Волге в пределы бывшего Болгарского государства. Победа осталась на стороне русского войска. Татарские князья Асан и Ахмат-Салтан принуждены были «добить челом» московскому великому князю, заплатить «окуп» и принять к себе великокняжеских «дарагу и таможника», т. е. до некоторой степени признать над собой власть Москвы.

Своим участием в военных действиях нижегородских князей, прямо или косвенно направленных против Орды, и в нижегородской торговле Москва выступала как активная организующая сила и фактически делала Нижегородское княжество проводником своих политических целей.

Совместные действия суздальско-нижегородских князей с великим князем московским преследовали цель присоединить бывшие болгарские территории, обладание которым обеспечивало с военно-стратегической точки зрения оборону нижегородской окраины, а с экономической — торговое движение по Волге.

Частичные столкновения Руси в 60—70-х годах XIV в. с отдельными татарскими выходцами-феодалами, старавшимися «изгоном» пограбить русские земли, постепенно перерастали в общую борьбу между Русью и Ордой.

Между тем Золотая орда после ряда лет ожесточенных феодальных распрей достигла некоторого политического единства под властью темника Мамая. В 1377 г. Мамай отправил против Нижнего Новгорода царевича Арапшу, который, согласно русской летописной характеристике, был «свереп зело, и ратник велий»[3]. Можно предполагать,

---

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 19.
[2] Там же, стр. 24.
[3] Там же, стр. 27.

что непосредственной причиной похода были русские успехи на Волге.

Дмитрий Константинович нижегородско-суздальский, получив известие о походе татар, немедленно обратился за помощью к великому князю Дмитрию Ивановичу. Однако татарам удалось обмануть противников и удачно использовать беспечность суздальских и московских воевод. Битва на р. Пьяне летом 1377 г. окончилась 2 августа поражением суздальско-московской рати, за которым последовало разграбление татарами Нижнего Новгорода и его окрестностей. Помощь татарам оказали мордовские «князья», представители мордовской патриархально-феодальной знати. Зимой того же года Дмитрий Константинович послал специальную военную экспедицию в Мордовскую землю. Вместе с нижегородскими войсками действовала и московская рать. Часть мордовских владений была опустошена. Значительная часть населения взята в плен.

В следующем, 1378 г. Мамай направил против Москвы мурзу Бегича, который двинулся в пределы Рязанской земли. Великий князь Дмитрий Иванович решил не допустить его в Московское княжество и вышел навстречу Бегичу во главе войска, собранного еще до его выступления. К Дмитрию Ивановичу присоединилось войско удельного князя Даниила пронского. Сражение между татарами и двинувшейся навстречу им московской ратью произошло 11 августа на р. Воже (правый приток Оки). Не переходя реки, Дмитрий Иванович решил дать сражение на ее левом берегу, мало удобном для маневрирования татарской конницы. Русское войско расположилось на возвышенности. В середине находился полк под командованием великого князя, справа — полк под руководством окольничего Тимофея Вельяминова и князя Андрея Ольгердовича, слева — полк под командованием пронского князя Даниила. После полудня Бегич начал переправу на левый берег Вожи, желая стремительным натиском уничтожить русские военные силы. Дмитрий не мешал переправе, но внимательно следил за ней, а затем решительным ударом смял татарскую конницу.

Большое количество татар было убито. На другой день Дмитрий стал готовиться к переправе на правый берег Вожи для преследования татарского войска. Поднявшийся туман задержал переправу и дал возможность уйти остаткам татарских войск. Только после того как туман рассеялся, русские выполнили свое намерение и преследовали противника. Окруженные с трех сторон татары не выдержали натиска русских отрядов и, «повергше копья», бежали с поля сражения, бросив шатры, юрты и телеги со множеством припасов[1].

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 42.

Маркс отметил выдающееся значение победы русских войск на р. Воже над татарами: «*11 августа 1378 Дмитрий Донской* совершенно *разбил монголов* на реке *Воже* (*в Рязанской области*). Это *первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими*»[1].

Сражение на Воже показало силу русского войска, способного наносить решающие удары врагу, и роль великокняжеской власти в организации народного сопротивления захватчикам. Блестящие способности Дмитрия Донского как полководца проявились в умелом выборе места боя, в применении активной обороны с переходом в наступление[2].

Битва на р. Воже продемонстрировала перед Ордой силу Москвы. Хотя в 1378—1379 гг. татарам и удалось, благодаря неожиданным нападениям, вновь пограбить Нижегородскую и Рязанскую земли, но в Орде поняли, что вопрос о зависимости русских земель может быть решен только в борьбе с основными русскими силами великого княжества Московского.

Для нового похода к Мамаю сошлись не только татары, но и нанятые им отряды из народностей северного Кавказа («на ласкание его и даяние»[3]) и крымские генуэзцы (фрязи). Общая численность войск Мамая достигла 250—400 тысяч человек. Мамай заблаговременно перекочевал к устью р. Воронежа, повидимому, с целью выяснить действительное положение в русских землях. Дойдя до Воронежа, Мамай «распусти силу свою и заповеда всем улусом своим, яко да ни един не пашеть хлеба и будете готовы на русскыя хлебы»[4]. Из этих слов «Сказания о Мамаевом побоище» видно, какая грозная опасность надвинулась на русский народ, на русского пахаря-крестьянина.

Во время остановки у Воронежа Мамай принял послов князя Олега рязанского и великого князя литовского Ягайла. Переговоры с ними имели целью объединить действия Литвы, Рязани и Орды в предстоящем наступлении на Русскую землю. Соединение татарских, рязанских и литовских войск намечалось на 1 сентября.

Между тем в Москве уже были получены известия о готовности Мамая «во мнозе силе» идти ратью на Москву. Дмитрий Иванович начал спешный сбор ратных сил. Прибывшие в Москву послы Мамая потребовали «выхода» в том увеличенном размере, в каком московские князья давали его при Узбеке и Джанибеке. Посылка в Москву татарских послов указывала на некоторую нерешительность

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, стр. 151.

[2] *А. В. Карасев* и *Г. И. Оськин*. Дмитрий Донской. Воениздат, М., 1950, стр. 27—32.

[3] ПСРЛ, т. XI, стр. 47.

[4] «Сказание о Мамаевом побоище», с пред. С. К. Шамбинаго, 1907, стр. 14.

Мамая и, возможно, на попытку добиться полного подчинения московского князя путем запугивания и угроз. Послы «гордо глаголаху», указывая на то, что Мамай стоит за Доном «со многою силою»[1]. Дмитрий Иванович, затягивая переговоры, отправил к Мамаю ответное посольство — Захария Тютчева с двумя толмачами. Московский посол, узнавший по дороге о намерениях рязанского князя и Ягайла литовского, тотчас отправил в Москву гонца с этими известиями.

Выигрывая время, Дмитрий Иванович послал на Быструю или Тихую Сосну (правые притоки Дона) на «сторожу» своих людей (Родиона Ржевского, Андрея Волосатого, Василия Тупика и «иных крепких уношей»), которые должны были следить за движением Орды. Вскоре была послана вторая «сторожа». В Москву был доставлен и «язык» (пленный), рассказавший о движении Мамая. Между тем в русских землях продолжался сбор военных сил, которые должны были в середине августа сосредоточиться в Коломне.

Действия русских военных сил отличались быстротой и оперативностью. Прекрасно была организована разведка. Русские войска действовали очень осторожно и незаметно для Мамая, в то время как все действия татарских орд были известны в Москве. Около 20 августа Дмитрий Донской с войсками вступил в Коломну.

Под московскими знаменами Дмитрия Ивановича собралась вся основная ратная сила русских земель. В ее составе не было лишь тверских, новгородских, рязанских и нижегородских отрядов. Рязанские феодалы стали на путь измены общерусскому делу. Тверское и новгородское боярское правительство проявили сепаратистские тенденции в один из очень ответственных моментов в истории Русской земли, когда решался вопрос о ее дальнейшей судьбе. Нижегородские военные силы, возможно, намеренно остались для защиты нижегородской окраины на случай движения Мамая в эту сторону.

После того как в Коломне была закончена организация собранного ополчения, оно 20 августа выступило оттуда и 25 августа у устья Лопасни перешло на южный берег Оки. Далее войско двинулось в обход Рязанского княжества, так как Дмитрий не хотел, чтобы его движение могло быть истолковано как вторжение в пределы Рязанской территории. По дороге к Дону к ополчению продолжали подходить новые дружины, к нему присоединились с отрядами два литовских князя, сыновья Ольгерда: Андрей полоцкий и Дмитрий брянский. Таким образом, планы Ягайла о разгроме Руси совместными литовско-ордынскими силами рушились. Земли, входившие в великое

---

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 50.

княжество Литовское, были тесно связаны с русскими землями, и их князья вместе с русским народом выступили на борьбу против татар.

По летописным сведениям, общая численность русской рати, двинутой в степь, за Дон, достигала 150—400 тысяч воинов.

Русское войско шло к Осетру по направлению к селению Березуй. Благодаря исключительной осторожности и быстроте русских военных сил Мамай ничего не знал об их продвижении. «Язык», приведенный к Дмитрию Донскому у Березуя, сообщил, что Мамай «не чает» ни «собраниа», ни «сретениа» русских воинов. Встречное движение Дмитрия Ивановича расстроило план соединения Мамая с Ягайлом, который не поспел к началу боя и от Одоева повернул обратно в Литву; Олег рязанский также не прислал Мамаю обещанной помощи.

Перед переправой через Дон, 7 сентября, Дмитрий Иванович собрал совет, на котором мнения разделились. Ольгердовичи настаивали на переходе на другую сторону реки: «аще пребудем зде, слабо будет воиньство сие русское; аще ли на ону страну Дона перевеземся, крепко и мужественно будет»[1]. Это предложение было поддержано Дмитрием Ивановичем, так как переправа давала возможность русским войскам захватить инициативу в свои руки и заставить татар принять сражение в неблагоприятной для них местности. Русское войско перешло за Дон и расположилось вблизи впадения в него р. Непрядвы, на холмистом урочище, носившем название Куликова поля. Оно было перерезано оврагами и реками: Непрядвой, Смолкой, Кургуцем и Нижним Дубяком. Характер местности не давал возможности татарам применить обычную тактику обхода противника при помощи конницы с флангов.

Полк «правой руки» примыкал к обрывистому лесистому берегу Нижнего Дубяка. В центре находился «большой полк» под командованием Дмитрия Ивановича и московского воеводы Т. В. Вельяминова. На левом фланге, у р. Смолки, прикрываясь лесистым оврагом, выстроился полк под командованием князей белозерских. Впереди «большого полка» находился передовой полк под начальством князей Друцких. В большом лесу между Смолкой и Дунаем («Зеленой Дубраве») Дмитрий Иванович расположил засадный полк во главе с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским и воеводой Дмитрием Боброком Волынцом.

Утром 8 сентября 1380 г. началась знаменитая битва на Куликовом поле. Густой туман окутывал обоих противников, стоявших в боевом

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 56.

Куликовская битва. Миниатюра конца XVI в.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

порядке в очень тесных построениях, так как поле едва могло вместить многочисленные войска — татарские и русские. Столкновение началось, по обычаю, единоборством. Русский воин Пересвет схватился с татарином Темир-Мурзой. Вскоре началось общее сражение. Пересеченный характер местности затруднял действия татарской конницы. Однако татарам после жестокой сечи удалось нанести русским сильный удар. Передовой полк был уничтожен почти полностью. После этого татары двинулись на большой полк и врезались в его середину. Им удалось подрубить великокняжеский стяг. Был убит один из военачальников Михаил Бренк. Однако суздальские и владимирские дружины под командованием Т. В. Вельяминова и князя Глеба брянского оттеснили татар, и боевое положение большого полка было восстановлено. Были отбиты атаки татар и на правом фланге. Татары бросили силы на левое крыло русских войск. Полк «левой руки» был разбит. Началось отступление русских войск к Непрядве. Татары стали выходить в тыл большого полка. Полк «правой руки» не мог перейти в наступление, так как тогда был бы открыт фланг большого полка и нарушен общий боевой порядок. Исход битвы решило выступление засадного полка под командованием Владимира Андреевича и Дмитрия Боброка Волынца. Когда татары поравнялись с дубравой, в которой находился засадный полк, русские бросились на них «с яростию и ревностию»[1]. Неожиданная атака свежих русских войск была решающей: татары не выдержали этого натиска и обратились в бегство. Разгром татар был полный.

Сражение 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле кончилось замечательной победой русской рати над главными силами мамаевой орды. Политические последствия этой победы были огромны: продемонстрированная на Куликовом поле мощь общерусского выступления еще больше укрепила значение Москвы как центра национального объединения в борьбе за освобождение от татарской зависимости. Битва на Куликовом поле представляла собой подлинно народное дело, событие всемирно-исторического значения, положившее начало полной ликвидации Золотой орды и освобождению от татарского ига Руси и ряда народов Восточной Европы. Куликовская битва явилась для всего славянства героическим примером национально-освободительной борьбы. Она оказала громадное влияние на развитие народного движения против гнета иноземных (турецких, немецких) захватчиков в странах западных и южных славян.

Победа на Куликовом поле была завоевана благодаря героизму и воле к победе русского народа. Сказание о Мамаевом побоище

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 61.

содержит имена участников Куликовской битвы. Среди них названы Юрий сапожник, Васюк Сухоборец, Семен Быков, Гридя Хрулец—все это были простые русские люди, ремесленники, выходцы из трудового народа[1].

Если феодальные верхи отдельных княжеств северо-восточной Руси устранились от участия в борьбе с Мамаем или вели прямо предательскую политику, то широкие народные массы грудью своей защищали родную землю.

Большая историческая заслуга в организации битвы с полчищами Мамая принадлежит Дмитрию Донскому, великому русскому полководцу. Летописи, говоря о его борьбе с врагами Русской земли, подчеркивают, что он «стражу земли Руские мужеством своим держаще»[2]. Большое полководческое искусство, уменье подбирать военных руководителей, бережное отношение к воинской силе и личная храбрость — вот что отличало Дмитрия Донского и что отмечают авторы современных ему литературных произведений.

Дмитрий Донской сумел возглавить борьбу широких народных масс за Родину. Он придавал большое значение моральному фактору, как одному из условий победы. Как стратег он стремился наносить удар сосредоточенными силами и высоко ценил разведку, всестороннее изучение противника и его приемов ведения войны. Для тактики Дмитрия Донского характерно умение выбирать местность и использовать ее условия, использовать резервы, сосредоточивать силы на решающем участке поля боя. Тактика Дмитрия Донского носила наступательный, инициативный характер[3].

Имя Дмитрия Донского как нашего великого предка, выдающегося русского полководца прошлого, упомянул И. В. Сталин в тяжелый для нашей страны момент, когда в 1941 г. фашистские полчища вторглись в пределы советской земли и советский народ стал на защиту своей Родины. В речи на параде Красной Армии 7 ноября 1941 г. на Красной площади в Москве И. В. Сталин напомнил советским воинам мужественный образ Дмитрия Донского, который должен вдохновить их в Великой Отечественной войне.

После поражения на Куликовом поле Мамай был вторично разбит ханом Белой орды Тохтамышем, бежал в Крым в Каффу (Феодосию) и там был убит. Тохтамыш, овладевший всеми землями Золотой орды и стремившийся восстановить прежнюю власть над северо-восточной Русью, послал известие русским князьям, что победил «супротивника

---

[1] *М. Н. Тихомиров*. Древняя Москва, стр. 55.

[2] *А. В. Карасев* и *Г. И. Оськин*. Указ. соч., стр. 32—61.

[3] *М. Н. Тихомиров*. Указ. соч., стр. 51.

Кольчуга, найденная на Куликовом поле
Государственный Исторический музей.

своего и их врага»[1] и воцарился в Золотой орде. Этим он хотел подчеркнуть, что победа на Куликовом поле была победой над Мамаем, а не над Золотой ордой. Русские князья дипломатически отпустили послов Тохтамыша «с честью» и послали ему подарки, но не хотели признавать прежней зависимости от Орды.

Тогда в 1382 г. Тохтамыш неожиданно и быстро двинулся к Москве: «ведяше бо рать изневести внезапу, с умением и тацем злохитрием, не дающе вести про себе, да не услышано будеть на Русской земли устремление его»[2]. Выбранная Тохтамышем тактика внезапного удара объяснялась тем, что татары боялись повторения Куликовской битвы. Следуя традиционной политике ордынских ханов, Тохтамыш постарался использовать политические противоречия между отдельными русскими феодальными княжествами, заручившись поддержкой их правительств против московской великокняжеской власти.

Тохтамыш перешел Волгу недалеко от нижегородских владений. Нижегородский князь Дмитрий Константинович послал к хану двух сыновей — Семена и Василия Кирдяпу с заявлением о подчинении. Они остались при татарском войске и вместе с ним участвовали в походе на Москву. Рязанский князь Олег Иванович указал Тохтамышу броды на Оке и «бысть ему помощник на победу Руси»[3]. Захваченное врасплох московское правительство не сумело организовать оборону. Летопись передает неясное сообщение о том, что хотя Дмитрий Иванович и начал «совокупляти свои полцы ратных», готовясь выступить против татар. но среди русских князей господствовали «неодиначество» и «неимоверство»[4]. Давшаяся тяжелой ценой и стоившая огромных потерь победа на Куликовом поле несколько ослабила русские военные силы, не сумевшие дать немедленный отпор новому татарскому удару.

Дмитрий Иванович выехал из столицы для сбора ратных сил сначала в Переяславль, а потом в Кострому. Митрополит Киприан и некоторые московские бояре бежали из города. Тогда оборону Москвы взял в свои руки народ. В Москве вспыхнуло народное движение, которое летопись сравнивает с состоянием моря «в велице бури»[5]. Население столицы вместе с беглецами из окрестных волостей и сел вооружилось и требовало защиты Москвы. Тех, кто пытался выехать из города, в том числе «великих бояр», забрасывали камнями. Организатором народной обороны Москвы стал приехавший в город внук Ольгерда, литовский князь Остей.

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 69.
[2] Там же, т. VIII, стр. 42; т. XXV, стр. 206.
[3] Там же, т. VIII, стр. 43; т. XXV, стр. 206—207.
[4] Там же, т. VIII, стр. 43; т. XXV, стр. 207.
[5] Там же, т. VIII, стр. 43.

В течение нескольких дней население Москвы упорно отбивало все приступы татар, причем среди обычных средств защиты летопись впервые упоминает «тюфяки» и «великие пушки», т. е. огнестрельное оружие. После безуспешных попыток овладеть стенами Кремля татарам удалось при содействии нижегородских князей Семена и Василия «лживыми речми и лживым миром»[1] обмануть защитников и побудить их открыть крепостные ворота. Ворвавшись внутрь крепости, татары произвели страшный погром, во время которого погибло почти все укрывавшееся за крепостными стенами население. По летописным известиям, после ухода татар было похоронено до 24 000 трупов. В огне погибли «многие сокровища», «богатотворные имения», накопленные долговременным «собиранием». Сгорели склады («хранилища») сурожан, суконников и купцов, наполненные различным товаром. Богатый город с многолюдным посадским населением, Москва была обращена в развалины и пепел[2]. Однако, несмотря на страшное разорение, всей тяжестью павшее на трудовой народ, его усилиями московские земли оправились сравнительно быстро.

Набег Тохтамыша пронесся опустошительной грозой, которая коснулась не только Москвы, но и ее ближайших окрестностей — Коломны, Можайска, Волока (Волоколамска), Переяславля, Юрьева и Владимира, т. е. земель Московско-Владимирского великого княжества. На обратном пути Тохтамыш «огнем пожже»[3] и владения своего рязанского союзника Олега. Вскоре после этого Рязанская земля была вторично разорена московской ратью, посланной для наказания Олега рязанского за измену, причем, по словам летописей, этот погром «пущи ему бысть и татарскиа рати»[4].

После разорения, произведенного Тохтамышем, московскому правительству пришлось выдержать новую борьбу с отдельными русскими князьями, среди которых усилились сепаратистские тенденции и намерения при помощи Орды ослабить Московское княжество. Борьба Москвы с Рязанью окончилась московско-рязанским договором 1382 г., а затем «вечным миром» 1385 г.

Сохранившийся текст договора 1382 г. свидетельствует о том, что Москва преодолела последствия разорения и даже сумела добиться подчинения Рязани. В тексте «докончальной» грамоты Дмитрий Иванович называется «братом старейшим», Олег Иванович — «братом молодшим». Каждый из князей признает суверенитет владений («блюдет вотчину») другого, причем «великое княжение» считается «вотчиной» Дмитрия

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 45; т. XXV, стр. 207—208.
[2] Там же, т. VIII, стр. 46; т. XXV, стр. 209.
[3] Там же, т. VIII, стр. 47; т. XXV, стр. 210.
[4] Там же.

Донского. Олег рязанский обязуется «сложити целованье к Литве» и отказывается от права самостоятельной внешней политики. «Любовь» и «нелюбовь» с Литвой, «мир» или «немир» с татарами, «данье» татарам устанавливаются правительством Олега в соответствии с решениями великого князя Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата Владимира Андреевича. Следовательно, московская великокняжеская власть лишала рязанское правительство внешнеполитических функций. Спорные княжеские дела разрешаются «вопчим судом». Торговый и таможенный союз между княжествами великим Владимирским и Московским, с одной стороны и Рязанским — с другой, выражаются в условиях «держать мыты давныи пошлыи», «не замышляти непошлых мытов..., вывода, и рубежа». Это условие отражало интересы торгово-ремесленных городских верхов. Точно была установлена граница («роздел земель») «великому княжению», Московским и Коломенским волостям, с рязанской территорией, причем некоторые пункты рязанское правительство было вынуждено уступить Московскому княжеству[1].

Нападение на Москву Тохтамыша, принесшее столько несчастья Руси, тверской князь Михаил Александрович решил использовать в своих интересах и отправил хану подарки. Тохтамыш «приа дары с честию и отпусти его (посла Михаила.— *Ред.*) ко Твери, послав с ним ярлык свой, жалование свое, к великому князю Михаилу Александровичю тферьскому»[2]. Михаил Александрович тверской надеялся на получение ярлыка на Владимирское великое княжение и возобновил о нем спор в Орде. Дмитрий Иванович в 1383 г. отправил в Орду своего сына Василия Дмитриевича «тягатися» с тверским князем. Спор был решен в пользу Дмитрия Ивановича, но его сын был оставлен в Орде в качестве заложника. Впоследствии ему удалось оттуда бежать.

Разорив русские земли, Тохтамыш нашел выгодным помириться с Дмитрием Ивановичем. Вскоре после ухода Тохтамыша к Дмитрию Ивановичу явился посол из Орды «о миру и з жалованием от царя»[3]. Правительство Дмитрия Ивановича принуждено было согласиться платить дань. В результате следующей весной 1383 г. «бысть дань тяжела по всему княжению». Дань собирали «без отдатка», по полтине с деревни. С Новгорода был взят «великий черный бор»[4].

Примирение с Тверью и Рязанью позволило московскому правительству сосредоточить силы великого княжества на борьбе с Новгородской феодальной республикой. Ближайшей причиной похода на Новгород

[1] ДДГ, № 10, стр. 29—30; *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., ч. 1, стр. 55—58.
[2] ПСРЛ, т. XI, стр. 76.
[3] Там же, т. VIII, стр. 48.
[4] Там же, стр. 49.

зимой 1386/87 г. московской рати с участием «всех князей русских» было разорение Костромы и Нижнего Новгорода, произведенное новгородскими ушкуйниками, среди которых оказались и жители Заволочской земли. Организуя походы ушкуйников на Волгу, где они нападали на торговые караваны и отбирали у купцов товары, новгородские бояре стремились таким путем отвести от себя движение «черных людей» и в то же время поживиться за счет добытых ушкуйниками средств.

После осады Новгорода московскими войсками правительство Дмитрия Ивановича заключило с ним мир «по старине» с уплатой в пользу великого князя «черного бора» и, кроме того, 8000 рублей контрибуции.

Таким образом, пользуясь отсутствием согласованности в действиях противников, московской великокняжеской власти удалось к середине 80-х годов XIV в. укрепить свое господствующее положение в северо-восточной Руси.

Успехи Москвы в борьбе с рядом феодальных центров (Тверью, Новгородом, Рязанью) и в области внешней политики были тесно связаны с политическим объединением самого Московского княжества и укреплением в нем аппарата власти.

Борьба с Ордой имела громадное значение для русского народа, так как на трудовом населении тяжелым бременем лежала «дань велия», наложенная Ордой «по всему княжению Московскому». Наряду с «ордынской тягостью и протором», непосредственные производители должны были своим трудом покрыть «долг бесерменьский и протор», т. е. задолженность великого князя в Орде. Специальным договором московского великого князя Дмитрия Ивановича с удельным серпуховско-боровским князем Владимиром Андреевичем, заключенным в 1389 г., была установлена организация сбора дани для уплаты «выхода» в Орду. Договор точно определил ту долю в «ордынской тягости и проторе» (320 рублей на общую сумму в 5000 рублей, «а прибудет ли, убудет ли, ино по расчету»), которую Владимир Андреевич должен был вносить со своего удела великому князю, так как последнему принадлежало право производить расчеты с Ордой[1].

Сбор дани в Москве и московских станах осуществлялся совместно данщиками обоих князей, но вся сумма поступала в казну великого князя, который уплачивал «выход» в Орду. Договор предусматривал раздел дани между князьями в том случае, «оже ны бог избавит, ослободит от Орды», т. е. после освобождения от золотоордынского ига. В случае чрезвычайного сбора, когда великий князь привлекал к уплате

---

[1] ДДГ, № 11, стр. 30—33

дани своих «больших» и «путных» бояр, удельный князь также должен был «взяти на своих... по кормленью и по путем...» и передать в великокняжескую казну.

В договор Дмитрия Ивановича с удельным князем Владимиром Андреевичем было внесено запрещение покупки земель «черных людей» (крестьян) и условие не принимать «черных» и «численных людей» в «службу». Эти условия были продиктованы стремлением великокняжеской власти отрезать пути «черному» крестьянству к выходу из тягла.

Специальный пункт договора 1389 г. обязывал князей «блюсти» «гостей», «суконников», «городских людей», обеспечивая интересы торгово-ремесленной городской верхушки, поддерживавшей великокняжескую власть. Нашествие Тохтамыша на Москву в 1382 г. нанесло ущерб московскому купечеству. Поэтому московское правительство принимало соответствующие меры для восстановления его экономического положения.

Наряду с организацией государственных финансов и проведением мероприятий, направленных к подъему городов, московское правительство поставило в 80-х годах XIV в. вопрос о перестройке организации армии. В междукняжеском договоре 1389 г. был проведен новый (территориальный) принцип формирования полков в противоположность старому (служебному). Если раньше бояре и «слуги вольные» отправлялись в походы независимо от места расположения своих земельных владений, под «стягом» того князя, которому они служили, то по договору 1389 г. бояре должны были выступать с воеводами тех князей, на территории которых были расположены их земельные владения.

Толчком к этому новому разрешению вопроса о военной службе послужило, повидимому, опять-таки татарское нападение на Москву в 1382 г. В это время, по словам летописи, в князьях и боярах «обретеся... разность», «бывшу же промежу ими неодиначеству и неимоверьству». Великий московский князь Дмитрий Иванович увидел «во князех и в боярех своих и во всех воиньствах своих разньство и распрю, еще же и оскудение воиньства»[1]. Территориальный принцип формирования армии должен был способствовать ее централизации в руках московской великокняжеской власти в целях более успешного осуществления в интересах господствующего класса внутренней и внешней функций государства. Однако этот новый порядок в дальнейшем был нарушен. Это указывает на то, что, несмотря на успехи объединительной политики московской великокняжеской власти, фео-

---

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 72—73.

дальная раздробленность еще препятствовала укреплению государственного аппарата.

Наконец, в третьей четверти XIV в. в Московском княжестве были проведены некоторые мероприятия в области судебной централизации. Большое значение в этом направлении имело упразднение должности тысяцкого. Последний тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов умер в 1374 г.[1] Его сын Иван Васильевич в 1375 г., изменив московскому великому князю, бежал в Тверь, а в 1379 г. был пойман и публично казнен в Москве на Кучковом поле[2]. Судебная власть в Москве перешла к «большому» великокняжескому наместнику. Согласно договору 1389 г. между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем, разбор судебных дел в Москве был предоставлен великому князю или его наместнику. Наместник удельного князя только присутствовал на суде и мог получать свою долю судебных пошлин. Но вызов на суд в Москву бояр из уделов осуществлялся каждый раз приставом того князя, кому служил данный боярин. Таким образом, судебный иммунитет удельных владений сохранялся[3].

Подчинение удельных князей Московского княжества великокняжеской власти нашло свое четкое выражение в договоре 1389 г., в который включено служебное обязательство серпуховско-боровского князя Владимира Андреевича: «а служити ти мне (Дмитрию Ивановичу.— *Ред.*) без ослушания».

Служебный договор предоставлял великому князю право призывать удельного с собой в походы и отправлять его вместе с его боярами по военным надобностям: «А коли мне будет самому всести на конь, а тебе со мною. Или тя куды пошлю, и твои бояре с тобою»[4].

Ко времени княжения Дмитрия Донского относится и попытка создания самостоятельной общерусской церковной организации с центром в Москве. В начале 1378 г. умер митрополит Алексей. После его смерти митрополитом «всея Руси» (т. е. Киевской и Северо-Восточной) должен был стать, согласно постановлению константинопольского патриарха, стремившегося к распространению политического влияния Византии на Русь, Киприан, ранее поставленный на митрополию в Киеве (бывшем под властью Литвы). Великий князь Дмитрий Иванович хотел, однако, сохранить независимость русской церкви от Византии и ее подчинение великокняжеской власти и настаивал на поставлении отдельного митрополита для северо-восточной Руси.

---

[1] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 115.
[2] Там же, стр. 128.
[3] ДДГ, № 11, стр. 30—33.
[4] Там же, стр. 31, 32.

В качестве такого кандидата он выдвинул коломенского архимандрита Митяя (Михаила). Имеются известия, что было предположено поставить Митяя в митрополиты собором одних русских епископов без участия Византии. Таким образом русская феодальная церковь освободилась бы от зависимости от константинопольского патриарха.

Однако кандидатура Митяя не встретила поддержки среди духовной знати. Митяй должен был для поставления предпринять поездку в Константинополь; во время этой поездки он умер. Политическая борьба вокруг митрополичьей кафедры продолжалась около двенадцати лет. Сначала Дмитрий Иванович принял в Москву киевского митрополита Киприана. Киприан приехал как представитель греческой церкви. Опираясь в столкновении с великим князем на восточно-греческих патриархов, Киприан осуществлял более независимую от великокняжеской власти церковную политику, чем это делали его предшественники. После похода Тохтамыша между Дмитрием Ивановичем и митрополитом произошел полный разрыв, причину которого летопись объясняет гневом великого князя на митрополита за то, что он «не седел на Москве в осаде»[1]. В действительности же дело заключалось в борьбе между феодальным государством и высшим представителем церковной феодальной иерархии за политическую власть. Киприан уехал в Киев и вернулся в Москву уже после смерти Дмитрия Ивановича, в 1390 г.

В области внешней политики к середине 80-х годов XIV в. наметилась возможность русско-литовского союза. После Куликовской битвы Дмитрий Донской завязал непосредственные отношения с великим литовским князем Ягайлом Ольгердовичем. Предполагался брак Ягайла с дочерью московского князя. Среди феодальной знати великого княжества Литовского образовалась довольно сильная группировка сторонников союза с Русью, стоявшая за сближение Литвы с великим княжеством Московским[2]. Состоялось специальное соглашение Дмитрия Донского с матерью Ягайла, вдовой Ольгерда — Юлианией Александровной (дочерью тверского князя Александра Михайловича). Однако планы московско-литовского сближения не осуществились. Влияние польских феодалов при дворе Ягайла пересилило русское и привело к первой Люблинской унии Литвы и Польши (1386) и к браку Ягайла с польской королевой Ядвигой[3].

Новая вспышка внутренней борьбы в Орде в середине 80-х годов XIV в. способствовала временному ослаблению давления ордынской

---

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 48; т. XXV, стр. 210.

[2] См. гл. 6, § 1 настоящего издания.

[3] *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., ч. 1, стр 50—51

силы на русские земли. В год смерти Дмитрия Ивановича (1389) Тохтамыш потерпел первое крупное поражение от Тимура (Тамерлана)[1]. Через несколько лет (1395) Тимур нанес Золотой орде новый сокрушительный удар, который ускорил наметившийся после Куликовской битвы ее распад на отдельные самостоятельные части.

Успехи объединительной политики Москвы нашли яркое выражение в завещании («духовной грамоте»), написанном Дмитрием Донским в 1389 г. Дмитрий Иванович распределил московские земли между четырьмя сыновьями (Василием, Юрием, Андреем и Петром). Усиление великокняжеской власти выражалось в предоставлении старшему наследнику, будущему великому князю, львиной доли владений Московского княжества, по сравнению с его братьями — удельными князьями. Москву Дмитрий Донской «приказал» всем своим четырем сыновьям. За Владимиром Андреевичем серпуховским было сохранено право на владение «третью» городских доходов в Москве. Из остальных двух третей («двою жеребьев») половина была выделена старшему наследнику великого князя, Василию, «на старейший путь», а половина поделена поровну между тремя прочими сыновьями. В этом опять нашла свое выражение сознательная политика усиления экономических основ великокняжеской власти.

Старшему сыну Василию Дмитрий Иванович передал великое княжение как «свою отчину». Оставляя это распоряжение, Дмитрий Иванович действовал независимо от Золотой орды, которая была бессильна помешать усилению великокняжеской власти.

В «духовной» Донского полное освобождение Русской земли от власти Золотой орды рассматривается уже как вполне возможное и реальное в будущем событие. Надежда на свержение татаро-монгольского ига нашла свое выражение в словах: «если переменит бог Орду»[2]. В этих словах сказались рост национального самосознания и тяги к политической независимости как следствие большой победы, одержанной над татарами на Куликовом поле.

Стремясь сохранить единство среди князей московского дома, великий князь Дмитрий, согласно сложившемуся феодальному праву, не считал раздел владений Московского княжества окончательным и допускал возможность передела в случае смерти кого-либо из наследников или изменения состава их владений. Передел должен был производиться при участии княгини-матери.

Но Московско-Коломенский удел старшего сына Василия по распоряжению Дмитрия Донского не подводился под это общее

---

[1] См. гл. 4, § 2 настоящего издания.

[2] ДДГ, № 12, стр. 36.

правило и представлял исключение из установленного порядка. В случае смерти Василия он переходил к следующему по старшинству сыну Дмитрия. «А по грехом отымет бог сына моего князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел, а того уделом поделит их моя княгини» [1].

60—80-е годы XIV в.— важнейший этап в процессе объединения русских земель вокруг Москвы и образования единого Русского государства. В это время совершенно ясно определилось руководящее значение Московского княжества в политической системе феодальных княжеств северо-восточной Руси и наметился процесс перехода этой системы в единое централизованное государство. В это время произошел явный перелом в отношениях Руси к Золотой орде, с которой Русь вступила уже в открытую, организованную борьбу.

10

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В КОНЦЕ XIV — НАЧАЛЕ XV В.

Развитие экономических и политических связей между русскими землями привело к существенным изменениям в политической системе «великих» и «удельных» княжеств. В конце XIVи первой четверти XV в. в каждом из крупных русских феодальных княжеств (Тверском, Суздальско-Нижегородском, Рязанском), распадавшихся ранее на ряд в значительной мере независимых княжений («уделов»), наблюдался общий процесс усиления старшего, или «великого», князя и объединения под его властью «удельных» владельцев.

В Тверском княжестве борьбу с удельными князьями вел Михаил Александрович (1367—1399). Борьба эта закончилась почти полным объединением тверских уделов. Относительно легко был присоединен к Твери Дорогобуж.

С большим напряжением шла борьба тверской великокняжеской власти с самым крупным уделом — Кашином, который держался при поддержке московского правительства, заинтересованного в существовании политической раздробленности в пределах Тверского княжества. Политическая самостоятельность кашинского владения охранялась договором Дмитрия Донского с Михаилом Александровичем (1375), но после смерти в 1382 г. кашинского князя Васи-

---

[1] ДДГ, № 12, стр. 35; *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., ч. 1, стр. 61.

лия Михайловича Кашин был присоединен к тверским великокняжеским владениям.

Тверское княжество значительно усилилось при Иване Михайловиче (1400—1425). С присоединением к тверскому центру Холмской земли, по существу был закончен процесс объединения под властью тверского великого князя всех тверских земель, владельцы которых сошли на положение «служебных» князей.

Усиление власти рязанского великого князя относится ко времени Олега Ивановича (1350—1402). Олег проводил объединительную политику по отношению к рязанским уделам, сепаратистские тенденции которых, так же как и тверских уделов, находили поддержку со стороны московского правительства, не желавшего укрепления соседних феодальных княжеств северо-восточной Руси. Олегу удалось объединить наиболее крупные уделы: Пронский, Козельский, Муромский и Елецкий.

Социальной опорой великокняжеской власти в Рязанской земле, так же как и в других княжествах, являлось мелкое служилое дворянство. В Рязанской земле рано сложилась система мелких феодальных поместий, держатели которых несли военную службу. В XV в. уже чувствовался недостаток свободных фондов для «испомещения» служилых людей, в силу чего рязанские князья стали раздавать монастырские земли своим военным слугам под условием «нагодчины» (уплаты содержания) собственнику земли — монастырю.

С некоторым отличием те же политические явления, что в Тверском и Рязанском княжествах, наблюдались в 70—80-х годах XIV в. и в Суздальско-Нижегородском княжестве.

Таким образом, к началу XV в. на территории северо-восточной Руси сложилось несколько крупных центров экономического и политического объединения. Но только Москва явилась центром объединения русских земель в единое государство.

Крупные политические успехи Московского княжества, достигнутые в княжение Дмитрия Донского, были закреплены и развиты в княжение его сына Василия I Дмитриевича (1389—1425), когда московское правительство усилило наступление на другие феодальные центры и увеличило за их счет московскую территорию.

В 90-х годах XIV в. к Московскому княжеству было присоединено Нижегородское княжество. После смерти великого князя суздальско-нижегородского — Дмитрия Константиновича нижегородский великокняжеский стол перешел к его брату Борису.

Великий князь нижегородский Борис Константинович, женатый на дочери литовского князя Ольгерда, держался литовской политической ориентации. Пока в Литве шли феодальные войны, Москва могла

еще с этим мириться. Но когда в 1386 г. Литовское великое княжество заключило унию с Польшей, собираясь продолжать восточную политику Гедимина и Ольгерда, Москва изменила свое отношение к нижегородской княжеской власти.

К этому же побуждала московское правительство и сложная проблема взаимоотношений с Ордой. Вопрос о дальнейшей борьбе с Золотой ордой встал особенно остро после нашествия на Москву Тохтамыша в 1382 г., а поведение нижегородского князя в отношении Золотой орды вызывало большие и справедливые опасения в Москве. Необходимо было устранить опорный пункт Золотой орды в самой Руси — в Нижегородском княжестве.

Подготовка к присоединению Нижегородского княжества к Москве началась с конца 80-х годов XIV в. В 1388 г. московская великокняжеская власть в целях ослабления Нижегородского княжества решительно поддержала выступление против князя Бориса его племянников. Борису Константиновичу удалось вернуть стол, но не надолго.

Решительное наступление московского правительства на Нижний Новгород в 1392 г. было подготовлено его соглашением с нижегородским боярством.

В 1392 г. московский великий князь Василий Дмитриевич отправился в Орду, где прибег к подкупам татарских феодалов. По словам летописи, он «умзди князей царевых» золотом и серебром, а также и самого Тохтамыша «великими дарами»[1]. Ему удалось получить от Тохтамыша согласие на передачу ему великого княжества Нижегородского, Городца, Мурома, Мещерского городка (Касимова) и Тарусы.

Решающим моментом явилось, однако, не содействие хана, а политическая сила Москвы. Понимая бессмысленность сопротивления, нижегородские феодалы изменили местной княжеской власти. Нижегородский князь Борис Константинович хотел защищать независимость княжества. Поэтому, когда московские бояре и татарские послы вошли в город, он, согласно летописным сведениям, обратился к своим боярам со словами: «господие мои и братиа и милая дружина, попомните крестное целование, еже естя целовали ко мне, и не выдайте мене врагом моим». На это старейший из княжеских бояр Василий Румянец отвечал от имени их всех: «господине княже, не надейся на нас, уже бо есмы отныне не твои, и несть есмя с тобою, но на тя есмы»[2]. Таким образом, нижегородские бояре в критический момент существования Нижегородского княжества сочли более выгодным стать под покровительство сильного московского князя, обещавшего им некоторые экономические

---

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 147.

[2] Там же, стр. 148.

и политические привилегии. Этот эпизод показывает, что даже среди местной боярской знати, которая раньше усердно защищала интересы своего князя, заметно усилились стремления в пользу объединения под московской властью. Нижегородский князь Борис Константинович был выдан нижегородскими боярами московскому правительству, а в Нижний Новгород были посланы московские наместники.

Нижегородские князья, однако, не прекратили своего сопротивления московскому правительству. Потеряв поддержку местных феодалов и городского населения, нуждавшегося в крепкой власти для защиты своих экономических и политических интересов, отдельные представители нижегородской княжеской линии в борьбе за возвращение своей нижегородской «отчины» прибегали к татарской помощи. Татарские князьки, утратившие в результате феодальных усобиц в Орде свое положение, стремились вознаградить себя при помощи грабежей в русских землях. Поэтому они охотно оказывали поддержку выбитым из своих владений русским князьям.

Племянник нижегородского князя Бориса Константиновича Семен Дмитриевич сделал в 1395 г. попытку вернуть Нижегородское княжество при помощи татар из болгарских ордынских владений. Татары дважды приступали к Нижнему Новгороду, но не могли его взять. Лишь обманом Семену Дмитриевичу и татарам удалось уговорить нижегородцев пустить их в город. В течении двух недель татары грабили население города. Весть о движении московского войска заставила их бежать, вместе с ними бежал и князь Семен.

Брат великого князя Василия Дмитриевича Юрий во главе московского войска двинулся в болгарские пределы, взял и разгромил Болгары Великие, Жукотин, Керменчук и Казань. Три месяца продолжался поход. Победители с огромной добычей вернулись домой. В 1401 г. московское правительство снова отправило против нижегородских князей, «бегавших по татарскым местом»[1], рать под предводительством воевод Ивана Андреевича Уда и Федора Глебовича. Московское войско «повоевало» Болгарскую и Мордовскую земли и заставило князя Семена Дмитриевича отказаться от своих претензий на Нижегородское княжество. Семен был вынужден в 1402 г. явиться в Москву с повинной («с челобитием и с покорением»)[2]. То же сделал и его брат Василий Кирдяпа. Сын Василия, по распоряжению великого князя Василия Дмитриевича, был посажен в Нижнем Новгороде в качестве служебного князя, зависимого от Москвы.

Сыновья нижегородского князя Бориса Константиновича Даниил

---

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 76; т. XXV, стр. 231—232.

[2] Там же.

и Иван Борисовичи также сделали попытку при помощи татарских феодалов восстановить свои политические права на Нижегородское княжество. Они также стали служить татарским ханам, связав, таким образом, свою политическую судьбу с врагами Русской земли. Во время нашествия на Москву хана Едигея в 1408 г. Даниил и Иван Борисовичи, повидимому, вошли с ним в контакт и получили от него свою «отчину» — Нижегородское княжество, в котором продержались до 1410 г., когда ушли в Волжскую Болгарию или в Мордовскую землю. При помощи жукотинских, болгарских и мордовских князьков и феодалов нижегородские князья разоряли Русь. Даниил Борисович подверг опустошению Нижегородское княжество и даже взял Владимир. В 1412 г. хан Зелени-Салтан ярлыком подтвердил права Даниила и Ивана Борисовичей на Нижегородское княжество. Но успехи эти были кратковременны. Они совпали с тяжелыми для Московского княжества последствиями нашествия Едигея. В 1414 г. московское правительство Василия Дмитриевича быстро ликвидировало эту последнюю попытку нижегородских князей отстоять с помощью татар независимость своего княжества. Московская рать под предводительством брата Василия Дмитриевича Юрия заняла Нижний Новгород. Даниил и Иван Борисовичи бежали, а затем явились в Москву с изъявлением покорности.

Авантюрные действия последних нижегородских князей, втягивавших в борьбу с Москвой за свои утраченные владения татарские полчища, разоряли трудовое население города и деревни. Московская великокняжеская власть, стремясь закрепить Нижегородское княжество за собой, использовала народный протест против грабежей, которые творили татарские орды, призванные нижегородскими феодалами.

Таким образом, в первой четверти XV в. территория Московско-Владимирского княжества увеличилась за счет Нижегородского княжества с Нижним Новгородом и Городцом, Муромского княжества и Мещеры на Оке.

В конце XIV в. обострились московско-новгородские отношения. Москва стремилась к ограничению самостоятельности феодальной республики, к стеснению ее судебных прав и контролю над ее внешней политикой. Это вызывало сопротивление со стороны Новгорода.

В 1385 г. новгородское боярство специальной «крестоцеловальной» записью высказалось против прав митрополита судить новгородцев в своей резиденции—Москве—и производить периодический суд в Новгороде. Церковный суд, по вечевому решению 1385 г., должен был производиться новгородским архиепископом при участии представителей от светских новгородских феодалов (по два боярина и по два «житьих» человека от каждой из тяжущихся сторон). Одновременно в Новгороде была про-

ведена и реорганизация светского феодального суда на началах установления большей независимости от великокняжеской власти. На вече было утверждено руководство для судопроизводства, вошедшее в дальнейшем в состав так называемой Новгородской Судной грамоты — кодекса феодального новгородского права. Были разработаны формы организации двух судов (посадника и тысяцкого), на которых, так же как и на суде архиепископа, должны были присутствовать четыре боярина и четыре «житьих» человека (два со стороны истца и два со стороны ответчика).

Действия новгородского боярства, направленные к укреплению политических позиций господствующего класса, вызвали обострение классовых противоречий. Так, в 1388 г. в Новгороде произошло восстание против посадника Есипа Захаринича. По звону вечевого колокола народ двинулся к его дому «акы рать сильная, всякый во оружьи, и взяша дом его, и хоромы розвезоша». Посадник бежал на другую сторону Волхова. Тогда «воста» «Торговая сторона вся, и начаша людии лупити, а перевозников бити от брега, а суды сечи»[1].

Московское правительство потребовало в 1391 г. от Новгорода восстановления митрополичьего суда и уплаты «черного бора». Отказ новгородского боярства выполнить эти условия привел к разрыву московско-новгородских отношений. Московская великокняжеская власть, ведя борьбу с новгородским боярством, пыталась использовать в своих интересах движения, направленные против боярства. Летопись рассказывает, что в 1393 г. в Торжке оказался «некий христолюбец», «добра хотящий» великому князю. Он был убит на вече. Из дальнейших событий видно, что это политическое убийство организовали новгородские феодалы. Из Москвы в Торжок была послана рать, получившая предписание доставить в Москву «вся убийца ти», которые и были затем казнены московским правительством. В 1393 г. новгородское правительство было вынуждено согласиться на требования московской великокняжеской власти. Однако в 1395 г. новгородские бояре опять отказались подчиниться митрополичьему суду. Кроме того, ведя враждебную Москве политику, они заключили союз с ливонскими феодалами.

В 1396 г. московское правительство, находившееся в это время в союзе с Литвой, решило начать войну с Новгородом, чтобы добиться его подчинения Москве. На этот раз московское правительство выдвинуло перед Новгородской феодальной республикой требование отказаться от права самостоятельного ведения внешней политики. Как рассказывает летопись, Василий Дмитриевич и Витовт послали «со

[1] НПЛ, стр. 382.

единого» в Новгород послов с требованием разорвать союз с Ливонским орденом. Новгородское боярство увидело в этом покушение на новгородскую самостоятельность и ответило послам отказом: «нам, господине князь велики Василей Дмитреевичь, с тобою мир свой, а с Витофтом ин, а с немцы ин»[1].

В 1397—1398 гг. войска Василия Дмитриевича выступили против Новгорода. Московское правительство решило использовать в этой войне внутриклассовую борьбу между новгородскими и двинскими феодадами за землю и ренту и, заручившись поддержкой двинского боярства, оторвать от Новгорода его богатейшую колонию — Заволочье. Весной 1397 г. Василий Дмитриевич послал своих бояр в Двинскую землю с предложением признать его власть: «чтобы есте задалеся за князь великый, от Новагорода бы есте отнялеся; а князь великый от Новагорода хоцеть вас боронити, а за вас хощеть стояти»[2]. После того как это предложение было принято двинскими боярами, московское правительство дало Двинской земле грамоту, вводившую новый порядок управления, во главе которого должен был стоять наместник великого князя. Этой грамотой двинскому боярству и купечеству гарантировались их привилегии[3].

Одновременно с выступлением в Двинской земле московские войска отняли у Новгорода Вологду, Волок Ламский, Торжок и Бежецкий Верх. Захват этих земель вместе с обширным Заволочьем, важнейшим новгородским владением, наносил сильный удар по экономическим интересам и политической мощи Новгородской феодальной республики. Господствующие группы Новгорода — бояре, «житьи люди» и купцы поднялись «за своего господина, за великый Новгород»[4].

В следующем году наспех собранная новгородская рать заняла Двинскую землю и с боями прошла по северным великокняжеским волостям, немного не дойдя до Галича. Осенью новгородское посольство заключило в Москве мир с великим князем «по старине». Уцелевшие сторонники соединения Двинской земли с Москвой, укрывшиеся в великокняжеских владениях, сделали еще несколько безуспешных попыток укрепиться на Двине. Однако Новгороду удалось отстоять свои северные владения.

В результате борьбы с Новгородом Москва сделала крупные территориальные приобретения. За московским правительством остался ряд новгородских волостей: Волок Ламский, Бежецкий Верх и Вологда.

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 70; т. XXV, стр. 227.

[2] НПЛ, стр. 389.

[3] ГВНиП, № 88, стр. 144—146; *Л. В. Черепнин*. Указ. соч., ч. 1, стр. 397—407.

[4] НПЛ, стр. 391.

Присоединение Вологды открывало дальнейший путь в сторону Заволочья. На подступах к нему лежала Устюжская земля, входившая раньше в состав Ростовского княжества. Устюг Великий был окончательно присоединен к Московскому великому княжеству в конце XIV в.

Далее на восток московское влияние постепенно охватывало течение Вычегды с ее притоками; эти земли, населенные зырянами (коми), носили название «Малой Перми». На восток от них по верхней Каме и р. Чусовой жили родственные зырянам пермяки. Эта область называлась «Великой Пермью». В присоединении Малой Перми к московским владениям московское правительство использовало поддержку феодальной церкви[1].

Значительные политические успехи были достигнуты московским правительством в отношениях с Рязанским княжеством.

Политический подъем Рязанской земли был непродолжителен. События конца XIV в. показали, что Рязань не может обойтись без помощи своего северного соседа. На север от Рязани складывалось Русское централизованное государство с центром в Москве. С этим должны были считаться рязанские феодалы. Сыну Олега Ивановича Федору пришлось принять все московские условия, отвергнутые Олегом в 1371 г., т. е. признать свою зависимость от московского князя, согласиться на новое выделение Пронского княжества и на контроль Москвой внешних сношений Рязанского княжества (1402). Пределы Рязанского княжества, раздвинувшиеся во время княжения Олега за счет земель в Мещерских «местах» и привлечения на службу елецкого, муромского, козельского и пронских князей, стали снова суживаться. Федор отступился от приобретений в Мещерских «местах», а названные выше князья «передались» на сторону московского князя. Владения Москвы стали понемногу охватывать Рязанское княжество с трех сторон.

Рязанские феодалы не сразу примирились с новым положением вещей, но их первая попытка (1408) к объединению Пронска с Рязанью, вопреки договору, вызвала немедленное вмешательство Москвы.

Объединение русских земель происходило в очень сложной внешнеполитической обстановке. Два главных вопроса — литовский и татарский определяли направление московской политики. Великое княжество Литовское в конце XIV в. нуждалось в союзе с Москвой для борьбы с общими противниками: польским королем Ягайлом[2] (так как польская корона после первой унии 1386 г. стремилась поглотить литовско-русские земли) и Золотой ордой.

---

[1] См. гл. 5, § 5 настоящего издания.

[2] См. там же, § 1.

Сближение с Литвой наметилось еще при Дмитрии Донском и было закреплено в 1391 г. браком Василия Дмитриевича с Софьей, дочерью Витовта, занятого в это время организацией противодействия Кревской унии. Сближение с Витовтом устанавливалось в годы военных успехов Тимура (Тамерлана) и быстрого роста его среднеазиатских владений.

С самого начала своего княжения Василий Дмитриевич стремился мобилизовать силы против восточной, ордынской опасности. Предосторожность требовала охраны и западных границ Московского княжества от возможных набегов литовских войск. В 1390 г. Василий I заключил договор с серпуховско-боровским князем Владимиром Андреевичем[1]. Главная задача договора заключалась в распределении политических и военных функций между обоими князьями. Великокняжеская власть брала на себя задачи борьбы с Ордой и оборону восточных границ Московского княжества. На долю удельного князя Владимира Андреевича падала организация обороны западных границ. Поэтому ему была дана в удел Ржева, пограничный город, на который претендовали одновременно и Москва, и Тверь, и Литва.

Поделив между собой роли на восточных и западных границах, московские князья должны были разработать мероприятия по обороне столицы.

По договору князья отказались от установленного при Дмитрии Донском территориального принципа формирования полков и вернулись к старому порядку, согласно которому бояре, независимо от места жительства, выступали с воеводами тех князей, которым они служили. Но в 1390 г. были проведены важные организационные мероприятия другого рода, касавшиеся непосредственно «городной осады». Чтобы во время войны Москва не оставалась без военного руководства, московские князья условились не покидать ее одновременно. Это условие было вызвано событиями классовой борьбы 1382 г.[2]

Осенью 1395 г. Тимур, преследуя Тохтамыша, дошел до Рязанской земли. Появление в русских землях «тмочисленных полков» Тимура вызвало тревогу в Москве[3].

Во время похода Тимура были применены принципы обороны Москвы, разработанные в 1390 г. Рать, возглавленная Василием Дмитриевичем, заняла, по установившемуся обычаю, переправу через Оку у Коломны, а Владимир Андреевич остался в Москве.

Москва готовилась к осаде. В ней скопилось большое количество

---

[1] ДДГ, № 13, стр. 37—39.

[2] *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., ч. 1, стр. 65.

[3] ПСРЛ, т. VIII, стр. 65—66; т. XXV, стр. 222.

народа «отвсюду собравшуюся»[1]. После двухнедельной остановки у границ Рязанской земли войска Тимура, разрушив Елец, повернули в приазовские и прикаспийские степи. Разгром Золотой орды Тимуром был использован московским правительством, переставшим уплачивать «выход» в Орду. Ордынская дань, взимавшаяся с населения, оставалась в княжеской казне.

Между тем на Московское княжество вновь надвигалась угроза со стороны Литвы. Вступая в союз с Витовтом, правительство Василия Дмитриевича хотело объединить русские и литовские силы для борьбы с Ордой. Однако прочным быть этот союз не мог, потому что литовское правительство претендовало на дальнейший захват русских земель. Одним из главных пунктов наступления литовских захватчиков был Смоленск, имевший большое стратегическое значение и открывавший пути для дальнейшего продвижения в пределы Руси. В 1395 г. Витовт, распустив слух, что идет против Орды, неожиданно появился под Смоленском, обманным образом захватил смоленских князей и отослал их в Литву. В следующем году Витовт разорил Рязанскую землю, «а люди иссече и в полон поведе»[2]. Витовт претендовал также на новгородские земли.

В 1396 г. произошло свидание Василия Дмитриевича с Витовтом в Коломне. Задачей этой встречи, повидимому, было разрешение спорных порубежных вопросов, в частности в отношении территории Новгорода и Пскова.

Но вскоре после коломенских переговоров Витовт вступил в союз с Ливонским орденом, договорившись с ним о разделе русских земель. По Салинскому договору 1398 г. Витовт обязывался помочь Ливонскому ордену в захвате Пскова, за что Орден в свою очередь обещал содействовать литовскому правительству в покорении Новгорода. В следующем году Витовт действительно послал в Новгород «грамоту взметную» со словами: «обеществовале мя есте, что было вам за мене нятися, а мне было вам князем великым быти, а вас мне было боронити, а вы за мене не нялеся»[3].

Однако Витовту не удалось привести свои угрозы в исполнение, так как его основные силы были отвлечены на борьбу с татарами. Витовт вмешался в феодальные войны в Орде, принял к себе хана Тохтамыша, изгнанного Тимуром, и организовал поход на Орду. Русские летописи приписывают Витовту намерение водворить Тохтамыша в Орде и при его помощи подчинить Русь. «Похвалився, глаголаше бо Витофт: поидем и победим царя Темирь-Кутлуя, взем царство его, посадим на нем

[1] ПСРЛ, т. XXV, стр. 222.
[2] Там же, стр. 227.
[3] НПЛ, стр. 393.

царя Тахтамыша, а сам сяду на Москве на великом княжении на всей Русской земли»[1]. Но поход Витовта против Золотой орды кончился в 1399 г. полным поражением литовских войск на берегах Ворсклы[2].

Это поражение Витовта имело большое влияние на дальнейшее развитие московско-литовских отношений. Правительство Василия Дмитриевича убедилось, что политика Витовта в отношении Орды направлена против интересов Руси. Попытки Витовта расширить литовские владения в сторону северо-восточных русских земель, в частности захватить Новгород, затрагивали кровные интересы Московского великого княжества. Отношения между Витовтом и Василием Дмитриевичем обострились. Различные русские земли, встревоженные ростом литовской опасности, вновь выступили под главенством московского великого князя. В 1399 г. правительство Василия Дмитриевича укрепило мир с тверским князем Михаилом Александровичем и отправило Витовту «грамоты разметныя»[3].

Московское правительство пыталось найти опору для борьбы с опасностью со стороны Литвы в литовских и русских князьях, недовольных усилением власти Витовта и «отъезжавших» от него на Русь. Этим «отъездам» способствовало и недовольство ряда литовских и русских князей национальной и религиозной политикой польского правительства после Кревской унии: усилением влияния польских феодалов в Литве и внедрением католицизма. «Отъезжавшие» в Русь из Литвы в начале XV в. литовские князья Свидригайло (брат короля Ягайла) и другие получили от московского правительства города «в кормление» и ряд привилегий.

В 1401 г. в результате восстания в Смоленске торгово-ремесленного населения, не желавшего «терпети насильства от поганых ляхов»[4], Смоленск отпал от Литвы. В город вернулся прежний князь Юрий Святославич.

С начала XV в. литовское правительство начало усиленное наступление на русские земли. В 1403 г. литовские войска взяли Вязьму, в 1404 г.— Смоленск. Нападение литовских войск на псковские волости и угроза Витовта Новгороду вызвали в 1406—1408 гг. походы московских военных сил Василия Дмитриевича против Витовта. Однако оба противника, не чувствовавшие решительного превосходства, повидимому, искали соглашения, которое и было заключено.

---

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 72; т. XXV, стр. 229

[2] См. гл. 5, § 1 настоящего издания.

[3] ПСРЛ, т. VI, стр. 128.

[4] Там же, т. VIII, стр. 75; т. XXV, стр. 231.

Новое примирение между московским и литовским правительствами объясняется, с одной стороны, татарской угрозой Москве, а с другой — агрессивными действиями тевтонских рыцарей против Витовта.

Между тем в результате феодальных войн среди татарских князей фактическим правителем Орды сделался ногайский князь Едигей, хотя номинально власть принадлежала хану Булатбею (сыну Темир-Кутлуга). Поздней осенью 1408 г. Едигей предпринял внезапный поход на Москву с целью восстановить прежнюю зависимость Московского княжества от Орды. Татары подвергли страшному опустошению окрестности Москвы, разграбили и сожгли Серпухов, Дмитров, Ростов, Переяславль, Городец, Нижний Новгород и другие города. Однако Москвы Едигей не взял. Она выдержала осаду, хотя московские посады были разорены и разграблены татарами. Простояв около месяца под Москвой, Едигей снял осаду и, взяв трехтысячный «окуп» с москвичей, ушел в Орду, где начались новые династические распри.

Сам Едигей зимой 1410/11 г. был изгнан из Сарая. Ханский престол занял сын Тохтамыша Джелал-ад-дин (Зелени-Салтан), вскоре убитый братом Керим-Бердеем. Осенью 1412 г. Василий Дмитриевич ездил в Орду «со множьством богатства и со всеми своими велможами»[1]. Поездка была вызвана опасением, что хан поддержит против великокняжеской власти собравшихся в Орду тверских и нижегородских князей. Таким образом, после нашествия Едигея на Москву произошло временное восстановление дипломатических отношений русских княжеств с Ордой.

В год нападения на Москву татарских полчищ Едигея соединенные русские, литовские, польские и чешские войска одержали блестящую победу над тевтонскими рыцарями у местечка Грюнвальд, около Танненберга. В составе войск Витовта против немецких феодалов боролись полки смоленские, полоцкие, витебские, киевские, пинские и др. На помощь Витовту пришли псковские и новгородские отряды. Рыцари потерпели страшное поражение. Немецкой агрессии еще раз был дан отпор славянскими народами. Танненберг-Грюнвальд имел громадное значение в истории Украины, Белорусии, Литвы, Польши[2].

Упорная борьба с Орденом побуждала литовское правительство стремиться к поддержанию московско-литовского союза. В конце первой четверти XV в. произошло новое заметное сближение московского правительства с Витовтом. В своей духовной грамоте Василий Дмитриевич поручил малолетнего наследника Василия княгине-матери Софье Витовтовне и тестю Витовту[3]. Союз с литовским князем был скреплен

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 219.

[2] См. гл. 5, § 1 настоящего издания.

[3] ДДГ, № 21, стр. 57—59.

дипломатической поездкой Софьи Витовтовны к своему отцу в Смоленск. Накануне смерти Василия I в Литву ездил для оформления договора митрополит Фотий.

В XV в. процесс политического объединения русских земель под властью Москвы уже значительно продвинулся вперед. Полностью была ликвидирована независимость одних феодальных центров (Суздальско-Нижегородского, Муромского) и стеснена самостоятельность других (Рязани, Твери). Достижение политического единства создавало условия для организации борьбы с внешними врагами Русского государства: прежде всего с татарами, а также Ливонским орденом и польско-литовскими феодалами.

11

ФЕОДАЛЬНАЯ ВОЙНА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XV В.

Во второй четверти XV в. в северо-восточной Руси разразилась феодальная война, которая продолжалась в течение почти 30 лет.

Историческое развитие вело к переходу от политической системы феодальных княжеств к централизованной монархии. Этот процесс имел глубоко прогрессивное значение. «...Тенденция к созданию национальных государств, выступающая все яснее и сознательнее, является одним из существеннейших рычагов прогресса в средние века»[1]. Сильная королевская власть была органом господствующего класса феодалов. Она давала ему возможность осуществлять эксплуатацию трудового народа и предоставляла ему защиту от внешних врагов. Но в то же время усиление королевской власти означало, что феодалы должны были поступиться в ее пользу частью своих материальных благ и политических привилегий, которые им доставляло обладание землей и зависимым крестьянством. Это диалектическое противоречие в политическом развитии феодального общества отмечает Энгельс, когда он касается «длившейся столетиями переменчивой игры силы притяжения вассалов к королевскому центру, который один был в состоянии защищать их от внешнего врага и друг от друга, и силы отталкивания от центра, в которую постоянно и неизбежно превращается эта сила притяжения»[2].

На определенном этапе развития феодального общества это противоречие в отношениях между отдельными феодалами и группами феодалов и центральной государственной властью как органом феодального

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 444.
[2] Там же, стр. 445.

господства над трудящимся большинством населения перерастает в решающую феодальную войну. Победившая в этой войне королевская власть укрепляет централизованную систему управления.

В России, так же как в ряде стран Западной Европы (Англии, Франции), такая война развернулась в XV в. В ней столкнулись реакционные силы удельно-княжеской и боярской оппозиции с растущей великокняжеской властью, опиравшейся на земельное дворянство и поддержанной городами.

И. В. Сталин указывает, что использование экономических законов встречает сопротивление со стороны отживающих сил общества[1]. Такую отживающую силу в XV в. представляли собой реакционное боярство и удельно-княжеская аристократия феодальных центров, сопротивлявшиеся делу государственной централизации, подготовленной закономерным экономическим развитием.

Касаясь феодальных войн западного средневековья, Энгельс говорит о невозможности «избежать конфликтов» между феодалами при тех условиях, «когда ленные отношения во всех землях образовывали запутанный клубок прав и обязанностей, дарованных, отнятых, снова возобновленных, прекратившихся вследствие давности, измененных или каким-либо иным способом обусловленных»[2]. Таким образом, феодальные войны представляют неизбежное явление периода феодальной раздробленности.

Ко второй четверти XV в. продолжалось объединение русских земель вокруг Москвы, в то же время в пределах самого Московского княжества количество уделов возрастало вследствие разделов территории между князьями.

Великокняжеская власть, не обладавшая еще достаточными средствами для организации централизованной системы управления на всей присоединенной к Москве территории, сохраняла систему уделов, но стесняла политические права удельных князей. Это был первый этап на пути дальнейшего государственного объединения.

Ко второй четверти XV в. на территории Московского великого княжества образовалось несколько «уделов» со своими княжескими линиями. Раньше других сложилось Серпуховское княжество, ставшее «отчиною» двоюродного брата Дмитрия Донского, Владимира Андреевича. После его смерти в 1410 г. территория Серпуховского княжества была разделена между его вдовой-княгиней и пятью сыновьями. Почти все серпуховские князья погибли во время эпидемии чумы 1426—1427 гг. Единственным представителем серпуховской княжеской линии остался

---

[1] См. *И. Сталин.* Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 8.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 444—445.

внук Владимира Андреевича — Василий Ярославич. Он владел только частью территории, принадлежавшей его деду, Серпуховом и Боровском, а также некоторыми другими волостями.

Сын Дмитрия Донского Андрей, получивший от отца Можайск и Верею, разделил перед смертью свои владения между двумя сыновьями. Старший Иван получил Можайск с волостями. К младшему Михаилу перешла Верея. В результате этого раздела в 30-х годах XV в. образовалось два небольших московских удельных княжества: Можайское и Верейское.

В наиболее благоприятных условиях для выделения в особое удельное владение находилась Галицкая земля (Галич Костромской), доставшаяся по духовной грамоте Дмитрия Донского вместе со Звенигородом его второму сыну Юрию, который имел трех сыновей: Дмитрия Шемяку, Василия Косого и Дмитрия Красного. Галицкое княжество в основном было расположено по левым притокам Волги — Унже и Костроме. Земли вокруг Галича были плодородны и имели относительно густое население. По Унже и Ветлуге тянулись леса, изобиловавшие пушниной. В хозяйственной жизни края крупную роль играли богатые соляные источники. Экономическая самостоятельность Галицкой земли способствовала политическому обособлению ее в отдельное княжество.

Князья — владельцы уделов — подчинялись великому князю. Крепнувшая великокняжеская власть стремилась к стеснению суверенитета удельных князей, к превращению их в обязанных службой привилегированных вотчинников.

По духовной грамоте, составленной незадолго до смерти, Василий Дмитриевич «благословил» великим княжением сына Василия. К нему перешла и основная часть московской «отчины», кроме волостей и сел, выделенных в пожизненное владение вдове-княгине. Кроме того, князь Василий II получил новые приобретения Василия Дмитриевича, его «прикупы». Таким образом, московская «отчина» увеличилась за счет сделанных в конце XIV — начале XV в. княжеской властью «примыслов». Наконец, Василий II сделался владельцем и неразделенной территории великого княжества Владимирского. Все это создавало в его руках огромный перевес материальных сил над его возможными политическими соперниками.

Тенденция великокняжеской власти к политическому объединению северо-восточной Руси и лишению удельных князей суверенитета встречала противодействие со стороны удельных центров. Во второй четверти XV в. попытку выступить против складывавшегося в Московском княжестве политического порядка, направленного к централизации государственной власти, сделали галицкие князья Юрий Дмитриевич

с сыновьями. Они мобилизовали все реакционные силы феодального общества, чтобы оказать сопротивление политике централизации, проводимой великокняжеской властью. Обладая значительными материальными ресурсами и сохраняя известную обособленность (экономическую и политическую), Галицкое княжество проявило ярко выраженный сепаратизм.

В 1425 г. умер московский князь Василий Дмитриевич. Галицкий князь Юрий Дмитриевич не признал перехода великокняжеской власти к его сыну Василию и выставил свою кандидатуру на великое княжение, ссылаясь при этом на завещание Дмитрия Донского, написанное в 1389 г., до рождения внука Василия Васильевича[1].

Дело, конечно, было не в завещании, а в соотношении сил, готовых столкнуться. На одной стороне стояла Москва с определенно складывавшейся централизованной политической системой, находившей поддержку во всех прогрессивных силах феодального общества, на другой — ее противники из удельно-княжеской и боярской оппозиции, не желавшей мириться с укреплением московской великокняжеской власти. Юрий хотел захватить Москву и овладеть великим княжением, но, поскольку он опирался на галицкое боярство, его победа реально отсрочила бы централизацию государства, тем более, что его поддерживали и реакционные противники централизации в самом московском центре.

К началу XV в. вновь наметилось резкое расслоение в боярской среде. Летописи противопоставляют «юных», «молодых» бояр боярам «старейшим», «старицам»[2]. «Старейшие» бояре, принадлежавшие к экономически отсталым слоям господствующего класса феодалов, в политическом отношении являлись сторонниками феодальной раздробленности. «Старое» боярство вытеснялось с руководящих мест в феодальном совете и политической жизни Московского княжества в целом «юными», служилыми княжескими боярами, на которых, наряду с дворянами, опиралась великокняжеская власть.

Расхождения между «юными», «молодыми» и «старейшими» боярами были не только в области внутренней, но и внешней политики. «Юные» бояре, в противоположность «старейшим», являлись сторонниками активной внешней политики, в частности решительной борьбы с Ордой.

К борьбе среди московских феодалов внимательно присматривались враги Руси, понимая, что от победы той или иной стороны зависит и дальнейшее направление внешней политики Русского государства, его

---

[1] См. гл. 1, § 6 настоящего издания.

[2] ПСРЛ, т. XI, стр. 207, 210; т. XV, стб. 475.

борьбы за свою независимость. Хан Едигей в письме Василию I считал виновниками разрыва московско-ордынских отношений «молодых» бояр и советовал московскому великому князю придерживаться политики, подсказываемой «старыми» боярами: «И ты бы опять тако не деял, а молодых не слушал, а собрал бы еси старейших своих бояр и многих старцев земских, да думал бы еси с ними добрую думу»[1].

Таким образом, реакционная внутренняя политика, сторонниками которой являлись «старейшие» бояре и которая была направлена против централизации государственного аппарата, была выгодна татаро-монголам и другим врагам Руси. Эта политика мешала укреплению Русского государства.

Консервативная часть московского боярства являлась той социальной силой, на которую пытались опереться в феодальной войне удельные князья.

В начале XV в. рост феодального гнета привел к обострению классовых противоречий. В ряде феодальных центров произошли антифеодальные движения. Такое движение в 1418—1421 гг. развернулось в Новгороде. Летописи подчеркивают его классовый смысл, указывая на расстановку социальных сил: «чернь с одноя стороны, а с другую боляре», «воста страна на страну ратным подобьем и бысть мятежь велик в граде»[2].

О развитии классовой борьбы в Московском княжестве свидетельствуют специальные мероприятия правительства Василия I начала 20-х годов XV в. по организации борьбы с нарушителями феодальной собственности («татями» и «разбойниками»)[3].

Классовая борьба оказывала влияние на ход феодальной войны. Борющиеся стороны старались использовать в своих интересах классовые противоречия.

Начало феодальной войны совпало с тяжелыми бедствиями для русского народа. Летописи говорят о страшной эпидемии («моровом поветрии»), охватившей северо-восточную Русь. «Мор велик» свирепствовал в Москве, Дмитрове, Волоколамске, Твери, Торжке, Новгороде Великом, Пскове и «во всех градех руских и в селех»[4]. В результате эпидемии погибла масса трудового населения, городского и сельского. Начавшаяся феодальная война принесла новые бедствия и разорение русскому народу.

---

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 210.

[2] ПСРЛ, т. V, стр. 261; т. XVI, стб. 169; см. также гл. 1, § 7 настоящего издания.

[3] ААЭ, т. I, № 23, стр. 16—17; см. также гл. 1, § 4 настоящего издания.

[4] ПСРЛ, т. VIII, стр. 93; т. XXV, стр. 247.

Первое открытое выступление Юрия Дмитриевича произошло тотчас после смерти Василия Дмитриевича в 1425 г., когда его наследнику Василию II только что исполнилось десять лет и власть в Москве фактически перешла к боярскому правительству. В его составе крупную роль играл митрополит Фотий.

Юрий Дмитриевич не поехал на призыв митрополита из своего подмосковного Звенигородского удела в Москву для принесения присяги Василию II, а тотчас отправился в Галич собирать ратную силу: «розосла по всей своей отчине по всех людий своих»[1]. Собрав войско («яко снидошяся к нему вси из всех градов его»[2]), Юрий начал войну против московской великокняжеской власти.

Однако сложившаяся в это время общая политическая обстановка не благоприятствовала выступлению галицкого князя. На стороне Василия Васильевича были многочисленные военные слуги его двора, богатый московский посад, значительная часть московского боярства. Против великокняжеской власти не выступали открыто, чувствуя ее реальную силу, и удельные князья: Андрей, Константин и Петр Дмитриевичи, а также церковная знать во главе с Фотием. Внешнеполитическая обстановка также была благоприятна для московского правительства, находившегося в союзе с литовским князем Витовтом.

Наступление московской рати против галицких военных сил по направлению к Костроме заставило Юрия Дмитриевича бежать с войском в Нижний Новгород, где он укрепился «со всеми людьми своими»[3]. Очевидно, Юрий рассчитывал на союз с теми нижегородскими феодалами, которые стремились к восстановлению самостоятельности Нижегородского княжества. В нижегородские пределы в погоню за галицкими военными силами было послано московское войско под предводительством удельного князя Константина Дмитриевича. Но до сражения дело не дошло: Юрий «убоявся», отступил со своим войском за р. Суру, а затем бежал в Галич, откуда отправил послов в Москву с предложением перемирия на год.

В Москве желали заключения не временного перемирия, а мира. На феодальном совете, в котором приняли участие удельные князья Андрей, Петр и Константин Дмитриевичи, бояре, митрополит Фотий, было решено отправить посольство в Галич во главе с митрополитом Фотием для заключения мира с Юрием Дмитриевичем. Этот вопрос был согласован с литовским князем Витовтом. Московское правительство было заинтересовано в союзе с ним, так как союз этот затруднял Юрию Дмитриевичу возможность нового выступления против Москвы.

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 92; т. XXV, стр. 246.
[2] Там же, т. VIII, стр. 92.
[3] Там же, т. XXV, стр. 246.

Московское посольство преследовало, очевидно, также цель выяснить, какими реальными силами располагает Юрий Дмитриевич для ведения войны. Повидимому, учитывая это, Юрий постарался продемонстрировать свою силу. Он «собра всю отчину свою и срете его (Фотия.—*Ред.*) з детми своими и з бояры, и с лутчими людми своими»[1]. Крупное галицкое боярство являлось главным союзником Юрия Дмитриевича в борьбе с московской великокняжеской властью. Кроме того, Юрий собрал, возможно насильно, торгово-ремесленное население из городов и крестьянство («а чернь свою собрав из городов своих и волостей, из сел и деревень») и поставил их на горе («вси бо бяху в сермягах»), чтобы поразить московских послов множеством людей, имевшихся в его распоряжении для войны с Москвой. Однако эта военная демонстрация не произвела должного впечатления на московское посольство. По рассказу московской летописи, глава посольства митрополит Фотий выразил откровенное недоверие к тому, что городская и сельская «чернь» поддержит Юрия («князь бо хотя явитися яко много люди име, а святитель в глум си вменив себе»).

После некоторой дипломатической борьбы московское правительство заключило с Юрием Дмитриевичем мир с условием перенести вопрос о кандидате на великое княжение на решение ордынского хана. Московское правительство чувствовало свои позиции в Орде достаточно прочными, чтобы включить это условие.

Юрий Дмитриевич вынужден был дать обещание «не искати княжениа великаго собою, но царемь (ханом Золотой орды.— *Ред.*): которого царь пожалует, той будет князь велики Владимерский и Новугороду Великому и всей Русии»[2]. В дальнейшем московское правительство заставило Юрия уже безоговорочно признать права Василия II на великое княжение. Это признание было закреплено договором 1428 г. между правительством Василия II и галицким удельным князем.

Новое выступление противников московской великокняжеской власти было связано с изменением внешнеполитической обстановки. К концу 20-х годов XV в. снова усилились агрессивные стремления Литвы в отношении русских земель. Правительство Витовта хотело распространить свое политическое влияние на некоторые земли северо-восточной Руси и тем самым ослабить политические позиции Московского великого княжества. В 1427 г. тверской князь Борис Александрович заключил договор с правительством Витовта, который в это время организовал наступление на Псков и начал подготовку к наступлению на Новгород[3]. В 1428 г. войска Бориса Александровича помогали

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 92; т. XXV, стр. 246.
[2] Там же, т. VIII, стр. 93; т. XXV, стр. 247.
[3] См. гл. 5, § 1 настоящего издания.

Литве в войне с Новгородом. Около этого же времени «дался на службу» Литве рязанский князь Иван Федорович, взяв на себя обязательство перед Витовтом без его «воли... ни с кем не доканчивати, ни пособляти», а во время «нелюбия» великого литовского князя с Василием II оказывать ему помощь против Московского княжества «без хитрости»[1]. «Присяжная запись» была взята литовским правительством и с князя пронского Ивана Владимировича[2].

Опасность для Москвы со стороны Литовского княжества еще более усилилась со смертью Витовта в 1430 г., когда великим литовским князем стал Свидригайло, «побратим» (свояк) Юрия Дмитриевича галицкого. Галицкое боярство во главе со своим удельным князем рассчитывало на то, что литовская угроза Москве ослабит ее силы и приведет московское правительство к поражению в войне. Поэтому в 1430 г. Юрий Дмитриевич «разверже мир»[3] с московским правительством, снова потребовав разбора дела о великом княжении в Орде. Правительство Василия II согласилось на это, уверенное в исходе дела в свою пользу. Постоянную борьбу в Орде между отдельными группами татаро-монгольских феодалов московская великокняжеская власть умело использовала в своих интересах. «Спор» в Орде в 1431—1432 гг. между Василием II и Юрием Дмитриевичем о великокняжеском титуле и связанных с ним правах («спершися о великом княжении»)[4] окончился при участии московских бояр, употребивших в Орде и материальные средства и политическое влияние в пользу Василия II. Юрий галицкий только получил по ханскому ярлыку в дополнение к своим землям Дмитровский уезд. Летом 1432 г. Василий Васильевич вернулся из Орды с ханским послом и занял «великое княжение».

Если Юрий галицкий не мог помириться с торжеством московской великокняжеской власти, то и правительство Василия II не хотело упускать из своих рук Дмитрова с уездом, представлявшего собой важный экономический и стратегический центр: он защищал подступы к Москве с Верхней Волги, со стороны Углича. Повидимому, Юрий галицкий понимал непрочность приобретения, находившегося в стороне от основных галицких владений. Поэтому, «бояся великого князя», ушел из Дмитрова в Галич, а Василий Васильевич взял Дмитров «за собя»[5]. Галицкие наместники были частично захвачены, частично изгнаны из Дмитрова московскими войсками.

---

[1] ДДГ, № 25, стр. 67—68.
[2] Там же, № 26, стр. 68—69.
[3] ПСРЛ, т. VIII, стр. 95; т. XXV, стр. 248.
[4] Там же, т. VIII, стр. 95; т. XXV, стр. 249.
[5] Там же, т. VIII, стр. 97; т. XXV, стр. 250.

Подготовляя дальнейшее выступление против московской великокняжеской власти, Юрий галицкий пытался найти опору в реакционной части московского боярства. Ближайшие годы после смерти Василия I, когда, в силу малолетства его наследника Василия II, фактическая власть в Москве перешла к боярскому правительству, были временем некоторого компромисса между отдельными группами московских феодалов. Бояре добились расширения иммунитетных привилегий[1]. Изданный в это время «Судебник» признал права наместников удельных князей на участие в суде великокняжеского «большого» наместника в Москве[2]. Это отвечало интересам тех удельных князей, которые поддерживали Василия II.

Укрепление московской великокняжеской власти к началу 40-х годов XV в. привело к новому обострению внутриклассовой борьбы. Реакционная часть боярства вступила в блок с удельнокняжеской оппозицией. К этой группе московских феодалов принадлежал прежде всего И. Д. Всеволожский, потомок смоленских князей, один из наиболее видных деятелей боярского правительства при Василии II. Он был одним из инициаторов издания «Судебника», им были подписаны жалованные грамоты на иммунитетные феодальные привилегии. В 1433 г. он бежал сначала в Тверь, затем в Галич, где стал «подговаривати... (Юрия Дмитриевича.— *Ред.*)... на великое княжение»[3]. Из других московских бояр, поддерживавших удельно-княжескую оппозицию, выделялся С. Морозов, экономически тесно связанный с Галицкой землей, где были расположены его соляные промыслы.

В качестве повода к выступлению галицких военных сил против московского правительства летописи выдвигают эпизод, имевший место в 1433 г. в Москве на свадьбе Василия II. На сыне Юрия Дмитриевича Василии Косом оказался золотой пояс, якобы похищенный в свое время из великокняжеской казны последним московским тысяцким Василием Вельяминовым. Обнаружив это, мать Василия II Софья Витовтовна публично сорвала пояс с Василия Косого, который «раззлобившеся» уехал из Москвы в Галич. «Се пишем того ради, понеже много зла с того почалося»,— указывают летописи[4].

Этот летописный рассказ имеет определенный политический смысл. Его тенденция сводится к идеологическому обоснованию прав великокняжеской власти в ее борьбе с удельно-княжеской и боярской оппозицией. Летописцы, выступавшие с идеологических позиций московской великокняжеской власти, доказывали незаконность присвоения

---

[1] См. гл. 1, § 6 настоящего издания.

[2] *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., ч. 2, стр. 348.

[3] ПСРЛ, т. VIII, стр. 97; т. XXV, стр. 250.

[4] Там же.

удельными князьями не принадлежавших им регалий. Золотой пояс выступает в этом рассказе в роли княжеских барм, «шапки Мономаха» и других знаков княжеского достоинства, на которых усиленно останавливает свое внимание феодальная политическая литература.

В 1433 г. галицкие войска с такой быстротой двинулись из Галича к Москве, что Василий Васильевич успел собрать только находившихся вблизи слуг своего «двора» и часть московского городского ополчения. В этом ополчении участвовали и представители крупного московского купечества, «гости». На р. Клязьме войска Юрия галицкого разбили неподготовившегося противника и заняли Москву.

Став великим князем, Юрий отдал Василию II Коломну с уездом. Но галицкому боярству скоро пришлось столкнуться с теми социальными силами, которые поддерживали московскую великокняжескую власть в ее борьбе за централизацию. От Юрия стали «отказываться» московские дворяне, слуги, воеводы, служилые бояре, которые направлялись из Москвы и других городов в Коломну «беспрестани»[1]. Не имея опоры в Москве, оставленный московскими служилыми боярами и двором великого князя («люди вси идут к великому князю»), Юрий принужден был уступить племяннику великое княжение и вновь уйти в Галич. Характерна судьба боярина С. Морозова. Убедившись в непрочности положения Юрия галицкого в Москве, он попытался принять участие в заговоре против него, за что был убит сыновьями Юрия как «коромольник» и «лиходей»[2]. Таким образом, на стороне Василия Васильевича, несмотря на его временное поражение, оказались прогрессивные силы феодального общества, сторонники централизованной политической власти. По заключенному договору Юрий отказался от притязаний на великое княжение и Дмитровский уезд, обещав отдать великому князю «царев» ярлык, полученный в свое время на Дмитров.

Борьбу против Москвы продолжали вначале сыновья Юрия — Василий Косой и Дмитрий Шемяка, а затем ее возобновил и сам Юрий. В эту борьбу галицкие князья пытались втянуть Вятку, которой политическая централизация грозила утратой независимости. Поэтому господствующий класс Вятской земли поддерживал галицких князей. Столкновение войск Юрия с военными силами Василия Васильевича в Ростовской области в 1434 г. кончилось новым поражением великого князя, который ушел в Новгород Великий, а потом через Кострому пробрался в Нижний Новгород. Положение его было в это время настолько тяжелым («не бысть ни откуды помощи»), что он уже собирался за помощью в Орду[3]. Однако и на этот раз в силу указанных

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 98; т. XXV, стр. 250—251.
[2] Там же, т. XII, стр. 18—19.
[3] Там же, т. VIII, стр. 98; т. XXV, стр. 251.

выше общих причин победители не смогли укрепиться на великом княжении в Москве.

Князь Юрий Дмитриевич умер в 1434 г. вскоре после захвата столицы, когда Василий II находился в Нижнем Новгороде. Смерть Юрия вызвала изменения в междукняжеских отношениях. Фронт удельно-княжеской оппозиции против московской великокняжеской власти распался. В среде галицких князей произошел раскол. Старший сын Юрия Василий Косой сделал попытку занять великокняжеский стол, но встретил противодействие своих братьев Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного, которые велели ему передать: «аще не восхоте бог да княжить отець нашь, а тебе и сами не хотим»[1]. Оба они предпочли при данной политической ситуации подчинение великому князю Василию Васильевичу, заключив с ним договор. Василий II вернулся в Москву и занял великокняжеский стол.

Внезапное изменение в поведении Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного объясняется, конечно, не отсутствием желания стать под власть брата Василия Юрьевича, а сознанием своего бессилия.

По договору с Василием II Дмитрий Шемяка получил Углич и Ржев, а Дмитрий Красный — Бежецкий Верх[2]. Василий Косой, бежавший сначала в Орду, вернулся на Русь и, опираясь на галицкое боярство, продолжал борьбу с великим князем.

Начался второй этап феодальной войны. На первом этапе борьба хотя бы внешне прикрывалась старинным феодальным правом наследования великокняжеского стола не по нисходящей линии (от отца к сыну), а по боковой (от старшего брата к следующему по старшинству). На втором этапе феодальной войны борющиеся стороны даже формально не прибегают к ее оправданию феодальными правовыми нормами. В неприкрытом виде проявляется борьба сторонников феодальной раздробленности против государственной централизации.

Расширяется арена феодальной войны. Она выходит за пределы московского центра и охватывает Верхнюю Волгу и Поволжье. В борьбу с великокняжеской властью удельно-княжеская оппозиция в лице Василия Юрьевича Косого пытается втянуть не только Новгородскую боярскую республику и Тверское княжество, но и окраинные феодальные центры (Вятку, Вологду, Устюг).

Из Москвы в 1434 г. Василий Юрьевич бежал в Новгород, очевидно, желая использовать в своем выступлении против московского правительства враждебные ему силы новгородских феодалов, а оттуда направился к Костроме, которая вновь стала опорным пунктом действий галицкого боярства против Москвы. Отсюда в конце 1434 г. войска Василия

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 99.
[2] ДДГ, № 34, стр. 87—89.

Юрьевича выступили против московских военных сил. В ярославских пределах на р. Которосли в начале 1435 г. произошел бой, окончившийся победой великокняжеской рати. Понеся большие потери, Василий Юрьевич бежал в Кашин, рассчитывая на поддержку тверского великого князя Бориса Александровича, которую он и получил. Из Кашина Василий Юрьевич двинулся к Вологде, чтобы нанести удар по северным московским владениям. Использовав выгоды санного зимнего пути и напав врасплох на московскую засаду, войска Василия Юрьевича перебили московских воевод и ударом по Вологде предупредили возможность нападения отсюда московских военных сил на Галич. Затем местом действия галицких войск снова становятся окрестности Костромы. Как и раньше, галицкие князья действовали с помощью вятских полков. Встреча противников на Волге при впадении в нее Костромы, во время мешавшего военным действиям половодья, закончилась перемирием. Московское правительство уступило Василию Юрьевичу Дмитров.

Однако перемирие было лишь ловким маневром со стороны галицкого князя с целью выиграть время. Пробыв в Дмитрове месяц, Василий Юрьевич отправился сначала в Кострому, а затем, когда р. Кострома покрылась льдом, перебрался в Галич и оттуда двинул свои войска вместе с вятскими отрядами в Поволжье. На этот раз галицкий князь рассчитывал овладеть опорным пунктом московской великокняжеской власти в районе Северной Двины — Великим Устюгом, прочно здесь засесть и тем самым включить в сферу политического влияния Галицкого княжества Двинскую землю. Под Устюгом галицкие и вятские войска простояли около двух месяцев. Устюг обладал крепкими оборонительными сооружениями. Сильное сопротивление Василию Юрьевичу оказали устюжские служилые люди и купечество. После взятия Устюга Василий Юрьевич решил ликвидировать там органы московской военной администрации и сторонников Василия II. Был убит устюжский воевода, повешен десятинник ростовского архиепископа, перебито много «добрых людей» из числа местного купечества. Действия Василия Юрьевича вызвали сопротивление. Против него устраивались заговоры служилыми людьми и «гостями».

Из Устюга Василий Юрьевич сносился со своим братом Дмитрием Шемякой, и в составе военных сил Василия Юрьевича оказались углицкие полки. Поведение Дмитрия Шемяки вызвало подозрение московского правительства, и он был арестован.

Весной 1436 г. Василий Юрьевич с соединенными галицкими, вятскими и углицкими силами двинулся из Устюга к Вологде, рассчитывая через Кострому прорваться к Москве. Навстречу ему выступила великокняжеская рать, в составе которой были полки друцкого князя Ивана Бабы, перешедшего из Литвы на московскую службу.

Встреча противников у села Скорятина в Ростовской области имела неудачный исход для Василия Юрьевича. Он потерпел поражение, был захвачен в плен и ослеплен. После этого он сошел с политической арены.

Победой военных сил Василия Васильевича над Василием Косым и разгромом галицкого войска закончился второй этап феодальной войны.

В дальнейшем организатором удельного княжеского и боярского блока, направленного против московской великокняжеской власти, стал брат Василия Юрьевича, Дмитрий Шемяка. Враждебный московскому правительству фронт феодальных княжеств значительно расширился. Помимо удельных князей, участие в войне приняли Тверское княжество и Новгородская боярская республика. На этом этапе особенно проявилась острая борьба в лагере феодалов за перераспределение земельных фондов. Происходил массовый захват «черных» земель. Феодальная война осложнилась вмешательством в нее татарских князей. Агрессивные стремления в отношении Русского государства проявила папская курия. Особенно сильно развернулось массовое народное движение, направленное против феодалов. Поскольку боровшиеся стороны использовали в феодальной войне враждебные русскому народу татарские полчища, классовые выступления русского крестьянства и городского населения носили глубоко национальный патриотический характер. Это была борьба против захватчиков Русской земли и их пособников — русских феодалов.

С конца 30-х годов XV в. участились татарские нападения на Русь. Они являлись результатом продолжавшейся «замятни» — борьбы феодальных группировок в Орде, выбрасывавшей за ее пределы татарских князьков, терпевших в этой борьбе поражение. Лишившийся ханской власти в Сарае, внук Тохтамыша — Улу-Мухаммед (Большой Мухаммед), изгнанный из Орды Едигеем, обосновался на Верхней Оке в Белеве, на границе московских и литовских владений. Войско, посланное против Улу-Мухаммеда московским правительством в 1437 г., потерпело серьезное поражение. После этого татары начали совершать из Белева непрерывные нападения на центральные московские области. Летом 1439 г. полчища Улу-Мухаммеда сделали налет на Москву, пожгли посад, окрестные волости и села, взяли большой полон. Василий II бежал за Волгу. В дальнейшем Улу-Мухаммед перешел со своей ордой на Среднюю Волгу и «засел» у Нижнего Новгорода, продолжая систематически грабить и разорять русские земли. Так, в 1444 г. татары из Нижнего Новгорода совершили набег на Муром. Одновременно татарские отряды хана Мустафы опустошили Рязанскую землю.

В то время, когда Москве приходилось вести тяжелую борьбу с татарами, с запада на Русь надвигалась литовская опасность. Литовское правительство стремилось укрепить свое влияние в Новгороде, используя борьбу новгородского боярства с московской великокняжеской властью. В начале 40-х годов новгородские бояре поддерживали галицкого князя Дмитрия Шемяку в его действиях, направленных против Москвы. Это вызвало военные столкновения и поход в 1440 г. войск Василия II на Новгород. Правительство Казимира IV, учитывая литовскую ориентацию части новгородского боярства, в середине 40-х годов XV в. поставило вопрос перед Новгородом о его переходе под власть Литвы. «А из Литвы князь великый Казимир присла в Новъгород, а ркя так: ,,возмите моих наместников на Городище, а яз вас хочю боронити; а с княземь есмь с московскым миру не взял вас деля‘‘»[1]. К началу же 40-х годов относится договор Казимира IV с Новгородской феодальной республикой, согласно которому он получил право собирать «черный бор» с некоторых новгородских волостей и держать своих тиунов в новгородских пригородах[2].

Наконец, римская курия сделала попытку включить в сферу своего политического влияния Русь путем подчинения папству русской церкви.

Изнемогая в войне с турками, Византия искала помощи папы и западных государств и с этой целью вела переговоры с римской курией о заключении церковной унии. Для Византии весьма важно было обеспечить признание подготовляемой унии со стороны русской митрополии, обладавшей «несметными богатствами». В кандидаты на митрополичий стол был выдвинут грек Исидор, сторонник унии, который, по расчетам византийского правительства, должен был обеспечить его интересы на Руси.

Исидор прибыл в Москву в 1437 г. Вскоре он отправился в Италию на восьмой вселенский собор. На соборе во Флоренции возобладали политические интересы папской курии. Настойчивое желание византийского императора Иоанна Палеолога заручиться помощью католических западных стран для борьбы с турками решило дело. 5 июля 1439 г. был подписан акт о восстановлении «единства» христианской церкви на условиях принятия православной церковью католических догматов и признания главенства папы при сохранении православных обрядов.

Однако московское правительство понимало, что принятие Русью унии приведет к подчинению ее западноевропейским католическим государствам, что католическая церковь—проводник агрессии папского двора. Поэтому великий князь Василий Васильевич отверг

[1] НПЛ, стр. 424.

[2] См. гл. 5, § 1 настоящего издания.

унию, арестовал митрополита Исидора после его возвращения в 1441 г. из Флоренции в Москву и провел на соборе высших иерархов русской церкви постановление о его низложении. Исидору удалось бежать из-под ареста. Василий Васильевич предоставил ему возможность уйти из Русской земли.

Однако Москва не решилась на немедленный разрыв с Византией. Несколько лет русская митрополия оставалась вакантной. Наконец, в 1448 г. по приказу великокняжеской власти собор русских епископов поставил в митрополиты управлявшего фактически митрополией епископа Иону. Константинопольский патриарх признал это действие незаконным и отлучил «русскую паству» от церкви, наложив интердикт. В самой Москве поставление Ионы вызвало протесты в среде реакционного духовенства.

Отказ московского правительства и русской церкви признать Флорентийскую унию и фактическая независимость русской церкви от константинопольского патриарха имели большое международное значение, поскольку это укрепляло внешнеполитическое положение Русского государства.

В такой международной обстановке развертывался третий этап феодальной войны в северо-восточной Руси.

Весной 1445 г. в Москве было получено известие, что сыновья Улу-Мухаммеда двинулись на Русь. Московские войска выступили им навстречу. В июле около Суздаля татары неожиданно напали на русский лагерь, разбили московское войско и взяли в плен раненного в сражении Василия II. Русские потери были очень велики.

Известие о поражении и пленении великого князя вызвало в феодальных кругах Москвы панику. Она стала еще сильнее, когда через неделю после суздальской битвы страшный пожар уничтожил почти весь город. Княжеская семья и бояре бежали в Ростов. Трудовое население, как и во время прихода Тохтамыша, решило защищать столицу и избивало тех, кто хотел бежать. Город был подготовлен к обороне, организацию которой взял в свои руки народ, «черные люди», городские ремесленники, проявившие подлинный патриотизм в ответственный момент, который переживала столица Русской земли. После победы под Суздалем татары, узнав о приготовлениях к обороне Москвы, ушли к Нижнему Новгороду.

В то время, когда русский народ самоотверженно готовился к борьбе с татарскими захватчиками, подняла голову феодальная оппозиция. Дмитрий Шемяка и его сторонники из московских феодалов завязали переговоры с Улу-Мухаммедом о передаче великого княжения Шемяке.

Эти переговоры не дали результатов. Через три месяца Улу-Мухаммед отпустил в Москву великого князя Василия II, обещавшего дать

за себя «окуп сколико может»[1]. Василий Васильевич вернулся в Москву обремененный тяжелым долгом. По летописным данным, сумма «окупа» достигала 200 000 рублей. С Василием II пришли на Русь татары, посланные ханом для получения «окупа». Появление татар, приехавших за сбором дани, на время лишило Василия Васильевича поддержки городского населения Москвы и служилых людей. Торгово-ремесленное население городов должно было участвовать в уплате «окупа». Служилые бояре и «дети боярские» страдали от наплыва татарских пришельцев, поделивших между собой кормления в городах и волостях.

На страницах летописных сводов записаны обвинения, которые выдвигались против Василия II горожанами и служилым боярством и дворянством: «чему еси татар привел на Рускую землю, и городы дал еси им, и волости подавал еси в кормление? А татар любишь и речь их паче меры, а христиан томишь паче меры без милости, а злато и сребро, и имение даешь татаром?»[2].

Грабительские действия татар приносили особенно много бед трудовому населению города и деревни, вызывая массовое движение бедноты. Недовольство политикой Василия II со стороны различных групп феодалов и торгово-ремесленной городской верхушки использовал в своих интересах Дмитрий Шемяка. По летописным известиям, он пытался создать блок против Василия II, прибегая для этого к распространению слухов о передаче московского великого княжения Улу-Мухаммеду: «царь (хан Улу-Мухаммед.— *Ред.*) на том отпустил великого князя, а он к царю целовал, что царю сидети на Москве и на всех градех Руских и на наших вотчинах, а сам хочет сести на Твери»[3].

С Шемякой на этот раз соединились тверской князь Борис Александрович и можайский князь Иван Андреевич. По летописным известиям, к тайному заговору против московского князя примкнули многие московские феодалы, светские и духовные (бояре и чернецы-монахи), крупное купечество («гости»).

Дмитрий Шемяка и Иван Андреевич Можайский, готовые к нападению, стояли в Рузе и получали от своих сторонников из Москвы нужные сведения о великом князе. Когда Василий Васильевич в феврале 1446 г. выехал из Москвы в Троице-Сергиев монастырь, Дмитрий Шемяка «изгоном» ночью овладел столицей. Захваченный неожиданно в Троице-Сергиевом монастыре, Василий Васильевич был ослеплен и сослан в Углич. Это был обычный для феодальных войн средневековый прием устранения с политической арены противника. Энгельс говорит о том,

---

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 114; т. XXV, стр. 263.

[2] Там же, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 443.

[3] Там же, т. VIII, стр. 115; т. XXV, стр. 264.

что феодальные войны сопровождались «бесконечной, непрерывно продолжающейся» вереницей «предательских убийств, отравлений, коварств и всяческих низостей, какие только возможно вообразить, которые скрываются под поэтическим именем рыцарства и при наличии которых все же решаются говорить о чести и верности»[1].

В третий раз Москва перешла в руки галицкого князя.

Дмитрий Шемяка по занятии великого княжения стремился к созданию блока против сторонников Василия II и обеспечению себе поддержки со стороны других феодальных центров. Он отправил «поклоньщиков» в Новгород, а когда из Новгорода в свою очередь явились в Москву послы, обязался перед ними соблюдать независимость Новгородской республики: «крест целова на всех старинах»[2]. Было восстановлено, на правах великого, Суздальско-Нижегородское княжество, признанное правительством Шемяки «отчиной» суздальских князей Василия и Федора Юрьевичей. Выдачей ряда жалованных грамот правительство Шемяки стремилось к закреплению иммунитетных привилегий крупного боярского и монастырского землевладения.

Время с конца 30-х годов XV в., когда феодальная война вступает в новый этап, будучи осложнена вмешательством в нее ордынских княжеств и феодалов, и до освобождения Москвы от Дмитрия Шемяки было особенно тяжелым для трудового населения Русской земли. Сохранившиеся документы говорят об «опустении» сел и деревень «от татар да от потугов не по силе», о том, что «люди деи из них разошлись по иным местом, а живущие деи людей осталося мало»[3]. Многие крестьяне не сидели на земле «разбоя для» и в силу того, что «послы татарские» «дорогою ходили»[4].

Из более поздних «правых грамот» (судебных приговоров) по земельным тяжбам видно, что с конца 30-х годов XV в. усилился массовый расхват феодалами «черных» крестьянских земель. Это была ожесточенная борьба за перераспределение земельных фондов и феодальной ренты. В связи с этим обострялась классовая борьба. Усиливались «разбои и татьбы» как формы ее проявления. О классовых противоречиях в феодальной деревне ярко рассказывает новгородская летопись под 1446—1447 гг., говоря о действиях «бесправдивых бояр»: «бысть христьяном скорбь велика и убыток в городе и по волостем»[5]. Нарастание антифеодальных движений имело значение для дальнейшего хода фео-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. I, стр. 445.

[2] ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, стр. 443.

[3] АФЗиХ, № 145, стр. 129—130.

[4] Гос. исторический Музей, рукописное отделение, кн. Симоновского монастыря, № 58, л. 30 и сл.

[5] НПЛ, стр. 427; см. гл. 1, § 7 настоящего издания.

дальной войны. Оно явилось одной из причин, способствовавших победе великокняжеской власти в ее борьбе за образование централизованного государства, процесс создания которого был обусловлен закономерным экономическим развитием феодального базиса. Феодальная монархия явилась той политической формой, которая могла лучше всего обеспечить классовые интересы феодалов. Наступал последний, четвертый этап феодальной войны, в течение которого определилась окончательная победа московской великокняжеской власти.

Вскоре после взятия Москвы Дмитрием Шемякой среди московских служилых людей началось движение в пользу возвращения в Москву Василия II. Поэтому, когда сыновья ослепленного Василия Васильевича «со многими людьми» бежали в Муром, Дмитрий Шемяка не решился послать за ними погоню, «понеже бо вси людие негодоваху о княженье его, но и на самого мысляху, хотяще великого князя Василья на своем осподарьстве (государстве.— *Ред.*) видети». Часть сторонников Василия Васильевича, в числе которых находился князь Василий Ярославич серпуховской, ушла в Литву.

Уже в 1446 г. среди «двора» великого князя возник заговор, целью которого было освобождение Василия II. Участники заговора (Ряполовские, Стрига-Оболенский, Иван Ощера и др.) должны были собраться под Угличем в назначенный срок — в Петров день (в июне). Хотя заговор был раскрыт, многим «детям боярским» вместе с князьями Ряполовскими удалось уйти и отбиться от преследования Шемяки. Часть их перешла в литовские владения.

Тяжелое положение, в котором оказался Дмитрий Шемяка, увидевший, что «мнози людие отступают от него» [1], побудило его искать примирения с Василием Васильевичем. Он выпустил из заключения великого князя и отдал ему «в вотчину» Вологду, взяв с него «проклятые грамоты» (обязательство под угрозой церковного проклятия в случае неисполнения) не добиваться больше великого княжения. Однако, осведомленный о затруднениях своего противника, Василий Васильевич вскоре уехал в Кирилло-Белозерский монастырь, игумен которого Трифон освободил его от клятвы. Возобновив борьбу за великое княжение в Москве, Василий Васильевич отправился в Тверь, чтобы договориться с тверским князем Борисом Александровичем о помощи.

Политика тверского правительства Бориса Александровича (1425—1461) в годы феодальной войны была направлена к укреплению Тверского княжества и поддержанию его независимости. Достигнув подчинения удельных князей тверского дома, Борис Александрович держался

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 118—119; т. XXV, стр. 267.

по отношению к ним прямым «самодержцем», «царем государем» и первый пустил в обращение формулу: «Яз, князь велики... волен, кого жалую, кого казню»[1].

Во время решительной борьбы московского единодержавия с удельными князьями Борис Александрович, заинтересованный в ослаблении московской великокняжеской власти, примкнул к Шемяке. Он принимал, хотя и не непосредственное, участие в пленении и ослеплении Василия Васильевича. Но когда стал укрепляться Шемяка, Борис Александрович решил поддержать Василия II. В Твери произошло примирение Василия II с Борисом Александровичем, закрепленное обручением сына Василия II Ивана Васильевича с тверской княжной Марией Борисовной.

Это упрочило авторитет Василия II. Число его сторонников увеличилось. В Тверь к Василию II приехали бояре и «вольные слуги» со своими «людьми». В это же время из Литвы возвратились бежавшие туда «дети боярские» с князем Василием серпуховским и др. В конце 1446 г. Василий II послал в Москву боярина Михаила Плещеева с небольшим отрядом, который обошел позицию Шемяки, стоявшего с войском у Волока (Волоколамска), и, не встретив сопротивления, занял столицу. Это событие произошло с такой быстротой, что Дмитрий Шемяка с можайским князем Иваном Андреевичем «в недоумении бывше: се от Твери на них князь великы идет, а се прииде к ним весть, что царевичи (татарские, союзники Василия.— *Ред.*) идут, да князь Василий Ярославичь с многою же силою, а Москва уже взята, а от них люди одинако бежат»[2]. Оба князя (можайский и галицкий) ушли к Каргополю.

В 1448 г. между Дмитрием Шемякой и правительством Василия II был заключен мир, вскоре нарушенный новым выступлением галицкого князя. В этот последний, завершающий этап борьбы ареной ее стали северные земли, в том числе территория самого Галицкого княжества. В 1450 г. войска великого князя заняли Галич. Потеряв опору в галицком боярстве, Дмитрий Шемяка пытался в своих действиях опереться на враждебных великокняжеской власти новгородских бояр. Но несомненное сочувствие Новгорода ему не помогло.

С течением времени действия Дмитрия Шемяки превращались в отдельные беспорядочные нападения на северные великокняжеские волости (Устюг, Вологду). Они доставляли большое беспокойство Москве, но не в силах были вновь поколебать окрепшую московскую великокняжескую власть.

---

[1] ДДГ, № 23, стр. 62.

[2] ПСРЛ, т. VIII, стр. 120; т. XXV, стр. 268—269.

Несмотря на требования Москвы выдать Шемяку, новгородское правительство продолжало оказывать ему покровительство. Шемяка умер в Новгороде в 1453 г.[1] Некоторые летописи утверждают, что он был отравлен по приказанию Василия II.

Смерть Шемяки явилась эпилогом длительной феодальной войны. Окрепли элементы нового политического строя, основанного на усилении великокняжеской власти и объединении земель и княжений северо-восточной Руси вокруг единого политического центра. Усилилась феодальная монархия. Победа Василия Васильевича была не его личной победой, а торжеством новой системы централизованного государства, которая в самые трудные моменты находила поддержку среди всех прогрессивных элементов феодального общества. Поэтому даже временные победы галицких князей, когда они занимали Москву, обращались против них самих.

После разгрома Шемяки московское правительство уничтожило некоторые уделы в Московском княжестве. В 1454 г. было присоединено к Москве Можайское удельное княжество. Удельный можайский князь Иван Андреевич, один из ближайших союзников Дмитрия Шемяки, бежал с семьей в Литву. В 1456 г. был арестован правительством Василия II и заточен в Угличе серпуховско-боровский князь Василий Ярославич. Его семья также укрылась в Литве, а Серпуховско-Боровский удел в качестве самостоятельного политического образования был ликвидирован. Попытка серпуховских «детей боярских» в 1462 г. освободить из заключения Василия Ярославича была подавлена, а участники заговора казнены.

Помимо уничтожения некоторых уделов внутри Московского княжества, московская великокняжеская власть добилась подчинения себе ряда других феодальных княжеств северо-восточной Руси. Восстановленное было «великое» княжество Суздальско-Нижегородское вновь потеряло самостоятельность. Правительство Василия II передало его одному из представителей суздальской княжеской династии — Ивану Васильевичу Горбатому, который, признав свою полную зависимость от Москвы, по существу выполнял функции великокняжеского наместника.

«Под рукою» великого князя оказались также измельчавшие ростовские и ярославские князья. Отношения Рязанского княжества к Москве продолжали регулироваться феодальными договорами, составлявшимися по образцу договора 1402 г., но сама жизнь постепенно усиливала зависимость Рязанского княжества от Москвы.

Уже в середине XV в. зависимость Рязани от Москвы была весьма значительной. Рязанский великий князь Иван Федорович перед смертью

[1] ПСРЛ, т. V, стр. 271.

поручил своего несовершеннолетнего сына Василия великому князю московскому Василию Васильевичу, который послал в Рязань наместников. Только ценой полного подчинения Москве Рязанскому княжеству удалось сохранить формальную самостоятельность до 20-х годов XVI в.

Наибольшее сопротивление московскому правительству продолжали оказывать Тверь и Новгород. Тверское и новгородское правительства, защищаясь от попыток московской великокняжеской власти стеснить их суверенитет, прибегали к помощи Литвы, лавируя между Москвой и Литвой.

В 1449 г. тверской князь Борис Александрович заключил союз с великим князем литовским Казимиром IV. Но признав себя «в стороне» Казимира, Борис Александрович в то же время сохранил «любовь и докончание» с Василием II[1]. Это была бесплодная попытка со стороны тверского княжества путем договоров и с Москвой и с Литвой удержать свой суверенитет. В середине 50-х годов XV в. тверское правительство Бориса Александровича должно было согласиться принять внешнюю политику московской великокняжеской власти: «быти... на татар, и на ляхи, и на литву, и на немци за один»[2].

Более решительным было наступление московского правительства на Новгородскую феодальную республику.

В 1456 г. Василий II с братьями, вассальными князьями и «множеством воинства» двинулся на Новгород. Московские отряды, рассеявшиеся по новгородским волостям, произвели в них большое опустошение. Выставленное Новгородом ополчение было разбито московской ратью, которая в этом бою показала преимущество лучше организованной великокняжеской военной силы перед новгородскими сборными отрядами. Мир, заключенный в Яжелбицах[3], стал поворотным моментом в московско-новгородских отношениях. Помимо большой контрибуции (по некоторым летописным известиям — 10 000 рублей) и обещания платить пошлины и давать по старине «черный бор», в Яжелбицкий договор были включены условия, ограничивавшие и изменявшие новгородскую «старину» в пользу великокняжеской власти как во внешней политике, так и в области внутреннего управления. Новгородское правительство обещало не принимать к себе «лиходеев», т. е. противников великого князя. Отмена «вечевых грамот» («а вечным грамотам не быти») по существу означала лишение Новгородской боярской республики законодательных прав и самостоятельного ведения внешней политики. Выражением политической зависимости Новгорода

---

[1] ДДГ, № 54, стр. 163—164.
[2] Там же, № 59, стр. 187.
[3] ГВНиП, № 22—23, стр. 39—43.

от Московского княжества была замена новгородской печати печатью великокняжеской.

Яжелбицкий договор нарушил и целостность новгородской территории. Некоторые новгородские волости (Бежецкий Верх, Волок Ламский и Вологда) вошли в состав Московского княжества. Эти волости Василий II разделил по духовной грамоте между своими сыновьями.

После заключения Яжелбицкого соглашения новгородское боярство продолжало борьбу против великокняжеской власти. В 1460 г. Василий II снова отправился в Новгород для подавления боярской оппозиции («о всех своих управах»). По данным новгородской летописи, в Новгороде усилилось влияние антимосковских боярских кругов, пытавшихся поднять вече на московского великого князя; новгородские «шильники» хотели убить московского боярина Федора Басенка. Как отмечает летописец, «новгородцы во стороже жиша»[1]. Однако на открытое военное выступление против Москвы новгородское правительство не решалось.

Помощь, оказанная псковичами Новгороду во время похода великого князя в 1456 г., была последней попыткой объединенного выступления новгородско-псковского боярства против Москвы. Победа московских войск над новгородским ополчением и возраставшее давление Ордена на псковские земли заставили псковское правительство прибегнуть к московской помощи. В 1460 г. псковские послы обратились к Василию с просьбой «о жалованьи и печаловании своея отчине» и о защите против немецкой опасности, говоря, что «есмя приобижени от поганых немець, и водою и землею и головами». Василий Васильевич, согласно летописным данным, отвечал: «аз вас, свою очину, хощу жаловати и боронити от поганых, якоже отцы наши и деды наши князи великии»[2]. Но за военную помощь, оказанную Москвой, Псковская боярская республика должна была поступиться своей независимостью. В ближайшее время, в 1461 г., в Пскове появился присланный из Москвы наместник, но «не по псковскому прошению». Действия нового наместника, который приехал «не по псковской старине, псковичи не зван, а на народ не благ», вызвали восстание в Пскове и изгнание наместника[3]. Однако это восстание не изменило характера московско-псковских политических отношений, и с этого времени Псков фактически стал в зависимость от Москвы, хотя и сохранил внешние формы самостоятельности до 1510 г.

---

[1] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 445.

[2] ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 219.

[3] Там же, стр. 221—222; «Псковские летописи», вып. 1, под ред. А. Н. Насонова, стр. 61—63.

К середине XV в., после окончания феодальной войны, были обеспечены условия для дальнейшей государственной централизации. Борьба с татарской опасностью ускоряла создание Русского централизованного государства.

Незадолго до окончательной победы Василия Васильевича новая вспышка татарской агрессии напомнила московскому населению о еще не устраненной внешней угрозе. В 1451 г. царевич Мазовша пришел «изгоном» на московский рубеж, раньше чем успела собраться московская рать. Великий князь при известии об опасности вместе с семьей поспешно удалился на Волгу. Татары сожгли московский посад, но были отбиты городским населением от стен Кремля. Русский народ еще раз спас Москву. В 1459 г. на Русь «приходили татары» Седи-Ахматовой орды. В 1461 г. полчища Ахмата совершили налет на Переяславль.

Задача окончательного освобождения Русской земли от векового золотоордынского ига была разрешена в 80-х годах XV в., когда в значительной степени было осуществлено объединение русских земель. С 80-х годов XV в. уже можно говорить о сложившемся Русском централизованном государстве, хотя пережитки феодальной раздробленности сохранялись еще и в XVI в.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ

1

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV В.

Образование Русского централизованного государства, объединившего мелкие феодальные княжества северо-восточной Руси, было прежде всего результатом социально-экономического развития страны. Определенную роль сыграла в качестве ускоряющего фактора внешнеполитическая обстановка, сложившаяся на востоке Европы в XIV—XV вв. Возникновение централизованной монархии, как указывают классики марксизма, было закономерным и неизбежным явлением на определенном этапе развития феодального общества.

Временем, когда в большинстве стран Западной Европы уже сложились экономические отношения, обеспечившие торжество королевской власти над политическим строем феодальной раздробленности, был XV в.— время правления Людовика XI во Франции и Тюдоров в Англии.

В скандинавских странах экономическое развитие также привело к политическому объединению[1].

На востоке Европы в XV в. еще не созрели полностью необходимые предпосылки для прочного экономического объединения страны. В русских землях в XV в. развитие городов «с собственным правом и с вооруженным бюргерством» не достигло еще такого уровня, на котором

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 449.

города являются очагами развития капитализма. Натуральное хозяйство оставалось основой экономической жизни.

Однако сложившаяся на востоке Европы политическая обстановка в связи с борьбой с татарами, турками и другими восточными народами требовала незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия. Для московского великого князя организация обороны страны явилась одним из важнейших факторов его политических успехов.

Экономическое значение самой Москвы и других московских городов в складывающейся системе торговых связей, роль Москвы как организатора борьбы русского народа с татарами, положение Московского княжества, находившегося почти в центре расположения остальных русских земель, в центре формировавшейся русской народности,— все это повело к тому, что централизованное Русское государство сложилось вокруг московского, а не какого-либо другого русского центра. Во второй половине XV в., при Иване III, процесс объединения русских земель вокруг Москвы достиг значительных результатов, большинство северо-восточных княжеств — «удельных» и «великих» — были поглощены княжеством Московским. Завершение этого процесса приходится уже на первую половину XVI в.

Установление централизованной государственной системы, прекращение мелких феодальных войн и возраставшая безопасность на границах способствовали дальнейшему экономическому развитию страны.

Усиление Московского княжества привело в середине XV в. к полному политическому преобладанию его над еще самостоятельными землями северо-восточной Руси. В княжение Ивана III (1462—1505) к Москве были присоединены многие земли, до тех пор сохранявшие самостоятельность.

Тверское княжество, после присоединения правительством Василия Темного окраинных новгородских волостей, оказалось сжатым московскими владениями с трех сторон. В области Верхней Волги к началу княжения Ивана III еще существовали незначительные остатки Ярославского и Ростовского княжеств. Оба они со времени Дмитрия Донского были в вассальном подчинении у московской великокняжеской власти. На юге, за Средней Окой, находилось уменьшившееся в своих размерах великое княжество Рязанское. На заключительном этапе борьбы с феодальной раздробленностью на стороне московской великокняжеской власти находился решительный перевес материальных сил. В борьбе за политическое объединение московское правительство находило опору среди всех прогрессивных слоев населения самостоятельных земель, желавших прекращения феодаль-

ной раздробленности и распрей. Необходимость объединения вызывалась не только экономическими условиями, но и политическим напряжением на окраинах, не устраненной еще татарской угрозой, нападениями ливонских феодалов на псковские и новгородские владения и нараставшей борьбой с Польшей и Литвой за украинские и белорусские земли.

В 1463 г. вассал Василия Темного и его союзник в борьбе с галицкими князьями — ярославский князь Александр Федорович был вынужден уступить свои владения Ивану III. В 1474 г. ростовский князь Иван Иванович Долгий с детьми также был принужден продать ему оставшуюся половину ростовской отчины. После полного присоединения Ярославского и Ростовского княжеств к Москве почти весь бассейн Верхней Волги оказался в составе Московского княжества. Присоединенная территория облегчала московскому правительству продвижение на север: через Ростов и Ярославль проходила наиболее короткая и удобная дорога, связывавшая Москву с Заволочьем и далее — с Поморьем.

В 70-х годах московское правительство ликвидировало самостоятельность Новгородской боярской республики, отношения с которой определялись Яжелбицким договором 1456 г.

Успех московского наступления на новгородские земли обострил классовую и внутриклассовую борьбу в самом Новгороде, так как различные категории населения Новгородской феодальной республики поразному относились к вопросу о присоединении к Москве. Иван III в отношениях с Новгородом исходил из мысли, что новгородские земли являются такой же его «отчиной», как и остальные русские земли. Подчинение Москве грозило крупному новгородскому боярству потерей не только политического господства, но и крупнейших земельных владений. Поэтому в Новгороде сложилась сильная антимосковская боярская группировка, установившая связи с Литвой. Крупная политическая роль панства в Польше и Литве казалась новгородским боярам гарантией сохранения их экономического и политического положения в Новгороде. К боярской литовской партии частично примыкала и группа крупного новгородского купечества, боявшегося конкуренции со стороны Москвы и потери прежнего монопольного положения Новгорода на торговых путях Северо-Восточной Европы.

В конце 1470 г. в Новгород прибыл правнук Ольгерда — Михаил Олелькович, брат которого Семен княжил в Киеве. Михаил Олелькович был приглашен новгородским боярским правительством, повидимому, без согласия короля Казимира IV. Оба брата Олельковичи сохраняли православие и находились в оппозиции к королю. Между тем появление в Новгороде литовского князя, который был бессилен оказать военную

помощь боярству, только ускорило открытый разрыв Новгорода с Москвой.

После смерти новгородского архиепископа Ионы (в 1470 г.) вновь избранный архиепископ Феофил отправился в Москву к митрополиту на утверждение в сане. Иван III, говоря с новгородским послом, употребил по отношению к Новгороду выражение: «отчина моя». Эти слова вызвали сильнейшее раздражение среди антимосковской боярской группы в Новгороде, так как были поняты в качестве угрозы самостоятельному существованию республики. Во главе противников Москвы из числа крупного боярства стояла вдова посадника Исаака, Марфа Борецкая с сыновьями. В городе произошли бурные вечевые собрания. Сторонники Борецких, ставшие на путь измены, по словам московского летописца, кричали: «не хотим за великого князя московского, ни зватися отчиною его... а московской князь велики многы обиды и неправду над нами чинит, но хотим за короля польского и великого князя литовского Казимера»[1].

Весной 1471 г. новгородское боярское правительство отправило к королю Казимиру посольство с обращением, которое в московской летописной записи передано в следующем виде: «волныи есмы люди Великый Новгород, бьем челом тебе, честному королю, что бы еси, государь, нашему Великому Новугороду и нам господин был. И архиепископа вели нам поставити своему митрополиту Григорью и князь нам дай из своее державы»[2].

Новгородское боярство выработало проект договора с Казимиром IV, направленный против московской великокняжеской власти. О содержании этого соглашения мы узнаем из списка с новгородского «противня» (второго экземпляра), найденного после поражения новгородского войска на поле боя у р. Шелони[3]. Король обязывался в случае нападения со стороны Москвы «всести на конь за Велики Новгород и со всею с своею радою литовскою...»[4] Изменения по сравнению с прежними договорами с русскими великими князьями состояли главным образом в определении границ между новгородскими и литовскими землями (спорные земли Ржева, Великие Луки и Холмский погост остались за Новгородом) и в дополнениях, вызванных церковно-охранительной политикой. Король должен был назначать наместника православного вероисповедания и не содержать католических церквей на новгородской территории.

---

[1] ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 284.
[2] Там же, стр. 285.
[3] Там же, т. IV, ч. I, вып. 2, стр. 509.
[4] ГВНиП, № 77, стр. 130.

Заключение договора с Казимиром с обязательством давать «черный бор» по «старым грамотам» означало по существу вассальное подчинение Новгородской земли польскому королю и литовскому великому князю. Действиями боярской партии в Новгороде подрывалась независимость Русской земли.

Однако соглашение с Литвой не встретило полного согласия даже среди господствующих групп Новгорода — бояр, «житьих людей» и крупного купечества. Против соглашения с Литвой восстала также новгородская церковь, не желавшая быть «за латыною».

Московское правительство очень внимательно следило за событиями в Новгороде. Говоря послам, что московские князья, как прямые потомки киевских, вольны «жаловать» и «казнить» новгородцев, Иван III вместе с тем давал обещание не налагать никаких новых «тягостей» на Новгород и оберегать свою «Новгородскую отчину». В то же время митрополит Филипп обратился с особым посланием к новгородским боярам, упрекая их за «богоотметное дело» и измену православию. Таким образом, вопросу о Новгороде придавался характер национально-политический и религиозный.

За дипломатической подготовкой в Москве последовали приготовления к военному походу. В этом деле правительство Ивана III проявило большую осторожность. Для обсуждения вопросов, связанных с походом, в мае 1471 г. в Москве было созвано совещание, на котором, по словам московской летописи, присутствовали московские удельные князья — братья великого князя, высшие представители церковной и светской феодальной иерархии — епископы, князья, воеводы и, наконец, «вся воя». Последним термином, вероятно, обозначен «двор» великого князя в широком смысле — «дети боярские» и дворяне. Таким образом, план новгородского похода был предварительно разработан на большом феодальном совете, при участии дворян.

Основной вопрос заключался не в том, «ити на Новгород ратью» или нет, а в выборе времени для похода,— начинать ли его немедленно или отложить до следующей зимы: «понеже летнее уже время, а земля их многи воды имать около себя, и езера великые, и рекы и болота многи и зело непроходимы, а прежнии велиции князи о то время на них не ходили, а кто ходил, тот люди многы истерял»[1]. Несмотря на эти соображения совещание приняло план немедленного похода, и поэтому московское наступление развернулось раньше, чем новгородское правительство смогло приготовиться к обороне или получить литовскую помощь. В Новгород были посланы из Москвы «грамоты розметные».

---

[1] ПСРЛ, т. XXV, стр. 286.

Поход получал характер предприятия, в котором выступали военные силы всех русских княжеств. В походе участвовали также псковские и тверские войска. Отряды вятчан и устюжан должны были следовать на Двину. Сбор основных частей московских войск происходил на Торжке, куда прибыл сам Иван III. В походе приняли участие со своими отрядами удельные московские князья, братья великого князя — Юрий, Андрей и Борис, князь Михаил Андреевич и татарский служилый царевич Даньяр. В Торжке к московским войскам присоединились воеводы тверского великого князя «со многими людьми». Состав участников похода дал повод летописцу сравнить его с ополчением, двинутым Дмитрием Донским против Мамая.

Московские войска окружили новгородские земли с нескольких сторон. Отряды устюжан и вятчан, действовавших под начальством московских воевод, должны были овладеть Двинской землей, имевшей для Новгорода большое экономическое значение. Основные ратные силы направлялись к Новгороду по р. Мсте и в обход Ильменского озера с западной стороны. Выбор такого направления объясняется стремлением соединиться с псковскими отрядами и предотвратить возможность подхода литовской помощи к новгородским военным силам.

Король Казимир не решился открыто выступить на помощь Новгороду. По сообщению польского летописца Длугоша, король опасался своих же русских подданных в Литве и предупреждал литовское панство, чтобы оно не доверяло русским, которые в случае войны с Москвой скорее будут содействовать гибели литовцев, чем их победе. Михаил Олелькович уехал из Новгорода еще до выступления московских войск. Боярское правительство оказалось в одиночестве. В Новгороде был наскоро произведен сбор большого ополчения. По словам московского летописца, при сборе войска посадники, тысяцкие и новгородские бояре применяли насилие к горожанам, а тех, кто не подчинялся, грабили и избивали. Новгородское войско, несмотря на его многочисленность (по летописным известиям до 40 000 человек), было плохо вооружено и подготовлено. В нем ясно обнаруживались все слабые стороны наскоро сколоченного феодального ополчения.

Основная причина слабости новгородских ратных сил во время похода Ивана III заключалась в том, что в новгородском войске находилось много сторонников соглашения с Москвой, не желавших сражаться против московских войск. Очень характерный в этом отношении эпизод произошел с полком новгородского архиепископа. По словам новгородского летописца, «коневая рать» (конница) не пошла во-время на помощь пешей рати потому, что полк архиепископа («владычень стяг») не хотел сражаться с войсками московского великого князя под тем предлогом, что «владыка нам не велел на великого князя

руки подынути»[1]. На р. Шелони, когда новгородские «большие люди» хотели немедленно атаковать московское войско, многие из ратников старались избежать участия в бою, жалуясь на свою бедность и плохое вооружение: «яз человек молодый, испротеряхся конем и доспехом»[2].

Полную противоположность новгородскому ополчению по своей организации представляло московское войско. Московский отряд на Шелони насчитывал всего около 5000 человек, так как остальные ратные люди разошлись по окрестным местам. Однако, несмотря на свою малочисленность, московское войско само атаковало новгородцев. Москвичи вброд перешли реку и 14 июля 1471 г. нанесли новгородцам полное поражение. Новгородцы потеряли, по летописным данным, одними убитыми до 12000 человек, 2000 было захвачено в плен. Московские войска преследовали бежавших новгородцев 20 верст. Иван III сурово расправился с пленными новгородскими боярами, известными своими литовскими симпатиями: он велел отрубить им головы. Среди казненных находился сын Марфы Борецкой, посадник Дмитрий.

Шелонская битва имела большие военные и политические последствия. Новгородское боярское правительство после поражения не могло рассчитывать на успех дальнейшего сопротивления. Новгородский архиепископ Феофил с посадником и тысяцким, встретив Ивана III около устья Шелони, добились от него обещания прекратить военные действия. Новгородское правительство заплатило великому князю 15 000 новгородских рублей серебром, кроме денег, розданных братьям великого князя, его боярам и воеводам. Новгородская феодальная республика должна была принять все условия великого князя, который «дасть им мир на своей воли, как сам восхоте»[3]. Соглашение между Иваном III и новгородским боярским правительством было оформлено Коростынским договором (1471).

Формально Новгород сохранил независимость. В договоре были сохранены все обычные условия, вносившиеся в договорные грамоты Новгорода с князьями. Иван III обещал «держать» Новгород «в старине, по пошлине, без обиды». Но «старина» понималась не по-старому, а применительно к условиям Яжелбицкого договора 1456 г., которые отрицали подлинную «старину» и закладывали прочные основания зависимости Новгорода от московской великокняжеской власти. Еще резче был подчеркнут отказ Новгорода от самостоятельной внешней политики. Новгородские бояре обязывались быть «неотступными» от Московского

---

[1] ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, стр. 446.
[2] Там же.
[3] Там же, т. XXV, стр. 289—291.

княжества, «не подаваться» к Литве «никоторою хитростью», «держать» великое княжение «честно и грозно, без обиды». Новгородское правительство обязывалось не просить у короля и великого князя литовского князей и не давать им в управление пригородов. В области суда усиливалось влияние великокняжеской власти и московских наместников. Новгородский судебный кодекс (Новгородская Судная грамота) был переработан московским правительством и переписан на великокняжеское имя[1]. Сохраняя старое право избрания архиепископа, новгородцы дали обязательство посылать намеченного кандидата на утверждение в Москву к митрополиту.

Хотя новгородцы еще называли себя «мужами вольными», но сам Новгород впервые в официальном акте именуется «отчиною» московских великих князей[2]. В целом в Коростынском договоре был сделан новый шаг к усилению политической зависимости Новгорода от Москвы.

Блестяще подготовленный и проведенный поход 1471 г., закончившийся шелонской победой, обнаружил не только военное искусство Ивана III и его воевод, но главным образом превосходство московской организации военных сил.

Договор с Новгородом 1471 г., согласно которому номинально был сохранен новгородский боярский республиканский строй, рисует Ивана III как дальновидного и тонкого политика, выступавшего в качестве защитника интересов Руси против «литовской измены». В своей дальнейшей политике Иван III надеялся найти поддержку в «черных людях», страдавших от насилий бояр и искавших защиты у великого князя. С другой стороны, у новгородского боярства не было никаких реальных средств для противодействия дальнейшим планам Москвы, подготовлявшей полное присоединение Новгорода.

Зимой 1475 г. Иван III предпринял длительную поездку в Новгород и прожил там более двух месяцев. Эта поездка имела политическое значение. Во время пребывания великого князя в Новгороде к нему являлись из города и окрестностей многочисленные «жалобники» из числа ремесленников и крестьян. Много жалоб подано было на посадников и новгородских бояр. Иван III устроил суд по всем этим делам, жалобников «оправил» (оправдал), арестовал некоторых бояр, обвиненных в насилиях, других велел дать на поруки. Среди арестованных оказались влиятельные сторонники Литвы, в том числе степенный посадник Василий Ананьин и Федор Борецкий. Другого посадника, Ивана Афанасьева с сыном Иван III велел арестовать за то, что

---

[1] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I, М.—Л., 1948, стр. 373—396.

[2] ГВНиП, № 26, стр. 45—48.

Битва на р. Шелони. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

они «мыслили» от великого князя «Новугороду датися за короля»[1]. На ходатайство архиепископа за арестованных бояр Иван III ответил: «ведомо тебе, богомольцу нашему, и всему Новугороду, отчине нашей, колико от тех бояр и наперед сего лиха чинилося, а нынеча что ни есть лиха во отчине нашей, то все от них чинится; ино како ми за то их лихо жаловати их?»[2] Часть мятежных бояр была отослана в Москву. Новгородскому боярству был нанесен новый чувствительный удар. Иван III удачно использовал борьбу новгородских социальных низов с боярством. Иван III имел также сторонников и среди части новгородского боярства.

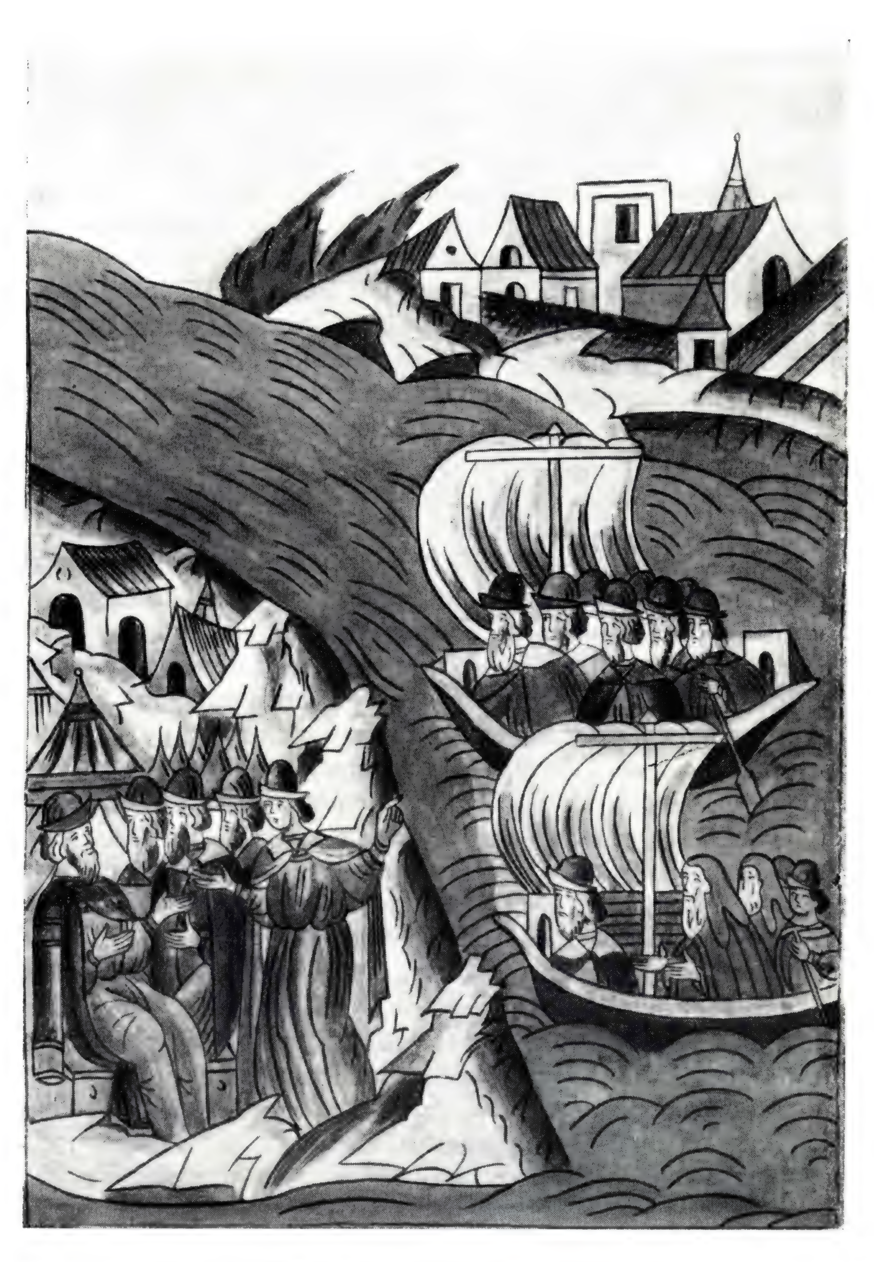
Если во время поездки в Новгород Иван III еще соблюдал, хотя бы частично, договорные условия, относившиеся к организации княжеского суда (великокняжеские приставы посылались совместно с новгородскими), то после его возвращения в Москву и эти внешние формы были отброшены. В феврале 1477 г. в Москву был привезен с приставом великого князя посадник Захарий Овинов со многими новгородцами. Одни из них были истцами, другие — ответчиками. По этому поводу летописец счел нужным заметить, что привода новгородцев на суд в Москву не было с тех пор, как Новгородская земля «стала» и как появились в Новгороде князья.

Столь сложные и напряженные политические отношения между Москвой и Новгородской феодальной республикой делают понятным эпизод с обращением новгородских послов — подвойского Назара и вечевого дьяка Захария — в марте 1477 г. к великому князю с именованием «господарь» (государь), а не «господин», как обычно. Едва ли можно сомневаться в том, что в данном случае была не случайная оговорка, а заранее рассчитанный и не без ведома Ивана III предпринятый политический шаг. В обращении «господарь» скрывалось признание московского великого князя суверенным государем Новгородской земли. Иван III направил в Новгород посла с вопросом: «какова хотят государьства?» Для сторонников сохранения феодальной независимости Новгорода наступал решительный момент.

За семь лет, прошедших со времени первого похода войск Ивана III на Новгород, московскому правительству удалось значительно усилить свое влияние в самом Новгороде. Многие бояре, наиболее активные сторонники сближения с польским королем, были арестованы и заточены. Охотно принимая жалобы «черных людей» на представителей новгородской знати, Иван III искусно воспользовался судебной властью для устранения враждебных ему новгородских бояр. С другой стороны, принимая в столкновениях между боярами и «черными людьми» сторону последних, великий князь усиливал свой авторитет среди посадского

[1] ПСРЛ, т. XXV, стр. 306.

[2] Там же.

Приезд новгородских послов к Ивану III в 1477 г.
Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

населения. Некоторые новгородские бояре также, повидимому, понимали бесполезность дальнейшего сопротивления и давали присягу на верность великому князю.

В Новгороде накануне окончательного падения его независимости происходили бурные вечевые собрания. У наиболее консервативной части боярства оживало стремление обратиться за помощью к королю Казимиру. «И от того часа,— сообщает летопись,— возбеснеша, яко пиянии, ин инаа глаголаше, и к королю пакы восхотеша». Посадник Василий Никифоров был обвинен новгородским боярским правительством в том, что стал «переветником», так как «целовал крест» великому князю. Василий Никифоров отвечал: «Целовал есми крест великому князю в том, что ми служити ему правдою и добра ми хотети ему, а не на государя своего Великого Новагорода, ни на вас, на свою господу и братию»[1]. Василий Никифоров, а также некоторые другие бояре, приносившие присягу на верность Москве, были убиты сторонниками литовской ориентации[2]. Иван III внимательно следил за событиями в Новгороде через своих послов, а также через тех новгородских посадников, которые были «приатны ему». Наступил благоприятный момент для нанесения окончательного удара по новгородской самостоятельности.

В сентябре 1477 г. Иван III послал в Новгород «складную грамоту» (объявление войны) и в начале следующего месяца выступил с войсками в поход. Уже по дороге к великому князю стали приезжать отдельные новгородские посадники и бояре «бить челом в службу». Иван III начал переговоры об условиях мира с Новгородом только тогда, когда его войска, заняв Городище и монастыри под городом, лишили Новгород всякой возможности сопротивления. Новгородским послам, бившим челом о мире, Иван III велел сказать: «а вспрашиваете какову нашему государьству быти на нашей отчине на Новегороде, ино мы великие князи хотим государьства своего, как есмы на Москве, так хотим быти на отчине своей Великом Новегороде»[3]. В дальнейших переговорах, когда новгородские бояре пытались удержать за собой хотя бы часть прежних порядков времени феодальной республики, Иван III еще более определенно выразил свои условия: «что есте били челом мне, великому князю, чтобы яз явил вам, как нашему государьству быти в нашей отчине, ино наше государьство великых князей таково: вечю (вечевому.— *Ред.*) колоколу в отчине нашей в Новегороде не быти, посаднику не быти, а государьство нам свое держати...»[4] Новгородские бояре должны были принять эти условия, уничтожав-

[1] ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 205—206; т. XXV, стр. 310.
[2] Там же.
[3] Там же, т. VIII, СПб., 1859, стр. 192.
[4] Там же, т. XXV, стр. 318.

шие особый государственный порядок в новгородских землях. Кроме того, они были вынуждены отдать великому князю в его личное распоряжение десять новгородских волостей, половину владений шести крупных монастырей и все новоторжские волости. Так выросло великокняжеское феодальное землевладение на бывшей территории Новгорода.

В январе 1478 г. новгородцы целовали крест в выполнении всех условий мира. Символ новгородской «вольности» — вечевой колокол — был увезен в Москву. Наиболее видные представители боярства, враждебного Москве, в том числе Марфа Борецкая с внуком, были арестованы и отправлены в «низовые» города. Оценивая политический результат московско-новгородского «докончанья», московский летописец заметил, что Иван III «отчину свою Великы Новгород привел во всю свою волю и учинился на нем государем, как и на Москве»[1].

Вскоре после уничтожения самостоятельности Новгородской феодальной республики произошло окончательное присоединение к Москве бывших новгородских владений. Еще во время похода к Новгороду в 1471 г. московская рать «повоевала» Заволочье, разбив новгородского «князя кормленного» В. В. Шуйского. После заключения мира с Новгородом московское правительство заняло новгородские земли по Мезени и Пинеге, объявив населению этих земель: «крестное целование Великому Новгороду с вас доловь (долой.— *Ред.*)». Двинская земля была окончательно присоединена к Москве в 1478 г.

В 1489 г. решилась судьба Вятки.

Летом этого года воевода Данил Щеня с 16-тысячной московской ратью подступил к главному городу Вятской земли — Хлынову, население которого после короткой осады принесло присягу великому князю. Так закончилось присоединение обширного Поморья к основной территории Московского княжества.

Следующим моментом в объединении русских земель было присоединение Тверского княжества.

Последний тверской великий князь Михаил Борисович, на сестре которого был женат Иван III, остался после смерти отца (1461) восьмилетним ребенком. В его малолетство тверское феодальное правительство, возглавлявшееся, повидимому, вдовой-княгиней, тверским архиепископом и боярами, находилось почти в полной зависимости от Москвы. Хотя в 1462 г. Иван III и заключил с тверским князем договор на обычных основаниях, предусматривавших самостоятельность Тверского княжества, но в действительности отношения между Тверью и Москвой были далеко не равноправными. Тверские воеводы с войсками участвовали в походах Ивана III на Новгород (1471 и 1477). Тверской

---

[1] ПСРЛ, т. XXV, стр. 322.

великий князь посылал своих воевод на помощь Ивану III также во время похода хана Ахмата на Угру в 1480 г.

После присоединения к великому княжеству новгородской территории московские владения окончательно замкнулись вокруг Тверского княжества. К этому времени относятся попытки Михаила Борисовича опереться, по примеру Новгорода, на помощь Казимира IV. Однако Михаил Борисович не нашел поддержки даже среди своего боярства. Еще в 1476 г. из Твери в Москву «отъехали» многие бояре и «дети боярские», для которых покровительство могущественного московского великого князя было экономически и политически выгоднее службы обессиленному владельцу Тверского княжества. Несколько позже тверские бояре объясняли свой отъезд в Москву невозможностью терпеть обиды со стороны московского великого князя, его бояр и «детей боярских»: «где межи сошлися с межами, где не изобидят московские дети боярские, то пропало, а где тферичи изобидят, а то князь велики с поношением посылает и с грозами к тверскому, а ответом его веры не имет, а суда не дасть»[1]. Трудно яснее показать разницу в положении вассалов сильного и слабого сеньоров, чем это сделано в приведенных словах.

В 1483 г. Михаил Борисович заключил договор с Казимиром IV о взаимной помощи. Этот договор возобновлял условия «докончания» 1449 г. между Казимиром и великим князем тверским Борисом Александровичем. Михаил Борисович обязывался «стоять» с королем «заодно» против всех его противников без исключения. Со своей стороны король должен был помогать тверскому князю «думою и помогою». Узнав об этом соглашении, Иван III послал войска, которые разорили порубежные тверские места, и заставил Михаила Борисовича отказаться от союза с Казимиром. По новому договору с Иваном III тверской князь признавал себя «молодшим братом» Ивана III и не имел права самостоятельных внешних сношений. Он обязывался быть везде с великим князем «заодин», действовать вместе с ним против татар, поляков, литовцев и немцев.

Вскоре после заключения этого договора Михаил Борисович, преступая «крестное целование», все же сделал попытку получить от короля обещанную помощь. Однако посланный в Литву гонец был перехвачен, и грамоты тверского князя к Казимиру попали в руки Ивана III. В августе 1485 г. Иван III выступил во главе войска, которое окружило Тверь. Но еще прежде подхода московских войск тверские бояре стали покидать своего князя. Среди отъезжавших на службу к московскому великому князю находились владельцы небольших тверских уделов — Микулинского и Дорогобужского. После окру-

[1] ПСРЛ, т. VI, стр. 237.

жения Твери московскими войсками из нее без сопротивления вышли все оставшиеся в ней князья и бояре и «биша челом» в службу Ивану III. Покинутый своими вассалами, Михаил Борисович, «видя свое изнеможение», в ту же ночь бежал из Твери в Литву[1]. В одном рукописном источнике конца XV в. содержится ироническая оценка политики Михаила Борисовича: «Борисович Михайло. Играл в дуду. И предал Тверь. Бежал в Литву»[2]. Иван III отдал Тверь в княжение своему сыну Ивану.

Из других земель формально дольше всех удалось удержать самостоятельность Пскову. Но фактически Псков находился в подчинении у московских великих князей. Расположенный на северо-западной окраине русских земель, в непосредственном соседстве с сильным Литовским княжеством и Ливонским орденом и опиравшийся в борьбе с соседями на помощь московского князя, Псков не мог и помышлять о самостоятельной внешней политике. Псковское правительство послушно исполняло все распоряжения московской великокняжеской власти, псковские войска ходили с московской ратью на Новгород. Московские наместники, которых псковичи попрежнему называли «псковскими князьями» и даже сажали на княжение, самовольно распоряжались «не по псковской старине». Иван III в ответ на жалобы псковских бояр на притеснения и нарушение «старины» со стороны московских наместников в следующих словах определил их положение: «... а кого к вамь о своих делех ни пришлю, а вы бы есте мене слушали, а ему верили, как и мне великому князю и моей грамоте»[3].

Нарушая псковскую «старину», Иван III в то же время умело использовал в своих интересах классовую борьбу в Пскове для усиления московского влияния среди смердов (крестьян). В 1483—1485 гг. в Псковской земле произошло крупное волнение смердов[4]. Иван III использовал в целях ослабления псковского боярства движение смердов и настоял на освобождении арестованных.

Таким образом, если Псков в княжение Ивана III и сохранял особое политическое устройство, то это достигалось ценой полного подчинения великокняжеской власти.

Правительство Ивана III, используя классовые и внутриклассовые противоречия в Пскове, поддерживало ту часть общества, которая шла навстречу складывавшемуся централизованному Русскому государству.

---

[1] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 467.

[2] *Я. С. Лурье.* Из истории политической борьбы при Иване III.— «Ученые записки Ленингр. гос. ун-та», серия исторических наук, вып. 10, Л., 1941, стр. 89, прим. 2.

[3] ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 252.

[4] См. гл. 1, § 7 настоящего издания.

Вполне понятна и позиция московской власти по отношению к верхам псковского общества и прежде всего к боярству, хотя и привыкшему за последнее столетие считаться с требованиями великого князя московского, но не склонному расставаться со своими старинными привилегиями. Вопрос об утрате политической обособленности Пскова, его республиканских учреждений стал вопросом времени.

Формально до 20-х годов XVI в. сохраняло самостоятельность Рязанское княжество, но фактически оно находилось в зависимости от Москвы. Великий князь рязанский Иван Федорович, умирая, оставил малолетнего сына Василия на попечение московского великого князя (1456).

В то время, когда рязанский наследник воспитывался в Москве, Рязанским княжеством управлял наместник московского великого князя. Женившись на сестре Ивана III, Василий Иванович в течение своего княжения в Рязани (1464—1483) не выходил из повиновения московской великокняжеской власти. После его смерти Рязанская земля вместе с Пронским княжеством, которое было окончательно присоединено к Рязани в 60—70-х годах XV в., была разделена между двумя его сыновьями: старшим, Иваном, наследовавшим титул великого князя рязанского, и младшим, Федором. Иван Васильевич (1483—1500) заключил в 1483 г. договор с Иваном III, по существу признавая свое вассальное подчинение московскому великому князю, которому принадлежало и руководство внешней политикой Рязанского княжества. Рязанские войска ходили с войсками Ивана III и приняли участие в отвоевании для Московского княжества земель по Верхней Оке, захваченных Литвой.

После присоединения к Москве Северской земли и Верхней Оки между отодвинутой на запад литовской границей и рязанскими землями выдвинулся длинный клин московских владений, перерезав дороги, по которым раньше литовские войска ходили на помощь своему рязанскому союзнику. С распадом Золотой орды угроза Рязанскому княжеству с юга несколько ослабла. Между тем экономические связи рязанских земель с центральной московской территорией крепли благодаря развитию местных рынков.

Взаимоотношения, которые в это время установились между Москвой и формально самостоятельной Рязанью, характеризуются словами, переданными рязанской правительнице, княгине Агриппине, от имени правительства Ивана III: «Твоим людем служилым, боярам и детем боярским и сельским быти всем на моей службе; а торговым людем лутчшим и середним и черным быти у тобя в городе на Рязани. А ослушается кто и пойдет самодурью на Дон в молодечество, их бы ты, Аграфена, велела казнити, вдовьим, да женским делом не отпираясь; а по уму бабью

не учнешь казнити, ино их мне велети казнити и продавати; охочих на покуп много»[1].

Следовательно, в 80-х годах XVI в. было закончено объединение значительной части русских земель. Образовалось Русское централизованное государство.

2

ОСВОБОЖДЕНИЕ РУСИ ОТ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА

К середине XV в. зависимость Москвы от Орды была уже номинальной; из русских источников исчезает самый термин «Золотая орда», как не соответствующий представлению о едином государстве. Хотя Иван III в первые годы княжения собирал «ордынский выход», но посылал в Орду только часть его в виде подарков. Вся внешняя московская политика была не только независимой от Золотой орды, но и направленной против нее. Остатки Золотой орды в виде Большой орды не представляли уже для Русской земли прежней грозной опасности.

Поход хана Большой орды Ахмата на Москву в 1472 г. окончился для него полной неудачей. Московское правительство успело собрать и выставить к Оке крупные ратные силы, которые, растянувшись по берегу реки на протяжении около 150 верст, заняли все важнейшие переправы. Ахмату удалось лишь взять и разграбить г. Алексин.

Поход 1472 г. показал Ахмату невозможность восстановить прежние отношения, опираясь только на силы Большой орды. Надеяться на успех он мог лишь в случае совместного выступления против Русского государства враждебных ему сил. Это произошло в 1480 г. К началу этого года обстановка для Руси была очень тревожной на границах и напряженной внутри страны.

Еще в августе 1479 г. в Ливонии производились приготовления ко вторжению на русскую территорию. Переписка между немецкими балтийскими городами и магистром Ордена свидетельствует, что переговоры между ними велись по вопросу о вторжении в псковско-новгородскую область большого войска с участием Ганзы и крупных отрядов немецких наемников. По словам ливонской летописи Рюссова, магистр Бернгард фон дер Борх «собрал такую силу народа против руского, какой никогда не собирал ни один магистр ни до него, ни после»[2].

---

[1] *М. Макаров.* Заметки о землях Рязанских. «Чтения ОИДР», кн. 1, 1846, № 1, отд. IV, стр. 14.

[2] «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. II, Рига, 1879, стр. 287—288.

Нападения немецких феодалов на псковские городки и волости происходили в течение всей весны и лета 1480 г. В августе, в то самое время, когда Ахмат подходил к Оке, крупное ливонское войско во главе с магистром Бернгардом фон дер Борх вторглось в Псковскую землю. Хроника Рюссова сообщает: «Этот магистр быв вовлечен в войну с русскими, ополчился против них и собрал 100 000 человек войска из заграничных и туземных воинов и крестьян; с этим народом он напал на Россию, опустошительно прошел по этой стране и выжег предместье Пскова, ничего более не сделав» [1]. К Пскову магистр подошел после неудачной попытки овладеть Изборском. Псковичи отбили все приступы немцев. Простояв пять дней под Псковом и не добившись никакого успеха, магистр отошел от города.

Литовский великий князь и польский король Казимир IV готовился к походу на Москву и искал союзников. Внутреннее положение московского правительства осложнилось боярской оппозицией в Новгороде и очень серьезным обострением политических отношений великого князя с братьями — удельными князьями. В январе 1480 г. был арестован по обвинению в измене новгородский архиепископ Феофил. По словам летописи, он хотел передать Новгород польскому королю или «иному государю». Таким «иным государем» мог быть шведский король. В 1480 г. удельные князья — братья Ивана III Борис и Андрей Большой, недовольные властной политикой великого князя, мало считавшегося с суверенными правами удельных князей, а также и тем, что великий князь взял себе удел умершего брата Юрия и не поделился с ними новгородскими землями, решили обратиться к Казимиру, чтобы он «управил в их обидах с великим князем и помагал» [2]. Захватив семьи, бояр и «лучших детей боярских» с их женами и детьми, князья ушли из своих владений в новгородские волости и остановились в Великих Луках; отсюда они завели переговоры с Казимиром. По существу Борис и Андрей Большой подняли открытый мятеж против старшего брата, а появление их с вооруженными «дворами» в новгородских владениях близ литовской границы делало это выступление особенно опасным.

Русское правительство, используя противоречия в лагере своих врагов, пыталось направить против хана Ахмата и Казимира IV силы крымского хана Менгли-Гирея. На взаимоотношения татар, захвативших Крымский полуостров, исконно связанный с Русью, и Большой орды оказала серьезное влияние турецкая агрессия в Северном Причерноморье в середине XV в. Появление турок на южном

---

[1] «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. II, стр. 287.

[2] ПСРЛ, т. VIII, стр. 204.

побережье Крыма и занятие ими Каффы вызвали сильнейшее беспокойство в Золотой орде. Хан Ахмат не мог не понимать всей трудности своего положения в том случае, если бы крымский хан, заручившись поддержкой турецкого султана, начал против него враждебные действия. Султан Мухаммед во взаимоотношениях с Ахматом и крымским ханом Менгли-Гиреем вел двойную игру, выбирая между двумя противниками того, кто в случае поддержки Турции обнаружил бы бо́льшую покорность власти султана. В 1475 г. в Крым вторглись турецкие войска, Менгли-Гирей был свергнут и заточен в темницу. Затем он был освобожден, восстановлен ханом на началах вассальной зависимости от султана. В результате похода на Крым хана Ахмата Менгли-Гирей был снова разбит и на время потерял ханский престол, но затем вернул его при помощи султана. В апреле 1479 г. правительство Ивана III, внимательно следившее за взаимоотношениями Турции и Крыма в целях борьбы за независимость Руси, дипломатично отправило гонца к Менгли-Гирею с поздравлением по поводу утверждения на ханском столе. Московское правительство понимало неустойчивость положения Менгли-Гирея. Гонцу было велено немедленно вернуться обратно, если Менгли-Гирей опять лишился ханского стола. Укрепившись в Крыму, Менгли-Гирей получил возможность вступить в борьбу со своим врагом Ахматом. Это послужило стимулом к отправке в апреле 1480 г. в Крым посла для переговоров о борьбе против Ахмата и Казимира IV[1].

Поход Ахмата начался в наиболее острый момент борьбы Ивана III с удельными князьями, когда против московской великокняжеской власти наметился общий фронт от балтийского побережья до южных степей. Узнав о движении Ахмата, Иван III по обычаю занял крупными силами угрожаемые пункты по Оке: сам стал с войсками в Коломне, своего сына Ивана Молодого поставил в Серпухове, брата Андрея Меньшего — в Тарусе. Однако Ахмат не подошел к Оке, а направился к ее верховьям в сторону литовской границы, так как был «во единой думе с Казимиром»[2]. Тогда Иван III послал войска на Угру, чтобы не допустить татар к бродам и перевозам, а сам из Коломны уехал в Москву.

Возвращение великого князя в Москву было вызвано необходимостью подготовить столицу к осаде и путем примирения с мятежными удельными князьями объединить все силы для отпора Ахмату. Неожиданное появление великого князя в столице в то время, когда ей угрожало татарское нападение, вызвало крайнее волнение среди

[1] *К. В. Базилевич*. Ярлык Ахмед-хана Ивану III. «Вестник Московского ун-та», 1948, № 1, стр. 36—42.

[2] ПСРЛ, т. VIII, стр. 205.

населения. Русский народ, как всегда в тяжелые для родины минуты, решил выступить на защиту Москвы.

По словам литературной повести о «приходе Ахмата», вошедшей в некоторые летописные своды, жители московского посада, перебиравшиеся под защиту каменных укреплений Кремля, увидев приехавшего великого князя, стали ему кричать: «егда ты государь князь великий над нами княжишь в кротости и в тихости, тогды нас много в безлепице продаешь; а нынеча разгневив царя сам, выхода ему не платив, нас выдаешь царю и татаром»[1]. Встретивший Ивана III ростовский архиепископ Вассиан начал великому князю «зле глаголати»: «вся кровь на тебе падет хрестьянская, что ты выдав их бежишь прочь, а бою не поставя с татары и не бився с ними»[2].

Иван III прибыл в Москву 30 сентября, а 3 октября уже отправился к войскам, занявшим в это время левый берег р. Угры, у впадения ее в Оку.

За время пребывания в Москве Иван III при посредничестве матери и митрополита договорился с послами удельных князей о примирении. Враждебно настроенный к Ивану III и его жене Софье, автор литературной повести о приходе Ахмата тенденциозно осветил эти события.

Между тем Ахмат 8 октября подошел к Угре, недалеко от Калуги. На другой стороне реки находились главные силы московских войск. В течение четырех дней татары делали попытки перейти на левый берег реки, но были отбиты московскими войсками. Сам Иван III с небольшим отрядом занял позицию около Кременца (южнее Боровска). Желая выиграть время и поджидая братьев, Иван III вступил в переговоры с Ахматом, но отказался выполнить его требования об уплате дани. Когда река стала, он оттянул оставшиеся у переправы войска сначала к Кременцу, а потом со всеми силами отошел к Боровску, чтобы занять более выгодную стратегическую позицию. Часть бояр советовала Ивану III примириться с ханом или уйти на север. Летописец строго осудил этих бояр — «злых человек сребролюбцев, богатых и брюхатых, предателей христианских», говоривших великому князю: «побежи, не можеши с ними стати на бой»[3]. Архиепископ ростовский Вассиан в обширном послании напоминал великому князю тех его предков, которые сражались за Русскую землю, особенно мужество и храбрость Дмитрия Донского. Он убеждал Ивана III не слушаться тех. кто нашептывает

---

[1] ПСРЛ, т. VI, стр. 230.
[2] Там же, стр. 231.
[3] Там же, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 268.

Стояние на р. Угре в 1480 г.
Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

«льстивые словеса», не быть «бегуном» и не стать «предателем», а «боронити свое отечество»[1].

Если в начале похода Ахмата политическая обстановка складывалась очень неблагоприятно для Русского государства, то в течение осени 1480 г. Ахмат потерял бывшие у него преимущества. Менгли-Гирей с крымскими татарами напал на южные владения польского короля. Поэтому Казимир IV не мог подать своевременную помощь Ахмату.

Удельные князья явились на Угру со своими ратными силами. Ахмат не решился на сражение с большим московским войском. Ранняя зима и суровые морозы поставили татарскую конницу в очень тяжелое положение. Все это вызвало внезапный отход отрядов Ахмата в ноябре 1480 г. от Угры, произведенный с такой поспешностью, что у русских современников осталось впечатление, что Ахмат «бежа в орду»[2].

Отступив от Угры, Ахмат прислал Ивану III ярлык с требованием уплатить дань и указанием причин поспешного отхода: «А нынеча есми от берега пошол, потому, что у меня люди без одеж, а кони без попон. А минет сердце зимы девяносто дней, и аз опять на тебя буду».

Ахмат не мог не понимать, что он потерпел крупную неудачу. Возможно, что именно ею и вызывался высокопарно-оскорбительный тон ярлыка. Этот ярлык — не обычное послание, а письмо, непосредственно передававшее бессильную ярость, которую должен был испытывать Ахмат[3].

Поход Ахмата имел бесславный конец и для самого золотоордынского хана: когда, пограбив земли своего бывшего литовского союзника, Ахмат возвращался в низовья Волги, он был убит ногайцами, соединившимися с сибирским ханом Ибаком.

Таким образом, после неудачной попытки Ахмата восстановить власть хана над Русской землей, пали последние остатки зависимости, тяготевшей над Русским государством.

Свержение татаро-монгольского ига явилось результатом длительной и упорной борьбы русского народа против захватчиков. Освобождение от золотоордынской зависимости обеспечило русскому народу условия для дальнейшего экономического и культурного развития.

Свержение татаро-монгольского ига было событием всемирно-исторического значения. Неизмеримо возрос международный авторитет Руси. Выросла ее роль в качестве объединителя народов нашей Родины.

---

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 207—213.

[2] Там же,т. XXV, стр. 328.

[3] *К. В. Базилевич.* Указ. соч., стр. 45.

3

ПРОДВИЖЕНИЕ РУСИ В ПРИУРАЛЬЕ И ПОВОЛЖЬЕ

Образование Русского централизованного государства сопровождалось расширением его территории и включением в его состав нерусских народов, тесно связанных в своем историческом развитии с историей Руси.

В конце XV — начале XVI в. к основной территории Русского государства была присоединена обширная территория Северного Поморья, Прикамья и Приуралья. После поражений новгородцев в 1471 г. на Шелони и Двине открылась дорога для московского продвижения на Заволочье и в северо-восточные земли. Московские победы решили судьбу новгородских владений. По «отказной грамоте» Пермь вместе с другими новгородскими северными владениями вошла в состав единого Русского государства.

Продвижение московских войск в пределы Пермской земли совершалось через Вычегодско-Вымскую землю, уже с XIV в. попавшую в орбиту влияния Москвы.

Летом 1472 г. московские войска с воеводой Федором Пестрым вторглись в земли Великой Перми, пожгли городки и захватили в плен местных князьков. Федор Пестрый построил городок при впадении Покчи в Колву. Пермская земля перешла под власть великого князя. Захваченный в плен князь Михаил был послан в Москву вместе с добычей, состоявшей из соболей, сукна и оружия (булатные сабли, панцыри, шеломы). Из Москвы Михаил был отпущен обратно в качестве вассала великого князя. Есть основание предполагать, что тогда же было произведено описание Пермской земли. В Москве понимали большое значение этого края и стремились к более прочному соединению его с основной русской территорией.

Утверждение в верховьях Камы и предгорьях Урала открыло дорогу в Зауралье — земли, населенные вогулами (манси) и остяками (хантэ).

Известную роль в распространении влияния московского правительства в землях югры сыграла феодальная церковь — пермская епархия, под патронатом которой уже находились местные коми-зырянские вымские князья. Современник Ивана III, епископ пермский Филофей вел переговоры с югорскими князьями и был посредником между ними и Москвой. Так подготовлялось освоение Северного Зауралья.

Первый поход на югру при Иване III был предпринят еще до присоединения Новгорода, в 1465 г. С устюжанином Василием Скрябой пошли «охочие люди» — устюжане и вычегжане. В походе участвовал также

вымский князь Василий с вымичами. Отряд Василия Скрябы вошел в Югорскую землю и взял много пленных, в том числе двух местных князей, которые были отправлены в Москву. Этот поход вызвал ответные нападения со стороны манси на Пермскую землю. В 1481 г. манси доходили даже до Чердыни, около которой были разбиты устюжанами. Новая экспедиция за Урал, отправленная в 1483 г. во главе с князем Федором Курбским, была организована в основном также из местных сил (вологжан, устюжан, вычегжан, вымичей, сысоличей и пермяков, т. е. коми). Федор Курбский одержал первую победу в устье Пелыма (левый приток Тавды), где уже в это время существовало одно из наиболее сильных вогульских княжеств — Пелымское. Далее, отряд Курбского спустился по Тавде до р. Тобола и, следуя Тоболом и Иртышом, дошел до Кодского княжества на Средней Оби, где взял в плен «большого» князя Молдана. После похода 1483 г. югорские князьки не только продолжали сношения с Пермью и Москвой, но в 1484 г. пелымский князь Юшман даже побывал в Москве.

Эксплуатация северных земель с огромными пушными богатствами имела большое экономическое значение. Одновременно был достигнут и крупный политический успех, так как продвижение в сторону Верхней Камы приводило к глубокому охвату земли Казанского ханства.

Образование во второй четверти XV в. в бассейнах Нижней Камы и Средней Волги Казанского ханства внесло крупные перемены в политическую жизнь восточной и северо-восточной Руси[1]. В ближайшем соседстве с Московским княжеством образовалось враждебное Руси государство, являвшееся самым крупным осколком распавшейся Золотой орды. Под непосредственными ударами казанских татар оказалась долина Волги от Нижнего Новгорода до Костромы, бассейн Оки, Вятская земля и даже Устюг Великий на севере. На этой обширной территории лежали земли, уже давно присоединенные к московскому центру и новоприсоединенные владения. Поэтому борьба с Казанью стала частью общей борьбы с татарскими феодалами и в то же время борьбой за объединение русских земель и включение в состав единого Русского централизованного государства нерусских народов.

В XV в. происходили неоднократные столкновения Руси с татарами. В тяжелое для Московского княжества время борьбы Василия Темного с удельными князьями казанские татарские феодалы наступали на Русь и даже пленили самого Василия Васильевича. Казанский хан Улу-Мухаммед вступил в соглашение с Литвой. Московское княжество оказалось в большой опасности, которая значительно выросла после утверждения турок в Европе.

---

[1] См. подробнее гл. 4, § 2 настоящего издания.

Овладение турками Балканским полуостровом и его славянскими странами, завоевание Константинополя, появление турецких владений в Крыму и устье Дона представляло возраставшую опасность турецкой агрессии для Русского государства. Русское государство «...еще в конце XV в. рассматривалось турецкими султанами в качестве возможного объекта военной экспансии. Каффа в Крыму и Азов на устье Дона служили не только торговыми центрами, но и важными стратегическими пунктами, где содержались значительные гарнизоны регулярных янычарских войск для наступательных действий»[1]. Русскому государству реально угрожала возможность поддержки Турцией Казанского ханства в случае его выступления против Руси.

Борьба с Казанским ханством стала очередной и весьма важной задачей внешней политики Русского централизованного государства.

Русско-казанские отношения особенно обострились с конца 60-х годов XV в. Предпринятый в 1467 г. поход московских войск под Казань был первым крупным военным предприятием Ивана III. Поход был неудачен, так как в самой Казани сторонники вассала Москвы хана Касима оказались недостаточно сильными.

Этим походом началась трехлетняя борьба, конец которой явился первым успехом московского правительства в его восточной политике. В 1468 г. русские обошли Казанскую землю со стороны Вятки и Камы и впервые проникли в земли Башкирии — на Белую Волошку. На следующий год русские войска были сосредоточены в Нижнем Новгороде. Тогда небольшой отряд из «детей боярских» «двора» великого князя с устюжанами и вологжанами был направлен к Вятке. Однако татары предупредили это движение, и Вятка принуждена была обещать казанскому хану соблюдать строгий нейтралитет: «изневолил нас царь и право свое дали есмя ему, что нам не помогати ни царю на великого князя, ни князю великому на царя»[2].

Неожиданная задержка под Вяткой расстроила план одновременного наступления и дала возможность казанцам сосредоточить все усилия на отражении нападения со стороны главной московской рати. Действовавшая со стороны Нижнего Новгорода рать разорила казанский посад, но потом с боем отступила перед татарами, преследовавшими московские войска до самого Нижнего Новгорода. Осенью Иван III послал под Казань своего брата Юрия, который осадил город и отрезал источники водоснабжения. Хан Ибрахим, застигнутый на этот раз врасплох, принужден был заключить мир «на всей воли великого князя»[3].

---

[1] *Н. А. Смирнов*. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I. «Ученые записки МГУ», вып. 94, М., 1946, стр. 68.

[2] ПСРЛ, т. XXV, стр. 282.

[3] Там же, т. VIII, стр. 158.

Мир с Ибрахимом обеспечил спокойствие на всей северо-восточной границе во время борьбы с Новгородом. Только в 1478 г., когда в Казани распространился слух, что Иван III разбит новгородцами и бежал раненый, «сам-четверт», казанцы нарушили мир и пошли на Вятскую землю. После возвращения из новгородского похода Иван III послал войска, которые опустошили окрестности Казани. Ибрахим принужден был вновь заключить мир «на всей воле» московского великого князя. После смерти Ибрахима (1479) казанский престол перешел к его старшему сыну Али (Алегаму), политика которого носила резко выраженный антимосковский характер. Между тем политическая обстановка складывалась неблагоприятно для Казани.

Крупнейшее значение для московско-казанских отношений имело освобождение Руси от татаро-монгольского ига в 1480 г. В борьбе с «Ахматовыми детьми» и с «вопчим недругом» — польским королем московское правительство стремилось использовать крымского хана Менгли-Гирея. С ним был заключен договор, в котором содержалось условие: «другу другом быти, и недругу недругом быти». Хотя Али искал помощи против Мухаммед-Эмина у ногаев, в самой Казани усиливалась группа сторонников мирного соглашения с Русским государством. Иван III с большим искусством воспользовался внутренней борьбой в Казани для усиления своего влияния. Бежавший на Русь после воцарения Али его брат, десятилетний Мухаммед-Эмин (Магмет-Аминь по русским летописям), был радушно принят в Москве и получил в управление Каширу. Несколько позже такой же прием нашел и другой брат Али-хана Абдул-Латыф, воспитанный в Крыму. На Руси он получил г. Звенигород. Таким образом, в руках русского правительства оказались два представителя казанской правящей династии.

Активизация восточной политики России относится к 1482 г. В этом году Иван III с братьями начал поход под Казань, но прервал его во Владимире, причем «судовая рать» дошла почти до Казани. В Казани, повидимому, приняли условия великого князя. Однако всего через два года обострение династической борьбы в Казани позволило русскому правительству использовать воспитанных на Руси казанских царевичей в качестве проводников русского влияния. В это время определилось наметившееся уже раньше разделение влиятельной казанской феодальной знати на сторонников соглашения с Москвой и ее противников. Приход к власти противников Москвы обычно сопровождался выступлением против русских служилых людей и купцов. Крупные казанские феодалы, жившие войной и грабежом, мало были заинтересованы в укреплении торговых связей с русскими землями, которые при удачных набегах доставляли им большое количество пленных-рабов.

Феодальные войны в Казанском ханстве (1484—1487) закончились походом большой русской армии, которая в 1487 г. после осады овладела казанской цитаделью. На место взятого в плен Али Иван III «из своей руки» посадил брата свергнутого хана — Мухаммед-Эмина. «Посажение» Мухаммед-Эмина на казанский стол было выгодно русскому правительству еще и потому, что его мать, царица Нур-Салтан, стала женой крымского хана Менгли-Гирея, борьбу которого с Ахматом (ханом Большой орды) и великим князем литовским Иван III сумел использовать в интересах Руси. Поддерживая в Казани пасынка Менгли-Гирея, Иван III укреплял отношения с Крымом. Окруженный московскими советниками, Мухаммед-Эмин принужден был во всем слушаться своего сильного покровителя и без разрешения великого князя даже не решался жениться на дочери ногайского мурзы Мусы.

Таким образом, длительная борьба с Казанью во время Ивана III обнаружила полную невозможность для Казани сопротивляться собственными силами. Попытки опереться в борьбе с Москвой на ногаев, крымцев и турок не имели успеха. Это объясняется не только слабостью самой поддержки и не только тем, что сепаратистская политика ногайских и крымских феодалов вела к разорению Казанского ханства, а тем, что окрепшее Русское государство не давало осуществиться этой поддержке. Экономическое развитие Казанского ханства приводило к постепенному усилению экономических связей с русскими землями.

4

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 60—80-х ГОДАХ XV В.

Образование Русского централизованного государства, сопровождавшееся поглощением мелких феодальных княжеств, вызвало крупные изменения в составе и положении отдельных групп класса феодалов. Вслед за падением самостоятельности отдельных княжеств в Москву потянулись многочисленные удельные князья. Московское правительство привлекало на свою сторону и представителей феодальной знати из Литвы (Гедиминовичей), из Орды (татарских царевичей и мурз), из «Волошской земли», из Кабарды и пр. Это привлечение преследовало цели укрепить политические связи с Кавказом, Молдавией, Литовскими землями, народами, находившимися под властью татарских царевичей. Потомки владетельных князей вошли в состав московского боярства.

Только относительно немногим потомкам великокняжеских линий удалось сохранить в более или менее полном размере свои старые «отчины». Большинство сидело в разоренных гнездах, но тщательно охраняло в них во всей неприкосновенности старый порядок периода феодальной раздробленности. Материальное положение потомков великих и удельных князей значительно ухудшилось. Княжеские и боярские духовные грамоты (завещания) за небольшими исключениями пестрят перечислением неуплаченных долгов, передававшихся наследникам вместе с имуществом феодала. Долгами опутаны были даже родственники московского великого князя, еще сидевшие в предоставленных им уделах. Например, последний владелец Рузы, внук Василия Темного и племянник Ивана III, Иван Борисович (умер в 1504 г.) «истерял» в долгах и закладах не только собственную казну, но и имущество своей племянницы. В списке его кредиторов находились крупные представители московского купечества[1].

Значительная часть старой феодальной знати была ослаблена московской великокняжеской властью, проводившей в ходе феодальной войны и позднее насильственное перераспределение земельного фонда, формируя кадры новой служилой знати и поместного дворянства.

Однако социально-экономические условия полной ликвидации боярской знати еще отсутствовали. Поэтому в течение ближайших десятилетий, как это уже не раз бывало, часть служилой знати превратилась в знать оппозиционную, которая, смыкаясь с основной массой старого удельного княжья и боярства, создавала непрерывно возраставшую угрозу центральной государственной власти.

В новой обстановке изменялось и положение бояр и «вольных слуг». До второй половины XV в. формально еще сохранялось старое феодальное право свободного выбора и свободной службы любому сеньору, которое в княжеских договорных грамотах выражалось известной формулой: «а боярам и слугам промеж нас вольным воля»[2].

Во время обострения московско-литовских отношений в 70-х годах XV в. русское правительство стало на путь решительного ограничения права боярского отъезда. В 1474 г. с князя Д. Д. Холмского была взята клятвенная запись о том, что ему «своему осподарю великому князю Ивану Васильевичю и его детем служити до своего живота, а не отъехати... от своего осподаря от великого князя Ивана Васильевича ни от его детей к иному ни х кому»[3]. За князя Холмского поручились

[1] ДДГ, № 88, стр. 351.

[2] Там же, № 69, стр. 227.

[3] «Собрание государственных грамот и договоров» (далее—СГГД), ч. 1, М., 1813, № 103. стр. 249.

митрополит и боярин И. Н. Воронцов, который обязался в случае его отъезда или побега уплатить великому князю 250 рублей[1]. При Иване III было взято еще несколько таких записей.

Переход за русский рубеж стал рассматриваться как государственная измена. Великий князь не допускал отъезда своих «вольных слуг» даже к удельным князьям — родным братьям. Иван III в договоре, заключенном в 1473 г. с братом, князем Борисом Васильевичем волоцким, поместил обязательство: «А князей ти, брате, служебных с вотчинами не приимати, а бояром и детем боярским и слугам промеж нас вольным воля»[2]. Несмотря на это, Борису волоцкому пришлось вскоре жаловаться другому своему брату, Андрею, на великого князя: «какову силу чинит над ними, что невольно кому отъехати к ним... кто отъедет от него к ним, и тех безсудно емлет...»[3]

Таким образом, упадок прежнего политического значения бояр и «вольных слуг» был связан с их изменившимся положением в системе единого Русского централизованного государства. Пестрая масса княжат (потомков владетельных князей) и бояр, войдя в конце XV в. в состав «слуг» великого князя, не стала от этого более однородной. Измельчавшие потомки княжеских династий и крупных боярских фамилий продолжали вести борьбу за групповые и семейные интересы, пользуясь при этом системой местнических отношений. Местничество, при котором служебные назначения определялись знатностью, явилось средством консервации отношений периода феодальной раздробленности.

Во второй половине XV в. растет служилое дворянство. Развитие этой группы класса феодалов имело огромное значение для укрепления централизованного порядка и усиления великокняжеской власти. Не среди обломков княжеских династий с их консервативными настроениями и политическими притязаниями, а в составе военных слуг своего «двора» великокняжеская власть нашла социальную и политическую опору для борьбы с остатками феодальной раздробленности. С другой стороны, судьба великокняжеских дворян была самым тесным образом связана с положением великокняжеской власти и развитием централизованной государственной системы. Служилое дворянство было лишено «удельных» традиций, которые для них заменяли государевы «пожалования» и «испомещения».

Уже в первой половине XV в. при княжеских дворах (московского великого князя и других князей) увеличилось число военных слуг из мелких свободных вотчинников и холопов, посаженных на землю. После уничтожения самостоятельных княжеств часть княжеских, а

[1] СГГД, ч. 1, № 104, стр. 250.
[2] ДДГ, № 69, стр. 226—227.
[3] ПСРЛ, т. VI, стр. 222

также боярских дворов была присоединена к великокняжескому двору, хотя и сохраняла первое время некоторую обособленность. В других случаях великий князь распускал старый «двор» и переводил его слуг в свои владения, наделяя их землей и обязывая военной службой. После присоединения Новгорода Иван III отобрал из княжеских и боярских дворов часть «послужильцев», которых посадил на конфискованной новгородской земле в качестве помещиков.

В целях укрепления государства и предотвращения возможности выступления враждебных ему феодалов Иван III широко применял конфискацию частновладельческих земель на территории вновь присоединенных владений, переселяя старых владельцев вглубь московской территории. Новгородские, псковские, тверские, рязанские и прочие бояре превращались в обычных московских землевладельцев, а в лице своих высших представителей вошли в состав московского боярства. Старые родовые вотчины пошли в поместную раздачу их прежним «послужильцам» и присланным из других мест московским помещикам.

Первый крупный «вывод» из Новгорода был произведен в 1483—1484 гг.: «поимал князь великы болших бояр новгородцкых и боярынь, а казны их и села все велел отписати на себя, а им подавал поместья на Москве под городом; а иных бояр, которые коромолю держали от него, тех велел заточити в тюрмы по городом»[1]. В 1489 г., когда в Новгороде произошли волнения оппозиционного боярства, сопровождавшиеся покушением на московского наместника, из Новгорода сразу было выведено более 7000 «житьих людей». На следующую зиму Иван III вывел более тысячи новгородских бояр, «житьих людей» и «гостей», которым взамен конфискованных владений дали поместья во Владимире, Переяславле, Юрьеве, Ростове, Муроме, Нижнем Новгороде, Костроме и других городах. На их место великий князь послал «московских много лучших людей, гостей и детей боярских, и из иных городов из Московскиа отчины многых детей боарскых и гостей»[2].

В новгородских пятинах было конфисковано около миллиона гектаров обрабатываемых земель. Результатом этой конфискации была полная ликвидация старого новгородского крупного и среднего вотчинного землевладения. Конфискованные земли были в значительной части переданы на поместном праве служилым людям, переводимым из разных московских уездов. Всего на новгородской территории было испомещено при Иване III до 2000 московских помещиков.

После взятия Вятки в 1489 г. «лучшие люди» (крупные феодалы) были «сведены» с Вятки и поселены в Боровске и Кременце, а купцы — в Дмитрове.

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 215.

[2] Там же, стр. 218.

Польский ученый начала XVI в., ректор Краковского университета Матвей Меховский, повидимому, со слов бывавших в Русском государстве иностранцев, сообщает, что в нем «людей (бояр. — *Ред.*) перебрасывают с места на место и из области в область для заселения, а на смену им посылают и размещают других»[1]. Здесь правильно указано на те социальные реформы, которые производились внутри Русского государства на всей его большой территории. Европейские наблюдатели имели дело уже не с отдельными землями, а с мощным централизованным государством с единой политической системой, которая победами русских войск наглядно демонстрировала успехи политического объединения.

В связи с ростом поместной системы старый термин «дворяне» приобрел более широкое значение. Дворянами стали называться не только слуги великокняжеского двора в более узком смысле, а вообще служилые помещики. Однако боярские и княжеские дворы не могли удовлетворить быстро возраставшую потребность в увеличении военных сил. Необходимые людские ресурсы для армии были найдены в среде многочисленных мелких вотчинников — «детей боярских». До начала XVI в. дети боярские еще стояли выше дворян и упоминались отдельно от них. В XVI в. обе группы служилых людей слились окончательно.

Быстрое увеличение служилого дворянства было связано с обеспечением его землей. Раньше великий князь использовал для этой цели фонд своих дворцовых владений. Иван III и Василий III, помимо испомещения служилых людей в дворцовых владениях и черных волостях, испомещали дворян и на присоединенных землях. Эта политика, настойчиво проводившаяся в новгородских и псковских землях, преследовала две цели: разрушение местного крупного землевладения, являвшегося социально-экономической основой политических притязаний боярства, и создание земельного фонда для развития военно-служилых сил Русского государства.

С испомещением военных слуг связано сложение той системы феодального землевладения, которая получила название «поместной». В отличие от вотчинной и наследственной собственности признаками поместья являлись условность владения (под условием военной службы) и отсутствие права распоряжения. Поместная земля считалась землей великого князя. Поместное землевладение было одним из видов условного феодального землевладения, хорошо известного в разных формах еще в предшествующее время как на великокняжеских землях, так и на территории частных землевладельцев. Однако поместное

---

[1] *М. Меховский.* Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936, стр. 116.

землевладение необходимо отличать от предшествующих видов условной земельной собственности. Для развития поместной системы в XV—XVI вв. характерно организованно проводившееся испомещение в больших размерах военных слуг (дворян) с последующей регламентацией службы. Поместная система в таком виде могла сложиться только в рамках централизованного государства. В конце XV в. в источниках впервые упоминается и само название «поместье».

Таким образом, существовали две основные группы класса феодалов-землевладельцев: привилегированные землевладельцы-вотчинники и служилые землевладельцы, мелкие вотчинники и помещики (дети боярские и дворяне), политическое значение которых возрастало.

Положение крестьян, живших на частновладельческой земле, серьезно изменилось: готовилось окончательное сложение и оформление крепостной зависимости.

Поместная система явилась средством дальнейшего усиления феодальной эксплуатации.

С развитием товарно-денежных отношений в натуральном в своей основе хозяйстве объем расходов землевладельца, принужденного постепенно приспособляться к рыночным отношениям, возрастал в результате появления новых потребностей и увеличения расходов, связанных с несением военной службы. Все эти расходы падали на крестьян. В зависимости от местных условий рост общественного разделения труда приводил к увеличению натуральной ренты, к появлению денежного оброка или барщины. Увеличение феодальных повинностей крестьян землевладельцу ломало «старину».

Привлечение крестьян к барщине на пашне было одним из условий развития частного феодального хозяйства того времени. Можно думать, что именно в этой области нашел широкое применение труд серебренников-издельщиков. Однако землевладелец не мог ограничиться одними серебренниками, а стремился привлечь к барщине все крестьянское население.

В условиях дальнейшего роста поместного землевладения обострялась борьба за рабочие руки. На это, между прочим, указывает стремление крупных землевладельцев (главным образом монастырей) сдавать во временное пользование пустопорожние земли с требованием, чтобы их временный владелец принял обязательство «те пустоши распахати и крестьян на них называти и учинити их в силе». К этому же времени относится большое распространение слобод, новопоселенцы которых получали полное освобождение от повинностей на срок от 3 до 15 лет. Эти данные указывают также на значительное передвижение крестьян, искавших лучшей доли. Переходы крестьянского населения тяжело отражались на хозяйстве феодалов и грозили «запустошением» их владений.

В новых экономических и политических условиях не были уже действенны те меры внеэкономического воздействия, которые ранее применялись феодалами в отношении крестьянства. В частности, потеряли значение прежние феодальные договоры о взаимном соглашении не принимать «письменных» и «тяглых» людей. С другой стороны, именно в это время вырастала новая политическая сила в лице верховного феодального собственника всей территории — великого князя. Поставленный на службу интересам класса землевладельцев, государственный аппарат центральной власти обладал во много раз более сильными средствами принуждения, чем те возможности, которые находились в распоряжении каждого частного землевладельца. Поэтому вмешательство государственной власти должно было привести к укреплению и оформлению крепостнических отношений, обеспечивавших феодальным собственникам возможности более полного распоряжения крестьянским трудом.

Так был использован в интересах господствующего класса закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Развитие в XV—XVI вв. крепостнических порядков было продолжением длительного процесса, начало которого должно быть отнесено ко времени зарождения феодального хозяйства. Новый этап в истории закрепощения крестьян был сделан с установлением во второй половине XV в. правила «Юрьева дня». 26 ноября стало единственным в году сроком «отказа» крестьян, общим для всего Русского государства.

Первоначально этот переход ограничивали местные удельные князья. Однако эти ограничения еще не устанавливали общего порядка, а носили характер отдельных «пожалований» в связи с потребностями феодальных землевладельцев. Коснувшись прежде всего серебренников, они распространились затем на все крестьянское население.

Такой порядок был установлен в «Судебнике» 1497 г.: «А христианом отказыватися из волости, из села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего и неделя после Юрьева дня осеннего». Помимо уплаты долга — серебра, о котором «Судебник» ничего не говорит, крестьянин при «отказе» должен был заплатить за «дворы пожилое» в размере одного рубля в степной местности («в полех») и полтины — в лесистой («в лесех»). Размер платы зависел от числа лет, прожитых крестьянином в построенном на помещичьей земле дворе. В том случае, если крестьянин жил во владениях феодала один год, он уплачивал четверть общей суммы пожилого, за два года — половину, за три года — три четверти, за четыре года — полную сумму «пожилого». Высокая расценка имела целью усилить материальные обязательства крестьянина и этим затруднить возможность его «отказа».

Источники позволяют установить, что уход старожильцев имел место как до «Судебника» 1497 г., так и после его появления, причем уход старожильцев ничем не отличался от общего крестьянского отказа. Уход старожильцев был затруднен юридическими нормами и всем феодальным режимом в вотчинах и поместьях и хозяйственными отношениями, так как старожильцу значительно труднее было освободиться от экономической зависимости, нараставшей в течение долгого времени, и бросить свое более или менее налаженное хозяйство.

Изменилось к концу XV в. и положение холопов. Источники, особенно духовные грамоты, дают многочисленные примеры широко распространенного обычая отпускать холопов на свободу после смерти господина. Уменьшение числа полных холопов происходило не только вследствие отпуска их на свободу, но и вследствие сокращения источников полного холопства. С прекращением внутренних феодальных войн в холопство обращались только попавшие в плен «неверные». С другой стороны, с конца XV в. появились «кабальные люди».

Первые известные нам определенные указания на кабальных людей встречаются в духовной грамоте князя Андрея Васильевича Меньшого, составленной около 1481 г.[1] Сущность кабальной зависимости заключалась в том, что занявший деньги «вольный» человек обязывался вместо уплаты процентов служить во дворе кредитора «по вся дни». Так как его работа уходила на погашение процентов, то подобный должник только в редких случаях мог возвратить взятую сумму и этим уничтожить кабальную зависимость. При этом указание суммы долга в кабале часто носило фиктивный характер, прикрывая самопродажу феодалам рабочей силы людьми разорившимися и лишенными средств производства. Дальнейшее развитие кабального, или «служилого», холопства приходится на XVI в. и связано с особыми экономическими условиями этого времени.

Наряду с социально-экономическими изменениями в конце XV в. наблюдается и перестройка государственного аппарата. В русских феодальных княжествах XIII—XIV вв. княжеское управление вырастало из административной системы дворцового хозяйства. Поэтому по текущим административным делам князь совещался с людьми, которым была «приказана» та или другая отрасль княжеского хозяйства. Только в более важных политических вопросах (заключение мира, походы, дипломатические сношения и пр.) князь собирал своих бояр, мнением которых если не юридически, то фактически он был связан, особенно в области внешней политики. Эта система управления носила дворцово-вотчинный характер.

---

[1] ДДГ, № 74, стр. 277; см. также стр. 55 настоящего издания.

После объединения русских земель под властью московского великого князя, которое в основном было закончено к середине 80-х годов XV в. (Псков и Рязань хотя еще и сохраняли свой особый политический строй, но фактически самостоятельностью не пользовались), старый административно-хозяйственный аппарат перестал отвечать новым задачам государства. Это привело к существенным изменениям в его устройстве и характере, в результате чего уже во второй половине XV в. стала складываться централизованная государственная система управления.

Основными признаками централизованного государства являются: центральные органы управления, распространяющие свои действия на всю территорию страны; замена вассалитета отношениями подданства; ликвидация частновладельческих иммунитетов; развитие общего законодательства; единая организация военных сил, подчиненных верховной власти и служащих задачам ее внутренней и внешней политики.

Не ограничиваясь ликвидацией крупных феодальных княжеств, великокняжеская власть стремилась к общему сокращению числа небольших уделов, принадлежавших князьям московского дома (братьям великого князя и его ближайшим родственникам), и к большему политическому подчинению оставшихся удельных князей. Политика Ивана III отражала классовые интересы дворянства, нуждавшегося в сильной верховной власти.

Авторитет великокняжеской власти значительно повысился. Взгляд на значение единодержавия развит в ряде высказываний самого Ивана III. Услышав, что в Литве хотели отдать Киев и другие города брату великого князя литовского Сигизмунду, Иван III писал дочери Елене, жене литовского князя Александра Казимировича: «Ино дочи, слыхал яз, каково было нестроенье в Литовской земле, коли было государей много; а и в нашей земле, слыхала еси, каково было нестроенье при моем отце; а опосле отца моего каковы были дела и мне с братьею, надеюся, слыхала еси, а иное и сама помнишь; и толко Жыдимонт будет в Литовской земле, ино вашему которому добру быти?»[1]. В этом письме Иван III вспоминает феодальную войну в северо-восточной Руси и попытку ее повторения удельными князьями в год нашествия Ахмата на Русь. Все письмо проникнуто резким осуждением системы феодальной раздробленности и феодальных войн.

Свой взгляд на сущность великокняжеской власти Иван III изложил также в 1488 г. перед Николаем Поппелем, послом императора

[1] Сб. РИО, т. XXXV, стр. 224—225.

Фридриха III в следующих словах, исполненных гордого сознания независимой политической силы Русского государства: «А что еси нам говорил о королевстве, если нам любо от цесаря хотети кралем поставлену быти на своей земле, и мы божиею милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от бога, как наши прародители, так и мы, а просим бога, чтобы нам дал бог и нашим детем и до века в том быти, как есмя ныне государи на своей земле, а постановления, как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим»[1].

Централизованная государственная система, которая стала укрепляться с 80-х годов XV в., явилась фундаментом, на котором вырастала сильная власть великого князя — «государя всея Руси», преодолевавшая на пути своего развития сопротивление реакционного боярства, связанного происхождением и интересами с ликвидированными удельными дворами.

Централизованная система управления крепла в борьбе великокняжеской власти с удельными князьями.

Принужденный во время похода Ахмата на Москву согласиться на некоторые политические уступки в пользу братьев—удельных князей, Иван III затем отказался от них и в 1481 г. заключил с удельными князьями «докончанье» на началах их подчинения великокняжеской власти[2].

Преследуя задачу возможного ограничения суверенных прав удельных князей, Иван III в 1481—1482 гг. пересмотрел условия договорных грамот великого князя с удельными князьями московского дома[3]. В 1482 г. был заключен новый договор с князем Михаилом Андреевичем верейским, согласно которому последний отказывался в пользу великого князя от «своей отчины» Белоозера, сохранив только пожизненное владение им[4]. Когда сын Михаила Андреевича князь Василий Михайлович бежал в Литву, Иван III взял себе его «отчину» (Ярославец и Верею). По новому соглашению с Михаилом Андреевичем, заключенному в 1483 г., Иван III вернул ему эти земли, но на условиях пожизненного держания[5].

Еще в 1472 г. Иван III взял себе выморочный Дмитровский удел своего брата Юрия, не поделившись им с другими братьями. Этот поступок великого князя в связи с общим усилением его власти вызвал

---

[1] «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», ч. 1, СПб., 1851, стб. 12.

[2] ДДГ, № 72, стр. 252—268; № 73, стр. 268—275.

[3] *Л. В. Черепнин*. Указ. соч., ч. 1, стр. 162—174.

[4] ДДГ, № 75, стр. 277—283.

[5] Там же, № 78, стр. 293—295.

протест со стороны его братьев Андрея и Бориса, которые в конце 1480 г. подняли открытый мятеж. В начале 80-х годов XV в. были пересмотрены условия духовных грамот удельных князей и ограничена свобода их завещательных распоряжений своими землями[1].

К началу 90-х годов XV в. Иван III стал еще более властно держать себя по отношению к удельным князьям. Он арестовал за неподчинение распоряжениям великокняжеской власти Андрея Васильевича углицкого и присоединил его удел к великокняжеским владениям.

Одновременно с преодолением политических порядков феодальной разробленности происходило развитие централизованной государственной системы.

Боярская дума стала постоянным совещательным органом при великом князе. Число дел, подлежавших рассмотрению в думе, быстро возрастало. Уничтожение самостоятельных княжеств сопровождалось пересмотром землевладельческих прав местных феодалов. Развитие служилого землевладения привело к расширению его на новой территории. В связи с этим происходило общее переустройство земельных отношений, производившееся по инициативе и при участии центральной власти, ограничение иммунитета светских и церковных землевладельцев, особенно в области суда. Некоторые виды судебных дел, а также определенные разряды населения стали подсудны непосредственно великому князю и его боярам. Это еще более ущемляло права местных феодальных землевладельцев, наместников и волостелей.

С образованием Русского государства значительно расширилась область внешних сношений. Отношения с ближайшими западными и восточными соседями — Польшей, Литвой, Казанским, Крымским ханствами, Ногайской Ордой, а также с более отдаленными европейскими государствами — Венгрией, Италией, Данией, Германской империей и другими — требовали централизации государственного аппарата, ведавшего вопросами внутренней и внешней политики.

Так, в связи с процессом образования централизованного государства складывалась область обширной компетенции высшего правительственного органа, каким стала боярская дума.

С появлением новых хозяйственных и политических задач и усложнением всей системы управления, утратила свое значение система «путей» и стали складываться особые органы управления, получившие название «приказов».

Усложнение внутренней и внешней политических функций государства вызвало зарождение приказов Посольского, Разрядного, Поместного.

---

[1] *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., ч. 1, стр. 175—183.

Часть приказов выросла из хозяйственного ведомства княжеского дворца (Казенный, Дворцовый, Конюшенный, Земский двор). До начала XV в. казначей, заведовавший княжеской казной, занимал относительно скромное положение в системе управления. Затем его обязанности стали заметно усложняться. Казначей стал заведовать княжеской торговлей и хранением княжеских товаров. К нему стали поступать некоторые торговые (таможенные) пошлины. С развитием внешних отношений казначей, как хранитель государственных документов, стал участвовать в переговорах с иностранными послами. Эти новые обязанности превратили казначея из хранителя личной казны князя в руководителя отдельного дворцового ведомства. Его образование относится к первым годам княжения Ивана III. В 1504 г. по духовной грамоте Ивана III Казенное ведомство состояло из казначея, печатника и двух дьяков, кроме подьячих[1].

Другим рано выделившимся хозяйственным приказом был Дворцовый приказ, образовавшийся из ведомства княжеского дворецкого, бывшего управителя княжеского двора и его хозяйства. Дворцовый дьяк впервые упоминается в 1501 г. В конце XV в. образовался путем выделения из дворцового хозяйства Конюшенный приказ.

Наконец, часть приказов возникла в связи с появлением новых хозяйственных и административных задач. При Иване III была решительно упорядочена и расширена система почтовых сношений — ямской гоньбы. В своем завещании Иван III писал, чтобы сын его Василий в великом княжестве держал ямы (почтовые станции) в тех местах и по тем дорогам, где они были при нем[2]. В 1492 г. впервые встречается упоминание ямского дьяка, что указывает на зарождение в это время Ямского приказа. В конце XV — начале XVI в., повидимому, существовали дворцы, заведовавшие определенной территорией с жившим на ней населением. Так, в завещании Ивана III упоминаются «тверские дьяки»[3].

Таким образом, к началу XVI в. существовало около десяти приказов, которые стали основой дальнейшей централизации аппарата власти Русского государства.

Появление приказов как постоянно действующих учреждений привело к образованию особого приказного аппарата дьяков и подьячих. Приказное управление выдвигало лиц, часть которых не принадлежала ни к боярской знати, ни даже к служилым (дворянским) фамилиям. В качестве «дьяков» они часто были близки к великому князю, советни-

---

[1] ДДГ, № 89, стр. 362.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 363.

ками которого по различным специальным вопросам они делались. Ряд приказов (Разрядный, Посольский, Поместный) даже управлялся не боярами, а дьяками. Поэтому некоторые дьяки уже при Иване III пользовались большим политическим влиянием. К ним, например, принадлежал при Иване III дьяк Ф. В. Курицын, в руках которого фактически находилось руководство внешней политикой. Отдельные дьяки, стоявшие во главе важнейших приказов, участвовали в заседаниях боярской думы. В 1497 г. в летописи встречается термин «диак введенный»[1] (повидимому, участник боярской думы). Несколько позднее появляется другой термин, имевший то же значение, что и первый: «дьяки великие». Герберштейн называл приближенных к великому князю дьяков «личными секретарями» великого князя.

Таким образом, развитие централизованной системы привело к расширению круга лиц, вовлеченных в государственное управление. Этим были положены первые основания в создании той приказной бюрократии, которая несколько позже вызвала презрительное замечание князя Андрея Курбского: «Писари ж наши руские им же князь великий зело верит,—а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичов или от простаго всенародства»[2]. Характер комплектования приказного аппарата не менял его сути,—он был оторван от народа и выполнял карательные функции феодального государства.

Ко времени Ивана III относится первая попытка созвать расширенное совещание представителей всех слоев господствующего класса. По летописным известиям, перед первым походом на Новгород в 1471 г. Иван III созвал для обсуждения плана похода как крупных светских и церковных феодалов, так и дворян удельных князей, епископов, бояр, князей, воевод и «всех воев»[3]. Неизвестны условия, на которых могли присутствовать на этом совещании «все вои», т. е. дети боярские и дворяне, вероятно они имели на нем своих представителей.

Очень большое значение для укрепления классовых основ централизованной системы правления имело развитие общегосударственного законодательства, связанное с пересмотром и изменением ранее действовавшего правопорядка. Русское правительство одновременно с ликвидацией самостоятельности «великих» и «удельных» княжеств концентрировало их архивы в Москве с целью использовать их в качестве политических документов в борьбе за централизацию власти. Были пересмотрены памятники права отдельных феодальных центров. После заключения Коростынского договора с Новгородом в 1471 г. была

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 234.
[2] РИБ, т. XXXI, стб. 221.
[3] ПСРЛ, т. XXV, стр. 286.

перередактирована в Москве Новгородская Судная грамота. Было усилено влияние великокняжеских наместников в новгородском суде. В 1484—1486 гг. с этой же целью была пересмотрена Псковская Судная грамота[1].

Не ограничиваясь пересмотром законов отдельных феодальных центров, русское правительство провело большую работу по созданию нового кодекса феодального права, вводившего единообразную систему судоустройства и судопроизводства и соответствовавшего требованиям централизованной власти по усилению карательных органов. Таким кодексом явился «Судебник» 1497 г. Он был составлен на основе нескольких законодательных памятников, появившихся в 80—90-х годах XV в.[2] Можно предполагать, что около 1483—1484 гг. (до присоединения Твери) был составлен «Указ наместникам о суде городским», представлявший собой первый шаг к регламентации наместничьего управления. По этому указу было установлено правило, что на суде наместников-кормленщиков, обладавших правом «боярского суда», должны были присутствовать дворский (дворецкий), являвшийся агентом княжеского административно-хозяйственного управления, и выборные представители от верхушечных слоев посада и «черных» волостей — староста и «лучшие люди». Привлечение к участию в суде выборных представителей от верхушечных слоев тяглого населения было первым шагом по пути к отмене кормлений, позднее осуществленной правительством Ивана Грозного. Вслед за появлением «Указа наместникам о суде городским» началась выдача уставных грамот (до нас дошла Белозерская уставная грамота 1488 г.), составленная на основе этого указа.

В начале 90-х годов XV в., возможно, появились законодательные сборники, посвященные вопросам гражданского феодального права, в частности разбору поземельных дел, и нормам уголовно-процессуального права. В них перечислены различные виды преступлений с указанием мер наказания.

При разработке норм общерусского феодального права были частично использованы местные законы: «Псковская правда» (10 статей), «Двинская уставная грамота» 1397 г., жалованные грамоты о Юрьеве дне Белозерского удельного княжества, некоторые правовые нормы Звенигородского удельного княжества. «Русская Правда», устаревшая в ряде своих разделов к XV в., была использована только в двух случаях. Большинство статей «Судебника» 1497 г. было разработано вновь в соответствии с теми классовыми и политическими задачами, которые ставило перед собой русское правительство этого времени. Статьи

[1] *Л. В. Черепнин*. Указ. соч., ч. 1, стр. 423—436.
[2] Там же, ч. 2, М., 1951, стр. 253—385.

«Судебника» проникнуты классовыми интересами феодалов-землевладельцев, усиливавших при помощи государственной власти эксплуатацию крестьян. В «Судебнике» предусматривались суровые меры против крестьян, имевшие целью подавить их сопротивление власти феодалов; «ведомый лихой человек» подлежал смертной казни. В то же время «Судебник» укреплял централизованный порядок на всей территории государства, и в этом, несомненно, заключалось его большое исторически-прогрессивное значение.

Важнейшей частью политического аппарата Русского государства была организация его военных сил. Основой русской армии был «двор великого князя», состоявший из помещиков — детей боярских и дворян. Армия выполняла внутриполитические (карательные) и внешнеполитические функции феодального государства.

Большое значение для военного дела имело создание сильного пушечного «наряда», т. е. артиллерии, появившейся еще в XIV в. Под 1488 г. в летописи впервые упоминается «пушечная изба» в Москве[1], где отливались орудия. Известны образцы отлитых в Москве орудий (1483—1485 гг.). В 1485 г. московская армия была послана к Твери «с пушками и с тюфяки и с пищалми»[2]. Русская армия в войнах конца XV и начала XVI в. с немецкими рыцарями и польско-литовской шляхтой действовала как «крепкое и прочное воинство», одержавшее ряд блестящих военных успехов.

Росту самодержавной власти московского государя содействовала также церковь. В средние века, указывает Энгельс, «монополию на интеллектуальное образование получили попы и... само образование приняло преимущественно богословский характер... Догматы церкви были одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты имели во всяком суде силу закона»[3]. Церковь была крупной социально-политической силой, основу которой составляло землевладение.

По внутреннему строю монастырская вотчина была сходна с вотчиной светского феодала. Монастырская «братия», жившая за счет эксплуатации труда зависимых крестьян, состояла из тех же князей, бояр и дворян. Рядовая масса монахов, исполнявшая тяжелую работу в хозяйстве, эксплуатировалась влиятельными «постриженцами». Белое духовенство (рядовые попы), в большинстве крайне невежественное и часто даже малограмотное, наживалось поборами с прихожан. В то же время часть мелкого духовенства сама бедствовала от даней и оброков, которые должна была платить высшему духовенству.

---

[1] ПСРЛ, т. VI, стр. 238.

[2] Там же, стр. 237.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. VIII, стр. 128.

Землевладельцы-феодалы склонны были рассматривать попов своих вотчинных церквей как людей от них зависимых, мало чем отличавшихся от крепостных крестьян. Протест широких масс, главным образом городских, против церковных феодалов и особенно против высших представителей церкви выражался в резкой критике не только духовенства, но и самого церковного учения, которое освящало строй насилия.

Правительство понимало опасность этого протеста, не могли не видеть ее и некоторые церковники. Таким образом, возник вопрос о церковной реформе, вызвавший в феодальном обществе острую борьбу партий и идеологических течений.

Одно из этих течений получило наибольшее распространение и при поддержке великокняжеской власти одержало победу в политической борьбе. Наиболее видным представителем его был игумен Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий (1439—1515), происходивший из семьи Саниных, мелких служилых людей Волоколамского края. По его имени приверженцы этого направления были названы «осифлянами».

Осифлянское направление требовало безусловного повиновения авторитету господствующей церкви и ее иерархов, беспрекословного исполнения установленных церковных правил и обрядов. Главным средством для достижения стоявших перед церковью задач, по мнению Иосифа, была не только проповедь, но и административно-политические мероприятия, направленные к укреплению авторитета церковной власти и упрочению ее влияния в народных массах. Центрами подготовки высших церковных иерархов и идеологического воздействия на общество должны были стать монастыри. Иосиф основал свой монастырь в Волоцком удельном княжестве. Княжеские пожалования населенными землями, богатые вклады бояр и купцов и, самое главное, доходы от эксплуатации зависимого крестьянства на монастырских землях, позволили Иосифу обставить свой монастырь с большой пышностью. Волоколамский монастырь стал одним из крупных идеологических центров.

Оппозицию осифлянам и центральной власти, его поддерживавшей, составило церковно-политическое течение, возникшее в заволжских монастырях в конце XV в. Его основателем был Нил Сорский из московского боярского рода Майковых, «постриженик» Кирилло-Белозерского монастыря. Он был противником монастырского землевладения, «нестяжателем».

В высказываниях «заволжских старцев» против осифлян по вопросу о праве монастырей владеть вотчинами проявилась внутриклассовая борьба за землю в лагере феодалов. «Заволжские старцы» вы-

ступали с позиций «старого» боярства, вотчины которого в результате разорения переходили к монастырям.

Политические тенденции «заволжских старцев» проявились и в отрицательном их отношении к подчинению феодальной церкви великокняжеской власти. Они осуждали Иосифа Волоцкого за то, что тот стал «дворянином» великого князя. Последователем Нила Сорского был Вассиан, в миру князь В. И. Патрикеев, насильственно постриженный в 1499 г. по приказу Ивана III в монахи Кирилло-Белозерского монастыря и живший в скиту Нила Сорского. Вассиан написал ряд полемических сочинений, направленных против осифлян. В них он с боярских позиций обличал монастырское стяжательство и эксплуатацию монахами зависимого крестьянства.

В целом направление «нестяжателей» выражало взгляды боярской оппозиции господствующей государственной церкви, находившейся в союзе с великокняжеской властью. Типичным для средневековья антицерковным движением было рационалистическое движение 70—80-х годов. «Если... классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени»[1].

Фактические сведения о нем сохранились лишь в донесениях, следственных материалах, кратких летописных записях и полемических сочинениях главным образом Иосифа Волоцкого. Ересь распространилась на новгородских попов, дьяконов, а также и «простых» людей, городских ремесленников. Она была тесно связана с более ранним движением в Новгороде и Пскове, известным под именем ереси стригольников. Ересь была одной из форм классового протеста социальных низов против феодального гнета. Еретики отрицали не только обрядовую сторону православия, но и основные его догматы. Отдельные стороны учения «еретиков», например выступления против монастырского «стяжательства», были использованы господствующим классом. Поэтому после того как новгородские еретики заняли в Москве места попов кремлевских церквей, ересь стала распространяться среди московской приказной администрации, крупного купечества, светских и церковных феодальных кругов. В ересь были вовлечены посольский дьяк Федор Курицын, его брат — дьяк Волк Курицын, купец Семен Кленов, невестка великого князя Елена Волошанка и архимандрит Симонова монастыря (затем митрополит) Зосима.

Архиепископ новгородский Геннадий, представитель воинствующей церкви, поднял вопрос о преследовании новгородских еретиков. Но

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. VIII, стр. 128.

митрополит Геронтий (предшественник Зосимы по митрополичьей кафедре) и великий князь, по рассказу Иосифа, сначала не принимали мер к борьбе с ересью в Москве, к которой, как указано, были причастны представители феодального общества. Однако в дальнейшем опасность ереси заставила правительство выступить против нее единым фронтом с церковными иерархами осифлянского направления. Церковные соборы 1488 и 1490 гг. под давлением Геннадия осудили некоторых еретиков.

В 1503 г. Иван III созвал собор, по приговору которого многие еретики были сожжены, а другие подверглись заточению или ссылке. Это была полная победа «осифлян», получивших поддержку со стороны великокняжеской власти в решительных действиях против еретиков по программе, намеченной Иосифом Волоцким.

Итак, укрепление Русского централизованного государства в конце XV в. являлось результатом консолидации сил господствующего класса, духовных и светских феодалов для подавления проявлявшегося в разных формах антифеодального движения сельских и городских народных масс.

5

СКЛАДЫВАНИЕ РУССКОЙ (ВЕЛИКОРУССКОЙ) НАРОДНОСТИ

Образованию нации предшествует образование народности, которая содержит потенциальные элементы нации. Народность оформляется в феодальную эпоху. В период «подымающегося капитализма» и складывания буржуазных отношений народность превращается в нацию, потенция превращается в действительность[1]. Нация является «исторической категорией определённой эпохи, эпохи подымающегося капитализма»[2].

В период докапиталистический не было и не могло быть наций. В период феодализма страны были раздроблены на отдельные самостоятельные княжества, которые не только не были связаны друг с другом национальными узами, но решительно отрицали необходимость таких уз[3].

Но уже в докапиталистический период на феодальной основе создается та общность территории, языка, культуры и относительная общность экономической жизни, которая способствует оформлению народ-

---

[1] См. *И. В. Сталин*. Соч., т. 11, стр. 336.
[2] См. там же, т. 2, стр. 303.
[3] См. там же, т. 11, стр. 336.

ности, содержащей в себе потенциальные элементы нации. Элементы нации,—указывает И. В. Сталин,— создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии [1].

Создание централизованного Русского государства, происходившее в условиях не ликвидированного еще феодализма, было связано с формированием русской (великорусской) народности, причем процесс этот был длительным. Еще в период древнерусского государства сформировалась древнерусская народность как основа, на которой выросли позднейшие братские великорусская, белорусская и украинская народности.

Великорусская народность сложилась на территории, ранее населенной восточнославянскими племенами вятичей, радимичей, северян, кривичей, новгородских словен. В складывании русской народности приняли участие и те неславянские племена, которые жили на территории междуречья Оки и Волги. Однако их влияние не являлось определяющим. С русским языком скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов, но он выходил всегда победителем. Конечно, словарный состав русского языка пополнялся при этом за счет словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило русский язык [2].

По течению Москвы-реки проходила граница, разделявшая территории, ранее населенные вятичами и кривичами. Расположенный на территории формировавшейся русской народности г. Москва стал национальным центром. В конце XIII и в XIV—XV вв. в связи с экономическим развитием Руси и с ростом производительных сил, а также с политическим объединением земель происходило постепенное преодоление диалектного многообразия в пределах северо-восточной Руси и складывание великорусского языка, отличавшегося рядом особенностей по сравнению с языками белорусским и украинским, выросшими с ним на общей основе.

По словам академика В. В. Виноградова, XIII—XV вв. являются временем, «когда происходит образование языка великорусской народности в процессе дифференциации языка восточнославянской народности на три языка. В этот период обнаруживаются своеобразные внутренние законы развития русского языка, определяющие общую направленность его качественных изменений в сфере структуры слова». В это время наблюдается обособление имен прилагательных

---

[1] См. *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, стр. 336.

[2] См. *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 30.

от существительных и сложение кратких форм прилагательных, отмирание глагольных сторон имперфекта и аориста, образование совершенного и несовершенного видов глаголов, возникновение категории деепричастия, утрата двойственного числа и т. д.[1]

В качестве явлений, характерных для развития великорусского языка XIV — XV вв., филологи отмечают постепенное смешение на территории формировавшейся русской народности «аканья» и «оканья», образование сочетаний *ой*, *ей* из *ый*, *ий*, утрату форм дательного падежа на *ови*, *еви* и т. д.[2] Эти языковые процессы были связаны с расширением территории Московского княжества в западном, северо- и юго-восточном направлениях за счет княжеств Смоленского, Владимирского, Рязанского и др., вследствие чего происходило объединение диалектов.

Образование Русского централизованного государства ускоряло процесс складывания русской народности, создавая для этого важные предпосылки: объединение территории, преодоление разнообразия языковых диалектов, создание условий для развития экономики и культуры. Маркс указывал, что политическая концентрация является одним из факторов, обусловливавших формирование единого национального языка[3].

Росло национальное самосознание, чему способствовал и переход Руси к активной борьбе с монголо-татарским игом. Памятники литературы проникнуты чувством глубокого патриотизма и любви к Родине, они прославляют Русскую землю, русский народ. С конца XIV в. в русской литературе получает особенно отчетливое воплощение идея единой Русской земли.

Яркие образы Русской земли рисуют «Задонщина» — поэма, посвященная Куликовской битве, и возникшее на ее основе «Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимере Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамая». Перед глазами читателей возникает образ «славной Руси», необъятной Русской земли, которой грозит опасность со стороны «супостата царя Мамая». «Ведомо нам, брате, у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю... Пойдем, брате, тамо в полунощную страну, жребия Афетова, сына Ноева,

---

[1] *В. В. Виноградов*. Понятие внутренних законов развития языка. «Вопросы языкознания», 1952, № 2, стр. 40—42; *его же*. Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания. «Материалы объединенной научной сессии, посвященной трудам И. В. Сталина по языкознанию». М., 1951, стр. 51.

[2] *Р. И. Аванесов*. К вопросам образования русского национального языка. «Вопросы языкознания», 1953, № 2, стр. 47—70.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч. т. IV, стр. 414.

от него же родися Русь преславная... посмотрим по всей земли Руской...» Автор говорит о скорби Русской земли в связи с нашествием на нее вражеских татарских полчищ: «И отоля Руская земля седит невесела, а от Калатьския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрышася...» Он описывает «жалость земли Руские», на которую покушается «поганый Мамай». Но основная тема памятника заключается не в скорби и жалости, а в радости и гордости по случаю победы русских войск над врагами — татарами: «Снидемся, братия и друзи и сынове Рускии, составим слово к слову, возвеселим Рускую землю и возверзем печаль на восточную страну в Симов жребий и воздадим поганому Мамаю победу...»

Рассматриваемое произведение представляет собой гимн во славу победоносной Родины: «Звенит слава по всей земли Руской», «Русь великая одолеша рать татарскую на поле Куликове на речке Непряде», «Побежи ты, поганый Момай, от нас позадьнеш и нам от земли Руской». Автор призывает к борьбе, а если нужно — к смерти на поле брани за родную землю. «Князи и бояря и удалые люди, оставимте вся домы своя и богатество, жены и дети и скот, честь и славу мира сего получити, главы своя положити за землю за Рускую и за веру християньскую». Победа на Куликовом поле, одержанная русскими воинами над «погаными», расценивается как великое торжество для Руси и позор для ее врагов. «Уже бо по Руской земле простреся веселие и буйство. Вознесеся слава руская на поганых хулу». А «поганые... скрегчюще зубами своими, дерущи лица своя, а ркучи так: Уже нам, брате, в земли своей не бывати, и детей своих не видать, а катунь (жен.—*Ред.*) своих не трепати, а целовати нам зелена мурава, а в Русь ратью нам не хаживать, а выхода нам у руских князей не прашивать».

В заключении мы встречаем проникновенное и полное лиризма уподобление Русской земли и народа младенцу и беззаветно любящей его матери. «Нам земля подобна ест Руская милому младенцу у матери своей, его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дела милують его»[1].

Глубокое понимание единства Русской земли, высокое чувство патриотизма и национальной гордости, которыми проникнута «Задонщина», особенно показательны потому, что автором этого произведения является выходец из «Рязанской земли» Софоний. Известно, что рязанский князь Олег Иванович накануне нашествия Мамая сносился с ним и обещал ему помощь. Софоний не упоминает об этом факте в своем произведении. Но политика феодальных рязанских верхов явно чужда ему. Он

[1] *В. П. Адрианова-Перетц.* Задонщина. Текст и примечания. «Труды Отдела древнерусской литературы» Ин-та русской литературы АН СССР, т. V, М.—Л., 1947, стр. 198—205; т. VI, М.—Л., 1948, стр. 223—232.

отражает настроения основной массы рязанских жителей, которые расценивали Куликовскую битву как общерусское дело. Для Софония Рязанская земля — часть Русской земли, и сам он не только рязанец, но прежде всего русский человек.

В «Задонщине» ярко выступает значение Москвы, как центра русского народа, возглавившего его борьбу с татаро-монголами. Поэтому Москве автор воздает славу, говоря о мужестве и победных делах русских воинов. Обращаясь к жаворонку, автор говорит ему «Оле жаворонок, летняя птица, красных день утеха! Возлети под синее небеса, посмотри к сильному граду Москве, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Андреевичю». Громкие воинские сборы в Москве и других городах Московского княжества отдаются звоном славы по всей Русской земле, вплоть до «великого Дона», на берегах которого скоро разыграется кровавая битва русских воинов с полчищами Мамая. «На Москве кони ржут, трубы трубят на Коломне, бубны бьют в Серпухове, звенит слава по всей земли Руской, стоят стязи у Дону великого на брезе».

В Москве «съехалися вси князи руские». Отсюда организуется поход против Мамая. «Силная рать» великого князя Дмитрия Ивановича и его брата князя Владимира Андреевича серпуховского гремит как гром «в каменом граде Москве». Рассказывая о выступлении из Москвы войск Дмитрия Донского, автор использует такие литературные образы: «белозерстии» соколы и ястребы вылетели «от златых колодиц ис камена града Москвы», взлетели «под синее небеса», загремели «злачеными колоколы на быстром Дону»; «у Москвы града на забралах» плачут княгини, боярыни и воеводские жены «о избиенных» на Куликовом поле, поникло веселие, «солнце померкло в славном граде Москве». Когда горе охватило Русскую землю, олицетворением этого горя являются плачущие московские жены. Когда Русская земля одерживает победу, то Москва выступает как центр общерусского торжества. Обращаясь к Владимиру Андреевичу серпуховскому после речи, произнесенной на Куликовом поле на костях павших русских воинов, Дмитрий Донской говорит: «И пойдем, брате князь Владимер Андреевичь, во свою Залескую землю к славному граду Москве и сядем, брате, на своем княжение, а чести есми, брате, добыли и славного имени»[1].

Таким же патриотизмом проникнут и другой литературный памятник конца XIV в.— «Повесть о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича». В этом произведении, так же как и в «Задонщине», проводится мысль о единстве Русской земли, борьба за независимость

---

[1] *В. П. Адрианова-Перетц.* Задонщина, стр. 198—205.

которой является национальным делом. Автор в самом начале «Повести» подчеркивает значение политического объединения русских княжеств. Он вспоминает «собирателя Руской земли» — московского великого князя Ивана Даниловича Калиту, внуком которого является герой «Повести» Дмитрий Донской. Последнему ставится в заслугу то, что он держал «стражбу земли Руской мужеством» своим, оградил «страхом господства своего... всю землю Рускую». Победа на Куликовом поле принесла «тишину в Руской земли»[1].

В повести о нашествии Тохтамыша на Москву в 1382 г. помещен плач по поводу разорения Москвы, представлявшей собой великий и «чудный град», кипевший богатством и славой, «многой честью» превзошедший все города Русской земли, а после его сожжения Тохтамышем утративший былую славу и честь.

Подъем национального самосознания после Куликовской битвы 1380 г. вызвал повышенный интерес к родному прошлому, к истории Русской земли. В это время в Москве, как общерусском центре, усиленно работает историческая мысль. Возникают летописные своды, которые, отражая идеологию господствующего класса, с позиций этого класса проводят идею объединения Руси (в конце XIV в.—«Летописец великий русский», в 1409 г.— свод митрополита Киприана, или так называемая Троицкая летопись, около 1418 г. — свод митрополита Фотия). Эти своды проникнуты мыслью о возрождении традиций независимости русского народа в домонгольское время[2].

Национальный подъем после Куликовской битвы имел своим следствием мощный расцвет живописи (школа Рублева) и других видов искусства.

В области искусства стремление к возрождению национальных традиций выразилось в реставрации памятников древнерусского зодчества (храмов) в некоторых городах. Интерес к идейному наследию древней Руси проявился также в особом внимании к замечательным литературным памятникам русского исторического прошлого, проводившим идею национального единства: «Повести временных лет», «Слову о полку Игореве» и др. «Повесть временных лет» используется как основа общерусского летописания. «Слово о полку Игореве» с его высоким патриотизмом послужило идейным и литературным образцом для рязанца Софония при написании «Задонщины».

Тематика многих произведений московской литературы конца XIV—начала XV в. касается борьбы русского народа с татарами за свою

---

[1] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 351, 352, 353, 354.

[2] *Д. С. Лихачев.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 290.

независимость. Несколько повестей посвящены Куликовской битве. Повесть «О Московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении земля Русьския» рассказывает о защите Москвы самими горожанами во время осады города татарами в 1382 г. «Повесть о нашествии Едигея», помещенная в своде 1409 г., развивает мысль о том, что татары являются такими же врагами Руси, как половцы. Проводя исторические параллели, автор «Повести» протестует против союза некоторых князей с татарами, который принесет вред Русской земле в такой же мере, как в свое время союз русских князей с половцами. «Добра ли се будет дума юных наших бояр, иже приведоша татар на помощь? Не сих ли ради и Киеву и Чернигову беды приключишася, иже когда имущи брань со собою, и подымаючи половец навожаху на ся, да первое бо наимуючи ихъ сребро издаша из земля своеа, а инии же смотриша наряди рускыа и самем издолеша; да не будет той пакости и нашей земли на прочая дни, да не како татарове сосмотрят наряда земля нашея и восхотят сами приити на ны, якоже бысть ся»[1].

Таким образом, в истории формирования русской народности большую роль сыграла борьба за национальную независимость. Главной действующей силой здесь выступает сам русский народ, поэтому в некоторых сказаниях (как, например, в повести о нашествии Тохтамыша) идея единства «переплетается с отчетливо выступающими демократическими тенденциями». Подчеркивается роль посадских людей, народа, в обороне родного города. Восхваляются борцы, выступавшие против татар, вроде «суконника» Адама, сразившего стрелой одного из приближенных Тохтамыша. Резко осуждаются изменники князья, впустившие татар в город[2].

Филологи придают значение борьбе с татарами, как фактору, ускорявшему процесс образования русского языка на основе объединения ряда диалектов [3].

В результате феодальной войны второй четверти XV в. победили силы, стремившиеся к национальному единству. В период войны в господствующих феодальных кругах отдельных политических центров Руси усилились тенденции, враждебные Москве. В «житии» Стефана Пермского, написанном еще в конце XIV — начале XV в. Епифанием Премудрым, автор, будучи выразителем интересов враждебных Москве феодальных кругов Ростова, вкладывает в уста волхва Пама следующие слова: «От Москвы может ли что добро быти нам? Не оттуду ли нам тяжести быша, и дани тяжкыя, и насильство, и тивуни, и

[1] ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стб. 475.

[2] *М. Н. Тихомиров.* Древняя Москва. М., 1947, стр. 57.

[3] *Р. И. Аванесов.* Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник Моск. ун-та», № 9, 1947, стр. 139.

довотщици и приставницы»[1]. Эта феодальная война представляла собой борьбу областного сепаратизма и общегосударственного единства. В этой борьбе все прогрессивные силы русского народа поддерживали объединительную политику Москвы. Можно говорить о «всенародном масштабе», который приняла война. Но если феодалы победу государственного единства расценивали в значительной мере с точки зрения своих классовых интересов, то народ видел в этом единстве прежде всего путь к национальному развитию.

Феодальная война нанесла решительный удар удельно-княжескому сепаратизму. В дальнейшем оппозиция Москве со стороны уцелевших после войны феодальных центров сама облекается в форму борьбы за объединение Руси, так как господствующие феодальные верхи сохранившихся еще княжеств отчетливо понимали, что всякие сепаратистские лозунги обречены на провал. В середине XV в. ярко проявились антимосковские настроения среди части новгородских и тверских феодалов. В Новгороде эти настроения нашли свое отражение в летописных сводах 30—50-х годов, созданных при архиепископе Евфимии II, в Твери — в «Слове похвальном» князю Борису Александровичу, составленном иноком Фомой, и в летописном своде середины 50-х годов XV в. В предисловии к последнему тверские князья выступают как самодержцы, «владевшие» «Русскою землею», границы которой простираются «до моря Варяжского..., до предел Измаилтескых..., до рек Угорскых, даже и до моря Печерского...»[2] Ту же идею единства Руси под верховной властью тверских «самодержцев» находим и в «Слове» инока Фомы.

Широкие массы городского и сельского населения иначе понимали общерусское единство, чем представители господствующего класса феодалов.

Если для многих феодалов вопрос шел прежде всего о господстве над Русью того или иного феодального центра, то для народа — о независимости и единстве своей родины, причем в качестве национального центра в сознании народа уже давно определилась роль Москвы, инициатора и основы политического объединения. Выходцы из ряда феодальных центров сознавали единство Русской земли. Тверской купец Афанасий Никитин, побывавший во второй половине XV в. в далеких странах, сохранил глубокую любовь к Русской земле, ибо другой такой земли, по его глубокому убеждению, нет на свете. Осуждая политические порядки, господствовавшие на Руси, отмечая засилье бояр-феодалов, Афанасий Никитин в то же время выразил в своем «Хождении» безграничную преданность родине. «На этом

[1] «Житие Стефана, епископа Пермского», СПб., 1897, стр. 40.

[2] ПСРЛ, т. XV, стб. 465.

свете,— пишет он,— нет страны, подобной ей, хоть вельможи (бояре.— *Ред.*) Русской земли несправедливы (недобры)»[1]. Владея несколькими языками, Афанасий Никитин пользуется ими для прославления Родины.

Завоевания турками стран Балканского полуострова, падение в 1453 г. Византийской империи еще более подняли на Руси стремление к борьбе за национальную независимость. В летописном своде конца XV в. в связи с описанием похода Ивана III на Угру помещено воззвание, призывающее русских людей к защите своего отечества от врагов. В этом призыве летописец обращает внимание соотечественников на печальный пример балканских стран, сделавшихся жертвой чужеземного завоевания. «О храбрии мужествении сынове рустии! потщитеся сохранити свое отчьство, Русскую землю от поганых; не пощадите своих глав, да не узрят очи ваши разпленениа и разграблениа домов ваших, и убиениа чад ваших, и поруганиа над женами и над дщерми вашими. Якоже пострадаша инии велиции и славнии земли от турок...»[2] Высокий патриотизм, стремление «сохранить» свое отечество, землю и государство, храбрость и мужество сынов русских — вот о чем говорит приведенное воззвание.

К XVI в. процесс складывания русской народности в основном завершился.

6

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV В.*

Внешняя политика Русского централизованного государства была тесно связана с задачами политического объединения страны. Укрепление государства было невозможно без достижения внешней безопасности.

В период феодальной раздробленности и зависимости от Золотой орды Русь не могла иметь единой внешней политики и общей дипло-

---

[1] «Хожение за три моря Афанасия Никитина, 1466—1472 гг.», под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1948, стр. 68.

[2] ПСРЛ, т. VIII, стр. 207.

* Преждевременная смерть помешала автору настоящего параграфа К. В. Базилевичу его закончить. При доработке параграфа редакцией использованы основные выводы монографии К. В. Базилевича «Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV в.». М., 1952.

матии, хотя московская княжеская власть на протяжении XIV—XV вв. постепенно добивалась лишения отдельных феодальных княжеств и республик северо-восточной Руси их внешнеполитических функций.

Во второй половине XV в. единое Русское централизованное государство как крупнейшая политическая сила выступает на широкой международной арене в очень важный момент истории Европы, когда ее политическая карта изменилась вследствие образования новых национальных государств.

В международной борьбе между отдельными феодальными государствами за расширение их территории и за политическое влияние преимущества были на стороне тех государств, которые сумели преодолеть феодальную раздробленность. Напротив, те страны, в которых раздробленность еще сохранялась, оказывались в опасном положении. Крупные успехи государственной централизации дали возможность правительству Ивана III приступить в области внешней политики к разрешению важнейших исторических задач, определивших почетное место Русского государства среди европейских держав.

Русское государство имело определенную внешнеполитическую программу, которая предусматривала активные действия в трех направлениях: на восточном и южном рубежах — борьбу с грабительскими татарскими ханствами, образовавшимися в результате распада Золотой орды; на западной границе — борьбу с Польшей и Литвой с целью воссоединения всех исконных земель Руси (русских, украинских и белорусских); на северо-западе — борьбу с прибалтийскими государствами за возвращение исконных земель и выход в Балтийское море. Очередность и актуальность этих задач изменялись в зависимости от соотношения политических сил на международной арене.

Окончание феодальной войны и последующая ликвидация многих уделов, выгодный для московского правительства Яжелбицкий мир с Новгородом (1456), усиление политического влияния московского правительства на Псковскую феодальную республику и Рязань в 60-х годах XV в. значительно укрепили Московское великое княжество и изменили его отношения с ближайшими странами.

Усилившийся в середине XV в. натиск польских и литовских феодалов на Псков, Новгород, Тверь наталкивался теперь на решительный отпор со стороны московской великокняжеской власти, стремившейся включить эти земли как исконную «отчину» в состав единого Русского государства. Большие успехи, достигнутые в борьбе с феодальной раздробленностью, сплочение великорусских земель вокруг единого центра — Москвы, выдвигали перед московским правительством серьезную задачу объединения всех великорусских, украинских и белорусских

земель, в разное время подпавших под власть литовских князей. Новгород и Псков в борьбе с немецкими рыцарями опирались на могучую поддержку военных сил всего Русского государства.

Важным рубежом в истории внешней политики Русского централизованного государства являются 80-е годы XV в. До этого времени основной задачей великокняжеской власти было завершение государственного объединения, и действия московского правительства в области внешней политики отличались большой осторожностью и сдержанностью.

Перелом во внешней политике правительства Ивана III наметили два крупных исторических события: присоединение Великого Новгорода и победа над войсками хана Большой орды Ахмата. Уничтожение самостоятельности Новгородской боярской республики в 1478 г. означало полное торжество политического объединения русских земель. С этого времени ни окруженное со всех сторон московскими землями Тверское княжество, доживавшее последние годы самостоятельного существования, ни Псковская феодальная республика, где находился московский наместник, ни княжество Рязанское, сохранявшее лишь номинальный суверенитет, ни тем более иные мелкие княжества, существовавшие в качестве пережитка времен феодальной раздробленности, уже не могли служить серьезным препятствием для утверждения политического единства или повлиять на внешнюю политику Русского государства.

Новгородский вопрос приобрел международное значение и стал одним из узловых вопросов во внешней политике Русского государства. Вместе с ликвидацией Новгородской боярской республики правительство Ивана III принимало на себя защиту интересов Русского государства на северо-западной и северной окраинах от агрессии со стороны Швеции и Ливонского ордена. Перед русским правительством стояла задача обеспечить интересы русской торговли в Прибалтике, защитив ее от конкуренции со стороны Ганзы. Возникала проблема освобождения выходов в Балтийское море.

Поражение войск Ахмата в 1480 г. завершило длительную борьбу русского народа за освобождение русских земель от тяжести золотоордынского ига. Русское государство обрело с этого момента полную независимость.

Однако еще в третьей четверти XV в., до свержения золотоордынского ига, Россия выступает в качестве крупной политической силы на международной арене.

Во второй половине XV в. турецкая опасность надвигалась на границы Венгрии, Польши и на итальянские владения в Черном, Эгейском и Средиземном морях. В 1463 г. началась шестнадцатилетняя

война между турецким султаном Мухаммедом II—завоевателем Византии и Венецианской республикой. Рим всячески пытался выступить в качестве политического центра, объединявшего противников империи османских турок, используя эту роль для обеспечения своего влияния на другие страны. Венецианские дипломаты и папские кардиналы усиленно разрабатывали проекты борьбы с турецкой опасностью и искали союзников на востоке Европы и в Передней Азии. Они прилагали все усилия к вовлечению в союз Персии и России. Неудача с Флорентийской унией (1439) заставила Рим искать других средств для установления своего влияния на Руси. Одним из таких средств был, по плану Римской курии, брак Ивана III с воспитанной в Риме племянницей последнего византийского императора Зоей-Софьей Палеолог (1472). Однако попытки «святейшего престола» втянуть Россию в русло папской политики потерпели полную неудачу. Напротив, Иван III использовал брак с Софьей для укрепления международного положения Руси. Установление династической связи с византийским императорским домом позволило Ивану III рассматривать себя как преемника державных прав византийского императора.

Понимая важность борьбы с турецкой агрессией, Россия, занятая другими первоочередными внешнеполитическими задачами, вела в этом вопросе самостоятельную линию, поддерживая противников Турции, но не подчиняя свои действия их политике.

Правительство Ивана III завязало дипломатические сношения с Венецианской республикой, которая в конце XV в. в борьбе с турками теряла свои средиземноморские и черноморские колонии и рынки. Венецианский сенат сделал попытку двинуть против турок Большую орду с ханом Ахматом, к которому через Москву был направлен посланец Тревизан. В Москве Тревизан, заподозренный во враждебных замыслах в отношении русского правительства, был арестован. Однако впоследствии он был освобожден, и сношения с Венецией продолжались[1]. Несколько посольств Ивана III посетили Италию (Рим, Венецию, Неаполь, Геную и другие города). Целью этих поездок, помимо политических вопросов, был набор на службу мастеров разных специальностей.

Перелом во внешней политике Русского государства, как было указано выше, произошел после победы над войсками Ахмата. Помимо крупнейшего общего политического значения, эта победа представляла собой важный момент в борьбе за безопасность южной и восточной границ Русского государства. Поражение Ахмата значительно увеличивало влияние Руси в Крыму, а также на улусных князей и мурз

[1] ПСРЛ, т. XXV, стр. 192, 199, 301, 303.

ногайских орд. Кроме того, оно облегчало Русскому государству активные действия, направленные к освобождению Поволжья от власти Казанского ханства, где сидел враждебный Москве Али-хан. Поэтому в ближайшие десятилетия после гибели Ахмата правительство Ивана III старалось противопоставить оставшимся в Большой орде потомкам Ахмата («Ахматовым детям») союз остальных татарских ханств и при помощи татар обеспечить охрану и безопасность восточных и южных границ Русского государства. От разрешения этой задачи зависел успех в достижении одной из главных целей внешней политики Руси — воссоединения русских, украинских и белорусских земель.

Правительство Ивана III использовало некоторых выходцев из Орды, обладавших династическими правами, рассматривая их как возможных претендентов на ханскую власть. В случае занятия престола при русской военной поддержке они, естественно, становились вассалами великого князя. Часть этих татарских выходцев получала владения в пограничной полосе и привлекалась к обороне окраин от набегов своих соплеменников.

К 90-х годам XV в. русское правительство в основном разрешило вопросы, связанные с безопасностью восточной и южной границ Русского государства. Остатки Большой орды доживали последние годы. Последние представители династии ордынских ханов не были способны организовать серьезное выступление против окрепшего Русского государства. После падения Золотой орды крымский хан Менгли-Гирей мог быть использован для военных действий против Литвы и Польши. Казанское ханство находилось в подчинении у правительства Ивана III. Ногайская орда также постепенно включалась в орбиту политики Русского централизованного государства. Все это создавало благоприятную обстановку для вступления Руси в борьбу с великим княжеством Литовским за русские земли, находившиеся под его властью.

В начале 80-х годов XV в. правительство Ивана III приняло военно-дипломатические меры по укреплению западной границы Русского государства. Проблема осложнялась тем, что реакционная феодальная аристократия искала поддержки у польского и литовского панства. Эти сепаратистские стремления с особенной силой проявились в начале 80-х годов XV в. Толчком для них послужили присоединение Новгорода и неудавшийся поход на Москву войск хана Ахмата. Показателем усиления внутренней реакции в середине 80-х годов XV в. являются такие факты, как выступление против московской великокняжеской власти новгородского консервативного боярства, заключение тверским князем Михаилом Борисовичем договора с великим князем литовским Казимиром IV, побег в Литву сына удельного князя верейского Василия Михайловича и т. д. Ведя решительную борьбу с силами внутренней

реакции, правительство тем самым укрепляло и внешнеполитическое положение государства.

В это время правительство Ивана III еще избегало разрыва с Казимиром IV. Страна не была готова к открытой борьбе с такими серьезными противниками, как Литва и Польша, династически объединенными под властью Казимира IV.

Более активной уже в 80-х годах была политика России в отношении Ливонского ордена. В 1480 г. войска ливонских феодалов совершили нападение на Псков и Изборск. В ответ многотысячная русская рать была в 1481 г. направлена в Ливонию. Русские войска взяли города Феллин (Вильянди) и Терветен [1]. Ливонские рыцари были вынуждены согласиться на заключение десятилетнего перемирия. Договор о нейтралитете был подкреплен строительством в 1492 г. каменной крепости Ивангорода, расположенного против Нарвы [2].

Первая половина 80-х годов XV в. была для Польши и южной территории великого княжества Литовского временем возраставшей опасности со стороны Крыма и Турции. Противником Польши была Австрия. Стремление польских Ягеллонов [3] путем брачных связей династически объединить с Польшей Чехию и Венгрию вызывало сильное сопротивление этих стран и наталкивалось на противодействие австрийских Габсбургов, рассматривавших эти земли как свои наследственные владения. Поэтому императоры Фридрих III и его сын Максимилиан искали союза с противниками Польши. Противником Ягеллонов, хотя и поддерживавшим с ними иногда мирные отношения, был господарь Молдавии Стефан IV, ведший борьбу с турецкой агрессией и в то же время вынужденный отражать натиск со стороны польских феодалов. Чехия была скоро потеряна для противников Ягеллонов. Но Венгрия, Молдавия и Австрия могли стать участниками коалиции против Ягеллонов, несмотря на серьезные политические противоречия между ними. В Москве рождался план заключения союза с каждым из противников Ягеллонов. Поэтому в 80-х годах XV в. произошло сближение Русского государства с Молдавией, закрепленное браком дочери молдавского господаря Елены с сыном Ивана III — Иваном Ивановичем Молодым; начались сношения России с венгерским королем Матвеем Корвином. Наконец, завязались дипломатические отношения русского правительства с Германией.

В 1482 г. венгерский король Матвей Корвин через своего посла предложил России совместные действия против Польши [4]. Когда после

---

[1] ПСРЛ, т. XXV, стр. 329.

[2] Там же, стр. 333.

[3] Династия польских королей, потомков Ягайла.

[4] ПСРЛ, т. XXV, стр. 329.

смерти Матвея Корвина венгерская корона перешла к Владиславу, сыну польского короля Казимира IV, сношения с Венгрией не прервались, но приняли другой характер. Венгерские послы пытались помирить Польшу и Литву с Москвой.

В 1486 г. в Москве побывал во время одного из своих путешествий рыцарь из Силезии Николай Поппель. В Германии рассказы Поппеля о сильной державе «московитов» произвели глубокое впечатление на императора и князей, собравшихся на съезд в Нюрнберге. Николай Поппель был тотчас отправлен обратно в Москву в качестве представителя императора Фридриха III с дипломатической миссией — использовать московского великого князя в интересах габсбургской имперской политики. Для этой цели от имени германского правительства Ивану III был предложен королевский титул, что формально должно было привести к установлению вассальной зависимости России от императора; предлагалось закрепить эту политическую связь браком племянника императора с одной из дочерей великого князя.

Оба предложения, переданные через Николая Поппеля, были решительно отвергнуты Иваном III. Отказываясь от королевской короны, Иван III указывал на то, что ни он, ни его предки не имели «постановления» ни от кого; московский государь, сообщал Иван III имперскому послу, есть «прирожденный» государь и имеет «постановление» только «от бога». Относительно предложения выдать дочь замуж за племянника императора Иван III ответил, что он согласится на брак своей дочери только с сыном императора.

В 1489 г. в Германию было отправлено ответное посольство во главе с греком Юрием Траханиотом. Последующие дипломатические сношения вращались вокруг вопроса о заключении общего оборонительного и наступательного союза.

Россия ставила целью объединить против Ягеллонов Крым, Молдавию, Венгрию и пр. Действиями русской дипломатии была усилена активность правительства Стефана молдавского и крымского хана Менгли-Гирея. В свою очередь у Максимилиана возник обширный план создания при помощи правительства Ивана III могущественного союза против Ягеллонов. Таким образом он думал отвоевать венгерскую корону, а также получить свободу действий во Франции. В северный блок против Казимира IV должны были, по мысли Габсбургов, войти: великий князь московский, гроссмейстер Тевтонского ордена, прусские города и магистр немецкого ордена в Ливонии. Предполагалось, что благодаря союзу Ивана III с Менгли-Гиреем и господарем Стефаном IV Ягеллоны окажутся под ударом и с южной стороны, что заставит Польшу отказаться от притязаний на Венгрию. Следовательно, давнишнее стремление Габсбургов приобрести венгерскую корону должно было

осуществиться в результате удачных дипломатических комбинаций, не требовавших от правительства Максимилиана ни материальных потерь, ни человеческих жертв. Кроме того, существовал еще проект приобрести при помощи Русского государства шведскую корону для самого Максимилиана или его сына Филиппа.

Русская дипломатия понимала хитрые расчеты правительства Габсбургов и противопоставляла им свою четкую и твердую внешнеполитическую линию, отвечавшую национальным интересам. В 1490 г. посол императора Максимилиана (преемника Фридриха III) Юрий Делатор вел в Москве переговоры о возможной отправке в Германию московских войск, которые в случае необходимости должны были действовать на стороне Максимилиана во Франции или во Фландрии. Иван III соглашался на союз с Габсбургами только против короля Казимира IV и его сыновей, причем оба союзника должны были помогать друг другу в возвращении земель, захваченных Ягеллонами. К 1494 г. внешнеполитические расхождения между Австрией и Россией обнаружились настолько ясно, что отношения между обеими странами прекратились до 1502 г.

В такой международной обстановке шла подготовка России к войне с великим княжеством Литовским. Как уже указывалось, основная задача политики Ивана III в отношении Польши и Литвы сводилась к воссоединению всех великорусских, украинских и белорусских земель. В первую очередь речь шла о русских землях, расположенных на верхней Оке, и о Смоленске. Возвращение бассейна верхней Оки, к чему московские князья упорно стремились начиная с XIV в., давало к тому же огромные преимущества в деле обороны всей южной окраины. Наступление на Смоленск выводило московские силы на линию наиболее коротких и удобных сообщений с западными государствами. Смоленск, кроме того, был естественной стратегической позицией на подступах к Москве.

Первый этап русско-литовской войны охватывает время с 1487 по 1494 г. Он характеризуется тем, что на всем протяжении московско-литовской границы происходили мелкие пограничные столкновения с большим перевесом на русской стороне. Эти действия не были проявлением лишь местной инициативы. В их основе лежало осуществление общего военного плана, разработанного московским правительством.

Нападениям русских войск подвергалась как раз та территория, на которую впоследствии законно притязало правительство Ивана III. Это — Великие Луки, ржевские и торопецкие волости, которые русское правительство в дипломатических переговорах причисляло к составу новгородских земель, территория в верховьях Оки и по Угре.

В окской «украине», охватывавшей верховья Оки с ее многочисленными мелкими притоками, целыми гнездами сидели измельчавшие потомки чернигово-северских князей.

Усиление Русского государства привело к переходу «верховских» князей под власть московского великого князя. В конце 80-х и начале 90-х годов XV в. от Литвы, вместе со своими владениями, отложились князья Воротынские, Белевские, Мезецкие, Одоевские.

Русско-литовская война привела к расстройству литовской пограничной обороны и к массовому уходу крестьян с литовской территории за московский рубеж. Потеря литовскими землевладельцами многочисленного крестьянского населения усилила среди ряда князей Литвы стремление стать под сильное покровительство Русского государства.

После смерти Казимира IV (1492) военные действия России стали более решительными. Стремясь ослабить обостренность отношений, литовское правительство предложило заключить брак между великим литовским князем Александром Казимировичем и дочерью Ивана III — Еленой. Русско-литовские переговоры завершились заключением договора 1494 г., по которому к Русскому государству отходило Вяземское княжество и территория в бассейне верхнего течения Оки.

Брак Елены Ивановны и Александра Казимировича был использован правительством Ивана III в политических интересах Руси. Этот брак совпал по времени с обострением церковно-политической и национальной борьбы в великом княжестве Литовском. Ведя борьбу за укрепление «греческого закона» в великом княжестве Литовском, правительство Ивана III по существу стремилось использовать движение против католицизма как опору внешнеполитических стремлений Русского централизованного государства.

Борясь с агрессией со стороны крымского хана, за спиной которого стояла Турция, Россия стремилась к установлению непосредственных сношений с Константинополем. Начало русско-турецким сношениям было положено еще переговорами в 1445 г. в Ак-Кермени (Аккермане или Белграде), где турками был задержан московский дьяк Федор Курицын, возвращавшийся из Молдавии и Венгрии. Через сорок лет, в 1488 г., Иван III в грамоте к крымскому хану Менгли-Гирею просил сообщить о том, какого рода «дружбу» хочет установить с ним турецкий султан. В 1492 г. московское правительство поставило перед Турцией вопрос о регулярных торговых и дипломатических отношениях[1].

В 1497 г. в Турцию был отправлен посол Михаил Плещеев, который получил предписание, поддерживая достоинство русского правительства, говорить только с султаном, а не с пашами, притом стоя, а не на коленях. Это поразило султана Баязида, привыкшего к рабской

[1] *Н. А. Смирнов.* Указ. соч., стр. 68—70.

Государственная печать времен Ивана III.

покорности, однако он был вынужден считаться с Русью. Турецкое правительство нуждалось в экономических связях с Россией. Плещеев возвратился с грамотой от султана, с соглашением о торговле между обеими странами.

Установление непосредственных отношений России с Турцией преследовало не только экономические интересы (торговля на Черном море), но и политические задачи. Мирные отношения с султаном были необходимы для того, чтобы парализовать враждебные действия Менгли-Гирея в отношении России и использовать его против Польши. В Москве понимали всю непрочность союза с Крымом. Чем больше слабела Золотая орда, быстро приближавшаяся к распаду, тем больше ослабевали временные договорные отношения между московским правительством и феодальной знатью Крыма.

На усиление влияния России в странах Переднего Востока на основе восстановления древних экономических и культурных связей указывают посольства в Москву из Средней Азии, от владетеля Герата— Гуссейна (1490), и из Грузии, от царя Александра I (1491—1492). Значительно раньше, еще в 1475 г., венецианец Амвросий Контарини встретил в Персии при дворе царя Узун-Гасана московского посла, которого он называет Марком Росси (возможно Марк Рыжов).

Таким образом, внешняя политика Русского государства в конце XV в. охватывала обширную область. В сферу влияния русской дипломатии входили и страны Закавказья, и Средней Азии, историческое развитие которых протекало в тесной связи с историей Руси, и страны Западной и Юго-восточной Европы (Северная Германия, Италия, Турция

и т. д.). В международной жизни Европы и Востока России принадлежала исключительная роль в качестве могущественной политической силы.

Новое положение, занятое московской великокняжеской властью во главе единого Русского централизованного государства, отразилось на внешнем выражении этой власти. До Ивана III московские князья называли себя просто великими князьями. В XV в. этот титул казался уже недостаточным. Поэтому серб Пахомий Логофет, рассказывая о прибытии послов московского князя на Флорентийский собор, считал нужным добавить, что Василий Темный только «смирения ради благочестия и величеством разума не зовется царем, но князем великим русским своих земель православия». При Иване III к титулу «великий князь» стали добавлять «всеа (или всея) Руси» с перечислением земель, государем которых он являлся. В сношениях же с мелкими государями Иван III именовал себя великим государем, царем «всея Руси». Литературные памятники второй половины XV в. уже нередко титулуют московских государей царями и самодержцами.

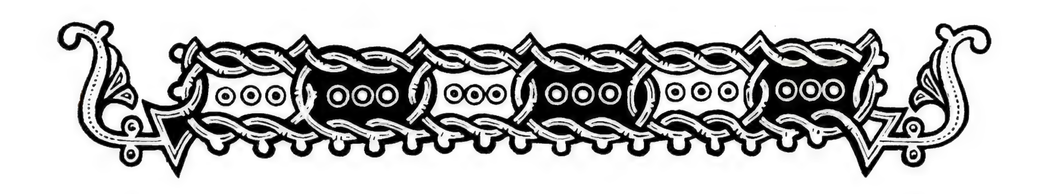
Вопрос о титуле как о признаке «государевой чести» постоянно всплывал при сношениях с иностранными государствами и вызывал множество конфликтов, в особенности с Польшей и Литвой. Изменение этого титула отражало борьбу Русского централизованного государства за исконные земли. Включение в состав Русского государства новых территорий сопровождалось соответствующими изменениями в титуле.

Государственными регалиями при венчании на великое княжение были бармы [1] и шапка Мономаха. Некоторые исследователи считали Мономахову шапку византийской работой XII в., но в настоящее время доказано ее русское происхождение.

Со времени Ивана III устанавливается форма государственной печати. На ней с одной стороны изображался всадник, поражающий змея (эмблема борьбы с внешними врагами), с другой — двуглавый орел. По краям печати помещался титул с перечислением земель, вошедших в состав Русского централизованного государства, этот титул вырезывался на печатях и позже. Так укреплялось самодержавие и усиливалось влияние России на международной арене.

[1] Бармами называлось широкое оплечье из материи, украшенное жемчугом, драгоценными каменьями и небольшими иконами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА И БЫТ XIV—XV ВВ.

В XIV—XV вв. складывается русская (великорусская) народность. Одним из ее характерных признаков является известная общность культуры, которая развивается на основе культурных ценностей, созданных русским народом до татарского нашествия.

В период феодальной раздробленности самостоятельные княжества проводили сепаратистскую политику и не заботились о единстве Русской земли. Но сознание общерусского единства крепко держалось в народе. Крестьяне и городские ремесленники своим творческим трудом восстанавливали материальные и культурные ценности Руси, варварски разрушенные в начале XIII в. татаро-монголами. Русский народ, проливший кровь в многочисленных сражениях с татаро-монгольскими полчищами, спас цивилизацию Западной Европы. В то время как Западная Европа, защищенная русским народом от разорения, получила возможность спокойно двигаться по пути культурного развития, Русская земля страдала под гнетом золотоордынского ига. Однако русский народ оказался упорным и мужественным не только в борьбе, но и в труде, и в тяжелых условиях сумел обеспечить подъем своей страны.

Власть Золотой орды не могла убить творческие силы русского народа. Он вел за независимость непрерывную борьбу, проявлявшуюся в различных формах, от разрозненных восстаний в городах и селах до организованного выступления против войск Мамая на Куликовом поле (1380), от стихийного сопротивления откупщикам и баскакам до мощного взрыва народной борьбы против вторжений Тохтамыша (1382), Едигея (1408), Улу-Мухаммеда (1445). Упорная борьба рус-

ского народа с татаро-монгольскими захватчиками привела к свержению золотоордынского ига в конце XV в.

Различные по средствам выражения области передового русского искусства, выражавшего лучшие помыслы русского народа, едины по идейному содержанию, живут по существу одной мыслью, охвачены единым стремлением.

Гениальные работы Андрея Рублева, первый общерусский летописный свод, высокохудожественная воинская повесть «Задонщина» и русский героический эпос, несмотря на различные классовые тенденции, проникнуты патриотическим пафосом.

Безграничные творческие силы русского народа проявлялись не только в героической борьбе за Родину, за Русскую землю с татаро-монголами, а также немецкими, шведскими, датскими, литовскими, польскими феодалами, но и в созидательном труде.

В условиях бесконечных внутренних войн, которые вели между собой феодалы отдельных русских княжеств, в необычайно тяжелой внешнеполитической обстановке русский народ создавал материальные и культурные ценности.

«Никто в Европе не создавал столь крупных, всем миром признанных книг, никто не творил столь дивных красот, при таких неописуемо тяжких условиях»,— писал о русском народе А. М. Горький[1]. И действительно, русский народ обогатил мировую культуру рядом величайших достижений в области литературы, живописи, зодчества.

1

ФОЛЬКЛОР

Характерные особенности высокой и многообразной культуры Руси определяются борьбой за независимость, которую вел русский народ в эту пору и которая вдохновляла его мастеров зодчества, живописи, литературы и в первую очередь творцов народной устной поэзии.

Фольклор был широко распространен во всех слоях населения, будучи представлен самыми разнообразными видами устной поэзии: пословицами, песнями, сказками, заговорами, обрядовой поэзией. Памятники письменности, широко использующие устную поэзию, так же как устно-поэтические произведения поздней записи, дают возможность отчасти восстановить черты фольклора XIV—XV вв.

---

[1] *М. Горький.* Собр. соч., т. 24, М., 1953, стр. 64.

Очевидно, в XIV в. сложились в своих основных чертах такие былины, как былины о Василии Буслаеве, о Садко, отразившие пору самостоятельности Новгорода, его богатство, пышность и величие, его широкие международные связи. Это особенно ярко сказывается в эпизоде соревнования Садко с Новгородом. «Не я видно купец богат новгородский, побогаче меня славный Новгород» — вывод, к которому приходит Садко после неудачной попытки скупить все товары новгородские. «Никакие летописи, никакие исторические изыскания,— писал В. Г. Белинский о новгородских былинах, — не могут так верно выразить смутнаго его (Новгорода.— *Ред.*) существования, как его поэзия»[1]. Белинский, считавший былину о Садко одним «из перлов русской народной поэзии», указывал на то, что былина эта «есть поэтическая апофеоза Новгорода...»[2]

В сказочном фольклоре звучат и другие политические мотивы. Пронизанная сказочными мотивами полуисторическая повесть о Петре и Февронии, рассказывающая о любви муромского князя к простой крестьянской девушке, отражает антибоярские прогрессивные настроения.

Тематика русского фольклора проникнута героическими мотивами, мотивами борьбы русских народных богатырей, «резвецов и удальцов», против монгольских захватчиков. Фольклорное происхождение носит сказание о битве на Калке, в которой участвовали богатыри Александр Попович, его слуга Тороп, Добрыня Рязанич Златой пояс, всего «семьдесят великих и храбрых богатырей»[3]. Народные песни лежат в основе героического сказания о разорении Рязанской земли Батыем и народном рязанском богатыре Евпатии Коловрате, повести о героическом защитнике Смоленска Меркурии и т. п.

Особенно интересно сказание о Евпатии Коловрате, послужившее основой воинской повести о нашествии в 1237 г. татар на Рязанскую землю. В повести рассказывается, как татары взяли Рязань и перебили ее защитников. В это время Евпатий Коловрат был со своим князем в Чернигове. Вернувшись в Рязанскую землю и увидев всеобщее разорение, Евпатий погнался за Батыем в Суздальскую землю, «хотяще пить смертную чашу с своими государьми», внезапно напал на татарские полки, перебил множество татар, и сам был убит. Повесть о Евпатии Коловрате, несомненно, восходит к источнику XIII в., проникнутому глубокой любовью к Русской земле и ее рязанским богатырям — «уворочью рязанскому».

---

[1] *В. Г. Белинский*. Полное собр. соч., под ред. Венгерова, т. VI, СПб., 1903, стр. 446.

[2] Там же, стр. 454, 455.

[2] ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 92.

Стихийные народные восстания против монгольского гнета начала XIV в. также нашли отражение в народном творчестве. Такова историческая песня о восстании в 1327 г. в Твери против насилий татарского баскака Щелкана Дудентьевича, давшая материал для соответствующей повести. В основе песни лежит определенное историческое событие, тверское восстание 1327 г. В тверской летописи сохранился рассказ о Щелкане, сыне Дюденя, который, явившись по приказанию хана Узбека в Тверь, «воздвиже гонение велико на христианы насильством, и граблением, и биением, и поруганием». Но тверичане восстали против угнетателей: «И бысть между ими бой, татарове же, надеющися на самовластие, начаша сечи и абие стекошася человеци и смятошася людие, и udариша в колоколы и сташа вечием, и поворотися весь град, и весь народ том часе собрашася, и бысть в них замятня, и кликнуша тверичи, и начаша избивати татар, где кого застронив», и самого Шевкала «убиша и всех поряду». Этому событию, взволновавшему русских людей далеко за пределами Тверского княжества, и посвящена песня о Щелкане Дудентьевиче, представляющая «запись народного живого рассказа, сохранившего непосредственную свежесть пережитых событий»[1].

Песня о Щелкане полна живых воспоминаний о татарском насилии, которые не потускнели ко времени записи ее в XVIII в.; таково, например, описание сбора дани иноземными захватчиками:

У которого денег нет,
У того дитя возмет;
У которого дитя нет,
У того жену возмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возмет[2].

Отношение народа к тверским событиям, к восстанию тверичан против произвола и насилия татар особенно ярко сказалось в заключительных словах песни: «Ни на ком не сыскалося». Слова эти противоречат конкретной действительности (татары отомстили восставшим), однако они характеризуют отношение народа к восстанию как правому делу, показывают веру народа в торжество справедливости. Народ стремился широко понять историческую действительность, за отдельным историческим фактом увидеть общую закономерность. Вот почему тот или иной частный факт в народном творчестве мог подвергнуться изменению, вступить в соединение с художественным вымыслом. Сходные

[1] *Н. Н. Воронин.* «Песня о Щелкане» и тверское восстание 1327. «Исторический журнал», 1944, № 9, стр. 78.

[2] «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», М., 1938, стр. 22.

факты наблюдаются в песнях о Пугачеве и Панине, в которых говорится, как граф Панин «испужался» пленного Пугачева, которого «все московски сенаторы не могут судити»[1],—песнях, в которых со всей силой сказалось сочувствие народа вождю крестьянского восстания.

Песни о Щелкане Дудентьевиче очень убедительно сопоставляются не только с летописным рассказом о Шевкале, но и с повестью о баскаке Ахмате, показывая, как глубок и органичен был протест против монгольского ига и рост стремлений к борьбе за национальную независимость[2].

Для политических и литературных тенденций XIV в. характерно, что эта тверская по происхождению историческая песня имеет, безусловно, общерусское национальное значение, благодаря чему она и сохранилась в последующие века в народной памяти далеко за пределами Тверского княжества и была записана в XVIII и XIX вв. у северных сказителей.

Песня о Щелкане имела общие мотивы с былинным эпосом, воспевающим подвиги Ильи Муромца и других богатырей в борьбе с татарами, а также с письменными героическими сказаниями о разорении Рязани Батыем, о легендарном Евпатии Коловрате и Меркурии Смоленском. Эти произведения говорят о стремлении русского народа к защите Руси, утверждают ее право на независимость от иноземных насильников.

Все это свидетельствует о существовании богатого устно-поэтического творчества, посвященного теме борьбы с монгольским игом.

Причины популярности старых былин древней Руси именно в века монгольского ига и борьбы с ним вскрыл Н. А. Добролюбов: «Песня эта была сначала горьким упреком настоящему, а потом, доставляя народу забвение и даже утешение, стала увлекать его и заставляла применять прежние события к современному течению дел»[3].

Для русской культуры этого времени характерен интерес к героическому прошлому русского народа, к истории земли Русской. «Вся русская культура конца XIV— начала XV в. пронизана духом историзма, духом любви к славному прошлому своей родины»[4]. Вместе с тем Русь устремлена вперед, с громадным напряжением утверждает свое право на жизнь, осуществляет свое возрождение, свой путь к Русскому национальному государству. Куликовская битва является как

---

[1] «Песни и сказания о Разине и Пугачеве», под ред. А. Н. Лозановой, М.— Л., 1935, стр. 186

[2] *Н. Н. Воронин.* Указ. соч., стр. 82.

[3] *Н. А. Добролюбов.* Полное собр. соч., т. I, 1934, стр. 216.

[4] *Д. С. Лихачев.* Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 70.

бы началом этого движения вперед, этой уверенной устремленности к будущему. Именно теперь московская летопись преодолевает узко местные областные интересы и становится общерусским сводом. Стремясь придать летописанию общерусский характер, составители свода широко используют народные эпические предания и неоднократно упоминают о былинных богатырях. Летопись повествует о подвигах Демиана Куденивича и Рагдая Удалого, упоминает о Добрыне Рязаниче и Александре Поповиче, рассказывает о гибели богатырей на Калке.

К этому времени завершается создание цикла русского былевого эпоса, действие которого развертывается вокруг Киева времени князя Владимира. Самостоятельное значение имел новогородский цикл былин. Зодчие восстанавливали памятники времени до нашествия татаромонголов, писатели (автор «Задонщины») обращались к «Слову о полку Игореве», а слагатели былин использовали образы киевских богатырей, защитников родины, группирующихся вокруг старого князя Владимира стольно-киевского.

Куликовская битва как бы возвращает русскому народу его прошлое и вместе с тем его право на будущее, дает ему сознание его исторической значимости и этим толкает на воспоминания о его героическом прошлом. «...Идея обращения ко временам независимости Руси, сказавшаяся и в письменности, и в архитектуре, и в живописи, и в политике, имела глубоко народный характер. В этом убеждает русский былевой эпос, русские былины, где эти же идеи сказались в полной мере»[1]. О борьбе с татарами говорят народные былины, отразившиеся в более поздних летописных преданиях. Очень показательна история былин об Александре Поповиче[2]. Именно в это время «с ростом сознания общерусского единства Александр Попович теряет черты местного ростовского героя и становится героем общерусским»[3].

Исторические предания о ростовском храбреце Алеше Поповиче развивались от узко местного эпоса к общерусскому, поэтому в былинах Александр Попович служит князю Владимиру в стольном Киеве. Он — защитник чести князя, освободитель Киева от наглого насильника. Он осуждает поведение княгини Апраксии и выступает против Тугарина на княжеском пиру. Победив Тугарина, Алеша остается в Киеве, чтобы служить верой-правдой князю Владимиру. Противопоставляя

---

[1] *Д. С. Лихачев.* Национальное самосознание древней Руси стр. 78.

[2] *Д. С. Лихачев.* Летописные известия об Александре Поповиче. «Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР».М.— Л., 1949, т. VII, стр. 17—51.

[3] *Д. С. Лихачев.* Национальное самосознание древней Руси, стр. 79.

темному, «как осенняя ночь», Тугарину ясного, «как светел месяц», Алешу, былина рисует полную, окончательную победу русского богатыря.

В былине об Алеше Поповиче сохранились отзвуки и более ранних веков, возможно, воспоминания о борьбе с половецким ханом Тугорканом, о битве при Калке, с которой летописное предание связывает гибель ростовского «храбра» Александра Поповича, стать же апофеозом победы над уничтоженным насильником, попиравшим честь русского князя, былина могла только после Куликовской битвы. То же можно с уверенностью сказать о былине «Илья и Калин-царь». В ней мы также находим отголоски битвы при Калке. Возможно, что этот период аллегорически изображался народными поэтами в эпизоде заточения Ильи в «погребах глубоких». Однако основной пафос этой былины — победа, победа окончательная и полная, одержанная ради высоких общерусских целей, не «для собаки-князя Владимира», а ради родины:

Я иду служить за веру христианскую,
И за землю российскую,
Да и за стольние Киев-град,
За вдов, за сирот, за бедных людей[1].

Мечта о возмездии, сознание его справедливости звучит в словах былины: «Да тем решилосе царство татарскоё» и «Да стали татаровя с той поры дань платить»[2].

В былине о Сухмане, богатырь, истекающий кровью в чистом поле, побивает силу татарскую на берегах Непры-реки (Непрядвы)[3]. Другой былинный герой Василий так жестоко расправляется с Бытыгой, что тот заклинается:

Не дай боже, не дай бог, да не дай дитям моим,
Не дай дитям моим да моим внучатам
А во Киеви бывать, да ведь Киева видать![4].

Целый цикл эпических песен сложился как отражение освобождения Руси от монгольского ига. Очевидно, в такой форме этот былинный цикл, использующий в качестве эпического общего места имя князя Владимира и название стольного Киева, мог окончательно оформиться только после Куликовской битвы. Если в предыдущие десятилетия тема победы звучала как мечта, как чаяние, поднимая дух народа в

---

[1] «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом», т. III, М.—Л., 1951, № 257, стр. 357.

[2] Там же, стр. 158.

[3] См. *С. К. Шамбинаго*. Исторические переживания в старинах о Сухане. «Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому», М., 1909, стр. 503—515.

[4] «Онежские былины...», т. I, № 60, М.—Л., 1949, стр. 554.

годину бедствия, то теперь она смогла вылиться в апофеоз торжествующей победы. Эпические произведения, посвященные Куликовской битве, несомненно, существовали; это явствует из фольклорного стиля «Сказания о Мамаевом побоище».

Идея независимости Русской земли, сознание героического прошлого, готовность к самоотверженной борьбе за родину — таков основной пафос эпических песен и литературных произведений XIV—XV вв. О народной поэзии этого времени можно сказать, так же как о передовой литературе, что это была «литература одной темы — темы русской земли»[1].

2

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

В истории русской литературы и искусства XIV—XV вв. можно наметить несколько этапов, тесно связанных с общим процессом социально-экономического и политического развития русского народа. История русской культуры неотделима от истории складывания русской (великорусской) народности и образования единого Русского централизованного государства. Каждый этап в истории Русского государства характеризуется определенными особенностями развития двух культур: культуры широких народных масс и господствующих классов, феодальных верхов.

На первом этапе (до середины XIV в.) русский народ восстанавливал разрушенные монголами материальные и культурные ценности. Результаты этого восстановительного труда были уже весьма значительны к началу XIV в.

В отдельных феодальных центрах продолжала развиваться культура с ее местными особенностями, определившимися еще во второй половине XI—начале XIII в., в процессе феодального раздробления древнерусского государства. В то же время в народном устном творчестве, в былинах и песнях, проявлялось сознание единства русского народа.

Литература феодальной среды использовала героику народного творчества для идеологического укрепления позиций правящих верхов отдельных княжеств северо-восточной Руси. Наряду с «житиями» основателей монастырей, вырабатывается особый стиль «житий», или повестей, посвященных прославлению князей, погибших в Орде. Таковы повесть об убийстве татарами ростовского князя Василька Констан-

[1] *Д. С. Лихачев.* Культура Руси эпохи образования русского национального государства. Л., 1946, стр. 102.

тиновича (1238), «житие» князя Михаила Всеволодовича черниговского (60—70-е годы XIII в.), повести «об убиении» татарами тверских князей Михаила Ярославича (1318) и Александра Михайловича (1339) и т. д. В повестях можно проследить реальные биографические черты, однако они носят следы сильной литературной стилизации. Их политическая тенденция заключалась в возвеличении князей в качестве защитников родины и народа («христиан»).

В феодальной литературе отразилась борьба различных политических настроений и тенденций, носителями которых являлись представители отдельных групп класса феодалов. В противоположность местному сепаратизму, проявившемуся, например, в повести об убийстве в Орде тверского князя Александра Михайловича, в рязанском летописном своде середины XIII в. звучит патриотический призыв о единении к «возлюбленным князьям рустиим»[1]. Этот призыв, восходящий еще к замечательному произведению конца XII в.— «Слову о полку Игореве», свидетельствует об идейной близости между автором «Слова» и рязанским летописцем — представителем прогрессивной части княжеского «двора».

Если в некоторых произведениях церковной феодальной публицистики, например в «словах» епископа владимирского Серапиона (конец XIII в.)[2], рисуется трагизм положения Русской земли, подвергшейся татарскому нашествию, то в цикле воинских повестей звучат бодрые мотивы о неиссякаемой воле к сопротивлению: «лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти»[3].

Тематика воинских повестей не ограничивалась борьбой с татаро-монголами. Героический отпор, данный русским народом агрессии шведских феодалов и ливонских рыцарей, нашел яркие отклики в памятниках этого времени. Дружинная повесть об Александре Невском, написанная одним из сподвижников «многомысленного» князя, посвящена его «мужеству и житью». Повесть «о велицем князе нашем, и умнем, и о кротком и о смысленом, о храбром...», «непобедимом николи же» начиналась со вступления, известного под именем «Слова о погибели Русскыя земли» и представлявшего собой лирическую песнь в честь «светло светлой и украсно украшеной земле Русьской». В замечательных художественных образах предстают перед читателем природные богатства Руси (озера многие, реки, кладези, горы крутые, холмы высокие, необъятные границы, просторы и богатства). А затем в стиле воинской повести следует описание Невского сражения, битвы на Чудском озере, отношений Александра Невского с Золотой ордой, смерти князя.

[1] ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, Пг., 1915, стр. 220.

[2] *Е. Петухов*. Серапион Владимирский. СПб., 1888.

[3] «Воинские повести древней Руси». М.—Л., 1949, стр. 11.

В самом начале XIV в. какой-то церковник переделал светскую биографическую повесть об Александре, возникшую, повидимому, вскоре после смерти князя (1263), в «житие»[1]. Автор «жития», связанный своим источником, лишь в небольшой степени придал ему черты агиографического стиля. В центре «жития» Александра Невского стоит описание двух победоносных сражений Александра — со шведами на Неве и с немецкими рыцарями на Чудском озере. «Житие» рассказывает о победе Александра над литовцами, которые стали бояться одного его имени. Слух о князе доходит до Батыя, и тот выражает желание видеть его. После свидания Батый убеждается, что Александр превосходит всех князей, и с честью отпускает его домой. Автор приписывает Александру восстановление Суздальской земли, опустошенной воеводой Батыя Неврюем. Римский папа посылает к Александру кардиналов с предложением принять католическую веру, но он отклоняет это предложение.

Александр Невский изображен как идеальный князь и воин, наделенный всеми положительными духовными и физическими качествами. Он не раз уподобляется самым выдающимся библейским персонажам. Ростом он был выше других людей, голос его был как труба, лицо его походило на лицо библейского Иосифа, сила его уподобляется силе Самсона, премудростью он равен был Соломону, храбростью — римскому императору Веспасиану.

Интересным памятником письменности феодального Пскова является «житие» князя XIII в. Довмонта, посвященное его победам над ливонскими рыцарями и литовскими феодалами и так же, как и «житие» Александра Невского, представляющее собой образец дружинной воинской повести. Первоначально краткая биография Довмонта была затем расширена на основании письменных источников и устных рассказов под сильным влиянием «жития» Александра Невского. Автор «жития» написал биографию Довмонта. В отличие от сухой краткой редакции пространное «житие» в возвышенном стиле описывает подвиги князя, перед которым бежали враги («от страха, и грозы, и храбрства Домантова»).

Одним из наиболее распространенных памятников феодальной средневековой историографии и литературы являлись летописи. Они велись в отдельных феодальных центрах, при княжеских дворах и епископских и митрополичьих кафедрах, отражая идеологию господствующего класса (светских и церковных феодалов). Во Владимире летописание, прерванное татарским нашествием, возобновилось при митрополичьей кафедре в 1250 г. Великокняжеское летописание было перенесено из Владимира

[1] «Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР», т. V, М.—Л., 1947, стр. 188—193. На стр. 337—338 использован материал Н. К. Гудзия. (См. *Н. К. Гудзий.* История древней русской литературы. М., 1950, стр. 185—191).

сначала в Ростов, где велось на протяжении 1239—1263 гг. при пископской кафедре, а затем в Переяславль-Северный. В 30—40-хе годах возник княжеский свод в Рязани. С конца XIII в. велись летописные записи при княжеском дворе в Твери, на основе которых около 1305 г., при князе Михаиле Ярославиче, был создан тверской великокняжеский свод, использовавший переяславскую летопись.

Основным центром летописания в Новгородской феодальной республике был Софийский дом, а также некоторые монастыри и церкви. Но новгородские летописи не замыкались в узком кругу чисто церковных интересов. В них записывались все важнейшие события политической жизни Великого Новгорода: выбор и смена посадников и тысяцких, приглашение и изгнание князей, рассказы о войнах и переговорах со шведами и немцами и т. д. При всем многообразии освещаемых вопросов новгородские летописи всегда сохраняли особый интерес к явлениям местной жизни. Общерусские события освещались в новгородских летописях главным образом с точки зрения боярства. Однако иногда в летописи слышен голос демократической части населения Новгорода. Так, рассказывая о классовой борьбе в Новгороде в половине XIII в., летописец восклицает: «И рекоша меншии у святаго Николы на вечи: „братье! ци како речеть князь: выдайте мои ворогы“; и целоваша святую богородицю меншии, како стати всем, любо живот, любо смерть за правду новгородьскую, за свою отчину. И бысть в вятших съвет (совет. — *Ред.*) зол, како победити меншии, а князя ввести на своей воли»[1].

На основе летописей, ведшихся в XIII в. при дворе новгородского архиепископа и при церкви Якова в Неревском конце, возник один из древнейших сохранившихся до нас памятников русского летописания — так называемый Синодальный список Новгородской первой летописи. Особым характером отличалось летописание Пскова, которое можно назвать боярско-вечевым. Летописные псковские своды возникли на основе записей, веденных при Троицком соборе, и особых донесений или отчетов, представлявшихся на вече, и, как все древнейшие документы Пскова, хранившихся в государственном архиве («ларе») при Троицком соборе.

Псковские летописи еще в большей степени, чем новгородские, отличаются местным характером. Летописец интересуется преимущественно событиями, относящимися к Пскову, в особенности военными делами, сменой князей и посадников, постройкой укреплений и церквей. В ряде известий чувствуется особая близость летописцев к псковской «госпóде», посадникам и боярству. Особенный интерес имеют псковские

[1] НПЛ, стр. 80—81.

летописи для истории борьбы русского народа с немецким Орденом. В летописных сводах отдельных феодальных центров находит отражение и политическая борьба за первенство в феодальном союзе. Уже в это время видна тенденция к политическому объединению феодальных княжеств. Проявляется интерес к памятникам русской культуры времени древнерусского государства, стремление возродить исторические традиции политического единства Русской земли. Так, в Пскове на «Апостоле» 1307 г. была сделана запись, представляющая собой переделку отрывка из «Слова о полку Игореве», а на «Псалтыри» середины XIV в. процитировано «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. Автор одного из тверских летописных памятников «Летописца княжения тферскаго благоверных великых князей тферьскых» ведет тверских князей из Киева: «от Киева же бо начну даже и до сего богохранимого тферского града...»[1]

Подлинным носителем единства Русской земли являлся русский народ, в сознании которого понятия «Русская земля» и «родина» были неотделимы.

С XIV в. среди феодальных центров северо-восточной Руси на первое место по развитию просвещения, искусства, литературы выдвигается Москва. Она становится не только экономическим и политическим, но и культурным центром формирующегося Русского централизованного государства.

Летописец рассказывает, что во время сожжения Москвы Тохтамышем в 1382 г. погибло множество книг, которые были снесены «с всего града и з сел, в соборных церквах многое множество наметано, сохранениа ради спроваждено»[2]. По другим известиям, книги были сложены в церквах до самых сводов. Гибель книг во время пожара 1382 г. объясняет, почему так мало сохранилось московских рукописей. Одной из наиболее ранних дошедших до нас московских рукописей является «Сийское евангелие», написанное в 1339 г., «в граде Москове». Писец, работавший по заказу великого князя, кончает запись похвалой Ивану Калите[3]. К 50-м годам XIV в. относятся два других евангелия, переписанные писцами Иоанном Тетешей и Лукьяном. В этих трех памятниках (из которых выдающееся место по роскошному оформлению принадлежит первому) уже проявляются особенности великорусского народного языка.

Сделавшись политическим и культурным центром складывавшегося централизованного государства, Москва сосредоточила много обра-

[1] ПСРЛ, т. XV, СПб., 1851, стб. 463—464.

[2] Там же, т. VIII, СПб., 1859, стр. 46.

[3] *И. И. Срезневский.* Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1882, стб. 188.

зованных писцов, о чем свидетельствует обилие московских грамот, относящихся к XIV—XV вв. При дворе московских великих князей и митрополитов существовали особые архивы, остатки которых сохранились до нашего времени. Там хранились духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, дипломатические материалы и другие документы, а также летописные своды и памятники публицистики.

Перепиской книг занимались и в больших московских монастырях: Симонове, Андроникове и др. Громадная библиотека образовалась в Троице-Сергиевом монастыре, ставшем в XV в. крупным центром книжного просвещения [1].

К княжению Ивана Калиты восходит начало московского летописания, послужившего основой позднейших летописных сводов.

* * *

Быстро развивалось искусство (зодчество, живопись и др.) в Московском княжестве. В конце XIII и в XIV вв. были построены белокаменная церковь на Городище под Коломной в архитектурном стиле, типичном для построек Владимира, четыре белокаменных храма (Успенский и Архангельский соборы, церкви Ивана Лествичника и Спаса на бору), много деревянных церквей и возведены деревянные городские укрепления. В конце XIV в. дома в Москве исчислялись тысячами. Белокаменная кладка этих зданий указывает, что источником архитектуры Москвы явилось владимиро-суздальское искусство. Это подтверждается сохранившимися постройками начала XV в. Строители соборов Звенигорода и Троице-Сергиевой лавры использовали традиции древнерусского искусства, воспроизведя стиль памятников XII в. (схема плана, членение фасадов пилястрами и орнаментальным поясом, перспективные порталы и пр.). В то же время в них отражены и существенные новые явления: внутри исчезают хоры — необходимая принадлежность храмов XII—XIII вв., пространство храма теряет резкую расчлененность, ступенчатые своды придают ему движение кверху, соответственно этому глава храма выносится вверх на рядах ступенчатых кокошников.

Летописи сохранили имена русских мастеров, расписывавших московские соборы. Над росписью Архангельского собора в 1344 г. работали «русскыя писцы,... в них же бе старейшины и начальници иконописцем, Захарья, Иосиф, Николае и прочая дружина их» [2]. Церковь Спаса в 1345—1346 гг. расписывала артель иконописцев, в которой «мастеры старей-

[1] ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 94.

[2] См. *М. Н. Тихомиров*. Древняя Москва. М., 1947, стр. 185—190.

Троицкий собор в Троице-Сергиевом монастыре, начало XV в.

Церковь Николы на Липне в Новгороде, 1292—1294 гг.

шины и начялницы быша русстии родом, а гречестии ученицы: Гойтан, и Семен, и Иван, и прочии их ученицы и дружина»[1].

Архитектура Твери XIII — начала XIV в. была, повидимому, близка к московской и также преемственно связана с владимиро-суздальским зодчеством. В 1285—1290 гг. в Твери был построен белокаменный собор Спаса, украшенный стенной росписью. В 50-х годах XIV в. в Спасском соборе были сделаны цветные майоликовые полы («дно мраморяно»), «двери медяные», поставлены золоченые кресты из прорезной меди. В Твери работали искусные «каменосечцы» и живописцы. Один

[1] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 94—95.

из них, Прокопий, по заказу князя Михаила Ярославича иллюстрировал миниатюрами рукопись Георгия Амартола.

Большим разнообразием отличалось искусство Великого Новгорода. Княжеское строительство, столь богатое в более ранний период, в последующее время замирает.

Церкви в XIV в. строятся по заказу бояр, купцов, а нередко и корпораций уличан; это небольшие церкви с красивой наружной отделкой и фресками на внутренних стенах. Такие же церкви создаются в новгородских монастырях, нередко принадлежавших крупным боярским фамилиям.

В конце XIII в. была построена церковь Николы на Липне в окрестностях Новгорода (1292—1294). Ее фасады украшены декоративными элементами. Лучшими образцами новгородской архитектуры XIV в. являются церкви Благовещения на Городище (1342—1343), Спаса в Ковалеве (1345), Успения в Волотове (1352)[1], Федора Стратилата на Ручье (1360) и Спаса на Ильине улице (1374). Для некоторых из этих построек характерны резко выраженные черты новой строительной техники и стиля. Вместо старого посводного покрытия («по закомарам») они имеют кровлю на восемь скатов в виде двух перпендикулярно одна к другой поставленных двускатных кровель. Характерны «стрельчатые» окна и порталы, полукоробовые своды и разнообразные декоративные детали. Особенно ярко эти черты выступают в наружных украшениях алтарной апсиды. Число апсид уменьшается с трех до одной. В новгородском строительстве утверждается традиция устраивать в северо-западном и юго-западном углах здания маленькие замкнутые приделы. Между этими приделами находятся небольшие деревянные хоры, весьма далекие от пышных «полатей» в более ранних храмах.

Фасады храмов декоративно украшались, иногда даже несколько нарушая стиль конструкции здания. Эта черта заметна уже на украшениях стен церкви Федора Стратилата. Фасады церкви Спаса на Ильине улице украшены декоративными нишами, треугольными впадинами, скульптурными вкладными крестами и пр. Многие ниши фасадов были заполнены фресковыми росписями.

Новый архитектурный стиль почти не изменялся в течение XIV и XV вв. Только незначительная разница в пропорциях и в распределении тех или иных декоративных мотивов отличает один памятник от другого. Иногда (очевидно, по инициативе заказчиков) строители возвращались к старым формам, которые, однако, выдерживались далеко не полностью.

[1] Церкви Николы на Липне, Благовещения на Городище, Спаса в Ковалеве и Успения в Волотове были разрушены фашистскими захватчиками.

Церковь Успения в селе Волотове близ Новгорода 1352 г. (разрушена фашистскими захватчиками)

Крепость в Старой Ладоге, XII в., с пристройками XV в.

Гражданское строительство в Новгороде этого времени было также разнообразно, хотя от него и сохранились лишь немногие памятники. Потребности обороны вызвали создание каменных крепостей на северо-западных границах Новгородской земли. Уже в начале XII в. была построена каменная крепость в Ладоге. В XIII—XV вв. каменные замки были созданы в Орешке, Яме, Копорье и Порхове.

Большие изменения произошли в новгородской живописи. Продолжало преобладать монументальное искусство. Дошедшая до нас иконопись также носит черты монументальности, свойственной фресковым росписям. Помимо местных художников, в Новгороде работают и греки, среди которых наиболее известен Феофан Гречин (Грек), автор новгородских стенописей (церквей Спаса на Ильине, Федора Стратилата и, возможно, Успения на Волотове). Наряду с этими росписями в стенописи церкви Спаса на Ковалеве сохранилось произведение мастера, вышедшего из Сербии.

В новгородском искусстве выступают черты динамики, появляются бытовые мотивы, в частности темы, идеализирующие семейные отношения. Монументальная станковая живопись приобретает яркую полнозвучную красочность. Искусство оставалось, конечно, глубоко идеалистическим, условным, переводившим реальную действительность на

Троицкий собор в Пскове, 1193 г. (реконструкция).

язык абстрактных символов. Но оно ближе подходило к отображению действительности по сравнению с искусством XII в.

К числу сохранившихся новгородских лицевых (иллюстрированных) рукописей этой поры принадлежат «Милятино евангелие», «Пролог» (1262), письма пономаря Тимофея с миниатюрами, «Апостол» (1296) и др. В рукописных памятниках выработался особый «чудовищный» (тератологический) стиль орнамента, в основе которого лежат мотивы народного искусства. В нем много бытовых подробностей (изображения гусляров, скоморохов, охотников, крестьян, воинов и т. д.).

В Новгороде нередко применялась резьба по дереву и камню. Замечательным памятником является деревянный крест 1359 г., поставленный в церкви Флора и Лавра жителями Людогощинской улицы. Он имеет высоту почти в два метра и покрыт резными изображениями и надписями. Были распространены и резные каменные кресты. Таков, например, Алексеевский крест XIV в., который был вделан в западную стену Софийского собора (этот крест украден фашистскими захватчиками). Продолжала совершенствоваться и обработка металлов. В 1336 г. «повелением» архиепископа Василия в Софийском соборе были изготовлены дубовые двери, покрытые медными золочеными листами (теперь хранятся в г. Александрове — б. Александровской слободе под Москвой). Уцелело и несколько замечательных серебряных сосудов, кубков, принадлежавших новгородским боярам, имена которых вырезаны на этих предметах.

Большое строительство шло в Пскове, архитектура которого близка новгородской, но имеет свои своеобразные черты. Своеобразной архитектурой отличался собор Троицы, известный по древним рисункам.

План псковских церквей — прямоугольник, приближающийся к квадрату. С востока выдаются обычно три апсиды. Посреди церкви стоят четыре столба. Церковь увенчивается барабаном с куполом. Внутренние столбы ради экономии места обычно внизу обтесывались в полукруглую форму. Живописное сочетание самого храма с приделами и служебными постройками, наряду с характерными звонницами, придает псковскому зодчеству своеобразный облик. Псковские мастера разработали особую систему перекрытия здания взаимно перекрещивающимися арками, что дало возможность позднее освободить храм от столбов и придать ему единство. Этот прием сыграл существенную роль в создании типа малой бесстолпной «посадской» церкви, получившего свое завершение в Москве XVI в.

В военных целях производилось широкое строительство каменных укреплений Пскова. Здесь работали большие строительные артели, выполнявшие крупные подряды по постройке храмов и крепостей. Эти мастера были позднее использованы на работах в Москве.

Обычай покрывать стены храмов фресками существовал и в Пскове. К сожалению, росписи псковских церквей еще мало изучены. Древнейшими памятниками живописи в Пскове являются фрески собора в Спасо-Мирожском монастыре XII в. К 1313 г. относится роспись Снетогорского Рождественского собора в Пскове, фрески которого, очевидно, являются работой местных мастеров.

Итак, после временного упадка, вызванного нашествием татар, в XIV в. в ряде феодальных центров северо-восточной Руси искусство достигает значительного подъема, вызванного восстановлением экономики страны и общим ростом ее производительных сил. Целые артели замечательных русских мастеров (строителей и живописцев) создают высокохудожественные произведения. Несмотря на своеобразие развития русского искусства в отдельных феодальных центрах, оно имеет много общих черт. Причина этой общности кроется в той единой основе, на которой оно сложилось, используя замечательные культурные традиции времени древнерусского государства. По мере преодоления феодальной раздробленности и роста экономических связей эта культурная общность становилась все большей, приобретая национальный характер. Центром национальной культуры русского народа стала Москва.

* * *

Важным этапом в истории русской культуры является вторая половина XIV в. Развитие русской культуры во второй половине XIV—XV вв. происходило в условиях усилившихся экономических связей между русскими землями, способствовавших политическому объединению страны. В отдельных феодальных княжествах наблюдалось преодоление политической раздробленности и укрепление великокняжеской власти. Ведущее место среди всех княжеств заняло княжество Московское. В некоторых феодальных центрах появились литературные произведения, отражавшие рост политического значения местной великокняжеской власти. Но только политическая литература Московского княжества была посвящена идеологическому обоснованию исторической необходимости образования Русского централизованного государства. Именно поэтому литература Москвы, отражая классовую феодальную идеологию, объективно отвечала общерусским национальным интересам.

Московская феодальная литература представлена многочисленными сказаниями о выдающихся событиях политической жизни того времени. Целый цикл сказаний связан с борьбой Руси под главенством Москвы против татарского ига. «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище» посвящены победе русского народа в 1380 г. на Куликовом поле,

восхваляют мужество русских войск и их полководцев: Дмитрия Донского и Владимира Андреевича серпуховского.

Литературным прототипом «Задонщины» послужило «Слово о полку Игореве», оттуда были заимствованы отдельные литературные образы, план изложения, стилистические приемы, выражения, обороты. Желая изобразить героическую победу русского народа на Куликовом поле, автор «Задонщины» не случайно обратился к исторической традиции. Он рассматривал борьбу с татарами за национальную независимость как продолжение исконной борьбы русского народа с кочевниками-половцами. Битва с половцами в 1185 г. и битва на Куликовом поле в 1380 г. — это два звена в единой цепи борьбы русского народа со степными хищниками-грабителями. Такова историческая концепция автора «Задонщины». Победа на Куликовом поле — это возмездие за поражение на р. Каяле, понесенное войсками Игоря Святославича новгород-северского в XII в. и послужившее темой для «Слова о полку Игореве». Основная идея «Задонщины» — идея борьбы за Родину.

Той же теме посвящено «Сказание о Мамаевом побоище». Оно также ценно использованием образов народной поэзии, народных эпических произведений, посвященных Куликовской битве. Самый ритмический строй «Сказания» напоминает фольклорный песенный стиль. Так героика народной эпической поэзии давала материал для феодальной литературы, классовой по своему содержанию и направленности, но имевшей прогрессивное значение, содействовавшей делу национального объединения.

Повесть о разорении Москвы Тохтамышем[1] передает настроения городского торгово-ремесленного населения, организовавшего оборону Москвы, оставленной князьями и боярами — «мятежниками и крамольниками». Повесть рассказывает о мужественном поступке защитника Москвы, суконника Адама, который выстрелом «уязви... в сердце... гневливое» сына ордынского князя и «вскоре смерть ему нанесе». Глубокой лиричностью звучит скорбь о разорении Москвы. «Кто бо не восплачется таковыя погыбели славного града сего, или кто не взрыдает о селице народе людий, или кто не жалуеть селика множества християньска, напрасно и нужно скончавшася, или кто не потужит и не посетует сицеваго зряи пленения». Рассказывая о бедствиях, которые принесло горожанам нашествие Тохтамыша, автор повести использует фольклорную и литературную форму «плача»: «плач и рыдание, и вопль мног, и слезы, и крик неутешимый, и стонание многое, и печаль горькая, и скорбь неутешимая, беда нестерпимая,

---

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 46; см. *М. Н. Тихомиров*. Указ. соч., стр. 192—196, 198—200.

нужа ужасная, и горесть смертная, страх, ужас, и трепет»[1]. Автор повести вышел, повидимому, из городской торгово-ремесленной среды

Высокий взгляд на значение великокняжеской власти проводится в интересном памятнике конца XIV в. «Слове о житии и преставлении царя русскаго, великого князя Дмитрия Ивановича». «Слово» восхваляет личность и дела Дмитрия Донского: «въскипе земля Русьская в лета княжения его»[2]. Особенного внимания заслуживает титулование московского великого князя «царем», последовательно употребляемое автором. «Слово» является панегириком Дмитрию Донскому. Автор не жалеет эпитетов для его восхваления: «Высокопаривый орел, огнь попаляя нечестие... оружие на врагы, мечь ярости, стена нерушима, зломыслящим сеть, степень непоколеблема, зерцало житиа... пучина разума»[3].

«Слово» — памятник русской публицистики XIV в., вышедший из среды передовых феодалов. Будучи сторонником сильной государственной власти, автор «Слова» пользовался для ее идеологического обоснования исторической традицией. Литературными образцами для него служили такие памятники древнерусской публицистики, как «Слово о законе и благодати» Илариона, «житие» Александра Невского, повесть о разорении Рязани Батыем и т. д. В то же время в «Слове» использованы памятники устной народной словесности. «Плач» вдовы Дмитрия Донского, княгини Евдокии, построен по образцу народных причитаний.

«Слово» о Дмитрии Донском вызвало подражание в других землях. По его образцу в Твери было написано «Похвальное слово» инока Фомы в честь тверского князя Бориса Александровича, в Литовском великом княжестве — похвала Витовту.

В XV в. появились новые произведения московской литературы, посвященные борьбе русского народа с татарами. Таковы повести о «приходе» Темира-Аксака (Тамерлана), о нашествии Едигея на Москву и т. д. Эти сказания сохранились только в летописях, но первоначально они, вероятно, бытовали самостоятельно. Значительное количество сохранившихся сказаний московского происхождения показывает, что московская литература была обширна и разнообразна. Замечательной особенностью московской феодальной литературы был рост в ней светских тенденций, интерес, проявленный к общеполитическим темам. Можно отметить и большую связь московских писателей с двором московских великих князей.

---

[1] ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 208—210; см. *Н. К. Гудзий.* Указ. соч., стр. 222—223.

[2] ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 104.

[3] Там же, стр. 106.

В памятниках житийного характера московские писатели выступали с определенными политическими тенденциями, отражавшими стремление церковников к союзу с великокняжеской властью. «Жития» митрополитов Петра и Алексея рисуют митрополитов в качестве сторонников политического усиления Москвы как великокняжеского центра. «Житие» митрополита Алексея упоминает, что он был крестником Ивана Калиты; отец его «переселился» в «преименитый град Москву» [1] из Черниговской земли и т. п.

В Москве были созданы летописные своды, в которых проводится идея политического объединения русских земель. В 1392 г. возник по инициативе митрополита Киприана летописный свод — так называемый «Летописец великий Русский», использовавший местные летописи. В этом своде восхвалялась политика московской великокняжеской власти. В нем была помещена похвала Ивану Калите, сорокалетнее княжение которого, по словам летописца, явилось якобы временем «великой тишины» для народа, отдохнувшего от «истомы» и «тягости» татарских.

Продолженный после смерти Киприана и доведенный до 1409 г., этот первый московский свод включил в себя повесть о нашествии на Москву Едигея. В нем выдвинута идея активной борьбы с татарскими угнетателями, являвшимися, по мысли летописца, исконными врагами Руси, так же как и половцы. Говоря о борьбе со степными кочевниками, автор сопоставлял политику московских великих князей с политикой князей киевских.

Около 1418 г., при участии митрополита Фотия, было предпринято составление нового летописного свода, в котором проводилась идея союза московской великокняжеской власти с городским населением феодальных центров в целях политического объединения Русской земли. Этот свод отражал прогрессивные тенденции национального объединения. В своде были отражены демократические настроения нескольких литературных памятников. Так, в рассказе о нашествии на Москву в 1382 г. Тохтамыша автор свода, в соответствии с повестью об этом событии, на первое место выдвигает действия посадского населения Москвы — организатора активного сопротивления татарам — и осуждает боярскую знать[2].

Свод начала XV в., вместе с некоторыми памятниками великокняжеского летописания, лег в основу последующих летописных сводов. Одно из продолжений свода 1418 г. было доведено до 1456 г. В этот новый свод вошла повесть о феодальной войне 1425—1453 гг. Борьбу московской великокняжеской власти в лице Василия Темного с удельно-

[1] ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 29—30.

[2] См. *Д. С. Лихачев.* Национальное самосознание древней Руси, стр. 68—81.

княжеской коалицией, возглавлявшейся галицкими князьями Юрием Дмитриевичем, а затем Дмитрием Шемякой, изложенную в ряде драматических эпизодов, автор московского свода 1456 г. рассматривает под углом зрения торжества растущего самодержавия над удельной системой.

Широкое международное значение, которое получила Москва в качестве столицы складывающегося Русского централизованного государства, определило заметный интерес в литературе к вопросам всемирной истории. В 1441 г. был составлен (повидимому, Пахомием Логофетом) «Русский хронограф», в котором проводилась яркая идея единства всех славянских народов, подчеркивались связи Руси с южными и западными славянами.

Итак, растущее национальное самосознание русского народа проявлялось в летописных сводах, возникших в Москве, с одной стороны, в том, что история Русского централизованного государства рассматривалась как продолжение истории древнерусского государства, изложенной в «Повести временных лет», с другой — в том, что русская история связывалась с историей всего славянства.

Преодоление феодальной раздробленности и укрепление великокняжеской власти в отдельных княжествах северо-восточной Руси нашло также отражение в некоторых памятниках политической литературы. Но эти памятники не получили общерусского национального значения.

В Суздальско-Нижегородском княжестве велась своя летопись, отмечавшая события главным образом местного характера. При князе Дмитрии Константиновиче был переписан знаменитый летописный свод, известный под именем Лаврентьевской летописи. Она была закончена в 1377 г. В конце летописи помещено следующее послесловие: «Радуется купець, прикуп створив, и кормьчий, в отишье пристав, и странник, в отечьство свое пришед; тако же радуется и книжный списатель, дошед конца книгам, тако же и аз, худый, недостойный и многогрешный раб божий, Лаврентей мних...» Летопись переписывалась, повидимому, в Нижнем Новгороде, где в это время находилась епископская кафедра.

Появление в Суздальско-Нижегородском княжестве летописного свода, в основе которого лежит замечательный памятник летописного дела древнерусского государства — «Повесть временных лет», свидетельствует о тенденциях местной великокняжеской власти связать свою историю с историей древней Руси. Таковы исторические основы политических притязаний нижегородских князей.

Аналогичные политические тенденции проявлялись и в тверской феодальной литературе. В Тверском княжестве велось местное

летописание, тесно связанное с княжеским столом и двором епископа. Впрочем, тверские летописные своды в первоначальном виде не сохранились. В начале XV в. в Твери возник ряд исторических повестей, отражавших борьбу Тверского княжества с Московским.

Тверская великокняжеская власть стремилась использовать исторические традиции древней Руси в целях укрепления своих политических позиций.

Показателем интереса к киевскому культурному наследию является, например, составление в Твери в 1406 г., при епископе Арсении, так называемой «Арсеньевской» редакции «Киево-печерского патерика», отражавшего идеологию бояр и церковной знати.

В некоторых памятниках тверской феодальной литературы этого времени проявляется идеализация местной великокняжеской власти. Одна книжная запись начала XV в., автором которой был русский монах, живший на Афоне, называет даже тверского князя «самодержцем». В половине XV в. (до 1453 г.) было составлено «смиренного инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче»[1]. Автор восхваляет тверского князя, сравнивая его с знаменитыми царями древнего времени, в том числе с римским императором Августом. Фома указывает, что о прежних царях написаны книги, «ныне же нынешняго царя, государя, великого князя Бориса Александровича не слышим, но и видим... и како о нем пытаем, или от кых книг сиа пишем, и яко же предрекохом не от книг бо, но от строениа самого того государя». «Слово» Фомы представляет панегирик в честь тверских князей и отражает интересы местных феодалов, пытавшихся отстоять политическую самостоятельность Твери.

Летопись Рязанского княжества в первоначальном виде не сохранилась. Однако некоторые отрывки в известных нам летописных сводах, несомненно, могут считаться рязанскими по происхождению.

Постоянные разорения Рязанской земли не благоприятствовали накоплению культурных богатств. Сохранились лишь отдельные памятники письменности: «Кормчая книга», переписанная в 1284 г. в Рязани, по поручению князя Ярослава и епископа Иосифа; подлинники и копии грамот рязанских князей. Из них грамота Олега, данная Ольгову монастырю в конце XIV в., украшена прекрасными миниатюрами, изображающими «святых». В ней отражено стремление князя к возвращению рязанских территорий, перешедших к Москве. Многие памятники не сохранились до нашего времени. Так, В. Н. Татищев видел сборник рязанских законов, к сожалению, утраченный.

---

[1] *Н. П. Лихачев*. Инока Фомы слово похвальное о великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908.

* * *

В политическую литературу Руси с ее феодальным мировоззрением все более и более начинают проникать городские мотивы.

Горожане ратовали за прекращение княжеских внутренних войн, которые причиняли им разорение. Обуздать мелких драчливых феодальных владетелей и преодолеть в стране внутренние междоусобия была способна только сильная великокняжеская власть. Ее носителями были московские князья: с ними считалась Золотая орда, они оказывали существенную помощь Новгороду и Пскову в борьбе со шведами и немецкими разбойничьими рыцарями, они противодействовали дальнейшим захватам исконных русских земель литовскими феодалами. В усилении Москвы таился залог и окончательного освобождения от татарского ига. Неудивительно, что городское население поддерживало Москву; это отразилось и в литературе.

В книге «Апостольских чтений» сохранилась запись, автор которой, приводя текст «Слова о полку Игореве», с горечью говорит о войнах на Руси между Михаилом тверским и Юрием московским, об усобицах, в которых гибнут русские люди. Никоновская летопись, сообщая о прекращении в 1367 г. военных действий между Михаилом Александровичем тверским и его дядей Василием Михайловичем кашинским, отмечает это событие как радостное явление: «И радовахуся бояре их и вси вельможи их, такоже гости и купцы и вси работнии людие, роды и племяна Адамовы...»[1] Эта запись отражает настроения городских верхов, которые, выступая против княжеских кровавых распрей, в то же время не забывают своих классовых интересов и осуждают антифеодальные движения, во время которых «ремественницы и работнии людие» «грызут и кусают» «гостей» и купцов.

В то же время горожане все более и более начинают бороться за «правду», т. е. за закон и правопорядок, против феодального произвола. Такими настроениями проникнута, например, обширная биографическая повесть о тверском князе Михаиле Александровиче. В этой повести тверскому князю приписываются добродетели, какими, по мнению автора, должен обладать идеальный князь. Известно, что Михаил Александрович воевал с другими тверскими князьями, несколько раз наводил на Русь литовские войска, пытался использовать разорение русских земель Тохтамышем, чтобы перехватить ярлык на великое княжение. Но в повести говорится, что Михаил Александрович «люди бещислено сладце и благочинно собра и грады тферьскыя утверди и в доброденьстве многа лета поживе, мир глубок имея ко всем странам»[2],

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 8—9.

[2] Там же, т. XV, вып. 1, Пг., 1922, стб. 167.

ибо образцовый князь может быть только мирным устроителем земли, укрепляющим города и живущим в мире с соседними областями. В числе добродетелей князя упомянуты такие, которые особенно отвечали идеалам городского населения. Автор указывает, что в годы княжения Михаила Александровича «разбойници и тати и ябедники изчезоша, и корчемникы и мытари, и торговыя злыя тамгы истребишася, и насилование и грабление нигдеже обреташеся, но вси бяху в тихости и в кротости и в смирении и в любви»[1].

«Тихость, кротость, смирение и любовь» — это идеал и недосягаемая мечта идеологов господствующих классов русского общества XIV в., стремившихся всеми силами установить в стране классовый мир. Этот идеал нашел выражение и в нравоучительных сборниках, которые все ярче проводят социальную тенденцию, наметившуюся еще в русской публицистике конца XI в. (в «Изборнике» Святослава 1076 г.).

Этому стремлению отвечает и содержание многочисленных собраний правил житейской морали, обычно объединявшихся под заголовком «Како жити христианом». Есть два рода «Слов», обращавшихся под этим названием. Одни говорят главным образом о религиозных обязанностях христиан, а также выступают против «блуда», пьянства, суеверий («веры в чох») и т. д. Другие (а их большинство) наряду с этим трактуют также социальные вопросы.

Много «Слов» посвящено «любви», под которой подразумеваются общественное согласие и гармония интересов; она трактуется как «зачало добродетелем» и «соль добродетелем»[2], без которой всякая другая добродетель «ничто же есть»[3].

Если «любовь» является высшей добродетелью, то ненависть, «братоненавидение», зависть сурово осуждаются. Страшнее зависти нет греха, говорится в «Слове о любви и о зависти»: «А будеть завистив и братоненавидлив и гневлив, то таковый блудника и прелюбодея и татя и разбойника и гробища копающего — всех тех оканьнее есть и проклятее»[4]. «Радуйся убо паче,— говорится в том же «Слове»,—и не завиди: аще видиши брата, одарована от бога обильем и богатьством...»[5].

Ввиду роста хозяйственной мощи и политического влияния городского населения, оно все настойчивее ратует за «правду», которая мыслится как порядок и «законность», исключающие мздоимство, неправедный суд и насилия феодалов. Это положение особенно

---

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 176.

[2] Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, отдел рукописей. Троицкое собр., № 186, л. 34 об.

[3] Там же, л. 35.

[4] Там же, лл. 28 об.—29.

[5] Там же, л. 28 об.

отчетливо выражено в многочисленных статьях знаменитого сборника XIV в. «Мерило праведное», в котором проклинается «всяк судяй неправедне» [1], резко осуждаются «ярость и зависть» власть предержащих [3], «обидящая и насильствующа» [3].

В ряде произведений отвергается мысль о том, что за все непорядки отвечают тиуны, которые заслоняют от народа «княжую правду», и подчеркивается положение, что о князе следует судить по действиям его администрации. Так, в рассуждении «О наказании князем, иже дают волость и суд небогобойным и лукавым мужем», автор ополчается на князей, которые «в собе место» ставят «властели и тивуны мужи небогобойны, язычны, злохитры, суда не разумеюше, правьды не смотряще, пьяни судяще, спешаще судомь (не разбирающие тщательно существа дела.— *Ред.*) ...грабители и мьздоимци, гордостью и величаниемь вознесшеся, созидають труды на повеление, и кто прав — осужен от них в вину»; жалобы князю не помогают, он не слушает жалующихся и как «Пилат руце умывает» [4]. Та же мысль запечатлена и в многочисленных изречениях того времени.

Развитие городской жизни на Руси в XIV в. неизбежно вызвало и оживление городских ересей. Если горожане были недовольны (и в активной форме выражали это недовольство) внутренними распрями и феодальным произволом, то они, естественно, выступали и против той мощной идеологической организации, которая освящала своим авторитетом феодальный строй, т. е. против церкви. В средние века это недовольство проявлялось в форме различных ересей, направленных в первую очередь против монашества, симонии (поставления епископов и священников по мзде, продажи духовных должностей) и т. д. В частности, на церковном соборе начала XIV в. в Переяславле обсуждался при участии Ивана Калиты вопрос о борьбе с ересью. Ее руководителями были некоторые новгородские протопопы, к которым пристало много людей из церковного причта и горожан. Они порицали монашество, называли его «бесовским учением»; среди еретиков распространялись также характерные для средневековья толки о том, что погиб рай на земле и т. п. [5] В одной похвальной записи о Калите указано, что «при его державе» прекратились безбожные ереси [6].

[1] Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, отдел рукописей, троицкое собр., № 15, л. 18 об.

[3] Там же, лл. 25 об.—26 об.

[3] Там же, л. 19.

[4] Там же, № 15, л. 63.

[5] *В. Н. Татищев.* История российская, кн. IV, СПб., 1784, стр. 92—93; *В. С. Борзаковский.* История Тверского княжества. СПб., 1876, прилож. II, стр. 247—248.

[6] *И. И. Срезневский.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. «Записки Академии Наук», т. 34, СПб., 1879, прилож. № 4, стр. 147.

Позднее, в 40-х годах XIV в. подобная же ересь появилась в Твери, вызвав споры о существовании рая[1]. Эти споры были только внешней формой, в которой проявлялось умственное брожение, вызванное недовольством существующим строем и церковными канонами. Это критическое отношение к основам религиозного мировоззрения принимало иногда «легальное» выражение, вроде более позднего «Поучения ленивым, иже не делают, и похвале делателем», где работа «земного делателя» с его общественно-полезным трудом объявляется такой же верной дорогой к «спасению», как и «подвиги» иноков[2]. Развитие этих мыслей до логического конца приводило уже к прямым выпадам против иноков — тунеядцев и ленивцев, к объявлению монашества безбожным и бесовским учением, т. е. к прямому еретичеству.

Ярко еретическим, т. е. направленным против основ церковной иерархии и догматики, было движение стригольников.

Стригольники отвергали монашество и всю церковную иерархию — от патриарха до простых священников как «поставленных по мзде» («не достойни суть, духопродавци суть»), обирающих верующих («недостойни де их службы, яко... имения взимают у крестьян, подаваемое им приношение за живыя и за мертвыя»), ведущих недостойный образ жизни и общающихся с «мытарями» («сесь человек ядець есть и винопивець и друг мытарем и грешником»; «сии учители пьяницы суть, ядять и пьють с пьяницами, и взимають от них злато и сребро,... от живых и от мертвых»[3]). Стригольники отвергали заупокойные молитвы, приношения «по душе», не признавали причастия, выступали против исповеди.

Их учение имело большое распространение, так они «иных в свой соуз (союз.— *Ред.*) неправедный привлачають»[4]. Этому, несомненно, способствовало обличение стригольниками социального неравенства, их нападки на «мытарей и грешников», под которыми они подразумевали богачей, порабощавших простых тружеников. Недаром в народе с уважением говорили о стригольниках: «сии не грабять и имения ни збирають»[5].

Официальная церковь при полной поддержке светской власти боролась с еретиками всеми доступными ей средствами: казнями, проповедями, обличениями и нравоучительными сентенциями. Проповедуя на все лады «любовь» там, где надо было глушить накопившуюся в на-

---

[1] ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 212—214.
[2] Рукописное отделение библиотеки Академии Наук, 13.2.7, л. 86.
[3] РИБ, т. VI, № 25, стб. 216, 220, 221.
[4] Там же, стб. 224.
[5] Там же, стб. 226.

народе ненависть к угнетателям, официальная церковь в то же время резко выступала против той «любви», которую отстаивали стригольники, понимавшие под ней социальное равенство: «Аще хощеть всем добр быти без расмотренья, таковый ненавидим есть богом»[1].

Однако преследования не могли остановить движение еретиков. Реакционные по форме, пассивные по методам борьбы, наивные, беспочвенные и бесперспективные в своих социальных устремлениях, выражавшихся в призывах к подражанию строю идеализированной раннехристианской общины, ереси в то же время представляли собой специфическую средневековую форму протеста против феодального строя[2]. Как и в Западной Европе, на Руси ереси периодически появляются на протяжении всего средневековья, но особенно разрастаются с XIV в. в связи с развитием городов, перерастая в реформационное движение.

* * *

Культура Новгорода развивалась на основе, восходящей еще к поре расцвета древней Руси. В идеологии новгородских феодальных кругов проявлялись черты ярко выраженного политического сепаратизма. Одним из культурных центров Новгорода являлся Софийский дом. Князья посылали своих детей для учения ко двору новгородского архиепископа. В летописи под 1341 г. читаем известие: «приихал Михаил княжичь Олександрович со Тьфери в Новгород ко владыце, сын хрестьный, грамоте учится»[3].

При Софийском доме существовал особый штат книжных писцов. Многие пергаменные рукописи имеют записи с указанием на то, что они написаны по «повелению» новгородских архиепископов. Книга «евангельских чтений», замечательная по изяществу письма и украшений в виде заставок и заглавных букв, написана в 1362 г. «повелениемь боголюбиваго архиепископа новгородского Олексея в великое княжение Дмитрия Констянтиновица, а писал его грешний худый неразумный владычень паробок Микула»[4]; на другой рукописи отмечено: «а писал многогрешный владычень писець Филица»[5].

Переписка книг производилась при монастырях и церквах и по почину новгородских бояр. К 1400 г. относится рукопись, написанная «повелением рабов божиих, боголюбивых бояр, Юрья Онсифиро-

---

[1] Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, отдел рукописей. Румянцевское собр., № 186, лл. 37, об. 38.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. VIII, стр. 128.

[3] НПЛ, стр. 354.

[4] *И. И. Срезневский*. Древние памятники..., стб. 218.

[5] Там же, стб. 220.

вича, Дмитрия Микитинича, Василья Кузминича, Ивана Даниловича и всех бояр, и всей улици Кузмодемьяне» [1].

Значительное распространение получила грамотность и среди горожан. Сохранились многочисленные грамоты, а также и письма новгородцев [2].

Одним из главных видов феодальной политической литературы и историографии оставалась летопись. В Новгороде при Софийском доме было составлено несколько летописных сводов. Летописному своду, составленному по инициативе архиепископа Евфимия в 30-х годах XV в., составители стремились придать общерусский характер. В своде была сделана попытка дать историю всей Руси, причем Новгород рассматривался как центр исторического процесса. Отражающий интересы бояр свод с презрением относится к «черным людям», осуждает «голодников» и «ябедников». Этот свод лег в основу позднейших новгородских летописных памятников.

Характерной особенностью новгородского летописания являлось стремление к юридической аргументации исторических прав Новгородской феодальной республики. В качестве дополнительных статей к своду были помещены «Русская Правда», уставы Владимира и Ярослава и др.

Новгородская феодальная литература была представлена довольно многочисленными сказаниями и «житиями» местных «святых». Древнейшие из сохранившихся были написаны уже в XII—XIII вв. Таковы краткие «жития» епископа Аркадия и Варлаама Хутынского. В XV в. появились новые «жития» некоторых новгородских архиепископов и монахов (Моисея, Евфимия, Михаила Клопского и др.). В целях пропаганды идеи независимости феодального Новгорода в середине и во второй половине XV в. новгородскими церковниками намеренно реставрировалась житийная старина, культивировалась память местных «святых». Эта пропаганда представляла собой идеологическое выражение консервативной программы новгородских бояр — противников включения Великого Новгорода в состав Русского централизованного государства.

Много легенд было связано с именем новгородского епископа Иоанна, жившего в XIV в. Тенденциозным политическим содержанием отличается сказание о «чуде» от иконы «Знамения» во время осады Новгорода суздальскими войсками в 1170 г. Архиепископ Иоанн в сопровождении новгородцев пришел с иконой на городские стены и поднял ее над заборолом, т. е. верхней частью стены, защищавшей осажденных от стрел. Стрела одного из суздальцев попала

---

[1] НПЛ, стб. 296—297.

[2] *А. В. Арциховский.* Новые открытия в Новгороде. «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 77—87; *его же.* Раскопки 1952 года в Новгороде. «Вопросы истории», 1953, № 1, стр. 113—124.

в икону. Тогда в суздальском стане произошел переполох и воины стали стрелять друг в друга. Осада кончилась полным поражением суздальского войска. Смысл этого сказания заключается в апологии самостоятельности боярской республики и в стремлении феодалов Новгорода ссылкой на «божественный промысел» идеологически оправдать незыблемость существующего новгородского политического строя.

В конце XV в. появились новые легенды, отражавшие протест новгородских правящих верхов против наступления московской великокняжеской власти на независимость Новгородской феодальной республики. Одна легенда рассказывает о том, как огонь от гроба Варлаама Хутынского не позволил Ивану III коснуться его останков. Архиепископ Сергий, присланный из Москвы, непочтительно отозвался о гробе архиепископа Моисея, и «бысть от того времени прииде на него изумление, овогда видяху его в Евфимиевской паперти в одной ряске седяща, овогда же видяху его в полдни у святеи Софеи седяща в одной ряске и без манатии; и свезоша его болна к Троицы в Сергиев монастырь»[1]. «Видение» пономаря Тарасия рассказывает об угрожавшей Великому Новгороду гибели от потопа и огненной тучи «за умножение грех людьских всенароднаго множества и за беззакония и неправды их»[2]. Гибель была отведена от города якобы молитвами Варлаама Хутынского.

Политический смысл ряда новгородских сказаний заключается в стремлении укрепить авторитет господствующей церкви и оправдать ее борьбу с городскими «ересями». В сказании о Шиле говорится о некоем посаднике, занимавшемся ростовщичеством, за что он попал в ад и лишь после усиленных молитв духовенства избавился от адских мук. Эта повесть интересна мыслью возвысить значение особенно доходных для церкви заупокойных служб, которые осуждали стригольники.

Когда потеря Новгородом самостоятельности стала совершившимся фактом, появились повести и сказания на тему о конечной судьбе Новгородской боярской республики. Рассказами о всевозможных чудесах и видениях, якобы предшествовавших падению самостоятельности Новгорода, распространявшимися среди новгородских церковников и бояр, реакционная верхушка новгородского феодального общества идеологически оправдывала свои стремления к политической реставрации порядков периода феодальной раздробленности. Так, под 1462 г. в Новгородской летописи рассказано о «знамениях», которые якобы предшествовали присоединению Новгорода при Иване III. По рассказу «жития» юродивого Михаила Клопского, при встрече с

---

[1] ПСРЛ, т. III, СПб., 1841, стр. 184; см. *Н. К. Гудзий*. Указ. соч., стр. 265 и сл.

[2] «Памятники старинной русской литературы», вып. I, СПб., 1860, стр. 283.

архиепископом Евфимием Михаил сказал ему, что теперь в Москве «радость»: у великого князя Василия II родился сын, который «царствию его наследник будет и всем странам страшен явится, великий же Новград приимет, и вся наша обычаи изменит, и злата многа от вас приимет, и вас в свою землю приведет»[1].

В более позднем «житии» Зосимы и Савватия приведен рассказ о посещении Зосимой Новгорода, куда он явился с жалобой на притеснения Соловецкого монастыря двинскими боярами и боярскими приказчиками. В доме у боярыни Марфы Борецкой (стоявшей во главе бояр-изменников, заведших сношения с Литвой) Зосиме якобы трижды предстало «видение»: перед ним сидели шесть обезглавленных новгородских бояр. В связи с этим «житие» указывает, что в битве на р. Шелони одни новгородцы были убиты, другие взяты в плен, а иных князь казнил. Были обезглавлены и те шесть бояр, которых Зосима видел на пиру.

Во всех этих сказаниях отразились настроения консервативного боярства Новгорода, не мирившегося с падением самостоятельности Новгородской феодальной республики.

По характеру культуры особенно близко стоял к Новгороду Псков. Грамотность во Пскове была значительно распространена. Торговые сделки закреплялись посредством письменных документов. Псковская Судная грамота упоминает разнообразные виды актов: купчие («купные» грамоты), «судницы» (судебные решения), «рукописания» (духовные завещания) и т. д.

В псковских рукописных книгах встречаются записи писцов на образном народном языке. Таковы, например, приписки, сделанные «Козмой дьяком Поповичем» на «Паримийнике» и «Прологе» XIV в.: «А псал Козма дьяк Поповць грабящима рукома, клеветливым языком, обидливыма очима». Или: «Бог дай сдороговие к сему богатию; что кун, то все в калите; что порт, то на все себе; удавися, убожие, смотря на мене».

Классовая борьба в Пскове, как и в Новгороде, принимала часто форму городских «ересей». Критика церковных обрядов и догматов носила массовый характер. «Житие» Евфросина (XV в.) рассказывает о его ожесточенных спорах с попом Иовом по церковным вопросам. Иов, прозванный Столпом за свое знание богословских тонкостей, предлагал Евфросину отказаться от некоторых церковных догматов, «да некогда паче до конца востанут на тя вси собори наши церковнии, с ними же купно и все множество народа христолюбиваго града Пскова».

Этот спор был вынесен на «торжища и сонмища, так же и позорища, купно же и по беседам седьмицным и по пировным

[1] «Памятники старинной русской литературы», вып. IV, СПб., 1862, стр. 45.

вечерям». Спорящие церковники были вынуждены обратиться к «господам псковичам», к «божьему народу»[1]. Таким образом, выступления против стоящей у власти церковной феодальной иерархии приняли народный характер.

В псковских летописях характеризуются взаимоотношения Псковской феодальной республики с московской великокняжеской властью накануне падения политической независимости Пскова. Так, сохранилась обширная повесть о «свадах» «пскович с княжими людьми» во время пребывания в Пскове, в качестве московского наместника, князя Я. В. Оболенского[2].

Наиболее значительным памятником политического сепаратизма является повесть о присоединении Пскова в 1510 г. при московском великом князе Василии Ивановиче[3]. В повести слышится голос протеста псковского боярства против Москвы; говорится, что Псков «никоим же князем владом бе,но на своей воли живяху в нем сущии людие».Автор намеренно подчеркивает борьбу Пскова с московскими великокняжескими наместниками, которые «насиловаху, и грабяху, и продаяху их (псковичей.— *Ред.*) поклепы и суды неправедными».

Выступая с позиций правящих верхов, автор осуждает: «у вечьи кричание», «самоволие» и «непокорение друг другу». В борьбе «молодших людей» против псковского боярства видит он причину ликвидации независимости Псковской феодальной республики: «а не ведущи глава, что язык глаголет, не умеюще своего дому строити, а градом содержати хощем»[4].

Итак, в литературе некоторых феодальных центров северо-восточной Руси во второй половине XIV и в XV в. появлялись произведения, консервативные по содержанию, политическая тенденция которых сводилась к защите феодальной раздробленности и протесту против государственной централизации. Этим политическим настроениям противостояла передовая литература Московского княжества, отражавшая настроения прогрессивных групп феодального общества, стремившихся к образованию единого Русского централизованного государства.

* * *

Москва к этому времени становится передовым центром не только литературы, летописания, но и искусства, зодчества, живописи.

Уже в 1367 г. началось строительство каменного Московского кремля («тоа бо зимы и камень новезоша ко граду»). Первый Московский кремль

[1] «Памятники старинной русской литературы», вып. IV, стр. 86, 92.

[2] ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 250.

[3] Там же, стр. 283.

[4] Там же, стр. 287.

был небольших размеров, сложен из белого камня, быть может, привезенного из подмосковного села Мячкова, на р. Пахре. Летописец с большой похвалой отзывается о каменных укреплениях Москвы: «тверд град имуще, его же суть стены камены и врата железна»[1].

Каменное строительство не ограничивалось Москвой, но вышло далеко за ее пределы. Каменные соборы и церкви строились в Коломне, Серпухове, Александровской слободе, Дмитрове, Звенигороде и др.

В конце XIV и начале XV в. в Москве достигла высокого расцвета живопись. На основе художественного наследия предшествующих веков (искусство Киева, Новгорода, Владимира) в Москве развивается подлинное русское национальное творчество. Выразителем его является школа Андрея Рублева.

Биографические сведения об этом гениальном русском художнике крайне скудны. Он родился предположительно около 1370 г., одно время жил в Троице-Сергиевом монастыре, затем стал монахом московского Андрониева монастыря. Первое летописное известие о его работах относится к 1405 г., когда он вместе с Феофаном Греком и Прохором из Городца расписывал стены Благовещенского собора в московском Кремле. В 1408 г. Рублев вместе со своим другом Даниилом Черным, также монахом Андрониева монастыря, работал над фресками Успенского собора во Владимире. Затем они украсили фресками и иконами Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря, а под конец жизни Рублева расписывали собор Андрониева монастыря. Андрей Рублев умер около 1430 г. и был похоронен в Андрониевом монастыре (теперь — музей Андрея Рублева).

Предание приписывает кисти Рублева множество фресок и икон, но до последнего времени лишь очень немногие из них можно было бесспорно отнести к его произведениям. Реставрационные работы, производившиеся после Великой Октябрьской социалистической революции, дали возможность с большей определенностью говорить о художественном наследии Рублева.

Крупнейшим созданием А. Рублева и Д. Черного является иконостас Троицкого собора в Троице-Сергиевом монастыре. Лучшее произведение в нем — икона «Троица» (в настоящее время находится в Гос. Третьяковской галлерее) — написано Рублевым. В безукоризненной пропорциональности изящных фигур сказывается античная традиция, но в то же время нежные, прозрачные краски, близкие русской природе, и общая мягкая гармоничность делают это произведение глубоко национальным. Поражает его совершенная композиция и благородная простота исполнения. Не менее совершенна по композиции небольшая икона того же

[1] ПСРЛ, т. XXV, стр. 207; см. *М. Н. Тихомиров*. Указ. соч., стр. 46.

Икона «Троица» работы Андрея Рублева.

Государственная Третьяковская галлерея.

А. Рублев и Д. Черный за работой. Миниатюра конца XVI в.
Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

иконостаса — «Жены-мироносицы у гроба Христа», также принадлежащая кисти Рублева. Необычайная лаконичность рисунка и красок придает особую выразительность этой иконе и делает ее особенно интересной с технической стороны.

В «Спасе» из Звенигорода (Гос. Третьяковская галлерея) национальный характер творчества Рублева нашел особенно яркое выражение. В отличие от византийской живописи с ее суровыми образами со скованными движениями, Рублев дает мягкий, обобщенный образ русского человека.

Единственными сохранившимися образцами монументальной живописи Рублева являются фрески Успенского собора во Владимире, дошедшие до нас только в фрагментах. Фигуры трубящих ангелов грациозностью пропорций и широкой живописной манерой в трактовке одежд близки к «Троице». В самое последнее время при реставрационных работах в соборе б. Андрониева монастыря была открыта в оконных нишах фресковая живопись 20-х гг. XV в., представляющая собою белоснежный орнамент на темном фоне. Использование в нем мотивов из русской природы (стебли, листья и цветы) роднит его с приемами живописи Рублева и дает возможность относить его если не к самому Рублеву, то к его школе.

Современники и ближайшие потомки высоко ценили искусство Андрея Рублева. Летописец отметил под 1547 г., что во время пожара в Благовещенском соборе «деисус Андреева письма Рублева сгорел». Утрата этого произведения великого мастера должна была быть, по мнению летописца, отмечена среди других важных событий. Иконы, написанные Рублевым, считались такой ценностью, что служили в качестве подарков при особенно важных обстоятельствах. Так, Иосиф Волоцкий, поссорившийся с князем Федором Борисовичем, желая вернуть его расположение, «начав князя мздой утешати и посла к нему иконы Рублева письма и Дионисия». Творчество Рублева получило и официальное признание: в постановлении Стоглавого собора об иконописи говорилось: «писати иконописцем иконы... как писал Андрей Рублев и прочие пресловущие иконописцы».

Творчество Андрея Рублева, впитавшее в себя лучшие художественные традиции живописи отдельных русских областей, создало подлинное общерусское национальное искусство и подняло его на небывалую высоту. Оно определило дальнейшее направление русской живописи XV в.

Предшественником Андрея Рублева по росписи московских церквей был Феофан Грек, приехавший из Византии в 70-х гг. XIV в. сначала в Новгород, где он расписал фресками в 1378 г. церковь Преображения на Торговой стороне, а затем, в 90-х гг. переселившийся в Москву. Там

Икона «Спас» работы Андрея Рублева.

Государственная Третьяковская галлерея.

Икона «Апостол Павел» работы Андрея Рублева.

Государственная Третьяковская галлерея.

Деталь фрески «Трубящий ангел» работы А. Рублева в Успенском соборе г. Владимира.

он расписал в 1395 г. дворцовую церковь Рождества богородицы, в 1399 — Архангельский собор, а в 1407 г., как указывалось выше, вместе с А. Рублевым и Прохором из Городца — Благовещенский собор. Этот византийский художник, перенесший свою работу на Русь, получил здесь признание.

Писатель XV в., составитель житий, Епифаний называет Феофана «преславным мудрецом», «философом зело хитрым», «изографом нарочитым и живописцем изящным во иконописцах». По словам Епифания, Феофан не пользовался при работе готовыми образцами; он писал легко и свободно, в то же время беседуя с многочисленными зрителями, окружавшими подмостки, на которых он работал. Так он и изображен на одной из летописных миниатюр. Известностью пользовались и нецерковные сюжеты его росписей. Например, в Архангельском соборе Феофан поместил детальное изображение города, а в палатах князя Владимира Андреевича написал «в камене стене саму Москву». Московские росписи Феофана не сохранились. О характере его творчества, о его строгой композиции и яркой живописной манере можно до некоторой степени судить по приписываемой его кисти иконе «Донской богоматери» (Гос. Третьяковская галлерея) с написанным на обороте ее «Успением» и иконе «Преображение» из Переяславля-Залесского.

Сохранился целый ряд и замечательных предметов московского прикладного искусства. Таковы оклад евангелия, сделанный в 1392 г. по приказу московского боярина Федора Кошки, оклад владимирской иконы богородицы начала XV в. и т. д.

Расцвет зодчества и живописи наблюдается и в других феодальных центрах северо-восточной Руси. Замечательные мастера, работавшие в Тверском княжестве, создавали монументальные произведения церковной и гражданской архитектуры. Здесь был реставрирован собор Спаса: «и сътвориша каменосечци от плиты жженыя, и тако горазньством утвориша, и зело хитре поновиша, и убелиша церковь, и бе видети изрядно украшение, якоже и древле, первогодне свершение и убеление имеющи»[1]; был вновь отстроен белокаменный княжеский дворец с «палатной» (домовой) церковью Михаила.

Значительная часть тверских архитектурных сооружений не дошла до нас или сохранилась лишь частично. Насколько можно судить по фрагментам памятников, открытых во время раскопок, тверская архитектура, так же как и московская, выросла на основе владимиро-суздальского зодчества. Развитие церковного и гражданского строительства в Твери свидетельствует об общем экономическом и культурном подъеме на Руси.

---

[1] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 144.

Грановитая палата в Новгороде, 1433 г.

Постоянные разорения Рязанской земли привели к гибели местных памятников литературы и искусства. О рязанской архитектуре известно чрезвычайно мало.

Крупное гражданское строительство велось в Новгороде. Каменные постройки группировались в Кремле и на Ярославовом дворище. Наиболее замечательным является комплекс каменных зданий в Кремле, входивших в состав Софийского дома, т. е. двора архиепископа, в том числе «часозвоня» и грановитая палата, предназначавшаяся для торжественных приемов и заседаний боярства (здесь в последний период самостоятельности Новгорода заседал совет господ). В центре здания был столб, поддерживавший крестовые своды со многими гранями, разделенными жгутами (нервюрами). Грановитая палата была построена в 1433 г. новгородскими зодчими с участием иноземных мастеров[1]. В палате происходили судебные разбирательства, как видно из фрески при входе, изображающей «праведного судью» («вседержителя»)[2].

Замечательным памятником новгородского строительства XV в. является «часозвоня». Это восьмигранная башня на прямоугольном основании. Кроме того, в Кремле сохранилось каменное двухэтажное здание дворца архиепископа Евфимия, состоящее из шести помещений, крытых коробовыми сводами.

Каменные постройки украшали и Ярославово дворище, но от них сохранилось только одно здание (по летописи — 1472 г.), известное под названием «вечевой гридницы»[3]. Это трехэтажное здание, в первом этаже которого устроены ворота. На четырехгранном основании третьего этажа поставлена восьмигранная башня, заканчивающаяся шатровым верхом. Это здание должным образом еще не обследовано.

В связи с появлением в конце XIV в. пушек были переделаны каменные городские укрепления как в Новгороде, так и в других городах Новгородской земли. В самом Новгороде каменный «детинец» был заложен в 1302 г. и несколько раз перестраивался. Современные стены Кремля относятся уже к московскому строительству в Новгороде конца XV в., за исключением некоторых башен, восходящих к XIV в. и обложенных кирпичом в XV в. (Княжая, Дворцовая). Лучше сохранились укрепления Порхова, возведенные в 1387 г. и перестроенные в 1430 г. Порховские стены сложены из плитного камня на известковом растворе. Узкие щели бойниц башни XIV в., через которые можно было стрелять

---

[1] НПЛ, стр. 416.

[2] *А. Строков* и *В. Богусевич.* Новгород Великий. Л., 1939, стр. 128.

[3] ПСРЛ, т. IV, стр. 129.

из лука или самострела, в XV в., когда толщина стен увеличилась, были приспособлены для артиллерийского боя.

Некоторые новгородские бояре строили себе каменные палаты вроде дома Марфы Посадницы — боярских палат в два этажа. Позднее этот дом был заново перестроен. До нас дошли образчики боярских построек конца XIV—XVвв. из тонкого кирпича с коробовыми сводами. Наряду с гражданским строительством в Новгороде производилась и постройка новых церквей.

Характерной особенностью новгородского зодчества середины XV в. является подражание постройкам XII в., реставрирование старых архитектурных форм. В этом стремлении новгородских светских и церковных феодалов возродить историческую культурную традицию нашла отражение (как и в летописании) политическая тенденция сохранить «старину и пошлину» независимой Новгородской боярской республики.

Новые явления наблюдаются в новгородской живописи. В XV в. развивается станковая живопись (иконопись). Иконы приобрели большое распространение в быту бояр и купцов. В иконописи все чаще стали трактоваться темы, которых не знала раннефеодальная живопись. Иногда на иконах, наряду со «святыми», появлялись и портреты заказчиков. Такова известная икона «Молящиеся новгородцы», представляющая в нижней ее части коллективный портрет целой боярской семьи. Здесь изображены шесть мужских, одна женская и две детские фигуры. В новгородских храмах XV в. встречалась сложная система церковного иконостаса, представляющая собой разработанное сочетание икон, составлявших вместе «чин», проникнутый общим художественным замыслом.

Некоторые иконы приближаются к историческим композициям. Такова икона XV в., изображающая «чудесную» победу над суздальцами. Вверху изображен крестный ход с архиепископом во главе. В среднем ярусе послы едут к суздальцам. Внизу конные суздальцы и новгородцы вступают в бой друг с другом. Икона представляет собой иллюстрацию к летописной повести на аналогичную тему.

Большое строительство (крепостных стен и церквей) велось и в Пскове. Псковская живопись представлена множеством икон, нередко обнаруживающих высокое художественное мастерство иконописцев.

Итак, ко второй половине XV в. в северо-восточной Руси замечается общий подъем культуры (литературы, зодчества, живописи).

* * *

Объединение русских земель было главным условием постепенного создания общерусской культуры. С конца XV в. наблюдалось объединение местных говоров, объединение местных памятников фольклора, создание общего стиля как в литературе, так и в искусстве.

В то же время росло культурное общение России с южнославянскими и западноевропейскими странами. Авторитет России на международной арене становился все более значительным. Все это накладывало яркий отпечаток на феодальную литературу.

Идеология феодальной монархии, которая стала системой политического миросозерцания передовой группы господствующего класса — дворянства, с характерными представлениями о Москве как о едином русском центре, а о великом князе — как государе «всея Руси» — обычна в литературе того времени. Хотя на Флорентийском соборе 1439 г. присутствовали послы не только московского, но и тверского князя, в рассказе о соборе, написанном его участником, монахом Симеоном суздальским, московский великий князь Василий II Темный упомянут как «всея Русския земли утверждение».

Церковь поддерживала крепнувшую государственную власть, обеспечивавшую ей ряд экономических и политических привилегий. В полемическом памятнике, составленном в 1461 г. под заглавием «Слово избрано от святых писаний, еже на латыню», неизвестный автор, в связи с событиями Флорентийской унии, в вычурных выражениях говорит о Русской земле и московском великом князе Василии Васильевиче как о хранителях подлинной «православной святыни». «Слово» представляет собой апологию русского самодержавия.

Падение Византии под напором турецкой агрессии было событием, имевшим большой международный отклик. Все русские летописцы отметили завоевание турками Болгарии и Сербии, а затем захват Константинополя. В русской церковной феодальной литературе эту гибель объясняли падением в Византии «древнего благочестия» и согласием византийских императоров на унию с Римом.

Таким образом, в ряде литературных памятников звучит резкий протест, облеченный в церковную оболочку, против подчинения Византии политике римской курии и призыв к Руси оказать этой политике решительное сопротивление.

Падению Константинополя посвящена повесть и Нестора-Искандера. Нестор, по происхождению русский, с молодых лет очутившийся в Турции и обращенный в магометанство (получив имя Искандер),

участвовал в осаде Константинополя, тайно сочувствуя грекам и славянскому населению города. Повидимому, он вел дневник осады, который дополнил сообщениями, почерпнутыми у защитников Константинополя. Эти записи были впоследствии обработаны каким-то книжником-славянином, который добавил к ним сведения о создании Царьграда, а также вставки церковного характера с пророческими предсказаниями о последующих судьбах Царьграда. Получилась повесть, проникнутая определенной религиозно-политической тенденцией.

Повесть о взятии Царьграда была весьма популярна в феодальных кругах на Руси. В повесть включено «пророчество» Льва Премудрого о «русом» народе, которому суждено освободить Царьград от власти «неверных». Путем замены слова «русый» на сходное «русский» возникло толкование, по которому освободителем Царьграда будет русский народ. В повести доказывалось превосходство Руси над Византией, а, главное, ярко выступала мысль о необходимости защиты отечества. Художественные картины боевых сцен повести о взятии Царьграда оказали заметное воздействие на другие русские воинские повести.

Падение Византии, по мнению передовых слоев русского феодального общества, было вызвано военной слабостью греков и нежеланием сражаться за родную землю. Мысль о гибели многих царств от недостаточной твердости и патриотизма их граждан была особенно подчеркнута летописцем в тяжелый для Руси 1480 г., когда хан Ахмат стоял на Угре и угрожал походом на Москву[1].

Ко времени нашествия Ахмата относится замечательный памятник русской публицистики — письмо ростовского архиепископа Вассиана Рыло Ивану III. Вассиан советует великому князю не слушать «шептунов», уговаривающих его «не противитися супостатом, но отступити и предати на расхищение волкам словесное стадо христовых овец».

Призывая Ивана III к борьбе с татарами, он пишет: «Не послушай убо, государю, таковых, хотящих твою честь в бесчестие и твою славу в бесславие преложити, и бегуну явитися, и предателю хрестианскому именоватися, но отложи весь страх и возмогай о господе в державе и крепости». Вассиан ссылается на пример тех русских князей, которые «не точию обороняху Русскую землю от поганых, но и иные страны приимаху под себе». В послании Вассиана звучит патриотический призыв к борьбе с врагами Родины.

---

[1] См. гл. 2, § 2 настоящего издания. На стр. 376—377 использован текст Н. К. Гудзия (см. *Н. К. Гудзий*. Указ. соч., стр. 241—252).

Русское государство вышло победителем из борьбы с татарами. К концу XV в. Москва уже не имела соперников в северо-восточной Руси. Власть московских государей и их права на эту власть нашли свое обоснование в произведениях феодальной литературы, возникших в конце XV в. В них подчеркивается и международное значение Русского государства. Среди предков московских великих князей особое внимание привлекала фигура Владимира Мономаха, который по матери был внуком Константина Мономаха, византийского императора XI в. К этому историческому факту присоединилась легенда о том, что Владимир Мономах сумел заставить византийского императора передать ему великокняжеские регалии, в виде шапки и барм.

Легенда, возникшая в XV в., рассказывала, что Мономах «венчан же бысть в Киеве тем царским венцом» и поэтому «тем царским венцом венчаются все великие князи владимирские, егда ставятся на великое княжение». Таким образом, официальная политическая теория в целях укрепления международного престижа Руси и утверждения самодержавной власти внутри страны возводила еще ко времени древнерусского государства завоевание первенства над Византией.

Возникшее в тех же политических целях в начале XVI в. «Сказание о великих князьях Владимирских и всея Руси» не довольствуется теорией о переходе власти к киевским князьям и их преемникам — русским государям — от императоров Византии, а возводит начало власти московского княжеского рода ко временам древнего Рима. По этому сказанию, московские государи ведут свой род от «кесаря» Августа. Иллюстрирующие это легендарное родословие сцены были вырезаны на троне Ивана IV в московском Успенском соборе.

Московские князья по своему политическому достоинству издревле не уступают римским и византийским императорам — вот та мысль, которую проводит сказание о князьях владимирских. Следовательно, и Русское государство стоит выше древних царств — римского и греческого, так как последние были обречены на гибель, а Русская земля идет к дальнейшему расцвету и политическому росту, не зная себе соперников.

К XV в. Москва окончательно стала центром русского летописания. Местные летописи перерабатывались в Москве и входили в состав общерусского свода. В начале 80-х годов XV в. в Москве был составлен свод, доведенный до рассказа о включении Новгорода в состав Русского государства. Он лег в основу последующего московского летописания. Были переработаны и литературные произведения о борьбе с татарами, созданные в Рязани, Смоленске и т. д. (повести о Евпатии Коловрате, Меркурии Смоленском и пр.).

Княжеский дворец в Угличе, XV в.

* * *

Образование Русского централизованного государства вызвало расцвет искусства. Превращение Москвы в общерусскую столицу было связано с полной перестройкой ее укрепленной части — Кремля. Каменный княжеский дворец с приемными залами и другими многочисленными комнатами разного назначения, яркий памятник труда русских строителей, соответствовал новым условиям дворцовой жизни, которая не могла удовлетвориться тесными формами старых построек. Рядом с дворцом находились главные соборы. Все постройки были обнесены новой линией каменных стен и башен, представлявших величественное и грозное военное сооружение.

Большое строительство в Москве стягивало лучшие строительные кадры из других феодальных центров: псковичей, тверичей, ростовчан и других, которые приносили свои технические и художественные традиции, перерабатываемые здесь под влиянием новых требований и вкусов. К ним присоединились приглашенные в Москву итальянские мастера: Аристотель Фиоравенти, Антон Фрязин, Марко Руфо, Петр Соларио, Алевиз и др.

Каменные стены Кремля, построенные при Дмитрии Донском, успели к концу XV в. обветшать и терялись среди массы деревянных построек, поэтому в 1485 г. началась постройка новых кирпичных стен и башен, продолжавшаяся несколько лет. Первоначально была построена стена, обращенная к Москве-реке, позднее были возведены стены по другим сторонам кремлевского треугольника. Постройка новых стен сопровождалась расширением Кремля в сторону Красной площади.

Новый московский Кремль, построенный трудом лучших русских строителей, с технической стороны отвечал всем требованиям военно-инженерного дела того времени.

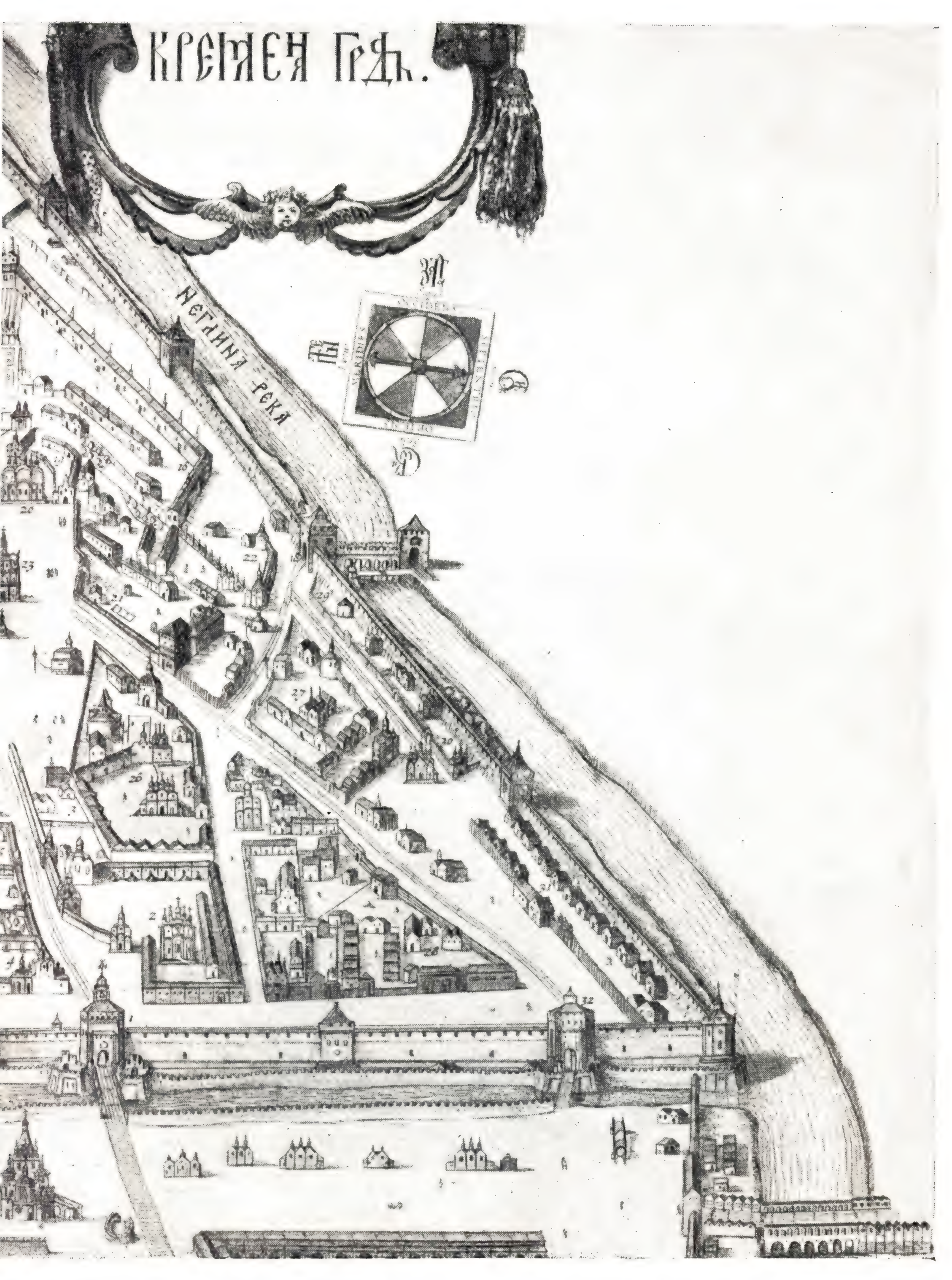
В 1470 г. разрушился один из приделов старого Успенского собора, построенного еще при Иване Калите. Московское правительство решило на его месте создать новый собор. Работа была поручена русским зодчим. Строительство собора велось при участии Аристотеля Фиоравенти.

Зодчим была указана и художественная задача: кремлевский собор должен быть выдержан в традициях русского зодчества и походить на Успенский собор во Владимире. Постройка собора была окончена в 1478 г. Современник с похвалой отметил работу зодчих и красоту нового собора: «и бысть же та церковь чюдна вельми величеством и высотою, и светлостью и звоностью и пространством, такова же преже того не бывала в Руси, опричь Владимирские церкви».

Несколько позднее, в 1482—1490 гг., псковские мастера построили Благовещенский собор, который во многом сохранил старые архи-

План Московского Кремля конца XV

План Московского Кремля конца XVI в.

Образец чеканной работы. «Сион» (церковный сосуд) из Успенского собора Московского кремля, 1486 г.; нижняя часть со скульптурными фигурами относится к XII в.

тектурные традиции. В 1505—1509 гг. был сооружен Архангельский собор. Три новых собора существенно дополнили ансамбль кремлевских построек.

Почти одновременно с постройкой кремлевских стен и соборов шло строительство дворца. В 1487—1491 гг. сооружается Грановитая палата, предназначенная для парадных великокняжеских приемов. Снаружи она была выложена гранеными камнями, от чего получила свое наименование. К ней примыкало украшенное изваянием льва «красное» крыльцо. Затем были сооружены другие постройки, образовавшие вместе великокняжеский дворец. Он был в основном закончен в 1508 г.

В то время как шло пышное княжеское и церковное строительство в Кремле и возводились новые дома для бояр и богатых купцов, основная часть площади Москвы была застроена простыми деревянными домами, среди которых ютились лачуги ремесленников — каменщиков, плотников и других строителей — тех, кто возводил лучшие образцы отечественного зодчества.

Примеру Москвы следовали и другие города, особенно столицы удельных князей. В Волоколамске, Дмитрове, Угличе воздвигались каменные соборы по образцу московских. Такие же соборы отстраивались в больших монастырях (Пафнутьево-Боровском, Кирилло-Белозерском и др.). Стремление подражать роскоши великокняжеской резиденции вызвало появление каменных дворцов и в удельных столицах. Таков трехэтажный дворец XV в. в Угличе, от которого сохранилась сводчатая парадная палата, соединявшаяся деревянным переходом с рублеными княжескими покоями.

В русском искусстве XV в., развивавшемся на основе национальных традиций, использовались и образцы искусства античного и итальянского.

Произведений монументальной живописи конца XV — начала XVI в. сохранилось очень мало. Погибла роспись многих соборов. Не дошла до нас и роспись знаменитого художника Дионисия, исполненная им в 1484 г. совместно с сыновьями и Паисием в соборе Иосифо-Волоколамского монастыря, так же как не дошла и его же роспись 1480 г. в соборе Пафнутьево-Боровского монастыря.

Ярким памятником деятельности этого мастера, имеющим громадное значение для искусства, является полностью сохранившаяся до нашего времени роспись Ферапонтова монастыря, исполненная Дионисием и его сыновьями Феодосием и Владимиром в 1500—1502 гг.

Среди изделий прикладного искусства необходимо упомянуть два «сиона» Успенского собора (большой и малый), исполненных по заказу Ивана III. Большой является лишь реставрацией старого сиона владимирского Успенского собора XII в., от которого сохранилась

Чаша красного мрамора в золотой сканной оправе
работы мастера Ивана Фомина, 1449 г.

Загорский музей.

Образец сканной (филигранной) работы — золотой складень 1456 г. работы мастера Амвросия.

Загорский музей.

Образец миниатюрной резьбы по дереву — внутренний вид складня работы мастера Амвросия, 1456 г.

Загорский музей.

нижняя часть со скульптурными фигурами. Верх его был сделан в 1486 г. Малый сделан в том же году заново в виде кубического одноглавого храма с тремя ярусами закомар-кокошников. Высказано предположение, что он повторяет форму второго Успенского собора, выстроенного московскими зодчими Мышкиным и Кривцовым. Нижний куб этого сиона заполнен горельефными фигурами.

Образец деревянной скульптуры XV в.— Никола Можайский.

От середины XV в. сохранилось несколько выдающихся ювелирных изделий с вырезанными на них датами и именами сделавших их мастеров. К таким произведениям относится чаша из красного мрамора в оправе из тончайшей золотой скани (филиграни) прекрасной работы, на золотом же поддоне. Она сделана мастером Иваном Фоминым в 1449 г. Близок к ней по времени и золотой складень, также тонкой сканной работы Амвросия (1456 г.). Ему же принадлежит и тончайшая миниатюрная резьба по ореховому дереву, находящаяся внутри складня. Амвросий явился основателем школы резчиков по дереву, которыми славился в XV—XVI вв. Троице-Сергиев монастырь.

Сохранились произведения и деревянной скульптуры: деревянные статуи (Никола Волоколамский, статуи на новгородском амвоне и др.). Плоская распластанность фигуры, покрытой росписью по левкасу, делает эти памятники по стилю близкими к живописи.

Произведения шелкового шитья (вышивки) несут на себе прямой отпечаток современного им искусства живописи; зачастую рисунок для вышивальщицы давался художником-иконописцем. Такова известная пелена 1494 г. Троице-Сергиевой лавры, вышитая Софьей Палеолог, несомненно, по рисунку какого-то придворного мастера, может быть, Дионисия.

У нас нет точных данных о театральном искусстве того времени. Но и в былинах и в летописях упоминаются скоморохи — бродячие народные артисты, музыканты, плясуны, комедианты.«Гусельники-скоморохи не только играют на своих инструментах. Одновременно они „сказывают" произведения русской народной поэзии... По ходу своих выступлений они вводят также „разговорные номера", становятся народными сатириками. Переряженные на святках в маскарадные наряды, скоморохи разыгрывают комические диалоги, закрепляя за собой расширенное название „игрецов", а за своими выступлениями—„игрищ". В этом качестве скоморохи играют большую роль в процессе формирования русской народной драмы, являясь изустными хранителями ее сценария и профессиональными участниками ее представлений»[1].

О сатирической направленности искусства скоморохов свидетельствует Рязанская Кормчая, которая называет их «глумцами», т. е. насмешниками. С развитием классовой борьбы сатирические выступления скоморохов преобретали особо острый и злободневный характер.

Итак, вторая половина XV в. отмечена бурным ростом русской национальной культуры во всех областях литературы и искусства.

* * *

Русская культура развивалась в тесном взаимодействии с культурой славянских народов. Культурное общение Руси с южными славянами шло двумя путями: путем поездок русских в Константинополь и на Афон и через выходцев с Балканского полуострова, попадавших на Русь. В Константинополе была специальная русская колония. Когда в 1389 г. московский митрополит Пимен прибыл в Константинополь, его встретила «Русь, живущая тамо». Спутник Пимена Игнатий описывает добрый прием, оказанный русскими людьми путешественникам: «И упокоиша нас добре тамо живущая Русь»[2]. В Константинополе и на Афоне жили русские, занимавшиеся перепиской книг. Известны имена русских писцов Ефрема, Евсевия и др. Авраамий Русин переписал на Афоне несколько памятников житийной литературы и привез их в Тверь при великом князе Борисе Александровиче.

В памятниках русской литературы виден большой интерес, проявляемый русскими людьми к жизни славянских стран. Спутник Пимена

---

[1] *С. С. Данилов.* Очерки по истории русского драматического театра. М.—Л., 1948, стр. 38.

[2] «Русский времянник, сиречь летописец, содержащий российскую историю», ч. 1, М., 1820, стр. 293—311.

Игнатий записал слышанный им рассказ о битве на Коссовом поле. В русской летописи под 1393 г. имеется запись о взятии турками болгарской столицы Тырнова. В одном из списков «Задонщины» Тырнов упоминается среди городов и стран, радующихся победе русского народа над татаро-монгольскими полчищами на Куликовом поле. В списке русских городов, составленном в конце XIV — начале XV вв., русскими городами назван ряд болгарских (Тырнов и др.) и молдавских (Ясский торг на Пруте, Хотин на Днестре), в силу того, повидимому, что там было значительное русское население. Призывая русских людей к борьбе с ханом Ахматом в 1480 г., летописец вспоминает «велиции и славнии земли», разоренные турками (Болгарию, Сербию, Боснию, Хорватию и др.)

С другой стороны, в славянских странах проявлялся живой интерес к Руси, русскому языку, русской литературе. Болгарский книжник Константин Костенчский, близкий ко двору сербского деспота Стефана Лазаревича, в составленном им «Сказании о письменах» называет русский язык «краснейшим». Выражая идею славянского единства, Константин Костенчский указывает, что «дивнии и мудрии мужи» при переводе первых книг с греческого языка на славянский в основу положили русский язык, дополнив его словами из языков болгарского, сербского, чешского, хорватского и др.

Нашествие турок на славянские страны Балканского полуострова привело к тому, что ряд славянских выходцев направился на Русь. Многие из этих выходцев заняли в Русском государстве видное положение в качестве церковных иерархов и известны как политические деятели и деятели феодальной культуры. Особенную известность получили митрополит Киприан и его племянник киевский митрополит Григорий Цамблак, близкие к тырновскому патриарху Евфимию. Киприан и Цамблак пользовались свойственным югославянской феодальной литературе риторическим стилем в церковной проповеди. Представителями той же стилистической манеры в области агиографии (житийной литературы) были: выходец с Афона, серб по происхождению, Пахомий, получивший прозвище Логофет (буквально «словоположник») и его последователь русский монах Епифаний Премудрый.

Переселялись на Русь и мастера-ремесленники из южнославянских стран, например серб Лазарь, сделавший в 1404 г. для великого князя Василия Дмитриевича замечательные часы.

Русские письменные памятники (например, сборник «Пчела», «Повесть об Акире Премудром» и др.) распространялись в Болгарии и Сербии. С другой стороны, русско-славянские культурные связи нашли свое отражение и в русской рукописной графике (особый тип письма — «полуустава»), в орфографии, в рукописном орнаменте и т. д.

Таким образом, славянские народы, страдавшие под турецким игом, рассматривали Русь как центр культуры и просвещения, искали в ней опору для борьбы с иноземными захватчиками[1].

3

ЗНАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Для времени образования Русского централизованного государства характерен также рост научных знаний и просвещения.

Большое строительство (гражданское и церковное) способствовало развитию практической техники. В этом строительстве приходилось руководствоваться «представлениями об условиях и различных формах устойчивости и равновесия сооружений, решая практически некоторые статические задачи»[2]. При строительстве в 1433 г. в Новгороде так называемой «Евфимьевой палаты» задача достижения равновесия была разрешена введением «подпружных» арок. В 1439 г. при постройке в Новгороде «звонницы» равновесие было достигнуто устройством в основе звонницы широкой платформы, подпираемой системой арок.

Введение стенобитных и метательных орудий и артиллерии намечало задачи военной практической динамики: расчеты силы и дальности полета камней, ядер и т. д.

Источники сохранили некоторые сведения о механизмах, применявшихся в русской технике. Так, в конце XV в. при постройке Успенского собора был использован блок: «вверху цепляше малые колесца, еже плотники векшею зовут»[3]. Стенобитные орудия («пороки») действовали при помощи рычага. Появление в Москве и Новгороде часов указывает на знакомство русских мастеров с системой зубчатых колес.

Практическая деятельность русских мастеров служила основой и для накопления сведений в области минералогии, геологии, физики, химии, биологии.

В процессе добычи соли, слюды, серы, железной руды и т. д. расширялись представления о минералах. Кузнечное дело, изготовление орудий, чеканка монеты требовали знакомства с практической

---

[1] *М. Н. Тихомиров*. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. «Славянский сборник», 1947, стр. 166—180.

[2] *Т. И. Райнов*. Наука в России XI—XVII вв. М.—Л., 1940, стр. 138.

[3] ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 206—207.

физикой. Без понимания элементарных начал прикладной физики и химии нельзя было построить трубы для добычи соли, действовавшие при помощи поршневого насоса. Химические сведения накапливались в результате работ со смесями, растворами, сплавами (изготовление пороха, пользование пушечными сплавами, употребление соляного раствора, составление известкового грунта для стенной живописи и т. д.).

Практическая ботаника, заключавшаяся в представлении о видах почв и их значении для урожайности, вырастала на основе развития сельского хозяйства. Применение лесных материалов в строительстве давало толчок развитию лесохозяйственной ботаники. В процессе непосредственной хозяйственной деятельности развивались элементы прикладной зоологии.

Наряду с ростом чисто практических знаний среди широких масс городских и сельских ремесленников появилось множество произведений, в которых излагались общие представления о природе, преобладавшие в русском обществе. Правда, в ряде переводных сочинений господствовали богословско-мистические взгляды на явления окружающего мира. К числу таких произведений относятся «Книга Еноха», «Христианская топография» Космы Индикоплова, «Физиолог», «Богословие» Иоанна Дамаскина, «Шестоднев» Иоанна Экзарха и др. Многие из них были известны еще в древней Руси. Богословско-мистические представления о природных явлениях встречаются и в оригинальных русских произведениях: летописях, памятниках паломнической литературы, астрологических компиляциях и т. д.

Однако многие источники показывают, что в связи с общим развитием культуры делались попытки реалистического объяснения явлений окружающего мира, появились работы, посвященные отдельным отраслям знания.

В XV в. в связи с развитием государственных финансов, писцового дела приобретали важное практическое значение руководства по арифметике и геометрии. Эти руководства создавались для писцов, участвовавших в землемерных работах. Распространение пособий по арифметике было связано и с развитием товарно-денежных рыночных отношений. В арифметических руководствах нуждалось посадское население растущих городов.

В летописях замечается большой интерес к астрономическим явлениям. Так, в ряде летописей под 1472 г. сохранилось описание кометы («хвостатой звезды»). Бросается в глаза наблюдательность летописцев, зафиксировавших как внешний вид кометы, так и ее положение и относительное движение по небесному своду: «луч от нее долог велми, толст, светел, светлее самые звезды»; комета двигалась в направлении

с востока к западу, «а луч от нее вперед протяжеся, а конець луча того аки хвост великиа птицы распростерт»[1].

Не менее интересны содержащиеся в летописях подробные описания солнечных затмений. Такое описание сохранилось, например, в псковской летописи под 1493 г.: «...бысть знамение от солнца, четыре луча, лучь один недалече от солнца, а другой с другой стороны, а третий на зимний запад, а четвертый на летний запад и все те лучи по край кругов, а круга два: один велик, а другой мал; а круг за кругом занялся, из стороны кругов дуга стояла»[2].

На страницах летописей встречаются и сведения об атмосферных явлениях. Под 1385 г. Никоновская летопись описывает необычную облачность: «...взошедшу солнцу, и прииде тучя с западныа страны к востоку скоро велми, аки тма, и помрачи свет дневный...; и толь бысть темно, яко в осеннюю темную нощь, и не доведяху людие что сие есть, и бысть скорбь и туга велиа в людех; таже помале облаки те видяхуся наджелть суще, таже и багряновидны и тонковидны...; инде же огненыа облацы хожаху и искры падаху на землю и зажигаху»[3].

В некоторых памятниках XV в. затрагиваются темы физики. Так, в одной из рукописей поднимался вопрос о том, почему молния предшествует грому. Это явление автор объясняет бо́льшим совершенством органов человеческого зрения по сравнению с органами слуха. «И тако есть зане зрение человеческое скорейше есть... Сего ради и молния скоро зрить. Слышание же косно чювствуеть и коснит слушати громный грохот и слышит его после же молниа»[4]. С химией были связаны практические рецепты для составления чернил и красок.

В описании засухи под 1371 г. летописец пытается установить связь между засухой и солнечными пятнами. «Того же лета бысть знамение в солнце, места черны по солнцу, аки гвозди, и мгла велика была, яко за едину сажень перед собою не видети; и мнози человеци лицемь ударяхуся, разшедшеся, в лице друг друга, а птицы по воздуху не видяху летати, но падаху с воздуха на землю, овии с главы человеком ударяхуся; тако же и звери не видяще, по селом ходяху и по градом, смешающеся с человеки, медведи, волци, лисици, и прочяя звери. Сухмень же бысть тогда велика, и зной, и жар мног, яко устрашитися и вострепетати людем: реки многа пресохша, и езера, и болота; а лесы и боры горя-

---

[1] ПСРЛ, т. XII, СПб., 1901, стр. 143.

[2] «Псковские летописи», под ред. А. Н. Насонова, вып. 1, М.—Л., 1941, стр. 81.

[3] ПСРЛ, т. XI, стр. 85.

[4] *Т. И. Райнов.* Указ. соч., стр. 249.

ху, и болота, высохши, горяху, и земля горяше. И бысть страх и трепет на всех человецех...»

Появляются и специальные астрономические трактаты. Такова, например, рукопись первой четверти XV в. из собрания Кирилло-Белозерского монастыря, в которой имеются рассуждения «О широте и долготе земли», «О стадиях и поприщах», «О земном устроении», «О расстоянии между небом и землей» и т. д.[1]

Практическое применение астрономия находила при составлении церковных таблиц для хронологических вычислений, в частности для определения дня пасхи и связанных с ней праздников. Старые церковные календари были доведены до 7000 г. (1492). Необходимо было вычислить церковные праздники, прежде всего пасху, на восьмую тысячу лет. Работа была поручена «переводчику» Герасимову, в результате работы которого в Новгороде был составлен расчет праздников на 70 лет, а в Москве — на 20 лет вперед.

Большое внимание русская летопись проявляла к медицине, давая иногда очень подробное описание болезней со всеми их симптомами. В XV в. на русский язык были переведены трактаты греческого ученого II в. Галена, обобщившего достижения античной научной медиицны.

Большой интерес представляет развитие русских географических знаний. Несколько русских путешественников оставили записи о виденных ими странах. Таковы «хождения» новгородца Стефана в Царьград (1348—1349), Игнатия смольнянина (1389—1405) в Царьград, Палестину и Афон, монаха Зосимы в Царьград, дневник путешествия русского посольства в Феррару и Флоренцию на церковный собор (1439), описание поездки «гостя» Василия в Иерусалим (1465—1466), посла С. Толбухина в Венецию (1475) и др.[2]

Все эти географические записи свидетельствуют о большой любознательности и наблюдательности русских путешественников. Новгородец Стефан подробно описывает колосс Юстиниана в Константинополе, видный издали с моря, колонну императора Константина, скульптуры, портики Константинополя, гавань с решетчатыми воротами, военные суда и т. д.

Большое внимание уделяет Стефан строительному материалу, особенно мрамору, отмечая его свойства, цвет и т. д. Житель одного из крупнейших русских торгово-ремесленных центров—Новгорода, европейского портового города, Стефан с исключительным вниманием воспринимает во

---

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 15—16; *Т. И. Райнов.* Указ. соч., стр. 228, 232—234.

[2] См. «История русской литературы», т. II, ч. 1, М.—Л., 1945, стр. 121, 227.

время своего путешествия все то, что может обогатить его знания и опыт и быть творчески использовано на Родине.

Игнатий смольнянин с большой наблюдательностью описал политические события, свидетелем которых он был в Константинополе: феодальную борьбу между двумя партиями императоров Иоанна II и Мануила, вылившуюся в вооруженную усобицу, во время которой ее участники «осветиша весь град фонарьми, ганяюще по всему граду и на конех и пеши толпами, голы оружья держаще в руках своих и стрелы готовы, и луки положены».

Описывает Игнатий и вооруженное нападение на русский корабль у Азова владевших им генуэзцев («фрягов»). Когда корабль с русскими путешественниками стал на якорь, «фряги» «наскакаша на корабль, и бысть топот велик на мосту корабля». Русский митрополит Пимен был скован и освобожден только после того, как с него была взята «довольная мзда».

Автор описания путешествия русского посольства в Феррару и Флоренцию внимательно осматривал европейские города: Дерпт, Любек, Люнебург, Аугсбург, Брауншвейг, Венецию, Флоренцию. Его интересовало развитие ремесел, торговли, благоустройство городов, строительная техника. Он отмечает, что Венеция является крупным центром международной торговли, что там «товару всякого полно, занеже корабли приходят изо всех земель, от Иерусалима, и от Царяграда, и от Азова, и ис Турские земли и из Срачин, и из Немець». В Брауншвейге автор обратил внимание на черепичные крыши, в Люнебурге на фонтаны, которые «напаяють весь град той и скоты», во Флоренции—на «больницу велику... на тысящу кроватей», в Ферраре—на часы со сложным механизмом и т. д. Перед нами серьезный, умный наблюдатель, оценивающий все им виденное как практик, стремящийся изучить чужой опыт и оценить его с точки зрения собственных знаний и опыта.

Гость Василий с интересом рассказывает о системе планировки азиатских городов («из улицы в улицу хода несть, кийждо улица имать вход свой, улица с улица не знается»), описывает городские укрепления, «стрелницы великие», «рвы», «бои», «потайные выходы», мосты, торги, бани, водяные мельницы и т. д. Его внимание привлекает устройство водопроводов («воды разведены по торгом и по улицам, и по двором и по баням») и пр. При оценке виденного Василий вспоминает свою родину: так реку под Арманчуком он сравнивает по «величеству» с Окой.

Особенно ценно «Хожение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина (1466—1472), ранее Васко де Гама проникшего в Индию. Спустившись по Волге до Астрахани, Никитин через Дербенд пробрался в Персию, а оттуда в Индию. Вернулся в Россию он в 1472 г. через Трапезунд и Черное море и, не доезжая

Смоленска, умер. В его записках, доставленных в Москву купцами и переданных дьяку Ивана III В. Мамыреву, содержится описание Персии, Индии, а на основании расспросов — также Цейлона, Китая и других мест. Необычайная наблюдательность к природе и этнографии виденных им мест присуща запискам Афанасия Никитина.

Произведение Никитина состоит из трех частей: описание пути до Индии, рассказ о четырехлетнем пребывании в Индии, дневник возвращения на родину.

А. Никитин описывает трудное путешествие по Волге, где существовали грабительские татарские ханства. Астраханские татары напали на путешественников, ограбили их и «отпустили голими головами за море». Добравшись до Дербенда, путешественники просили ширваншаха, чтобы он их «пожаловал чем дойти до Руси». «И он нам не дал ничего,— рассказывает Никитин,— ано нас много. И мы заплакав, да разошлися, кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошол на Русь, а кой должен, а тот пошел, куды его очи понесли, а иные осталися в Шемахее, а иные пошли работать к Баке,... где огнь горить неугасимы»[1]. Никитин также отправился в Баку, а оттуда через Персию в Индию.

Будучи в Индии, Никитин старался пополнить свои сведения о стране путем бесед с ее жителями: «познася со многыми индеяны... и они же не учалися от меня крыти ни о чем, ни о естве, ни о торговле, ни о намазу, ни о иных вещех, ни жон своих не учали крыти»[2]. Никитин подробно описал индийские торговые города с указанием на товары, имевшиеся на рынках. Уделил он внимание и сельскому хозяйству: земледелию, скотоводству. В произведении Никитина имеются и интересные сведения о имущественном неравенстве: «А земля людна велми, а сельскыя люди голы велми, а бояре силны добре и пышны велми; а все их носять на кроватех своеих на сребряных, да пред ними водят кони в снастех...»[3]

Ценны в записках Никитина искренние чувства русского патриота, который хранил память о Родине в течение своих долгих странствований.

Образование централизованного государства вызвало подъем интереса к историческим знаниям. В связи с ликвидацией независимости ряда феодальных центров северо-восточной Руси оттуда, по распоряжению Ивана III, были свезены в Москву государственные архивы. Они послужили основой для составлявшихся в Москве летописных сводов. Центром официального летописания сделался Посольский приказ.

---

[1] «Хожение за три моря Афанасия Никитина, 1466—1472 гг.», М.—Л., 1948, стр. 10—11.

[2] Там же, стр. 17.

[3] Там же, стр. 118—130.

Постепенно создавалась официальная историографическая схема русского исторического процесса, основной движущей силой которого был, в представлении феодальных историков, рост самодержавия. Эта концепция московских летописных сводов впоследствии легла в основу построений дворянской историографии XVIII—XIX вв. Но этой схеме противостояли народные представления о русском богатырском прошлом, отразившиеся в памятниках устного творчества. В них воспевается народ как подлинный творец истории. Передовая демократическая историография, рассматривавшая народ как творческую силу исторического процесса, пользовалась памятниками народного творчества.

4

БЫТ

Русь достигла к XIII в. высокого уровня материальной культуры. Об этом говорят современники, об этом наглядно свидетельствуют и сохранившиеся вещественные памятники[1].

Татарское нашествие привело к неисчислимым потерям в области материальной культуры. Но творческие силы русского народа превозмогли самые неблагоприятные условия, созданные татарским нашествием.

Мы располагаем очень скудными сведениями о быте русского народа. От этого времени дошло слишком мало археологического материала. Еще беднее сохранился изобразительный материал. Жилища простых людей, сплошь деревянные, как и большая часть предметов обихода, деревянная и глиняная посуда,— не могли сохраниться до нашего времени. Литературные памятники говорят преимущественно о быте социальных верхов. Объединяя археологические данные с указаниями немногочисленных письменных источников и с небольшим изобразительным материалом, можно составить лишь некоторое представление о быте той поры.

Жилища и хозяйственные строения в своем большинстве возводились из дерева. Они представляли собой срубы, изображения которых имеются на рисунках «Радзивиловской летописи» XV в. Часть ее многочисленных рисунков, по мнению специалистов, воспроизводит не дошедшие до нас более древние оригиналы[2]. О внешнем виде древнерусской избы можно судить по материалам раскопок на месте Старой Рязани, отно-

[1] См. гл. 1, § 3 настоящего издания.

[2] *А. В. Арциховский.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

сящихся ко времени до нашествия татаро-монголов, где были обнаружены следы нескольких десятков жилищ[1]. Избы были деревянные, просторные, с дощатыми полами, двускатными тесовыми или соломенными крышами. Посредине на деревянном помосте стояла глинобитная печь, топившаяся по-черному. В богатых избах печи были кирпичные. Под полом были вырыты ямы для хранения продуктов. Окна, прорезанные ближе к потолку, чтобы дать возможность лучше выходить дыму, были «волоковые» — отверстия задвигались («заволакивались») заслонками.

Раскопки на территории Киева обнаружили ряд полуземляночных жилищ бедноты. Для их устройства в земле делалась выемка, над которой возводился деревянный каркас, обмазывавшийся глиной. В землянку вели вырубленные в грунте ступени. Перед входом устраивалось крыльцо. В углу помещалась глинобитная печь куполообразной формы, топившаяся по-черному. Наряду с полуземляночными жилищами в Киеве были и срубные[2]. В Москве жилища основной массы населения представляли собой неглубоко врытые в землю квадратные срубы из еловых или дубовых бревен. Планировка усадеб зависела от социальной принадлежности хозяев. Изба, стоявшая прямо на земле, называлась «поземной». Часто она ставилась на «подклете» — нижнем помещении, где находился скот или хранились вещи. В этом случае сама изба получала название «горницы» (т. е. помещения, находившегося наверху, на горе). Горница с подклетью была признаком уже некоторого достатка хозяина. У более богатых во дворе имелись еще летние неотапливаемые помещения — клети, ставившиеся также на подклетах. В них можно было жить в летнее, жаркое время; кроме того, они служили для хранения вещей.

Если горница была снабжена «красными» окнами, через которые проходило больше света, чем через волоковые, она называлась «светлицей». Светлицы были принадлежностью богатых домов; в них по преимуществу производились женские работы по шитью и вышиванию, требовавшие хорошего освещения. Наконец, как показатель большого достатка, в жилище бывал еще третий ярус — терем[3]. В верхние помещения вела наружная лестница. Перед входом в жилые комнаты всегда находились обширные сени. Первоначально они служили приемной: в великокняжеском дворце в сенях находился престол

---

[1] *А. А. Мансуров.* Древнерусские жилища (по материалам археологических раскопок в Старой Рязани). «Исторические записки», 1941, № 12, стр. 61—95.

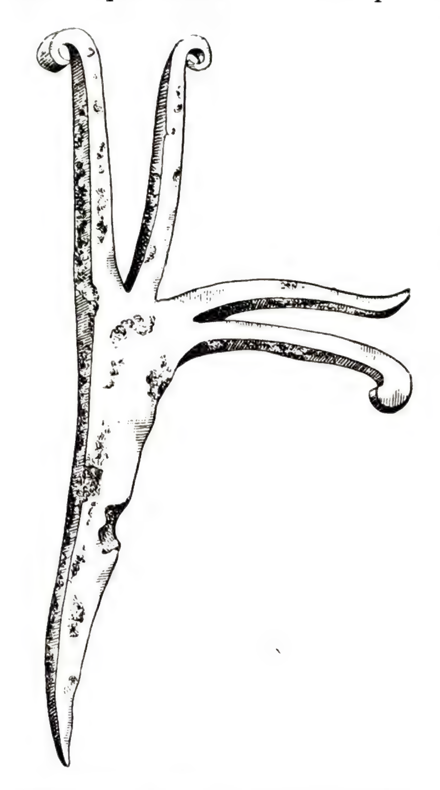
[2] «История культуры древней Руси», т. I, М.—Л., 1948, стр. 208—211.

[3] *И. Е. Забелин.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 1, М., 1918, стр. 28—33.

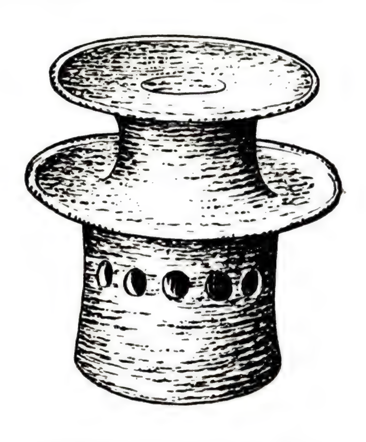
князя, здесь собиралась его дружина, происходило судебное разбирательство[1].

Дома знати представляли собой систему отдельных срубов, соединенных переходами. Такой характер жилого строения удерживался очень долго. Достаточно вспомнить царский деревянный дворец в селе Коломенском, построенный в XVII в. Искусно комбинируя все тот же крестьянский сруб, русские зодчие сумели создать ни с чем не сравнимый по оригинальности и красоте архитектурный комплекс.

Обстановка рядового дома была очень несложна. Если в XVII в. она состояла из простых столов, скамей и лавок вдоль стен, служивших и для сиденья и для спанья, то нет основания предполагать, что в предшествующее время она была обильнее.

Железный светец XII в., найденный при раскопках Н. Н. Воронина в Суздале.

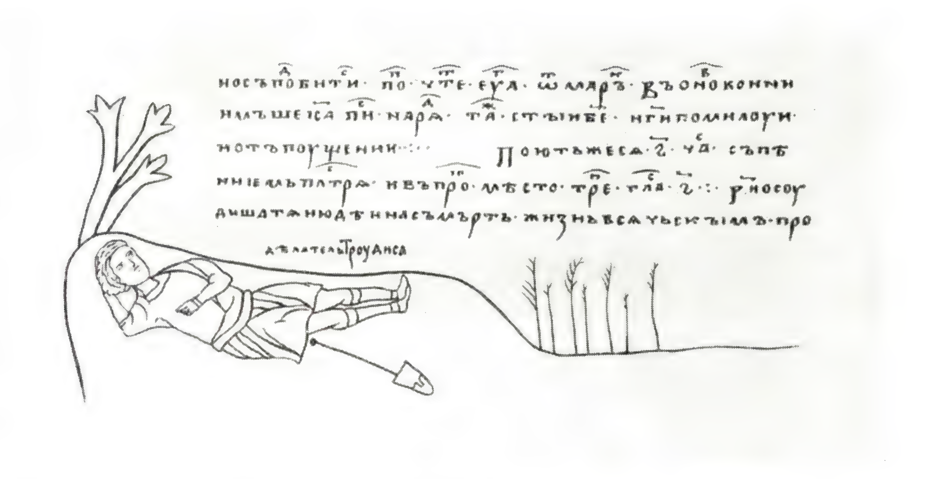

Глиняный светильник XII в., найденный при раскопках М. К. Каргера в Киеве.

На миниатюрах встречаются изображения столов, скамей и табуретов в княжеских дворцах, в домах бояр, в монастырях. Они украшены резьбой и живописью, сиденья покрыты подушками и валиками, что указывает на стремление к удобствам; той же цели служили маленькие скамеечки, подставлявшиеся под ноги.

[1] *В. Ф. Ржига.* Очерки из истории быта до-монгольской Руси. М., 1929, стр. 7—14.

Простые избы освещались обычно лучинами, вставлявшимися в расщелину печи. При большем достатке хозяев лучина вставлялась в металлический светец. В зажиточных домах комнаты освещались сальными свечами, ставившимися на стол в деревянных или металлических подсвечниках. Среди великокняжеского имущества начала XVI в.

Миниатюра из рукописи XII в. с изображением отдыхающего крестьянина.

встречаются серебряные «шандамы». В «Житии Сергия Радонежского», составленном в начале XV в., говорится, что Сергий сам «свечи скаше»[1]. В богатых домах встречались и светильники, в которых горело растительное масло. Такой бронзовый светильник изящной формы был найден при раскопках близ Смоленска.

В изображениях людей на миниатюрах XV в. легко заметить социальное различие: одни одеты в длинные до пят одежды, украшенные по подолу, у ворота и обшлагов вышивкой и, вероятно, драгоценными камнями, другие — в коротких платьях, большей частью в обыкновенных, дошедших до нашего времени, русских рубашках, перехваченных поясами. Тексты при миниатюрах объясняют, что обладатели длинных одежд — князья, бояре, купцы, люди в коротких платьях — «простолюдины».

В «Житии Сергия» имеется изображение пашущего крестьянина, крестьян, приносящих оброк, и «простолюдина», пришедшего к Сергию.

К более раннему времени относится изображение из псковского «Устава» (XII в.). На нем представлен человек, лежащий на земле под

---

[1] «Памятники древней письменности», т. 58, СПб., 1885, стр. 79.

Буква «М» из Новгородской рукописи XIV в. с изображением двух рыбаков.

деревом, подложив руку под голову, в ногах его лопата, он отдыхает. Поблизости от него, под пригорком, видны стебли растений, повидимому схематическое изображение нивы. Это изображение ценно еще и потому, что при нем имеется надпись, современная рисунку: «делатель трудися»[1]. Это пока единственное подписное изображение трудящегося, земледельца того времени. Он одет в русскую рубашку, перехваченную поясом. В короткой одежде изображены рыболовы, несущие сеть с пойманной рыбой и переговаривающиеся на ходу между собой (в «Псалтыри» XV в.), два человека, несущие на палке ведро («Толковая палея», 1477 г.), несколько фигур, вырезанных на рогатине тверского князя Бориса Александровича, каменщики, строящие церковь (одно из клейм иконы митрополита Алексея из Успенского собора в Кремле работы Дио-

[1] «История культуры древней Руси», т. I, стр. 234—236.

нисия, 1481 г.). Так же изобразил себя новгородский мастер Авраамий (XIV в.). Можно было бы привести еще много примеров, но и этих достаточно, чтобы утверждать, что характер одежды резко различался в зависимости от социальной принадлежности ее владельца. Тяжелые, длинные, разукрашенные одежды носили представители знати. Для рабочего человека — земледельца, чернорабочего, ремесленника такая одежда, связывающая движения, мешающая в работе, была непригодна. Материалами для одежды служили домотканное сукно и беленый холст.

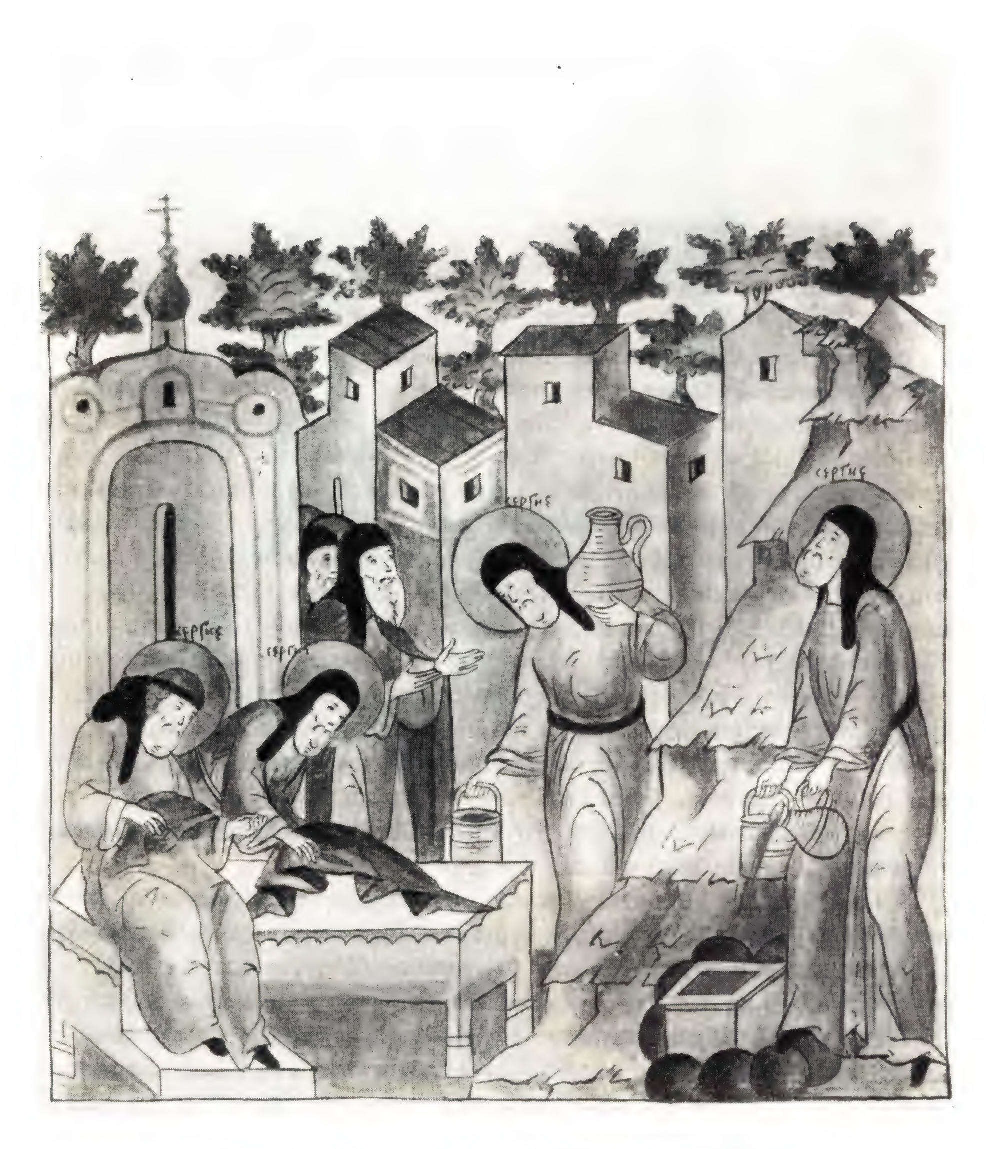
В зимнее время крестьяне носили меховую одежду. Повидимому, очень распространенными были шубы из медвежьего меха. Медвежьи шубы считались «простонародными». Новгородский епископ Нифонт разъяснял, что «нетуть беды ходити, хотя и в медведине»[1]. Одежда обычно шилась дома. На одной миниатюре к «Житию Сергия» изображен человек, занятый шитьем кафтана; на другой — монах кроит ножницами материю, а его сосед шьет. О головных уборах крестьян мы ничего не знаем. На миниатюрах они обычно изображаются с непокрытыми головами. Обувью крестьянам служили лычные лапти. В лаптях крестьяне обычно изображаются на миниатюрах (например, в «Житии Сергия Радонежского»). Городское население носило по преимуществу кожаную обувь. На это указывает и недавно открытая во время раскопок в Новгороде сапожная мастерская. О том, какова была одежда крестьянок, — данных нет. Сохранились лишь, и в довольно большом количестве, женские украшения: серьги, височные кольца, шейные гривны, бусы из сердоликовых и хрустальных зерен, перстни, браслеты, пряжки, пуговицы. Из мужских украшений встречаются поясные пряжки, цепи, пуговицы[2].

Для суждения об одежде представителей господствующего класса сохранился больший материал. Кроме изображений на миниатюрах и фресках, имеется перечень одежд в духовных грамотах князей. В них перечисляются одежды и мужские и женские. В документах XV и самого начала XVI в. эти перечни становятся все длиннее, а стоимость одежд выше. Названия одежды те же, какие встречаются и позднее в княжеском и боярском обиходе (мужская одежда: шубы, кожухи, опашни, однорядки; женская: шубы, опашни, летники, кортели, телогреи). Материалами для этих одежд служили сукно, бархат, атлас, камка, привозившиеся из других стран; они украшались «ожерельями» (отложными широкими воротниками) из соболей или шитыми по шелку жемчугом и драгоценными камнями.

---

[1] РИБ, т. VI, стб. 48.

[2] «История культуры древней Руси», т. I, стр. 236—239.

Кройка и шитье одежды. Миниатюра конца XVI в.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

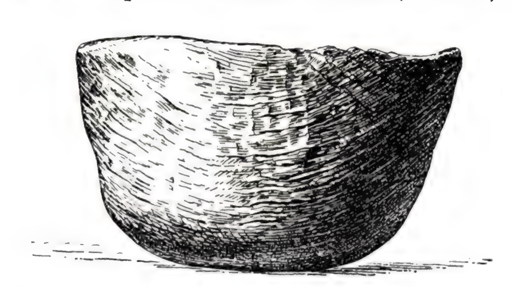
Духовные грамоты упоминают о разнообразных украшениях, употреблявшихся как мужчинами, так и женщинами (перстни, цепи, мониста, пояса с золотыми и серебряными пряжками, сапоги, шитые шелками и украшенные жемчугом, женские венцы с жемчужными «рясами», серьги и др.). Одежда знати резко отличалась от народной одежды и покроем.

Часть деревянной бочки XV в., обнаруженная при раскопках ИИМК в Зарядье (Москва).

Новшества в отношении одежды проникали и в монашескую среду. В одном духовном завещании, составленном до 1479 г., обличавшем чернецов в «неправедном житии», им предписывалось, между прочим, «ни немецкого платиа носити, ни с пухом шуб носити»[1]. Таким образом, даже небольшой сохранившийся материал дает возможность говорить о наличии резко выраженной грани в быту между народными массами, с одной стороны, и правящей верхушкой — с другой.

Имелись также различия в нравах и обычаях, отмеченные современником—митрополитом Даниилом(XVI в.). Он жалуется на то, что у молодых знатных людей вошло в моду, вопреки исконному обычаю, коротко стричь волосы на голове и брить или даже выщипывать усы и бороду, а также красить щеки и губы, подобно женщинам. Они одеваются в дорогие одежды, осыпанные драгоценными камнями, носят красные сапоги, шитые шелками, такие тесные, что ногам приходится от них «великую нужу терпети»[2]. Чтобы

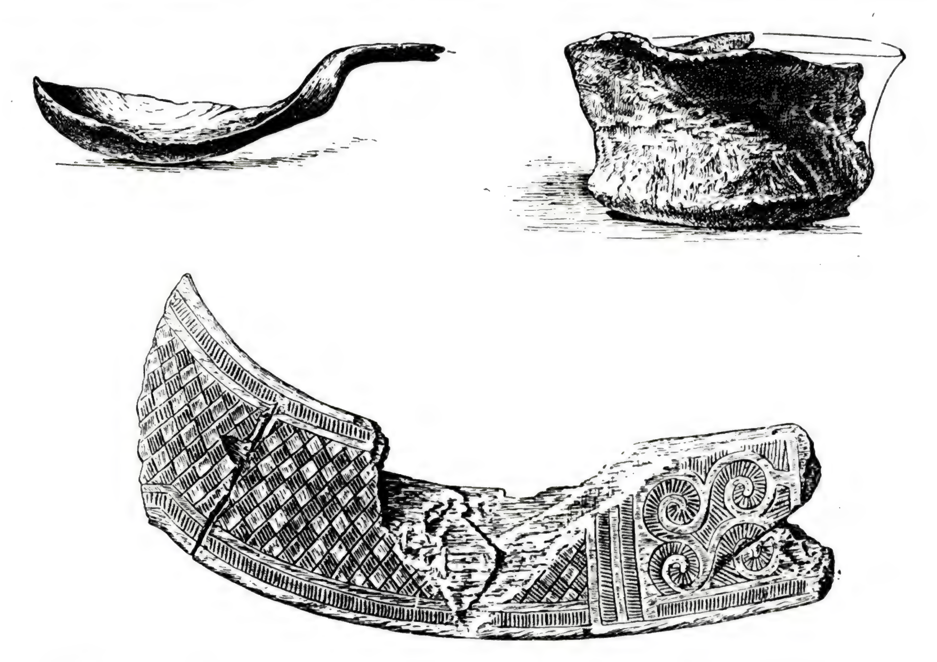
Деревянная чашка XV в., обнаруженная при раскопках ИИМК в Зарядье (Москва).

---

[1] ААЭ, т. I, № 108, стр. 83.

[2] *В. И. Жмакин.* Митрополит Даниил и его сочинения, ч. 2. «Чтения ОИДР», 1881, кн. 2, Отдел приложений, стр. 19—20.

казаться выше ростом, они подкладывают на плечи под одежду деревяшки. Ум их занят мыслями о хороших манерах: «О кивании главе, о уставлении перст, о выставлении ног, и ина много понуждаються творити неполезнаа»[1]. Женщины не отстают от них. Они сверх меры белят

Деревянная ложка, чашка и резная деталь из передка саней XV в., обнаруженные при раскопках ИИМК в Зарядье (Москва).

и красят лица (умеренное крашение Даниил считает нормальным явлением), «чернят глаза», выдергивают брови и наклеивают другие, изменяя их форму — «выспрь возводяще»[2]. Особенно возмущается Даниил тем, что женщины изменяют форму своей головы, повивая ее под убрусом так, что она приобретает круглую форму, чего, очевидно, требовала мода того времени. Эти моды, шедшие вразрез с народными обычаями, являются одним из показателей того, что правящий класс вводил в свою культуру иноземные элементы.

Самой распространенной посудой была деревянная и глиняная. Деревянная посуда почти не сохранилась, глиняная дошла до нас в большом количестве. В литературных памятниках упоминаются следующие виды деревянной посуды: бочка, кадка или кадь (как мера сыпучих тел и как сосуд для хранения продуктов), ведро (окованное же-

[1] *В. И. Жмакин.* Указ. соч., стр. 31.

[2] Там же, стр. 33, 63—64.

лезными обручами), корыто, ночва (лоток), чашка, ложка, чум (ковш). Встречается кош (корзина). Из глиняной посуды были распространены горшки, обычно украшенные орнаментом в виде ровных и волнистых линий, корчаги (большие сосуды), черпачки.

Металлическая посуда (медная, железная или оловянная) была роскошью в народном быту и употреблялась в тех случаях, когда ее трудно было заменить деревянной или глиняной. Так, мы встречаем железные и медные котлы для варки пищи и кипячения воды. Часто они делались из отдельных кусков металла, которые склепывались гвоздями. В домах знати деревянная и глиняная посуда употреблялась наряду с металлической. Столы князей и бояр уставлялись дорогой золотой и серебряной посудой. В духовных грамотах перечисляются разнообразные виды посуды: для подачи кушаний и напитков на стол, для еды и особенно для питья (блюда, кувшины, чаши, тарелки, кубки, братины, чары, ковши, достаканы, солонки, уксусницы, перечницы, горчичницы, ложки и др.). Для питья употреблялись и турьи рога, оправленные в серебро. Изображения их встречаются на миниатюрах. Они напоминают то место из «Поучения Владимира Мономаха», где он повествует о своих «ловах»: «Тура мя два метала на розех и с конем...»[1] Турий рог был свидетелем охотничьей доблести хозяина, его трофеем, которым он мог похвалиться перед гостями. Драгоценная посуда с течением времени занимает все более видное место в сервировке стола знати и вносит все большее отличие ее от «трапезы» крестьянина или ремесленника, обставленной деревянными и глиняными предметами обихода.

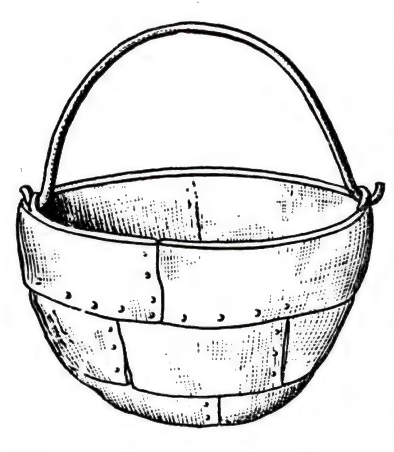

Глиняный горшок XV в., оплетенный берестой, обнаруженный при раскопках ИИМК в Зарядье (Москва).

Основой питания населения Русской земли, страны земледельческой, являлись злаки: рожь, пшеница, ячмень. На миниатюрах изображался пахарь, идущий за сохой, борона, сеятель с лукошком через

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 251.

плечо, разбрасывающий по борозде семена, жницы, поля с копнами, крестьяне с цепами, молотящие на току снопы. Пшеничный хлеб употреблялся преимущественно богатыми. Народ питался, главным образом, ржаным хлебом. Вотчинники, светские и духовные, обычно ставили на реках в своих владениях водяные мельницы для размола зерна. Но наряду с ними даже у вотчинников применялся ручной размол; у крестьян этот способ был обычным. Зерно сначала раздробляли в больших деревянных ступах, выдолбленных из целого ствола, затем растирали на ручных жерновах и, наконец, просеивали через решето. Все эти процессы изображены на миниатюрах из «Жития Сергия» и «Лицевого свода». Хлеб пекли на закваске («квас»), замешивая тесто на теплой воде («укроп»). В литературных памятниках обычный хлеб носит название «ковриги», лучший — «пирога». Хлеб круглой формы называли калачом. Существенную роль в народном питании играли просо (пшено), горох, овес. Из пшена делалась каша, приправлявшаяся медом, который в то время был распространенным и дешевым продуктом. Из овсяной и гороховой муки варили кисели.

Котел, склепанный из железных пластин.

Из овощей упоминаются главным образом капуста (свежая и квашеная) и репа, а также морковь, редька, огурцы, свекла, тыква, лук, чеснок[1]. Из мясных продуктов в пищу шли: говядина, свинина, баранина, гораздо реже птица. Для беднейших слоев населения рыба была доступнее, чем мясо. В ходу были молочные продукты: масло, молоко, творог (называвшийся сыром). Последний имел и обрядовое значение: например, на свадебный стол обязательно ставился «сыр». Пища приправлялась растительным маслом, приготовлявшимся домашним способом (в Новгороде при раскопках был найден деревянный жом для выжимания масла из зерен масличных растений), перцем, укропом и др. Необходимой приправой была соль; она была дорога. Добыча ее сосредоточивалась преимущественно в руках привилегированных владельцев. При этом часто князья и купцы спекулировали солью.

Напитки приготовлялись дома: хлебный квас, пиво, иногда мед, который делали из пчелиного меда, разбавленного водой и подвергну-

[1] *В. Ф. Ржига.* Указ. соч., стр. 73—74.

Изображение деревянных ведер. Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

Пир знати. Миниатюра XIV в.

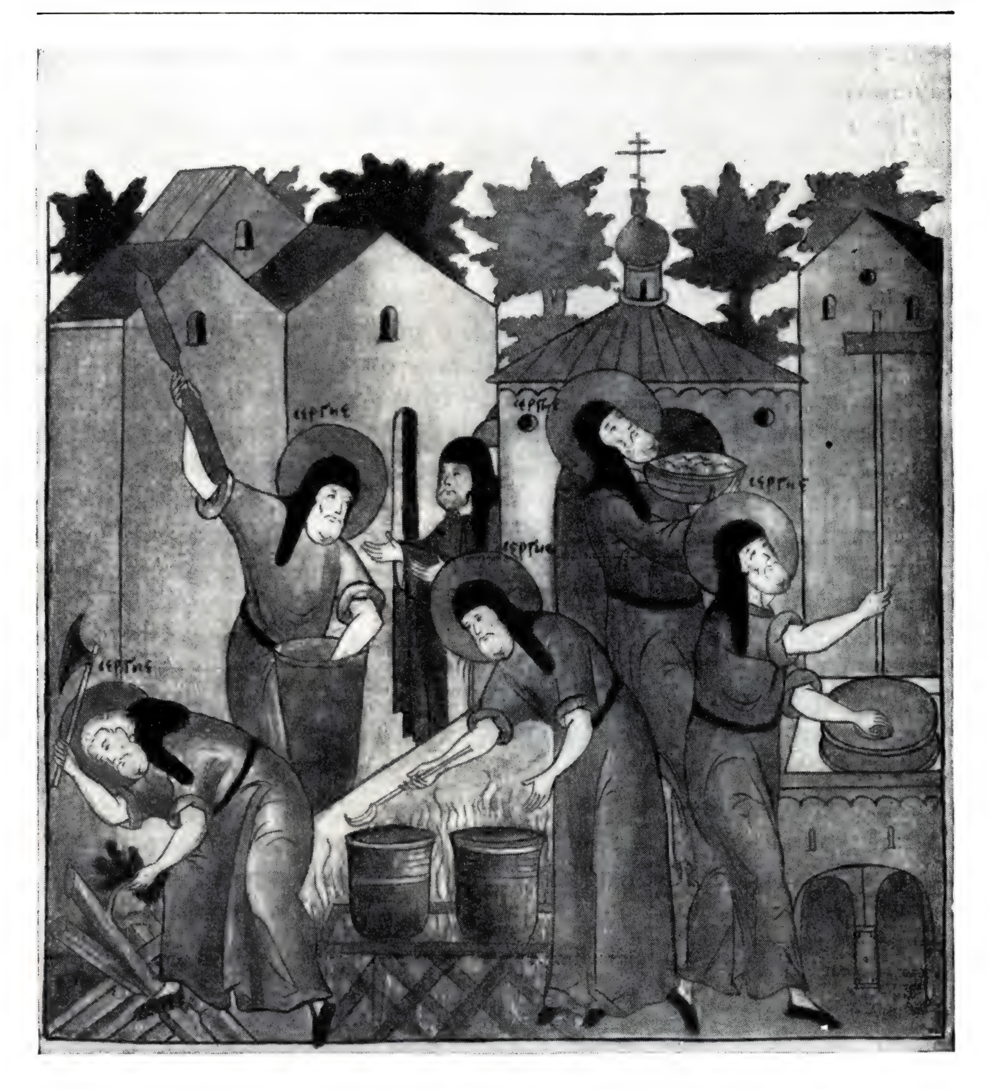
Центральный Государственный архив древних актов

Пахарь и сеятель. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

того брожению. В качестве лакомства употреблялись яблоки, груши, сливы, вишни, смородина. В ходу были лесные орехи. Обнаруженная при раскопках в Новгороде деревянная мостовая оказалась обильно усыпанной ореховой скорлупой.

Питание правящего класса отличалось от пищи народных масс качеством и обилием продуктов, а также способом их приготовления. Столы знатных людей были уставлены многочисленными мясными и рыбными блюдами. В большом употреблении была дичь: лебеди, журавли, дикие гуси, перепелки (среди посуды московских великих князей

Приготовление муки и печение хлеба. Миниатюра конца XVI в.
Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

встречаются особые блюда «лебединые» и «гусиные»). Пища в богатых домах приготовлялась специально обученными поварами. Митрополит Даниил упоминает, в связи с «многоразличными трапезами» и «сладкими снядями» богачей, «хитрость», т. е. искусство, их поваров[1]. Трапезы, продолжавшиеся по нескольку часов, сопровождались обильным потреблением напитков, как приготовленных в собственном хозяйстве, осо-

[1] *В. И. Жмакин.* Указ. соч., стр. 49.

бенно разных сортов меда, так и «заморских» вин, доставлявшихся преимущественно из Византии.

Пиры происходили не только в кругах знати, но и среди народных масс. Однако о них сохранилось очень мало сведений. Известно лишь, что они связывались обычно или с церковными праздниками, или с древними обрядами. Так, в «Слове к невежам» — памятнике XIII в., обличавшем пережитки язычества, упомянуто о трапезе в честь умерших, происходившей в четверг на страстной неделе. Сначала топили баню, вешали в ней полотенца и ставили различное угощение, приглашая души умерших («навьи») помыться и отведать яств. Потом присутствовавшие принимались сами за кушанья. На большие церковные праздники (пасху, Петров день, Николин день, местные храмовые праздники) устраивались мирские пирушки, к которым готовились заранее: варили пиво и мед вскладчину и т. д. Такие пиры носили название «братчин». В летнее время они происходили обычно на открытом воздухе, где-нибудь около церкви, а зимой — в домах церковнослужителей или мирских помещениях. Мирские торжества, видимо, привлекали посторонних людей, любителей попировать на чужой счет. Это вызывало недовольство участников складчины, и они добивались у князей разрешения не допускать на свои пиры и братчины незваных людей[1]. Мирские братчины дольше удержались среди населения Поморья. От XVII в. сохранились огромные деревянные ковши, наполнявшиеся пивом и медом и ставившиеся на пиршественные столы. По краям их вешались ковшики, которыми участники братчины черпали напитки. Кроме братчин деревенских общин, существовали братчины в городах, носившие другой характер. Это были организации городских ремесленников.

Пиры как у феодалов, так и в широких народных кругах, сопровождались музыкой, пением и пляской. Об этом сообщают церковные проповеди и послания, проникнутые негодованием на «бесовские» действия. В «Слове о богаче и Лазаре» при описании пиршества богатого человека упоминается «веселие многое» с гуслями и свирелями, «смехотворцы» и «празднословцы», песни и плясание. Митрополит Даниил, обращаясь к знатному человеку, обличает его «неправедное» житье: «Ты же вся в бесовскую славу твориши позорище, играниа, плясаниа сбираеши, и к сим паче течеши, неже к божественным церквам, и не точию се, но и в дом свой, к жене и к детем приводиши скомрахи, плясцы, сквернословци, погубляа себе, и дети, и жену, и вся сущая в дому, паче потопа

[1] См., например, жалованную грамоту великой княгини Марьи крестьянам в селах и деревнях Благовещенского Киржачского монастыря, 1462—1478 гг.— АЮБ, т. I, № 38, стр. 126.

Гусляр. Изображение на рукописи XIV в.

оного»[1]. Если в феодальных кругах было принято приглашать скоморохов на дом, то народ зачастую веселился на открытом воздухе — «на улице». Митрополит Кирилл в своих проповедях осуждал пляски на пирах, свадьбах, игрищах, на улицах, «басни», «всякия позорныи игры,... плескание ручное, и скакание ногама» и т. д., а также ворожбу[2]. «Веселие» принимало особенно бурный характер в связи с древними языческими праздниками, например празднованием Ивана Купалы. Поэтому игумен псковского Елеазарова монастыря Памфил счел нужным обратиться с посланием к псковскому наместнику и властям (1501), требуя прекращения этих игрищ: «Егда бо приходит велий праздник, день рождества Предтечева, и тогда, во святую ту нощь, мало не весь град взмятется и взбесится... стучат бубны и глас сопелий и гудут струны, женам же и девам плескание и плясание» и поют всескверненые песни»[3].

Нападки церкви на народные праздники объясняются тем, что она видела в них пережитки язычества, отвлекавшие народ от церковной службы и обрядов. Духовенство неоднократно жаловалось на пренебрежительное отношение мирян к церковному благочинию: в церковь приходят в шапках, в неподпоясанном платье, во время службы разговаривают и т. д. В некоторых глухих местах даже уцелели языческие идолы, которым молились «по древнему обычаю» и совершали перед ними тризны[4].

[1] *В. И. Жмакин.* Указ. соч., стр. 21.
[2] «Чтения ОИДР», 1847, № 8, отд. IV, стр. 6—7.
[3] ДАИ, т. I, № 22, стр. 18.
[4] АИ, т. I, № 8, стр. 18; № 112, стр. 168.

Скоморохи. Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

Однако, несмотря на неоднократные запретительные меры против скоморохов и народных игрищ, церковь не могла их искоренить.

Церковь восставала также и против некоторых развлечений знати — охоты и «конского ристания». Так, в одном поучении 1499 г. при перечислении греховных занятий говорится: «ни ловов твори»[1]. Митрополит Даниил, убеждая богатых людей воздерживаться от мотовства, восклицает: «Кый же ли прибыток ти есть над птицами дни изнуряти? Каа же ти нужа есть псов множество имети?». К «утешениям суетным» он причисляет и «ристание конское»[2]. Однако увещания церкви, направленные против этих развлечений, были еще в большей мере безрезультатными, чем борьба их с народными развлечениями.

Влияние церкви не имело решающего значения еще в одной области народного быта, касающейся положения женщины. Лишь позднее оно было определено в «Домострое», в основе взглядов которого лежал идеал, проповедовавшийся церковью. Женщина из широких народных масс, благодаря участию ее в ремесле или торговле, не была изолирована от общества, да и в феодальной среде еще не заметно того затворничества женщины, которым отмечены последующие века.

Уважение, которым пользовалась женщина в семье, ее важная роль в ней ясно видны в духовных грамотах князей. Так, Василий Дмитриевич обязывает своего сына почитать мать точно так же, как отца. Как правило, князья дают право своим женам решать споры между сыновья-

[1] АИ, т. I, № 109, стр. 162.
[2] *В. И. Жмакин.* Указ. соч., стр. 28, 49.

ми. Княгини по смерти мужей владеют собственными вотчинами, распоряжаясь ими по своему усмотрению; дети не имеют права вмешиваться в управление ими. Княгиня не связана еще вошедшим позднее в обыкновение правилом постригаться в монахини по смерти мужа. Владимиро-волынский князь Владимир Василькович в своей духовной, составленной в 1286 г., писал: «А княгини моа по моемь животе, оже восхочеть в черници пойти, пойдеть; аже не восхочеть ити, а како ей любо: мне не воставши смотрить, что кто иметь чинити по моем животе»[1].

Княгини принимают участие в официальных приемах. Так, в 1476 г. Софья Палеолог принимала венецианского посланника Контарини, обошлась с ним «весьма вежливо и ласково»[2]. В 1490 г. она в своей «повалуше» принимала цесарского посла Делатора. Иван III направлял послов к матери тверского князя и к княгине рязанской[3].

Женщина из народных масс участвовала наравне с мужчинами в игрищах и празднествах. Она обладала и юридическими правами: за ней было узаконено право самой выступать на судебном поединке — «поле» — для защиты своих интересов. В Псковской Судной грамоте говорится: «А жонки з жонкою присужать поле, а наймиту от жонки не быти, ни с одну сторону». Любопытно, что и церковь не протестовала против этого активного выступления женщины.

Церковь враждебно смотрела на участие женщины в пирах, на появление ее в общественных местах «простоволосой»[4] и т. д., но пока она была еще бессильна бороться с установившимися обычаями. Известны случаи участия женщин в антифеодальных движениях. В Новгороде в 1418 г. народ выступил против боярина Данилы Божина. В это время «жена некая, отвергши женскую немощь и вземши мужескую крепость, вскочивше посреди сонмища, дасть ему раны, укаряющи его, яко неистовна, и глаголющи, яко обидима есмь им»[5].

Приведенные выше (пока еще немногочисленные) материалы позволяют сделать один общий вывод: можно констатировать в области быта наличие двух культур — народных масс и господствующего класса Первая выросла на родной почве. Вторая по мере усиления социального неравенства все больше отрывалась от первой и иногда воспринимала иноземные элементы. Однако и в быту правящей верхушки иноземное влияние не имело определяющего значения, касаясь лишь его внешней стороны.

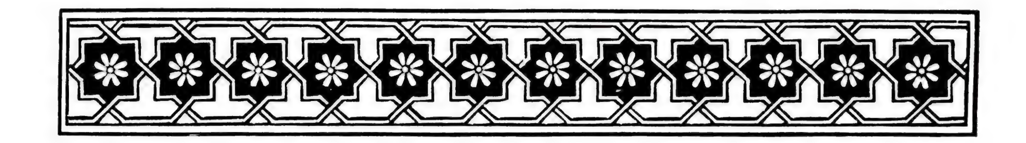
[1] ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стб. 904.

[2] «Библиотека иностранных писателей о России», отд. 1, т. I, СПб., 1836, стр. 114.

[3] *И. Е. Забелин.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1901, стр. 96—97.

[4] АИ, т. I, № 112, стр. 168.

[5] ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, Л., 1925, стр. 421.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РАСПАД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ. НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ, ПРИУРАЛЬЯ, КРЫМА, СЕВЕРА, СИБИРИ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В буржуазной историографии не было дано подлинной научной истории отдельных народов нашей Родины. Русские буржуазные историки рассматривали нерусские народы с позиций великодержавного шовинизма, третировали их как «инородцев», не способных к самостоятельному историческому развитию.

Представители буржуазно-националистической историографии (украинский буржуазный реакционный историк М. С. Грушевский и др.) также извращали историю, когда игнорировали прогрессивную роль России в истории соседних нерусских народов.

Советская историческая наука ставит своей задачей изучение истории русского народа в тесной связи с историей других народов нашей Родины. В замечаниях И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова по поводу конспекта учебника истории СССР было указано: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР...»[1]

В России централизованное государство сложилось в форме смешанного междунационального, так как, к моменту образования Русского централизованного государства, отдельные народности нашей страны в силу отсутствия у них капиталистических отношений еще не успели оформиться в нации. Роль их объединителя взяли на себя великороссы.

Таким образом, образование Русского централизованного государства нельзя понять вне связи с историей тех народов, которые вошли в его состав. Включение в состав Русского централизованного госу-

[1] Сб. «К изучению истории», М., 1946, стр. 23.

дарства народов Поволжья, Прикамья, Севера и др. имело для них глубоко прогрессивное значение. Россия в экономическом, политическом и культурном отношениях стояла значительно выше этих народов. Их присоединение к России способствовало укреплению связей с великим русским народом, обеспечивало им возможность экономического и культурного развития. После включения этих народов в состав Русского централизованного государства у них развивается земледелие, ремесло, возникают новые города.

В конкретных исторических условиях присоединение к России означало для ряда народов спасение от поглощения их отсталыми феодальными государствами (Турцией, среднеазиатскими ханствами), в результате которого они были бы обречены на вымирание.

Конечно, господствующий класс русских феодалов, стоявших во главе Русского централизованного государства, рассматривал нерусские народы как объект крепостнической и национальной эксплуатации. Усиление крепостнической эксплуатации вызывало борьбу угнетенных нерусских народов против царизма. В этой борьбе, носившей ярко выраженный классовый характер, трудовые массы угнетенных нерусских национальностей находили поддержку со стороны братского русского народа. Главной силой национальных движений в феодальный период являлось крестьянство, выступления которого против феодального и национального гнета имели прогрессивное значение.

Феодальная верхушка нерусских народов, оттесненная царизмом на задний план по сравнению с русскими феодалами, пыталась использовать движение трудового народа в своих интересах, в целях отделения от России. Эта феодальная тенденция в национальных движениях носила реакционный характер и не находила поддержки среди трудящихся нерусских народов. Феодальная верхушка народов Поволжья, Прикамья и др. в своей борьбе с русским царизмом обычно выступала в союзе с врагами России — феодальной Турцией и Крымом[1].

В истории народов нашей Родины громадное значение имел распад Золотой Орды, чему способствовала героическая борьба русского народа.

1

ЗОЛОТАЯ ОРДА И ЕЕ РАСПАД

Первоначально улус Джучи, старшего сына Чингис-хана, занимал степи от Иртыша до Уральских гор. Во время походов 1236—1240 гг. монголами были завоеваны не только вся Половецкая степь, Крым,

[1] Конкретную историю народов см. ниже.

Кавказ до Дербенда, Болгарская земля, но и русские феодальные княжества Волжско-Окского района и Приднепровья. Образовалось большое Монгольское государство, известное в восточных источниках под именем улуса Джучиева[1] и Синей орды, а в русских летописях — Золотой орды. Границы этого государства можно определить лишь приблизительно. На востоке границы Золотой орды упирались в Иртыш, на западе тянулись до Дуная. На северо-востоке в Золотую орду входило Болгарское княжество, на юге— Крым и Северный Кавказ до Дербенда (а в некоторые моменты ее истории — до Баку), на юго-востоке — северный Хорезм и низовья Сыр-Дарьи. В вассальной зависимости от Золотой орды находились также русские княжества, сохранившие, однако, свой внутренний строй и имевшие собственных князей.

Золотоордынское государство, охватывавшее огромную территорию, было весьма неоднородно как в этническом отношении, так и по уровню общественного развития входивших в его состав народов. Обширные степи, известные на Востоке под именем Дешт-и-Кыпчак, более полутораста лет были заняты половцами — в основной массе кочевниками, говорившими на одном из тюркских языков. Только очень небольшая часть половцев (кыпчаков) перешла на оседлое состояние в долинах Дона и Нижней Волги. Монголов в Половецкую степь пришло сравнительно немного, а в дальнейшем происходил процесс отюречивания пришлых монгольских элементов.

Арабский автор Ал-Омари, живший в первой половине XIV в., пишет: «В древности это государство (Золотая орда.— *Ред.*) было страной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они [татары] смешались и породнились с ними [кипчаками], и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их [татар] и все они стали точно кипчаки, как будто они одного [с ними] рода, оттого, что монголы [и татары] поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их [кипчаков]»[2]. В основном эти слова правильно отражают действительность. Господствующим литературным языком в Золотой орде XIV в. сделался не монгольский, а тюркский, заключавший в себе немало элементов

[1] Улус Джучи включал в себя не только Золотую (Синюю) орду, но и Белую орду, центр которой находился в нижнем течении Сыр-Дарьи. Золотая орда представляла правое крыло, а Белая орда — левое крыло войска улуса Джучи. В русской летописи термином «Синяя орда» обозначали Белую орду. Таким образом, термин «Синяя орда» в русских и восточных источниках не совпадает.

[2] *В. Г. Тизенгаузен.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I, СПб., 1884, стр. 235.

половецких и огузских (туркменских). Официальные грамоты ханов (например, известные золотоордынские ярлыки) написаны или на среднеазиатском тюркском языке XIV в. (ярлык Тохтамыша 1382 г.), или на местном кыпчакском языке (ярлык Тохтамыша 1393 г.). В дипломатической переписке золотоордынские ханы только до конца XIII в. пользовались монгольским языком. Процесс отюречивания языка проходил медленно. В XIII — XIV вв. существовал еще монгольский язык, хотя в массе кочевники Золотой орды говорили уже по-кыпчакски. При скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает[1]. Победа в Золотой орде XIII—XIV вв. кыпчакского языка — пример победы языка покоренного народа над языком народа-победителя.

Кыпчакско-монгольское население занимало обширные степи, тянувшиеся от Днестра до Иртыша. При всей его многочисленности оно не было единственным населением Золотоордынского государства. Государство включало население Хорезма, говорившее еще отчасти на своем древнем хорезмийском языке, но в большинстве уже ставшее тюркоязычным, многоязычное и этнически неоднородное население Крыма, наконец, население бывшего Болгарского княжества, а также мордву и другие жившие в Поволжье народности.

Население земель, подчиненных Золотой орде, было весьма пестрым и в культурном отношении. Если кочевое кыпчакско-монгольское общество находилось на самой ранней ступени феодальных отношений, то иная картина наблюдалась в Хорезме, Крыму, в Булгаре и отчасти в Нижнем Поволжье, не говоря уже о Руси. Среди областей, входивших в Золотую орду, выделялся Хорезм, где имелись древняя земледельческая культура и богатые города. Культурной областью Золотой орды был и Крым. Портовые города Крыма в XIII в. вели оживленную торговлю с Малой Азией, Кавказом, Византией, в них можно было встретить русских, византийцев, генуэзцев, венецианцев, тюрков, армян, арабов, половцев, алан и представителей других народов. В культурных областях, вошедших в состав Золотой орды, было много богатых городов: на Руси — Владимир, Киев, Новгород, Чернигов и многие другие; в Хорезме — Ургенч, Миздахкан, Земахшар, Хива и другие; в Крыму — Судак, Керчь, Каффа (Феодосия); Азак (Азов) на Азовском

---

[1] См. *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 29—30.

море; Булгар, Биляр, Сувар на Средней Волге; Саксин в устье Волги; Дербенд и другие на Кавказе; наконец, Янгикент, Дженд в низовьях Сыр-Дарьи.

С покоренных земель золотоордынские ханы взимали огромную дань как натурой, так и деньгами. На этих данях, а также на громадных налогах и повинностях с кочевого и земледельческого населения Золотой орды и основывалось богатство ее господствующего класса.

Богатство и блеск городской жизни ханского двора, знати и высшего купечества создавались за счет набегов, грабежей, даней. Развитие городов и торговли носило искусственный характер. Золотоордынский хан Батый поощрял развитие караванной торговли, так как от нее ханы имели большие и надежные доходы. Батый основал в устье Волги Сарай — столицу Золотой орды, от которой в настоящее время остались развалины в районе селения Селитренного. Город этот в восточных источниках назывался Сарай-Бату. Первая столица Золотой орды была большим ремесленным и торговым городом. Впоследствии при хане Берке (1255—1266) выстроен был на Ахтубе Новый Сарай, в восточных источниках известный также под именем Сарая-Берке. При хане Узбеке (1312—1341) Сарай-Берке стал столицей Золотой орды, однако Сарай-Бату сохранил свое ремесленное и торговое значение на протяжении всего XIV и части XV в.

Исстари через Среднее и Нижнее Поволжье проходил волжский торговый путь, соединявший русские княжества и Приуралье с Средней Азией, Кавказом и Персией. Захватив в свои руки весь этот путь, разорив многие города, на нем расположенные, золотоордынские ханы в дальнейшем, будучи заинтересованы в расширении источников дохода, не мешали развитию земледельческих поселений и содействовали росту торговых городов по всему Поволжью и дальше на юг. Так, на Волге, кроме указанных выше двух Сараев, ими был основан г. Увек, а в устье Яика (Урала) — Сарайчик. От золотоордынского времени в Поволжье сохранилось немало безымянных развалин, указывающих на существование здесь большого количества поселений. Разросся Булгар, лежавший на караванных путях. Он был обнесен каменной стеной. На Северном Кавказе приобрел большое значение г. Маджар.

В XIII и XIV вв. торговля Европы с Китаем проходила главным образом через Золотую орду, причем весьма существенную роль здесь играли крымские города (Судак, Керчь, захваченная генуэзцами Каффа, Солхат и др.), связанные торговыми отношениями также с Византией, Конийским султанатом и Египтом, с одной стороны, и русскими княжествами — с другой. Не без влияния караванной торговли одним из крупнейших городов Востока стал Ургенч, который в возрожденном виде даже оставил за собой Ургенч времени хорезмшахов. Сами

татары составляли в городах незначительный слой населения. Кочевое хозяйство господствовало в жизни Золотой орды. Обширные степные пространства представляли кочевья, где преобладали кыпчаки и отюреченные монголы, причем господствующие группы монголов, разумеется, сохранили положение полных хозяев захваченных земель.

Вся территория Золотой орды (не только кочевые степи, но и земледельческие районы с городами) составляла так называемый «юрт» монгольских ханов, а население, как кочевое, так и земледельческое и городское,— их «улус». Наряду с центральной ханской властью в Золотой орде существовали отдельные местные владетели, имевшие свои «юрты» и «улусы».

Таким образом, Золотоордынское государство представляло собой по существу военно-административное объединение монголо-татарской кочевой феодальной знати, которая при помощи военных отрядов, баскаков и финансовых чиновников стремилась извлечь как можно больше доходов с крестьян, городских ремесленников и рядовых кочевников. Это искусственное образование не имело единой экономической базы и было подвержено распаду как в силу феодальных распрей, так и под ударами покоренных народов, которые не хотели терпеть ненавистную им власть.

Тотчас же после образования Золотой орды на территории Половецкой степи возникли по монгольскому образцу и в большинстве случаев под начальством монгольских царевичей и нойонов тумены, тысячи, сотни. Это были административно-территориальные единицы, обязанные выставлять определенное количество воинов.

В первые десятилетия существования Золотой орды главные военные силы были в руках золотоордынских царевичей, которые в качестве владетелей больших улусов являлись командующими крупными войсковыми частями (в несколько туменов), или темниками. Каждый такой царевич или простой нойон (по-тюркски — бек) имел нукеров, которых он содержал. Опираясь на нукеров, он держал в повиновении зависимое от него население. По мере развития феодальных отношений и усиления феодальной знати темники, будучи одновременно владетелями отдельных улусов, постепенно становились почти самостоятельными государями. Таким владетелем большого улуса был Ногай, который правил обширными землями северного Причерноморья. Его политический вес усиливался вместе с ростом его владений и удачами в борьбе с Хулагидами[1]. Уже действия Ногая вскрыли непрочность

[1] В конце 50-х годов XIII в. на территории Персии в результате монгольских завоеваний возникло новое государство во главе с Хулагу, братом Мункэ-хана. В состав этого государства вошло и все Закавказье с территориями современных Азербайджана, Армении и Грузии. См. гл. 6 настоящего издания.

Золотоордынского государства, едва не распавшегося на ряд отдельных улусов — уделов[1]; внутренние феодальные распри продолжались при Менгу-Тимуре (1266—1280), его ближайших преемниках и отчасти при хане Тохте (1290—1312). Последнему в 1299 г. удалось разбить Ногая, который погиб в сражении; это способствовало (впрочем, не надолго) укреплению единства Монгольского государства. При ханах Тохте и Узбеке (1312—1342) временно вновь усилилась власть центрального золотоордынского правительства, но со времени Джанибека (1342—1357) началась борьба владетелей отдельных улусов, особенно восточных (главным образом Белой орды с центром в Сыгнаке) с сарайскими ханами и другими улусными беками.

Феодальные войны сделались обычным явлением и способствовали ослаблению центральной ханской власти. Владетели улусов или уделов (нойоны или беки) непрерывно враждовали между собой. «Они были несогласны между собой,— пишет арабский историк Ибн-Халдун,— и правили своими владениями самостоятельно. Так, Хаджи-Черкес завладел окрестностями Астрахани, Урус-хан — своими уделами. Все они назывались походными эмирами. Когда Бердибек (1357—1359) умер и [верховной] власти не стало, а эти [эмиры] правили самостоятельно в провинциях, то Мамай выступил в Крым, поставил ханом отрока из детей Узбека, по имени Абдулла-хан, и двинулся с ним в Сарай»[2]. Во время одной из феодальных войн один из улусных беков, Мамай, фактически захватил, как в свое время Ногай, власть над всеми золотоордынскими землями, лежавшими на юго-запад от Волги.

С 1360 по 1380 г. на золотоордынском престоле перебывало около 25 ханов. Распри в центре Золотой орды, в Поволжье и в западных ее частях привели к тому, что в Белой орде выдвинулся хан Тохтамыш, поддержанный Тимуром из Самарканда. Тохтамыш явно стремился к захвату власти в Сарае. В разгар этих смут в 1380 г. войска московского князя Дмитрия Донского нанесли тяжелое поражение Мамаю на Куликовом поле[3]. В том же году Тохтамыш захватил у Мамая престол в Сарае и соединил вновь западные и центральные улусы с восточными. Однако он ненадолго смог восстановить былую силу золотоордынских ханов. В конце XIV в. Золотая орда встретила в лице Тимура сильнейшего врага, который нанес ей в 1391 и 1395 гг. новые удары, от которых она уже не могла оправиться.

Таким образом, в центре золотоордынской власти, как и в других монгольских государствах, торжество феодальных порядков привело к ослаблению мощи монгольских правителей.

---

[1] См. часть I, гл. 5, § 11 в настоящего издания.

[2] *В. Г. Тизенгаузен.* Указ. соч., т. I, стр. 389—390.

[3] См. гл. 1, § 9 настоящего издания.

Своих вассалов — владельцев отдельных улусов — золотоордынские ханы созывали для решения общих дел на феодальные съезды — курултаи. Участниками курултая были члены ханского дома (царевичи), в том числе женщины (хатуни), улусные беки. Курултаи играли крупную роль во все ответственные моменты жизни государства. На них решались вопросы о походах, выбирались ханы.

В распоряжении ханов был правительственный аппарат. Сбор дани с покоренных народов находился в руках баскаков. Они оставили по себе печальную память не только в русских княжествах, но и в областях, непосредственно входивших в состав Золотой орды. Дани, налагавшиеся здесь на трудящееся население, были столь велики, что в неурожайные годы жители бывали вынуждены для уплаты повинностей продавать своих детей.

В столице Золотой орды — Сарае (сначала Сарае-Бату, а потом Сарае-Берке) находились центральные ведомства — диваны. Все делопроизводство в диванах вели секретари — битакчи. Самым важным диваном было ведомство, руководившее поступлениями даней, налогов и податей. В этом диване хранился и общеордынский дафтар (перечень поступлений в казну).

Как ни старались ханы уничтожить особенности отдельных составных частей государства, например, Хорезма или Булгара, и установить везде единую систему управления и эксплуатации, сделать этого они не смогли. Каждое из крупных государств, входивших в состав Золотой орды, продолжало жить своей внутренней жизнью, сохраняя политический строй, особенности культуры и т. д. Документальными источниками по вопросу о социальном строе Золотой орды являются ханские тарханные (освобождавшие от повинностей) ярлыки. Из них наиболее известны: ярлык Тохтамыша от 1382 г. на имя Бей-Ходжи и ярлык Тимур-Кутлуга от 1398 г. на имя крупного крымского землевладельца Мухаммеда (подтверждавший прежде полученное освобождение от повинностей и налогов в пользу ханской казны), а также тарханный ярлык Хаджи-Гирея от 1453 г.

Первый из упомянутых ярлыков был выдан крымскому беку — главе полукочевого-полуоседлого племени шуракюльцев. В ярлыке перечисляются повинности: подати «с дымов племени», гоньба подвод и др.

Ярлык, выданный Мухаммеду, имел в виду оседлое земледельческое население, обложенное оброком и барщиной в пользу землевладельца. В нем говорилось о существовании следующих государственных повинностей: плата с виноградников; амбарные пошлины; плата за гумно; ясак с арыков, собираемый с подданных по раскладке; подати и расходы, называемые «калан»; подводы, постой и др. В том же

ярлыке перечислены должностные и служилые люди, содержавшиеся за счет народа: «внутренних селений даруги», казии, муфтии, суфии, «писцы палат», «таможенные», «сборщики подати», «мимохожие, мимоезжие послы и посланцы», ямщики, мостовщики и др.

Из ярлыков видно, каково было положение непосредственных производителей Золотой орды — кочевников и крестьян (сабанчи). Сабанчи — рядовой член сельской общины — был крестьянином, руками которого обрабатывались поля в Крыму, Болгарской земле и Нижнем Поволжье, в той сравнительно узкой культурной полосе правого и левого берегов Волги, где были города и оседлые поселения. Все перечисленные повинности падали и на тех земледельцев, которые именовались «уртакуй» и представляли собой широко распространенную на феодальном Востоке категорию непосредственных производителей — издольщиков.

Земледельческое население несло тяжелые повинности, связанные с предъявлением так называемых пайцз. Пайцзы — дощечки с надписями и изображением льва или кречета. На Руси термин «пайцза» передавали словом «басма» или «байса». Пайцзы выдавались ханами (а часто и членами ханского дома) в качестве особых документов, по которым жалуемое лицо во время длинных и долгих переездов получало право бесплатно пользоваться за счет населения провиантом, фуражом, жильем и средствами передвижения — лошадьми, верблюдами, повозками и т. д. В зависимости от положения жалуемого лица пайцзы выдавались золотые, серебряные, бронзовые или деревянные.

Немало податей и повинностей лежало и на степных кочевниках. Над ними тяготела власть не только хана, но и улусных нойонов, или беков. «Ту же власть,—писал папский агент XIII в. Плано-Карпини,—имеют во всем вожди над своими людьми, именно люди, то-есть татары и другие, распределены между вождями (улусными беками.— *Ред.*). Также и послам вождей, куда бы те их ни посылали, как подданные императора (великого хана.— *Ред.*), так и все другие, обязаны давать как подводы, так и продовольствие, а также, без всякого противоречия, людей для охраны лошадей и для услуг послам. Как вожди, так и другие обязаны давать императору (великому хану.— *Ред.*) для дохода кобыл, чтобы он получал от них молоко, на год, на два, или на три, как ему будет угодно; и подданные вождей обязаны делать то же самое своим господам, ибо среди них нет никого свободного. И говоря кратко, император и вожди берут из их имущества все, что они захотят и сколько хотят. Также и личностью их они располагают, как им благоугодно»[1].

---

[1] *Иоанн де Плано-Карпини.* История монголов. Пер. А. И. Малеина, СПб., 1911, стр. 24.

Особую социальную группу составляли рабы. Количество их в Орде было, несомненно, велико, но рабство имело патриархальный характер. Рабами становились главным образом военнопленные. Рабы продолжали служить весьма важным объектом торговли на невольничьих рынках Передней Азии и Средиземноморья.

Огромные средства, добытые насилием, золотоордынские ханы тратили на украшение Сарая-Бату и Сарая-Берке, Солхата (Эски-Крыма), Ургенча, Маджара, Булгара и некоторых других городов.

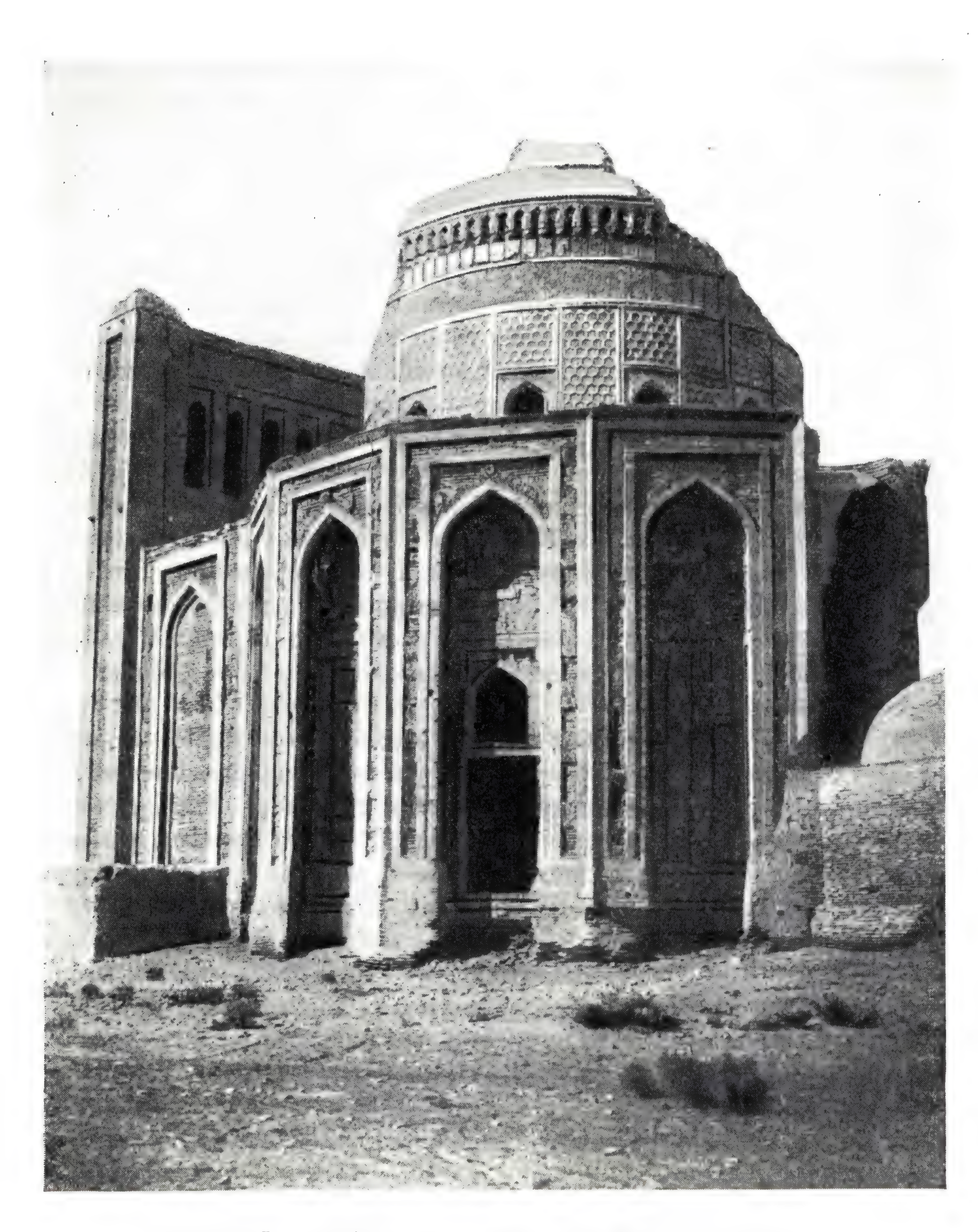
Значительно выросли города при хане Узбеке. «Город Сарай, — пишет Ибн-Батута, арабский путешественник, посетивший Сарай-Берке в 1333 г.,— [один] из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами... В нем [живут] разные народы, как то: монголы — это [настоящие] жители страны и владыки ее; некоторые из них мусульмане; асы, которые мусульмане; кипчаки, черкесы, русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест живут в [особом] участке, где стена ограждает имущество купцов»[1]. Едва ли много меньше был Сарай-Бату. Ургенч же был больше Сараев. Во всех этих городах было развито многообразное ремесленное производство и шла бойкая базарная торговля.

Постройки времени Узбек-хана в Ургенче — мавзолей Тюрабек-ханым, замечательный своей архитектурой и мозаиками, минарет, самый высокий из сохранившихся минаретов в Средней Азии, и мечеть того же хана Узбека в Солхате, постройки XIV в. в Булгаре, наконец, изразцы из построек в двух Сараях— свидетельствуют о строительной деятельности золотоордынских ханов в городах. Эти и другие прекрасные здания дворцов, мечетей, медресе, мавзолеев были выстроены ремесленниками и мастерами, насильственно переселенными из русских, среднеазиатских, кавказских и других городов с древней культурой и богатой традицией в разного рода ремеслах, в том числе и в строительном искусстве.

Собственно монгольского в материальной культуре и искусстве больших городов Золотой орды почти ничего нет. В Поволжье вплоть до Булгара было сильно культурное влияние Руси, а также Хорезма и Ургенча; в Крыму и на Северном Кавказе играли роль местные культурные традиции, в том числе древние славянские. Вся культура золотоордынских городов — плод многовекового творчества народов,

---

[1] *В. Г. Тизенгаузен.* Указ. соч., т. I, стр. 306.

Мавзолей Тюрабек-ханым в Ургенче, 20-е годы XIV в.

Минарет в Ургенче, XIII—XIV вв.

Мавзолей Наджмед-дин-Кубра в Ургенче, XIV в.

которые жили в Хорезме, Крыму, на Северном Кавказе, в Булгаре за много веков до прихода сюда татар и образования Золотой орды.

В Золотой орде татары в массе были язычниками — шаманистами, причем культ мертвых и связанные с ним представления носили более примитивный характер, чем у других тюркских народностей. У монголов в XIII в., после завоеваний, существовал обычай человеческих жертвоприношений, в то время как покоренные ими земледельческие народы были уже христианами или мусульманами. Буддисты, попадавшиеся среди монголов, по своей малочисленности никакого влияния на их культуру не оказывали. Повидимому, еще со времени хана Берке среди монгольской знати и прежде всего среди членов ханского дома начало распространяться магометанство, однако только при Узбеке правящая знать перешла в ислам. Религией народных масс оставался шаманизм.

Ближайшим соседом Золотой орды по кавказской границе (от Дербенда в горы) было монгольское государство Хулагидов[1]. У Хулагидов с Золотой ордой шли постоянные военные столкновения из-за Азербайджана, сопровождавшиеся закрытием торговой дороги в Золотую орду через Кавказ.

Вражда двух монгольских государств привела к тому, что далекий мамелюкский Египет, который соприкасался с улусом Хулагидов на западной границе по Тигру, вступил в дипломатические отношения с Золотой ордой, предлагая ей совместные действия против общего врага.

Источники, особенно арабские из Египта, подробно описывают частые посольства этих стран друг к другу. Вместе с посольствами шли и подарки; особенно щедрыми были мамелюкские султаны, которые нуждались в помощи золотоордынских ханов для успешной борьбы с Хулагидами.

Восстановление при ханах Тохте и Узбеке центральной ханской власти было явлением временным. Крупные феодалы по мере экономического и политического усиления делались все более независимыми, и в конечном счете Золотая орда распалась на отдельные части.

Так, постепенно из состава Золотой орды выделились вассальные владения в Хорезме, Крыму и Волжской Болгарии. Уже в конце XIV в. наблюдаются признаки полного упадка Золотой орды. Победа русских в 1380 г. нанесла решающий удар Золотой орде. Дальнейший распад ее был ускорен событиями в Средней Азии.

Разгром Золотой орды войсками Тимура[2] и отторжение от нее владений в Средней Азии еще более ослабили «улус Джучиев». Распад Золотой орды завершился образованием на ее территории ханств Казанского, Астраханского, Крымского, Сибирского и Ногайской орды. Преемницей Золотой орды некоторое время продолжала считаться Большая орда, кочевавшая в низовьях Волги, но к XVI в. и она прекратила свое существование под ударами Руси, использовавшей также соперничавших с Большой ордой сибирских, ногайских и других татар.

2

НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Монгольское завоевание сильно задержало развитие производительных сил болгарского общества. Страшному разрушению подверглись болгарские города Биляр, Булгар, Сувар, Керменчук и др. Варварски

[1] См. гл. 6, § 2 настоящего издания.

[2] См. там же, гл. 6, § 3.

были разрушены древнейшие очаги болгарской земледельческой культуры.

В результате монгольского завоевания Болгария попала под власть Золотой орды, но завоевание мало изменило этнический облик волжских болгар. Незначительная часть монголов, осевшая в Болгарии, попала под сильное влияние покоренного народа.

Во время золотоордынского владычества на территории Болгарии находились представители монгольской администрации — даруги. Позднейшие «дороги» русских документов[1], относящихся к истории Казанского ханства, представляют остатки золотоордынского института даруг (административные лица, стоявшие во главе определенной территории)[2]. Территории, подведомственные даругам, отличались устойчивостью, так как их границы складывались в результате естественного процесса тяготения населения к определенному административно-экономическому центру. Даруги взимали разные феодальные повинности и подати с населения подвластной территории.

Болгарское население вело ожесточенную борьбу против установленного монголами режима систематического террора, грабежей и массовых убийств. Формы борьбы были разнообразны, начиная от пассивного сопротивления до вооруженного выступления против иноземных захватчиков. Болгары принимали участие в выступлении народов Поволжья против монголов[3].

Население разоренных закамских болгарских сел и городов приступило к энергичному освоению более безопасных земель к северу от Камы в бассейне Казанки, на берегу которой еще в домонгольское время возникла Казань, ставшая затем в XV в. крупным центром этого края.

Так как болгарская культура стояла неизмеримо выше культуры завоевателей-монголов, то последние восприняли болгарскую культуру.

В образовании золотоордынских городов в Нижнем Поволжье деятельное участие принимали болгарские ремесленники, насильственно уведенные из болгарских городов. Поэтому культура болгарских городов XIII—XIV вв. имеет много общих черт с культурой городов Нижнего Поволжья. Сохранившиеся до наших дней замечательные архитектурные памятники Булгара (Черная палата, Малый

---

[1] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 152 и 642.

[2] См. «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. I, М.—Л., 1936, стр. 137; см. также «Вопросы истории», 1950, № 4, стр. 144.

[3] *В. Г. Тизенгаузен.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. II, М.—Л., 1941, стр. 24, 35—36.

Минарет, Монастырский погреб и др.) свидетельствуют о высоком уровне болгарской городской культуры того времени[1].

Булгар был в XIV в. одним из самых оживленных городов Золотой орды, куда съезжались купцы из русских земель, Средней Азии, Кавказа и Крыма, из Персии и т. д. Булгар в это время был также летней резиденцией некоторых золотоордынских ханов. О значении Булгара как крупного феодального центра в Золотой орде свидетельствует чеканка здесь монет от имени ханов Золотой орды от 1240 до 1428 г.[2] Население Булгара было весьма пестрым по этническому составу. Здесь жили и ремесленники из Хорезма. В городе была и особая армянская колония, расположенная в районе так называемой греческой палаты[3].

Русские также проживали в Булгаре, о чем свидетельствуют находки большого количества славянской курганной керамики[4]. В 1382 г. Тохтамыш перед походом на Русь приказал перебить всех русских купцов, проживавших в Булгаре[5].

В то время как междоусобная борьба золотоордынских ханов во второй половине XIV в. привела к полному упадку производительных сил Золотой орды, поддерживавшихся насильственными мероприятиями ханов, производительные силы болгарского общества медленно, но неуклонно развивались, несмотря на тяжелое золотоордынское иго. Земледельческие навыки болгарским населением не были забыты. Булгар с его областью был важным в Золотой орде земледельческим районом[6].

Болгарские крестьяне носили название игенче[7]. Хранящиеся в Государственном музее Татарской АССР и в Государственном

---

[1] *А. С. Башкиров.* Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1928, стр. 1—117; *А. П. Смирнов.* Волжские булгары. М., 1951, стр. 168—229.

[2] *А. Марков.* Инвентарный каталог мусульманских монет императорского Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 502—503.

[3] *Б. В. Миллер.* Об армянских надписях в Болгарах и Казани. «Известия ГАИМК», т. IV, Л., 1925, стр. 62—72; *А. П. Смирнов.* Указ. соч., стр. 185—191.

[4] *А. П. Смирнов.* Указ. соч., стр. 164. По мнению А. П. Смирнова, отдельные архитектурные памятники XIV в. в Булгаре, например, баня восточного типа, открытая в 1938—1940 гг. близ дюрбе «Монастырский погреб», носят некоторые черты, позволяющие сближать их с русскими памятниками.

[5] ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 206.

[6] *Б. Д. Греков* и *А. Ю. Якубовский.* Золотая орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 101.

[7] Термин «игенче» употребляется для обозначения земледельца-крестьянина в поэме «Нахж-эль-фарадис», написанной болгарским поэтом Махмудом, сыном Гали Шейх Болгари в 1358 г. Термин происходит от слова «иген» — пашня.

Эрмитаже СССР железные серпы и лемехи из окрестностей Биляра относятся к XIV—XV вв. Представляется бесспорным развитие земледельческой техники и культуры земледелия. Знакомство болгарского населения с паровой системой земледелия, с трехпольным севооборотом подтверждается анализом зернового материала из раскопок в Булгаре.

Процесс захвата общинных земель усилился в связи с проникновением и оседанием на территории болгар золотоордынской знати. Условное военно-ленное землевладение (сойюргал), очевидно, практиковалось в болгарских землях, как и в других областях Золотой орды[1]. Значительная часть непосредственных производителей (игенче) находилась в зависимости от владельцев земли.

Болгарское ремесло в XIV в. получило дальнейшее развитие. Об этом свидетельствуют произведенные экспедицией А. П. Смирнова раскопки в Булгаре литейных печей для выплавки чугуна. Найденный в 1947 г. чугунный котел указывает на высокую культуру болгарского ремесла; эта находка является одним из наиболее ранних образцов чугунного литья в Европе[2]. По мнению специалистов, температура плавления найденного в Булгарах чугуна достигала приблизительно 1100°. Уже в 1377 г. болгары были знакомы с огнестрельным оружием[3]. Совершенствовалось ювелирное дело. Широкое распространение у болгар получила поливная керамика.

О развитии болгарской культуры свидетельствуют сохранившиеся памятники письменности. Значительным памятником болгарской литературы является поэма «Нахж-эль-фарадис», написанная в 1358 г. Махмудом сыном Гали Шейх-Болгари. Древнейший список этой поэмы относится к 1392 г. и хранится в Ялтинском музее в Крыму[4]. Поэма состоит из четырех глав, каждая из которых делится на десять небольших разделов, посвященных различным вопросам феодальной этики. Словарный состав поэмы подтверждает близость между языком XIV в. и татарским языком Казанского ханства более позднего времени. Различные источники сохранили имена болгарских авторов того времени. Это Бурхан-ад-дин Ибрагим ибн-Юсуф-ал-Болгари — автор кни-

---

[1] См. *А. Беленицкий*. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в Тимуридскую эпоху (XIV—XV вв.). Образование института «суюргал». «Историк-марксист», 1941, № 4, стр. 46.

[2] *А. П. Смирнов*. Указ. соч., стр. 112.

[3] *В. В. Мавродин*. О появлении огнестрельного оружия на Руси. «Вестник Ленингр. ун-та», 1946, № 3, стр. 69.

[4] *Б. А. Яфаров*. Литература камско-волжских булгар X—XIV вв. и рукопись «Нахж-эль-фарадис». Казань, 1950, стр. 11.

ги по риторике, трактата о лекарствах и других; Шейх Бурхан-ад-дин-ибн-Хызыр ал-Болгари, написавший философский трактат, и другие.

Болгары не мирились с порабощением родной страны иноземными завоевателями. Сложный процесс экономического, политического и культурного развития болгарского народа, постепенно освобождавшегося во второй половине XIV в. от тяжелого золотоордынского ига, был направлен к объединению болгарских земель.

* * *

В 1361 г. Болгарская земля выделилась из состава Золотой орды: «Булат Темирь, князь ординский, Болгары взял, и все грады на Волзе и улусы поимал и отня весь Волжский путь»[1].

В Волжскую Болгарию, так же как и на другие окраины Золотой орды, начинает перекочевывать население центральных улусов, пытаясь избежать разорения от бесконечных феодальных войн и внешних вторжений. Постепенно прерывается связь Болгарской земли с центром Золотой орды, и на территории бывшего Болгарского государства возникает новое самостоятельное государственное образование — Казанское ханство.

Золотоордынское иго имело весьма пагубное влияние на развитие экономики края, насильственно втиснутого в рамки «улуса Джучи». Образование Казанского ханства во второй четверти XV в. явилось следствием серьезных экономических сдвигов в жизни народов Волжско-камского края, постепенно освобождавшихся от тяжелого золотоордынского ига. Процесс объединения феодально раздробленных княжеств Волжско-камского края в одно государственное образование находился в прямой зависимости от упадка Золотой орды.

Образование Казанского ханства связано с именем золотоордынского хана Улу-Мухаммеда, который под давлением своих соперников должен был уйти в пределы Московского княжества. После неудачной попытки утвердиться в 1437—1438 гг. в русском городе Белеве Улу-Мухаммед не раз нападал на пограничные русские земли. Сын Улу-Мухаммеда Махмутек в 1445 г., согласно сведениям русских летописей, убил местного казанского «вотчича» князя Али и провозгласил себя первым казанским ханом[2].

Но возникновение Казанского ханства нельзя считать только результатом завоевания народностей бывшего Болгарского го-

---

[1] ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 233.

[2] См. *В. В. Вельяминов-Зернов.* Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I. СПб. 1863, стр. 6—7.

сударства вооруженными отрядами золотоордынских татар во главе с Махмутеком. Условия для установления новой государственной власти были уже подготовлены внутренним развитием общества. Махмутек, вероятно, нашел поддержку среди местных мелких и средних феодалов, видевших в приходе нового хана возможность некоторого усиления центральной власти и ослабления постоянных междоусобиц.

В этот период продолжается консолидация казанских татар. Этот процесс протекал под значительным воздействием местного болгарского населения. В состав ханства были включены земли волжских болгар, а также земли мари вверх по Волге от Казани, земли чувашей на «горной стороне» Волги, где они составляли основное население вплоть до р. Свияги, земли удмуртов на севере, отчасти земли мордвы на юго-западе и частично соседние кочевья башкир.

Основным занятием казанских татар было земледелие[1]. Казанское ханство восприняло богатую земледельческую культуру волжских болгар[2]. Главными районами земледелия в ханстве были Заказанье (территория, ограниченная с запада Волгой, с юга Камой, с востока Вяткой и бассейном Казанки на севере) и Горная сторона (бассейн р. Свияги). В северных районах на дерново-подзолистых почвах широко применялась ага — однолемешная соха. В районах черноземных почв (Заказанье и бассейн р. Свияги) применялся удобный для глубокой вспашки болгарский сабан — плуг с металлическим лемехом[3].

О земледелии как хозяйственной основе жизни народов Казанского ханства говорит земледельческий характер древнего календаря этих народов. Старинные обряды и поверья народов Среднего Поволжья также связаны с земледелием. Старинным земледельческим праздником у казанских татар был «сабан-туй» (сабан — плуг, туй — праздник). Соответствующие праздники отмечены и у других народностей края, например у чувашей. Все это нашло отражение и в лексике татарского и других языков народов Волжско-Камского края. Татарская земледельческая терминология весьма устойчива, и ее основы были заложены еще в глубокой древности. Названия земледельческих орудий (плуг — сабан, серп — урак и др.) и сельскохозяйственных культур

---

[1] РИБ, т. XXXI, стб. 190—191; ПСРЛ, т. XIX, СПб., 1903, стб. 10—11.

[2] См. ч. I, гл. 4, § 9 настоящего издания.

[3] См. *А. Штукенберг*. Земледельческие орудия древних болгар. «Ученые записки Казанского ун-та», 1896, кн. 6—7, стр. 211—220; *А. П. Смирнов*. Очерки по истории древних булгар. «Труды Гос. исторического музея», вып. XI, М., 1940, стр. 95—96.

(пшеница — бодай, ячмень — арпа, рожь — арыш, просо — тары и др.), а также слова, обозначающие понятия, относящиеся к земледельческому труду (пашня — басу, гумно — ындыр и др.), имеют глубокую давность.

У казанских татар было распространено трехполье с применением навозного удобрения, сосуществовавшее в ряде мест с более примитивными формами обработки земли. Сеялись не только яровые культуры, но и озимая рожь. Трехпольная система — результат длительного экономического развития местных производительных сил.

Земледелие у казанских татар сочеталось с огородничеством и садоводством. Скотоводство приобрело подсобный характер. Развитое сенокошение указывает на ведение интенсивного скотоводства в оседло-земледельческих районах. Из домашних животных разводились коровы, волы, верблюды, лошади, овцы, которые были известны и волжским болгарам. Самостоятельное значение сохраняло скотоводство только в юго-восточном Закамье, где были кочевья башкир между рр. Заем и Иком.

Лесные пространства правобережья Волги и Предкамья представляли собой удобное место для лесных промыслов. Широко было распространено бортничество. В бассейне Свияги бортничеством занимались также чувашские, марийские и мордовские крестьяне. Значительную роль в хозяйстве населения ханства играло рыболовство.

Старинная земледельческая культура была базой развития феодальных отношений на территории ханства задолго до его образования. Земля была здесь основным средством и условием производства. Складывавшиеся поземельные отношения феодального характера определяли классовую структуру татарского общества, которое состояло из двух антагонистических классов — феодалов и крестьян. Самым крупным феодалом был хан. Следы ханского землевладения сохранились в названиях селений: Шигалеево, Царицыно и др. [1]

Образование ханства внесло некоторые изменения в организацию господствующего класса местного населения. Появился новый слой землевладельцев, который нередко пополнялся выходцами из Золотой орды: «И начаша збиратися ко царю мнози варвари от различных стран, ото Златыя орды и от Асторохани, от Азуева и от Крыма...» [2]

Они постепенно захватывали общинные земли местного населения. Верхушку феодальной знати составляли эмиры (беки, князья). Из них выделялись четыре главных эмира — карачи. Эмир был начальником ополчения определенной территории, которую он получал в управле-

---

[1] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 152, лл. 185, 190 об., 228 и др.

[2] ПСРЛ, т. XIX, стб. 19.

ние и кормление. За эмирами следовали мурзы — дворяне (слово «мурза» означает «сын эмира»). Эмиры и мурзы были основными собственниками земель в бассейнах Казанки, Меши и Свияги. В районе городища Иски-Казань по р. Казанке были расположены владения мурзы Камая, перешедшего на сторону русских незадолго до взятия Казани[1]. Названия некоторых татарских деревень из писцовых книг (Бурнашево, Тереулово, Кадышево и др.) напоминают имена неоднократно встречающихся в русских летописях казанских князей Бурнаша, Тереула, Кадыша и др. Более мелкими феодалами были огланы, являвшиеся служилыми феодалами-военачальниками. На землевладение огланов указывают названия деревень Кощак-Уланово, Карамыш-Уланово и др.[2] Казаки, составлявшие постоянное ядро ханского войска, за свою службу также получали земельные участки[3].

Особую влиятельную группу внутри класса феодалов составляло высшее мусульманское духовенство. Глава казанского духовенства имел титул «накибель-эшраф». Топонимические данные писцовых книг указывают на широкое распространение землевладения духовных феодалов[4].

Основным видом феодального землевладения в Казанском ханстве был суйюргал, соответствовавший русскому поместью. Термин «суюргал» в четком и ясном смысле ленного пожалования употребляется в ярлыке казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г.[5] Владение землей было обусловлено несением службы. Казанские ханы в случае необходимости посылали «во все улусы казанские по князей и мурзы, веля им в Казань собратися из отчин своих, приготовившимся сести в осаде»[6]. Феодалы являлись на службу в полном вооружении со своими слугами. Кроме военной службы, у вассалов были и другие обязанности: придворная служба, судебная повинность, постойная повинность, участие в ханской охоте, «подношение». Татарские феодалы обладали иммунитетом, основой которого было владение землей. Феодальная собственность в Казанском ханстве носила иерархический характер.

Хотя некоторые татарские феодалы владели сотнями «служащих раб», основным непосредственным производителем был не раб, а феодально зависимый крестьянин. В хозяйстве татарских фео-

---

[1] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 642, лл. 108—115.
[2] Там же, кн 152, лл. 124, 182.
[3] Там же, кн. 642, л. 196 об.
[4] Там же, кн. 152, лл. 117 об., 144 об., 155 об., 173.
[5] «Вестник научного об-ва татароведения», № 1—2, Казань, 1925, стр. 31—33.
[6] ПСРЛ, т. XIX, стб. 37.

далов широко применялся рабский труд, но рабы не составляли основы производства. Рабы-военнопленные, будучи посажены на землю, превращались в феодально зависимых крестьян. В Казанском ханстве имела место практика воспитания в мусульманской вере малолетних русских пленников, которые по достижении совершеннолетия также сажались на землю.

Процесс постепенного перехода раба-холопа в феодально зависимое состояние влек за собой и перенос терминологии рабства на крепостнические отношения. Феодально зависимые крестьяне были известны под названием «кул». Крепостные крестьяне из военнопленных назывались «чура». Вся совокупность феодально зависимого населения обозначалась термином «кшиляр».

Тяжелым бременем для крестьянского населения Казанского ханства были многочисленные подати и повинности, наиболее полный перечень которых сохранился в ярлыке Сахиб-Гирея, относящемся уже к более позднему периоду. Большинство податей и повинностей носило натуральный характер, была распространена продуктовая рента. Источники содержат сведения о классовой борьбе в Казани («не хотят бо казанцы меншии болших слушати и покорятися им»)[1], о классовых противоречиях в татарском феодальном обществе. Особенно жестокой эксплуатации подвергалось крестьянское население в Заказанье. Неоднократно «з боем» приходили арские люди в Казань.

Столица ханства Казань насчитывала значительное население, возраставшее вследствие имущественного расслоения крестьянской массы в татарской деревне и бегства крестьян от своих феодалов. Наиболее ранние упоминания посада в Казани относятся к 1469 г.[2] Начиная с середины XV в. в Казани был постоянный рынок, куда приезжали крестьяне «и торговаху з градцкими людми, продающе и купующе, и меняюще»[3]. На территории ханства существовали мелкие сельские торжки, «идеже збираются людие и куплю деют»[4]. С мелкой крестьянской торговли взимался специальный налог — бадж.

В среднеазиатской торговле была занята специальная категория купцов из татар, носивших название «бухараюртучи» (от г. Бухары). Постоянную торговлю с Казанью вели русские купцы[5]. В Казани ежегодно устраивалась большая международная ярмарка на Гостином острове на Волге в конце мая: «на той же день съеждяхуся

[1] ПСРЛ, т. XIX, стб. 56.

[2] Там же, т. VIII, СПб., 1859, стр. 156.

[3] ПСРЛ, т XIX, стб. 26.

[4] Там же, стб. 53.

[5] См. грамоты митрополита Ионы. АИ, т. I, № 67, стр. 119—120; № 266, стр. 497—498.

в Казань изо всея Руския земля богати купцы и многия иноземцы далния и торговаху с Русью великими драгими товары»[1]. По свидетельству «Казанского летописца», русские купцы «без боязни живущи в Казани». Об интенсивности русской торговли в Казанском ханстве говорят многочисленные и богатые клады русских монет. Казань имела большое значение для торговли России с Востоком, так как пути через приволжские степи были нарушены, а связи с Турцией только еще налаживались. Казань была экономически тесно связана с русскими землями «по причине взаимной торговли, без которой татары не могли обойтись»[2].

На Русь из Казани шли пушнина, рыба и другие товары. Через Казань русские получали восточные ткани. Казань привлекала большое число купцов из стран Средней Азии и Ближнего Востока. В центре города существовал «тезицкий двор», где производилась торговля восточными товарами и проживали среднеазиатские купцы — тезики. Под городом была расположена слобода, населенная армянскими купцами. Оживленную торговлю с татарами вели ногайцы, поставлявшие в Казань лошадей и баранов.

Казанский рынок был богат и местными предметами торговли, так как в прилегающих к городу районах производилось много кожи, добывались воск, мед, меха, рыба. Предметами вывоза были и изделия местных ремесленников. Культура болгарского ремесла нашла непосредственное продолжение в казанском ремесле. Письменные и археологические памятники свидетельствуют о существовании в Казани разнообразных видов ремесла: кузнечного, гончарного, медеобрабатывающего, строительного, деревообделочного, кожевенного, текстильного, ювелирного, резьбы по камню и т. д.

Особой отраслью торговли в Казанском ханстве была торговля рабами. Татарские феодалы часто совершали грабительские набеги на соседние русские земли и захватывали русских людей для продажи на невольнических рынках Востока. Русские летописи не раз отмечали: «Низовская земля вся, Галич, и Устюг, и Вятка, и Пермь от казанцов запусте»[3].

Казанское ханство было феодальным государством. Во главе его стоял хан, деятельность которого направлялась феодальным советом и съездами феодалов. Хан считался верховным сюзереном.

Он принимал решения после совещания с приближенными ко двору представителями феодальной знати и высшего мусульманского духо-

[1] ПСРЛ, т. XIX, стб. 23.

[2] *С. Герберштейн.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 145.

[3] ПСРЛ, т. XIX, стб. 44.

венства. Главными членами этого совета при хане (дивана) были представители четырех известных татарских фамилий: Ширин, Баргын, Аргын и Кыпчак. Для решения важных государственных вопросов (избрание и низложение хана, заключение договоров с иностранными государствами и т. д.) собирался съезд казанских феодалов — курултай, называемый в русских летописях «вся земля Казанская».

Дворцово-вотчинная система управления не была четко выделена из общегосударственных органов власти. Источники указывают на существование следующих дворцовых чинов при дворе казанских ханов: «хранитель казанский царев» — глава управления финансами; дворецкий, ведавший ханским двором; ключник погребной; конюший; ловчий — организатор ханской охоты; оружейничий, ведавший ханским арсеналом; хлебокормля, ведавший ханской кухней; аталык — воспитатель ханских детей. Важное место в управлении занимала канцелярия, состоявшая из дьяков (бахши). В административном отношении Казанское ханство делилось на даруги и улусы. Казанское ханство раздирали внутренние распри, феодальные смуты.

Казанское ханство вело ожесточенную борьбу с Русским государством за преобладание в Среднем Поволжье. Войска Улу-Мухаммеда пожгли предместья Москвы (1439) и завладели Нижним Новгородом. Весной 1445 г. сыновья Улу-Мухаммеда Юсуф (по русским летописям — Якуб) и Махмутек выступили против московского великого князя Василия Темного. 7 июля в битве у Ефимьева монастыря около Суздаля войска Василия потерпели сильное поражение, а сам он попал в плен и был освобожден только за огромный выкуп. Став казанским ханом, Махмутек совершал грабительские набеги на русские земли. Но агрессивные стремления казанских ханов в новой исторической обстановке были обречены на провал. В то время как в русских землях шел процесс государственной централизации, в Казанском ханстве не было достигнуто политическое единство. Казанское ханство угнетало поволжские народы, задерживая их развитие. Позднее оно попало в орбиту политики Турции. Русское государство, умело используя внутренние усобицы и династическую борьбу в ханстве, уже в 60-х годах XV в. начало широкие наступательные действия против государства казанских татар, которое с момента своего образования «почти на 100 лет сделалось опасным соседом для России»[1].

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, стр. 153.

* * *

Мордовские земли были захвачены в 1239 г. татарами. В первое время отношения между покоренными и завоевателями ограничивались обложением мордовского населения обычной данью — ясаком. Но с конца XIII в. усилилось угнетение мордвы монгольскими ханами. В 1288 г. князь ордынский Елортай Темиров произвел опустошительный набег на мордовские поселения. Отдельные татарские мурзы стали захватывать мордовские земли и строить на них свои укрепленные городки. Примером такого укрепленного городка может служить Мусхи (теперешний Наровчат). Раскопки, произведенные на его территории, обнаружили остатки татарских построек XIV в. (поливные изразцы), части водопровода, татарскую посуду и множество татарских монет. В Наровчате в 1361 г. временно утвердился татарский князь Тогай из Бозд ежа. Другие татарские князья надолго оседали в Мещере. В 1298 г. Мещеру захватил князь Мухаммед (Бахмет) Усенков, потомок которого Александр Укович продал свои мещерские владения Дмитрию Донскому. В 1389 г. Сарыклычем владел князь Бехан, подчинивший мордву в пределах Темникова.

Монгольское завоевание не могло прервать исконные русско-мордовские связи. Эти связи прослеживаются по археологическим данным. В мордовских могильниках XIV—XV вв. (Аткарском, Саранском) имеется большое количество русских вещей.

В XIV в. в мордовских владениях по р. Кудьме появляются спасавшиеся от татар русские поселенцы. Русское продвижение встречало сопротивление со стороны татарских и местных мордовских феодалов. Так, в 1377 г. русское войско, вторгшееся в мордовские земли, было разбито татарами на р. Пьяне при содействии мордовских князей. После этой победы татарский царевич Арапша двинулся с войском к Нижнему Новгороду и сжег его. За татарским войском двинулись в пределы Нижегородского княжества мордовские князья. Но нижегородский князь Борис Константинович нанес им поражение. В 1378 г. нижегородские князья вместе с московским войском под начальством воеводы Ф. А. Свибла «шедше взяша всю землю Мордовскую...»[1] В результате этого поражения значительная часть мордвы оказалась в подчинении у нижегородских князей.

С присоединением Нижегородского княжества к владениям московских князей часть нижегородской мордвы-эрзи вошла в состав великого княжества Московского, другие мордовские земли оставались во владении татар и составляли часть территории Казанского ханства.

---

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 26.

* * *

Под власть Золотой орды, а позднее Казанского ханства, попали мари и чуваши.

Часть мари занимала район рр. Суры и Свияги на правом горном берегу Волги (горная черемиса), а главная масса их обитала на левом луговом берегу в районе рр. Ветлуги, Кокшаги (ветлужская и кокшайская черемиса) и дальше до Казани (луговая черемиса). Обитали мари и по среднему и нижнему течению Вятки. О многочисленности марийского народа в XVI в. говорит Курбский: «бо тот черемиский язык не мал есть и ... обирается их, глаголют, вящеи двадесять тысящей войска»[1]. Если верить автору казанской летописи, то перепись черемисов, произведенная после взятия Казани, показала «40 000 луков гораздых стрелцов, кроме мала и стара»[2].

В непосредственном соседстве с мари жили чуваши, обитавшие на правом нагорном берегу Волги. По словам Курбского, «черемиса горняя, а по их чуваша зовомые, язык особливый»[3] жила возле Волги, «по великим горам» ниже Суры. Частично чуваши жили и на левом луговом берегу. «Чувашская дорога» шла «направо» от Казани, т. е. на юг. В жизни и мари и чувашей, особенно правобережья, весьма большую роль играли земледелие и скотоводство. Мари кокшанские и ветлужские также знали земледелие и скотоводство, хотя и менее развитые, чем у жителей правобережья. Это дало повод казанскому летописцу неверно утверждать, что будто бы «Черемиса кокшаская и ветлужская живет в пустынях лесных, ни сеют, ни орют, но ловом звериным и рыбным и войною питаютца и живут аки дикие»[4], тогда как горные мари и чуваши, по словам того же автора, «люди землепашцы и трудники»[5].

У чувашей огромное большинство языческих празднеств, пережитки которых сохранились до XIX в., связано именно с земледелием (Ата-дуй — праздник весенней пашни, Ата-путты — моление по случаю окончания ярового сева, Ой (уй) чуге — полевое моление об урожае, Сьюмкр Чуге — моление о дожде, Авын-путты — моление по окончании молотьбы, Киль-йыш-путты — моление о будущем урожае и др.).

Жили мари и чуваши в разбросанных по лесам деревушках. «А сел со живущими зело мало»,— писал Курбский. В случае опасности они

[1] РИБ, т. XXXI, стб. 226.
[2] ПСРЛ, т. XIX, стб. 310.
[3] РИБ, т. XXXI, стб. 178.
[4] ПСРЛ, т. XIX, стб. 304.
[5] Там же.

скрывались в укреплениях — «твердях»[1]. «Казанский летописец» отметил наличие у мари и чувашей местной полупатриархальной-полуфеодальной знати — «старейшин»; эта знать выделилась значительно раньше, как о том свидетельствует археология.

Вятские мари сохранили предание о своих князьях, столицей которых был Уржум. У козьмодемьянских мари сохранилось предание о князе Акпарсе, который некогда владел землями и лесами на левом берегу Волги, по р. Ветлуге. В XVI в. чувашские и марийские князьки были известны русским под названием «сотников», «сотских», или «сотных князей».

Такая же знать выделилась в процессе феодализации и у удмуртов. В XVI в. упоминаются арские и каринские князья на Вятке, и на Каме, но происхождение княжеской власти значительно более древнее. Из грамоты Ивана IV 1548 г. каринским князьям видно, что к этому времени у удмуртов были уже феодальные отношения и их князья эксплуатировали трудовое население, судили и облагали «пошлинами» не только своих соплеменников вотяков, но и подвластных марийцев.

В течение XIV—XV вв. усиливается русское влияние среди удмуртов. В Вятской земле скоплялось много выходцев из русских земель. Вятская земля начинает вести активную борьбу с монгольскими захватчиками.

Укрепившись на Вятке, новгородцы производили набеги на татарские владения на Волге, грабили купцов «бесерменских» и разоряли татарские селения. Усиление русской колонизации на Вятке вызвало в XIV в. встречное наступление со стороны татар. В 1391 г. золотоордынский хан Тохтамыш отправил рать, возглавляемую царевичем Бектутом, в Вятскую землю; Бектут захватил город Вятку, «а люди посече, а иные в полон поведе»[2]. В 1489 г. Вятка была присоединена к Русскому государству.

С образованием Казанского ханства «арские люди», жившие на Каме, попали в подчинение к казанским ханам. Однако это подчинение ограничивалось уплатой ясака, и арские князья сохранили власть над местным крестьянством. Твердыней арских князей был в первой половине XVI в. Арский город (Арск), «острог старый», «в местах зело крепких», существовавший, повидимому, еще до образования Казанского ханства.

Каринские (арские) татары на Вятке, повидимому, сохранили независимость и управлялись собственными князьями, которые,

---

[1] РИБ, т. XXXI, стб. 178.

[2] ПСРЛ, т. VIII, стр. 61.

по крайней мере в XVI в., еще пользовались феодальными иммунитетами. В 1548 г. Иван IV утвердил за «Арскими князьями с Вятки» Мурсеитовыми принадлежавшие их умершему брату Мусе поместье в Карине и разные земельные угодья на Чепце, предоставив им право ведать и судить «беляков, вотяков и чювашу, и пошлину на них имати, как преж того брат их Муса судил и ведал во всем пошлину на них имал» [1].

* * *

Башкирия, как и другие земли, входившие в состав Булгарского государства, попала под власть татаро-монгольских захватчиков. Как пишет Абул-Газы Багадур-хан, еще при жизни Чингис-хана (умер в 1227 г.) его сын Джучи «был занят мыслью о завоевании кипчаков, русских, булгар, мадьяр и башкир»[2]. Начало завоевания булгар (а вместе с ними и Башкирии) татаро-монголами относится к 1229 г.[3]

Абул-Газы говорит, что Батый со своим братом Шейбаном после покорения булгар победил и «башкурдов». Об этом имеется и прямое свидетельство Плано-Карпини, который рассказывает, что татары пошли в землю мордовскую и завоевали ее, затем двинулись далее в землю биляров, то есть Великую Булгарию, опустошили ее всю, а отсюда направились к северу на баскартов (башкиров), которых также победили [4].

Во второй половине XIV в. Башкирия оказалась под властью отдельных царевичей и мурз. В административно-территориальном отношении Башкирия была разделена на четыре даруги (дороги), впоследствии получившие название: Ногайская, Казанская, Сибирская и Осинская. Во главе их стояли ордынские административные лица — «даруги», ведавшие сбором податей.

Феодальное дробление Золотой орды влекло за собой и дробление власти, число правителей у башкир, вышедших из числа темников и мурз, значительно возрастает.

Монгольские захватчики разорили и ограбили Башкирию и продолжали с помощью вооруженной силы и своей грабительской системы управления угнетать и эксплуатировать башкирский народ, используя в этих целях и местную растущую знать.

---

[1] ААЭ, т. I, № 220, стр. 209.

[2] *Абул-Газы Багадур-хан*, бини араб Мухамеджан Чингизи-Элхорозми. История родословия тюрк (родословное дерево тюрков). Казань, 1891 (на письменном языке тюрки), стр. 97.

[3] См. ч. 1, гл. 5, § 5 настоящего издания.

[4] *Иоанн де Плано-Карпини*. Указ. соч., стр. 25.

Вся тяжесть податей и повинностей ложилась на трудовое население. Оно должно было платить дань в Орду, «давать без замедления подводы и содержание всем ханским послам», «каких бы, сколько бы и куда бы он (то есть хан) ни отправлял послов», и «откуда бы также ни приходили к нему данники и послы, равным образом им должно давать коней, колесницы и содержание»[1]. Помимо повинностей натурального порядка, золотоордынские ханы постоянно брали у подвластных им народов людей для военных походов, широко практиковался угон населения — женщин и детей для продажи в другие страны.

Иногда Башкирия становилась ареной крупных сражений между золотоордынскими ханами. При этом башкир принуждали участвовать в чуждых им войнах. Башкиры были вынуждены участвовать в борьбе Тимура (Тамерлана) с золотоордынским ханом Тохтамышем. Через территорию Башкирии в 1391 г. прошли, опустошая все на своем пути, обе враждебные армии, остановившиеся у р. Кандузчи (Кундузча). Здесь потерпел поражение Тохтамыш.

В экономическом отношении Башкирия оставалась страной кочевого скотоводческого хозяйства и охоты облавного характера. Однако в порядке кочевания наблюдались дальнейшие существенные изменения, которые были связаны с процессом разложения рода и складыванием феодальных отношений. На куренном способе кочевки основывалось хозяйство родовой кочевой общины, на аильном — обособленное индивидуальное хозяйство растущего патриархально-феодального общества. Башкирский «кор» представлял структурную форму родовой кочевой общины[2]. С ростом богатых семей и выделением вождей из кора (кура) обособлялись аймаки, роды распадались. На одном пастбище оказывались общества разных аймаков, даже разных родов, объединенные подчиненностью феодализирующейся знати (баи, мурзы, тарханы). Распадение старых родов ускорялось завоеваниями: более сильные аймаки нападали на менее сильных, росла кочевая аристократия. Аймак состоял из нескольких больших родственно связанных семей. Территория (пастбище), принадлежавшая аймаку, называлась тюбе.

Из аймаков выделялись «ары», патриархальные домашние общины, объединенные властью родоначальников. Ара — семья, индивидуально ведущая свое хозяйство, кочующая на отведенных ей правителем аймака пастбищах, обязанная в его пользу рядом личных и натуральных повинностей. Ара не отходила далеко от аймака: облавная охота на общинной земле аймака требовала большого количества охотников.

---

[1] *Иоанн де Плано-Карпини*. Указ. соч., стр. 23.

[2] *А. Усманов*. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949, стр. 46—57.

Башкирские роды имели свои тамги (знаки). Выделившийся аймак, как правило, сохранял основу тамги своего рода, при этом к знаку тамги рода добавлялся дополнительный элемент, обозначающий собственность данного аймака. Следовательно, родовая организация была еще сильной, но уже происходило классовое расслоение. Из общин стали выделяться бии. Они ведут свое начало от родового строя. Бывшие родоначальники, старейшины или аксакалы превратились в начальников аймаков.

К патриархально-феодальной знати относятся и тарханы. Тарханские звания жаловались особыми ханскими ярлыками, освобождавшими их носителей от податей и повинностей. Тарханы пользовались рядом льгот в правовом отношении. «Было приказано,— говорится в «Книге побед» Низам-ад-дина Шами, современника Тимура,— чтобы им не препятствовали входить к его величеству, не спрашивали с них и детей их до девяти проступков, не брали их лошадей для выполнения подводной повинности [улаг] и считали [их] изъятыми и свободными от всех повинностей [такалиф]» [1].

Рядовые общинники-башкиры эксплуатировались патриархально-феодальной верхушкой. Подобно остальному кочевому населению Золотой орды, занимавшемуся главным образом скотоводством, башкиры не были свободны в своих перекочевках, переходя с места на место по предписанию своего господина [2].

Непосредственные производители не могли по своему усмотрению располагать и принадлежащим им скотом: они обязаны были отдавать кочевой знати часть мелкого скота для убоя, передавать в пользование на срок известное количество дойных коров, кобылиц, чтобы баи, мурзы, тарханы, дуваны и духовные феодалы получали «от них молоко на год, на два или на три, как... будет угодно» [3].

Башкирский народ терпел гнет и произвол со стороны кочевой знати и страдал от феодальной междоусобной борьбы, особенно усилившейся в Золотой орде во второй половине XIV в. Все это подрывало экономику страны, тормозило ее развитие.

Несмотря на монгольское иго башкиры продолжали сохранять экономические связи с булгарским Поволжьем и через него — с Русью. Наличие торговых связей башкир с русскими княжествами, в частности с Московским, подтверждают найденные на территории Башкирии (около г. Уфы) московские деньги.

---

[1] *В. Г. Тизенгаузен.* Указ. соч., т. II, стр. 116.

[2] *Б. Д. Греков* и *А. Ю. Якубовский.* Золотая орда и ее падение, стр. 110.

[3] *Иоанн де Плано-Карпини.* Указ. соч., стр. 24.

* * *

Астраханское ханство, как и Казанское, возникло на развалинах Золотой орды в середине XV в., но и для его образования предпосылки создались гораздо раньше. Хорошие пастбища, сравнительно короткая зима, многочисленные реки и озера, богатые рыбой, особая выгодность географического положения края давали значительные преимущества Астрахани среди городов Золотой орды. Астрахань стояла близ места, где когда-то был расположен хазарский Итиль, а позже Саксин,— на перекрестке караванных и водных путей, связывавших ее с Хорезмом и Бухарой на востоке, с Персией и Арменией на юге, с Русью и Казанью на севере. Астрахань, еще недавно тарханная деревня, попала на средневековые карты как один из значительных городов тогдашнего мира. Развалины Астрахани после ее разорения Тимуром еще сто лет спустя удивляли западноевропейских путешественников своими размерами.

Еще в XIV в. один из четырех улусных эмиров Золотой орды при Джанибеке и Бердибеке, Хаджи-черкес, захватил край и самостоятельно правил Астраханью и ее окрестностями. Затем он был изгнан Тохтамышем, который уничтожил всех местных наиболее сильных феодалов, стремившихся к отделению края от Золотой орды. В дальнейшем астраханские феодалы снова стали проявлять стремление к самостоятельности.

Астраханское ханство возникло приблизительно около 1459—1460 гг. Первым его правителем был Махмуд, сын Кичи-Мухаммеда, брат Ахмата.

После смерти отца Махмуд захватил Астрахань. В 1466 г. Астраханью правил его сын Касим. На востоке Астраханское ханство граничило с Ногайской ордой по р. Бузану, впадавшей в Волгу. Северная граница ханства доходила до Сарая, южная шла по р. Тереку; Кубань и Дон были границей ханства на западе. Астраханское ханство было слабо заселено: в середине XVI в. к хану Дербыш-Али явились для присяги всего 500 семейств князей, огланов, мурз, сейидов и мулл и 10 000 семейств «черных людей».

Основным занятием населения Астраханского ханства было кочевое скотоводство. Современник сообщает, что в 70-х годах XV в. астраханские ханы со всеми своими людьми кочевали на равнинах Черкесии и около Таны (Азова), а в Астрахани жили только зимой. Подсобным занятием были охота и рыбная ловля. В окрестностях Астрахани было множество соляных озер. Русские каждый год отправляли свои суда в Астрахань за солью. Земледелием астраханцы не занимались, они были скотоводами, рыболовами и охотниками. Лишь по р. Бузану некоторые татары иногда сеяли хлеб. В Астрахани велась

оживленная торговля. Сюда приходили из Средней Азии караваны с дорогими восточными тканями, шелком и другими товарами, которые обменивались на пушнину, кожевенные изделия и т. д. Астрахань была крупным невольничьим рынком, куда рабы привозились из Крыма, Казани и Ногайской орды.

Астраханское ханство было феодальным государством. Как и в Казани, господствующую верхушку составляли светские и духовные феодалы: ханы, султаны, огланы, беки, мурзы, сейиды и муллы, в полной зависимости от которых находились улусные «черные люди». Имелись также остатки домашнего рабства, но масса рабов, повидимому, переходила постепенно на положение крепостных.

Власть ханов была даже слабее, чем в Казани. Астраханские царевичи, князья и мурзы имели право самостоятельных внешнеполитических сношений. Особое положение занимал калга — главный начальник армии и астраханской крепости. Это звание носил один из царевичей, объявленный наследником хана. Еще при жизни хана он пользовался полной самостоятельностью. Большими привилегиями располагало мусульманское духовенство. «Черные люди» были обложены ясаком, от которого господствующая знать, повидимому, освобождалась в силу тарханных грамот. Ясак шел не только на содержание двора хана и местных князей, но и для уплаты дани и приношения подарков более могущественным соседям. Например, Ногайская орда ежегодно получала с Астрахани 40 000 алтын.

Астраханское ханство почти всегда зависело от своих соседей. Только в начале второй половины XV в. оно недолго играло некоторую самостоятельную политическую роль. Астраханский хан Касим даже претендовал на всю территорию Большой орды. В 1480 г. он в союзе с Ахматом, ханом Большой орды, участвовал в походе на Русь. Во время войны узбекского хана Шейбана с Ногайской ордой и Сибирью Касим поддерживал узбеков и дал убежище изгнанному узбекскому хану. Преемник Касима, его брат Абдул-Карим, совместно с «ахматовыми детьми» воевал против крымского хана Менгли-Гирея и грабил русских купцов, поскольку Москва в это время поддерживала связи с Крымом, используя его в борьбе с Большой ордой и Литвой.

Потеряв с разгромом Большой орды союзника, астраханские ханы в поисках новых политических связей постоянно колебались между ногайцами и Крымом. С конца XV в. астраханские правители находились под влиянием Ногайской орды и совместно с ней вели борьбу против Крыма. Крымские ханы со своей стороны стремились при поддержке Турции подчинить Астрахань и привлечь ее к совместным действиям против Руси. Но московское правительство, опасаясь усиления Турции в Восточной Европе, всячески поддерживало ногайцев

в борьбе с крымским влиянием в Астрахани. В 30-х годах вследствие внутренних раздоров среди ногайских феодалов крымское влияние усилилось, и ногайцы были постепенно вытеснены из Астрахани.

Господство крымских ханов, как и Ногайской орды, подрывало благосостояние края. Крымцы с конца XV в. были проводниками турецкого влияния в Поволжье, а для турок владение Астраханью имело лишь стратегическое значение для покорения более слабых государств на Востоке. Ногайцы более всего были заинтересованы в захвате земельных угодий и промыслов и вытесняли астраханцев с их земель, рек и озер. В таких условиях среди астраханских феодалов, как и в Казани, образовалась группа, тяготевшая к Москве. В Москве отдельные астраханские царевичи искали убежища во время частых в ханстве распрей.

Сношения между Москвой и Астраханью начались еще в конце XV в. Астраханские послы просили, чтобы «гости между ними с товарами ходили». Когда крымский хан Мухаммед-Гирей стал требовать от московского правительства в начале XVI в. прервать всякие сношения с Астраханью, то получил от Москвы отказ, основанный на том, что между нею и Астраханью все время ходили «гости». Экономическое тяготение Астрахани к Москве отчасти объясняет легкость, с которой Астраханское ханство было в XVI в. присоединено к Русскому государству.

3

КРЫМ

История народов Крыма изучена очень мало. В Крыму издавна жили аланы — ясы (осетины). Имелись здесь и славянские поселения. В Крыму жили также армяне, греки и пр. Татары, захватив Крымский полуостров, нашли здесь высокую земледельческую культуру.

Города Крыма издавна находились в тесных связях с Русью. Эти связи не могли прервать ни политика Византии, направленная к подчинению Крыма, ни набеги печенегов, ни усиление половецкого господства.

В XIII в. в Крыму существовали отдельные феодальные и полуфеодальные княжества. Во главе некоторых из них стояли местные аланские князьки (Чуфут-Кале). Некоторые из этих княжеств (Феодоро) были политически подчинены Трапезундской империи, переживавшей время упадка.

Первое монголо-татарское нападение на Крым (Судак) относится к 1223 г. С конца 30-х годов XIII в., с образованием Золотой орды, эти набеги усилились. Они сопровождались зверскими разрушениями и

вызывали активное сопротивление местного населения. Характерно, что борьба Судака (Сурожа) с монголо-татарами нашла отражение в русском народном эпосе (былины о богатырях-сурожанах), что свидетельствует о тесных связях Сурожа с Русью.

* * *

С конца XIII — начала XIV в. татары стали закрепляться в Крыму.

Главным занятием самих татар в момент появления их в Крыму было скотоводство. Оно оставалось основной отраслью хозяйства и в последующие столетия, по крайней мере в степной части полуострова. «Большинство [татар] вовсе не обрабатывает и не обсеивает полей,— писал еще в XVI в. М. Броневский, посол Стефана Батория в Крым,— богатство их заключается в конях, верблюдах, волах, коровах, козах и овцах; этим они и живут». Скотоводство было очень примитивное. Скот бродил без надзора по степи, даже зимой оставаясь под открытым небом, «питаясь травой, добываемой из-под снега копытами».

Примитивное скотоводство требовало постоянной перемены пастбищ. Долгое время Крымский полуостров оставался для кочевников местом зимовки. Весной стада перегоняли с Крымского полуострова через Перекопский перешеек в приднепровские степи. Так, в конце XIV в. князь Тегиня ширинский из Поволжья ходил «зимовати» в Крым и возвращался в орду, «как бысть весна»[1]. Продукты скотоводческого хозяйства служили главным предметом питания татар-кочевников степной части Крыма. Однако землепашество существовало здесь давно. Уже в XIV в. крымские ярлыки отмечают обязанность ссыпать хлеб в ханские амбары. В XV в. в грамотах Менгли-Гирея упоминаются пашни. Очевидно, имеется в виду местное земледельческое население, под влиянием которого среди татар, еще не перешедших к оседлости, также появилось земледелие, как это видно из слов того же Менгли-Гирея: «и мы... улусы свои на пашни и на жито распустили». Сеяли быстро зреющий ячмень, который употреблялся в пищу в виде каши, разбавленной молоком.

Среди татар, обосновавшихся в Крыму, еще сохранялись пережитки родового строя, в частности деление на племена (аймаки) и «колена» (кебейлер). Однако родовые пережитки уже утратили реальное значение. Примером крымского аймака XIV в. может служить шуркальское племя, во главе которого стоял бек Хаджи. Хан Тохтамыш пожаловал ему «со всем зависящим от него племенем» ярлык, освободив шуркальцев от государственных повинностей и податей, чтобы они «будут

---

[1] ПСРЛ, т. XII, СПб., 1901, стр. 15—16.

ли ... внутри кочевать или вне Крыма,— при общей кочевке своей от начальника области были свободны». Это, следовательно, была небольшая независимая кочевая орда во главе с беком, находившаяся лишь в вассальной зависимости от хана. Под формами родового аймака здесь уже легко усмотреть феодальные отношения, развивавшиеся на базе кочевого скотоводства. Как видно из ярлыка Тимур-Кутлуга (1398 г.) судакскому землевладельцу Мухаммеду, татарские феодалы, еще сохранившие черты крупных кочевых скотоводов, постепенно завладевали пространствами пашенной земли, орошаемой арыками, и виноградниками и закабаляли местное оседлое (осетинское, славянское и др.) население. Захваченные земли обрабатывались посредством зависимых сабанчи (крестьян) из местного населения, в частности уртакчи (издольщиков), и частично рабов из военнопленных.

Среди татарских феодалов уже в XIV в. выделяются несколько семей, рано оторвавшихся от Золотой орды и перекочевавших в Крым. Это — Ширины, перебравшиеся со своим улусом в Крым с Волги, Барыны, Аргыны, Яшловы. Землю на полуострове они захватили силой. Местное население попало под жестокое иго лишь после упорного сопротивления. Крымские феодалы не случайно сохранили память о прибытии родоначальника яшловских беев в Крым и завоевании им Кырк-Иера (Чуфут-Кале), города «непохвального народа» ясов. Согласно легенде, Ширины окончательно утвердились в окрестностях Старого Крыма только в первой половине XV в., когда Мамак-бей, «имея знамена и подвластные ему народы, пришед с оными от реки Волги в Крым, оный завоевал». Так создались крупные бейлики — вотчинные владения названных родов. Местное осетинское и славянское население должно было платить в пользу новых владельцев «законную десятину» с продуктов сельского хозяйства, «овечий сбор» с его стад, оброк «с медовых ульев» и всевозможные пошлины, а также и нести барщину — ходить «на службу и на работу».

С оседанием в плодородных предгорьях Крыма татарских улусов и их феодализацией создалась социальная база Крымского ханства. Уже в конце XIII или в начале XIV в. на полуострове образовалось особое наместничество, находившееся в вассальных отношениях к золотоордынским ханам. Наместник — туманджи (темник), или тудун, назначавшийся золотоордынским ханом, пользовался в Крыму значительной самостоятельностью, сносился с иностранными державами, чеканил монету, заключал мирные договоры с соседями и вел войны. Наместники постепенно захватывали земли и все прочнее укреплялись на полуострове, стремясь сделать свою должность наследственной.

В Крыму очень рано наметилось образование обособленного лена. Уже в конце XIII в. Ногай, которому хан Тохта предоставил доходы с Крыма, пытался создать здесь наследственный удел. Позже крымский темник Мамай повторил попытку обосноваться в Крыму. Таким образом, в XIII—XIV вв. обособленность монгольских правителей на полуострове до известной степени обеспечивалась выделением его из общего состава Золотоордынского государства под главенством крупных феодалов, державших крымский лен от хана на правах вассалитета. С конца XIII в. в источниках упоминается и столица крымского наместничества — Солхат, или Старый Крым (Эски-Крым).

В образовании татарского государства в Крыму известную роль сыграло приморское положение Крыма. С образованием Золотоордынского улуса Крым превратился в ворота, через которые велись и политические и торговые сношения Передней Азии, Египта, Византии и Западной Европы с Золотой ордой и Каракорумом. Крымские гавани служили местом выгрузки товаров, следовавших в Золотую орду, и конечным пунктом большого караванного пути из Монголии и Хорезма на Запад, где восточные товары грузились на суда. Солхат превратился в бойкий торговый город с пестрым населением, в котором среди армянских и других купцов видное место занимали русские.

К началу XIV в. среди крымских татар получил довольно широкое распространение ислам. Наряду со светской татарской феодальной знатью в Крыму росла духовная знать в лице сейидов, «потомков» Мухаммеда, шейхов — настоятелей скитов, кадиев, правоведов и других проповедников мракобесия, сосредоточивших в своих руках значительные земельные владения.

* * *

Наряду с татаро-монголами к захвату Крымского полуострова стремились Генуя и Венеция. Захватив Константинополь (1204), крестоносцы открыли итальянским купцам путь экономической и политической агрессии в Черноморье. Восстановление Византийской империи (1261) еще более укрепило их позицию, так как Палеологи нуждались в поддержке итальянских торговых республик. Император Михаил Палеолог предоставил Генуе право свободного прохода ее кораблей в Черное море. В 1265 г. такие же права были предоставлены империей и Венеции. Но позиции Генуи были более прочны, так как за содействие освобождению Константинополя из-под власти Латинской империи она, кроме торговых преимуществ на Черном море, получила в самом Константинополе два предместья — Перу и Галату. Маркс указывал, что «генуэзцы, под покровительством греческих императоров,

почти монополизировали торговлю Константинополя и Черного моря»[1]. Из Константинополя генуэзцы распространили свои торговые операции на Валахию и Молдавию; через Дунай они достигли Днестра и Аккермана (Монкастро). На южном берегу Черного моря они основали колонии в Синопе, Трапезунде и других местах. Затем они проникли в Себастополис (Сухуми) и далее вглубь Кавказа. Особое внимание генуэзских купцов привлек Крым, через который проходили торговые пути в южную и северо-восточную Русь и в торговом центре которого — Судаке (Сурож, Солдайя) генуэзские купцы торговали еще в первой половине XIII в.

В 70-х годах XIII в. ставленник Золотой орды в Крыму Мангу-хан разрешил генуэзцам превратить в свою колонию Каффу (на месте древней Феодосии), которая сделалась главным складочным местом генуэзской торговли на Черном море. Генуя стремилась сосредоточить здесь свою черноморскую торговлю. Одновременно Венеция утвердилась в Солдайе (Судак). В 1332 г. хан Узбек уступил венецианцам участок земли в Тане (Азов), где уже была генуэзская фактория. Между Генуей и Венецией разгорелась борьба, в которой победила Генуя.

Захват Генуей Чембало (Балаклавы) в 1357 г. и Судака в 1365 г. и основание в них крепостей упрочили ее господство на Черном море. Возник еще ряд генуэзских поселений в Крыму и на азово-черноморском побережье Кавказа. На месте Корчевы (ныне Керчь) образовалась колония Боспоро; в устье Дона находилась колония Тана. В городах Матреге, Копе (у устья Кубани, недалеко от нынешнего Краснодара) и Бате (Батиар у Ахтарского залива) генуэзцы имели свои агентства, хотя эти колонии находились под властью местных князей. Одновременно Генуя обосновалась и на южном побережье Черного моря (Самсун, Трапезунд, Самастро).

Таким образом, татаро-монгольское нашествие не только отрезало от Руси Северное Причерноморье и Крым, но и способствовало захвату этих территорий итальянскими купцами, сыгравшими в высшей степени отрицательную роль в экономическом развитии местного населения Крыма, тормозившими рост производительных сил, ведшими хищническое, грабительское хозяйство.

Богатые итальянские колонии неоднократно привлекали внимание татарских завоевателей. В 1298 г. Каффа была разгромлена Ногаем, а в 1308 г. — ханом Тохтой; в 1322 и 1327 гг. татарские войска дважды разоряли Сугдею; в 1344—1347 гг. Каффа подверглась нападению со стороны хана Джанибека; одновременно была разгромлена Тана;

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XI, ч. 1, стр. 81.

Генуэзская башня в Балаклаве, XIV в.

в 1396—1397 гг. Каффу осаждал Едигей; в 1410 г. Пулад-бек произвел нападение на Тану.

Через торговые итальянские города татары сбывали рабов. В Каффе татары приобретали ткани, оружие и другие товары. Таким образом, Каффа сделалась портом заграничной торговли для татарских феодалов, кочевавших на полуострове, и между ней и татарскими ханами установились своеобразные союзнические отношения. Для управления и суда над канлюками (ханскими подданными) «южнобережной Кампаньи» хан назначал особого наместника — тудуна. Одно время под непосредственной властью хана находились также и пригороды самой Каффы. Так установился не совсем обычный порядок взаимоотношений между татарскими ханами и их итальянскими вассалами. Обоюдные интересы заставляли татарских феодалов и итальянских купцов идти на соглашение. Из генуэзских колоний Черного моря в XIII—XIV вв. вывозились получаемые путем грабежа местного населения продукты: главным образом зерновой хлеб (из северо-восточных районов Причерноморья в Византию и Западную Европу), соль, сырье черноморских степных районов (кожи) и кавказских гор (меха, воск, мед, строевой лес), а также рабы, вывозившиеся в Египет из Турции. Из Копы и Таны вывозились соленая и сушеная рыба и икра. Среди предметов ввоза, обслуживавших потребности купеческой верхушки, важную роль играли всякого рода ткани (сукна из Италии и Германии), масло, вино (из Греции) и т. п. Со времени установления регулярного сообщения между Каффой и Таной черноморские колонии начали получать товары из Индии и Персии морским и сухим путем, переправляя туда товары из Западной Европы, Византии и других стран.

Каффа была развитым ремесленным центром. Там получил распространение ряд ремесел (судостроительное, кузнечное, гончарное, скорнячное, керамическое и др.). Происходил процесс расслоения среди ремесленников и закабаления бедноты зажиточной верхушкой горожан.

Управляла Каффой верхушка из представителей генуэзского купечества, сосредоточившая в своих руках все нити экономической жизни города. Все увеличивавшееся имущественное неравенство создало резкое деление: на бедных (popolo minuto; буквально — «тощий народ») и богатых (popolo grasso — «жирный народ»). Первые были совершенно лишены политических прав и не раз выступали против своих угнетателей.

Длительной и беспощадной эксплуатацией местного населения, которая была непосредственно связана с насильническим грабежом морским разбоем, купцы черноморских колоний скопили значитель-

ные капиталы. Уже в XIII в. генуэзские и восточные купцы под видом «посреднической торговли» усиленно выкачивали всевозможные ресурсы из местного населения Крыма и Кавказа, прибегая к скупке по дешевым ценам кожевенного и другого сырья, к меновой торговле с черкесами на Западном Кавказе, дававшей неслыханную прибыль, и т. д. Они развернули широкую торговлю рабами, которая приносила им особенно большие доходы.

В колониях наблюдается не только ростовщичество, но и закабаление ремесленников и городской бедноты купцами и ростовщиками. Это вызывало ожесточенную классовую борьбу, которая не раз переходила в открытые восстания. В 1454 г. восставшая беднота в Каффе провозгласила: «Да здравствует народ! Смерть знатным!» Классовая борьба обострилась в связи с противоречиями между кучкой генуэзских «граждан» — угнетателей — и подвластным, гораздо более многочисленным, но бесправным местным населением (русские, греки, аланское население, армяне и др.).

В восстании приняли участие солдаты и матросы с генуэзского судна. Восстание было жестоко подавлено. Однако оно имело значение для активизации дальнейшей борьбы местного населения с генуэзскими захватчиками и ослабления позиции последних.

В 1455 г. произошло восстание в Монкастро (Белгороде), способствовавшее падению власти генуэзцев. Новые волнения городских низов имели место в Каффе в 1456, 1463, 1471, 1472 и 1475 гг.

* * *

Со второй половины XIV в. татарская феодальная знать, укрепившаяся в Крыму, все более стремилась к самостоятельности. Ширинские и барынские мурзы призвали на царство основателя династии Гиреев, или Гераев,— Хаджи-Девлета, а после его смерти, когда между его сыновьями начались усобицы, ширинский бей Эминак энергично поддерживал одного из них — Менгли-Гирея. Таким образом, окрепшая феодальная знать Крыма в своих сепаратистских целях шаг за шагом подготовляла превращение Крымского наместничества в самостоятельный юрт.

Время окончательного образования Крымского ханства связывается с правлением Хаджи-Гирея. Девлет-Хаджи-Гирей в качестве претендента на ханский престол впервые появился в Крыму в 1427 г. Одержав победу над двумя братьями-соперниками Махмудами в 1428 г., он окончательно утвердился в Крыму только в 1433 г. Опираясь на местных татарских феодалов и используя орды, приходившие на зимовку в Крым, Хаджи-Гирей значительно укрепил свое влияние на полуострове, в том числе в генуэзских колониях.

Образование Крымского ханства следует рассматривать в связи с международными отношениями в Восточной Европе. За политическими событиями в Крыму внимательно следили соседи — Каффа, Литва. Они были заинтересованы в ослаблении Золотой орды. С другой стороны, в интересах каждого из них было подчинить своему влиянию складывавшееся в Крыму ханство. В первой половине XV в. особенно активно в этом направлении выступало Литовское великое княжество, которое издавна вело сложную политику в отношении Золотой орды, поддерживая отдельных претендентов на роль золотоордынских ханов и давая убежище тем из них, которые терпели неудачу. В этом нельзя не видеть стремления обезопасить собственные границы от набегов татар и вместе с тем использовать силы тех же татар в борьбе с Русью, а также стать твердой ногой в устье Днепра. Хаджи-Гирей, несомненно, опирался на поддержку Литвы. «И отец наш король...,— писал впоследствии великий князь Александр Менгли-Гирею, — с твоим отцом... Аж-Кгиреем: приятелю были приятель, а неприятелю неприятель... а и предком твоим и отцу твоему, коли их неверемя бывало и конь их потен, завжды им опочивок бывал у вотчине нашой, великом княжестве Литовском; а предкове наши и отець нашь хлеба и соли им не боронивали до часу, покуль дело свое оправят...»[1] Политика дружбы Крыма с Литвой пошатнулась только после смерти Хаджи-Гирея, когда в крымские дела решительно вмешалась Русь. Существование в Крыму сильного враждебного государства таило большую опасность для Руси. Однако русское правительство сумело использовать его в своих целях — для борьбы с Золотой ордой и Литвой. Играли здесь роль не только одни политические соображения, заставлявшие искать союзника против двух более опасных врагов. Москве нужны были крымские гавани. У нее были крупные торговые интересы в Каффе, и, поскольку крымский хан был сюзереном Каффы, она обращалась к нему для разрешения конфликтов с «каффинскими людьми».

Москва стремилась обеспечить возможность сношений с южноевропейскими странами через Крым и Валахию. Этим путем приезжали выписываемые из Италии специалисты; через Каффу и Тану велись непосредственно торговые сношения с Константинополем и городами Малой Азии. Всем этим достаточно объясняется политика московского великого князя в Северном Причерноморье. Сначала наблюдается стремление поддерживать отношения со всеми ханами, которые сменялись на крымском престоле, противопоставляя их друг другу и Большой орде в целях укрепления позиций Руси. Когда определи-

[1] Сб. РИО, т. 41, стр. 331.

лась победа Менгли-Гирея, правительство Ивана III старалось, используя его в качестве орудия против Большой орды, не дать усилиться ему самому и в этих целях удерживало в плену его братьев и соперников — Нур-Давлета и Хайдара. Для крымского хана была важна поддержка со стороны московского великого князя в борьбе за независимость от ханов Большой орды.

Победа крымского хана над Большой ордой принесла новые бедствия местному населению Крыма и серьезную опасность русскому народу.

* * *

В середине XV в. положение в Крыму значительно осложнилось. В 1453 г. пал Константинополь, и турки сделались хозяевами восточной части Средиземного моря со всеми разветвлениями его торговых путей, выгодами которых победители не замедлили воспользоваться. Владея южными берегами Черного моря и ключом ко входу в него — Дарданеллами и Босфором, Оттоманская Порта стремилась овладеть и северными его берегами. Турецкое правительство, используя политические противоречия в Крыму, хотело утвердиться там, что несло новый гнет местному населению и угрозу Руси. Падение Константинополя ставило под удар господство Генуи. В 1454 г. турецкий флот произвел внушительную демонстрацию в Черном море. Обстреляв Монкастро (Аккерман), он разрушил Себастополис (Сухуми) на восточном побережье и на обратном пути стал на рейде перед Каффой. Татарские феодалы поспешили войти в сношения с турецким командованием, рассчитывая использовать новую силу для изгнания генуэзцев с их территории. К Каффе подоспел Хаджи-Гирей, и здесь между ним и Демир-Кяхьей, начальником турецкой экспедиции, был заключен договор, по которому султан обязывался совместно с татарским ханом изгнать генуэзцев из Крыма и предоставить хану Каффу и все побережье.

В 1466 г. умер Хаджи-Гирей. В последовавшие усобицы между его сыновьями вмешалась Каффа, стремившаяся посадить на ханский престол расположенного к ней правителя. Не без поддержки Каффы сын Хаджи-Гирея — Нур-Давлет, захвативший власть, был заменен его братом Менгли-Гиреем, который, по некоторым известиям, был воспитан в Каффе. Вместе с тем Каффа дала в своих стенах приют свергнутому сопернику Менгли-Гирея — Нур-Давлету, отчасти чтобы обезвредить его, отчасти чтобы крепче держать в руках нового хана.

Вмешательство Каффы в дела ханства вызвало недовольство татарской знати. Конфликт из-за назначения на должность тудуна, в котором Менгли-Гирей принял сторону кандидата каффинцев, ускорил развязку.

Татарские феодалы во главе с наиболее могущественным из них — ширинским беем Эминаком обратились снова за содействием к султану, надеясь при его военной поддержке укрепить владычество над Крымом, устранив своих соперников в лице Большой орды и итальянского купечества. Это послужило предлогом для решительного выступления Порты. В 1475 г. турецкий флот высадил десант под стенами Каффы при поддержке Эминака и татар. Сам Менгли-Гирей в ответственную минуту укрылся за стенами Каффы[1]. Город был взят. В числе пленных был и Менгли-Гирей, которого отвезли в Константинополь. После Каффы наступила очередь Анапы, затем Солдайи; к концу 1475 г. турки взяли Феодоро (Мангуп).

Итальянские колонии были разгромлены при содействии татарских феодалов, вступивших в союз с турками. Интересы союзников, однако, значительно расходились. Турки отлично учитывали торговое и стратегическое значение завоеванных ими гаваней. Поэтому Порта удержала в своем непосредственном владении всю южную береговую линию с Каффой, Солдайей и другими городами, где укрепились генуэзские купцы, Мангупом, господствовавшим над горным Крымом, и Таной на Азовском море, образовав из них санджак (административно-территориальная единица) с центром в Каффе. Представителем падишаха был турецкий паша, имевший резиденцию в Каффе, где стоял сильный турецкий гарнизон. В конечном итоге турецкое вторжение не принесло крымским феодалам тех выгод, которых они ожидали. Положением воспользовался золотоордынский хан Ахмат, который «посла... сына своего с татары и взя Крым и всю Азигирееву орду...»[2]

Это вызвало новое вмешательство Порты, к которой опять обратились ширинские беи во главе с тем же Эминаком. «Слышали мы,— писали беи,— что владелец наш находится у вас, умоляем ваше величество прислать его к нам не мешкая, так как за неимением царя все дела наши пришли в расстройство. Пусть весь край будет собственностью султана, а Менгли-Гирей хан пусть будет его наместником». Для правительства Порты такое предложение, ставившее Северное Причерноморье в зависимость от султана, было вполне приемлемо. Султан «пожаловал Менгли-хану царство Дештское, даровал ему барабан и знамя и послал его в его землю в сопровождении войска». Таким образом, под эгидой султана, при содействии крымской знати, на полуострове образовалось ханство, ставшее в вассальную зависимость от Турции.

Так татарские феодалы продавали захваченные ими крымские земли, стремясь обеспечить за собой в союзе с турецкими грабите-

[1] По другим известиям — в принадлежавшей генуэзцам Мангуп-Кале.
[2] ПСРЛ, т. XII, стр. 168.

лями побольше доходов, получаемых за счет завоеванных народов.

Вассальная зависимость хана от Турции обеспечивалась выдачей в качестве заложника одного из его сыновей. Прибрежная полоса Крыма оставалась в непосредственном владении султана. В будущем ханы должны были назначаться султаном только из дома Гиреев; они были обязаны оказывать султану военную помощь, во внутренние дела ханства султан не должен был вмешиваться; ханам предоставлялось право непосредственных сношений с иностранными государствами.

Подчинившись Турции, Крымское ханство приобрело сильную поддержку в борьбе с Большой ордой. Неоднократно из Турции и Каффы в подмогу крымцам высылались артиллерия и отряды турецких войск, так что ханы Большой орды не всегда решались действовать против Крыма, опасаясь турок. Захват Турцией позиций в Крыму представлял громадную угрозу для Русского государства, создавая тяжелые условия для местного населения в Северном Причерноморье, оторванном от связей с Русью, и усиливая одновременно опасность вражеских вторжений в русские земли.

Основной частью Крымского ханства был «Крым-адаси» (т. е. «Крымский остров»), соединявшийся перешейком с черноморскими степями. На перешейке Менгли-Гиреем была поставлена крепость Ферх-Керман, впоследствии известная под названием Ор-Капи, или, по-русски, Перекоп. Территория Крымского ханства в момент его возникновения не ограничивалась полуостровом и охватывала степи к северу от перешейка. Крымское ханство действовало агрессивно в отношении украинских и молдавских земель. В состав ханства вошло нижнее течение Днепра. Для утверждения своей власти на Днепре и для угрозы Литве Менгли-Гирей поставил в 1492 г. городок на речке Тягинке, разрушенный литовцами в следующем году; в 1505 или 1506 г. выше по Днепру на Таванском перевозе был поставлен новый город под названием Ислам-Кермен. Еще в 1494 г. Менгли-Гирей построил г. Очаков. Для описываемого времени нет точных известий о вхождении в состав Крымского ханства Прикубанья, впоследствии им завоеванного. Азов был занят турками. Столицей Крымского ханства стал Бахчисарай.

При Менгли-Гирее Крымское ханство разбивалось на многочисленные владения, находившиеся в вассальных отношениях к хану. Каждый из вассалов хана имел свои земли, слуг и ясачных людей. Таковы улусы крымских землевладельцев — ширинских, яшловских, барынских беев. Менгли-Гирей широко раздавал земли татарским феодалам. Особенно щедро одарял Менгли-Гирей знатных выходцев из других орд.

* * *

Сложные политические отношения сложились у Крымского ханства с его северными соседями — Литвой и Русью. Крымский хан рассматривал себя как преемника золотоордынских ханов и претендовал на права, которые некогда принадлежали им в землях, вошедших в состав Литовского великого княжества и Русского государства, а также на Казань, которую Менгли-Гирей упорно называл своим юртом. Литовские великие князья должны были согласиться на признание себя вассалами Крыма в отношении русских земель, которыми они владели, и платить дань. Эта дань была совершенно реальна. «Из старины Одоевских городов князи,— писал Менгли-Гирей,— по старине к нам, что давали ясаку тысячю алтын и дарагам другую...»[1] Поэтому регулярно посылавшиеся литовским великим князем «поминки» были в сущности настоящим «выходом», т. е. данью. «А что есми тебе не давал выходу колко лет прошлых годов,— писал великий князь Александр к Менгли-Гирею в 1502 г.,— и то все перед тобою же». Попытка уклониться от уплаты этой дани служила достаточным основанием для карательных набегов. В 1484 г. Менгли-Гирей «со всею силою своею» произвел опустошительный набег на Киевскую землю: «град Киев взя и огнем пожже, а воеводу киевского пана Ивашка Хотковича изымал, а иного полону бесчисленно взял и землю учини пусту Киевскую...»[2] и проник вглубь владений литовского великого князя.

Совершенно иначе сложились отношения с Русским государством. Москва сравнительно поздно вновь вмешалась в дела Крымского полуострова. Образование самостоятельного юрта, связанного с Турцией,— исконным врагом славянских народов,— определило борьбу правительства Ивана III с агрессией захватчиков. Крымское ханство было использовано Москвой для окончательного уничтожения Большой орды, претендовавшей на власть над Московским великим княжеством. Большой победой московской дипломатии было то, что она сумела отвлечь крымского хана от дружбы с Литвой, сделав его своим орудием во внешней политике. В руках московского правительства в данном случае было очень сильное средство. Менгли-Гирей нуждался в договоренности с Москвой для того, чтобы обезопасить себя от Большой орды. Угроза возможного союза Москвы с Большой ордой заставила Менгли-Гирея особенно серьезно считаться с московской политикой.

---

[1] Сб. РИО, т. 41, стр. 269.

[2] ПСРЛ, т. VIII, стр. 215.

4
НАРОДЫ СЕВЕРА

В конце XIV в. земля коми вошла в состав Русского государства. Этим завершился длительный процесс объединения земель народа коми с русскими землями, начавшийся еще в XI в. Усиление связей с русским народом и прочное включение коми в состав Русского государства оказало серьезное благотворное влияние на дальнейшее развитие народа коми.

Заволочье и области, расположенные по соседству с ним, уже в XII в. стали привлекать внимание русских князей Волжско-Окского междуречья. В 1149 г. суздальский князь Юрий Долгорукий сделал попытку перехватить «данников новгородских»; его сын Андрей Боголюбский тоже стремился забрать в свои руки дань с Заволочья [1].

С начала XIII в. опорным пунктом ростово-суздальских, а затем московских князей, обеспечивавшим продвижение на северо-восток, сделался Устюг [2], который, как клин, врезался в новгородские владения и мешал беспрепятственному проходу новгородцев из Сухоны в Вычегду.

В XIV в. в связи с ростом могущества Москвы резко обострилась борьба Московского княжества с Новгородом за северо-восточные земли, в том числе и за землю коми. В 1328 г. Иван Калита выдал замуж свою дочь Марию за князя Константина Васильевича ростовского [3], которому, очевидно, принадлежал и Устюг [4]. С этого времени Устюг прочно попал в орбиту влияния Москвы. Попытки новгородского боярства овладеть Устюгом не увенчались успехом. Устюг стал исходным пунктом торговых и промышленных поездок купцов из великого княжества Московского в богатую пушниной вычегодскую Пермь. Охотничья добыча коми переходила в руки жадных до наживы скупщиков. Об этом говорил волхв Пам Стефану: «и до вас достигнуть ныне не нашею ли ловлею? И ваши князи и боляре и вельможи обогащаеми суть, в ня же (в них.— *Ред.*) облачатся и ходять и величаются подолкы риз (подолами одежд.—*Ред.*) своих, гордящеся о народех (в народе.— *Ред.*)» [5].

---

[1] НПЛ, стр. 28, 215.

[2] Впервые упомянут в летописи под 1218 г. См. «Устюжский летописный свод» под ред. К. Н. Сербиной, М.—Л., 1950 (далее — УЛС), стр. 45. Основание Устюга относится к более раннему времени. См. *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города. М., 1946, стр. 72—73.

[3] ПСРЛ, т. XXV, стр. 169.

[4] НПЛ, стр. 99, 342, 355—356.

[5] «Житие святого Стефана епископа Пермского». СПб., 1897 (далее — «Житие»), стр. 47.

Пермскую пушнину русские купцы перепродавали за границу; меха из вычегодских лесов «и во Орду посылаются и досязать (доходят. — *Ред.*) даже и до самого того мнимаго царя (золотоордынского хана.—*Ред.*), но и в Царьград, и в немцы, и в Литву, и в прочаа грады и страны, и в дальняа языки» [1].

В землю коми наезжали сборщики дани и судьи — «тивуни и доводщици и приставницы» [2]. Московские князья стремились организовать планомерную эксплуатацию своих подданных. Коми, конечно, сильно страдали «от насилиа работы (принудительных работ.— *Ред.*) и тивуньскиа продажа (злоупотребления тиунов на суде.— *Ред.*) и тяжкиа дани» [3]. На них, в частности, была возложена подводная повинность по доставке великокняжеских людей на печорские промыслы [4].

Но освоение земель коми, подготавливавшее их включение в состав Русского государства, было явлением глубоко прогрессивным для коми, обеспечившим условия для дальнейшего экономического и культурного роста.

В стремлении окончательно укрепиться на берегах Вычегды Дмитрий Донской оказывал поддержку шедшей из Устюга проповеди христианства среди коми. Стефан Пермский, выступивший около 1379 г. на миссионерское поприще с благословения церковных властей Москвы, являлся проводником московской политики среди коренного населения бассейна Вычегды.

Стефан вел пропаганду на родном языке коми, который, вероятно, был ему знаком еще с детских лет ввиду близости Устюга к Перми и постоянных сношений устюжан с пермичами. В этих целях он составил для коми азбуку. Это был метод христианской проповеди, необычный для русских миссионеров и еще более чуждый западноевропейским католическим миссионерам. Конечно, он встретил сопротивление: Стефан, по словам его биографа Епифания, «много зле пострадал от неверных пермян». Волхвы, отражавшие интересы реакционной части местной патриархальной знати, говорили: «От Москвы бо может ли что добро быти нам? Не оттуду ли нам тяжести бышя и дани тяжкыя и насильство?» [5]. Были попытки убить проповедника. Но покровительство великого князя, который «любляще издавна» Стефана, гарантировало ему безопасность. Обходя Пермскую землю со своими учениками, Стефан истреблял идолов, сжигал «кумирницы» и на месте прежних мольбищ

---

[1] «Житие», стр. 47.
[2] Там же, стр. 40.
[3] Там же, стр. 87.
[4] ГВНиП, № 87.
[5] «Житие», стр. 40.

воздвигал христианские церкви. При содействии грамотных новокрещенцев Стефан осуществлял переводы богослужебных книг на язык коми. Введено было церковное пение по русским образцам[1]. Сопротивление местных сотников и шаманов с усилением московской власти было сломлено.

Распространение христианства облегчало включение коми в состав Русского государства и способствовало развитию более передовой феодальной идеологии и культуры в Пермской земле.

Московское правительство понимало значение христианизации коми. Была основана особая пермская епархия, во главе которой в качестве епископа и был поставлен в 1383 г. Стефан. Это мероприятие, проведенное с санкции Дмитрия Донского, было встречено, очевидно, враждебно в Новгороде, поскольку оно подрывало права новгородских бояр на Пермь. Особенно напряженной была борьба Москвы с Новгородом в 1397—1398 гг., когда восставшая Двинская земля перешла под власть московского князя[2]. Новгородцам с большим трудом удалось вернуть Заволочье в состав своих владений. В начале XV в. устюжане неоднократно по повелению московских князей совершали походы на Двину[3]. Устюг и вместе с ним земли коми фактически перешли во владение московских князей.

Феодальная война 1432—1453 гг. коснулась и территории коми. В 1450 г. Дмитрий Шемяка захватил Устюг и два года находился в нем[4]. Феодальные усобицы приносили много бедствий коми. Только победа великокняжеской власти над реакционной удельно-княжеской оппозицией могла обеспечить возможности дальнейшего развития коми.

После победы в феодальной войне московский великий князь считал себя уже верховным главой Пермской земли[5], хотя формально признавал суверенные права Новгорода на нее[6].

Пермская епархия сыграла большую роль в освоении московским правительством земли коми. Расположенная на границах между русскими землями и землями коми и других народов северо-востока, епархия в течение всего XV в. носила характер полунезависимого феодального владения, и пермский «владыка» (епископ) являлся могущественным церковным земельным собственником, вассалом великого князя московского. Пермские епископы захватили на Вычегде обширные

---

[1] «Житие», стр. 34.

[2] См. гл. 1, § 7 настоящего издания.

[3] НПЛ, стр. 396, 407, 415; УЛС, стр. 68, 71, 73; ПСРЛ, т. XXV, стр. 243.

[4] УЛС, стр. 82.

[5] *А. Х. Востоков.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 131.

[6] ГВНиП, № 22, стр. 39—41.

земельные владения. В конце XV в. преемники Стефана владели «землями на Выми и на Вычегде и во всей Вычегодской земле, деревнями и пустошами, и дворами, и пожнями, и озерами, и реками, и участками в озерах и в реках, и угодьями, которые земли были за прежними владыками пермскими». Эта вотчина была утверждена за ними жалованной грамотой Ивана III (1491).

Центром этой обширной епископской вотчины на Вычегде был укрепленный «владычень город Усть-Вымский», основанный Стефаном на месте разрушенного им мольбища. Здесь стояли «двор владычень большой», бывший укрепленным пунктом. В конце XV в. за его стенами находились «осадные дворы» крестьян окрестных деревень, представлявшие собой, повидимому, большие избы, каждая из которых в осадное время могла вместить значительное число беглецов[1]. Вместе с тем «владычень город» был религиозным центром. Здесь был воздвигнут ряд церквей.

Исключительное положение, которое занял в земле коми пермский «владыка», объясняется отношениями, сложившимися в Вычегодской земле вследствие пограничного ее положения. Расположенная на путях в Зауралье, Вымская земля постоянно подвергалась нападениям из Зауралья воинственных князьков пелымских вогулов и приобских югричей (остяков). Постоянно «гогуличи наступают», говорится в «Плаче» по поводу смерти Стефана[2]. Во время набега пелымских князей Асыки и его сына Юмшана «воевали гогуличи» Пермь Великую и Вычегду, причем ими был убит и тогдашний епископ Питирим[3].

Пермские епископы взяли в свои руки выгодное дело продажи хлеба коми («коль краты многажды лодиами жита привозя от Вологды в Пермь»)[4].

Однако московский великий князь не мог всецело возложить оборону пограничной области на своего духовного вассала, тем более что в распоряжении пермского «владыки» не было достаточной военной силы. В XV в. с укреплением Русского централизованного государства на территории коми были воздвигнуты городки: Еренский, Вожемский на Цылибской горе и др.[5]

Во время борьбы Москвы с Новгородом в 1471 г. устюжская рать

---

[1] ЛОИИ, собр. Савваитова, № 1; ср. «Акты времени правления царя Василия Шуйского». М., 1914, стр. 292—297.

[2] «Житие», стр. 93.

[3] УЛС, стр. 83; ПСРЛ, т. XXV, стр. 273.

[4] «Житие», стр. 76.

[5] См. «Акты времени... Шуйского», стр. 267—354.

содействовала разгрому двинского войска новгородцев [1], которым на время удалось захватить земли коми [2].

Включение Новгорода в состав единого Русского государства содействовало успеху продвижения Москвы в северо-восточные земли. Прежде всего была включена в состав Русского государства Пермь Великая, присоединенная московским правительством значительно позже, чем Пермь Вычегодская («Старая» Пермь), так как продвижению на Каму препятствовало расположенное в ее нижнем течении Казанское ханство. Так, когда в 1462 г. Иван III послал на черемисов рать, прошедшую мимо Устюга вверх по Каме в Пермь Великую, то этот поход вызвал ответные действия казанских татар и мари, которые вторглись в пределы Устюжского уезда [3]. Одновременно московское правительство прибегло к приему, который был использован в Вычегодском крае: направило сюда церковных проповедников. В 1468 г. московские войска совершили поход против казанцев и на обратном пути прошли через Пермь Великую [4]. Весной следующего года русской рати удалось дойти до Казани и даже сжечь посад, а осенью войско под начальством брата великого князя — Юрия Васильевича блокировало Казань и принудило хана Ибрагима подчиниться [5].

После этих успехов, которые парализовали сопротивление Казанского ханства и обезопасили местные народы от грабительских набегов казанских феодалов, Иван III отправил весной 1472 г. князя Федора Пестрого «воевати» Великую Пермь. Пермичи не в силах были сопротивляться хорошо организованным московским силам. Федор Пестрый взял пермские городки, захватил в плен князя великопермского Михаила и наиболее видных его воевод [6]. Некоторое время князь Михаил еще сохранял формально свое княжество в качества «вотчича», владевшего своей вотчиной на правах вассала великого князя, но уже сын его князь Матвей Михайлович был в 1505 г. сведен с Великой Перми [7], а вместо него из Москвы был прислан великокняжеский наместник. Таким образом, вся территория, населенная народом коми, вошла в состав Русского государства.

С другой стороны, с падением Великого Новгорода печорский путь в Зауралье тоже оказался в руках Москвы, которая торопилась вос-

---

[1] ПСРЛ, т. XXV, стр. 290; УЛС, стр. 89.
[2] ААЭ, т. I, № 94, стр. 73—75.
[3] УЛС, стр. 85.
[4] Там же, стр. 87; ПСРЛ, т. XXV, стр. 281—283.
[5] УЛС, стр. 87—88; ПСРЛ, т. XXV, стр. 281—283.
[6] УЛС, стр. 90; ПСРЛ, т. XXV, стр. 296—297
[7] УЛС, стр. 102.

пользоваться им, чтобы подчинить зауральскую югру. Исходным пунктом военных экспедиций, снаряжавшихся московским правительством за Урал, были Устюг и тесно связанная с ним земля коми.

В 1483 г. предпринят был большой поход на пелымского князя Асыку «да и в Югру на Обь великую реку». Под начальством великокняжеских воевод шли, кроме устюжан и вологжан, вычегжане, вымичи, сысоличи и пермяки. Разбив Асыку на р. Пелыме, ратные люди по р. Тавде прошли в Сибирскую землю и дальше спустились вниз по Иртышу в Обь и воевали князей югорских[1]. Поражение заставило югорских князей пойти на заключение мира. Вымские князья Петр и Федор в 1484 г. заключили мир «на том, что им (югорским князьям.— *Ред.*) лиха не смыслити, ни силы не чинити никоторые над перьмскими людьми, а государю великому князю правити во всем»[2].

С целью присоединения Югры был организован поход «за Камень» (Уральский хребет) под начальством князей С. Курбского, П. Ушатого и В. Гаврилова (1499—1500)[3]. Во время этого похода на низовья Печоры московские воеводы поставили Пустозерский острог. Югорская земля была подчинена московскому великому князю. С утверждением Руси на Печорском пути Вымь приобретала большое значение в качестве пункта на большой дороге, ведшей в Югру, т. е. на нижнюю Обь, становилась плацдармом для промышленного и военного освоения богатого пушниной Северного Зауралья.

В 1491 г. из Москвы была направлена целая экспедиция на р. Цильму «серебра делати и меди»; во главе ее были поставлены рудознатец Мануил Иларьев, дети боярские В. И. Болтин, И. В. Коробьин и А. Петров, мастера «фрязи» (итальянцы) и 240 «делавцов с ними, кому руду копати», набранных в Поморье. Для населения края экспедиция была сопряжена со значительными тяготами. На жителей была возложена обязанность «ужинам (снаряжение и продовольствие.— *Ред.*) провадити судех до места», для чего было вытребовано «пермич, и вымич, и вычегжан, и усолич сто человек»[4]. Рудознатцы «нашли руду серебряную и меденую» на р. Цильме, «не доходя Космы реки за полдница, а от Печеры реки за семь дней, а места того, где нашли, на десяти верстах»[5].

---

[1] УЛС, стр. 94.

[2] *С. В. Бахрушин.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935, стр. 86—87.

[3] УЛС, стр. 100.

[4] Государственный Исторический музей, Синод, № 485, л. 508—508 об.; ср. л. 505 об.

[5] ПСРЛ, т. VIII, стр. 223; ср. Государственный Исторический музей, Синод, № 485, л. 507 об.

Включение земли коми в состав Русского государства привело к распространению христианства, развитию письменности и начального просвещения у коми. В XV в. алфавит Стефана стал заменяться славянским алфавитом. Сюда из Москвы, Устюга и других русских центров проникали литературные произведения, посвященные истории коми.

Среди этих произведений нужно отметить наиболее содержательное — «Слово о житии и учении» пермского епископа Стефана, составленное вскоре после его смерти монахом Епифанием, получившим за свои познания прозвище Премудрого.

Вместе с тем развитие феодального землевладения приводило к росту эксплуатации коми. Это обостряло классовые противоречия, что пытались использовать в своих корыстных интересах «кудесники», шаманы, волхвы[1]. Классовая борьба принимала порой очень острый характер. Один из преемников Стефана (Герасим), по преданию, был даже «удушен» в 40-х годах XV в. «за нечто от своих домочадец» (своим слугой вогулом)[2].

Благодаря присоединению к Русскому государству коми избавились от многочисленных княжеских неурядиц, губительно отражавшихся на экономике края. Прекратились частые вторжения в их землю соседних северо-восточных народов, а также отрядов казанских ханов. Присоединение способствовало развитию народнохозяйственной жизни коми.

Отдаленные народы Крайнего Севера, ненцы («самоеды»), ханты и манси (остяки и вогулы), издавна находились в экономических и культурных связях с Русью. Прогрессивным для этих народностей было влияние со стороны новгородских крестьян и горожан. Маркс так оценивал значение Новгорода для народов Севера: «...его жители сквозь дремучие леса проложили себе путь в *Сибирь*; неизмеримые пространства между *Ладожским озером*, *Белым морем*, *Новой землей* и *Онегой* были ими несколько цивилизованы и обращены в христианство»[3].

После включения Новгорода в состав Русского централизованного государства передовую роль на Севере стала играть Москва[4].

---

[1] «Житие», стр. 39—40.

[2] *М. Михайлов.* Усть-Вым. «Вологодские губ. ведомости», 1850, № 27, стр. 299.

[3] «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, стр. 156.

[4] *Н. Н. Степанов.* Историческое значение присоединения народностей Крайнего Севера к России. «Вопросы истории», 1952, № 7, стр. 75.

5

НАРОДЫ СИБИРИ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Население Сибири оставалось по своему этническому составу таким же, как и в предшествующее время. Имели место лишь незначительные изменения в размещении отдельных племен. По Иртышу и Тоболу с притоками жили сибирские татары; по низовьям Иртыша и по Оби, их притокам, а также по верховьям Вишеры, Печоры, Чусовой — ханты (остяки) и манси (вогулы); в низовьях Оби и на полуострове Ямал кочевали ненцы (самоеды); часть территории северной и южной Сибири к востоку от Енисея и до Тихого океана занимали эвенки; на среднем течении Лены, в районе устья Вилюя и на среднем течении Яны жили якуты; к северу и северо-востоку от эвенков и якутов кочевали юкагиры; территорию между побережьями Охотского и Берингова морей занимали коряки; на Чукотском полуострове жили чукчи, на полуострове Камчатке и островах Карагинском и Шумушире — ительмены, на других Курильских островах и южном Сахалине — айны (курильцы), на северном Сахалине и в устье Амура — нивхи (гиляки), по Амуру — нанайцы, дауры, маньчжуры, в Прибайкалье — предки западных бурят.

Эти народы стояли на разном уровне социально-экономического развития. Народы Южной Сибири занимались преимущественно скотоводством (разведением лошадей, крупного рогатого скота, овец, верблюдов); на севере Сибири главным занятием населения были рыболовные и охотничьи промыслы, а также разведение оленей. Некоторые народы (например, дауры) занимались земледелием. Занятия охотой, оленеводством, скотоводством предполагали кочевой образ жизни. Распространение рыболовства, особенно земледелия, было связано с переходом к оседлости. В хозяйстве народов Сибири известную роль играл обмен.

Неодинаков был у народов Сибири общественный строй. У некоторых из них уже формировались классовые отношения (например, у якутов, дауров и др.). Большинство же народов Сибири переживало различные стадии патриархально-общинного строя. Наиболее отсталыми были ительмены, чукчи, коряки, юкагиры, пользовавшиеся в основном каменными орудиями. Некоторые народы Сибири (дауры, часть бурят, енисейские киргизы) находились под властью соседних феодальных государств Маньчжурии, Монголии, Джунгарии. У сибирских татар сложилось свое государство в Западной Сибири, подчинившее хантов, манси и др.

Земли Западной Сибири, к востоку от Урала, приблизительно до Иртыша («страна Сибир и Ибир») попали с момента образования улуса Джучи в его состав.

* * *

Татарских завоевателей привлекали в эту область пушные богатства северных лесов. В результате таких набегов в четырехугольнике, образуемом Тоболом с Турой и Иртышом с Обью, осело довольно значительное тюркское население. Главную массу его составляли татары ногайские и отчасти «шибанские» (узбеки) и близкие к ним башкиры; с ними слилось местное остяцкое и вогульское население.

В условиях лесистой местности хозяйство кочевников подверглось некоторым изменениям. Кочевое скотоводство продолжало оставаться основным средством существования для барабинских татар, которые попрежнему кочевали «по-ногайски в телегах». В северных районах скотоводство утрачивало значение. Большое место занимали здесь промыслы — охота на пушного зверя и рыболовство. Татарам принадлежали изобильные «угожьи лисьи гнезда и зверовые всякие угодья и рыбные ловли». Жители некоторых волостей на Тоболе промышляли ловлей охотничьих птиц; аялынские татары ловили рыбу, «приходя на Вузюково озеро»[1]. В ряде районов существовало бортничество. Сибирским татарам было известно и земледелие, носившее, впрочем, полукочевой характер[2], особенно в степных районах; пахали наездом и ко времени жатвы опять прикочевывали к месту, «где... [у них] хлеб сеян»; сеяли быстро зреющие злаки — ячмень, полбу, овес[3].

На хозяйственный и политический строй сибирских татар оказало известное влияние то обстоятельство, что вдоль Иртыша, пересекая болотистые пространства Барабы, издавна шла проторенная караванная дорога из Средней Азии (в первую очередь из Хорезма и Бухары) через Урал на Каму и Среднее Поволжье. Тем же путем ходили караваны из Хорезма в Волжскую Болгарию, а затем в Казань.

У перевала через Урал со стороны Азии возник торговый город Чимга-Тура (Тюмень), по имени которого и сам перевал долгое время был известен под названием «Тюменского волока». О тесных связях Тюмени с Казанью свидетельствует наличие в последней «Тюменских ворот». В первой половине XVI в. к Тюменскому волоку приезжали пермичи «с пермским со всяким товаром». О торговых интересах Чимга-Туры на Нижней Волге говорит увод чимгатурским ханом Ибаком (после разгрома Сарая) тамошнего «ордобазара», т. е. местных

---

[1] *С. В. Бахрушин.* Сибирские служилые татары в XVII в. «Исторические записки», № 1, стр. 56.

[2] Подробнее о роли земледелия см. *В. И. Шунков.* Очерки по истории колонизации Сибири. М.—Л., 1946.

[3] *С. В. Бахрушин.* Указ. соч., стр. 56.

купцов, в Чимга-Туру. Под 1475 г. встречается известие о поездке в Чимга-Туру торговых людей с Устюга. Позже транзитная торговля захватила новую столицу Сибирского ханства — Кашлык, куда стали направляться бухарские караваны с тканями, предметами роскоши и китайскими товарами.

В изучаемую пору из массы «черного» населения сибирских татар выделилась знатная верхушка, которая завладела отдельными участками земли и промысловыми угодьями и добилась от ханов иммунитета в податях (тарханы). Классовой дифференциации способствовало наличие «ясырей» (рабов); впрочем, большого значения рабство в Западной Сибири не имело. С другой стороны, вокруг привилегированной верхушки образовалась группа зависимых «захребетников» из обедневших сородичей и случайных пришлецов. Так постепенно родовая знать перерождалась в знать феодальную, сила которой основывалась на землевладении. Все татарское население Западной Сибири делилось на «черных людей», плативших ханам ясак, и на привилегированных тарханов, освобожденных от уплаты ясака,— беков (князей) и мурз.

Среди сибирских татар долгое время господствовало шаманство, суеверным почитанием пользовались «священные» камни вроде Ташатканского, упавшего, по татарскому поверию, с неба, «величеством как бы воз с саньми, видом багров», которому приписывалась магическая сила «вызывать временами... стужу». Развитие феодальных отношений способствовало распространению среди феодализировавшейся верхушки ислама, который в середине XVI в., при хане Кучуме, стал официальной религией сибирских татар.

Процессы феодализации внутри татарского общества Западной Сибири привели к образованию здесь самостоятельного ханства с центром в Чимга-Туре (Тюмень).

Татарские ханы вели борьбу за Сибирь. В конце XIV в. в качестве хана здесь утвердился, при поддержке Тимура, его вассал Тохтамыш; в 1405 г. выгнанный из Сарая, он окончил свои дни в Чимга-Туре. После него страной «Иссибур», при содействии Едигея, завладел Чегра. Позже Сибирь вошла в узбекскую державу Абулхайра. Есть известие, что он был провозглашен ханом в одном из сибирских городов. Эта междоусобная борьба тяжело отражалась на положении местного населения.

* * *

В борьбе за господство на «Тюменском волоку» деятельное участие принимали ногайские мурзы.

Образование Ногайской орды относится к концу XIV в. В 90-х годах XIV в., после разгрома Тохтамыша Тимуром, Едигей (Идику),

вассал Тохтамыша, сделался самостоятельным правителем заволжских территорий. В 1420 г. в борьбе с наследниками Тохтамыша Едигей пал, его улусы перешли по наследству к его сыновьям. При Нураддине (1426—1440), сыне Едигея, орда окончательно сложилась и считалась «наиболее многочисленной и самой крупной ордой»[1]. Сами ногайцы называли себя мангытами; когда в середине XV в. к мангытам присоединились кочевники, отделившиеся от Большой орды и когда-то принадлежавшие к улусу темника Ногая, орда стала называться Ногайской, а слово «мангыт» осталось как название одного из восемнадцати племен, входивших в ее состав.

Ногайская орда занимала громадное пространство от Волги до Иртыша, от побережья Каспийского и Аральского морей до Казани и Чимга-Туры (Тюмени). Население Ногайской орды было «подобно песку морскому». Сами ногайцы в середине XVI в. говорили, что у них имеется двухсоттысячное «письменное» (т. е. занесенное в списки) войско.

Ногайцы были кочевниками-скотоводами. Они, пишет современник, наблюдавший их в XVI в., «главным образом скотоводы и имеют большое количество скота, который составляет их главное богатство. Они едят много мяса, преимущественно конского, и пьют кобылье молоко». Ежегодно ногайские феодалы направляли для продажи в Москву большие табуны лошадей, иногда до 50 000 голов. Кроме того, ногайцы разводили в большом количестве верблюдов, коров, баранов и коз; баранов гоняли в Казань по нескольку десятков тысяч. Потребностям кочевого скотоводства подчинялся весь жизненный обиход ногайцев: «когда съедается вся трава, орда переходит на другое место, ... передвигаются с домами, подобными палаткам, устроенными на повозках и перевозимыми с места на место верблюдами. В них они перевозят жен и детей и все свое добро, очень незначительное». Земледелием ногайцы не занимались. «Они ничего не сеют и не едят хлеба», — свидетельствует современник. Привозной хлеб был доступен только местной знати. Значительную роль в хозяйстве ногайцев играли охота и рыболовство. Войны доставляли ногайским феодалам большую добычу, главным образом пленных, которых сбывали на восточных рынках.

Ногайские мурзы владели большим количеством скота; им принадлежали пастбища и охотничьи угодья; улусные простые люди находились в полной зависимости от них.

В Ногайской орде, несмотря на развитие феодальных отношений, долго существовали пережитки патриархального строя. Сохранялось представление об общеродовой ответственности за преступления,

---

[1] *М. Меховский.* Трактат о двух Сарматиях. М.— Л., 1936, стр. 93.

совершенные родичами. Иногда за обидчика отвечало его «племя», преступника брал на поруки «род». «Лучшие люди»—мурзы, приезжие князья из Крыма, Астрахани и другие, карачи, имельдеши (буквально молочные братья князей), духовные феодалы участвовали во всех съездах, или «кругах» (курныш), как советники князя. Они командовали войском, стояли во главе посольств, участвовали в разборе внутренних споров и т. п.

Зависимые от своих господ «черные люди» везде именуются «людьми», «холопами» мурз. Они обязаны были кочевать со своими мурзами, во время походов являться со своим оружием и запасом продовольствия, «сколько одному человеку поднять мочно», и вносить определенную подать в пользу господина. Домашнее рабство, весьма распространенное в ханствах, у ногайцев имело еще большее значение. При дворах мурз на положении домашних слуг были пленные и купленные холопы (рабы). Труд рабов применялся и в хозяйствах кочевых татар при пастьбе скота, рытье колодцев и собирании топлива. Часть холопов, остававшихся в Орде, превращалась в крепостных.

Во главе Ногайской орды стоял князь, который являлся верховным владетелем княжества и главой мурз. Орда считалась собственностью дома Нураддина, старший из этого дома становился во главе княжества, хотя принцип старшинства не всегда соблюдался. Вторым лицом после князя в государстве считался наследник князя, назначавшийся им при вступлении на престол и носивший в честь основателя Орды название «нураддина» — военачальника западной части Ногайской орды. За нураддином стоял кековат — военачальник восточной части орды. Надо полагать, что нураддин и кековат соответствовали прежним начальникам левого (восточного) и правого (западного) крыла войска при Чингис-хане и в Золотой орде. Все они когда-то подчинялись князю, но позднее каждый из них занимал в Орде почти равное с ним положение: имел свой улус, определенное место кочевья, правил независимо от князя и пользовался установленной частью доходов с Орды. Ниже стояли мурзы — наследственные владетели своих улусов и улусных простых людей.

Государственный строй Ногайской орды характеризовался большой раздробленностью верховной власти; только в чрезвычайных обстоятельствах мурзы собирались на съезды, которые временно и объединяли Орду.

Как наиболее многочисленные из всех татар, ногайцы играли большую роль в делах других татарских ханств Восточной Европы и Средней Азии. Последние ханы Золотой орды достигали престола при помощи ногайских феодалов и ими же низвергались. Хан Большой орды Ахмат, союзник Литвы, претендовавший на восстановление

владычества над Русью и потерпевший полный крах, был разгромлен ногайцами в 1480 г. В Казани существовало «мангытское место» — должность, которую по установившемуся обычаю занимал ногайский князь, отправлявший часть доходов в Ногайскую орду как дань.

Ногаи энергично вмешивались в дела Чимга-Туры, сажая в ней «царей», и хлопотали об объединении ее с Казанью. В Чимга-Туре сидел ногайский хан, ногайская знать пользовалась известной частью доходов. С другой стороны, выставляла ряд претендентов на Сибирский юрт Бухара. Во второй половине XV в. в Чимга-Туре утвердился Ибрагим-Ибак. Он в союзе с Менгли-Гиреем участвовал в разгроме Золотой орды. Тесные связи у него существовали и с ногайцами.

Опираясь на ногайских татар, он пытался завладеть и Казанью. Это был кратковременный расцвет Сибирского ханства, властитель которого удачно использовал политическое положение на Волге. Действия Чимга-Туры получили решительный отпор со стороны Руси. Ибак завязал сношения с правительством Ивана III, который был заинтересован в ослаблении Золотой орды; но в Казани политика Ибака встретила энергичное противодействие со стороны русского правительства. Внутри собственного юрта с Ибаком соперничали представители местной знати, и он, повидимому, пал в борьбе с беками «Тайбугина рода»[1]. Сын его Кулук, или Тулук, удержался в Чимга-Туре, но уже не в качестве хана всего Сибирского юрта, а мелкого владетеля небольшого княжества. Вероятно, чимгатурским ханом из родичей Ибака был и «шибанский царь» Мамук, пытавшийся в 1496 г. завладеть Казанью. С торжеством «Тайбугина рода» центр ханства был перенесен дальше на восток, к устью Тобола, где стоял городок Кашлык[2], а Чимга-Тура пришла в упадок.

Внутренняя борьба представителей знати Сибирского ханства продолжалась и позднее. Рядовое татарское население равнодушно относилось к этой борьбе, угнетенные иноплеменные соседи (ханты и манси) ждали возможности освободиться от гнета. Все это обусловливало слабость Сибирского ханства, которое не могло обеспечить народам Западной Сибири условия дальнейшего экономического и культурного развития. Это могло сделать только Русское централизованное государство, стоящее по своему экономическому уровню значительно выше грабительских татарских ханств.

[1] *Тайбуга* — повидимому, не собственное имя, а звание, которое у ногайских татар присваивалось одному из сильных феодалов.

[2] Так называет столицу Сибири С. Ремезов, пользовавшийся татарскими преданиями. Позже развалины Кашлыка стали известны под названием Искер, т. е. «Старое место», «городище»; это название по недоразумению в научных трудах стали присваивать городу Кучума.

* * *

Сведений о народностях, населявших в XIV—XV вв. пограничную с Монголией территорию Сибири, в историко-востоковедной литературе почти не имеется. О событиях, происходивших в Центральной Азии в течение этих двух веков, нам известно только из китайских материалов, в частности из государственных историй «Юань-ши» и «Мин-ши». Застойный характер и медленность развития феодального общества в условиях пастбищно-кочевого хозяйства позволяют предположить, что в жизни народностей, обитавших в северных областях Монголии, в Джунгарии и в южных областях Сибири, больших изменений не происходило. Эти места в XIV—XV вв. были для китайских историков периферией, удаленной от центра событий, в основном происходивших на юге Монголии и в Китае. Поэтому-то о них и нет точных и ясных сведений в китайских и монгольских источниках.

Еще во второй половине XIII в. центр монгольского государства был перенесен из Каракорума сначала в Кайпин, а затем в Дайду или Ханбалык, выстроенный Хубилаем на месте старинной цзинской столицы Чжунду и впоследствии переименованный в Пекин. Хубилай, завершивший завоевание Южного Китая и ставший китайским императором— хуанди, основателем новой династии Юань, увел за собой из Монголии большое количество монгольских кочевых войск. Монгольские войска уходили вместе со своими семьями, скотом и всем кочевым хозяйством. Войска были расселены военными лагерями в Китае, Маньчжурии и на юге Монголии, у Великой китайской стены.

Каракорум, процветавший при первых преемниках Чингиса, понемногу приходил в упадок. Он стал местопребыванием наместника, которым обычно являлся предполагавшийся наследник престола. В Каракоруме приходилось содержать военный гарнизон, так как западные области Монголии находились в руках враждебного Хубилаю монгольского князя Хайду, претендовавшего также на ханский престол. Неоднократно вспыхивавшие во время правления Юаньской династии (1267—1368), особенно в первую половину, феодальные войны велись главным образом на территории Монголии и способствовали ее оскудению. Вследствие этих войн точной, постоянной границы между владениями юаньского императора и других царевичей-чингисидов на западе не было. В «Юань-ши» упоминается, что в северо-западных местностях Монголии и в верховьях Енисея находились военно-пахотные поселения [1]. Одной из народностей, обязанной поставлять в войска

---

[1] *Л. П. Потапов.* Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948, стр. 127—128.

пшено и другие хлебные культуры, были кыргызы, жившие на Енисее. С пашенным земледелием у кыргызов встретились и отряды русских служилых людей уже в XVII в. Оно существовало у кыргызов с более раннего времени. Кыргызы занимались также разведением скота, о чем упоминает еще Рубрук, бывший в Монголии в 1253 г.[1] По соседству с кыргызами жили урянхаи, занимавшиеся охотой.

Монгольская династия Юань удержалась в Китае лишь одно столетие. Безудержный грабеж китайского населения военно-феодальной монгольской знатью был основной причиной народных восстаний, в результате которых Юаньская династия была свергнута, и монголы были изгнаны за пределы Великой китайской стены. Таким образом, монголы оказались вновь в своих родных кочевьях, но теперь они были лишены необходимых им китайских рынков. Натуральное кочевое хозяйство не могло обеспечить возникшую необходимость в железных изделиях, тканях и других предметах, добывавшихся монголами прежде в Китае и других завоеванных странах. Поэтому монголы стремились вернуть китайские рынки и предприняли несколько походов на Китай. Новая же китайская династия Мин, стремясь обеспечить себе мир на северных границах страны, пыталась подчинить монголов и предприняла для этого ряд походов против них. Во время одного из походов китайские войска дошли до Каракорума и разрушили его (1380). Повидимому, в этот период исчезли также и другие городские поселения ремесленников, имевшиеся в Монголии. Торговые связи Монголии с культурными странами мусульманского Востока в результате войн также были прерваны, и караванная торговля, повидимому, совершенно прекратилась. Никаких упоминаний о торговле с Западом в монгольских источниках не имеется.

Большую роль в истории народов Центральной Азии в начале XV в. стали играть ойратские князья, кочевья которых были расположены на северо-западе Монголии. Ойраты, в число которых входили элэты, хошоты, дурбэты, торгуты и другие племена, кочевали в Джунгарии на запад от Монгольского Алтая и озера Убса. Часть кочевий элэтов находилась несколько восточнее и доходила до верховьев р. Селенги[2]. На север власть ойратских князей распространялась по верховьям Енисея. На западе ойраты занимали также часть территории современной Казахской ССР. Места эти носили у монголов общее название страны Токмок, входившей еще в XIII в. в удел Джучи. Под страной Токмок в монгольских летописях известны поселения кыпчаков

[1] *В. де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. Пер. А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. 134.

[2] *И. Бичурин.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834, стр. 2.

для XIII в. В более позднее время под названием Токмок подразумевалась территория, на которой кочевала Казахская орда

К концу XIV в. ойраты из полуохотничьих-полукочевых племен уже стали настоящими кочевниками. В своем общественном развитии они были более отсталыми, чем монголы. Процесс феодализации у них задержался и только к концу XIV в. сложились полупатриархальные-полуфеодальные отношения. Усилившиеся ойратские феодалы стали оспаривать ханскую власть у монгольских чингисидов: ойраты после изгнания монголов из Китая потеряли всякие связи с китайским рынком и, стремясь восстановить их, вступили в вооруженную борьбу с восточными монголами, кочевья которых были расположены между ними и Китаем. В результате неоднократных походов на восточных монголов один из ойратских феодалов, Махмуд из рода Чорос, захватил и убил монгольского хана, вместо которого возвел на ханский престол другого чингисида под именем Дэлбэк-хана (1412), а сам стал при нем соправителем, получив княжеский титул и звание «тайши» (главный министр). К 1434 г. вся Монголия оказалась под властью ойратского князя. Тайша Эсэн организовал вторжение в Китай в 1449 г. Китайские войска потерпели поражение, в плен попал китайский император Чжэтун. Но в это время в Пекине (где престол занял брат императора Цзинтай) была хорошо организована защита города. Поэтому Эсэн не смог взять Пекин и только разорил окрестности столицы. В выкупе бывшего императора ему было отказано, и Эсэн увез его с собой в Монголию.

Эсэн предпринял также ряд походов против своих западных соседей—кыргызов и казахов. Во время этих походов он жестоко разорял и грабил местное население и уводил много пленных. В исторических преданиях киргизского и казахского народов сохранилось немало сведений о жестоких набегах Эсэна.

Можно предположить, что в это время были восстановлены в какой-то мере и торговые связи с Туркестаном. Так, монгольский летописец Сенан-Сэцэн упоминает о приезде к одному монгольскому феодалу некоего богатого человека из страны Токмок.

Неуспех похода в Китай привел к тому, что от Эсэна отделились некоторые недовольные монгольские феодалы. Этот раскол закончился вооруженным столкновением, во время которого монгольский хан был убит. После трехлетних усобиц и распрей Эсэн объявил себя ханом, но ему не удалось долго удержать власть над всей Монголией, так как против него восстали один за другим монгольские феодалы, в борьбе с которыми он и был убит (1455). Со смертью Эсэна распалось и возглавлявшееся им ойратское государство. Часть ойратов осталась на прежних своих кочевьях на западе Монголии, а другая, во главе которой находился

брат Эсэна, перекочевала в Хами. Собственно же Монголия оказалась раздробленной на множество владений, во главе которых стояли или тайджи (т. е. царевичи-чингисиды), или сайды (служилая аристократия). Эти владетели вели непрерывные войны друг с другом, вызванные стремлением захватить побольше добычи и подданных— «албату». Ханская власть потеряла какое-либо значение, что отмечено в китайской истории «Мин-ши», в которой с этого времени монгольских ханов называют полупрезрительной кличкой «сяо-ван-цзы», что значит «князек». Вторая половина XV в. для Монголии явилась временем феодальных войн, от которых страдал прежде всего монгольский народ. К началу XVI в. одному из потомков Чингиса Бату-Мункэ, известному под прозвищем Даян-хана (1466—1543), удалось временно объединить под своей властью всю Монголию.

Недостаточность сведений не позволяет представить точное расселение народностей, населявших Монголию и граничащие с нею области Сибири во второй половине XV в. По некоторым отрывочным данным можно только установить, что в северо-западных областях продолжали кочевать ойраты, часть которых переселилась в Хами. На крайнем востоке в пределах Маньчжурии жили монголы Урянха, составлявшие три округа и подчинявшиеся Китаю. Территория на запад от них вдоль Китайской стены была занята самостоятельными и полусамостоятельными владениями отдельных монгольских феодалов. Они прочно освоили территорию Ордоса. Владения монгольских феодалов доходили до земель ойратов. В конце XV в., когда Даян-хан подчинил себе остальных монгольских феодалов, собственные его кочевья были расположены на склонах Хангая. Как далеко на север распространялась власть монгольского хана, установить трудно, так как никаких сведений об этом нет. Только в конце XVI — начале XVII в., после прихода русских в Сибирь, можно установить границы распространения влияния монгольских феодалов на отдельные народности, населявшие Южную Сибирь, Прибайкалье и Забайкалье.

* * *

С временем существования бохайского государства совпал наиболее высокий расцвет экономики и культуры на Дальнем Востоке в средние века. Падение Бохая было первым тяжелым ударом, резко отразившимся на уровне общественно-экономического развития края. Но подлинной катастрофой явилось вторжение монголов, варварски разрушивших города и земледельческие поселения, истребивших значительную часть жителей в Северном Китае, в Маньчжурии и Приморье. В «Географии Юаньской династии» вместо цветущих городов и поселений упоминаются преимущественно развалины бохайских, ляоских (кидань-

ских) и дзиньских (чжурчженьских) городов. Сама столица восточных владений Китая Шеньян (нынешний Мукден) тогда представляла собой пепелище.

Монгольским («юаньским», от названия династии) императорам, начиная с Хубилая, в административных целях пришлось даже местами снова создавать населенные центры в опустошенных областях, например в стране Фуюй, когда-то густо заселенной [1]. Хубилай в 1292 г. направил туда 300 семейств маней и 190 семей чжурчженей. До тысячи семей послано было также в запустелую страну Хасхань. В 1295 г. такое же поселение из 220 семей наинь-булагачинов, т. е. звероловов-соболевщиков, 80 семей речных татар (щуй-дада) и 300 семей чжурчженей было основано в Чжао-Чжоу (ныне уездный центр). При всем том, в отличие от предшествующего цзиньского времени, когда здесь числилось много городов, в «Географии Юаньской династии» об этих местах было написано только, что земли хайлань, шуй-дада и прочих обширны, но слабо заселены и обитатели их живут рассеянно.

Монгольские императоры поставили над ними пять своих темников, которые ведали населением, состоявшим из потомков покоренных завоевателями чжурчженей и шуй-дада, т. е. обитателей речных долин Дальнего Востока. Чжурчжени, как и прежде, жили оседло, имели селения и города, занимались земледелием и разводили домашний скот. Их северные соседи, шуй-дада, стояли на несравненно более низкой ступени развития хозяйства и культуры. Согласно «Географии Юаньской династии» они «по древнему обычаю не имели оседлости, а занимались звериной ловлей». «Приставленные чиновники», как говорит та же «География», не вмешивались в их жизнь, а «управляли народом сообразно с обычаями»[2].

С падением Юаньской династии сменившая ее новая, Минская, династия предпринимает ряд мероприятий к закреплению и расширению своего могущества. В первой половине XV в. минские императоры делали ряд попыток закрепиться в соседних с Китаем северных районах Дальнего Востока, вдоль берегов Тихого океана и в бассейне р. Амура. Такие мероприятия, как и прежде, сводились к организации местного административного управления и посылке для этой цели чиновников, которые собирали ежегодную дань, состоявшую из пушнины и ловчих птиц — кречетов, высоко ценившихся в то время на Востоке.

Наиболее прочно закрепилась минская администрация в прежней стране Воцзи, т. е. на юге Приморья и в Северной Маньчжурии. Имели

---

[1] *В. П. Васильев*. Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин. СПб., 1863, стр. 19.

[2] Там же, стр. 22.

место попытки проникнуть даже и далее на север, вплоть до низовьев р. Амура, где жили племена «цзелими», т. е. гиляки и «куиайны». В 1404 г. прибыли ко двору старшины амурских племен, которые и были назначены военными начальниками в их стране. Затем в 1409 г. было учреждено военное губернаторство в Нургани, в земле цзелими-гиляков. В 1411 г. приказано было построить суда на Сунгари и отправить в них войска вниз по этой реке, в страну, где жили предки нанайцев-гольдов, для привлечения туземцев под власть Минской династии.

Минские воины доплыли, повидимому, до Амура, приведя в покорность жителей прежнего юаньского округа Хэлань-фу, причем старейшины местных родов были назначены управителями определенных участков. В летописях Минской династии отмечены также три поездки евнуха Ишиха (в 1414, 1428 и 1433—1434 гг.) на нижний Амур. О них подробно говорится в замечательных надписях, обнаруженных русскими путешественниками в низовьях Амура на Тырском утесе в 100 км от моря [1]. Кроме надписей на Тырском утесе, сохранились и остатки памятников китайской архитектуры. Нурганьская земля, согласно надписи, не родила хлеба, не производила шелка и полотна; жители ее разводили только собак и диких оленей. Они питались рыбой и мясом, одевались в одежды из звериных шкур.

Ишиха угостил местных жителей вином, хлебом и китайскими кушаньями, роздал им утварь и платья китайского изготовления. Туземным старшинам были даны «властные дощечки» — пайцзы, бунчуки и печати, а также бумажные деньги. Вблизи пункта Маньцзин на высокой и красивой горе (Тырском утесе) осенью 1413 г. был воздвигнут храм, названный «храмом вечного спокойствия», Юн пин-сы. Около храма был поставлен памятник с надписью на китайском, монгольском и чжурчженском языках, где говорилось об экспедиции Ишиха и построении храма. В надписи пространно восхвалялся минский император и всячески превозносилась его политика по отношению к подвластным народам.

Но несмотря на большие затраты и усилия минского правительства, направленные к покорению этих земель, во время новой своей поездки (1433—1434), Ишиха увидел, что все нужно начинать заново. Прибыв в низовья Амура с провинциальным военным начальником Кан-Чжэном и отрядом в 2000 человек на 50 судах, он нашел на Тырском утесе только основание уничтоженного местными жителями «храма вечного спокойствия». Минским императорам не удалось включить северные племена

---

[1] *П. Попов.* О тырских памятниках. «Записки Вост. отдел. Русск. археол. об-ва», т. XVI, СПб., 1906; *А. М. Позднеев.* Лекции по истории монгольской литературы, вып. 3, Владивосток, 1908, стр. 70—75.

Дальнего Востока в орбиту своей феодальной государственности. Зависимость жителей низовьев Амура от Минской династии оставалась номинальной. В начале XVII в. владычество над Китаем перешло к новой маньчжурской (Дай-Цанской) династии. Завоеватели-маньчжуры, занятые внутренними делами в Китае и военными мероприятиями в Монголии, еще меньше, чем прежде, интересовались положением дел на севере от Китая. Северные племена фактически сохраняли независимость от маньчжурской династии и свой уклад жизни, ограничиваясь уплатой дани и торговыми сношениями с китайцами. Дань приносилась знатью амурских племен в Нингуту (ныне станция Нинань), а племенами восточной границы — в Шэньян (Мукден). При этом, в поощрение данников, чиновники-маньчжуры устраивали торжественное угощение, награждали их одеждой, утварью и шапками. Представители северных племен привозили с собой для обмена на китайские товары соболей. Особенно нуждались они в железе, в первую очередь в железных котлах. Сначала давали за котел столько соболей, сколько помещалось в нем, позднее стали отдавать одного соболя за два котла.

На берегах р. Уссури жили племена мулунь. Жители Имана носили имя современного нанайского рода Дзятала («циякала» или «кякяла»). Циякала добывали соболей. Летом они питались рыбой, зимой — звериным мясом, одежду шили из шкур диких животных. Мужчины татуировали лицо.

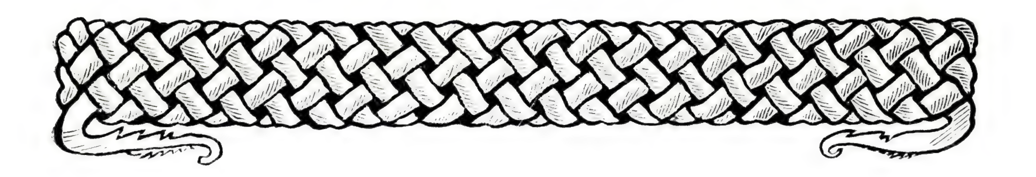
Обитатели Сунхуа-цзяна (Сунгари) и Хэйлун-цзяна (Амура) назывались «бреющими голову» — хэйцзинями (хэчже или гольды) и делились на шесть родов — хала. Далее на северо-восток, вниз по Амуру жили 10 родов хэйцзиней (нанайцев), «не бривших голову» [1]. Здесь была страна собаководов, которые носили одежды из рыбьей кожи и звериных шкур, имели в качестве украшения золотые кольца в носу. Эти амурские племена не имели письменности. Они связывали куски кожи различного размера и таким образом фиксировали для памяти события. На крайнем северо-востоке, у берегов Великого восточного моря жили племена килер, обычаи которых были одинаковы с обычаями циякала.

Так продолжалось до тех пор, пока на Дальнем Востоке не появились отряды русских служилых и промышленных людей, построившие здесь первые остроги, в том числе и в низовьях Амура, в стране нанайцев и гиляков, куда не проникали маньчжурские чиновники и торговцы.

С приходом этих отрядов на Дальнем Востоке началось новое время, когда исторические судьбы его населения оказались навсегда неразрывно связанными с судьбами Русского государства и русского народа.

---

[1] См. *Л. Я. Штернберг.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, стр. 531; *А. М. Золотарев.* Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НАРОДЫ УКРАИНЫ, БЕЛОРУССИИ, ЛИТВЫ, ЛАТВИИ, ЭСТОНИИ, КАРЕЛИИ И МОЛДАВИИ ДО КОНЦА XV В.

1

НАРОДЫ УКРАИНЫ, БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ

а) Образование Литовского государства

На рубеже XIII в. источники отмечают дальнейшее развитие производительных сил в Литве[1]. В Литве продолжало господствовать земледелие, его развитие отмечено даже в наиболее отсталой области ятвягов. Культивировались овес, рожь, пшеница, ячмень, горох. На значение земледелия, например у пруссов, указывает существование культа бога Курхе (в праздники изображение этого бога проносили по полям). Сельскохозяйственными орудиями были соха, плуг, борона; зерно мололи на ручных мельницах; в качестве тягловой силы использовали коня и вола. Широкое распространение у литовцев имело и скотоводство: разводились бараны, свиньи, козы. В немецких хрониках постоянно упоминается конница литовцев, которая наводила страх на тяжелую кавалерию немецких рыцарей и на их слабо вооруженную пехоту. Развито было и бортничество (мед — напиток, издавна распространенный у литовцев). В литовских лесах водились медведи, дикие лошади, кабаны, олени. Занимались литовцы и рыболовством, которое было развито не только в приморских городах, где оно сочеталось с тюленьим ловом, но, благодаря обилию рек, и в глубине страны.

Сохранились некоторые сведения и о ремесленном производстве. О пруссах известно, что у них «женщины и мужчины имели обыкновение

---

[1] См. *В. Т. Пашуто*. Хозяйство и техника средневековой Литвы. «Вопросы истории», 1947, № 8, стр. 78—80; ср. *П. В. Дундулене*. Земледелие в дофеодальной Литве. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XII, М.—Л., 1950, стр. 74—82.

ткать одни полотняные, другие шерстяные [ткани]»[1]. Во многих местах выделывались орудия производства — косы, топоры и т. п. Археологи подтверждают давнее знакомство литовцев с шерстяными и льняными тканями, причем найдены два сорта последних[2]. Известно также, что пруссы носили кожаные башмаки[3].

Сведения о литовском вооружении и строительной технике позволяют говорить о значительном сдвиге в развитии общественного разделения труда. Качеством оружия литовские войска зачастую не уступали западноевропейскому рыцарству. Еще в начале XIII в. оружие литовцев немецкие феодалы считали ценной добычей[4]. Несколько позднее волынский князь Василько посылал князю Даниилу Романовичу «сайгат» (добычу) из литовского похода: коней в седлах, щиты, шлемы[5]. Литовцы (в Земгалии) пользовались самострелами[6], строили осадные машины[7].

Недостаточно изучена строительная техника литовцев; между тем число укрепленных городов (городищ) в Жемайтии превышало тысячу[8], достигая пятисот в собственно Литве[9]. Оборонительная система, возведенная литовцами в Жемайтии и Земгалии, представляла собой несколько линий крупных и мелких замков, строительство которых согласовывалось с рельефом окружающей местности. Пути к замкам тщательно охранялись и засекались (заваливались деревьями) как вдоль границ, так и внутри их. Подобные же меры обороны применялись и ятвяжскими князьями, сооружавшими «тверди»[10] и «осеки»[11].

Литовские великие князья, организуя отпор немецким захватчикам, создали на земгальской территории крупные крепости (Доблен, Тервете, Ракете и др.) и держали в них свои гарнизоны; литовские гарнизоны стояли некоторое время и в куршских крепостях. Обычно

[1] «Scriptores Rerum Prussicarum» (далее — SRP), т. I, Лейпциг, 1861, стр. 55.

[2] *Ф. В. Покровский*. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы. «Труды IX археологического съезда в Вильне», т. II, М., 1897, стр. 187—188.

[3] SRP, т. I, стр. 55.

[4] *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. М.— Л., 1938 (далее — Генрих Хроника), IX, 4.

[5] ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стб. 857.

[6] «Livländische Reimchronik», ed. L. Meier, Padeborn, 1876 (далее — LR), стр. 198.

[7] Там же, стр. 58.

[8] *А. Спицын*. Литовские древности. «Tauta ir Žodis», кн. III, Kaunas, 1925, стр. 72—73.

[9] *L. Krzywicki*. żmudż starożytna. Warszawa, 1906, стр. 72.

[10] ПСРЛ, т. II, стб. 702.

[11] Там же, стб. 827.

Башня Гедимина в г. Вильнюсе, XIV в.

укрепление состояло из замка и окружавшего последний пригорода [1]. Замок окружался рвом, через ров к воротам перекидывались подъемные мосты. Некоторые крепости имели стены не только вокруг замка, но и вокруг пригородов. Таким образом, рост литовских городов происходил аналогично росту русских.

Таковы сведения об уровне литовских производительных сил во время перехода страны от дофеодального периода IX—XI вв. (существование полуфеодальных-полупатриархальных княжеств) к фео-

[1] См. *В. Т. Пашуто.* Указ. соч., стр. 81.

дальному (возникновение относительно единого раннефеодального государства). Важно подчеркнуть, что земледелие составляло основу литовского хозяйства.

Литовские земли поддерживали тесные торговые связи по Двине, Неману и Висле с соседними странами. Связи с Полоцко-Минской Русью, Смоленском, Великим Новгородом, галицко-волынскими городами устанавливались еще в тот период, когда власть древней Руси распространялась на значительную часть литовских земель[1], и продолжали существовать и в XII—XIII вв.; имелись торговые связи также с Польшей и немецкими землями. Литовская денежная система была тесно связана с русской и зависела от нее[2].

Литовское государство как надстройка отражало «изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе»[3], т. е. в строе общества, определяемом типом общественно-производственных, экономических отношений. Решающее значение здесь имеет вопрос о собственности на средства производства: принадлежат ли они всему обществу или отдельным лицам, группам, классам, использующим их для эксплуатации других лиц, групп, классов[4].

Средства производства давно начали переходить (в чем определенную роль сыграло внеэкономическое принуждение) в руки землевладельческой знати; именно поэтому источники XIII в. говорят о крупном (феодальном) землевладении.

Образование в XIII в. объединенного Литовского раннефеодального государства не было началом государственного развития Литвы, а явилось завершением процесса прежде всего внутреннего социально-экономического ее развития в предшествующие столетия. Процесс развития класса привилегированных землевладельцев достаточно отражен в источниках.

В письменных источниках литовская знать имеет различные наименования. Это «князи», «княжици»[5] наших летописей; «seniores», «primores», «principes» — немецкой хроники Генриха; «nobiles», «pociores», «potentes», «domini», «reguli» — немецкого хрониста Петра

[1] См. ч. I, гл. 4, § 5 настоящего издания.

[2] См. *Г. Б. Федоров*. Топография кладов с литовскими слитками и монетами. «Краткие сообщения ИИМК АН СССР», вып. XXIX, М.—Л., 1949, стр. 64—75.

[3] *И. Сталин*. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 11.

[4] См. «История ВКП(б). Краткий курс». Госполитиздат, 1952, стр. 118.

[5] НПЛ, стр. 79 (под 1245 г.).

Дюсбурга; «kunige», «eldiste», «besten» — немецкой рифмованной хроники. Эти термины не равнозначны, однако можно утверждать, что лица, обозначенные ими, составляли господствующий класс феодализировавшихся привилегированных землевладельцев. Источники сообщают, что литовская знать владела землей повсеместно. Крупный князь Мильгерин из северной Литвы имел «землю»[1]; «богатство» южных литовских князей Товтивила и Едивида заключалось прежде всего в земле[2]. То же наблюдается и у ятвягов. Так, князь Анкад обещал поддержку воевавшему с ятвягами волынскому князю Даниилу Романовичу при условии «да село его не пожьжено будеть»[3]. Не приходится сомневаться, что все эти «князья», «kuniges» и т. п. представители знати —крупные землевладельцы, ставшие таковыми не вдруг, а уже успевшие прочно обжиться в своих вотчинах.

Русские летописи сообщают также, что литовская феодализировавшаяся знать владела не только селами с живущими в них крестьянами (лишь так и понимал русский летописец слово «село»), но и замками и городами. Например, жемайтский князь Выкинт, которому принадлежало «пол-Жемойти»[4], имел свой город Твиреметь (Твиременть)[5]. Богатыми «дворами» — замками владели упомянутые в немецких хрониках жемайтский князь Сударг[6], ятвяжский князь Скомонд[7], в русских летописях — ятвяжский князь Стекинт[8] и др.

Литовские «князья» имели не только земли и замки, но также и дружины. Дружина обозначалась терминами «приятели», «amici», «vrûnde». Термины эти, как и русская «дружина», весьма широкие по содержанию и своими корнями уходят в предшествующие века. В XIII в. существование значительных дружин отмечено в Литве повсеместно: у нальшанского князя Суксе, ятвяжского Скомонда, князя центральной Литвы Даугеруте, князя из северной Литвы Лингевина («Лековний» русской летописи) и др. Размером дружин долгое время определялась сила того или иного «князя». На содержание дружин расходовались крупные средства, в большой мере добываемые путем сбора дани с подвластных земель и набегов на соседние земли. Богатства литовских князей были весьма значительны — например,

---

[1] LR, стр. 67.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 815.
[3] Там же, стб. 832.
[4] Там же, стб. 816.
[5] Там же, стб. 818.
[6] *P. Dusburg*. Chronicon terrae Prussiae. SRP, т. I, стр. 183.
[7] Там же, стр. 142.
[8] ПСРЛ, т. II, стб. 828.

за семь попавших в плен ятвяжских князей был внесен огромный выкуп в 4900 гривен[1].

К началу XIII в. многие литовские земли находились в руках знати, возглавлявшейся в различных местах «князьями» или группами «князей»; они упоминаются неоднократно: по 7[2], 8[3], 14[4], 40[5], 70[6] князей одновременно; в русско-литовском договоре 1219 г. с литовской стороны упомянуты 22 князя. Они, как правило, находились в сложных родственных отношениях; иногда выступали совместно, образуя союзы. Но гораздо чаще литовскую землю раздирали распри, возникавшие из-за территорий, где князья собирали дань, или из-за самих даней.

К числу территорий, которые служили литовской знати источником дани и добычи (пленники, скот, ценности), следует отнести, например, земли (в том числе и находившиеся в зависимости от Руси) ливов, эстов и латгалов. Немецкий хронист Генрих писал, касаясь положения в нижнем Подвинье: «Власть литовская до такой степени тяготела тогда надо всеми жившими в тех землях племенами, что лишь немногие решались жить в своих деревушках, а больше всех боялись лэтты»[7].

Отдельные литовские «княжицы» в поисках дани и добычи совершали регулярные набеги на Латгалию доходя до Валка и даже до Саккалы в земле эстов; походы в земли ливов и латгалов доставляли богатства литовской знати, были ее «кормом и пищей»[8]. Это весьма важное свидетельство. Оно показывает, какую большую роль еще играли в доходах знати дофеодальные формы эксплуатации — добыча от набегов на земли соседних народов и, видимо, более или менее регулярный сбор дани с подвластных собственно литовских земель. При этом, как указывалось, продолжался и процесс развития литовского крупного землевладения; существование примитивной барщины в эту пору несомненно, если принять во внимание вышеприведенные данные о владениях литовской знати.

Источники позволяют определить, кого именно эксплуатировали литовские землевладельцы XI—XIII вв. В источниках IX в. (Вульф-

---

[1] «Codex diplomaticus Masoviae», ed. J. K. Kochanowski, Warszawa, 1919, № 407 (1241 г.).

[2] «Preussisches Urkundenbuch (Politische Abteilung)», т. I, 1, ed. Philippi Königsberg, 1882, № 137, (1241 г.).

[3] НПЛ, стр. 79; ср. «мнози князи» — ПСРЛ, т. II, стб. 812.

[4] SRP, т. I, стр. 172.

[5] ПСРЛ, т. II, стр. 799.

[6] SRP, т. I, стр. 149.

[7] *Генрих*, Хроника, XIII, 4.

[8] Там же.

стан) встречалось упоминание о рабах. Но наличие рабов в литовском обществе еще не определяет характер общественного строя древней Литвы. Существенно, что рабский труд не стал основой производства в данном обществе. К сожалению, пока нет источников, прямо отражающих борьбу литовского крестьянства против феодализации. Однако решающее участие литовского народа, и прежде всего крестьянства, в освободительной борьбе с немецким вторжением не оставляет сомнения в том, что и его антифеодальные выступления были аналогичны выступлениям русского или польского крестьянства XI в., происходившим в подобных условиях.

Важнейшим источником, пока еще недостаточно оцененным, является «Прусская Правда», принятая на вече помезан (пруссов, населявших землю в восточном Привислинье — севернее Хельмно) и дошедшая до нас в редакции, отразившей немецкую запись 1340 г.[1] Несмотря на то, что данная редакция «Прусской Правды» возникла в условиях господства немецких феодалов над землей помезан и поэтому в ней исконное прусское право подчинено праву немецкому, этот источник дает возможность составить представление не только о недавнем (XIII в.), но и более отдаленном прошлом социально-экономических отношений одной из земель пруссов. «Прусская Правда» особенно ценна тем, что в ней в ряде статей зафиксировано обычное «помезанское» право, о чем, помимо заголовка, прямо говорится в тексте; это право выступает из содержания многих статей. Их анализ показывает, что имущественное расслоение, классовая дифференциация, развитие феодальных отношений в помезанском обществе начались задолго до вторжения немецких крестоносцев[2].

У помезанских крестьян была община — gemeine — хорошо известная соседям литовцев (русским, полякам) сельская община с ее вниманием к основе крестьянского благосостояния — земле (полям, лесным угодьям, пастбищам), а также к лошадям и скоту[3]. Община охраняла крестьянские поля от потрав скотом (лошадьми, коровами, свиньями), принадлежавшим жителям данного села или соседней деревни. В «Прусской Правде» отражены и другие стороны жизни общины с ее охраной безопасности самого крестьянина на пашне, с ее помощью погорельцам, общинным пастухом, со старостой — starost, с пережитками гонения следа и вообще с общинным уголовным судом[4], попавшим под

[1] «Jura Prutenorum saeculo XIV condita nunc primum e libris manuscripti edidit Paulus Laband». Regimonti, 1866.

[2] См. *В. Т. Пашуто.* Несколько наблюдений над «Прусской Правдой». Сб. к 70-летию Б. Д. Грекова, М., 1952, стр. 114.

[3] «Jura Prutenorum...», статьи 20, 30, 33а, 37, 52, 115, 120.

[4] Там же, статьи 43, 111, 113, 123, 74, 39, 20, 26, 79.

высшую юрисдикцию сперва литовского, а затем немецкого феодального государства, отношения с которым регулируются целой серией статей. В «Прусской Правде» есть и свидетельства глубокой давности норм (порой и прежде письменно фиксировавшихся) помезанского права, включая и нормы, регулирующие раздел и наследование имуществ. Существенно также, что патриархальная домашняя община (большая семья) уходит в прошлое, и статьи, касающиеся ее, говорят поэтому о возможности разделов ее имущества, выделения ее членов и т. п.[1] При всей текстологической сложности памятника он не оставляет сомнений в том, что сельская община сложилась у пруссов-помезан (а они ничем не отличались от пруссов других земель) давно, что общий уровень их социально-экономического развития находится в полном соответствии с нашим представлением об общественном строе литовских, в том числе и прусских земель XII—XIII вв. Это отношения феодальные, а не рабовладельческие или первобытно-общинные.

Следовательно, литовцы, несмотря на наличие у них рабов, подобно славянам и германцам, не знали рабовладельческой формации; развитие патриархального рабства проходило здесь в рамках первобытно-общинного строя. Литва, подобно Руси и Польше, перешла непосредственно от первобытно-общинного строя к феодализму. Это было вызвано тем, что процесс образования классов и государства происходил здесь тоже на основе значительно более высокого уровня развития производительных сил, чем в рабовладельческих античных странах[2]. Немалое значение имел и фактор внешнеполитический — окружение феодально развитых стран и тесные связи с некоторыми из них.

К началу XIII в. социально-экономические условия, сложившиеся в Литве, а также существенные изменения в ее внешнеполитическом положении вызвали значительные перемены в организации властвования литовской землевладельческой феодализировавшейся знати. Интересы литовской знати настоятельно потребовали создания более прочной надстройки, относительно единого государства — аппарата власти, подавляющего сопротивление подвластного крестьянства, за счет земель которого росло крупное землевладение, чьим трудом возводились замки, содержались дружины и т. п., защищающего знать от взаимных распрей князей и, наконец, от нараставшей угрозы вторжения немецких крестоносцев в коренные литовские земли. Условием дальнейшего существования Литвы стала относительно единая

---

[1] «Jura Prutenorum...», статьи 68, 71, 98, 16, 53.

[2] См. «Краткие сообщения Института славяноведения», № 4—5, М., 1951, стр. 74; ср. *В. Королюк и И. Миллер.* О периодизации истории Польши. «Вопросы истории», 1951, № 11, стр. 87—98.

государственная власть; местные самостоятельные литовские князья — феодальные, полуфеодальные и племенные — могли отныне сохранить свое господство лишь ценой признания власти великого князя.

По пути к образованию относительно единого государства литовское общество прошло еще один этап: союз князей, возглавлявшийся «старейшими» князьями из наиболее развитой области Аукштайтии. Галицко-волынская летопись сохранила ценнейшее сообщение о русско-литовском договоре 1219 г., заключенном князем Даниилом Романовичем с союзом литовских князей [1].

Этот документ имеет первостепенное значение. Он показывает, во-первых, что из числа князей — правителей отдельных литовских земель—выделилась группа «старейших» князей. Это прежде всего Живинбуд и, вероятно, его сыновья, владевшие землями в Аукштайтии. Во-вторых, договор подписали князья двух других крупных литовских земель — Жемайтии и Делтувы. В договоре упомянуты также две группы литовских князей (Рушьковичи, Булевичи) без указания тех земель, где они правили.

Упоминание в договоре формирующейся великокняжеской власти («старьшии»), опирающейся на зависимых или союзных князей, подтверждает наличие в Литве относительно единого государства. Объединение литовских земель произошло еще недавно, степень связи между князьями и зависимость одних от других не слишком велика, и для лучшей гарантии договора его подписали (как это делали в свое время и русские князья) все князья, в известной мере зависевшие от «старейших» князей из Аукштайтии.

Это — государственная организация раннефеодального периода, которая представляла собой еще не иерархию феодальных сеньорий, а комплекс различных территорий, находившихся на разных ступенях общественно-экономического развития, причем их связь с главой государства кое-где была основана и на вассалитете без лена или на ленах, составлявшихся из даней.

Неизвестно, было ли отмеченное в договоре 1219 г. объединение литовских князей первым союзом такого рода, но это объединение и его структура не были окончательными. Развитие государства продолжалось в сторону укрепления великокняжеской власти.

Источники не дают указаний, когда сошел с политической арены великий князь Живинбуд, они лишь отмечают, что позже великим князем сделался Миндовг. Это вполне объяснимо: позднее Миндовг выступает в источниках как владелец земель, городов, сокровищ.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 735—736.

Так, он, склоняя к союзу ливонского магистра Андрея Стирланда, дал ему не только много золота и драгоценностей, но также много «богатой и хорошей земли»[1]. Самому великому князю принадлежал, например, г. Ворута[2]; во время одного из вторжений крестоносцев в Литву Миндовг укрывался «в своем замке»[3]. По богатству и размерам дружины с ним мог соперничать только его «сестрич», жемайтский князь Тройнат, который «был так же как он богат и имел столь же много друзей»[4].

В некоторой мере известны и методы, применявшиеся Миндовгом для объединения литовских земель; эти методы характерны для правителей раннефеодальных государств. Если проследить судьбу некоторых князей, подписавших договор 1219 г., то можно отметить, что Миндовг истребил всех Булевичей. Упомянув в договоре старшего из Булевичей — князя Вишимута, холмский летописец заметил: «его же уби Миндогут, и жену его поял, и братью его побил — Едивила, Спрудейка». Подчинил Миндовг и князей Рушьковичей, так как позднее князь Сирвид Рушькович нападал на Русь совместно с воеводой Миндовга Хвалом и его «людьми»[5].

Великий князь заставил на время смириться и жемайтских князей: князья Выкинт и Едивид после недолгого сопротивления были разбиты, а сын Выкинта Тройнат признал власть великого князя. Что касается князя Нальшенайской земли Довмонта, то он, по словам нашей летописи, «мысляше бо абы како убити Миндовга, но не можаше, зане бысть сила его мала, а сего велика»[6]. В Черной Руси, которой Миндовг овладел в 40-х годах XIII в., княжил его сын Войшелк, но он находился в зависимости от великого князя. Миндовг сам «держал» Новгородок, а сыну передал только Слоним и Волковыйск[7].

Несколько иначе сложились отношения великого князя с «гордыми» ятвяжскими князьями, которые поддерживали жемайтского князя Выкинта[8], а с Миндовгом имели «многие брани». Великий князь был вынужден прибегнуть к другому средству — он подкупил ятвяжских князей: «убеди я (их.— *Ред.*) серебром многим»[9]. Русский летописец так охарактеризовал объединительную политику Миндовга: «Нача [Миндовг]

---

[1] LR, стр. 82.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 818.
[3] LR, стр. 77.
[4] Там же, стр. 163.
[5] ПСРЛ, т. II, стб. 840; ср. стб. 797.
[6] Там же, стб. 860.
[7] Там же, стб. 831.
[8] Там же, стб. 816.
[9] Там же, стб. 820.

избивати братью свою и сыновце свои, а другия выгна зь земле, и нача княжити один во всей земле Литовьской»[1].

Сравнительная экономическая зрелость центральной Литвы (Аукштайтии), присоединение Миндовгом феодально развитых русских земель (Черная Русь), наличие сильной дружины, позволили великокняжеской власти найти средства для объединения к середине XIII в. значительной части литовской территории (Нальшенайская, Делтувская, Жемайтская, отчасти Ятвяжская и другие земли). Это государство, как и все государства подобного типа, не было достаточно монолитным ни в смысле этническом, ни в смысле уровня развития своих частей; так, если в чернорусских землях господствовали феодальные отношения, то в Жемайтии и у пруссов встречаются в качестве пережитка народные собрания, разумеется, находившиеся целиком в руках знати[2].

Объединение литовских земель происходило при крайне сложных внешнеполитических условиях. Здесь также проявилось значение государственной надстройки в Литве, сильной великокняжеской власти, которая служила растущему классу землевладельцев, в то же время объективно выражая прогрессивную тенденцию развития литовского общества. Вторжение немецких феодалов в Восточную Прибалтику создало непосредственную и все возраставшую угрозу независимости Литвы. Литовские князья предпринимали настойчивые попытки уничтожить немецких захватчиков; немецкие хроники полны сообщений о набегах литовских войск на немецкие опорные пункты, включая и Ригу. Они неоднократно отмечают помощь, которую литовские войска оказывали восстававшим против немецких захватчиков земгалам, ливам и населению других соседних земель, а также их союзные выступления с русскими князьями Ерсики (1203), Полоцка (1216), Новгорода и Пскова (1221). Однако все эти выступления, носившие разрозненный характер, не привели к изгнанию немецких захватчиков из земель Восточной Прибалтики[3].

Больше того, захватив земли ливов, часть земель латгалов и эстов, обосновавшись в Юрьеве (1224), немецкие феодалы решили проникнуть в коренные земли Руси и Литвы. Приближение их к русским границам вызвало полный разгром крестоносцев на р. Эмайыге войсками Ярослава Всеволодовича (1234). На следующий год немецкие феодалы готовили вторжение в Литву. В 1236 г. в Ригу прибыло много крестоносцев и был организован зимний поход на Литву, закончившийся,

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 858.
[2] LR, стр. 61, 107.
[3] См. ч. I, гл. 5, § 11 б настоящего издания.

однако, полным разгромом рыцарей близ Шауляй; в сражении были убиты ливонский магистр Волквин, предводитель крестоносцев из Северной Германии Газельдорф и свыше сорока других видных рыцарей. Успеху боя способствовал переход земгалов на сторону литовцев. «Обнаглевшие *меченосцы... предприняли крестовый поход против Литвы;* этих *псов жестоко отдули...»*, — отмечал К. Маркс[1].

В результате этого поражения немецкие захватчики были отброшены за Двину, а литовский князь Миндовг восстановил свое влияние в землях куршей и земгалов. Битва под Шауляй — крупная веха в борьбе литовского народа за независимость. Но решающую роль в этой борьбе сыграло Ледовое побоище 1242 г., положившее предел немецкому продвижению на восток [2]. Используя создавшееся в результате этой русской победы положение, князь Миндовг по призыву куршей вновь выступил против немецких феодалов. Последние построили и заняли здесь ряд замков (Гольдинген, Анботен, Виндава, Ангермюнде, Донданген, Газенпот) и угрожали землям южной Жемайтии. По немецким данным, Миндовг привел 30-тысячное войско. Он «очень ненавидел» крестоносцев[3] и нанес им ряд поражений. В то же время литовцы оказали помощь[4] князю Святополку Поморскому, который вторгся в Хельминскую землю. Война затянулась до 1255 г., когда немецкие захватчики, используя помощь короля чешского Пржемысла II, подавили восстание в Самбии и «основали» крепость Кенигсберг.

Исполненная героизма борьба русского народа за свою независимость против татаро-монгольских захватчиков в 1237—1241 гг. имела огромное значение и для Литвы. Благодаря этой борьбе литовские земли были избавлены в ту пору от ужасов татаро-монгольского нашествия.

В конце 40-х годов XIII в. великий князь Миндовг решил воспользоваться ослаблением немецкого натиска и сделать территориальные приобретения за счет Руси. Он нарушил мирный договор 1219 г. с Волынью, хотя этот договор долгое время обеспечивал Литве спокойный тыл в борьбе с крестоносцами, а волынским князьям — в их борьбе за Галицкое княжество. На это князь Даниил Романович ответил заключением соглашения с Ригой, вторгся в Черную Русь, использовал враждебных Миндовгу жемайтских князей Товтивила и Едивида, на сестре которых был женат, нанес литовскому князю несколько поражений и в конце концов принудил его к миру (1252 г.), получив при этом

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 343.
[2] См. ч. I, гл. 5, § 9 настоящего издания.
[3] LR, стр. 57.
[4] «Preussisches Urkundenbuch», т. I, 1, № 160—162.

Черную Русь и третью часть земли ятвягов[1]. Мир был скреплен браком дочери Миндовга с сыном Даниила Шварном.

В ходе войны Миндовг попал в весьма трудное положение. Но он учел, что соглашение галицко-волынского князя Даниила с епископом рижским Николаем и бюргерством не приемлемо для Ордена. Литовский князь связался с магистром Андреем Стирландом относительно принятия Литвой католичества, рассчитывая добиться таким путем выхода Риги из войны. Миндовг подкупил магистра (князь «убеди его... дарми многыми»)[2]. Чтобы придать сделке официальный характер, магистр настоял на отправке литовских послов к папе. Вскоре магистр при содействии епископа хельминского короновал Миндовга.

Принятие христианства было со стороны Миндовга ловким дипломатическим маневром, о чем хорошо знали при дворе галицко-волынского князя Даниила: «крещение же его льстиво бысть»,— отмечено в холмской летописи[3]. Миндовг мало считался с папской курией. Он предпринимал походы на Польшу, а главное — поддерживал жемайтскую землю в борьбе против немецкого наступления. В 1253 г. немецкие феодалы захватили Клайпеду и соорудили Мемельбург. Стратегическое значение Мемельбурга было велико: он угрожал Жемайтии, служил местом стыка владений ливонских и прусских рыцарей; кроме того, он запирал для Литвы последний выход в море через Неман. Жемайты не раз предпринимали походы с целью уничтожить это «воронье гнездо»[4] захватчиков, но неудачно. Миндовг поддерживал эту борьбу, но требовал при этом полного подчинения со стороны жемайтских князей.

Походы в землю куршей в конце 50-х годов принесли жемайтам ряд побед. Например, в битве у Шотена ими был разбит куронский командор Ордена Бернгард Герренский, потерявший в битве 33 рыцаря. Во втором походе жемайтов против немцев на территорию куршей немецкая хроника упоминает литовцев — «неверных людей»[5]. Успехи жемайтов способствовали подъему освободительной борьбы в Восточной Прибалтике. Поднялась на борьбу Земгалия, где была разгромлена немецкая администрация. Опорные пункты немецких захватчиков — Георгенбург, Анботен, Добен и другие были блокированы.

Ливонский магистр поспешил в Кенигсберг, где договорился с прусским орденским маршалом (командующим войском) Генрихом Ботель о совместном наступлении на Жемайтию. Речь шла о судьбе крупнейшей

---

[1] См. *В. Т. Пашуто*. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 247.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 816—817.

[3] Там же, стб. 817.

[4] LR, стр. 86.

[5] Там же, стр 113. 115.

литовской области. Из Мемельбурга объединенное войско ливонских, прусских, ревельских, датских крестоносцев, а также вспомогательных отрядов ливов, эстов и куршей двинулось к Георгенбургу (область куршей). Получив известие о том, что четырехтысячный отряд литовцев вторгся в Куршу, войско изменило направление и 13 июля 1260 г. у озера Дурбе столкнулось с основными силами Миндовга. Литовское войско включало отряды самов, натангов, пруссов и эрмов[1]. Часть куршей, покинув немецкое войско, перешла на сторону литовцев[2].

Немецкое войско было совершенно разгромлено. Были убиты прусский магистр Генрих Ботель, ливонский — Бургард Горнгузен, командир ревельского отряда герцог Карл и 150 других рыцарей, не считая многих тысяч простых воинов. Следствием этой выдающейся победы литовского народа явилось новое восстание населения захваченных немецкими феодалами земель. Литовские войска заняли замки Синтелен[3], Вархдах (здесь местное население, предводимое Утиле, истребило немецкий гарнизон), Георгенбург и Добен[4]. От Ордена отпали: вся Земгалия, южная Курша (на севере рыцари удержали Виндаву, Ангермюнде, Донданген, Гольдинген), остров Сааремаа; восстали пять прусских областей (Самбия, Вармия, Натангия, Бармия и Погезания).

Правители земель Жемайтии, возглавляемые князем Тройнатом, обратились с настоятельной просьбой к Миндовгу о помощи, соглашаясь полностью признать его власть[5]. Положение требовало решительных действий: князь Миндовг отрекся от *«христианской язвы»*[6], порвал с Орденом и папством, возглавил борьбу восставшей Жемайтии, перебил или пленил всех католических агентов, бывших при его дворе. Тогда же литовский князь отправил послов на Русь к Александру Невскому. Вернувшись, послы сообщили, что русские «рады перемене чувств» Миндовга; князь Александр Невский обещал ему большую помощь против немецких захватчиков[7].

Александр Невский и Миндовг наметили провести большой совместный поход в Восточную Прибалтику; Ливонскому ордену грозил полный разгром. Но по вине жемайтского князя Тройната, опасавшегося чрезмерного усиления Миндовга, литовские войска выступили

---

[1] LR, стр. 131.
[2] Там же, стр. 129.
[3] Там же, стр. 132.
[4] Там же, стр. 134.
[5] Там же, стр. 146.
[6] «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 344.
[7] LR, стр. 148.

преждевременно, и поэтому поход не дал желаемых результатов[1]. В дальнейшем великое княжество Литовское продолжало напряженную и успешную борьбу с объединившимися в 1237 г. Ливонским и Прусским орденами.

Следовательно, великокняжеская власть в Литве решала внутриполитическую задачу подчинения всех местных князей одновременно и в связи с крупными внешнеполитическими проблемами, среди которых основной была организация борьбы против наступления немецких захватчиков. При этом немецкие феодалы оказывали поддержку враждебной Миндовгу знати, которая, терпя поражения, бежала за рубеж, во владения Ордена. Приняв католичество и получив небольшие земельные наделы, эти перебежчики пополняли ряды мелкого феодально-служилого люда, используемого Орденом в войнах против Литвы.

С другой стороны, массы литовского крестьянства захваченных Орденом земель, спасаясь от значительно более суровой немецкой феодальной кабалы, искали защиты в Литве, выступая с оружием в руках против крестоносцев. В тех литовских землях, которые попали под власть немецких захватчиков, местное население несло тяжелейшее иго. Немецкие феодалы обрекали народ на голодное существование, на вымирание[2].

В результате длительных внутренних войн, не раз переплетавшихся с внешними вторжениями, государственная великокняжеская власть доказала свою жизнеспособность — бóльшая часть литовской земли подчинялась Миндовгу. Его дружина значительно окрепла[3]; из дружинников, а также князей, признавших великокняжескую власть, образовался государственный совет. Об этом сообщает немецкий хронист Петр Дюсбург, указывающий, что литовский великий князь «подобно королю, имел около себя лучших людей царства, собранных в некоем совете»[4]. Местные князья — вассалы Миндовга, считали свои земли принадлежащими великому князю; каждый из этих князей «был как бы вторым после короля литовцев в своем царстве (княжестве)»[5]. Великокняжеское войско, как орудие власти государства, несло охрану крепостей, служа классовым целям литовских феодалов. При осуществлении крупных военных предприятий использовались народные ополчения, достигавшие нескольких десятков тысяч человек.

---

[1] См. ч. I, гл. 5, § 9 настоящего издания.

[2] См. *П. И. Пакарклис*. Литовский народ в борьбе против папства и Тевтонского ордена за свою государственность (автореферат). М., 1951, стр. 18 и сл.

[3] LR, стр. 60; НПЛ, стр. 314.

[4] SRP, т. I, стр. 172.

[5] Там же, стр. 149.

Соседи должны были признать силу великого княжества Литовского. Волынский летописец именовал Миндовга «самодержцем»[1], новгородский—«великим князем»[2]. В самой Литве он был прозван «Мудрым».

Образование раннефеодального относительно единого государства было значительным шагом вперед в историческом развитии литовского народа. Определилось место литовского народа в последующей истории Восточной Европы, наметилась основная территория, «умножишася языка литовьского»[3].

Литовский народ в условиях, созданных новой государственной организацией, сумел доказать свою силу; в течение многих десятилетий он мужественно отражал одновременный натиск ливонских и прусских феодалов-крестоносцев и наносил им тяжелые ответные удары.

В эти годы литовский народ не раз выступал совместно с русским народом. Победы русских войск над немецкими крестоносцами сыграли решающую роль в борьбе Литовского государства за независимость. Русские князья высоко оценивали силу Литвы, что нашло выражение не только в русско-литовском союзном договоре, оформленном князем юго-западной Руси Даниилом Галицким в 1219 г., но и в русско-литовском союзном договоре, заключенном князем северо-восточной Руси Александром Невским с Миндовгом в 1262 г.

Отношения Литвы с юго-западной Русью после заключения мира 1252 г. оставались дружественными; намечался даже совместный русско-литовский поход против татаро-монголов в Киевскую землю[4]. Совсем иначе сложились обстоятельства, когда татаро-монголы, решив подчинить себе все русские земли, отправили против юго-западной Руси в 1258 г. воеводу Бурундая «со множеством полков татарьскых». Свой первый поход Бурундай обратил против Литвы, потребовав от князя Даниила, как «мирника» Золотой орды, участия в этом походе[5]. Татарские войска повоевали литовские земли — Аукштайтию и Нальшенайскую.

Татарское вторжение расстроило союз Литвы с юго-западной Русью, отношения между ними оставались не урегулированными вплоть до смерти Миндовга. Миндовг вновь завладел Черной Русью и предпринимал набеги на юго-западную Русь: на Камень, Мельник, союзный Волыни Брянск и на дружественные ей Мазовию и Куявию.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 858.
[2] НПЛ, стр. 84.
[3] ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 151.
[4] Там же, т. II, стб. 838.
[5] Там же, стб. 846.

После татаро-монгольского нашествия приток русских феодальных дружин в Литву способствовал укреплению литовского великокняжеского войска, а следовательно, и государственного аппарата.

Освоение литовской великокняжеской властью русских земель (часть Понеманья, Черная Русь), проникновение в Полоцк—не только ускоряло процесс государственного развития в Литве, но и усиливало большое значение русских социально-правовых и культурных элементов (прогрессивное воздействие которых на Литву восходит к предшествующим столетиям[1]) в создании Литовского раннефеодального государства.

Итак, раннефеодальное государство сложилось в основном при Миндовге. Оно обеспечивало феодализировавшейся знати власть над народом и одновременно защищало ее внешнеполитические интересы.

В 1263 г., когда Миндовг организовал поход на Брянск, вернувшийся с полпути нальшенайский князь Довмонт, в сговоре с жемайтским князем Тройнатом, «изогна» Миндовга и убил его вместе с сыновьями Рукля и Репекья; третий сын, Войшелк, укрылся в Пинске. Начатое при Миндовге объединение Литовского государства было продолжено его преемниками во второй половине XIII в.

Наши знания об истории Литвы конца XIII в. весьма скудны. Князь Тройнат, объединив Жемайтию и Аукштайтию, убил своего брата, полоцкого князя Товтивила, а в Полоцк направил своего подручника князя Ерденя, который арестовал полоцких бояр и пытался убить сына Товтивила, но тот «с мужами своими» бежал в Новгород. Княжить Тройнату довелось недолго, так как дружина Миндовга, разбогатевшая при нем, предпочитала видеть на княжеском столе сына Миндовга. Поэтому в 1264 г. Тройнат был убит «конюшими» Миндовга[2].

Между тем сын Миндовга князь Войшелк, собрав русские — новгородские и пинские полки, а также полки и «двор» своего отца («вои отца своего и приятели»), с помощью своего зятя галицкого князя, преемника Даниила Романовича — Шварна Даниловича, принялся восстанавливать позиции великокняжеской власти: «поиде в силе тяжьце, и нача городы имати» в Делтуве и Нальшенайе; «городы же поимав, а ворогы своя избив»[3]. Так, с русской помощью разорил Войшелк крупные гнезда местных феодальных и полуфеодальных князей.

Изгнанный Войшелком князь Довмонт нальшенайский «с тремя девяносто» своей дружины бежал во Псков, где по крещении был

[1] См. ч. I, гл. 4, § 6 настоящего издания.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 861.

[3] Там же, стб. 863.

признан князем. В 1266 г. князь Довмонт (Тимофей) временно овладел Подвиньем и частью Нальшенайской земли. В остальной Литве совместно княжили Войшелк и Шварн Данилович галицкий, причем Шварн держал Черную Русь, а Войшелк — Полоцк и Витебск[1]. Когда же Литовская земля была окончательно «опасена», Войшелк передал ее (около 1268 г.) князю Шварну Даниловичу в единоличное управление, а сам ушел в монастырь. За эту передачу другой галицкий князь, Лев Данилович, убил Войшелка. Шварн Данилович княжил в Литве «лет немного». Вероятно, после его смерти великим князем Литвы стал Тройден.

В годы княжения Тройдена (умер в 1282 г.) отношения Литвы с юго-западной Русью не были мирными. Известно, что волынский князь Василько Романович воевал с Тройденом и убил трех его братьев. Тройден энергично осваивал Черную Русь, поселяя в ней пруссов, бежавших от наступления немецкого Ордена, а также захватил Дорогичин; отбивая это наступление, князь Лев Данилович галицкий с помощью татар два раза вторгался в Литву (1275, 1277) и вернул Дорогичин. Волынский князь Владимир Василькович также имел столкновения с Литвой; он отобрал у Тройдена город Турийск, и на время князья «умиристася».

В эти годы великое княжество Литовское нанесло тяжелые удары немецким крестоносцам. Последние, правда, овладели Елгавой (Митавой), вновь заняли Мезотен (1272) и затем обосновались в Даугавпилсе (Динабург)[2].

Во время набега на литовские земли орденское войско добралось до Кернаве[3] (Кернов), однако в 1278 г. было наголову разгромлено при Ашерадене и уничтожено во главе с магистром Эрнстом Рассбургом, ревельским начальником Эйлартом Хебергом вместе с 70 другими рыцарями и многими воинами[4]. Литовские войска пресекли попытки немецких феодалов проникнуть далее вглубь Литвы. Тогда же вновь восстала Земгалия, сторонник Тройдена князь Намейсис (Намейзе) занял Терветен и провел успешные походы вплоть до Риги[5] и Кирсбурга (1281)[6]. Лишь в 1286 г. земгалы должны были оставить Терветен и перейти в литовский замок Ракете. Сам Тройден

[1] «Русско-ливонские акты», изд. К. Е. Напьерским, СПб., 1868, № 25 в., стр. 12.

[2] SRP, т. II («Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae»), Lpz., 1863, стр. 48; ср. LR, стр. 184, 187—188.

[3] SRP, т. II, стр. 48.

[4] LR, стр. 194.

[5] Там же, стр. 211.

[6] Там же, стр. 221

с большим литовско-русским войском не раз штурмовал Динабург[1].

После Тройдена в Литве правили два князя: Будикид и его брат Будивид (Пукувер). Первый княжил, вероятно, в Жемайтии, а второй — в Аукштайтии. Будивид, продолжая политику своих предшественников, энергично боролся с немецкими захватчиками и послал в 1292 г. войска под руководством своего сына Витеня против польских князей, союзных Ордену[2]. В то же время эти литовские князья поддерживали мир с волынским князем Мстиславом Даниловичем и вернули ему город Волковыйск, «абы [он] с ними мир держал».

Став великим князем, Витень энергично организовывал борьбу с Орденом; он опустошил Добжиньскую область, захватив 9000 пленных, не раз нападал на Самбию, осаждал Рагнит и Тильзит. Продолжал он и борьбу с жемайтскими князьями, сопротивлявшимися его власти. В союзе с рижскими бюргерами он разорял владения ливонских рыцарей.

В 1307 г. литовские войска изгнали из Полоцка забравшихся туда немецких рыцарей; Полоцкое княжество было включено в состав великого княжества Литовского.

Активная политика великого княжества Литовского парализовала действия ливонских немецких феодалов, которые, потерпев поражение от новгородцев при Раковоре (1268), не предпринимали крупных операций против Руси. Отдельные же литовские вторжения в земли северо-западной Руси (1271, 1272, 1299) успешно отражались войсками псковского князя Довмонта.

В 1273 г. в Германии кончилось междуцарствие, престол занял Рудольф Габсбург, усиливший помощь крестоносцам. В 70—80-х годах немецкие феодалы заняли Скаловию, Надровию и часть Судавии. Упорно обороняясь, литовские войска в союзе с отрядами пруссов совершали опустошительные набеги на Хельминскую, Добжиньскую и другие польские земли, захваченные крестоносцами. Кровопролитная борьба продолжалась до 1283 г., когда последний судавский князь Скурдо ушел за Неман, в Литву[3].

В этих битвах пало до тысячи одних рыцарей, а также были убиты магистры Оттон, Эрнст Рассбург, Фольмар Бернгузен и другие. Доходило до того, что назначаемые магистры (например, Конрад Фейхтванген, Куно Гаццигенштейн) вообще отказывались ехать в Ливонию.

---

[1] LR, стр. 188—189.
[2] *P. Dusburg.* Chronicon terrae Prussiae. SRP, т. I, Leipzig, 1861, стр. 155.
[3] SRP, т. I, стр. 146.

Таким образом к 1283 г. немецкие захватчики, завладев землями славян и литовцев от Нижней Вислы до Немана и от Северной Мазовии до моря, стали и с запада непосредственными соседями великого княжества Литовского. 18 мая 1291 г. под ударами войск Малек-Эл-Ашрафа пал последний опорный пункт крестоносцев на Ближнем Востоке — Акра. Прибалтика осталась единственной базой крестоносцев. Немецких феодалов, заливших кровью Восточную Прибалтику, широко поддерживали правители Германии, Дании, Австрии, а затем, после окончания крестовых походов в Палестину, также и феодалы Англии, Франции и других западноевропейских стран[1]. Борьба литовского народа за независимость стала еще более ожесточенной.

До конца XIII в. основное направление литовской политики не изменялось. В 1315 г. в походе на немецких рыцарей (в Скаловию) погиб Витень. Великокняжеский стол Литвы занял Гедимин (1316—1341); его внешняя политика была гораздо более активна.

Княжение Гедимина — последний этап литовского раннефеодального государства, существовавшего менее столетия; с его смертью великое княжество Литовское стало дробиться на самостоятельные феодальные княжества, «подобно тому как Россия делилась на удельные княжества под властью великих князей»[2]. Появились княжества Виленское, Трокское и др., князья которых через посредство вассалов владели обширными литовскими, украинскими и белорусскими территориями. Это дробление явилось, конечно, результатом социально-экономического развития литовских земель, «переворота» в поземельных отношениях, изменений в формах эксплуатации непосредственных производителей, в формах классовой борьбы крестьянства, которые, к сожалению, еще не изучены.

б) Социально-экономические отношения и политический строй Украины, Белоруссии и Литвы XIV — XV вв.

Татарское иго затормозило процесс развития украинских земель, усилило политическую раздробленность. Мелкие княжества неспособны были отстоять свою независимость.

Чернигово-Северская земля, занимавшая широкие пространства по рр. Десне и Сейму, разделилась на несколько княжеств (Черниговское, Новгород-Северское, Путивльское, Стародубское, Рыльское, Вырское, Сновское, Глуховское, Карачаевское, Тарусское, Любечское, Сосниц-

---

[1] См. *П. И. Пакарклис.* Указ. соч., стр. 10.

[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 346.

кое, Бахмачское, Липовецкое и др.)[1]. Лесистая северная часть Чернигово-Северской земли была менее разорена монголами. Города Чернигов, Новгород-Северский, Стародуб, Рыльск, Путивль и некоторые другие продолжали развиваться как крупные торговые и политические центры. Южная часть находилась в значительно худшем положении.

Левобережная часть р. Сейма непосредственно граничила с лесостепной, еще слабо заселенной территорией, куда не раз вторгались монголы. Особенно часто страдали от татарских набегов Липовецкое, Курское, Воргольское и другие княжества, расположенные в верхнем течении Сейма. В 1284—1285 гг. они были опустошены татарами баскака Ахмата[2]; население частично погибло в борьбе с врагом, частично переселилось ближе к брянским лесам. Но уже в первой половине XIV в. Чернигово-Северская земля стала вновь оживать: возросло население, а на местах разрушенных татарами городов и сел возникли новые. На берегах Сейма были сооружены десятки оборонительных укреплений. Население, продолжая вести упорную борьбу против татар, стало постепенно продвигаться на Нежинщину, Роменщину[3].

В тяжелом положении находилась и Переяславская земля[4]. Еще во время татаро-монгольского нашествия она была сильно разорена. Большинство населения бежало в Полесье, часть жителей сосредоточилась на берегах рек, озер, вблизи густых лесов, продолжая заниматься сельским хозяйством и промыслами. Но и Переяславская земля не запустела, на что указывает организация в 1261 г. объединенной Сарайской и Переяславской епархии. Жители Переяславля занимались сельским хозяйством и давали татарским ханам дань. По рр. Удою, Супою и особенно на Роменщине находились села и даже укрепленные города. Среди крупных населенных пунктов были следующие: Жолвань, Биринь, Белая Вежа, Ромны, Прилуки, Нежин, Переяслав, Чорнухи, Пирятин, Нежатин, Городец, Лубны и др. На юг от р. Сулы лежала дикая степь, где только летом периодически появлялись татарские кочевники с табунами скота.

Сильно пострадала от татаро-монголов Киевская земля. Посол римского папы Плано-Карпини, проезжавший в 1246 г. через Киев-

[1] *Р. В. Зотов.* О черниговских князьях по Любецкому Синодику и о Черниговском княжестве в татарское время, СПб., 1892, стр. 67, 77, 80, 83, 183 и т. д.

[2] См. ч. I, гл. 5, § 11 настоящего издания.

[3] *В. В. Мавродин.* Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940, стр. 310—315

[3] Переяславщиной в те времена назывались земли, находившиеся на левом берегу Днепра по рр. Бобровице, Трубежу, Супою, Слепороду, Удае и Суле.

скую землю, писал, что татары истребили здесь много населения, разрушили города и села. Он побывал в Киеве, Каневе и других городах. Согласно его сведениям, Киевская земля разделялась на отдельные староства. В каждом из них сидели татарские ставленники из местных феодалов, помогавшие татарским баскакам выжимать из населения дань в пользу великого хана хлебом, пушниной, медом, воском и деньгами.

В Киеве уцелело лишь несколько сот дворов. Однако здесь имелся тысяцкий, который управлял городом с помощью бояр, продолжалась значительная торговля, приезжали купцы из Польши, Австрии, Ливана, Италии и других стран. Киевские земли в XIV—XV вв. были заселены неравномерно: плотность населения уменьшалась в южной части княжества. Киевская земля после татаро-монгольского нашествия находилась с 1243 г. до 1246 г. под властью владимиро-суздальского князя Ярослава Всеволодовича, который управлял ею с помощью своего наместника Дмитрия Ейковича. Затем она числилась во владении новгородского князя Александра Невского. Но вскоре хан передал Киевскую землю местным князьям. До конца XIII в. Киев был центром русской православной митрополии. Только в 1299 г. киевский митрополит Максим покинул Киев и переехал во Владимир[1], но и после этого Киев номинально оставался центром митрополии русских, украинских и белорусских земель.

Территория Подолии была заселена значительно плотнее, чем южная часть Киевской земли. Большинство населения жило по рр. Южный Буг, Случ, Смотрич, Серет и Днестр. Окраинные поселения находились вблизи Бершада и Могилева-Подольского. Далее на юг, до берегов Черного моря, лежали дикие степи, где кочевали татарские орды. Западное Подолье находилось под политическим влиянием Галицко-Волынского княжества.

Отдаленность от татарских владений способствовала развитию там сельского хозяйства и росту городов. К середине XIV в. существовали города Бучач, Каменец-Подольский, Скала-Подольская, Кременец, Бакота, Милея, Семоць, Болохов, Колодяжен, Городок, Межибож, Чернятин, Смотрич, Губин, Хотин, Черновицы и др.[2]

В административном отношении Подолье разделялось на несколько волостей. Во главе волости стоял староста или атаман из местных феодалов. Феодалы собирали дань и отправляли ее в Золотую орду. Известно, например, что население Болохова и окрестных городов находилось

---

[1] См. гл. 1, § 9 настоящего издания.

[2] *Н. Молчановский.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. Киев, 1885, стр. 144—148.

под властью хана. Татарские отряды периодически организовывали грабительские походы на Галицко-Волынское княжество, Литву и Польшу. При этом они опустошали Подолье, разрушая здесь все оборонительные укрепления[1].

На территории галицко-волынских земель во второй половине XIII и первой половине XIV в. сохранялась местная княжеская власть[2]. В 30-х и 40-х годах XIV в. в Галицко-Волынском княжестве еще более обострилась междоусобная борьба: различные группы феодалов боролись за землю и власть над крестьянскими массами. Усобицы разъединяли и ослабляли силы местного населения, которое не могло отстоять независимость своей родины. Среди галицких и волынских феодалов появилось несколько групп, которые искали помощи в соседних государствах: часть феодалов ориентировалась на Польшу, другая — на Литву, третья — на Венгрию. Оторванная от других земель Руси, систематически разорявшаяся татарами, Галицко-Волынская земля в середине XIV в. утратила свою политическую независимость.

* * *

В XIV в. в политической жизни Украины и Белоруссии произошли значительные изменения. Используя феодальную раздробленность и бедственные последствия монгольских вторжений, литовские, польские и венгерские феодалы захватили земли юго-западной и северо-западной Руси[3].

В XIV в. Литовское государство установило свою власть на территории Белоруссии, Смоленщины, Брянщины, Переяславщины, Киевщины, Волыни и Подолья. Основные украинские земли вошли в состав великого княжества Литовского, Галиция попала под власть Польши.

* * *

Включение западных областей Руси, подавляющую часть которых составляли территории Белоруссии и Украины, в состав великого княжества Литовского произошло не только вследствие открытого завоевания ее литовскими феодалами. Важной причиной было и то, что нелитовские феодалы в создавшихся после татаро-монгольского нашествия условиях нуждались в сильной государственной власти, способной

[1] *Н. Молчановский.* Указ. соч., стр. 105—168.
[2] См. ч. I, гл. 5, § 11 в настоящего издания.
[3] См. гл. 1, § 1 в настоящего издания.

обеспечить их власть над феодально-зависимым крестьянством. В великом князе литовском они видели также силу, способную помочь им отстоять свои земли от других иноземных завоевателей. Поддерживая власть великого князя литовского, они надеялись использовать ее для ограждения своих прав от посягательств не только немецких рыцарей и татарских ханов, но и от самих литовских феодалов.

Включение украинских и белорусских земель в состав Литовского государства было все же меньшим злом, поскольку оно облегчало борьбу их населения с татарскими и немецкими нашествиями и в то же время не изменяло социально-экономических отношений в этих землях, которые находились на более высоком уровне развития. Именно в таком смысле следует понимать указание Ф. Энгельса о том, что украинские и белорусские земли «нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Государству Литовскому»[1].

Но нельзя забывать и другой стороны дела. Включение этих земель проводилось литовским феодальным государством, и господствующий класс великого княжества Литовского стремился прежде всего к укреплению своей власти над нелитовскими землями. Он использовал, таким образом, историческую обстановку, которая способствовала политическому объединению русских и литовских земель в одно государство, прежде всего в своих классовых интересах. Понятно также, что в дальнейшем, с изменением исторических условий, с укреплением могущества Москвы (при Калите) и усилением Русского централизованного государства, с одной стороны, и вступлением Литвы в унию с Польшей — с другой, отрицательное значение включения белорусских и украинских земель в состав Литвы все более возрастало.

* * *

Социально-экономическая история Украины, Белоруссии и Литвы XIV—XV вв. изучена недостаточно и потому рассматривается здесь в целом. Основным занятием населения оставалось земледелие; преобладающей его системой становилось трехполье. В непосредственной близости от поселений крестьяне в Белоруссии и украинском Полесье вели подсечно-огневое хозяйство. Живший в XVI в. в Белоруссии итальянец Гваньини описывал его так: летом вырубали лес, оставляя деревья на участке до следующей весны для подсушки; затем их сжигали и почву вместе с золой перепахивали и бороновали. По словам

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 10.

Гваньини, такое поле давало урожай шесть-восемь лет, после чего забрасывалось.

В самых южных волостях, где лежали крупные массивы свободных земель, хлебопашество велось так называемым переложным способом. Участок земли засевался несколько лет подряд озимыми и яровыми хлебами. Когда земля переставала родить, крестьяне вспахивали другой участок. В отдельных случаях все эти формы ведения сельского хозяйства применялись одновременно.

Освобождение большей части украинских земель от татарского господства благоприятно отразилось на дальнейшем развитии сельского хозяйства, ремесла и торговли.

Во всех русских, украинских и белорусских землях, вошедших в состав великого княжества Литовского, значительная часть крестьян сохраняла старинную общинную организацию.

Большая часть крестьянских земель и угодий находилась в пользовании крупных крестьянских объединений, называвшихся обычно дворищами. Дворище было хозяйственным и общественным коллективом, включавшим ряд поколений одной семьи или родственных семей. Дворище совместно разделывало под пашню «новины», пользовалось угодьями — лесами, водами, лугами. Пахотные земли могли обрабатывать и входившие в состав дворища малые семьи, которые образовывали внутри дворища свои хозяйства — «дымы». Дымы, входившие в состав дворища, закрепляли за собой те участки, на которых они вели индивидуальное хозяйство.

Дворище совместно отбывало повинности: выполняло работы, платило дани феодалу и великому князю, разверстывая эти повинности между отдельными дымами. Чтобы облегчить выполнение повинностей или расширить заимки — увеличить площадь для посевов, дворища привлекали посторонних крестьян. Некоторые посторонние крестьяне принимались в качестве полноправных членов дворища, совладельцев всех угодий; такие крестьяне назывались «сябрами», «потужниками». Зачастую посторонние крестьяне становились потужниками, купив у отдельных «отчичей» доли в их владениях в дворище. Крестьяне, принятые со стороны в качестве неполноправных членов дворища, назывались дольниками, половниками, подсуседками. Литовское дворище (служба) обычно состояло из 5—6 «дымов». Из разросшегося дворища могло выделиться новое дворище.

В Белоруссии дворище иногда именовалось селом. Обычно последний термин употреблялся для обозначения более значительной общины, в состав которой входило несколько дворищ. Иногда село имело земли, не состоявшие во владении отдельных дворищ. В литовских селах насчитывалось, как правило, не свыше двадцати дымов, между

которыми была поделена пахотная земля. Несколько сел составляли волость. В распоряжении некоторых волостей находились земли, не числившиеся за отдельными селами, дворищами.

Общинная организация давала крестьянству средства к сопротивлению феодальному гнету, поэтому феодалы стремились разрушить ее или подчинить себе. Они добивались замещения выборных должностей своими ставленниками: во главе волостей становились назначенные владельцами старосты, наместники-державцы. Под их руководством действовали сотники, десятники, старцы. В землях, заселенных литовцами, наместники-державцы выбирали посельских приставов, десятников из крестьян «лучших служб». Пристава, десятники выгоняли крестьян на работы, собирали с них оброки, следили за тем, чтобы никто не уклонялся от повинностей. Феодалы поставили под свой контроль общинный «копный суд»[1], подчинили его феодальному, вотчинному суду. Но сельская община на Украине, в Белоруссии и Литве еще долго продолжала играть большую роль в жизни крестьянства.

В XV в. органы местного управления редко избирались населением. Выборные «старцы» существовали лишь в таких волостях, как заднепровские и задвинские, но и они утверждались владельцем волости, которому вносили «плат» от своего «старченья», бывшего доходной должностью. Старцы собирали дань и отвозили ее пану и господарю; они управляли волостью, судили в ней. Названия старинных русских общинных властей встречались еще в поветах[2], волостях, селах: в источниках упоминаются названия сотников, сорочников, старост, десятников, а на юге Украины — атаманов.

Крестьяне разных частей Украины, Белоруссии и Литвы находились на различных ступенях феодальной зависимости. Крестьяне, жившие поколениями на своих земельных участках («люди заседелые», «старожильцы»), считались «непохожими», не имеющими права уходить, оставлять свои участки и службу пану.

Но даже в XV в. было еще немало несостоятельных крестьян лично «вольных», «похожих». Часть их оседала на «пустовщинах», на участках, брошенных отчичами; они обязаны были либо нести ту самую службу, которая прежде шла с этого участка, либо давать определенный оброк. Эти крестьяне, если они не «заседели земской давности», либо особым договором гарантировали себе право выхода, оставались людьми вольными, имеющими право уйти в

[1] Копа производила следствие по делам о границах земельных владений, о «входах» в леса и угодья, порубках бортных деревьев, потравах, наследстве, краже, убийстве («гонила след»). Копа устанавливала виновность, налагала наказания.

[2] Повет — единица польско-литовского административного деления.

другое место. Часть вольных людей оседала «на слободе» или «на жалобе», т. е. с правом несколько лет не нести всех или части повинностей. Оседавшие «на слободе» в большинстве селились не в «пустовщинах», а «на сыром корню», разрабатывали новые участки. Эти крестьяне были обязаны отсидеть не только положенные года «воли», но и такое же количество лет «без воли». В случае самовольного ухода до указанного срока они подлежали принудительному возвращению «не мней (не меньше. — *Ред.*), яко и отчичи» (статут 1529 г.).

* * *

К концу XIV в. в Галиции, Западной Волыни и Закарпатской Украине, где господствовали польские и венгерские феодалы, шла ликвидация сельских и волостных общин и даже дворищ. Вместе с землей переходило под власть феодалов сельское население. Король и его наместники жалованными грамотами закрепляли крестьян за феодалами.

Крестьяне обязаны были выполнять все повинности сельской общины, которая отвечала за каждого крестьянина. Размер барщины составлял от 2 до 14 и больше дней в год.

Феодальное землевладение росло и в Поднепровье. Польские и украинские феодалы имели обширные владения в Чернигово-Северской земле. Наиболее крупными феодалами были князья Рыльские, Путивльские, Карачевские, Воргольские, Сновские, Любецкие и многие другие [1].

В Переяславской и Киевской землях крупными землевладельцами были князья Рожнинские, владевшие на обеих сторонах Днепра большими имениями. В городах Рожны на Левобережье и Сквира на Правобережье они имели замки. Огромные владения были у князей Глинских, Олельковичей, Ольшанских и др.

Много больших феодальных владений было на Волыни. Князья Острожские, Ковельские, Чарторийские, Збаражские и другие владели землей, селами, городами с населением. Например, Острожский князь Даниил владел несколькими волостями и не признавал власти удельного князя. Он добился того, что после Кревской унии получил право непосредственно подчиняться польскому королю. Острожские князья в г. Остроге имели свой двор на высокой горе, где стоял замок, вокруг горы был глубокий ров, внутри двора — подземные ходы, в стенах замка — бойницы и т. д. Подобные оборонительные укрепления были у многих украинских князей, панов и бояр.

---

[1] *Р. В. Зотов.* Указ. соч., стр. 135, 200 и сл.

Особенно быстро увеличивалось количество крупных феодальных владений на Украине после захвата ее земель литовскими и польскими феодалами. Раздача завоеванных земель носила различные формы. Королями и великими князьями в XIV—XV вв. выдавались сотни жалованных грамот феодалам на города, села и крестьян [1]. Если феодал получал в свое наследственное владение данника, тяглого или «похожего» крестьянина, он становился его владельцем.

Иногда великие князья и короли своими грамотами закрепляли за феодалами даже города с населением. В таких грамотах говорится: «дал король человека тяглового», «жаловал данники с пашнями, сеножатьми», «жаловал люди данные и тяглые» [2]. Пожалованные или закрепощенные другими методами крестьяне не имели права уйти от феодала.

Увеличивая[*)] повинности крестьян, феодалы одновременно стремились превратить крестьян «похожих», т. е. феодально-зависимых, но сохранявших право перехода из одного феодального владения в другое (при выполнении определенных условий), в «непохожих», «отчичей», т. е. в крепостных, лишенных этого права, стремились прикрепить крестьян к земле и личности феодала. Чтобы ограничить право перехода, феодалы устанавливали определенные сроки в году, в которые можно было переходить, требовали от уходящих крестьян больших выкупов и представления заместителей.

В 1435 г. галицкая шляхта постановила придерживаться практики шляхты в Польше в отношении выхода крестьян, а именно: крестьянин мог использовать право выхода только в дни рождества, уплатив пану выкуп — копу денег, меру пшеницы, четыре курицы, четыре «русских» сыра, две колоды овса, воз сена и воз дров. Еще большее ограничение права выхода крестьян было введено постановлением шляхетского сеймика Холмской земли в 1477 г.

Согласно этому постановлению, крестьянин не мог уйти из имения своего пана, пока не посадит на свой надел другого крестьянина, такой же состоятельности, как он сам. Такие же ограничения права перехода крестьян вводились и в других украинских землях, находившихся под властью Литвы.

---

[1] ЦГАДА, ф. Литовской метрики. Книги записей, № 3, 4, 5; «Южнорусские грамоты», т. I, Киев, 1917, стр. 3—72; «Акты Западной России», т. I, СПб., 1846, стр. 20, 28, 70, 72, 80, 92 и др.

[2] *М. Любавский.* Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892, стр. 316—320, 374, 383—385.

[*)] Нижеследующий текст до начала первого абзаца на стр. 503 заимствован из материалов «Истории УССР», подготовленной Институтом истории АН Украинской ССР.—*Ред.*

Великий князь литовский Казимир в своем привилее (грамоте) феодалам в 1447 г. обязался не принимать на свои земли крестьян, бежавших от феодалов, и требовал того же от феодалов в отношении крестьян великокняжеских имений.

Если вольный человек брал у землевладельца ссуду, он делался «закупным» человеком, зависимым от своего кредитора, и мог стать свободным только после уплаты одолженной суммы. Если «закупный» человек умирал, не погасив долга, долг падал на его потомство. Часть вольных крестьян оказывалась не самостоятельными хозяевами, а дольниками, половинниками, подсуседками у крестьян-отчичей. Эти вольные крестьяне имели дело не с панской администрацией, а с крестьянами, с которыми они заключали «ряды»(договоры). Феодалы стремились увеличить власть над «похожими», закрепить их.

Во многих имениях были небольшие группы холопов, — «челяди невольной» — «паробки» и «жонки невольные». Они работали чаще всего в качестве личной прислуги, в усадьбе, на скотном дворе своего хозяина. От владельца они получали продукты питания, одежду, помещение. Холопство передавалось по наследству. Владельцы все более переводили невольную челядь в положение «тяглых людей»: давали им участки земли, на которых «паробки» и «жонки» вели свое хозяйство и с которых отбывали повинности. Это было явным показателем невыгодности для владельцев труда холопов.

* * *

В XV в., особенно во второй его половине, феодалы увеличивали барщинные работы. В конце XV и начале XVI в. многие крестьяне Украины и Белоруссии уже выполняли по одному, а иногда и по два дня барщины в неделю[1]. Крестьяне обязаны были обрабатывать барское поле (работали «сохой, серпом, косой, топором, подводами»), пасли скот. Бортники и «подлазники» смотрели за панскими бортями и выбирали из них мед. Осочники стерегли панские пущи, выслеживали зверя и участвовали в облавах. Ловцы, стрельцы били зверя. В вотчинах были и панские рыбаки, бобровники. В селах крестьяне-ремесленники — кузнецы, колесники, шорники, сапожники, ткачи и др.— отбывали во дворе «службу». При этом они освобождались полностью или частично от обычных повинностей — барщины и дани со своих наделов. Крестьяне обязаны были ходить «на толоку» в имение несколько дней в году во время спешных сельскохозяйственных работ— жать, косить, пахать. Они должны были также являться «на гвалт»:

---

[1] *С. Герберштейн.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 172—173.

исправлять прорванную водой плотину, чинить мосты, участвовать в облавах, «волочить» невод.

Крестьяне давали пану и дани продуктами: рожь, пшеницу, овес, сено, лен, пеньку, дрова, свиней, баранов, кур, яйца. Бывали и другие «дачки»: «мед пресный», продукты ремесленного производства, охоты. Эти дани, в первую очередь дровами и сеном, скотом в XV в. во многих местах заменялись денежными взносами.

Число панских сельскохозяйственных дворов, впоследствии называвшихся фольварками, в XV в. росло, но сравнительно с последующим временем их было немного. Больше, чем в других областях, их было в северо-западной части великого княжества Литовского, совсем немного — в южной и восточной части его. Продукты, изготовлявшиеся в этих дворах, расходовали преимущественно на содержание панского двора и многочисленной челяди.

Рента продуктами преобладала в великом княжестве Литовском и господствовала почти безраздельно в задвинских волостях (Витебской земле), в Поднепровских волостях (по верхнему Днепру, Сожу, Березине, по Десне, Сейму, Суле), в Киевской земле. Но и в северо-западных областях многие крестьяне, даже многие села, не отбывали еженедельной барщины, а главным образом вносили дань. Часть крестьян сидела «на вроце», т. е. платила только оброк. Паны старались раздавать пустующую землю крестьянам с условием определенной платы.

Замена некоторых натуральных взносов денежными показывала известный рост возможностей превращения части продуктов крестьянского хозяйства в товар; это могло быть лишь при росте городской промышленности, торговли, денежного оборота. В деревнях было много крестьян, для которых ремесло становилось основным занятием. Это были кузнецы, слесари, котельщики, плотники, колесники, бочары, каменщики, плитники, кирпичники, обжигальщики извести, жерновники, стеклодувы, скорняки, кожемяки, шорники, сапожники, седельники, хомутники, ткачи, портные, пивовары, винокуры. Многообразие сельского ремесла и значительная специализация его свидетельствуют о некоторых успехах в росте общественного разделения труда.

* * *

Много ремесленников собиралось в городах. В XIV—XV вв. число городов возросло. Ремесленники создавали свои братства, объединялись в цехи. Известно о существовании в то время цехов мясников, пекарей, пивоваров, кузнецов, сапожников, шорников, дубильщиков,

скорняков, седельников, портных, лучников, ювелиров. Во второй половине XV в. в Западной Украине были организации подмастерьев — «господы». Были и купеческие братства.

Еженедельные торги в городах обслуживали местную округу. Ярмарки охватывали более широкие рынки, связывая города и земли страны. На большие ярмарки приезжали и купцы московские, польские, чешские, немецкие, венгерские, турецкие, армянские, итальянские. Из-за границы привозили главным образом предметы роскоши и вещи, которые шли на удовлетворение нужд господствующего класса; вывозили мед, воск, меха, кожу, скот, дерево, хлеб, рыбу. Вывозили в Западную Европу продукты по суше и водным путям — по Западному Бугу, Неману, Западной Двине.

Киев торговал с Москвой, Новгородом, Крымом, Малой Азией, Персией; Полоцк и Витебск—с Ригой, со Смоленском, а через Смоленск— с Москвой; Вильнюс — с Ригой, Новгородом, Псковом, Москвой, Польшей; Львов — с Балканскими странами, Крымом, Малой Азией, Венгрией, Польшей, Русью. Показателем развития товарного оборота был рост таможенных сборов (мыт).

Значительная часть городских жителей, а в мелких городах — большинство их, имела свои огороды и поля. Многие из них совмещали земледелие с торговой и ремесленной деятельностью, а некоторые занимались исключительно земледелием. Среди горожан были крупные землевладельцы, владельцы хуторов, пасек. Люстраторы[1] 1545 г., описывая Брацлавский (на Украине) замок, заявляли, что возле этого города есть такие мещанские пасеки, которые стоят больше, чем три селища[2]. В Витебске и Полоцке была группа «мещан конных», владевших землей и обязанных нести военную службу, как землевладельцы — «земяне».

Экономически окрепшие города добивались самоуправления по так называемому магдебургскому праву. Его получили Санок (1339), Львов (1356) и Каменец-Подольский (1374), бывшие под властью Польши, затем Вильнюс (1387), Брест (1390), Гродно (1391), Дорогичин (1429), Бельск (1430), Луцк (1432), Кременец (1438), Слуцк (1441), Житомир (1444), Киев, Владимир-Волынский, Полоцк, Минск (во второй половине XV в.). Города, получившие магдебургское право, освобождались от «моцы, владности и суда» воевод, старост, державцев. «Повинности» и платежи городов, получивших магдебургское право, фиксировались. Во главе города становился войт, назначавшийся владельцем города. С течением времени в некоторых городах должность войта

[1] Уполномоченные великого князя литовского, выделенные для описания замков великого князя.

[2] Селище—населенный пункт; также пункт, покинутый жителями.

стала выборной. Войт с «лавниками» (присяжными) разбирал уголовные дела. Текущее управление находилось в руках войта, рады и бурмистров. Членов городской рады «избирала» небольшая группа привилегированной верхушки. Из членов рады выделялись бургомистры. Например, в Вильнюсе члены городской рады оставались в ней пожизненно; должности свои они выполняли по годам. Здесь было двенадцать бургомистров, каждый год в ратуше сидели по два бургомистра, один православного, другой католического вероисповедания. Когда один из двенадцати бургомистров умирал, остальные кооптировали нового. Таким же образом пополнялась и городская рада (в Вильнюсе было 24 члена рады). Рада управляла городом, заведовала охраной и благоустройством, наблюдала за торговлей, ремеслом, вершила суд по гражданским делам.

Короли и великие литовские князья, предоставляя городу магдебургское право, привлекали на свою сторону верхушку городского населения: только она получала права и привилегии, связанные с самоуправлением, и одновременно приобретала власть над массой городского населения. Масса мещанства боролась с засильем богатых горожан. Магдебургское самоуправление обостряло классовый антагонизм среди горожан, не устраняя, разумеется, борьбы мещан с феодалами.

В городах жили «подданные» духовных и светских феодалов, которые занимались ремеслом и торговлей, конкурируя с городскими ремесленниками и торговцами. Эти «подданные» чужих панов не платили никаких налогов и не отбывали повинностей, лежавших на городском населении, что зачастую ставило их в привилегированное положение по сравнению с городскими ремесленниками и торговцами. Шляхта и духовенство, жившие в городах, не подчинялись городским властям. Воеводы, старосты, державцы вмешивались в городские дела. Паны, шляхта захватывали городские земли, стесняли городскую торговлю.

«Магдебургское право»*) на Украине отличалось своими особенностями и имело ограниченный характер. Великокняжеские или королевские наместники — воеводы и старосты — постоянно вмешивались в городскую жизнь, грабили городское население и часто не считались с городским самоуправлением.

К тому же само «магдебургское право», ввиду неоднородности прав, которые жаловались городам, препятствовало объединению городов в их борьбе против феодалов. Разные города получали эти права в

---

*) Нижеследующий текст до конца второго абзаца на стр. 507 заимствован из материалов «Истории УССР», подготовленной Институтом истории АН Украинской ССР.—*Ред.*

неодинаковом размере и имели своеобразную внутреннюю организацию. Это разобщало отдельные города и даже создавало противоречия между ними. Внутри городов права населения различных национальностей не были одинаковы. Например, в Каменце мещане украинцы, поляки и армяне имели разные права.

«Магдебургское право» приводило в значительной мере к усилению иноземцев в украинских городах, ибо оно как привилегия давалось прежде всего польским и немецким мещанам-католикам, поселявшимся сначала в западноукраинских городах и добивавшимся ограничения в правах украинских мещан.

Социальное угнетение массы украинских мещан в этих городах обострялось гнетом религиозно-национальным, усилившимся в XVI в. Украинские мещане во Львове вытеснялись в предместья, а в самом городе имели право жить только на одной улице («Русская улица»).

* * *

С развитием городов, торговли, товарно-денежных отношений возрастала потребность феодалов в деньгах, за которые можно было приобрести изделия городского ремесла и предметы роскоши; отсюда усиление эксплуатации крестьян. Стремясь взыскать с крестьян побольше денег, феодалы старались переводить крестьян с натуральных повинностей на денежные. Но выколотить большие суммы денег из крестьян было нельзя: внутренний рынок не позволял крестьянам широко продавать продукты. К тому же крестьянские земли при низком уровне развития производительных сил давали только ничтожный излишек сверх самых скудных средств, необходимых для существования. Поэтому росла барщина. Увеличивая барщинные работы крестьян, превращая оброчных крестьян в барщинных, феодалы усиливали и зависимость крестьян.

Крестьянские массы оказывали упорное сопротивление натиску феодалов. Они все чаще отказывались выполнять повинности, протестовали против увеличения старых повинностей, введения новых; учащались побеги крестьян в южные волости, где лежали большие пространства неосвоенных земель; росло число убийств феодалов крестьянами и выступлений отдельных сел. Вспыхивали крупные крестьянские восстания, направленные против иноземных и «своих» феодалов.

Борьба крестьянских масс Украины против иноземных захватчиков и местных феодалов не прекращалась. Например, в 1340 г. все население Галиции поднялось на борьбу против польских панов. Шляхта была изгнана. В 1349—1352 гг. польским и венгерским феодалам удалось овладеть всей Галицией. Но в 1370 г. восстание вспыхнуло с новой

силой. Два года длилось восстание: крестьяне нападали на шляхетские имения, разрушали их, убивали захватчиков, поджигали костелы. Но и это восстание также было подавлено объединенными силами польских и венгерских феодалов. Такое же восстание в Галиции было в 80-х годах XIV в. Лишь в 1387 г. польским панам удалось послать в Галицию большие военные силы и подавить восстание[1]. В 1418 г. вспыхнуло крупное восстание крестьян в самой Литве, в Жемайтии. Здесь «простые люди и крестьяне» Росейнской, Медницкой, Кнетовской волостей по «тайному сговору» выступили против «благородных бояр и добрых люцей», опустошая дома некоторых, наиболее ненавистных феодалов. Часть крестьян двинулась на Клайпеду. Феодалы, собранные из других волостей, подавили это восстание. Множество крестьян было казнено[2].

В 1431—1438 гг. произошло большое выступление крестьян Батонимского округа Подолья. Оно началось во время агрессивного нападения польских панов на Подолье. Восставшие крестьяне изгнали феодалов и объявили себя свободными. Только осенью, после перемирия между Литовским княжеством и Польшей, местным феодалам удалось подавить выступление[3].

Значительное восстание крестьян было в 1436—1437 гг. в Закарпатье, оно охватило и все Семиградье. В 1457 г. восстание распространилось на Сарышский и Земплинский комитаты[4]. На подавление восстания венгерское правительство бросило большие военные силы. В 1469 г. восстали крестьяне в Галиции на Покутье. Везде в селах были организованы вооруженные отряды, которые уничтожали барские имения. Но среди восставших не было единства, и они потерпели поражение[5].

Очень крупное антифеодальное крестьянское восстание происходило в 1490—1492 гг. в Галиции на Покутье и в Буковине под предводительством Мухи. В этом восстании принимало участие около 9—10 тыс. крестьян. Восстанием были охвачены районы Каменца-Подольского, Хотина, Черновиц, Снятина, Коломыи, Галича, Рогатина и др. Восставшие крестьяне истребляли украинских и польских панов, уничтожали их имения, забирали имущество. В результате крестьянское восстание было подавлено польскими панами, Муха схвачен и отправ-

---

[1] «Acta grodzkie i ziemskie», т. II, стр. 30—33; т. III, стр. 56—57; т. V. стр. 7—8.

[2] Сведения о восстании в Жемайтии сообщил Ю. Юргинис.

[3] См. *П. Батюшков*. Подолия. СПб., 1891, стр. 42—43.

[4] Комитат — единица административно-хозяйственного деления Венгерского королевства.

[5] J. *Dlugosz*. Historia Poloniae, т. XIII, стр. 449.

лен в Краков, где он и погиб в тюрьме. Это было самое крупное из крестьянских восстаний на Украине XV в., направленное против национального и феодально-крепостнического гнета[1].

* * *

Закабаляя крестьян, феодалы опирались на государственную власть и прежде всего на великих князей и польских королей.

Литовское великое княжество при своем возникновении соединило земли, резко различавшиеся по уровню развития общественно-экономических отношений.

История Литвы за время XIV—XV вв. характеризуется, во-первых, тем, что великое княжество Литовское значительно расширилось путем дальнейшего захвата украинских и белорусских земель (это обстоятельство привело к развитию острых национальных противоречий); во-вторых, ускоренным развитием феодальных отношений в коренных литовских землях. Массовое закрепощение крестьянства в XV в. совпадает по времени с дальнейшим ростом сеньориальной знати и феодальными войнами, опрокидывавшими попытки централизации, которые предпринимались некоторыми великими князьями.

Крупнейшим землевладельцем великого княжества Литовского был сам великий князь. За ним следовали его вассалы—князья и крупные паны, владевшие землями «со всем правом и панством». Ядро феодального класса в Литве образовала военно-землевладельческая знать. Численно преобладавшая часть феодального класса составилась, уже в период существования раннефеодального государства, из княжеских дружинников и слуг, получивших от великого князя земельные владения под условием несения военной службы. Источники XIV в. применяют к литовским феодалам то же название, что и к русским («бояре»).

Владения рядовых литовских бояр в XIV в. еще не были велики. Судя по некоторым данным конца XIV и первых лет XV в., в боярском владении обычно находилось не более одной-двух деревень. Трудом крестьян-общинников в первую очередь обеспечивались нужды великокняжеского двора, администрации, войска. Литовский великий князь был заинтересован в сохранении этой базы своего хозяйственного, управленческого и военного аппарата и избегал увеличения за ее счет боярских владений, а вновь жалуемые владения ограничивал небольшими размерами. Земли литовским боярам жаловались преимущественно на южной окраине Литвы, представлявшей собой не так давно малозаселенную пущу. Распространялось землевладение литовского боярства и в Принеманской Руси, входившей в великое княжество

---

[1] См. гл. 5, § 4 настоящего издания.

Литовское. Весьма вероятно, что приблизительно с середины XIV в. оно стало проникать и на территорию Минского княжества.

Политическое ядро великого княжества Литовского составляли земли Литвы (Аукштайтии) и Принеманской (Черной) Руси. Жемайтия признала власть Миндовга в конце его княжения (1260), но с установлением политической раздробленности самое сохранение ее в составе Литвы находилось под вопросом — за нее шла упорная борьба с Орденом, и исход этой борьбы в XIV в. еще не определился. Окончательно Жемайтия была присоединена к великому княжеству только в начале XV в. (1411), но и после этого она сохраняла, подобно большим русским землям, входившим в великое княжество, значительную самостоятельность.

По смерти Гедимина территория Аукштайтии раздробилась на несколько княжеств: Виленское, Трокайское, Керновское; к середине XIV в. их стало два — Виленское и Трокайское. Принеманская Русь вначале дробилась на отдельные феодальные владения, затем попала в зависимость от князя трокайского.

* * *

Украинские, белорусские и русские земли, захваченные литовскими князьями и феодалами, занимали в политической системе великого княжества Литовского неодинаковое положение. Земли Берестейская, Турово-Пинская, Минская, а также часть Поднепровских волостей вместе с Принеманскими входили в основную территорию государства. В соправительство Ольгерда и Кейстута (1345—1377) большая их часть находилась под непосредственной властью либо виленского князя, либо трокайского (Берестейская земля, кроме Кобрина), управлялась их наместниками и тиунами. Отдельное княжество продолжало существовать в Пинске (там сидел по смерти Наримунта его сын Михаил); оно было невелико и подчинялось великому князю Ольгерду. Совсем небольшим было Изяславское княжество в Минской земле, предоставленное Явнуту после его низложения и унаследованное Михаилом Явнутовичем. В отторгнутый от Смоленской земли Мстиславль, получивший значение стратегического пункта на восточной границе государства, Ольгерд послал на княжение своего сына Коригайла. Другой Ольгердович, Федор, получил в княжение Кобрин с его округой (выделенный Гедимином для Ольгерда из Берестейской земли, предоставленной Кейстуту, и территориально обособленный от других владений Ольгерда).

За пределами основной государственной территории, на восток и юг от нее, лежали обширные белорусские и украинские земли: княжества

Полоцкое, Витебское, Киевское, Волынское, земля Подольская и за Днепром — земля Новгород-Северская, состоявшая из трех княжеств. Государственная связь этих земель, кроме Витебской, с литовским политическим центром выражалась в том, что ими правили члены литовской династии, князья Гедиминовичи, заменившие в крупных центрах местных князей и подчиненные великому князю литовскому.

Ольгерд, унаследовавший Витебское княжество в 1320 г., оставил его за собой и по занятии великокняжеского стола в Литве. Но Витебская земля сохранила самостоятельность по отношению к государственному центру не в меньшей мере, чем, например, земля Полоцкая.

Крупнейшими княжествами были Киевское, Подольское и Волынское. Киевское княжество охватывало тогда Киевскую и Переяславскую земли. Оно непосредственно граничило с татарскими владениями. Местное население вело напряженную борьбу с татарами. Для защиты Украины от татарских орд народом были построены десятки крупных княжеских укреплений. Там постоянно находились вооруженные отряды из местных жителей. Самые большие замки были в Киеве, Каневе, Черкассах, Чернобыли, Чернигове, Житомире, Виннице, Браславле, Кременце, Каменец-Подольске, Луцке, Владимире, Львове и многих других городах. В устьях Днепра, Днестра, на берегу Черного моря, в степях, на речных переправах были сооружены укрепления, где стояли гарнизоны.

Местные князья литовской династии платили великому князю ежегодную дань, выступая по его требованию в походы с ополчением, участвовали в совещаниях с ним при решении важнейших вопросов внешней политики государства. Во внутреннее управление земель великокняжеская власть не вмешивалась. Материальные ресурсы, которыми раньше располагал местный русский князь (доходы с княжеских имений, сборы с населения, торговые пошлины), теперь находились в распоряжении князей литовской династии за вычетом дани, уплачиваемой ими великому князю литовскому. Политический и административный строй земель, их правовые обычаи, весь уклад их жизни оставались прежними. Управление землей князь осуществлял при постоянном участии «думы», состоявшей из влиятельнейших местных бояр, как это было и при русском князе. Должности по местному управлению замещались местными людьми. Некоторые князья нелитовских династий сохранили свои земельные владения; их власть оставалась за ними в том объеме, в каком ею обладал каждый феодал-сеньор. Таковы были, например, князья лукомские в Полоцкой земле, друцкие — в Витебской, вяземские — в захваченной при Ольгерде части Смоленской земли. Привлекая на свою сторону некоторых местных князей, литовские великие князья использовали

их для покорения новых земель и укрепления там своей власти. Занятие княжеского стола представителями литовской династии не вносило резкого перелома в жизнь той или иной земли, потому что литовские князья не имели социально-экономических возможностей прочно подчинить себе эти земли: они лишь использовали заинтересованность местных белорусских и украинских феодалов в сильной власти, которая охраняла бы их господство над крестьянством и их земли от вторжений татарских ханов и войск немецкого Ордена.

Опасность со стороны татаро-монголов и немецких феодалов принуждала население этих земель (например, Полоцка) в пору слабости Московского княжества мириться с зависимостью от литовских феодалов и нести связанное с этой зависимостью дополнительное бремя эксплуатации.

Белорусские и украинские земли были слабо связаны с политическим центром государства. Через своих князей, назначенных великокняжеской властью, они подчинялись ей в сфере внешней политики и использования вооруженных сил.

* * *

Великое княжество Литовское в целом представляло собой в политическом отношении феодально раздробленное государство с номинальной властью великих князей; оно отставало и резко отличалось от княжества Московского.

Если Москва в создании Русского централизованного государства играла роль политического и экономического центра, связывавшего воедино русские земли, то в Литве такого центра не было. Русское, украинское и белорусское население Литвы экономически, а также в силу общности происхождения, культуры и языка, тяготело не к Литве, а к Руси. Притом борьба московских князей с феодальным произволом удельных князей и бояр встречала сочувствие широких народных масс; литовские же князья, напротив, стремились утвердить свою власть посредством противопоставления одной группы местных феодалов другой, поддерживая интересы феодалов литовских в ущерб местным феодалам. Стремясь освободиться от произвола литовских феодалов, белорусский и украинский народы возлагали надежды на Московское княжество, на братский русский народ. Города Украины и Белоруссии, тяготившиеся властью и поборами литовских князей и связанные торговыми сношениями с городами Русского государства, искали у него защиты.

Общегосударственное управление осуществлялось в политическом центре государства — в Литве, и главную роль в нем играли, конечно,

феодалы литовские, хотя формальных ограничений для нелитовских феодалов тогда не существовало.

Украинские и белорусские земли составляли значительно преобладавшую часть великого княжества Литовского, занимая девять десятых его государственной территории. Еще Гедимин титуловал себя (в дипломатических документах на латинском языке) «королем литовцев и многих русских», подчеркивая, таким образом, большое значение земель Руси в Литовском великом княжестве.

Вынужденные трезво учитывать исконные связи захваченных ими земель с Русью и их социально-экономическое развитие, литовские великие князья не раз заявляли о готовности сохранить в них исстари сложившиеся строй и обычаи («мы старины не рушим, а новин не вводим»).

Общественный строй нелитовских земель оказывал огромное влияние на строй земель литовских. Росло экономическое и бытовое общение между литовцами и русскими, украинцами и белорусами; все это способствовало распространению русской культуры в Литве.

У литовцев не было своей развитой письменности, и государственной письменностью еще в XIV в. стала русская. Древнерусский деловой язык сделался языком государственным. В статуте 1588 г. это было законодательно закреплено: «Писар земский маеть по руску литерами и словы рускими вси листы выписы, и позвы писати, а не иншим езыком и словы»[1]. Административная организация земель литовской части государства строилась сходно с организацией захваченных им земель. Право гражданское и уголовное развивалось под значительным воздействием норм права русского (как это с бесспорностью устанавливается по памятникам законодательства и кодификации — по Судебнику 1468 г., Статуту 1529 г.). Уже при Гедимине становится очень заметным это значение русской, украинской и белорусской культуры для Литвы.

* * *

В XIV—XV вв. власть литовских панов усиливалась. На основании Городельского привилея 1413 г., по которому права польской шляхты были распространены на литовских феодалов-католиков, они оттесняли русских князей как некатоликов от участия в верховном управлении государством. Высокое положение занимали и духовные землевладельцы — католические и православные епископы, монастыри. Католические духовные феодалы привилеем Ягайла 1387 г. были

---

[1] «Временник ОИДР», кн. 19, М., 1854, отд. II, стр. 88.

освобождены от всех повинностей и платежей великому князю. Католическая церковь стала господствующей.

Князья и богатые паны выходили на войну во главе своих «почт» (отрядов) под собственным знаменем — «хоругвею» и поэтому назывались «панами хоруговными». Мелкие и средние землевладельцы собирались со своими слугами под «поветовые хоругви».

У великого князя, удельных и местных князей и крупных панов были свои вассалы—бояре, земяне-шляхта, «державшие» у них имения с условием военной службы. Имения им давались либо пожизненно («доживотно»), либо отцу и сыну («до двух животов»), либо на срок по усмотрению сеньора («до воли и ласки»). С этих имений они несли военную службу сеньору «конно, збройно и оружно». В XV в. эти мелкие феодалы добились значительного укрепления своего положения. Сигизмунд Кейстутович привилеем 6 мая 1434 г. распространил эти права и вольности, предусмотренные Городельским привилеем, на православных белорусских и украинских феодалов; в том же году польский король Владислав III дал аналогичные права феодалам Галиции и Подолии. Привилей 2 мая 1447 г. весьма расширил права бояр-земян, с этого времени именовавшихся шляхтой. Этот привилей закрепил за земянами и боярами на правах собственности («отчинных») земли, которые находились в их фактическом владении. Он освобождал их имения от ежегодной «серебщизны» (денежного налога) и натуральных повинностей в пользу великого князя; осталась только обязанность участвовать в постройке новых замков и «поправлении» старых. Привилей гарантировал шляхте личную и имущественную неприкосновенность.

Привилей от 2 мая 1447 г. оформлял права-привилегии феодалов великого княжества Литовского. Он закреплял за феодалами право на владение и полное распоряжение землями, находившимися в их руках до Казимира. Привилей утверждал право суда феодалов над жившим в их владениях населением. Князь обязывался не привлекать панских подданных к своему суду, т. е. суду своих «урядников»; не приглашать в свои имения панских подданных, людей «извечных, селянитых», возлагая такое же обязательство и на феодалов, чем усиливал закрепощение крестьян. Князь обещал за себя и своих преемников не давать чужеземцам в великом княжестве земель, должностей, почетных званий.

Но и после издания привилея 1447 г. украинские и белорусские феодалы православного вероисповедания оставались в несколько приниженном положении: обладая правами на владение землей и людьми наравне с остальными феодалами великого княжества, они были лишены права заседать в господарской раде, были ограничены в праве занимать государственные должности. Таким образом, литовская знать,

хотя и отстаивала классовые интересы всех феодалов страны, оттесняла от управления феодалов православного вероисповедания.

* * *

При великом князе был совет знатнейших феодалов. Витовт, например, все государственные вопросы решал вместе со своими «баронами». Отдельными отраслями управления великого княжества ведали сильнейшие феодалы. В середине XV в. в состав «панов рады» входили: канцлер, заведовавший канцелярией великого князя; подскарбий земский, ведавший всеми финансами княжества, и подскарбий дворный, его помощник; гетман высший, заместитель великого князя как главнокомандующего армией, и гетман польный, его помощник; маршалок земский, охранитель порядка в великокняжеской резиденции, и маршалок дворный, его помощник. В раду входили лица, занимавшие придворные должности, как чашник, подчаший, стольник, подстолий, крайчий, конюший, ловчий, а также наместники-воеводы и старосты, правившие отдельными «землями» великого княжества Литовского, и католические епископы — виленский, жемайтский, луцкий, киевский. Хотя по Городельскому привилею 1413 г. православные не могли занимать должности в центральном управлении, но на практике это правило иногда нарушалось. В XV в. значение рады весьма возросло: в ней сосредоточилось все управление великим княжеством Литовским. Рада по существу стала высшим органом государственной власти в великом княжестве, а сама рада была в руках литовских панов.

В полном составе рада собиралась редко. Дела обычно решал узкий состав рады («передняя рада»), который включал высших сановников, находившихся в столице.

На съезды всех панов рады приглашали особыми «позвами». Присутствовали на них и крупные феодалы, не числившиеся официально в составе рады, в том числе православные русские князья. При Сигизмунде I в таких съездах стала участвовать окрепшая шляхта, не имевшая пока правильно организованного представительства. Съезды могущественных землевладельцев были высшим законодательным органом в стране.

* * *

Земли великого княжества Литовского имели значительную самостоятельность во внутреннем управлении; для многих земель эта самостоятельность была формально утверждена великокняжескими привилеями.

Земли Полоцкая и Витебская получили привилеи при Витовте после упразднения местных княжений. Весьма вероятно, что Витовт дал привилей и Смоленской земле после захвата ее Литвой. В 1413 г. Ягайло и Витовт выдали привилей Жемайтии. Привилеи имели Дорогичинская, Волынская, Киевская земли. Областные привилеи гарантировали местным феодалам пользование всеми шляхетскими правами и вольностями, личными и имущественными; широкое участие в управлении и суде; сохранение местного права — гражданского, уголовного, процессуального. Правительство считалось с желанием «земли», т. е. ее феодалов, при назначении великокняжеского наместника. В полоцком и витебском привилеях великий князь обязывался давать наместника полочанам и витебчанам «по их воле», а если бы наместник оказался им «нелюб»,—заменять его другим. В привилее Жемайтии это положение выражено еще более определенно: великий князь обязывался давать жемайтам в наместники (старосты) лишь того, кого они сами выберут.

Назначение наместника с согласия земли не гарантировало отсутствия конфликтов между наместником и той же землей. На должности при наместнике обычно назначали местных феодалов. Им же предоставлялось управление административными подразделениями земли.

Великокняжеский наместник осуществлял административную и судебную деятельность при постоянном участии местной рады. В нее входили, кроме состоявших при наместнике должностных лиц, наиболее крупные феодалы.

В 1468 г. великим князем Казимиром был издан Судебник, устанавливавший единообразный порядок судопроизводства. Судебник содержал много норм уголовного и процессуального права, заимствованных из «Русской Правды». Судебник имел главной целью охранять и укреплять феодальную собственность на землю и крепостных. За увод «людей», т. е. крепостных, «либо челяди невольной» по Судебнику полагалась смертная казнь.

Земли имели свои сеймы — собиравшиеся время от времени съезды местных феодалов. Сейм земли разбирал судебные дела. В некоторых землях судовые сеймы собирались периодически, в Жемайтии, например, — четыре раза в год. Сеймы земли производили раскладку затребованной великим князем «помощи», распоряжались некоторой долей местных доходов, принимали решения о вооруженных силах и укреплениях. Иногда местные сеймы издавали законы для своей земли.

В своих владениях феодал правил, опираясь на отряд вооруженных слуг, набранных в большинстве из крестьян,— бояр путных, панцырных, слуг доспешных, щитных людей и др.

* * *

Во второй половине XV в., в годы длительного правления Казимира, на территории Белоруссии продолжали существовать феодальные княжества: Мстиславльское, Слуцкое, Пинское, Клецкое, Городецкое (с центром в Давид-Городке), Кобринское, Гомельское и некоторые другие. Князья их, будучи вассалами великого князя, пользовались значительной свободой действий в управлении своими владениями. В качестве наследственных правителей они чинили суд и управу, давали церквам, монастырям и боярам земли с крестьянами, освобождая их от уплаты податей и суда своей администрации и т. д. Подобно Казимиру, каждый из этих князей имел при себе свою раду, состоявшую из наиболее влиятельных вассалов.

Сохранение во второй половине XV в. в Белоруссии небольших княжеств свидетельствует о живучести внутри великого княжества феодальной раздробленности. Характерно, что Казимир и его рада сохраняли эти небольшие княжения даже в тех случаях, когда вымирала управлявшая ими княжеская фамилия. Так, Пинское княжество до 70-х годов XV в. находилось во владении потомков Наримунта Гедиминовича. После прекращения этого рода Казимир пожаловал Пинское княжество вдове последнего киевского князя Семена Олельковича и ее сыну Василию. Клецкое княжество при Казимире принадлежало Михаилу Сигизмундовичу (внуку Кейстута). После смерти последнего Казимир пожаловал Клецк Ивану Васильевичу Боровскому, сыну одного из противников московского князя Василия II. Гомель вместе с Брянском и Стародубом был выделен Казимиром в особое княжество (около 1455 г.) и пожалован московскому эмигранту князю Ивану Андреевичу Можайскому. В конце XV в. удельные князья, бежавшие из пределов Русского государства, сделавшись вассалами Казимира, владели на территории Белоруссии Гомелем, Клецком и Давид-Городком (княжество Городецкое).

* * *

В отношениях с Польшей литовское панство, несмотря на унию 1386 г., добивалось восстановления политической самостоятельности Литовского великого княжества[1]. Великий князь литовский был одновременно королем Польши, но при личной унии с Польшей великое княжество имело суверенитет. Даже внешнюю политику великое

[1] Политическую историю Литовского великого княжества см. гл. 5, § 1 в настоящего издания.

княжество Литовское вело самостоятельно; в войне Польши с Орденом 1454—1466 гг. великое княжество оставалось нейтральным.

Между Польшей и великим княжеством Литовским существовали крупные противоречия по вопросу о характере государственной связи между ними. Польские феодалы добивались установления этой связи в такой форме, которая ставила бы Литовское великое княжество в подчиненное положение к Польше; литовские феодалы отстаивали независимость своего государства. Между обоими государствами остались неурегулированными взаимные территориальные притязания: со стороны Польши — на восточное Подолье (Брацлавщину) и Волынь; со стороны великого княжества Литовского — на западное Подолье и захваченные Польшей западные районы Волыни. В самом начале правления Казимира польские феодалы еще немного увеличили свою территорию за счет земель, захваченных великим княжеством Литовским: польские паны заняли северо-западную часть восточного Подолья (Меджибож, Хмельник). В переговорах о спорных землях обе стороны твердо стояли на своих требованиях. Одно время положение настолько обострилось, что грозило привести к войне (1452). До 1569 г. границы между Польшей и великим княжеством Литовским оставались такими, какими они были в начале правления Казимира; Меджибож и Хмельник находились под властью Польши.

Позиция Казимира в польско-литовских конфликтах не удовлетворяла феодалов великого княжества. Литовские паны обвиняли Казимира в том, что в польско-литовских спорах он становится на сторону Польши, так как живет большей частью в Польше. Несколько раз поднимался вопрос о разрыве личной унии с Польшей. Однако на это литовские феодалы не решились.

в) Политическая история Украины, Белоруссии и Литвы в XIV—XV вв.

В течение XIV в. произошли существенные изменения в политическом положении украинских земель.

В начале княжения Гедимина (не позже середины 20-х годов XIV в.) была оторвана от Галицко-Волынского княжества и присоединена к Литовскому Берестейско-Дорогичинская земля (северная часть Волынского княжества, по среднему течению Западного Буга).

Самой отдаленной частью западноукраинских земель была Закарпатская Украина. Еще в XI в. эти земли были захвачены венгерскими феодалами. Почти до конца XIII в. в Закарпатье существовали отдельные княжества, находившиеся в вассальной зависимости от венгерских королей. С начала XIV в., когда в Венгрии на смену династии Арпадов

пришла Анжуйская династия, в Закарпатье усилилось господство венгерских феодалов. Они уничтожили местное самоуправление, захватили лучшие земли, соорудили крупные замки, где стояли военные отряды. Население Закарпатья еще более закрепощалось. Однако оно свято хранило свой язык, культуру, веру. Против социального и национального гнета по всему Закарпатью шла упорная борьба широких трудящихся масс. Во главе восстания начала XIV в. стал ужанский жупан (староста Ужанского округа) Петр Петрович. Под его руководством украинское население несколько лет успешно боролось против венгерских и местных феодалов. Однако в 1321 г. венгерские правители сосредоточили большие военные силы и подавили восстание. Петр Петрович погиб в бою. Было истреблено большое количество населения, возрос социальный и религиозный гнет; местное управление было уничтожено. Вследствие этого многие крестьяне бежали из Закарпатья в Буковину, где развертывалась борьба против татарского ига.

В Галицко-Волынской земле, где со смертью Андрея и Льва Юрьевичей в начале 1320-х годов пресеклась династия Романовичей, несколько усилились позиции Литвы. На княжение был призван боярством племянник умерших князей, сын их сестры и мазовецкого князя Тройдена, Болеслав (принявший при переходе в православие имя Юрия). Юрий-Болеслав окружил себя иноземцами-католиками, на которых опирался в борьбе с галицко-волынским боярством. Господство в стране иноземных феодалов вызвало недовольство широких масс населения. Используя это недовольство, бояре организовали заговор против Юрия-Болеслава и в 1340 г. отравили его. Ненавистные народу правители-иноземцы были перебиты. Боярство признало князем Любарта Гедиминовича, мужа одной из волынских княжен, и, таким образом, княжество это оказалось формально под верховенством Литвы. Любарт сидел во Владимире и правил Волынью,— разумеется, при деятельном участии местного боярства. Боярское правительство в Галицкой земле, действовавшее от имени Любарта, возглавлял выдвинувшийся еще при Юрии Дмитр Дедько.

Немедленно по смерти Юрия выступили с притязаниями на галицко-волынские земли правители Польши и Венгрии, ранее условившиеся о совместных действиях. Польское войско под предводительством короля Казимира и венгерское войско одновременно вторглись в Галицкую землю. Дедько призвал на помощь татар. Узнав об этом, Казимир оставил захваченные пограничные земли и ушел в Польшу; венгры, очевидно, еще раньше его повернули обратно. Угроза татарского нашествия на Польшу заставила Казимира заключить договор с Дедьком. Польский король отказался от притязаний на Галицкую землю, Дедько обязался не вредить Польше.

В конце 40-х годов возобновилась борьба между Польшей и Литвой за галицко-волынские земли, которые Казимир III захватил «лестию», но вскоре польские захватчики были изгнаны из Волыни. В 1350 г. Казимир заключил с венгерским королем Людовиком союзный договор. По этому договору завоеванные галицко-волынские земли после смерти Казимира должны были перейти под власть венгерского короля; если же у Казимира не будет наследника, то и Польша должна перейти под власть венгерского короля.

Разжигая распри среди стран Восточной Европы и стремясь подчинить себе славянские народы, папа римский оказал большую помощь захватчикам украинских земель. Для этой войны он в 1351 г. предоставил Казимиру часть доходов католических епархий в Польше сроком на четыре года. В 1352 г. папа предложил польским епископам объявить крестовый поход против русских, литовцев, татар.

Украинский народ упорно боролся с польско-венгерскими агрессорами. В 1352 г. ополчение г. Белза нанесло большое поражение польско-венгерской армии во главе с королями Казимиром и Людовиком. Польско-венгерская армия не смогла взять этот город, героически оборонявшийся жителями, и отхлынула, понеся большой урон.

В 1352 г. между Польшей и Литвой было заключено перемирие: Галицкая земля попала под власть Польши, Волынь осталась под властью Литвы.

В захваченной таким образом Галицкой земле польское панство владело имениями, в городах усиливалось привилегированное польское и немецкое мещанство. Была создана разветвленная иерархия католической церкви. Значительная часть галицких бояр перешла на сторону завоевателей, получила от польского короля грамоты на свои старые владения и была пожалована новыми.

Одновременно венгерские феодалы стали расширять свои захваты на восток до Днестра. Когда Галиция была завоевана Польшей, Венгрия начала захватывать Молдавию и Буковину. Скоро татары были изгнаны из Поднестровья польско-венгерскими войсками; над Молдавией и Буковиной временно укрепилась власть венгерских феодалов. Воеводой над Молдавией и Буковиной был поставлен Драгош (1352—1354), а потом Сас (1354—1358). В 1359—1360 гг. под руководством воеводы Богдана там поднялось восстание местного населения, в результате которого венгерские феодалы были изгнаны, а из Буковины и Молдавии образовалось в 1365 г. Молдавское княжество, столицей которого стал г. Сучава[1]. Таким образом, Северная Буковина, населенная в основном украинским населением, с городами Хотином, Черно-

---

[1] См. гл. 5, § 4 настоящего издания.

вицами и другими оказалась в составе Молдавского княжества. Население Буковины занималось сельским хозяйством, охотой, разными промыслами в отрогах Карпат, всегда поддерживало тесную связь с жителями Подолья и Галицкого Покутья.

В 1366 г. Казимир напал на великое княжество Литовское вместе с рыцарями Тевтонского и Ливонского орденов. Он захватил Белз, Холм, Владимир. По договору 1366 г. о «вечном» мире земли Владимирская, Белзская и Холмская попали под власть Польши. В 1368—1369 гг. земли Белзская и Холмская вновь отошли от Польши. После смерти Казимира (1370) Любарт и Кейстут отняли у Польши Владимир.

После смерти Казимира вспыхнуло большое восстание против польской власти в Галицкой земле. Восстание было подавлено венгерским королем Людовиком, под власть которого, согласно договору 1350 г., перешли Галицкая земля и Польша.

В 1377 г. Людовик во главе польско-венгерской армии вторгся в Волынь. Холм был взят, Белз сдался после упорной и длительной обороны. В 1382 г. после смерти Людовика в подвластной Венгрии Галицкой и части Волынской земли вновь вспыхнуло восстание против иноземных поработителей. Лишь с помощью дополнительных войск правительству королевы Марии удалось подавить восстание. Венгерские войска были изгнаны из Кременца, Перемышля, Снятина, Лопатина и других городов[1]. Использовав феодальные усобицы в Венгрии, Ягайло в 1387 г. отнял у Венгрии галицкие и западно-волынские земли. Эти украинские земли оставались под властью панской Польши до 1772 г.

Феодальные распри в Золотой орде благоприятствовали наступательному движению Литвы на юг, на украинские земли. В Киеве с начала 30-х годов сидел князь Федор Святославич, признававший власть татар, но, повидимому, находившийся уже и в некоторой зависимости от великого князя литовского. В самом начале 60-х годов Ольгерд отнял Киев у Федора и посадил там своего сына Владимира. Это привело к открытому разрыву Ольгерда с татарами. В 1363 г. войска Ольгерда разбили татарских князьков на Синей воде, на пограничье Подолья, Киевской земли и Волыни. Эта победа закрепила присоединение к великому княжеству Литовскому Киевской земли и отдала под власть Ольгерда Подолье и Переяславскую землю. В Подолье обосновались племянники Ольгерда — Юрий, Александр и Константин Кориатовичи.

Как сообщает русско-литовская летопись, Кориатовичи «пошли в Подольскую землю с разрешения великого князя Ольгерда, с помощью

---

[1] *П. А. Иванов.* Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в. Одесса, 1895, стр. 249.

Литовской земли», они «вошли в приязнь» с атаманами, стали «оборонять Подольскую землю от татар, а баскакам дань прекратили давать»[1].

В 60-х и в первой половине 70-х годов Чернигово-Северская земля попала под власть Ольгерда. Источники не сохранили сведений о том, как происходил этот захват. Известно лишь, что Чернигов и Новгород-Северский Ольгерд отдал Корибуту, Трубчевск — другому брату Дмитрию (державшему и Брянск), Стародуб (западнее Трубчевска) и Рыльск (южнее Стародуба, за Десной) были предоставлены племяннику Ольгерда Патрикию Наримунтовичу. Восточная часть Черниговской земли (по Верхней Оке) была к тому времени раздроблена на множество мелких феодальных княжеств между потомками трех младших сыновей черниговского князя Михаила Всеволодовича (убитого в Орде в 1246 г.). К подчинению этих «верховских» княжеств своей власти стремились Москва и Рязань. Ольгерд, овладев западной частью Черниговской земли, подчинил своему влиянию также некоторые южные верховские княжества: Карачевское, Новосильское, временно — Мценское. Из верховских княжеств, расположенных севернее, некоторое время находилось в зависимости от Ольгерда княжество Козельское.

Белорусские земли еще в течение XIII — начала XIV в. попали под власть Литвы. Турово-Пинская земля, со времени Миндовга находившаяся под политическим влиянием Литвы, при Гедимине уже полностью подчинялась власти великого князя литовского; в ее стольном городе Пинске Гедимин посадил одного из своих сыновей (Наримунта-Глеба). При Гедимине было окончательно присоединено к Литовскому государству Витебское княжество. Сын Гедимина Ольгерд женился на дочери витебского князя Ярослава (1318) и по смерти тестя стал княжить в Витебске «под рукой» отца (с 1320 г.). Не позже, чем в первой половине 20-х годов власть Гедимина признали князья группы белорусских минских княжеств (называемых так по главному их городу) — минский, друцкий, лукомльский.

* * *

Задача сопротивления немецкой агрессии остро стояла перед Литвой.

В борьбе с Ливонским орденом Гедимин, как до него Витень, учитывая противоречия в рядах агрессоров, действовал в союзе с противниками Ордена в самой Ливонии и прежде всего с рижским бюргерством. Орден попрежнему постоянно нападал на литовские земли; особенно опустошительное вторжение произошло в 1322 г. Летом следующего

---

[1] ПСРЛ, т. XVII, СПб., 1907, стб. 82

года, по совету и при посредстве рижского магистрата, от Гедимина были отправлены грамоты к папе (Иоанну XII), немецким городам, торговавшим на Балтийском море (Любеку, Штральзунду, Бремену, Магдебургу и доминиканцам и францисканцам Саксонии. Гедимин заявлял о намерении креститься, обвинял Орден в том, что он своими насилиями и злодеяниями делает христианство ненавистным для населения.

Обнадеженный перспективой мирного и быстрого подчинения Литвы папскому престолу, папа потребовал от Ордена прекращения военных действий против Литвы. В октябре того же года Гедимин заключил в Вильнюсе договор с Ригой, рижской архиепископией, прибалтийскими епископами (эзельским, дерптским, ревельским) и датским управлением (Сааремаа)[1]. Орден оказался вынужденным присоединиться к договору, но всячески интриговал против Гедимина. Прибывшие в Ригу папские легаты утвердили от имени папы виленский договор 1323 г. и отправили послов к Гедимину, чтобы условиться относительно введения христианства в Литве (1324). Принимая послов, Гедимин, однако, заявил, что его намерения переданы в грамоте к папе искаженно (по вине ее составителя, францисканского монаха); он будет проявлять самую широкую терпимость в своем государстве по отношению к христианам, но сам вовсе не желает изменять вере отцов и побуждать к тому своих подданных («пусть меня сам чорт крестит, если я когда-нибудь выражал желание креститься»).

Вследствие этого Орден признал договор 1323 г. с Литвой для себя необязательным. Немедленно начались нападения с обеих сторон. Осенью 1329 г. Гедимин, по призыву Риги, совершил опустошительное вторжение в северную (правобережную) Ливонию. Орден вскоре вынудил Ригу к покорности, заключил с ней мир (1330 г.) и продолжал нападения на литовские земли. В 1338 г. между Орденом и Гедимином был заключен мир на условиях взаимной неприкосновенности владений[2].

Тевтонский орден стал ко времени Гедимина не меньшей опасностью для Литовского великого княжества, чем Ливонский. Ближайшей своей задачей в отношении литовских земель тевтонские крестоносцы, как и ливонские, ставили овладение Жемайтией. С этой целью они вторгались на территорию не только Жемайтии, но и собственно Литвы. Крестоносцы встречали энергичный отпор жемайтов и литовцев. Позиция Ордена очень усилилась в начале XIV в., когда он захватил у Польши Поморье и другие земли.

Польша и Литва искали сближения для борьбы с общим врагом. В 1325 г., когда король Владислав Локоток готовился к большой

[1] «Русско-ливонские акты», № 58, стр. 35—37.

[2] Там же, № 83, стр. 67—69.

войне с Орденом для возвращения отторгнутых земель, между Польшей и Литвой был заключен оборонительно-наступательный союз, скрепленный браком дочери Гедимина Альдоны с королевичем Казимиром (король с 1333 г.).

В первый же год войны (1326) войска Гедимина (под начальством белорусского воеводы — городенского старосты Давыда) приняли участие в походе Владислава Локотка против Ордена в Бранденбург; в последующие годы литовцы помогали Польше в борьбе с вторжениями Ордена. Орден, совместно с его союзником, чешским королем Яном Люксембургским, ответил на помощь литовцев полякам большим походом на Литву в 1329 г. Перемирие с Орденом (1332) положило конец совместным военным действиям Литвы и Польши, а остро вставший в конце княжения Гедимина вопрос о судьбах Галицко-Волынского княжества вызвал разрыв между ними (1340).

Гедимин стремился распространить свое влияние на русские и украинские земли, лежавшие за пределами великого княжества Литовского. Князь, сидевший тогда в Киеве, подвластном татарам, находился вместе с тем и в некоторой зависимости от Гедимина. Смоленский князь с середины 20-х годов XIV в. занимал по отношению к Гедимину положение зависимого союзника.

При Гедимине наметилась одна из существенных линий антимосковской политики по отношению к северо-восточной Руси, которая проводилась Литовским великим княжеством в течение более чем полутораста лет,— линия союза с Тверью. Брак дочери Гедимина Марии с тверским великим князем Дмитрием Михайловичем (1319) — одно из первых свидетельств этой политики. Политика наступления на русские земли не отвечала национальным интересам Литвы, ослабляла ее борьбу за защиту и возвращение западнолитовских земель, захваченных немецким Орденом.

Настойчиво стремился Гедимин поставить в зависимость от Литвы Псковскую и Новгородскую феодальные республики. Начало политическому влиянию Гедимина во Пскове положила крупная военная помощь, оказанная отрядом Давыда городенского псковичам против ливонских немцев (1323 г.), которые пытались захватить восточное побережье Чудского озера. Ливонские рыцари были разбиты и вынуждены заключить мир «по псковской воли по всей»[1].

Пытаясь утвердиться в Новгородской Руси, Гедимин предпринимал вторжения на ее территорию (1323), а также оказывал дипломатическое давление на Новгород, особенно после гибели в Орде

---

[1] «Псковские летописи», вып. 1, М.—Л., 1941, стр. 15—16.

московского князя Юрия Даниловича (1325)[1]. Однако вскоре он встретил отпор со стороны Московского княжества. В 1327 г. новгородцы приняли наместника нового московского князя Ивана Даниловича, и зависимость Новгорода от Москвы была восстановлена.

Поскольку Гедимину не удалось поставить в подчиненное положение Новгород вместе со Псковом, он с этих пор стремился оторвать Псков от Новгорода; чтобы подчинить себе Псков, он поддерживал сепаратистские действия псковских бояр. В 1331 г. был восстановлен на псковском княжении враждебный Москве тверской князь Александр Михайлович. «Плесковици изменили крестное целование к Новуграду, посадили собе князя Александра из литовскыя рукы»,— отметил новгородский летописец[2]. В том же году Гедимин добился от новгородских бояр признания за своим сыном Наримунтом «прав» на потомственное управление северными новгородскими пригородами с их округами (Ладога, Ореховый городок, Карельский городок, половина Копорья).

Вслед за тем Гедимин вмешался в церковно-иерархические отношения между Псковом и Новгородом. Он поддерживал, в частности, неудавшееся ходатайство Пскова перед митрополитом об организации особой епископии.

Наступившее в конце 1332 — начале 1333 г. «размирье» Новгорода с Иваном Калитой побудило новгородских боярских правителей искать сближения с Литвой. Иван Калита в начале 1335 г. восстановил мир с новгородцами «по старой пошлине новгородчкой и по ярославлим грамотам»[3]. В 1340—1341 гг. столкновения с Литвой имели место у Смоленска[4], попавшего в зависимость от Литвы, и у Можайска, с честью выдержавшего набег войск Ольгерда.

* * *

Политическое единство Литвы просуществовало менее столетия. По смерти Гедимина (1341) основная территория великого княжества Литовского, т. е. собственно Литва и Черная Русь, была поделена между его пятью сыновьями. Старший, Монивид, получил Кернов в Литве и Слоним в Черной Руси; Ольгерд — Крево; Кейстут — Трокай и Городно; Кориат (Михаил) — Черную Русь, кроме Слонима, с ее политическим центром — Новгородком; Явнут — столицу Вильнюс, также Ошмяну, Вилькомир, Бреславль-Литовский. Явнуту передал Гедимин

---

[1] См. гл. 1, § 8 настоящего издания.
[2] НПЛ, стр. 343.
[3] Там же, стр 345—346, 350.
[4] См. гл. 1, § 8 настоящего издания.

и великокняжеское достоинство, «посадил его на великом княжении»[1]. Вне указанной основной территории Наримунт княжил в Пинске, Ольгерд — в Витебске, Кейстут получил Жемайтию и Берестейско-Дорогичинскую землю; мелкие князья, остававшиеся на своих столах в Минской земле, находились под властью Явнута как великого князя; Любарт княжил на Волыни. В Полоцке сидел, вероятно, сын Воина — Любко.

Явнут (1341—1345) был номинальным главой государства. Источники, относящиеся к этому времени, упоминают из литовских феодальных князей на первом месте Ольгерда и Кейстута. Под властью Кейстута находились все западные земли государства; его усилия были сосредоточены на обороне страны от немецкого агрессора. Ольгерду была подчинена обширная территория: восточная часть Литвы и прилегавшее к ней Витебское княжество. Вклинившееся в эту территорию Полоцкое княжество стояло в зависимости от Ольгерда; очень скоро он посадил на освободившийся полоцкий стол своего сына Андрея. Стремясь упрочить свое влияние в Пскове, Ольгерд в 1342 г. оказал ему силами литовских, витебских и, вероятно, полоцких полков помощь против войск ливонского магистра Бурхарда фон Дрейлевена, осадившего Изборск.

Опираясь на поддержку части псковского боярства, Ольгерд предложил Пскову в князья Вингольта. Вингольт был крещен, принял имя Андрея, и псковичи посадили его на княжение, «надеющися помощи от Ольгерда»[2]. «Предашася плесковици Литве, отвергшеся Новаграда и великого князя»,— так определяет новгородская летопись события 1342 г. во Пскове[3]. Вскоре Андрей, сохраняя за собой Псков, был посажен Ольгердом и в Полоцке.

К середине 40-х годов усилилась опасность, тяготевшая над великим княжеством Литовским со стороны Тевтонского и Ливонского орденов. Тевтонский орден закончил длительную войну с Польшей выгодным миром 1343 г. и готовился к новому наступлению на литовскую землю — Жемайтию. На границе с Жемайтией немцы частью восстановили, частью вновь соорудили сильные крепости. В начале 1345 г. в Пруссии собрались большие вооруженные силы, прибывшие из Германии; прибыли также король чешский (Ян) и венгерский (Людовик) со своими отрядами; вторжение намечалось на весну. Ливонский орден перед тем был поставлен в трудное положение большим восстанием эстов в 1343 г. («восстание Юрьевой ночи»); направленное против датских феодалов,

[1] ПСРЛ, т. XVII, стб. 71.
[2] «Псковские летописи», вып. 1, стр. 19.
[3] НПЛ, стр. 354.

владетелей Эстонии, оно создало серьезную угрозу и немецкому господству в Ливонии; но к 1345 г. восстание было подавлено [1], и Ливонский орден также был готов к борьбе с Литвой.

В такой напряженной внешнеполитической обстановке Ольгерд и Кейстут устранили великого князя Явнута (в начале 1345 г.). Тесный союз Ольгерда и Кейстута должен был обеспечить повиновение им других князей. Вильнюс со всей тянувшей к нему центральной частью Литвы поступил под непосредственную власть великого князя Ольгерда. Ольгерд и Кейстут обязались быть до конца жизни в союзе, новые приобретения «делити на полы»[2]. Достигнутое укрепление единой государственной власти, видимо, соответствовало интересам основной массы литовских, а также белорусских феодалов; тесный союз Ольгерда и Кейстута привел к усилению внешнеполитической активности Литвы.

Поставив в зависимость Псков (1342), Ольгерд сделал попытку воспрепятствовать укреплению московского влияния в Новгороде. В 1346 г. он предпринял поход к Новгороду, взял Шелонскую область и Лугу «на щит», с Порховского городка и Опоки взял «скуп»[3]. Новгородцы вынуждены были заключить с Ольгердом мир, но расчеты Ольгерда на ослабление зависимости Новгорода от Москвы не оправдались, а его происки в Орде, где он в 1348 г. пытался разжечь конфликт между золотоордынским ханом Джанибеком и Русью, были пресечены правительством Семена Ивановича. В 1349 г. Ольгерду пришлось отправить в Москву послов «с многими дары», он «просяще мира... и многое сребро отложил»[4]. Примирение с Москвой, несомненно, сопровождалось отказом Ольгерда от поддержки Смоленска против Москвы. В тесной связи с этим дипломатическим поражением литовского правительства стоит и разрыв с ним Пскова (1349).

Заключение мира 1349 г. не предотвратило острой дипломатической борьбы между литовским и московским правительствами по вопросу церковно-политических отношений, имевших существенное значение в политике обоих государств. Ольгерд рассчитывал получить у константинопольского патриарха право на организацию самостоятельной митрополии, однако в конечном итоге потерпел неудачу, и литовская церковь осталась в подчинении митрополита «всея Руси» (1363).

В середине 50-х годов XIV в. Ольгерд приступил к захватам в Смоленской земле. Литовские гарнизоны появляются (1355 г.) в г. Белой и Ржеве (город на границе владений смоленских, тверских и москов-

[1] См. гл. 5, § 2 настоящего издания.
[2] ПСРЛ, т. XVII, стб. 72.
[3] НПЛ, стр. 358.
[4] ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 96.

ских). Захваты вызвали разрыв Ольгерда со Смоленском. В ближайшие годы Ольгерд «нача обладати» Брянском (принадлежавшим с начала XIV в. князьям, происходившим из Смоленска)[1].

Литва захватила важный центр Мстиславль (1359), а также Родню и Хорвач (1368), таким образом, окружив центральную часть Смоленской земли с севера и юга. Смоленский князь Святослав Иванович вынужден был восстановить прежние зависимые отношения Смоленска к Ольгерду: «смоленская сила» участвовала в походах Ольгерда на Москву в 1368 и 1370 гг.[2]; смоленские отряды стали вновь принимать участие в борьбе Литвы с Орденом.

В то время Московское великое княжество еще не имело сил отстоять независимость украинских и белорусских земель от иноземного господства. Но оно все решительнее пресекало попытки литовских князей утвердиться в русских землях.

Ольгерд вмешивался в тверские отношения, стремясь воспрепятствовать дальнейшему усилению великого княжества Московского: он использовал конфликт 1368 г. между Москвой и великим князем тверским Михаилом Александровичем[3]. Война затянулась до 1372 г.

Литовские войска Ольгерда трижды вторгались в пределы Московского княжества. Во время первого внезапного набега осенью 1368 г., в котором участвовали Кейстут с сыном Витовтом и «вси князи литовстии», он, опустошив пограничные местности, подступил к Москве.

Встретив героический отпор москвичей, Ольгерд увидел, что его силы недостаточны для длительной осады в зимних условиях, и, простояв около города «три дни и три нощи», пошел обратно[4].

В конце ноября 1370 г. Ольгерд с большим войском снова появился в московских пределах. С ним шли Кейстут и «прочие князи литовстии», Михаил Александрович тверской, Святослав смоленский. После безуспешной попытки взять Волок-Ламский Ольгерд 6 декабря подошел к Москве. Но Москва встретила его во всеоружии[5]. Простояв у Москвы десять дней, Ольгерд был рад возможности заключить перемирие. Возвращаясь, его войска шли «с многим опасением, озираясь и бояся за собой погони»[6]. В апреле 1372 г. большая литовская рать, на этот раз под предводительством Кейстута и Андрея Ольгердовича полоцкого, вновь внезапно вторглась в московские пределы; в ее состав

---

[1] ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 228.
[2] Там же, т. XVIII, стр. 108, 110.
[3] См. гл. 2, § 6 настоящего издания.
[4] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 107—109.
[5] См. гл. 2, § 6 настоящего издания.
[6] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 109—110.

входили, по сообщению летописи, и жемайты, были в ней и «ляхи» (поляки). Михаил с тверичами взял Дмитров, разорил Торжок, литовское войско сожгло посад Переяславля, захватило Кашин.

Летом Ольгерд предпринял свой третий поход к Москве. Московское правительство имело возможность заблаговременно и хорошо подготовиться к отпору и не допустило врага к столице, остановив его у Любутина, где сторожевой полк Ольгерда был разбит. Несколько дней спустя противники «взяша мир промежу собою и разоидошася разно»[1].

Договором 1372 г. был положен конец московско-литовской войне. Михаил тверской, лишенный литовской поддержки, временно прекратил борьбу. Перед новой попыткой взять верх над Москвой Михаил ездил к Ольгерду (1375), но помощи не получил. В переговорах под Тверью в 1375 г. Михаил отдался «в всю волю великому князю» Дмитрию Ивановичу[2].

Внутренние национальные противоречия, постоянно все нарастая, проявлялись в Литве. Когда в 1377 г. умер Ольгерд, передав сыну Ягайлу великокняжеский стол, против нового князя выступил один из сыновей Ольгерда от первого брака, Андрей полоцкий. Зимой 1377—1378 гг. Андрей оставил Полоцк и отправился в Москву, к Дмитрию Ивановичу. В Москве Андрей нашел поддержку, и московские войска были двинуты против Литвы. Зимой 1379—1380 гг. большая рать под начальством Владимира Андреевича серпуховского и с участием Андрея Ольгердовича вторглась в Новгород-Северскую землю. Были взяты Трубчевск, Стародуб. Брат Андрея Дмитрий, княживший в Брянске и Трубчевске, сдал Трубчевск без боя, приехал с семьей и боярами в Москву, был принят на службу и получил в держание Переяславль[3]. Поход этот не дал Москве территориальных приобретений, но обнаружил непрочность позиций Литвы в украинско-белорусских землях.

Продолжая антимосковскую политику своих предшественников, Ягайло заключил союз с Ордой, договор с Орденом и соглашение с Олегом Ивановичем рязанским. В августе 1380 г. Ягайло выступил с большим войском на соединение с Мамаем. В день Куликовской битвы Ягайло стоял примерно на расстоянии дня пути от Непрядвы.

В Куликовской битве принимали участие выходцы из Чернигово-Северской земли под предводительством брянского князя Дмитрия. Во время битвы особенно отличился Дмитрий Боброк Волынский, который был воеводой московского князя.

---

[1] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 113.
[2] ДДГ, № 9, стр. 25—28; ср. НПЛ, стр. 373.
[3] ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 200—201.

* * *

Победа русских войск на Куликовском поле серьезно изменила внешнеполитическое положение Литвы на востоке и укрепила авторитет Москвы в русских, украинских и белорусских землях, подчиненных Литве.

Вскоре Ягайло сделал попытку утвердиться в Полоцке, послав туда брата, Скиргайла, но полочане воспротивились его вокняжению. Полоцк отложился от Литвы. Осенью 1381 г. Ягайло отправил Скиргайла с большим войском, чтобы принудить Полоцк к покорности. Осада города затянулась, а затем была снята, когда пришло известие о захвате в ноябре 1381 г. Вильнюса и великокняжеского стола Кейстутом. Новый великий князь оставил за Ягайлом Крево и Витебск. Андрей Ольгердович получил возможность вернуться на княжение в Полоцк.

В следующем году, когда Кейстут отправился в поход против князя новгород-северского Дмитрия-Корибута, отказавшего ему в повиновении, Ягайло вновь овладел столицей и всей центральной территорией великого княжества (июль 1382 г.). Кейстут, вернувшись с войском в Литву, начал борьбу против Ягайла, но успеха не имел. Приглашенный Ягайлом в Вильнюс для переговоров, он был схвачен, заточен в кревском замке и удушен. Его сын Витовт бежал в Пруссию и заключил договор с Орденом. За помощь в овладении Литвой он отказывался в пользу Ордена от Жемайтии. Летом 1383 г. Орден объявил о расторжении мира с Ягайлом и начал военные действия.

Власть Ягайла находилась в 1383—1384 гг. в шатком положении. В лице Витовта Кейстутовича, которого поддерживал Орден, выступил весьма опасный соперник; в самой Литве было много сторонников сына Кейстута. В Полоцке сидел враждебный Ягайлу Андрей. Союз с Мамаем сильно дискредитировал Ягайла в украинских и белорусских землях великого княжества, а Куликовская победа высоко подняла престиж московского князя и усилила тяготение украинского и белорусского населения Литвы к Руси. В такой обстановке возник вопрос о польско-литовской унии.

Социальные и политические противоречия ослабляли Литву. Настойчиво стремясь сохранить свое господство в украинских и белорусских землях, литовские феодалы избегали прочного соглашения с Русью; зачастую, предавая национальные интересы страны, заключали союзы с Орденом. За счет интересов украинского и белорусского народов они искали опоры своей власти в польских королях. Польское панство шло им навстречу.

В Польше со смертью короля Казимира (1370), не оставившего сыновей, прекратилась династия Пястов. Польское государство соединилось с Венгрией под властью венгерского короля Людовика, племянника Казимира. По смерти Людовика польско-венгерская уния прекратилась (1382). Кандидатура его дочери Марии, ставшей венгерской королевой, не была принята в Польше. На королевство польское была избрана младшая дочь Людовика — Ядвига (1383).

У польских панов возник план соединения великого княжества Литовского с Польшей в одно государство путем брака Ядвиги с великим князем литовским Ягайлом, который стал бы, как муж королевы, и королем польским. Осуществление этого плана дало бы Польше крупные силы для борьбы с Орденом и другими внешними врагами, могло намного увеличить вес Польши в международных отношениях. Оно открывало широкие просторы украинских земель для алчных польских феодалов; предоставляло широкую арену для деятельности польского духовенства, для усиленного проникновения агентов папской курии.

На это же время приходится возникновение и обсуждение проекта литовско-московской династической комбинации[1]. Этот проект возник в среде тех феодалов, которые понимали губительные последствия антинациональной политики литовских князей, шедших на сговор с врагами Литвы и Руси — татарами и Орденом. Предполагался брак Ягайла с дочерью Дмитрия (вероятно, Софьей). Ягайло должен был «быти в воле» тестя и матери; политически это означало, конечно, подчинение именно великому князю московскому Дмитрию Ивановичу; иными словами, предполагалась уния великого княжества Литовского с Русью, притом великое княжество Литовское ставилось в подчиненное положение по отношению к Руси. По условию унии православие должно было стать государственной религией Литвы. Намечавшаяся уния ставила Ягайла в зависимость от Руси; но вместе с тем она должна была значительно укрепить его власть в Литовском великом княжестве.

Проект литовско-московской династической унии остался не реализованным. Он возник и обсуждался в то время, когда шла напряженная борьба Ягайла с Витовтом и Орденом, когда и польско-литовская уния представлялась сомнительной. Во второй половине 1384 г. обстановка значительно изменилась. Отпала угроза со стороны Витовта: Ягайлу удалось склонить его к примирению. Витовт резко порвал отношения с Орденом, вернулся в Литву и получил часть владений отца —Городно

[1] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I, М.—Л., 1948, стр. 51 и 207—208

с областью и Берестейско-Дорогичинскую землю. Польская ориентация в литовской политике решительно возобладала над московской. 14 августа 1385 г. в Крево Ягайло, в присутствии польских послов, выдал грамоту [1], в которой обязывался, после получения польской короны и руки Ядвиги, принять католичество вместе с братьями и всеми еще не крещенными подданными; навсегда присоединить свои земли как литовские, так и украинские и белорусские, к короне Польской; расходовать свою казну на нужды Польши; способствовать возвращению отторгнутых от Польши земель.

Ягайло принимал эти обязательства вместе с присутствовавшими братьями Скиргайлом, Корибутом, Лингвением и Витовтом Кейстутовичем и от лица отсутствовавших князей. На польском сейме в Люблине в 1386 г. Ягайло был единогласно избран королем Польши; после крещения он был обвенчан с Ядвигой и коронован.

В то время как в Кракове торжественно оформляли и праздновали заключение польско-литовской унии, в великом княжестве Литовском, в белорусских землях, началось движение, направленное к свержению Ягайла и срыву унии, — выступление Андрея полоцкого. Подготовляя выступление, Андрей, чтобы заручиться содействием Ордена, признал себя его вассалом (договор 9—10 октября 1385 г.). По существу движение Андрея полоцкого было известным выражением протеста населения белорусских земель великого княжества против угрозы польского господства. В качестве союзника Андрей привлек смоленского князя Святослава Ивановича. В феврале 1386 г. Андрей открыл военные действия и занял Лукомль. Святослав смоленский занял Мстиславль. Ягайло, однако, сумел подавить выступление этих князей. Скиргайло, спешно присланный им из Кракова, отразил нападение Андрея и заставил его удалиться в Полоцк. Святослав смоленский потерпел поражение под Мстиславлем и погиб. Скиргайло осадил и взял Полоцк (конец 1386 или начало 1387 г.); захваченного в плен Андрея отправили в Польшу, где он провел несколько лет в заточении. В Полоцке вокняжился Скиргайло. В Смоленске был посажен на княжение сын Святослава Юрий, обязавшийся быть покорным Ягайлу.

Осенью 1386 г. Ягайло прибыл в Литву, и вскоре было начато массовое крещение литовцев. Чтобы расположить литовскую знать к принятию католичества, Ягайло выдал 20 февраля 1387 г. привилей на «вольности и права», предоставляемые литовским «рыцарям или боярам» (armigeriy sive bojaris) — тем, которые приняли или впредь

---

[1] «Monumenta medii aevi historica, res gestes Poloniae illustrantia», т. II, 1876, N 3.

Замок Витовта на острове Трокай, XIV в.

примут католическую религию[1]. За ними было признано право неотъемлемого владения и свободного распоряжения наследственными имениями, право свободно — без вмешательства государственной власти — выдавать замуж дочерей и родственниц. Их имения освобождались от каких-либо работ на государство и государя, кроме постройки и укрепления замков. Отправление военной службы и несение связанных с ней расходов оставались обязательными «согласно стародавнему обычаю».

Ягайло хотел найти поддержку своей политики и в населении «столичного» города Вильнюса, которому предоставил право городского самоуправления (магдебургское право), правда, еще весьма не отчетливо сформулированное, оставив пока суд в ведении великокняжеского старосты (1387).

По смыслу кревских обязательств 1385 г. все земли великого княжества Литовского становились областями Польского королевства. Предусматривалась, собственно, не уния двух государств, не объединение их на началах равноправности, а включение великого княжества в королевство Польское, т. е. прекращение существования великого княжества как государства. Таков был буквальный смысл акта, и так смотрели на дело польские феодалы. Если в среде литовских феодалов не было поддержано выступление князя Андрея полоцкого, то вскоре, когда польских феодалов стали назначать на должности в великом княжестве, настроение литовских феодалов изменилось. По свидетельству «Летописца великих князей Литовских», негодование в среде литовских феодалов вызвало назначение (1389) польского пана наместником столицы великого княжества[2].

* * *

Началась новая феодальная война, содержанием которой была уже борьба за самостоятельность Литвы. Возглавил движение Витовт Кейстутович. После неудавшейся попытки захватить Вильнюс, Витовт вновь заключил союз с Орденом и при его поддержке продолжал борьбу за овладение великим княжеством. К тому же времени относится сближение Витовта с Московским княжеством; он отдал дочь (Софью) за великого князя Василия Дмитриевича (1391). Население собственно Литвы и Жемайтии помогало войскам Витовта, снабжало их продовольствием, участвовало в их нападениях на войска противника, истребляло расставленные по городам польские гарнизоны. Движение, начатое Витовтом и его сторонниками, выражало борьбу отдельных

[1] «Zbiór praw litewskich (Dzialynski)», Poznań, 1841, стр. 1—2.
[2] ПСРЛ, т. XVII, стб. 79.

групп феодалов за земли, но оно переросло эти рамки и стало приобретать характер народной борьбы против польской агрессии. Польское правительство и Ягайло были вынуждены пойти на уступки. Летом 1392 г. правительство Витовта разорвало с Орденом. В августе состоялся съезд в Острове, в котором участвовала, кроме Ягайла и Витовта с их советниками, Ядвига как представительница интересов Польского королевства. По заключенному соглашению Ягайло возвратил Витовту все его наследственные владения (Троки, Городно, Берестье) и придал к ним землю Луцкую. Он назначил Витовта пожизненным правителем великого княжества Литовского в качестве своего наместника (без титула великого князя). Грамотой от 5 августа Витовт обязался за себя и всех своих наследников хранить верность королю, королеве и польской короне[1]. Витовт остался в вассальной зависимости от польского короля, так как литовская феодальная знать, поддерживавшая его, не шла на разрыв с Польшей. Она искала поддержки польских панов как для борьбы с Тевтонским орденом, так и для укрепления своего господства в белорусских и украинских землях.

Результатом Островского соглашения явилось усиление власти литовских феодалов в украинских и белорусских землях. В ближайшие годы по заключении Островского соглашения Витовт, опираясь на литовских феодалов великого княжества и пользуясь некоторой поддержкой Ягайла, осуществил в широком масштабе м роприятия, направленные к укреплению центральной литовской власти в украинских и белорусских землях. Все Гедиминовичи, сидевшие по крупным княжествам в русских землях, были сведены со своих столов; княжества превратились в области, непосредственно подчиненные власти Витовта и управляемые его наместниками. У Скиргайла Ольгердовича был отобран Полоцк; у Свидригайла Ольгердовича — Витебск; у Дмитрия-Корибута Ольгердовича — Новгород-Северский; у Федора Любартовича — Волынь. Из Подолья был изгнан Федор Кариатович. После нескольких военных столкновений он был разбит, с частью войск бежал в Закарпатскую Украину и там долгое время управлял Мукачевским округом под властью венгерского короля. Восточную часть Подолья (Браславщину) Витовт оставил за собой и поручил своим наместникам, западную (с центром в Каменце) уступил Ягайлу, и тот отдал ее в держание «на княжеском праве» одному из польских вельмож (Спытку Мелштинскому, воеводе краковскому). Киевскую землю, отобранную у Владимира Ольгердовича, получил Скиргайло взамен Полоцка, а по смерти Скиргайла (1397) туда были посланы наместники Витовта. Было упразднено (1395) и Смоленское княже-

---

[1] «Monumenta historica Poloniae», т XIV, 1894, арр. № 1.

ние, на котором до тех пор сидел русский князь, — его также сменил княжеский наместник.

Во время ликвидации Витовтом местной княжеской власти на Украине тамошнее население враждебно отнеслось к литовским захватчикам. Везде Витовт встречал сопротивление, особенно на Киевщине. На протяжении 1392—1394 гг. Киевское княжество не признавало власти Витовта.

Упраздняя местные княжения в русских, украинских и белорусских землях, Витовт действовал очень осторожно по отношению к феодалам. Только с теми, кто пытался оказать ему сопротивление, он расправлялся беспощадно. Замена князей наместниками не наносила заметного ущерба участию нелитовских феодалов в управлении княжествами. При наместнике сохранялся совет признавших власть Витовта крупнейших бояр, действовавших при князе; должности на местах раздавались местным же боярам. Но в общегосударственном масштабе упразднение местных княжений вело к большему повышению политического значения собственно литовских бояр.

Тевтонский орден ответил на Островское соглашение Витовта с Ягайлом в 1392 г. несколькими разорительными вторжениями в Литву. Летом 1394 г. магистр Конрад фон Юнгинген предпринял большой поход в Литву, осадил Вильнюс. Столица с успехом выдержала осаду, поход кончился неудачей. После этого завязались переговоры о мире.

Вскоре значительно усложнились польско-литовские отношения. Витовт действовал все более независимо от Польши; уже с середины 90-х гг. в сношениях с ней он стал именовать себя великим князем. В начале 1398 г. королева Ядвига, по настоянию польского правительства, прислала Витовту грамоту с требованием уплатить дань с русских земель великого княжества на том основании, что эти земли были отданы ей Ягайлом. Требование было важно не столько в материальном, сколько в политическом отношении; его выполнение должно было символизировать подданство Витовта и великого княжества Польше. Требование было встречено Витовтом и феодалами великого княжества с крайним раздражением.

Пытаясь сохранить и расширить свои владения за счет русских земель и в то же время отстоять самостоятельность великого княжества от притязаний Польши, весной 1398 г. Витовт заключил тайный договор с Орденом; 12 октября того же года договор был подтвержден уже открыто на съезде Витовта с обоими магистрами, великим и ливонским, на острове Салине (на нижнем Немане). Важнейшими пунктами договора были: уступка Витовтом Ордену Жемайтии и некоторое содействие с его стороны в утверждении власти Ордена над нею (помощь в устройстве двух укреплений); помощь Витовта Ордену

в овладении Псковом; помощь Ордена Витовту в овладении Новгородом. Ордену открывалась дорога на Псков; великий же князь литовский ценой потери Жемайтии и отказа от Пскова рассчитывал подчинить своей власти Новгород.

В назревшем остром конфликте с Польшей Витовт, во-первых, стремился не только обезопасить великое княжество от ударов с тыла, со стороны Ордена, но и обеспечить себе благожелательный нейтралитет последнего. Во-вторых, Витовт рассчитывал сконцентрировать свои вооруженные силы для завоевания Причерноморья; история показала, что Витовт ошибся в своих расчетах, прежде всего недооценив силу Московского великого княжества (см. ниже).

Весной 1399 г. Витовт отозвал из Пскова литовского наместника Ивана Андреевича и тем засвидетельствовал готовность выполнить обязательство перед Орденом, касавшееся Пскова. Тогда же Витовт послал «разметную» грамоту Новгороду; он обвинял новгородское правительство в отказе от ранее данного обязательства признать его великим князем [1].

Московское правительство, которое проявляло до тех пор большую терпимость к актам агрессии Литвы на востоке, на этот раз, когда дело шло о прямом завоевании Новгорода Литвой, поступило решительно. Василий Дмитриевич московский заключил с Михаилом Александровичем тверским договор, направленный против Витовта, принял меры по оказанию помощи Новгороду и Пскову в усилении обороны, и оба князя объявили Витовту войну.

Вместо завоевательной войны с Новгородом Витовт неожиданно очутился перед перспективой борьбы с соединенными силами Москвы, Твери, Новгорода и их союзников. Это заставило его изменить свои планы и в первую очередь попытаться овладеть Причерноморьем.

Задаче распространения литовского владычества на южные степи, подвластные татарам, и утверждения на черноморском побережье благоприятствовали феодальные усобицы, раздиравшие Золотую орду. Намерением Витовта было вновь посадить Тохтамыша, нашедшего убежище в Киевской земле [2], на ханство и через него как своего вассала подчинить золотоордынские земли великому княжеству. Уже в 1397—1398 гг. Витовт совершил большой поход в причерноморские степи, завладел низовьями Днепра и поставил там каменные укрепления под названием Города св. Иоанна.

Решающий поход был приурочен к лету 1399 г. Силы собрались весьма значительные: к войскам Витовта присоединились польские

---

[1] НПЛ, стр. 393.

[2] См. гл. 1, § 9 настоящего издания.

отряды, татары Тохтамыша, немцы, присланные великим магистром Ордена, отряд волошского господаря (ленника Ягайла). На берегах р. Ворсклы произошла встреча с войсками Тимур-Кутлуга. Хан, устрашенный явным превосходством сил Витовта, завязал с ним переговоры, предлагал мир, соглашался на уплату дани с Орды. Подоспевший в это время со своими войсками Едигей отверг какие-либо уступки литовскому князю и сам предъявил Витовту унизительные требования. Битва 12 августа завершилась полным разгромом войск Витовта. В числе погибших литовских князей были участники Куликовской битвы Андрей полоцкий, его брат Дмитрий (бывший князь брянский). Преследуя остатки войска противника, татары опустошили Киевскую землю и Волынь. Украинское население везде оказывало татарам упорное сопротивление. Татары не смогли овладеть киевским замком, во многих местностях потерпели неудачу и отступили.

Военная катастрофа на Ворскле ясно обнаружила, что не Литва, а Русь является оплотом борьбы народов Восточной Европы с татаро-монгольским игом. С Новгородом был заключен мир «по старине» (осенью 1400 г.)[1]. Восстановились и мирные отношения с Москвой.

Неудачу ошибочной политики Витовта использовали польские паны. Витовт обратился к поддержке Польши. Польское правительство теперь считало недостаточным соглашение только с Витовтом; ради большей прочности унии оно хотело привлечь к договору и влиятельнейших бояр великого княжества. На созванном с этой целью в Вильнюсе съезде бояр (главным образом литовских, в небольшом числе — русских) Витовт грамотой от 18 января 1401 г. подтвердил обязательства, принятые в 1392 г., обещал «неотступно стоять» при королевстве Польском и вновь заверил, что по его смерти великокняжеская власть и все земли великого княжества перейдут к Ягайлу или его преемникам и к короне польской[2].

Бояре — участники съезда — грамотой от того же дня приняли обязательства по отношению к Польше и королю Ягайлу за себя, за бояр и все население литовских и нелитовских земель великого княжества[3]. В грамоте польских панов, принятой (в марте) в Радоме, оговаривалось, что в случае смерти Ягайла без наследников поляки не выберут короля без ведома и совета Витовта и литовцев и что великое княжество Литовское останется за Витовтом пожизненно[4].

По заключении виленско-радомской унии 1401 г. Витовт изменил политику по отношению к Ордену; на очередь было поставлено возвраще-

---

[1] НПЛ, стр. 396.
[2] «Monumenta historica Poloniae», т. VI, 1882, № 233.
[3] Там же, № 234.
[4] «Codex diplomaticus Poloniae», т. I, 1847, № 151.

ние Жемайтии, только что захваченной (1399—1400) Орденом. В Жемайтии вспыхнуло восстание против немецких поработителей (13 марта 1401 г.); для Ордена не было тайной, что восстание, если и не было прямо подготовлено Витовтом, то поддерживалось им. Осенью 1401 г. началась война между великим княжеством и Орденом. Несмотря на польскую помощь, Витовту не удалось добиться успеха. По договору, заключенному Орденом с Ягайлом и Витовтом в Ряцянже 22 мая 1404 г., Жемайтия осталась за Орденом.

С началом войны между великим княжеством Литовским и Орденом совпало крупное событие на востоке государства: осенью 1401 г. Смоленск отложился от великого княжества. Это было прямое следствие внешнеполитических неудач литовского правительства. Смоленский князь Юрий Святославич с зятем Олегом Ивановичем рязанским явились к Смоленску; в городе «бысть в то время мятеж и крамола, овии хотяху Витовта, а друзии отчича своего». В городе поднялось восстание «черных людей» против феодального гнета. Антифеодальное движение носило национальный характер. Используя выступление масс горожан, сторонники Юрия взяли верх, наместник Витовта князь Роман брянский и его бояре были убиты, сторонники Витовта из среды смоленских бояр также подверглись избиению, а «князь Юрьи взя Смоленск и седе в своей отчине». Витовт вскоре же с крупными силами приступил к Смоленску. Город с успехом выдержал тяжелую, с применением пушек, осаду. Отвлекаемый войной с немцами, Витовт примирился на время с утратой Смоленска и заключил с Юрием мир по старине. Весной 1404 г. Витовт вновь осадил Смоленск. В течение семи недель он тщетно старался овладеть городом.

По уходе Витовта Юрий отправился в Москву, «бил челом» Василию Дмитриевичу, «служити даючися ему со всем своим княжением», но московский князь еще не имел достаточных сил для решительной борьбы с Литвой. В отсутствие Юрия Витовт снова подступил к Смоленску. Оставшиеся в осажденном городе литовские сторонники содействовали тому, что на этот раз сопротивление не было продолжительным, город, истощенный голодом, сдался. Витовт посадил в город и по волостям своих наместников, а бояр — сторонников Юрия, частью истребил, частью разослал по разным местам[1].

Вновь овладев Смоленском, Витовт возобновил агрессию, направленную на дальнейшее расширение владений литовских феодалов за счет русских земель, и прежде всего обратил ее против Пскова. В феврале 1406 г. Витовт без объявления войны вторгся в пограничные псковские

---

[1] ПСРЛ, т. XVII, стб. 49—50; т. XXV, стр. 231—232.

волости. В Пскове сидел наместником ставленник Москвы (князь Даниил Александрович, с 1402 г.); с Новгородом Псков был связан «вечным миром» (1397). Псковичи и новгородцы «много молили» Василия Дмитриевича московского о помощи, и он «разверже мир» с Витовтом «за псковичь», «псковские ради обиды» [1].

Трехлетняя московско-литовская война (1406—1408) велась обеими сторонами с большой осторожностью. Дважды главные рати противников предпринимали встречные походы, сходились (в августе—сентябре 1406 г.— у р. Плавы, в сентябре 1407 г. — у г. Вязьмы) и, постояв «немного дней» одна против другой, заключали перемирие. В третью кампанию (в сентябре 1408 г.) противники встретились у р. Угры, где тогда же был заключен «мир по давному». С Новгородом Витовт заключил мир еще летом 1407 г.; на новгородских пригородах сел Лингвений-Семен Ольгердович. С Псковом Витовт заключил мир летом 1409 г., очевидно, отказавшись от своих притязаний: вскоре туда прибыл князь «из руки» Василия Дмитриевича московского. Таким образом, московское правительство твердо защищало северо-западные земли от натиска Литвы.

В годы русско-литовской войны литовское правительство вновь сделало попытку разорвать церковно-политическую связь русских земель великого княжества с Москвой. Когда умер в Москве митрополит всей Руси Киприан (1406), Витовт послал в Константинополь для поставления в митрополиты Литовского великого княжества своего кандидата (полоцкого епископа Феодосия). Однако на митрополию всей Руси был поставлен грек Фотий (1408), которого Витовту пришлось признать.

Русско-литовская война ясно обнаружила тяготение русских земель великого княжества Литовского к Руси. Большая группа князей и бояр Новгород-Северского отъехала ко двору московского князя летом 1408 г. Это толкнуло Витовта к скорейшему заключению мира. К тому же побуждало его намерение возобновить борьбу с Орденом за освобождение Жемайтии.

Захват Жемайтии Орденом в результате близорукой политики Витовта вызвал в этой части Литвы широкое антинемецкое восстание (1409). Потерпев неудачу в своих планах, Витовт счел нужным поддержать его. Новая война между Орденом и великим княжеством стала делом ближайшего будущего. Орден хотел заручиться нейтралитетом Польши, но тщетно. 6 августа великий магистр Ордена объявил войну Ягайлу.

---

[1] «Псковские летописи», вып. 1, стр. 28—29; ПСРЛ, т. XXV, стр. 234.

* * *

Началась «великая война» с Тевтонским орденом. Военные действия, развернувшиеся на территории Польши, а затем захватившие и территорию Ордена, были временно прерваны перемирием с октября по июнь 1410 г., которое обе стороны использовали для подготовки к возобновлению борьбы.

К началу военных действий Ягайло собрал большое войско из всех земель Польского королевства, в том числе из украинских земель (Галиции, Западного Подолья); в польском войске были также наемные отряды — из Чехии (под командованием Яна Жижки, будущего крупного деятеля гусизма), Моравии, Силезии. Войско Витовта составляли ополчения из всех литовских и русских земель великого княжества; при нем находились небольшие отряды татарской конницы. По истечении срока октябрьского перемирия оно было продлено на две недели (до 8 июля). Полки Витовта, войдя в пределы Польши, в начале июля соединились с войском Ягайла, направлявшимся от Вислы к польско-немецкой границе. 9 июля соединенные войска перешли границу и на другой день пришли в соприкосновение с силами противника. Совершив несколько переходов, стороны утром 15 июля заняли боевые позиции. Немецкие войска примыкали левым флангом к селению Танненберг; в близком тылу их правого фланга находилось селение Грюнвальд.

В построении польско-литовской армии войско Витовта занимало правую сторону (т. е. противостояло левой части фронта противника, которая примыкала к Танненбергу); на левом крыле находились литовско-украинско-белорусские войска Витовта, на стыке с польским войском стояли три смоленских полка под командованием мстиславского князя Юрия; таким образом, Витовт поручил смольнянам ответственную позицию в центральной части общего расположения войска.

Нападение начали немцы. Около часа ожесточенный бой шел по всему фронту. Затем немцы сосредоточили натиск на правое крыло противника; пользуясь превосходством своей конницы, они опрокинули литовцев и стали преследовать их. На левом, польском крыле войск Ягайла и Витовта успех склонялся тоже на сторону немцев. В этот критический момент высокое мужество обнаружили русские смоленские полки. Стойко отражая атаки врага, они несли большие потери; один из трех полков был истреблен почти полностью; два других «отважно сражаясь, одерживали верх над всеми мужами и рыцарями, с которыми сходились в рукопашную». Они удержали центр фронта; благодаря этому литовское и польское части войска смогли перестроиться и перейти в контрнаступление. Роль смольнян в Грюнвальдской битве громадна; только

благодаря их стойкости стала возможной победа. Они заслужили себе, как признает польский хронист Ян Длугош, «великую славу, стяжали себе в этот день славу воинов и героев»[1].

Наконец, магистр Ульрих фон Юнгинген двинул в бой 16 отборных полков, остававшихся в резерве. Но у союзников тоже сохранялись резервы, и теперь они были брошены в бой. Роль наступающей стороны перешла к войскам Ягайла и Витовта. Немцы некоторое время выдерживали натиск, затем стали отступать, наконец, обратились в бегство. Магистр и много военных сановников Ордена погибли, многие попали в плен. При взятии укрепленного лагеря немцев победители захватили большую добычу; там оказался и большой запас цепей, предусмотрительно заготовленный немецкими рыцарями в расчете на захват пленных. Бежавших рыцарей преследовали на далекое расстояние от места боя. Были уничтожены десятки тысяч немцев, многие тысячи были захвачены в плен, среди трофеев были все знамена (51) орденского войска.

Грюнвальдская битва — крупнейшая веха в истории борьбы народов Восточной Европы за независимость, против немецкой феодальной агрессии.

В ближайшие дни после битвы обнаружилось, как велика была ненависть трудящегося населения Пруссии — крестьян, горожан — к владычеству Ордена. Население изгоняло орденских «братьев» из их замков и признавало власть Польши, лишь бы избавиться от власти Ордена. При движении вглубь орденской территории войска Ягайла и Витовта не встречали сопротивления; города сдавались один за другим, в том числе Гданск (Гданьск), Торн (Торунь), Кенигсберг.

Сопротивление — и очень упорное — было оказано только в столице Ордена, Мальборге. Ягайло задержался на пути к Мальборгу, а тем временем комтур Ульрих фон Плауен успел стянуть в столицу уцелевшие силы Ордена и подготовиться к обороне. Безуспешная осада длилась без малого два месяца. Первым отступил от города Витовт, ссылаясь на болезни в войске, а затем снял осаду и двинулся к Польше Ягайло. Несколько частных военных успехов, одержанных затем поляками, не повлияли на общий ход событий. Витовт действовал уклончиво; в его план не входило совсем обессилить Орден, он опасался, что в таком случае позиция усилившейся Польши в польско-литовских отношениях изменится не в пользу великого княжества Литовского.

Следовательно, в лагере противников Ордена были большие противоречия; союзники боролись с Орденом, опасаясь друг друга, несогла-

---

[1] J. Dlugossii. Historia Poloniae, т. XV (Opera omnia, т. XIII), Kraków, 1877, стр. 54—55.

Грюнвальдская битва 15 июля 1410 г. Гравюра из «Хроники» М. Бельс

:кая битва 15 июля 1410 г. Гравюра из «Хроники» М. Бельского 1597 г.

сованно. Это спасло Орден, дало возможность немецким рыцарям удержаться на захваченной территории. В 1411 г. уполномоченные воюющих сторон встретились близ Торуни (Торна), и 1 февраля был заключен мирный договор. Орден уступал Ягайлу и Витовту Жемайтию в пожизненное владение, отказывался навсегда в пользу Польши от Добжинской земли, уплачивал значительную контрибуцию (100 тысяч коп пражских грошей) под видом выкупа за пленных.

Возвращение Жемайтии к великому княжеству по Торуньскому договору оказалось окончательным. Орден дважды начинал войну, рассчитывая овладеть ею, и, наконец, по Мельнскому миру 27 сентября 1422 г. навсегда отказался от Жемайтии. Наступление литовских феодалов на права местных крестьян обостряло классовую борьбу, которая ярко проявилась в восстании 1418 г.[1]

* * *

Рост политического престижа великого княжества Литовского и его удельного веса в польско-литовском объединении привел к изменению условий его унии с Польшей. Они изложены в новом акте унии, составленном 2 октября 1413 г. на съезде в Городле (на Западном Буге) по указанию Ягайла, как короля польского и верховного князя литовского, и Витовта, как великого князя литовского[2]. Снова решительно подтверждалось неразрывное на вечные времена соединение великого княжества Литовского с королевством Польским; но вместе с тем признавалось, в отличие от прежнего, что великое княжество и после смерти Витовта будет иметь отдельного государя под верховенством польского короля: литовские феодалы изберут и примут на великое княжение лишь того, кого им предложит польский король по совету с прелатами и панами Польши и земель Литвы; поляки, в случае смерти Ягайла без наследников, изберут короля с ведома и совета Витовта и литовцев. В целях большего сближения обоих государств в великом княжестве учреждались «достоинства, места и должности, как они установлены в королевстве Польском». Для рассмотрения дел, касающихся обоих государств, предполагался созыв совместных совещаний панов и шляхты королевства и великого княжества[3].

Заключение унии на новых условиях сопровождалось подтверждением и расширением землевладельческих привилегий феодалов-като-

[1] См. § 1 б настоящей главы.

[2] «Zbiór praw litewskich», стр. 7—20; *М. К. Любавский.* Очерк истории Литовско-Русского государства. М., 1910, стр. 297—302.

[3] «Zbiór praw litewskich», стр. 20—24; «Codex diplomaticus Polloniae», т. I, № 162.

ликов в великом княжестве Литовском. Привилегии эти, направленные к правовому уравнению литовских феодалов-католиков с панами и шляхтичами Польши и к усилению их преимуществ в отношении русских феодалов великого княжества, изложены в самом акте унии, составлявшем значительную часть его содержания; он обычно и называется городельским привилеем. В постановления привилея 1387 г. городельский привилей вносит некоторые уточнения и добавления. Право владения и свободного распоряжения отчинными имениями привилей распространяет и на имения, вновь полученные от великого князя в наследственную собственность («на вечность»).

Эти гарантии землевладельческих прав городельский привилей, как и привилей 1387 г., предоставляет только боярам-католикам. Не менее резко неравноправность между литовскими феодалами-католиками и феодалами русскими и обрусевшими, православными, выражена привилеем в области политических прав. Только католики допускаются к участию в великокняжеском совете (раде), к участию в совместных польско-литовских совещаниях для решения общих дел обоих государств, к занятию важнейших государственных должностей. Только католикам предоставляется участие в избрании великого князя литовского по смерти Витовта, как и участие в избрании польского короля, если Ягайло не оставит законных наследников.

Городельский акт явился, несомненно, большой политической победой литовской феодальной знати, но в то же время он дал новый (после унии 1386 г.) толчок к усилению вражды в белорусских и украинских землях к литовским феодалам. Население украинских, белорусских и русских земель, сыгравшее решающую роль в защите независимости Литвы, вновь явилось одним из объектов политических сделок литовских и польских феодалов. Активизируя политику на востоке, Витовт добился восстановления выгодных ему договоров с Псковом (1426) и Новгородом (1428)[1], а также признания своего верховенства князьями Борисом Александровичем тверским, Иваном Федоровичем рязанским и Иваном Владимировичем пронским [2].

С конца второго десятилетия XV в. Витовт снова и очень активно вмешался в дела Золотой орды, а также Крыма, принял участие в династических усобицах. В 1416 г. Едигей, в отмщение за поддержку Витовтом неугодного ему кандидата на ханство, опустошил Киевскую землю и сжег киевский посад. Используя золотоордынские усобицы, Витовт фа-

---

[1] См. «Псковские летописи», вып. 1, стр. 37; ср. НПЛ, стр. 415.

[2] «Акты Западной России», т. I, № 33, стр. 46—47; ААЭ, т. I, № 25, стр. 17—18; № 26, стр. 18.

ктически подчинил своей власти украинские земли Черноморского побережья от Днепра до Днестра. Здесь был сооружен ряд новых укреплений: Хаджибей (Качибей, на месте Одессы), Караул на нижнем Днестре, Черный город на днестровском лимане.

Укрепление великого княжества Литовского вновь выдвигало на очередь вопрос о коренном изменении его отношений с Польшей. В конце 1420-х годов был поставлен вопрос о принятии Витовтом королевского титула, т. е. о превращении великого княжества в самостоятельное королевство. Инициатива исходила от императора Сигизмунда, заинтересованного, как и Орден, в разрыве польско-литовской унии. Свое предложение Сигизмунд выдвинул на съезде трех государей (Сигизмунда, Ягайла, Витовта) в Луцке в январе 1429 г. Предложение было одобрительно встречено Витовтом и феодалами великого княжества. Но польские паны и Ягайло отвергли его.

Витовт и Сигизмунд решили, не считаясь с польскими протестами, осуществить коронацию. В Вильнюс съехались в большом количестве представители русской и иноземной знати, среди них — великий князь московский Василий Васильевич, великие князья тверской и рязанский, митрополит Фотий, магистры великий и ливонский, послы византийского императора, татарских ханов. Однако посольство Сигизмунда, везшее королевские регалии и соответствующие императорские акты, было задержано в Польше, а вскоре Витовт умер (1430).

Проводя объединительную политику, Витовт не смог добиться успеха, так как в его землях не было достаточных к тому экономических предпосылок; он должен был признать и оформить привилеями феодальную автономию земель великого княжества. Попытки упрочить власть литовского панства над русскими, украинскими и белорусскими землями обостряли национальные противоречия, а стремление расширить земельные захваты в северо-западной Руси встретило решительное сопротивление великого княжества Московского. Витовт не смог ни добиться внутренней консолидации великого княжества Литовского, ни обеспечить его независимость от Польши.

* * *

Расчеты польских панов на то, что великое княжество Литовское после смерти Витовта перейдет под непосредственную власть Ягайла, натолкнулись на резко оппозиционное отношение со стороны феодалов великого княжества, враждебно относившихся к сохранению зависимости Литвы от Польши. Чтобы дать отпор польским притязаниям, литовские феодалы великого княжества пошли на соглашение с феодалами русских, украинских и белорусских земель. Кандидатом последних

являлся Свидригайло Ольгердович, младший брат Ягайла; он был близок русским князьям и панам. Съезд литовских и русских князей и бояр в Вильнюсе, нарушая Городельский акт 1413 г., единогласно избрал Свидригайла на великое княжение литовское. Чтобы не доводить дело до прямого разрыва унии, Ягайло, тогда находившийся в Литве, дал согласие на состоявшееся избрание.

Польские паны, игнорируя решение коренных исторических задач по возвращению Польше исконных западных земель, стремились подчинить великое княжество Литовское и отторгнуть от него южные земли. В первую очередь польские паны решили овладеть западным Подольем. Здесь успело осесть немало польских шляхтичей, особенно за время, протекшее от уступки западного Подолья Витовтом Ягайлу до возвращения его Витовту (1395—1411).

Узнав о смерти Витовта, польские шляхтичи заняли главный город западного Подолья — Каменец и захватили другие замки (Червоногород, Скалу, Смотрич). Население Волыни и Подолья поднялось на борьбу против польских захватчиков. Освободительной борьбой была охвачена и вся Галиция. Попытка сторонников Свидригайла вернуть западное Подолье не удалась, но зато они овладели несколькими пограничными городами, ранее отторгнутыми Польшей от Волыни (Збараж, Кременец, Олеско). Сначала военные действия носили местный характер, однако оба государства — великое княжество Литовское и Польша, не прекращая переговоров, готовились к большой войне. Польские феодалы рассчитывали овладеть Волынью и вместе с тем ограничить самостоятельность великого княжества. Феодалы великого княжества в назревавшей войне рассчитывали вернуть западное Подолье и отстоять целостность и независимость своего государства. Свидригайло, продолжая в этом отношении политическую линию Витовта, тайно заключил оборонительно-наступательный союз против Польши с магистром Тевтонского ордена и ливонским магистром (1431), договорился о помощи с татарами, с волошским воеводой, закрепил договорной грамотой мирные отношения с Новгородом. Император Сигизмунд также поддерживал Свидригайла.

Войну начала Польша. В июле 1431 г. большое польское войско под предводительством Ягайла вторглось в Волынь, нанесло поражение украинскому войску и осадило Луцк. Город успешно сопротивлялся, осада затягивалась. Тевтонский орден объявил Польше войну, и немецкие войска вторглись в польские земли. Военная обстановка складывалась не в пользу Польши. Неясно, что побудило Свидригайла при таких условиях заключить перемирие с Ягайлом сроком до 24 июня 1433 г. На время перемирия западное Подолье оставалось за Польшей, Волынь — в составе великого княжества Литовского.

Перемирие не могло быть длительным, так как польские феодалы требовали не только уступки западного Подолья Польше, но и восстановления польско-литовской унии на условиях, предусмотренных актом 1413 г. Одновременно польские паны пошли на сговор с литовскими феодалами великого княжества, направленный против Свидригайла.

Сближение литовских феодалов великого княжества с русскими, выразившееся в совместном избрании Свидригайла, оказалось очень непрочным. Против Свидригайла образовался, при участии Польши, заговор, имевший целью возведение на великое княжение Сигизмунда Кейстутовича (младшего брата Витовта). В ночь на 1 сентября 1432 г. Сигизмунд со своими сторонниками напали на Свидригайла (в Ошмянах, по пути между Кревом и Вильнюсом) и едва не захватили его. Свидригайло бежал в Полоцк, Сигизмунд Кейстутович был провозглашен великим князем.

Власть Сигизмунда признала Литва, а также более тесно связанные с Литвой Берестейско-Дорогичинская, Минская земли, принеманские волости. Почти все русские, белорусские и украинские земли великого княжества — Полоцкая, Витебская, Смоленская, Волынь, Браславская (восточное Подолье), Киевская, Новгород-Северская — остались за Свидригайлом. Государство раскололось на две части. «Литва посадиша великого князя Жигимонта Кейстутовича на великое княжение на Вильни и на Троцех... и князи рускыи и бояре посадиша князя Свидригайла на великое княжение Руское»,— пишет летописец[1]. Ни Сигизмунд, ни Свидригайло не мирились с этим расколом; и тот и другой стремились к распространению своей власти на все великое княжество.

Сигизмунд, отражая требования польских панов и ища средств преодолеть наметившийся распад великого княжества, решил возобновить унию. Вскоре состоялась встреча его с послами Ягайла в Городне, и здесь была восстановлена польско-литовская уния. Ее условия изложены в акте Сигизмунда от 15 октября 1432 г. и акте Ягайла от 3 января 1433 г.[2] Сигизмунд получал великое княжество пожизненно, как держал Витовт, без права передачи по наследству. По смерти Сигизмунда великое княжество должно было вернуться под непосредственную власть Ягайла или его преемника на королевстве, т. е. перейти к Польше. Подолье (западное) было признано принадлежащим Польше, Волынь — великому княжеству.

---

[1] ПСРЛ, т. XVII, стб. 61.

[2] «Supplementum ad historica Russiae monumenta, a Collegio Archeographico edita», СПб., 1848, № 217. «Codex diplomaticus Poloniae», т. I, № 175.

Свидригайло, утвердившись в Полоцке и сговорившись с союзниками, в ноябре 1432 г. повел военные действия против Сигизмунда с целью объединения великого княжества под своей властью. Началась новая длительная феодальная война, переплетавшаяся с борьбой населения русских, украинских и белорусских земель против иноземной власти, осложненная национальными и церковно-политическими противоречиями. До конца 1433 г. Свидригайло три раза вторгался в Литву, подвергая ее опустошению, но завладеть литовскими землями он не смог. Чтобы ослабить положение Свидригайла в украинских, белорусских и русских землях, Сигизмунд Кейстутович 6 мая 1434 г. выдал привилей, уравнивавший феодалов этих земель великого княжества с литовскими феодалами-католиками в отношении личных и имущественных прав и льгот. Объем прав и льгот был расширен: великий князь обязывался никого не карать без судебного разбирательства; частновладельческие подданные освобождались от натуральных платежей великому князю. О политических правах привилей умалчивал. Это молчание означало, что ограничения, установленные привилеем 1413 г., остаются в силе. Привилей дал Сигизмунду ожидаемые результаты: он вызвал колебания в среде приверженцев Свидригайла, а в дальнейшем содействовал неудаче Свидригайла в русских, украинских и белорусских землях.

Попытка украинских, белорусских и некоторых русских земель отделиться от Литвы и Польши не могла иметь успеха, так как в ту пору Русское государство было охвачено феодальной войной и не могло поддержать это движение. К концу лета 1434 г. Свидригайло подготовил новый поход на Литву совместно с ливонскими немцами, охотно поддерживавшими внутренние войны в Литве. Войска Свидригайла и ливонского магистра соединились на северной окраине Литвы (у Браславля-Литовского), но поход не состоялся. Белорусско-литовская летопись сообщает, что походу помешали проливные дожди. Вероятно, более существенным обстоятельством были полученные Свидригайлом тревожные известия о положении в подвластных ему землях.

Осенью 1434 г. изменили Свидригайлу наместники луцкий и кременецкий. Луцкая земля перешла под власть Сигизмунда, Кременец с его округой заняли польские войска. Тогда же подготовлялось, но было своевременно предотвращено, отпадение от Свидригайла Киева. Утратил Свидригайло и Браславщину (восточное Подолье), ее захватил волошский господарь Илья, перешедший на сторону Польши. В марте 1435 г. стало известно о переговорах проживавшего в Смоленске митрополита Герасима и некоторых смоленских панов с посланцами Сигизмунда. Несколько лет назад, после смерти в Москве патриарха Фотия (1431), Свидригайло выдвинул смоленского епископа Герасима,

москвича по происхождению, кандидатом на митрополию. Москва, переживавшая период острой борьбы великокняжеской власти с феодальной оппозицией, со своим кандидатом тогда не выступала. Герасим был поставлен патриархом в Константинополе и по возвращении оттуда (1433) остался в Смоленске; в Московское княжество, охваченное феодальной войной, он не поехал по той причине, что «князи руския воюются и секутся о княжении великом на Руской земли»[1], в собственно Литву он тоже не счел возможным отправиться. Церковную власть Герасима признавали, кроме православных епархий великого княжества и Польши, Новгород и Псков, а также, повидимому, и Москва. К тайным переговорам Герасима и смоленских панов с посланцами Сигизмунда Свидригайло отнесся как к измене, митрополит и его соучастники были арестованы; Герасим был сожжен на костре.

В августе 1435 г. войска Свидригайла и ливонского магистра Франке Керскорфа соединились близ Браславля-Литовского и вторглись в Литву. В битве с главными силами противника под командованием князя Михайла, сына Сигизмунда, 1 сентября у р. Свенты (около Вилькомира) ливонское войско было уничтожено почти целиком, магистр убит. Свидригайло, понеся крупные потери убитыми и пленными, вернулся в Полоцк.

Сигизмунд перешел в наступление; он направил Михаила с большим войском («собра всю свою силу литовскую»)[2] на западно-русские земли, остававшиеся под властью Свидригайла. Смоленск подчинился Сигизмунду без борьбы, раньше чем подошло литовское войско; Витебск, где затворился Свидригайло, и Полоцк взять не удалось. Тевтонский орден, с участием и ливонских рыцарей, заключил с Польшей «вечный мир» (31 декабря 1435 г. в Бресте-Куявском) и обязался не помогать Свидригайлу. Положение Свидригайла становилось все более шатким.

На юге за Свидригайлом оставались Киевская и Новгород-Северская земли. В начале 1436 г. Свидригайло прибыл в Киев. С татарской помощью он овладел Браславской землей. Волынь (земли Луцкая и Кременецкая) также перешли на его сторону. Таким образом, в начале весны все украинские земли великого княжества вновь объединились под властью Свидригайла. Однако летом того же года полочане и витебляне, страдая от феодальной войны, а главное «не чуя собе помощи ниоткуля,...дашася князю великому Жикгимонту Кейстутевичу»[3]. Все белорусские земли были теперь потеряны для Свидригайла. Летописец, ранее противопоставивший «великое княжение» Сигизмунда «на Вилни

[1] «Псковские летописи», вып. 1, стр. 42.
[2] ПСРЛ, т. XVII, стб. 64 и 107.
[3] Там же.

и на Троцех», т. е. в Литве, «великому княжению Русскому» Свидригайла, к приведенному сообщению относительно Полоцка и Витебска добавляет: «и поча князь великий Жикгимонт жил-жити на великом княжении Литовском и на Русском». Подчинение Полоцка и Витебска он признает решающим моментом в подчинении русско-украинско-белорусской части великого княжества власти Сигизмунда.

Волынские феодалы, поставленные, ввиду безвыходного положения Свидригайла, перед угрозой захвата Волыни Польшей, предпочли сохранить Волынь в составе великого княжества ценой подчинения Сигизмунду. В начале 1439 г. Волынь уже находилась под властью Сигизмунда. К тому же времени подчинились ему Киевская, Браславская, Новгород-Северская земли. Государственное единство великого княжества Литовского было на время восстановлено. Свидригайло, в «вознаграждение» за утраченное, получил от польского короля несколько имений в Галиции.

Положение Сигизмунда и после торжества над Свидригайлом не было прочным. Феодалы русских, украинских и белорусских земель великого княжества лишь под давлением необходимости, в результате проигранной борьбы, признали его власть. Поддержка Сигизмунда литовскими феодалами далеко не была единодушной, особенно по вопросу о польско-литовских отношениях: защитники самостоятельности великого княжества не мирились с уступками, которые Сигизмунд сделал Польше в договоре 1432 г. и потом неоднократно подтверждал.

Не имея достаточной опоры в среде крупных феодалов, Сигизмунд окружал себя выходцами из мелкой неродовитой литовской шляхты. Сигизмунд, читаем в летописи, «сильные окрутенства чинил подданным своим, а звлаща над рожаем (родом.— *Ред.*) шляхетским, ... невинне их карал и мордерства над ними чинил, якие вымыслити могл, над всими княжеты и панеты и рожаем шляхетским всих земль, Литовских, Русских и Жомоитских»[1].

Попытка Сигизмунда найти социальную опору в среде мелкой шляхты воспринималась крупными феодалами как угроза их положению. На этой почве возник заговор русских и литовских князей и панов. Руководителями его были украинские князья Чарторыйские — Иван и Александр Васильевич, а также крупные литовские паны — вильнюский воевода Довгирд и трокайский Лелюш. 20 марта 1440 г. заговорщики проникли в Трокайский замок, и Сигизмунд был убит. Были заняты Вильнюс и Трокай.

Среди феодалов восторжествовало предложение, выдвинутое небольшой группой князей и панов во главе с Яном Гаштольдом, призвать на

---

[1] ПСРЛ, т. XVII, стр. 532.

великое княжение Казимира Ягайловича, брата нового польского короля Владислава III (1434—1444). Вокняжение Казимира должно было обеспечить сохранение связи великого княжества с Польшей и руководящую роль литовской знати при малолетнем государе. Король Владислав отпустил Казимира в Литву, но не как государя, а лишь в качестве своего заместителя.

Литовские феодалы желали иметь во главе государства великого князя, а не представителя польского короля, и решили возвести Казимира на великое княжение. Польские паны, находившиеся при Казимире, безуспешно протестовали против такого решения. 29 июня 1440 г. Казимир был провозглашен великим князем литовским. Владислав отказался утвердить Казимира на великом княжении. Уния великого княжества Литовского и Польши перестала существовать. Положение главы литовского правительства и фактического руководителя внутренней и внешней политики занял при Казимире Ян Гаштольд, назначенный воеводой трокайским, потом (1445) виленским.

* * *

Литовское правительство в начале княжения Казимира прежде всего стремилось вновь подчинить земли Смоленскую, Жемайтскую, Дорогичинскую, Волынскую. Движение за высвобождение из-под власти великого княжества Литовского вновь охватило многие земли.

В Смоленске кузнецы, кожемяки, шевники (портные), мясники, котельники и другие ремесленники подняли восстание против литовской власти (30 марта 1440 г.). Восставшие рассчитывали, очевидно, на то, что замешательство, вызванное убийством Сигизмунда, и борьба между претендентами на великокняжеский стол, дадут время окрепнуть восстанию и тем облегчат его успех.

Бой в городе с отрядом литовского наместника и смоленских бояр— сторонников Литвы, сначала не был удачным для восставших. Однако восстание разгоралось, и наместник принужден был покинуть город, а с ним уехали и бояре. «Черные люди» расправились с оставшимся в городе представителем литовской администрации (утопили маршалка Петрыку в Днепре), а воеводой избрали мелкого смоленского князя Андрея Дмитриевича дорогобужского. Летом, после возведения Казимира на великое княжение, смоленские бояре пытались вернуться в город; но «черные люди» не пустили их, и они разъехались по своим селам. «Затым, — продолжает летопись,— бысть брань велика меж бояр и черных людей». За этим лапидарным сообщением можно предполагать значительное содержание. «Великую» борьбу

с боярами, разъехавшимися по своим селам, вели, надо думать, сельские «черные люди» — крестьяне.

Для отпора литовскому наступлению «смолняне» (вероятно, городские верхи) «призвали собе государем» мстиславского князя Юрия Лингвеньевича (предводителя смоленских полков в Грюнвальдской битве). Юрий принял меры к тому, чтобы не только усмирить выступление низов, но и обезвредить местных бояр, тянувшихся к Литве («поимаша бояр и поковаша их, а имения их подаваша бояром своим»)[1]. Новгородская летопись сообщает, что Юрий подчинил своей власти также Полоцк и Витебск[2], следовательно освободительное движение охватило и русские и белорусские земли.

Осенью Юрий уехал в Москву (может быть, он рассчитывал заручиться там помощью). Во второй половине ноября литовское войско приступило к Смоленску, две с половиной недели вело осаду, сожгло посады, опустошило окрестности, но город устоял. Однако московское правительство не могло тогда помочь Смоленску. При вторичном походе (1441) город был взят, и литовская власть в Смоленской земле восстановлена. Подавив восстание Смоленской, а также, вероятно, Полоцкой и Витебской земель, Казимир издал привилеи, подтверждавшие прежде всего права местных феодалов.

Вскоре после вокняжения Казимира отпала от Литвы земля Жемайтская. Феодалы Жемайтии заявили, что не признают власти Казимира, прогнали наместников великокняжеского старосты и выбрали для управления землей местного старосту. Литовское правительство собрало большое войско, но, раньше чем его двинуть, завязало переговоры с местными феодалами, закончившиеся соглашением (1441), обеспечившим их классовые интересы. Позднее Жемайтия признала власть Александра Казимировича на определенных условиях: ей было дано право управляться выборным старостой — Александр Казимирович обязался назначить жемайтам «старосту, которого бы (они.— *Ред.*) хотели мети (иметь.— *Ред.*)»; была обещана неприкосновенность феодальных владений. Никто не мог жемайтам «на очи истить» (колоть глаза) их подчинением великому князю, и в соглашении говорилось, что они не присоединены к Литве насильственно, а «доброю волею пристали»[3].

Дорогичинскую землю сразу же после смерти Сигизмунда Кейстутовича захватил польский мазовецкий князь Болеслав, женатый на его дочери. Формальным основанием для захвата служила грамота Сигиз-

---

[1] ПСРЛ, т. XVII, стб. 68—69.
[2] НПЛ, стр. 420
[3] «Акты Западной России», т. I, № 103, стр. 120.

мунда о том, что после его смерти эта земля должна перейти к Болеславу. Литовское правительство протестовало против захвата и требовало возвращения Дорогичинской земли великому княжеству. Польское правительство стояло за Болеслава. Конфликт обострился и грозил привести к польско-литовской войне. Летом 1444 г. литовское войско под предводительством Казимира осадило Дорогичин. По распоряжению Владислава III на помощь Болеславу прибыло ополчение из ближайших польских земель. Польские паны, однако, были настроены менее воинственно, чем король. По их предложению было заключено перемирие, а вслед за тем конфликт разрешился заключением мира с Болеславом, по которому он за денежное вознаграждение возвратил Дорогичинскую землю великому княжеству.

В Волынской земле вновь стал княжить Свидригайло, ставший (в 1440 г.) вассалом польского короля. Около 1446 г. правительству великого княжества Литовского удалось договориться со Свидригайлом о возвращении Волыни великому княжеству. Последний признал власть Казимира и был оставлен князем Волыни. Временное восстановление Волынского княжества (его упразднили со смертью Свидригайло) было тактической уступкой литовского правительства украинским феодалам. Киевская земля также на правах удельного княжества была передана Олельку Владимировичу, сыну смещенного Витовтом киевского князя Владимира Ольгердовича. Таким образом, относительное единство великого княжества было вновь восстановлено.

10 ноября 1444 г. Владислав III погиб в битве с турками при Варне. Польский сейм единогласно избрал королем Казимира. Польские паны не мирились с разрывом польско-литовской унии. В объединении обоих государств под властью Казимира они видели первый шаг к восстановлению унии.

Литовское правительство считало крайне желательным принятие Казимиром польской короны. Тесными связями с Польшей литовские феодалы дорожили как по внешнеполитическим, так и по внутриполитическим мотивам. Но объединение великого княжества с Польшей под властью одного государя они допускали только как объединение равноправных, самостоятельных государств. Кроме того, литовские политики намеревались добиться решения спорных территориальных вопросов между обоими государствами в пользу великого княжества. Крупные разногласия между Литовским великим княжеством и Польшей послужили причиной большой затяжки переговоров.

Лишь в сентябре 1446 г. на съезде литовских панов с польскими уполномоченными в Берестье Казимир заявил согласие принять польскую корону. Грамота Казимира (от 17 сентября 1446 г.) предусматривала объединение Польши и великого княжества под его властью в

общей форме, как объединение «в братский союз», и содержала обязательство подтвердить права и привилегии подданных обоих государств[1].

Многих обязательств добились от Казимира, до занятия им польского стола, феодалы великого княжества Литовского в отношении как территориальных вопросов, так и своих прав и привилегий. В грамоте литовским феодалам, выданной в Берестье, Казимир заявил, что Волынь и Подолье «навеки» останутся в составе великого княжества Литовского и что оба государства сохранят границы времен Ягайло и Витовта[2]. Обязательство сохранить границы было по существу обязательством восстановить границы, какими они были при названных государях, вернуть великому княжеству земли, отторгнутые с тех пор Польшей — западное Подолье и пограничные волости Волыни (Ратно, Ветлы, Лопатин, Олеско). Перед отъездом в Польшу на коронацию Казимир выдал привилей, не только подтверждавший, но и весьма значительно расширявший привилегии феодалов всех земель великого княжества[3]. В 1447 г. Казимир был коронован.

Анализируя классовые отношения и политические события в украинских и белорусских землях, можно сказать, что к Русскому государству, складывавшемуся вокруг Москвы, тяготели прежде всего народные массы. Часть феодалов Украины и Белоруссии с половины XV в. все более и более сплачивалась около литовских магнатов. Вместе с последними она вела наступление на крестьянские массы с целью окончательного их закрепощения.

В ближайшие годы уполномоченные польского и литовского правительства три раза собирались на совещания для определения отношений между обоими государствами и решения вопроса о Волыни и Подолье (в 1448 г. — в Люблине, в 1451 г. — в Парчове, в 1453 г. — там же), но никакого соглашения не достигли. Польские паны рассчитывали, что Волынь перейдет к Польше, но волынские замки заблаговременно, незадолго до смерти Свидригайла (1452), были с его согласия заняты литовскими гарнизонами.

Казимир шесть лет уклонялся от подтверждения польских привилеев. Только когда польский сейм (в Петрокове, летом 1453 г.) вынес постановление приступить к избранию нового короля, если Казимир не подтвердит привилеев, король уступил. Он подтвердил привилеи и присягнул в том, что не отделит от королевства Польского соединенных с ним земель — «Литвы, Руси (т. е. русских, украинских и бе-

[1] «Monumenta Historica Poloniae», т. XIV, арр. № 6.

[2] Там же, арр. № 5.

[3] Там же, № 7; *М. К. Любавский*. Указ. соч., стр. 325—328; «Акты Западной России», т. I, № 61 (русский текст).

лорусских земель великого княжества Литовского. — *Ред.*), Подолии и Молдавии (находившейся в вассальной зависимости от польского короля с 1387 г. — *Ред.*)». Присяга эта, поскольку она касалась отношений Польши и великого княжества Литовского, представляла собой лишь обязательство сохранить унитарную связь между обоими государствами, не предрешавшее ее форм. Вопрос о принадлежности Волыни и Подолья к тому или другому из этих государств оставался открытым.

Борьба украинских и белорусских земель за политическую независимость вступала в новую фазу.

Во время*) правления великого князя Казимира (1440—1492) из наиболее влиятельных панов местного и центрального управления образовалась Панская рада (Совет) как орган с довольно постоянным составом, с которым великому князю приходилось все более и более считаться. После смерти великого князя Казимира литовские паны и князья добились получения от нового литовского князя Александра Казимировича новых льгот, согласно земскому привилею 1492 г. В этом земском привилее великий князь обязался ни от кого не отнимать должностей без доказанной судебным порядком их вины и не уменьшать их прав, привилегий и доходов. Далее великий князь обязался все более или менее важные государственные дела (расходование государственных средств, раздача должностей, внешнеполитические сношения и т. д.) решать лишь в согласии с Панской радой.

Таким образом, этот земский привилей поставил великокняжескую власть под формальный контроль панов радных, которые направляли внешнюю и внутреннюю политику великого княжества. Должности важнейших сановников и наиболее крупных областных правителей замещались по совету панов представителями панских семей, поэтому управление государством сосредоточивалось в руках совсем небольшого числа наиболее знатных панских фамилий: Остиков-Радзивилов, Кечайлов, Гаштовтов и еще некоторых. Они являлись и администраторами и судьями населения управляемых ими областей — не только сельского, но и городского. Подчиненное положение шляхты и пожизненная несменяемость областных правителей вызывали недовольство средних и мелких феодалов. Борьба внутри господствующего класса обострялась.

* * *

В конце XV в. значительная часть Украины находилась под властью великого княжества Литовского (вся территория от Владимира-Волынского, Кременца, Винницы до Новгорода-Северского, Путивля). Польша

*) Авторами нижеследующего текста до конца четвертого абзаца на стр. 556 являются А. И. Баранович и профессор К. Яблонскис. — *Ред.*

владела западной частью Украины — от Карпат до верховьев Припяти, до Зборова, Тарнополя и Теребовля. Кроме того, ей принадлежало Западное Подолье — от Червонограда до Бара и Хмельника.

Небольшие по числу населения украинские земли находились тогда под властью Венгрии (Закарпатская Украина), Молдавии (Черновицкая область) и татар (бассейны р. Донца, Самары, причерноморские и приазовские районы).

В конце XV—первой половине XVI в. Украина подверглась кровавой турецко-татарской агрессии. Турки в 1475 г. оккупировали южное побережье Крыма; татарские ханы, получив поддержку от Турецкой империи, укрепились в Крыму и приняли активное участие в турецкой агрессии. Крымский хан сделался вассалом султана Турции. На протяжении 50 лет, с 1480 г., крымские татары почти ежегодно, а иногда по нескольку раз в год, вторгались на Украину, производя в ней большие опустошения. Во время походов татары захватывали на Украине десятки тысяч пленных. Неоднократно в конце XV — начале XVI в. врывались на Украину турецкие войска.

Во время своих нападений турки и татары сжигали города и деревни, грабили население, угоняли скот; людей, попадавших им в руки, убивали или уводили в рабство.

Русское государство оказывало большую помощь народам в их борьбе с литовско-польскими поработителями. Эта поддержка привела в конце XV в. к воссоединению с Русским государством Вязьмы, Козельска, Одоева, Новосили, Белева, Воротынска, освободившихся из-под власти Литвы. Однако в составе великого княжества Литовского, кроме литовских земель, еще остались почти все белорусские земли и значительная часть украинских земель, борьба за которые продолжалась в XVI—XVII вв.

г) Формирование украинской и белорусской народностей

Объединение*) восточнославянских племен в древнерусском государстве способствовало усилению экономических и культурных связей между ними, а также их этнической консолидации. На основе древнерусской народности, за которой твердо установилось название «Русь», впоследствии развились три братские народности — великорусская[1], украинская, белорусская.

С установлением господства феодальных отношений племенное деление исчезает и заменяется делением территориальным — на земли

*) В нижеследующем тексте до конца первого абзаца на стр. 560 использованы материалы «Истории УССР», подготовленной Институтом истории АН Украинской ССР. — *Ред.*

[1] См. ч. I, гл. 2, § 10 настоящего издания.

и княжества. С этого времени летописец уже не упоминает о племенах, а говорит о населении отдельных земель и княжеств — киевлянах, новгородцах, рязанцах, полочанах, галичанах, псковичах, черниговцах и т. д.

Таким образом, вместо племен на основе их смешения возникли новые, близкие между собой территориальные образования, соответствовавшие отдельным крупным феодальным землям — княжествам с их местными диалектами, особенностями культуры и быта.

Так, еще со времени древней Руси и происходил процесс формирования русской, украинской и белорусской народностей. Каждая из этих народностей образовалась путем объединения в единое этническое целое славянского и отчасти неславянского населения разных восточнославянских земель — княжеств. Великорусская народность сложилась на территории северо-восточной Руси, украинская — на территории юго-западной Руси и белорусская—на территории западной Руси. Это объединение восточнославянского населения в три народности было обусловлено постепенным ростом экономических, политических и культурных связей между отдельными землями и ускорено потребностями борьбы против иноземных захватчиков.

Политические события начала XIII в. вызвали отделение западных земель Руси от других ее областей. Северо-восточная Русь подпала под власть татаро-монгольских завоевателей: около ста лет татары господствовали и на юге Руси (в будущей Украине); западные же земли (будущие белорусские) подпали под власть литовских князей. Таким образом, все земли, на которых формировалась белорусская народность, оказались политически оторванными от остальных областей Руси. Вхождение в разные государства затрудняло развитие экономических и культурных связей между разными частями прежде единой Руси, хотя и не могло их полностью уничтожить, равно как не могло уничтожить и взаимной тяги друг к другу народных масс, принужденных жить теперь на политически разъединенных территориях. Вместе с тем вхождение в разные государства углубляло различия между диалектами, которые имелись еще в пределах древней Руси. Под влиянием феодальной раздробленности, политической оторванности, разных исторических судеб отдельных земель раздробленного древнерусского государства эти особенности и отличия укреплялись. Областные диалекты складывались в языки образующихся народностей.

По мнению многих советских историков, русская, украинская и белорусская народности сложились около XIV—XV вв. Этот вопрос подлежит дальнейшей разработке историками, археологами, языковедами, этнографами, литературоведами, искусствоведами.

Формирование великорусской народности, в связи с наличием своего сильного государственного центра — Московского княжества, шло более интенсивно, чем формирование украинской и белорусской народностей.

Великорусская народность складывалась в процессе вековой борьбы северо-восточной Руси главным образом против татар, за освобождение из-под власти Золотой орды. Украинской и белорусской народностям пришлось выдержать также длительную борьбу против литовской, польской и венгерской феодально-католической агрессии, чтобы отстоять свое этническое и культурно-историческое развитие.

* * *

Украинская народность складывалась в Киевщине, Черниговщине, Волыни, Подолье, Галиции, Закарпатье и Буковине. Важнейшим центром ее формирования была Киевская земля, в состав которой входило Среднее и Нижнее Приднепровье (по правому берегу Днепра), Полесье, Переяславщина (теперь Полтавщина) и частично Волынь, Подолье и Черниговщина.

На протяжении ряда столетий постепенно складывались элементы общности языковой, территориальной, а также общности психического склада, проявлявшейся в общности культуры, каждой из трех народностей.

Наиболее ясно процесс формирования трех народностей проявился в развитии их языков. А язык, по определению В. И. Ленина, есть «важнейшее средство человеческого общения»[1]. Как свидетельствуют памятники письменности, в XIV—XV вв. уже совершенно ясно выступают главные особенности великорусского, украинского и белорусского языков. Язык украинской народности формировался в ходе развития территориальных диалектов. В это время оформилась одна из самых характерных фонетических черт украинского языка: произношение *і* вместо старых *о*, *е* в закрытых слогах—*кінь*, *твій*, *шість*, вместо *конь*, *твой*, *шесть*, как было в памятниках письменности древней Руси. В этот же период оформляется также переход особого древнего звука *іе* (обозначаемого буквой *ѣ*) в *і*, например, в слове *сѣно* — *сіно*.

Таким образом, новые общественно-экономические, политические и культурные условия, в которых оказались восточнославянские земли после раздробления древнерусского государства, содействовали образованию братских народов, «столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»[2].

---

[1] ***В. И.*** *Ленин.* Соч., т. 20, стр. 368.
[2] Там же, т. 25, стр. 74.

Три братские народности на протяжении своей дальнейшей истории не утратили сознания своего единства, вытекавшего из общности происхождения, языка и культуры, и постоянно боролись за воссоединение в рамках единого русского государства.

Образование трех народностей имело своим следствием закрепление за каждой из трех частей восточного славянства, наряду с продолжавшим употребляться древним общим именем «Русь», самостоятельных названий: Великая Русь, Украина (Малая Русь), Белая Русь.

* * *

Наименование «Украина» впервые употреблено в киевской летописи под 1187 г. в связи с событиями в Переяславской земле. Сообщая о смерти переяславского князя Владимира Глебовича, летописец говорит: «И плакашася по немь вси переяславци... о нем же Украина много постона». В рассказе о событиях 1188 г. та же киевская летопись называет Украиной понизовье Галицкой земли по Днестру. В XIII в. Галицко-Волынская летопись прилагала это имя к пограничной с Польшей территории Галицко-Волынского княжества по Западному Бугу.

Появившись на страницах летописей в XII—XIII вв. для обозначения части юго-западных русских земель, наименование «Украина» в последующие столетия пробретает новое значение в связи с формированием украинского народа. Будучи собственным названием по преимуществу Среднего Приднепровья, имя «Украина» одновременно с усилением ведущего значения этой территории в политической жизни украинского народа, в борьбе за независимость обняло все земли, на которых сформировался украинский народ, и стало его этническим именем.

Являясь народным по происхождению, имя «Украина» закрепилось прежде всего в сознании народа и отразилось в его исторических песнях и думах, дошедших до нас от того времени, в частности в популярной песне о Байде. Наряду с этим оно стало употребляться в официальных документах и литературе. Например, в постановлении польского сейма 1580 г., направленном на подавление антифеодальных выступлений на Украине, говорится, что эти выступления охватили «Украину Русскую (Галицию), Киевскую, Волынскую, Подольскую и Брацлавскую».

С XIV в. известен и третий термин, прилагавшийся сначала к Галицко-Волынской земле, а позднее и к Приднепровью — «Малая Русь». Этот термин употреблялся главным образом в официальных документах

и литературе. Среди украинских народных масс он не получил распространения.

В XVI—XVII вв. имя «Украина» становилось все более популярным в народе. Несмотря, однако, на это, древнее имя «Русь», отражавшее этническую общность трех братских восточнославянских народов, продолжало употребляться для обозначения как всего украинского народа, так и отдельных его частей.

* * *

Западная*) часть древнерусской народности, жившая между Западным Бугом и Сожем, с XIII в. стала формироваться в особую народность— белорусскую, отличавшуюся от великорусской и украинской, формировавшихся около того же времени. Белорусская народность образовалась из северо-западной ветви древнерусского населения, предками ее были дреговичи, западная часть кривичей (или полочане) и радимичи.

В западных областях Руси (Белоруссии) на почве развивавшихся экономических связей и усиливавшегося общения в XIV—XVI вв. стали сглаживаться местные особенности и различия между диалектами; в связи с этим образовывалась одна народность, говорившая на одном языке, имевшая свои обычаи и общность культуры. Сглаживанию местных особенностей содействовала и общая борьба за освобождение из-под иноземной власти.

Сглаживание местных особенностей в области языка и культуры происходило быстрее в городах и крупных местечках, чем в сельских местностях. Это было вполне понятно, так как горожане были сильнее втянуты в растущие товарно-денежные отношения, чем крестьяне. Тем не менее в условиях феодального строя, когда «не было еще национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров»[1], при наличии феодальной раздробленности процесс образования белорусской народности был длительным и растянулся на ряд столетий. В основном наиболее интенсивно он протекал между XIV и XVI вв.

Создававшаяся таким образом народность получила название белорусской. Это наименование появилось в литературе во второй половине XIV в. Само население западных областей Руси в составе великого княжества Литовского называло себя «руським». Происхожде-

---

*) В нижеследующем тексте до конца второго абзаца на стр. 561 использованы материалы «Истории БССР», подготовленной Институтом истории АН Белорусской ССР —*Ред.*

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, стр. 336.

ние и значение термина «Белая Русь» до сих пор остается неясным; этот термин упрочивается только с конца XVI в.

Формирование белорусской народности было неразрывно связано с развитием белорусского языка. По мере укрепления экономических связей между отдельными частями страны стали постепенно стираться особенности местных говоров. На основе последних стал складываться белорусский язык, имевший сравнительно с украинским и русским ряд особенностей. Параллельно с формированием белорусского народного языка его фонетические, морфологические и лексические элементы стали проникать в язык тогдашней письменности. В письменности Литовского княжества применялся древнерусский язык, в котором соединялись элементы всех трех складывавшихся тогда восточнославянских языков, при значительном преобладании белорусских элементов и при сохранении старославянских слов и форм речи. В XIV—XV вв. этот язык стал языком официальных актов Литовского княжества и других юридических документов. На нем же писались летописи, повести, поучения и другие литературные произведения.

С конца XV в. по мере распространения грамотности среди горожан, когда образование и литература сделались достоянием более широких слоев населения, старославянские элементы в письменном языке Белоруссии стали заметно ослабляться и все более вытеснялись живой народной речью. В XVI в. в связи с подчинением княжества Литовского Речи Посполитой и усилением польского влияния, литературный язык Белоруссии и Украины стал подвергаться влиянию польского языка, особенно усилившемуся в XVII в. Однако белорусский язык обнаружил большую устойчивость и сохранил свой словарный фонд и грамматический строй, восприняв лишь некоторое количество польских слов. Сформировавшаяся в XIV—XVI вв. белорусская народность, со своей территорией и языком, начала создавать и свою белорусскую культуру.

Наряду с обособлением западной ветви древнерусской народности (белорусов) от ее северо-восточной (великороссов) и юго-западной (украинцев) ветвей шел постепенный процесс нарастания внутренних связей и общения внутри каждой из них. Это нарастание связей было следствием развития производительных сил, сельского хозяйства, ремесла, роста городов и торговли.

г) Культура Украины, Белоруссии и Литвы

Татаро-монгольское иго, захват украинских земель литовскими, польскими и венгерскими феодалами тяжело отразились на экономи-

ческой, политической и культурной жизни украинского народа. Но все же развитие украинской культуры не остановилось.

Памятники материальной культуры XIV—XV вв. (лемехи, наральники, косы, серпы, жернова, молотки, пилы, долота, сверла, замки, цепи, пушки, копья, ружья, церковные и домашние вещи) свидетельствуют, что украинский народ неуклонно продолжал совершенствовать свои орудия труда, обороны, расширял промыслы по добыче железа, поташа, селитры и т. п.

Сохранились и отдельные укрепления, башни, замки во Львове, Луцке, Кременце, Холме, Каменец-Подольске, Хотыне, Мукачеве, Ужгороде и других городах. Замки строились из камня, кирпича и дерева руками городских и сельских жителей. Они отражают высокий уровень развития сельского и городского ремесла.

В XIV—XV вв. украинские земли много раз подвергались варварским набегам татарских орд. Например, в 1399, 1416 и 1482 гг. татарские орды нападали на Киев, разоряя его. Опустошительным набегам неоднократно подвергались Канев, Черкассы, Белая Церковь, Винница, Луцк, Браславль, Бершад, Бакота, Каменец-Подольский и десятки других городов и сел. Но все же часть каменных зданий уцелела: в Киеве — Софийский собор, Михайловский монастырь, Печерская лавра, Кирилловский и Выдубицкий монастыри, Золотые ворота. Древние памятники сохранились в Чернигове, Каменце-Подольском, Язловце, Бучаче, Львове и многих других городах Украины. Деревянные строения в городах и селах татарами уничтожались полностью. Местное население не раз восстанавливало жилые дома, церкви и монастыри, возобновляло их художественное оформление. Украинскими живописцами были расписаны церкви в Киеве, Луцке, Львове, Каменец-Подольске, Остроге, Холме, а также некоторые костелы в Польше (в Кракове и других городах). На развитие украинской живописи имели большое влияние русские живописцы Москвы, Новгорода, Владимира, особенно выдающийся художник А. Рублев.

Широко известны народная резьба по дереву и камню, изделия из глины и кости. Искусной резьбой ремесленники украшали двери, окна, мебель, сельскохозяйственные орудия, посуду, церковные вещи и т. п. Одежда отделывалась разнообразными художественными вышивками.

Несмотря на политическую зависимость украинских земель от иноземных захватчиков, формирование украинского народа неуклонно продолжалось, развивался народный язык, повышалось народное самосознание. Литовские феодалы, захватив белорусские и украинские земли, принуждены были использовать их культурные достижения.

Выдающимися памятниками украинского языка являются летописи. Из них особенно известна галицко-волынская летопись. Важное место

среди источников того времени занимает киевская летопись, в которой описаны политические события с 862 по 1500 г., притом события 1481—1500 гг. описаны современником. История Украины отразилась также в двух литовских летописях — краткой и пространной. В краткой летописи изложена политическая история великого княжества Литовского с 1377 по 1446 г. В пространной летописи описывается история Литвы с древнейших времен до 1505 г. Эти летописи содержат ценнейшие материалы и по истории Белоруссии.

Одновременно развивались на Украине и другие виды литературы, которые основывались на великих достижениях древнерусской литературы. При монастырях и церквах переписывались религиозные и другие книги, которые распространялись по всей Украине. Литература пополнялась оригинальными местными произведениями и переводными книгами, созданными на территории Руси, Белоруссии, а также Болгарии, Сербии и других славянских стран. Самым популярным произведением оригинальной литературы был «Киево-Печерский патерик». В XV в. возникло несколько новых редакций «Патерика»: в 1406 г. появилась Арсеньевская редакция, составленная для тверского епископа Арсения; в 1460 и 1462 гг. по указанию наставника Печерского монастыря Кассиана были созданы две редакции, получившие название Кассиановских[1].

Из церковных писателей известны киевский митрополит Киприан, автор многих произведений церковного характера (в том числе «Жития митрополита Петра»), и киевский митрополит Григорий Цамблак.

Произведения оригинальной и переводной литературы переписывались от руки полууставными прямыми и ломаными буквами. Это было время перехода от уставного письма к скорописи [2].

Продолжало развиваться народное устное творчество — песни, исторические думы, колядки, веснянки и т. п. В них украинский народ повествовал о своей тяжелой жизни под иноземным гнетом. Больше всего в песнях и думах говорится о борьбе украинского народа против татар, турок, литовских, польских и венгерских феодалов. В Галиции, где в XV в. господствовали польские паны, были широко известны украинские песни. В одной из них говорится:

Добре було нашим батькам
За давніх літ жити,
Доки не знали наші батькі
Панщини робити...

---

[1] «История русской литературы», т. II, ч. I, М.—Л., 1945, стр. 242.

[2] *А. И. Соболевский.* Славянорусская палеография. СПб., 1908, стр. 46.

Образование в условиях иноземного владычества находилось на более низком уровне, чем на Руси. Среди трудящихся масс и даже феодалов грамотные и образованные люди встречались редко; они использовались князьями на государственной службе в качестве составителей грамот и привилеев, судей, ревизоров, переписчиков книг и т. п.

В это время школы на Украине существовали преимущественно при епископских кафедрах, монастырях и церквах. Образование носило религиозный характер. В сельских местностях школы были только при крупных церковных приходах, в большинстве сел их вовсе не было.

Несмотря на жестокий иноземный гнет, самобытная украинская культура продолжала развиваться в теснейшей связи с культурой русского и белорусского народов.

* * *

Все возраставший феодальный гнет хотя и неблагоприятно сказался на развитии культуры белорусского народа, но не мог заглушить народное творчество. Сохранялись былины, сказки и предания, унаследованные от древнерусской культуры. Широко бытовала народная поэзия, сопровождавшая земледельческие обряды и семейно-бытовые праздники. Появились новые исторические песни, отражавшие героическую борьбу белорусского народа с иноземными захватчиками — немецкими (крыжака̂ми), татарскими и литовскими феодалами. В них видна любовь народа к своей земле, его борьба за свободу и независимость.

Известна*) белорусская народная песня о разгроме татарского войска под Кричевом:

Падымалісь чорны хмары,
Неба пакрывалі,
Прыхадзілі злы татары,
Пад Крычавам сталі...

По призыву безвестного народного героя Ивашки на защиту родного города «людзи ў рады сталі» и

Злы татары падаліся
Уцякаць гурбою.

В XIV—XV вв. белорусский народ создал социально-бытовую лирику, посвященную тяжелому положению крестьянства и его активным выступлениям против светских и церковных феодалов.

---

*) В нижеследующем тексте до конца второго абзаца на стр. 565 использованы материалы «Истории БССР», подготовленной Институтом истории АН Белорусской ССР. — *Ред.*

Одна из песен ярко рисует невыносимый крепостной гнет:

А ў нашага пана
Цяжкія прыгоны:
Як загоняць з панядзелку,
Дзержаць да суботы;
А ў суботу на работу,
А ў нядзелю на варту.

Другая песня изображает расправу крестьян с паном:

А нашага пана
Вядуць вешаць...

и иронически добавляет:

Няхай-жа ён праветрае,
Можа заўтра палепшае.

Созданные народом пословицы, сказки, сатирические песни исполнены глубокой ненависти к феодалам.

Укрепление экономических позиций литовских феодалов, обострение политической борьбы в стране в условиях образования и роста Русского централизованного государства вызвали в среде господствующего класса желание осмыслить сложившуюся обстановку. Это привело в XV в. к возникновению летописей и произведений духовного и светского характера.

Летописи эти получили название «литовских», так как их составители жили на территории, подвластной Литве, но события, нашедшие отражение в них, касались как Литвы, так и подвластных ей земель Украины и Белоруссии.

В 40-х гг. XIV в. в Смоленске был составлен «Летописец великих князей литовских», охватывавший события истории земель Литовского великого княжества от княжения сыновей Гедимина до смерти Витовта. Позднее он был пополнен русскими источниками и переработан применительно к политическим целям литовских великих князей[1].

Церковная литература в Белоруссии была как оригинальной, так и переводной. Переводились главным образом Библия, «жития» святых, духовные повести, поучения и хронографы. Часто при переводе в произведение вносились изменения и дополнения, и потому переводные сочинения подчас приобретали самостоятельное значение.

---

[1] См. *М. Д. Приселков*. Летописание Западной Украины и Белоруссии. «Ученые Записки» Лен. Гос. университета, сер. историч., вып. 7, № 67, 1941, стр. 17-21.

Экономический подъем городов способствовал расширению культурных запросов горожан и феодалов. В появившихся светских повестях видна некоторая оппозиция церковно-феодальному мировоззрению. Вновь получили распространение переводные повести об Александре Македонском, о Трое и т. п. Интересам светского общества служили также астрологические и гадательные книги.

* * *

В борьбе с польско-католическим засильем большое место принадлежало братствам (объединениям горожан вокруг приходской церкви или монастыря) и школам — важным элементам украинской и белорусской городской культуры.

Со второй половины XV в. в великом княжестве Литовском стало усиливаться католическое влияние. Было ограничено участие украинского и белорусского населения в городском самоуправлении. Урезаны были также права православных феодалов. В православном населении, в массах простого народа — крестьянства, горожан росла вражда к католическим иноземным захватчикам.

Феодалы ради сохранения своих привилегий готовы были сблизиться с польскими панами и принимали католичество. Горожане, организованные в братства, вели постоянную борьбу против польско-католического засилья, против феодальных притеснений. Создание братств облегчалось существовавшим в то время городским самоуправлением и цеховым устройством. Сами названия многих из братств указывают на их связь с городскими цеховыми организациями (например, Кожемяцкое, Кузнецкое; первое братство Кушнерское — торговцев мехами и кожами — возникло в Вильнюсе в 1458 г.). Часто лица, входившие в состав братства, были одновременно членами органов городского и цехового самоуправления, т. е. принадлежали к торгово-ремесленным верхам.

Располагая довольно большими денежными средствами и стремясь упрочить свое политическое положение, братства вели значительную работу по просвещению и благотворительности. Они содержали больницы, школы, странноприимные дома, выдавали пособие больным, бедным, сиротам. Они имели право патроната над церковью, при которой состояли. Этими средствами братства усиливали свое влияние на население городов и окружавших их сел. Братства возникали как в больших, так и в мелких городах. Располагая школами, братства распространяли грамотность и образованность, главным образом среди зажиточных слоев городского населения. Они энергично боролись против попыток окатоличить народ. Таким образом, братства были важным фактором в борьбе за украинскую и белорусскую культуру.

Замок в г. Мединингай

В этом направлении действовали также и школы, организованные братствами. В XV в. вырос спрос на грамотных людей. Потребность в образованных людях особенно чувствовалась среди зажиточных слоев городского населения, которое к этому времени уже вело значительные торговые операции и участвовало в самоуправлении. Но школ было

немного и средством широкого распространения грамотности они служить не могли. Школы находились при монастырях и церквах. Преподавателями в них были пономари и дьячки, называвшиеся «баккалаврами». Учебными пособиями служили Псалтырь, учительное Евангелие, отчасти Часослов и другие церковные книги. Светские науки в этих школах не преподавались; не всегда изучались даже основы арифметики.

* * *

Продолжало развиваться украинское и белорусское народное искусство, музыкальное, танцевальное; совершенствовались художественная обработка дерева, ткачество, вышивка, ювелирное дело.

Белорусское искусство представлено также памятниками архитектуры, живописи и скульптуры. По стилю, композиционным приемам и орнаментальным мотивам оно восходит к древнерусскому искусству и основывается на народном художественном творчестве.

Однако далеко не все архитектурные памятники, сохранившиеся на территории Белоруссии, можно считать произведениями белорусского искусства. Так, замки феодалов и католические костелы строились польскими и литовскими магнатами, которые, применяя труд белорусских крепостных, обычно соблюдали стиль и планировку, создавшиеся в польском искусстве.

Для белорусской деревенской архитектуры, так же как и для русской, характерна срубная техника. Древнейшие остатки срубных построек, найденные на территории Белоруссии (в Давид-Городке, Пинской области, на Минском Замчище), относятся к XI—XII вв. Срубная техника сохранялась преимущественно в крестьянском жилище, но она применялась в строительстве и храмов, и помещичьих усадеб, и в городском строительстве.

Необходимость защиты западнорусских земель от немецкой агрессии, междоусобная борьба магнатов, а также борьба белорусского народа против феодалов определили характер каменной архитектуры Белоруссии. Начиная с XIII в. в ней преобладало крепостное и замковое строительство. Возникают мощные замковые сооружения в Новгородке (XIII в.), Лиде (XIV в.), Гродно (XIV—XVI вв.), Мире (XV—XVI вв.) и др. При этом многие архитектурные памятники еще сохраняют черты древнерусского стиля.

Крупные города (Полоцк, Минск, Витебск, Гродно, Орша, Брест, Слуцк и др.) были укреплены стенами, башнями, земляными валами и рвами. Стены городских укреплений строились чаще всего из дерева. Однако уже в первой половине XIV в. они возводятся также из камня,

например, в Витебске (в середине XIV в.) были выстроены мощные кирпичные укрепления с дворцом в центральной части города. Башни, как и стены, были снабжены бойницами, предназначенными для стрельбы, а также для сбрасывания камней и горящей смолы на неприятеля. В Полоцке городские укрепления состояли из трех крепостей.

Городские укрепления возводились жителями городов, замковые и монастырские — крепостными крестьянами окрестных деревень. В это строительство народные мастера вкладывали свой богатый многовековый опыт. Сооруженные народным трудом крепости не раз спасали население городов и замков от нападения немецких рыцарей и татар.

Развивалось церковное строительство. Многие церкви того времени также укреплялись, как, например, церкви в Синьковичах. По планам эти церкви близки к древнерусским храмам. Они представляли вытянутые прямоугольники, оканчивающиеся с восточной стороны апсидами, и были укреплены по углам башнями с бойницами, что придавало им сходство с замками. Снаружи и внутри храмы украшались стенной живописью и богато оформленными фронтонами.

Основу искусства составляло народное творчество Даже в обычных крестьянских хатах-четырехстенках — в одну комнату с глинобитной печью в углу и узкими окошками — заметно стремление украсить жилище. Фронтон и окна нередко украшались резным фризом, ставни и карнизы покрывались геометрическим или растительным орнаментом. Известны имена пинского резчика по дереву XV в. Апатия и оршанского мастера XVI в. Андрея.

В связи с широким распространением в XV в. переписки книг в Белоруссии развивается искусство украшения книг. Оно ярко проявилось в таких древних рукописях, как Мстижское и Оршанское евангелия XIV в. с их цветными заставками и заглавными буквами. Некоторые рукописные книги иллюстрировались миниатюрными изображениями на исторические и религиозные темы. Дальнейшее развитие белорусской графики, так же как и граверного искусства, связано с успехами книгопечатания в Белоруссии, основателем которого был Г. Скорина (XVI в.).

Живопись представлена главным образом иконописью и портретом. В портретах ощущается стремление дать реалистическую характеристику изображаемых лиц, освободиться от иконописных приемов и ввести в искусство светские мотивы.

Белорусская культура развивалась как родственная русской и сохранила близость ей, несмотря на попытки господствующего класса оторвать белорусский народ от русского народа, навязать белорусам чужие им язык и культуру.

* * *

Развитие культуры литовского народа зависело непосредственно от внутреннего развития производительных сил и производственных отношений[1]. Вместе с тем на экономическое, политическое и культурное развитие Литвы большое положительное влияние оказывала культура русского народа.

Поэтическое творчество литовского народа ярко отразило его духовную культуру. Высказываемые в литовских народных песнях, сказках, пословицах, загадках идеи и взгляды на жизнь отражают быт, интересы и стремления литовского народа.

В поэтическом творчестве ярко отразилось положение земледельцев-крестьян под гнетом феодальной эксплуатации, всенародная борьба против тевтонской агрессии, сопротивление народа крепостническому гнету и насильно навязываемому феодалами и духовенством католицизму.

Борьба против тевтонской агрессии нашла отражение в песнях о защите родины. В Христбургском договоре (1249), который Тевтонский орден навязал западным литовцам и пруссам, крестоносцы не случайно требовали, чтобы литовцы и пруссы не держали певцов, которые воспевают погибших в военных походах. В XVI в. хронист М. Стрыйковский цитирует литовскую песню о походе гедрайчского князя Дауманта против меченосцев и песню о защите Каунасского замка от крестоносцев (1362). В последней делается упрек судайчскому князю в том, что он долго спал и из-за этого враги «вырубили воинов, разрушили замок». Этот пример характерен для литовского народного творчества, в котором вообще не осталось ни песен, ни преданий, прославляющих военные походы феодалов.

Отражение народной борьбы против Тевтонского ордена сохранилось в песнях о простом человеке, безымянном «братце» («бролелис»), отправляющемся на войну. Эти песни отличаются высокой художественностью текста и мелодичностью; война в них изображается как тяжкое несчастье, принесенное тевтонскими захватчиками. «Не так мне жаль замка, как жаль воинов», — печалится народная песня о борцах, погибших при защите Каунасского замка от крестоносцев. О воине, павшем при защите Вильнюса от крестоносцев, плачут не только его сестры,—их скорбь разделяет вся природа, даже солнце скорбит с ними. «Девять дней по утрам во мгле буду, на десятое утро совсем не взойду». И на поле брани «не одна матушка сынка оплакивала, не одна сестрица братца искала».

---

[1] См. гл. 5, § 1а настоящего издания; ср. также, ч. I, гл. 4, § 6.

Вместе с тем, народные песни полны жгучей ненависти к «врагам-крестоносцам», с которыми литовцы борются под Каунасским «замком»; «в городе Вильнюсе», там, где «замок Раудоне красиво мурован, слезами обмыт», «за морями-океанами», где «под горами, под холмами земля в крови», или вообще «на большой войне». Ненависть к тевтонским захватчикам сквозит и в преданиях о борьбе Перкунаса с чортом — «немчиком».

Борясь против крестоносцев, литовцы привыкли смотреть на католическую церковь, как на религию поработителей, «господ»; этот взгляд сохранился в народе и после насильственного обращения литовского народа в католичество в XIV—XV вв. Письменные источники показывают, с каким упорством литовцы сопротивлялись католическим обрядам, придерживаясь своих старых обычаев культа. В 1426 г. Самбийский епископ угрожал западным литовцам и пруссам розгами и другими тяжелыми наказаниями за «раскрещение» окрещенных детей в реках, за обрядовые собрания в рощах. На столетие позже, в 1547 г. рагнитский пастор Мажвидас обвинял «литовцев и жемайтов», что они дают обеты Перкунасу, почитают лауксаргов и других богов. Позднее католический священник Даукша в катехизисе (1595) писал, что литовцы все еще почитают «огонь, жемину (божество земледелия и скотоводства), змей, ужей, гром, деревья, священные рощи и других богов».

Во многих трудовых, лирических, бытовых, юмористических песнях, а также в песнях о защите родины совершенно нет ни образов христианской мифологии, ни христианской «морали». В сказках обычны открытые насмешки над церковью и ее служителями. Очень распространены разнообразные бытовые сказки, высмеивающие религиозные предрассудки и разоблачающие жадность, разврат ксендзов, их мошенничества. Церковные обряды — крещение, исповедь, пост — высмеиваются в сказках о животных: в сказке о лисе «крестительнице», о «посте» волка или лисицы, об «исповеди» зверей. Большинство этих сказок, повидимому, создано в XV—XVI вв., когда народ особенно активно боролся против католической церкви и ее обрядов.

Развитие крепостнических отношений, усиление барщинной эксплуатации отразились в народном творчестве вместе с ненавистью народа к феодалам-эксплуататорам. Тяжелый труд женщин, особенно во время жатвы, народный гнев против феодальной администрации выражен в стихах:

Беги, волк, по покосу,
Унеси, волк, тиуна,
Который не пускает нас домой[1].

---

[1] «Материалы Рукописного отдела Института истории АН Литовской ССР».

Вся система барщинной эксплуатации изображается как непрерывная непосильная работа на пана:

Вчера у пана
Сегодня у пана,
Пусть на пана
Все болезни падут[1].

Значительная часть народного творчества победоносно выдержала все преследования католических ассимиляторов, пытавшихся уничтожить самый литовский язык.

* * *

Начавшаяся в XIII в. кровавая агрессия Тевтонского ордена и римского папы, постоянные опустошительные набеги на литовскую территорию, массовые убийства людей, грабеж и уничтожение материальных благ в течение двухсот лет задержали развитие литовской кулитуры. Тевтонская агрессия, осуществлявшая свои разбойничьи действия под маской распространения католичества, помешала литовскому народу в то время усвоить некоторые формы культурной жизни, которыми уже ранее пользовались более передовые народы Европы. Постоянные набеги крестоносцев уничтожали массу материальных благ в Литве, разрушали экономические связи между отдельными ее областями; погибала масса людей и даже совершенно обезлюдели целые области, например Занеманье (Ужнемуне).

Эта агрессия помешала литовскому народу развить свою письменность, задержала общий культурный рост. Агрессия тевтонских захватчиков, их постоянные кровавые набеги на Литву задержали развитие производительных сил и общественных отношений и образование новых форм культуры.

Культура литовского народа создавалась и развивалась в многовековом тесном сотрудничестве с соседями, особенно с восточными славянами, с русскими. Ряд бытовых обычаев, многие мотивы народного творчества и, наконец, многие факты языка ярко отражают эту тесную связь. Содружество литовского народа с русским народом в особенности усилилось в борьбе против тевтонской агрессии. Один из организаторов этой агрессии, римский папа, часто объявлял в своих буллах крестовые походы против литовцев и русских. Так, папа Александр IV в 1257 г. напомнил «брату» ордена миноритов Бартоломею, что ему поручена «обязанность проповедывать крестовый поход против литовцев, ятвягов, русских». Папа Урбан IV в 1264 г. призывал на войну против «схизматиков русских, литовцев и других, в их соседстве проживаю-

---

[1] «Материалы Рукописного отдела Института истории АН Литовской ССР».

щих». Таким образом, враги литовского народа, папа и крестоносцы Западной Европы, стремясь завоевать Литву, ясно видели, что сила Литвы состоит в единении с русским народом.

Ряд форм быта, государственной организации и управления в великом княжестве Литовском появился под влиянием русской государственной организации.

В Литве уже с IX—X вв., наряду с известной в деревнях Жемайтии жилой постройкой — домом (намас) с очагом, широкое распространение получил заимствованный от русских другой тип жилой постройки: изба с печью.

Многие из высших функций государственного управления в Литве создались по образцу бывших на Руси; были заимствованы даже наименования «великого князя», наместников, тиунов и т. п.

Поэтому и литовские князья, ставшие удельными князьями в русских землях, легко усваивали их культуру, выражали интересы господствующих классов русских земель и защищали эти интересы, лишь приспосабливаясь к тем задачам, которые исходили от великого князя литовского. Так поступал Любарт на Волыни, сыновья Ольгерда: Андрей — в Полоцке, Дмитрий — в Брянске, Владимир и его преемники — в Киеве и др. Это было следствием постоянного влияния более развитой русской культуры и государственной жизни.

Древняя литовская культура была довольно высокой, и ее богатство отразилось в развитии экономической и государственной жизни, в развитии литовского языка и народного творчества, в зодчестве (замок в Трокай). Однако некоторые формы этой культуры, в особенности религиозные, связанные с отживавшими производственными отношениями, уже не соответствовали условиям классового феодального общества. Новые, более высокие формы общественно-культурной жизни шли в Литву от русского народа; они появлялись как результат постоянного экономического, политического и культурного общения.

Русский народ имел свою широко развитую письменность, не только церковную, но и богатую летописную — историческую, правовую («Русская Правда») и художественную («Слово о полку Игореве»). Под влиянием русской литературы, всей русской письменной культуры, а также близких общественных отношений при дворах великих литовских князей, Ольгерда и других, русский язык употреблялся как язык административно-государственных отношений, как выразитель более высокой культуры.

С влиянием русской культуры тесно связано и начало письменности в Литве. Вследствие жестокой тевтонской агрессии и захватнических действий польских феодалов и католического духовенства при введении католичества в Литве, вследствие узко-классовой политики

литовских феодалов, литовский народ до XVI в. не имел собственной письменности. Но рост Литовского государства требовал развития письменного делопроизводства. Уже и ранее великие князья Миндовг, Витень, Гедимин, Ольгерд вели переписку с другими государствами. При дворе Витовта широкое развитие получило письменное делопроизводство, связанное с внутренним развитием государственной жизни и борьбой за государственную самостоятельность Литвы против посягательств польских панов. Это делопроизводство велось на древнерусском языке. Следовательно, развитие литовской культуры шло в тесной связи с русской культурой и под ее влиянием.

С конца XIV в. в Литве развилась разнообразная письменность на древнерусском языке. Это были документы феодально-государственной жизни, и прежде всего деятельности государственной канцелярии великого княжества Литовского.— выписки, судебные дела и пр. Из них образовался большой и ценный исторический сборник «Литовская метрика». На древнерусском языке и под некоторым влиянием «Русской Правды» написаны и кодексы феодального права великого княжества Литовского — Литовские статуты (1529, 1566, 1588 гг.).

Экономическая связь Литвы с белорусским, украинским и русским народами содействовала ускорению развития феодальных отношений, дала возможность литовскому народу защитить свою свободу от агрессии захватчиков и нанести им решительный удар в битве под Грюнвальдом. Культурное влияние восточнославянских народов помогло литовскому народу преодолеть те преграды для культурного роста, которые ему ставила папско-тевтонская агрессия, помогло вырастить новые формы культуры, помогло пресечь агрессивные замыслы польских панов и католической церкви, стремившихся уничтожить язык и культуру литовского народа.

2

ЭСТОНИЯ И ЛАТВИЯ В XIII — XV ВВ.

Особенности политического строя Ливонии (Восточной Прибалтики, оказавшейся к концу XIII в. после кровопролитной борьбы[1] под властью немецких крестоносцев и Дании) определялись не только социально-экономическими отношениями в стране, но и соотношением политических сил, которые боролись за преобладание в западноевропейском феодальном обществе, в первую очередь соперничеством между папством и империей. На образование политического строя Ливонии значительное

[1] См. ч. I, гл. 5, § 3 настоящего издания.

влияние оказывал также ход борьбы между Данией, с одной стороны, императором, северогерманскими князьями и городами — с другой. Борьба за Ливонию была частью общей борьбы за торговое и политическое преобладание на Балтийском море, которая шла на протяжении всей средневековой истории и продолжалась в новое время.

Епископ Альберт, стремясь создать церковное княжество наподобие кельнского, трирского, майнцского и других архиепископств Западной Германии, в которых представители церкви обладали и светской властью, передал в 1207 г. императору вновь приобретенные земли в Ливонии, чтобы получить их обратно в качестве имперского лена. Таким образом, ливонский епископ стал вассалом императора и занял место в ряду имперских князей. Однако создание в Ливонии объединенного феодального государства, зависимого от императора, противоречило теократическим планам могущественного папы Иннокентия III и его преемников. Папская курия смотрела на Ливонию, как на свое завоеванное достояние. Григорий IX в 1237 г., утверждая слияние Ордена меченосцев с Тевтонским орденом, особо подчеркнул право римской курии на Ливонию[1]. В порядке так называемой экземции (освобождение местных епископов от подчинения бременским или другим архиепископам) епископы в Ливонии заняли место вне обычной системы церковной иерархии и непосредственно подчинялись папе. Свою волю папы осуществляли через специальных легатов, наделенных, между прочим, и судебной властью.

Препятствуя значительному усилению власти рижского епископа Альберта, римская курия отказалась возвести его в сан архиепископа. Только в 1245 г., когда в Риме начали беспокоиться по поводу возросшего могущества Тевтонского ордена и зависимого от него — Ливонского ордена, папа Иннокентий IV возвел Альберта Зюрберского в сан архиепископа прусского, ливонского и эстонского[2]. В 1255 г. Александр IV утвердил резиденцией архиепископа Ригу[3]. Но и после создания рижского архиепископства папство продолжало поддерживать независимость остальных епископов в Ливонии[4].

Политика римской курии, направленная в сторону усиления папской власти и укрепления аппарата управления делами католической церкви в Ливонии, привела к политической раздробленности и полной децентрализации церковной и политической. Кроме рижского архиепископа, в средневековой Ливонии было еще четыре епископа (дерптский, эзельско-викский, пильтенский, или курляндский, и ревельский).

---

[1] «Liv, Esth- und Kurländisches Urkundenbuch», т. I, Revel, 1853, № 149.

[2] «Fontes historiae Latviae medii aevi», № 283, 285, 286.

[3] Там же, № 414.

[4] Там же, № 398, 399, 403, 404.

Все они, за исключением ревельского епископа, подчиненного лундскому архиепископу, владели самостоятельными территориями (епископствами), лишь номинально считавшимися имперскими ленами. С 1218 г. существовало еще земгальское епископство, присоединенное в 1251 г. к рижскому епископству (впрочем, окончательное завоевание крестоносцами земгальских земель относится к 1290 г., когда остатки непокорных земгалов разрушили свой последний замок Сидрабена и ушли в Литву).

Кроме епископств, в состав Ливонии входили еще и другие феодальные владения, владения Ордена и датской колонии. Феодальный хаос усиливался еще и потому, что Рига, Ревель, Тарту (Дерпт) и другие торговые города Ливонии вели независимую политику.

В вассальной зависимости от рижского епископа находился Орден меченосцев, утвержденный папой в 1202 г. под официальным названием «Братства воинов христовых». По договору 1207 г. с рижским епископом меченосцы получили третью часть завоеванной территории, по договору 1224 г. с дерптским епископом — половину Южной Эстонии и в 1228 г.— третью часть эзельского епископства. Но вместе с этим Орден меченосцев вынужден был признать вассальную зависимость, хотя и весьма условную, не только от рижского, но также от дерптского и эзельского епископов. В Курляндии, после подавления в 1242 г. восстания куршей, Ливонский орден получил две трети страны и был освобожден от каких бы то ни было вассальных обязательств по отношению к местному епископу. Территория, подвластная Ордену, составляла 67 000 квадратных километров, в то время как вместе взятые владения четырех епископов составляли только 40 000 квадратных километров.

Фактически Ливонский Орден, военные силы которого далеко превосходили силы всех епископов, придерживался независимой от них политики. Во главе Ордена стоял магистр с резиденцией в Цесисе (Венден). Владения Ордена делились на комтурии и кастелянства с комтурами и кастелянами (фогтами) во главе, жившими в сильно укрепленных каменных замках. До XV в. таких областей управления было 30—40, а с XV в.— 20 (9 комтурий и 11 кастелянств). В XIII в. кастеляны (фогты) по своему должностному положению стояли ниже комтуров. Они решали все дела, касавшиеся эксплуатации крестьян, в то время как комтур был начальником размещенного в каком-либо замке орденского гарнизона. Начиная с XIV в. как кастеляны, так и комтуры были управляющими областей орденской территории с одинаковыми правами. Комтурии и кастелянства делились на округа орденских имений, или амты, а те в свою очередь — на погосты, или вакковые селения. Магистр Ордена, фогты, местные ко-

мандоры (комтуры), казначей и маршал (начальник войска) составляли орденский конвент под председательством магистра. Конвенту принадлежало право избрания магистра. Это была военно-монашеская организация немецких феодалов-захватчиков.

Второй по величине территорией (около 18 400 квадратных километров) было рижское архиепископство (до 1251 г.— епископство). Его главные составные части — это бывшие земли Талавы и Ерсики и территория, населенная ливами. Главой здесь был архиепископ с резиденцией в Риге (до 1420 г.), а позже в Рауне (Роннебург). Наряду с архиепископом управлением ведали 12 высших священников, т. е. капитул соборных каноников (домкапитул). С ростом же политического значения вассалов, со второй половины XIV в., важнейшим политическим учреждением сделалось собрание всех вассалов архиепископства — мантаг. С XV в. вассалы стали преобладать в управлении архиепископством. Образовался совет архиепископства, который состоял из шести членов капитула и шести вассалов во главе с архиепископом. Территория архиепископства подразделялась на три части: домен, который являлся собственностью архиепископа, земли капитула соборных каноников и земли вассалов. Домен архиепископа вначале был подразделен на четыре, а позже на два кастелянства в Турайде (Трейдене) и Кокнесе (Кокенгаузене). Эти кастелянства делились на округа имений, а те в свою очередь — на вакки, или погосты. Владениями капитула управлял пробст. Бóльшую часть архиепископства составляли ленные земли вассалов, на которых неограниченно хозяйничали и правили сами вассалы. От их произвола зависели крестьяне, жившие на их землях.

Из трех остальных ливонских епископских территорий две находились в Эстонии: тартуское (дерптское) и сааре-лянемаское (эзель-викское). У таллинского (ревельского) епископа не было своей территории, он имел лишь несколько поместий, выделенных для его содержания. Курземский (курляндский) епископ имел резиденцию в Пильтене. Управлял епископством и был его высшим судьей назначенный епископом фогт. Небольшая территория разделялась на восемь административных участков (амтов), которые в свою очередь подразделялись на погосты. Так как владения Ливонского ордена раскололи территорию курземского (курляндского) епископа на три части, то она скоро подпала под полное влияние Ливонского ордена. Ливонскому ордену удалось добиться в Риге постановления, согласно которому курземским епископом мог быть только член Ордена. Тем самым курземское епископство политически было подчинено Ливонскому ордену.

Императорская власть, в отличие от папства, не являлась столь реальным политическим фактором в Ливонии. Только в XVI в. наблю-

дается тенденция к установлению политических связей между Ливонией и Германий, но все подобного рода (обычно кратковременные) попытки оставались безрезультатными.

Притязания датских королей на Ливонию всегда встречали отпор как папства, так и местных епископов и Ордена. После победы над эстонцами в лагере захватчиков началась борьба, скоро перешедшая в вооруженные столкновения. Папские легаты со своей стороны пытались использовать датско-немецкое соперничество и объявить спорную территорию в Северной Эстонии достоянием папства.

В 1227 г. Дания потерпела поражение (в битве при Борнгеведе) и лишилась возможности защищать свои отдаленные владения в Эстонии. Этим воспользовался Орден меченосцев и занял папские и датские земли в Северной Эстонии вместе с Ревелем. В 1233 г. сторонники папского легата были перебиты, а их трупы свалены в церкви в виде огромной пирамиды. Жестоко расправлялись также с эстами, искавшими защиты у папского легата. Орден меченосцев постарался узаконить этот захват и в 1228 г. получил от немецкого короля Генриха VII грамоту о вечном владении Эстонией, что было подтверждено также императором Фридрихом II в 1232 г.[1] Римская курия была непосредственно задета подобной политикой Ордена и стала поддерживать Данию. Поэтому в 1237 г. папа и датский король согласились на слияние Ордена меченосцев с Тевтонским орденом лишь при условии возвращения Дании Ревеля и Северной Эстонии. Датский флот готовился к отплытию в Финский залив, что заставило Тевтонский орден уступить (по договору в Стенби 1238 г.) настойчивым требованиям датского короля и папы.

Грабительским договором в Стенби был закреплен раздел Эстонии между крупными феодалами[2]; в основных чертах условия раздела сохранились до 1346 г. Все захваченные немцами земли эстонцев и латышей стали называться Ливонией, так как на них было распространено наименование первоначально захваченных областей ливов[3].

Эстонская территория была поделена между четырьмя крупными феодальными властителями: в Восточной Эстонии утвердился тартуский епископ, Сааремаа и Ляанемаа образовали самостоятельное епископство, Харьюмаа и Вирумаа принадлежали датскому королю, остальные области Эстонии — Ордену. Все четыре властителя были

---

[1] *Fr. G. v. Bunge.* Das Herzogthum Estland. Gotha, 1877, стр. 26—29.

[2] См. *И. П. Шаскольский.* Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии 1240—1242 гг. против Руси. «Исторические записки», № 37, стр. 169—188.

[3] Не следует смешивать название «Ливония» с позднейшей Лифляндией (Лифляндской губернией).

независимы друг от друга. Это было обусловлено господством натурального хозяйства и слабой хозяйственной спаянностью отдельных частей страны. Землевладение и политические отношения крупных феодалов находились в соответствии с этой экономической основой. Время от завоевания Эстонии до середины XVI в. является, следовательно, периодом феодальной раздробленности.

* * *

Общественно-экономический строй эстонцев и латышей в начале XIII в., еще до немецко-датского нашествия, стал развиваться в сторону феодализма[1]. Необходимая база в Эстонии и Латвии для победы феодального способа производства была создана развитием производительных сил. Вторжение немецких захватчиков осложнило этот процесс. Завоевание внесло в местное общественно-политическое развитие существенную особенность: феодальный класс эксплуататоров формировался преимущественно из завоевателей, которые силой оружия заключили покоренный народ в оковы феодального рабства. Двойной гнет — феодальный и колониальный — тормозил экономическое и культурное развитие эстонцев и латышей в течение всей эпохи феодализма.

Национальные противоречия со временем стали настолько резкими, что всех свободных людей даже в официальных документах стали называть немцами, а всех несвободных, т. е. крепостных, крестьян — «ненемцами» (Undeutsche). Государственная власть позже менялась неоднократно (литовские, польские и шведские короли, русские цари), однако главным притеснителем латышских и эстонских крестьян оставался немецкий помещик. Этим и объясняется та ненависть к немецким феодалам, которая запечатлелась, например, в латышском и эстонском фольклоре.

Эстонские и латышские земли перешли в руки крупных феодалов-захватчиков — короля, епископов или Ордена, которые присвоили себе право распоряжаться ими по своему усмотрению. Они являлись высшими феодалами-сюзеренами. Часть земель они роздали в виде ленов рыцарям или купцам, которые, вступая во владение ленами, становились вассалами. Вассалы помогали своим сюзеренам на войне и всегда были готовы содействовать удержанию покоренных эстонцев и латышей в повиновении.

Ливонский орден располагал многочисленной тяжеловооруженной кавалерией, поэтому на его территории войско вассалов имело сравнительно небольшое значение. На землях Ордена вассалы если и встречались, то главным образом мелкие, которые должны были

[1] См. ч. I, гл. 4, § 5 настоящего издания.

служить в легкой кавалерии или исполнять какие-нибудь другие обязанности, например перевозить почту. Частью это были латыши, как например, «куршские короли», жившие у Кулдиги (Гольдингена). В отличие от немецких помещиков они всегда обрабатывали землю сами с членами семьи; в их распоряжении крепостных людей, как правило, не было. С другой стороны, в отличие от крестьян, они не платили ренты, исполняли обязанности ленников и сами не являлись крепостными феодалов-помещиков. Это были мелкие вассалы из числа зажиточных латышей, так называемые лейманы. С течением времени эти вассалы-латыши или онемечились, или очутились в положении зависимых крепостных. Только «куршским королям» удалось сохранить свое прежнее положение вплоть до XIX в.

На землях рижского архиепископа и епископов латышские и эстонские лейманы встречались в гораздо меньшем количестве. Часто они были подчинены не непосредственно рижскому архиепископу или епископам, а их крупным вассалам. На землях епископов главной боевой силой было войско немецких вассалов. Вот почему епископы всячески старались привлечь к себе вассалов-немцев, предоставляли им различные привилегии. Так, епископы давали вассалам в лены участки земли бо́льшего размера, нежели в орденских владениях; эти епископские лены и наследовались более свободно. В принадлежавшей датчанам Северной Эстонии вассалы сами могли судить своих крестьян. Со временем подобные же права получили и вассалы епископов, тогда как на орденских территориях решать дела о жизни и смерти имел право только фогт.

Перечисленные экономические и юридические привилегии объясняют, почему во владениях епископов гораздо раньше образовалось политически сплоченное сословие вассалов, которое приобрело решающее влияние на судьбы этих земель. Политическое влияние епископских вассалов проявлялось прежде всего на так называемых ландтагах, где решающий голос принадлежал представителям рыцарства. Вассалы Ливонского ордена вплоть до XVI в. оставались экономически и политически более слабыми.

Орденские власти враждебно относились к организации вассалов. Единственное исключение на орденской территории составляли вассалы областей Северной Эстонии (Гаррии и Вирумаа), присоединенных к владениям Ордена в середине XIV в. Поскольку почти все земли в Северной Эстонии были в ленном владении, сословие вассалов, используя слабость позиции датских королей в Северной Эстонии, приобрело здесь очень большие привилегии. Присоединяя Северную Эстонию, Орден должен был утвердить все привилегии вассалов. На силу политической организации рыцарства Гаррии и Вирумаа указывает

хотя бы то обстоятельство, что оно посылало на ландтаг 20 делегатов, т. е. в четыре раза больше, чем все остальные вассалы Ордена вместе взятые.

Епископы и Орден признавали над собой власть верховных сюзеренов — германского императора и папы римского, от которых они формально получили свои земли в ленное владение. Это была иерархическая структура землевладения, местный эксплуататорский класс был соединен с правящей верхушкой Западной Европы.

Кровавым насилием крестьяне были ввергнуты в иноземную феодальную зависимость. Захватчики стали присваивать их прибавочный труд в виде оброка натурой, денежных налогов, барщины. Все больше крестьянских участков отбиралось под поместья. Сами же крестьяне попали в личную зависимость от феодалов. Феодал в своей округе обладал политической и судебной властью. Это «внеэкономическое принуждение» являлось важным фактором при формировании крепостного строя на территории Латвии и Эстонии.

Таким образом, в Эстонии и Латвии сложились два основных антагонистических класса: с одной стороны, класс феодально-зависимых крестьян, к которым примыкала формировавшаяся в городах прослойка мелких ремесленников и городского плебса (см. ниже), с другой — класс эксплуататоров, феодалы-землевладельцы; в городах имелась эксплуататорская верхушка — купцы и крупные ростовщики. Между этими классами шла непрерывная и ожесточенная борьба.

Захватчики учли местные социально-экономические отношения. Они частично привлекли на свою сторону знать, предоставляя ей землю в ленное владение и оставляя за ней право деятельности в области местного управления и судопроизводства. Эстонская и латышская знать вскоре слилась с чужеземными феодалами, переняв их язык и обычаи. Захватчики использовали в своих интересах и местную общинную трудовую повинность, общинные подати и посошное распределение пахотной земли.

Немедленно вслед за завоеванием в Восточной Прибалтике образовался влиятельный слой ленных владетелей, или вассалов. Этот слой состоял из немцев, в руках которых сосредоточивались большие земельные угодья. Ленные владетели вначале не вели хозяйства на своих землях. Опасаясь восстания народа, они даже не решались жить в своих имениях, а укрывались в замках (бургах) сюзеренов. Поэтому их владения называются бургвассальными.

Феодал получал оброк и десятину, взимаемые с крестьян тех земель, которые он не выделил вассалам, причем управление невыделенными землями поручал фогту. Таким образом, первой формой эксплуатации, примененной в завоеванных землях, стал сбор податей, введенный

сразу же после подчинения и крещения народа. Первой повинностью, которую возложили на крестьян, была десятина — процентуальная подать, размеры которой зависели от урожая, и оброк, или чинш — определенный годовой налог зерном, зависящий от величины пахотного участка. К этому вскоре присоединилась подать с прироста скота (малая, или скотная, десятина) и постоянный годовой денежный налог (поземельная подать).

Вассалы в своих ленных держаниях или фогты на землях, находящихся в непосредственном владении сюзерена, появлялись на местах лишь во время сбора податей, в сопровождении чиновников и слуг, и одновременно правили суд. Крестьянские общины (вакки) обязаны были принимать и угощать эти шайки угнетателей. В связи с этими обязанностями и особыми вакковыми празднествами постепенно возникли различные повинности и поборы. Кроме того, крестьяне должны были строить и содержать в порядке церкви, дома духовенства, замки, дороги и т. д. На содержание духовенства крестьяне выплачивали так называемое «церковное зерно». Воинская повинность также ложилась на плечи крестьян, а уклонение от нее наказывалось высоким денежным штрафом. Наконец, тяжелым бременем для крестьян были частые и высокие судебные штрафы.

Когда завоевание земель эстонцев и латышей было закончено, феодалы и их представители стали селиться в своих владениях и в дополнение к хозяйственным постройкам строить укрепленные жилища. Это строительство приняло широкие размеры во второй половине XIII в. Так стала развиваться мыза (поместье) с земельными угодьями, отделенными от земли, находившейся в крестьянском пользовании. Поместные земли обрабатывались крестьянами и холопами, а хозяйством руководил сам феодал или его управляющий.

Энгельс указывал на два обстоятельства, которые заставили рыцарство заняться хозяйством. Во-первых, с развитием техники огнестрельного оружия тяжело вооруженная кавалерия теряла свое значение, поскольку ее вытесняли наемники-пехотинцы; поэтому вассалы, чтобы не оставаться без доходов, вынуждены были обратить большее внимание на сельское хозяйство. Во-вторых, в связи с дальнейшим развитием городского ремесла и торговли в среде господствующего феодального класса усилилась тяга к роскоши и расточительности. Чтобы добыть средства для покупки предметов роскоши у богатых горожан, вассалы-рыцари принялись за расширение барской запашки и усиливали эксплуатацию крестьян [1].

Мызное землевладение было создано за счет крестьянских земель.

[1] См. *Ф. Энгельс*. Крестьянская война в Германии. Москва, 1952, стр. 24.

Крестьян оттесняли на прежние подсечные угодья или целинные земли. Уже к 1280 г. в Харьюмаа и Вирумаа под мызы было занято не менее 600 сох земли, т. е. более 10% исконной крестьянской земельной площади. Насильственный захват крестьянских земель, начавшийся в XIII в., продолжался в течение всего периода феодализма.

Возникновение и развитие поместий внесло существенные изменения в положение крестьянства. Отнятая у крестьянина земля превратилась в средство его эксплуатоции. В связи с развитием поместного землевладения непрерывно росла барщинная повинность крестьян. Крестьяне должны были обрабатывать помещичьи поля своим тяглом, своим инвентарем. При этом все прежние повинности не только сохранялись, но и постоянно возрастали.

В «вознаграждение» за несение всех этих тягот за крестьянством было оставлено право пользоваться частью его исконной земли. Подати, не уплаченные в связи с неурожаями, болезнями и т. п. бедствиями, не списывались, а образовывали задолженность. Уже в первой половине XIV в. подавляющее большинство крестьян стонало под все возраставшим гнетом долговой кабалы.

Усилению произвола помещиков способствовал переход юрисдикции от сюзеренов к вассалам в области как гражданских, так и уголовных дел. Вассалы получили над крестьянской массой далеко простирающиеся права, вплоть до права смертной казни. Переселение ленных владетелей в деревню резко изменило к худшему правовое положение крестьян.

Виды феодальной эксплуатации были весьма разнообразны. Каждый крепостной подлежал обложению всевозможными сборами в пользу помещика. Обычно барщину и взносы натурой требовали с каждого крестьянского двора или семьи. Стараясь уничтожить права крестьянского самоуправления, немецкие завоеватели превратили погосты и вакки по существу в административно-фискальную единицу. Погостом или вакком стала называться территория, на которой проживало известное число плательщиков феодальной ренты. Этим же названием обозначали и самую феодальную ренту, срок ее уплаты, а также и собрание жителей погоста.

С появлением поместий погост образовал также специальную категорию земель — крестьянскую землю, с которой требовались барщина и различные сборы, в то время как земля поместья была освобождена от всяких повинностей. Поэтому само поместье никогда не входило в состав погоста.

Во главе погоста находился погостовый староста, или управитель вакка. Главной его задачей было собирание возложенных на погосты натуральных платежей. При наличии в погосте барской

запашки старшина должен был наблюдать, чтобы жители погоста исполняли барщинные работы; такой старшина назывался вагаром. Вагар был уже не избранным крестьянами должностным лицом погоста, а представителем поместной администрации, назначенным помещиком. Рядом с ним действовали десятник, который ведал сбором поступлений с крестьян, и шкильтер, или вестовой, который передавал приказания по имению и ведал барщинными работами. По мере усиления и без того тяжелого бремени поместной эксплуатации эти должностные лица становились самыми ненавистными людьми в погосте.

Средневековое право предусматривало, что у каждого сословия — дворян, священников, крестьян и т. д.— должен быть свой особый суд. Был свой общинный суд и у крестьян. С увеличением власти феодалов крестьянские суды были целиком подчинены господской власти. Хотя судьями погоста (Rechtsfinder) попрежнему были «старейшие» жители погоста, которых выбирали на собраниях жителей, и они вплоть до XVI в. еще судили крестьян по древнему обычному праву, однако председателями суда были судьи Ордена или епископа, а на землях, розданных в лены,— епископские вассалы. Обязанностью председателей суда была забота об исполнении постановлений суда, за что они получали треть судебных пеней. Позже и крестьянских судей назначали помещики, которые утверждали или отменяли постановления суда погоста.

К «людям погоста» не принадлежали ни вассалы, ни поместная челядь (жившие в имении работники и служащие), ни горожане. Более высокое положение среди людей погоста занимали владельцы отдельных хозяйств, которые были ответственны перед помещиком за свой двор и челядь. Однако владельцы дворов в экономическом отношении не были равны. Часть крестьянских хозяйств была расчленена на более мелкие единицы. Поэтому размеры хозяйств определялись по так называемым гакам, надельным единицам. В связи с большим разнообразием гаков их размеры невозможно выразить в современных мерах земельной площади. Часть крестьян имела в своем владении только по половине, четверти, восьмой гака и т. д.

* * *

Укрепление власти захватчиков происходило в условиях острой классовой борьбы, которая являлась вместе с тем борьбой почти всего народа против иноземных поработителей. Эстонский и латышский народы терпели в течение столетий двойной гнет — феодальный и колониальный, что увеличивало остроту борьбы.

Вначале иноземный гнет в различных частях Ливонии ощущался по-разному: сказывалось влияние феодальной раздробленности.

Больше всего данных дошло до нас о положении на острове Сааремаа, который был покорен позднее остальных эстонских маакондов (1227). Не прошло и десяти лет, как сааремасцы, воспользовавшись поражением Ордена в борьбе с литовцами осенью 1236 г., поднялись против немцев и сбросили с себя иго «христианства». В 1241 г. Орден с большим трудом подчинил жителей Сааремаа, принудив их снова принять христианство, а также платить ежегодную подать рожью. Представитель Ордена — фогт являлся на Сааремаа раз в год за сбором податей, одновременно он вершил суд по светским делам в присутствии местных старейшин в качестве заседателей.

В начале 50-х годов XIII в. сааремасцы вновь сделали попытку освободиться от немцев. Последние ответили новыми репрессиями, увеличив повинности. В 1255 г. немцы принудили сааремасцев оказывать им помощь в военных походах, летом — на судах, а зимой — конницей.

В 1260 г. войска Ордена были наголову разбиты литовцами в бою у озера Дурбе. Узнав об этом, сааремасцы вновь сбросили крестоносное иго и перебили всех немцев. В феврале 1261 г., когда проливы были покрыты льдом, Орден вторгся на Сааремаа со всеми войсками, которые он сумел набрать в Ливонии. Началось страшное опустошение; тучи дыма от горящих деревень застилали весь остров. Гарнизон городища Каарма вначале обратил осаждавших в бегство, но не смог их разбить в открытом бою. В конце концов, после продолжительной осады, немцы овладели городищем. Никогда раньше захватчикам не удавалось награбить на Сааремаа столько добычи.

После кровавого подавления восстания на Сааремаа здесь был выстроен первый немецкий замок в Пайде, который впоследствии был превращен вместе с церковью в единое укрепленное целое. На Сааремаа и церкви строились в то время таким образом, чтобы ими можно было пользоваться в качестве временных укреплений (Кихельконна, Карья).

В конце XIII в. среди сааремасцев снова начались волнения. Тогда под предлогом переговоров Орден заманил в замок Пайде 80 представителей Сааремаа, где они были подвергнуты заключению, лишены оружия и прочего имущества. Вслед за тем орденские войска разорили и опустошили весь остров, причем вешали жителей или массами уводили их как рабов на материк в орденские поместья. Сааремасцы, будучи не в состоянии противодействовать дикому террору, через послов обратились за помощью к епископу, который в то время был в ссоре с Орденом. Однако перед угрозой восстания сааремасцев крупные феодалы поспешили сговориться между собой, и сопротивление эстов вновь было сломлено. В течение всего периода феодальной раздробленности иноземные властители, постоянно спорившие при дележе добычи,

проявляли полное единодушие, как только дело касалось подавления свободолюбивых стремлений местного населения.

Классовая борьба эстонских крестьян против феодальных эксплуататоров достигла особого размаха во время так называемого восстания Юрьевой ночи (1343). Это восстание постепенно охватило Харьюмаа, Ляанемаа и Сааремаа.

Восставшее эстонское крестьянство стремилось к ликвидации насильнической чужеземной власти и уничтожению всех немецких захватчиков, ее фактических носителей.

Как объясняли сами крестьяне, они взялись за оружие потому, что «немцы их наказывали, пороли, мучили, а на тяжелых работах немцы не давали им даже хлеба, за него приходилось платить деньгами»[1].

Восстание началось в Харьюмаа, в Юрьеву ночь 1343 г., когда в качестве сигнала был зажжен дом, стоявший на одном из холмов. Крестьяне стали убивать всех немцев и жечь поместья и церкви, причем пощады не было и монастырю в Падисе и его монахам. Гнев эстонского народа в равной мере был направлен как против помещиков, так и против церкви и духовенства, оправдывавшего и проповедовавшего феодальное рабство.

«Все, кто были немецкой крови, должны были умереть», — рассказывает современник — немецкий хронист Хонеке, и продолжает: «Они сжигали мызы всех дворян, ходили по земле вдоль и поперек и убивали всех немцев, попавших им в руки... Если кто из женщин и детей спасался из рук мужчин, тех убивали женщины не немецкой крови; сжигали церкви и мызы»[2].

Восставшие эстонские крестьяне избрали из своей среды четырех вождей, которых назвали королями, и, собрав, примерно, десятитысячное войско, приступили к осаде Таллина. Через несколько дней вспыхнуло восстание и в Ляанемаа. Все захваченные немцы были перебиты, и г. Хаапсалу подвергся осаде. Восстание быстро распространялось. Местные немецкие и датские власти не смогли оказать решительного сопротивления, так как деятельность военных, административных и хозяйственных центров обоих маакондов была парализована быстрыми действиями повстанцев.

Эстам было ясно, что своими силами, в особенности учитывая недостаток вооружения, они не смогут противостоять немецким войскам. Нужно было заручиться помощью извне. С этой целью харьюмасцы отправили послов к русским во Псков и в финляндский городок Туру. Попав в результате восстания в катастрофическое положение,

---

[1] *Johann Renner's*. Livländische Historien. Göttingen, 1876, стр. 87.

[2] Там же, стр. 86—87.

немецкие феодалы запросили помощи у Ордена. Войска Ордена в момент получения вести о начале восстания в северо-западной Эстонии находились в походе против русских. Чтобы выиграть время, магистр Ордена начал переговоры с эстами, пригласив вождей восстания к 4 мая в Пайде. К тому же времени он велел явиться в Пайде всем своим войскам во главе с высшими орденскими военачальниками. В Пайде были сосредоточены также войска тартуского и рижского епископов. Со стороны эстов в Пайде прибыли четыре вождя в сопровождении трех воинов, без военной охраны, в надежде, что Орден действительно желает разрешить вопрос путем переговоров. Этот неосторожный шаг имел роковые последствия для всего движения. Харьюмаские послы явились на переговоры еще и потому, что не считали свое движение направленным против Ордена, и, быть может, даже надеясь использовать трения между иноземными феодалами. Путем переговоров эстонцы рассчитывали выиграть время до прибытия помощи извне, за которой были отправлены послы; они не учли того, что в деле порабощения крестьян все феодалы страны были единодушны.

Вожди харьюмасцев выступали в Пайде с большим достоинством, мужественно и решительно. На вопрос магистра — почему эстонцы так безжалостно избивали немцев, молодых и старых, один из них смело ответил: «Их так долго мучили и терзали, что дольше они не могли этого вынести»[1]. По данным хроники Виганда, эстонцы обвиняли убитых немцев в том, что они позорили эстонских женщин, насиловали их дочерей, грабили имущество и обращались с эстонцами как с рабами.

Магистр запретил послам выезд из Пайде. Послы гневно потребовали, чтобы их отпустили к их войску. Тогда, как рассказывает современный немецкий хронист, «господа схватили оружие и изрубили в куски всех тех эстов, королей и слуг».

Во главе большого войска магистр Ордена направился к Таллину. По дороге произошло несколько кровопролитных сражений с передовыми отрядами эстонцев, высланными с целью задержать орденские войска до прибытия помощи. 14 мая орденские войска достигли окрестностей Таллина. Эстонское войско стояло между озером Юлемисте и Ласнамяэ, имея с тыла болото Сыямяэ. Магистр Ордена опасался отступления эстонцев в болото, так как эстонцы в бою на болоте имели большие преимущества над тяжело вооруженными рыцарями. Поэтому им был выслан вперед небольшой отряд для ведения провокационных переговоров с целью выиграть время. Эстонцы обещали сложить оружие, так как помощь извне могла подоспеть лишь через несколько дней, а войско было

[1] *Johann Renne'rs.* Livländische Historien. Göttingen, 1876, стр. 88

недостаточно вооружено и плохо обучено. Большой военный совет немцев не согласился на сдачу эстонцев, желая потопить восстание в крови. Между тем переговоры парализовали боевую силу эстонского войска, а немцы успели за это время подготовить удар. В завязавшейся отчаянной борьбе лишь части эстонцев удалось укрыться на болоте. Около трети войска полегло в кровавой бойне.

Непреклонную волю эстонцев к борьбе и их непримиримую ненависть к поработителям-немцам ярко освещает следующая характерная деталь: раненый обнаженный эст, поднявшись из груды мертвецов, набросился на таллинского горожанина, пришедшего посмотреть поле боя и только случайно подскакавший рыцарь спас любопытному жизнь.

Между Орденом и датскими королевскими чиновниками был после этого заключен договор, по которому все датские земли в Эстонии отходили под защиту Ордена.

Войска Ордена жестоко подавили и ляанемаское восстание. Шведские войска прибыли к Таллину из Финляндии лишь после ликвидации восстания. Вместо того, чтобы помочь эстонцам, шведские фогты заключили с Орденом перемирие на год.

Лишь русские фактически оказали помощь, хотя и не успели соединиться с войском восставших эстонцев. Псковское войско выступило в поход 26 мая. За пять дней русские дошли до Отепяа; на обратном пути на них напали немцы, но потерпели тяжелое поражение и потеряли несколько высших военачальников. Часть восставших эстонцев нашла убежище от кровавой расправы на Руси. Часть беженцев из Харьюмаа и Ляанемаа осела на Сааремаа и готовилась к продолжению борьбы.

На Сааремаа восстание также началось по определенному плану, вечером под Яков день (24 июля). Захваченные немцы были убиты, и орденский замок Пайде, в то время единственный оплот иноземной власти на Сааремаа, был осажден. Видя безвыходность положения, местный фогт на восьмой день осады сделал предложение о сдаче. Сааремасцы согласились и разрешили осажденным покинуть крепость на лошадях и с небольшим количеством имущества. Однако народ все же совершил над немцами свой суд, забив их насмерть камнями. Сааремасцы укрепились в городище Карья близ Пуртсе, известном под названием Коольямяэд. Между тем и среди харьюмасцев восстание вспыхнуло с новой силой. Они укрепились в двух городищах, одним из которых было, повидимому, большое городище Варбола.

В дальнейшем восстание приняло столь угрожающие размеры, что Ливонский орден запросил помощи от великого магистра Тевтонского ордена в Пруссии. Положение немцев осложнилось тем, что их отноше-

ния с Русью и Литвой были крайне напряженными[1]. Все попытки продвинуться в новгородско-псковские земли кончились провалом. Литовское великое княжество также оказывало Ордену ожесточенное сопротивление. Чтобы устранить возможность эстонско-русского сотрудничества, Орден решил как можно быстрее подавить восстание эстонских крестьян.

Во второй половине ноября магистр Ордена с большими военными силами, к которым присоединилось прибывшее из Пруссии хорошо вооруженное войско, вновь двинулся на Харьюмаа. Магистр Тевтонского ордена поддерживал кровавый план ливонских властей о поголовном истреблении всех восставших эстонцев. Вся охваченная восстанием область была дотла разорена орденскими войсками. Под личным руководством магистра, в результате продолжительной осады и ожесточенной борьбы, немцам удалось овладеть и городищами. Все захваченные эстонцы были безжалостно истреблены. Согласно проведенной после этого переписи, количество убитых с начала восстания эстонцев достигло 30 000 человек.

Лишь после того, как замерзли проливы, магистр Ордена смог начать подавление восстания на Сааремаа. В середине февраля 1344 г. огромное войско Ордена со всеми вспомогательными отрядами перешло на Сааремаа по льду. Грабя и сжигая все на своем пути, войска подошли к городищу сааремасцев в Карья.

Жестокая битва за городище началась еще до восхода солнца, осаждающие потеряли убитыми 500 человек. Наконец, немцам удалось проникнуть в городище через пробитую в бруствере брешь. Из осажденных не уцелел никто; хронист определяет количество убитых сааремасцев в 9000 человек. Городище было разорено и сожжено. Король Вессе, избранный верховным вождем сааремасцев, был повешен немцами на осадной машине после зверских пыток.

Однако как только войска Ордена, опасаясь оттепели, отступили на материк, остров Сааремаа вновь стал свободным. Только через год, ранней весной 1345 г., магистр Ордена вторично вторгся на Сааремаа, собрав все войска, которыми располагала Ливония. В течение восьми дней немцы грабили, жгли и убивали по всему острову. Восстание сааремасцев было потоплено в крови; у них отобрали оружие и заставили уничтожить новое городище, которое они успели укрепить.

Вместо разрушенного замка в Пайде Орден выстроил новый замок Маасилинна, а епископ в своих владениях — Куресаареский (Аренсбургский) замок. Маасилинна немцы назвали на своем языке «замком

---

[1] См. гл. 5, § 1 в настоящего издания.

возмездия» (Зонебург) в память подавления крестьянского восстания на Сааремаа.

Повидимому, волновались и крестьяне Латвии. Немецкий хронист Герман Вартберге, рассказывая о вторжении войск литовского князя Ольгерда в Видземе (Лифляндия) в 1345 г., отмечает, что в окрестностях Сигулды (Зегевольда) к Ольгерду явился лив, который назвался ливским старейшиной, и говорил, что народ избрал его своим князем. Обещая помощь литовцам в подчинении здешних территорий, этот старейшина от имени народа просил у короля содействия в борьбе против немецких угнетателей. «А король,— рассказывает хронист,— спрашивал у него, как следует поступить с магистром Ливонского ордена». На это последовал ответ, что магистра вместе со всеми немцами ливы желают прогнать. Но король сказал: «Крестьянин, ты не будешь здесь королем» и приказал на площади перед Сигулдским замком отрубить ему голову.

* * *

После подавления крестьянской войны начался новый этап в развитии Восточной Прибалтики. Происходит усиление землевладельческого дворянства.

Экономическое и политическое укрепление землевладельческого дворянства соответствовало развитию феодально-крепостнического строя и было теснейшим образом связано с усилением феодальной эксплуатации крестьянства. С XIII в. до середины XVI в. чинш возрос по крайней мере в четыре-пять раз. К этому времени стал местами исчезать и процентуальный характер десятины. Под видом десятины крестьянин должен был обычно отдавать не десятую долю, а не менее четверти урожая. Росли и остальные подати и поборы.

Латвийское и эстонское крестьянство также изнывало под бременем войн, голода. Хроника Даугавгривы (Дюнамунде) и Риги рассказывает, например, что в 1315 г. в Латвии и Эстонии был жестокий голод. Постоянным спутником войны и голода были эпидемии. Эпидемия чумы во второй половине XIV и в первой четверти XV в. почти не прекращалась. «Черная смерть», свирепствовавшая в Европе между 1346—1353 гг., захватила также и Латвию, причем наивысшая смертность здесь была в 1351 г. Приблизительно 25 лет спустя (1378) в Дерптской (Тартуской) епископии чума была настолько гибельной, что, по данным хроники, в живых осталась лишь шестая часть населения. По всей вероятности, эта эпидемия постигла также и северную часть Латвии. К 1420 г. Любекская хроника приурочивает сообщение о том, что в деревнях Латвии и Эстонии и в таких городах, как Рига, Тарту

и Таллин, перемерло «бесчисленное количество людей». Крестьяне настолько обеднели, что зачастую не могли покупать даже соль.

Разоренные крестьяне были вынуждены занимать у феодалов зерно и скот, попадая вследствие этого в еще более жестокую кабалу. Так, по сохранившимся отрывкам инвентарной описи Кулдигского (Голдингенского) замка видно, что в 1341 г. крестьянам ближайших окрестностей Кулдиги было роздано в долг около 190 тонн хлеба, около 300 голов скота и 87 марок (приблизительно 16,5 килограмма серебра деньгами). В 1387 г. фогт в Дундаге дал крестьянам взаймы более 60 тонн зерна. Зерно в таких случаях считалось отданным в аренду, и ежегодно за это нужно было платить определенную арендную плату. В 1421 г. магистр Ливонского ордена Зигфрид фон Шпангейм писал великому магистру Ордена в Пруссии, что из-за эпидемий и неурожаев он не может оказать помощь деньгами для ведения войны с Литвой и Польшей: «...Цесис и Каркси (в Эстонии), обе самые большие наши области, принесли лишь половину того, что нам следовало, но в нынешнем году эти области так запустели, что мы с них почти ничего не могли получить». Если крестьянин не мог уплатить свой долг, то по суду он становился долговым слугой, или дреллем (холопом), феодалов. К тому же феодалы увеличивали не только барщину, но и натуральные повинности. Оброк увеличивался в несколько раз, а в тех областях, где с крестьянина брали десятину, последняя со временем превратилась в «четвертое зерно», составляя 25% урожая. Кроме того, крестьянин платил еще за «сиециня» (лукошка) для священника, сборы на войну и т. п.

Феодалы стремились возможно эффективнее использовать старую систему посошного обложения. Соха (гак) в период феодальной раздробленности представляла единицу, с помощью которой определяли земельную площадь, а также участки, которыми пользовались отдельные дворы на общинных выгонах, луговых и лесных угодьях. Временные подсечные угодья или земли, покрытые кустарником, не считались за сошную землю. Посошно, т. е. по размерам полей, происходило вычисление приходившихся на крестьянский двор тягот и податей. Размер сохи сильно колебался. В период феодальной раздробленности в Северной Эстонии соха в среднем составляла 12 тюндеров (около 6,25 гектара), в Южной Эстонии — 30 пурных мест (9,8 гектара). Немцы принимали в расчет соху с увеличенной посевной площадью, в частности на орденских землях, где ее размеры достигали 120 пурных мест (39,2 гектара).

В конце того же периода воинская повинность была заменена особой податью — «магистерской деньгой», так как в связи с распространением в XV в. огнестрельного оружия стали все больше пользоваться наемной военной силой. Кроме того, на крестьянах лежали особые военные подати, контрибуции и повинность по содержанию конницы.

Еще больше возрастали барщинные работы. К началу XVI в. в размерах барщинной повинности наблюдались местные различия. В крупных поместьях со среднего крестьянского двора требовался один день работы на лошади в неделю в течение года, в то время как в мелких частных мызах барщина достигала нескольких дней в неделю.

К XV в. помещики ввели еще два вида барщинной повинности — разовую работу и толоку. Разовая работа являлась коллективной повинностью, которую крестьяне сами распределяли между собой и проводили в определенном порядке. Разовые работники работали без лошади, их использовали на пастбищах, в рыболовстве, на строительных работах и т. д. Толока применялась на сезонных работах срочного характера, таких как сенокос и уборка хлеба. Эта исконная форма коллективного труда крестьян была перенята поместьем и превращена в дополнительную форму эксплуатации. Местами даже определялось на год необходимое количество дней обязательной толоки. Эта повинность распространялась на всех крестьян, в том числе и безземельных.

Помещик мог совершенно произвольно увеличивать крестьянские повинности. Невыполнение повинностей влекло за собой кару поместного суда или даже изгнание крестьянина со двора. Крестьяне не имели против помещиков никакой законной защиты.

Крестьяне оказывали упорное сопротивление возраставшему гнету феодальной эксплуатации и ограничению своих прав на землю. Уже с XIV в. одним из средств борьбы против помещика являлось бегство крестьянина. Обычно крестьянин вместе с семьей и движимым имуществом направлялся в другую местность или город. Побег крестьянина означал для феодала прямой убыток. Поэтому помещик всеми средствами старался прикрепить крестьянина к земле.

С прикреплением крестьянина к земле процесс феодализации в Латвии и Эстонии достиг нового этапа развития. Прежде всего уход крестьянина с земли был поставлен в зависимость от согласия феодала. За уход с земли без разрешения штрафовали. Принципиально еще разрешался переход крестьянина на другое место, но только после того, как он выполнит все свои повинности и рассчитается с долгами. В действительности это было трудно сделать, так как наряду с уплатой долга надо было выполнить большую ежегодную повинность. Феодал преследовал беглеца. Обнаружив его местонахождение, феодал требовал от укрывателя выдачи крестьянина или уплаты его долгов. Во второй половине XIV и начале XV в. феодалы решали вопрос о беглых крестьянах по принципу: «долг или человек». Этот принцип получил силу закона на ландтаге в Валга в 1424 г. Лишь города не согласились с этим решением.

Но очень скоро и этот порядок вещей перестал удовлетворять помещиков. В связи с увеличением размеров поместий рабочая сила крестьян для помещиков была гораздо важнее, чем их долги. Вот почему помещики стали рассматривать крестьян, которые были занесены в списки плательщиков сборов в поместные кадастры, или вакенбухи, как принадлежащих к их имению. Сохранились документы от 1415 г., по которым требуется возвращение крестьян по месту их рождения. Вопрос выдачи беглецов регулировался по этому принципу и позднее особыми соглашениями феодалов, так называемыми постановлениями о беглых крестьянах, ряд которых дошел до нас.

Впервые подобные соглашения появились в Эстонии, а в 1494 г. такой же обоюдный договор относительно возвращения беглых заключили между собой рижский архиепископ и его вассалы. В силу этих постановлений для решения вопросов о беглецах была создана особая полицейская должность — гакенрихтеры, или «сошные судьи». Гакенрихтер не интересовался вопросом, почему крестьянин бежал (поставил ли помещик его жизнь под угрозу или оставил его без помощи во время голода, в бедствии), но требовал, чтобы поимщик доказал принадлежность данного беглеца к одному из наделов («гакенов», или «сох») его поместья. Таким образом, достаточно было поимщику доказать, что имя крестьянина занесено в его вакенбух, чтобы ему немедленно возвратили данного беглеца. Если было доказано, что такой-то помещик скрывает у себя беглого крестьянина, то гакенрихтер мог вместо бежавшего крестьянина присудить владельцу в качестве залога любого из крестьян укрывателя.

Так в документах появилась новая формула: «человек или залог». Вначале прикреплялись только крестьяне, имевшие не менее одной сохи земли. Но в постановлении 1508 г. в качестве прикрепленных упоминаются также и малоземельные и безземельные крестьяне. В такого рода постановлениях уже нет и речи о долгах. Достаточно было установить место рождения крестьянина, и это решало вопрос о его выдаче. Уже со второй половины XV в. установился взгляд, что помещик получает крепостных крестьян по праву наследства из рода в род, так же как и само поместье. Отсюда и возникло обозначение — «наследственные люди» (Erbleute) или «наследственные крестьяне», т. е. крепостные (Erbbauer). В то же самое время исчезло холопство (дреллльство), так как этот институт изжил себя и помещикам был не нужен. Если раньше в тесную личную зависимость от феодала попадали лишь крестьяне, превращенные из-за долгов в дрелли, то теперь в такой зависимости оказались все крестьяне. Все они стали дреллями. Этим и объясняется перемена терминологии источников.

Таким образом решающим фактором в возникновении крепостничества явилось дальнейшее развитие феодальных отношений — расширение поместий и рост значения отработочной ренты.

Побеги крестьян в XV в. принимали все более обширные размеры, причем беглые крестьяне уходили и за границу, в русскую землю, Польшу и Литву. Вопрос о беглых крестьянах стал объектом международных договоров. Так, в мирном договоре, заключенном в 1422 г. между польским королем Владиславом II (Ягайлом) и литовским князем Витовтом, с одной стороны, и немецким орденом в Пруссии и Ливонским орденом — с другой, в 11-й статье было предусмотрено, что беглых крестьян следует возвращать по первому требованию.

Города признали закрепощение крестьян лишь после долгой борьбы с рыцарством. Правящая верхушка городов сама сильно нуждалась в постоянном притоке из деревень дешевой рабочей силы и придерживалась принципа, согласно которому крестьянин, проживший в городе определенное время, становился свободным.

С введением принудительного прикрепления к земле крестьяне стали называться крепостными. В то же время стали наблюдаться случаи продажи крестьян без земли. Существенным средством принуждения в руках помещика было так называемое право домашнего наказания, на основании которого крестьян подвергали телесному наказанию за малейшую провинность.

Все же угнетаемое крестьянство не представляло однородной в социальном отношении массы; оно имело прослойки соответственно размерам земельных участков и характеру феодальной зависимости.

Социальную верхушку крестьянства составлял незначительный слой мелких ленников, владевших землей на основании ленных грамот. Ленник был обязан сражаться в войске сюзерена на своем коне и со своим вооружением. С переходом к огнестрельному оружию и наемному войску исчезла потребность в такой коннице и служба в ней в XVI в. была заменена денежной податью.

В конце рассматриваемого периода возникла более многочисленная группа — так называемых вольных крестьян. В отличие от мелких ленников у вольных крестьян не было ленной грамоты. Помещик требовал от них не барщины, но денег — в размере всех повинностей или части их. Следовательно, название «вольные» указывало лишь на свободу этих крестьян от барщины. Возникновение этого слоя было обусловлено укреплением денежных отношений, особенно в первой половине XVI в.

Основную массу крестьян составляли сошные крестьяне, размеры хозяйства которых определялись в сохах. Из числа более зажиточных

сошных крестьян феодал обычно выбирал сельских чиновников, превращая их в своих агентов в крестьянской среде. В социальном отношении сошные крестьяне не были однородны. В начале XVI в. большинство хозяйств имело одну соху земли, но встречалось немало и меньших хозяйств размером от половины до одной восьмой сохи.

В середине XV в. появился новый слой крестьянства — эстонские юксъялги (латвийские — валениеки), или бобыли. Этот слой был особенно многочисленным в Западной Эстонии. Это были малоземельные и новоземельные крестьяне, дворы которых находились вне деревень, на прежних общинных подсечных и лесных угодьях. Возникновение слоя бобылей объясняется прежде всего развитием феодального способа производства, насильственным захватом под мызы исконных крестьянских земель и оттеснением крестьянства на подсечные и целинные земли. Помещик был заинтересован в увеличении количества эксплуатируемых крестьян. Юксъялги должны были отрабатывать барщину только в виде «пеших дней» (без лошадей), откуда и пошло их название (латв. «иебувиеши», эст. «юксъялг» — буквально «одноногий», или, в смысле повинности, «пешеходец»). Это были, очевидно, представители деревенской бедноты.

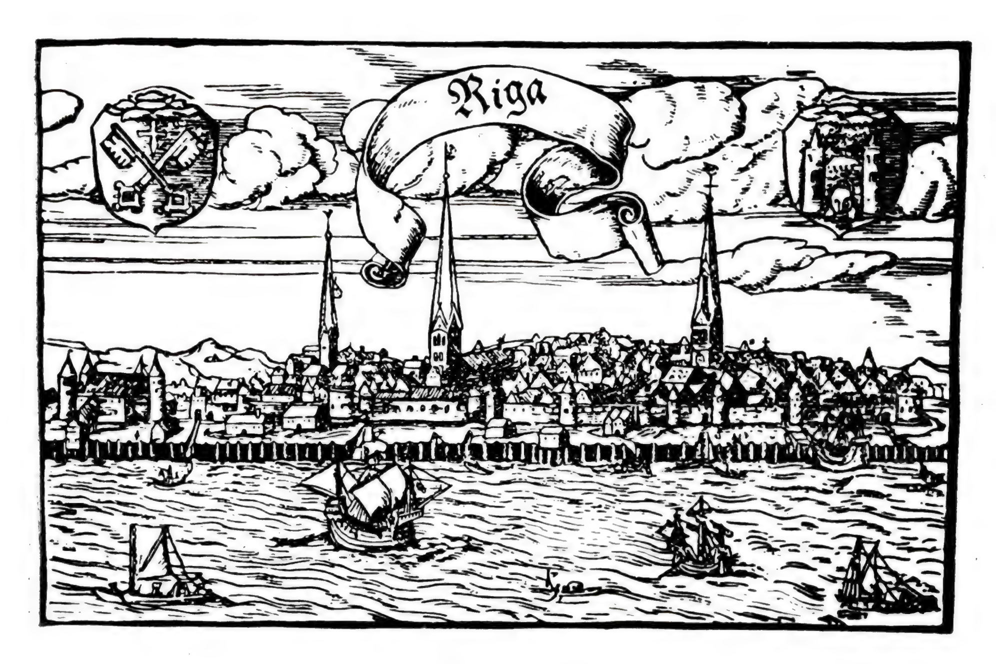
Бобылями назывались и безземельные крестьяне-рыбаки, сельские ремесленники и др. Они использовались помещиками в страдную пору, например во время жатвы, вследствие чего в некоторых местах их называли «жатвенниками». Приблизительное представление о количественном соотношении различных слоев крестьянства дают следующие цифры. На не выделенных вассалам землях сюзерена в Ляанемаа в первой половине XVI в. находилось 507 бобылей, 564 собственно «пешеходца» и 2264 сошных крестьянина. Таким образом, сошные крестьяне составляли основную массу крестьянства.

Одним из последствий развития феодальных отношений было систематическое увеличение количества безземельных крестьян. Рабы или холопы существовали в системе производственных отношений еще до середины XV в., когда они окончательно исчезли. Производительность холопского труда была ниже, а содержание холопов обходилось дороже, чем барщинный труд феодального крестьянства. В начале XVI в. наблюдается расслоение крестьян, появляются батраки.

* * *

В связи с развитием феодализма четко определилось разделение труда между городом и деревней.

Феодальные города продолжали расти после завоевания страны как опорные пункты и административные центры немцев, где в то же время сосредоточивались торговля и ремесла.

Рига. Гравюра XVI в.

Из городов Латвии особое значение приобрела Рига, расположенная у конечного пункта торгового пути по Даугаве (Западной Двине) и ставшая посредником в торговле между русскими землями и Западной Европой. Ряд договоров между Ригой и русскими княжествами и городами уже с 1229 г. регулировал вопросы торговли. В круг интересов рижской торговли входил весь бассейн Даугавы с Белоруссией и Восточной Литвой. Частью по Даугаве, частью (зимой) по сухопутным путям в Ригу привозились меха, воск, смола, пенька, лен и другие товары, в то время как вверх по Даугаве отправлялись металлические изделия, ткани, сельди, соль, пряности. Через Ригу происходил также товарообмен между Западной Европой, с одной стороны, и территорией Ливонского ордена и рижским архиепископством — с другой.

Сначала в Риге торговали с одинаковым правом как приезжие, так и местные купцы. Но так как основой благосостояния Риги была транзитная торговля, то рижские купцы стремились прежде всего обеспечить за собой посредническую прибыль. Им удалось добиться обычного в средние века запрещения иностранным купцам («гостям») торговать в Риге друг с другом без посредничества рижских купцов. Чтобы защищать свои торговые права в Западной Европе, Рига с конца XIII в. стала членом Ганзейского союза городов. Но при этом Рига на первое

место ставила свои интересы, выступая иногда даже против Ганзейского союза. Так, в XV в. рижские купцы установили тесные связи с нидерландскими купцами, хотя те были опаснейшими конкурентами Ганзы. Несколько раз Ганза пыталась запретить нидерландцам посещать балтийские порты, однако Рига и другие города Латвии и Эстонии противились этому, так как нидерландские корабли перевозили товары гораздо дешевле. В XV в. Рига пыталась захватить в свои руки торговлю между Англией и побережьем Балтийского моря, которую ганзейский город Данциг считал своей монополией. Хотя торговый договор уже был заключен, другим ганзейским городам удалось принудить Ригу отказаться от него.

Ремесла в экономике Риги в XIII—XV вв. имели значение гораздо меньшее, чем торговля. Деревня в основном довольствовалась изделиями своих ремесленников, так что рижские ремесленники (сапожники, портные, пекари, пивовары, кузнецы, кирпичники и др.) работали главным образом для удовлетворения потребностей самих рижан. Развивались те отрасли ремесла, которые были связаны с экспортом, например ремесло кожевников, скорняков, трепальщиков льна и пеньки, прядильщиков пеньки и т. д., а также отрасли, которые были связаны с перевозкой товаров. Так, в древних рижских городских книгах отмечены извозчики, корабельщики и др. Заготовкой продовольствия для рижан кормились рыбаки, пчеловоды, птицеводы, садоводы, хмелеводы. В деревне изделия рижских ремесленников употребляли чуть ли не одни немецкие феодалы.

Полноправные рижские жители назывались бюргерами (латвийское «биргели» от немецкого — Bürger). Только они имели право заниматься торговлей и ремеслами. Вначале, пока Рига была еще небольшим городом, бюргером мог стать всякий человек без различия национальности и вероисповедания, кто поселился в Риге и занимался торговлей или ремеслом. Для этого не требовалось также, чтобы ему принадлежало недвижимое имущество, например дом. Однако с увеличением числа жителей получение прав бюргерства было ограничено. Уже с конца XIII в. при вступлении в бюргеры вошло в обычай платить небольшую сумму, которая из года в год повышалась. В XVI в. она была уже в восемь раз больше, чем в конце XIII в. Со временем здесь, так же как и в других средневековых городах, полноправными бюргерами могли делаться только имущие, только те, которые имели в городе недвижимость, торговое или ремесленное предприятие. Неимущие отстранялись от участия в торговле, ремесле и не имели в Риге политических прав (не могли участвовать в городском самоуправлении).

Наиболее состоятельными жителями Риги были купцы и ростовщики. Богатейшие семьи горожан уже в конце XIII и начале XIV в.

захватили в свои руки земельную собственность города и высший орган самоуправления Риги — городской совет (магистрат). Так образовался рижский патрициат — господствующая группа горожан, которая определяла политику Риги как в ее отношениях с немецкими военными властями, так и в сношениях с заграницей. Остальные купцы, а также собственники ремесленных предприятий или мастера уже с конца XIII в. решающего голоса в политической жизни города фактически не имели, хотя и занимали видное место в городской экономике. Впоследствии они составляли основу так называемой бюргерской оппозиции. Ее борьба с патрициатом проявилась именно в вопросе о политических правах. Руководящая роль в этой борьбе принадлежала организациям рижских бюргеров — гильдиям и ремесленным цехам.

Как и в других средневековых городах, рижские бюргеры были организованы в гильдии и цехи. Цехи возникли как средство борьбы ремесленников против конкуренции и феодалов. В их задачу входила коллективная защита экономических, социальных и иных интересов своих членов.

В гильдии на первых порах принимали всех горожан без профессиональных различий. В середине XIV в. рижские купцы и ремесленники объединялись в особые гильдии. Купцов объединяла Большая гильдия, организацию же ремесленников называли Малой гильдией. Члены Малой гильдии в свою очередь были организованы в более мелкие цехи (кузнецы, ткачи, кожевники, сапожники и т. д.). Распорядок внутри цехов определялся особыми установлениями — шрагами. Золотых дел мастера принадлежали к Большой гильдии. Добившись постановления о том, что в Риге торговлей и ремеслами самостоятельно могут заниматься только члены гильдий и цехов, эти организации старались завладеть всей хозяйственной жизнью города. Гильдии и цехи устанавливали цены товаров и ограничивали конкуренцию, определяя число мастеров каждого ремесла. Плата за работу также была строго фиксирована на определенном уровне. Со временем между патрициатом и гильдиями выявились резкие противоречия, поскольку обе гильдии отнюдь не желали подчиняться диктату патрициата. Патрициат не хотел допустить гильдии к участию в управлении Ригой. Но уже с XV в. он вынужден был приглашать их представителей участвовать в заключении наиболее значительных договоров города. Эти противоречия становились все острее и кульминационного пункта достигли во второй половине XVI в., в период так называемых календарных волнений.

Цеховым мастерам были подчинены подмастерья и ученики. Подмастерье — это ремесленник, освоивший знание своего ремесла у мастера. Однако он не занимался этим ремеслом самостоятельно, а служил

у мастера. Подмастерье работал за плату, установленную цехом. Число подмастерьев у каждого мастера также определял цех. Проверкой знания ремесла было изготовление пробной работы, так называемого шедевра. Отношения мастера к подмастерьям и ученикам не следует отождествлять с отношениями капиталиста к наемным рабочим. Хотя цеховой мастер присваивал себе часть продукта, произведенного подмастерьями и учениками, но, как указывает Маркс, в таком виде он получал оплату за обучение учеников и подмастерьев. «Его отношение к ученикам и подмастерьям поэтому не есть отношение капиталиста как такового, а это есть отношение *мастера* ремесла, который в качестве такового занимает в корпорации, а вместе с тем и по отношению к ним, высшее положение, которое должно покоиться на его собственном *мастерстве* в ремесле»[1].К. Маркс указывает далее, что «Подмастерья и ученики были организованы в каждом ремесле так, как этого требовали интересы мастеров; патриархальные отношения между ними и мастерами придавали последним двоякую силу: во-первых, мастера оказывали непосредственное влияние на всю жизнь подмастерьев и, во-вторых, работа подмастерьев у одного и того же мастера была действительной связью, объединявшей их против подмастерьев других мастеров и обособлявшей их от последних; наконец, подмастерья были связаны с существующим строем уже своей заинтересованностью в том, чтобы самим стать мастерами. Поэтому... подмастерья не шли дальше мелких протестов в рамках отдельных цехов, что неотъемлемо от самого существования цехового строя»[2].

Сначала рижские подмастерья, которые приобрели опыт в своем ремесле и накопили нужные средства, легко получали права мастера. С конца XV в. положение изменилось. Все больше ввозилось ремесленных изделий из-за границы. Увеличилось число мастеров в Риге и деревне. Чтобы устранить конкуренцию, цехи сокращали количество мастеров. Со временем подмастерья теряли надежду получить права мастеров, если они не были сыновьями мастеров местного цеха или близкими их родственниками. Чужие могли получить права мастера, только женившись на вдове или дочери мастера. Некоторые покупали за большие деньги право поступить в цех, однако эта возможность все уменьшалась беспрерывным повышением размера вступительной суммы. Подмастерья не имели права самостоятельно заниматься ремеслом, а также входить в правление гильдии или цеха. В еще более незавидном положении находились ученики, которые отдавались на выучку к мастеру сроком от двух до шести лет. Ученики должны были работать

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), стр. 109.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. IV, стр. 42.

только за пропитание и находились в полном подчинении у мастеров и подмастерьев.

Низший слой городского сословия составляла плебейская масса. Это — домашняя прислуга и люди, работавшие по транспортировке грузов. Они пополнялись главным образом за счет беглых крестьян. Рижские купцы и цеховые мастера беспощадно эксплуатировали их, в случае недовольства угрожая выдачей крепостникам. Грузчики, извозчики, рыбаки, пчеловоды и другие были жителями пригородов, т. е. жили вне городских стен. В случае войны они страдали больше других.

Между всеми этими разрядами городского населения существовали постоянные противоречия, которые, как и в деревне, обострялись противоречиями национальными.

В XIII в. в Риге селились как иммигрировавшие немецкие колонисты, так и латыши и представители других народностей. Здесь было довольно много русских купцов, которые приобрели права бюргеров. Уже в XIII в. в Риге существовала Русская улица (теперь ул. Алдару), где жили русские купцы; у них была своя церковь. Пришлые немецкие колонисты при содействии немецких властей в Ливонии постепенно получили перевес над жителями остальных национальностей и старались отстранить их от доступа к важнейшим источникам дохода. С середины XIV в. в члены Большой гильдии принимались исключительно немцы. В конце XIV в. латышам было запрещено заниматься мелочной торговлей и скупать товары для перепродажи. Латыши не смели также торговать совместно с немцами. В некоторых цехах латыши не принимались в число мастеров. Но и тех латышей, которые продолжали работать на свой риск, немецкие цехи беспощадно преследовали: отнимали инструменты и уничтожали готовые изделия.

Так как латыши в Риге были полностью отстранены от торговли и цехового мастерства, в их руках остались лишь подсобные ремесла. В Риге, как портовом городе, где существовала транзитная торговля, в большом количестве были необходимы грузчики, извозчики и пр. Поэтому Рига не присоединялась к соглашениям феодалов о выдаче беглых крестьян и отказывалась выдавать тех беглых, которые прожили в городе более года и дня. Эти беглые (обычно из латышей) организовали собственные союзы — братства. Старшим из них было братство разносчиков пива и вина (основанное в 1386 г.), затем — штауэров, или грузчиков кораблей (1450), и лигеров, или весовщиков (1469). Все транспортные работы находились в ведении этих трех братств. Число их членов, в противоположность цехам, не было нормировано, и в них могли состоять также люди, принадлежавшие к другим профессиям. В XV—XVI вв. в братствах было

Таллин. Городская стена XIV в. с башнями и церковь св. Олая 1341 г.

500—600 членов, они были общественными и культурными центрами рижских латышей.

Гораздо труднее было запретить латышам заниматься торговлей в деревне. Здесь латыши успешно конкурировали с рижскими немецкими мелочными торговцами. Недаром последние в начале XVI в. жаловались, что латыши торгуют сукном, поясами, сталью, ремнями, немецкими шапками и поршнями (род обуви), отнимая у них заработки. Курземские рыбаки и крестьяне вывозили на лодках мясо и рыбу даже в Кенигсберг, Данциг, Шецин и Любек, скупая там другие товары и торгуя ими в Латвии. Только в 1532 г. немцам удалось добиться постановления, запрещавшего крестьянам перекупку и продажу скота, а также торговлю железом, сельдью, сукном, льном и другими товарами. Однако нелегально эта торговля продолжалась.

В обстановке национальных и экономических противоречий образовались органы управления и конституция Риги. В XIII в. сюзереном Риги считался епископ. Когда епископ Альберт за военную помощь обещал Ригу датскому королю, там появился в 1221 г. посланный датским королем судья. В городе произошло восстание как против епископа, так и против датчан, в котором приняли активное участие латыши и ливы, проживавшие в городе и его окрестностях. Судью прогнали, а епископ был вынужден частично признать права городского самоуправления. Таким образом, в 1221 г. власть в Риге перешла в руки общего собрания всех горожан. Общее собрание горожан выбирало особый орган управления — совет (магистрат), существование которого в Риге известно уже с 1226 г. В составе магистрата вначале было 12 членов, во второй половине XIII в.— 16, с XIV в. и до ликвидации магистрата во второй половине XIX в.— достигло 20 (16 ратманов, или консулов, во главе с четырьмя бюргермейстерами, или проконсулами).

В совете власть скоро захватили представители наиболее богатых семейств купцов и ростовщиков, которые превратили совет в высший орган управления и суда. Уже во второй половине XIII в. совет не избирался собранием мещан, а старый совет назначал новых членов. С XIV в. выборы больше не производились и должность ратмана (члена совета) стала пожизненной. В случае смерти ратманов остальные ратманы приглашали новых. Собрание бюргеров было оттеснено на задний план. Его созывали только для того, чтобы жители Риги выслушали провозглашаемые с балкона ратуши вновь принятые советом постановления, извещения об обложении новыми податями или воззвания защищать город с оружием в руках.

Рига жила по своему особому праву. Так как епископа Альберта в его завоевательной политике поддерживали немецкие купцы Готланда, то Альберт сначала предоставил Риге городское право немецких

Крепостная башня 1518—1519 гг. в Таллине.

купцов Готланда (Висби). В самой Риге это право неоднократно дополнялось. Впоследствии оно было перенято от Риги и другими городами Латвии и Эстонии. Вступив в Ганзейский союз, Рига переняла гамбургское городское право, которое в XIV в. неоднократно также перерабатывалось и дополнялось. Так называемые «переработанные» рижские статуты с небольшими изменениями были в употреблении вплоть до XVII в. По своему классовому характеру все эти права

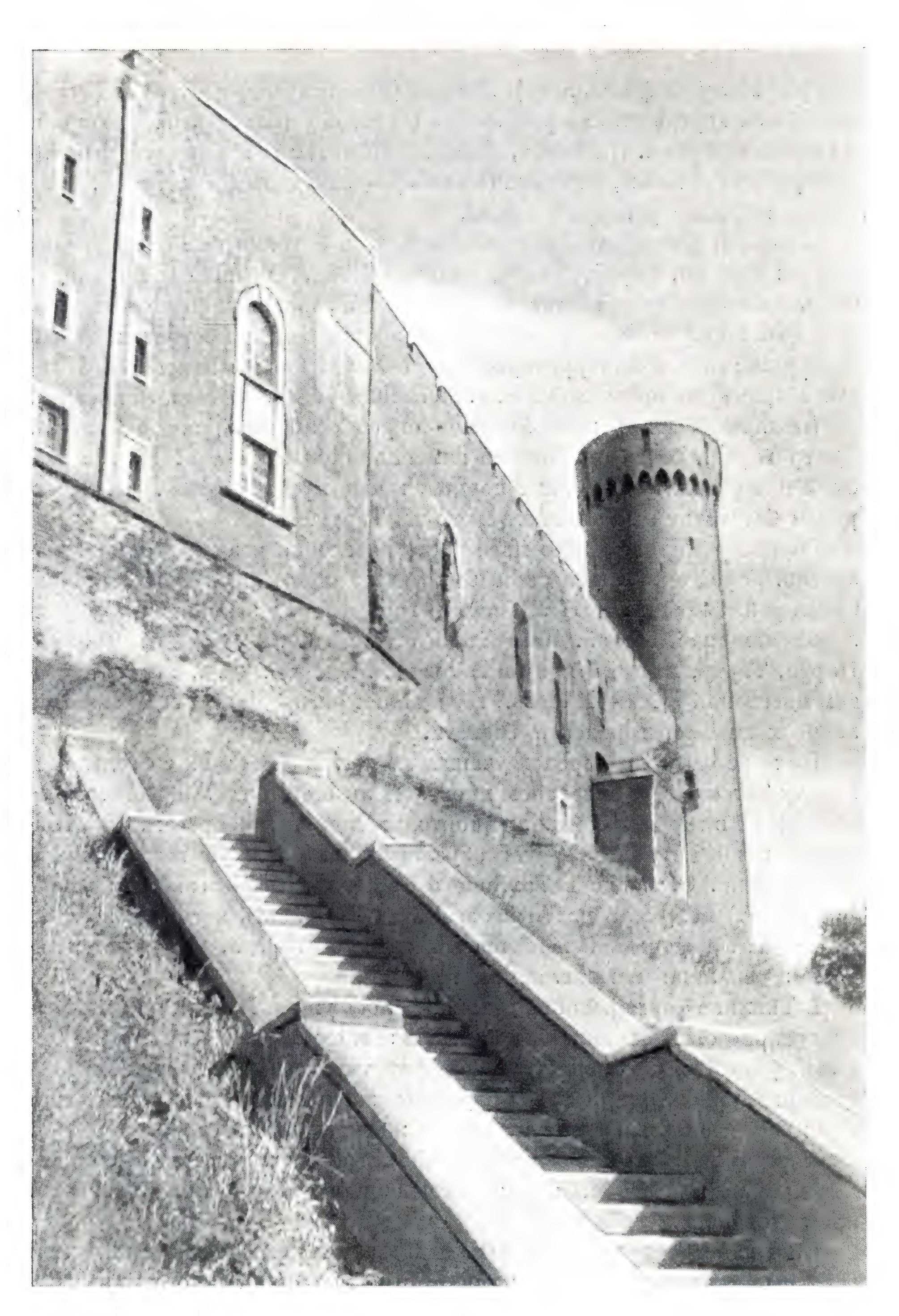

Вышгород в Таллине, XIII в. Общий вид.

служили целям защиты привилегий имущих людей, прежде всего богатого купечества и верхушки цехов.

С 20-х годов XIII в. Рига имела свой герб и печать с его изображением. С каждой переменой в области политического господства в гербе появлялся какой-нибудь знак, характерный для этой новой власти. С XIII в. Рига также имела свое знамя—черное с белым крестом.

Из прочих городов Латвии наиболее крупное значение имели Цесис (Венден), Валмиера (Вольмар), Лимбажи (Лемзаль), Вентспилс (Вин-

Вышгород в Таллине (часть стены), XIII в.

дава) и Кулдига (Голдинген). Кокнес (Кокенгаузен) и Страупе (Рооп) тоже были городами, которые вместе с упомянутыми городами входили в Ганзейский союз. Наоборот, Лиепая (Либава) в то время была небольшим рыбачьим селом, а Елгава (Митава) — захудалым местечком. Все города жили по рижскому праву.

В период феодальной раздробленности в Эстонии были следующие города: Таллин, Тарту, Нарва, Раквере, Пайде, Хаапсалу, Вильянди, Старый Пярну и Новый Пярну; последние два города были отделены друг от друга лишь устьем реки, но принадлежали разным сюзеренам: Старый Пярну находился на территории Сааре-Ляанеского епископства, а Новый Пярну — на орденской земле. Помимо городов, имелось 14 посадов.

Наиболее быстро экономически окреп старинный город Таллин. Центр города был рано обнесен каменной стеной, уже в XIII в. здесь были построены три крупные церкви, монастыри и ратуша. По размерам и богатству за Таллином следовал Тарту.

Города расширялись по мере роста населения и экономических ресурсов. Город окружался рвом, земляным валом и бревенчатой стеной. Со второй половины XIII в. богатые города стали заменять эти укрепления каменной стеной. Каменными стенами были обнесены Таллин, Нарва, Тарту, Новый Пярну и Вильянди. Вне этих стен, в связи с ростом населения в XV—XVI вв., возникали пригороды, где в деревянных лачугах ютилась городская беднота.

По мере развития городов учащались столкновения их с феодалами. Между Таллином и сюзереном происходили острые столкновения из-за убегавших в город крестьян, по торговым и другим вопросам. Экономическая мощь крупных городов обусловила их большую независимость от сюзерена. Особенно в Таллине и Тарту городское самоуправление (магистрат) получило почти неограниченную власть и самостоятельно руководило внутренней и внешней политикой города. Сюзерены обладали здесь лишь номинальными правами.

В Таллине формирование цехов началось уже в XIV в., причем первоначально они находились в большой зависимости от магистрата. Цеховой устав предусматривал срок работы в качестве ученика и подмастерья, определял условия получения звания мастера и руководил как профессиональной, так и личной жизнью членов цеха. В XV в. в интересах мастеров-ремесленников была введена в действие обязательная принадлежность к цеху; ремесленники, работавшие вне цехов, преследовались.

Большинство городского населения эстонских земель составляли эстонцы. Эстонцы участвовали во всех отраслях ремесленного производства и даже в тех цехах, куда доступ им был формально запрещен. Мелкие торговцы и перекупщики чаще всего были из эстонцев. С се-

редины XVI в. немецкие купцы стали все больше оттеснять эстонцев и вообще ремесленников от доходной торговли с деревней. Немецкий купец в городе стал одним из эксплуататоров крестьянства, связав своего потребителя на селе («сябра», или «друга») долговыми ссудами, залогами и т. д.

Немцы монополизировали крупную внешнюю торговлю. До XIII в. эсты проявляли в мореходстве и торговле большую активность, но после захвата страны немцами были совершенно оттеснены от этой деятельности. Торговля стала преимущественным правом городов. Это означало для эстов крупную экономическую потерю и ограничение возможностей дальнейшего развития.

Крупная торговля базировалась прежде всего на транзите товаров между Новгородом и Западной Европой. Кожи, меха и воск, а также все в большей мере зерно и прочие продукты земледелия и скотоводства, как Русского государства, так и Эстонии, вывозились за границу через местные гавани, главным образом через Таллин и Пярну. Соль была наиболее важным массовым товаром и составляла столь существенную часть в торговом обороте Таллина, что говорили, будто этот город «построен на соли». По сравнению с транзитными местные товары составляли незначительную долю торгового оборота. Это до некоторой степени разъясняет, почему роль городов в развитии производительных сил Эстонии в течение феодального периода была сравнительно невелика, и в то же время свидетельствует, насколько крепкой уже в ту эпоху была экономическая связь прибалтийских земель с Русью.

Как взаимные, так и внешние отношения прибалтийских городов определялись главным образом их торговыми интересами. Вначале для всех ганзейских купцов торговля была свободной. Однако с образованием в Ливонии местного немецкого купечества оно стало стремиться ограничить права чужих, т. е. проживающих временно или проездом, купцов-«гостей». Прежде всего приезжие купцы были отстранены от мелкой или розничной торговли (например, в Таллине в 1279 г.). Немецкие купцы ливонских городов уже к концу XIII в. активно участвовали в торговле с Новгородом, однако руководящее место в этой торговле вначале сохранялось за вошедшими впоследствии в Ганзейский союз немецкими городами Любеком и Висби, с которыми тесно объединились и ливонские города. Вскоре, однако, купечество Таллина и Тарту стало добиваться руководства немецкой торговой конторой в Новгороде. Стремления этих городов осуществлялись постепенно, со второй половины XIV в. Уже в 1346 г. все дороги, ведущие в Новгород, кроме тех, которые шли через Таллин, Тарту, Ригу и Пярну, были закрыты. Таким образом, прибалтийско-немецкое купечество добивалось полной монополии на приносящую большие посреднические прибыли крупную торговлю.

* * *

Восстание эстонцев—крестьянская война 1343—1345 гг.,—было подавлено в первую очередь силами военной организации Ордена с помощью присланных из Пруссии подкреплений. В результате этого поднялось внутриполитическое значение Ордена и он смог осуществить давнее намерение — слияние земель Харьюмаа и Вирумаа со своими владениями сперва под видом защиты этих земель, затем (в 1346 г.) путем покупки: датский король продал Тевтонскому ордену владения в Эстонии за 19 000 кельнских марок. Класс феодалов — эксплуататоров не создал в Ливонии централизованного государства. Местные крупные феодалы — Орден и епископы — в борьбе за земли и ренту находились во взаимной вражде.

Главным зачинателем междоусобиц был Орден — руководящая военная сила немецкой колонии, — который стремился подчинить себе все остальные местные феодальные группировки и города. Однако и рижские архиепископы добивались верховной власти во всей стране, требуя от Ордена «духовного» подчинения и вассальной верности. Особенно часто происходили споры из-за г. Риги, важнейшего торгового центра страны, который и сам принимал активное участие в этих спорах. В этих феодальных распрях епископы призывали на помощь даже иностранные войска. Обычным явлением стало обращение по поводу спорных вопросов к папе римскому и германскому императору, хотя непосредственная помощь от них приходила редко.

Эти феодальные распри перерастали в междоусобные вооруженные конфликты уже в XIII в. и с перерывами длились до конца XV в. По мере того как крепло Русское централизованное государство, положение Ордена становилось все более шатким. Народы Прибалтики видели в Руси силу, способную уничтожить их векового угнетателя.

Распри между ливонскими феодалами не давали решающего перевеса ни одной из сторон. Орден не имел возможности создать единое государственное целое; с другой стороны, и архиепископ не смог принудить Орден к выполнению ленных обязанностей в отношении архиепископата. Рига должна была примириться с двойной властью— архиепископа и Ордена. Между отдельными частями Ливонии не было прочной экономической связи, которая могла бы составить основу единой государственности. Эта внутренняя борьба давала возможность соседним, особенно датским и шведским, правителям вмешиваться в дела Восточной Прибалтики.

* * *

Борьба с сопротивлением крестьянства и частые войны содействовали сплочению вассалов в корпорации рыцарства. Преследуя свои сословные интересы, вассалы (т. е. преимущественно мелкое и среднее дворянство) сумели использовать распри крупных феодалов для усиления своего политического значения, расширения своих привилегий и стали играть в междоусобицах роль решающего фактора. Наблюдалось последовательное расширение и усиление экономической основы вассального дворянства. С течением времени ленные владетели превратились в земельное дворянство, основную часть которого составляли уже не вновь прибывавшие, подобно орденскому рыцарству или высшему духовенству, но местные помещики. Они добивались участия в управлении страной.

В округах Харьюмаа-Вирумаа относительное количество выделенных в ленное владение земель, как и число вассалов, было наиболее значительным. Поэтому объединение вассалов Харьюмаа-Вирумаа в корпоративное рыцарство началось уже в XIII в. В то время как в Харьюмаа-Вирумаа почти вся земля была в руках дворянства, в мааконде Ляанемаа в епископских владениях сюзерену принадлежало около двух третей обрабатываемой земли, вассальным дворянам же—лишь одна треть. В тартуском епископстве в ленное владение было выделено больше земель, чем в Ляанемаа.

Во владениях Ордена (исключая Харьюмаа-Вирумаа) значение вассального дворянства было наименьшим. Основную военную силу Ливонского ордена составляли рыцари — члены Ордена и военные отряды эстонцев и латышей. Лишь в виде исключения Орден отдавал свою землю в ленное держание посторонним лицам. Но и в таком случае за Орденом сохранялось большинство его государственных прав над крестьянским населением. Ленные права немногочисленных вассалов Ордена в значительной мере ограничивались лишь хозяйственными доходами с земли, без предоставления им прав над личностью или имуществом крестьян, которые всегда рассматривались как подданные Ордена, а не помещика. К тому же Орден не имел основания препятствовать переходу крестьян из одного имения в другое, если при этом они не покидали пределы орденских владений.

Дворяне укрепляли за собой земельные владения путем последовательного расширения права наследования. Вначале лены были лишь пожизненными, затем стали переходить по наследству к сыновьям, наконец, стали наследоваться и дочерьми и другими потомками вплоть до пятого колена (по так называемой «милости Юнгингена» — для Северной Эстонии в 1397 г. и по «милости Сильвестра» — для архиепископ-

ских вассалов в 1457 г.). В результате почти прекратилось возвращение ленов сюзеренам. Это обеспечивало дворянским фамилиям постоянное владение землей и способствовало постепенному освобождению этой категории землевладельцев из-под власти сюзеренов, превращению ее в сеньориальную знать.

Обострение классовой борьбы все в большей мере вынуждало различные группировки господствующего класса к разрешению феодальных споров путем взаимных соглашений и ко все большему сплочению. Это привело к возникновению феодального представительного учреждения — ландтага. Первый известный ландтаг съехался в Валга в 1421 г. Ландтаг вскоре сделался повсеместно в Ливонии центральным политическим органом, обсуждавшим важнейшие вопросы внутренней и внешней политики, как, например, вопросы войны и мира, заключение договоров и т. д.

Ландтаги в некоторой степени способствовали сближению местных феодальных группировок и регулированию их деятельности в общих классовых интересах. Но не было исполнительного органа с задачами и полномочиями центральной политической власти, ввиду чего решения ландтага имели цену лишь как соглашения. Политическая раздробленность и напряженные отношения между Орденом, епископской властью и г. Ригой попрежнему сохранялись.

* * *

Международное положение восточноприбалтийских земель в XIV—XV вв. характеризуется возрастающим ослаблением их политического значения. В отношении церковной юрисдикции высшими начальниками над рижским архиепископом и ливонскими епископами были папы. Так как Тевтонский орден был непосредственно подчинен римскому папе, то папе был подчинен и орден Ливонский. Этим и объясняется, что ливонские власти для решения споров обыкновенно обращались к папе как к высшему судье. Начиная с XIV в. папы почти всегда испытывали финансовые затруднения, поэтому споры разрешались в пользу того, кто больше платил. Победителем в этих спорах по большей части оказывался Ливонский орден.

В XIV в. среди членов Ливонского ордена появились группировки, которые стремились к большей независимости Ордена, а вместе с тем и орденской территории. Так как ядро этой оппозиции составляли главным образом рыцари, приехавшие из Вестфалии, то ее называли вестфальской, а сторонников единства Ордена — рейнцами (от р. Рейн).

Пока Тевтонский орден был экономически и политически сильным, великие магистры поддерживали рейнцев, выдвигая из их среды ма-

гистров и высших должностных лиц Ливонского ордена. Когда же в 1410 г. в битве под Грюнвальдом объединенное польско-литовско-русское войско нанесло поражение Прусскому ордену, то в Ливонском ордене верх одержала партия вестфальцев. Поэтому со второй половины XV в. Ливонский орден и его территория фактически стали полностью независимыми от своего центра в Пруссии, хотя формально продолжали быть с ним связаны.

Взаимоотношения правителей ливонской территории были очень запутанными, особенно в политических вопросах, что создавало множество конфликтов. В церковно-правовом отношении высшим должностным лицом был рижский архиепископ, которому в церковных вопросах была подчинена почти вся Ливония, а также Пруссия. Таллинский епископ, в ведении которого находилась Северная Эстония, был подчинен не рижскому, а лундскому архиепископу. Напротив, в качестве светских правителей своих территорий епископы были совершенно независимы от архиепископа, вели самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику.

* * *

Особенно запутанными были отношения между рижским архиепископством и территориями Ливонского ордена.

Опираясь на экономическое и военное превосходство своих территорий, а также на ресурсы своего центра в Пруссии, Ливонскому ордену удалось добиться если не формальной, то по крайней мере фактической независимости от ливонских епископов. Но по примеру Прусского ордена (который был подчинен непосредственно папе и тамошние епископы были включены в государство Ордена) Ливонский орден хотел получить верховенство над всей Ливонией. Так, уже в конце XIII в. началась борьба за верховенство в Восточной Прибалтике, которая происходила главным образом между Ливонским орденом и рижскими архиепископами.

Противники боролись в первую очередь за господство над важным торговым центром — Ригой. Первоначально сюзереном Риги был епископ Альберт, который уже в 1213 г. был вынужден отдать треть города Ордену меченосцев. Позже, чтобы заинтересовать датчан в захвате Ливонии, епископ отказался от своих прав на Ригу в пользу короля Дании. Когда в Риге произошел переворот, Рига отказалась повиноваться как епископу, так и Ордену[1].

С дальнейшим развитием рижской торговли неминуемо должны были столкнуться торговые интересы Риги и Ливонского ордена. По сравни-

[1] См. стр. 602 настоящего издания.

тельно ничтожному поводу натянутые отношения между ними в 1297 г. переросли в вооруженный конфликт. Борьба с перерывами велась более 30 лет. На сторону Риги стал местный архиепископ. Союзниками Риги была также Литва, правители которой разоряли земли своего врага — Ливонского ордена. Наконец, после продолжительной осады в 1330 г. сопротивление Риги было сломлено и она сдалась Ордену. Орден стал верховным правителем Риги. Его представитель присутствовал на заседаниях рижского магистрата. Рига была вынуждена отдать Ордену половину всех судебных доходов, а также рыбную десятину (каждую десятую рыбу с улова рижских рыбаков). Кроме того, Орден получил еще несколько недвижимых владений. В борьбе за верховенство в Ливонии Рига должна была помогать Ордену.

После длительной дипломатической борьбы орденским заправилам в конце XIV в. путем подкупа удалось добиться папского решения, по которому впредь рижскими архиепископами могли быть лишь члены Ордена. Новый рижский архиепископ Иоган фон Валленроде отдал свое архиепископство в аренду Ливонскому ордену. Так как Ливонский орден в это время укрепил свое политическое влияние также в епископствах Дерптском (Тарту) и Эзель-Викском (Сааре-Ляанемаа), то можно сказать, что в конце XIV в. во власти Ливонского ордена находилась вся Ливония.

Однако такое положение продолжалось недолго. Разгром Тевтонского ордена в 1410 г. в битве при Грюнвальде оказал значительное влияние на развитие ливонской политики. Рижский архиепископ Иоган VI Амбунди поднял свое епископство на борьбу с Орденом. Чтобы нейтрализовать политический перевес Ордена, был учрежден ландтаг — совещание представителей всех ливонских территорий с архиепископом в качестве председателя. Ландтаг состоял из четырех курий: в первую входили архиепископ, все епископы Ливонии, капитул каноников и монастыри; во вторую — Ливонский орден; в третью — представители вассалов всех территорий Ливонии; в четвертую — города. Представителей от крестьян на ландтаге не было, поэтому не удивительно, что ландтаг был учреждением, где ковались цепи крестьянской неволи.

Каждая курия имела один голос. Так как для принятия всех постановлений нужно было единогласное решение, то ландтаг зачастую бездействовал. Тем не менее ландтаг очень пригодился архиепископам для того, чтобы парализовать политику Ордена. Используя осложнения Ливонского ордена в борьбе с Литвой и Польшей, а также распад Прусского ордена, рижскому архиепископу Сильвестру Стодевешеру в 1452 г. удалось заключить с Ливонским орденом Саласпилский (Кирхгольмский) договор. Договор предусматривал совместное господство Ордена и архиепископа над Ригой. Во второй половине XV в. Рига

несколько раз тщетно пыталась стряхнуть это навязанное ей двойное господство. С начала XVI в. Ливония была вовлечена в такие международные осложнения, которые отодвинули на второе место вопросы, связанные с внутренней борьбой за верховенство в Восточной Прибалтике. Окрепшее Русское государство поставило вопрос о восстановлении своих исторических прав в Прибалтике, о восстановлении древних связей с народами Прибалтики. Начавшаяся война привела к разгрому и уничтожению Ливонского ордена.

3

КАРЕЛЫ в XIII—XV вв.

В XIV—XV вв. земледелие в Карелии получило дальнейшее развитие. Оно захватывало и Поморье, где упоминаются «страдомые земли» (этим термином обозначались обрабатываемые земли)[1]. В Западной Карелии летопись упоминает «обилие», т. е. хлеба[2]. Крестьяне обязаны были вносить своим владельцам в качестве натурального оброка рожь, овес, ячмень, пшеницу, печеный хлеб, солод, пиво, лен, баранину, свинину, масло, сыр, овчины, кур, яйца, соколов, тетеревов, куниц, белок, зайцев, рыбу, а также деньги. Такая же картина наблюдается и в северной половине Обонежской пятины[3].

Упоминание овса, ячменя и даже пшеницы, а также «полосок»[4] заставляет думать, что в XV в. трехполье было широко распространено в Карельской земле и обонежских погостах.

Охота и рыболовство продолжали сохранять свое значение. Поэтому, например, Ореховецкий договор касался вопроса о правах новгородцев на ловища, расположенные в Западной Карелии. Северные погосты Карельской земли, некоторые районы Обонежья, Карельский берег (Беломорье) были местами наиболее развитого охотничьего промысла. В Никольском, Шунгском погостах имелись, например, деревни, крестьяне которых были обязаны сдавать владельцу по 40, 60 и даже 100 белок[5]. Были здесь и сокольники-ловцы, которые «давали наместнику сокол»[6].

---

[1] *Н. В. Чаев.* Северные грамоты XV в. «Летопись занятий археографической комиссии», вып. 35, Л., 1929, № 16, стр. 136; № 21, стр. 139; № 22, стр. 140; № 27, стр. 142; № 28 и 30, стр. 143.

[2] НПЛ, стр. 348—349.

[3] «Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины. 7008 года». «Временник ОИДР», кн. 12, М., 1852, отд. II, стр. 1—188; «Писцовые книги Обонежской пятины, 1496 и 1563 гг». Л., 1930, стр. 1—9.

[4] «Временник ОИДР», кн. 12, стр. 133.

[5] «Писцовые книги Обонежской пятины, 1496 и 1563 гг»., стр. 4, 5.

[6] «Временник ОИДР», кн. 12, стр. 158.

Ловля рыбы на Кольском полуострове. Гравюра XVI в.

Грамоты XV в., относящиеся к Карельскому берегу, содержат преимущественно юридическое оформление прав на владение и пользование охотничьими и рыболовными угодьями. Упоминание урочища «Бобровая гора», наличие терминов «пукша», «витень» и т. д.[1] указывают на распространенность в Беломорье разнообразных видов охоты. Охотники соединялись в промысловые артели из пяти-шести человек[2].

Существовал и лесной промысел в Беломорье[3]. Белое море, реки, Онежское и Ладожское озера давали много рыбы. Почти не было вотчины без рыболовных угодий, крестьянского хозяйства, не сочетавшего земледелия с ловом рыбы[4]. Крестьяне некоторых деревень Толвуйского погоста обязаны были сдавать своим вотчинникам известное количество сигов и лососей[5]. В Беломорье рыбные промыслы носили и торговый характер. Автор XVI в. сообщает, что карелы ловят «китов, морских коров и морских собак..., из кожи они изготовляют кнуты, кошельки и колеты, жир же сохраняют и продают»[6]. На Онежском озере сущест-

---

[1] *Н. С. Чаев.* Указ. соч., № 3, стр. 130; № 12, стр. 134. «Пукша» по Далю — лесная птица; «витень» — особого рода нож, применявшийся при охоте на лося.

[2] *Н. Камкин.* Архангельские карелы. «Древняя и новая Россия», 1888, № 2, стр. 303, 305—309.

[3] *Н. С. Чаев.* Указ. соч., № 3, № 43, стр. 149.

[4] АИ, т. III, № 75, стр. 71.

[5] «Писцовые книги Обонежской пятины», стр. 9; ср. АИ, т. III, № 75, стр. 71.

[6] *М. Меховский.* Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936, стр. 117—118; ср. *Н. С. Чаев.* Указ. соч., № 46, стр. 151.

Ловля рыбы крестьянами. Миниатюра XVI в.
Государственный Исторический музей.

вовал лов ценной рыбы, который был обложен разного рода сборами. Например, в 30-х годах XV в. половина улова осетров шла судьям, а кроме того, «осетреям» (особым должностным лицам) полагалось брать рыбу «по старине» [1].

Лов рыбы, подобно охоте, производился крестьянскими артелями, в ряде случаев снаряженными новгородскими и карельскими вотчинниками. Документ, сохранившийся от XV в., прямо говорит о посылке ловцов на р. Выг новгородским тысяцким [2]. На Ладожском озере были рыболовы, для которых промыслы являлись главным источником существования. Писец отмечает довольно большое количество таких рыболовов в Карелии. Характерно, что эти рыболовы жили в больших поселениях городского типа или городах. В Приладожье организация

[1] ААЭ, т. I, № 27, стр. 19.
[2] *Н. С. Чаев.* Указ. соч., № 15, стр. 136.

промыслов и техника лова имели много общего с Поморьем: то же совместное пользование рыболовными угодьями и специальными промысловыми сооружениями («заборами»); неводом владели также сообща.

Развитие рыболовного и торгового судостроения вызывало распространение гонки дегтя и смолы [1].

Из промыслов в Карелии известны также добыча и обработка железа. Потребность в железе, вызванная общим повышением уровня хозяйственной жизни, затруднения со ввозом железа и оружия из Западной Европы стимулировали развитие этих промыслов. Торговля оружием попрежнему шла контрабандой.

Распространение выплавки железа и кузнечного ремесла в погостах Корельского уезда привело к возникновению деревень, почти сплошь состоявших из кузнецов. Такова Сандолакша Кирьяжского погоста.

Кузнецы Сандолакши работали, повидимому, на местном сырье — железе, добытом из озерной руды на Валааме, а также из тяжелого железного песка, выбрасываемого озером на берега Валаамского острова[2]. Кузнечный промысел существовал и на Беломорском побережье: солеварение Поморья не могло обойтись без кузнецов. Выварка соли происходила в огромных железных противнях — цренах. Охота и морские промыслы также требовали кузнечных поделок.

Солеварение было крупным промыслом севера. Писцовые книги XVI в. упоминают 22 варницы в Нюхче, обложенные оброком еще в конце XV в.[3] Занимался солеварением и Соловецкий монастырь, впоследствии ставший монополистом по выварке соли для всего Беломорья[4].

Имело некоторое развитие и ткачество. Появились специалисты, занимавшиеся изготовлением берд.[5]

* * *

С ростом ремесла развивались и города. Главным городом Карелии была Корела. По летописи, эта крепость была возобновлена в 1310 г. на месте старинного укрепления. Повидимому, здесь давно существовал торгово-ремесленный поселок, так как в 1314 г. в Кореле было уже значительное торгово-ремесленное население «городчан» [6] — тер-

---

[1] «Временник ОИДР», кн. 12, стр. 92.

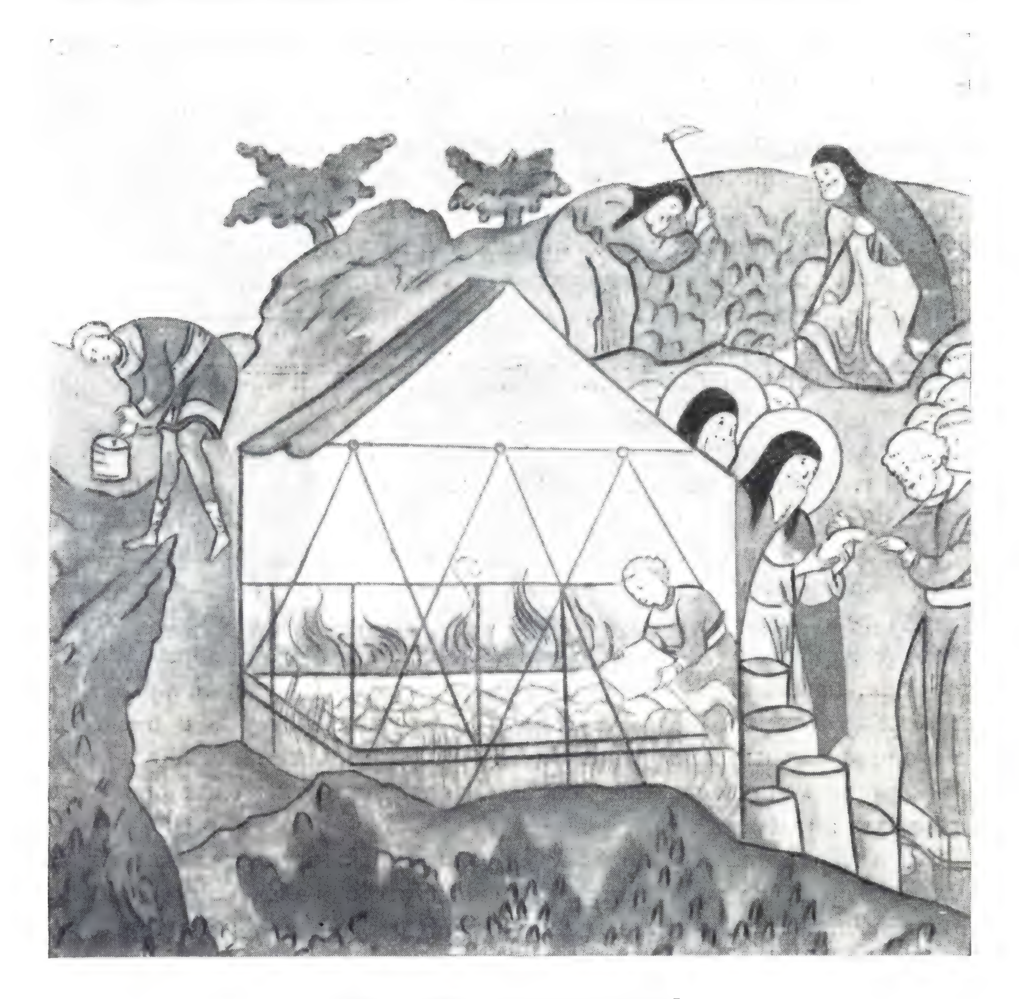
[2] Ср. *Н. Озерецковский.* Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. СПб. 1812, стр. 87—89.

[3] «Писцовые книги Обонежской пятины» стр. 159.

[4] *А. А. Савич.* Соловецкая вотчина XV — XVII вв. Пермь, 1927, стр. 94.

[5] «Временник ОИДР», кн. 12, стр. 132.

[6] НПЛ, стр. 335.

Солеварение. Миниатюра XVI в.
Государственный Исторический музей.

мин, который соответствовал понятию «посадские люди»[1]. Город рос и богател. Приезжали «гости» из Новгорода, из Ладоги. Пожар 1360 г. нанес большой ущерб городу («городчане толко душами осташася»[2]). Но уже к 80-м годам XIV в. город настолько окреп, что князь Патрикий, получивший Корелу и Орехов в «кормление», лишь после большой борьбы согласился поменять их на Русу и Ладогу. При этом на сторону городчан Корелы против Патрикия стали тысяцкий и «добрые

[1] Писцовая книга конца XV в. по Ладоге отмечает «молодых людей», живших на посаде и «тянущих в оброк и во все потуги» с «городчанами».

[2] НПЛ, стр. 367.

люди» Новгорода[1]. Следовательно, у новгородской купеческой верхушки были крепкие связи с городчанами.

В городе были и дворы детей боярских, помещиков и своеземцев, а также пищальников и воротников и поповские дворы. Население делилось на «лучших людей» и «молодых людей». Особенно заметны были явления дифференциации среди рыболовов. Из 143 рыболовов писцом к богатым людям был причислен 21 человек. Надо думать, что последние были хозяевами, эксплуатировавшими труд остальных, которые были или рыболовами-одиночками, или батраками-ловцами. К городским низам принадлежала группа «молодых людей на посаде без промысла». Среди них отмечен бочечник, видимо, работавший по найму на промыслах богатых хозяев-рыболовов.

Другим крупным городским центром в Приладожье был Орехов. В 1410 г. летопись уже называет Орехов посадом[2]. Из 211 человек тяглых 45 были «лучшими», остальные — «молодыми». Известны в Карелии и сельские поселения, превращавшиеся в города. Таков «Волочок Сванский» на берегу Ладожского озера между Корелой и Ореховым. Население его занималось торговлей и промыслом, не имея пашен, и несло городское тягло вместе с Корелой[3]. Такова и деревня Сандолакша, населенная кузнецами. Известна группа поселений из 13 деревень Сердовольского погоста Корельского уезда, которые в писцовой книге объединены одним заголовком: «В Сердовольском погосте купцы, а живут на великого князя земле». В податном отношении они были сельскими жителями[4].

Характер торговли оставался прежним. Главным рынком сбыта был Новгород, но поддерживались связи и с зарубежными соседями. Новгородские и ладожские купцы ездили в Карелию, вели торговлю с Обонежьем[5]. Беломорье было сырьевым рынком, дававшим товары для новгородского вывоза. Часто новгородский вывоз шел через Вуоксу. В 1425 г., когда ганзейцы на два года закрыли Неву, новгородцы вели оживленную торговлю через Выборг и Корелу[6]. Немецкие купцы приезжали в Новгород этим путем.

Транспорт, как водный, так и гужевой, получил большое развитие. Крестьяне брали на оброк волоки. От количества перевозимого груза они получали определенную плату[7]. Таков был волок «Кенский»,

[1] ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, Л., 1925, стр. 340.
[2] Там же, стр. 410.
[3] «Временник ОИДР», кн. 12, стр. 7—8.
[4] Там же, стр. 165—166.
[5] НПЛ, стр. 337.
[6] *Б. Крохин.* История карел. «Русская старина», 1908, июнь, стр. 582.
[7] «Писцовые книги Обонежской пятины», стр. 177.

Меновая торговля в Северной Карелии. Гравюра XVI в.

существовавший еще в конце XV в. Ореховские судовладельцы имели организацию, в известной мере близкую средневековым цехам. Иноземные купцы вынуждены были считаться с ней. Суда, принадлежавшие организации, встречали немецкие корабли в Неве и перегружали товар на свои ладьи. Судовладельцы, у которых ладьи оставались не погруженными, получали отступное. Таким образом, члены организации обеспечивались доходом.

* * *

Земли Карелии были уже в основном захвачены феодалами: крупными светскими землевладельцами, своеземцами, наместником, архиепископом, его слугами, монастырями, церквами.

Наибольшее количество земель принадлежало наместнику, затем архиепископу, монастырям, иногда своеземцам (в зависимости от района) и, наконец, светским землевладельцам (12%). Особенностью всех видов землевладения была их чрезвычайная разбросанность. Даже мелкие землевладельцы не имели компактных вотчин. Монастырское землевладение имелось в каждом погосте, причем относительно нового происхождения, так как самые старые монастыри в Карелии

основаны не раньше XIV в. Старейшим местным монастырем был Коневский, основанный в 1398 г., за ним следовал Валаамский. Некоторое количество земель принадлежало новгородским монастырям.

Средний размер владений своеземцев равнялся примерно 2,5 обжам. По роду занятий своеземцы сближались с мелкими городчанами и крестьянами. Часто они не имели ни крестьян, ни холопов. Землю обрабатывали сами, иногда объединяясь по три-четыре человека в один двор. Землевладение своеземцев ведет начало от местного карельского землевладения, возникшего еще во время становления классового общества.

Земли наместника и архиепископа занимали особое положение, и погосты их продолжали делиться на перевары. Наместничьи же, кроме того, наряду с обложением «ночлегами», были положены в обжи. Некоторые земли архиепископа считались государственными землями Новгорода, их население в некоторых волостях называлось «чернокунцами».

В Обонежье большую роль играло землевладение крупных вотчинников. В погостах Обонежья были боярщины крупных новгородских землевладельцев Н. Григорьева, Н. Грузова и др.[1], таких монастырей, как Юрьевский и Вяжецкий, из местных — Палеостровский и Муромский, основанных в XIV в.[2] Сохранилось здесь и землевладение свободных крестьян, чего в Карелии, где процесс закрепощения шел интенсивнее, уже не было.

В Беломорье находились вотчины представителей крупного новгородского боярства, тысяцкого[3], посадника[4]. Северные акты освещают складывание в XV в. вотчины Соловецкого монастыря в Беломорье, разросшейся впоследствии до огромных размеров.

Было в Беломорье и собственно карельское землевладение. Карельскими землевладельцами являлись «дети карельские». Жалованная грамота Новгорода Соловецкому монастырю упоминает «детей карельских» и запрещает им и новгородским боярам «вступаться» в острова Белого моря, тем самым подчеркивая их опасность для монастырей[5]. Владения «детей карельских» в Поморье начинались от устья Выга и тянулись на север до Сон-реки (вблизи современной станции Боярская-Лоухи, Кировской ж. д.), на запад простирались до «Каяньского рубежа»[6]. О значительности владений некоторых «детей карельских»

---

[1] АИ, т. III, № 75, стр. 71—72; «Писцовые книги Обонежской пятины», стр. 1—9.

[2] *К. Петров.* Муромский монастырь. «Олонецкий сборник», вып. 2, Петрозаводск, 1886, отд. 1, стр. 105; *Е. В. Барсов.* Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае. «Чтения ОИДР», 1868, кн. 1, отд. V, стр. 19—222.

[3] *Н. С. Чаев.* Указ. соч., № 15, стр. 135—136.

[4] Там же, № 16, стр. 136—137.

[5] ГВНиП, № 96, стр. 152.

[6] *Н. С. Чаев.* Указ. соч., № 43, стр. 149.

Перетаскивание лодки через волок в Карелии. Гравюра XVI в.

можно судить по величине сумм, уплаченных ими при покупке земли. Одна вотчина была приобретена за 9 рублей [1]. Земли эти продавались с живущими в них саамами и измерялись числом людей. Можно было встретить, например, участок величиной «в одного человека», что соответствовало выражению наших северных актов «полесовать одним человеком» (т. е. вырубать лесной участок силами одного человека). Одним из представителей собственно карельских феодалов являлся Валит корелянин, находившийся на новгородской службе в первой половине XIV в. и занимавший положение воеводы в Кореле [1].

Постепенно в Карелии крупное новгородское землевладение поглощало мелкое. Мелкие землевладельцы («дети карельские») сопротивлялись проникновению новгородских крупных феодалов. В XV в. и своеземцы и «дети карельские» в сущности являлись лишь особыми группами единого класса новгородских землевладельцев.

---

[1] *Н. С. Чаев.* Указ. соч., № 21, стр. 139.

[2] ПСРЛ, т. V, стр. 220.

Крестьянство было чрезвычайно разнообразно по составу. Основная часть крестьян находилась в феодальной зависимости. Свободное крестьянство сохранилось в XIV—XV вв. в Заонежье и Беломорье. Заметной роли в общем социально-экономическом строе этого времени оно не играло. На наличие в Заонежье земельной общины указывает хотя бы «данная» грамота шунжан (по происхождению карелов) Николаевскому Вяжицкому монастырю. По этой грамоте от шунжан переходили монастырю права на владение выморочными крестьянскими участками со всеми угодьями [1].

Иначе сложилось карельское крестьянство в Беломорье. Незначительная часть его приобретала здесь земли куплей [2]. Другая, бо́льшая часть карельского крестьянства, переселившегося в Беломорье, осваивала новую землю трудовой заимкой; появилось тут также и русское крестьянство, спасавшееся от феодальной кабалы [3]. Несомненно, что часть крестьян-переселенцев попадала в зависимое положение от местного вотчинника, пополняя и расширяя обширный круг зависимого крестьянского населения.

Например, вотчинник Обонежья А. Фатьянов вывез на свою землю «людей», «окупив» их (т. е. оплатив их долги) и дав им «помогу» (т. е. ссуду). Против имен некоторых крестьян писец отметил: «старого дохода не шло, седели на льготе»[4], указывая тем самым, что эти крестьяне недавно посажены вотчинником на землю и освобождены на некоторый срок от повинностей и работ, чтобы могли обзавестись хозяйством.

Крестьянской хозяйственной единицей был двор [5]. На один двор приходилось, в зависимости от района, от 13,4 до двух десятин [6] в трех полях. Относительно большие размеры запашки можно объяснить малым плодородием почвы и слабой техникой обработки [7]. Велось крестьянское хозяйство трудом членов крестьянской семьи.

Господствующим видом землевладения было боярское. Типичная боярщина, или «волостка», состояла из нескольких поселений. В одном из них находился «большой двор» вотчинника. Здесь жил в большинстве случаев ключник, в монастырских вотчинах называвшийся посель-

[1] *Н. С. Чаев.* Указ. соч., № 53, стр. 157.

[2] Там же, № 35, № 41, стр. 146—148.

[3] Там же, № 38, стр. 147; № 18, стр. 138; № 27—28, стр. 142—143; № 33, стр. 145.

[4] «Временник ОИДР», кн. 12, стр. 90.

[5] *А. М. Гневушев.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве, т. I, ч. 1, Киев, 1915, стр. 187.

[6] *С. С. Гадзяцкий.* Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941, стр. 151.

[7] *А. М. Гневушев.* Указ. соч., стр. 230

ским старцем или просто посельским. Около большого двора жили холопы. Среди них были не только ремесленники, но и хлебопашцы. В одной вотчине, разделяемой ручьем, была даже «холопья сторона»[1].

Основное население боярщины, состоявшее из крестьян, обязано было платить вотчиннику ренту. В XV в. рента шла деньгами и натурой — хлебом, мясом, овчинами и т. д., причем хлебный оброк доходил иногда до половины урожая. Крестьяне несли повинности (главным образом натуральные) и в пользу ключника. Существовали и другие поборы, например «постояние», одного происхождения с ночлегами. К моменту составления писцовых книг постояние было заменено повсеместно увеличением натуральной части ренты.

В некоторых владениях натуральная часть ренты переводилась на деньги по особому расчету. Таким образом, к концу XV в. в Карелии уже приобрела известное значение феодальная денежная рента.

Постепенное вытеснение вотчинниками крестьян с занимаемых ими земель, все возраставшее закрепощение и тяжесть феодальной эксплуатации встречали сопротивление со стороны крестьян. Источники сообщают о столкновениях между крестьянами и землевладельцами, в частности монастырями. Противились возникновению монастырского землевладения и «дети карельские». Основателям Соловецкого монастыря пришлось столкнуться с одной группой «детей карельских», считавших земли, занятые монахами, своими наследственными владениями[2].

Самой распространенной формой борьбы крестьян с вотчинниками были побеги, в частности и за рубеж. Ореховецкий договор имел специальный пункт о выдаче беглых должников, поручителей и холопов. Новгородцы с неудовольствием отмечали, что князь Борис Константинович «Корелу всю истерял»[3]. Иногда вспыхивали и восстания. Таких больших восстаний известно два: в 1314 и 1337—1338 гг.

В 1314 г. карелы перебили городчан, живших в Кореле. Но когда в город вошли шведы и против них выступили новгородцы с наместником Федором, карелы перешли на сторону[4] последних. В Карелии, так же как и в других частях Новгородской республики, вотчинники жили по большей части не в своих вотчинах, а в городах. Таким образом, восстание против городчан носило антифеодальный характер.

В 1333 г. часть Карелии с Корелой и другими пограничными новгородскими городами была отдана боярским правительством «на кормление»

---

[1] «Писцовые книги Обонежской пятины», стр. 7.

[2] *А. А. Савич*. Указ. соч., стр. 32.

[3] ГВНиП, № 8, стр. 18.

[4] НПЛ, стр. 335.

князю Наримунту[1], что повлекло увеличение тягот для крестьянства В 1337 г. вспыхнуло новое восстание. Карелы перебили в Кореле много новгородских и ладожских купцов, то же сделали они и в Выборге[2]. Восстание использовал в реакционных целях борьбы с новгородскими землевладельцами корелянин Валит, воевода Корелы. Он передал было Корелу шведам. Но затем он перешел на сторону новгородцев[3]. Восстанием воспользовались шведы, посылая восставшим в помощь небольшие отряды войск из выборгского гарнизона. Эта «помощь» привела к военным действиям новгородцев со шведами; лишь зимой 1338/1339 гг. были начаты переговоры, которые привели к заключению мира в 1339 г. на условиях Ореховецкого договора[4].

* * *

Управление Карелией осуществлялось органами государственного аппарата Новгорода, несколько приспособленными к местным условиям. Со второй половины XIII в. в летописях встречается термин «Корела», обозначающий не народ, а часть «волости Новгородской» как явление одного порядка с волостями Ладоги и Пскова, имевшими свое управление, свои права и обязанности по отношению к новгородскому правительству.

Оформившаяся в последней трети XIII в. «Корельская земля» не охватывала всех территорий, населенных карелами. В состав «Корельской земли» вошли погосты, лежавшие на западном, северном и отчасти северо-восточном берегах Ладожского озера, т. е. районы, впоследствии составившие Корельский уезд. В «Корельскую землю» входили и три погоста, которые новгородцам пришлось отдать шведам по Ореховецкому договору. Обонежье и Беломорье в ее состав не входили.

Выделяя погосты западного и северного Приладожья в особую «Корельскую землю», новгородское правительство имело в виду укрепление границ своего государства. Поставленный во главе земли «служилый» князь должен был охранять границу от вторжения шведских феодалов.

В XIV—XV вв. Карелия почти беспрерывно пребывала в составе «кормления», которым Новгород наделял служивших у него князей. Они должны были организовать оборону этих земель и городов. Условия, при которых карельские земли попали в такое положение,

[1] НПЛ, стр. 346.
[2] Там же, стр. 348.
[3] ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 220.
[4] НПЛ, стр. 350.

были очень сложными. В начале XIV в., пытаясь сохранить свою власть, новгородские бояре вошли в соглашение с великим князем литовским Гедимином и расплатились с ним землями Карелии и своими городами: его сын, князь Наримунт получил в наследственное владение («в отчину и дедину и его детем») «Корельскую землю» с г. Корелой и, кроме того, Ладогу, Орехов и половину Копорья[1]. Правда, Наримунт не оправдал ожиданий новгородских бояр. В критический момент восстания карельских крестьян, использованного шведским правительством для грабежа новгородских земель, Наримунт не приехал из Литвы, хотя новгородцы посылали за ним. Также и в событиях 1348 г., когда в новгородские земли вторгся с огромным войском шведский король Магнус, Наримунт не участвовал[2]. В 1383 г. земли, бывшие за Наримунтом, были отданы новгородцами его сыну Патрикию в кормление, а не перешли к нему по наследству.

Попав в 30-х годах XIV в. «в кормление» в результате сделки Новгорода с Литвой, «Корельская земля» вплоть до середины XV в. содержала то одного, то другого из литовских и русских князей. Князь, находившийся на службе у Новгорода, получал вознаграждение, состоявшее из определенных договором различных доходов. В некоторых местах он имел право на судебные пошлины, в других — на часть улова рыбы ценных сортов, в третьих он мог охотиться и т. д. Однако главным доходом князя являлись собираемые им налоги с крестьян, живших на государственных землях Новгорода в тех волостях, которые ему были предоставлены. В «Корельской земле» в XIV—XV вв. к их числу относились земли, бывшие «за наместниками из старины» и «за владыкой», называвшиеся также «чернокунскими»[3].

Новгород все больше осваивал Карелию, включая и более северные ее районы. Карельские и саамские земли экономически и политически сливались с землями Новгородского государства. Карельское землевладение поглощалось новгородским. Возникали монастыри. Некоторые местности подвергались сильному обрусению. Карелия и Обонежье все более стали походить на другие районы Новгородской республики.

В Беломорье промысловая и торговая деятельность новгородцев конкурировала с предпринимательством «детей карельских». Сюда направлялись потоки карельских и русских крестьян, бежавших от феодальной эксплуатации. Русские крестьяне шли как из Новгород-

---

[1] НПЛ, стр. 345—346; ср. также ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр 263—264. См. гл. 5, § 1 д настоящего издания.

[2] ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, стр. 277.

[3] «Временник ОИДР», кн. 12, стр. 76, 134, 160, 172.

ской области, так и из Владимиро-Суздальской земли. Последние больше всего оседали в Двинской области. Распространяясь от устья Двины вдоль берегов Белого моря, русские крестьяне-переселенцы смешивались с карельскими крестьянами.

Длительное историческое общение карел с русским населением Севера имело для них огромное прогрессивное значение. Оно ускоряло процесс феодализации в Карелии, способствовало развитию земледелия, ремесла, общему подъему экономики.

* * *

XIII век заполнен борьбой народов Прибалтики против иноземных захватчиков. Наиболее агрессивными соседями карелов и новгородцев с давних времен были шведы[1].

Разгром шведских феодалов на Неве не заставил их отказаться от своих планов. В 1249 г. шведы предприняли новый крестовый поход в Финляндию. Сломив сопротивление тавастов (еми) и истребив отказавшихся креститься, шведы построили замок Тавастборг и начали быстрый захват Финляндии, став таким образом непосредственными соседями карел. До 80-х годов XIII в. в борьбе Новгорода и Швеции наступил некоторый перерыв, но затем нападения шведов на Новгородскую землю и, в частности, на Карелию возобновились.

К концу XIII в. волна шведской агрессии вновь докатилась до берегов Невы и Ладожского озера; начался захват западных карельских земель, завершившийся постройкой Выборга (1293). Основание Выборга облегчало наступление шведских феодалов на Карелию. На рубеже XIV в. борьба со шведами достигла чрезвычайного напряжения. Для защиты своих земель новгородцы строили крепости, стремясь укрепить те пункты, которые пытались захватить шведы. В 1310 г. новгородцы на реке «Узьерве» «срубили» новую деревянную крепость. Это и был город Корела[2]. Летописец отмечает, что, строя Корелу, новгородцы город «ветхый сметавше», иначе говоря, разрушили старые укрепления[3].

Упоминание старого городка проливает свет на показания шведских источников о взятии шведами в 1295 г. Кексгольма. Очевидно, новгородская крепость существовала здесь и до 1295 г. Взяв ее, шведы

---

[1] См. ч. I, гл. 4, § 5 и гл. 5, § 9 настоящего издания.
[2] Впоследствии Кексгольм (ныне Приозерск).
[3] НПЛ, стр. 333.

построили поблизости новую крепость, которую новгородцы тогда же разрушили[1].

В 1323 г. новгородцы укрепили выход из Ладожского озера в Неву, построив крепость на Ореховом острове. Постройка Орехова, помимо военных целей, имела большое значение и для феодального освоения Новгородом прилегающих Ижорской и Карельской земель. Новгородские бояре, приступая к постройке Орехова, уже имели в соседних краях «села купленные и не купленные». В том же году в этой крепости был заключен мирный договор со Швецией.

Договор был заключен московским великим князем Юрием Даниловичем, посадником Варфоломеем, тысяцким Авраамом и всеми новгородцами со шведским королем Магнусом[2]. По условиям договора новгородское правительство уступало шведам три карельские области (погосты): Саволакс, Яскис и Эврюпя. Таким образом, и после Ореховецкого договора южная часть Финского побережья оставалась во власти Новгорода. Характерно, что новгородцы сохранили свои права на часть вод, земель и ловищ, расположенных на отходящей к Швеции территории. Это место договора показывает, что к исходу XIII в. новгородские промышленники уже эксплуатировали там пушные и рыбные богатства. Наряду с водами и ловищами в договоре упомянуты и земли. Были приняты обоюдные обязательства не строить впредь новых крепостей на территории Карелии, выдавать беглых должников, поручителей и холопов. Шведам и выборжцам запрещалось покупать земли у новгородских карелов, гарантировалось невмешательство шведов в случае враждебных действий Нарвы против Новгорода. В заключение договор устанавливал, что все конфликты в будущем должны разрешаться мирным путем[3].

В 1326 г. был заключен аналогичный договор между Новгородом и Норвегией[4]. Новгородско-норвежский договор 1326 г. был заключен норвежским королем Магнусом, бывшим одновременно и королем Швеции. Договор составлен от имени Норвежского королевства с одной стороны, и новгородского епископа Моисея, посадника Варфоломея, тысяцкого Астафия и всех новгородцев — с другой[5]. В договоре следует отметить важный пункт о свободе торговых поездок: «гости из Норвегии,— гласил договор,— должны иметь проезд к Новгороду и Заволочью». И гости новгородские и заволочские должны иметь беспрепятственный проезд в землю Норвежскую.

[1] *А. И. Гиппинг.* Нева и Ниеншанц, ч. I, СПб., 1909, стр. 104—105.
[2] См. гл. 1, § 8 настоящего издания.
[3] ГВНиП, № 38, стр. 67—68.
[4] Там же, № 39, стр. 69—70.
[5] См. ч. I, гл. 5, § 11 настоящего издания.

Ореховецкий мир 1323 г. ненадолго прекратил столкновения со шведами. В 1348 г. шведский король Магнус, собрав многочисленное войско из датских, голштинских и других наемников[1], начал войну с целью овладеть берегами Ладожского озера и Невы[2]. Война велась под лозунгом «просвещения» язычников и «еретиков», т. е. православных.

Войско Магнуса осадило крепость Орехова, а католические попы стали насильно крестить ижорцев[3]. Часть шведских войск проникла в Карелию и воевала в ее пределах. Им удалось взять город. Но затем Магнусу пришлось уйти, оставив в Орехове незначительный гарнизон[4]. Осенью новгородцы осадили Орехов, но осада затянулась в связи с тем, что пришлось около 1000 человек отправить под Корелу, где действовали войска Магнуса. Спустя семь месяцев Орехов был взят, и в нем оставлен гарнизон под командой Якова Хорова и Александра Борисовича[5].

Магнус в 1350 г. предпринял, с благословения папы Климента IV, новый крестовый поход в новгородские земли. Однако новгородцы сами перешли в энергичное наступление. Их войска подступили к Выборгу, сожгли посад и разорили окрестности[6]. Судя по некоторым новгородским и шведским источникам, война закончилась миром, подтверждавшим условия Ореховецкого договора 1323 г.[7] Во всяком случае после этой войны почти 30 лет продолжалось затишье, которым новгородское правительство воспользовалось для усиления своих крепостей. В Орехове и Кореле были воздвигнуты новые укрепления (в Кореле — каменные, вместо деревянной крепости, сгоревшей в 1360 г.)[8].

С 1392 г. шведы несколько раз нападали на новгородские земли. В 1392 г. на Неве они разорили села вплоть до Орехова, но были изгнаны ореховцами с князем Лугвенем[9]. Через два года они напали на вновь построенный город Яму, но также потерпели пора-

---

[1] *А. И. Гиппинг.* Указ. соч., стр. 136.

[2] *М. В. Головинский* и *Н. К. Ядрышев.* История финского народа.., СПб., 1901, стр. 27.

[3] НПЛ, стр. 360.

[4] Там же; *М. В. Головинский* и *Н. К. Ядрышев.* Указ. соч., стр. 28; *А. И. Гиппинг.* Указ. соч., стр. 139—140.

[5] НПЛ, стр. 361.

[6] Там же, стр. 361—362.

[7] НПЛ, стр. 361—362; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 279; *А. И. Гиппинг.* Указ. соч., стр. 140—141.

[8] ПСРЛ, т. III, СПб., 1841, стр. 85; ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, стр. 291; ср. НПЛ, стр. 367.

[9] Там же, стр. 385.

жение[1]. В 1396 г. шведские отряды повоевали Кирьяжский и Кюлоласский погосты в Карельской земле, но снова были разбиты местными силами под руководством князя Константина[2].

Защита Корельской земли всегда была делом Новгорода, и когда в 1411 г. произошло очередное нападение шведов, разрушивших городок Тиверский, новгородцы в ответ провели хорошо подготовленный комбинированный поход. С большим войском (одних полков воевод новгородских было 13, не считая войск князя) через три дня после разрушения шведами Тиверска они вступили в Финляндию, уничтожили шведские укрепления, взяли и сожгли посад Выборга, оплот шведского могущества в восточной Финляндии; в войне участвовали и жители Двинской земли[3]. Сами новгородцы придавали большое значение этому походу[4]. Он оказался последним в борьбе Новгорода со Швецией. До конца самостоятельности Новгородской республики шведские феодалы не предпринимали военных действий в новгородской Карелии.

* * *

Карелы всегда были верными соратниками в борьбе новгородцев с внешними врагами. Во время вооруженных столкновений Новгорода с емью и шведскими феодалами карелы постоянно сражались на его стороне. Военные действия карел в рядах новгородских войск не ограничивались борьбой со шведскими захватчиками на территории Карелии, Финляндии и прилегающих земель. Известны, например, походы 1149 г. на Волгу[5], боевые действия в Водской земле и за Нарвой против немецких рыцарей в 1241 и 1253 гг.[6] и др. Помимо этого, защищая свои интересы и интересы Новгорода, они боролись с захватчиками и собственными силами, без помощи новгородцев.

Этот боевой союз карел с новгородцами вытекал из общего развития международных отношений той поры. Покорение шведскими рыцарями еми, сопровождавшееся вторжениями в Карелию, наносило карелам тяжелый ущерб и грозило разорением, порабощением и даже полной гибелью. Предоставленные собственным силам, карелы были бы раздавлены шведским наступлением. Сильное Новгородское государ-

---

[1] НПЛ, стр. 387.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 402—403.
[4] Там же, стр. 403.
[5] ПСРЛ, т. VII, стр. 45.
[6] НПЛ, стр. 295, 307.

ство помогло карелам вести успешную оборону. Но обороняя свои земли, карелы являлись тем самым и форпостом обороны от шведского вторжения новгородских земель в целом. Интересы обороны карельского населения совпадали с интересами Новгорода. Вот почему карелы крепко держались новгородцев. При этом политическая ориентация карел на Новгород базировалась на глубокой экономической основе и скреплялась старыми и постоянно возраставшими культурными связями.

Развитие производительных сил, рост отделения ремесла от земледелия, создававший местные рынки, вызывали к жизни все новые дополнительные ресурсы для торговли Карелии с Новгородом. Чрезвычайно важное значение имели для русско-карельских связей происходившие в XII—XV вв. передвижения широких масс населения как карельского, так и русского.

Смешивание карельского и русского населения усиливало процессы культурного взаимодействия, отразившегося прежде всего на словарном составе русского и карельского языков. Многочисленные заимствования карелами русских слов, а местными русскими — карельских указывают на взаимное усвоение технических навыков и методов хозяйствования, проникновение неизвестных еще предметов культуры, развитие у карел новых общественных форм и социальных отношений.

Не только карелы, но и емь впервые узнали христианство от новгородцев. Среди слов церковного обихода финнов-суоми есть такие слова, как raamatti — библия (от русского слова грамота), risti — крест, pappi — поп и др., что позволяет говорить о наличии следов знакомства финнов с православием до появления среди них католицизма.

Распространение христианства в период складывавшихся феодальных отношений имело прогрессивное значение: принятие христианства приобщало карел к более высокой феодальной культуре, точнее — обогащало их огромной культурной традицией.

Насколько велико и прочно было влияние новгородцев на карел, видно из того, что в шведских податных списках 1571 г. даже на территории, лежащей на запад от границ Ореховецкого договора 1323 г., встречается много крестьян, сохранивших русские прозвища или фамилии либо в чистой форме, либо слегка видоизмененные на карельский лад.

Ликвидация самостоятельности Новгородской феодальной республики привела к включению карел в состав Русского централизованного государства. Общность судеб карельского и новгородского населения, вековые связи сказались и в событиях, развернувшихся в дни падения новгородской самостоятельности. Когда сопротивление боярского войска было сломлено и в 1475 г. после капитуляции Новгорода

Иван III въехал в город, среди депутаций, явившихся к нему с миром, были и представители карел[1].

Включением Карелии в состав Русского централизованного государства открывается новая страница в истории карельского народа.

4

МОЛДАВИЯ В XIII — XV вв.

Земли между Карпатами и Днестром с середины XIII в. экономически и политически обособились от юго-западной Руси и попали в непосредственное владение татаро-монгольских ханов.

Господство татаро-монголов в карпато-дунайских землях нарушило экономическую жизнь этого края. Эксплуатация трудового населения еще больше усилилась, так как местные бояре быстро нашли общий язык с завоевателями; они грабили население в свою пользу и в пользу татарских завоевателей, поставляя золотоордынским ханам и наместникам хлеб, скот, продукты животноводства, огородничества и т. д. Энгельс отмечает, что «... менее культурные завоеватели истребляли или изгоняли население известной страны и уничтожали его производительные силы или же давали им заглохнуть, не умея их использовать»[2]. Именно такова была политика монголов в завоеванных землях.

Ожесточенная борьба между Польшей, Литвой и Венгрией за Галицко-Волынские земли закончилась их разделом между Литвой, Польшей и Венгрией и изгнанием оттуда татар. В 40-х годах XIV в. бóльшая часть молдавских земель попала под власть венгерских феодалов, жестоко эксплуатировавших местное население. Кроме того, сюда начали стекаться немецкие колонисты. К социальному гнету в Молдавии добавлялся и гнет национально-религиозный, так как венгеро-немецкие колонисты-миссионеры силой обращали местное славянское и молдавское население в католичество. Агрессия Венгрии в отношении земель к юго-востоку от Карпат встречала решительное сопротивление народа.

В 1359 г. молдавский народ поднялся на решительную борьбу против венгерских захватчиков. В этой борьбе Молдавия получила поддержку от русского и украинского населения Закарпатья и Буковины, которое также страдало от гнета венгерских феодалов. Косвенную, но большую помощь молдавскому народу оказали сербы, которые также боролись против венгерской агрессии.

---

[1] ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 202.

[2] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1951, стр. 171.

Татарские захватчики угоняют пленных из Галицко-Волынской Руси. Миниатюра из венгерской летописи 1488 г.

Молдавский народ сбросил венгерское владычество и заложил основы самостоятельного государства. Укреплению Молдавского государства способствовала героическая борьба русского народа против Золотой Орды и особенно победа на Куликовом поле, имевшая всемирно-историческое значение.

Молдавская государственность генетически связана с русской государственностью, в недрах которой (в составе Киевской и Галицко-Волынской Руси) она начала свое развитие. И в дальнейшем Русское государство, с которым Молдавия установила экономические, культурные и политические связи с самого начала XV в., имело громадное значение для развития молдавского народа. Русское государство неоднократно активно противостояло агрессии литовских и других феодалов против Молдавии.

Первым молдавским господарем-князем был Богдан I. Вначале столицей Молдавского независимого государства был древнеславянский город Баня, или Бая, затем она была переведена в г. Сучаву на р. Сучаве, правом притоке р. Серет. Во второй половине XVI в. столицей Молдавии стал г. Яссы на р. Баглуе. Венгерские феодалы неоднократно предпринимали военные походы против Молдавского государства, но безуспешно.

Молдавское государство, постепенно освобождая русско-молдавские земли от татар, половцев и других кочевников, начало распространять свое влияние на юго-восток от Карпат, в сторону Серета, Прута и Днестра.

При господаре Александре Добром (1400—1432) Молдавское княжество значительно окрепло. Александр, опираясь на служилых людей и горожан, расширил владения княжества в сторону Черного моря, присоединив Буджак — южную часть Бессарабии с двумя городами: портом и городом-крепостью Килией (1412), расположенным у устья Дуная, и Белгородом (Аккерманом), лежащим вблизи устья Днестра. Таким образом, Молдавия получила выход к Черному морю и могла значительно расширить свои экономические и политические связи. Ко второй половине XV в. она имела следующие границы: на северо-востоке — Днестр, на юго-востоке — Черное море, на юге — реки Путна, Милков, Серет и Дунай, а на западе — Черемош. Правительство Александра укрепило и расширило государственный аппарат а также установило торговые и дипломатические отношения с рядом государств, и прежде всего с Русью.

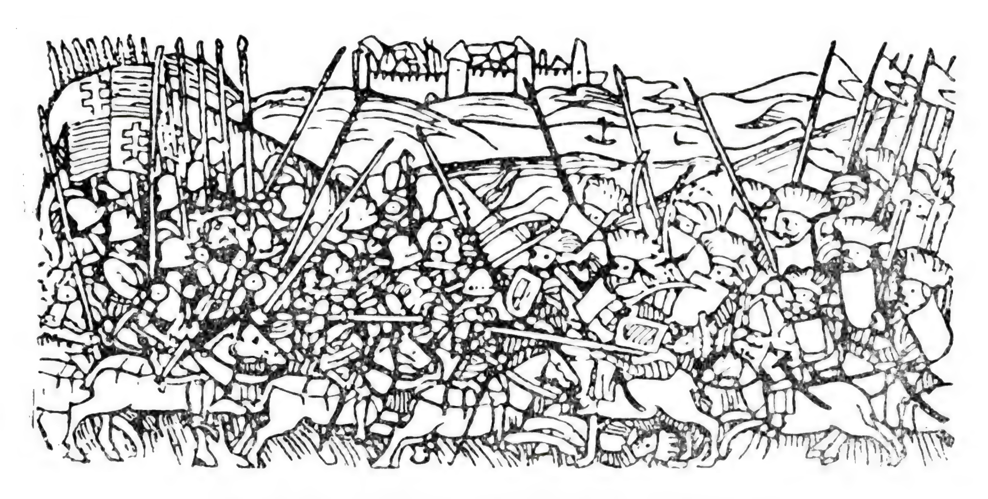
* * *

Образование Молдавского государства было связано с ростом производительных сил, с глубокими экономическими сдвигами. Страна начала возрождаться из пепла и руин после иноземного властвования.

Успешно стало развиваться сельское хозяйство. Внедрение в сельскохозяйственное производство более совершенного плуга и трехпольной системы севооборота способствовало общему экономическому развитию страны. Производительность труда в сельском хозяйстве выросла в несколько раз. Увеличился спрос на сельскохозяйственные продукты. Расширение емкости рынка в свою очередь оказывало воздействие на подъем феодального хозяйства и страны в целом.

Можно отметить крупные феодальные хозяйства таких землевладельцев (бояр и помещиков), как Гостил, Драгош, Юга казначей, Марушка княгиня, Купчич и др. Наряду с сельским хозяйством широкое развитие получило животноводство. Слово «влах» стало нарицательным вместо слова «пастух». Животноводство играло в стране такую большую роль, что скот в грамотах, вышедших из господарской канцелярии того времени, выступает под именем «товар». «Пасти свой товар»[1],—говорит господарь в подтвердительной жалованной грамоте монастырю Путна. «И у ту бранищу монастир да ловит соби рибу и

[1] J. Bogdan. «Documentele eui Stefan cel Mare» (далее—«Documentele»), т. I, Bucuresti, 1913, стр. 421.

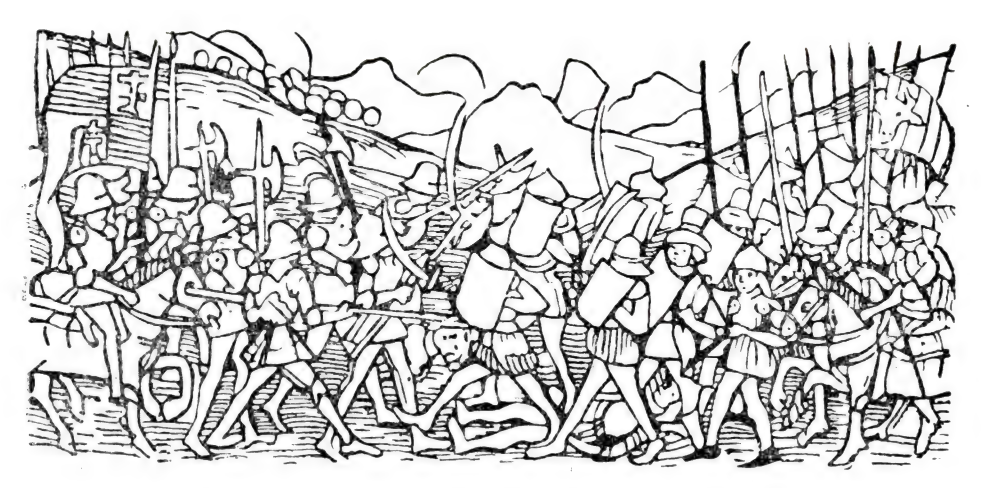
Сражение молдаван с венгерскими захватчиками.
Миниатюра из венгерской летописи 1488 г.

зверь, и монастирский товарь да се пасеть»[1],— читаем в другом источнике.

На развитие животноводства указывает и частое употребление в грамотах терминов «планина», «бранище»[2], что означает пастбища, угодья. Об этом же говорят указания грамот на взимание с несвободного населения «десятины» от всех видов скота: «Десятину от свини да не дают»[3],— говорится в грамоте 1458 г., освобождающей монастырских крестьян от повинности в пользу государства, в связи с чем увеличиваются их взносы церковному феодалу.

О распространенности виноделия, огородничества, пчеловодства и рыболовства можно судить на основании данных о той же десятине натурой: «Ни вино да не возет: и десетину от бчол да не дают»[4],— гласит жалованная грамота 1458 г. монастырю Молдовица. Крестьяне монастыря Роман были освобождены от десятины «от капусты»[5] в пользу господаря и обязывались поставлять ее духовному феодалу, стоявшему во главе монастыря. Часть крестьян переводилась на денежную ренту. Таким образом, в это время уже существовали все три формы земельной ренты: отработочная, натуральная и частично денежная. Господствующими формами эксплуатации мол-

[1] «Documentele», т. II, Bucuresti, 1913.
[2] Там же, т. I, стр. 241.
[3] Там же, т. I, стр. 14.
[4] Там же.
[5] Там же, стр 342.

Сражение молдаван с венгерскими захватчиками. Миниатюра из венгерской летописи 1488 г.

давского крестьянина в XIV—XV вв. были барщина и рента продуктами. Десятина составляла обычно более десятой части доходов от крестьянского хозяйства, иногда достигая половины их и более.

Несмотря на то, что в Молдавии производилось все необходимое для обеспечения нужд населения, после всех расчетов с феодалами-землевладельцами крестьянину оставалось так мало продуктов, что их не хватало до нового урожая, и он попадал в еще бо́льшую кабалу.

Итак, основой материального производства страны было сельское хозяйство, а главным занятием трудового населения народа являлось земледелие. Оно получило дальнейшее развитие, и не случайно поэтому Молдавия и Валахия отмечаются в трудах Маркса, как страны, получившие широкую известность в качестве европейских житниц[1].

Основой феодальных отношений была феодальная собственность на землю. Молдавскому феодальному праву хорошо известны формы землевладения, присущие феодальному способу производства во всех странах. Так, западноевропейской сеньории, русской вотчине соответствует молдавская вотчина — «очинэ»; западноевропейскому феоду, русскому поместью соответствует в Молдавии «выслужание», т. е. выслуга. Это говорит о том, что пожалование было связано с условием несения службы.

Борьба среди феодалов за землю и власть в государстве теснейшим образом переплеталась с борьбой за крестьянский труд и ренту. Светские и духовные феодалы содержали свой вотчинно-дворцовый аппарат

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. X, стр. 137.

за счет эксплуатации непосредственных производителей — крестьян. Плодами борьбы молдавского народа за независимость воспользовались в своих классовых интересах молдавские феодалы, которые создали свои органы насилия для господства над трудовым народом.

Немаловажное место в молдавском феодальном обществе XV в. как в экономическом, так и в политическом отношениях занимало духовенство. Митрополиты, архиепископы, епископы часто принимали активное участие в управлении страной, они, как и светские феодалы, захватывали общинные земли и закрепощали крестьян.

Ведущую роль в феодальной иерархической системе играли крупные землевладельцы-бояре. На низшей ступени феодальной иерархии стояли «слуги»[1] господаря — дворяне.

С ростом крупного феодального землевладения сокращалось количество крестьян-общинников, зависимых непосредственно от государства. Непрерывно увеличивалось крестьянское население, попавшее разными путями в частную зависимость от феодалов. Вместе с тем развивался и иммунитет как атрибут феодальной земельной собственности, как форма господства и подчинения в феодальном обществе.

* * *

Эксплуатация усиливалась, а вместе с ней росло сопротивление крестьян эксплуататорам; классовая борьба все больше обострялась, принимая различные формы: от пассивного уклонения от выполнения феодальных повинностей, побегов холопов и зависимых крестьян до крестьянских волнений и восстаний. Каждая грамота господаря представляла собой попытку силой принудить сельское бесправное и угнетенное население примириться со своим положением.

Так, в иммунитетной грамоте от 17 апреля 1475 г., данной господарем Стефаном женскому монастырю Хородник, говорится, что в случае отказа крестьян нести повинности в пользу монастыря государственная власть учинит «великую казнь» и заставит крестьян подчиниться своим владельцам[2]. В другой грамоте 50-х годов господарь пишет Михаилу Логофету, чтобы он «казнил и бил того, кто его не будет послухатися»[3].

Бегство крестьян и холопов довольно часто наблюдалось и раньше, но массовый характер побеги крепостных крестьян приобрели в 1438 г., когда было подавлено крестьянское восстание в северной части Молдавии. Господари заключали с властями других стран договоры, ограничивавшие переход за границу крепостных крестьян и холопов.

---

[1] «Documentele», т. I, стр. 135.

[2] Там же, т. II, стр. 200.

[3] *M. Costachescu*. Documentele moldovenesti inainte de Stefan cel Mare, vol. II, Jassi, 1932, стр. 410.

Кроме того, господарь принимал меры к возврату беглецов. В грамоте 1470 г. говорится: «Холопу що он побигл от нас, а ис нашей земли до ляской земли, щобы он опять за ся пришел с своими детми до нас»[1].

Классовая борьба, которая являлась характерной чертой феодального общества, ярко отразилась в бесчисленных судебных процессах, возникавших в связи с захватами феодалами крестьянских земель. И в данном случае власть выступала в защиту господствующего класса, так как лица, стоявшие во главе управления, были одновременно самыми крупными феодалами-землевладельцами.

Наконец, в XV в. в Молдавии имело место несколько крестьянских восстаний против эксплуататоров. Наиболее крупные восстания были в 1437 и 1490—1492 гг. Последнее проходило под руководством Мухи. Оно вспыхнуло на севере Молдавии, в Покутье, и очень быстро распространилось на большую часть Галицкой земли и Подолию. Вокруг Мухи собралось до 10 000 крестьян. Восставшие овладели г. Снятином, и этот успех привлек в ряды повстанцев новые массы крестьян. Повстанцы разоряли и поджигали имения, убивали бояр и шляхтичей. По словам современника, «те из панов, которые не были убиты и остались живы, потеряли все богатство и стали нищими»[2].

Крестьяне овладели Галичем, а оттуда направились на Львов. Польский король, напуганный крестьянской войной, обратился за помощью к Тевтонскому ордену. На берегу Днестра, у г. Рогатина произошло крупное сражение. Плохо организованные и вооруженные крестьяне были разбиты, а Муха едва спасся[3].

Однако в 1491 г. крестьянские массы снова поднялись на борьбу с угнетателями. Крестьяне, вооружившись чем могли, вторично подошли к Галичу, но вновь были разбиты объединенными силами феодальной реакции. Крестьянское восстание под руководством Мухи достигло наибольшего размаха в 1492 г. Повстанцы дошли до стен Галича, но здесь опять были разбиты, а их руководитель выслежен украинскими шляхтичами и схвачен. Муха был отправлен в Краков, где умер в тюрьме от голода. Другие повстанцы были казнены[4]. Восстание 1490—1492 гг. носило ярко выраженный классовый характер. Оно было направлено против социально-экономического и национального гнета.

С дальнейшим развитием феодальных отношений и нажимом светских и духовных феодалов на крестьянскую общину часть резешей

---

[1] «Documentele», т. I, стр. 140.

[2] «Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII веков». Кишинев, 1950, стр. 18.

[3] Там же, стр. 19.

[4] См. также гл. 5, § 1б настоящего издания.

(крестьян) попадает в число частновладельческих, обязанных нести различные феодальные повинности и выплачивать натуральные и денежные оброки.

Особенно обращает на себя внимание формулировка купчих грамот, вышедших из господарской канцелярии, согласно которым владельцы незначительных участков земли — «убогие люди»[1] продают свои парцеллы якобы «по их доброй воле». Следовательно, в Молдавии, как и в других феодальных странах, происходило массовое ограбление непосредственных производителей, которое прикрывалось якобы добровольными сделками купли-продажи, а также дарственными, жалованными и подтвердительными грамотами молдавских господарей. Так, в источнике, датированном 24 ноября 1492 г., читаем, что господарь Молдавии дает право монастырю Путна колонизовать «пустоши» (общинные земли) «до сыта», т. е в тех пределах, в каких монастырь сможет это осуществить[2].

Вполне понятно, что светские и духовные феодалы, заручившись от носителя верховной власти — господаря — такого рода грамотой, еще более уверенно наступали на крестьянскую общину. Светские и духовные феодалы, захватив общинные земли, вместе с общинной собственностью узурпировали и связанные с нею повинности. Так «труд свободных крестьян,— говорит Маркс,— на их общинной земле превратился в барщинный труд на захватчиков общинной земли. Одновременно с этим развились крепостные отношения...»[3]

Таким образом, в результате длительного и сложного исторического процесса, сопровождавшегося жестокой классовой борьбой, в Молдавии складывались категории непосредственных производителей, находившихся в разной степени зависимости от феодала-землевладельца: холопы, «люди», «межиаши», «земяне» — крестьяне, «соседи»-«вечины».

Фундаментом, на котором держалась вся феодальная иерархия, служила эксплуатируемая масса непосредственных производителей. «На крестьянина,— говорит Энгельс,— ложилась своею тяжестью вся общественная пирамида: князья, чиновники, дворянство, попы, патриции и бюргеры. Принадлежал ли он князю, имперскому барону, епископу, монастырю или городу, с ним всюду обращались как с вещью или вьючным животным, или же еще того хуже»[4]. Тяжесть феодального гнета усиливалась бесчисленными феодальными войнами внутри страны, разорявшими население.

---

[1] «Documentele», т. I, стр. 150.

[2] Там же, стр. 510.

[3] *К. Маркс.* Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 242—243.

[4] *Ф. Энгельс.* Крестьянская война в Германии. Москва, 1952, стр 30.

* * *

Расширение собственной запашки феодала и перевод ленно-зависимых крестьян частично на денежную земельную ренту были связаны с ростом рыночных отношений и со своей стороны способствовали дальнейшему развитию городов. В связи с развивающимся процессом отделения ремесла от сельского хозяйства росли города как центры ремесла, хотя сохранялась их тесная связь с окрестными господарскими и феодальными вотчинами. Основную массу городских жителей составляли ремесленники, мелкие купцы, городская беднота, кормившаяся случайной работой.

Развитию молдавских городов способствовало наличие в стране большого количества сравнительно дешевых сельскохозяйственных продуктов и разнообразного сырья, что очень рано начало привлекать к себе внимание иностранных купцов. Например, русский купец Афанасий Никитин, посетивший эти места, сообщает: «в Волоской земли обилно и дешево все съестное»[1].

Политика господарей Александра Доброго и Стефана Великого (1457—1504), направленная к объединению страны, способствовала развитию экономики, в частности росту торговли. Для укрепления господарской власти на местах строились города, которые одновременно служили крепостями и убежищами от вражеских нашествий, а также экономическими и административно-политическими центрами, позволявшими господствующему классу держать в повиновении зависимое население страны.

Экономическому и политическому росту городов способствовало также удобное географическое местоположение Молдавского княжества на сухопутных и речных путях. В частности, после татаро-монгольского нашествия вместо пришедшего в упадок старого торгового пути Киев — Львов — Перекоп начинает приобретать значение новый путь, шедший через молдавские земли: Львов — Черновицы — Сучава — Яссы — Белгород. Этот путь играл важную роль в экономическом развитии не только городов, но и страны в целом.

Молдавские города преемственно развивались из славянских городов древней и Галицкой Руси, о чем свидетельствуют и сами их названия (Белгород, Баня, Черн, Путна, Сорока, Романов торг и др.). По этническому составу город рассматриваемого периода, особенно в Северной и Южной Молдавии, был славянским. В центральной части Молдавии основными жителями городов были молдаване и русские, а также украинцы, венгры и др.

---

[1] «Хожение за три моря Афанасия Никитина». М.—Л., 1948, стр 25; см. также стр. 47.

В XV в. в Молдавии насчитывалось более 30 городов, причем их число непрерывно росло вплоть до разрушительного турецкого нашествия. Особенного расцвета достигли Сучава, Килия, Белгород, Яссы, Романов торг, Баня, Серет, Васлуй и т. д.

С ростом производительных сил и дальнейшего разделения труда ремесло выделилось в самостоятельную отрасль материального производства. Источник 1453 г. сообщает, что господарь Молдавии полностью освободил ремесленников от податей[1]. Это мероприятие способствовало не только развитию ремесел, но и притоку в город беглых крепостных крестьян и холопов.

Развивались пищевое, винодельческое, шерстяное производство, выделка овчин и т. п. В торговом привилее 1460 г. львовским купцам между прочим говорится о большом количестве местного сырья. Это были преимущественно полуфабрикаты, т. е. выделанные смушки, лисьи и беличьи шкурки, куницы, а также сырые шкуры. Из того же источника узнаем, что купцы привозили железо и серебро, которое, несомненно, перерабатывалось в стране.

Развивалось в молдавских городах также гончарное и деревообделочное производство, почти исключительно обслуживавшее растущие нужды местного населения. Лесоразработки велись не только ради удовлетворения местных потребностей, но и в целях вывоза корабельного леса в Каффу, Венецию, Геную. Льготная тарханная грамота 1466 г. упоминает о железе и гончарных и деревянных ремесленных изделиях, фигурировавших на внутреннем рынке: «от железо или от плав или от горнци (гончарные изделия.— *Ред.*) или от деревеном судинам» (деревянной посуды. —*Ред.*)[2]. Ряд ремесленников специализировался на выделке лисьих, беличьих, куньих и других мехов.

Для строительных работ в городах были нужны мастера-каменщики, которые входили в категорию привилегированных ремесленников.

Среди ремесленников молдавских городов XIV—XV вв. встречаются (кроме упомянутых профессий) золотых дел мастера, серебреники, оружейники, кузнецы, жестянщики, сапожники, шорники, плотники, бочары, судостроители.

Но кроме мастеров-профессионалов, имелся «черный» люд без всякой квалификации, работавший на стройке города-посада, обслуживавший «ятки» (бойни)[3], склады местных и в особенности иностранных купцов, находивший применение своему труду на лесоразработках, соляных варницах, рыбных промыслах и т. д.

---

[1] *M. Costachescu.* Documentele moldovenesti inainte de Stefan cel Mare, vol. II, стр. 462.

[2] «Documentele», т. II, стр. 96.

[3] Там же, стр. 276.

Широкое развитие получила внутренняя и внешняя торговля. На внутреннем рынке товаром служили продукты питания — хлеб (пшеница, рожь)[1], мед, рыба, мясо, масло, капуста, яблоки; крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошади; изделия ремесленного производства — плужные лемехи, косы, серпы, ножи, шапки, верхнее платье, выделанные и сырые шкуры, веревки, шерсть, гончарные и деревянные изделия. В тарханной грамоте, данной духовному феодалу Феоктисту, говорится: если «кого он (Феоктист. — *Ред.*) пошлет от слуг монастырских или от братии з монастыре с потребами монастырскими до Келии (портовый город Килия.—*Ред.*), или житом или медом, или по рибу, или пак буд ис чим, а мито да не имают платити»[2]. Как видим, настоятель монастыря выступает здесь в роли купца.

В орбиту рыночных отношений вовлекались светские и духовные феодалы. Господарскими грамотами они полностью или частично освобождались от государственных торговых пошлин, а вся тяжесть фискальной системы ложилась дополнительным бременем на трудящиеся массы.

Крупные торговые операции вел сам господарь Стефан IV. Пользуясь всевозможными привилегиями как глава государства, он сделался одним из самых активных участников внутренней и внешней торговли. Известны также местные купцы Мирча, Гавриил, Андрейка, Козма, Игнатий, Костя, Еремия, Микул, Доброта и другие, большинство которых торговало скотом, а часть занималась перепродажей товаров, становясь, таким образом, посредниками между иностранными торговцами и местными жителями. Таков, например, Андрейка, у которого в 1458 г. имелось для продажи три тысячи ножей, тысяча кусков стали, около пятисот кусков красильного вещества, до сотни поясов и большое количество восточных пряностей. Известны купец Мартин, торговавший саблями (кортами), красильным веществом, перцем, хлопком, рисом и т. п., и Васько — крупный перекупщик и торговец коврами, красильным веществом и перцем.

Молдавия служила рынком ввоза и вывоза товаров для стран Востока и Запада. Здесь иностранные купцы продавали ремесленные изделия, пряности и т. п., на рынках же Молдавии находили дешевое сырье, хлеб, огромное количество продуктов сельского хозяйства.

Молдавское княжество поддерживало торгово-экономические и политические связи с городами ряда государств: Москвой, Киевом, Галичем, Львовом, Каменцем, Брацлавом, Коломыей, Корецом, Краковом, Дубровицей, Гродно, Вильно, Смоленском, Люблином, Моги-

---

[1] «Documentele», т. I, стр. 159.

[2] Там же.

левом, Пинском, Вельницей, Прагой, Будой (столица Венгрии), Сибином, Брашовом, Каффой, Генуей, Очаковом, Таной, Венецией, Мангупом (Крым), Тырговиштом, Галацем, Браилой и др.[1]

Об ассортименте товаров, вывозившихся из Молдавского государства, их качестве и количестве говорит отрывок из торгового привилея от 3 июля 1460 г., данного львовским купцам: «А кто идет до Львова, на головном мыте у Сучаве от скотыны 1 грош, от десят свини 1 грош, а от десят овец ешче один грош, а от коня или от кобылу по шести гроши, а от сто билиц (беличьих шкурок) один грош, от сто лисици 10 грош, от сто овчин соранных (сырых) четыри гроши, от сто кожи ягнячии два гроши, от сто кож скотых 15 гроши»[2] и т. п. Все эти факты свидетельствуют о наличии и дальнейшем развитии товарного производства, обслуживавшего нужды феодального общества.

Городские жители, подобно сельскому населению, не представляли собой однородной массы. Население молдавского города делилось на землевладельцев и городчан (месчан). Постепенно с одной стороны формировалась верхушка торгово-ремесленного населения городов, ставшая одним из привилегированных феодальных сословий средневековья, с другой — «черный» люд, беднота. Этот процесс сопровождался жестокой классовой борьбой.

Города разделялись на города господарские и городские поселения на землях светских и духовных феодалов. Господарские города находились в ведении вистиарника (казначея), который следил за их торговой деятельностью при помощи подчиненных ему мытников. Частновладельческие города подчинялись своему владельцу. Наибольшими правами пользовались господарские города: Сучава, Васлуй, Белгород, Килия, Баков, Яссы, Роман, Баня и др.

Кроме того, наряду с господарскими и частновладельческими городами, появлялись поселения полугородского, полусельского типа — так называемые местечки. Они не имели укрепленных стен (кремля) и с внешней стороны были больше похожи на деревню. Так, на берегу Днестра возникло местечко Разина, которое во второй половине XV в. являлось вотчиной-селом и принадлежало писарю Феодору[3].

В борьбе горожан, поддерживаемых и используемых господарем, против светских и духовных феодалов, на землях которых были расположены городские поселения, частновладельческий город постепенно превращался в господарский. Все больше городов переходило в ведение господарского казначея. Так было, например, с городами Романом, Кишиневом и др.

---

[1] «Documentele», т. II, стр. 272—276, 365, 381, 394, 458, 466 и др.

[2] Там же, II, стр. 273.

[3] Там же, стр. 70—72.

Во главе города, пользовавшегося правом гражданского и судебного самоуправления, стоял шолтуз (солтыс), утверждаемый господарем, и выборные лица — пыргаре. Вместе с шолтузом пыргаре составляли городской совет. Члены городского совета назывались радцами и выбирались из лиц, принадлежавших к городской верхушке. Шолтуз при помощи пыргарей осуществлял руководство всей городской жизнью и управление населением городской округи («вънетръже»). Шолтузы и пыргаре-радцы следили за проведением в жизнь господарских циркуляров в городе и округе, сбором налогов, податей и выполнением различных феодальных повинностей.

Следовательно, город становился экономическим и административно-хозяйственным центром, распространяя свою власть на значительную окрестную территорию.

* * *

По политическому строю Молдавия представляла собой феодальную монархию. Во главе феодальной иерархии стоял крупнейший землевладелец, представитель класса феодалов-землевладельцев — господарь. В его руках сосредоточивалось все управление страной. Однако нельзя считать власть господаря неограниченной, так как он должен был делить ее со своими вассалами — великими и малыми боярами. Так возник совет (рада), руководителем которого был сам господарь.

Рада представляла собой высший совещательный и исполнительный орган. Без воли и участия господаря она не имела права принимать серьезных решений. Господарь при помощи рады руководил всей внутренней и внешней политикой. В совещаниях рады принимали участие представители крупнейших феодалов как светских, так и духовных.

Политическая история Молдавии 30—50-х годов XV в. характеризуется феодальными войнами, упадком княжеской власти и политического значения Молдавского княжества. Продолжительное время (1432—1457) Молдавия была охвачена феодальной войной, переплетавшейся с вторжениями и вмешательством во внутренние дела Молдавии со стороны феодалов соседних государств (Польши, Венгрии, Валахии и Турции) и закончившейся политическим укреплением Молдавского государства при Стефане IV.

Усиление Молдавского государства было положительно расценено славянскими народами, прежде всего русским, и вызвало ненависть его врагов, особенно Оттоманской империи. Турция неоднократно покушалась на независимость Молдавского княжества, предпринимая против него один поход за другим. Независимость Молдавского государства поддерживалась ценой величайших жертв и усилий народа. Турецкому султану Магомету II так и не удалось покорить Молдавию.

Но незадолго до своей смерти, в 1475 г., он завоевал Каффу и другие города Северного Причерноморья[1]. Этим был нанесен большой удар Молдавскому государству, в частности его торговле с восточными странами. Молдавия потеряла крупных потребителей зерна, продуктов животноводства, скота, рыбы, корабельного леса и других товаров. Торговый путь, шедший на Белгород и Килию, а оттуда на Восток, начал терять свое международное значение. Подготовлялся новый, более страшный удар Молдавии. Турецкий султан Баязед II последовательно проводил намеченный его отцом агрессивный план. Турецкие захватчики придавали большое экономическое и военно-стратегическое значение молдавским землям. Баязед II считал порт и крепость Килию «ключом к Молдавии и Венгрии», а Белгород — «ключом и воротами ко всей Польше, Галиции».

Борьба молдавского народа за государственную и национальную независимость получила высокую оценку в трудах основоположников марксизма. Маркс отметил, что 17 января 1475 г. у Раковицкого озера молдавское войско под непосредственным водительством Стефана IV состояло в основном из 40 000 плохо вооруженных, чуть ли не от сохи взятых молдаванских крестьян. Это войско было гораздо слабее турок, но тем не менее разбило их наголову; лишь немного турок уцелело; убито было 4 паши, взято 100 знамен [2].

Однако после упорной и кровопролитной войны Баязед II, поддержанный валашскими феодалами, сломил в 1484 г. сопротивление Килии и Белгорода, превратив их в форпосты для дальнейшего наступления. Таким образом, Баязед II овладел устьями Дуная и Днестра и еще прочнее обосновался в Северном Причерноморье. Молдавия оказалась изолированной от берегов Черного моря, и центр торговли переместился на север и северо-запад.

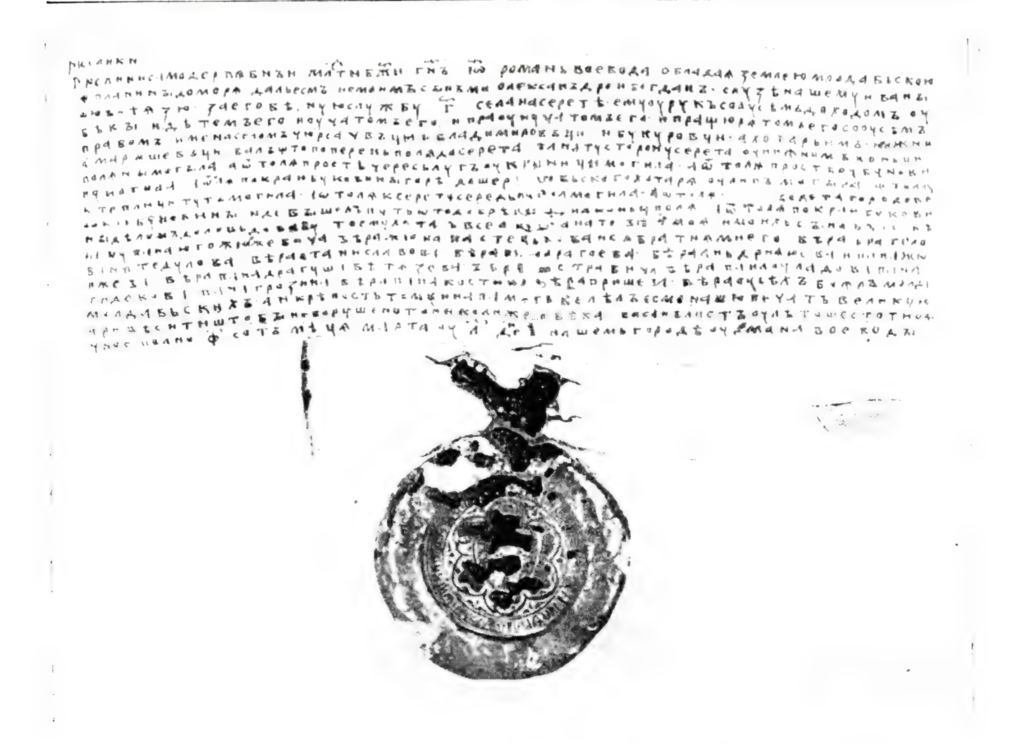
Падение важнейших экономических, политических и торгово-ремесленных центров — портовых городов Килии и Белгорода — тяжело отразилось на Молдавии. Несмотря на огромное неравенство сил, молдавский народ в течение 30 лет после перенесенного удара героически и самоотверженно отстаивал свою свободу и независимость.

* *
*

Дружба молдавского и русского народов имеет многовековую историю. Молдавия, как было отмечено, входила в состав древнерусского государства и Галицко-Волынского княжества. В битве 1223 г. на реке Калке против татаро-монгольских орд участвовали и жители Кар-

[1] См. гл. 4, § 3 настоящего издания.

[2] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 203.

Дарственная грамота молдавского господаря Романа Воеводы, 1392 г.

пато-Дунайских земель. В 1410 г. в Грюнвальдской битве, где соединенные силы славян нанесли сокрушительный удар немецким рыцарям, сражались и молдавские полки.

Тесная политическая и культурная связь Молдавии с Русским государством устанавливается во второй половине XV в., во время правления молдавского господаря Стефана IV. Он, будучи выдающимся государственным и дипломатическим деятелем, видел в растущем Русском государстве верного союзника и друга. Кроме общих экономических интересов, русский и молдавский народы сближала борьба против врагов. Такими общими врагами были польские и литовские феодалы, которые не раз вторгались в пределы русских и молдавских земель. На почве общей борьбы с феодалами Польши, Литвы и татарами окрепла дружба между Молдавией и Русью.

Московский князь Иван III в одной из докончальных грамот писал, что он находится с молдавским господарем Стефаном в «свойстве и единачестве», что Стефан «другу нашему друг, а недругу — недруг». Когда в начале 90-х годов литовский князь Александр посягнул на русские земли и против него выступили Иван III и Стефан IV, то Александр попал в затруднительное положение и вынужден был

отказаться от своих планов. Наоборот, когда Александр посягал на Молдавию, то Иван III немедленно пресекал его планы. Русско-молдавская дружба нередко скреплялась брачными узами между княжескими домами.

* * *

В культурном отношении Молдавия в XIV—XV вв. стояла на одном уровне с соседними странами Юго-Восточной Европы. В это время после турецкого нашествия и падения Константинополя многие прогрессивные деятели Болгарии, Сербии и других государств переселились в Молдавию. Грамоты господарей говорят, что в Молдавии было немало образованных людей. Таковы, например, Таутул, Дежме, Журжа, Штефул, Юга — высшие чиновники господарской канцелярии, под руководством которых работал целый штат дьяков, составлявших грамоты.

Среди представителей феодальной культуры Молдавии XV в. особенно выделяется фигура Григория Цамблака, выходца из Болгарии, прожившего в Молдавии бо́льшую часть своей жизни. Григорий Цамблак, исполненный, по словам летописей, книжной мудрости, оставил много проповедей и историко-литературных произведений. Наибольший интерес представляет «Житие Иоанна Нового, или Белградского».

Этот историко-литературный памятник рисует Григория как страстного оратора, побуждавшего славянские народы к борьбе против турецких поработителей, но в то же время и как защитника интересов господствующего класса, призывавшего массы к покорности и повиновению. Он прямо говорит: «не похищайте чужего, не мудрствуйте и не гордитесь, а слушайте владык своих». «Житие Иоанна Нового» написано в 1402 г. и представляет собой литературную обработку слова, тогда же произнесенного по случаю перенесения «мощей» из Белграда в Сучаву. В это время Цамблак, по его словам, был в должности «пресвитера великой церкви молдавлахийской». В этом произведении Цамблак обращался к читателю с призывом учиться, любить и ценить книгу.

В XIV—XV вв. появляются первые памятники светской литературы — летописи, написанные на славянском языке с некоторыми местными особенностями (например, наличием таких молдавских слов и терминов, как «непот», «варе», «буката», «тот» и т. д.). Молдавские летописи — ценный историко-литературный памятник, но, поскольку они писались представителями господствующего класса и, несомненно, по заданию господарей, они дают очень мало сведений о положении трудящихся масс. В летописях описываются роскошная придворная жизнь, ратные подвиги господарей, дана их генеалогия и т. п. Однако есть летописи и более содержательные, представляющие к тому же и литературный интерес.

Наиболее древней является Быстрицкая летопись, получившая название от монастыря, в котором была написана. Она содержит в основном факты и события внешнеполитического характера, дает материал по генеалогии господарей. Летопись свидетельствует о проникновении живого разговорного молдавского языка в официальную литературу. Характерно, что летописец хорошо знал и славянский и молдавский языки. Быстрицкая, или, как ее называют некоторые исследователи, «Славяно-Молдавская», летопись, охватывает период с 1359 г., т. е. с момента образования Молдавского государства, когда, по словам летописи, «в лето 6867... началась Молдавская земля»[1], по 1506 г. Примерно такого же содержания, но значительно полнее хроника Стефана IV (1457—1504), охватывающая события 1457—1499 гг.

Следует отметить и литературно-исторический памятник — Путнянскую летопись (написана в монастыре Путна). Эта летопись доводит события до 1525 г. и по содержанию, стилю, языку несколько отличается от предыдущих. В ней много подробностей о самом монастыре Путна, его внутренней жизни, организации и т. д., а также содержится большой легендарный материал. Можно назвать еще две хроники: одна из них (анонимная) представляет собой копию Путнянской летописи, вторая — молдавско-польская — написана на польском языке на основе молдавских хроник и доводит описание событий до 1566 г.

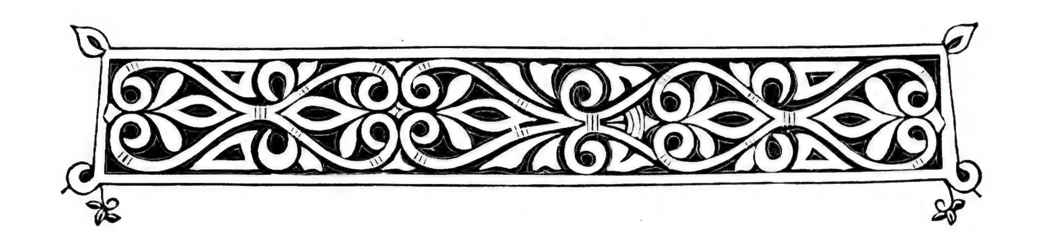
В Яссах было положено начало славянской школе, в которой учились дети высшей светской и духовной знати. Здесь же выросла позже Славяно-греко-латинская духовная академия.

Наряду с распространением переводной и оригинальной литературы и письменности на славянском языке развивается молдавское искусство (зодчество, живопись), военное дело и т. д. Книги украшались миниатюрами, оригинальным орнаментом в виде заставок, инициалов и заглавных букв. Сохранившееся до наших дней знамя молдавского господаря Стефана IV является показателем высокого уровня прикладного искусства. Высокий уровень живописного мастерства проявился и в портретах господарей.

Большой высоты достигло устное народное художественное творчество, фольклор. Особенным тематическим разнообразием отличались «дойны», в которых можно встретить и тонкий лиризм любовного чувства и особенно яркие призывы к защите отчизны. Плясовая песня молдаван жок, или хора, часто исполнялась под аккомпанемент кобзы, свирели и гуслей. Многие молдавские песни того времени связаны со старинными, гайдуцкими песнями, сказами и проникнуты глубоким патриотизмом, идеей защиты отечества от иноземных захватчиков.

---

[1] *I. Bogdan*. Cronice moldovenesti panā la Urechia. Bucuresti, 1891, стр. 146.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА ДО КОНЦА XV В.

1

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В XIII — XV ВВ.

Татаро-монгольские захватчики разорили Среднюю Азию. Многие города совершенно исчезли, и имена их перестали упоминаться в источниках. Городское население частично было перебито, частично (особенно ремесленники) уведено победителями в Семиречье, Уйгурию и Монголию. Бо́льшая часть мужского населения была включена в монгольские отряды.

Монголы не могли наладить управление огромной страной с оседлым населением и с такой сложной хозяйственной и социально-политической жизнью, как бывшее государство хорезмшахов и Караханидов. Хотя культурные земли по Зеравшану и Кашка-Дарье входили в улус Чагатая, фактически его владения ограничивались кочевьями в долине р. Или, а Мавераннахр был подчинен непосредственно великому хану, который только передавал часть доходов дому Чагатая.

Еще Чингис-ханом (умер в 1227 г.), а затем великим ханом Угэдеем (1229—1241) в качестве правителя в Мавераннахре был поставлен Махмуд Ялавач, крупнейший купец и ростовщик, управлявший порученной ему страной из своей резиденции — города Ходжента. В распоряжении Махмуда Ялавача были монгольские военные отряды, во главе которых стояли баскаки — одновременно военачальники и сборщики всех податей с сельского земледельческого и городского ремесленного и купеческого населения. Отряды эти располагались по городам и их ближайшим окрестностям. Баскаки наблюдали за городскими властями, особенно из местного населения, и строго следили за поступлением сборов в казну хана.

Лишь очень медленно оживали крупные города Средней Азии. На территории разрушенных городов или рядом появлялись заново отстроенные. Трудом ремесленников и крестьян постепенно возрождались Самар-

канд, Бухара и Ургенч, однако только последний превзошел размеры города времени до нашествия монголов. Что касается первых двух, то они вплоть до 30-х годов XIV в. хранили следы больших разрушений. Поправлялись испорченные дороги, строились и ремонтировались мосты. Из крупных городов только Мерв остался в развалинах. Иначе обстояло дело с сельским хозяйством. В Семиречье кочевья Чагатая и его орда содействовали упадку земледельческой культуры, которая в этих местах развивалась на протяжении по крайней мере пяти-шести веков. Сократились также площади культурных земель в Хорезме, в долинах Кашка-Дарьи и даже Зеравшана.

Верхи общества — землевладельцы, купцы и высшее мусульманское духовенство быстро нашли общий язык с правящими кругами завоевателей. Во времена Чингис-хана, Угэдей-хана, Гуюк-хана (1246 — 1248) монгольские царевичи и ханши широко раздавали землевладельцам, представителям администрации и купцам особые грамоты (ярлыки и пайцзы), дававшие право на разные службы и получение повинностей. С каждым годом положение крестьян и ремесленников ухудшалось. Кроме обычных налогов с обработанной земли, крестьяне должны были нести много всяких повинностей. Проезжие чиновники, ильчи (посланцы), богатые купцы, представители высшего мусульманского духовенства, даже отдаленные члены ханского дома, предъявляя ярлыки и пайцзы, требовали себе помещений, продовольствия, фуража, лошадей и т. д. Того же требовали они и с горожан. Надо было поить, кормить, одевать расположенные повсеместно военные отряды. Содержание большого войска, чиновников и двора требовало огромных средств.

Почти все виды ремесел были взяты ханскими чиновниками на учет. Ремесленники обязаны были в установленные сроки поставлять казне и двору определенное количество продуктов. Особенно тяжело приходилось оружейникам, кожевникам, ткачам. Ко всему этому прибавлялись еще злоупотребления и незаконные поборы. Во многих местностях наблюдались случаи бегства населения. Повсюду в селениях и городах Мавераннахра чувствовалось глухое недовольство установившимися порядками. В такой обстановке произошло в 1238 г. восстание крестьян и ремесленников в Бухаре и ее округе (на территории современной Узбекской ССР).

Во главе восстания стоял ремесленник по выделке сит по имени Махмуд Тараби, т. е. из селения Тараб, близ Бухары. К его речам жадно прислушивались городские ремесленники, мелкие торговцы, беднота; у него было много сторонников. Влияние Махмуда было настолько велико, что власти города решили его арестовать и убить. Однако Махмуд был окружен охраной, а в городе военной силы было недостаточно.

Махмуд и его сторонники захватили город, выгнали из него монгольских чиновников и начали готовиться к дальнейшей борьбе.

Махмуд пригласил во дворец Мелика Синджара, который он избрал своей резиденцией, высшее духовенство, вельмож и именитых людей города и заставил их провозгласить себя халифом. Затем были предприняты решительные меры для очищения Бухары от враждебных элементов (из числа вельмож, богачей, высшего духовенства и чиновников). В Бухаре и ближайших селениях крестьяне поголовно примкнули к восстанию и усиленно готовились к борьбе. Успевшие бежать феодалы вместе с монгольскими баскаками и другими чиновниками собрались в Кермине и ждали здесь военной помощи.

Вскоре открылись военные действия. В главном сражении правительственное войско потерпело полное поражение от отрядов Махмуда, вооруженных серпами, лопатами, дубинами и лишь небольшим количеством сабель и луков. Войско Махмуда преследовало бежавших. Крестьяне окрестных рустаков (волостей) присоединились к Махмуду. Всего было убито около 10 000 монгольских воинов. В этом сражении пали вождь восстания Махмуд Тараби и его ближайший помощник Махбуби. В дальнейшем успех перешел на сторону господствующего класса. Вокруг Бухары собрались большие монгольские силы, и движение было жестоко подавлено.

Хотя восстание Тараби 1238 г. было разбито и не освободило ни крестьян, ни ремесленников от феодальных повинностей, а Среднюю Азию— от чужеземной монгольской власти, оно не прошло даром. Ярлыки великого хана Мункэ (1251—1259) ярко отражали напряженную обстановку, которая в это время сложилась в Средней Азии, особенно в Мавераннахре. В одном из них говорилось, что «насилия и притеснения достигли высшей степени, причем особенно были доведены до крайности земледельцы от множества всякого рода тягот, взысканий и обременений чрезвычайными налогами, так что польза, получаемая ими, не равнялась половине взысканий (в виде повинностей)»[1]. Монгольские власти прекрасно понимали, что ради интересов казны и господствующего класса необходимо было ограничить по крайней мере злоупотребления, чтобы сделать население способным к выполнению повинностей. В этих целях и были изданы упомянутые ярлыки хана Мункэ.

Однако страна попрежнему оставалась в руках откупщиков, которые пользовались правом не только сбора налогов и податей, но и управления страной. Главой откупщиков и правителем страны был Масудбек,

[1] *А. Ю. Якубовский*. Восстание Тараби в 1238 г. (К истории крестьянских и ремесленных движений в Средней Азии). «Труды Института востоковедения АН СССР», XVII, 1936, стр. 115.

сын Махмуда Ялавача. Накопленные им путем добавочных сборов с народа средства он тратил на постройки, которые должны были «прославить» его. В 50-х годах XIII в. в Бухаре им было построено на площади Регистан огромное медресе, известное под именем «Масудийе», в котором обучалось 1000 учащихся; такое же медресе выстроено было им в Кашгаре. Большое медресе («Ханийе») было выстроено в Бухаре матерью ханов Мункэ и Хулагу.

В середине XIII в. в монгольском государстве начались феодальные войны. Два дома — Джучи и Тули — объединились против домов Угэдея и Чагатая. На курултае 1251 г. царевичи из домов Джучи и Тули избрали в великие ханы сына Тули — царевича Мункэ. Последний в союзе с Джучидами казнил многих влиятельных представителей домов Угэдея и Чагатая и низвел их улусы до положения второстепенных владений. За помощь, оказанную Мункэ хану, золотоордынские Джучиды получили право управления Мавераннахром. Бату-хан и Берке-хан фактически владели Мавераннахром до Отрара. Однако уже в 60-е годы один из потомков Чагатая хан Алгуй вернул власть над Средней Азией своему дому. Шаг за шагом он изгонял отовсюду наместников и людей хана Берке.

В руках потомков Чагатая власть над Средней Азией удержалась недолго. Еще до смерти хана Борака (1271) власть фактически перешла в руки Хайду, одного из потомков Угэдея. В 1269 г. Хайду созвал в Таласской долине курултай царевичей и нойонов. Было постановлено, что монголы впредь будут жить в предгорьях и степях и держаться в стороне от городов, не будут пускать свой скот на поля земледельцев и взимать «лишнего» с райатов (податного сельского населения). Хайду управлял улусом более 30 лет, причем много сделал для того, чтобы придать политическую самостоятельность Средней Азии.

Монгольское государство к этому времени распалось на самостоятельные части. К числу их принадлежали Золотая орда, государство Хулагидов и Чагатайское государство. «Великие ханы», переехавшие из Каракорума в Пекин (по-монгольски — Ханбалык), находились далеко от западных областей и были заняты преимущественно делами Северного Китая. Они непосредственно не управляли Персией, Кавказом, Дешт-и- Кыпчаком и даже близкой к Китаю Средней Азией. К тому же каждая из этих частей огромного государства имела свое богатое историческое прошлое и продолжала жить обособленной внутренней жизнью и после монгольского завоевания.

Хайду стремился восстановить порядок управления улусов, установленный еще Чагатаем. Ханская ставка и улусы царевичей действительно находились в степях и по предгорьям, вдали от культурных земель, которыми управляли откупщики; управление государством Хайду

отдал в руки правителя Масудбека; после смерти ему наследовали сыновья, из которых третий правил страной уже после смерти Хайду (1301).

В 1273 г. из Персии в Бухару вторглись монгольские войска Хулагидов и подвергли город полному разгрому. Разрушения были настолько велики, что город не мог оправиться вплоть до времен Тимура. Во всяком случае еще в 1333 г., когда Бухару посетил Ибн-Батута, он отметил не только следы разрушений, но и отсутствие ученых и культурных людей, которыми до нашествия монголов славился этот город. Большинство жителей после хулагидского погрома покинуло Бухару, и на несколько десятков лет город перестал существовать как торговый, ремесленный и культурный центр. Территория Мавераннахра к 1301 г., т. е. за 80 лет монгольской власти в Средней Азии, пострадала чрезвычайно сильно, число культурных земель уменьшилось, так же как и население городов, однако ни одна область (не считая Мервского оазиса) не пострадала так, как цветущее Семиречье. К середине XIV в. в долине р. Чу многие города почти прекратили существование. Некогда известный Тараз в долине р. Таласа опустел и получил новое имя Яны. Кочевавшие здесь монголы часто нападали на соседние земледельческие районы и города, грабили, выжигали их.

В XIV в. усилились противоречия внутри монгольской кочевой аристократии, между ханами, политика которых была направлена к установлению прочных связей с культурными земледельческими областями своего улуса и переходу на оседлую жизнь в городах, с одной стороны, и главами отдельных кочевых племен, которые не порывали с кочевой жизнью и придерживались постановления курултая 1269 г.— с другой. Уже в начале XIV в. сложился политический термин «Чагатайское государство». Наиболее видной фигурой среди чагатайских властителей был хан Кебек (1318—1326), который не принял ислама. Он старался использовать в интересах господствующего класса все достижения узбекской и таджикской культуры. Кебек поселился в самом Мавераннахре. В долине Кашка-Дарьи, в двух фарсахах (приблизительно 13—14 километров) от древнего города Несефа, он построил укрепленный дворец, рядом с которым возник впоследствии большой город Карши (по-монгольски — «укрепленный дворец»).

За несколько десятилетий до этого Семиречье покинула часть монголов, так называемые чагатаи, делившиеся на четыре племени — орлаты, джалаиры, каучины и барласы. Джалаиры поселились в районе Ходжента и долине Ангрена, а барласы — в долине Кашка-Дарьи. Частично отюреченные еще в Семиречье, джалаиры и барласы окончательно потеряли монгольский язык уже ко времени Тимура, когда их языком стал среднеазиатский тюркский язык, получивший наиме-

нование чагатайского или староузбекского. На барласов и опирался Кебек, избрав место в долине Кашка-Дарьи для своей ставки.

Кебек-хан сделал попытку бороться со стремившимися к обособлению и независимости бегами. Опираясь на сочувствие главным образом городов, он ввел единую монетную систему по образцу денежной реформы Хулагидов в Персии в XIII в. Монета была серебряной и медной. Кебек стал чеканить серебряные дирхемы и динары абу-саидовского образца. Такая же монета принята была и в Золотой орде. Самой крупной денежной единицей являлся тумен, равный 10 000 серебряных динаров, или 50 000 серебряных дирхемов. Кебек уничтожил систему откупов в управлении страной и провел реформу государственного управления.

Повидимому, ко времени Кебека относится и административное деление страны на «тумены». Начальник тумена как государственной административной единицы получал назначение от хана и находился в зависимости от него. Иногда начальниками туменов назначались представители местной знати, владетели целых областей или главы кочевых племен. Но бывали и такие случаи, когда владелец улуса — улусный бег назначался начальником тумена, с которым он ничем до этого не был связан.

Однако и эти мероприятия Кебека не создали централизации в управлении страной, так как улусные беги (по-арабски — эмиры) были слишком сильны экономически и политически, и в борьбе с центральной властью им удавалось отстоять свою обособленность. В городах тоже были элементы, поддерживавшие притязания знати: это местные владетели — мелики, представители светской власти (в Шаше, Ходженте, Отраре, Таласе) или садры, представители власти духовной (в Бухаре, Кашгаре, одно время в Алмалыке). В первой половине XIV в. большую самостоятельность приобрел г. Термез, в течение нескольких столетий крупный религиозный центр. В 30-х годах XIV в. владетелем Термеза был сейид Ала ал-Мульк Худовенд-заде.

Несмотря на то, что города Мавераннахра оказывали немалую поддержку политике чагатайских ханов, они оказались бессильны и не могли преодолеть сопротивления улусных бегов. В 40-х годах XIV в. хан Казан сделал новую попытку восстановить ханскую власть, какой она была при Кебеке. Недовольные его политикой главы чагатайских родов вступили с ним в решительную борьбу. В 1346 г. войско хана было разбито, а сам он убит. Власть перешла в руки улусных бегов, один из которых, Казаган, фактически стал правителем. Так прекратилась в Мавераннахре власть потомков Чингис-хана и окончательно восторжествовал строй, характерный для периода феодальной раздробленности.

* * *

Несмотря на то, что татаро-монгольское завоевание Средней Азии нанесло тяжелый удар развитию культуры, в XIII в. получил известность ряд выдающихся деятелей литературы: Джалолиддин Руми (1207—1272), Муслихиддин Саади Ширазский (1184—1292), Амир Хисров Дехлеви (1254—1305). Уроженец города Балха таджикский поэт Джалолиддин Руми покинул перед монгольским нашествием родину и затем жил и занимался преподаванием в Конии (Малая Азия), Алеппо и Дамаске и руководил суфитским братством. Наибольшую известность среди его произведений получили «Диван газелей» и «Маснавии майави» («Назидательные двустишья»). В своих произведениях он использовал формы таджикской народной поэзии: лирическую песню и притчу. Саади работал в Ширазе, но называл себя таджиком, и его творчество неразрывно связано с историей таджикской поэзии. В своих произведениях «Гулистан» («Цветник роз»), «Бустан» («Плодовый сад») и других он проповедовал гуманистические взгляды, любовь к родине. Саади много путешествовал, и его произведения интересны как историко-географический источник. Таджикский поэт Амир Хисров родился в Северной Индии, куда бежал из Мавераннахра его отец во время монгольского нашествия. Его творчество складывалось под сильным влиянием гениального Низами [1].

* * *

Во второй половине XIV в. в Средней Азии сложилась могущественная держава, возглавлявшаяся Тимуром, основное ядро которой составили земли, входившие в состав Чагатайского государства. В 40-х годах XIV в. закончился процесс разделения огромного улуса Чагатая на две самостоятельные части — Моголистан [2] в Семиречье и Кашгаре и собственно Чагатайское государство в Мавераннахре, в котором моголы в лице чагатайских родов постепенно подвергались отюречению со стороны местного населения.

Оба государства жили в постоянной вражде. Чагатаи враждебно относились к кочевникам Моголистана, называя их джэтэ (вольницей); в свою очередь моголы называли чагатаев караунасами (метисами), недоброжелательно относясь к тому, что они наполовину стали уже оседлыми.

Бег Казаган (1346—1358) захватил власть в Мавераннахре после гибели последнего хана из рода Чингисидов, Казана. К этому вре-

---

[1] См. *Б. Г. Гафуров*. История таджикского народа, т. I. Госполитиздат, 1952, стр. 282—285.

[2] Кочевники Семиречья и Кашгара сами себя называли моголами.

мени относится обычай возводить в Мавераннахре номинальных ханов из дома Чингисидов. При Казагане подставным ханом был сначала Данишменд, а потом в течение десяти лет — Баян-Кули-хан. В отличие от предшествующих правителей-ханов Казаган вел жизнь кочевника, производил набеги на своих соседей. Более всего от этих набегов страдала область Герата.

Монгольский хан Токлук-Тимур, зять Казагана, подослал к нему убийц из его же собственных воинов. После убийства Казагана его сын Абдулла, еще до смерти отца живший в Самарканде, решил порвать с кочевой жизнью и остаться здесь после того, как стал правителем. Это вызвало недовольство тюрко-монгольских кочевых бегов. В начавшейся борьбе Абдулла был убит.

В середине XIV в. феодальные войны охватили Среднюю Азию. По словам историка Низама ад-дин Шами (XV в.) в 50-х годах XIV в. в Мавераннахре было несколько владений, которые никому не подчинялись и враждовали между собой. Шахрисябз с областью был владением Хаджи Барласа, Ходжент и его вилайет подчинялись Баязеду, главе племени джалаиров. Балхом и частью его области владел Хусейн, внук эмира Казагана, Хутталян был владением Кейхосроу и т. д. Как свидетельствует Низам ад-дин Шами, все эти владетели держали себя высокомерно, думали только о личных выгодах, нападали друг на друга, опустошали города, увозя награбленное добро. Более всего от этих смут страдали крестьяне. Феодальными распрями в Чагатайском государстве воспользовался Токлук-Тимур, хан Моголистана, и предпринял два похода на Мавераннахр.

В это время среди владетелей и беков (эмиров) выдвинулись упомянутый выше Хусейн, внук Казагана, владетель Балха и Самарканда, и Тимур. Отец Тимура, Тарагай, принявший мусульманство, принадлежал к роду барласов, живших тогда в долине Кашка-Дарьи, преимущественно в окрестностях Карши и Шахрисябза. Родился Тимур в селении Ходжа Ильгар в 1336 г.

В молодые годы Тимур был предводителем дружины нукеров и жил грабежом на большой дороге. Личная храбрость, щедрость, умение выбирать себе помощников и властвовать делали его популярным среди нукеров. Во время походов Токлук-Тимура на Мавераннахр (1360, 1361) Тимур из его противника превратился в союзника. Тимур воспользовался трусостью шахрисябзского владетеля Хаджи Барласа, не сумевшего отстоять свое владение, признал власть Токлук-Тимура, а после бегства Хаджи Барласа в Хорасан был пожалован Токлук-Тимуром шахрисябзским туменом. Так уже в 1361 г. Тимур сделался владетелем большого тумена, главой сильного чагатайского племени барлас.

В эти годы Тимур был только одним из крупных бегов Чагатайского государства. Более значительной фигурой был внук Казагана Хусейн, владетель Балха и Самарканда, выдвинувшийся еще в 1358 г. Тимур заключил с Хусейном союз, закрепив его браком с Улджай Туркан-ага, сестрой Хусейна, стал его помощником и постепенно вместе с ним прибрал к рукам власть над всем Мавераннахром. С Хусейном Тимур ходил в грабительские набеги, вместе с ним боролся за власть против других бегов. В одном из походов Тимур был ранен и сделался хромым. По этой причине он впоследствии и прозван был Тимурленгом (в европейском произношении Тамерланом) — Тимуром-хромцом.

В 1365 г. Хусейну и Тимуру стало известно, что моголы под начальством Илиаса Хаджи, сына Туклук-Тимура, вновь собираются походом на Мавераннахр. Оба эмира немедленно двинули хорошо вооруженное войско и, перейдя Сыр-Дарью в районе Ходжента, разбили лагерь между Шашем (Ташкентом) и Чиназом невдалеке от войска Илиаса Хаджи. Проиграв сражение, Хусейн и Тимур бежали на юг к Аму-Дарье. Моголы решили захватить и ограбить богатый Самарканд.

Осада моголами Самарканда вызвала народное движение, которое было, с одной стороны, направлено против моголов на защиту родного города, а с другой — против Хусейна и Тимура и крупной землевладельческой знати.

Самарканд не был укреплен, а бежавшие эмиры Хусейн и Тимур не оставили даже распоряжений о защите. В соборной мечети Самарканда, где собрался встревоженный народ, выступил молодой человек, учащийся медресе Мавляна-заде Самарканди. Он говорил, что моголы угрожают жизни и имуществу населения, что правитель, который взимает подати и незаконную джизью[1], покинул население на произвол судьбы и бежал. Он призывал организовать оборону. Ответом на этот призыв было молчание городской знати. Тогда Мавляна-заде спросил, окажет ли народ ему поддержку, если он возьмет дело защиты города в свои руки.

Народ дал свое согласие, и Мавляна-заде начал готовиться к обороне. К нему примкнули Абу-Бекр Келеви, по одному источнику наддаф (чистильщик, трепальщик хлопка), а по другому — староста квартала трепальщиков хлопка, и Хурдек-и-Бухари. Абу-Бекр Келеви являлся главным связующим звеном с ремесленниками и другими группами трудящегося населения. Были составлены отборные отряды хорошо вооруженных людей. На улицах возведены были заграждения, все наиболее важные участки укреплены, оставлен открытым только один

[1] Джизья («подушная подать») по феодальному мусульманскому праву могла взиматься только с немусульман.

проход, в котором была устроена засада. Когда моголы ворвались через него в город, Мавляна-заде с отрядом внезапно напал на них и нанес им тяжелое поражение. В это же время вспыхнула эпидемия конской чумы,поразившая могольских лошадей. Моголы принуждены были снять осаду и с большими потерями ушли в Семиречье. Для успешной организации защиты были проведены некоторые ограничения по отношению к богатым; поэтому источники говорят о «злоупотреблениях власти», якобы чинившихся народными вождями.

Известие об успешной защите Самарканда и уходе моголов в Семиречье дошло до Тимура и Хусейна. Радуясь поражению моголов, эмиры были, однако, весьма встревожены тем, что в Самарканде возникла народная власть, деятельными участниками и главными вдохновителями которой были Мавляна-заде и Абу-Бекр Келеви. Оба эмира сговорились о совместных действиях и решили взять народных вождей хитростью. Они отправили посланцев в Самарканд с выражением им доверия и одобрения их действий и пригласили вождей обороны в свой лагерь в местности Кан-и Гиль, у самого города Самарканда. Мавляна-заде и другие вожди, пришедшие с поклоном и дарами, были приняты милостиво и отпущены с почетом; но на следующий день, когда они пришли вновь, они были схвачены и казнены за исключением Мавляна-заде, который был человеком «благородного» происхождения и, несомненно, имел связи среди самаркандской знати[1].

Как только народное движение в Самарканде затихло, между Хусейном и Тимуром начались нелады. Еще в лагере под Самаркандом Хусейн потребовал у приближенных Тимура крупных сумм, которые они не смогли выплатить. Тимур пришел им на помощь золотом и серебром. Таким образом ловкий политик приобрел среди феодалов многих сторонников.

После 1366 г. между Тимуром и Хусейном дело иногда доходило до военных столкновений. В 1370 г. Тимур с большим войском осадил Балх, где укрепился Хусейн. После упорного боя Хусейн сдал город и был убит.

Войско и приближенные эмира провозгласили Тимура единовластным правителем Чагатайского государства. Тимур прежде всего наказал жителей Балха, которых он считал сторонниками Хусейна. Многих он казнил, бóльшую часть домов Балха разрушил и разграбил, а женщин и детей увел в рабство. В цитадели Балха Тимур захватил огромную казну Хусейна и частично роздал ее главным эмирам — своим

[1] Народное движение в Самарканде в 1365 г. в исторических сочинениях XV в., составленных в Персии и Средней Азии, принято называть движением сербедаров. Сербедарами в XIV в. именовали энергичных борцов против монгольской власти и связанных с ней крупных местных феодалов.

сторонникам. Через термезских сейидов и шейха Береке Тимур установил связи с высшими слоями мусульманского духовенства, с которыми правитель считал необходимым всегда ладить, учитывая их большое влияние не только на феодалов и городские верхи, но и на народные массы. Из Балха Тимур отправился в Шахрисябз. Здесь он утвердил начальников туменов и тысяч, эмира Давуда назначил даругой (губернатором) Самарканда и поставил во главе диванов, назначил ряд эмиров дивана. Затем Тимур направился в Самарканд, который решил сделать столицей своего государства. Здесь по его приказу были немедленно возобновлены существовавшие когда-то стены, выстроена цитадель и в ней возведен великолепный дворец.

Тимур, с одной стороны, проводил твердую политику объединения Мавераннахра, а с другой — начал организовывать один за другим завоевательные и грабительские походы, которые принесли так много зла народам за пределами Средней Азии.

Первые походы Тимура были направлены против Моголистана, чтобы пресечь нападения на Мавераннахр, и против Хорезма, богатства которого, особенно его столицы Ургенч, привлекали Тимура. Он воспользовался слабостью Хорезма, который в 60-х годах XIV в. отделился от Золотой орды и образовал самостоятельное государство под властью кунгратской династии Суфи[1].

В 70-х годах XIV в. Тимур совершил пять походов на Хорезм. Во время четвертого похода (1380) он взял Ургенч и вывез оттуда огромные ценности (золото, серебро, ткани, оружие, кони, скот, рабы и т. д.). Из Ургенча были выведены также все художники, ученые, мастера и ремесленники. На средства, добытые насилием и грабежом в Ургенче, Тимур начал большие строительные работы в Шахрисябзе. Возведены были высокие, хорошо укрепленные стены вокруг города и заложен великолепный дворец, известный уже тогда под именем Ак-Сарая (Белого дворца). В постройке этого дворца приняли участие хорезмийские пленные мастера.

При Тимуре вопрос о Золотой орде и ее отношениях с Мавераннахром стал особенно остро. Улус Джучи, т. е. Золотая орда и Белая орда, являлся помехой объединению Мавераннахра в единое государство. Однако в самом улусе Джучи во второй половине XIV в. происходили смуты, которые раздирали Золотую орду. Между 1360 и 1380 гг. в Золотой орде, например, сменилось около 25 ханов. Вся левобережная[2] часть Золотой орды, включая Северный Кавказ и Крым, была в руках Мамая, который держал подставных ханов. Что же касается правобереж-

[1] Первая известная нам монета этой династии чеканена в 1362 г.

[2] Считая от течения Волги.

ной ее части, то здесь ханы выходили главным образом из Белой орды, где со времени Урус-хана (правил до 1377 г.) была тенденция вернуть единство и могущество улусу Джучи под властью хана из дома белоордынских Чингисидов.

Тимур был в курсе того, что делалось в Белой орде, и искал случая помешать планам Урус-хана. Случай этот представился, когда один из белоордынских царевичей — Туй-ходжа-оглан, правитель Мангышлака, выступил на курултае против политики Урус-хана, за что и был казнен. Его сын Тохтамыш бежал в 1376 г. из Белой орды в Самарканд, где был хорошо принят Тимуром, который учел выгоду сближения с ордынским беглецом. После напряженной борьбы с Урус-ханом и его сыновьями, в которой Тохтамыш несколько раз был бит, Тимуру все же удалось посадить ханом в Белой орде Тохтамыша. Но Тохтамыш обманул надежды Тимура. Очень скоро из проводника его политики Тохтамыш превратился в самостоятельного государя и стал решительно осуществлять политику Урус-хана в отношении захвата власти в Золотой орде, объединения улуса Джучи и восстановления его былого могущества.

В 1380 г. Тохтамыш воспользовался поражением Мамая на Куликовом поле и не только захватил власть в Золотой орде, но и окончательно добил Мамая. Занятый завоеваниями в Персии, Тимур до 1387 г. оставлял Тохтамыша в покое. Лишь после того как последний в 1387—1388 гг., используя отсутствие Тимура, напал на Мавераннахр со стороны Сыр-Дарьи и ограбил лучшие земли Чагатайского государства, Тимур начал активную борьбу с Тохтамышем. Но в 1388 г. в Хорезме вспыхнуло восстание против Тимура, вызванное известием о походе на Мавераннахр Тохтамыша. Тимур прошел на этот раз огнем и мечом по маленькой, но богатой стране. Захватив столицу Хорезма Ургенч, он приказал разрушить город до основания, а городскую землю распахать и засеять ячменем. Конечно, этот варварский приказ полностью осуществлен не был. Тем не менее в 1388 г. Ургенч почти замирает 1391 г. Тимур разрешил восстановить в нем только один квартал.

Подавив восстание в Хорезме, Тимур главное внимание сосредоточил на борьбе с Тохтамышем. В этой борьбе можно отметить два успешных похода Тимура. В 1391 г. Тимур, выйдя из Ташкента, прошел Казахстан и, следуя по пятам войска Тохтамыша, одержал над ним победу в местности Кундузча. Еще более решительное поражение Тимур нанес Тохтамышу на Тереке в 1395 г. Эта победа открыла Тимуру дорогу в самый центр Золотой орды — на Волгу и в южнорусские степи. В том же году Тимур опустошил и разграбил города Крыма, Азов, Северный Кавказ, Увек, Астрахань и особенно столицу Золотой орды — Сарай-

Берке. Наиболее богатые районы и города Золотой орды были так ослаблены, что в XV и XVI вв. не могли подняться до прежнего уровня.

Тридцатипятилетнее царствование Тимура (1370—1405) представляет собой почти беспрерывные походы (в Хорезм, Персию, Закавказье, Индию, Малую Азию и Китай), которые не чем иным, как целями завоевания и грабежа, объяснить нельзя.

Все походы Тимура были тесно между собой связаны. Закончив завоевания, а то и просто грабительский поход в одном направлении, Тимур собирал войска, чтобы идти в другом. Более всего его привлекала Персия, куда с 1380 г. походы совершались почти ежегодно. В это время Персия распадалась на множество отдельных владений и легко могла стать добычей соседнего государства. Так называемое государство сербедаров в Хорасане клонилось к упадку. Его последний государь Ходжа Али Муайад вскоре после занятия Герата подчинился Тимуру (1381). Владея Балхом, Гератом и бывшей территорией сербедаров, Тимур мог считать себя хозяином Хорасана. Ограбив и подчинив себе в 1383 г. Сеистан, он двинулся в остальные области Персии. Так начались известные его походы — «трехлетний» (с 1386 г.), «пятилетний» (с 1392 г.) и «семилетний» (с 1399 г.), в результате которых была покорена вся Персия. Одновременно Тимур завоевал Закавказье, Азербайджан, Армению и Грузию.

Еще не закончив своих завоеваний в Персии, Тимур предпринял в 1398 г. поход в Индию. Он дошел до Дели и, разграбив его, вернулся в 1399 г. в Самарканд с несметной добычей. Через год Тимур начал войну одновременно с турецким султаном Баязедом и египетским султаном Фараджем. В этой войне Тимур захватил ряд городов, в том числе принадлежавшие туркам Сивас в Малой Азии и Алеппо (Халеб) в Сирии, подвластной египетскому султану. В 1402 г. войска Тимура разбили Баязеда под Анкарой, и султан попал в плен. Только в 1403 г. западная часть государства, принадлежавшего Баязеду, была возвращена его сыновьям.

В конце 1404 г. начался последний поход Тимура — поход в Китай, задуманный уже давно. В 1368 г. в Северном Китае произошел переворот: монгольская династия была изгнана, и власть перешла к китайской династии Мин. К походу в Китай Тимур тщательно готовился. Он решил двинуться через Сыр-Дарью и Семиречье. Для обеспечения армии продовольствием Тимур предварительно восстановил земледелие в тех местах своего пути, где оно из-за монголов почти совершенно захирело. На намеченном пути он за несколько лет создал укрепленные базы, построил одно укрепление на речке Ашпаре в Семиречье, а другое на озере Иссык-Куль. В конце 1404 г. Тимур выступил во главе 200-тысячной армии, но 18 февраля 1405 г. в городе Отраре умер. После

смерти Тимура в Чагатайском государстве, в связи с «тимуровским наследством» возникли осложнения, и поход на Китай был прерван.

При Тимуре была создана сильная военная организация. Войско Тимура по организационной структуре продолжало традиции Чингисхана. Оно строилось по десятичной системе: десятки, сотни, тысячи, тумены (10 000). Войско состояло из пехоты и конницы. Пехотинцев поставляли оседлые области; конников — как оседлая часть населения, так и, главным образом, кочевые племена. Преобладало конное войско. Войско состояло из таджиков и тюрков; в состав последних входили тогда и отюреченные монгольские племена. В составе войска были и отряды артиллерии того времени — воины, обслуживающие стенобитные, камнеметные машины, огнестрельные (радандоз) орудия и самострелы. При Тимуре впервые в Средней Азии было введено огнестрельное оружие. Огнестрельное оружие он заимствовал из западных областей Передней Азии.

Свои войны Тимур вел с исключительной, ничем не оправданной жестокостью, перед которой бледнеют ужасы убийств и опустошений, производившихся Чингис-ханом. По приказу Тимура строились башни из живых людей (2000 человек), которые пересыпались глиной и битым кирпичом (после взятия Исфизара в Афганистане), однажды были погребены живыми 4000 пленных (после взятия Сиваса в Малой Азии). В наказание за восстание, которое подняли против Тимура жители Исфахана (1387), эмир приказал убить 70 000 человек и сложить из их голов высокие башни. Одним из самых жестоких его действий было убийство 100 000 безоружных пленных индусов (гебров и идолопоклонников) перед сражением с делийским султаном Махмудом. Это массовое убийство было совершено лишь потому, что Тимуру донесли о якобы предполагавшемся восстании этих пленных в тылу его войска, хотя они и были безоружны.

* * *

Государство при Тимуре делилось на две части: с одной стороны — Мавераннахр с центром в Самарканде и, с другой — завоеванные области. В последних он уничтожал население, вывозил оттуда золото, серебро, ткани, оружие, скот, рабов, рабынь, а главное — ремесленников, мастеров, художников, ученых и т. д. Богатства и культурные ценности свозились в Самарканд, Шахрисябз, где возводились мечети, дворцы и другие здания.

Самарканд подвергся некоторой перепланировке. «Так как в нем (Самарканде) не было большого места, где можно было продавать все в порядке, царь приказал провести через город улицу, в которой по обеим сторонам были бы лавки и палатки для продажи товаров. Эта улица

Тимур.
Реконструкция М. М Герасимова

должна была начаться в одном конце города и, проходя сквозь весь город, доходить до другого конца»[1]. Вокруг Самарканда устроены были царские загородные сады с дворцами, украшенными изразцами. Из крупных построек времен Тимура некоторые дошли до наших дней. Таковы развалины великолепной когда-то соборной мечети, известной теперь под именем «Биби-ханым» (построена в 1399—1403/4 гг.). В том же Самарканде на кладбище Шах-и-Зиндэ находится несколько замечательных покрытых резными,глазурованными, мозаичными и расписными изразцами, мавзолеев над могилами жен, ближайших родственников и при-

[1] Рюи Гонзалес Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. СПб., 1881, стр. 316.

Купол Гур-эмира — мавзолея Тимура.

ближенных Тимура[1]. Шедевром архитектуры в Самарканде является и мавзолей, известный под именем «Гур-эмир» (могила эмира) над могилой самого Тимура, начатый постройкой еще при его жизни. В Шахрисябзе высятся развалины знаменитого дворца Тимура в виде громады полуразрушенного портала дворца Ак-Сарай (Белый дворец). До наших дней сохранилась мечеть «Ходжа Ахмед Ясеви» в г. Туркестане, выстроенная по распоряжению Тимура.

---

[1] Среди прекрасных построек Шах-и-Зиндэ имеются мавзолеи, выстроенные до и после Тимура. Первые относятся к 50-м и 60-м годам XIV в., вторые — ко времени Тимуридов (XV в.).

Тимур пытался поднять ремесленную промышленность и торговлю в среднеазиатских городах, особенно в Самарканде. На самаркандском базаре можно было достать все, что имелось на азиатских рынках. Однако и разнообразие ремесел и огромные обороты торговли, в том числе караванной, не являлись результатом естественного роста производительных сил страны, а были созданы искусственно, за счет ограбления соседних стран. Со временем Тимура связаны крупные оросительные работы в Мавераннахре, Хорасане, Кабульской долине и Муганской степи.

Тимур жил в годы, когда существовала традиция, что ханом могло быть лицо только из рода Чингис-хана. Несмотря на все свое властолюбие, Тимур должен был считаться с подобным настроением своих эмиров и не принял титула хана, а к своему званию эмира после женитьбы на вдове эмира Хусейна — Сарай-Мульк-ханым, присоединил лишь скромное «гурган» (зять). По представлению современников, без хана управлять страной было нельзя, поэтому Тимур, как и некоторые из его предшественников, имел подставных ханов. С 1370 г. такую роль исполнял Суюргатмыш, а после его смерти (1388) — его сын Султан Махмуд-хан, умерший в 1402 г. Это был последний хан при Тимуре. После смерти Султан Махмуд-хана Тимур продолжал чеканку монеты с его именем.

Тимур был типичным феодальным правителем-деспотом. Проводя в Мавераннахре объединительную политику, т. е. собирая в единое государство мелкие феодальные владения, он вместе с тем создавал новые владения, раздавал в суюргал (лен или феод) целые районы и области. Под суюргалом в конце XIV и в XV в. подразумевали передачу в наследственное владение и управление определенной земли с правом частичного (а иногда и полного) взимания с ее населения податей и налогов, шедших прежде в пользу государственной казны. Тимур широко раздавал завоеванные земли в суюргал своим сыновьям и внукам, а также наиболее отличившимся эмирам. На суюргальной, т. е. чисто феодальной, системе и было построено, например, все управление завоеванных областей Персии. Так в 1383 г. Тимур передал Гератское владение, включив в него земли Балха, Бадахшана, Хутталяна, Хисара и другие, своему сыну Миран-шаху. Через десять лет (1393) он дал Миран-шаху другое владение — бывшие земли Хулагидов, так называемый «престол Хулагу-хана». В 1392 г. он передал внуку Пир-Мухаммеду бывшие земли Газневидов («престол Газневидов») и т. д.

Вопросы социально-экономической истории Средней Азии времени Тимура еще мало изучены. Лучше известно время предшествующее и последующее, т. е. время Тимуридов, его преемников. Известно, что при монголах в XIII—XIV вв. произошло резкое ухудшение в положении крестьян и ремесленников. При Тимуре с крестьян всюду взи-

Развалины дворца Тимура Ак-Сарай в Шахрисябзе.

мали поземельный налог — хардж, носивший в некоторых областях название «мал», подушную подать (джизью), которую, согласно мусульманскому праву, можно было взимать только с немусульман и которую на мусульман стали распространять уже первые монгольские ханы. Тяжелой повинностью при Тимуре были и работы барщинного характера (бегар).

Среди ремесленников надо отличать свободных ремесленников от тех, кого Тимур пригнал из завоеванных стран в качестве пленных. В отношении последних Тимур продолжал практиковать полурабские формы эксплуатации, столь характерные для монгольских правителей.

В беспрерывных грабительских походах Тимур видел средство сплочения государства, сплочения феодалов. Такая политика, которую поддерживало и высшее духовенство, а также некоторые слои купечества Мавераннахра, и дала Тимуру возможность деспотически управлять страной.

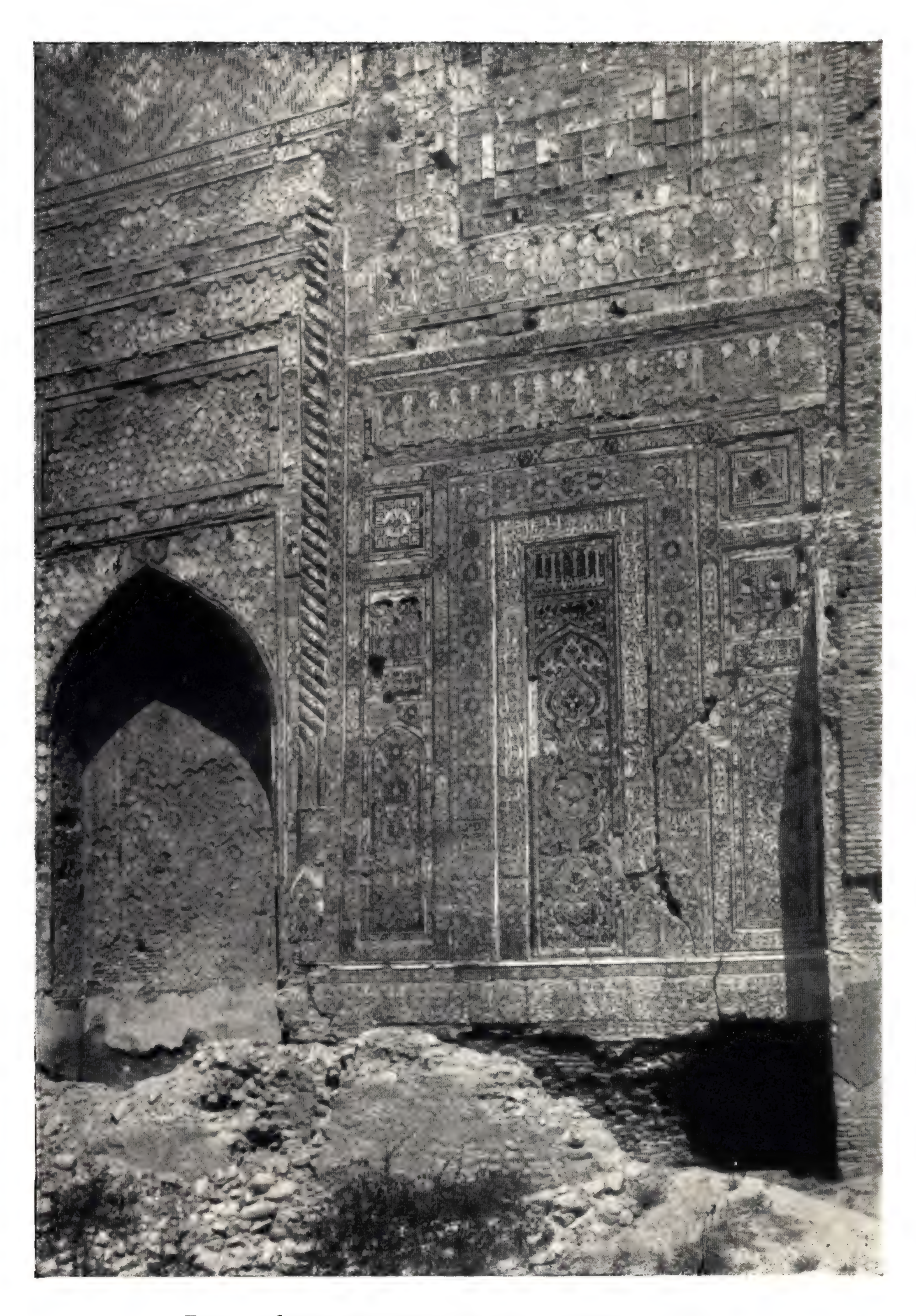
Тимур мог казнить неугодного ему эмира, а его владение пожаловать другому лицу. Тимур не раз применял жестокие репрессии к непокорным феодалам. Так, в 1376 г., когда чагатайское племя джалаир не захотело подчиняться Тимуру, он казнил недовольных, а остальных распределил между другими эмирами.

Тимур понимал важность поддержки духовенства, особенно его высших слоев. Будучи только по виду благочестивым мусульманином, он знал, когда и где ему нужно заручиться одобрением влиятельных шейхов. В зависимости от политической обстановки он поддерживал то шиитов, то суннитов. Так, в Сирии, где преобладало суннитство, он поддерживал шиитов, а в Хорасане, где шииты фактически господствовали, он всячески поощрял суннитов.

Правление Тимура сыграло отрицательную роль в истории народов Средней Азии. Ни блестящие постройки, ни искусственный расцвет ремесел и торговли в городах Мавераннахра, ни, наконец, крупные оросительные работы, проводившиеся при нем, не могут оправдать уничтожение сотен тысяч людей, разорение богатых и культурных стран, разграбление городов, что надолго подорвало производительные силы завоеванных Тимуром областей.

* * *

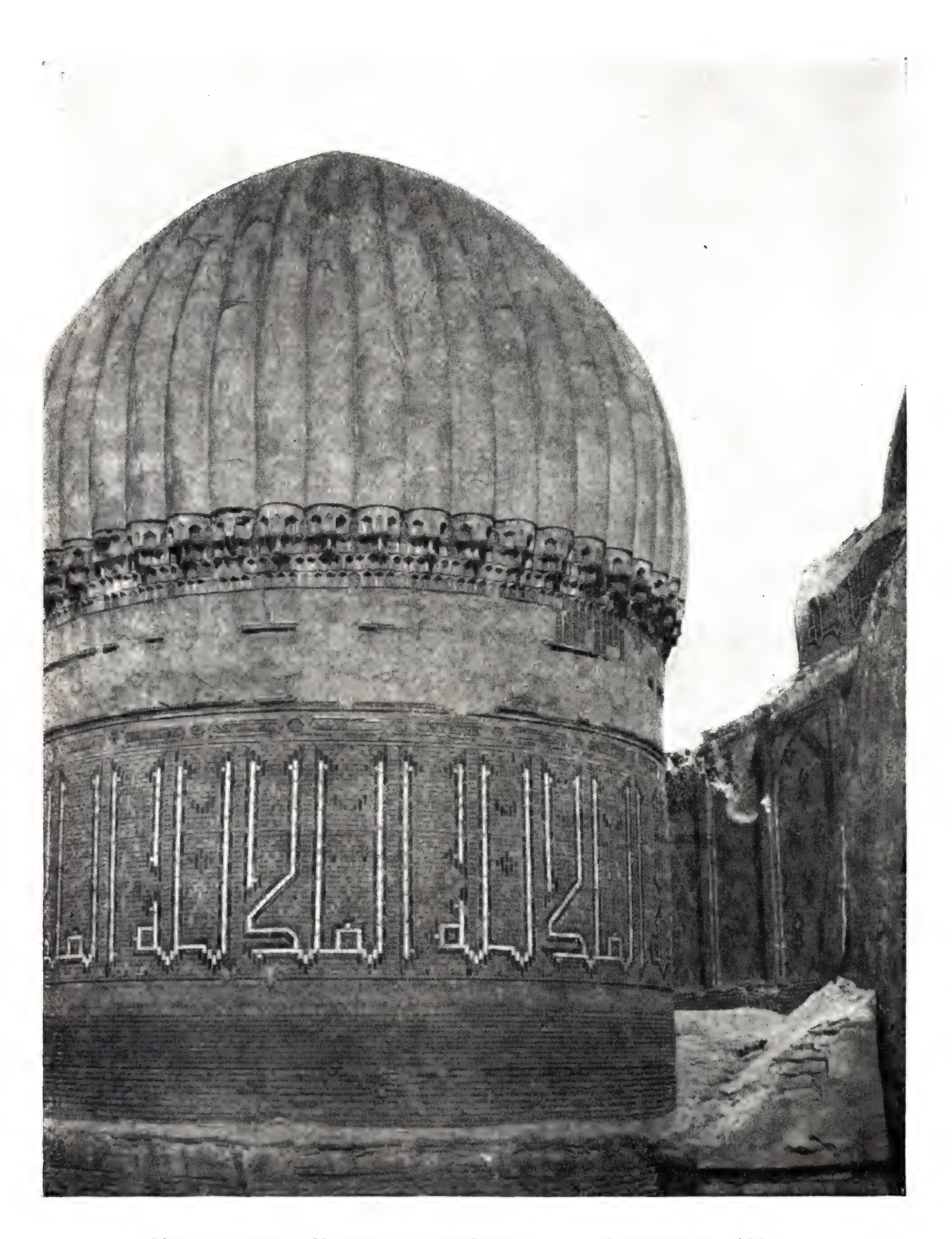
Однако в XIV в., несмотря на тяжелые условия жизни народов Средней Азии, происходило дальнейшее развитие их культуры. Большое значение имеет творчество таджикских поэтов Шамсиддина Мухаммада Хафиза Ширази (умер в 1389 г.) и Камола Худжанди (умер в конце XIV — начале XV в.). Стихи Хафиза распространялись в народных массах и вошли в фольклор. Его литературное имя Хафиз получило

Деталь облицовки дворца Тимура Ак-Сарай, XIV в.

Резное изразцовое панно 1371 г.
в мавзолее Туркан-Ака в Шах-и-Зинде
(Самарканд).

Купол мечети Хаджи-Ахмед Ясеви в г. Туркестане, 1397 г.

нарицательное значение («поэт-певец»). В своих лирических произведениях он вел борьбу против социальной несправедливости, старался поднять достоинство человеческой личности. Выдающимся мастером поэзии был Камол Худжанди. Захваченный Тохтамышем в Тебризе и увезенный в Сарай, он долгое время пробыл в заключении, а затем вернулся в Тебриз. В своих произведениях он также отразил протест широких народных масс против угнетения. Как говорит народное предание, он не писал хвалебных од [1].

* * *

Смерть Тимура вызвала перемены в политическом положении Чагатайского государства. В стране началась борьба за власть. Тимур сделал наследником своего внука Пир-Мухаммеда. Однако никто из потомков Тимура и крупных владетелей и эмиров не хотел признавать Пир-Мухаммеда государем, не стал чеканить монеты с его именем. Многие хотели видеть себя на престоле Тимура. В борьбу вокруг наследства Тимура втянулась знать. На некоторое время власть в государстве захватил внук Тимура Халил-султан, выдвинутый войском, расположенным в районе Отрара. С 1405 по 1409 г. он мог считать себя правителем только части государства — Мавераннахра. В Герате в это время сидел сын Тимура Шахрух, который стремился захватить всю Персию и Мавераннахр.

Почти пять лет шла между ними борьба с переменным успехом, пока, наконец, в 1409 г. Халил-султан не был разбит и взят в плен. Шахрух явился в Самарканд, распределил ряд владений-уделов между своими родственниками, назначил правителем Самарканда своего сына Улугбека, правителем Балха — другого сына, Ибрахима, правителем Ферганы — Ахмеда, сына Омар-шейха, и т. д. Однако не прошло и года, как против Улугбека двинулся эмир Шейх-Нур-ад-дин, к которому перешел почти весь Мавераннахр. Новое вмешательство Шахруха положило конец смутам. Только после этого Улугбек прочно обосновался в Самарканде.

Казалось, государство Тимура в 1410 г. было полностью восстановлено Шахрухом. Однако, Улугбек очень скоро стал стремиться к независимости в Мавераннахре. Он даже возводил на престол, подобно своему деду Тимуру, подставных ханов. В отношении Шахруха Улугбек действовал по собственному усмотрению. Улугбек хотел во всем подражать Тимуру, он присвоил себе также титул «гургана». С первых же лет своего правления Улугбек стремился распространить свою власть над всеми землями Средней Азии, входившими при Тимуре в Чагатайское государство.

---

[1] См. *Б. Г. Гафуров.* Указ. соч., стр. 307—309.

Обсерватория Улугбека в Самарканде, XV в.

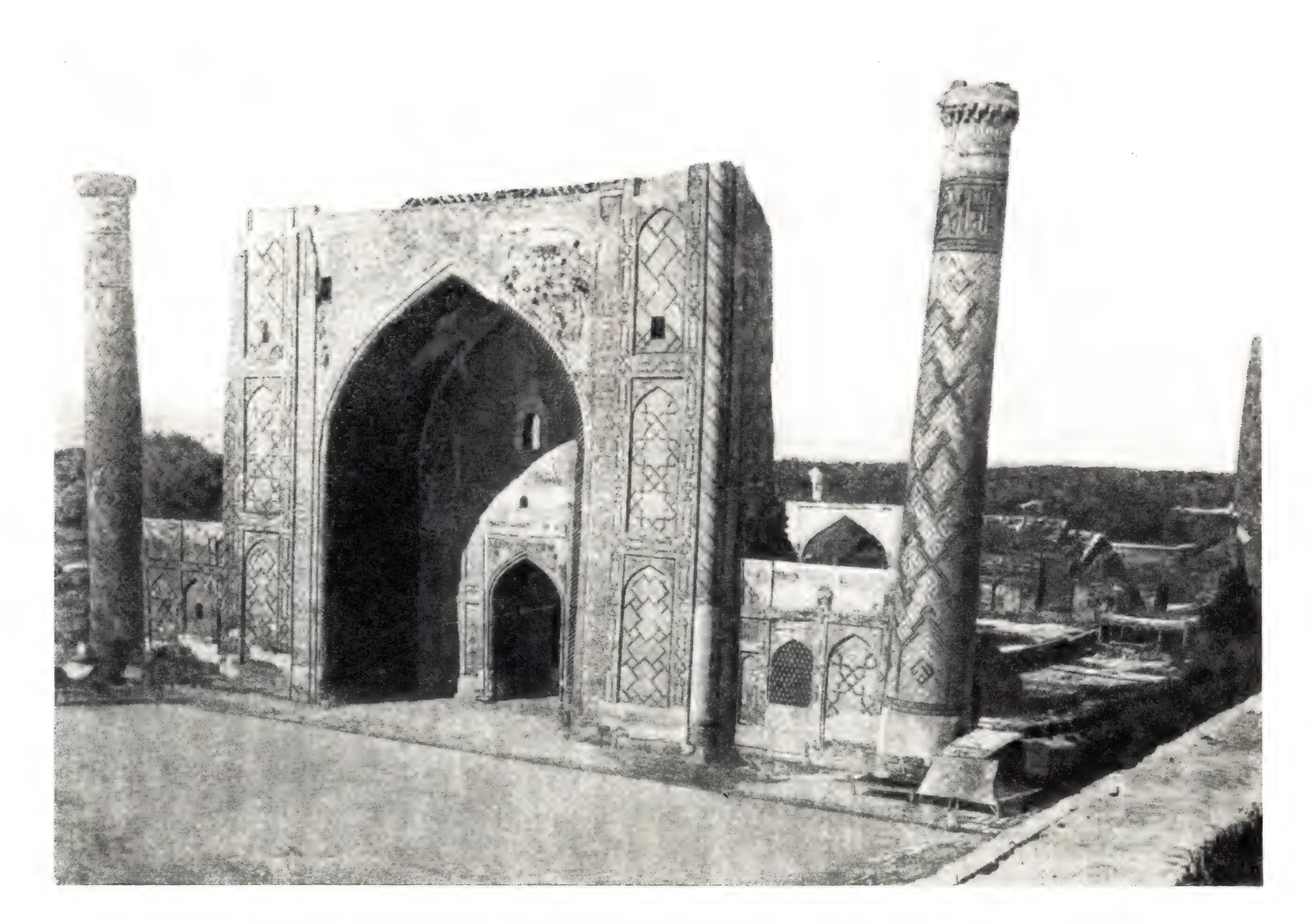
В 1413 г. Улугбек отправил войска эмира Шах-малика, чтобы отнять захваченный кочевниками-узбеками Хорезм, затем повел решительную борьбу против Ахмеда, сына Омар-шейха, и отнял у него Фергану. В целях укрепления Мавераннахра Улугбек прибрал к рукам и нижнее течение Сыр-Дарьи и Моголистан. В обоих кочевых государствах Улугбек посадил на престол своих ставленников: Барака — на Сыр-Дарье и Шир-Мухаммеда — в Моголистане. Однако Шир-Мухаммед не хотел ему подчиняться, и в 1425 г. Улугбек совершил поход в Моголистан. Из этого похода он вывез два больших куска черного нефрита (ныне надгробие над могилой Тимура в «Гур-эмире», в Самарканде). Памятью о моголистанском походе является надпись Улугбека в Джалаунтинском ущелье. Дальнейшие события показали, что самым опасным внешним врагом Улугбека были кочевники на Сыр-Дарье. Барак, поставленный Улугбеком, также изменил ему. В 1427 г. Улугбек вместе с присланным Шахрухом Джуки выступил против Барака, но был разбит около г. Сыгнака, и до конца царствования Улугбека линия городов по нижнему течению Сыр-Дарьи оставалась самой слабой частью границы возглавляемого им государства.

С 1430/31 г. появилась еще одна слабая линия — нижнее течение Аму-Дарьи и города северного Хорезма, где на некоторое время узбеки Абулхайра захватили даже Ургенч.

* * *

Культурная жизнь знати в двух столицах единого при Тимуре государства — Герате и Самарканде — сложилась по-разному. В Герате, где жил Шахрух, правитель «правоверный», «благочестивый», нравы двора приняли характер показного благочестия. При дворе прекратились музыка, танцы, исчезла светская поэзия, зато четыре раза в неделю приходили чтецы и сурами (главами) корана наставляли придворных на благочестивый путь. Поведение двора наложило свой отпечаток на культурную жизнь города. Шахрух не покровительствовал точным наукам — астрономии, математике, медицине.

Зато благодаря меценатству Байсункара (умер в 1433 г.), сына Шахруха, одно время бывшего его везиром, в Герате расцвела поэзия и особенно искусство украшения книги — каллиграфия и миниатюра. При Байсункаре в придворной китаб-хана (библиотеке) работали не только выдающиеся миниатюристы, каллиграфы, позолотчики, переплетчики, но и филологи. При Байсункаре и с его участием был создан в 1430 г. сводный текст знаменитого творения Фирдоуси «Шах-Намэ». Известны две рукописи «Шах-Намэ», сделанные специально для Байсункара, датированные 1430 годом и украшенные замечательными

Медресе Улугбека в Самарканде, XV в. Общий вид с площади Регистан

миниатюрами. Не без участия Байсункара было отправлено в 1420 г. Шахрухом посольство в Китай с художником Гияс-ад-дином в целях ознакомления с китайским искусством.

В годы правления Улугбека в Самарканде достигли большого расцвета искусства—архитектура, поэзия и особенно точные науки. Улугбек застал в Самарканде немало ученых. Более всего на него оказал влияние крупнейший астроном того времени—Казы-задэ Руми. По приглашению Улугбека в Самарканд прибыл из Кашана другой известный астроном, Гияс-ад-дин Джемшид. Сам Улугбек составил известные в свое время астрономические таблицы, которые в XV в. считались в Азии и Европе наиболее точными. С именем Улугбека связана и постройка замечательной обсерватории, остатки которой были раскопаны в 1908 г. В. Л. Вяткиным; вскрыта была часть огромного секстанта, высота которого, по письменным известиям, равнялась высоте храма Софии в Константинополе. Все здание было трехэтажным. Историк XV в. Абд-ар-Реззак говорит об изображении девяти небесных сфер с градусами, минутами, секундами и десятыми долями секунды, небес, вращения семи планет, неподвижных звезд, земного шара с делением на пояса, с горами, морями, пустынями и т. п. Улугбек держался еще представления о космосе, господствовавшего в эпоху феодализма (девять небес и девять небесных сфер), тем не менее его обсерватория была передовой в тогдашнем мире. Улугбек занимался не только астрономией, но и историей. Улугбек разбирался и в архитектуре и привлекал к работам лучших мастеров. По его приказу построены два замечательных медресе, одно в Самарканде (на площади Регистан), другое — в Бухаре. Медресе Улугбека в Самарканде, наряду с некоторыми тимуровскими постройками, является одним из лучших произведений среднеазиатской архитектуры. Постройка его начата была в 1417 и окончена в 1425 г.

В медресе преподавали не только богословские науки, но, повидимому, и медицину, математику и, во всяком случае, астрономию. В верхней части портала медресе Улугбека изображено звездное небо. Упомянутый выше астроном Казы-задэ Руми был мударрисом (преподавателем) этого медресе.

На деревянной двери в главном входе бухарского медресе вырезаны слова: «Стремление к знанию — обязанность каждого мусульманина и каждой мусульманки».

Кроме медресе, строились и другие здания. Напротив самаркандского медресе была выстроена великолепная ханака для дервишей и поблизости от этих двух построек — бани. Загородные сады украшались дворцами. Так, в саду, известном под именем «Баг-и-майдан», было выстроено прекрасное здание «Чуль-сутун» («Сорок колонн»).

* * *

К концу своего правления Улугбек натолкнулся на сильную оппозицию мусульманского духовенства. Представители его широких кругов, особенно дервиши, неустанно вели пропаганду среди крестьян и трудящегося населения городов, обвиняя Улугбека в нарушении основных предписаний ислама. Эта пропаганда находила отклик и в народных массах, которые не видели от правления Улугбека ничего хорошего. Пышная жизнь двора и знати, а также войны ложились на народ тяжелым бременем. Особенно сильна была оппозиция в Бухаре, где дервиши играли большую роль. Смерть Шахруха (1447 г.) вскрыла непрочность государственного объединения, во главе которого он стоял. На его престол явилось несколько претендентов, главными из которых были Ала-ад-дауля, сын Байсанкара, и Улугбек. В момент наибольшего успеха Улугбека, когда он взял Герат, у него возникли разногласия с собственным сыном Абд-ал-Лятифом (Абдул-Лятифом) из-за добычи.

Борьба против Абд-ал-Лятифа кончилась поражением Улугбека, который попал в плен и вскоре был убит (1449). Абд-ал-Лятиф не мог опереться на знать, среди которой был популярен Улугбек, зато он нашел сторонников в среде бухарского духовенства, враждебного Улугбеку. Но его не любили в войске. Среди нукеров Улугбека составился заговор, жертвой которого он и пал в 1450 г.

При поддержке войска был возведен на царство царевич Абдулла. Абдулла сразу же восстановил порядки Улугбека. Войску розданы были большие суммы денег. В Бухаре знать отнеслась очень отрицательно к новому государю и выдвинула кандидатуру авантюриста Абу-Саида, одного из потомков Тимура. На этот раз активное участие в борьбе приняло ортодоксальное духовенство, которое через дервишей втянуло в нее часть народных масс. В июне 1451 г. Абдулла был разбит. В это время приобрел известность шейх Убейдуллах Ходжа-Ахрар, хищник под маской дервиша, впоследствии крупнейший землевладелец. Ходжа-Ахрар, в тесной связи с бухарским духовенством, сыграл немалую роль в приходе к власти Абу-Саида, а вместе с ним — в торжестве религиозного мракобесия.

Когда Абу-Саид в 1451 г. захватил власть в Самарканде и сделался правителем Мавераннахра, власть над Гератом и всем Хорасаном держал в своих руках Абу-л-Касим Бабур, сын Байсункара. Отношения между Абу-л-Касим Бабуром и Абу-Саидом были враждебные. В 1454 г. Абу-л-Касим совершил неудачный поход на Самарканд. В 1457 г. он умер в Мешхеде, и Абу-Саид овладел Гератом и Хорасаном. Однако в Хорасане появился новый претендент на власть Султан-Хусейн, также из дома Тимуридов, захвативший огромный район от Мерва

до Астрабада. Абу-Саид не раз выгонял его из Хорасана. Однако Султан-Хусейн продолжал из Астрабада набеги на Хорасан. Зимой 1468/69 г. Абу-Саид погиб во время похода.

* * *

В 1469 г. Султан-Хусейн овладел Гератом и сделался одним из могущественнейших государей Персии и ряда областей Средней Азии. Султан-Хусейн стоял во главе большого государства, состоявшего из многих уделов суюргальского типа. Самый факт образования государства Султан-Хусейна в конкретной исторической обстановке второй половины XV в. нельзя не признать известным шагом вперед, так как оно объединяло раздробленные и враждебные друг другу феодальные мирки. Хотя объединение это и не носило прочного характера, однако первые два десятилетия царствования Султан-Хусейна могут быть охарактеризованы как время относительного мира в стране.

Производственной основой этого феодального общества являлось сельское хозяйство, которое создавалось руками потерявших личную свободу крестьян. Казна царевичей, владевших целыми областями, казна самого хана или султана, стоявшего во главе большого государства, обогащались жесточайшей эксплуатацией крестьян и ремесленников.

Едва ли можно сомневаться, что в XV в. прикрепление крестьян к земле существовало не только фактически, но и юридически, т. е. было законом. К сожалению документы о прикреплении крестьян в Средней Азии сохранились лишь от середины XVI в.

Крепостной крестьянин был опутан налогами, податями и повинностями. Наряду с традиционным хараджем, т. е. земельным налогом, он платил подушную подать (сар-шумар), которую, с точки зрения мусульманского права, можно было взимать только с немусульман. Тяжелы были сборы вроде мирабонэ — в пользу чиновников, ведавших учетом и распределением воды, даруганэ — в пользу чиновников, ведавших сбором урожая, и т. д.

Весьма тяжелыми были и барщинные работы (бегар). Ханы, султаны, эмиры, хакимы или просто светские и духовные феодалы посылали крестьян на работы по постройке городских стен, крепостей, дворцов, мечетей, медресе, на проведение или починку дорог, арыков, возведение мостов, а также полевые работы. Бегар был тем более тяжелой повинностью, что крестьяне должны были приходить со своими орудиями труда и продуктами питания. Сказанного достаточно, чтобы представить, какова была оборотная сторона той жизни, блеском которой так славились феодальные дворы Тимуридов.

Господствующим классом Хорасана в XV в. были крупные землевладельцы, светские и духовные, оседлые и полуоседлые, титулованные и нетитулованные. Площади земельных участков достигали иногда весьма крупных размеров. Например, во второй половине XV в. шейх Ходжа Ахрар имел до 1300 земельных владений, причем некоторые из них равнялись 3000 джуфтигау, т. е. 3000 земельных участков, каждый из которых мог быть обработан в лето парой быков. Со своих обширных имений Ходжа Ахрар выплачивал в казну султана с одного ушра (десятины) 80 000 манов по большой самаркандской мере[1].

Крупнейшим земельным собственником был и великий узбекский поэт Алишер Навои. Его земли были разбросаны по всему государству султана Хусейна. Ходжа Ахрар и Алишер Навои — два крупнейших земельных собственника, два ярких представителя господствующего феодального класса. Оба сыновья одной эпохи, стояли на различных политических позициях. Первый, возглавляя реакцию, тянул назад. Второй, возвышаясь над современностью, звал идеями и образами своего гениального поэтического творчества вперед (см. ниже).

При Тимуридах и, в частности, при Султан-Хусейне (1469—1506) города Средней Азии были крупными ремесленно-торговыми и культурными центрами. Самарканд, Герат, Астрабад, Нишапур, Балх были хорошо известны на Ближнем Востоке. На базарах этих городов выделывалось и продавалось огромное количество ремесленных изделий из железа, дерева, хлопчатобумажных, шелковых, шерстяных тканей, глиняной поливной и неполивной посуды, орнаментированных и простых бронзовых сосудов, инкрустированных медью, серебром, золотом разнообразных ювелирных предметов, изделий из кожи, особенно обуви, мужское и женское платье и т. д. Базары Самарканда, Балха, Герата привлекали широкий приток покупателей; здесь можно было получить предметы местного производства и привозные.

Ремесленники составляли важную часть населения среднеазиатских городов XV в. Хотя они и не знали, как крестьяне, прикрепления, однако, были в феодальной зависимости от владетелей городов, выплачивали им налоги и подати. Ремесленники имели свои производственные организации, близкие по структуре к западноевропейским цехам. Ремесленные организации не только регулировали производство ремесла в данном городе, но и защищали своих членов от феодальной власти, которая стремилась максимально подчинить ремесленников. Однако внутри ремесленного сословия не было единства, мастера-хозяева (устад) не только обучали, но и эксплуатировали учеников (шагирд), которые часто достигали весьма почтенного возраста, прежде чем им удавалось

[1] Ман этот был равен восьми пудам.

выйти на самостоятельную дорогу. Жили ремесленники кварталами (махалля) по специальностям, отдельно горшечники, ткачи, сапожники, ножевщики, ювелиры и т. п.

Изделия художественного ремесла в те времена славились совершенством. По описанию одного из историков XV в., в 1469 г. замечательный гератский мастер Ходжа Али Исфагани на сосуде для розовой воды вырезал по ганчу (алебастру) изображение 32 групп ремесленников, занятых работой.

Бо́льшая часть земельной и другой недвижимой собственности принадлежала светским и духовным феодалам, а также купцам, которые вместе с владетелем города были его полными хозяевами.

* * *

В правление Султан-Хусейна Герат, большой ремесленно-торговый город с прекрасными постройками, приобрел такое же значение, как Самарканд при Улугбеке. При Султан-Хусейне Герат сделался центром культурной жизни. Здесь жили таджикский поэт Джами и великий поэт узбекского народа Алишер Навои.

Джами родился в селении Джам, около Нишапура, учился в Герате, бывал в Самарканде. Он изучал естествознание, математику, астрономию, философию, логику и другие науки. Его главным литературным произведением является «Хафт-авранг» («Созвездие Большой Медведицы»), состоящее из семи поэм по типу «Пятерицы» великого азербайджанского поэта Низами. Творчество Джами противоречиво. В нем имеются и прогрессивные гуманистические идеи и отсталые идеи суфизма[1].

Великий узбекский поэт и мыслитель Алишер Навои (1441—1501) происходил из знатной семьи, близкой Тимуридам. Получив разностороннее образование в Мешхеде и прожив некоторое время в Самарканде, Навои бо́льшую часть жизни провел в Герате, где в 1483—1485 гг. создал свои знаменитые поэмы. Навои был энциклопедистом: поэт и ученый, музыкант и историк, лингвист и художник, выдающийся государственный деятель и дипломат, он оставил глубокий след в истории своего народа.

Навои был сторонником сильной власти «просвещенного» правителя, решительно осуждавшим феодальные распри и грабежи знати: «их желудки не насытятся награбленным; они живут лишь для того, тобы сеять смерть».

---

[1] *Б. Г. Гафуров.* Указ. соч., стр. 319—320.

Алишер Навои. Портрет 1500 г.

Навои создал свыше тридцати произведений, из которых наиболее замечательны «Харатуль-абрар», «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Сабан-сайяра», «Садди Искандери», «Чардиван».

Навои решительно сломал старую традицию и, оставив чуждый народу персидский язык, писал по-узбекски, ценя сокровища родного языка, который он называл «цветущим садом». Выдающийся гуманист, он, вопреки господствующему воззрению теологии, провозгласил величие человека: «Из всех творений самое священное человек». Сознавая социальную несправедливость современного общества, он звал к человечности, осуждал насилие, угнетение:

Если ты человек, не называй человеком того,
Кто не заботится о народе.
Тот, кто радуется горю и смерти человека,
Тот палач, мерзавец, могильщик.

Навои решительно осуждал реакционное духовенство — шейхов:

В одежде его (шейха.— *Ред.*)— мускус, благоухание, радость,
А в сердце гниют сто дохлых собак.
Снаружи он безупречен, а внутри полон порчи,
Сверху чист, а внутри грязен, как отхожее место.

Он клеймил спекулянтов: «Они — преступники... В их ларьках есть всякие товары, все, кроме чести и совести».

Навои воспевал труд, так как понимал, что «спасение в труде», а не в вере. О крестьянах поэт писал:

Благоустройство мира —от них,
Радость людей — от них.
Удивителен их труд,
Дающий стране силу и счастье [1].

Поэт верил во всесилие человеческого труда и научной мысли.

Глубокий гуманист, Навои воспевал благородство, красоту, любовь; он создал прекрасные женские образы — Ширин, Махин-Бану, Мехр и др., утверждая, что женщины по своим дарованиям не уступают мужчинам.

Навои оплакивал горькую судьбу своего народа, и в то же время с любовью относился и к другим народам: узбек Фархад, армянка Ширин, перс Шапур, индусы Масуд, Фаррух, араб Меджнун и другие — герои его произведений. С большой любовью и уважением относился поэт к русскому народу. В поэме «Садди Искандери», сообщая о русских, отправлявшихся в составе войск «идеального шаха» Искандера освобождать угнетенные народы, Навои писал: «Все они (русские.— *Ред.*)

[1] «Великий узбекский поэт», сб. статей, Ташкент, 1948, стр. 64, 68 и сл.

в быстроте и гневе,— как белый конь (солнце.— *Ред.*) небосвода... Каждый из них — счастье для хороших, а для мерзавцев, противников — горе».

Великий поэт и патриот Навои верил в конечное торжество человека, в торжество добра и создал произведения, вошедшие в золотой фонд мировой литературы.

Он много сделал для культурного развития страны; по его инициативе было построено около 370 различных зданий общественного пользования (учебные заведения, библиотеки, больницы и т. п.). Он оказывал содействие расцвету миниатюрной живописи, и не без его помощи встал на ноги великий художник конца XV и начала XVI в. Бехзад. Алишер Навои был ценителем архитектуры, и по его приказу и отчасти на его средства в Герате вырос целый квартал Ихласийе на канале Инджиль, с замечательными постройками — мечетью, медресе, ханакой, баней, больницей и т. д. При содействии Алишера Навои в Герате расцвела историческая наука. При нем жили таджикские историки Абд-ар-Реззак Самарканди (1413—1432), составивший известное историческое сочинение «Место восхода двух счастливых созвездий», и Мирхонд (1433—1498), написавший по предложению Алишера Навои свой обширный труд «Сад чистоты». Был близок к Алишеру Навои и внук Мирхонда — крупный историк Хондемир (1475—1535), автор большого сочинения «Друг жизнеописаний».

Это была плеяда популярных феодальных историков, сочинения которых носили по большей части компилятивный характер. Эти историки были самостоятельны только в описании современных им событий, однако их данные требуют к себе весьма критического отношения. Все они были придворными историками и на события смотрели глазами своих государей. Характерно, что в их произведениях почти отсутствуют данные о жизни народных масс.

2

УСТАНОВЛЕНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ИГА В ЗАКАВКАЗЬЕ

После завоевания Закавказья монгольские захватчики установили режим насилия и гнета над местным населением. Грузинские, армянские и другие феодалы остались на своих местах в качестве вассалов великого хана, но в непосредственном подчинении у хана Золотой орды. Вынужденная признать вассальную зависимость от монголов, местная знать должна была собирать для хана большую дань и участвовать со своими всадниками в постоянных войнах монголов в порядке

военной повинности (калан). Эти походы изнуряли и разоряли и без того обнищалое население страны.

Рядом с местными правителями покоренных государств были поставлены монгольские баскаки и даруги (сборщики податей). Многие владения в Закавказье захватили представители монгольской военно-кочевой знати. В Северной Армении Джурмагун взял себе владения князя Шахапшаха с городами Ани и Карс. Чагата-нойон получил область Лори, Молар-нойон — г. Шамхор, Тухате-нойон— владения князя Авага с крепостью Кайян и владения князей Вахрамидов, Аслан-нойон — владения Эликума Орбеляна в Сюнике и т. д. Большинство этих земель были позднее возвращены их прежним владельцам по ходатайству последних перед великим ханом.

Армянские феодалы, чтобы оградить себя от произвола местных монгольских властей, старались выхлопотать неприкосновенность своих владетельных прав у Чингисидов. По словам Киракоса Гандзакского, к хану Золотой орды Батыю потянулись «цари и принцы, князья и купцы и все обиженные и лишенные отечества», он же «по справедливом суждении возвращал каждому из них отнятые у них вотчины и княжества, снабжал их грамотами (ярлыками) и никто не смел сопротивляться его воле»[1].

Атабаг и амирспасалар (высшее правительственное лицо в государстве) Аваг Долгорукий от имени всего Грузинского государства был отправлен царицей Русудан к великому хану, в Каракорум. В результате переговоров Авага с ханом были возвращены владения Авагу, Шаханшаху, Вахраму, Асан-Джалалу и др.

Монгольские ханы специальными ярлыками признали за феодалами права на подвластные им территории, и эти феодалы фактически вышли из подчинения грузинского царя. По словам грузинского летописца, царь из боязни перед ханом не мог смещать своих эриставов. Армянская и грузинская знать и церковь, нашедшие общий язык с завоевателями, стремились примирить народ с существующим положением вещей[2].

Монголы разделили Грузию и вассальную ей Северную Армению на восемь военно-административных единиц — туменов. Каждую из этих частей они поручили грузинским и армянским феодалам — мтаварам и ишханам, ответственным за исправность платежа дани и участие в военных монгольских походах. Часть грузинских и армянских феодалов устраивала заговоры против монгольских ханов (например,

[1] *Киракос Гандзакеци.* История Армении. Тифлис, 1909, древнеармянский текст, стр. 344.

[2] *Ив. Джавахишвили.* История грузинского народа (на груз. яз.), кн. III, Тбилиси, 1941, стр. 260.

в 1249—1250 гг.), но они окончились неудачей и привели лишь к новым опустошениям Грузии и Северной Армении. Южная Армения — бывшие владения шахарменов (бассейн озера Ван и долина р. Евфрат—Арацани) — под названием «Великой Армении» составляла особый вилайет с центром в г. Хлате.

В 1249 г. из Каракорума, ставки великого хана Монголии Гуюка, вернулись претенденты на грузинский престол: Давид, сын царя Георгия IV Лаша, и Давид, сын царицы Русудан, венчанный на царство еще в 1230 г. Царевичи искали разрешения своих споров в ставке великого хана, куда их отправили местные монгольские военачальники. Великий хан утвердил обоих претендентов на царство. Однако этим актом Грузия еще не была разделена на два царства — было лишь два царя на одном престоле.

Но позднее, в 1260 г., грузинские цари в Кутаиси поделили Грузию между собой. Образовались два царства — Лихтимерское (Имеретинское, Западно-Грузинское) и Лихтамерское (Картлийско-Кахетинское, Восточно-Грузинское). Тбилиси, Кутаиси и другие царские города перешли под совместное управление царей.

Произошло некоторое перераспределение земель, бывших в руках грузинских и армянских феодалов. Мельчали одни феодальные владельцы, за их счет выдвигались новые, успевшие при монгольской власти обеспечить свои политические позиции, главным образом лица, служившие чиновниками при монголах — тарханы, хасинджу, откупщики дани, торговцы дорогими товарами, ростовщики и т. д. Они покупали опустевшие земли, где селились хизаны (беглые крестьяне). За счет обеднения мелких азнауров и азатов еще более усилились крупные феодалы.

С утверждением монгольского владычества площадь землевладения в Грузии и Армении сильно сократилась — были потеряны территории, имевшие огромное значение для дальнейшего развития феодального хозяйства. Земледельческое население плодоносных долин Куры, Аракса и особенно Араратской долины все дальше отступало под напором кочевников-степняков, и культурное хозяйство этих территорий с развитой системой орошения уступало место пастбищам кочевников.

Кочевники вытесняли грузинское и армянское население и с высокогорных пастбищ. Побежденным оставались трудно доступные горы и непроходимые леса.

Азербайджан, на прекрасных пастбищах которого поселились приведенные монгольскими завоевателями из глубины Азии кочевники, управлялся непосредственно монгольскими наместниками. Тучные луга Армянского нагорья превратились в эйлаги (летние кочевья)

монгольских военачальников. Летними кочевьями Джурмагуна были горы Малого Кавказа, постоянным местопребыванием — г. Ганджа (ныне Кировабад), довольно быстро восстановленный после разрушения.

Упадок земледелия и усиление скотоводческого кочевого хозяйства на территориях, занятых монгольскими и тюркскими кочевыми племенами, приведенными монголами из глубины Азии, был более значителен в Армении и особенно в Азербайджане. По словам историка Рашид-ад-дина, «области между Ширваном (Шемахой) и Дербендом были до того опустошены, что жители были перебиты или разбежались, и земли оставались в запустении». По словам того же автора, к началу правления Газан-хана (1295) в Азербайджане с Ширваном только десятая часть земель была обработана.

В 1253—1254 гг. по распоряжению великого хана Мункэ (иначе Мангу-каан) была произведена перепись населения во всех подвластных Монгольскому государству землях, в том числе и в Закавказье. Перепись преследовала, кроме фискальных, также военные цели. С этого времени грузинский и армянский крепостной обязан был нести военную службу в дальних монгольских походах.

Монгольская дань всей тяжестью легла на непосредственных производителей, которые искали улучшения своей доли в бегстве, становились богано и хизанами.

На народ легла и военная повинность. С каждых девяти крестьянских хозяйств монголы брали одного воина. Северная Армения, например, должна была поставлять 30 000 всадников; следовательно, ее население достигало 270 000 крестьянских хозяйств.

Разоренные и опустошенные страны Закавказья не могли восстановить производительные силы. Неслыханно высокие подати, наложенные завоевателями, еще более возросли после переписи.

Переписи было подвергнуто все мужское население от десятилетнего до шестидесятилетнего возраста. С каждого человека, который был внесен в реестровую книгу (дафтар), взыскивали по 60 белых (т. е. серебряных монет. Уклонявшихся от учета подвергали жестоким пыткам, «связывали им руки назад, секли зелеными прутьями до того, что все тело обращалось в одну болячку, покрытую кровью. После этого выпускали на истощенных и истерзанных христиан свирепых собак, приученных ими к человеческому мясу»[1]. Если доведенный до нищеты крестьянин не имел средств уплатить поборы, то его дети уводились в рабство.

Подати были наложены также на ремесленников в городе и деревне,

---

[1] *Григор Акнерци*. Инок Магакия. История народа стрелков. СПб., 1870, древнеармянский текст, стр. 22.

рыбаков, а также на рудокопов, кузнецов и красильщиков. Монгольские власти захватили все рудные разработки и соляные копи (Кохбские и др.).

За сбор налогов были ответственны сборщики податей, перед которыми открывалось обширное поле для злоупотреблений. В монгольских государствах широко практиковалась отдача сборов, взаимавшихся с определенной области, на откуп, чаще всего отдельным купцам или даже купеческим компаниям, состоявшим обычно из мусульман. Киракос Гандзакский упоминает «отчаянных разбойников» из персиан и арабов, которые особенно безжалостно поступали с христианами[1]. Откупщик вносил в монгольский диван определенную сумму, которую он со значительным превышением взыскивал с населения. Взимание налогов давалось на откуп также армянским князьям, которые «грабили и обирали бедных и на эти поборы покупали себе дорогие одежды, облекались в них, ели, пили и заносчиво вели себя»[2].

Основными налогами в пользу монгольской казны были: имущественный (мал), подушный (тагар) и военный (калан). Мал — известная доля дохода со всего имущества крестьянина, которая обычно делилась между местным землевладельцем (пароном) и монгольской казной. Тагар — подушная подать, введенная Хулагу-ханом. Этот налог, по словам Киракоса Гандзакского, состоял в том, что «со всякой головы, вошедшей в государственные списки», требовали: 100 литров пшеницы, 50 литров вина, два литра риса и ценцат, три мешка, две веревки, одну белую монету, стрелу, подкову, кроме других взяток. Тагар взимался также со скота в количестве одной головы с каждых 20 голов. Разновидностями этого налога являлись упоминаемые в анийских надписях: «тагар с быков» и «тагар с гумна». Термином «калан» в Армении и Грузии обозначалась воинская повинность или денежный налог, с помощью которого богатые могли избежать отправления на войну.

Таковы были основные налоги с земледельческого оседлого населения. Со скотоводческих — кочевых и полукочевых хозяйств взимался особый налог, так называемый кубчур. С десяти голов скота одна отбиралась для казны. Позднее кубчуром называли также вообще прямой подоходный налог с земледельцев и скотоводов.

Особенно тяжелым для населения был «тарх» — поставки продовольствия для войск. Военным отрядам, расположенным в данной местности, провиант и фураж должно было доставлять местное население. Весьма тяжелой была повинность постоев.

Налог с торговли и ремесла в городах и сельских местностях назывался «тамга» (арм. «баж»). Сборщик этого налога (тамгачи) налагал на

[1] *Киракос Гандзакеци*. Указ. соч.. стр. 297.

[2] Там же, стр. 303.

продаваемые товары тамгу, т. е. таможенное клеймо. Существовали внутренние пошлины на заставах с привозимых товаров (арм. «дрнагир»).

Постоянные злоупотребления монгольских чиновников усиливали разорение края и приводили народ к обнищанию.

Наряду с этими податями существовала местная налоговая система. В Армении, например, крестьяне были обязаны отбывать барщину в хозяйстве парона (армянского феодала) и священника, уделять часть урожая (птуг) в пользу церкви.

В этот период монастырское хозяйство обнаруживало признаки роста, что было обусловлено привилегиями, которые получало духовенство от монгольских ханов[1]. Церковь в свою очередь оказывала монгольским завоевателям большие услуги, призывая народ к повиновению и христианскому смирению перед новыми правителями.

Особым покровительством со стороны монголов пользовались также богатые купцы и ростовщики. Таким был, например, крупный купец и ростовщик Умек, родом из Маназкерта, поселившийся в Тбилиси. Мункэ-хан «отличил его письмом» (дал ему льготы), и поэтому вельможи «чтили его». Не меньшими привилегиями пользовались богатые купеческие дома: сыновья Саравана, Шнорхавора и Мкртича. Они также были освобождены ханом от налогов.

Политика монголов имела целью ослабление царской власти и натравливание одной части знати на другую. Хозяйничание монголов и их ставленников в стране возмущало армянскую и грузинскую знать, но всякая попытка открыто выразить недовольство подавлялась.

Если знать думала прежде всего о своих привилегиях и правах, то народные массы, задавленные тяжестью непосильной эксплуатации и гнетом чужеземных и своих феодалов, боролись за свободу страны, за человеческое существование. Крестьянские движения в Армении часто носили религиозно-сектантский характер. В цепи этих движений одним из ярких эпизодов является движение крестьян в Верхнем Хачене (1250). Здесь недалеко от замка Андаберд, в селении Цар (ныне Исти-су в верховьях р. Тертер), по словам Киракоса Гандзакеци, «появился лжеучитель по имени Давид». Он был уроженцем селения Гарни, «из бедняков и обнищавших» и содержал принадлежавшую деревне и взятую им в аренду водяную мельницу.

Давид собрал вокруг себя недовольный монгольскими баскаками и армянским духовенством народ и выступил против феодальной знати, служившей иноземным захватчикам. Из туманных сообщений Киракоса можно заключить, что среди единомышленников Давида господ-

[1] *Киракос Гандзакеци.* Указ. соч., стр. 350.

ствовали идеи примитивного имущественного равенства, вследствие чего крестьяне поровну делили между собой имущество, отобранное у господ. К Давиду примкнула и часть азатов, т. е. мелких феодалов, а также низшего духовенства, боровшегося с церковной аристократией. В глазах угнетенного народа Давид слыл «отшельником» и «чудотворцем», который должен был исцелять народ от социальных недугов.

Движение это настолько расширилось, что армянское духовенство прибегло к репрессиям. В дело вмешался вардапет Ванакан, епископы Ахпата, Дади-ванка и других мест. Но действия духовных феодалов встретили активное сопротивление восставших крестьян. По словам одного из феодалов, «восстала вся многочисленная чернь с мечами и дубинками и хотела убить их», и феодалы вынуждены были бежать, предав «дерзкую чернь» «страшному проклятию». В конце концов движение было подавлено[1].

Но это и последующие народные движения в Закавказье ясно обнаружили, что свободолюбивые грузинский, армянский и азербайджанский народы никогда не смирятся с властью иноземных захватчиков.

3

НАРОДЫ ЗАКАВКАЗЬЯ ПОД ВЛАСТЬЮ МОНГОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА ХУЛАГИДОВ

В 1256 г. с согласия великого хана монголов Мункэ был образован особый монгольский улус, в состав которого вошли нынешний Туркменистан (до Аму-Дарьи), Закавказье, Персия и переднеазиатские области. Этот улус достался брату Мункэ — Хулагу-хану. Его потомки — Хулагиды — с титулом ильханов («повелителей народа»), или каанов, управляли улусом в течение почти целого столетия (1256—1353).

Хулагу-хан (1256—1265) взял Багдад, казнив при этом последнего халифа Аббасида Мустасима[2] (1258), покончил с исмаилитами, взяв их твердыню Ала-Мута. Сельджукское султанство в Руме (Малая Азия), Трапезундская империя, Армянское царство Рубенидов в Киликии у Средиземного моря подчинились государству Хулагидов. Страны Закавказья достались Хулагу-хану после упорной войны (1262) с ханом Золотой орды Берке.

[1] *Киракос Гандзакеци.* Указ. соч., стр. 306—312.

[2] В 1152 г. халифы Аббасиды (халиф Муктафи), сохранявшие в течение 200 лет (945—1152) только духовную власть, пользуясь ослаблением Сельджуков, снова захватили светскую власть в Ираке арабском и восстановили халифат, как государство.

Войны за обладание Закавказьем между двумя монгольскими государствами — Хулагидским и Золотоордынским (Джучидским) велись и позднее (1265, 1288, 1290, 1318, 1320 и др.) и сопровождались сильным разорением стран Закавказья. Войны велись с переменным успехом, но в конце концов Закавказье осталось за государством Хулагидов. Границей между обоими государствами был главный Кавказский хребет.

Центром Хулагидского государства был Азербайджан, столицей при Хулагу-хане — г. Марага, потом г. Тебриз (1265—1305). Лучшие пастбища для кочевий монголов и пришедших с ними тюркских кочевых племен находились в Азербайджане и Армении: зимние пастбища (кышлаги) — в Муганской и Карабагской степях с их теплой зимой, а летние пастбища (эйлаги) — на прохладных высокогорных лугах в Карадаге (Азербайджан) и Алатаге (Армения). Здесь же была удобная база для борьбы с Золотой ордой. При ильхане Ольджайте, иначе Худабендэ-хане (1304—1316), столица была перенесена в новый город Султаний, основанный еще при ильхане Аргуне (1284—1291).

Государство Хулагидов не было централизованным. Власть хана как верховного сюзерена была ограничена многочисленными его вассалами — местными крупными и мелкими владетельными феодалами, так называемыми «меликами стран» или «меликами племен», частью прежними, частью новыми, получившими пожалование от ильхана. В распоряжении хана была исполнительная власть — центральные ведомства (диваны) и везиры; бюрократический аппарат был унаследован монголами от прежних государств Передней Азии. Государственными языками были уйгурский (один из тюркских языков восточного Туркестана) и персидский. На местах действовали монгольские чиновники (даруга, ведавший сбором податей, и шахнэ — гражданский правитель).

В странах Закавказья меликами считались цари Грузии, затем их вассалы — грузинские атабеги в Самцхэ, в Северной Армении армянские ишханы — князья Захариды (Мхаргрдзели) в Лори и Шираке, Айрарате и Гелакуни, князья Орбеляны в Сюнике (нынешний Зангезур), армянские князья Хасан-Джалаляны в Хачене (нынешний Нагорный Карабах), затем ширваншахи — Кесраниды и др. Только юг Азербайджана и часть территории между рр. Курой и Араксом управлялись непосредственно ильханами, местные феодальные владетели здесь были устранены завоевателями.

Правящая феодальная верхушка складывалась из четырех групп: военно-кочевой знати монголо-тюркского происхождения, ильханской бюрократии, старых местных владетельных феодалов (меликов) и высшего христианского и мусульманского духовенства в странах Закав-

казья. Независимо от границ владений местных меликов государство делилось на военно-административные округа: вилайеты (большие области)[1], тумены, нахии (районы). Армия пополнялась главным образом воинами, выставляемыми кочевыми племенами, разделенными на «тысячи» и «сотни».

Господствующая верхушка завоевателей — эмиры (нойоны, беки) туменов, эмиры тысяч, эмиры сотен—принадлежала к феодализирующейся военно-кочевой племенной знати.

Ильхан время от времени созывал их вместе с царевичами и членами дома Хулагидов на курултай. На курултае совершалась церемония возведения на престол нового ильхана (на «великом курултае» в 1266 г. был возведен на престол сын умершего Хулагу-хана — Абага-хан), обсуждались военные предприятия, распределялись между главными военачальниками захваченные земли.

В Закавказье монгольское владычество оставило значительные следы. Степи Муганская, Карабагская и Ширванская, т. е. добрая половина Азербайджана, были заселены кочевыми и полукочевыми племенами завоевателей. Развитие общественных отношений здесь шло медленнее, патриархальные отношения здесь были еще очень значительны как при монголах, так и позже.

В то время, как Грузия и Армения — страны с развитым феодальным хозяйством и социальным строем, в результате татаро-монгольского завоевания переживали период катастрофического упадка производительных сил и все более усиливавшийся процесс обнищания непосредственных производителей, — крепостных крестьян, среди военно-кочевой знати завоевателей, наоборот, углубляется процесс феодализации, ускоряется переход от племенного строя к полупатриархально-полуфеодальным отношениям.

Монголы распространили свое влияние на кочевников, одновременно подчинили себе и азербайджанские и многие армянские селения с оседлым земледельческим населением (райяты)[2], в которых сами, однако, не жили, продолжая кочевать; с райятов они взимали ренту; эксплуатация райятов в то же время была главным источником государственных налогов.

---

[1] В Закавказье и в соседних областях их было пять: Грузия и Северная Армения (включала территорию Карсской области и Нагорного Карабаха); Великая Армения (область к югу от Аракса), Ширван, Арран и Муган, Азербайджан. См Хамдаллах Казвини, Нузхат аль-Кулюб, изд. Gibb. memorial series, т. XXIII (I), перс. текст, стр. 75—96.

[2] Буквальное значение арабского слова «райят» (подданный) в более узком смысле получило значение «человека из податных сословий», «простолюдина», «крестьянина», «земледельца» (не кочевника).

* * *

Жестокая фискальная система, а также пестрота в хозяйственном и общественном строе были причиной медленного роста производительных сил и застоя хозяйства. Вследствие этого феодальные отношения среди военно-кочевой знати развивались неравномерно и долго уживались рядом с патриархальными и полупатриархальными порядками.

При монгольском владычестве XIII—XIV вв. существовали следующие виды феодального землевладения: во-первых, земли дивана (казны), дававшиеся во временное управление и кормление чиновным людям. Во-вторых, земли инджу (иногда их называли смешанным арабско-монгольским именем «хас-инджу», буквально—«личный», «собственный», «особый»), принадлежавшие с сидевшими на них людьми лично ильхану и членам ильханской семьи, а также земли феодалов, находившихся под особым покровительством ильхана или его семьи. Земли таких феодалов также именовались «инджу» и соответствуют «тэруни» армянских надписей. В-третьих, земли вакфы (а также водные каналы, лавки, ремесленные мастерские с зависимыми ремесленниками и т. д.), принадлежавшие мусульманским религиозным учреждениям — мечетям, медресе, ханэкахам (обители дервишей-суфиев, т. е. аскетов-мистиков), мазарам (гробницы святых) и т. д.; к вакфам же относились и многочисленные земли христианских армянских монастырей. В-четвертых, частновладельческие земли (мильк или арбаби), которые можно было продавать, дарить и передавать по наследству. Наконец, особую группу земель составляли военные лены, обозначавшиеся старым арабским термином «икта». По словам историка Рашид-ад-дина, Газан-хан приказал выделить населенные земли под икта для монгольских воинов и в первую очередь для кочевых племен, несших военную службу.

Под икта выделялись целые округа, отдававшиеся в распоряжение эмиров туменов и тысяч, которые часто одновременно были и главами кочевых племен. Эмиры выделяли доли икта (кисм) командирам и воинам в зависимости от их достоинства и чина. Монгольский военный икта был наследственным. «Когда из этих людей (воинов.— *Ред.*),—гласит приведенный Рашид-ад-дином ярлык Газан-хана 1303 г.,—кто-либо умрет, то надобно одного из его сыновей или родичей сделать его преемником, передать ему икта покойного...»[1]

Но икта нельзя было продавать. Эмир тысячи мог в установленных случаях распоряжаться долями икта своих подчиненных. «Если кто-нибудь в десятке или сотне,—гласит тот же ярлык Газан-хана,—из-

---

[1] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей, т. III, М.—Л., 1946, стр. 284.

менит установленный ясак (нарушит закон.— *Ред.*), то пусть начальники тысяч и сотен... отдадут его икта другому, кто может нести службу, занесут в реестр на его имя...»[1] Таким образом, между владельцами военных икта создавались отношения, похожие на вассалитет. Согласно ярлыку Газан-хана, владельцы икта имели право взимать с райятов в свою пользу все подати, какие раньше шли в диван. Владельцам икта предоставлялись не только обработанные или пустопорожние земли с сидевшими на них общинами райятов, но и вода, т. е. право распоряжаться оросительными каналами.

В государстве Хулагидов больше всего военных икта было в Азербайджане. Целые округа были выделены под икта в областях Ширван и Гуштасфи (низовья Куры и Аракса)[2]. Последний район славился прекрасной оросительной сетью, здесь был большой канал между Курой и Араксом, от которого отходили боковые каналы; на нем было расположено много селений с полями пшеницы и риса; хлопковых посевов было мало. Под военные икта был отведен округ Азербайджана Пишкин. Доходы владельцев икта этого округа составляли ежегодно до 50 000 динаров, тогда как ежегодные доходы казны с прочих земель того же округа составляли только 5000 динаров[3].

Распространение военных икта именно в Азербайджане легко объясняется стратегическими соображениями.

В условиях полного произвола сборщиков податей особое значение приобрел институт патроната — коммендация, которая широко распространилась в державе ильханов. Чтобы избавиться от произвола сборщиков податей, феодалы и города отдавали себя под покровительство ильхана или других членов царствующего дома. Так владения местной знати постепенно переходили в разряд «удельных имений» (хас-инджу), а их владельцы — в личную зависимость от ильхана, его жен, царевичей и других членов ханской семьи Чингисидов-Хулагидов. Землями и людьми инджу (или хас-инджу) ведал особый диван.

Нескончаемая вражда между золотоордынскими ханами и ильханами отражалась на политическом положении и армянских владетелей, особенно тех, которые отправлялись к золотоордынскому хану за получением ханских ярлыков. Хулагиды к ним всегда относились с подозрением. Чтобы спасти владельческие права, крупные армянские феодалы стремились перевести свои владения в разряд «удельных имений» —

[1] *Рашид-ад-дин.* Указ. соч., т. III, стр. 284.

[2] *Хамдаллах Казвини.* Нузхаталь-кулюб, изд. Gibb memorial series, т. XXIII, ч. I, перс. текст, стр. 392—393.

[3] Там же, стр. 382.

тэруни (т. е. в «хас-инджу»). Феодал в таких случаях становился под особое покровительство ильхана или его семьи.

Особого положения при дворе монгольских ханов достигали те, которые получали иммунитетные грамоты — «тарханные ярлыки» и награждались «золотой пайцзой». Типичным является случай с Смбатом Орбеляном (князь Сюника в 1250—1273 гг.). В 1251 г. он отправился в Каракорум к «великому хану» Мункэ. «После того,— пишет Степаннос Орбелян,—дали ему (Смбату) золотую пайцзу, т. е. доску с начертанными на ней именами бога и царя: это было знаком высшего у них почета; написали ему ярлык, т. е. предписание, то, что мы называем сигел, и даровали ему все, что (монгольский военачальник) Аслан взял мечом: Оротн с принадлежащими ему областями в уделе Бачунуина и его вельмож, и крепость Боротн с ее окрестностями, как вознаграждение за кровь отца его Липарита, убитого в том месте. Кроме того, имя Смбата было вычеркнуто из всех дафтаров Грузии и других»[1]. В 1256 г., когда Смбат Орбелян вернулся от великого хана, имея в руках ярлык и золотую пайцзу; представитель монгольской власти в Закавказье Бачу-нойон и Аслан-нойон, занявшие со своими вельможами владения Орбелянов, должны были их освободить.

Таким же особым покровительством со стороны великих ханов пользовалось и духовенство. Например, тот же Смбат Орбелян в бытность свою в Каракоруме получил полномочие «освободить от поборов все армянские церкви и священников»[2].

Армянская феодальная церковь, пользовавшаяся при монголах большими привилегиями и освобожденная от налогов, прибрала к рукам земли мелких армянских феодалов, разорявшихся от произвола сборщиков податей. Отдавая себя под покровительство церкви, землевладелец все имущество (или часть его, в первую очередь земельные богатства) закреплял за монастырем, обычно за тем, который находился на территории его владений, как «дар». Передача имения под покровительство церкви скреплялась юридическими документами и надписями на стенах храмов. Почти все эти земли обычно навсегда оставались за монастырями.

* * *

Положение крестьян как в церковных, так и в светских владениях при монгольском владычестве было исключительно тяжелым. Особенно тяжело жилось крестьянам на землях дивана и вакуфных, так как

[1] «История монголов по армянским источникам», перевод К. Патканова, вып. 1, СПб., 1873, стр. 39—40.

[2] Там же, стр. 40.

управляющие ими сановники и духовные лица, пользуясь доходами временно, старались выжать из них возможно больше; целые районы приходили в запустение[1]. Чтобы поднять свои доходы, правительство иногда продавало земли дивана знати, превращая эти земли в мильки. Кроме крестьян, плативших только подати государству и ренту хозяевам, были еще крестьяне-издольщики, снимавшие у феодалов землю мелкими участками за определенную долю урожая. О положении таких издольщиков в Закавказье точных данных нет, но судить о нем можно по тому, что известно об издольщиках, сидевших на землях дивана в Ираке арабском: треть урожая отбирал диван, треть — владелец (может быть, управитель) и только треть оставалась самому крестьянину.

Ко времени монгольского владычества относятся указания на прикрепление крестьян к земле в Азербайджане. Цитированный уже ярлык Газан-хана гласит: «Ра'иятов, разбежавшихся тридцать лет тому назад из переданных им [войскам]... деревень и не вошедших в подушную перепись других областей..., пусть возвратят обратно, у кого бы они ни находились. Если и у них (воинов) окажутся ра'ияты из других областей, то пусть они этих людей тоже возвратят обратно и решительно никоим образом не допускают к себе ра'иятов других областей..., не оказывают им покровительства и не допускают их в свои деревни»[2]. Беглых райятов было так много, что для сбора и водворения их на места посылались военные команды. О таких же порядках в Армении до монгольского завоевания есть данные, нашедшие свое отражение в Судебнике Мхитара Гоша. Из того же указа Газан-хана видно, что владельцы военных икта иногда принудительно переводили крестьян из одного своего селения в другое, хотя это запрещалось законами Газан-хана, и даже называли райятов своими невольниками (асир).

Владельцы икта, не довольствуясь своими землями, насильно захватывали и земли частных владельцев (арбаб) и крестьянских общин под тем предлогом, что через эти земли проходит вода для орошения земель икта и что эти земли находятся в округах, выделенных под земли икта. Рента (маль) взималась в продуктах, но иногда исчислялась, а местами и взималась в серебре. Таким образом, икта, бывший в X—XI вв. в Средней Азии и Азербайджане пожалованием только ренты, при монголах стал также пожалованием земли, воды и крестьян.

Особенно тяжело приходилось крепостным крестьянам. В растущих монастырских хозяйствах экономический подъем достигался

[1] *Хамдаллах Казвини*. Тарих-и-Гузидэ, изд. Gantin, т. I, перс. текст, стр. 356.
[2] *Рашид-ад-дин*. Указ. соч., т. III, стр. 283—284.

ценой бесчеловечной эксплуатации крестьян, что нередко вызывало восстания. Характерным является движение Давида из Цара, о котором уже говорилось выше.

Барщинные работы в пользу владельцев не были велики, поскольку господское хозяйство было незначительно или даже совсем отсутствовало, но зато крестьян-земледельцев (райятов) обременяли принудительными работами в пользу государства по прокладке дорог, рытью и поддержанию каналов, постройке крепостей и других сооружений. «Нельзя описать,— говорит Рашид-ад-дин,— сколько ослов ежегодно брали у ра'иятов, купцов и прочих, и скольким тысячам ра'иятов ломали головы, руки и ноги...»[1]

Хулагу-хан на месте летних кочевок тюрко-монгольских орд в Аладаге в Армении основал новый город. Для постройки домов и дворцов было собрано множество народа издалека. «Жестокие и суровые надсмотрщики,— пишет Киракос Гандзакский,— привели к изнеможению не только людей, но и скот: сотни быков едва могли сдвинуть с места бревно, так оно было велико и толсто. Но не менее затрудняла их дальность пути через горы и реки. Люди и скот падали под беспощадными ударами»[2]. Рашид-ад-дин говорит, что «Хулагу-хан, Абага-хан и Аргун-хан хотели выстроить несколько дворцов в Аладаге, Урмии и Сарай-Мансурийэ в Арране, построить город или провести оросительный проток,... из-за этого многие области разорялись еще пуще, расходовались несметные средства и сгоняли принудительно ра'иятов из других областей на трудовую повинность. Но ни одно из мест не стало благоустроенным, и постройки не доведены до конца»[3].

Крестьяне селений, расположенных по большим дорогам, должны были обслуживать почтовые станции (ямы) лошадьми, мулами и т. д. Исключительно тяжела была постойная повинность: крестьяне обязаны были не только предоставлять помещение и прокорм разным посланцам ильхана (ильчи) и проезжим чиновникам с их слугами и лошадьми, но и исполнять все их прихоти. На практике такие постои почти всегда сопровождались вымогательствами, а нередко и избиениями крестьян, насилиями над женщинами и т. д.

Тяжелое положение крестьян толкало их на борьбу с угнетателями. Рашид-ад-дин говорит об обилии «разбойничьих шаек». Из его описаний ясно, что «разбойничеством» ильханские власти называли освободительную борьбу эксплуатируемых: «шайки разбойников» располагали укрывателями, лазутчиками и проводниками «в каждом роду

[1] *Рашид-ад-дин.* Указ. соч., т. III, стр. 307.
[2] *Киракос Гандзакеци.* Указ. соч., стр. 379—381.
[3] *Рашид-ад-дин.* Указ. соч., т. III, стр. 309.

кочевников и оседлых жителей деревень», к «шайкам» приставали «беглые рабы», «городские подонки и чернь». При нападениях на караваны, по словам Рашид-ад-дина, «разбойники» кричали: «у кого нет ничего, или есть мало, до тех нам дела нет»; бедняки отходили в сторону, а у знатных и купцов «разбойники» отнимали ценности и имущество.

Рабство еще не было изжито. При завоевании стран монголы уводили большие массы пленников обоего пола в рабство. В цитированном ярлыке Газан-хана читаем: «а остальное (целинные земли.—*Ред.*) обрабатывают (владельцы икта.—*Ред.*) своими пленниками, рабами, рабочим скотом и семенами»[1]. Правда, мы не знаем, работали ли эти рабы в господских хозяйствах или сидели на выделенных им участках на оброке. В государстве Хулагидов в огромных размерах применялся труд ремесленников-рабов в государственных мастерских (перс. «карханэ», букв. «работный дом»). Из одного ярлыка Газан-хана видно, что рабы-ремесленники должны были сдавать в диван весь продукт своего труда, получая продовольственные пайки. Так как такой труд был малопроизводителен, Газан-хан прекратил выдачу пайков и перевел ремесленников-рабов на определенный оброк, по сдаче которого в диван они могли работать и на себя. Домашнее рабство продолжало существовать, как и раньше, и попрежнему массы рабов вывозились в разные страны Азии.

Наряду с ремесленниками-рабами, работавшими в карханэ, в городах Закавказья, как и во всей Передней Азии, были и свободные ремесленники, объединенные в цеховые организации с выборными старшинами во главе. Кроме того, среди ремесленников Закавказья и других стран Передней Азии существовали братства молодых людей—ремесленных подмастерьев (так называемые «ехбайрутюн», «футувва») сапожников, седельщиков, ножевщиков, оружейников, мясников и др. Среди мусульманского населения особенностью таких братств была их тесная связь с дервишами-суфиями, которые в XIV—XV вв. нередко выступали как идеологи антифеодальных движений. Члены братств подмастерьев нередко вели борьбу с городской знатью и не останавливались перед убийством чиновников.

* * *

В этот период в Закавказье, особенно в Армении, наблюдается в ряде случаев переход земельных богатств хиревшей феодальной знати к купцам и ростовщикам. В результате монгольских нашествий и произвола сборщиков податей пустели целые области. От насилий баскаков население бежало в другие страны. Обнищавшие фео-

[1] *Рашид-ад-дин.* Указ. соч., т. III, стр. 283.

далы находили более выгодным продавать покинутые крестьянами земли. Цена на землю сильно пала. Земли эти концентрировались в руках купцов и тех феодалов, которые были связаны с ними.

Об этом красноречиво говорит в своей надписи от 1283 г. сын крупного армянского купца Умека, Чар: «...Я, Чар, сын парона Умека, внук Чара, выходец из Маназкерта; во время владычества Кара-нуина и в царствование в Грузии царя Димитрия Багратуни отцом моим Умеком был куплен Гетик за сорок тысяч красных дукатов. Я же, Чар, купил [селение] Овк[1], со всеми его окрестностями, в тяжелое время, когда имения (отчины.—*Ред.*) стоили дешево, а золото дорого, за четыре тысячи красных дукатов и отдал в дар Гетикской [церкви] богородицы»[2].

Купцы, в частности армянские, поддерживали широкие связи с купцами Венеции и Генуи, которые заключали специальные договоры с армянскими царями Киликии, предоставлявшими им привилегии по торговле шелком и невольниками в Леванте. В державе Хулагидов купцы были тесно связаны с ильханами, феодальной знатью и государственным аппаратом. Из них назначались крупные чиновники, им передавались большей частью на откуп налоговые сборы с населения. В городах вновь возникали крупные купеческие дома. Таким был в Армении вышеупомянутый торговый дом Умека.

Но рост караванной торговли с Западной Европой не означал экономического процветания государства Хулагидов, ибо «самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества»[3]. Развивались и богатели сравнительно немногие города и районы, лежавшие на караванных путях, и не столько вследствие развития производительных сил внутри страны, сколько благодаря транзитной торговле и эксплуатации других областей. При монголах торговля городов Закавказья с Русью и Восточной Европой (через Дербенд) упала до минимума вследствие частых войн Хулагидов с Золотой ордой.

Пролегавший раньше (в IX—XII вв.) через Закавказье караванный путь (Малая Азия — Ани — Тбилиси — Ганджа — Бердаа — Бейлакан— Персия) уступил свое значение более южному пути, соединявшему Персию с портами Черного и Средиземного морей. Этот путь пролегал по территории Южной Армении через пункты Тебриз—Джуга (Джульфа у переправы через р. Аракс) — Нахчеван — Ала-даг (ныне Старый Баязет)—Багаван, Болорпахак (ныне Кеприкей)— Карнукалак (ныне Эрзерум). Отсюда караванный путь разветвлялся. Одна ветвь вела через

[1] Ныне селение Дилижан.

[2] *К. Костанянц*. Летопись на камнях. СПб., 1913, стр. 124—125.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Капитал, т. III, 1950, стр. 340.

Баберд к черноморскому порту Трапезунду, столице Комнинов. Другая ветвь направлялась в города Ерзнка (Эрзинджан) и Сивас (Себастию), откуда через киликийский Тавр вела к главному порту киликийской Армении — Айасу. Из Тебриза в Карнукалак существовал другой путь через города Хой, Арджеш и Маназкерт[1].

Тебриз в Азербайджане вырос в большой и богатый город, обнесенный стенами в 30 000 шагов в окружности. Тебриз был крупным центром не только транзитной торговли, но и ремесленной промышленности. Венецианец Марко Поло, проезжавший через Тебриз в 1286 г., говорит, что там производились парчевые и шелковые ткани, продавались жемчуг и драгоценные камни. Города же собственно Закавказья захирели, оставшись в стороне от главных путей караванной торговли. По словам Рашид-ад-дина, в городах Ширвана и некоторых других областей до времени Газан-хана из каждых десяти домов пять стояли необитаемыми. Почти ничего не известно о Гандже и Шемахе, а о Баку известно только то, что там добывалась нефть, которую монголы довольно широко применяли в военной технике. Место шемахинского шелка на мировом рынке занял гилянский. Торговлю этим шелком с Европой старались монополизировать генуэзцы, которые в конце XIII в. завели торговый флот на Каспийском море. Правители Азербайджана оказывали покровительство армянским купцам.

Дербенд, разрушенный монголами в 1239 г., занимал только часть прежней площади. Бердаа в Азербайджане, когда-то крупнейший город Закавказья, в XIII в. мало отличался от деревни.

Упадок городов Закавказья в XIII—XIV вв. явно заметен на примере столицы Армении — г. Ани. Надпись 1301 г. на армянском языке местного вассального армянского князя Агбуги (из династии Захаридов) гласит, что этот князь, прибыв в Ани, «увидел город обнищавшим и в ужасном состоянии, ибо наложены были большие налоги, которых вначале не было». Агбуга отменил три вида податей. Тем не менее из более позднего указа монгольского ильхана Абу-Саида, высеченного на стене анийской мечети Мануче, видно, что в Ани и других областях местности «стали приходить в запустение, люди из простого народа рассеялись, старшины города и области имущество недвижимое (мильк.— *Ред.*), движимое (асбаб.— *Ред.*) и семьи свои покинули и ушли»[2].

Около 1335 г. ильхан Абу-Саид превратил Ани в свое личное владение, его уполномоченные, армянские пароны Григор-ага и Ованес-

[1] См. *Я. А. Манандян.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1930, стр. 196—199.

[2] См. *В. В. Бартольд.* Персидская надпись на стене анийской мечети Манучэ. СПб., 1911.

ага, отменили в Ани подати. Но эта льгота не спасла Ани — город уже в XV в. превратился в бедное селение. Основной причиной упадка Ани, как и других городов Закавказья, живших главным образом транзитной торговлей, была хищническая фискальная политика Хулагидов. Некоторую роль играло перемещение торговых путей к югу.

На фоне общего упадка экономической жизни Закавказья выделяется территория, принадлежавшая Орбелянам (нынешний Зангезур и соседние районы), где наблюдался некоторый подъем производительных сил. Об этом свидетельствуют богатые храмы и дворцы, возникшие в пору монгольского владычества. Орбеляны приобрели от «великих ханов» и ильханов право иммунитета, что давало им возможность бо́льшую часть выкачиваемых из трудящихся доходов оставлять себе. К тому же горные теснины Сюника сравнительно с другими армянскими областями мало пострадали от монгольских нашествий. У переправы через Аракс в XIV—XVI вв. процветали г. Джуга и торговые местечки Дашт-Акулис, Вананд, Апарнер, Ордубад, Мегри, Азат-Гиран, Апракунис и др. Сюник, как и ныне, был известен своими медными рудниками.

Некоторые города Закавказья, например Бейлакан, разрушенные монголами при завоевании, так и не были восстановлены. Газан-хан пытался в фискальных целях поднять благосостояние городов; при нем строились некоторые города (Махмудабад в Азербайджане у Каспийского моря). Но уже при ильхане Абу-Саиде заметен новый упадок.

Монгольские ильханы не собирали при своем дворе поэтов-одописцев, но приглашали практически нужных специалистов — законоведов, языковедов, астрономов, ценимых, впрочем, больше в качестве придворных звездочетов (астрологов), знатоков финансового дела (ими были чаще всего купцы). Очень дорожили ильханы придворными историками, задача которых была — восхваление деяний Чингис-хана и его потомков—Хулагидов. Во время господства монголов развивалась историография. Исторические труды писались на официальном персидском языке. Здесь надо отметить исторические труды секретаря Хулагу-хана — Джувейни (умер в 1283 г.), везира Газан-хана и Ольджайту-хана — Рашид-ад-дина (казнен в 1318 г.), Вассафа, Хамдаллаха Казвини, автора «Избранной истории» (около 1330 г.) и географического труда «Нузхат-аль-кулюб» — «Услада сердец» (около 1340 г.). Большой труд Рашид-ад-дина «Собрание летописей» («Джами-ат-таварих») оставил значительный след в феодальной историографии Востока той эпохи. Он был задуман как всемирная история. К сожалению, до нас дошла только часть этого труда. В труд Рашид-ад-дина включено собрание ярлыков Газан-хана.

* * *

Царствование Хулагу-хана было заполнено опустошительными войнами с золотоордынским ханом Берке, которые велись главным образом на территории Азербайджана. Но и Грузия с Арменией очень страдали от этих войн, так как монголы требовали с этих стран в огромном количестве вспомогательные войска. Собиравшиеся по приказу ильхана ополчения грузинских, армянских и азербайджанских феодалов должны были участвовать в походах Хулагу-хана не только против Золотой орды, но и против мамелюков Сирии, против исмаилитов («ассасинов») Ала-мута (в Северной Персии), против Багдада. Население, чтобы чуть ли не ежегодно снаряжаться в поход, принуждено было продавать работорговцам своих детей. Еще хуже было положение тех, кого монгольские военачальники брали «в хашар» — «в толпу», т. е. на осадные и обозные работы. Взятые в эти «толпы» люди погибали почти поголовно.

Главная тяжесть податей, сбором которых ведал «великий диван» в Тбилиси, падала на крестьян, ремесленников и городскую бедноту. В Грузии и Северной Армении особенно велики были притеснения баскака Аргуна и даруги Ходжа-Азиза, перса-откупщика. В Тбилиси всякая покупка, не исключая и покупок для грузинского царского двора, облагалась пошлиной. Киракос Гандзакский говорит, что и местные «князья и владетели областей содействовали им (монгольским даругам.— *Ред.*) при мучениях и вымогательствах, причем и сами наживались».

Хулагу-хан ценил только нужные завоевателям отрасли культуры побежденных. В азербайджанском городе Мараге по его распоряжению была основана астрономическая обсерватория; заведывание ею было поручено ученому Насир-ад-дину Тусскому; библиотека и инвентарь обсерватории стоили 20 000 динаров, в ней работали персидские и даже китайские астрономы, занимавшиеся и астрологией.

Преемник Хулагу, Абага-хан (1265—1282) продолжал борьбу с Золотой ордой. Для защиты своего улуса от нашествий он велел соорудить по берегам Куры заградительные валы. Ближайшие преемники Хулагу-хана не отличались государственными способностями. При них хозяйственный упадок еще более усилился.

В правление Кейхату-хана (1291—1294) была сделана попытка поправить финансы государства путем введения бумажных денег (чау), заимствованных из Китая. Мера эта ни к чему не привела, хотя отказ принимать бумажные деньги грозил казнью. Ханская власть превратилась в игрушку в руках начальников (нойонов, иначе—беков, эмиров) кочевых племен. Они поставили ильханом внука Хулагу-хана —

Байду-хана (1295), которого в том же году, после нового мятежа знати, сменил сын Аргуна — Газан-хан (1295—1304).

Ильханы продолжали признавать власть хана монголов и поддерживать с ним сношения. Прибывший при Аргун-хане посол от «великого хана» Хубилая (1259—1294), брата Мункэ, китаец Пулад, был назначен наместником в Ширван.

Первые ильханы вели еще кочевой образ жизни и сохраняли старомонгольские формы быта. Подобно большинству коренных монголов они оставались шаманистами. Однако уже со времен Хулагу-хана среди монголов Закавказья распространился занесенный из Тибета буддизм, строились буддийские храмы (например, в Тебризе, при Аргун-хане). К религии завоеванных народов ильханы-«язычники» относились довольно равнодушно, но политические интересы заставляли их ладить с духовенством разных религий, которое они старались (и не без успеха) сделать одной из опор своей власти. Хулагу-хан и Абага-хан даже особо покровительствовали христианскому духовенству, менее могущественному и более покорному, нежели мусульманское.

Газан-хан, принявший официально ислам, заставил и кочевую знать сделать то же, велел истребить «язычников», т. е. буддистов и шаманистов, разрушил «идольские дома», т. е. буддийские храмы, ввел ограничения для христиан и евреев. Принятие ислама имело целью укрепление власти ильханов. Ислам в полной мере обеспечивал им поддержку мусульманских феодалов и духовенства, наиболее мощной прослойки феодальной знати Персии и Ирака. В качестве «правоверного» Газан-хан отказался признавать даже номинально власть верховного хана монголов— «язычника».

Газан-хан, стремясь повысить доходы, старался с помощью своего везира Рашид-ад-дина упорядочить налоговую систему, установить точные размеры податей, сделал попытку устранить хаос и злоупотребления при их взимании. Вместо бумажных денег была введена полновесная серебряная монета, причем за счетную единицу был принят туман (тумен), равнявшийся 10 000 динаров или 60 000 дирхемов. Серебряные монеты (динары и дирхемы) чеканились не только в столице ильханов Тебризе, но и в других городах — в Тбилиси, Ани, Нахичеване, Гандже, Шемахе и т. д. [1] Общий доход государства поднялся с 1700 до 2100 туманов в год.

Правительство Газан-хана пыталось уменьшить поборы с крестьян, чтобы сохранить их платежную силу и поднять доходность сельского хозяйства. Были приняты меры к заселению и обработке запустевших

---

[1] По вычислениям академика В. В. Бартольда, динар при Газан-хане содержал около 13 граммов серебра.

и заброшенных земель, которых при первых ильханах было очень много. Газан-хан установил точные сроки уплаты налогов. Он также запретил определять сумму налога на основании предварительной оценки урожая, которая почти всегда оказывалась выше действительной.

Многие феодалы, в частности вся тюрко-монгольская военно-кочевая знать и духовенство (не только мусульманское, но и христианское), освобождались от всяких податей. Люди, свободные от податей, назывались тарханами. Известны законы Газан-хана, сочетавшие нормы обычного права и законов Чингис-хана (яса) с государственным правом времен сельджуков и с мусульманским законодательством — шариатом.

Мероприятия Газан-хана способствовали некоторому экономическому оживлению. Последствия этого оживления были заметны как при Газан-хане, так и при его преемнике — Ольджайту (Олцзейту)-хане (1304—1316) по прозванию «Худабендэ» (перс. «раб божий»); народ прозвал его в насмешку «Харбендэ» («раб осла»). При этих ильханах управление государством было сосредоточено в руках двух везирей — историка Рашид-ад-дина и его соперника Тадж-ад-дина Али-шаха Тебризи, одновременно крупных феодалов и купцов. Ольджайту перенес столицу в Султанийэ, но самым большим городом в государстве попрежнему оставался Тебриз, а самой богатой и доходной областью Азербайджан.

В правление ильхана Абу-Саида (1316—1335), мало интересовавшегося делами государства, особенно возросла роль тюрко-монгольской кочевой знати. После смерти его начались нескончаемые междоусобия среди этой знати, выдвигавшей ильханов из потомков Чингис-хана, чтобы затем управлять от имени своих ставленников. Борьба шла главным образом между двумя группировками кочевой знати, во главе которых стояли отюреченные монгольские роды Чобанидов и Джелаиридов.

Феодальные усобицы привели к ухудшению положения крестьян и обострению классовой борьбы. Началась полоса антифеодальных восстаний, идеологией которых был шиизм в соединении с некоторыми течениями мусульманской мистики (суфизма). Самым крупным было восстание так называемых сербедаров (перс. «сер бе дар», букв. «голова для виселицы», т. е. «обреченный виселице») в Хорасане (Восточная Персия), начавшееся в 1337 г. В нем приняли участие не только крестьяне, но и мелкие феодалы, стремившиеся освободиться от монгольского владычества. Сербедары создали там даже свое государство, просуществовавшее до 1381 г.

Восстание сербедаров глубоко потрясло государство Хулагидов и было одной из причин его падения. В 1353 г. последний из ильханов-Хулагидов — Тугай-Тимур потребовал к себе в Джурджан (у юго-во-

сточного побережья Каспийского моря) тогдашнего вождя сербедаров Яхью Керрави. Вождь сербедаров явился с вооруженным отрядом в 300 человек и отрубил последнему ильхану голову. Государство пришло в глубокий упадок. Во время гражданских войн и междоусобий власть в Закавказье (точнее — в Азербайджане и Армении) захватили монгольские эмиры Чобаниды (1338), сперва (до 1344 г.) Кючюк Хасан («Хасан Малый»), внук эмира Чобана, потом (до 1356 г.) Ашраф (Эшреф). Оба они вели нескончаемые войны с закавказскими владетелями, в частности с ширваншахом Кавусом. Азербайджан и Армения были еще раз опустошены.

О размерах этого опустошения можно судить по дошедшей до нас надписи 1358 г. армянского атабега Заза из династии князей Мхаргрдзели (Захаридов). В надписи говорится, что «тиран Мелик-Ашраф» «нашу вотчину—город Бджни отнял, а крепостных увел в неволю... город и много именитых людей предал мечу, поверг церкви, страну с четырех сторон обезлюдил и вырезал христиан беспощадно». Впрочем, Чобаниды вырезали как христианское, так и мусульманское население.

Политика Ашрафа сводилась к беспощадному ограблению земель Закавказья. Размеры этого грабежа видны из того, что Ашраф создал в разных местах Азербайджана 17 своих казнохранилищ, а когда «тиран» впоследствии бежал, для вывоза только части его богатств понадобилось 1000 верблюдов и 400 мулов. Часть азербайджанской знати, у которой Ашраф отнял земли для своих эмиров, эмигрировала в Золотую орду. Эти эмигранты во главе с казием Мухи-аддином Бердаи призвали на помощь золотоордынского хана Джанибека. В 1356 г. золотоордынское войско во главе с Джанибеком, к которому присоединились ширваншах Кавус и азербайджанская знать, заняли Тебриз. Оставленный своим войском, Ашраф был схвачен во время бегства одним из азербайджанских феодалов, выдан Джанибеку и казнен. Закавказье на время попало под власть золотоордынских ханов.

4

ГРУЗИЯ ДО КОНЦА XV В.

Монгольское иго тяжело отразилось на положении грузинского народа.

Взявшись за насильственную реорганизацию грузинского управления страной, осуществлявшегося через эриставов, монголы, как было указано, попытались насадить «темничество». Во главе каждого

думена или тумена (10 тысяч) стояло военно-административное лицо, которому подчинялся округ, способный выставить 10 000 воинов. Темниками, числом восемь, были назначены местные князья — Егарслан Бакурцихели (в Кахети и более восточных областях царства), Варам Гагели и др.

Чтобы еще больше ослабить страну, захватчики, в нарушение грузинского государственного права, разделили власть между двумя царями (Давидом Улу и Давидом Нарином).

Произведенная вслед за тем перепись населения под руководством представителя ханской власти Аргуна охватила все, «от людей до скота, от пашен до виноградников, от садов до огородов»[1].

Взимаемые с населения поборы еще до Хулагу отличались большим разнообразием. В документах XIII—XIV вв. упоминаются, например, следующие виды налогов: «мал», или «татарский мал» (груз. «сататро мали»), под которым подразумевался сельскохозяйственный налог в пользу хана; «капчер», или «копчур», — налог с пастбищ в виде сотой головы скота; «тамга» — налог, собиравшийся в городах с торгово-промышленных заведений в размере 3% рыночной цены товаров (сборщики ее назывались по-грузински «метамге», т. е. «тамгачи»); «улуфа» (груз. «дзгвени»), «приношение» — налог в пользу монгольских должностных лиц, причем плательщиком являлась деревня в целом, а налог составляли один золотой и один ягненок в пользу нойона (тысяцкого) и два золотых и один баран — в пользу думен-нойона, т. е. нойона, начальствовавшего над войсковым подразделением в 10 000 воинов.

К числу тяжелых повинностей относились также «саиамэ»[2] — обслуживание почтовых станций, ямов, «калан», или «салашкро»[3] (воинская повинность). В грузинских источниках наряду со словом «калан» встречается и производная форма «калноба», которую условно можно передать в форме «каланщина», т. е. «татарщина» (у грузин —«татроба»). Бремя войсковой повинности монголы возложили на крестьянскую массу. На основании данных переписи населения, завоеватели определили для Грузии контингент войска в 90 000 человек из расчета, что от каждых девяти крестьян, имевших полный земельный надел («пудзе»), один обязан был участвовать в походах[4]. Следовательно, общее число

[1] Грузинский «Хронограф». *Brosset.* Histoire de la Géorgie, I partie. I livraison, СПб., 1849, p. 387 (грузинский текст), p. 551 (франц. перевод).

[2] *Ф. Жордания.* Исторические документы Шио-Мгвимского монастыря». Тифлис, 1896, стр. 64.

[3] От слова «лашкари» — войско.

[4] «Хронограф», стр. 564; франц. перевод, стр. 551 и прим. 2.

крестьян, наделенных землей в «полном» размере, приближалось к миллиону.

Варварская налоговая политика монголов уже сама по себе была чревата большими бедствиями для страны. В наступлении на непосредственного производителя объединялись усилия и местной и чужеземной тирании при участии откупщиков и сборщиков дани. В страхе перед жестокой расправой за неуплату налогов крестьяне все чаще стали покидать свои и господские хозяйства. Росло количество беглых крестьян—«хизанов», а также ремесленников, и соответственно множились заброшенные земельные участки в селах и городах. Бегство, вызывавшееся тяжестью ямских повинностей («саиамэ»), привело к запустению придорожных сел[1]. Оскудела торгово-ремесленная жизнь в больших городах — Тбилиси и др.

Жизненные интересы Восточной Грузии были ущемлены появлением здесь монгольских скотоводческих хозяйств, расширение которых происходило за счет сокращения культурной площади путем насильственного вытеснения населения из ряда районов интенсивного земледельческого хозяйства вплоть до разрушения деревень, местечек, городов[2]. Такая судьба постигла, например, Ширван, ряд нижнекартлийских и армянских земель. Прямым следствием явилось обесценение земли. Это ярко отразилось в дарственной грамоте Рконского монастыря: «В ту пору, по причине данничества (монгольского ига.—*Ред.*), земли были распроданы, золото вздорожало, а деревня подешевела».

Обесцененные земли, так же как и «хизани», в значительной части доставались ростовщикам, которые наживали капиталы под защитой монгольских властей и приобретали силу и влияние на ханской и царской службе. К ним принадлежал, например, неродовитый, но сановный феодал Садун Манкабердели, достигший в Грузии звания атабега и приумноживший свои богатства за счет земель как принадлежавших государству, так и частновладельческих.

В создавшейся обстановке классовый антагонизм крайне обострился. Процесс закрепощения крестьян углублялся. Феодальная верхушка иногда находила поддержку со стороны монгольских ханов.

Грузинские князья получали ханские ярлыки. Духовные феодалы были поставлены в льготные условия. Известно, что ханский «иерлак», вместе с богатыми дарами, достался католикосу Николаю; щедро был одарен настоятель монастыря Вардзия. Но духовенство не было свободно от «мали» и «калноба».

---

[1] *Н. Бердзенишвили.* Очерк из истории развития феодальных отношений в Грузии (XIII—XVI вв.). Тбилиси, 1938, стр. 10.

[2] Там же.

Что касается царя, то Давид Улу в знак «благоволения» к нему был допущен ильханом к верховной судебной власти в качестве «иарагучи» (яргучи, т. е. «судья и советник», от слова яргу — суд); кроме того, ему был пожалован «сукур» (щиток от солнца), право пользования которым относилось к прерогативам каана и его родственников[1]. Проведение переписи населения почти совпало с объявлением о сборе грузинских войск для участия в завоевательных войнах монголов (в начале правления Хулагу). Неизвестна численность грузинского войска, двинутого нойонами в далекие походы, но походы эти были продолжительны и губительны.

* * *

В 1256 г., как указано, правителем Грузии стал хан (ильхан) Хулагу, родоначальник династии Хулагидов.

За неудачным восстанием в 1259 г. в Западной Грузии последовало широкое восстание в Восточной Грузии (1260). Из-за антинациональной деятельности значительной группы грузинских и армянских феодалов, открыто поддерживавших монгольских правителей, активные участники восстания были вынуждены прекратить вооруженную борьбу. Давид Улу ушел в Западногрузинское царство. Здесь группа передовых феодалов, в том числе рачинский воевода (эристав эриставов) Кахабер, задумали восстановить прежний политический строй: объединить власть в руках восточногрузинского царя. Однако это прогрессивное начинание было сорвано реакционной частью знати. Хулагу прибегал к жестоким мерам воздействия на непокорных. Были казнены царица Гванца, захваченная в плен, амирспасалар Захария и хаченский (карабахский) князь Хасан-Джалал. Дело кончилось примирением, в котором оказался заинтересованным сам Хулагу: к этому времени золотоордынское войско хана Берке открыло против него военные действия.

В войне Хулагу против Золотой орды грузинам не раз пришлось испытать тяготы «калноба» (1262 и 1263). Южные монголы укрепили границы на территории Грузии валом (по монгольски — «сиба») вдоль Белой речки (Чалан-усун). На протяжении нескольких лет охрана «сиба» лежала тяжелым бременем на стране.

В поисках выхода из финансовых затруднений правящие круги предприняли решительный шаг — отчуждение церковных земель. Это мероприятие приняло широкие размеры. Главными объектами

---

[1] «Хронограф», стр. 385; франц. перевод, стр. 548.

секуляризации послужили владения богатейших храмов — мцхетского, ацкурского. Церковники на специально созванном ими соборе (1263), решение которого дошло до нас в виде петиции на имя царя[1], заняли непримиримую позицию. Ссылки светских феодалов на «тяжелую годину и нужду» и на «калноба» они расценивали как попытку прикрыть «беззаконие». Собор решительно требовал от царя восстановления иммунитетных прав церкви, угрожая противникам отлучением от церкви и даже закрытием молитвенных домов. Давида Улу, названного в обращении «святым и самодержавным царем царей», призывали «повелеть возвратить все те дарственные грамоты и свидетельства, какие только им были даны кому бы то ни было в ущерб церкви». Однако собор не достиг своей цели.

Первые 20 лет господства монголов в Грузии породили тяжелый экономический кризис. К тяжести поборов прибавлялась воинская повинность крестьян, которых отвлекали далекими походами в страны Ближнего Востока. В 1266 г. отложился от царя самцхийский атабег Саргис, административная власть которого распространялась на большую территорию (раннее Тао-Кларджетское курапалатство) от Боржомского ущелья до «Карнипори» (Эрзерума) и Трапезунда.

Давид Нарин вел более осторожную и дальновидную политику. Он умело использовал враждебные отношения между Золотой ордой и Персией, между персидскими ильханами и Египтом, внутренние противоречия в Персидском ильханстве. Он вел успешную вначале войну за упрочение грузинского влияния в Трапезундском царстве.

Давиду Нарину удалось добиться воцарения в Восточной Грузии своего сына Вахтанга, что создавало возможность объединения ее с Западной Грузией. Но Вахтанг II царствовал недолго. Он умер в 1292 г.

Наследовавший Давиду Улу его сын Дэметрэ II (1270—1289) старался восстановить хозяйство разоренной страны, заселить опустошенные земли. Он вел большое по тогдашним условиям строительство. Одним из крупных памятников этой стройки является Метехская церковь, сохранившаяся до нашего времени. Дэметрэ II стал жертвой смуты, вспыхнувшей в Персии. Здесь власть оспаривали друг у друга Ахмед и Аргун. Заподозренный в связях с Ахмедом, Дэметрэ был вызван в ставку Аргуна, когда последний утвердился в Персии, и был казнен.

Экономическое положение Грузии в конце XIII в. еще более ухудшилось. Усилились внутренние феодальные распри. Крестьяне, притесняемые чужеземными и своими угнетателями, во всей стране массами покидали земли. Собственники прилагали все усилия к закрепощению

[1] *Ф. Жордания.* Хроники, II, Тбилиси, 1897, стр. 162—166 и 184.

крестьянства в более широких размерах, чем прежде. Это еще больше обострило борьбу между крестьянами и помещиками.

Внутри господствующего класса углубились противоречия. Азнауры, занимавшие высокое положение в обществе, уступили место более узкому кругу привилегированных — дидебулам, стоявшим над ними и занимавшим переходную ступень к новому высшему сословию — князей (тавады).

После смерти Давида Нарина (1293) царский трон в Западной Грузии занял его сын Константин. Но против него восстал младший брат Микель. В Западной Грузии разгорелась междоусобица.

Царем Восточной Грузии иранский ильхан утвердил Давида, сына Дэметрэ II (1293). Он стал царствовать под именем Давида VIII. В его царствование шла междоусобная борьба. В страну вторглись войска ильхана, и она стала ареной длительной войны. Ильхан утвердил царем брата Давида, Вахтанга III.

В 1303 г. на юго-западные границы Грузии напали малоазийские турки. Значительные силы турок (шестьдесят тысяч человек) обрушились на пограничную область Тао. Застигнутое врасплох пограничное войско и жители понесли большой урон. Турки проникли даже в теснины Нигалисхеви в области Кларджети, где, впрочем, их полностью истребил вооруженный народ.

Подготовить отпор туркам взял на себя атабег Бека, который, управляя Юго-Западной Грузией (Самцхе, или Месхети) как независимый князь, располагал большими военно-организационными возможностями. На рубежах Самцхе находились такие укрепленные места, как Олтиси (Ольты) и Панаскерти в Тао, а западнее — Спери в одноименной области.

Использовав передышку, которая наступила с отходом турок на зимовье, атабег собрал 12-тысячное войско. Обращаясь к нему перед выступлением в поход с патриотической речью, князь самцхийский вспомнил о боевых традициях Грузии прошлых времен, самоотверженно и успешно боровшейся с турками. «Великий и прославленный царь Давид [Строитель],— говорил Бека в своей речи,— низверг, опрокинул могущество турецкого племени и, обратив его в бегство, изгнал из пределов своего царства. С тех пор и по нынешнее время турки не показывались». Бека напомнил, что в создавшихся условиях угроза порабощения турками усугубилась общим ослаблением Грузии за время монгольского господства. «Царь [Вахтанг III] обессилен насилиями, которые чинят татары; в то же время руководящие лица и головы Грузии отложились от царя, так что некому противостать туркам». Он призывал войско «всеми нашими силами двинуться против турок, не дать себя и детей своих в рабство туркам». Борьба должна

была вестись «за убережение веры от осквернения» и «за братьев своих». В этой борьбе полководец видел гарантию того, что будет обеспечена победа над врагами[1].

В этой войне численное превосходство было на стороне турок. Но враг дважды потерпел поражение под Вашловани (Тао). Победа, одержанная в Спере, доставила грузинам, кроме богатой добычи, мир, заключенный по просьбе побежденного противника.

По инициативе Бека был составлен свод законов для Месхети. Так как этот свод был продолжен внуком Бека и сыном Саргиса II — Агбуга, законы Бека принято называть «законами Бека — Агбуга» или просто «законами Агбуга». Эти законы защищали классовые основы господства грузинских феодалов над трудовым народом.

Определяя к руководству для судей размеры взыскания за убийство, закон расценивал жизнь крестьянина («глехи»), его «кровь» (груз. «сисхли») в 30 раз дешевле, чем «кровь» дворянина. В соответствии с этим за убийство дворянина («дворянскую кровь») взыскивалось 12000 сребреников (груз. «тетри», букв. «белых»), за убийство крестьянина («крестьянскую кровь») — 400 сребреников [2].

В статье 76 кодекса оговорены имущественные права землевладельцев. Закон Агбуги гласил: «Если крестьянин продаст или отдаст в заклад что-либо [например, землю] без приложения [к купчей или закладной] руки со стороны его господина ,— [когда, однако, пущенное в продажу или в заклад] не собственность [крестьянина], [когда проданная или заложенная] земля принадлежит господину,— то пусть тот человек [т. е. покупщик, заимодавец] своего удовлетворения требует от [самого крестьянина], получившего [деньги за проданную землю или под заклад]» [3]. Таким образом, крестьянин без разрешения господина не имел права продавать отведенную ему землю. Проданная земля возвращалась господину, а крестьянин возвращал продавцу стоимость.

В силу статьи 100 законов Агбуги, в которой отразилось грузинское процессуальное право эпохи феодализма, судейская должность оказывалась доступной только привилегированным слоям общества, так как она была создана для защиты их же собственнических интересов. Право быть «посаженным в качестве судьи» давалось представителю либо «наставников» (груз. модзгвари), либо придворных («воспитан-

---

[1] «Хронограф», изд. Броссе, стр. 438, франц. перевод, стр. 628.

[2] Законы Агбуги, русск. перевод, § 4 и 12. «Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI», изд. А. С. Френкеля, под ред. Д. З. Бакрадзе, Тифлис, 1887, стр. 95 и сл.

[3] Законы Агбуги, см. *Д. Чубинов* (Чубинашвили), Картули кристоматиа («Грузинская хрестоматия»), ч. 1, СПб., 1863, стр. 222.

ному у царей и пожившему у них»), либо купечества, именно купцу высшего разряда, так называемому «дидвачари» (букв. «великий купец»), а на селе — представителю местной администрации, именно «хорошему сельскому старшине». Этот выбор мотивировался тем, что «такой человек», «будучи умным, будет уметь судить хорошо и неправосудного ничего не скажет» [1].

* * *

Царская власть в Грузии окрепла в годы правления Георгия V, прозванного феодалами Блистательным (1314—1346). К этому времени могущество монгольских ханов было так ослаблено, что Георгий был фактически независимым царем. Он успешно боролся с непокорными феодалами, добился воссоединения Имерети и Самцхе с остальной Грузией, пресекал попытки наследников Давида Нарина обратить Имерети в особое царство со столицей в Кутаиси. Грузинские цари создавали законы, охранявшие жизнь и имущество представителей власти.

При Георгии V на специально созванном законодательном собрании был выработан особый свод законов для горцев, названный «Дзеглис дадеба» [2]. Среди администрации, которой были подведомственны горские поселения и кланы, первое место занимал эристави (воевода), его ближайшим помощником являлся «управитель» (гамгэбэли, моурави). В Восточной Грузии было два могущественных эристави — «ксанский» и «арагвский» (по названию рек Арагви и Ксани). Эриставство подразделялось на кланы («фемы», или «тэми» — общины), хэви (буквально «ущелья»), непосредственно подчиненные власти тэмис-тави, хэвис-тави [3], хэвис-бэри [4], эровани [5].

Все они были призваны поддерживать устои эксплуататорского общества.

В «Дзеглис дадеба» классовый смысл законодательства выступает вполне отчетливо. Так, статья 2 гласит: «Если управителя убил народ, если убийство совершено целой деревней, или одним лицом, или одним

---

[1] *Д. Чубинов.* Указ. соч., стр. 226; ср. русский перевод в указ. издании Френкеля, стр. 118 (статья 101).

[2] *Дзегли* (род. пад.— дзеглис) — закон; *дадеба* — уложение. Этот свод под заглавием «Законы царя Георгия», в русском переводе, см. «Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI», изд. А. С. Френкеля, под ред. Д. З. Бакрадзе, стр. 81 и сл., Тифлис, 1887.

[3] *Тави* — глава, начальник.

[4] *Бэри* — буквально — старец, старейший.

[5] *Эровани* — от племенного названия «эри».

хэви, то взыскать за кровь — если управитель был из мсахури (слуг) — 6000 белых, да, кроме того, исчислив дома, которые участвовали в убийстве, возложить на каждый из них раз навсегда повинность — как это исстари положено — выставлять ежегодно по одной лошади для исправления казенных надобностей».

Статья 8 кодекса устанавливает по отношению к «народу», убившему хэвис-бэри, ту же меру взыскания, какая предусмотрена в вышеприведенной статье для случая убийства управителя. Права хэвис-бэри имеют защитительную силу и для его родственников. Так, статья 9 определяет за убийство родственника хэвис-бэри взыскание в размере 3000 белых, что составляет половину взыскания, положенного за убийство самого хэвис-бэри.

Статьи 5, 6, 7, 11, 12 и другие имеют задачей упорядочить деятельность представителей администрации, еще более подчинить их интересы классовым задачам феодального государства. По прямому смыслу статьи 5 кодекса, хэвис-бери, посягнувший на жизнь и имущество управителя, лишается навсегда звания хэвис-бэри и подвергается изгнанию из пределов родины сроком на три года, а его имущество подлежит отчуждению. По истечении срока наказания он при соблюдении условий, предусмотренных статьей пятой, может быть восстановлен в имущественных правах, но для него уже закрыт доступ к административной службе.

* * *

Возобновление в улусе Хулагидов распрей (20—30-е годы XIV в.) было использовано царской властью для борьбы за единство страны и устранение некоторых связанных с ханами грузинских феодалов. Первыми поплатились дидебулы из Эрети (позднейшая Саингило, или Закатальский округ), Кахети и Сомхити. Царь пригласил «эров, кахов и сомхитских эриставов», тех, «которые держали стороны чингизов (монголов)», в Кахети, где они подверглись поголовному истреблению. Источники ничего не говорят о том, какая судьба постигла монгольские гарнизоны, но судя по внутриполитическим событиям в Грузии, следует предположить, что они также были ликвидированы.

Подчинена была и Западная Грузия. После смерти Микела (1329 г.) Георгий V взял западногрузинскую столицу Кутаиси и заставил местных феодалов покориться общегрузинскому политическому центру в Тбилиси.

В 1334 г. в Самцхе (Месхети) умер атабег Саргис II. Чтобы поставить княжеский («мтаварский») дом атабегов в зависимость от всегрузинского правительства, царь возвел в атабегство наследника Сар-

гиса II — княжича Кваркваре. Было временно восстановлено политическое единство грузинского царства. Монета, чеканенная от имени Георгия, — «гиоргаули» («георгиевская»),— скоро вытеснила из обращения по всей Грузии монету Газан-хана.

Роскошь придворной жизни, приемов и выходов грузинских царей, обстановка, окружавшая везиров, рост богатств царской казны основывались на усилении эксплуатации крестьянства.

В годы царствования Георгия V снова возросло значение Грузинского государства в ближневосточных странах. Египетские султаны в переписке с грузинским царем украшали его имя пышной титулатурой. Они понимали, что Грузия, ведшая непримиримую вековую борьбу с ильханами, облегчала борьбу против их тирании и Египту.

Правящим кругам Грузии представился случай вмешаться в политическую жизнь Трапезундской империи, где сильное брожение вызывало усиление провизантийской партии, опиравшейся на двор императрицы Ирины Палеолог, вдовы Василия I (умер в 1340 г.). Противостоявшая ей политическая партия была тесно связана с Грузией («Лазикой») и поддерживала притязания на царство Анны (она же Анна-Хутлу), сестры Василия I. Повидимому, по согласованию с грузинским правительством подготовлялся дворцовый переворот[1]. Для его осуществления были использованы осложнения, которые вызвало в Трапезундской империи вторжение турок (1341), предавших ее столицу пожарам. С помощью грузинского («лазского») войска царевна Анна заняла трапезундский престол [2].

Георгию наследовал его сын Давид IX (1346—1360). Сохранилось очень мало сведений о жизни страны в годы его правления. Царствование его сопровождалось феодальными раздорами и смутами. При преемнике Георгия — Баграте V (1360—1393) Грузия продолжала занимать обширную территорию: государственная граница переходила за Кавказский хребет, охватывая на Северном Кавказе Двалети и Осетию. Судя по летописям, некоторые соседние с Грузией страны находились под ее влиянием.

* * *

В царствование Баграта V началась опустошительная война с Тимуром. За 1386—1403 гг. войска Тимура несколько раз вторгались

---

[1] *Ив. Джавахишвили.* История грузинского народа, кн. III, стр. 279—280.

[2] *Михаил Панарет.* Трапезундская хроника. М., 1905, § 11, стр. 5—6; русск. перевод., стр. 25—26; *Ф. И. Успенский.* Очерки из истории Трапезундской империи, Л., 1929, стр. 79—80.

в Грузию, опустошая ее. В одной Западной Грузии было уничтожено свыше 700 сел.

В результате губительных походов Тимура политическое положение Грузии было значительно поколеблено. Усилились феодально-сепаратистские тенденции ее основных частей (Западная Грузия, Самцхе). Одновременно возрастал гнет крепостничества. По данным источников, «пленения и опустошения» со стороны тимуровых «татар», т. е. монголов, и среднеазиатских тюрков — «чагатаев» не прекращались и после смерти Тимура.

При царе Александре I (1412—1442) проводились (за счет угнетения трудящихся масс) мероприятия по оживлению хозяйства страны, восстановлению разрушенных крепостей, дворцов, храмов. Был на время введен подымный налог.[1] Проводилось заселение опустевших земель. Царь и феодалы переманивали крестьян из соседних стран, сажали на землю («делали крестьянами») домашнюю челядь, выкупали пленных; число «партахтов» и «наохари» (выморочные, заброшенные, покинутые крестьянские хозяйства) уменьшилось.

В то же время оброк и барщина возросли непомерно и ложились тяжелым бременем на поредевшее крепостное крестьянство. Нужда, болезни задерживали рост крепостного населения. Господин требовал от крепостного увеличения оброка, и в годы недорода и в годы обильного урожая. В первом случае он объяснял увеличение оброка своей «бедностью», во втором—«достатком» крепостного. Оброчник всеми средствами боролся против таких посягательств.

Борьба эта часто принимала опасную для господина форму (бегство крестьян, убийства феодалов, массовые восстания). Для увеличения оброка феодал зачастую прибегал и к другим средствам вроде увеличения емкости мер веса (литра, кока, коди), которыми крепостной платил по обычаю оброк. Литра, основная мера жидкости (вина) и сыпучих тел (хлеба), за три века (XII—XV) увеличилась в пять-шесть раз; следовательно, во столько же раз увеличился оброк. Плательщики требовали восстановления «древних»,т. е. первоначальных, мер. Феодалы в моменты опасности для своего господства клятвенно обещали это сделать, но литра все же увеличивалась.

Неизменно росли и оброчные обязательства. «Тави-бегара» — главный древний вид первоначального оброка — возрос в несколько раз; в XV в. он составлял лишь меньшую часть всех крестьянских платежей феодалу. Наряду с «тави-бегара» крепостной вносил феодалу «схуай-бегара» (так называемый «иной», добавочный оброк), приносил

---

[1] *И. Джавахишвили.* История грузинского народа, кн. IV, Тбилиси, 1948, стр. 37—38.

«дары» и оказывал «помощь» в дни «несчастья» или «счастья» господина; нес различные службы и барщину, которая от нескольких дней в году выросла до «работы постоянной», повседневной («ниадаг мушаоба»)[1].

Ко всему этому надо прибавить подати и повинности (царские, чиновничьи, церковные), а также дань иноземным поработителям (почти постоянное явление в эпоху позднего средневековья в Грузии). Развитие производительных сил в стране тормозилось. Рента достигает такого размера, что «является серьезной угрозой воспроизводству условий труда, самых средств производства, делает более или менее невозможным расширение производства и низводит непосредственного производителя к физическому минимуму жизненных средств»[2].

Итак, феодальные собственники для укрепления своего господства прибегали к таким средствам воздействия на непосредственных производителей, как искусственное увеличение ренты и дальнейшее прикрепление крестьян к земле. Шедший уже давно процесс закрепощения, усилившийся во время монгольского господства, к XV в. уже охватил все прослойки крестьянства.

* * *

В силу указанных выше причин во второй половине XV в. хозяйственная жизнь пришла в упадок даже в наиболее крупных городах Грузии (Гори, Телави, Кутаиси, Ахалцихе и т. д.), не говоря уже о мелких (Али, Атени, Самшвилде и др.).

О размерах разорения, какому подверглись в рассматриваемое время города Грузии, можно судить, например, на основании свидетельства венецианского дипломата Контарини (XV в.) о том, что лишь часть Тбилиси сохранилась неразрушенной. Разорение Тбилиси, так же как и других городов Грузии, было результатом военных нападений монгольских и других захватчиков. Известное значение имела в этом отношении и эксплуатация трудового населения феодальной знатью, подрывавшая вместе с материальным благосостоянием также и обороноспособность городов.

В связи с экономическим упадком городов, разорением торговых и ремесленных предприятий увеличивался удельный вес земельной аристократии в городах, росло число имений, переходивших в руки светских и духовных князей, монастырей и т. д. По описи имений мцхетской патриаршей кафедры, составленной в середине XV в., последней

---

[1] *И. Джавахишвили*. Грузинская нумизматика и метрология. Тбилиси, 1925, стр. 103—104; *Н. Бердзенишвили*. Очерк из истории развития феодальных отношений в Грузии (XIII—XVI вв.), стр. 16—17.

[2] *К. Маркс*. Капитал, т. III, стр. 809.

принадлежали в Тбилиси «церковь, дворец, купцы, вотчины, базары, лавки, таможни с их доходами»; в Авлабаре[1] находился «монастырь Метехской пресвятой [богородицы] с принадлежащей ему вотчиной вместе с Авлабарской рощей»; на берегу Куры была расположена церковная деревня и «кони» [2] и т. д. [3]

Таким образом, несомненно расширение в городах прав феодалов за счет торгово-ремесленного населения.

Однако производительные силы развивались и в условиях грабительских вторжений извне и роста феодальной эксплуатации. Марко Поло характеризовал Тбилиси второй половины XIII в. как город, хотя и переживавший глубокий кризис, но тем не менее сохранивший свое значение торгово-ремесленного центра [4]. Папа Иоанн XXII в своих посланиях от 1328—1329 гг. также отмечал, что столица Грузии обратила на себя внимание римской курии своим богатством и плотностью населения [5]. События, имевшие место в XIII—XIV вв., в известной мере подытожены в географическом труде Хамдаллаха Казвини, составленном в 1339 г. Здесь отмечено, в частности, что Грузия доставляла в казну ильханов 120 томанов 2000 динаров, т. е. 901 500 руб. сер., в то время как «при прежних царях» Грузии, в домонгольский период, ее доход равнялся 500 монгольских томанов (3 750 000 руб.) [6]. Общее оскудение всей хозяйственной жизни страны хорошо иллюстрируется упоминанием в грузинском хронографе XIII в. о толпах «нищих, убогих и сирот», блуждавших по улицам даже ночью в поисках подаяния [7].

* * *

XV в.— время дальнейшего роста политических прав феодальной знати. Мтавары (владетельные князья) еще более упрочили за своими «домами» территории, некогда пожалованные им царской властью в управление. Крупнейшие из них (дадиани, гуриели, атабеги, т. е. владетели Мегрелии, Гурии и Самцхэ) почти обособились; за ними следовали более мелкие мтавары. Характерно, что бывшие эриставы (воеводы),

---

[1] Авлабари — часть города Тбилиси.

[2] Кони — приспособление для улова рыбы.

[3] «Хроники», II (изд. Ф. Жордания), стр. 195.

[4] «Путешествие Марко Поло». «Записки Русск. геогр. об-ва по отд. этнографии», т. XXVI, 1902, стр. 31.

[5] *М. Тамарашвили.* Prêtre Michel Tamarati. Histoire du catholicisme en Géorgie. Тифлис, 1902, латинский подлинник — стр. 580, грузинский перевод — стр. 32.

[6] *В. В. Бартольд.* Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануч*э*, стр. 23.

[7] «Хронограф», стр. 412; франц. перевод., стр. 589.

позднее эриставт-эриставы (воеводы воевод), все более тяготились своими старыми титулами, напоминавшими их зависимость от царской власти, и предпочитали называть себя тоже мтаварами. Наметившиеся в результате предшествующего развития страны экономические связи ослабели, и распад страны на ряд отдельных политических образований (царства и княжества) стал вопросом времени. Грузины дореформенных времен, — писал И. В. Сталин, — «разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздроблённости Грузии...»[1] На протяжении XIV—XVI вв. появились удельные «царства» Имерети, Рача-Аргвети, Аластани, Кахети, Савахтанго, Цкалс-икити, Мухрани. Некоторые из них, выдержав борьбу с центром, остались отдельными политическими образованиями и в дальнейшем.

«Цари царей» Грузии вели борьбу против удельных «царств» и владетельных княжеств (самтавро), но с течением времени эта борьба становилась все более трудной, пока, наконец, центральная власть не была вынуждена признать обособленное политическое существование Кахети, Имерети и Самцхэ-Саатабаго (решение дарбази в 1490 г.). После этого потомки «царя царей» превратились в правителей одной только Картли.

Весьма характерно, как мотивировал дарбази свой совет царю Константину об отказе от борьбы за политическое единство страны: «Имеретинцы и кахетинцы в твердой верности своим избранным царям пребывают, а также самцхийцы [верны] атабагу, поэтому не советуем борьбу...; если одолеем одного из них, другие не допустят [воспользоваться плодами победы],— будем ждать лучшего времени, когда вновь благоуспеет царствие твое...»[2] Удельные «цари» и мтавары добились независимости от «царя царей» Грузии путем больших уступок своим вассалам, которых только так и можно было заставить пребывать «в твердой верности» своим непосредственным «патронам» (сюзеренам). Таким образом, в борьбе центральной власти с «царями» и мтаварами экономически и политически усилились местные феодалы.

---

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 2, стр. 295.

[2] *Вахушти.* История Картли. Histoire de la Géorgie, т. II, под ред. Чубинова, СПб., 1854, стр. 15; франц. перевод *Brosset*, под тем же заглавием, т. II, СПб., 1856, стр. 16.

Деталь фрески в Убиси, начало XIV в.

В дальнейшем каждая отдельная «сатавадо» (территория фамильная, купленная или пожалованная, образующая более или менее значительный феодальный «дом» — сеньорию) стремилась к самостоятельности; многие из них если не юридически, то фактически достигли этого.

На востоке от Грузии — в Персии — на всем протяжении XV в. шла борьба между Тимуридами и туркменскими племенами. Одолев соперника, каждый из них устремлялся за данью и наживой в соседнюю Грузию, которая и теперь представлялась кочевникам «цветущей страной».

В начале XVI в. политическую власть в Персии захватили Кызылбаши (сторонники династии Сефевидов). По свидетельству царя Константина, Сефевиды требовали от грузинских царей дани, войска и принятия ислама[1]. С этих пор на протяжении двух веков соседство сефевидской Персии было постоянной угрозой для Грузии[2].

На западе от Грузии турки-османы к концу XIV в. стали грозной силой, представлявшей реальную опасность для Константинополя. В 1453 г. турецкий султан Мухаммед II завладел Константинополем; в 1461 г.— греко-грузинским Трапезундским царством, а в 1475 г. отнял у Венеции и Генуи их торговые города на северном побережье Черного и Азовского морей (Тана, Каффа).

Следствием этого было установление монопольного господства турок в торговле со странами черноморского побережья, что для Западной Грузии было несравненно тяжелее торговой монополии Византии. Со стороны Османской Турции усилилась угроза агрессии в Закавказье.

* * *

Вековое господство монголов в Грузии, связанное с разорительными для страны войнами, усиление социального гнета, который переживали массы, — все это неизбежно должно было привести к падению общего культурного уровня, к значительному упадку культурных очагов.

От изучаемого исторического времени до нас дошли лишь отдельные памятники литературы, зодчества, живописи и т. д., свидетельствующие о том, что большие культурные традиции народа все-таки открывали возможность его лучшим представителям создавать ценности исторического значения.

Лучшими образцами строительного искусства могут служить культовые христианские постройки: храм св. Саввы в ограде Сафарского монастыря (трехнефное купольное здание) и монастырь Чуле в Самцхе, построенные при атабеге Беке I (умер в 1308 г.). В обоих архитектурных памятниках сохранились выполненные с большим мастерством скульптурные работы (например, арки, престол и др. детали храма св. Саввы), орнаментальное растительное плетение и фресковые изображения, в частности сделанные во второй половине XIV в. портретные изображения членов правившего атабегского дома. В надписях, которыми снабжены портреты, подтверждается, что из этих атабегов Бека титуловался также «мандатурт-ухуцеси» («хранитель печати»), а Саргис II —«самц-

---

[1] *И. Джавахишвили*. История грузинского народа, кн. III, стр. 156, 158—159.
[2] См. гл. 6, §§ 5 и 6 настоящего издания.

хис-спасаларом». В одной из надписей сохранилось имя художника Арсения.

Постройка Метехи, культового здания в Тбилиси, в ее нынешнем виде относится к концу царствования Дэметрэ II.

В ряду наиболее важных памятников грузинского права, кроме вышеупомянутых законов Бека-Агбуги и Дзеглис-дадэба, представляет интерес так называемый «Распорядок [грузинского] царского двора» («Карис-гаригеба»), датируемый приблизительно первой половиной XIV в., временем царствования Георгия V [1]. В нем приводятся «действующее государственное право», правила, регулировавшие придворную жизнь, описаны приемы и выходы грузинских царей, права и обязанности придворных чинов и т. п.

В области историографии известно произведение анонимного автора XIV в., со знанием дела и большим мастерством описавшего историю Грузии XIII—XIV вв. Специальный интерес представляет приводимый им, в частности, лингвистический и фольклорный материал. Автор грузинского хронографа обнаруживает значительную для своего времени эрудицию, о чем свидетельствуют его частые ссылки на разнообразные исторические источники. Представители феодальной историографии в целях сохранения для потомства известного по крайней мере с XI—XII вв. грузинского сборника исторических трудов, так называемой «Картлис Цховреба» [2], в последней четверти XV в. сделали с него новый список «по велению» царицы Анны [3].

5

АРМЕНИЯ ДО КОНЦА XV В.

С середины XIV в. Армения сделалась ареной нескончаемой кровопролитной борьбы; страна переживала страшную разруху, население обнищало. Это всеобщее бедствие довершалось голодом. В таком положении страна находилась очень долгое время.

Политически Армения не была единой. Большая часть Северной Армении перестала входить в состав Грузинского государства и подпала под власть кочевых орд туркменских племен. Армения вместе с Азербайджаном стала яблоком раздора между Джелаири-

[1] «Хелмципис карис-гаригеба», изд. Е. Такайшвили. «Monumenta Georgica», № IV, Leges, № 1, Тифлис, 1920; *И. Джавахишвили*. История грузинского права, кн. I. Тбилиси, 1928, стр. 62 и сл.

[2] Букв. «История Картли», т. е. «История Грузии».

[3] «Картлис Цховреба». Список царицы Анны. Под ред. С. Каухчишвили. Тбилиси, 1942.

дами и ханами Золотой орды. Внутри страны господствовали орды туркменских кочевников — ак-койюнлу (белобаранные) и кара-койюнлу (чернобаранные), между которыми постоянно велись войны за власть.

Из Северной Месопотамии и ущелий гор Загра во внутренние области Южной Армении все больше проникали курдские кочевые племена, которые захватывали лучшие пастбища в высокогорных районах страны.

Хан Золотой орды Тохтамыш в 1385 г. вторгся через Дербендский проход в Ширван и подчинил своей власти ширваншаха Ибрагима. В Азербайджане Тохтамыш разграбил богатый город Тавриз. Через год орды Тохтамыша предали огню и мечу Сюник, Нахичеван и Араратскую долину. Проезжавший в то время через эти области путешественник Клавихо видел разрушенные деревни и города.

В конце XIV в. на страну обрушились бедствия, превосходившие ужасы прежних монгольских нашествий. Войска Тимура в течение почти 16 лет (1386—1402) предавали страну огню и мечу. Изгнав из Азербайджана Тохтамыша, Тимур в 1386 г. вторгся в Армению, захватил Нахичеван, Гарни, Бджни и Карс.

С наступлением весны 1387 г. Тимур вторгся в пределы Сюника. Несмотря на упорное сопротивление жителей, замок Воротан пал, был сожжен монастырь Татев, а его знаменитое книгохранилище со многими тысячами рукописей было расхищено и уничтожено. Из Сюника войска Тимура перешли Аракс и разорили округ Артаз. Армянский владетель округа ишхан Сургатмыш, находившийся в г. Маку, подчинился завоевателю и перешел в мусульманство.

Армянские крестьяне организовали народные ополчения и не пускали врага в свои горы и ущелья. Памятна история дружины отважных ополченцев-крестьян селения Кохб, которые со своими семьями ушли в горы Бардога и оттуда оказывали героическое сопротивление ордам Тимура.

В 1383 г. войска Тимура рассеялись в центральных областях Армении. Были разорены Васпуракан, Тарон и другие области. Тимур, понимая стратегическое значение территории Армении для предстоящей войны с Турцией, стремился изгнать из Армении предводителя племени кара-койюнлу Кара-Юсуфа, который хозяйничал в Ване, Тароне и Сасуне. Жившие в долинах армянские крестьяне укрывались в теснинах Армянского Тавра в горах Сасуна. Сасунцы многократно отбивали натиск врага.

В Сасуне Тимур встретил организованное сопротивление. Не добившись успеха, он был вынужден вернуться обратно и обложил г. Ван. Лишь голод вынудил население сдаться врагу. Тимур жестоко мстил

сдавшимся на его милость жителям города. По его приказу было сброшено с Ванской горы до 7000 человек. Не менее тяжелая участь постигла и другие города побережья Ванского озера — Арджеш, Хлат, Арцке, Востан и др.

Войска Тимура ограбили Армению. Они ушли в Самарканд со множеством пленных и трофеями, состоявшими из предметов искусства и многочисленных художественных рукописных книг. Нашествие Тимура подорвало экономику Армении. В годы нашествия земля не обрабатывалась, и после его ухода страна переживала страшный голод, длившийся два года (1389—1390).

Войска Тимура вновь появились в Армении в 1394 г., на этот раз из Месопотамии и Сирии. Вождь туркменского племени Кара-Юсуф вновь бежал, и Тимур занял Сасун, Тарон и Васпуракан, после чего двинулся на Карин и Ерзнка. В Ерзнка и его области княжил армянский феодал Таартин, который вел борьбу с турецким султаном Баязидом, отстаивая независимость своих владений. Таартин во-время учел сложившуюся политическую ситуацию и обратился за помощью к Тимуру, который оказал ему поддержку в борьбе с турками, и эта часть Армении теперь избежала разгрома. Из Ерзнка Тимур двинулся на Грузию, а оттуда вторгся в Золотую орду и разгромил Тохтамыша, после чего вернулся в Среднюю Азию и совершил поход на Индию.

В Армении восстановил свою власть Кара-Юсуф. Но в 1399 г. Тимур опять вторгся в Закавказье и Южную Армению, опустошая все на своем пути, перешел Евфрат и захватил богатый город Сивас (Себастию) в Малой Армении, населенный преимущественно армянами. Зверства и жестокости войск Тимура здесь не знали предела. Заживо были зарыты в землю дети и женщины. Эти места в памяти армян сохранились под названием «черных земель». Поход кончился Ангорской битвой в 1402 г., во время которой к Тимуру попал в плен турецкий султан Баязид II, а его татарские и туркменские войска в числе 40 000 человек перешли на сторону врага. Чтобы ослабить тыл турок, Тимур переселил значительную часть татарских и туркменских кочевников во внутренние области Армении.

В Армении Тимур преследовал цель уничтожить утвердившихся в стране сторонников золотоордынского хана Тохтамыша и турецкого султана Баязида II — различных туркменских и татарских вождей и военачальников, которые мешали ему осуществить план создания обширного государства наподобие державы Чингис-хана. В этой борьбе Тимур нередко опирался на некоторые группы армянских феодалов.

В течение двадцатилетнего господства Тимура в Армении все же сохранили власть в своих вотчинах те из армянских ишханов и владетелей, которые подчинялись представителям областей, назначае-

мых Тимуром из татарско-чагатайской военной верхушки. Несмотря на то, что значительная часть армянских монастырей была разрушена, такие монастыри, как Татев, Апракунис, Ованнаванк и другие, все же продолжали свое существование как крупные феодальные центры.

Во время владычества Тимура больше всего страдали крестьяне. На них падала основная тяжесть бесконечных повинностей, постоев и содержания войск Тимура. В то же время крестьянин должен был попрежнему платить все подати и нести повинности в пользу своих армянских господ и церкви. Не менее тяжелой была участь ремесленников, которые уводились Тимуром в Самарканд.

* * *

По смерти Тимура Армения надолго попадает под власть туркменских орд кара-койюнлу и ак-койюнлу. Вождь племени кара-койюнлу Кара-Юсуф в 1406 г. завладел значительной частью Армении. В 1407 г. он одержал победу над сыном Тимура Мираншахом и грузинским царем Георгием VII.

К 1411 г., победив Тимуридов, Кара-Юсуф стал хозяйничать в Армении, Месопотамии, Азербайджане и Юго-Восточной Грузии. Однако в 1420 г. воцарившийся в Самарканде сын Тимура Шахрух пошел на Кара-Юсуфа с большим войском. Во время войны под Тавризом Кара-Юсуф умер и борьбу продолжали его сыновья. Война между татарскими и туркменскими ордами сопровождалась также и внутренней феодальной войной между сыновьями Кара-Юсуфа и между ними и курдскими шейхами.

Сын Кара-Юсуфа Искендер (1421—1435) одержал победу над всеми своими противниками и в 1421 г. завладел Тавризом. Он даже стал титуловать себя «шахарменом». Но мир все же не был установлен. Искендер в течение 17 лет вел войну с Тимуридом Шахрухом. Во время этих войн особенно пострадали западные области Армении. Разорение довершил страшный голод, снова постигший страну в 1431—1432 гг. Целые области обезлюдели. Часть населения в страхе покидала родину, переселяясь не только в Грузию, но и в более отдаленные страны — Русь и Западную Европу.

Жители Араратской долины и Сюника бежали в Грузию, где были более сносные условия для существования. В годы тимуровых походов и последующих войн больше всего страдали армянские области, находившиеся в составе Грузинского государства: Сомхити, Лори, Агстев и т. д. Армянское население этих областей бежало в северные пределы Картли и Кахети, и прежние цветущие долины пустовали. Александр I стремился заселить эти земли армя-

нами. В 1436 г. владетель Сюника ишхан Бешкен Орбелян со всеми зависимыми крестьянами в количестве 60 000 человек переселился в Сомхити, сделавшись вассалом своего зятя Александра I. Снова Лори и окружающие земли стали вотчиной Орбелянов.

Бóльшая часть Армении, как было указано, подпала под власть орд кара-койюнлу. После смерти Искендера правителем Азербайджана и Армении стал его брат Джеханшах (1435—1467), который также имел свою резиденцию в Тавризе. Он опирался на часть уцелевших в стране армянских феодалов. Многие отпрыски армянских феодальных фамилий были восстановлены во владетельных правах, получив должности правителей своих областей в качестве меликов и танутэров. Армянские феодалы-ишханы в это время правили в армянских областях: Гехаркуник, Вайоц-дзор, Сюник, Верхний Хачен, Хачен (Арцах) и т. д. Многие из монастырей-феодалов вновь получили прежние владения с крепостными крестьянами.

В это время начинается некоторое оживление городов и посадов в районе Нахичевани и на побережье Ванского озера. Города Джуга и Акулис получили права «хас»'а и непосредственно подчинялись Джеханшаху. Вскоре Джуга сделался крупным складочным пунктом по торговле Востока с Россией и Западной Европой, в первую очередь гилянским шелком. При Джеханшахе в 1440 г. было образовано особое наместничество в Айрарате с центром в Ереване. Правителем области был назначен сын его Якуб-бек (около 1440—1468 гг.).

Джеханшах, ведя борьбу с католическими миссионерами, оказывал покровительство армянской феодальной церкви. Поэтому хан Еревана Якуб-бек пошел навстречу пожеланиям армянской знати и купечества, и местопребывание духовного главы армянской церкви (католикоса) из Сиса (в Киликийской Армении) было перенесено в монастырь Эчмиадзин, находившийся в г. Вагаршапате (1441). Постепенно возрастает значение Эчмиадзина как политического центра Армении и города Еревана как центра всей Араратской долины[1].

В годы царствования в Армении и Азербайджане Джеханшаха на западе усиливалась Оттоманская Турция, а на юге — туркмены ак-койюнлу. Под властью орды ак-койюнлу находились области Юго-Западной Армении, Северной Месопотамии и Курдистана. Центром ак-койюнлу являлся г. Амид (Дийярбекр). В стремлении завладеть и центральными областями Армении вождь орды ак-койюнлу Джехангир опирался не только на курдских шейхов и беков, но и на социальную верхушку Армении — дворян, духовенство и купечество. В Армении войны почти не прекращались. В 1440—1462 гг. во время войн Джехан-

---

[1] *Е. А. Шах-Азиз.* Старый Ереван (на арм. яз.), Ереван, 1931, стр. 70, 82—83.

шаха с Джехангиром, особенно пострадали области Васпуракан и Карин.

Стремясь сохранить свою политическую власть, армянские феодалы нередко принимали духовное звание. Характерным явлением этой поры было то, что должности епископов отдельных областей становились наследственной привилегией отдельных феодальных домов. Так было, например, в Гандзасаре, Ахтамаре, Татеве и Санаине. Католикос Ахтамара Захария Арцруни, пользуясь поддержкой туркменских правителей, отнял сан у Григора Вирапеци и с титулом «католикоса всех армян» сел на эчмиадзинский престол. После смерти Захарии католикосом Ахтамара стал другой его племянник — Стефаннос. Последний посвятил в 1465 г. своего брата Смбата в «цари Армении». Номинальное царствование Смбата продолжалось всего два года, но оно свидетельствует о стремлении правящих кругов Армении восстановить самостоятельную государственность.

Преемнику Джехангира, Узун-Хасану (1468—1478) удалось в 1468 г. разгромить орду кара-койюнлу и захватить власть над всем Азербайджаном и Арменией. Тавриз сделался столицей орды ак-койюнлу, власть которой продолжалась до начала XVI в.

Орде ак-койюнлу пришлось выдержать натиск усилившейся Оттоманской Турции, которая после захвата Балканского полуострова завладела торговыми путями, связывавшими Запад с Востоком. Оставалась единственная магистраль восточной караванной торговли, которая из Тавриза и Джуги вела через Киликию и Сирию к портам Средиземного моря. Теперь турки грозили захватить и этот путь. Война, начатая Узун-Хасаном в 1471 г. с турками, окончилась его поражением. Турки впервые завладели Киликией, а с 1473 г. они начали захватывать и области коренной Армении.

Относительный мир, наступивший после смерти Узун-Хасана, вновь сменился войнами и разрушениями, которые продолжались вплоть до начала XVI в.

* * *

Крестьяне все больше попадали в зависимость от новых владельцев, различных племенных вождей и военачальников из татар, туркмен и турок. Для армянских хронистов этого периода обычны выражения: «во времена горечи и притеснений», «в годы тяжелых налоговых взысканий» и т. д. Крестьянину приходилось платить бесконечные подати, основными из которых были поземельный налог-бахра (до половины урожая) и подушная подать, собиравшаяся обычно деньгами. При этом оставались подати и

приношения в пользу армянского ишхана, собственных феодалов и церкви.

Туркменские правители давали своим приближенным тарханные грамоты, согласно которым доходы с селения или целого района жаловались им за известную службу. Тархан получал сам все доходы, собираемые с крестьян в пользу государства и был свободен от податей. Тарханные грамоты получали также многие армянские дворяне, низведенные на положение обычных сельских старост (танутэров). Тяжелые государственные налоги и повинности в пользу местного феодала и церкви, в пользу государственных чиновников и армии способствовали углублению всеобщей разрухи и обнищания. По сообщению историка Товма Мецобеци, бывший предводитель разбойничьих шаек, назначенный правителем некогда цветущей области Карин, наложил на армянских крестьян такие тяжелые подати, что они умирали с голода, ходили в лохмотьях и босые в поисках пищи.

Особенное распространение получила торговля пленными, которая стала важным источником доходов для многочисленных татарских и туркменских военачальников и племенных вождей. Они захватывали в плен армянских и грузинских жителей из одной области и увозили для продажи в другую область. Нередко брались в плен женщины, и мужей заставляли выкупать их. Обычно пленные увозились на невольничьи рынки в Багдад, Каир, Александрию, Константинополь, Мешхед и т. д.

Старые города продолжали влачить жалкое существование: Карин, Ерзнка, Карс, Муш, Ван, Хой, Нахичеван и др. Новые центры—Ереван, Джуга, Акулис и другие были связаны с транзитной торговлей. Городские ремесленники производили ювелирные изделия (особенно в Карине и Ване), прославленные сукна и ткани (Ерзнка и Муш). В Западной Европе был попрежнему большой спрос на армянские ковры и краски. Часть армянских феодалов сливалась с купечеством, наравне с ним называясь паронами.

Если господство татаро-монгольских орд имело катастрофические последствия для дальнейшего развития Армении, то после их ухода Армения подверглась нашествию новых кочевых племен, переживавших процесс феодализации. Завоеватели прежде всего обрушивались на города и предавали их грабежу и разрушению, а население, не успевшее бежать, истреблялось. Армения привлекала кочевников своими высокогорными альпийскими лугами и теплыми долинами.

Разрушив города и ограбив страну, орды завоевателей остались кочевать в Армении. Они систематически вытесняли армянское население с насиженных мест. Плодородные долины превращались в пастбища, и здесь, как и в альпийской зоне, утверждались пришлые племена та-

тарских, туркменских и курдских кочевников. Прежняя высоко развитая земледельческая культура уступала место примитивным формам хозяйства кочевого скотоводства.

После установления господства монголов Армения долгое время находилась под властью завоевателей. Последние, помимо разорения страны и истребления населения, проводили фискальную политику, превращавшуюся в организованный грабеж населения и прежде всего крестьян. Хозяйственная разруха даже в периоды непродолжительного мира не давала возможности крестьянину восстановить обнищавшее хозяйство.

Были подорваны экономические основы дальнейшего существования армянского феодального общества. Страна возвратилась к полупатриархальным-полуфеодальным общественным отношениям.

* * *

Монголо-татарское господство оказывало отрицательное влияние на развитие армянской науки и культуры. Однако это развитие не прервалось полностью. В этот период (1230—1338) действовал знаменитый Гладзорский университет, воспитавший большое количество деятелей феодальной культуры. Так, ректор Есай Нчеци в течение своего ректорства подготовил 363 ученика. Владея всеми достижениями армянской культуры, он в то же время был знатоком древнегреческой философии, которую изучал в подлинниках. Со всех концов Армении и Киликии ученики стекались в Гладзор, где проходили курс обучения в течение 6—12 лет. Современники называли Гладзор «вторыми Афинами», «хамалсараном» (университетом) и «великим варжараном» (школой). Во время борьбы между последними ильханами этот университет закрылся, но открылись новые школы: в Ерзнка, Арцке, Мецобаванк, Эрмона, Апракуниса, Астапата, Ованнаванка, Татева и др. Продолжала действовать Ахпат-Санаинская школа.

Питомцем Ахпат-Санаинской школы являлся Иоанн Ерзнкаци, автор «Трактата о движении небесных тел, о светилах на небе и о неподвижности Земли». В этом трактате ценно представление о мироздании. Интересна глава восьмая: «О том, каким образом двигается и обращается шар небесный и как движутся Солнце, Луна и звезды».

В бедственную пору господства татарских и туркменских захватчиков при монастыре Татев, под покровительством феодалов Орбелянов, действовала высшая школа с тремя факультетами: живописи, естествознания и богословия — философии. Здесь вели преподавание такие деятели феодальной культуры, как Иоанн Воротнеци (1315—1388) и Гри-

гор Татеваци (1346—1411). Школы нередко кочевали с места на место, ютясь в трудно доступных пещерах и горных убежищах.

После Мхитара Гераци (XIII в.) наиболее видным представителем армянской медицины является живший в XV в. Амирдовлат, уроженец Амасии. Амирдовлат был человеком очень образованным, знал множество языков (греческий, латинский, арабский, персидский, татарский) и написал десять трактатов на разговорном армянском языке.

В монастырях не прекращалась работа по переписке старых и написанию новых книг, которые украшались превосходными миниатюрами. Многочисленные записи («ишатакараны») сообщают, что некоторые книги были «в плену» и «освобождены» ценой уплаты огромного выкупа похитившим их «варварам». Рассказывается даже о таком случае, когда один армянин совершил далекое путешествие в Самарканд, чтобы «освободить из плена» свою «переплетенную золотом» книгу. Он вернул книгу, но уже без обрамлявшего ее роскошного переплета.

Наиболее крупные историки Армении XIII в.— это Киракос Гандзакеци (1200—1271), который написал «Историю Армении» со времени христианизации армян до 1265 г., Вардан Великий (1201—1271), автор «Всеобщей истории», и Григор Акнерци, составивший «Историю народа стрелков» (т. е. монголов). Все эти историки принадлежали к школе вардапета Иоанна Ванакана (умер в 1251 г.), который и сам был историком. К сожалению, его труд, посвященный истории XII—XIII вв., утерян. Школа Иоанна Ванакана сложилась еще до монгольского нашествия, в годы правления Захаридов.

Для времени монгольского владычества надо отметить труды Стефанноса Орбеляна (умер в 1304 г.), близкого монголам, написавшего «Историю дома Сисакан» (до 1299 г.), и летописца Мхитара Айриванеци, доводящего изложение исторических событий до 1289 г.

В Киликийской Армении можно указать небольшую хронику о Рубенидах коннетабля Смбата (1208—1275) и «Историю татар» царя Этума II, написанную по поручению папы Климента V. Труд Этума «История Гайтона», повидимому, первоначально был написан на французском языке в 1307 г. и тогда же переведен на латинский. Сочинение Этума являлось одним из популярных сочинений о Востоке в феодальном обществе средневековой Европы и было переведено почти на все европейские языки.

После Стефанноса Орбеляна и вплоть до XVII в. армянская феодальная историография представлена мелкими хронистами. Для этого периода можно отметить работы Товма Мецобеци (1378—1448), который оставил сочинение о походах Тимура и последующих сорока годах истории Армении до середины XV в. Это сочинение носит скорее характер летописи. Современником Мецобеци был хронист Григор Хлатеци

(1350—1425), который написал в стихах летопись событий 1386—1422 гг.

Во время владычества монголов развивалась зародившаяся еще до нашествия монголов светская поэзия. Для XIII в. надо отметить произведения поэта Фрика. В его поэзии особенно ярко отразилась вся тяжесть татарского ига. Сам поэт пострадал от баскаков, которые увели в неволю его сына под залог с тем, чтобы Фрик внес наложенные на него подати. До нас дошло 45 лирических стихотворений Фрика, в которых он ропщет против монгольского гнета. Фрик бичует также богатых, стяжавших богатства ценой ограбления народа. Фрик выступает в поэзии как гуманист и патриот. Его творчество позднего периода глубоко реалистично. Фрик ведет спор с судьбой, которая несправедлива к народу, в силу чего один пользуется всеми благами природы, а другой живет, будучи лишен и крова и пищи. Наконец, поэт ропщет против бога, который допускает столько несправедливостей на земле. Фрик выступает не только против татарского ига, но и вообще против порядков феодального общества. Произведения Фрика принадлежат к средневековым памятникам поэзии мирового значения.

Младшим современником Фрика является поэт Константин Ерзнкаци (около 1250—1340 гг.). В армянской поэзии он положил начало любовной лирике. Подобно Фрику, Константин Ерзнкаци отошел от классического грабара (древнеармянского литературного языка) и писал на народном средневековом армянском языке. В своем творчестве он использовал неисчерпаемые богатства народного языка. Творчество отдельных армянских поэтов настолько тесно связано с народной поэзией, что подчас трудно провести различие между ними. О поэме Константина Ерзнкаци «Весна», поэт В. Я. Брюсов замечает: «По силе, по энергии стиха и языка поэма сделала бы честь любой литературе Западной Европы того века, и Европе даже нечего ей противопоставить»[1]. Сохранилось 26 лирических стихотворений Константина Ерзнкаци, в которых он выступает как гуманист и передовой мыслитель своей эпохи. Он пантеист. Он любит природу и жизнь, в которой человек должен наслаждаться. Его поэзия наполнена оптимизмом. Он воспевает солнце и свет как источник жизни.

Во второй половине XIV в. наиболее выдающейся фигурой в армянской поэзии является Иоанн Телкуранци, певец любви и светлой жизни. Его перу принадлежит также эпическая поэма «Песнь о храбром Липарите», павшем смертью героя при защите столицы Сис. Младшим современником Иоанна Телкуранци был Аракел Сюнеци (1355—1415), ученик Григора Татеваци. Его любовная лирика не свободна от церков-

[1] *В. Я. Брюсов.* Поэзия Армении. М., 1916, стр. 50.

ной идеологии, что особенно отразилось в его большой поэме-драме «Адамгирк», написанной на библейский сюжет. Другой крупный поэт— Аракел Багишеци откликнулся на взятие турками Константинополя большой поэмой, в которой он призывает народ выступить против турок. В XV в. крупным поэтом и художником является Мкртич Нагаш. В своих стихах и поэмах он оплакивает горькую долю покинувших родину переселенцев. Он зло издевается над жадными монахами. Его язык близок к народному разговорному языку.

В области зодчества выделяются дворцы и храмы, сооруженные в Сюнике, Ани и других местах преимущественно для армянских феодалов и купцов, разбогатевших на поставках монгольской армии. Лучшими памятниками светского зодчества этого времени являются: дворец Саргиса в Ани и дворец Сахмадина в Мрене (построен в 1276—1283 гг.). В этих и других подобных им постройках прежде всего обращает внимание тщательно отделанный портал с богатой художественной резьбой. Большое распространение получают церковные притворы—«жаматуны» и обширные монастырские трапезные. Появляется новый тип сооружений — колокольня. Постепенно монастырские сооружения окружаются крепкими стенами с бойницами и превращаются в надежную крепость против татарских полчищ. Большое строительство велось в Сюнике, во владениях Орбелянов и Прошянов. Типичны для этой поры также мусульманские мавзолеи в Хлате, построенные в конце XIII в.

Особое место в истории армянской архитектуры занимает пещерный монастырь в Гехарде (Айриванк), который представляет комплекс сооружений, целиком высеченных в скале. Внутри каждое церковное здание увенчано куполом с просветами, а стены украшены орнаментом и рельефами. Шедевром зодчества следует считать свисающие сталактиты.

Со второй половины XIV в. строительное искусство в Армении замерло, а существовавшие памятники архитектуры были варварски разрушены. Руины великолепных дворцовых и храмовых зданий либо становились убежищем диких зверей, либо на них разбивал свою юрту кочевник — татарин, туркмен или курд. Характерно, что когда в середине XIV в. в районе северного побережья озера Ван строился монастырь Мецобаванк, не нашлось армянского архитектора и пришлось пригласить греческих зодчих из Малой Азии.

В скульптуре исчезает прежняя монументальность. В порталах здания появляется декоративный элемент. Со второй половины XIII в. скульптурные изображения встречаются преимущественно в Сюнике. Среди них интересны реалистически разработанные изображения ишханов Эачи Прошяна и его сына в Гладзоре, Смбата Орбеляна в Но-

раванке. Декоративно разработаны скульптуры Тарсаиджа, Орбеляна и его жены Мина-Хатуны в Елегисе.

Для скульптуры, так же как поэзии, живописи и зодчества, характерна реалистическая передача сюжета. В этом отношении интересно изображение мадонны на тимпане церкви Сурб-Аствацацин в Гладзоре. Изображения, подобные гладзорской мадонне, встречаются в западной Европе лишь в период раннего возрождения.

Со времени установления монгольского владычества в Армении фресковая живопись переживает глубокий застой. Наиболее выдающийся памятник стенной живописи — портретное изображение парона Хутлу-Буги в монастыре Ахпат, относящееся к концу XIII в. Большое развитие получает миниатюра. Переживает расцвет народное направление в миниатюре. Художники обогащали апокрифический сюжет[1], вводя в него элементы реализма. Одновременно слагался новый своеобразный стиль, полный напряжения, который к середине XIV в. представлен произведениями ванских мастеров, чье творчество повлияло на многие местные школы (Ахтамарскую, Татевскую, Каринскую и др.).

Значительным памятником мастеров ванской школы является четвероевангелие 1304 г., иллюстрированное в Нахичевани. Эта рукопись украшена всего четырьмя миниатюрами, но имеет многочисленные маргинальные знаки, насыщенные разнообразной оригинальной орнаментикой, изображениями птиц, животных, растений, масок, сосудов и пр., исполненные графически-акварельным приемом. То же следует отметить в четвероевангелии 1332 г.

Трактовка сюжетных миниатюр приближается к станковой, развивается красочная гамма, на основе глубоких, почти темных тонов (например, рукопись монастыря «Таргманчац»). Искусство миниатюры пользовалось особым вниманием и покровительством двора, католикоса и придворных кругов и достигло исключительной пышности и изысканности, часто конкурируя с ювелирными изделиями. Внимание мастеров сосредоточивается главным образом на создании роскошного убранства книги с пышными заглавными листами и обрамлениями тематических миниатюр, исполненных с обилием золота. Появляется придворный портрет (заказчика). Мастера, ограниченные рамками сюжета и вкусов заказчика, находили возможным передавать в дополнительных деталях общего убранства книги как свое реалистическое толкование сюжета, так и мотивы окружавшей их жизни, что дает обильный материал для изучения преимущественно придворной жизни, театра, костюмов, фауны и флоры.

[1] В христианской и других религиях апокрифами назывались древние книги, содержание которых не вполне совпадало с официальным вероучением и которые поэтому не признавались «священными».

Особенно выдающимся мастером киликийской школы является Торос Рослин, работавший до конца XIII в., который оставил несколько подписных произведений. Некоторое время киликийская миниатюра держится еще на известной высоте технических достижений (мастер Саргис Пицак).

С конца XIV в. киликийские художественные традиции долгое время выражаются в сухой передаче ранее выработанных мотивов и живописных приемов, утративших свежую и сочную игру красок.

6

АЗЕРБАЙДЖАН ДО КОНЦА XV В.

После ухода из южного Азербайджана главных сил золотоордынских правителей (1357) власть здесь поочередно захватывали: Ахичук, один из эмиров Ашрафа, принадлежавший к чобанидской группировке монгольской кочевой знати; глава враждебной Чобанидам джелаиридской группировки султан Увейс Джелаирид, правивший в Багдаде; снова Ахичук; эмир Фарса Мубариз-ад-дин-Мухаммед из династии Музаффаридов; наконец, снова Увейс Джелаирид (1360). Ширваншах Кавус некоторое время отстаивал независимость Ширвана, но позднее вынужден был признать себя вассалом Джелаиридов (1367). Тебриз стал летней резиденцией Джелаиридов, зимней же остался Багдад.

Владычество Джелаиридов в южном Азербайджане и Арране длилось с 1360 до 1410 г. с перерывом во время нашествия Тимура. Под непосредственной властью Джелаиридов находились Южный и часть северного Азербайджана (Арран), Ирак арабский с Багдадом, Западная Персия; в вассальной зависимости от джелаиридских султанов — Грузия и Ширван.

В Ширване и при монгольском владычестве оставались местные вассальные правители — ширваншахи, хотя власть их была очень урезана. Во время распада государства Хулагидов власть в Ширване находилась попрежнему в руках ширваншахов династии Кесранидов, опиравшихся на местных крупных феодалов. Об истории Ширвана этого времени имеются лишь краткие и скудные известия. Подробности происходивших здесь событий неизвестны. После смерти последнего представителя династии Кесранидов Хушенга ибн-Кавуса власть была, повидимому, захвачена каким-то узурпатором, вскоре свергнутым и уничтоженным во время народного восстания, в котором участвовали крестьяне и мелкие землевладельцы (1382). В XIV—XV вв. ряд стран Передней и Средней Азии пережил полосу восстаний, вре-

менно объединявших крестьян, ремесленников, купцов и мелких феодалов, направленных против феодальной верхушки и знати кочевых племен. Такого же типа было и ширванское восстание 1382 г.

После восстания 1382 г. власть попала в руки новой династии так называемых дербендских ширваншахов (1382—1538), которые позднее сделались опорой крупных феодалов. Новому ширваншаху пришлось проявить немало дипломатической ловкости, чтобы сохранить свое государство во время борьбы Золотой орды и Чагатайского государства Тимура (в Средней Азии) из-за Кавказа и прикаспийских областей. Оба соперничавших государства стремились к обладанию этими областями вследствие их военно-стратегического значения (кавказские и прикаспийские проходы) и потому что через них пролегали пути европейско-азиатской караванной транзитной торговли.

Золотоордынский хан Тохтамыш, объединивший в своих руках два улуса (Белую и Синюю орды), на которые распалась Золотая орда, на короткое время занял Азербайджан (1385), рассматривая его как плацдарм для завоевания Передней Азии. В Дербенде, Баку, Шемахе золотоордынские татары стали чеканить монету с именем Тохтамыша. Ввиду протеста Тимура, с которым Тохтамыш тогда еще не решался начать открытую войну, они скоро очистили Азербайджан. Уже через год Тимур начал военные действия против государства Джелаиридов и занял Тебриз (1386). Султан Ахмед Джелаирид бежал, разбитый близ нахичеванских соляных копей. Тимур совершил несколько походов в Северный Азербайджан (Ширван, Шеки, Дербенд, Карабах), страшно опустошил Грузию и Армению и подчинил себе часть Дагестана. Наиболее упорное сопротивление Тимуру в Азербайджане оказала крепость Алинджак (ныне развалины Алинджа-кала в Нахичеванской АССР). С военной помощью Грузии она держалась до 1400 г.

Взятие войсками Тимура городов в Закавказье сопровождалось жестокостями, напоминавшими время завоеваний Чингис-хана. По словам историка Низам-ад-дина Шами, воины Тимура «все разграбили, добро и состояние [жителей], коней, верблюдов, быков и баранов захватили без счета, а женщин и девушек-красавиц полонили». Ремесленников не обращали в рабство, как это делали Чингисиды, но лучших из них принудительно переселяли в Самарканд.

Население, оказывавшее упорное сопротивление, избивалось поголовно, из десятков тысяч черепов сооружались башни. Эти жестокости, от которых страдал главным образом простой народ, совершались по прямому приказу Тимура; при взятии некоторых городов давалось приказание, чтобы каждый воин доставил в лагерь хотя бы по одной отрубленной голове. Во время нашествия Тимура сильно пострадала столица южного Азербайджана — Тебриз. Войско Тохтамыша

увело в плен 90 000 жителей Тебриза. Особенно упорную войну повел Тимур с Грузией, оказавшей героическое сопротивление[1].

Область Шеки была целиком разорена, местный князь Сиди-Али, союзник Грузии, бежал, присоединился к защитникам крепости Алинджак и был убит под ее стенами. Ширваншах Ибрагим, не видя иного способа охранить Ширван от разорения, подчинился Тимуру. Он не раз являлся к Тимуру на поклон и устраивал в честь чагатайского (тимуридского) войска пиры, на которых начальникам раздавались в подарок рабы и рабыни (красивые юноши и девушки), кони, драгоценные ткани и т. д. Во время походов по Закавказью Тимур обычно зимовал на богатых пастбищах Карабахской и Муганской степей.

В 1393 г. Тимур назначил в удел для своего сына Мираншаха Закавказье и Переднюю Азию «от Баку до Багдада и от Хамадана (в Западной Персии) до страны османских турок» под именем «престола Хулагу», или «удела Хулагу», но позднее передал этот удел сыну Мираншаха Омару, а Мираншаху оставил только Карабах и Армению.

Мираншах систематически применял массовое выселение жителей Азербайджана и Армении в другие области. На место их поселялись десятки тысяч тюркоязычных кочевников из Средней Азии. Кочевые племена, входившие в состав «правого крыла» армии Мираншаха, были поселены в Карабахе и Нахичеванском крае, а воины «левого крыла» — в южном Азербайджане. Все эти племена слились с азербайджанским народом.

При Тимуре была сделана попытка оживить запустевшую было Муганскую равнину путем создания оросительной сети, причем были восстановлены и старые оросительные каналы. В 1403 г. был восстановлен разрушенный еще монголами г. Бейлекан. Однако строительная деятельность Тимура имела не столько практический, сколько показной характер для прославления его личности. Возведенные наскоро и технически небрежно постройки на Мугани и в Бейлекане быстро пришли в упадок.

После смерти Тимура (1405) в восточных областях государства Тимуридов началась феодальная война за престол между сыном Тимура Шахрухом и его племянником (сыном Мираншаха) Халил-султаном. Вследствие этого западные области Тимуридской державы были предоставлены самим себе. Власть в Азербайджане оспаривали получивший в управление от Тимура все переднеазиатские страны («удел Хулагу») его внук Омар и брат Абу-Бекр.

---

[1] См. гл. 4, § 2 настоящего издания.

Ширваншах Ибрагим счел создавшуюся обстановку благоприятной для освобождения Азербайджана от чужеземного владычества. Он занял при поддержке горожан Тебриз, но, не располагая большими силами, должен был уступить его вернувшемуся в южный Азербайджан султану Ахмеду Джелаириду (1406). Еще во время борьбы с Тимуром султан Ахмед Джелаирид вступил в союз с Кара-Юсуфом, главой союза кочевых племен кара-койюнлу («чернобаранные»), кочевавших к югу от озера Ван. Вступив в Южный Азербайджан вместе с Ахмедом Джелаиридом, кара-койюнлу разбили сперва на р. Араксе Абу-Бекра (1406), потом при Сардруде близ Тебриза — Мираншаха, который пал в битве (1407). Владычество Тимуридов в Южном Азербайджане и Карабахе прекратилось (1408).

Но владычество Джелаиридов здесь оказалось непрочным. Попытка султана Ахмеда отделаться от ставшего для него опасным Кара-Юсуфа привела к войне между ними. В битве при Шанб-и-Газане близ Тебриза (30 августа 1410 г.) войско Ахмеда Джелаирида было разбито наголову, а сам он удавлен Кара-Юсуфом, предварительно заставившим его написать указ, оформлявший переход власти в руки новой династии. Теперь владения кара-койюнлу обнимали южный Азербайджан, Арран (Карабах), Армению и Ирак арабский. Столицей был Тебриз.

Ширваншах Ибрагим, желая отстоять независимость Ширвана от Кара-Юсуфа, заключил союз с Сиди-Ахмедом шекинским и царем Грузии Константином (1407—1412). Но Кара-Юсуф сумел привлечь на свою сторону многих феодалов Карабаха, Южного Азербайджана и Курдистана, особенно из военной знати кочевых племен, раздавая им ленные пожалования (сойюргал): одному из эмиров, например, было пожаловано в сойюргал 600 селений и хуторов, другому—четыре округа в Армении.

В битве на берегу Куры ширваншах Ибрагим и его союзники потерпели поражение (в декабре 1412 г.). Пленного царя Константина Кара-Юсуф заколол своими руками. Ширваншах также был взят в плен и в цепях доставлен в Тебриз вместе с братом, сыновьями и советниками.

Тебризские купцы и горожане, сохранявшие связи с ширваншахом, выступили в качестве посредников между ним и Кара-Юсуфом и предложили внести заимообразно выкуп за пленных ширванцев с тем, что казначейство Кара-Юсуфа согласится принять этот выкуп не деньгами, а товарами. Кара-Юсуф согласился, назначив огромный выкуп: за ширваншаха — 1200 туманов, за брата его Бахлюля — 200 туманов и т. д. Ибрагим должен был признать себя вассалом Кара-Юсуфа и получил из его дивана грамоту на ленное владение Ширваном. Но после смерти Кара-Юсуфа (1420) сын и преемник

Ибрагима ширваншах Халил-уллах I (1417—1462) перестал признавать эту зависимость. Сын Кара-Юсуфа Искендер (1420—1435) трижды (1427, 1430, 1434) пытался покорить Ширван, но безуспешно. В борьбе с державой кара-койюнлу ширваншах опирался на союз с тимуридским султаном Шахрухом (1405—1447). До начала XVI в. Ширван оставался независимым государством.

Самым могущественным из государей кара-койюнлу был брат Искандера Джеханшах (1435—1467), свергнувший его и воцарившийся при поддержке тимуридского султана Шахруха, вассалом которого Джеханшах себя признал. Но после смерти Шахруха (1447) Джеханшах объявил себя независимым, принял титул султана, начал военные действия с Тимуридами. Он опустошил и завоевал всю Западную Персию (1452—1455), занял было и Хорасан (1458), но должен был уступить его тимуридскому султану Абу-Саиду (1451—1469), с которым заключил затем военный союз. Джеханшах несколько раз нападал на Грузию; в 1440 г. он взял важную грузинскую крепость Самшвилде, уведя много людей в полон и воздвигнув две башни из 10 000 черепов убитых.

Руководствуясь теми же соображениями, что и Тимур, Джеханшах построил в Тебризе «Синюю мечеть» («Гёк-джами»), один из самых великолепных художественных памятников Переднего Востока. Чтобы угодить мусульманскому духовенству, Джеханшах увеличил размеры хараджа (поземельной подати) с подданных христиан; предполагалось, что эта мера вызовет массовый переход в ислам, чего, однако, не случилось. Он стремился держать в подчинении и мусульманское духовенство и военно-кочевую знать. Биограф Доулетшах (XV в.) называет Джеханшаха жестоким тираном.

Старинным (еще с последней четверти XIV в.) врагом кара-койюнлу были кочевые племена ак-койюнлу («белобаранные»), владевшие Верхней Месопотамией с г. Дийярбекром. Члены правящей династии ак-койюнлу поддерживали союзные отношения с греческими трапезундскими императорами. Узун-Хасан Ак-Койюнлу (1453—1478), женатый на сестре последнего трапезундского императора Давида, в 50-х годах с помощью значительного войска, как было указано выше, занял Армению, отняв ее у кара-койюнлу. В мае 1467 г. Джеханшах вторгся в Южную Армению, но был разбит Узун-Хасаном и отступил. Во время отступления Джеханшах был убит.

После этого войска Узун-Хасана обрушились на главные силы кара-койюнлу в южном Азербайджане. Сын Джеханшаха Хасан-Али пытался сопротивляться, но не был поддержан ни феодальным ополчением, ни населением. Он просил помощи у тимуридского султана Средней Азии и Хорасана Абу-Саида, который опасался усиления ак-

койюнлу и выступил против Узун-Хасана, но опоздал; он прибыл с войском в Азербайджан уже осенью 1468 г., после разгрома войсками Узун-Хасана остатков кара-койюнлу; Абу-Саид задумал зимовать в Муганской степи, рассчитывая, что ширваншах Фаррух-Ясар (1462—1500), верный традициям дружбы ширваншахов с Тимуридами, пришлет из Баку морским путем продовольствие и военную помощь. Но ширваншах, видя превосходство сил Узун-Хасана, заключил с ним союз. Войско Абу-Саида было блокировано на Мугани. Абу-Саид сдался и был казнен.

Так пало государство кара-койюнлу. На его месте в 1468 г. утвердилось государство ак-койюнлу, объединившее в своих пределах южный Азербайджан с Карабахом до р. Куры на севере, Армению, Верхнюю Месопотамию, Ирак арабский и всю Персию, кроме Хорасана, Мазендерана и Гиляна. По своему внутреннему строю оно почти не отличалось от государства кара-койюнлу.

Государства Джелаиридов, кара-койюнлу и ак-койюнлу были конгломератом земель, объединенных случайностями завоевания; по внутреннему строю они были как бы продолжением Хулагидского государства. Столицей оставался Тебриз. Попрежнему власть сосредоточивалась в руках феодализированной верхушки кочевой знати. Дальнейшим развитием прежнего института лена-икта стал новый вид наследственного ленного пожалования — сойюргал, предоставлявший владетелям его еще более широкие права: иммунитет не только налоговый, но и административно-судебный с запрещением всем чиновникам государственного аппарата вступать на сойюргальную территорию и заводить переписку по поводу нее; это запрещение в фирманах государей выражалось в формуле: «пусть они [чиновники.— *Ред.*] укоротят перья и уберут оттуда ноги».

Раздачу сойюргалов практиковали все падишахи кара-койюнлу и ак-койюнлу; по словам историка Хасан-бека Румлу (XVI в.), никто не раздавал столько сойюргалов, как Рустам-падишах белобаранный (1491—1496)[1]. Повинности крестьян оставались в основном такими же, как при монгольских ильханах; в одной сойюргальной грамоте 1498 г. перечислен 31 вид податей и повинностей райятов[2].

В XV в. ширваншахи жили чаще всего в Баку, который во второй половине XV в. стал главной гаванью на Каспии, вследствие чего тор-

---

[1] Хасан-бек Румлу. Ахсан-ат-таварих. Изд. Gaekwad's Oriental series, Барода, 1931, перс. текст, стр. 15—16.

[2] См. *V. Minorsky*. A. soyurghal of Qasim Aq-Qoyunlu. «Bulletin of the School of Oriental Studies», vol. IX, part. 4, 1939 (приведены перс. текст и англ. перевод).

говое значение Дербенда сильно упало. Из Баку вывозили нефть, соль и шелк. Ежедневная добыча нефти составляла 200 харваров (ослиных вьюков)[1].

* * *

Достижения азербайджанских зодчих и ремесленников представлены рядом памятников.

В начале XV в. в Баку были две крепости: одна — на горе, другая, сохранившаяся до наших дней,— внизу у самого моря. При ширваншахе Халил-уллахе I в Баку был построен ширваншахский дворец — целый комплекс зданий, соединенных внутренними дворцами. Среди них выделяется интересный художественный памятник — так называемый диван-ханэ, предполагаемое место судебных заседаний ширваншахов: посреди двора, обнесенного колоннадой с арками, стоит восьмигранная ротонда с куполом и арками, со стильной резьбой по камню; под ней — каменный колодец, куда, возможно, помещали обвиняемых во время суда. В южной стене дворца находился высокий портал со стрельчатой аркой, также с прекрасной резьбой по камню. Среди построек дворца есть подземное казнохранилище, старинная разрушенная мечеть и так называемый мавзолей дервиша с восьмигранным призматическим куполом.

Сохранилась шахская мечеть, расположенная ниже дворца, с изящным минаретом, с мавзолеем матери и сына Халил-уллаха, с порталом, украшенным резьбой и сталактитами. Эти постройки носят характерные черты азербайджанской архитектуры того периода. Если в архитектурных памятниках Средней Азии (Самарканд, Анау) и Персии (Верамин, Султания), построенных из кирпича, главный эффект заключался в облицовке из блестящей многоцветной глазури, то в памятниках Азербайджана, строившихся из камня, главным украшением была тонкая художественная резьба по камню, хотя наряду с ней применялись и глазурованные изразцы (синяя мечеть в Тебризе).

Крепли торговые связи государства Ак-Койюнлу с западноевропейскими государствами, особенно с Венецией и Генуей. Усиление в XIV—XV вв. Турецкого государства (династия Османов) в Малой Азии и на Балканском полуострове сильно затрудняло караванную торговлю европейских стран с Закавказьем и Персией, особенно после взятия турками Константинополя. Турция стремилась монополизировать эту торговлю. Это повело к переговорам и военному союзу между Ак-Койюнлу и враждебными Турции европейскими государствами. Особен-

---

[1] Абд-ар-рашид Бакуви, в «Notices et extraits de la Bibliothèque du roi», Париж, pp. 509—510.

но тесны были отношения между Узун-Хасаном «белобаранным» и Венецией, которая защищалась от завоеваний османов и помогала Узун-Хасану посылкой огнестрельного оружия. При дворе Узун-Хасана в Тебризе не раз бывали венецианские послы. В дипломатических сношениях Узун-Хасан пользовался помощью своей матери Сара-хатун, едва ли не единственной в то время на Востоке женщины-дипломата.

В XIII—XV вв. Азербайджан посетили с торговыми и дипломатическими целями многие европейские путешественники. Здесь побывал в 1466/67 г. русский (тверской) купец Афанасий Никитин, ездивший в Индию (1466—1472). Описания ряда путешественников, особенно посла кастильского короля ко двору Тимура — Клавихо (1404), венецианцев Барбаро и Контарини являются ценным источником по истории Азербайджана. Клавихо говорит о трудном положении крестьян и невероятно тяжелых повинностях, о постоях чиновников и военных людей в крестьянских домах.

* * *

Дипломаты и купцы ряда стран Западной Европы, понимая экономическое и военно-стратегическое значение Закавказья, стремились укрепить свое влияние в Азербайджане. Еще в первой половине XIV в. в Азербайджане появились католические монахи из Европы. Эти миссионеры вели католическую пропаганду, занимаясь вместе с тем политической разведкой и торговыми операциями. Они добились того, что некоторые из армянских феодалов (князь г. Маку в южном Азербайджане) приняли унию с римско-католической церковью. Был основан монашеский орден армянских доминиканцев-униатов.

Главным очагом католической пропаганды в XIV—XVII вв. был торговый район Нахичевана, где были основаны армяно-католическое епископство (позже архиепископство, 1330—1766) и школа (в монастыре Апаранер). Деятельность католических миссионеров служила агрессивным планам Ватикана.

Европейские купцы устанавливали связи с феодалами Азербайджана, селились на их землях, покупали поместья и даже замки. В 1428 г. генуэзцы помогали дербендскому эмиру построить военный флот для совместных операций на Каспийском море, в частности и для морского разбоя.

Только союз с Русью мог обеспечить Азербайджану возможности дальнейшего экономического и культурного развития, только Русское государство могло помочь азербайджанскому народу в борьбе с захватчиками.

В 1466 г. ширваншах Фаррух-Ясар завязал дипломатические сношения с великим князем московским Иваном III, отправив к нему посла Хасан-бека. В 1474 г. при дворе Узун-Хасана был посол русского великого князя Ивана III.

* * *

В XV в. началось так называемое сефевидское (кызылбашское) движение, приведшее в дальнейшем к уничтожению прежних государственных образований и созданию на их развалинах Сефевидского государства. Это было движение разнородных элементов, недовольных диктатурой верхушки феодально-кочевой знати. Сефевидское движение, в котором руководящую роль играли феодалы и полуфеодальная-полупатриархальная кочевая знать, не было народным движением.

Очагом движения был г. Ардебиль в Южном Азербайджане. Здесь еще при монголах проживал почитаемый дервишами-суфиями (мусульманскими мистиками) «старец» (шейх-мюрид) Сефи-ад-дин Исхак Ардебильский (умер в 1334 г.). Его потомки — Сефевиды — были наследственными шейхами дервишского ордена (тариката), носившего имя Сефевийя, и не были тогда еще шиитами. Сефевиды и их последователи, носившие название мюридов, объявили себя шиитами с конца XIV в., чтобы завоевать сочувствие в народных массах, движения которых нередко происходили под идеологической оболочкой шиизма.

Тогда же Сефевиды, вероятно, и приписали своим предкам происхождение от потомков Али, именно от шиитского имама Мусы-Казима (умер в 799 г.), поскольку в XIII—XV вв. «еретический» шиизм, гонимый господствующим почти во всех мусульманских государствах Передней Азии «правоверным» исламом — суннизмом, был популярен среди народных масс благодаря своему учению о пришествии мессии Махди. Сефевиды еще в XIV в., числясь по традиции шейхами суфийско-дервишского ордена, стали уже феодалами средней руки. В XV в. они превратились во владетелей Ардебиля, а их орден — в подобие духовно-рыцарского ордена.

Во всяком случае в 40-х годах XV в. сефевидский шейх Ибрагим Шейхшах был владетельным князем Ардебиля. Он и его преемники называли себя султанами и раздавали своим вассалам сойюргалы; они владели и Муганью.

Основной опорой Сефевидов были кочевавшие в Азербайджане, частью и за его пределами, азербайджаноязычные кочевые племена разного происхождения: румлу, шамлу, устаджлу, бахарлу, текелю, афшар, каджар, зулькадар и варсак, частью переселенные сюда из Средней Азии при Хулагу-хане или Мираншахе, частью перекоче-

вавшие из Малой Азии (Рума). Эти племена со своими ханами были вассалами Сефевидов и составляли ядро их феодальных ополчений.

Ближайшей целью первых Сефевидов был захват политической власти в Азербайджане и сопредельных районах. Попытки Джеханшаха из династии кара-койюнлу договориться с Сефевидами не имели успеха. Шейх Джунейд двинулся около 1459 г.[1] на север под предлогом распространения оружием ислама «в землях неверных» — в Грузии и среди черкесов. Под предлогом «войны за веру» шейх Джунейд и раньше не раз нападал на черкесов, Грузию и владения Трапезундской империи; на деле эти набеги имели целью захват военной добычи, особенно пленников, которых продавали в рабство на ардебильском невольничьем рынке. В битве с ширваншахом Халил-уллахом, не без основания подозревавшим Джунейда в попытке завладеть Ширваном, на берегу р. Самура шейх Джунейд погиб, множество его «дервишей» было перебито, и только немногие спаслись бегством.

Но движение не было подавлено до конца. Сын и преемник Джунейда шейх Хайдар придал ему более крепкую организацию. Он, между прочим, обязал своих последователей носить чалму с 12 красными полосками в честь 12 шиитских «святых имамов». С тех пор сторонников Сефевидов стали называть «кызылбашами» (азерб.— «красноголовые»). Завоевательные походы Сефевидов расширялись. Хайдар систематически нападал на Грузию и черкесов, угонял полон, продавал пленных в Ардебиле, каждый раз проходя через владения ширваншаха, который, не располагая большими силами, пропускал его воинов с крайней неохотой.

В 1488 г. кызылбаши вступили в Ширван для набега на Дагестан, но ширваншах на этот раз не пропустил их. Тогда они осадили Дербенд. Ширваншаху Фаррух-Ясару (1462—1500) удалось получить помощь от султана Якуба Ак-Койюнлу. Когда ширваншах с войском подошел к Дербенду, кызылбаши отступили в Табасаран (в Дагестане), где потерпели поражение и шейх Хайдар был убит[2]. В южном Азербайджане сын Хайдара, Али, погиб в борьбе с ак-койюнлу, и Ардебиль был оккупирован войсками ак-койюнлу (1495). Однако государство ак-койюнлу было ослаблено борьбой с кызылбашами, междоусобиями в среде кочевой знати и обострением классовых противоречий в результате роста феодальной эксплуатации. Один из государей ак-койюнлу Ахмед, опиравшийся на оседлую знать, пытался найти выход из

[1] По принятой прежде датировке — в 1456 г., по новым данным — не ранее 1459 г.

[2] *Хондемир*, бомбейское литографированное издание персидского текста, т. III, ч. 4, стр. 16—18.

внутренних затруднений, отменив наследственность сойюргалов и уменьшив подати и повинности крестьян (1497) [1]. Но эта попытка вызвала мятеж кочевой знати, в борьбе с которой Ахмед погиб. После этого государство ак-койюнлу было ослаблено новыми междоусобными войнами. Этим воспользовались кызылбаши, снова выступившие в 1499 г. во главе с Исмаилом, сыном шейха Хайдара. На этот раз выступление кызылбашей привело к поражению ширваншаха (1500), разгрому государства ак-койюнлу и утверждению на его месте Сефевидского государства (1502).

7
НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ДО КОНЦА XV В.

В начале XIII в. народы Северного Кавказа подверглись нашествию татаро-монголов. Отсутствие прочной государственности, разрозненность сил, недостаток технических средств обороны не позволили оказать решительное сопротивление, несмотря на героическую борьбу в ряде пунктов: на Северном Кавказе на века установилось тяжелое татаро-монгольское иго.

В 1222 г., после опустошения Грузии и Азербайджана, один из монгольских отрядов прошел через Дербендский проход и Северный Дагестан в степи Северного Кавказа. Проходя через Дагестан, монголы «перебили много лезгин, которые были отчасти мусульмане, отчасти неверные» [2] (в этом известии арабского писателя название «лезгины» означает, очевидно, разноплеменное население Дагестана). При приближении монголов аланы, «народ многочисленный», объединились с кыпчаками-половцами. В битве ни одна сторона не одержала верх. Тогда монголы прибегли к обычной для них хитрости: путем подарков и обещаний уговорили половцев оставить своих союзников, а затем поочередно расправились и с аланами и с половцами, разогнали их и на некоторое время расположились в степях Северного Кавказа [3]. Русский летописец записал, что татары «мнози страны поплениша, Ясы, Обезы и Касоги» [4]. С Северного Кавказа в 1223 г. татары двинулись за половцами, ушедшими в степи между Доном и Днепром, разграбили в Крыму город Судак и после битвы с русскими на р. Калке в приазов-

---

[1] *Хондемир*. Указ. соч., т. III, ч. 4, стр. 21; *Хасан-бек Румлу*. Указ. соч., стр. 19.

[2] *В. Г. Тизенгаузен*. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I, СПб., 1884, стр. 3, 25; т. II, М.— Л., 1941, стр. 32; *Б. Д. Греков* и *А. Ю. Якубовский*. Золотая орда и ее падение. М.— Л., 1950, стр. 50.

[3] *В. Г. Тизенгаузен*. Указ. соч., т. I, стр. 25—26.

[4] ПСРЛ, т. XXV, М.— Л., 1949, стр. 118.

ских степях ушли сначала к Булгарии, на Волге, а затем вернулись в Среднюю Азию.

Во время походов Батыя в Восточную Европу татаро-монголы подчинили своей власти народы Северного Кавказа. В 1236 г. отряд Субедея ходил на «страну асов», в 1237 или 1238 гг. отряды Менгу-хана и Кидана ходили «на черкесов» — тамошний владетель «по имени Тукар» был убит [1]. С образованием Золотой орды Северный Кавказ до Дербенда вошел в состав ее владений [2].

В 1240-е годы Плано-Карпини, перечисляя земли и народы, покоренные татарами, назвал среди них комухов, т. е. жителей Дагестана, алан, или асов, «чиркасов». Однако и в середине и во второй половине XIII в. подчинение северокавказских народов, особенно в горах, далеко не было полным. Тот же Плано-Карпини среди земель, «доселе еще неподчинившихся татарам», назвал и «некую часть аланов». Рассказывает он и об осаде татарами в течение уже 12 лет «одной горы в земле аланов», которые оказали мужественное сопротивление и «убили многих татар и притом вельмож».

Рубрук (1250-е годы) считал, что «Зикия», т. е. земля черкесов, «не повинуется татарам». Говорит он и о том, что аланы в горах еще не покорены и что татары стерегут горные ущелья, чтобы аланы не выходили из гор для похищения стад. Лесги, живущие в горах, по словам Рубрука, также еще не покорены [3]. Проводя политику разжигания распрей между завоеванными народами, золотоордынский хан Менгу-Темир послал весной 1278 г. на войну против «ясов» русских князей, как вассальных ему, и использовал их силы для взятия и разорения «славного» ясского города Дедякова [4].

Северокавказские степи с их богатыми пастбищами привлекали кочевников-татар. Поэтому золотоордынские ханы прибегали к разным средствам, чтобы удержать там свое господство. Так, Плано-Карпини упоминает, что у одного вождя аланов они взяли сына или брата «и не отпустили», т. е. взяли как заложника [5]. Татарские ханы брали аланских вождей к себе на службу, щедро их вознаграждали. Асы служили в гвардии монгольских императоров, некоторые из них занимали ответ-

---

[1] *В. Г. Тизенгаузен*. Указ. соч., т. II, стр. 35.

[2] *Б. Д. Греков* и *А. Ю. Якубовский*. Указ. соч., стр. 61—62.

[3] *Иоанн де Плано-Карпини*. История монголов; *В. де Рубрук*. Путешествие в восточные страны. Перевод А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. 35—36, 42, 66, 88, 169.

[4] ПСРЛ, т. XXV, М.— Л., 1949, стр. 152. Местоположение Дедяково точно не установлено. Предполагают, что он находился в районе г. Дзауджикау. (*Л. П. Семенов*. Из истории г Дзауджикау. 1947).

[5] *Плано-Карпини*. Указ. соч., стр. 34.

ственные посты. С другой стороны, в 1250-е годы, при производстве переписи по всей монгольской империи, по сведениям грузинских летописей, она была произведена и в Кыпчакетии и в Осетии. Татарские ханы посылали отряды из местных жителей на войну, хотя военные предприятия ханов были совершенно чужды местным интересам. Если хан заставил русских князей ходить на Дедяков, то в войске Мамая в 1380 г., по словам русской летописи, были и «черкасы» [1].

В северокавказских степях возникли постоянные татарские поселения. Одно из них находилось в центре Северного Кавказа, на пути к Дарьяльскому проходу, на левом берегу Терека, против современного селения Эльхотово. Это так называемый Татартуп, или Верхний Джулат, где и сейчас сохранились развалины города золотоордынского времени с высоким минаретом. Повидимому, именно этот город упоминается в «Дербенд-намэ» как «город татар» [2]. Крупным золотоордынским городом были Маджары на р. Куме [3].

Нередко в северокавказских степях располагалась на кочевье «орда» и устраивалась ханская ставка. В 1319 г. орда располагалась «за Тереком, под великими горами под Яскими и Черкаскими, у града Титякова на реке Сивице [очевидно, Сунже] близ врат Железных у болвана медяного, у златые главы, у Темиревы богатыревы могилы». В ханских ставках на Северном Кавказе бывали русские князья. В 1318 г. при поездке в орду тверской князь Михаил Ярославич был убит «за рекою Терком на реке на Севенце под городом Тетяковым...»[4]

Из-за кочевьев татар в степях Северного Кавказа местное население было оттеснено в горы.

Население Дагестана сильно страдало от того, что Дербендский проход служил путем для татарских войск. Распри ханов Золотой орды с Хулагидами не раз вели к опустошительным походам через Дагестан, которые нарушали торговые сообщения и мирные занятия местного населения [5].

Исключительно тяжелы были для народов Северного Кавказа войны татарских ханов на территории Кавказа в конце XIV—начале XV в. В 1385 или 1386 г. через Дербенд и Ширван прошел с севера походом на Персию золотоордынский хан Тохтамыш. В 1386—1387 гг. он снова прошел Дербендским проходом для борьбы с ханом Тимуром, занявшим Азербайджан. Борьба между Тимуром и Тохтамышем на территории

---

[1] ПСРЛ, т. XXV, стр. 201.
[2] *Л. П. Семенов.* Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947.
[3] *Б. Д. Греков* и *А. Ю. Якубовский.* Указ. соч., стр. 61, 141, 375.
[4] ПСРЛ, т. XXV, стр. 164.
[5] *Б. Д. Греков* и *А. Ю. Якубовский.* Указ. соч., стр. 75, 76 и сл.

Кавказа возобновилась в 1394—1395 гг. В ответ на поход Тохтамыша через Дербенд 1394 г. весной 1395 г. на Северный Кавказ двинулись полчища Тимура. После Дербенда Тимур вступил в землю кайтаков. Так как они держали сторону Тохтамыша, «Тимур отдал приказание уничтожить и истребить этих неверных». «Из тысячи не спасся ни один, всех ограбили и деревни их сожгли»[1]. При дальнейшем походе Тимур расположился лагерем «в местности Тарки», т. е. уже в земле кумыков. Решительное сражение, в котором Тохтамыш был разбит, произошло на Тереке[2]. Снова полчища Тимура появились на Северном Кавказе в том же 1395 г. уже после набега Тимура на Русь. На этот раз Тимур вторгся в землю черкесов с запада, после разорения Таны (Азова). Черкесы подожгли степь между Кубанью и Таной, чтобы лишить татарское войско конских кормов, но войска Тимура все же вышли на Кубань, а его царевичи и эмиры «ограбили весь улус черкесский». Затем Тимур двинулся в землю асов и разорил их крепость на горе Эльбрус. Войску Тимура досталась «несметная добыча». Жители старались спастись в горы. Войска Тимура преследовали их там, несмотря на трудности горных походов, взяли после осады ряд горных крепостей, неся всюду опустошение. Жителей сбрасывали в пропасти. К зиме войска Тимура вышли в Дагестан. Весной 1396 г., после зимнего похода на Астрахань, Тимур вернулся в Дагестан. Здесь в битве с Тимуром погиб шамхал, пришедший с отрядом из Кази-Кумуха. Всех сопротивлявшихся убивали. Эти жестокости вызвали подчинение Тимуру кази-кумухов, кубачинцев и кайтаков[3].

Победа русских войск на Куликовом поле в 1380 г., дальнейшее укрепление Руси, внутренние междоусобия в Золотой орде повели к ее падению. В XV в. власть золотоордынских ханов на Северном Кавказе ослабела, производительные силы восстанавливались.

Татаро-монгольское нашествие повело к значительным изменениям в расселении на территории Северного Кавказа ряда племен и народностей. К XV в. они заняли в основном те местности, в которых мы знаем их и позднее. Осетины были в значительной части истреблены и оттеснены в горы. Там продолжался начавшийся еще до XIII в. процесс феодализации, шедший в условиях замкнутого натурального хозяйства крайне медленно и осложненный пережитками патриархально-родовых отношений. В Южной Осетии установилось политическое влияние Грузии, которое по временам распространялось и на Северную Осетию.

---

[1] *В. Г. Тизенгаузен.* Указ. соч., т. II, стр. 175 и др.
[2] Там же, стр. 175—178.
[3] Там же, стр. 180—187.

После того как власть Золотой орды в северокавказских степях ослабела, произошло постепенно расселение адыгейских племен на восток. Они заняли как территорию Пятигорья (отсюда название — «пятигорские черкасы» русских источников), так и территорию будущих Большой и Малой Кабарды. Расселение это сопровождалось некоторыми изменениями в хозяйственном быте — большее значение приобрело скотоводство с неполной оседлостью населения [1]. Для характеристики социально-экономических отношений у адыгейцев можно привлечь описание генуэзца Интериано, побывавшего в Черкесии в конце XV в. Пользуясь терминологией западного средневековья, он говорит, что у черкесов-адыге были «знатные», «вассалы», «сервы» и «невольники». Сообщения Интериано, несомненно, преувеличивают степень феодализации адыгейского общества. Так, он ничего не говорит о крестьянах-общинниках (тльфокотль), хорошо известных по позднейшим источникам [2]. Однако, несомненно, процесс феодализации шел. Выделение знати подтверждается и материалами раскопок Белореченского адыгейского курганного могильника XIV—XV вв. [3]

На территории Дагестана продолжалось развитие феодальных отношений в шамхальстве, нусальстве аварском и уцмийстве кайтагском. Как и в предшествующий период, основным видом феодальной ренты была рента продуктами, в частности рента скотом с пастбищных гор [4].

Уже в XV в. обнаружилась новая опасность, которая снова тяжело отразилась на развитии народов Кавказа. Она шла с двух сторон. Образовавшееся в Крыму татарское ханство в последней четверти XV в. попало в вассальную зависимость от Турции. Итальянские колонии, с которыми адыгейские племена поддерживали сношения, были разорены, на их месте возникли турецкие крепости. Началась постоянная война адыгейских племен с турками и татарами. В Персии в XV в. начинается возвышение сефевидских шейхов, подготовившее в дальнейшем агрессию сефевидских шахов в сторону Кавказа и, в частности, Дагестана.

---

[1] *Л. И. Лавров.* Земледелие на Северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. «Материалы по истории земледелия СССР». М., 1952, стр. 207 и сл.; *А. А. Иессен.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 3, М. — Л., 1941, стр. 28—30.

[2] *А. Веселовский.* Несколько географических и этнографических сведений о древней России из рассказов итальянцев. «Записки Русск. геогр. об-ва по отд. этнографии», т. II, СПб., 1869.

[3] См. «Отчеты Археологической комиссии за 1896 г.», СПб., 1898, стр. 2—53.

[4] *А. Бакиханов.* Гюлистан – Иран. Баку, 1926.

* * *

В XIV—XV вв. постепенно восстанавливались культурные и политические связи Руси со странами Кавказа. Русская летопись говорит о разорении, причиненном нашествием татаро-монгольских полчищ народам Кавказа («про сих же слышахом, яко многи страны поплениша: ясы, обезы и косоги...»)[1]. С большой осведомленностью летописец сообщает о «страшном море в восточных странах» в 1346 г. От этого «мора» пострадали обезы, черкесы, армяне, грузины и др.[2] Рассказывает летописец и об опустошительных завоеваниях на Кавказе Тамерлана[3]. В летописном рассказе, повествующем о восьмом вселенском соборе, происходившем в Ферраре и Флоренции (1438—1439) и принявшем решение о соединении православной церкви с католической, особо отмечается поведение иверского (грузинского) митрополита Григория, который не согласился принять унию и покинул собор[4]. Большой интерес представляет сказание о «Вавилонском царстве», древнейшие тексты которого восходят к XV в. Главными действующими лицами сказания являются русский, грек и обежанин (грузин), добывающие царские регалии. Это указывает на то, что на Руси хорошо знали о выдающемся международном положении Грузии[5].

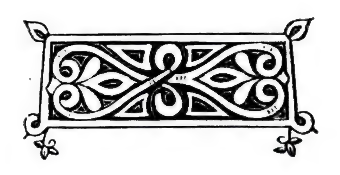
[1] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 87.

[2] Там же, т. X, стр. 217.

[3] Там же, т. XXIV, стр. 161.

[4] Там же, т. VI, стр. 152, 159.

[5] См. *Л. С. Шепелева.* Культурные связи Грузии с Россией в X—XVII веках. «Труды отдела древнерусской литературы Ин-та литературы АН СССР», т. IX, М.—Л., 1953, стр. 297—322; ср. *К. Н. Григорьян.* Из истории русско-армянских культурных связей X—XVII веков. Там же, стр. 323—336.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этот том заканчивается временем образования Русского централизованного государства. С конца XV в. и на протяжении XVI в. происходит укрепление Русского централизованного государства, сложившегося в форме феодальной монархии. Экономическими условиями этого процесса являлись дальнейшее развитие производительных сил, укрепление новой (поместной) формы собственности на землю, рост общественного разделения труда, расширение товарно-денежных отношений, рост городов, развитие товарного производства, обслуживавшего феодализм. XVII столетие является важным этапом в социально-экономической истории России, когда начавшееся слияние небольших местных рынков в один всероссийский рынок определило завершение политической централизации. В. И. Ленин считал начало «нового периода» русской истории примерно с XVII в.

Образование основного ядра государственной территории русской народности завершилось в первой половине XVI в. с ликвидацией независимости Псковской феодальной республики, Рязанского княжества и возвращением Смоленска. В XVI и XVII вв. происходит дальнейший рост Русского централизованного государства как многонационального, включение в его состав народов Поволжья, Прикамья, Сибири и т. д. Роль объединителя национальностей выполняли великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся, сильную, организованную военную дворянскую бюрократию.

Важным этапом в ликвидации пережитков феодальной раздробленности и укреплении аппарата власти Русского централизованного государства были 50—60-е годы XVI в., время внутренних реформ Ивана Грозного. Опричнина Грозного являлась орудием борьбы крепнувшего самодержавия, опиравшегося на дворянство и находившего поддержку в городах, с крупной родовитой боярской аристократией. Опричнина способствовала дальнейшей государственной централизации.

Укрепление аппарата власти централизованного государства было необходимо господствующему классу для удержания в узде непосредственных производителей, эксплуатируемого большинства трудящегося

населения. На протяжении XVI—XVII вв. в новых условиях экономического развития происходило усиление феодального гнета: рост хлебного и денежного оброка, развитие барщины. Господствующий класс землевладельцев, ведя борьбу за рабочие руки для своего хозяйства, стремился к полному лишению крестьян права перехода. Нараставшая классовая борьба вылилась к началу XVII в. в мощную крестьянскую войну под руководством И. И. Болотникова. Ликвидация этой войны имела следствием дальнейшее наступление господствующего класса феодалов-крепостников на зависимое крестьянство и юридическое оформление крепостнических отношений («Соборное уложение» 1649 г.). Ответом на политику дворян-крепостников явилась вторая крестьянская война конца XVII в. под руководством Степана Разина. Обострялась классовая борьба в городах, приведшая к ряду городских восстаний.

К концу XVII—началу XVIII в. наблюдается переход от сословной феодальной монархии к абсолютизму. Эта смена политических форм явилась следствием социально-экономического развития и роста классовой борьбы. К укреплению абсолютной монархии как государства помещиков и нарождавшегося купеческого класса были направлены реформы правительства Петра I. Укрепление это производилось за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры.

С конца XV в. определились основные линии внешней политики Русского централизованного государства: 1) борьба с Польско-Литовским государством за воссоединение исконных русских, белорусских, украинских земель; 2) борьба с Ливонским орденом и другими прибалтийскими странами за свободный доступ к побережью Балтийского моря и включение в состав Русского государства земель, оторванных от него в результате агрессии шведских и немецких феодалов; 3) борьба с татарскими ханствами за безопасность границ Русского государства и возвращение насильственно оторванных территорий. Эти три проблемы определяют содержание внешней политики России на протяжении XVI—XVII вв.

Длительная Ливонская война (1558—1583), которую Россия вела за свободный доступ к Балтийскому морю, привела к разгрому русскими войсками Ливонского ордена, но затем Россия оказалась втянутой в борьбу с коалицией ряда стран: Речью Посполитой, Швецией, Данией. Русские войска в Ливонии находили поддержку со стороны латышского и эстонского крестьянства, боровшегося против гнета немецких феодалов.

В начале XVII в. Речь Посполитая и Швеция перешли к открытой агрессии и интервенции против Русского государства. Героическими усилиями русского народа под руководством Минина и Пожарского

интервенты были изгнаны из нашей страны. Однако некоторые исконные территории Русского государства остались за польскими (Смоленск) и шведскими феодалами (побережье Финского залива) и были возвращены лишь в результате последующих войн.

Освободительное движение украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого в середине XVII в., поддержанное братским русским народом, привело к воссоединению этих двух великих народов в составе Русского государства. Продолжалась борьба России с панской Речью Посполитой и султанской Турцией, закончившаяся лишь в конце XVIII в. В первой четверти XVIII в. многолетней Северной войной завершилась длительная борьба, которую вела Россия за побережье Балтийского моря. Уже в конце XVIII в., после нескольких русско-турецких войн, была ликвидирована опасность со стороны Крымского ханства.

Ведя войны за расширение территории Русского государства, царизм исходил из интересов господствующего класса. Но включение в состав Русского государства ряда нерусских народностей имело и для России и для этих народов объективно прогрессивное значение

Народы Кавказа, ведшие борьбу с турецкими и персидскими агрессорами, находили поддержку со стороны России

В XVI—XVII вв. наблюдается дальнейший рост замечательной русской культуры.

Все отмеченные выше проблемы социально-экономического, политического, культурного развития России составят содержание следующих выпусков «Очерков истсрии СССР».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

---

[1] Принятые сокращения: архиепископ — архиеп.; великий князь — в. кн.; великий хан — в. хан; волжский — волжск.; государственный — гос.; династия — дин.; епископ — еп.; игумен — иг.; император — имп.; князь — кн.; княгиня — кнг.; княжна — кнж.; начальник — нач.; политический — полит.; составитель — сост.; южный — юж.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ [1]

[1] Принятые сокращения: вост.— восток; г.— город, городок; д.— деревня: ж. д.— железная дорога; зап.— запад; нар.— народ, народность и вообще этническое понятие; н. п.—населенный пункт; обл.— область; о-в — остров; оз.— озеро; ок.— около; п-ов — полуостров; р.— река; с.— село; терр.— территория; сев. — север; слав.— славянское; у. — уезд; ул.—улица; ц. — церковь.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ,

ПОМЕЩЕННЫХ В Ч. II «ОЧЕРКОВ ИСТОРИИ СССР»

Стр.

СПИСОК КАРТ,

ПРИЛАГАЕМЫХ К ЧАСТИ II «ОЧЕРКОВ ИСТОРИИ СССР» (В ОСОБОМ ПРИЛОЖЕНИИ)

1. Рост Московского княжества и объединение русских земель с конца XIII в. до 1462 г.
2. Борьба Руси с татаро-монгольским игом с середины XIV в. до 1462 г. (врезка: Куликовская битва 8 сентября 1380 г.).
3. Великое княжество Литовское в XIV—XV вв. (до 1465 г.) (врезка: сражение при Грюнвальде 15 июля 1410 г., общая схема).
4. Средняя Азия и Кавказ с конца XIII в. до конца XV в.
5. Русское государство и его соседи к 1490 г.

Карты составлены И. А. Голубцовым.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографическою экспедициею Академии Наук.
АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою экспедициею.
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в., т. I, М., 1952.
АФЗиХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV —XVI вв., М., 1951.
АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России.
Временник ОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
ГВНиП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М.— Л., 1949.
ДАИ — Дополнения к Актам историческим.
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей — XIV—XVI вв., М.— Л., 1950.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР.
НПК — Новгородские писцовые книги.
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.— Л., 1950.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РИБ — Русская историческая библиотека.
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров,
УЛС — Устюжский летописный свод, М.— Л., 1950.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ВОКРУГ МОСКВЫ И ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

Глава первая

Период феодальной раздробленности. Объединение русских земель вокруг Москвы как основы и инициатора образования Русского централизованного государства

Глава вторая

Образование Русского централизованного государства. Международное положение России

Глава третья

Русская культура и быт XIV—XV вв.

Глава четвертая

Распад Золотой Орды. Народы Поволжья, Приуралья, Крыма, Севера, Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока

Глава пятая

Народы Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Карелии и Молдавии до конца XV в.

Глава шестая

Народы Средней Азии и Кавказа до конца XV в.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *А. А. Зимин*

Технический редактор *А. А. Киселева*

Корректор *Т. А. Савич*

*

РИСО АН СССР № 4679. Т-04855. Издат. № 3189
Тип. заказ № 314. Подп. к печ. 17/VII 1953 г.
Формат бум. 70×108[1]/[16]. Бум. л. 25,37. Уч.-издат.
54,7+4,3 вкл.-59. Печ. л. 69,5+11 вкл. + 5 карт.
Тираж 20000 экз.
Цена по прейскуранту 1952 г. 38 руб. 90 коп.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
21	10 сн.	взял	в России взял
21	17 сн.	а Восто	на Востоке Европе
33	8 св.	XV в.	XVI в.
53	2 сн.	1463	1453
123	10 сн.	Даниила	Дионисия
135	8 св.	Елпати	Елнати
141	17 св.	Вазуге	Вазузе
141	17 св.	Осузе	Осуге
142	17 св.	Бохтоге	Бохтюге
167	17 св.	большей	большой
180	10 сн.	ркуще,	ркуще:
199	3 сн.	властей Ростовской	влестей в Ростовской
206	1 сн.	гл. 6	гл. V
224	7 сн.	Дунае	Доном
366	13 сн.	на все	все на
553	15 св.	н 446	1446
659	11 сн.	1391 г.	В 1391 г.
804	8 св.	XV в.	XVI в.
805	13 св.	новогородских	новгородских

«Очерки истории СССР», ч. 2.

2-я ТИПОГРАФИЯ
Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

КОНТРОЛЕР № 3

При обнаружении недостатков в книге просим возвратить книгу вместе с этим ярлыком для обмена

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

XIV-XV вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР